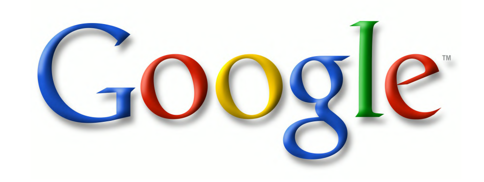
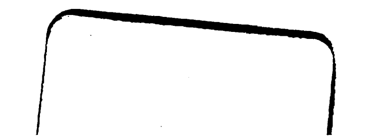

VE RI
TAS

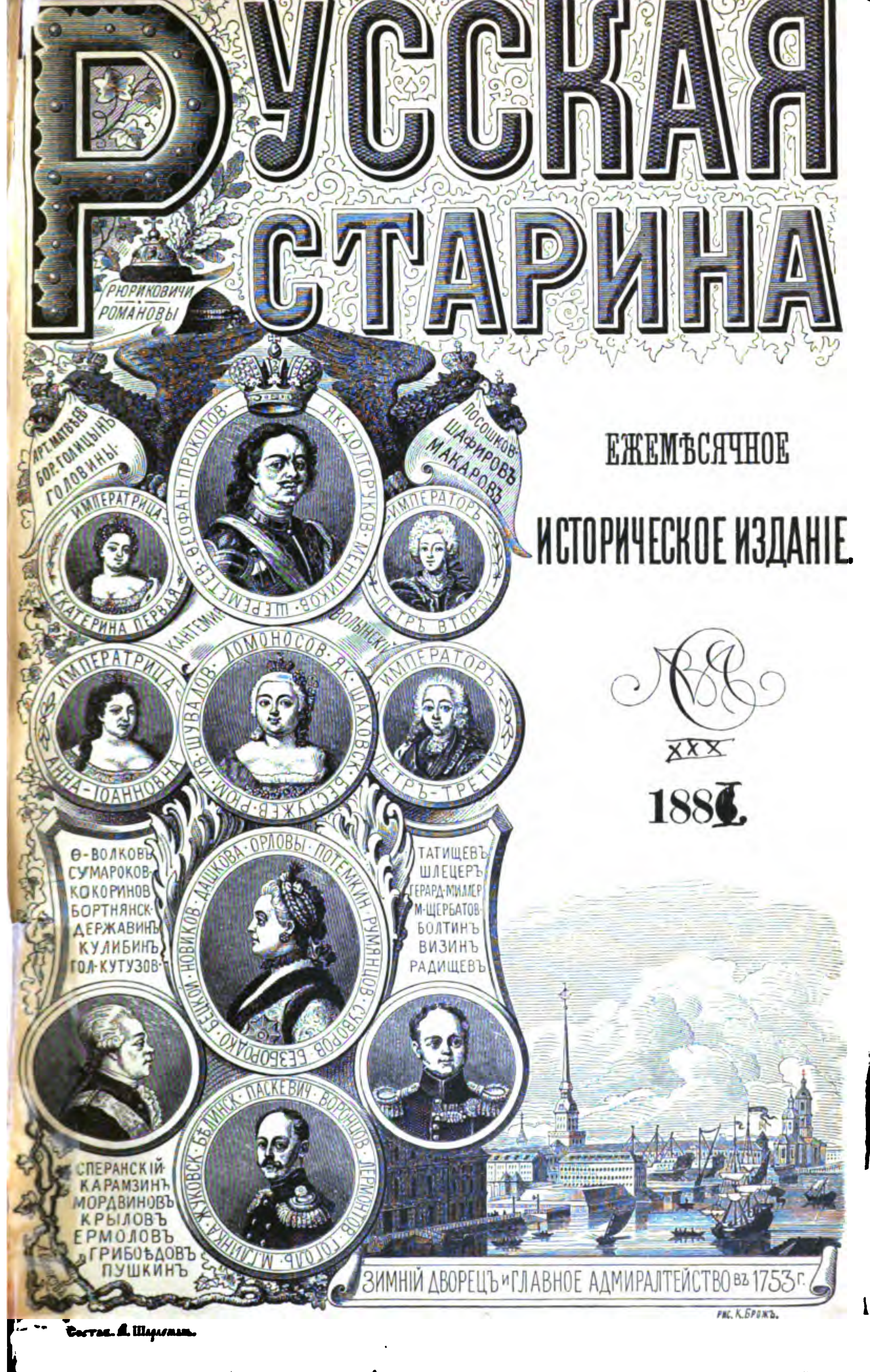
РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ

1881

ГОДЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Состав. [illegible]

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 16 августа 188[illegible] г. Экспедиція заготовленія государственных бу[illegible]

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двѣнадцатый. ЯНВАРЬ. 1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Воспоминанія А. П. Бѣляева о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 года. Главы VIII—IX; 1824—1825 гг. 1

II. **Записки князя Николая Сергѣевича Голицына,** 1825—1855 гг. Глава IV. 27

III. **Записки Сельскаго Священника.** Главы XLIV—XLIX . . . 43

IV. **Война Россіи съ Турціей въ 1829 году.** Историческій очеркъ. Состав. Н. К. Шильдеръ . . 91

V. **Императоръ Николай Павловичъ и графъ Дибичъ-Забалканскій** въ 1829 г. Переписка. . . . 105

VI. **Записка одного изъ прежнихъ губернаторовъ** о различныхъ вопросахъ, относящихся до внутренняго устроенія Россіи: дѣло крестьянское, администрація, судъ, народное образованіе и проч. Съ примѣчаніями Ю. Ѳ. Самарина и отвѣтомъ на «Записку» князя А. И. Васильчикова . . . 131

VII. **Михаилъ Ивановичъ Глинка.** Первоначальный планъ «Жизни за Царя», 1835 г. Сообщ. Л. И. Шестакова, рожденная Глинка, съ примѣчаніями и предисловіемъ В. В. Никольскаго . . 173

VIII. **Историческіе матеріалы:** Проэктъ устава общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія Белля и Ланкастера 1818 г. (181).—«Общество свиней» въ 1824 г. (183).—Доносъ на гр. Мордвинова, Закревскаго, Киселева, кн. А. Голицына, Ермолова и друг. въ 1826 г. (187).—М. Д. Деларю (191).—Къ Запискамъ кн. Н. С. Голицына. Сообщ. С. Палицынъ (192).—Князь М. Д. Горчаковъ. Замѣтки Н. В. Берга (195).

IX. **Лейбъ-гвардіи конный полкъ 14-го** декабря 1825 г. Разсказъ князя Италійскаго, графа А. А. Суворова-Рымникскаго . . . 203

X. **И. Ѳ. Горбуновъ:** шутка-челобитная, поддѣлка подъ языкъ XVII столѣтія 204

XI. **Библіографическій листокъ,** (на оберткѣ). Состав. профес. В. С. Иконниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ **императора Павла Петровича,** геліографическій снимокъ съ гравюры Клаубера, 1797 г. Снимокъ исполненъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія госуд. бумагъ. — II. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича **Семена Порошина,** 1764—1766 гг.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 80—1.

1881.

1-я книга „Русской Старины" вышла 1-го января 1881 г.

Дозорныя и переписныя книги древняго города Ростова. Изданіе А. А. Титова, съ предисл., планомъ древняго Ростова и двумя снимками съ рукоп. XVII в. М. 1880. 67 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Дозорныя книги Ростова относятся къ 1619 г. и свидѣтельствуютъ о бѣдственномъ состояніи города послѣ смутнаго времени. Тяглые люди почти исчезли: одинъ пропалъ безъ вѣсти, другой кормится нищенствомъ, третій убитъ и т. д.; трупы нѣкоторыхъ были съѣдены собаками. Въ тѣхъ же книгахъ можно найти данныя для топографіи города, о повинностяхъ, какія лежали на немъ, какъ, напр., жители Сокольничей слободы доставляли на царскій дворъ по 5 соколовъ въ годъ. Книги окладныя новоприписныхъ тяглецовъ составлены спустя 33 года и свидѣтельствуютъ уже объ увеличеніи города, а въ числѣ пришлецовъ встрѣчаются даже малороссійскіе жители; есть данныя о промыслахъ жителей. Многія фамиліи сохранились до сихъ поръ въ средѣ ростовскаго купечества.

Издатель прилагаетъ списокъ ростовскихъ воеводъ, встрѣчающихся въ документахъ. Свое изданіе онъ посвящетъ любителямъ отечественной исторіи и археологіи, но едва ли онъ не преувеличиваетъ [illegible]ли подобныхъ изданій, полагая, что они должны занимать первое мѣсто въ каждой народной школѣ, дающей мѣстному населенію грамотныхъ людей.

Значеніе крестьянъ въ русскомъ обществѣ во времена Русской Правды и разнообразныя названія, подъ которыми встрѣчаются крестьяне въ XII, XIII, XIV и XV стол. Историко-критич. очеркъ. И. Кальнева, препод. одес. 2-й гимназіи. Одесса, 1879. 33 стр.

Въ началѣ своего очерка авторъ сообщаетъ перечень источниковъ, хотя и не совсѣмъ полный, но достаточный для его задачи, а затѣмъ въ двухъ главахъ разсматриваетъ: 1) кого мы должны разумѣть подъ именемъ крестьянъ въ древней Руси? Сословія на Руси во времена Русской Правды. Свидѣтельство о русскихъ крестьянахъ Псковской судной грамоты; 2) права и обязанности смердовъ, закуповъ [illegible] ней во времена Русской Правды. [illegible] ходѣ изложенія авторъ сообщаетъ [illegible] ученыхъ и оспариваетъ нѣкото[illegible] нихъ или предлагаетъ свое толко[illegible] другихъ, и безъ того ясныхъ н[illegible] мятниковъ, онъ останавливается [illegible] но во всякомъ случаѣ очеркъ ег[illegible] ній въ нашей литературѣ и нуж[illegible] довать, что преподаватель гим[illegible] шелъ время обратиться къ подоб[illegible] ціальному вопросу.

Исторія Серпухова въ с[illegible] Серпуховскимъ княжество[illegible] обще съ отечественною ис[illegible] Сочин. П. Симсона. XII+346 [illegible] 2 план., 4 фото-литогр. и прило[illegible] М 1880. Ц. 2 р. 75 к.

Исторія отдѣльныхъ княжеств[illegible] стей и городовъ еще мало разр[illegible] насъ, хотя въ послѣднее время [illegible] стали появляться подобныя изсл[illegible] описанія. Нѣкоторые старинные [illegible] этой части, вполнѣ добросовѣ[illegible] свое время, требуютъ теперь [illegible] ныхъ дополненій и переработки. [illegible] послѣ появленія подобныхъ ра[illegible] лаются возможными труды по час[illegible] ной исторіи и исторіи русскихъ [illegible] вообще. Недостатокъ ихъ ощущ[illegible] такомъ прекрасномъ и добросо[illegible] изслѣдованіи, какъ сочиненіе г. [illegible] о городахъ. Трудъ, заглавіе ко[illegible] выписали выше, кромѣ общаго [illegible] имѣетъ и частный, касающійс[illegible] Серпухова. На это послѣднее з[illegible] мы и обратимъ вниманіе. Въ I [illegible] торъ воспользовался существую[illegible] теріалами для очерка исторіи [illegible] скаго княжества и города до вре[illegible] ра В., причемъ выясняетъ и [illegible] частныхъ вопросовъ изъ древней [illegible] княжества. Вторая часть посвя[illegible] тренней исторіи Серпухова за [illegible] періодъ. Для представленія со[illegible] рода въ древній періодъ посл[illegible] тору матеріаломъ—сотная или [illegible] ная книга кн. В. С. Фуников[illegible] водившаго перепись посада въ [illegible] въ рукописи, хранящейся въ [illegible] пуховской городской управы. Э[illegible] даетъ автору возможность во[illegible] топографію города и его ок[illegible]

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

Глава VIII [1]).

Плаваніе во Францію и Гибралтаръ.

Обѣдъ.—Испанскіе контрабандисты.—Плимутъ.—Карантинъ.—Обратное плаванье.—Приключеніе въ Рижскомъ заливѣ.—Въ гавани.—Наводненіе въ Спб. 7-го ноября 1824 года.—

Въ Кронштадтъ пришла французская эскадра подъ командою командира ле-Купе. Государь, во время смотра въ Кронштадтѣ, посѣтилъ французскій фрегатъ и ему пришла мысль послать во Францію русскій фрегатъ,—отдать визитъ Франціи. Для этого былъ назначенъ тотъ же фрегатъ «Проворный», который ходилъ съ нами къ Исландіи и, по счастливой случайности, я былъ назначенъ снова на фрегатъ и опять младшимъ офицеромъ. Командиромъ фрегата былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ Ковинъ, старшимъ лейтенантомъ—лейтенантъ Черкасовъ, вторымъ — Мусинъ-Пушкинъ, Лермонтовъ, Миллеръ, Шнейеръ, Бодиско 2-й и я. Сверхъ того на фрегатъ назначенъ былъ лейтенантъ Бестужевъ, въ качествѣ исторіографа, который командовалъ 3-й вахтой. 8-го іюня 1824 г. фрегатъ посѣтилъ государь, а 15-го числа, по полученіи повелѣнія, мы снялись съ якоря. Вѣтеръ благопріятствовалъ плаванію и, пройдя въ виду Эланда и Борнгольма, мы снова бросили якорь на копенгагенскомъ рейдѣ.

Здѣсь въ этотъ разъ мы посѣтили нѣкоторыя публичныя зданія,

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX (сентябрь), стр. 1—42; (декабрь) стр. 823—850.

какъ-то: обсерваторію, библіотеку; гуляли въ саду, принимали посѣтителей и посѣтительницъ и, послѣ 4-хъ дневнаго пребыванія, отплыли въ Зундъ, прошли Категатъ и Скагератъ, гдѣ встрѣтили сильную бурю, такъ что у насъ было сорвано нѣсколько парусовъ. Буря не переставала почти цѣлую недѣлю и мы должны были все это время лавировать между Норвегіей и Ютландіей, которой низменный берегъ по лоціи (книга съ обозначеніемъ береговъ, портовъ и входовъ) требовалъ немедленнаго поворота, какъ только онъ открывался.

Въ одинъ изъ этихъ дней я былъ на вахтѣ, съ полночи до 4-хъ часовъ, и мнѣ слѣдовало снова вступить на вахту съ полудня до 6-ти часовъ. Во время сна я вижу во снѣ, что мы приближаемся къ низменному песчаному берегу Ютландіи и, наконецъ, будто фрегатъ ударился о какое-то твердое тѣло и ударился такъ сильно, что я въ испугѣ проснулся и тутъ увидѣлъ, что это былъ сонъ. Напившись чаю въ каютъ-кампаніи и выкуривъ трубку, я поднялся на палубу и по сонному впечатлѣнію, прежде всего, я взглянулъ на ютландскій берегъ и что же я вижу! Дѣйствительно, берегъ видѣнъ ясно и даже въ отдаленіи обозначалась темная полоса лѣса. Я подхожу къ капитану, который ходилъ по шканцамъ, и говорю ему:

«Кажется, Николай Глѣбовичъ, намъ не слѣдуетъ подходить къ берегу на такое разстояніе, съ котораго онъ видѣнъ ясно».

«Да, не слѣдуетъ», отвѣчалъ онъ.

«А между тѣмъ», говорю я, «видна уже полоса лѣса».

Только что онъ это выслушалъ, тотчасъ пошелъ на подвѣтренную сторону, которую нижній парусъ-гротъ заслонялъ отъ него, и, увидѣвъ дѣйствительно берегъ, сейчасъ же приказалъ вахтенному лейтенанту поворачивать и мы поворотили. Затѣмъ буря утихла и мы, хотя лавируя, но дня черезъ три увидѣли голонерскіе маяки, и затѣмъ англійскій берегъ у Диля, къ которому подойдя, стали на якорь, такъ какъ тутъ мы должны были высадить на берегъ путей сообщенія маіора Каулинга и поручика Менеласа. Каулингъ насъ очень смѣшилъ, одѣвшись въ свою форму путей сообщенія, и надѣвъ шляпу съ султаномъ. Это было очень странно въ англичанинѣ, который, конечно, зналъ, какъ его соотечественники не любятъ мундировъ, особенно военныхъ. Высадивъ ихъ, мы отправились дальше и подъ водительствомъ французскаго лоцмана Прижана, котораго намъ далъ начальникъ французской эскадры, для проведенія фрегата очень опаснымъ, но ближайшимъ проходомъ Дюфуръ. Мы благополучно прошли въ Брестъ, гдѣ, отсалютовавъ крѣпости, стали на якорь; намъ тотчасъ же отвѣчали съ крѣпости равнымъ числомъ выстрѣловъ. Тотчасъ же начались оффиціальныя посѣщенія француз-

скихъ властей и было объявлено, что фрегатъ посѣтитъ военный губернаторъ графъ Гурдонъ, къ которому капитанъ съ Бестужевымъ тотчасъ же отправились съ визитомъ. Потомъ они сдѣлали визиты меру города, капитану надъ портомъ, полковнику линейнаго полка и всѣмъ другимъ значительнымъ лицамъ.

Въ назначенный день пріѣхалъ графъ Гурдонъ, всѣ власти города и много частныхъ лицъ. Графу былъ показанъ весь фрегатъ, который въ теченіи трехъ дней былъ вычищенъ, окрашенъ и принялъ совершенно новый видъ. Чистота палубъ, черныя блестящія орудія, педантическій порядокъ шкиперской каюты, молодецкій видъ команды,—какого не увидишь ни на одномъ иностранномъ военномъ кораблѣ,—стоявшей стройно во фрунтѣ по палубамъ, одѣтой въ бѣлыя широкія брюки и тонкіе гвардейскіе мундиры, (куртки съ погонами) все это, какъ видно было, произвело самое пріятное впечатлѣніе на нашихъ посѣтителей. Когда этотъ оффиціальный визитъ кончился, графа Гурдонъ съ его свитою проводили со всѣми военно-морскими почестями, пушечными выстрѣлами и разставленной по реямъ командой. Затѣмъ начались безпрерывныя посѣщенія фрегата какъ дамами, такъ и мущинами. Мы скоро ознакомились со всѣмъ высшимъ брестскимъ обществомъ, а со многими даже дружески. Каждый день мы были приглашаемы на частные обѣды и вечера. Графъ Гурдонъ, кромѣ того, сдѣлалъ для насъ парадный оффиціальный обѣдъ *со всею* торжественностью. Приглашены были всѣ высшія лица города. Обѣдъ, конечно, былъ роскошный по количеству блюдъ, но очень мало знакомыхъ намъ русскимъ, не бывавшимъ за границей. Хотя французская кухня давно уже господствовала у нѣкоторыхъ нашихъ аристократовъ, но, по бо́льшей части, столъ этотъ у нихъ былъ смѣшанный, а не исключительно французскій. Помнится, что кушанья ставились на столъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ и застольные сосѣди предлагали гостямъ блюда и вина. Торжественный тостъ былъ провозглашенъ за нашего государя, а капитанъ нашъ провозгласилъ тостъ за короля Людовика XVIII-го; но что̀ насъ удивило, такъ это то, что заздравное вино было не шампанское, а Бордо [1]).

Графъ былъ такъ обязателенъ, что предложилъ капитану, на время его пребыванія на берегу, квартиру у себя въ домѣ, который, конечно, былъ огромный. Познакомившись съ семействомъ, мы часто бывали у него, по его желанію, за-просто. Жена его была большая

---

[1]) Вѣдь этому прошло уже болѣе полустолѣтія и можетъ быть теперь все измѣнилось. А. В.

любительница шахматной игры и часто приглашали кого нибудь изъ офицеровъ на партію. Она имѣла претензію быть хорошимъ игрокомъ, но, не смотря на это, ей случилось проиграть одному изъ насъ. лейтенанту Ч., не имѣвшему довольно любезности нарочно проиграть, какъ дѣлали болѣе вѣжливые.

Вечера у нихъ были очень пріятны, общество всегда самое изящное. Утонченная вѣжливость французовъ, ихъ любезное вниманіе не допускали ни малѣйшаго стѣсненія, такъ что если бы кто и хотѣлъ, по застѣнчивости или чувствуя себя не совсѣмъ ловко среди незнакомыхъ пріемовъ и обычаевъ, хоть на минуту уединиться, то ему это никакъ бы не удалось; такъ любезны и предупредительны были французы и француженки высшаго тогдашняго общества. Обыкновенно на вечерахъ, какъ и унасъ, разставлялись столы и садились за карты. Въ то время господствовали игры, по крайней мѣрѣ, у графа, экарте и мако. Капитанъ и другіе офицеры садились играть, а я, неимѣющій никакого понятія объ игрѣ, предпочиталъ бесѣду. Тутъ всегда бывали морскіе офицеры отъ высшаго до низшаго ранга, очень образованные и интересные люди. Чтобы быть морскимъ офицеромъ во Франціи, прежде надо сдѣлать очень много кампаній, а эти кампаніи распространяются на всѣ части свѣта. Къ тому же, въ то время на французскомъ флотѣ не было штурмановъ, какъ у насъ, и всѣ счисленія, астрономическія наблюденія и вся морская ученая часть возлагались на избранныхъ линейныхъ морскихъ офицеровъ, которые завѣдывали и всѣми астрономическими инструментами. Поэтому французскіе офицеры стояли много выше всѣхъ офицеровъ другихъ флотовъ въ научномъ отношеніи. У графа Гурдонъ было двѣ дочери, можетъ быть и больше, но въ обществѣ были двѣ; старшая изъ нихъ была большая музыкантша, и мы, конечно, просили ее играть, что̀ она дѣлала очень любезно, не отговариваясь, и, дѣйствительно, восхищала всѣхъ своею игрою, но я все же замѣтилъ, что младшая Фласія, лѣтъ пятнадцати, была восхитительная красавица, но своею милою робостію и скромностію не походила на француженку аристократку. Впрочемъ она считалась еще ребенкомъ и отправлялась на верхъ въ свои комнаты въ 10-мъ часу. Около полночи и мы отправлялись къ пристани, садились въ катеръ и полные самыхъ пріятныхъ ощущеній отправлялись на фрегатъ. Брестскій рейдъ великолѣпенъ, какъ по обширности своей, такъ и по своему закрытому положенію, очень безопасному для стоянки кораблей. Не смотря, однакожъ, на это, во время наполеоновскихъ войнъ, когда флоты французскій и испанскій стояли на этомъ рейдѣ, англичане успѣли, подкравшись ночью, сдѣлать удачное нападеніе на команду одного изъ кораблей. Между

дружески знакомыми съ нами былъ командиръ 3-го морскаго полка полковникъ Дюри и капитанъ Мингети. Оба они были съ Наполеономъ въ Москвѣ и оба вспоминали о своемъ спасеніи, какъ о чудѣ. Полковникъ, отхваченный казаками, былъ взятъ въ плѣнъ однимъ казакомъ, а другой наскакивалъ на него съ пикой, съ намѣреніемъ заколоть, но взявшій его отбилъ пику и спасъ его. Потомъ передалъ его другимъ плѣннымъ офицерамъ. Этотъ поступокъ не былъ безплоденъ. Полковникъ сохранилъ въ душѣ глубокую признательность къ этому великодушному и доброму казаку и по немъ заключалъ о добротѣ и благородствѣ казаковъ вообще, считая исключеніемъ тѣхъ, о жестокости которыхъ разсказывали его соотечественники. Для него сдѣлано было командѣ на фрегатѣ особенное ученіе морское и ружейное. Люди, поставленные во фронтъ въ киверахъ и во всей формѣ, дѣлали ружейные пріемы, стрѣляли рядами, плутангами и залпами, потомъ, снявши кивера, составивъ ружья, надѣвъ фуражки, тутъ же, по командѣ: «пошелъ по марсамъ» побѣжали по вантамъ и отдали и закрѣпили паруса въ нѣсколько минутъ. Они были удивлены: какъ русскіе достигли того, чтобъ изъ матроса сдѣлать такого славнаго солдата, какъ они видѣли изъ выправки людей во фронтѣ, и въ то же время такого ловкаго матроса. Они говорили, что и во Франціи были попытки соединить эти двѣ службы, но что онѣ рѣшительно не удались. Капитанъ Мингети, когда производилась стрѣльба, пришелъ въ восторгъ и вскричалъ: «такъ-то мы стояли другъ противъ друга подъ Бородинымъ. Ахъ, какъ тамъ было жарко!» Эти два офицера и нѣкоторые морскіе офицеры часто бывали на фрегатѣ, обѣдали у насъ за-просто и восхищались русскими наливками и водицами нашего капитана, который имѣлъ свой домъ въ Петербургѣ, семейство, и котораго жена была, дѣйствительно, замѣчательной хозяйкой. Французамъ такъ понравились эти напитки, что они объявили ихъ выше своихъ ликеровъ. По всему было видно, что они, побывавъ на Руси, вынесли добрыя впечатлѣнія о радушіи русскихъ, ихъ великодушіи и гостепріимствѣ.

Въ свою очередь полковникъ пригласилъ насъ на свое полковое ученье, гдѣ дѣлались разныя построенія. Онѣ дѣлались быстро и правильно, но насъ, привыкшихъ къ шагистикѣ, привыкшихъ, чтобъ ряды двигались какъ стѣна, что бы даже не замѣтно было, что ее составляютъ живыя существа, страннымъ показалась эта свобода, эти движенія французскихъ солдатъ, размахиванія руками и проч. Строили двойное каре, которое называлось «наполеоновскимъ противъ Мамелюковъ». При всѣхъ движеніяхъ играла музыка, очень хорошая, но изъ немногихъ музыкантовъ, что также насъ поражало, такъ какъ

мы привыкли къ огромнымъ полковымъ оркестрамъ; при этомъ ученіи мы также увидѣли, что командиры во Франціи не выбираютъ выраженій при распеканіи офицеровъ; даже вырывались такія слова, которыя у насъ не смѣлъ бы произнести самый деспотическій начальникъ. Впрочемъ, этому не слѣдуетъ удивляться. У насъ, особенно въ гвардіи, служитъ цвѣтъ русской молодежи, бо̀льшею частью, люди богатые, получившіе блистательное воспитаніе, и вообще гордые и щекотливые, и изъ нихъ выходятъ и всѣ высшіе начальники, а къ тому надо прибавить, что императоръ Александръ былъ человѣкъ деликатный въ высшей степени и не терпѣлъ дерзости со стороны высшихъ. Извѣстно, что онъ брата своего, великаго князя Константина, заставилъ просить извиненіе у кавалергардскаго полка за свои дерзости, вслѣдствіе которыхъ всѣ офицеры хотѣли подать въ отставку. Французскіе же офицеры того времени, бо̀льшею частью, были люди средняго сословія. Послѣ ученья полковникъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, познакомилъ со своею женою, очень миленькою француженкой и другими дамами. Жена его, вслушиваясь въ нашу рѣчь, когда мы говорили между собою по-русски, сказала намъ, что она никакъ не ожидала, чтобы русскій языкъ былъ такъ пріятенъ для слуха. Она слышала, вѣроятно, поляковъ, говорившихъ по-русски, но тогда этотъ языкъ ей показался много грубѣе. Ей объяснили, что мы говорили чистымъ русскимъ языкомъ, а поляки, вѣроятно, примѣшивали польскія слова, между которыми есть не совсѣмъ благозвучныя. Послѣ обѣда, очень оживленнаго и вкуснаго, мы возвращались на фрегатъ. На оффиціальномъ обѣдѣ у графа Гурдонъ, который, какъ я уже упомянулъ, онъ дѣлалъ для офицеровъ экипажа, провозглашались различные тосты, выражавшіе пріязненныя отношенія двухъ народовъ. Тогда, конечно, еще не были забыты униженія Франціи послѣ Ватерлоо, ни плѣненіе ихъ героя англичанами, ни его заточеніе; тогда еще много было его горячихъ приверженцевъ, а потому за обѣдомъ, во время дружескихъ изліяній, у французовъ проглядывала страшная ненависть къ Англіи и они безцеремонно выражали намъ, что еслибъ наши флоты соединились вслѣдствіе союза Франціи и Россіи, то скоро бы сокрушили ея гордость съ ея морскимъ могуществомъ. Въ этихъ выраженіяхъ сочувствія къ Россіи, конечно, выражалась одна французская любезность, чтобы пріятно занять чѣмъ нибудь своего застольнаго сосѣда, или, можетъ быть, великодушіе государя нашего при вступленіи въ Парижъ, дѣйствительно, очаровало всѣхъ французовъ и они изъ этого заключили, что нашествіе ихъ и бѣдствія, ими причиненныя Россіи, совершенно изгладились изъ памяти русскихъ. Они вспоминали также о прежней

дружбѣ Наполеона къ нашему государю и думали, что дружба эта могла бы теперь возобновиться, еслибъ Наполеонъ былъ императоромъ и тогда бы гибель была англичанамъ!

Но за то поразительно было тогдашнее невѣжество французскаго общества относительно Россіи, въ чемъ оно не много подвинулось и въ настоящее время. За обѣдомъ у графа Гурдонъ возлѣ меня сидѣла довольно пожилая дама г-жа Жофруа. Между другими разговорами, какъ мы плыли, гдѣ останавливались, находимъ ли мы удовольствіе во Франціи, она съ нѣкоторымъ участіемъ сказала: «послѣ вашего климата, я думаю, вамъ наша жара должна быть нестерпима». Вѣроятно, она принимала всю Россію за Лапландію, да и въ Лапландіи, и въ Камчаткѣ, и въ самыхъ сѣверныхъ широтахъ Сибири лѣто бываетъ очень жаркое. Когда я ей сказалъ, что въ Петербургѣ бываетъ иногда 30 градусовъ тепла и что мы уже тамъ привыкли къ такой жарѣ, какую встрѣтили здѣсь, она повидимому очень была удивлена. Надо не забыть, что эта дама была высшаго круга.

Меръ города также давалъ намъ вечеръ, пригласивъ насъ на пуншъ. Этотъ пуншъ подавали въ рюмкахъ и онъ былъ, дѣйствительно, очень вкусенъ. У дома мера превосходный садъ, который былъ освѣщенъ. Вечеромъ все общество гуляло въ саду и сидѣло на террасѣ при великолѣпномъ лунномъ сіяніи. Прекрасная лунная ночь, милый говоръ дамъ, веселый и остроумный, и вообще все это милое вниманіе хозяевъ дѣлало этотъ вечеръ очень пріятнымъ. Въ отвѣтъ на всѣ угощенія и на все любезное вниманіе и гостепріимство общества Бреста, наши офицеры дали обѣдъ на фрегатѣ всему брестскому обществу. За обѣдомъ было болѣе 70-ти человѣкъ. Шканцы было украшены абордажнымъ оружіемъ и флагами съ вензелями императора и короля. Столъ былъ роскошный; тосты, конечно, съ шампанскимъ, были весьма оживленны; пожеланія и пріязненныя выраженія безконечны, такъ что уже поздно вечеромъ разъѣхались гости, оставаясь еще долго послѣ отъѣзда графа, который при отплытіи былъ провожаемъ пальбою изъ пушекъ, а люди были разставлены по реямъ и кричали «ура».

Прошло болѣе двухъ недѣль, какъ мы пировали и веселились въ Брестѣ, но, наконецъ, снялись съ якоря и сопровождаемые самыми дружескими пожеланіями подняли паруса.

Плаваніе Атлантическимъ океаномъ было очень покойное, иногда вѣтеръ свѣжѣлъ, такъ что брали два рифа, а потомъ опять стихалъ. Дней восемь продолжалось наше плаваніе и 5-го августа, на высотѣ С. Винцента, намъ открылся берегъ Испаніи. Ночью, стоя на

вахтѣ, съ этого берега уже повѣяло на насъ благовоннымъ запахомъ апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ этого благословеннаго климата.

Утромъ вступили въ гибралтарскій проливъ, прошли городъ Тарифу, передъ которымъ стоялъ французскій фрегатъ и бомбардировалъ городъ. Нація, которая, во имя свободы и человѣчества, пролила столько крови и явила міру столько чудовищнаго извращенія разума и всего человѣческаго, теперь съ ожесточеніемъ разстрѣливала возставшихъ за свою свободу испанцевъ и снова поработила страну, только что начавшую возрождаться. Бросивъ якорь на гибралтарскомъ рейдѣ и сдѣлавъ различные оффиціальные визиты, мы осмотрѣли знаменитые гибралтарскіе казематы, высѣченные въ скалѣ, гдѣ по отвѣсной сторонѣ, обращенной къ перешейку, соединяющему материкъ съ мысомъ, а равно и по другой господствующей надъ проливомъ сторонѣ, поставлено 700 пушекъ большаго калибра. Осмотръ этотъ мы дѣлали подъ руководствомъ артилерійскаго капитана, тутъ служащаго, который послѣ осмотра пригласилъ насъ на свою квартиру, помѣщавшуюся въ старинномъ мавританскомъ замкѣ. Замокъ этотъ во время испанскаго владычества служилъ для инквизиціи. Тутъ мы познакомились съ женою его г-ю Томсонъ, которая очаровала насъ своею любезностью и своимъ радушіемъ. Намъ подали завтракъ и тутъ же свѣжія фиги, съ которыми мы не умѣли справиться, такъ какъ не случалось употреблять этотъ плодъ, но она съ улыбкой показала намъ, какъ съ ними обращаться, отдѣливъ своими руками жесткія части. Послѣ завтрака мы просили ее сыграть намъ что нибудь на роялѣ, который стоялъ въ залѣ и она тотчасъ исполнила наше желаніе. По игрѣ ея видно, что это была виртуозка и мы вполнѣ восхищались ея игрою, но когда, по окончаніи музыкальныхъ піесъ, она заиграла намъ русскую музыку, то мы пришли въ восторгъ. Тутъ мы узнали отъ нея, что она проживала въ Ригѣ у ея сестры, гдѣ и познакомилась съ русскою музыкой. Она была въ сѣверной и южной Америкѣ, въ Индіи, въ Африкѣ, почти во всѣхъ частяхъ свѣта. Мужъ ея служилъ прежде на остиндскомъ военномъ кораблѣ и она съ нимъ дѣлала всѣ эти путешествія. Можно себѣ представить, какъ намъ пріятно было общество этой дамы. Кромѣ этого дома, мы бывали у г. капитана надъ портомъ и у нашего консула—это семейные дома. Общество же 43-го линейнаго полка, стоявшаго тутъ гарнизономъ, нѣсколько разъ приглашало насъ на свои обѣды. Это общество состояло болѣе нежели изъ 30 человѣкъ; все это были люди лучшихъ англійскихъ фамилій, младшіе сыновья лордовъ, весьма образованные и пріятные. Всѣ англійскіе оффиціальные обѣды, какъ извѣстно, сопровождаются спичами; штабъ-офицеръ, си-

дящій на хозяйскомъ мѣстѣ, даетъ знать, постучавъ пальцемъ по столу, что онъ желаетъ говорить; водворяется молчаніе и слѣдуетъ привѣтственная рѣчь. Тутъ она произносилась на обще-европейскомъ французскомъ языкѣ. Отвѣчалъ нашъ капитанъ и потомъ Николай Александровичъ Бестужевъ, а однажды, когда капитана нашего что-то задержало и онъ поспѣлъ уже къ половинѣ обѣда, отвѣчать на рѣчь, по желанію нашихъ офицеровъ, долженъ былъ я. При моей застѣнчивости и непривычкѣ, я былъ крайне сконфуженъ, весь пылалъ до самыхъ ушей, но чтобъ не сдѣлать вопіющей невѣжливости и не посрамить молчаніемъ общество своихъ офицеровъ, рѣшился. Краткая рѣчь моя состояла изъ обычныхъ выраженій благодарности за радушный пріемъ, оказанный намъ, какъ военнымъ, такъ и городскимъ обществомъ англичанъ, потомъ коснулся того, что наши народы всегда были въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ почти съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ 1-й англійскій корабль посѣтилъ Россію въ Архангельскѣ; что англійскій великій народъ всегда возбуждалъ глубокое уваженіе къ себѣ народа русскаго, особенно образованнаго класса; свободныя учрежденія сдѣлали его великимъ и мы поднимаемъ бокалъ въ честь Англіи! «Гипъ, гипъ», «ура», было отвѣтомъ на рѣчь, за которою слѣдовало еще нѣсколько, такъ что одушевленіе было неподдѣльное и дружескія заявленія сопровождали весь обѣдъ. Все это было слишкомъ за 30 лѣтъ до крымской войны. Когда сняли со стола скатерть и поставили бутылки и бокалы, разговоры и восклицанія сдѣлались еще громче. Подъ окномъ игралъ оркестръ музыки и когда заиграли маршъ Riego, то энтузіазмъ былъ всеобщій. Въ это время испанской революціи, преслѣдуемые испанскіе инсургенты жили въ лодкахъ на гибралтарскомъ рейдѣ. Лордъ Чатамъ, военный губернаторъ, старшій братъ Пита, не дозволялъ имъ жить на берегу, и многіе изъ офицеровъ и жителей имъ помогали; особенно одинъ полковой докторъ, прекрасная личность, сидѣвшій за столомъ возлѣ меня; онъ зналъ ихъ всѣхъ и доставлялъ имъ различныя пособія. Тутъ въ наше время были Лопецъ Баніесъ, Наварецъ, Еспинова, Мана и Вольдесъ, при насъ прибывшіе въ шлюпкѣ изъ Тарифы, которою онъ защищалъ. Этому милому доктору я былъ обязанъ, что не вполнѣ вышелъ опьянѣвшимъ изъ-за стола. Всѣ сидѣвшіе за столомъ постоянно то одинъ, то другой относились какъ ко мнѣ, такъ ко всѣмъ гостямъ съ словами you, sir, и когда глаза наши встрѣчались, онъ поднималъ бокалъ и говорилъ или по-французски à vous, или по-англійски your health. Я въ простотѣ сердца сначала выпилъ всю рюмку, полагая, что этого требовала учтивость, но когда эти пожеланія здоровья стали повторяться, то я спросилъ доктора, неужели

на всѣ эти тосты я долженъ выпивать всю рюмку? Онъ съ улыбкой сказалъ: «вы бы не встали изъ-за стола, если бъ были такъ вѣжливы—довольно только прихлебнуть».

Надо сказать, что обѣдъ у англійскихъ офицеровъ былъ роскошенъ, какъ по обстановкѣ, такъ и прислугѣ; всѣ офиціанты, которыхъ приходилось на 3—4 куверта по одному, были въ ливреяхъ, вышитыхъ серебряными галунами, въ перчаткахъ, съ бѣлыми салфетками ослѣпительной бѣлизны; подъ окнами въ саду, гдѣ былъ офицерскій залъ, какъ я упомянулъ, играла музыка, которую очень часто заставляли повторять маршъ Pierо, героя, совершившаго переворотъ въ Испаніи и потомъ погибшаго на висѣлицѣ. Этотъ маршъ возбуждалъ страшный восторгъ во всѣхъ англичанахъ, которымъ отъ души вторилъ и я. Тутъ поднимались бокалы въ память безсмертнаго героя и свободы. Къ тому настроенію, которое уже было въ мысляхъ и сердцѣ, все это еще болѣе воспламеняло во мнѣ любовь къ свободѣ и готовность на всякую жертву.

Послѣ обѣда мы всѣ, въ сопровожденіи офицеровъ, отправились въ театръ, гдѣ давали концертъ пріѣзжіе изъ Лиссабона артисты и артистки.

Гибралтаръ представлялъ въ 1824 г. удивительное разнообразіе въ населеніи. Тутъ были турки, мавры, варварійцы, индійцы. Господствующее же населеніе, по числу жителей, были португальцы. Испанцы только привозили на продажу свои произведенія и пріѣзжали контрабандисты, которые скупали здѣсь товары, запрещенные въ Испаніи; эти контрабандисты составляли особый классъ людей: рѣшительные, мужественные, вѣрные въ словѣ, они пріобрѣтали уваженіе, какъ своею честностью въ сдѣлкахъ, такъ и удивительною смѣлостью. Зная въ совершенствѣ мѣстность, они пускались съ товарами въ такіе опасные проходы, куда никто за ними не отваживался гнаться. Одежда испанцевъ, разумѣя національную, очень живописна: круглая соломенная шляпа съ большими полями и кистями, куртка съ наплечниками изъ позумента, большія пуговицы, шелковый широкій поясъ, бархатные панталоны, обшитые золотыми шнурками, застегнутые до верху на крючки, кожанные штиблеты, обхватывающіе тѣсно статную ногу и въ добавокъ эпанча, въ которую они завертываются очень ловко, довершаетъ весь ихъ нарядъ.

Простоявъ четверо сутокъ въ Гибралтарѣ, мы снялись съ якоря, и съ сожалѣніемъ оставили эту южную страну, гдѣ такъ тепло, такъ пріятно, такъ свободно дышится, но все же наша угрюмая, холодная родина съ ея неурядицей, безправіемъ, была милѣе всѣхъ

странъ свѣта, и даже тѣмъ болѣе была мила, чѣмъ болѣе она тогда страдала или, по крайней мѣрѣ, таковы были мои убѣжденія.

Офицеры надавали намъ много писемъ къ своимъ роднымъ въ Англію, зная, что мы идемъ въ Плимутъ, гдѣ обѣщали намъ много удовольствій, что́ по ихъ рекомендаціи, конечно, и было бы, ибо со многими изъ нихъ мы сошлись почти дружески. Къ сожалѣнію, эти ожидаемыя удовольствія не осуществились.

Плаваніе наше продолжалось дней десять, бурь не было, только помню страшную зыбь (волненіе безъ вѣтра) и штиль, что составляетъ одно изъ самыхъ непріятныхъ положеній въ морѣ. Былъ также страшный туманъ, продолжавшійся почти цѣлый день, въ продолженіи котораго безпрестанно звонили въ колоколъ и били барабаны. Наконецъ, подулъ вѣтеръ и мы увидали Лизардскіе маяки на англійскомъ берегу, но, не рѣшаясь ночью идти на рейдъ по одному изъ проходовъ устроеннаго бракъ-ватера (плотина для охраненія рейда отъ южныхъ бурь), мы остались въ дрейфѣ до разсвѣта. На разсвѣтѣ пошли къ Эдинстонскому маяку и потребовали лоцмана, съ которымъ и прошли на рейдъ. Но тутъ подъѣхалъ къ намъ карантинный чиновникъ и объявилъ фрегату 5-ти дневный карантинъ, какъ пришедшему изъ Средиземнаго моря. Пять дней прошли, но карантинъ не снимался, въ ожиданіи разрѣшенія изъ Лондона. Нашъ консулъ въ Лондонѣ писалъ къ командующему фрегатомъ, что повелѣніе послано о нашемъ освобожденіи, но оно еще не приходило. Такимъ образомъ, простоявъ до 30 августа въ этомъ заключеніи, мы разцвѣтились флагами, при многолѣтіи сдѣлали 21 выстрѣлъ, а вечеромъ снялись съ якоря, не побывавъ въ Плимутѣ; это другое уже разочарованіе для насъ; прошлый годъ мы не вошли въ исландскій портъ Рейкіявикъ, по трусости капитана, а теперь посмотрѣли издали на Плимутъ и ушли. Если по причинѣ карантина на фрегатѣ не было посѣтителей, то, по крайней мѣрѣ, мы имѣли удовольствіе видѣть очень многихъ изъ плимутскаго общества на красивыхъ ботикахъ, безпрестанно скользившихъ подъ парусами около насъ. По изящной одеждѣ и наружности мущинъ, между которыми было много моряковъ, и красотѣ дамъ и ихъ костюмовъ видно было, что все общество Плимута, которое, зная о насъ по письмамъ своихъ гибралтарскихъ родныхъ, вѣроятно, интересовалось нами.

Миновавъ Эдинстонскій маякъ, мы плыли каналомъ около полутора сутокъ. Въ тѣ же 36 часовъ, при попутномъ вѣтрѣ, оставивъ Голонерскіе маяки, мы пробѣжали все Нѣмецкое море и на другой день послѣ обѣда увидѣли Ютландію; а затѣмъ Норвегію. Насъ снесло теченіемъ къ югу. Дней черезъ пять, безъ всякихъ приклю-

ченій, стали на якорь въ Копенгагенѣ, гдѣ увидѣли нашу эскадру, пришедшую изъ Архангельска подъ командою капитана 1-го ранга Китаева, который, по слухамъ, дѣлалъ очень выгодныя дѣла въ Копенгагенѣ, продавая русскую тяжеловѣстную мѣдную монету, на вѣсъ, по очень дорогой цѣнѣ.

На кораблѣ ѣхалъ изъ Архангельска презабавный ручной медвѣженокъ, проворно влѣзавшій по вантамъ до салинга, но за то оттуда спускавшійся внизъ тихо и осторожно, показывая ворчаньемъ своимъ, что понимаетъ опасность свалиться съ такой высоты.

Въ Копенгагенѣ, за ожиданіемъ попутнаго вѣтра, простояли 4-ро сутокъ. Конечно, не скучно провели это время, часто посѣщаемые гостями очень пріятными и сами часто съѣзжали на берегъ.

Какъ только вѣтеръ сталъ благопріятенъ, мы отправились. Прошли Борнгольмъ, потомъ Эландъ, Готландъ и направились къ Дагерорду, границѣ Финскаго залива и Балтійскаго моря. Вдругъ послѣ обѣда съ марса даютъ знать, что видѣнъ маякъ; всѣ возрадовались, полагая, что видѣнъ дагерордскій маякъ, но черезъ нѣсколько времени, по наступленіи темноты, убѣдились, что маякъ, нами видѣнный, былъ вертящійся, а такъ какъ дагерордскій маякъ былъ постоянный, то мы сначала думали, что не устроенъ ли вновь маякъ вертящійся, но потомъ разсудили, что этого не могло быть, ибо въ такомъ случаѣ было бы вездѣ публиковано о перемѣнѣ. Потомъ уже изъ лоцій мы увидѣли, что одинъ только вертящійся маякъ на этихъ берегахъ былъ маякъ филзандскій, при входѣ въ Рижскій заливъ. Это показало намъ, какъ много насъ снесло къ югу теченіемъ изъ Ботническаго залива; это могло только произойти отъ того, что все время плаванія Балтійскимъ моремъ, за пасмурной погодой, нельзя было дѣлать обсервацій и точно астрономически опредѣлить свое мѣсто. Положеніе было не хорошо; филзандскій маякъ, по указанію лоціи, опасно было видѣть съ палубы, а мы теперь съ палубы видѣли его ясно. Вѣтеръ совершенно затихъ къ ночи, а теченіе дѣлало свое дѣло, и по лоту, безпрестанно бросаемому, глубина постепенно уменьшалась. Опасность приткнуться къ мели какою нибудь частью фрегата, потомъ обмелѣть совершенно, и за тѣмъ, при наступленіи бури, разбиться, представлялась всѣмъ. Капитанъ созвалъ совѣтъ и рѣшено было бросить якорь, но это было также рисковано, потому что съ положеніемъ якоря, фрегатъ долженъ былъ поворотиться противъ теченія во всю свою длину и могъ кормой уже врѣзаться въ песокъ. При этомъ безвыходномъ положеніи Божественное Провидѣніе спасло насъ. Въ то самое время, какъ совѣтъ находился въ каютъ-кампаніи, вахтенный лейтенантъ послалъ ставить бомъ-брамсели (са-

мые верхніе малые паруса), такъ какъ поверхность моря зарябилась и вѣтерокъ подулъ съ берега; фрегатъ тронулся и мы были спасены. Всѣ перекрестились и вздохнули свободно. Потомъ вѣтеръ засвѣжѣлъ, убрали лисели и даже бомъ-брамсели, и утромъ уже прошли Дагерордъ, а въ 3 часа по полудни бросили якорь на кронштадтскомъ рейдѣ.

Какое наслажденіе послѣ трехъ-мѣсячнаго отсутствія увидѣть родные берега. Вѣтерокъ былъ попутный, такъ что на фрегатѣ водворилось полное спокойствіе; на бакѣ матросы, собравшись въ кучу, пѣли тихимъ голосомъ родныя пѣсни; вода подъ водорѣзомъ бѣлой пѣной струилась по бокамъ фрегата и своимъ журчаньемъ точно вторила ихъ пѣсни; офицеры расхаживали по палубѣ, съ удовольствіемъ посматривая на берегъ; вдали уже выплывали изъ лона водъ верхушки безчисленныхъ мачтъ торговыхъ кораблей кронштадтской гавани. Наконецъ, мы вошли на рейдъ, раздались пушечные выстрѣлы салюта, подтянулись фестонами паруса, упали реи, побѣжали по вантамъ и реямъ и вся эта огромная масса парусовъ на трехъ мачтахъ исчезла въ одно мгновеніе. Затѣмъ упалъ якорь, и фрегатъ, описавъ кругъ, остановился какъ конь у искуснаго всадника. Прощай, морская жизнь, прощай океанъ со своими грозными прелестями и высокими поэтическими наслажденіями! И дѣйствительно, съ океаномъ я прощался навсегда, но воспоминаніе о немъ никогда не изгладится въ душѣ.

Сколько, поистинѣ, красоты въ этой безграничной поверхности его, или изрытой яростными волнами или тихой и гладкой, какъ безконечное зеркало, отражающее безконечное небо, каждое его облачко со всѣми переливами цвѣтовъ и тѣней! Какая красота въ этихъ грозныхъ волнахъ, среди которыхъ какъ бы особенною яростью отмѣчается такъ называемый девятый валъ, когда онъ, приближаясь съ ревомъ, потрясаетъ корабль, высоко вздымаетъ его на своемъ хребтѣ и затѣмъ низвергаетъ въ бездну, какъ въ могилу. Ночь въ океанѣ, это верхъ красоты, хотя и грозной. Она точно грозна. Одну непроницаемую тьму какъ будто проникаетъ глазъ и въ этой тьмѣ мелькающія фосфорическимъ блескомъ бѣлыя вершины валовъ. Одинъ только ихъ ревъ поражаетъ слухъ и никакихъ другихъ звуковъ; развѣ только, изрѣдка, прорѣжетъ этотъ ревъ и мракъ рѣзкій свистокъ боцмана, передающій команду лейтенанта. Человѣкъ сознаетъ вокругъ безчисленныя зіяющія могилы и отъ нихъ отдѣляетъ его одна утлая доска! Но тутъ-то во всей силѣ является величіе Божіе! и «гласъ Его надъ водами многими», какъ

говоритъ святое писаніе; этотъ гласъ Бога слышится здѣсь ясно и тутъ-то, среди этого страшнаго величія, человѣкъ ощущаетъ ту всемогущую руку, которая «морю положила предѣлъ» и которая держа въ своей длани безпредѣльную вселенную, въ благости своей хранитъ надъ этой бездной человѣка, эту ничтожную песчинку его творенія, среди сѣни смертной. Да, но эта разумная песчинка дороже для Него всей громадной вселенной, только Имъ вѣчнымъ разумомъ и для разума сотворенной. Пословица говоритъ: кто въ морѣ не бывалъ, тотъ Богу не маливался.

Эти морскія кампаніи такъ пристрастили насъ къ морю, что мы съ братомъ, желая обширнѣйшей практики, рѣшились вступить на службу въ американскую компанію, которой дана была привилегія имѣть командирами своихъ судовъ офицеровъ императорскаго флота; этимъ офицерамъ во все время этой службы производилось половинное жалованье и считалась служба коронная. Къ тому же, шагистика, которая была намъ не по вкусу, много усиливала нашу рѣшимость. Мы стали хлопотать въ управленіи компаніи и чрезъ рекомендацію нѣкоторыхъ изъ нашихъ друзей, знакомыхъ съ членами управленія, намъ удалось достигнуть цѣли. Насъ приняли на службу, отправляли на счетъ компаніи въ колонію и тамъ намъ поручались въ командованіе компанійскія суда, которыхъ плаваніе продолжалось съ перерывами почти по году. Контрактъ уже былъ заключенъ, намъ назначалось по 5000 рублей ассигнаціи жалованья, такъ что, съ экономіей, мы могли заработать себѣ и своему семейству порядочный капиталъ. Окончивъ тутъ это дѣло, мы подали прошеніе по начальству объ откомандированіи насъ на службу въ американскую компанію, на что̀ нужно было, какъ для офицеровъ гвардейскаго экипажа, рѣшеніе государя. Въ то же время мы подали рапортъ объ отпускѣ на 4 мѣсяца, чтобы проститься съ матушкой и сестрами, не ожидая отказа въ такомъ откомандированіи, которое было общимъ правомъ каждаго морскаго офицера, если компанія имѣла свободное мѣсто и была согласна на опредѣленіе.

Отпускъ нашъ не замедлилъ разрѣшиться и мы стали къ нему готовиться съ особеннымъ восторгомъ.

Братъ мой, 18-ти лѣтъ, уже былъ *Владимірскимъ* кавалеромъ за наводненіе, въ этомъ году 7-го ноября случившееся; сверхъ того онъ сдѣлалъ кампанію на кораблѣ «Эмгейтенъ», отвозившемъ вел. кн. Николая Павловича съ семействомъ въ Ростокъ. Я же въ этомъ году сдѣлалъ кампанію въ Брестъ и Гибралтаръ, слѣдовательно все это вмѣстѣ взятое представляло неистощимый запасъ для разсказовъ и

разговоровъ въ семьѣ, которой счастье и радость мы заранѣе себѣ представляли. Получивъ въ походъ заграничное жалованіе, у насъ скопилась такая сумма, что мы могли обмундироваться какъ слѣдуетъ и сшили себѣ шинели изъ хорошаго сукна, подбитыя левантиномъ,—это была дань современному франтовству. Но прежде еще нашего отъѣзда случилось знаменитое наводненіе 7-го ноября, въ которомъ братъ мой игралъ довольно видную роль, и о которомъ нельзя не упомянуть.

Наводненіе 1824 года 7-го ноября началось въ ночь съ 6-го на 7-е. 6-го числа былъ сильный западный вѣтеръ, который затѣмъ превратился въ страшную бурю, такъ что теченіе Невы остановилось и вода стала заливать берега. Въ вечернемъ приказѣ я былъ назначенъ дежурнымъ по баталіону, а братъ мой дежурнымъ на императорскій катеръ, стоявшій противъ дворца у дворцовой набережной. Когда я шелъ отъ калинкина моста, гдѣ мы жили, въ казармы, по набережной Мойки, то едва не былъ сбитъ съ ногъ силою урагана, такъ что, державшись только за перила изо всей силы, могъ подвигаться. Вода уже била фонтанами изъ всѣхъ водосточныхъ трубъ, заливая улицы и захватывая всѣхъ пѣшеходовъ, которые должны были по водѣ спѣшить къ своимъ домамъ или своимъ должностямъ. Всего болѣе было жаль бѣдныхъ дамъ, захваченныхъ этимъ внезапнымъ разливомъ. По мѣрѣ подъема воды стали показываться по улицамъ лодки и одна изъ нихъ съ флигель-адъютантомъ Германомъ направилась въ наши ворота и этимъ проливомъ пристала къ каменной лѣстницѣ, гдѣ вода стояла уже на 5-й ступени изъ нижняго въ верхній этажъ. На этой лодкѣ отправилось нѣсколько матросовъ съ офицерами для подачи помощи въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ Невѣ вода поднялась уже выше набережной; ураганъ страшно свирѣпѣлъ, волненіе на Невѣ сдѣлалось громаднымъ; плыть внизъ по рѣкѣ уже не было возможности, все несло вверхъ противъ теченія. Когда противъ дворца показалась сѣнная барка, уже вполовину затопленная и люди кричали и просили помощи, Государь, увидѣвъ ихъ изъ окна бѣдствующихъ, послалъ генералъ-адъютанта Бенкендорфа, который въ этотъ день былъ дежурнымъ, приказать катеру снять этихъ несчастныхъ. Генералъ передалъ приказаніе брату моему, командиру катера, который, сѣвъ на казачью лошадь, располагалъ подъѣхать къ катеру, такъ какъ у дворца вода была выше пояса; но когда онъ увидѣлъ, что генералъ тоже располагаетъ направиться къ катеру, то соскочилъ въ воду и они оба по поясъ въ водѣ, страшно холодной, достигли катера и вошли въ него. Барка уже много пода-

лась вверхъ противъ теченія и когда люди были спасены, катеръ поворотилъ ко дворцу, такъ какъ ему приказано было снять только этихъ людей. Но когда 18 человѣкъ силачей гребцовъ начали грести, то катеръ не подавался ни на шагъ. Братъ мой, управлявшій рулемъ, крикомъ поощрялъ гребцовъ навалиться (терминъ морской), но всѣ ихъ усилія были тщетны и когда уже сломалось нѣсколько веселъ и катеръ, не смотря на всю силу 18 могучихъ веселъ, несло вверхъ противъ теченія, братъ доложилъ генералу, что внизъ они уже плыть не могутъ, а надо поворотить по вѣтру и гдѣ будутъ погибающіе, то подать имъ помощь. Генералъ долженъ былъ согласиться съ этимъ доводомъ, не смотря на то, что былъ въ одномъ мундирѣ, также какъ и братъ, и что они промокли до костей. Если они спаслись отъ смертельной простуды, то обязаны были этимъ, конечно, сильному нервному возбужденію и физическимъ усиліямъ при удержаніи катера, когда онъ долженъ былъ останавливаться для снятія погибавшихъ въ разныхъ мѣстахъ. Такъ имъ посчастливилось спасти нѣсколько человѣкъ на сальномъ буянѣ, на петербургской сторонѣ. Не видя уже болѣе утопавшихъ или бывшихъ въ опасности, они рѣшились дать отдохнуть отъ чрезмѣрныхъ усилій матросамъ и дать обсушиться какъ себѣ, такъ и имъ, потому что одежда ихъ была такъ мокра, что какъ будто они сейчасъ только вытащены были изъ глубины. Брызги валовъ, безпрестанно вершинами своими поддававшихъ въ катеръ и обливавшихъ людей съ головы до ногъ, не давали возможности даже бурному вѣтру хоть сколько нибудь просушить ихъ. Они подъѣхали къ одному дому на петербургской сторонѣ, котораго верхній этажъ былъ еще свободенъ отъ затопленія; но какъ входа въ домъ нигдѣ не было, то генералъ разрѣшилъ выбить одно изъ оконъ. Толстую доску, называемую сходней, которая кладется съ катера на берегъ для входа, нѣсколько разъ раскачали матросы и такъ сильно ударили ею въ окно, что обѣ рамы съ трескомъ вылетѣли въ комнату. Квартира эта принадлежала одному очень милому, по отзывамъ брата, семейству, сколько помнится, Огаревыхъ. Они приняли ихъ, конечно, съ большимъ радушіемъ и самымъ нѣжнымъ участіемъ; снабдили сухимъ бѣльемъ, халатами, такъ какъ мундиры ихъ были совершенно мокры, напоили чаемъ съ ромомъ, а также команду и спасенныхъ людей. Къ утру буря стихла и они отправились во дворецъ. Когда генералъ Бенкендорфъ доложилъ государю обо всемъ, что было ими сдѣлано и отозвался съ похвалою о мужествѣ и распорядительности брата, какъ командира катера, Государь приказалъ тотчасъ же надѣть на него

орденъ Владиміра 4-й степени. Братъ, 18 лѣтній юноша, никакъ не хотѣлъ надѣть крестъ, отговариваясь, безъ сомнѣнія отъ искренняго сердца, что ничего не сдѣлалъ достойнаго такой награды, но генералъ сказалъ: «не ваше дѣло, молодой человѣкъ, разсуждать, когда Государю угодно васъ наградить». Помнится, что Бенкендорфъ получилъ табакерку съ портретомъ государя и разсказывали, не знаю правда ли, что ему зачтенъ какой-то значительный казенный долгъ. Когда же братъ вернулся съ караула, съ какимъ восторгомъ я и всѣ товарищи узнали о его подвигѣ и наградѣ, но когда мы со службы пришли домой, то въ квартирѣ своей нашли страшное опустошеніе: мебель, платье, бѣлье, все было почти уничтожено. Не смотря на то, мы посовѣстились записаться въ списокъ пострадавшихъ отъ наводненія, которымъ повелѣно было выдать пособіе, соотвѣтственно потери каждаго. Сколько было несчастныхъ, которые болѣе насъ нуждались въ пособіи отъ казны. Списки составлялись по всѣмъ пострадавшимъ частямъ город›; такъ какъ мы жили у Калинкина моста въ низовьяхъ рѣки, то вода въ нашихъ комнатахъ стояла выше роста человѣка; фортепьяно нашего товарища Бодиско обратилось въ лодку, потому что плавало въ комнатѣ со всѣмъ тѣмъ, что на немъ стояло.

У многихъ домовъ, какъ оказалось утромъ, фундаменты были подмыты и еслибъ это наводненіе продолжилось дня два или три, то можно было ожидать страшнаго паденія многихъ зданій. Бертовскій ароходъ чуть ли не первый и не единственный въ то время, перевозившій пассажировъ въ Кронштадтъ. занесенъ былъ на Царицынъ лугъ и тамъ обмелѣлъ.

На другой день были назначены команды изъ всѣхъ гвардейскихъ полковъ при офицерахъ убирать расплывшіеся лѣса и другой хламъ, занесенный на улицы. Особенно пострадала галерная гавань, гдѣ жители низкихъ домиковъ и подвальныхъ квартиръ сдѣлались первыми и самыми многочисленными жертвами. Грустно было смотрѣть, когда попадались трупы утопленниковъ, а также видѣть несчастныхъ бѣдняковъ, оставшихся въ живыхъ и потерявшихъ все свое скудное имущество. Государь самъ ѣздилъ по всѣмъ наводненнымъ мѣстамъ, утѣшалъ пострадавшихъ, обѣщая имъ помощь и поистинѣ уподоблялся ангелу утѣшителю. Какъ ни клеветала на него злоба людей, но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ его стремленія были возвышенными стремленіями, что сердце его было полно любви къ человѣчеству, а недостатки и слабости, какіе онъ могъ имѣть какъ человѣкъ. и промахи или фальшивыя убѣжденія въ управленіи,—съ избыткомъ искупались прекрасными, высокими качествами его благороднѣйшей души. Онъ умеръ

въ вѣрѣ, съ покаяніемъ и любовью къ Господу, приложивъ къ сердцу животворящій крестъ Господень.

Я не говорю уже о его очаровательномъ и мягкомъ обращеніи со всѣми: когда онъ увидѣлъ моего брата съ командой матросовъ на работахъ, онъ съ улыбкою спросилъ, сейчасъ-же узнавъ его: «а почему ты безъ креста?» Братъ, растерявшись отъ неожиданной встрѣчи и вопроса, отвѣчалъ: «не успѣлъ надѣть, ваше величество!» На работы съ командою офицеры выходили въ старыхъ мундирахъ и запросто, не ожидая встрѣтиться лицемъ къ лицу съ государемъ.

Глава IX.

Второй отпускъ.

Дорога.—„Ямы".—Свиданіе съ родными.—Новый годъ.—Новое увлеченіе.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Плаваніе.—Адмиралъ Кроунъ.—Стоянка въ Ревелѣ.—Прогулки.—Кронштадтъ.—Смотръ.—Прощанье съ адмираломъ Кроуномъ.—Окончаніе кампаніи.—

Усѣвшись въ перекладную, рогоженную и дырявую кибитку, мы проѣхали заставу. Отвязанный колокольчикъ зазвенѣлъ, оглашая своими переливами снѣжную равнину и какъ это былъ уже поздній вечеръ, то эти однообразные звуки невольно навѣвали на насъ сонъ, перепутанный пріятными мечтами. Мы были въ старыхъ шинеляхъ и какъ въ щели кибитки проникалъ вѣтеръ и въ то же время былъ сильный морозъ, то, конечно, сонъ нашъ не былъ ни сладокъ, ни покоенъ и мы очень обрадовались, когда ямщикъ погналъ тройку и вдругъ остановился у станціи. На станціи въ освѣщенной и теплой комнатѣ мы увидѣли нашего товарища мичмана Дейера, очень красиваго и милаго юношу, который на слѣдующее лѣто былъ назначенъ въ дальнее плаваніе, гдѣ и кончилъ свою молодую жизнь, убитый въ Японіи, которая тогда еще не была тѣмъ, чѣмъ она стала нынѣ. Помню, что когда онъ увидѣлъ насъ прозябшими, то передалъ намъ свой опытъ выпить стаканъ или два пива передъ тѣмъ, какъ сѣсть въ кибитку; мы это сдѣлали и дѣйствительно болѣе половины станціи не чувствовали холода.

Въ тѣ времена по дорогѣ между Петербургомъ и Москвой тянулись большія селенія, называемыя ямами, жители которыхъ занима-

лись извозомъ и гоньбою, помимо почтоваго сообщенія. Это былъ ихъ промыселъ, доставлявшій имъ отличный заработокъ, такъ что всѣ ямы были очень богаты. Они имѣли превосходныхъ крѣпкихъ лошадей и дѣлали станціи по 60 верстъ, передавая одинъ другому до самаго мѣста. Ѣзда ихъ была чрезвычайно скорая, потому что они обыкновенно ѣзжали большою крупною рысью, и какъ пробѣгали три станціи вмѣсто одной почтовой, то всегда почти доставляли на мѣсто раньше почтовыхъ. Мы имѣли подорожную и потому ѣхали на почтовыхъ, но какъ часто случалось на станціяхъ ждать лошадей, то въ такомъ случаѣ мы брали вольныхъ. Ѣзда на вольныхъ нѣсколько тяжела, по причинѣ большихъ переѣздовъ, что при сильныхъ морозахъ и не очень теплой одеждѣ было не совсѣмъ удобно; почтовыя же станціи были небольшія, лошади превосходныя и ямщики лихіе. Когда тройка бывало проносилась во весь духъ по селенію, всѣ окна приподнимались любопытными и выставлялись женскія лица.

Когда мы пріѣхали въ Новгородъ и расположились пить чай, къ намъ зашелъ за прогонами ямщикъ высокаго роста и весьма угрюмой наружности, такъ что мы съ братомъ переглянулись. На этой станціи большая часть дороги шла лѣсами. На половинѣ дороги мы увидѣли, что изъ лѣсу съ правой стороны вышло три человѣка и прямо подошли къ нашей повозкѣ, съ которой нашъ ямщикъ соскочилъ, пустивъ лошадей шагомъ, а самъ позади повозки пошелъ съ ними. Не знаю, очемъ они разговаривали, но мы, конечно, нѣсколько оробѣли, бывъ увѣрены, что это разбойники. Вытащивъ изъ подъ сидѣнья свои пистолеты, мы приготовились защищаться въ случаѣ нападенія, но чтобы не подать вида, что мы боимся ихъ, приказали ямщику ѣхать; онъ отвѣчалъ: «пусть лошади вздохнутъ, ваше благородіе, маленько!» Спустя еще нѣсколько минутъ, мы уже повелительнымъ голосомъ закричали ему, чтобы онъ ѣхалъ. Тогда онъ сѣлъ на облучекъ и въ то же время съ нимъ рядомъ помѣстился одинъ изъ подошедшихъ, другой прицѣпился сзади, а третій сталъ на отводы и ямщикъ поѣхалъ хорошею рысью. Мы, конечно, все это время были въ тревогѣ, держа пистолеты съ взведенными курками. Наконецъ, мы выѣхали изъ лѣсу и передъ нами лежалъ Волховъ. Можетъ быть это была наша фантазія, что и вѣроятно, но мы подумали, что они хотятъ опустить насъ въ прорубь, когда справятся съ нами. Приблизившись къ мосту, мы съ радостью увидѣли въѣзжавшую на мостъ большую повозку, которой лошади не могли взять по деревянному помосту, ведущему на мостъ. Мы также остановились и нашъ ямщикъ, какъ и всѣ мы, стали помогать лошадямъ. Въ то время его товарищи

уже исчезли; когда они соскочили—мы не замѣтили. Нагнанный нами былъ гвардейскаго драгунскаго полка штабсъ-капитанъ Мельгуновъ. Теперь уже мы продолжали свой путь вмѣстѣ съ нимъ.

Помнится, что въ Москвѣ мы остановились на гороховомъ полѣ въ домѣ гр. Разумовскаго, у одного изъ уполномоченныхъ по дѣламъ графа, съ которымъ я былъ знакомъ черезъ И. М. Ф., и который бывалъ часто у матушки въ Ершовѣ.

Пробывъ здѣсь очень короткое время, мы выѣхали изъ Москвы и безъ особенныхъ приключеній проѣхали почти всю дорогу; только за нѣсколько станцій съ нами случилось очень непріятное происшествіе, не столько непріятное для насъ, сколько для бѣднаго ямщика. На одномъ переѣздѣ ямщикъ вздумалъ сократить станцію, своротивши на кратчайшій путь, при чемъ нужно было переѣзжать небольшую рѣчку. При наступившей оттепели, ледъ въ рѣчкѣ былъ уже довольно тонокъ, но русское авось заставило его попробовать счастье. Только что въѣхали мы на середину рѣчки, какъ лошадь провалилась; легкія сани опустились очень мало и мы успѣли выскочить на ледъ, который насъ сдержалъ, но уже лошади погрузились по шею и не могли двигаться. Несчастный молодой парень, погруженный по поясъ въ зимнюю воду, съ воплемъ отчаянія сталъ отпрягать лошадей; но руки у него окоченѣли и онъ не могъ ничего сдѣлать. Его плачь и вопль раздирали сердце. Мы съ братомъ съ большою опасностью перебрались по трещавшему подъ ногами льду и отправились въ ближайшую деревню за помощью. Хотя это было около полночи, но разбуженные крестьяне немедленно отправились съ досками и веревками и кой-какъ спасли лошадей и ямщика. Бѣднякъ съ плачемъ и воемъ отправился на печь, и если впослѣдствіи не схватилъ горячки, то развѣ только благодаря своей русской желѣзной натурѣ. Въ Ершово мы и этотъ разъ пріѣхали ночью. Двери уже были заперты, но когда мы постучались и назвали себя, то человѣкъ нашъ Петръ, спавшій въ прихожей, засуетился и прежде нежели отворить намъ дверь и зажечь свѣчку, побѣжалъ въ дѣвичью, чтобы разбудить матушку и сестеръ. Онѣ вскочили съ постелей въ кофточкахъ и въ темнотѣ, ощупью, начались наши восторженныя объятія; когда же подали свѣчи, то объятія и поцѣлуи нѣжной, счастливой семьи возобновились съ новою силою. Да, подобныхъ минутъ счастія немного приходится на долю людей. Часто, конечно, случаются свиданія, разлуки, объятія и лобызанія, но не очень часто въ сжатыхъ объятіяхъ бьется сердце съ такою нѣжною любовью, съ какою оно билось во всѣхъ насъ, особенно сердце нѣжнѣйшей ма-

тери, обнимавшей своихъ двухъ сыновей, тогда еще бывшихъ ея отрадой, опорой, гордостью, отъ которыхъ она ожидала долгаго и долгаго счастья и утѣшенія! Но увы! ея ожиданія не должны были исполниться.

Когда въ Васильевкѣ узнали о нашемъ пріѣздѣ, то тотчасъ же присланъ былъ нарочный съ письмомъ, въ которомъ поздравляли матушку и сестеръ съ нашимъ пріѣздомъ и въ то же время звали всѣхъ насъ пріѣхать погостить къ нимъ. Въ эту нашу поѣздку случилась помолвка Надежды Васильевны, той самой, которая была предметомъ моей первой юношеской любви. Она была обручена съ отставнымъ гвардейскимъ офицеромъ М., служившимъ въ Варшавѣ, въ волынскомъ полку, и вышедшимъ въ отставку вслѣдствіе какой-то грубой выходки со стороны в. к. Константина Павловича. Это былъ человѣкъ очень умный, образованный и очень пріятный, съ которымъ впослѣдствіи мы сошлись дружески. По случаю этого сватовства, въ Васильевкѣ были безпрестанно гости, безпрерывныя удовольствія и танцы почти каждый вечеръ и особенно на новый 1825 годъ. Теперь, конечно, уже не было той счастливой случайности, которая доставила мнѣ въ первый мой отпускъ столько счастливыхъ восторженныхъ минутъ. Конечно, я впрочемъ и тогда, при всемъ увлеченіи, сознавалъ, что юношѣ въ 17 лѣтъ только и можетъ быть доступна одна восторженная, безкорыстная и идеальная любовь, которой все упоеніе состоитъ въ томъ, чтобы любоваться милымъ предметомъ, услаждаться звуками его голоса, очарованіемъ чудныхъ черныхъ глазъ, граціей движеній и невыразимою прелестью симпатично-дружескаго общенія, и только. Слѣдовательно, когда первая моя любовь теперь перешла въ область пріятныхъ воспоминаній и сердечныхъ пожеланій предмету перваго моего увлеченія всевозможнаго счастія, позволительно было увлечься снова, что и случилось. Тутъ была очень юная и прелестная блондинка, ея двоюродная сестра, Е. А. Н., которая была, поистинѣ, очаровательна и теперь должна была занять всецѣло мое сердце, нетерпѣвшее пустоты. Поэтому при теперешнихъ танцахъ я очень много танцовалъ съ нею и особенно котильонъ, танецъ наиболѣе благопріятный для влюбленнаго. Я долженъ сознаться, что уже былъ дѣйствительно влюбленъ. Въ свое оправданіе скажу, что я почти не могъ не влюбиться, потому что ея прелестныя черты лица, голубые, какъ небо, глаза, чудныя каштановыя кудри, благовонными волнами падавшія по плечамъ, все это было неотразимо увлекательно. Можетъ быть, эта любовь могла бы остаться надолго, навсегда, такъ какъ уже четыре

года прибавились къ моимъ прежнимъ годамъ и такъ какъ я мечталъ, что можетъ быть какое нибудь симпатическое чувство задѣло бы и ея юное прекрасное сердце, но увы! среди упоенія счастія, когда пробила полночь, раздались поздравленія съ новымъ годомъ, съ новымъ счастіемъ, зазвенѣли бокалы съ шампанскимъ, раздались поцѣлуи родныхъ, друзей, цѣлованіе прелестныхъ ручекъ,—новый этотъ годъ былъ годъ роковой, для многихъ сокрушившій не только мечты о счастіи, но и самое счастье повергшій во прахъ!

Братъ былъ моложе меня тремя годами, а потому и предметомъ его была избрана очаровательная младшая дочь Василія Александровича, но ей тогда едва еще было 15 лѣтъ. Итакъ эта зима, какъ нарочно, была для насъ тѣмъ счастливѣе и радостнѣе, чѣмъ большему удару она была таинственной предвѣстницей.

Послѣ праздниковъ мы уѣхали домой и ожидали утвержденія Государя, чтобъ отправиться въ Америку, какъ я уже упоминалъ прежде; но вотъ получается бумага изъ нашей канцеляріи, въ которой читаемъ отказъ на наше прошеніе подъ тѣмъ предлогомъ, что объ офицерахъ гвардейскаго экипажа нельзя представлять государю императору. Это извѣстіе было для насъ роковымъ, но нечего было дѣлать, какъ покориться. Мечты объ океанѣ, о возможности пріобрѣсть что нибудь для себя и матери разлетѣлись, осталась одна дѣйствительность очень неутѣшительная, дѣйствительность, отъ которой мы и хотѣли бѣжать въ объятія океана, чтобъ не видѣть всего того, что возмущало и раздражало; но тутъ какая то неодолимая сила влекла насъ именно туда, въ ту пучину, которая должна была поглотить насъ.

Кто имѣлъ нѣжную, добродѣтельную, любимую и любящую безпредѣльно мать, милыхъ, юныхъ, нѣжныхъ, также безпредѣльно любимыхъ и любящихъ сестеръ, кто попадалъ въ этотъ очаровательный кругъ счастья и радостей послѣ многихъ лѣтъ разлуки, тотъ знаетъ съ какою неумолимою быстротою летятъ эти часы, дни, мѣсяцы, унося въ этой быстротѣ все то, что сердце желало бы сохранить вѣчно! Не есть ли и это указаніе на то, что земная наша жизнь только по законамъ вещества временна, а назначеніе нашей внутренней жизни, нашихъ желаній счастья, нашей любви,—вѣчны! По этому-то и предѣлъ или конецъ нашихъ сердечныхъ радостей и наслажденій наступилъ такъ быстро, что эти четыре мѣсяца отпуска уже казались какимъ-то мгновеніемъ, какимъ-то пріятнымъ сновидѣніемъ. Тѣ же драгоцѣнныя, жемчужныя слезы стали заблаговременно скатываться по грустному лицу чудной матери и милыхъ сес-

теръ, тѣ же приготовленія къ отъѣзду и наконецъ тѣ же сани, въ которыя мы бросились спартански, удерживая свои слезы, и тѣ же лошади, умчавшія насъ, но теперь уже не съ тѣмъ, чтобы сѣдоки ихъ когда нибудь снова вернулись въ этотъ родной пріютъ, чудною любовью согрѣтый и освѣщенный.

По возвращеніи въ Петербургъ, жизнь наша снова потекла своимъ обычнымъ теченіемъ. Во Франціи Лудовикъ XVIII умеръ, на престолъ взошелъ его братъ герцогъ Ангулемскій, тотъ самый, который командовалъ французскимъ корпусомъ, поработившимъ Испанію. Это былъ недолго царствовавшій Карлъ X, о которомъ французы сказали и всѣ мы, либералы, повторяли каламбуръ «Louis mourut et Charles disparut». Послѣ нашего плаванія въ Испанію, гдѣ мы видѣли подвижниковъ испанской свободы, гдѣ сошлись, съ свободолюбивыми англичанами, гдѣ слушали маршъ Piego и съ восторгомъ поднимались бокалы въ его память, мы, конечно, сдѣлались еще бóльшими энтузіастами свободы. Съ поступленіемъ въ нашу 2-ю дивизію командиромъ в. к. Михаила Павловича, шагистика стала принимать еще бóльшіе размѣры, что еще больше раздражало насъ всѣхъ.

Весною 1825-го года нашъ экипажъ былъ назначенъ на флагманскій корабль «Сысой Великій» въ эскадрѣ адмирала Кроуна. Адмиралъ былъ очень хорошо расположенъ къ нашимъ офицерамъ, и каждый день двое или трое изъ насъ были приглашаемы къ его обѣду. Обѣды эти были всегда очень одушевлены живыми разговорами и тостами, которые всегда предлагалъ самъ адмиралъ. Первымъ тостомъ былъ добрый путь, затѣмъ присутствующіе и отсутствующіе «други», какъ онъ выражался; затѣмъ здоровье глазъ, плѣнившихъ насъ; здоровье того, кто любитъ кого и прочіе. Во всѣхъ этихъ здоровьяхъ портвейнъ игралъ главную роль. Къ концу обѣда графины были пусты и часто подавались слѣдующіе, особенно когда обѣдъ былъ болѣе оживленъ. Это былъ чудный, милый, добрѣйшій адмиралъ, истинный морякъ во всѣхъ своихъ суставахъ съ ногъ до головы. Не смотря на свои 70 лѣтъ, ему ничего не значило взбѣжать на салингъ, на самую верхнюю часть мачты, когда нужно ему было обозрѣть горизонтъ или какія нибудь суда и тогда за нимъ на горденькѣ (тонкая веревка) поднималась труба. Онъ былъ очень пылокъ и сильно горячился, когда что нибудь не такъ дѣлалось въ маневрахъ. Однажды, во время сильной бури, матросы нѣсколько замялись, когда скомандовано было по марсамъ для уборки парусовъ; онъ страшно разгорячился и перваго попавшагося ему на глаза

офицера послалъ на марсъ, показать примѣръ командѣ, которая послѣ, конечно, была наказана сугубымъ, повтореннымъ много разъ ученьемъ, надъ парусами. Офицеръ этотъ былъ мой братъ. Послѣ многихъ недѣль плаванія, эволюцій и маневровъ, съ артиллерійскими ученьями и примѣрными сраженіями, при одномъ изъ которыхъ одному несчастному канониру оторвало банникомъ обѣ руки, адмиралъ подалъ сигналъ рандеву-Ревель. Вся эскадра отправилась въ Ревель и стала на якорь въ линію. Онъ располагалъ пробыть здѣсь для отдыха недѣли двѣ.

Въ Ревелѣ мы надѣялись насладиться всѣми возможными удовольствіями. Въ это же время въ Ревелѣ на водахъ была княгиня Екатерина Өедоровна Долгорукова, мать князя Василія Васильевича, съ дочерьми, молодыми дѣвочками, Марьей и Варварой Васильевнами; впослѣдствіи старшая М. В. была супругой А. К. Нарышкина, а вторая—князя Владиміра Андреевича Долгорукова, московскаго генералъ-губернатора. При нихъ была М-de Parisot, ихъ воспитательница, о которой я уже упоминалъ. Съ ними также была жившая тогда у княгини Е. М. Арг. очень милая, умная дѣвица, съ прекрасными черными глазами, очень хорошенькая, такъ что это милое и столь близкое намъ, почти родственное, общество сулило намъ много пріятнаго. Сестры наши уже были у матушки въ Ершовѣ, а княгиня заграницей.

Въ Ревелѣ, на берегу моря, былъ устроенъ воксалъ, гдѣ каждый вечеръ собиралось большое общество и гдѣ офицеры эскадры танцовали почти каждый вечеръ, подъ звуки рояля и арфы. Другой музыки не было, да и едва ли обыкновенная инструментальная музыка могла бы замѣнить очаровательные звуки рояля съ арфой. Во время нашей стоянки на рейдѣ Ревеля, случилась страшная буря, такъ что всѣ корабли спустили свои рангоуты (верхнія части мачтъ) и на нашемъ кораблѣ даже сломало бурей форъ-стеньгу. По этому случаю я на катерѣ посланъ былъ на берегъ для приведенія запасной, которую отпустили мнѣ изъ порта. Эта буря не обошлась безъ бѣдствій; но около Ревеля о большихъ несчастіяхъ не было слышно.

Буря все же не мѣшала офицерамъ каждый день съѣзжать на берегъ, и, навеселившись и натанцовавшись вдоволь, ночью возвращаться на корабль. Эти возвращенія наши по бурному морю, конечно, не были безопасны, но моряки объ этихъ опасностяхъ думаютъ меньше всего. Однажды ночью, во время такого возвращенія, попутные намъ порывы были такъ сильны, что для избѣжанія заливанія

шлюпки, съ кормы врывавшимися волнами, былъ спущенъ парусъ. Съ нами возвращался на корабль нашъ старшій докторъ Гольсшузенъ, который, хотя и былъ морскимъ докторомъ, но все же не былъ пропитанъ моремъ до костей, какъ моряки, уже посвятившіе себя этой службѣ. Онъ насъ крѣпко смѣшилъ движеніями своей робости, хотя и было чему пугаться не моряку. Приводя въ полвѣтра, когда нужно было пристать къ борту, катеръ нашъ черпнулъ бортомъ, но тотчасъ же отданы шкоты, (веревка, растягивающая парусъ) и опасность миновала.

Въ это время въ воксалѣ мы часто видѣлись съ бывшими здѣсь на водахъ: поэтомъ княземъ П. А. Вяземскимъ, Пущинымъ, командующимъ гвардейскимъ піонернымъ эскадрономъ и офицеромъ измайловскаго полка А. П. Башуцкимъ, сыномъ петербургскаго коменданта. Мы доставляли себѣ, кромѣ воксала и танцевъ, и другія удовольствія; ѣздили верхомъ по прелестнымъ окресностямъ Ревеля, часто гуляли въ прелестномъ Екатериненталѣ. Но, къ сожалѣнію, удовольствія наши скоро должны были прерваться. Пушечный, неожиданно раздавшійся выстрѣлъ и поднятый сигналъ приглашалъ всѣхъ бывшихъ на берегу съ эскадры возвратиться на корабли. Прислано было высочайшее повелѣніе немедленно сняться съ якоря и идти въ Кронштадтъ для высочайшаго смотра. На другой день мы снялись съ якоря. Но прежде этого повелѣнія адмиралъ давалъ балъ ревельскому обществу, которое было довольно многочисленно. Со шканцъ были сняты пушки и все было убрано съ большимъ вкусомъ, такъ что шканцы представляли просторный залъ. Нашъ адмиралъ танцовалъ экосезъ, тогда общій танецъ, неутомимо, всегда, конечно, въ первой парѣ, и выдѣлывалъ всевозможныя тогдашнія па. Плаваніе въ Кронштадтъ продолжалось не долго, но было очень пріятно прибавленіемъ нашего общества тремя петербургскими пассажирами: княземъ Вяземскимъ, Пущинымъ и Башуцкимъ. Знаменитый поэтъ былъ очарователенъ какъ собесѣдникъ; пріятный, остроумный, веселый онъ оживлялъ наши вахты и нашу каютъ-кампанію; говорилъ намъ много своихъ стиховъ, между которами были и очень либеральныя, согласно нашему вообще всеобщему тогдашнему настроенію. Послѣ смотра мы опять ушли въ море, но уже не заходили никуда и осенью возвратились въ Кронштадтъ, втянулись въ гавань и отправились въ Петербургъ. Но прежде нашего отправленія офицеры корабля давали обѣдъ адмиралу, гдѣ было выпито много шампанскаго, было произнесено множество тостовъ и восторженныхъ овацій доброму адмиралу.

Могло ли кому придти въ голову тогда, что эти самые его офицеры будутъ привезены на этотъ же самый корабль, къ этому же милому ихъ адмиралу, и привезены въ тюремномъ суднѣ, для исполненія имъ самимъ надъ ними приговора!

А. П. Бѣляевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

1825—1855 гг.

IV [1]).

Походъ части гвардіи въ Москву на коронацію.—Коронація, празднества и обратный походъ гвардіи въ Петербургъ.

1826 г.

Послѣ погребенія тѣла покойнаго императора Александра Павловича, дѣятельно продолжались уже до того начавшіяся приготовленія къ походу части гвардіи въ Москву, на коронацію императора Николая Павловича. Для этого назначены были 1-е баталіоны полковъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, 1-е дивизіоны полковъ 1-й кирасирской дивизіи (кавалергардскаго, л.-г. коннаго, л.-г. кирасирскаго Его Величества и лейбъ-кирасирскаго Ея Величества) и легкой гвардейской кавалерійской дивизіи (л.-г. драгунскаго, уланскаго, гусарскаго и конноегерскаго), л.-г. саперный баталіонъ, гвардейскій экипажъ, л.-г. конно-піонерный эскадронъ, дивизіонъ л.-г. казачьяго полка, старшія батарейныя батареи л.-г. 1-й и 2-й артиллерійскихъ бригадъ и л.-г. конной артиллеріи батарейная батарея и легкая № 1, всего 10 баталіоновъ, 19 эскадроновъ и 4 батареи (32 орудія), всѣ въ полномъ комплектѣ людей, около 10,000 ч. пѣхоты, 2,350 ч. кавалеріи и 400 ч. артиллеріи, всего около 13,000 ч. Они, въ общемъ составѣ своемъ, получили названіе «Московскаго отряда гвардейскаго корпуса», подъ начальствомъ в. к.

---

[1] См. „Русская Старина“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890.

Михаила Павловича. Начальникомъ штаба былъ назначенъ командиръ л.-г. сапернаго баталіона, флигель-адъютантъ полковникъ Геруа, оберъ-квартирмейстеромъ—гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ 2-й (пріѣхавшій позже въ Москву изъ-заграницы), а дежурнымъ штабъ-офицеромъ флигель-адъютантъ полковникъ Кокошкинъ. Частными начальниками были назначены: баталіоновъ 1-й дивизіи—г.-а. Исленьевъ, 2-й – г.- а. Мартыновъ, дивизіоновъ дивизій: 1-й кирасирской г.-а. Орловъ, легкой кавалерійской—г.-а. Чичеринъ, а артиллеріи—г.-а. Сухозанетъ.

Сверхъ Московскаго отряда гвардейскаго корпуса, въ Москву на коронацію назначены были весь гренадерскій корпусъ, квартировавшій въ Новгородской губерніи, и 1-я уланская дивизія г.-л. князя Хилкова, квартировавшая въ Тверской губерніи. Гвардія, гренадеры и уланы имѣли составить «сводный гвардейскій и гренадерскій корпусъ», надъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи графа Петра Александровича Толстаго; начальникомъ штаба этого корпуса былъ назначенъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, г.-а. Нейдгартъ, а оберъ-квартирмейстеромъ—флигель-адъютантъ полковникъ князь Андрей Михайловичъ Голицынъ 1-й.

Мнѣ, съ штабсъ-капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба Жемчужниковымъ, назначено было ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ впереди головныхъ эшелоновъ гвардейскихъ: легкой кавалеріи и кирасировъ, съ конною артиллеріей, для составленія на каждомъ этапѣ, назначенномъ для ночлега или дневки, въ раіонѣ его, дислокацій и квартирныхъ росписаній на тѣсныхъ квартирахъ. Послѣ первыхъ трехъ мѣсяцовъ моихъ служебныхъ занятій по части генеральнаго штаба, въ Петербургѣ, это былъ первый походъ мой въ Россіи, въ мирное время, и первая практика моя въ составленіи походныхъ квартирныхъ росписаній. А первымъ и отличнымъ наставникомъ и руководителемъ моимъ въ этомъ былъ, къ счастію для меня, Жемчужниковъ, знающій и опытный офицеръ, весьма искусный въ съемкѣ и черченіи ситуаціи, и сверхъ того прекрасный товарищъ и пріятный спутникъ. Я уже и прежде въ Петербургѣ сблизился съ нимъ, а въ этомъ походѣ еще болѣе и надолго потомъ сдружился съ нимъ. Я отправился съ нимъ изъ Петербурга 31 марта, на 5-й недѣлѣ великаго поста, въ данной мнѣ родителями моими 2-хъ мѣстной колясКѣ, на почтовыхъ лошадяхъ. При насъ были два, его и мой, служителя и топографъ гвардейскаго штаба. Московское шоссе въ это время было уже почти совершенно докончено на всемъ пути, только нѣкоторые мосты еще достроивались и около нихъ были устроены

временные, объѣздные. Но для прослѣдованія войскъ, двора и Петербургскихъ властей, вездѣ на шоссе дѣятельно производились окончательныя работы. Жемчужниковъ и я останавливались и ночевали на каждомъ этапѣ, назначенномъ для ночлега или дневки войскъ, и при содѣйствіи уѣздныхъ полицій и городскихъ или сельскихъ властей, составляли дислокаціи и квартирныя росписанія, съ приложеніемъ небольшихъ квартирныхъ карточекъ, въ 2-хъ экземплярахъ, одинъ—для хлѣбопековъ и квартиргеровъ, а другой—для мѣстныхъ властей, которымъ и сдавали оба подъ росписки. Затѣмъ мы отправлялись на слѣдующій этапъ, гдѣ дѣлали тоже самое, и такъ далѣе до Москвы. Но въ городахъ, въ которыхъ были назначены дневки, мы оставались и по 2—3 дня: такъ, первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, 18 апрѣля, мы провели въ Валдаѣ; въ Торжкѣ видѣли проѣздъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ каретѣ, съ ея лейбъ-гусарами на козлахъ и запяткахъ, и съ ея свитой въ экипажахъ позади, въ сопровожденіи почетнаго конвоя отъ квартировавшаго въ городѣ 1-го полка 1-й уланской дивизіи—Владимірскаго. Командиръ его, полковникъ Дохтуровъ (сынъ генерала 1812 года), и жена его были знакомы съ моими родителями, и я съ Жемчужниковымъ были и обѣдали у нихъ. Точно также въ Твери мы представлялись г.-л. князю Хилкову и обѣдали у него, который и жена его также были коротко знакомы съ моими родителями. Наконецъ, 7 мая, на 38-й день послѣ отъѣзда изъ Петербурга, мы пріѣхали въ Москву, совершивъ, въ прекрасную весеннюю погоду, съ ясными и теплыми днями, по новому отличному шоссе, пріятнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ путешествіе. По прибытіи въ Москву, я остановился въ бывшемъ до 1822 г. домѣ моего отца, въ Газетномъ переулкѣ, между Петровкой и Никитской, позади Большаго театра, а съ 1822 г. принадлежавшемъ уже женѣ старшаго брата моего; Жемчужниковъ же помѣстился въ недальнемъ оттуда разстояніи на Тверской, близь дома военнаго генералъ-губернатора (генерала-отъ-кавалеріи князя Дмитрія Владиміровича Голицына), въ большомъ домѣ Демидова, назначенномъ для помѣщенія штаба Московскаго отряда гвардейскаго корпуса и всѣхъ чиновъ его. Въ домѣ, гдѣ я остановился, помѣстились также двое старшихъ братьевъ моихъ, прибывшихъ съ батареями л.-г. конной-артиллеріи, старшій братъ мой съ своею женою и семейство гр. С. В. С—ой. Мы, трое младшихъ братьевъ, заняли тѣ самые покои въ верхнемъ этажѣ, въ которыхъ жили до отъѣзда нашего въ Петербургъ и опредѣленія въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ.

Въ теченіи мая всѣ войска Московскаго отряда гвардейскаго кор-

пуса вступили въ Москву и были расквартированы въ разныхъ частяхъ ея, въ казармахъ, или по обывательскимъ домамъ. Съ прибытіемъ ихъ начались: съ ихъ стороны — гарнизонная служба и учебныя занятія, а со стороны штаба ихъ — штабныя занятія и служба, тѣ и другія—какъ въ Петербургѣ. Я ходилъ въ штабъ въ домѣ Демидова, большею частію на дежурство, такъ какъ штатной должности не имѣлъ; начальниками же отдѣленій квартирмейстерской части были тѣ же, что и въ Петербургѣ, Чевкинъ и Траскинъ, (но съ августа Чевкинъ уже поступилъ въ канцелярію Дибича и послѣ коронаціи отправился съ нимъ въ Тифлисъ, по случаю войны съ Персіей; Траскинъ же сталъ завѣдывать обоими отдѣленіями). Штабъ нашъ занималъ весь бель-этажъ дома Демидова, изъ одной большой залы, одной комнаты 4-хъ отдѣленій дежурства и кабинета начальника штаба, всѣ окнами на Тверскую. Траскинъ имѣлъ квартиру на противуположномъ концѣ залы, а всѣ прочіе чины штаба (кромѣ меня) занимали квартиры въ 3-мъ этажѣ, окнами на Тверскую и на дворъ. Изъ нихъ, на квартирѣ Жемчужникова и поручика гвард. генер. штаба Ивана Өедоровича Веймарна 2-го (впослѣдствіи начальника штаба гвардейскаго корпуса) ежедневно собирались почти всѣ офицеры гвард. генер. штаба и квартирмейстерской части, состоявшіе какъ при императорской главной квартирѣ, такъ и при штабахъ своднаго корпуса и гвардейскаго отряда. Тутъ я впервые ознакомился съ весьма многими, собравшимися въ Москвѣ, представителями тогдашняго генеральнаго штаба нашего, происходившими (за исключеніемъ Веймарна, Чевкина, Траскина и меня) изъ «одного и того же гнѣзда»—Московскаго - Муравьевскаго и потомъ Петербургскаго училища колонновожатыхъ. Поэтому между ними былъ общій товарищескій духъ (esprit de corps), притомъ очень благородный и самостоятельный. Всѣ они были изъ хорошихъ дворянскихъ фамилій, люди благовоспитанные и образованные, и хорошіе, знающіе и опытные офицеры генеральнаго штаба, особенно искусные въ съемкѣ, черченіи и картографіи. Изъ числа ихъ назову гвард. генер. штаба штабсъ-капитана Павла Алексѣевича Тучкова (пріятеля Жемчужникова и моего), поручика Кожевникова (остряка, шутника и забавника всего генеральнаго штаба) и подпоручика Искрицкаго (также очень остроумнаго). Когда они собирались, то это была, подлинно, «превеселая компанія» и въ обществѣ ихъ время проходило очень пріятно.

Государь, обѣ императрицы, прочіе члены императорской фамиліи и чины двора прибыли (не помню котораго именно числа іюня) въ Петровскій дворецъ, на шоссе близъ Тверской заставы, гдѣ и

оставались до торжественнаго въѣзда въ Москву 25 іюля (см. ниже). Въ то же время въ Москву собирались многіе иностранные принцы, постоянный дипломатическій корпусъ при русскомъ дворѣ, чрезвычайные, по случаю коронаціи, послы и посланники иностранныхъ правительствъ, съ многочисленными при нихъ чинами ихъ посольствъ, представители русскихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, и множество иностранцовъ со всей Европы и русскихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Въ іюнѣ вся Москва, какъ ни обширна, уже переполнилась ими и представляла съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оживленное зрѣлище. Самые большіе и лучшіе барскіе дома въ ней уже заблаговременно были наняты иностранными чрезвычайными послами, особенно великобританскимъ богатымъ лордомъ Девонширомъ и французскимъ маршаломъ Мармонтомъ, герцогомъ Рагузскимъ, (изъ которыхъ перваго, по увѣренію шутниковъ, особенно изъ гвардіи, московскіе барыни будто бы называли герцогомъ «Дебоширомъ», а втораго «герцогомъ сиракузскимъ»). И въ этихъ домахъ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ барскихъ, дѣлались уже огромныя и роскошныя приготовленія къ празднествамъ коронаціи.

Надо сказать, что весна и особенно лѣто 1826 г. были очень жаркія, лѣто даже знойное и съ частыми, нерѣдко очень сильными грозами. Въ эти-то жары, въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, войска своднаго корпуса производили постепенно, по порядку, и свои домашнія, частныя, и, въ высочайшемъ присутствіи государя, малыя и большія линейныя ученья, бо́льшею частью на Ходынскомъ полѣ, при сильнѣйшей отъ засухи пыли. Въ этихъ ученьяхъ принимали участіе, по обязанности, и офицеры генеральнаго штаба, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ (въ томъ числѣ и меня) два раза, въ іюнѣ и іюлѣ, посылали на глазомѣрную съемку окрестностей Москвы, для предполагавшихся маневровъ. Меня, съ нѣкоторыми другими, сначала посылали на Дмитровскую, дорогу, а потомъ на Калужскую. Будучи неопытенъ въ производствѣ глазомѣрной съемки, первую я произвелъ неудовлетворительно, но вторую успѣшнѣе и лучше. Съемка эта была для меня тѣмъ труднѣе, что я жилъ одинъ въ деревнѣ моего раіона и не имѣлъ опытнаго наставника и руководителя. Помню только, что мнѣ впервые на съемкѣ пришлось пѣшкомъ расхаживать по полямъ, подъ нестерпимымъ зноемъ, и часто бывать застигнутымъ ливнями и даже грозами и возвращаться промокшимъ до костей. А въ доказательство, какія въ то лѣто бывали страшныя грозы, приведу въ примѣръ одну изъ нихъ, случившуюся, по счастію, когда я былъ не въ полѣ, а дома, на квартирѣ, въ той деревнѣ, гдѣ стоялъ съ бывшимъ при мнѣ служителемъ. Среди дня все небо обложилось густыми и черными

тучами, висѣвшими надъ головою такъ низко, что, казалось, можно было достать ихъ рукою. Разразилась сильнѣйшая гроза, съ безпрестанными и одновременными: ослѣплявшею молніей и оглушавшимъ громомъ. Чтобы не имѣть на себѣ ничего металлическаго и не оставаться въ тѣсной избушкѣ, я снялъ съ себя всю одежду и сталъ расхаживать подъ навѣсомъ крестьянскаго двора, гдѣ жилъ. Признаться сказать, гроза была такъ сильна и жестока, что я не совсѣмъ хладнокровно разгуливалъ подъ навѣсомъ. Но вотъ гроза стала удаляться справа на лѣво, какъ вдругъ вѣтеръ перемѣнился и она снова пошла слѣва на право и съ тою же силою, и это чуть-ли не до трехъ разъ! Есть страстные охотники любоваться грозами, даже на открытымъ воздухѣ; но я, вовсе не принадлежавъ къ ихъ числу, провелъ подъ навѣсомъ очень некрасивые часа два, пока гроза не утихла совершенно. Чтожъ было бы со мною, еслибы она застигла меня среди поля! Изъ двухъ бѣдъ меньшее есть лучшее—и я счелъ себя счастливымъ, что былъ въ это время дома, подъ навѣсомъ. А про ливень, сопровождавшій эту страшную грозу, и говорить нечего: это была сплошная стѣна воды, извергавшаяся, какъ водопадъ, изъ черныхъ тучъ! Такой грозы и такого ливня я никогда, ни прежде, ни потомъ, не видывалъ! Эта гроза и другія подобныя ей, бывшія въ то же лѣто, много бѣдъ надѣлали въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. И такимъ образомъ, начавъ мою службу «очень холодно», я въ томъ же году продолжалъ ее уже «слишкомъ тепло».

До въѣзда государя 25-го іюля, въ Москву, въ іюнѣ и іюлѣ вообще занятія войскъ гвардіи были совершенно того же рода и въ томъ же порядкѣ, что и въ Петербургѣ,—на Ходынскомъ полѣ, очень рано—въ 6 и даже 5 часовъ—по причинѣ сильныхъ жаровъ, и въ страшной пыли, отъ которой, какъ и отъ жары, можно было задохнуться. Я, по обязанности, присутствовалъ на всѣхъ большихъ ученьяхъ верхомъ на лошади, а такъ какъ верховыя лошади наши—насъ троихъ братьевъ—находились при батареяхъ л. г. конной артиллеріи, квартировавшихъ у Прѣсненскихъ прудовъ, близъ Тверской заставы и Ходынскаго поля, то мы, трое братьевъ, и отправлялись туда за часъ или и болѣе изъ дому, отъ котораго нужно было проѣхать черезъ весь городъ. По пріѣздѣ нашемъ, мы уже находили лошадей нашихъ осѣдланными, и братья мои выступали съ своими батареями на Ходынское поле, а я отправлялся туда же къ войскамъ—«состоять при» томъ, либо другомъ изъ двухъ оберъ-квартирмейстеровъ князей Голицыныхъ. Послѣ 2-хъ-3-хъ часовъ ученій, часамъ къ 8-ми они оканчивались и мы, трое братьевъ, тѣмъ же порядкомъ, но только истомленные жаромъ и скачкой и покрытые пылью, возвращались домой.

переодѣвались, умывались, пили чай и заваливались спать. Остальное время дня, если оно было свободно отъ служебныхъ обязанностей, мы проводили въ посѣщеніи родныхъ и знакомыхъ, на обѣдахъ, вечерахъ или въ театрахъ, на русскихъ, французскихъ, итальянскихъ или балетныхъ представленіяхъ, въ большомъ театрѣ, (который къ 1826 г. былъ совершенно возстановленъ и возобновленъ, и балетная труппа была многочисленная и отличная). Каждый день была «масляница» и пиръ горой, такъ что гвардейскіе офицеры и братья мои нерѣдко съ баловъ прямо отправлялись на раннія утреннія ученья. Но я не имѣлъ особенной склонности и охоты къ свѣтскимъ увеселеніямъ, а ограничивался лишь посѣщеніемъ родныхъ и знакомыхъ, обѣдами у нихъ или по сосѣдству, на Кузнецкомъ мосту, во французскомъ ресторанѣ Яра, пользовавшемся особенною извѣстностью по своему отличному столу и усердно посѣщаемомъ гвардейскими офицерами. Вечера же я большею частью проводилъ либо въ театрѣ, либо дома. Такого рода препровожденіе времени въ іюнѣ и іюлѣ, раздѣляемое между ученьями войскъ, служебными занятіями въ штабѣ и посѣщеніями родныхъ, знакомыхъ и театровъ, для меня два раза разнообразилось съемками въ окрестностяхъ Москвы, недѣли по двѣ на каждой, какъ сказано было выше. Но все это было, такъ сказать, только введеніемъ къ торжествамъ коронаціи, а самое горячее время наступило въ половинѣ іюля, когда начались приготовленія къ торжественному въѣзду государя въ Москву, послѣ чего вся придворная и военная дѣятельность уже сосредоточилась преимущественно въ Кремлѣ.

Задолго до дня въѣзда, въ обоихъ штабахъ дѣлались приготовленія къ размѣщенію войскъ отъ Петровскаго дворца и Тверской заставы до Кремля и дворцовъ въ немъ. Офицеры же генеральнаго штаба (въ томъ числѣ и я) нѣсколько разъ разставляли на всемъ пути примѣрно, а въ самый день въѣзда, 25 іюля, окончательно, линейныхъ унтеръ-офицеровъ. Когда же войска заняли свои мѣста, то я, верхомъ, находился при тѣхъ, которыя были расположены отъ Петровскаго дворца до Тверской заставы, именно: 1-й уланской дивизіи князя Хилкова, по правую, отъ дворца къ заставѣ, сторону шоссе. Поэтому я видѣлъ всю процессію, отъ начала до конца, отлично, и когда она вся прослѣдовала, я поѣхалъ вслѣдъ за заднимъ кавалерійскимъ конвоемъ, среди густой пыли, по всей Тверской, но до Кремля не ѣздилъ, а свернулъ отъ нашего штаба на Тверской домой. Поэтому я не былъ свидѣтелемъ того, что происходило при въѣздѣ въ Кремль и въ самомъ Кремлѣ, но, сколько помню, государь и императрицы останавливались у часовни Иверской иконы

Божіей Матери и прикладывались къ этой иконѣ, но входили-ли въ Кремлевскіе соборы—не знаю.

Послѣ того, въ слѣдующіе дни, на разводной площадкѣ передъ Чудовымъ монастыремъ и дворцомъ возлѣ него, гдѣ имѣли пребываніе государь и императрицы, ежедневно происходили разводы отъ гвардейской пѣхоты, въ присутствіи государя, иностранныхъ принцовъ и пословъ, свиты ихъ и большаго числа генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ. Разъ въ Кремлѣ, на площади, былъ также церковный парадъ гвардіи, съ молебствіемъ, въ какой день и по какому случаю—не помню, но въ памяти моей остался одинъ забавный случай на этомъ парадѣ. Въ то самое время, когда служилось молебствіе и, среди величайшей тишины, слышалось только церковное пѣніе, нашъ небольшой кружокъ офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба: Чевкинъ, Траскинъ, я и др., съ княземъ М. М. Голицынымъ 2-мъ въ главѣ, всѣ верхомъ на лошадяхъ, стояли между войскъ нѣсколько поодаль и не на виду. Вдругъ—на сосѣдней Спасской башнѣ боевые часы начали протяжно бить 12 часовъ, и съ каждымъ ударомъ колокола ихъ, бѣлый конь Чевкина, съ изогнутой шеей, поднималъ правую переднюю ногу и билъ ею, въ тактъ съ колоколомъ, о мостовую! Всѣмъ намъ это показалось очень забавнымъ, а князь М. М. Голицынъ, большой охотникъ пошутить, еще болѣе разсмѣшилъ насъ, пресерьозно спросивъ Чевкина: «C'est sans doute un cheval savant, élève d'un cirque?»—Но у Чевкина за отвѣтомъ дѣло не ставало—и онъ на остроту князя Голицына отвѣчалъ своею.

Въ Чудовскомъ дворцѣ бывали также представленія гвардейскихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ иностраннымъ принцамъ, между прочимъ, принцу Карлу прусскому, брату императрицы Александры Ѳедоровны, бывшему тогда молодымъ человѣкомъ 27 лѣтъ и очень веселаго нрава. При этомъ представленіи, генералы стояли впереди и принцъ Карлъ говорилъ, съ иными, изъ нѣмцовъ, по нѣмецки, а съ другими по французски. Тутъ—какъ потомъ разсказывали шутники изъ гвардейскихъ офицеровъ—будто-бы произошло слѣдующее: случилось, что стояли рядомъ три генералъ-адъютанта 14-го декабря 1825 года, которыхъ называли «русскою тройкой удалою», именно: Воропановъ, Арбузовъ и Мартыновъ. Принцъ спрашиваетъ что-то по-французски у перваго: тотъ кланяется — и безмолвствуетъ; принцъ спрашиваетъ втораго: этотъ кланяется и, указывая пальцемъ на сосѣда, говоритъ по русски: «вотъ онъ знаетъ!» Наконецъ принцъ спрашиваетъ у третьяго (Мартынова): «êtes-vous marié, général?» — и слышитъ отвѣтъ: «энъ пэ!» (un peu!) Изобрѣли-ли это скалозубы или же пріукрасили дѣйствительно бывшее нѣчто подобное—не знаю,

но разсказъ этотъ ходилъ тогда между гвардейскими офицерами и возбуждалъ много смѣху. Къ нему можно кстати примѣнить италіянскую поговорку: «se non è vero, è ben trovato» (если не вѣрно, то хорошо выдумано). И дѣйствительно, для тѣхъ, которые знали эту «тройку удалую», особенно удивительнаго въ этомъ разсказѣ ничего нѣтъ.

Сходно съ обычнымъ порядкомъ занятій гвардіи въ Красносельскомъ лагерѣ, и въ Москвѣ, съ 27 іюля до 6-го и, кажется, даже до 13-го августа, происходили, въ присутствіи государя и всѣхъ иностранныхъ принцовъ, пословъ и ихъ свитъ, смотры и линейныя ученья войскъ гвардіи и гренадеровъ на Ходынскомъ полѣ и маневры въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы. Но подробностей ихъ не припомню. Съ 14-го же до 22-го августа—дня коронаціи—войскамъ данъ былъ роздыхъ.

14-го августа прибылъ въ Москву изъ Варшавы великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ и по прибытіи пріѣхалъ къ государю во дворецъ. По этому случаю разсказывали, что государю, занятому въ своемъ кабинетѣ дѣлами, доложили, что «пріѣхалъ великій князь». Государь, думая, что это былъ в. к. Михаилъ Павловичъ, велѣлъ сказать, что онъ занятъ и проситъ подождать. В. к. Константинъ Павловичъ ждетъ, но нетерпѣливо, и, наконецъ, приказываетъ снова доложить о себѣ. Тогда уже государь, узнавъ, что это былъ не в. к. Михаилъ Павловичъ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ, поспѣшно вышелъ на встрѣчу ему съ извиненіями, и войдя съ нимъ въ свой кабинетъ, имѣлъ первое свиданіе и личное объясненіе съ нимъ послѣ смерти императора Александра Павловича и событій 14-го декабря 1825 г.

На предшествовавшей же коронаціи недѣлѣ, генеральный штабъ (и въ томъ числѣ я) снова разставлялъ, сначала примѣрно, а 22-го августа утромъ окончательно, линейныхъ унтеръ-офицеровъ войскъ гвардіи у Кремлевскихъ соборовъ и на Кремлевскихъ площадяхъ, во время торжества коронаціи. На Красномъ крыльцѣ и вдоль обитыхъ краснымъ сукномъ ходовъ между соборами были разставлены пѣшіе чины кавалергардскаго полка, а за ними на площади между соборами—гвардейскіе баталіоны по старшинству полковъ; всѣ остальныя же войска гвардіи, пѣхота и кавалерія—на площадяхъ за соборами, а артиллерія, для стрѣльбы—на краю верхней набережной на Кремлевской горѣ.

День 22 августа, въ воскресенье, съ утра былъ ясный, солнечный и очень жаркій. Къ 10 ч. войска стояли на своихъ мѣстахъ, а я, не имѣя опредѣленнаго мѣста и любопытствуя видѣть торжествен-

ное шествіе по Красному крыльцу въ Успенскій соборъ и изъ него, по окончаніи въ немъ обряда коронованія и литургіи—въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и обратно по Красному крыльцу, въ Грановитую палату, успѣлъ занять отличное для того мѣсто за кавалергардами, у самаго входа въ южныя двери Успенскаго собора. И я былъ такъ счастливъ, что отлично видѣлъ все это шествіе на самомъ близкомъ разстояніи и даже отчасти то, что происходило внутри Успенскаго собора, между иконостасомъ и двумя передними столбами—сквозь желѣзныя рѣшетчатыя двери, замкнутыя какъ только все шествіе, по церемоніалу, вступило въ соборъ. Того же, что происходило въ соборѣ лѣвѣе, посреди его, мнѣ, къ сожалѣнію, невозможно было видѣть. Но я былъ счастливъ и тѣмъ, что̀ могъ видѣть внутри и особенно внѣ собора.

По окончаніи обряда коронаціи, начался колокольный звонъ и пушечная пальба, а затѣмъ послѣдовала въ соборѣ литургія, совершенная всѣми членами св. синода соборно, при чемъ государь и государыня пріобщились Св. Таинъ. По окончаніи же литургіи, двери собора были раскрыты и послѣдовало по церемоніалу торжественное шествіе въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и черезъ Красное крыльцо въ Грановитую палату, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Тутъ я, стоя позади кавалергардовъ у южныхъ дверей Успенскаго собора, видѣлъ все шествіе въ самомъ близкомъ разстояніи. Государь и государыня, въ царскихъ коронахъ, порфирахъ и всѣхъ регаліяхъ, шествовали, государь—впереди, государыня—позади, подъ особенными, богатыми балдахинами, оба молодые (государь—30-ти лѣтъ, государыня—28-ми), во всей величественной красѣ ихъ, онъ—мужественной, а она—женственной! Это торжественное шествіе, при церковномъ пѣніи, всеобщемъ въ Кремлѣ и по всей Москвѣ колокольномъ звонѣ, военной музыкѣ, пушечной пальбѣ, крикахъ «ура!» войскъ и многочисленнаго народа и великолѣпной, солнечной погодѣ, составляло такое величественное цѣлое, которое возбуждало глубокое чувство восторга и навсегда осталось у меня въ памяти! Все торжество коронаціи, отъ начала шествія въ Успенскій соборъ до возвращенія его въ Грановитую палату, продолжалось часа три (отъ 10 до 1 часу), а въ 3 или 4 часа по полудни въ Грановитой палатѣ былъ парадный обѣдъ, въ которомъ участвовали государь, государыня, вся императорская фамилія, высшіе придворные и государственные чины и иностранные послы. Къ вечеру вся Москва была великолѣпно иллюминована, особенно Кремль, Красная площадь, Тверская улица, бульвары и главныя улицы; вездѣ гремѣла военная музыка, и вся Москва была на улицахъ, и въ экипажахъ,

и пѣшкомъ. Многія общественныя зданія и частные дома были особенно великолѣпно, или оригинально, или замысловато иллюминованы. и далеко за полночь толпился передъ ними и на улицахъ народъ.

Съ слѣдующаго дня 23 августа начался и цѣлый мѣсяцъ продолжался непрерывный рядъ празднествъ по случаю коронаціи, и при дворѣ, и въ общественныхъ мѣстахъ и зданіяхъ, и у иностранныхъ пословъ, и у русскихъ знатныхъ и богатыхъ вельможъ. Въ какомъ порядкѣ они слѣдовали одно за другимъ—не припомню, а назову только замѣчательнѣйшія, на которыхъ я присутствовалъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ обычномъ народномъ праздникѣ на Дѣвичьемъ полѣ, вдоль котораго были установлены длинные ряды столовъ съ различными яствами, и близъ нихъ цѣлые жареные быки и фонтаны вина, и пр., на которые, по прибытіи государя, государыни, императорской фамиліи, двора, иностранцовъ и ихъ свитъ, по данному сигналу, многочисленный народъ мигомъ бросился и разомъ поднялъ все на ура! Затѣмъ въ громадномъ экзерциргаузѣ, великолѣпно убранномъ внутри, городъ давалъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ генералы и всѣ офицеры гвардіи. Въ Большомъ театрѣ и Дворянскомъ Собраніи были великолѣпные балы, при огромномъ стеченіи народа, богатѣйшемъ убранствѣ залъ, блистательномъ освѣщеніи, блескѣ мужскихъ и особенно женскихъ нарядовъ и чудесной музыкѣ придворнаго бальнаго оркестра. Эти и всѣ послѣдовавшіе балы открывались, обыкновенно, польскимъ изъ оперы Россини «Эрміона», прекрасный, торжественный мотивъ котораго до сихъ поръ какъ бы звучитъ въ моихъ ушахъ! Польскій открывали, обыкновенно, государь и за нимъ государыня, а затѣмъ слѣдовали разнообразные бальные танцы, преимущественно французскія кадрили. Въ послѣднихъ принимала участіе и государыня, любившая танцовать и танцовавшая необыкновенно граціозно. Изъ числа кавалеровъ, которыхъ она удостоивала чести танцовать съ нею, припоминаю молодыхъ и ловкихъ танцоровъ: камергера Хрущова, служившаго прежде л.-г. въ Преображенскомъ полку, и этого же полка полковника Есипова. Балы эти начинались не поздно—часовъ въ 9 или 10; около полуночи былъ парадный и роскошный ужинъ, послѣ котораго императорская фамилія удалялась, но танцы продолжались до разсвѣта. Изъ другихъ баловъ, на которыхъ я присутствовалъ, назову данные послами: великобританскимъ, герцогомъ Девонширомъ и французскимъ, маршаломъ Мармонтомъ, герцогомъ Рагузскимъ, старикомъ и богачомъ княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ, въ его огромномъ барскомъ домѣ, и графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою въ ея великолѣпномъ

домѣ, съ большимъ паркомъ, въ Нескучномъ, на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, на краю города. Я не стану распространяться о пышности и великолѣпіи этихъ баловъ: всѣ они и дававшіе ихъ, казалось, хотѣли превзойти одинъ другаго въ богатствѣ, вкусѣ и изяществѣ. Они разнообразились лишь въ частности, помѣщеніемъ, убранствомъ и т. п., и каждый имѣлъ какія-нибудь свои особенныя черты; но вообще очень походили одинъ на другой. Скажу лишь нѣсколько словъ о каждомъ. Балъ у герцога Девоншира, богатѣйшаго тогда члена англійской аристократіи, особенно отличался богатствомъ во всемъ: въ убранствѣ бальной залы и всѣхъ покоевъ, особенно столовой и буфетовъ, золотою и серебряною посудой и т. п. Самъ герцогъ Девонширъ, высокій ростомъ и статный человѣкъ среднихъ лѣтъ, любилъ танцовать, особенно мазурку, и танцовалъ очень оригинально, какъ истый англичанинъ. Маршалъ Мармонтъ нанималъ большой барскій домъ Шепелева, имѣлъ при себѣ большую военную и дипломатическую свиту и задалъ балъ также на славу. По поводу этого бала припоминаю очень забавный случай: приглашенія на этотъ балъ, какъ и на балъ герцога Девоншира и на всѣ другіе, дѣлались заблаговременно, посредствомъ разсылаемыхъ или выдаваемыхъ желавшимъ лично, изящныхъ пригласительныхъ именныхъ билетовъ, и приглашеннымъ лицамъ велись списки. У маршала Мармонта это было поручено его адъютантамъ. Однажды, передъ баломъ, одна дама, по фамиліи г-жа Коробьина, возвратила полученный ею пригласительный билетъ, съ увѣдомленіемъ, что она, по какой-то причинѣ, быть не можетъ.—«Ma foi!»—сказалъ дежурный адъютантъ съ обычнымъ французскимъ остроуміемъ—«nous allons la rayer de la liste: ce sera une carabine rayée!» (нарѣзной карабинъ) [1]). Вообще нужно сказать, что военный штабъ маршала Мармонта, состоявшій изъ отборныхъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ французской арміи, изъ лучшихъ французскихъ фамилій, былъ подлинно блистательный, какъ французы говорятъ—brillant état-major, а самъ Мармонтъ, сподвижникъ Наполеона I, былъ замѣчательною военно-исторической личностью. (Позже, послѣ іюльской революціи, первымъ посломъ Людовика-Филиппа при нашемъ дворѣ былъ другой, столь же замѣчательный маршалъ Наполеона I—Мортье).

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ былъ однимъ изъ немно-

---

[1]) Независимо отъ французскаго каламбура, это замѣчательно еще и тѣмъ, что у французовъ уже тогда было нарѣзное огнестрѣльное оружіе. А лѣтъ 5 послѣ того, у нихъ явились уже и первые стрѣлки—Венсенскіе (chasseurs de Vincennes). Кн. Н. Г.

гихъ тогда старинныхъ русскихъ вельможъ, представителей временъ Екатерины, и однимъ изъ первыхъ богачей Россіи. Сынъ его, князь Борисъ Николаевичъ, среднихъ лѣтъ, въ это время сватался или былъ женихомъ 17-ти-лѣтней красавицы Зинаиды Нарышкиной, впослѣдствіи, по смерти его, во 2-мъ бракѣ, графинею Шово-де-Серръ. Балъ, данный княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ, былъ богатъ, какъ онъ, но и еще болѣе — оригиналенъ, какъ и самъ онъ.

Наконецъ, балъ, данный графинею Орловою-Чесменскою въ Нескучномъ, также вполнѣ соотвѣтствовалъ богатству ея, но притомъ былъ соединенъ съ большимъ вкусомъ во всемъ. Большая зала была убрана и освѣщена великолѣпно, а для ужина была нарочно пристроена огромная галлерея, и всѣ столы убраны золотою и серебряною посудой.

Вообще богатство, роскошь и великолѣпіе этихъ и всѣхъ другихъ баловъ и празднествъ, по случаю коронаціи императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳедоровны, были свыше всякихъ выраженій и всякаго описанія. Въ нихъ было какъ бы нѣчто волшебное и чарующее, какъ въ разсказахъ «тысячи и одной ночи», хотя они продолжались гораздо менѣе времени—всего только едва одинъ мѣсяцъ (въ концѣ сентября все уже было кончено, гвардія стала выступать изъ Москвы въ обратный походъ въ Петербургъ, а государь и государыня воротились туда уже 9 октября).

По поводу всѣхъ этихъ баловъ и празднествъ, я долженъ прибавить еще, что на нихъ было множество замѣчательныхъ красавицъ, изъ которыхъ назову: княжну Софію Александровну Урусову (впослѣдствіи княгиня Радзивилъ), фрейлинъ императрицы Маріи Ѳеодоровны: княжну Радзивилъ (впослѣдствіи княгиня Витгенштейнъ), Эйлеръ (впослѣдствіи г-жа Зубова), Россетти (впослѣдствіи г-жа Смирнова), двухъ сестеръ баронессъ Д'Огеръ (впослѣдствіи одна – баронесса Мейендорфъ, а другая—г-жа Сенявина), жену князя Андрея Михайловича Голицына 1-го, княгиню Софію Петровну, урожденную Балкъ-Полеву (которую звали Ревеккой Вальтеръ-Скоттова романа Ivanhoe, по ея прекрасному, классическому, еврейскому облику); многихъ другихъ не припомню.

Послѣ разсказовъ объ упомянутыхъ выше празднествахъ, обѣдахъ, балахъ и т. п. по случаю коронаціи, мнѣ остается разсказать о военномъ торжествѣ—большомъ парадѣ всѣхъ войскъ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпуса, на Ходынскомъ полѣ, противъ Петровскаго дворца. Это было—дѣйствительно замѣчательное, во всѣхъ отношеніяхъ, военное торжество. Въ строю было, по примѣр-

ному расчету моему: 10 баталіоновъ гвардіи и 54 баталіона гренадеровъ, всего 64 баталіона—около 64 т. ч. пѣхоты; 17 эскадроновъ гвардіи и 24 эскадрона 1-й уланской дивизіи, всего 41 эскадронъ, около 6 т. чел. кавалеріи, 2 пѣшія и 2 конныя батареи гвардіи и 9 пѣшихъ и 2 конныя батареи полевой артиллеріи, всего 15 батарей, 120 орудій и около 2000 ч., а всего всѣхъ, съ генералами и офицерами, около 80 т. войскъ. Они были построены въ 6 длинныхъ линій, фронтомъ и центромъ противъ дворца, пѣхота—въ четырехъ переднихъ линіяхъ, кавалерія—въ пятой и артиллерія—въ шестой, гвардія—на правыхъ флангахъ, и при прекрасной погодѣ, представляли великолѣпный видъ. Вся Москва собралась любоваться этимъ военнымъ зрѣлищемъ. Государь, сопровождаемый иностранными принцами и послами, и многочисленною, блистательной свитой, объѣзжалъ всѣ линіи галопомъ и, не смотря на то, объѣздъ всѣхъ линій продолжался довольно долго, а прохожденіе войскъ церемоніальнымъ маршемъ—еще долѣе, такъ что парадъ кончился не ранѣе 4 часовъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ блистательный, но, къ сожалѣнію, пыль была величайшая. При этомъ замѣчу, что изъ войскъ, бывшихъ на этомъ парадѣ, два года спустя—въ 1828 г. гвардія участвовала со славой въ войнѣ съ Турціей за Дунаемъ, а пять лѣтъ спустя—въ 1831 г. она же и гренадерскій корпусъ, съ величайшей славой—въ войнѣ съ польскими мятежниками въ царствѣ Польскомъ.

По поводу этого парада приведу одинъ забавный случай, героемъ котораго былъ тотъ же Кожевниковъ, о которомъ я говорилъ выше. Онъ былъ весьма плохой ѣздокъ на лошади или, лучше сказать, вовсе не умѣлъ, не только ѣздить, но даже и держаться на ней. Случилось, что генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба е. и. в., генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ поручилъ ему передать какое-то приказаніе войскамъ. «Слушаю-съ!» отвѣчаетъ Кожевниковъ—и слѣзаетъ съ лошади!—«Что вы дѣлаете?»—спрашиваетъ Сухтеленъ.—«Да я скорѣй дойду пѣшкомъ, нежели доѣду на лошади!» отвѣчаетъ Кожевниковъ, при общемъ смѣхѣ, и даже самаго Сухтелена. Подобнаго рода выходокъ, шутокъ, остротъ и т. п. со стороны Кожевникова, этого «лустика» генеральнаго штаба—было безчисленное множество, и они были извѣстны всѣмъ и даже не возбуждали неудовольствія начальства, которое знало и цѣнило Кожевникова, какъ отличнаго офицера генеральнаго штаба, только не на конѣ.

Затѣмъ, прежде нежели покончить съ моимъ разсказомъ о коронаціи, мнѣ остается еще прибавить нѣсколько словъ о театрѣ въ это время. Я уже сказалъ выше, что Большой театръ къ 1826 году былъ совершенно возстановленъ и заново отдѣланъ и украшенъ (въ концѣ

1810-хъ и въ началѣ 1820-хъ годовъ онъ стоялъ обгорѣлый отъ пожара, полуразвалившійся, какъ руина, среди театральной площади). Въ немъ, послѣ коронаціи, былъ парадный спектакль (что давали— не помню) и потомъ большой балъ, а послѣ того давались драматическія и оперныя представленія русской труппы, но особенно балетныя, которыя были особенно хороши. Балетная труппа, за годъ или два передъ тѣмъ пріумножившаяся частною и весьма хорошею балетною труппою изъ крѣпостныхъ людей камергера Григорія Павловича Ржевскаго (двоюроднаго брата графа Каменскаго, въ Ордѣ, имѣвшаго также балетную труппу и оркестръ изъ крѣпостныхъ, и такого же чудака, какъ и Ржевскій), имѣла многихъ отличныхъ солистовъ и солистокъ, и многочисленный, отличный же кордебалетъ. Балетныя представленія привлекали столько публики, что огромный Большой театръ былъ всегда полонъ. Сверхъ того, тутъ же, недалеко, былъ Малый театръ, на которомъ давались представленія итальянскою и французскою труппами. И здѣсь также театръ былъ всегда полонъ. Репертуаръ итальянской оперной труппы состоялъ, конечно, изъ оперъ Россини, тогдашней звѣзды первой величины въ средѣ оперныхъ композиторовъ. Обѣ труппы, итальянская и французская, сколько помню, были очень хороши. Нужно прибавить, что, по случаю коронаціи, въ Москву были присланы изъ Петербурга лучшіе актеры, пѣвцы, танцовщики и танцовщицы изъ труппъ драмматической, русской и французской, оперной итальянской и балетной, которые, воротясь потомъ въ Петербургъ, съ успѣхомъ подвизались на тамошнихъ сценахъ въ Большомъ театрѣ и въ Маломъ, бывшемъ на мѣстѣ нынѣшняго Александринскаго.

Но—кончились всѣ торжества и празднества коронаціи и послѣ знойнаго и грознаго лѣта наступила самая непригляднаяя осень, съ половины сентября дождливая, сырая, холодная и грязная. Войска гвардіи и гренадеровъ начали выступать, первыя — въ Петербургъ, вторыя—на свои постоянныя квартиры въ Новгородской и уланы въ Тверской губерніяхъ. Но я уже не слѣдовалъ въ головѣ гвардіи, а ѣхалъ съ штабомъ, на почтовыхъ лошадяхъ, изъ одного города на пути въ другой. Я ѣхалъ уже не съ Жемчужниковымъ, а съ Траскинымъ, въ моей коляскѣ, вслѣдъ за Геруа, Кокошкинымъ, княземъ М. М. Голицынымъ 2-мъ, Кожевниковымъ и другими чинами штаба. Это обратное путешествіе, въ дождь и грязь, было совершенною противуположностью весенняго путешествія моего съ Жемчужниковымъ, въ апрѣлѣ, и сколько послѣднее было пріятно, столько первое было, напротивъ, непріятно. Въ городахъ, гдѣ мы останавливались, по утрамъ мы были заняты письменными служебными дѣлами, я—вмѣсто Чевкина

(уѣхавшаго съ Дибичемъ въ Тифлисъ)—по 2-му отдѣленію квартирмейстерской части, а Траскинъ, какъ и прежде, по 1-му. По вечерамъ же мы собирались у Кокошкина или у князя М. М. Голицына, и они, играя съ Траскинымъ въ карты, сажали меня за 4-го, учили игрѣ и бранили за мое неумѣніе играть въ карты. Это были единственные въ моей жизни случаи невольной игры въ карты: ни передъ тѣмъ, ни послѣ того я никогда не игралъ въ нихъ и ничего не разумѣлъ въ томъ, къ истинному моему удовольствію. Но и тутъ не всегда приходилось мнѣ играть за 4-го: чаще избавлялъ меня отъ этого Кожевниковъ, и тогда игра въ карты сопровождалась всегда общимъ смѣхомъ отъ шутокъ и остротъ Кожевникова, а также и князя М. М. Голицына, соревновавшаго ему въ томъ. Эти остановки въ городахъ и веселые вечера въ обществѣ Кокошкина, князя М. М. Голицына, Траскина и Кожевникова, служили нѣкоторымъ развлеченіемъ отъ непріятнаго и скучнаго обратнаго путешествія, въ глубокую и скверную осень, изъ Москвы въ Петербургъ. 25-го октября я пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ концѣ октября и въ ноябрѣ вступилъ въ него и Московскій отрядъ гвардейскаго корпуса. И снова начались тѣ же, что и въ началѣ года, моя штабная служба и провожденіе мною времени внѣ службы.

Князь Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

XLIV [1]).

Извѣстно, что нѣтъ въ мірѣ ни цѣлаго сословія, вообще, ни одного человѣка, въ частности, со всѣми совершенствами; равно какъ и нѣтъ ни одного негодяя, въ которомъ не было бы хорошихъ сторонъ. Во всякомъ мы найдемъ и хорошія, и дурныя стороны, только съ нѣкоторымъ перевѣсомъ той или другой стороны. И только одно духовенство, во мнѣніи большинства общества, составляетъ въ этомъ исключеніе. У него во всемъ видятъ только дурное. Свѣтская литература много говоритъ о немъ, но въ нашу защиту не сказала еще ни слова, какъ будто, дѣйствительно, въ духовенствѣ ничего хорошаго и нѣтъ, и быть не можетъ. Все что вы не дѣлайте, все перетолковывается въ дурную сторону: молчите вы,—осуждаютъ; говорите,—опять осуждаютъ. Со мной однажды, дѣйствительно, былъ такой случай: однажды, на дорогѣ въ Москву, со мной сидѣлъ какой-то господинъ. У насъ зашла рѣчь объ одномъ предметѣ. Дѣло хорошо было извѣстно ему и очень интересовавшее меня. Онъ говорилъ, а я со вниманіемъ слушалъ. Въ вагонѣ насъ было всего четверо. Мы сидѣли въ одномъ углу, а въ другомъ углу сидѣли два купца. Купцы долго смотрѣли

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562 (три главы); т. XXV, стр. 457—492 (четыре главы); 609—636 (одна глава); томъ XXVI, стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494 (четырнадцать главъ); томъ XXVIII, стр. 144—145 (замѣтка); стр. 261—288 (четыре главы); 449—476 (одна глава); 667—708 (восемь главъ); т. XXIX, стр. 351—378 и 683—708 (главы XXXVII—XLIII).

на насъ и потомъ одинъ другому говоритъ: смотри-ко: тотъ говоритъ, а попъ все молчитъ, все молчитъ, а глазами такъ и ѣстъ.

— Они этаки! Онъ пошелъ молчать.

Потомъ зашла рѣчь о чемъ-то, хорошо извѣстномъ мнѣ и интересовавшемъ моего собесѣдника. Я сталъ разсказывать, а тотъ слушать.

— Смотри-ко, попъ-то разошелся! Все молчалъ да и принялся!

— Они все такъ! Молчитъ—молчитъ, да ужъ какъ примется, такъ ужъ держись.

— Онъ сперва все высматривалъ, каковъ тотъ. Высмотрѣлъ да и говоритъ чай: нѣтъ, ты меня послушай-ко!

Я замѣтилъ своему собесѣднику: слышите, какъ меня пробираютъ?

— Еслибъ у нихъ побольше было совѣсти, такъ меньше осуждали бы васъ. У насъ священниковъ осуждаютъ всѣ и за все. Посмотрѣлъ бы лучше всякій на себя: онъ-то кто таковъ, много ли въ немъ-то самомъ святости-то? На этихъ людей, батюшка, не стоитъ обращать вниманія.

И въ литературѣ нашей, день ото-дня, все чаще и чаще стали появляться статьи о духовенствѣ. Писать о духовенствѣ теперь вошло, кажется, въ моду, какъ вошло въ моду строить памятники и печь юбилейные пироги. Это наша русская слабость: коль скоро примутся за что нибудь, такъ ужъ до приторности. Теперь: гдѣ бы что ни случилось,—во всемъ виновато духовенство. „Явились нигилисты, кричатъ газеты, и духовенство наше просмотрѣло"! Въ Пензенской губерніи крестьяне убили колдунью Чиндейкину и въ одной изъ газетъ писалось: „почему же бездѣйствуетъ духовенство? Почему оно не станетъ между обездоливаемыми и обездоливающими со словомъ любви и примиренія и просвѣтительной христіанской проповѣди?"

„Какъ на обстоятельство, уменьшающее, будто-бы, вину духовенства въ бездѣятельности, указываютъ обыкновенно на матеріальную необезпеченность духовенства, на зависимость его въ матеріальномъ отношеніи отъ паствы. Но кто же виноватъ въ этомъ, прежде всего, какъ не само духовенство и духовныя управленія? Почему центральныя и мѣстныя духовныя управленія не разработаютъ вопроса о переводѣ поборовъ духовенства деньгами, хлѣбомъ и т. д. на постоянное жалованье? Почему само духовенство,

независимо отъ центральныхъ и мѣстныхъ духовныхъ учрежденій, не входить въ соглашенія, съ помощію земства, думъ, городскихъ и крестьянскихъ присутствій, съ населеніемъ о прекращеніи поборовъ и замѣны ихъ опредѣленнымъ жалованьемъ"?

„Нѣтъ, суть дѣла вовсе не въ матеріальномъ положеніи духовенства, а въ маломъ образованіи лицъ духовнаго званія и въ кастовомъ ихъ духѣ, поддерживаемомъ нынѣшнею постановкою спеціальнаго духовнаго образованія".

„Этотъ кастовый духъ нашего духовенства будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать спеціальныя учебныя заведенія для дѣтей духовнаго званія. Не говоря о недостаткахъ программъ этихъ учебныхъ заведеній въ общеобразовательномъ отношеніи, каждое изъ названныхъ заведеній заключаетъ въ себѣ особенную специфическую атмосферу, обращающую пастырское служеніе въ ремесло, непремѣнно наслѣдуемое отъ праотцевъ, мертвящую доброе, чистое, религіозное чувство и дѣло. Вся атмосфера этихъ учебныхъ заведеній проникнута мелочнымъ торгашествомъ, чиновничьимъ отношеніемъ къ дѣлу, бумажнымъ формализмомъ, крючкотворствомъ и подьячествомъ и т. д."

„До тѣхъ поръ будетъ жить кастовая особенность духовенства, пока не народится у насъ общеобразовательная школа для всѣхъ сословій и классовъ, со спеціальнымъ богословскимъ отдѣленіемъ для лицъ, желающихъ посвятить себя пастырскому служенію, высшее образованіе для всѣхъ сословій и званій—университетъ, съ спеціальнымъ богословскимъ факультетомъ для лицъ, желающихъ получить высшее духовное образованіе".

Обвиненіе сильное; но разберемъ его насколько оно практично.

„Почему духовенство не станетъ между обездоленными и обездоливающими"?

Въ Россіи, какъ и всюду, столько „обездоленныхъ и обездоливающихъ", что недостало бы и поповъ, еслибъ они захотѣли становиться между всѣми ими. При томъ: мы можемъ говорить только „обездоливаемымъ", а „обездоливающимъ-то" не угодно ли говорить вамъ самимъ, г. репортеръ, если у васъ есть ревность къ проповѣдничеству. Гарантируйте нашу жизнь и службу отъ ихъ мщеній, и вы увидите, что за „словомъ любви" дѣло не станетъ. Но пока мы находимся въ полной, крѣпостной зависимости

отъ общества, то во 1-хъ, на это рѣшимости достанетъ не у многихъ и во 2-хъ, говорить-то не дозволятъ!..

„Почему духовенство бездѣйствуетъ“?

Но мы положительно утверждаемъ, что мы всѣ силы наши употребляемъ къ искорененію предразсудковъ; но искоренить ихъ не такъ легко, какъ кажется. И въ людяхъ образованныхъ, понимающихъ дѣло, предразсудковъ ничуть не меньше, чѣмъ въ простомъ народѣ, только предразсудки эти другаго, конечно, рода, и они крѣпко держатся ихъ. Что жъ тутъ подѣлаемъ мы? Что, напр., значитъ носить по усопшемъ трауръ, везти гробъ на катафалкѣ, одѣвать и прислугу, и лошадей какими-то уродами, какъ не имѣющій никакого смыслу предразсудокъ? Христіанинъ долженъ вѣровать, что усопшій отъ жизни, переполненной огорченіями всякаго рода и болѣзнями, переходитъ въ жизнь вѣчную, гдѣ нѣтъ „ни болѣзни, ни печали, ни воздыханій“,—въ жизнь, гдѣ онъ будетъ зрѣть Самаго Творца вселенной и красоту всего міра,—въ жизнь, переполненную спокойствія, радости, восторга, блаженства,—онъ долженъ сорадоваться счастію усопшаго; но онъ плачетъ, носитъ трауръ и окружаетъ прахъ его какими-то страшилищами. Потрудитесь уничтожить предразсудокъ носить трауръ, убѣдите, что катафалки и пугалы при нихъ не имѣютъ смысла,— и мы примемъ на себя ваше обвиненіе въ нашей бездѣятельности. Потрудитесь вразумить нашу, такъ называемую интеллигенцію, въ особенности барынь, что встрѣча съ священникомъ не приноситъ несчастій. Что можетъ быть нелѣпѣе этого? А между тѣмъ предразсудокъ этотъ крѣпко укоренился во многихъ людяхъ образованныхъ и высокопоставленныхъ. Къ намъ въ село, однажды, пріѣзжаетъ изъ Москвы для осмотра поселенія питомцевъ Московскаго Воспитательнаго Дома почетный опекунъ Арсеньевъ и разсказываетъ, что онъ недѣлею раньше выѣхалъ было къ намъ; „но только что, говоритъ, выѣхалъ изъ воротъ, какъ встрѣчается мнѣ попъ. Я велѣлъ, говоритъ, объѣхать кварталъ, воротился домой и прожилъ дома еще недѣлю, чтобы изгладить это непріятное впечатлѣніе“. Это было давно, это правда, но Арсеньевы попадаются и нынѣ на каждомъ шагу. Я всегда наблюдаю за встрѣчающимися со мной и вижу не рѣдко презабавныя вещи. Что же намъ дѣлать тутъ? И кричать съ церковной каѳедры: не ахайте и не плюйте въ сторону, когда встрѣчаетесь съ нами; не

корчьте рожъ и не гримасничайте; не отворачивайтесь; не сворачивайте въ сторону; не ворочайтесь назадъ; не вкладывайте булавочки въ лифъ вашего платья, въ лѣвую полу вашего сюртука; не переставайте дышать, когда проходите мимо насъ; не держите себя за лѣвое ухо; не креститесь, не подходите подъ благословеніе! Попробуйте искоренить этотъ предразсудокъ, если вы сами не держитесь его. Противъ предразсудковъ мы, съ своей стороны, говоримъ; но вѣковые обычаи и предразсудки вѣками и уничтожаются. Если предразсудковъ такъ крѣпко держатся люди образованные, то къ необразованнымъ нужно быть еще снисходительнѣе. А слѣдовательно и духовенство винить нельзя.

„Кто виноватъ въ томъ, прежде всего, что духовенство не обезпечено въ содержаніи, какъ не само духовенство и духовныя управленія? Почему центральныя и мѣстныя духовныя управленія не разработаютъ вопроса о переводѣ поборовъ духовенства деньгами, хлѣбомъ и т. д. на постоянное жалованье“?

Вопросъ этотъ разработанъ очень—очень давно. Когда я былъ еще въ семинаріи, то, въ 1845 году, ректоръ семинаріи давалъ мнѣ переписывать для кого-то проектъ объ улучшеніи быта духовенства. Мнѣ лично, стало быть, извѣстно, что объ этомъ дѣлѣ толкуютъ 35 лѣтъ. До того времени, какъ я переписывалъ, толковали, можетъ быть прежде не одинъ десятокъ лѣтъ. И все-таки ничего не натолковали. Слѣдовательно дѣло не въ разработкѣ, а въ выполненіи разработаннаго. А это зависитъ уже не отъ насъ.

Въ 1879 году нашъ преосвященный просилъ начальника губерніи, чтобы тотъ оказалъ свое содѣйствіе и употребилъ свое вліяніе, чтобы прихожане назначили духовенству опредѣленное жалованье или опредѣлили извѣстную таксу за требоисправленія. Преосвященнымъ указана была норма, которой прихожане держались бы приблизительно при опредѣленіи жалованья и таксы. Начальникъ губерніи сдѣлалъ распоряженіе по волостнымъ правленіямъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, предписалъ уѣзднымъ исправникамъ наблюдать за ходомъ дѣла и содѣйствовать въ обезпеченіи духовенства. Но такъ какъ дѣло это отдавалось, однако же, на „добрую волю“ прихожанъ, то они и положили, почти всѣ: за нарѣченіе имени младенцу и за крещеніе по 3 к., за исповѣдь 2 к., молебенъ 2 к., свадьбу 50 к., погребеніе младенца 5 к., взрослаго 20 к., съ выносомъ отъ дому до церкви и отъ церкви до клад-

бища 40 к., за обѣдню по усопшемъ 30 к. и т. под., такъ что священнику, при 1500 д. м. пола въ приходѣ, не приходилось получить и 80 р. въ годъ. Нѣкоторые приходы положили жалованье 100—150 р. въ годъ на весь причтъ. Нѣкоторые же приходы положили: „быть по старому“. Тутъ уже вліяло само духовенство. Такія постановленія—„быть по старому“—были, большею частію, въ приходахъ многолюдныхъ и состоятельныхъ, гдѣ духовенство видѣло, что съ жалованьемъ въ 150 р. и таксой 2—5 к. они получили бы въ десять разъ менѣе того, что получаютъ они теперь. „Присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ“ приговоръ нѣкоторыхъ обществъ возвратило имъ назадъ. Въ волостныхъ правленіяхъ получили эти приговоры, но другихъ сходовъ не собиралось,—такъ дѣло и заглохло.

Мои прихожане—народъ не богатый, но до крайности добрый и почтительный ко мнѣ. Могу похвалиться, что такихъ хорошихъ отношеній прихожанъ къ своимъ священникамъ я не встрѣчалъ нигдѣ. За всѣ требоисправленія у насъ установилась такса и такса самая небольшая. Поэтому никакихъ торговъ и споровъ у насъ не бываетъ, почти, никогда. Но и эту, безъ всякаго торга, плату я лично никакъ не могу брать. Я положительно стѣсняюсь брать плату за требоисправленія. Душа моя не можетъ выносить того, чтобы отслужить и протянуть руку. Однако же нужно жить отъ требоисправленій. Я и отдалъ дѣло это діакону-псаломщику. Онъ и беретъ у меня за все. Въ домѣ, напр., я отслужу молебенъ и сію минуту ухожу. Діаконъ безъ меня получитъ плату. Въ церкви отслужу молебны, панихиды, похороны, окрещу, — и ухожу тотчасъ. При свадьбѣ: я пересмотрю документы, и велю діакону написать обыскъ. Потомъ, въ свое время, иду и вѣнчаю. Взялъ ли діаконъ за свадьбу, сколько онъ взялъ, все ли опустилъ въ кружку,—не спрашиваю этого. Діаконъ можетъ красть у меня на половину. Но, при полномъ моемъ къ нему довѣріи, я увѣренъ, что онъ дѣло ведетъ честно, такъ какъ, вообще, онъ прекроткій и предобрый человѣкъ.

Самъ я совершенно не могу брать за требы, но все-таки желаю брать, потому что этимъ нужно жить, и поручаю брать другому, въ мою же, главное, пользу. Что же это значитъ? Это означаетъ ненормальное отношеніе наше къ приходамъ. Мое же личное состояніе, просто, смѣшное: самъ не беру, а брать дру-

гому, для себя, велю. Когда діаконъ беретъ за требы, особенно, когда бываетъ много свадебъ, то мнѣ часто приходитъ на умъ одинъ анекдотъ: въ крѣпостничество крестьяне двухъ разныхъ барщинъ вздумали убить своихъ господъ. Собрались, долго толковали: какъ и гдѣ убить и, наконецъ, порѣшили убить. Порѣшили, но только одни и говорятъ: „убить-то убить, да господа-то наши хороши“.—„А наши еще лучше вашихъ“, говорятъ другіе.—Такъ какъ же быть?—А вотъ какъ: вы убейте нашихъ, а мы вашихъ. Значитъ и дѣло сдѣлано, и совѣсть чиста. Такъ выходитъ дѣло и у меня съ приходомъ. У меня лично недостаетъ совѣсти брать, не брать же совсѣмъ,—не могу: жить нужно и мнѣ, и причту. И я велю брать другому. И въ самомъ дѣлѣ, если самъ не берешь, то, какъ будто, легче на душѣ. Да, брать за требы и при этомъ торговаться, — выносить не всякій можетъ, это я знаю по себѣ.

Въ приходѣ, въ 1600 д. м. п. и при 66 дес. земли, я получаю около 300 р. въ годъ; иногда 10—15 р. больше, иногда 10—15 р. меньше.

Въ то время, когда было предложено прихожанамъ положить духовенству жалованье или установить опредѣленную таксу, прихожане мои приходятъ ко мнѣ и говорятъ: батюшка! мы на сходѣ положили давать вамъ жалованье: вамъ 600 р., а діакону 200 рублей. Землей владѣйте, какъ владѣете. (Сами прихожане владѣютъ 37—42 дес. на дворъ). Довольны ли вы этимъ? Я, конечно, былъ очень доволенъ, поблагодарилъ ихъ и спросилъ при этомъ:

— Казенныя недоимки за вами есть?

— Малость есть.

— Но если Богъ пошлетъ пожаръ, голодъ, то тогда чѣмъ будете вы платить казенныя подати?

— Коли не чѣмъ будетъ платить, то, конечно, и платить не будемъ до тѣхъ поръ, пока не поправимся.

— А намъ чѣмъ будете платить тогда?

— Коли не чѣмъ будетъ платить казенныхъ податей, то, извѣстное дѣло, и вамъ не чѣмъ будетъ платить.

— Чѣмъ же мы будемъ жить тогда?

— Да мы ужъ не знай, какъ быть тогда.

— Теперь,—когда все благополучно,—казенныя подати всѣ у васъ вносятъ добровольно, безъ всякаго понужденія?

— Гдѣ безъ понужденія! Развѣ это возможно! Народъ всякій: у инаго и есть, а онъ не отдаетъ. И староста, и старшина, и становой съ инымъ бьются—бьются, насилу выколотятъ.

— А наше жалованье кто съ этакихъ будетъ выколачивать? Добровольно вѣдь, тоже, не всѣ отдадутъ?

— Не всѣ; а выколачивать кому тутъ.

— Стало быть я полнаго жалованья не получу никогда? Нельзя ли наше жалованье внести въ общую смету?

— Можно. Только въ волостной сперва отберутъ то, что надо имъ; а вамъ дадутъ, что̀ останется. А, пожалуй, тамъ иногда и ничего не останется.

— Какъ же тогда?

— Мы незнаемъ.

Мы потолковали—потолковали, да съ тѣмъ же и разошлись. Мнѣ пришлось только поблагодарить ихъ за ихъ расположеніе.

Такимъ образомъ, опыты показали, что никакія сдѣлки съ прихожанами безъ содѣйствія власти не возможны.

И проэкты, и законы писать легко; но для того, чтобы вышло что нибудь, дѣйствительно, дѣльное изъ проэктируемаго, нужно пожить среди того народа, для котораго пишутся эти законы и проэкты. Насъ и начальство наше обвиняетъ въ нестараніи, въ небрежности о самихъ себѣ. Но кто самъ себѣ врагъ? Еслибъ можно было сдѣлать что нибудь, то давнымъ бы давно было сдѣлано. Если же не сдѣлано, то это значитъ, что мы ничего сдѣлать не можемъ.

XLV.

„Почему духовенство не входитъ въ соглашеніе съ прихожанами съ помощію земства“?

Объ отношеніяхъ земства къ духовенству скажу то, чему я былъ свидѣтелемъ, и въ чемъ я самъ принималъ непосредственное участіе: скажу тоже фактъ.

Какъ только получилось распоряженіе о земскихъ учрежденіяхъ и когда никто еще не былъ знакомъ съ земскими положеніями, я получилъ, по эстафетѣ, отъ преосвященнаго предписаніе намедленно явиться къ нему для личныхъ объясненій. Будучи сельскимъ священникомъ и благочиннымъ, и имѣя въ порученіи,

въ то время, слѣдственныя дѣла, я подумалъ, что преосвященный желаетъ дать мнѣ какое нибудь новое порученіе, и тотчасъ отправился къ нему. Но преосвященный сказалъ мнѣ: „учреждаются земскія собранія, въ нихъ должны участвовать члены и отъ духовенства. Постарайтесь быть гласнымъ. Я нарочно призвалъ васъ, чтобы вы успѣли ознакомиться съ земскими положеніями“. Черезъ нѣсколько недѣль я вызываюсь въ собраніе мелкихъ землевладѣльцевъ для избранія уполномоченныхъ. Здѣсь я былъ избранъ и со мною было избрано и еще священниковъ 10. На другой день насъ попросили въ домъ городской думы, чтобы, совмѣстно съ крупными землевладѣльцами, избрать гласныхъ въ земское уѣздное собраніе. Между крупными, на половину, были со мной болѣе или менѣе знакомы. По мѣрѣ того, какъ собирались уполномоченные и „крупные“, стали образовываться группы. Группы эти расходились, изъ нихъ образовывались новыя, опять расходились и такимъ образомъ прошло часа два-три. Наконецъ ко мнѣ подходитъ одинъ мой хорошій знакомый „изъ крупныхъ“ и говоритъ: „васъ выберутъ“. Хорошо, говорю. Чрезъ нѣсколько времени онъ подходитъ ко мнѣ опять и говоритъ: „откажитесь отъ выбора, васъ не выберутъ“. Нѣтъ, говорю, этого сдѣлать я не могу. Преосвященный желаетъ, чтобъ я былъ выбранъ.—„А! преосвященный! Это другое дѣло“. И ушелъ. Образовалась кучка человѣкъ въ 20, уже изъ однихъ тузовъ. Мой знакомый былъ тутъ же. Долго всѣ о чемъ-то толковали, потомъ машутъ мнѣ: „Z. Z! пожалуйте къ намъ“! Мы, говорятъ, положили избрать одного священника въ гласные. Кого изъ васъ избрать: васъ, или М. С. В—ва?

— Конечно М. С—ча, если ужъ такъ! М. С. В—въ есть первенствующее лицо послѣ преосвященнаго,—онъ каѳедральный протоіерей, членъ консисторіи, мой начальникъ, и я не хочу быть предпочтеннымъ ему.

— Ну, такъ ужъ извините! мы выберемъ его.

Начались выборы. Я забаллотированъ, М. С. В—въ выбранъ. Выборы производились очень долго. Приходилось, по неволѣ, дѣлать нѣсколько перерывовъ. Всѣ метались, суетились,—какъ будто приступомъ города брали! Въ минуты отдыховъ большинство отправлялось въ буфетъ, въ особенности, крупные. Къ полуночи всѣ казались сильно уставшими, такъ что забыли и объ опредѣ-

леніи своемъ: избрать одного только священника, и избрали еще одного, А. И. Дроздова. А. И. Дроздовъ, какъ и я, былъ знакомъ съ большинствомъ „крупныхъ“. Какъ только сосчитали его шары, то одинъ изъ „крупныхъ“ закричалъ изо всѣхъ силъ: „честь и слава с—му дворянству, двоихъ поповъ выбрали“!

На второе трехлѣтіе Дроздовъ былъ избранъ членомъ училищнаго совѣта и служилъ съ честію; до него, въ первое трехлѣтіе, училищъ отъ земства не было, и 1.000 р., ассигнованные земствомъ на училища, возвращались обратно. Съ поступленіемъ же Дроздова открыты были школы почти во всѣхъ селахъ и во многихъ деревняхъ, и не 1.000 р. уже, а 6.000 р. оказалось недостаточнымъ для пособія школамъ и на жалованье ихъ наставникамъ. Это было явное доказательство того, что священникъ А. И. Дроздовъ не былъ бездѣятельнымъ членомъ земства. Два трехлѣтія былъ, потомъ, гласнымъ и я. Мое мнѣніе было уважено собраніемъ, по которому были приглашены въ уѣздъ двѣ акушерки.

Законъ Божій въ школахъ священники преподавали безмездно. Но, однажды, зашла рѣчь о томъ, что законоучителямъ было бы справедливо давать жалованье. Какъ только сказали это, то Ш., крупный землевладѣлецъ, закричалъ на все собраніе: „о Боже мой! До чего мы дожили; законъ Божій сталъ продаваться“! Не задолго предъ этимъ, Ш. былъ самъ мировымъ судьей и, однако же, жалованье свое, въ тридцать разъ большее того, что просили положить законоучителямъ, не считалъ продажею правосудія.

Чрезъ годъ опять зашла рѣчь о жалованьѣ законоучителямъ. Тутъ И. И. Б., тоже крупный землевладѣлецъ, нигдѣ не учившійся, закричалъ: „Чему попы учить-то будутъ? они сами-то всѣ дураки“! И ни одинъ изъ гласныхъ не отозвался въ защиту такъ безцеремонно оскорбляемаго духовенства! Ни Дроздова, ни меня въ собраніи въ этотъ день не было. Мы, конечно, постояли бы за честь духовенства.

Въ 1875 году выборъ гласныхъ особенно былъ замѣчателенъ. Образовались двѣ партіи „изъ крупныхъ“, предводители которыхъ, до ножей, не могли терпѣть другъ друга, о чемъ извѣстно даже оффиціально. Всѣ размѣстились на двѣ стороны, и только составили отдѣльную маленькую группу, въ шесть человѣкъ, священники, другую, человѣкъ въ 10, купцы, и третью, человѣкъ 7, крестьяне. Начались споры изъ-за правъ на выборы. Чего-то

тутъ не было высказано! Не обошлось дѣло и безъ личныхъ оскорбленій. Долго крупные спорили и перебирали другъ друга, наконецъ, дошло дѣло и до правъ духовенства. Одинъ изъ насъ былъ съ довѣренностію отъ своей церкви, имѣющей достаточное для ценза количество земли, а мы, остальные, были уполномоченными отъ мелкихъ землевладѣльцевъ. Болѣе двухъ часовъ спорили о томъ, имѣетъ ли право церковь выслать отъ себя уполномоченнымъ своего священника. Изъ всего собранія, человѣкъ въ 80, одинъ только кн. Щ. отстаивалъ права священника. Надоѣли, казалось, споры всѣмъ. Купецъ К. подходитъ къ священнику и говоритъ: „батюшка! рѣшите нашъ споръ, возьмите вашу довѣренность, да и идите домой". „Нѣтъ, говоритъ священникъ, откажите, и я уйду безъ спора". Наконецъ, рѣшили допустить его до баллотировки, и принялись за насъ. Тутъ уже не два, а цѣлыхъ четыре часа спорили о насъ! И опять, почти всѣ, кромѣ того же кн. Щ., спорили и доказывали, что допускать насъ къ баллотировкѣ не слѣдуетъ. Находились добрые люди, которые указывали даже на статьи закона (о земск. полож.) въ нашу пользу. Но за то, когда они умолкали,—цѣлые бурные потоки, уже не воды, а лавы лились на нихъ! Основаніемъ къ удаленію насъ полагалось то, что въ положеніяхъ о земскихъ учрежденіяхъ ничего не говорится ни о церквахъ, ни о духовенствѣ. „Если и есть указъ св. синода, копія котораго сообщена была консисторіею въ земскую управу и находилась здѣсь въ собраніи, то распоряженіе св. синода, говорилось собраніемъ, для насъ не обязательно, что синодъ только для „поповъ". Если указъ этотъ послѣдовалъ и вслѣдствіе сношеній оберъ-прокурора св. синода съ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, то и тогда онъ необязателенъ. Это частная переписка, не проходившая чрезъ пр. сенатъ законодательнымъ порядкомъ. Намъ законъ только то, что прошло чрезъ сенатъ. Исполняя распоряженіе министра, т. е. то, чего нѣтъ въ законѣ, хотя бы это было поясненіемъ и дополненіемъ его, мы дѣлаемся преступниками закона". И на эту тему, повторяю, толковалось цѣлыхъ четыре часа!

Кн. Щ. доказывалъ собранію, что распоряженіе министра вышло послѣ изданія положенія о земскихъ учрежденіяхъ; что оно не успѣло еще пройти чрезъ прав. сенатъ, но что оно имѣетъ для собранія обязательную силу. Замѣтно было, что и противная

сторона не совсѣмъ не согласна была съ его мнѣніемъ, но уступить не хотѣла.

Во время преній, С., „крупный“ землевладѣлецъ, не разъ ходилъ между купцами и крестьянами, сидѣвшими отдѣльными кучками безмолвно, и толковалъ имъ, что „синодъ существуетъ только для „поповъ“ и распоряженія его обязаны исполнять только „попы“. Изъ купцевъ П. былъ молоканъ, Г. раскольникъ, богатые крестьяне Р. и С. раскольники, которымъ внушеніе С—а было, конечно, по душѣ. С. расчитывалъ, что когда дѣло дойдетъ до баллотировки вопроса, о чемъ заговаривалось уже нѣсколько разъ, то купцы и крестьяне будутъ на его сторонѣ — и вопросъ не пройдетъ. Наконецъ, порѣшили, но такъ, что, по русской пословицѣ, и овцы цѣлы и волки сыты; гласно рѣшили: „допустить“, а не гласно: „забаллотировать“. Допустили, — и всѣхъ забаллотировали, кромѣ одного, имѣвшаго довѣренность отъ своей церкви, и то потому, что онъ былъ законоучителемъ дѣтей предсѣдателя.

Баллотировалось разомъ на шести ящикахъ, и господинъ, сидѣвшій у ящика, если у него баллотировался священникъ, то, давая шаръ, говорилъ: баллотируется священникъ, не называя по фамиліи,—понимай-де! Въ то время, когда считали мои шары, ко мнѣ подходитъ кучка человѣкъ въ шесть и спрашиваетъ: „что, хорошій человѣкъ Z. Z.“?—Да, очень хорошій, потому что Z. Z.—я.—„Ахъ, извините“! Хороши же, значитъ, избиратели, когда узнаютъ о человѣкѣ тогда уже, когда положили шары!

Священниковъ въ гласные не выбрали, чѣмъ явно доказалось нерасположеніе къ намъ. Судите сами теперь, можно ли, хоть сколько нибудь, надѣяться послѣ этого на содѣйствіе земства въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго быта духовенства?!

XLVI.

„Нѣтъ, суть дѣла вовсе не въ матеріальномъ положеніи духовенства, а въ маломъ образованіи лицъ духовнаго званія“.

Противъ того, что мы мало образованы, мы не споримъ. Большинство изъ насъ, священниковъ, прошли курсъ только средняго учебнаго заведенія. Но почему же нейдетъ никто на наши мѣста съ академическимъ и университетскимъ образованіемъ? Дорѳга не загорожена; мѣстъ свободныхъ вездѣ много. Чѣмъ плакаться о горькой участи „обездоливаемыхъ“ и кричать на насъ изъ Петербурга, пожалуйте къ намъ! Примите на себя санъ священника и проситесь хоть въ то село, куда поступилъ я по окончаніи семинарскаго курса. И вѣрите ли, говорю вамъ какъ честный человѣкъ, что въ настоящее время священническое мѣсто тамъ свободно. Церковная сторожка, навѣрное, есть и теперь. Стало-быть и квартира готова. Есть, вѣроятно, и у крестьянъ по двѣ избы, какъ было при мнѣ. Все на вашей сторонѣ: и лѣта, и образованіе, и ревность къ просвѣщенію народа и защитѣ „обездоливаемыхъ“,—дѣло только за рясой. Идите въ село во священники, покажите собою примѣръ и намъ, и вашей собратіи, сдѣлайте починъ вы, а тамъ пошли бы, можетъ быть, и тѣ изъ вашихъ собратій, статьями которыхъ переполнены и журналы, и газеты о тупости, глупости и бездѣятельности духовенства.

Дѣйствительно, поучительно было бы для насъ посмотрѣть, что стали бы вы дѣлать, если бы къ вамъ пришли три—четыре міроѣда, да и стали внушать вамъ самымъ положительнымъ тономъ: „ты міръ почитай, спины своей не жалѣй. Не поклонишься міру, такъ сейчасъ вонъ съ квартиры, а другой хозяинъ во всемъ селѣ тебя никто не пуститъ“! Примите, при этомъ, къ свѣдѣнію, что никто изъ крестьянъ не осмѣлится не исполнить того, что приказывается міроѣдами. Угроза ихъ вовсе не пустая болтовня. Въ этомъ ужъ повѣрьте намъ. Думается, что вы согнули бы вашу спину, какъ не гнемъ ея и мы.

Можетъ быть, вы скажете, что у васъ нѣтъ призванія? Но если у васъ есть призваніе учить насъ, священниковъ, то какимъ же образомъ у васъ нѣтъ призванія учить нашу паству? Такъ проситесь, въ такомъ случаѣ, въ архіереи! Но только поз-

вольте еще замѣтить, что жизнь архіереевъ въ нѣсколько разъ,— не сравненно—хуже нашей. Въ матеріальномъ отношеніи они обезпечены много лучше нашего, всѣ относятся къ нимъ съ благоговѣніемъ, кланяются имъ, цѣлуютъ руки и пр., но все это лесть, обманъ, своекорыстіе, пронырство!... У епископа нѣтъ человѣка, который относился бы къ нему по человѣчески; не можетъ и епископъ сказать ни съ кѣмъ откровеннаго слова,—по душѣ. Около него двуличность на каждомъ шагу. Является баринъ или барыня и выражаютъ предъ преосвященнымъ всѣ знаки умиленія. Но это только для того, чтобы расположить къ себѣ владыку, и душить попа. Увижусь съ подобными людьми я,—я, могу сказать откровенно, не боюсь никакихъ вліяній,—и мнѣ переберутъ архіерея по косточкѣ, тогда какъ только, можетъ быть, вчера чуть не лизали его руки. Купцы, повидимому, народъ религіознѣе другихъ и принимаютъ къ себѣ преосвященныхъ съ полнымъ радушіемъ. Но мнѣ не приводилось еще слышать отъ нихъ вполнѣ честнаго слова объ архіереяхъ; торгашество, мелочность въ каждомъ ихъ словѣ, при разговорѣ о преосвященныхъ. Самое же горькое зло, неотступное, какъ тѣнь,—это ихъ домашніе секретари. Преосвященные считаютъ ихъ людьми домашними, своими, людьми мелкими, ничтожными, преданными себѣ,—и довѣряютъ имъ, какъ себѣ самимъ во всемъ. Но эти „свои“ преданы только себѣ самимъ, но отнюдь уже не имъ. Я не говорю уже о томъ, что они скрываютъ прошенія, на „справку“ представляютъ только тѣ изъ нихъ, которыя имъ нужны и проч. Скажу только, что преосвященные совѣтуются съ ними, разсуждаютъ съ ними о дѣлахъ епархіи,—и они сильно злоупотребляютъ ихъ довѣріемъ. Кратко сказать: самаго честнаго, самаго благороднаго, самаго кроткаго и добраго, самаго благонамѣреннаго епископа они вводятъ въ непріятныя отношенія съ духовенствомъ и тѣмъ безчестятъ его честное имя. Надъ епископомъ именно выполняется слово Господне: враги человѣку домашніе его. Какова должна быть жизнь человѣка, если онъ знаетъ, что за нимъ наблюдаютъ каждый его шагъ и перетолковываютъ въ дурную сторону; что онъ окруженъ всегда и всюду обманщиками, льстецами и своекорыстниками?! Поэтому жизни епископа позавидуютъ только тѣ, кто не знаетъ ея.

„Суть дѣла въ маломъ образованіи лицъ духовнаго званія“.

Но насъ десятки тысячъ; прежде насъ были опять десятки тысячъ; прежде ихъ—опять десятки тысячъ... Неужели же изъ сотенъ тысячъ не было, хотя бы случайно, ни одного умнаго человѣка, который нашелъ бы способы поставить духовенство въ лучшія отношенія къ обществу? Да это, прямо, невозможно! При томъ позвольте замѣтить въ другой разъ, что духовенство, по относительному количеству, образованнѣе всѣхъ сословій,—безъ исключенія. Неужели совсѣмъ нѣтъ у насъ людей дѣятельныхъ? Нѣтъ, если мы находимся въ ненормальномъ отношеніи къ обществу и если не много сдѣлали для его религіозно-нравственнаго состоянія, то причина тому внѣ насъ.

„Въ кастовомъ ихъ духѣ, поддерживаемомъ нынѣшнею постановкою спеціальнаго духовнаго образованія“.

„Кастоваго духа“ у насъ нѣтъ. Двери учебныхъ духовныхъ заведеній открыты для всѣхъ сословій. Если же нейдетъ туда никто изъ другихъ сословій, то виноваты въ этомъ не мы. Пошлите туда учиться вашего сына, если онъ есть у васъ,—и мы будемъ очень рады.

Но вы ратуете даже противъ того, зачѣмъ существуютъ спеціальныя учебныя духовныя заведенія? А мы спросимъ, съ своей стороны: почему же и не быть имъ? Морское министерство имѣетъ свои спеціальныя учебныя заведенія; военное—свои; государственныхъ имуществъ—свои, и проч. Почему же не должны имѣть ихъ мы? Всякая спеціальность и можетъ быть изучена основательно только въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Для основательнаго изученія того, что требуется по нашей спеціальности, мы должны имѣть и имѣемъ спеціальныя заведенія. Иначе и быть не можетъ.

Но мнѣ не разъ приводилось слышать, что семинаристы дики, неразвиты, не умѣютъ держать себя въ хорошемъ обществѣ и т. под. Это, отчасти, правда. И что „еслибы были всесословныя учебныя заведенія съ спеціальными классами богословія, то семинаристы, т. е. дѣти духовенства, были бы „развитѣе“. На это мы скажемъ: „можетъ быть“, но не утверждаемъ. За то положительно утверждаемъ, что богословская наука потеряла бы много.

Намъ говорятъ: „дѣти духовенства, обучаясь въ всесословныхъ учеб. заведеніяхъ, переняли бы отъ товарищей своихъ манеры въ обращеніи, научились бы лучше, приличнѣе, держать

себя въ обществѣ“. На это мы отвѣчаемъ: въ семинаріяхъ обучаются дѣти псаломщиковъ, дьяконовъ и священниковъ. Въ этомъ числѣ очень много есть дѣтей такихъ священниковъ, которые видятъ и въ своихъ домахъ хорошихъ людей и дѣти ихъ бываютъ у нихъ. Отъ нихъ многому хорошему могутъ научиться тѣ, которые нигдѣ не бывали. Кто теперь въ общесословныхъ заведеніяхъ,—гимназіяхъ? Тамъ малость изъ учениковъ есть изъ дворянъ-помѣщиковъ, большинство же: дѣти мелкихъ чиновниковъ, купцовъ, сапожниковъ, портныхъ, слесарей, столяровъ, плотниковъ (сынъ моего одного прихожанина, плотника, въ гимназіи), колонистовъ-нѣмцевъ и под. Въ курсѣ старшаго моего сына, учениковъ изъ дворянъ не было ни одного. Скажите же безпристрастно: какое товарищество лучше? Еслибъ даже дѣтей дворянъ и чиновниковъ въ гимназіяхъ было и больше, чѣмъ теперь, то чему особенно хорошему и полезному для жизни могли бы научиться отъ нихъ наши дѣти? Бойкости только, развязности? Но лицу, готовящемуся въ духовное званіе, жертвовать богословскими познаніями изъ-за бойкости,—есть безуміе. Кромѣ же того: наше назначеніе—скромность; наше мѣсто—деревня, глушь, гдѣ недоступнаго барина, самодура-купца, кулака-торгаша и міроѣда-мужика не ублажить никакими „манерами“, передъ каждымъ „согнешь спину“ и поклонишься. Тутъ приходится привыкать къ „манерамъ“ другаго рода!

Намъ говорятъ, что „изъ всесословныхъ учебныхъ заведеній въ духовное званіе поступали бы лица всѣхъ сословій. А такъ какъ люди, выходящіе изъ свѣтскаго общества, пороки общества знаютъ лучше, нежели духовенство, замкнутое само въ себѣ и отчужденное отъ общества, то могли бы лучше громить общественные недуги“.

На это мы скажемъ: духовенство выходитъ на служеніе міру не изъ пустыннаго острова. Оно родится, ростетъ и живетъ въ томъ же мірѣ, которому потомъ служитъ. Стало быть не можетъ не знать и хорошихъ, и дурныхъ его сторонъ. Но когда мы дѣлаемся пастырями, то, по особенностямъ нашего служенія, мы узнаемъ общество лучше, чѣмъ кто либо другой. Но отъ знанія до слова, или обличенія, еще далеко. Недуги общества мы знаемъ хорошо; но, какъ я сказалъ уже, не можемъ говорить всего, что находили бы нужнымъ говорить, потому что проповѣди наши

находятся подъ двумя цензурами. Первая—это въ городѣ особый цензоръ священникъ, въ уѣздѣ—благочинный. Ни тотъ, ни другой, изъ опасеній строгой отвѣтственности, не дозволятъ вамъ говорить ничего, рѣзко обличительнаго обществу. За этой цензурой есть вторая цензура,—это обличаемое общество. Эта вторая цензура есть самая строгая и самая неумолимая. Она не допуститъ вамъ не только разглагольствій, но и ни одного, самаго легкаго намека на его пороки. Намекните только на его пороки,—и оно подниметъ на васъ всѣ силы злобы, ненависти, мщенія, предастъ васъ суду тѣхъ, пороки которыхъ вы обличали,—и вы погибли на вѣкъ... Многіе примѣры такого рода научили насъ быть до послѣдней степени осторожными. А при такомъ порядкѣ дѣла всякая ревность самаго честнаго проповѣдника улегается невольно. Слѣдовательно, ревность неопытнаго проповѣдника, поступившаго въ наше общество изъ другаго сословія, какъ лица, не знакомаго съ нашимъ бытомъ и обстановкой, послужила бы ему же, прежде всего, къ его погибели. А погибель его дала бы обществу поводъ держать себя, въ отношеніи къ проповѣднику, еще, такъ сказать, кичливѣе и быть взыскательнѣе. Ревностный же обличитель общественныхъ недуговъ, не имѣющій возможности удовлетворять своему рвенію, былъ бы въ тягость самому себѣ.

„Этотъ кастовый духъ нашего духовенства будетъ жить до тѣхъ поръ, пока будутъ существовать спеціальныя учебныя заведенія для дѣтей духовнаго званія.“

Учебныхъ заведеній, исключительно для дѣтей духовнаго званія, нѣтъ. Объ этомъ мною говорено уже было. Спеціальныя же учебныя заведенія для готовящихся въ духовное званіе необходимы. Истины вѣры настолько велики и важны, что составляютъ цѣлую науку и требуютъ глубокаго, всесторонняго и многолѣтняго изученія, чтобы понимать ихъ согласно ученію православной церкви. Можно быть плохимъ химикомъ, плохимъ ботаникомъ, зоологомъ и под. Вредъ для слушателей будетъ только въ томъ, что они меньше будутъ знать эти науки. Но православному проповѣднику не знать основательно православнаго ученія нельзя. Пашковы и безчисленное множество подобныхъ имъ у насъ на глазахъ. „Малѣйшіе недостатки въ знаніи вѣры, какъ справедливо замѣчаетъ „Церковно-общественный Вѣстникъ“, могутъ породить печальныя послѣдствія. Самая терминологія, когда при-

дется говорить о предметахъ духовныхъ, запутаетъ человѣка неопытнаго, вовлечетъ въ ересь, расколъ, породитъ цѣлую массу курьезныхъ сужденій о предметахъ вѣры и нравственности, или же заставитъ разливаться въ пустыхъ фразахъ, ничего не говорящихъ уму и сердцу слушателя поученіяхъ". По этому, одного богословскаго отдѣленія, безъ предварительной подготовки, недостаточно.

„Не говоря о недостаткахъ программъ этихъ учебныхѣ заведеній въ общеобразовательномъ отношеніи, каждое изъ названныхъ заведеній заключаетъ въ себѣ особенную специфическую атмосферу, обращающую пастырское служеніе въ ремесло, непремѣнно наслѣдуемое отъ пра-праотцевъ, мертвящую бодрое, чистое религіозное чувство и дѣло. Вся атмосфера этихъ учебныхъ заведеній проникнута мелочнымъ торгашествомъ, чиновничьимъ отношеніемъ къ дѣлу, бумажнымъ формализмомъ, крючкотворствомъ и подъячествомъ и т. д".

Наборъ словъ безъ всякаго содержанія! Такой наборъ означаетъ только то, что вопросъ о духовенствѣ сталъ моднымъ вопросомъ. Всѣ заговорили о духовенствѣ, и всѣ—одинъ передъ другимъ—стараются чернить его, хотя бы въ томъ, что̀ говорится, правды было слишкомъ мало. Въ самомъ дѣлѣ: приведенныя мною слова такъ безсодержательны, что я не нахожу нужнымъ отвѣчать на нихъ. Однакожъ все это печатается, какъ бы ни было безсодержательно, все пускается въ общество, общество читаетъ, и въ людяхъ, не вникнувшихъ въ безсодержательность словъ, увеличивается непріязнь къ намъ.

XLVII.

Одна изъ уважаемыхъ газетъ, разсуждая о духовенствѣ, задается вопросомъ:

„Отъ чего только православное духовенство нуждается въ обезпеченіи и улучшеніи быта, не смотря на господствующее свое положеніе? Почему нѣтъ у насъ вопросовъ объ улучшеніи быта раскольничьихъ поповъ, ксензовъ, пасторовъ, раввиновъ и муллъ?

На это мы, прежде всего, замѣтимъ, что „господствующее положеніе" въ Россіи имѣетъ православная церковь, а не служители ея. Между бариномъ и его слугой есть разница. Смѣшивать церковь и ея служителей,—значитъ смотрѣть безъ должнаго вниманія на тотъ вопросъ, который беремся рѣшать.

„Почему нѣтъ у насъ вопроса объ улучшеніи быта раскольничьихъ поповъ?"

Я сдѣлаю небольшую выписку изъ журнала православнаго миссіонера Саратовской губерніи (Епарх. Вѣд. 1880 г. № 15) и она, надѣюсь, будетъ достаточнымъ отвѣтомъ.

„Измѣнникъ отечественной церкви, бывшій священникъ с. Лапуховки, Вольскаго уѣзда, Саратов. губ. Василій Ив. Горизонтовъ, объѣхавъ болѣе отдаленныя мѣста Саратов. губерніи, побывавъ въ Москвѣ и на Дону у казаковъ, поселился въ с. Сосновой-мазѣ, Хвалынскаго уѣзда, Саратов. губ., гнѣздѣ раскола. Здѣсь, охраняемый цѣлой дружиной рослыхъ молодцовъ, его уставщиковъ въ молельнѣ, онъ зажилъ преспокойно. Масса народа со всѣхъ сторонъ стекается къ нему съ своими различными духовными нуждами,—пріѣзжаютъ сюда верстъ за 50—100 и болѣе, щедро награждая Горизонтова и его служителей деньгами, и еще болѣе ублажая явствами и питіями... Постоянный кутежъ, попойки въ сообществѣ дѣвицъ и женщинъ, состоящихъ при Горизонтовѣ въ качествѣ его келейницъ и клирошанъ, продолжаются часто далеко за полночь и нерѣдко оканчиваются ссорою и дракою... Истинное-древнее благочестіе не дешево достается старообрядцамъ. Они платятъ 3—5 руб. за крестины, 20—25 р. за свадьбу и баснословная цѣна, восходящая до 1000 р. за сорокоустъ и даже болѣе. „Далъ я это ему 500 р., разсказываетъ одинъ крестьянинъ, чтобы, значитъ, помолился 40 обѣденъ за усопшаго родителя моего, потому обѣщаніе тако далъ я передъ Богомъ, а онъ, батюшка-то (Горизонтовъ), и говоритъ мнѣ, да таково сердито, что я инда спужался: ты, баитъ, смѣяться что ли вздумалъ надо мной, за такую великую вещію даешь мнѣ столько? Да мнѣ, говоритъ, одному этой суммы твоей мало! А чего я дамъ уставщикамъ, которые будутъ пѣть на два клироса и которыхъ не одинъ вѣдь человѣкъ? Безбожники вы, говоритъ, антихристы этакіе, и пошелъ этакъ меня корить, на чемъ свѣтъ стоитъ только. Стою я и думаю себѣ этакъ: должно прибавить, нужно, да и кладу потомъ еще 300 рублевъ; послужите, молъ, батюшка, Христа ради, больше этого не могу дать. Помякъ не много этакъ, посадилъ меня рядомъ съ собой, да и говоритъ мнѣ: ну, Иванъ Герасимовичъ, для тебя я только уваженіе сдѣлаю въ этомъ случаѣ, а то мнѣ, говоритъ, нельзя дешевле служить, самъ много плачу другимъ. Одначе, муку для просфоръ, вино красное, ну и угощеніе тамъ послѣ каждой обѣдни,—все это онъ на меня

навалилъ. Тебѣ, баитъ, дѣло это сподручнѣе, сколько хочешь, столько и купишь всего тамъ".

Съ своей стороны мы скажемъ, что это не единственный случай. Такъ поступаютъ попы и начетчики всѣхъ старообрядческихъ сектъ. Намъ лично извѣстно множество подобныхъ случаевъ. Бываетъ ли такъ у насъ—православныхъ? Никогда и нигдѣ! Бываютъ и у насъ и припрашиванья, и даже вымогательства; объ этомъ мы уже писали,—но копѣечныя. Дѣло нашего служенія мы настолько почитаемъ великимъ и святымъ, что и этого—копѣечнаго домогательства хотѣлось бы избѣгнуть.

„Почему не ропщутъ на свое положеніе ксензы и пасторы"?

Въ нѣмецкихъ колоніяхъ нашихъ ксензы и пасторы получаютъ изъ управленія государственными имуществами почти такое же жалованье, какъ и мы, именно: ксензы по 171 р. 10 к., пасторы по 142 р. 90 к. въ годъ. Но въ саратовскихъ колоніяхъ, еще въ началѣ поселеній, контора иностранныхъ поселенцевъ распорядилась, чтобы и пасторы, и ксензы имѣли отъ обществъ хорошія квартиры, отопленіе, жалованье и зерновый хлѣбъ. Ни ксензы и ни пасторы сами знать не хотятъ ничего: домà строятся, ремонтируются, отапливаются, а также собирается хлѣбъ и привозится на домъ по распоряженію сельскихъ властей. Поэтому всякій ксензъ и пасторъ можетъ заниматься своими обязанностями безъотрывочно и вести себя съ достоинствомъ. Съ того времени и до сихъ поръ всѣ они обезпечены съ избыткомъ.

Сами колонисты заняли лучшія мѣста по Волгѣ и близь нея. Поволжскіе нѣмцы,—это, какъ клопы въ иномъ домѣ, гдѣ есть они: гдѣ трещинки, такъ и клопъ. Такъ и у насъ по приволжью: гдѣ тепленькое мѣстечко,—тутъ и нѣмецъ; а объ лучшихъ мѣстахъ и говорить нечего,—онѣ всѣ за нѣмцами. При всѣхъ удобствахъ и обиліи земли, они не платили никакихъ повинностей,—ни денежной и ни воинской,—они жили и просвѣщали насъ: вырубали лѣса у сосѣдей—русскихъ мужичковъ, отхватывали пахотную землю, косили ихъ луга, и вытравливали своимъ скотомъ ихъ посѣвы, снимали у помѣщиковъ мукомольныя мельницы, строили свои, и грабили мужичка-помольца; поступали въ управляющіе имѣніями, арендовали имѣнія и свободные казенные земельные участки,—и мужика душили. При такомъ положеніи дать обезпеченное содержаніе ксензу или пастору для нихъ не стоило ни-

чего. Однакожъ, не смотря на это, въ положеніи ксензовъ и пасторовъ принимала дѣятельное участіе контора иностранныхъ поселенцевъ: безъ полнаго обезпеченія духовенства не позволялось строить кирокъ и костеловъ; въ случаѣ не платежа жалованья или неисправнаго сбора хлѣба контора дѣлала распоряженія.

Очень недавно еще, что нѣмецкіе колонисты сравнены въ правахъ съ русскими, но перемѣна, въ ихъ быту, страшная: купцы, ремесленники и промышленники остались тѣмъ же, чѣмъ они были, но крестьяне-земледѣльцы бѣднѣютъ съ каждымъ, кажется, днемъ. Колонисты-нѣмцы, какъ земледѣльцы,—народъ самый плохой: гдѣ нѣмцы снимали землю и сѣяли хлѣбъ, тамъ земля поросла пыреемъ и бурьяномъ, и русскій мужичекъ, послѣ нѣмца, сѣетъ только въ крайности. Лошаденочки плохенькія, плужишки дрянь, рукъ, какъ слѣдуетъ, приложить лѣнь,—и ковыряетъ кое какъ. Боронятъ,—такъ смотрѣть смѣхъ: иной мужичина, раза въ четыре здоровѣе своей лошади, запряжетъ ее въ борону да и залѣзетъ верхомъ. Лошаденочка чуть не падаетъ, его ноги чуть не волочатся,—а онъ сидитъ себѣ и глубокомысленно тянетъ свою люльку. Нищіе у насъ теперь, преимущественно, нѣмцы. Если они не примутся за работу, какъ слѣдуетъ, то бо́льшая часть обѣднѣетъ очень скоро, и обѣднѣетъ хуже всякаго русскаго мужика. По ходу дѣла можно заключить, что нѣмцы обѣднѣютъ. Тогда закричатъ и умники наши,—ксензы и пасторы, и закричатъ громче нашего. Однакожъ теперь, не смотря на свое обѣдненіе, духовенству они платятъ также, какъ и прежде, кромѣ, разумѣется, нищихъ. Платить вошло уже у нихъ въ обычай; и вѣковые обычаи вѣками и уничтожаются, тѣмъ болѣе, что сами пасторы и ксензы поддерживаютъ свои доходы такими средствами, какихъ мы, православные, употреблять не можемъ. Вотъ примѣръ: между двумя деревнями моего прихода, Александровской и Владимірской, на казенномъ участкѣ, арендуемомомъ купцомъ Ткаченко, есть нѣмецкій поселокъ, дворовъ въ 15. Нынѣ лѣтомъ (1880 г.), по случаю бездождія, я молебствовалъ въ одной изъ своихъ деревень. Къ нашему молебну пришли всѣ нѣмцы-лютеране: мужчины, женщины и дѣти. Послѣ молебна мнѣ нужно было идти чрезъ нѣмецкую деревушку. Женщины и дѣвушки ушли отъ меня впередъ, сажень за 50, и тихонько запѣли. Я догналъ ихъ. Мужчины видятъ, что я слушаю пѣніе, обрадовались,

ободрились, подошли къ женщинамъ и стали пѣть. Потомъ встали всѣ на колѣна и долго молились, поднявши руки къ верху. Я стоялъ безъ шляпы и смотрѣлъ. Послѣ молитвы всѣ они окружили меня и, со слезами на глазахъ, говорили мнѣ: „вы молитесь съ своими прихожанами, а нашъ пасторъ не ѣдетъ къ намъ вотъ уже три года. Чтобы пріѣхать, онъ проситъ съ насъ 15 р. А мы, вы знаете, люди бѣдные, гдѣ взять намъ 15 р.? Родятся ребята, умираютъ, никто не пріобщался уже три года, а нѣкоторые и больше,—а онъ не ѣдетъ, да и только!“ Такого вымогательства въ русскомъ православномъ духовенствѣ вы не встрѣтите нигдѣ, въ этомъ мы ручаемся чѣмъ угодно! Безъ крещенія, молитвы, пріобщенія брошена цѣлая деревня,—и ничего, какъ будто такъ и быть должно. Про вымогательство пасторовъ и ксензовъ литература ни слова. Но сдѣлай что нибудь только подобное мы: не поѣзжай къ больному ночью въ слякоть, мятель, дождь, въ деревню, хоть только одинъ разъ, или спроси за поѣздку 10 к.,—и завопятъ противъ насъ на всѣ голоса! Спроси мы, за поѣздку, за 15—20 верстъ, въ слякоть ночью, что у насъ не рѣдкость, 5—10 коп., бѣда: всѣ закричатъ, что попы и жадны, и безсовѣстны и проч.! Насъ зовутъ, и мы ѣздимъ всюду и во всякую погоду, безотговорочно, молча, не трубя про свои труды и лишенія. Какъ насъ ни поноси общество, какія клички намъ ни давай, какіе анекдоты ни сочиняй про насъ, но кто всмотрится въ нашу жизнь безпристрастно, то увидитъ, что безкорыстнѣе большинства православнаго духовенства нѣтъ никого. Хвалить и защищать духовенство мнѣ рѣшительно нѣтъ надобности. Я говорю только то, что есть на самомъ дѣлѣ и желалъ бы, чтобы мои слова были провѣрены тѣми, кого онѣ интересуютъ, особенно тѣми, кто видитъ въ насъ одно только дурное.

Случается такъ: въ часъ ночи ложишься или собираешься ложиться спать; вдругъ слышишь: бросились собаки. Значитъ, что кто нибудь у воротъ есть чужой. Оказывается, что пріѣхалъ крестьянинъ звать къ больному, въ страшную мятель или проливной дождь.

— Что ты, спрашиваешь, пріѣхалъ въ такую пору?

— Да матушкѣ принеможилось.

— Давно ли она больна?

— Охаетъ-то она недѣли три, да теперь говоритъ: „ступай за попомъ, подъ сердце подкатило, какъ бы не умереть“.

ѣдешь. Оказывается, что она преспокойно сидитъ на лавкѣ, въ переднемъ углу, наряжена и здоровѣе тебя.

— Зачѣмъ ты въ этакую пору прислала за мной? Вѣдь ты здорова?

— Какò, батюшка, здорова! Третью недѣлю и на улицу не выхожу. Нынѣ весь день маковой рòсинки и въ роту не было. Исповѣдуй, кормилецъ!

— А пріобщиться желаешь?

— Какъ же, кормилецъ, желаю; только ты теперь исповѣдуй, а причаститься-то я завтра, Богъ дастъ, приду въ церковь къ обѣднѣ. Тамъ ты, кормилецъ, и причасти меня.

— Такъ ты и пришла бы завтра въ церковь, тамъ и исповѣдалась бы, чѣмъ таскать меня ночью, въ такую непогодь.

— Да оно дома-то исповѣдываться какъ-то лучше, слабоднѣй. А тамъ коли тебѣ говорить съ нами? Я для тебя же! Да и изъ шести недѣль-то не хочется выдти: нынѣшній денекъ, какъ разъ, шесть недѣль, какъ я исповѣдывалась.

И, дѣйствительно, случалось, что утромъ такія старухи приходили пѣшкомъ въ церковь, верстъ пять и восемь. Часа полтора проѣздишь. Въ пять часовъ нужно служить утреню. Окоченѣвшій, зимой, идешь изъ церкви домой, а тамъ уже ждетъ тебя мужикъ опять въ деревню. Пріѣдешь, пробѣжишь но комнатамъ разъ 50,—и къ обѣднѣ. А тамъ: молебны, похороны, крестины и проч. и маешься до одуренія.'

Однажды пріѣзжаютъ за мною ночью два мужика-братья и просятъ ѣхать къ нимъ въ деревню пріобщить отца ихъ, убитаго мужикомъ. Поѣдемъ, говорятъ, батюшка посворѣе! Не знай застанешь, не знай нѣтъ,—ужъ больно избили его.

Ночь была страшно темная, лѣтомъ. Вхожу въ избу: горитъ огонекъ, въ избѣ полумракъ; среди полу, на войлокѣ, лежитъ здоровенный мужичище; самъ онъ, подушонка и войлокъ въ крови. Надъ мужикомъ, на лавкѣ, сидитъ женщина—сноха. Я вошелъ, и она стала толкать его въ плечо: „батюшка, батюшка! Вставай, батюшка-кормилецъ, священникъ пріѣхалъ“! Мужикъ молчитъ. Я вижу, что онъ едва живъ, безъ чувствъ, и, не желая безпокоить его, говорю снохѣ: не безпокой его, я сяду и подожду, когда онъ придетъ въ себя.

— Нѣтъ, онъ проснется!

И опять начала толкать. Разъ пять я останавливалъ ее, а она, все-таки, свое,—толкаетъ. Наконецъ, мужикъ очнулся и, неподнимаясь самъ, поднялъ руку и промычалъ: „а! Батюшка? Гдѣ онъ? Причасти меня! Я его!“—да и хватилъ по русски...

Я къ дѣтямъ: онъ пьянъ?

— Малость есть.

— Какъ же вы смѣете возить меня, безпокоить, къ пьяному?

— Да ужъ больно избили его. Было бы тебѣ извѣстно, коль не станешь причащать.

Утромъ я велѣлъ прислать къ себѣ старосту. Оказалось, что мужикъ этотъ очень богатый, житель дер. Кувыки, Ермилъ Өедоровъ Питерскій, былъ выбранъ въ волостные, „добросовѣстные“, и, какъ начальство, требовалъ, чтобы всѣ, встрѣчающіеся съ нимъ, издалека скидали предъ нимъ шапки. Какъ только кто не скидалъ, сажень за 10, шапки, то онъ, какъ здоровенный мужичина, колотилъ каждаго изо всѣхъ своихъ силъ. Случилось, что съ нимъ встрѣтился такой же дубъ, какъ и онъ, но только моложе. Питерскій ударилъ его, а тотъ и ну его по своему, да и задалъ ему... Питерскій послалъ за мной, чтобъ я пріобщилъ его, чтобъ ему можно было подать прошеніе, что его избили до того, что онъ умиралъ. Подобные случаи у насъ не рѣдкость и нынѣ: зовутъ въ деревню къ больному, а больной: „батюшка! Было бы тебѣ извѣстно, меня избили. Причасти!“

— Гдѣ избили, въ кабакѣ?

— Да, признаться, такъ. Какъ бы не умереть, причасти, я подамъ просьбу.

Чтожъ? Побранишь, да и только. Но отъ этого не легче. Время отнято, а завтра пришлетъ другой пьяница.

Насъ могутъ укорять, что мы не внушаемъ о значеніи и важности таинства причащенія. Но мы внушаемъ, насколько можемъ, да ничего не подѣлаешь. Вѣдь это все тоже, что иной департаментскій чиновникъ: ходитъ именно только въ ту церковь, въ которую ѣздитъ жена директора; кладетъ поклоны именно въ тотъ моментъ, когда молится она; въ публичныхъ собраніяхъ бываетъ именно тамъ, гдѣ бываетъ она; на столѣ у себя держитъ именно ту газетку, какую читаетъ директоръ. Онъ хорошо сознаетъ, что онъ подличаетъ, а, все-таки, думаетъ: не мѣшаетъ подслужиться, авось обратятъ вниманіе. Чиновникъ чрезъ подличанье хочетъ

вылѣзть въ люди, а мужикъ—спитъ полуведерную. Человѣкъ вездѣ одинаковъ.

Однажды ночью привозятъ меня въ одинъ домъ. Вхожу, мужикъ выгоняетъ изъ избы ягнятъ. Спрашиваю: кто же больной у васъ?

— Да, видно, я, кормилецъ.

— Но вѣдь ты здоровъ, зачѣмъ же ночью безпокоить меня? Пріобщиться могъ бы ты и днемъ, если желаешь.

„Какіе у меня ребята-то, кормилецъ, дай имъ Богъ дȯбро здоровье; не то, что у кума Өедора! Его, вотъ-этта, чуть было большакъ не прибилъ. До старосты доходилъ. Тотъ: я, говоритъ, тебя!.. А я вотъ только сказалъ, что, что-то неможется, не съѣздить ли за попомъ, а они и поѣхали. Дай имъ Богъ дȯбро здоровье, почитаютъ меня, старика“. И пошелъ, пошелъ старикъ хвалить своихъ ребятъ!.. Я ему: нужно и меня пожалѣть, васъ у меня не одна тысяча, нужно и мнѣ дать покой... А онъ: дай Богъ имъ дȯбро здоровье! Только промололъ, а они: не съѣздить ли? И пьютъ они у меня мало. Вотъ-этта“... И пошелъ!

Такіе случаи у насъ безпрестанно. Поставь каждый себя на нашемъ мѣстѣ: достанетъ ли у кого терпѣнія и нравственной силы: вставать ночью, ѣздить и ходить во всякую погоду и часто попусту, бросать свои занятія, перерывать ихъ на самыхъ важныхъ пунктахъ; бросать перо, на половину не выразивши мысли; бросать книгу, не дочитавши десятка строкъ; бросать хозяйство—покосъ, жнитво, молотьбу и пр. съ прямымъ ущербомъ для хозяйства; безотговорочно ѣздить въ зной, пыль, бурю, дождь, снѣгъ, мятель,—бросать и занятія, и отдыхъ и—за ничто, безъ всякаго вознагражденія! Ну, потрудитесь представить себя на нашемъ мѣстѣ! Повѣрьте, что у васъ не хватило бы терпѣнія и на одинъ мѣсяцъ.

Но я заговорился, и прошу извиненія у читателя.

Того, чѣмъ переполнена наша жизнь, ничего подобнаго у ксензовъ и пасторовъ нѣтъ. Не отрываемые отъ своихъ домашнихъ или кабинетныхъ занятій, при достаточномъ матеріальномъ обезпеченіи, при участіи въ этомъ обезпеченіи начальства и при крайнемъ вымогательствѣ, они живутъ покойно и молчатъ. О насъ же со стороны не заботится ровно никто, а такихъ вымогательствъ, на какія указалъ я, дѣлать мы не можемъ. Отъ того мы и бѣдны, отъ того мы и вопимъ. Мы вызываемъ общественное сочувствіе, но голосъ нашъ,—или голосъ въ пустынѣ, или отвѣчаютъ намъ

въ родѣ того: „да вѣдь вы и тупы, и глупы, и безнравственны, и еще ѣсть, тоже, прӧсите! Смотрите, какъ пасторы и ксензы съумѣли поставить себя! Вотъ что значитъ быть умнымъ-то“! Общество не хочетъ видѣть, почему молчатъ они, и ставитъ ихъ намъ въ укоръ. Мы желали бы, что бы насъ сравняли съ ними; но въ чемъ? Чтобы правительство, какъ и контора иностранныхъ поселенцевъ, приняли участіе въ обезпеченіи насъ. Мы довольны были бы немногимъ; но желали бы, чтобы за тѣми лотками и рѣшетами, какія получаемъ мы теперь, мы не ѣздили сами и псаломщики наши не ходили по дворамъ съ мѣшкомъ на плечахъ.

„Почему не жалуются на свое положеніе муллы“?

Муллы у насъ всѣ—народъ торговый. Это первое. Второе: въ Крыму они получаютъ 10% всего дохода: они берутъ десятую овцу, десятаго теленка, десятый снопъ, десятый стогъ сѣна, десятый пудъ фруктовъ и под. Мнѣ лично извѣстны нѣкоторые крупные Крымскіе землевладѣльцы и, кромѣ того, крупнымъ землевладѣльцемъ въ Крыму мой зять. Всѣ они съ радостію отдаютъ свои степи въ аренду изъ десятой части урожая. Мулла же получаетъ эту десятую часть ни за что. И еще бы кричать ему, что ему жить не чѣмъ! Въ нашей губерніи татаръ, тоже, множество. И муллы, кромѣ отсыпнаго хлѣба и живности всякаго рода, получаютъ 10% съ каждаго калыму. Женихъ платитъ за невѣсту, положимъ, 300 р. Изъ нихъ получаетъ мулла 30 р. Слыханное ли дѣло у насъ, чтобы за свадьбу дали духовенству 30 р.? Еслибъ городскому нашему духовенству давали не 10%, а только 1%—2% съ приданаго невѣстъ, то, навѣрное, оно согласно было бы не брать ничего ни за какія требы. Я говорилъ, что намъ желательно было бы, чтобъ насъ сравняли съ муллами. Это, конечно, не въ десятой части доходовъ и не въ 10% съ приданаго, а именно въ томъ, чтобъ намъ не вымаливать себѣ пропитанія по дворамъ, съ лукошкомъ или мѣшкомъ въ рукахъ.

XLVIII.

Другая изъ уважаемыхъ и распространенныхъ газетъ, разсуждая о духовенствѣ, говоритъ, что „улучшать быта духовенства и не слѣдуетъ по той причинѣ, что оно сдѣлается тогда еще безнравственнѣе и сопьется совсѣмъ. Мужикъ, говоритъ она, разбогатѣвши, дѣлается непремѣнно пьяницей“.

Но, во первыхъ, разбогатѣвшій мужикъ пьяницей не дѣлается. Отъ того-то онъ, между прочимъ, и богатъ, что онъ не пьетъ. Если же и пьетъ, то въ извѣстное время, и дѣло свое не забываетъ. Пьянствуютъ, преимущественно, люди бѣдные. Въ этомъ повѣрьте опять намъ, живущимъ между мужиками. Во вторыхъ, на какомъ основаніи сравнивать насъ съ мужиками, еслибъ даже мужики и дѣлались пьяницами, разбогатѣвши? Почему не говорилось и не говорится этого о чиновникахъ, когда увеличиваютъ имъ оклады жалованья? Неужто чиновники, съ увеличеніемъ оклада жалованья, всѣ подѣлались пьяницами? Неужто писецъ, сдѣлавшись столоначальникомъ, съ увеличеніемъ жалованья, дѣлается пьяницей? Столоначальникъ, сдѣлавшись начальникомъ отдѣленія, дѣлается пьяницей еще горчайшимъ? Начальникъ отдѣленія, сдѣлавшись вице-директоромъ, дѣлается еще худшимъ? Что такое министръ, послѣ этого? Еслибъ намъ и дали жалованье, то какіе-такіе капиталы дали бы намъ, чтобы мы ихъ и не видывали, и не имѣли въ рукахъ своихъ; чтобъ они вскружили бы намъ головы и мы перебѣсились бы? Еслибъ намъ и дали жалованье, то дали бы самое скромное. Однимъ оно улучшило бы содержаніе; для другихъ оно сравнялось бы съ тѣмъ, что они получаютъ теперь; для третьихъ же оно было бы, можетъ быть, въ четыре-пять разъ менѣе того, что они получаютъ теперь. Между тѣмъ платежъ за требы прекратился бы. Стало быть, многіе потеряли бы многое, и они остались бы крайне недовольны. Въ нашей губерніи есть церкви, которыя продаютъ свѣчъ болѣе 30 пудовъ въ годъ, и есть такія, гдѣ не продается и полпуда. Есть священники, которые получаютъ не болѣе 50 р. въ годъ; но есть и такіе, которые получаютъ болѣе 3000. И эти трехтысячные отнюдь не пьяницы, и дайте имъ какіе угодно капиталы,—головы имъ не вскружите,

пьяницами они не будутъ. Наши епископы и теперь не пьяницы, не были они пьяницами и тогда, когда владѣли вотчинами и брали съ духовенства оброки.

Мы слышали, что покойный высокопреосвященный митрополитъ московскій Филаретъ не желалъ, чтобы духовенству дано было и то жалованье, которое получаемъ мы теперь,—что духовенство, при жалованьѣ, возгордится. Правда это или нѣтъ, что такъ думалъ высокопреосвященный, я, конечно, ручаться не могу; но слухъ такой у насъ былъ и держится до сихъ поръ.

„Обезпечить духовенство казеннымъ жалованьемъ? Но подобное обезпеченіе убило бы послѣдніе слѣды общественнаго и религіознаго значенія духовенства и превратило бы его окончательно въ чиновниковъ“.

Подобныя мнѣнія намъ встрѣчаются не въ первый уже разъ, и мы отвѣчаемъ: наши епископы, встарину, брали съ духовенства подати и владѣли вотчинами и имѣли должное „значеніе“ для общества и церкви. Теперь они живутъ на одномъ казенномъ жалованьѣ. Неужто значеніе ихъ для церкви и общества пало? Напротивъ: оно возвысилось. Мы можемъ сказать, что мы знакомы съ исторіею русской церкви, знаемъ и современное состояніе церкви на Балканскомъ полуостровѣ и въ Малой Азіи. Нашъ епископъ не посылаетъ теперь десятниковъ и поповскихъ старостъ за сборомъ податей, за десятой копной хлѣба и сѣна; не тащитъ со двора послѣднюю овцу; не сажаетъ насъ на чепь, не приковываетъ въ подвалѣ, не сажаетъ на столбъ, не поретъ плетьми и не дѣлаетъ ничего, что дѣлаютъ теперь греческіе епископы съ своимъ духовенствомъ,—и теперь мы идемъ къ нему и принимаемъ его у себя въ домѣ, какъ начальника, какъ отца, ни мало не опасаясь, что онъ будетъ вымогать у насъ наше достояніе. Наши отношенія къ нему чисто какъ отношенія дѣтей къ отцу. Можно бы надѣяться, кажется, что и отношенія прихожанъ нашихъ къ намъ были бы такія же, еслибъ и мы перестали жить ихъ трудомъ.

Опасаются, что мы сдѣлались бы „чиновниками“. Но почему такъ страшно это слово? Еслибъ даже и чиновниками, такъ чтожъ въ этомъ есть особенно дурное? Министры, великіе князья, даже самые наслѣдники престоловъ получаютъ чины. Чтожъ, отъ этого хуже государству? Священники получаютъ

протоіерейство, епископы архіепископство, это тоже, своего рода, чины; всѣ мы получаемъ ордена, а это болѣе, чѣмъ жалованье, приближаетъ насъ къ чиновничеству; что же теряетъ чрезъ это вѣра и нравственность? Но мы давно, если уже такъ, чиновники,—мы давно состоимъ па казенномъ жалованьѣ, но только желалось бы, чтобъ это жалованье было настолько достаточнымъ, чтобъ намъ не брать за совершеніе молитвословій и таинствъ, чтобъ наше служеніе было облагорожено. Стало быть о чиновничествѣ дѣло рѣшено давно, только эти чиновники желали бы, чтобъ окладъ ихъ жалованья былъ увеличенъ.

Законоучители казенныхъ учебныхъ заведеній развѣ теряютъ что нибудь въ своемъ пастырскомъ достоинствѣ, состоя на казенномъ жалованьѣ? Отношенія ихъ къ ученикамъ развѣ были бы лучше, еслибъ они жили поборами съ учениковъ?

По нашему разумѣнію, возраженіе о чиновничествѣ—возраженіе безсодержательное.

XLIX.

Во внутреннемъ обозрѣніи одного изъ лучшихъ и уважаемыхъ литературныхъ журналовъ, недавно были помѣщены разсужденія о духовенствѣ. Мы прочли ихъ и приняли, было, только къ свѣдѣнію; но въ одной газетѣ намъ попался, потомъ, такой о нихъ отзывъ: „вполнѣ здравыя“ мнѣнія по этому предмету (объ улучшеніи быта духовенства) высказаны во внутреннемъ обозрѣніи“...

Коль скоро печать обращаетъ вниманіе общества на помянутую статью, называетъ выраженныя тамъ мысли „вполнѣ здравыми“ и тѣмъ желаетъ привлечь вниманіе общества, то мы не можемъ оставить статьи этой безъ отвѣта.

„Въ обозрѣніи“ говорится: „всѣ чувствуютъ, что положеніе духовенства не нормальное, мало того, ненормальное,—развращающее“.

Положеніе „развращающее“! Но единственное, въ чемъ можно укорить нѣкоторыхъ изъ насъ, и то только нѣкоторыхъ,—это нетрезвость. Но другія сословія,—любое, пьютъ развѣ меньше? Мы не витаемъ гдѣ нибудь на облакахъ, и живемъ въ томъ же мірскомъ омутѣ, гдѣ живутъ и всѣ, переполненномъ всевозможными пороками; а „прикасаяйся смолѣ“, и всякій, самый чистый, „очернится“. Не

даромъ же ревнители спасенія уходили въ пустыни. Самую нетрезвость нашу, поэтому, нельзя, ставить намъ укоромъ. Вѣдь вы же ставите намъ вино и закуску, когда мы бываемъ въ домахъ вашихъ для молитвословій, пьете сами и просите пить насъ! За чѣмъ этотъ соблазнъ? Вѣдь васъ же нужно угощать, поить, кормить и кланяться, когда заставляетъ насъ крайность вымаливать у васъ что нибудь?! Крестьяне, въ этомъ случаѣ, справедливѣе: мнѣ не разъ приводилось производить слѣдствія о нетрезвости кого нибудь изъ причта. Спрашиваешь крестьянъ: трезво ли ведетъ себя извѣстный членъ причта? Мнѣ почти всегда отвѣчаютъ, что „пьянъ бываетъ не рѣдко; но вѣдь мы же поимъ его, съ нами же пьетъ онъ; какъ его винить въ этомъ“? Въ людяхъ интеллигентныхъ кутежа бываетъ не меньше, чѣмъ пьянства у мужика, и кутежи, не въ примѣръ, размашистѣй. Люди образованные бываютъ рады, если въ компанію къ нимъ угодитъ священникъ, готовы залить его и виномъ, и водкой; но за то этотъ несчастный священникъ надолго будетъ служить предметомъ самыхъ злыхъ насмѣшекъ, не обращая и вниманія на тѣ безобразія, какимъ предавались они сами, въ часы разгула.

„Всѣ говорятъ: надобно поднять уваженіе къ духовенству въ народѣ и въ обществѣ, надобно заставить духовенство заботиться объ этомъ“.

Мнѣ очень хорошо извѣстенъ одинъ приходъ такого рода: приходъ большой, не бѣдный и состоящій изъ множества деревень. Недавно поступилъ туда священникъ, вдовый и имѣющій четверыхъ дѣтей. Во всемъ селѣ онъ не могъ найти себѣ ни одной крестьянской избы для квартиры. Нѣсколько недѣль колотился онъ въ церковной сторожкѣ и, наконецъ, одинъ мужиченышко сдалъ ему, по 3 р. въ мѣсяцъ, свою избенку, а самъ ушелъ въ городъ. Однажды, нынѣ лѣтомъ, я проѣзжалъ чрезъ это село; священникъ узналъ, что какой-то священникъ остановился на постояломъ дворѣ, пришелъ ко мнѣ и попросилъ къ себѣ на стаканъ чаю; оказалось, что мы были знакомы. Онъ радъ былъ случаю отвести душу, на нѣсколько минутъ, съ постороннимъ человѣкомъ и, при томъ, знакомымъ и съ своимъ собратомъ. Идемъ: избеночка за селомъ, надъ берегомъ рѣчки, маленькая, низенькая, гнилая, покосившаяся, полураскрытая, съ двумя крохотными тусклыми оконцами, съ большой глинобитной печью, полъ изъ коротенькихъ горбылей,

наброшенныхъ кое-какъ; ни сѣней, ни амбара, ни погреба, ни чулана,—нѣтъ ровно ничего. Священникъ, на его бо́льшее горе, высокаго росту. Онъ не можетъ даже встать во весь ростъ и сдѣлать пять шаговъ отъ одной стѣны до другой. Спитъ съ дѣтьми на полу; кухарки, по тѣснотѣ, не держитъ. Кушанье готовитъ себѣ самъ, при помощи дѣтей-мальчиковъ; изрѣдка только помогаетъ ему сосѣдка-старуха. Жизнь этого несчастнаго священника такова, что я не вынесъ бы и трехъ дней такой жизни и заболѣлъ бы непремѣнно. Что это за помѣщеніе,—такъ это невыносимо!

Въ приходѣ его есть дворяне-землевладѣльцы. Одинъ изъ нихъ имѣетъ 1000 дес. земли и до 200,000 р. въ банкахъ; другой имѣетъ тысячъ шесть дес. земли и 250,000 р. въ банкахъ; одинъ помѣщикъ имѣетъ 500 д. земли, прочіе около этого. Всѣ дворяне эти лично мнѣ очень коротко знакомы. У всѣхъ ихъ я бывалъ въ домахъ, а у нѣкоторыхъ понѣскольку разъ.

Сколько разъ священникъ просилъ прихожанъ своихъ, и помѣщиковъ и крестьянъ, дать ему сносную квартиру или построить общественный домъ; сколько кланялся, просилъ со слезами; сколько пропоилъ мужикамъ водки,—все напрасно. Наконецъ, старшина сжалился, собралъ сходъ и на сходѣ положили построить общественный домъ для квартиры священникамъ; написали приговоръ и стали подписываться. Но въ это время, откуда ни возмись, пріѣзжаетъ въ волостное правленіе одинъ изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, прихожанинъ его, (имѣющій 200,000 р. въ банкахъ), Н. И. З., служившій когда-то чиновникомъ особыхъ порученій при Муравьевѣ въ Вильно, и котораго самъ Михаилъ Николаевичъ удалилъ за жестокое обращеніе съ поляками и, въ особенности, съ ксензами,—вбѣгаетъ и начинаетъ кричать и доказывать, что строить дома попу не нужно; что попы дерутъ и съ живаго и съ мертваго; что пусть онъ живетъ, гдѣ знаетъ; что крестьяне и безъ того бѣдны и пр. и пр. Что сельскіе крестьяне не должны давать ему подъ домъ и мѣста, еслибъ онъ вздумалъ строить свой или на церковныя средства; такъ какъ земля принадлежитъ однимъ крестьянамъ сельскимъ, а попъ для всего прихода [1]). Мужики сперва призадумались, а потомъ видятъ, что

[1]) При этой церкви земли ни пашенной, ни сѣнокосной и ни усадебной нѣтъ.
Сельскій Священникъ.

баринъ старается о нихъ же, подняли шумъ, ссору,—и порѣшили: не давать попу ничего, и, подъ диктовку Н. И. З., написали приговоръ, „чтобы священникъ не смѣлъ строить дома и на церковныя деньги, еслибъ онъ вздумалъ строить, такъ деньги, въ церкви, они даютъ Богу, а не на дома попамъ“. Несчастный священникъ зарыдалъ на сходѣ и пошелъ домой, не помня себя.

Пусть же кто нибудь потрудится поднять уваженіе къ духовенству въ Н. И. З! Если съ нимъ не сладилъ и самъ Михаилъ Николаевичъ и вынужденъ былъ удалить его отъ себя, то священникъ-то что́ подѣлаетъ съ такимъ господиномъ? А этотъ случай не единственный. Я самъ пилъ эту горькую чашу, если изволите припомнить начало настоящихъ моихъ записокъ. Не думайте, чтобъ священникъ былъ и „тупъ, и глупъ, и безнравствененъ“,—нѣтъ, какъ честный человѣкъ говорю: священникъ человѣкъ умный, трезвый и прекроткаго характера. И я не басни разсказываю, а говорю фактъ, совершившійся въ 1880 году.

Священникъ подалъ прошеніе въ консисторію, прося ея содѣйствія въ обезпеченіи его квартирою. Консисторія сама не имѣетъ никакихъ средствъ къ побужденію прихожанъ и потому предписала священнику, чрезъ благочиннаго: „усугубить убѣжденія прихожанамъ къ отводу квартиры или постройкѣ общественнаго дома“. Чрезъ мѣсяцъ священникъ донесъ благочинному, тотъ консисторіи, что онъ много разъ просилъ прихожанъ своихъ объ отводѣ ему квартиры и постройкѣ дома, но тѣ не дѣлаютъ ни того, ни другаго. Консисторія отнеслась за содѣйствіемъ въ губернское правленіе, то предписало полицейскому управленію, это—становому приставу. Пріѣхалъ приставъ, созвалъ человѣкъ 20 мужиковъ и тѣ отъ имени всего прихода дали новый приговоръ, что ни квартиры, ни дома они дать не могутъ. Такъ дѣло и кануло; такъ бываетъ у насъ всегда и всюду. Недавно я видѣлъ этого священника. Жаль взглянуть на этого несчастнаго, убитаго вдовствомъ, нуждой и наглостью!.. Онъ уже положилъ ни одного изъ троихъ сыновей своихъ не пускать въ духовное званіе.

Вскорѣ послѣ описаннаго (18 ав. 1880 г.) я увидѣлся въ вокзалѣ ж. д. съ самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ этого села и говорю ему: смилуйтесь, добрый N. N., надъ своимъ священникомъ, окажите ему какую нибудь помощь. Вы посмотрите, какую нужду терпитъ этотъ несчастный!

— Вы знаете, что я постоянно живу въ Москвѣ. Въ это имѣніе я пріѣзжаю всего мѣсяца на два лѣтомъ. Пусть помогаютъ ему Н. И. З. и другіе; они живутъ постоянно въ имѣніяхъ, и, небойсь, тоже, чай и Богу молятся. Это дѣло ихъ.

— Въ васъ вся сила. Начните, за вами и Н. И. З. и другіе что нибудь дадутъ. Что стòитъ для васъ дать 50 р. на постройку дома! Тоже, что для меня 5 к.!

— А 50-ю вы шутите?

— Вы не шутя и дайте.

— Я здѣсь не живу, я не прихожанинъ. Какъ только дѣтей помѣстилъ въ военную гимназію,—я переселился въ Москву. Помогать попамъ,—дѣло прихода.

— Но и у васъ 3000 д. земли, сами вы выѣхали отсюда всего года три—четыре и теперь, все-таки, живете каждое лѣто мѣсяца по два?

— У меня только земля, ну, и пусть его ходитъ по ней, сколько его душѣ угодно.

— Пріятнѣе было бы услышать отъ васъ и мнѣ, и священнику вашему, еслибъ вы сказали: ну, и пусть его коситъ и беретъ дровъ, сколько ему угодно. У него одна коровенка; сѣна нужно ему пудовъ 200, т. е. восемь крестьянскихъ возовъ; а лѣсу у васъ полуторы тысячи десятинъ.

— Тысяча шестьсотъ сорокъ десятинъ.

— Что же стòитъ для васъ дать двадцать деревьевъ валежнику, подгнившаго и сломленнаго вѣтромъ? У васъ гніетъ тамъ не одна тысяча деревьевъ.

— Этòго нельзя, никакъ нельзя! Вы не знаете хозяйства. У меня въ лѣсъ нѣтъ слѣду. Я не пускаю ни за грибами, ни за ягодами. Проѣзжай кто нибудь, проложи тропину и повалятъ въ лѣсъ со всѣхъ сторонъ, и не укараулить; сами объѣздчики будутъ красть. Нынѣ народъ какой? Воръ на ворѣ. Бывало, какъ чуть что, такъ велишь влепить ему полтораста, такъ обкрадывать барина въ другой разъ и не захочетъ. А нынѣ онъ тебя обкрадетъ, да онъ же и говоритъ: полный расчетъ давай, а то къ мировому! Нѣтъ, батюшка, нельзя, нельзя!

— У васъ сотни возовъ можно набрать по опушкѣ, не дѣлая и слѣда въ лѣсъ.

— Нельзя, я сказалъ вамъ, нельзя! Да какой я прихожанинъ! Тамъ много безъ меня.

Баринъ мой сталъ сердиться, и я бросилъ разговоръ о священникѣ.

Укажите намъ, послѣ этого, способы „поднять уваженіе къ духовенству“ въ такихъ людяхъ! Можно-ли строго, послѣ этого, осуждать священника, еслибъ онъ сталъ притѣснять своихъ прихожанъ въ платѣ при требоисправленіяхъ?!

„Нужно позаботиться о созданіи такого положенія, чтобы священникъ сталъ самъ уважать себя и сознавать, что онъ имѣетъ право на это уваженіе“.

Потрудитесь! Вы большую принесли бы пользу и церкви, и духовенству, и обществу.

„А для этого есть только двѣ мѣры: или пусть государство окончательно признаетъ фактъ кастоваго состоянія духовенства, санкціонируетъ его (каста тутъ не причемъ)! и приметъ на полное свое попеченіе все духовенство, положивъ ему такое жалованье, чтобы оно могло существовать не только безбѣдно, но и устроиться съ нѣкоторымъ комфортомъ. Тогда не будетъ тѣхъ близкихъ, сердечныхъ отношеній между духовенствомъ и народомъ, какія были бы желательны, (а наши епископы, законоучители, священники при посольствахъ, миссіонеры? Выпускать ихъ изъ виду нельзя), но за то не будетъ и вражды. Духовенство станетъ въ оффиціальное отношеніе къ народу. Священникъ будетъ чиновникомъ, но чиновникомъ приличнымъ, который взятокъ не беретъ, тѣмъ болѣе не прибѣгаетъ къ вымогательству, не занимается кулачествомъ и вообще никакими, компрометирующими священный санъ способами для наживы“.

„Но такое положеніе духовенства будетъ несогласно съ православнымъ ученіемъ о церкви“...

Мы желали бы слышать однако: какъ православная церковь учитъ о жалованьѣ духовенству отъ казны и о поборахъ съ прихожанъ? Ни то, ни другое ученіе церкви намъ неизвѣстно и знать намъ желалось бы. Почему бы не цитировать этого ученія? Пишущій, вѣроятно, знаетъ, что епископы наши состоятъ на жалованьѣ и, однакожъ, онъ не считаетъ этого несогласнымъ „съ ученіемъ о церкви“; но еслибъ состояли на жалованьѣ и приходскіе священники, то это было бы несогласно „съ ученіемъ

о церкви". Почему теперь: законоучитель получаетъ жалованье,— это согласно „съ православнымъ ученіемъ о церкви"; приходскій священникъ и, въ тоже время, законоучитель, получающій жалованье отъ казны,—это согласно „съ ученіемъ о церкви; священникъ-миссіонеръ, живущій исключительно жалованьемъ,— это опять согласно съ ученіемъ о церкви. Вѣроятно, все это такъ, потому что хроникеръ ничего объ этомъ не говоритъ. Но еслибъ сталъ получать жалованье и приходскій священникъ, то это было бы „не согласно съ православнымъ ученіемъ о церкви". Вѣроятно, хроникеру извѣстно постановленіе вселенскаго или помѣстнаго собора, въ родѣ такого: „аще епископъ имѣти будетъ домъ, одѣяніе и нѣчто снѣдное отъ епарха, да будетъ ему въ честь и въ славу святѣй церкви: аще же будетъ имѣти тоежде пресвитеръ, да извержется"? Я говорилъ однако уже, что мы давно состоимъ на попеченіи правительства и получаемъ отъ него жалованье. Въ виду этого не для чего грозиться ученіемъ церкви.

„Къ тому же государство едва въ силахъ будетъ его осуществить. На полное обезпеченіе духовенства потребуется не менѣе, чѣмъ сколько теперь расходуется на всю армію. Такихъ денегъ государству взять негдѣ".

Для обезпеченія въ содержаніи духовенства потребовалось бы несравненно меньше, чѣмъ на армію. Напрасно г. хроникеръ напускаетъ страхи и на себя и на общество. Впрочемъ, мы не слышали отъ него какую цифру кладетъ онъ въ жалованье. Имѣетъ ли государство деньги и откуда ихъ взять, если мало ихъ у него, мы, можетъ быть, сказали бы что нибудь похожее и на правду; но пока продолжимъ наши выписки.

„Остается употребить другой способъ: пусть государство уничтожитъ духовенство, какъ касту, пусть уничтожитъ духовныя школы, низшія и среднія, и предоставитъ, какъ было въ древнее время, самому обществу пріисканіе священниковъ для себя, гдѣ и какъ оно знаетъ. Пусть само общество и приготовляетъ себѣ лицъ, пригодныхъ для священства, и само выбираетъ ихъ безъ всякаго вмѣшательства въ это дѣло высшаго духовенства".

Это такое же рѣшеніе вопроса, какъ рѣшилъ одинъ ученикъ о грамматикахъ: нейдутъ грамматики въ голову — „пожечь надо

всѣ грамматики на свѣтѣ, — и дѣлу конецъ“! Порѣшить всѣхъ поповъ, и хлѣба просить не станутъ.

„Предоставить самому обществу пріискивать священниковъ для себя, гдѣ и какъ оно знаетъ“.

Чтобы быть компетентными судьями достоинствъ священника, избиратели должны стоять выше избираемаго и по религіозному образованію, и по нравственности. Въ обществѣ же, даже въ высшихъ его сферахъ, мы встрѣчаемъ очень рѣдко лицъ, имѣющихъ основательное богословское образованіе. Читая произведенія людей ученыхъ, изумляешься часто глубинѣ и многосторонности ихъ знаній, въ особенности въ области науки о природѣ; но какъ только эти люди коснутся религіи, то видишь, почти всегда, полнѣйшее ихъ незнаніе ея. Видишь, что они никогда не изучали ея, не вдумывались въ нее, не знаютъ духа ея, не понимаютъ даже основъ ея. Если же и лица, или по своему высокому положенію въ обществѣ, или по учености, стоящія во главѣ общества, имѣютъ познанія въ религіи недостаточныя, поверхностныя, то чего же можно ожидать отъ остальныхъ его членовъ? Познанія остальныхъ членовъ еще слабѣе. Естественно поэтому, что люди, имѣющіе поверхностныя познанія въ религіи, не могутъ быть его цѣнителями, а слѣдовательно и избирателями. Изъ кого это общество стало бы избирать въ свои религіозно-нравственные руководители? Изъ того же самаго общества, гдѣ основательнымъ изученіемъ богословской науки почти никто не занимается. Но еслибъ въ обществѣ было и болѣе людей, способныхъ быть священниками по своимъ научнымъ качествамъ, чѣмъ теперь, то одни изъ нихъ не пошли бы на эту должность, при настоящей обстановкѣ священника, а другіе едва ли были бы избраны, хотя бы большинство и желало ихъ, потому что общественныхъ выборовъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у насъ нѣтъ. На общественныхъ собраніяхъ лица избираются на общественныя должности и рѣшаются общественныя дѣла совсѣмъ не обществомъ, а самымъ небольшимъ меньшинствомъ.

Изъ многихъ случаевъ, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, я укажу на одинъ, гдѣ земскимъ собраніемъ рѣшался одинъ довольно серьезный вопросъ.

Собрались гласные земства. Въ центрѣ засѣли отставные ротмистры, титулярные, служившіе съ перваго чину въ канцеляріяхъ губернаторовъ, дворяне, спустившіе уже свои имѣнія или зало-

жившіе во всевозможныхъ банкахъ и пробавляющіеся на счетъ остатковъ женинаго приданаго, чиновники, управлявшіе крупными имѣніями и заботившіеся о черномъ днѣ, болѣе своемъ, чѣмъ довѣрителей, и сдѣлавшіеся теперь сами крупными землевладѣльцами. Многіе изъ нихъ съ небольшимъ запасомъ въ головѣ, но за то—ораторы вполнѣ, хотя, по всей вѣроятности, не всегда понимаютъ и сами то, что говорятъ они; кромѣ себя и своей партіи не знающіе никого и ничего, и мнѣніе своей партіи готовые отстаивать всѣми, зависящими отъ нихъ способами,—словомъ: истые, патентованные земцы. За ними сѣли люди состоятельные, крупные въ полномъ смыслѣ, но которые разсуждать въ собраніи о чемъ бы-то ни было считаютъ дѣломъ совсѣмъ не дворянскимъ. За ними сѣла мелкота, которой все равно, какъ бы ни рѣшали центральные вожаки ихъ,—они на все согласны. Еслибъ даже изъ нихъ кто и сказалъ что нибудь, то ихъ никто не сталъ бы и слушать. Купцы сѣли отдѣльной кучкой чинно; отдѣльно и молча сѣли и крестьяне.

Предсѣдательствующій позвонилъ, и все замерло. „Господа, сказалъ онъ, засѣданіе открыто! Имѣю честь доложить собранію, что мы собрались сюда для... Покорнѣйше прошу обсудить этотъ вопросъ".

Тотчасъ же одинъ изъ бойцевъ попросилъ себѣ слова, за нимъ другой, третій и четвертый. Секретарь записалъ фамиліи. Первый ораторъ началъ рѣчь. Сперва говорилъ онъ тихо и заикаясь, но потомъ, мало-по-малу, вошелъ въ себя и покрывалъ все собраніе. Долго и неустанно говорилъ онъ: говорилъ онъ и объ агрономіи, и объ астрономіи, и о семьѣ крестьянской, и о чести дворянской,—обо всемъ на свѣтѣ, не сказалъ только ни слова о дѣлѣ, за которымъ пришли и онъ, и другіе. Долго говорилъ, наконецъ, утеръ лобъ и сѣлъ. Часъ, между тѣмъ, прошелъ. За нимъ сталъ говорить другой. Этотъ второй былъ ораторъ ярый: онъ съ перваго же слова заговорилъ бойко и безъ запинки; но за то, отъ перваго слова до послѣдняго, никто не понялъ, что̀ ему было нужно. Третій былъ такой же, какъ и предшественники его. Только отъ четвертаго можно было уже ясно понять, что̀ ему было нужно и къ чему онъ старался направить собраніе. Одинъ изъ купцовъ замѣтилъ другому: слышь, куда гнетъ? Но публикѣ не сказалъ ни слова. Прошло болѣе трехъ часовъ, утомились всѣ,

но дѣла не подвинули еще ни на шагъ. Предсѣдатель объявилъ засѣданіе закрытымъ на 15 минутъ. Дворяне отправились въ буфетъ, прочіе же всѣ или остались на мѣстахъ, или собирались въ кучки и горячо спорили. Всякій видѣлъ, что дѣло клонится не туда, куда хотѣлось бы большинству. Бойцы видятъ, что дѣло не совсѣмъ гладко, и вопросъ при баллотировкѣ можетъ не пройти,—опять затянули дѣло и—то къ той подойдутъ кучкѣ, то къ другой, то тамъ закинутъ словечко, какъ бы мимоходомъ, то въ другомъ мѣстѣ, а нѣкоторые разсѣлись и между купцами, и крестьянами. Кончился перерывъ,—и опять посыпались рѣчь за рѣчью, опять прошло два часа. Сдѣланъ былъ опять маленькій перерывъ, богатые опять успѣли и выпить, и закусить; но большинство осталось и голоднымъ, и истомленнымъ. Всѣ голодные готовы были порѣшить дѣло какъ нибудь, лишь бы развязаться. И, дѣйствительно, послѣ двухъ еще перерывовъ порѣшили, но порѣшили такъ, какъ хотѣлось меньшинству. Въ концѣ концовъ бойцы добились-таки своего, хотя къ общему неудовольствію большинства.

Такъ выбирался бы и священникъ, если бы выборъ его предоставленъ былъ обществу. О достоинствахъ, необходимыхъ для пастыря церкви, не было бы и рѣчи, какъ, зачастую, не бываетъ ея объ умственныхъ и правственныхъ качествахъ при выборѣ предсѣдателей земскихъ управъ и мировыхъ судей, за которыхъ часто весь ихъ вѣкъ работаютъ ихъ письмоводители. Нѣтъ сомнѣнія, что избранному изъ дворянъ дали бы изъ земскихъ суммъ приличное содержаніе; но что этотъ избранный не прочтетъ наизусть безошибочно и десяти заповѣдей, такъ въ этомъ мы увѣрены, а о дальнѣйшихъ познаніяхъ въ религіи и говорить нечего.

Скажу нѣсколько словъ и о томъ, какъ, зачастую, рѣшаются дѣла и на крестьянскихъ сходахъ.

У меня, однажды, было нужно выбрать церковнаго старосту. Сельскій староста приказалъ, и десятникъ пошелъ стучать по окнамъ: „на сходку! Церковнаго старосту выбирать!“ Собрались мужики и сидятъ, часъ, два, три и толкуютъ почти шопотомъ: кого выбирать? Одни говорятъ: Ивана, другіе Петра, третьи Ѳедора; сидятъ и ждутъ міроѣдовъ. Къ вечеру пришли и тѣ, и стали въ сторону, особнякомъ. Мужики поднялись и стали спорить: поднялся говоръ, шумъ, крикъ,—кто что несетъ, не разберешь ни слова, слышенъ одинъ только гамъ, и больше ничего. Одинъ отстаиваетъ одного, другой другаго. Міроѣды стоятъ и мол-

чать; но староста у нихъ давно уже намѣченъ, давно уже они разъ пять опили его. Давши мужикамъ наговориться до сыта, одинъ изъ міроѣдовъ выходитъ впередъ и говоритъ: „старостой надо быть у насъ Θедору Иванычу"! Мужики подхватили въ одинъ голосъ: „Θедора Иваныча, Θедора Иваныча! Лучше его и не найтить! Гдѣ онъ? Десятникъ, бѣги за нимъ!" Θедора Иваныча на сходѣ нѣтъ. Пришелъ Θедоръ Иванычъ и всѣ закричали: Θедоръ Иванычъ! Проздравляемъ тебя! Мы выбрали тебя въ церковные старосты.

— Благодаримъ покорно, господа старички!

— Водочки надо, Θедоръ Иванычъ, проздравить надо, какъ есть честью обмыть, посылай ведерку!

Выпили ведро, и заговорили пуще прежняго! „Еще, Θедоръ Иванычъ, посылай полведерки, жалованья прибавимъ, не бойсь, доволенъ будешь!" Принесли и еще полведра. Крику, гаму,—на цѣлую ночь!

Утромъ мужики идутъ на пустое мѣсто, гдѣ они вчера пили, сидятъ пригорюнившись и ждутъ: не представится ли случая опохмѣлиться. Приходитъ Иванъ Гаврилычъ и проситъ, чтобы въ старосты выбрали его, что онъ поставитъ три ведра водки. Мужики радехоньки случаю опохмѣлиться.

— Чтожъ, закричали всѣ, тебя, такъ тебя, намъ все едино! Чѣмъ Θедоръ лучше тебя?

И начинаютъ выставлять всѣ стародавнія его провинности. Мужики нашли, что хуже Θедора и въ міру нѣтъ.

— Десятникъ! Бѣги за старостой, скажи ему, чтобы велѣлъ собирать сходку!

Опять собрались мужики, опять долго кричали и долго спорили, а міроѣды стоятъ себѣ да молчатъ. Наконецъ одинъ вышелъ на средину и говоритъ, что они міру не перекорщики, что Ивана Гаврилыча выбрать въ старосты они согласны. И пошли опять попойки! Пили, пѣли и безобразничали два дня.

На третій день Θедоръ Иванычъ идетъ къ старостѣ и говоритъ, что міръ его раззорилъ и окамфузилъ, и проситъ собрать опять сходку. Опять собрались пьяные мужики и опять гамъ, крикъ, ссора, хохотъ такіе, что нельзя слышать и своихъ собственныхъ словъ. Приходитъ, послѣ всѣхъ, и Θедоръ Иванычъ; всѣ утихли.

— Господа старички! Вы выбрали, было, въ церковные ста-

росты меня; я, значитъ, за честь, ублаготворилъ васъ водочкой; а напослѣдь вы окамфузили меня: выбрали Ивана Гаврилыча. Чѣмъ я прогнѣвалъ васъ?

— Ничѣмъ, знамо, ничѣмъ!

— Коль дѣло за водкой, такъ я пятерикъ еще ставлю, лишь бы некамфузно было на людей глядѣть.

Между тѣмъ сынъ и работникъ Ѳедора Иваныча съ двумя ведерными бутылями стоятъ уже за угломъ сборной избы. Мужики это видѣли. Противъ такихъ доводовъ устоять нельзя. И всѣ въ одинъ голосъ закричали: Ѳедора Иваныча, Ѳедора Иваныча! Начинаютъ ругать и хулить Ивана Гаврилыча. Выпили по стакану, и староста скомандовалъ: „кто не больно пьянъ, человѣкъ десять, пойдемте къ священнику съ докладомъ, что мы выбрали въ церковные старосты Ѳедора Иваныча. Перечить онъ не станетъ; а ты, писарь, завершай дѣло, пока мы ходимъ: пиши приговоръ. Писарь, пьяный, тотчасъ за приговоръ; крестьянъ онъ знаетъ всѣхъ на память подъ-рядъ и записалъ всѣхъ,—и тѣхъ, которые на лицо, и тѣхъ, которыхъ не было здѣсь, и даже записалъ, съ пьяну, и тѣхъ, которые съ полгода тому назадъ померли, такъ что мнѣ пришлось послѣ возвратить имъ приговоръ. Съ недѣлю мои мужики безобразничали. Потомъ собираются опять на сходъ. Староста говоритъ: „мы, господа старики, выбрали, было, Ивана Гаврилыча, онъ ублаготворилъ насъ водочкой. Какъ же быть теперь, за что онъ тратился“? Послѣ долгихъ споровъ міроѣды порѣшили дать ему одинъ островъ покосу, который отдается въ сдачу, каждогодно, рублей за 60.

Такъ, зачастую, у насъ рѣшаются дѣла на мірскихъ сходкахъ. Еслибъ, дѣйствительно, предоставить право крестьянамъ самимъ выбирать себѣ священниковъ, то туда поступали бы и сельскія писаря, и кондукторы желѣзныхъ дорогъ, и сельскіе учителя, а скорѣе всѣхъ — грамотѣи-мужики тѣхъ же обществъ, словомъ: тотъ, кто поставитъ больше водки и ублажитъ коноводовъ.

Однажды, при преосвященномъ Аѳанасіѣ (Дроздовѣ) въ двухштатномъ селѣ М. найдено было нужнымъ закрыть одинъ штатъ и одного изъ священниковъ перевести въ другой приходъ. А извѣстно, что переводы для насъ прямое раззореніе. Одинъ изъ священниковъ собираетъ сходъ, ставитъ ведро водки и проситъ, чтобы прихожане просили у преосвященнаго оставить его у себя. Тѣ составили приговоръ и послали преосвященному хо-

даковъ съ прошеніемъ; поѣхалъ и самъ священникъ. Въ его отсутствіе другой священникъ тоже собираетъ сходъ и ставитъ водки два ведра. Мужики пишутъ приговоръ и посылаютъ съ прошеніемъ ходаковъ къ преосвященному. Пріѣзжаетъ изъ города первый священникъ и узнаетъ, что мужики послали просить другаго священника, а его отписали негоднымъ и нелюбимымъ. Онъ собираетъ сходъ и ставитъ четыре ведра водки. Мужики пишутъ опять приговоръ, расхваливаютъ его, и просятъ оставить, а того, какъ негоднаго, вывести. Преосвященный, получивши на одной недѣлѣ три прошенія и приговора, противорѣчившихъ одно другому, не могъ понять, что это значитъ. У одного изъ священниковъ сынъ былъ въ пѣвчихъ и жилъ въ архіерейскомъ домѣ. Преосвященный призвалъ его и просилъ сказать ему всю правду, чтò все это значитъ, и тотъ откровенно разсказалъ ему. За откровенность преосвященный оставилъ его отца, но за то пересталъ обращать вниманіе на мірскіе приговоры.

Мы, съ своей стороны, попросили бы всѣхъ и каждаго, кто только берется въ своихъ статьяхъ за роль реформатора церкви, прежде всего, не мудрствуя лукаво, поосновательнѣе изучить ученіе православной церкви о церковной іерархіи, и при этомъ взглянуть хоть только въ одно мѣсто св. писанія, именно посланіе апостола Павла къ Титу, 1 гл. 5 ст. Онъ увидѣлъ бы, что пастырство принадлежитъ епископу, а пресвитеръ есть не болѣе, какъ его помощникъ, избираемый имъ въ пособіе ему. Право избирать пресвитеровъ, или священниковъ, принадлежитъ епископу. Общество же имѣетъ право на это избраніе такое же, какое имѣютъ земскія собранія и крестьянскія сходки на выдачу дипломовъ на какую нибудь ученую степень.

Эти два рода мірскихъ сходокъ,—земскія собранія и крестьянскій сходъ,—я показалъ, между прочимъ, и затѣмъ, чтобы читатель могъ уяснить себѣ, съ кѣмъ священникъ долженъ имѣть дѣло и какіе употреблять способы, чтобы выйти изъ какой нибудь крайности.

„Какъ было въ древнее время“.

Когда это,—въ древнее время? При Геннадіѣ Новгородскомъ?

„Безъ ихъ (прихожанъ) согласія священникъ не можетъ быть ни перемѣщенъ, ни уволенъ, ни подвергнутъ какому бы то ни было взысканію, въ случаѣ вины“...

Вопросъ о судѣ надъ духовенствомъ возбуждался, въ недавнее время, оффиціально; но дѣло осталось такъ, какъ оно было.

Епископъ избираетъ себѣ помощниковъ,—священниковъ, онъ имѣетъ и право отстранять лицъ, не соотвѣтствующихъ своему назначенію.

Къ крайнему сожалѣнію, мы не можемъ сказать, чтобы суды епископовъ были всегда безусловно справедливы; въ настоящихъ „Запискахъ" моихъ я указалъ уже нѣсколько этому примѣровъ. А въ одной изъ сосѣднихъ съ нами губерній одинъ священникъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, переводимъ былъ въ тридцать два мѣста. Только-что несчастный переволокется на мѣсто, какъ мѣстный благочинный объявляетъ ему, что онъ переведенъ на другой край епархіи, сотъ за пять верстъ. Только-что пріѣдетъ туда, ему объявляютъ, чтобъ убирался немедленно въ третью сторону,— и такъ тридцать два мѣста! Ходить бы, можетъ быть, горемычному, какъ вѣчному жиду, и донынѣ, еслибъ не померъ самъ епископъ. Епископъ этотъ говаривалъ, что священникъ долженъ имѣть одну только повозку, и куда я пошлю, туда и поѣзжай. Намѣстникъ этого епископа, на дорогѣ въ епархію, прочелъ въ одной газетѣ о страданіяхъ священника; тотчасъ, по пріѣздѣ, вызвалъ его къ себѣ и перевелъ въ губернскій городъ въ лучшій,—богатый,—приходъ. При покойномъ этомъ владыкѣ случалось, что по четверо священниковъ съѣзжалось вдругъ на одно мѣсто. Съѣдутся батюшки съ своими имуществами и недоумѣваютъ: кто же изъ нихъ дѣйствительный священникъ этого прихода? Всѣ четверо имѣютъ перемѣстительные указы на это мѣсто! Потолкуютъ, погорюютъ и поѣдутъ всѣ къ благочинному. Благочинный говоритъ: „вѣроятно, вы, о. Ѳеодоръ, должны остаться на этомъ мѣстѣ, потому что указъ о вашемъ переводѣ сюда мною полученъ послѣ всѣхъ". А намъ куда дѣваться, спрашиваютъ другіе.—„Ступайте опять ко владыкѣ". Поплачутъ, да и поѣдутъ.

Заговоривши объ этомъ владыкѣ, не могу не сказать объ одномъ случаѣ. Въ этой губерніи у меня былъ благочиннымъ самый ближайшій мой родственникъ. Въ его вѣдомствѣ, однажды, пьяница и негодяй пономарь, на пасху, въ домѣ крестьянина, во время молебна, объ евангеліе, лежавшее на столѣ, сталъ выбивать трубку. Священникъ, прекраснѣйшій человѣкъ, удержалъ его и потомъ донесъ благочинному. Благочинный, мой родичъ, пріѣхалъ, сдѣлалъ дознаніе и донесъ преосвященному. Преосвященный накладываетъ на рапортѣ резолюцію: „пономаря Ч. перевести въ село Z. (приходъ несравненно лучшій), священника

Г., за допущеніе выколачиванія трубки, послать въ Н. монастырь на два мѣсяца; благочиннаго же Д., за распущеніе благочинія, удалить отъ должности". Прошло два года. Преосвященный сдаетъ предложеніе: „священника Д. сдѣлать благочиннымъ лично". Это значило: мѣстный благочинный завѣдываетъ церковію и причтомъ—младшимъ священникомъ, дьякономъ, четырьмя дьячками, а до Д. касаться не имѣетъ права. Всѣ документы просматриваетъ мѣстный благочинный; но того, что писано или подписано рукою Д., касаться не имѣетъ права. Извѣстное какое нибудь распоряженіе дѣлается на весь округъ, благочинный получаетъ указъ и на эту церковь; но Д. получаетъ, для себя лично, указъ особый. Формулярные списки пишутся у насъ въ общей тетрадѣ о всѣхъ членахъ причта; но Д. свой собственный формуляръ подаетъ, при особомъ рапортѣ, отдѣльно. Въ концѣ года извѣстную сумму отъ церкви отбираетъ мѣстный благочинный; вѣдомости этой церкви вноситъ въ свои общія по благочинію вѣдомости, а Д. подаетъ вѣдомость отдѣльно, словомъ: онъ начальникомъ лично надъ собой самимъ и смотритъ только за собой самимъ! Такъ прошло опять два года. Чрезъ два года Д. опять сдѣланъ былъ благочиннымъ округа и пользовался уже полнѣйшими милостями преосвященнаго.

Однажды, мой родственникъ, благочинный уже опять, Д. выдавалъ замужъ свою дочь, мою крестницу, и я съ женой поѣхалъ на свадьбу. На дорогѣ въ одномъ селеніи я остановился перемѣнять лошадей, и, отъ нечего дѣлать, пошелъ къ священнику. Священникъ встрѣтилъ меня помертвѣвшимъ. Я отрекомендовался ему и сказалъ куда и зачѣмъ ѣду. Онъ нѣсколько секундъ подумалъ, перекрестился и подалъ мнѣ руку. „Мы, батюшка, сказалъ онъ вздохнувши, дрожимъ здѣсь за каждую минуту: какъ только увидимъ въ селѣ чужаго священника, то и думаемъ, что онъ пріѣхалъ на наше мѣсто. Поэтому я васъ страшно испугался. У насъ живетъ себѣ священникъ, ничего не подозрѣвая, вдругъ является другой священникъ и предъявляетъ указъ на это мѣсто. А мнѣ куда, спрашиваетъ хозяинъ?—Я не знаю, меня самаго перевели противъ моей воли. Ѣдетъ горемыка въ консисторію, а тамъ оказывается, что мѣста или не дано никакого, или дано гдѣ нибудь въ тридесятомъ государствѣ. Домъ, хозяйство, посѣвы,—пропадай все!"

У родственника моего я увидѣлъ какого-то неуклюжаго го-

сподина въ рясѣ. Спрашиваю: кто это? Это діаконъ, мой крестникъ, говоритъ мой родичъ. Нынѣ въ январѣ я былъ у владыки; онъ былъ до того ласковъ ко мнѣ, что даже посадилъ. Говорю себѣ съ преосвященнымъ и думаю: не воспользоваться ли его милостями, пока есть онѣ; вѣдь онѣ не надолго? И говорю ему: у меня есть крестникъ, пономарь, женатый, съ двумя дѣтьми. Восемь лѣтъ уже онъ ѣздитъ просить посвятить его въ стихарь, и все не удается. Ни читать, ни пѣть, ни писать онъ не умѣетъ,— дуракъ совсѣмъ,—но мнѣ хотѣлось бы, чтобы в. п-во посвятили его, чтобы ему не ѣздить и не тратиться попусту; лучше того, что онъ есть, онъ не будетъ во весь вѣкъ.

— Гдѣ онъ?

— Здѣсь въ городѣ.

— Я завтра буду служить; вели готовиться въ діаконы. Я дамъ ему богатое мѣсто.

И, дѣйствительно, посвятилъ въ діаконы и далъ отличное въ моемъ же благочиніи мѣсто. Жаль только, что того дьякона, на чье мѣсто послалъ этого дурака, перевелъ верстъ за четыреста.

Этотъ преосвященный, подъ веселую руку, говаривалъ: „наша власть—деспотическая. Намъ въ храмахъ божіихъ поютъ: исполла-эти-деспота!"

Если проявляются общія человѣческія слабости въ судахъ епископскихъ, то на безпристрастный судъ прихожанъ и земства мы совершенно не полагаемся.

Мнѣ, какъ приходскому священнику и благочинному, хорошо извѣстно, что, какъ ни пьянствуй, какъ ни безобразничай священникъ или причетникъ, прихожане никогда не будутъ просить объ удаленіи ихъ, если только они не имѣютъ личныхъ непріятностей съ кѣмъ нибудь изъ вліятельныхъ лицъ. При слѣдствіяхъ, прихожане о пьяницахъ всегда даютъ хорошіе отзывы. Епископъ поэтому не только можетъ, но обязанъ удалить такое лицо, какъ вредно вліяющее на приходъ. Что дѣлать, если священникъ будетъ потворствовать сектантамъ, самъ впадетъ въ расколъ, ересь? Прихожане-сектанты за такого готовы всегда положить свои головы. Неужто такъ и оставить его въ приходѣ навсегда, если прихожане не изъявятъ „согласія" на его удаленіе? Нѣтъ, епископъ обязанъ удалить его и предать суду. Такъ всегда и поступала православная церковь: такъ судимы были Арій и многое множество ему подобныхъ. Низкопоклонничествомъ, подличеньемъ

и происками предъ людьми, считающими себя интеллигентными, и пятерикомъ ведръ водки предъ крестьянами, расположеніе и защиту въ приходѣ можетъ всегда найдти и всякій, кто на это способенъ, и быть въ тоже время отъявленнымъ негодяемъ и служить ко вреду церкви. Между тѣмъ, вредныхъ для дѣла людей не терпятъ ни на какой должности. Разсказанныя мною сейчасъ рѣшенія земскихъ собраній и приговоры крестьянскихъ сходовъ служатъ, кажется, достаточнымъ тому доказательствомъ. Для бо̀льшей же доказательности того, что церковно-приходскій судъ не можетъ считаться судомъ безпристрастнымъ и справедливымъ, я сдѣлаю небольшую выдержку изъ Саратовскихъ „Епархіальныхъ вѣдомостей" (1880 г. № 28) о судѣ, изъ практики раскольниковъ:

„Недавно былъ въ Дубовкѣ (Сарат. губ.) извѣстный защитникъ австрійскаго священства, секретарь Хвалынскаго епископа (Сарат. губ.) Амвросія, Н. П. Масловъ, съ благочиннымъ, для суда надъ Дубовскимъ попомъ Павломъ, по возведеннымъ на него винамъ,—что одному богачу не вынималъ частей изъ просфоры, поданной имъ, что одного отлучилъ своею властію отъ церкви, что нѣкоторымъ женамъ назначалъ непосильныя епитиміи,—въ родѣ 1000 поклоновъ до земли въ сутки и под., что онъ корыстолюбивъ, и др. вины. 1-го іюня былъ соборъ по этому случаю; нѣкоторые богачи совсѣмъ было заклевали попа; но хитрый гуслякъ умѣлъ склонить на свою сторону нѣкоторыхъ богатыхъ купчихъ; и одна изъ нихъ, баба бойкая, явившись на соборъ, распудила всѣхъ поповскихъ обвинителей, разконфузила ихъ и, какъ искусный адвокатъ, довела дѣло до счастливаго результата: попа не только не осудили, не лишили мѣста, но не осмѣлились и хульна суда нанести ему, и попъ въ восторгѣ, благодаря К. Т. Одинъ изъ бывшихъ на соборѣ вынужденъ былъ публично выразиться въ присутствіи православныхъ: какіе мы дураки-то! Руководимся въ дѣлахъ вѣры такимъ священствомъ, которое всегда готово, по необходимости, склоняться даже предъ одной богатой бабой!"

Ужъ не таковъ-ли долженъ быть судъ и въ православной нашей церкви? Нѣтъ, намъ нужна не защита прихожанъ, намъ нужно, чтобы насъ признали людьми со всѣми человѣческими правами!..

Что судъ всегда принадлежалъ епископамъ, каждый можетъ видѣть это, между прочимъ, изъ исторіи церкви Курца

(24 стран. 5 строка). Для большей убѣдительности я нарочно выставляю свѣтскаго писателя. Объ адвокатурѣ со стороны прихожанъ нѣтъ ни слова.

„Когда священники принадлежали къ составу общества и избирались имъ, священникъ оставался полноправнымъ членомъ общины, участвовалъ во всѣхъ ея дѣлахъ и, какъ человѣкъ грамотный въ своей паствѣ и поэтому уже пользовался ея уваженіемъ; община заботилась о достаточномъ его содержаніи, какъ священника, и считала своею обязанностію защищать его, какъ своего члена"...

Почему бы не подтвердить сказаннаго историческими указаніями: когда и гдѣ все это такъ было? У насъ такъ говорятъ, обыкновенно, раскольники: „креститься подобаетъ двумя перстами, такъ учатъ св. апостолы". Апостолы нигдѣ не говорятъ ни о двуперстіи, ни троеперстіи, говорятъ имъ!—„Такъ написано въ старыхъ книгахъ". Одинъ вздоръ написалъ, а другой на слово вѣритъ.

Если община и у насъ на Руси защищала своихъ священниковъ, то гдѣ же она была, когда архіереи поповъ пороли плетьми, сажали на чепь и нр. и пр.? Надѣюсь, что никто фактовъ этихъ опровергать не будетъ. А между, тѣмъ семинарій тогда не было. Сдѣлалось ли бы такъ, какъ воображаютъ нѣкоторые, мы возьмемъ въ образецъ сельскихъ волостныхъ старшинъ. Старшина есть начальникъ волости и избирается „общиной"—волостью. При учрежденіи волостей, конечно, предполагалось, что народу дана свобода дѣйствій,—ближайшаго начальника крестьяне избирать будутъ изъ себя самихъ, человѣка изъ той же „общины" и во все время службы состоящаго въ той же общинѣ,—именно такъ, какъ желаетъ хроникеръ выбирать священниковъ. Предполагалось, конечно, также, что избираемы будутъ люди и по умственному, и по нравственному состоянію стоящіе выше другихъ и будутъ употреблять всѣ силы о благосостояніи общества; но такъ ли вышло? Въ старшины попадаетъ или выжига, или богатый мужикъ,—старшинъ только два сорта, въ этомъ повѣрьте намъ. О нравственныхъ и умственныхъ достоинствахъ не бываетъ и рѣчи. Я однажды, вскорѣ по закрытіи окружныхъ правленій, спрашиваю крестьянина: ну что, теперь окружныхъ начальниковъ у васъ нѣтъ, управляетесь своимъ братомъ-крестьяниномъ же; конечно, лучше стало? „Нѣтъ, батюшка, много хуже: тѣ брали сотнями, а нашъ-то братъ и сотни-то беретъ, да и двугривеннымъ не брезгуетъ". Кромѣ взятокъ, предъ

нашими глазами безпрестанно какъ издѣваются, какъ безсовѣстно они ведутъ себя передъ крестьянами! Напримѣръ, съѣхались крестьяне на волостной сходъ, старшина видитъ это, и отправляется удить рыбу. Къ обѣду воротится домой, не торопясь пообѣдаетъ и ляжетъ спать. Ему и горя мало, что его ждутъ 100 человѣкъ. Выспится и часа полтора просидитъ за чаемъ. И мужики голодны, и лошади поморились, но онъ и знать этого не хочетъ, тогда какъ дѣла всего на полчаса. Знай-де насъ, что мы начальство! Смѣшно, иногда, смотрѣть на чванство департаментскаго чиновника, пріѣхавшаго въ деревню ревизоромъ; но начальникъ-мужикъ,—это изъ свиней свинья!

Таковы были бы и избираемые „общиной" священники, и точно такое же отношеніе они имѣли бы къ приходамъ.

Заботится ли общество объ обезпеченіи въ содержаніи избраннаго ими старшины? Ни мало. Онъ заботится самъ о себѣ: соберутся съ крестьянъ деньги, возьметъ съ писаремъ свое жалованье, а казенное останется въ недоимкахъ; при каждомъ удобномъ случаѣ сдеретъ и съ праваго, и съ виноватаго,—и все тутъ. „Считаетъ ли общество своею обязанностію защищать его"? Попался въ бѣду—и идетъ подъ судъ, а избиратели его хохочутъ. Такъ было бы и съ выбраннымъ священникомъ. Такимъ образомъ все, что говорятъ объ общинѣ, о выборѣ, о защитѣ и проч.,—есть чистѣйшая утопія.

„Поставленное такимъ образомъ духовенство бистро измѣнитъ свой видъ".

Въ этомъ мы совершенно согласны. Но къ лучшему ли для вѣры и нравственности? Берутъ при этомъ одну сторону,—матеріальную, но нашъ вопросъ шире.

„Духовное званіе не будетъ никого пугать и въ него охотно будутъ поступать лица всѣхъ сословій".

Согласны мы и съ этимъ. Такъ какъ отъ священника будутъ требовать такихъ познаній и нравственности, какъ и отъ сельскаго писаря и кондуктора желѣзныхъ дорогъ, то, конечно, всѣ, неимѣющіе опредѣленныхъ занятій, бросятся туда; а за 3—5 ведеръ водки крестьяне, зачастую, примутъ кого угодно.

„Реформы въ духовенствѣ невозможны, пока духовенство существуетъ въ видѣ касты и такою же кастою будутъ оставаться духовныя школы, состоя исключительно изъ дѣтей духовнаго званія".

Ни духовенство само и ни школы его ничего кастоваго не

составляютъ. Идите къ намъ и вы сами, и дѣти ваши, мы просили васъ уже не разъ. А это показываетъ, что касты мы не составляемъ; спеціальныя же школы необходимы. Но о какихъ реформахъ говорятъ намъ, что онѣ „невозможны". Если о религіозныхъ то онѣ, дѣйствительно, при спеціальныхъ школахъ, „невозможны"; прочія же возможны совершенно всѣ, потому что мы не глупѣе другихъ поймемъ все хорошее и усвоимъ.

По случаю исключенія смоленскимъ епископомъ Іоанномъ половины учениковъ, составитель разсматриваемой нами статьи говоритъ: „это яснѣе всего показываетъ, что у духовныхъ школъ нѣтъ хозяина, поэтому она безправна и беззащитна".

Исключеніе Іоанномъ половины учениковъ,—фактъ грустный въ высшей степени,—это правда. Подобное этому было и у насъ при Аѳанасіѣ (Дроздовѣ) въ 1847 году. Но отчего столько застрѣлилось, въ послѣднее время, гимназистовъ, отчего столько и гимназистовъ, и студентовъ сослано въ Сибирь и пропало безъ вѣсти, не отъ того ли, что „хозяевъ" слишкомъ ужъ много? Вышло, что у семи нянекъ дитя безъ глазъ. Которое изъ двухъ золъ лучше?

„По этому самое лучшее, что можно сдѣлать съ семинаріями,—закрыть ихъ, потому что онѣ даютъ плохихъ пастырей".

Неправда. Выходятъ изъ семинаріи пастыри и „плохіе", но больше хорошихъ. Руководствуясь предлагаемымъ правиломъ, потребовалось бы закрыть всѣ учебныя заведенія, безъ исключенія, потому что во всѣхъ ихъ, всегда были и есть теперь ученики и хорошіе, и „плохіе". Но если въ учебномъ заведеніи чувствуется въ чемъ нибудь недостаточность, то ее, обыкновенно, пополняютъ, но заведенія не закрываютъ. Пусть будетъ сдѣлано такъ и съ спеціальными духовными заведеніями, если онѣ недостаточно соотвѣтствуютъ своей цѣли. Нельзя, напримѣръ, закрыть медико-хирургическую академію и медицинскіе факультеты при университетахъ изъ за-того, что докторовъ много плохихъ, и замѣнить ихъ фельдшерскими школами. Точно такъ и здѣсь.

Надобно отнести къ особому промыслу Божію о церкви то, какимъ образомъ дѣти духовенства выходятъ хорошими людьми, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ они воспитываются. Въ „Русской Старинѣ" я помѣщалъ свои записки объ училищной моей жизни; коротенько скажу, къ слову, и теперь. Какъ воспитывался я, такъ воспитывается и все остальное духовенство.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОЙНА РОССІИ СЪ ТУРЦІЕЙ ВЪ 1829 ГОДУ.

Предположенія для дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ въ 1829 г.—Записка генералъ-адъютанта Илларіона Васильчикова.—Комитетъ, собранный императоромъ Николаемъ 19-го ноября 1828 г.—Новый планъ кампаніи.—Мнѣнія гр. Кочубея, генералъ-адъютантовъ барона Толя и Васильчикова.—Заявленія министра финансовъ Канкрина.—Записка генер. Жомини.—Назначеніе гр. Дибича главнокомандующимъ второй арміи, и барона Толя начальникомъ штаба.—Пріѣздъ графа Дибича въ армію.—Отношенія общественнаго мнѣнія къ назначенію новаго главнокомандующаго.

«Что касается турокъ, они неизбѣжно пропадутъ.... разсыпьте всѣ сокровища міра — вы не воскресите мертваго».

Екатерина II—Циммерману
26-го января 1791 г.

Война 1828 года въ европейской Турціи имѣла для русской арміи почетный исходъ, но не доставила императору Николаю ожидаемаго результата. Покореніе Браилова и Варны, вмѣстѣ съ удержаніемъ Праводъ и Базарджика, могли только подготовить успѣшное открытіе новой кампаніи, которой предстояло окончательно рѣшить исходъ борьбы, затѣянной Оттоманской Портою съ Россіею. Почетный миръ безъ завоеваній, къ которому стремились великодушные помыслы государя, сдѣлался съ 1829 года немыслимымъ.

Между тѣмъ, духъ турецкой арміи возвысился отъ неудачной атаки Шумлы и Силистріи, а также позднягo паденія Варны; громадныя потери среди русской арміи отъ болѣзней, соединенныя съ утратою почти всѣхъ лошадей, независимо отъ неудачъ, испытанныхъ арміею графа Витгенштейна въ полѣ, должны были вселить въ Константинополѣ надежду на успѣшное продолженіе борьбы. При томъ безпримѣрно бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находилась

тогда турецкая имперія, уже много было выиграно, если султанъ Махмудъ, безъ всякой посторонней помощи, не погибъ окончательно въ единоборствѣ съ противникомъ, какимъ являлась Россія. Обѣ стороны воспользовались зимнимъ временемъ для окончательнаго подготовленія новой кампаніи.

Предпринятый одновременно съ военными дѣйствіями на Балканскомъ полуостровѣ походъ въ Закавказскомъ краѣ, окончился для русскаго оружія несравненно счастливѣе. Покоренныя графомъ Паскевичемъ крѣпости въ трехъ пашалыкахъ: Карскомъ, Баязетскомъ и Ахалцыхскомъ, обезпечивали зимнее расквартированіе войскъ и позволяли разсчитывать на вполнѣ благопріятный исходъ кампаніи, предстоявшей въ 1829 г. эриванскому герою. Къ тому же, занятіе Анапы и Поти открывало свободное судоходство по Черному морю и обезпечивало за Закавказской арміею свободный морской путь изъ Севастополя въ Поти.

Мнѣнія западно-европейскихъ державъ относительно исхода борьбы двухъ имперій расходились между собою. Въ особенности ликовали въ Вѣнѣ; неблагопріятный для Турціи исходъ войны признавался тамъ невозможнымъ. Князь Меттернихъ считалъ положеніе Россіи крайне затруднительнымъ; воображенію его представлялась уже картина русскихъ войскъ, тѣснимыхъ турками и доведенныхъ до необходимости искать убѣжища на Трансильванской территоріи [1]). Неудивительно, что при существованіи подобныхъ несбыточныхъ надеждъ, канцлеръ ласкалъ себя увѣренностію, что вскорѣ ему предстоитъ принять на себя роль посредника и явиться рѣшителемъ судебъ востока. Для обезпеченія за собою подобнаго торжества, вѣнскій кабинетъ нашелъ даже для себя полезнымъ подстрекать Порту къ продолженію борьбы.... Но вообще, за исключеніемъ обычнаго коварства Австріи, случайное сочетаніе политическихъ созвѣздій намъ благопріятствовало; неудачи же наши на Балканскомъ полуостровѣ какъ

---

[1]) Всеподданнѣйшее донесеніе цесаревича Константина Павловича отъ 20-го декабря 1828 г. „.... Вслѣдъ затѣмъ, какъ только первыя офиціальныя извѣстія объ отступленіи русскихъ войскъ дошли до свѣдѣнія вѣнскаго кабинета, откомандировали офицера генеральнаго штаба къ командующему войсками въ Трансильваніи, какъ предполагаютъ, съ порученіемъ, какъ вести себя въ томъ случаѣ, если отдѣльные корпуса русской арміи, будучи слишкомъ тѣснимы оттоманскими войсками, принуждены будутъ искать убѣжища на трансильванской територіи. Офицеръ, на коего возложено было это порученіе, будучи отправленъ ночью, получилъ приказаніе приложить всевозможное стараніе, чтобы во-время прибыть къ мѣсту своего назначенія“.

Н. Ш.

бы поддерживали это счастливое сочетаніе. Тогдашній посланникъ при французскомъ дворѣ Поццо ди Борго прекрасно формулировалъ причину подобнаго явленія въ слѣдующихъ словахъ:

«Разумъ нашъ указываетъ, что смѣлость и мѣры правительствъ, враждебныхъ намъ или завистливыхъ, будутъ всегда въ противоположномъ отношеніи къ идеѣ, которую онѣ составятъ о нашемъ могуществѣ».

Въ виду роковой необходимости продолжать борьбу съ Турціею, для нанесенія Портѣ болѣе рѣшительныхъ ударовъ и достиженія тѣмъ желаемаго мира, приходилось, конечно, подумать о выборѣ новаго главнокомандующаго и перемѣнѣ личнаго состава главнаго штаба арміи, дѣйствовавшей на Балканскомъ полуостровѣ.

Разбирая событія войны 1828 г., нельзя не признать, что положеніе графа Витгенштейна, какъ главнокомандующаго арміею, было незавидное. Рядомъ съ нимъ возсѣдала власть какъ бы другаго, негласнаго главнокомандующаго, въ лицѣ начальника главнаго штаба Е. И. В. графа Дибича, который все время находился въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ государемъ, велъ обширную переписку помимо фельдмаршала и руководилъ дѣломъ вполнѣ самостоятельно, уполномоченный на то высочайшимъ довѣріемъ. О настоящемъ главнокомандующемъ, графѣ Витгенштейнѣ, въ счастливую пору войны 1828 г. обыкновенно какъ бы забывали; онъ вполнѣ стушевывался предъ всепоглощающимъ авторитетомъ графа Дибича. Только неудачи и затрудненія, проявившіяся со времени безцѣльнаго Шумлинскаго сидѣнія, заставили вспомнить о лицѣ офиціально отвѣтственнаго главнокомандующаго. Укоры сыпались тогда на голову несчастнаго старца, клястицкія лавры котораго уже сильно поблекли еще съ 1813 года, послѣ Люцена и Бауцена; генералъ-адъютантъ Киселевъ справедливо отзывался о немъ подъ Шумлою: «Le vieux est affaissé par l'âge et les conseils de toutes nos vieilles ganaches», прибавляя, что ежедневно думаетъ о необходимости, ни во что не вмѣшиваться людямъ, прожившимъ уже болѣе полустолѣтія [1]).

Послѣ безобразнаго дѣла подъ Шумлою 14-го августа [2]), чаша неудовольствія противъ фельдмаршала переполнилась: «Съ тѣхъ поръ какъ я уѣхалъ, писалъ императоръ Николай графу Дибичу, а вы захворали, мнѣ кажется, что всѣ заснули и все идетъ противно здравому смыслу...... Наконецъ, о чемъ же фельдмаршалъ думаетъ, если онъ думаетъ» [3]).

---

[1]) Письмо князю Меньшикову отъ 2-го августа 1828 года.

[2]) Письмо императора Николая графу Дибичу отъ 21-го августа изъ Одессы.

[3]) Еще ранѣе, а именно въ письмѣ графу Дибичу отъ 14-го августа, императоръ Николай выразился уже о графѣ Витгенштейнѣ столь же рѣзкимъ

Происшествія подъ Шумлою и гнѣвъ государя сильно подѣйствовали на изнеможеннаго полководца; онъ заболѣлъ сильнымъ припадкомъ дисентеріи. Едва оправившись отъ постигшаго его недуга, фельдмаршалъ просилъ объ увольненіи и обратился къ государю съ нижеслѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ [1]).

„Лагерь при Шумлѣ, августа 27-го дня 1828 г.“.

«Всемилостивѣйшій Государь. Съ великимъ прискорбіемъ видѣлъ я изъ письма В. И. В. къ графу Дибичу, что я имѣлъ несчастіе навлечь на себя неудовольствіе и гнѣвъ В. И. В. за дѣло 14-го сего мѣсяца подъ Шумлой. Не смѣя ничего принести въ свое оправданіе какъ только то, что причина сего неудачнаго дѣла была оплошность находящагося въ редутѣ войска, которое имѣло свои ружья въ палаткахъ съ надѣтыми на полкахъ чехлами, ибо осмотръ ружей былъ приказанъ полковымъ командиромъ для другаго дня,—В. И. В. изволили сіе усмотрѣть изъ слѣдствія, произведеннаго г.-м. Деллингсгаузеномъ,—и что за откомандировкой 7-го корпуса въ Эски-Стамбулъ, и занятіемъ 3-мъ столь многочисленныхъ редутовъ, будучи на всѣхъ пунктахъ атакованъ, не имѣя на позиціи какъ только два баталіона, не могъ сейчасъ выбить непріятеля въ большихъ силахъ изъ редута, а прежде разсвѣта не могъ употребить артиллерію, которая его и заставила оставить укрѣпленіе. Графъ Дибичъ можетъ въ семъ удостовѣрить В. И. В. и также доложить, что я ни одного шагу не предпринималъ безъ его совѣщанія, дабы волю В. И. В. выполнить въ точности. Объяснивъ истину сего дѣла, долженъ откровенно признаться предъ Вами, государь, что на важномъ посту, мною занимаемомъ, должно имѣть неусыпную дѣятельность, которая, чувствую, къ несчастію, во мнѣ чрезвычайно ослабилась, какъ отъ старости, такъ и отъ нѣсколькихъ рецидивовъ здѣшней лихорадки, которая произвела во мнѣ чрезвычайную слабость, а для того осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить В. И. В., дабы не подвергнуть себя чрезъ какое либо упущеніе гнѣву В. И. В., за что долженъ бы былъ дѣ-

---

образомъ: „Вообще, неспособность и безпечность фельдмаршала проглядываетъ во всемъ, и ваша болѣзнь, любезный другъ, открыла ему совершенный просторъ для полнаго обнаруженія своей неспособности“.

[1]) Вообще переписка фельдмаршала Витгенштейна съ императоромъ Николаемъ весьма необъемиста. Кромѣ офиціальныхъ донесеній, онъ рѣдко утруждалъ государя письмами. Онѣ всѣ начертаны имъ собственноручно на русскомъ языкѣ, и отличаются своеобразнымъ, трудно разбираемымъ почеркомъ. Нѣсколько чаще фельдмаршалъ вступалъ въ переписку съ графомъ Дибичемъ, обыкновенно на французскомъ языкѣ. Н. Ш.

лать себѣ упреки до конца жизни моей, уволить меня отъ столь важнаго дѣла. Всемилостивѣйшаго Государя, В. И. В. вѣрноподданный графъ Витгенштейнъ».

Отставка главнокомандующаго не была принята государемъ: «Скажите фельдмаршалу, писалъ 29-го августа императоръ Николай графу Дибичу, что письмо его меня огорчило.... что касательно состоянія его здоровья я не полагалъ, что оно таково, чтобъ заставить его покинуть начальство передъ окончаніемъ кампаніи и я желалъ бы, чтобъ онъ сохранилъ свой постъ, по крайней мѣрѣ, до конца оной».

Послѣдующія затѣмъ событія кампаніи 1828 г. разыгрались при слѣдующей обстановкѣ: осадой Варны руководилъ лично императоръ; подъ Шумлой командовалъ графъ Дибичъ. Затѣмъ въ половинѣ сентября графъ Дибичъ былъ вызванъ въ Варну — и осиротѣвшій фельдмаршалъ уже одинъ, безъ своего ментора, долженъ былъ держаться подъ Шумлой, выдерживая ожесточенную борьбу, не съ турками, но съ отсутствіемъ продовольствія.

Послѣ паденія Варны и отъѣзда государя императора изъ арміи въ Россію (2-го октября), фельдмаршалъ, во всеподданнѣйшемъ письмѣ отъ 5-го октября, возобновилъ просьбу объ увольненіи.

«Всемилостивѣйшій государь. Имѣвъ счастіе удостоиться всемилостивѣйшаго В. И. В. рескрипта, во 2-й день сего октября послѣдовавшаго, коимъ ввѣряются моему попеченію всѣ войска дѣйствующей арміи, чувствую въ полной мѣрѣ столь высокомонаршую для меня милость и довѣріе. Но съ особеннымъ прискорбіемъ долженъ признаться, что при всемъ желаніи моемъ оправдать оныя усердіемъ и рвеніемъ къ службѣ, чувствую себя не въ состояніи того исполнить, ибо В. И. В. изволите быть извѣстны, что въ продолженіи настоящей кампаніи я имѣлъ неоднократно лихорадочные припадки, которые при нынѣшнемъ осеннемъ времени и по здѣшнему климату вновь начинають оказываться. А потому, предположивъ, при всей слабости моего здоровья, отправиться, по окончаніи здѣсь дѣлъ, къ Силистріи, для скорѣйшаго, если Богъ поможетъ, покоренія оной нашему оружію и по отправленіи войскъ на зимовыя квартиры, осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать всемилостивѣйшаго В. И. В. соизволенія на отъѣздъ мой въ Подольскую губернію. В. И. В. вѣрноподданный графъ Витгенштейнъ».

Но просьба фельдмаршала и на этотъ разъ не была уважена. Онъ удостоился получить изъ С.-Петербурга всемилостивѣйшій рескриптъ слѣдующаго содержанія, помѣченный 11-мъ ноябремъ!

«Графъ Петръ Христіановичъ! Съ крайнимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего отъ 5-го октября намѣреніе ваше оставить командованіе дѣйствующею арміею. Предводительствуя оною въ

7*

продолженіи кампаніи столь трудной, какова настоящая, подвергаясь вліянію климата вреднаго и всѣмъ тягостямъ военнымъ, вы стяжали несомнѣнныя права на живѣйшую мою признательность и многими опытами вновь доказали, сколько полезна Отечеству усердная ваша служба. Посему убѣдительно прошу васъ сохранить начальство надъ ввѣренною вамъ арміею, и не оставлять оной даже временно, доколѣ не расположите войскъ на зимнія квартиры, не возстановите въ оныхъ частей, разстроенныхъ въ продолженіи настоящей кампаніи, не обезпечите успѣшнаго открытія будущей. Вы не отклоните отъ себя исполненіе сего моего желанія и новымъ доказательствомъ постояннаго усердія вашего къ отечеству и личной ко мнѣ привязанности пріиму служеніе ваше; но если, совершивъ труды, въ продолженіи зимы вамъ предлежащіе, вы почувствуете необходимость возвратиться въ кругъ вашего семейства на мѣсяцъ или на шесть недѣль, не слагая съ себя, впрочемъ, командованія арміею, то я охотно на сіе соглашаюсь, оставаясь въ совершенной увѣренности, что, собравъ временнымъ отдохновеніемъ новыя силы, вы съ полною готовностію возвратитесь къ исполненію предначертаній моихъ для будущей кампаніи».

«Пребываю къ вамъ навсегда доброжелательнымъ Николай».

Послѣ сего, графу Витгенштейну оставалось только благодарить и съ покорностію продолжать нести почетное бремя, обратившееся для него давно уже въ терновый вѣнецъ.

«Всемилостивѣйшій государь, отвѣчалъ фельдмаршалъ изъ г. Яссъ 12-го ноября 1828 г., удостоясь получить всемилостивѣйшій рескриптъ В. И. В. отъ 11-го сего ноября мѣсяца, и посвятивъ себя безусловно на службу вашу, государь, мнѣ не остается ничего болѣе какъ превозмочь недуги мои и исполнить священную волю В. И. В., оставаясь при арміи доколѣ силы мои дозволятъ и пока В. И. В. изволите найти, что могу еще быть полезнымъ вамъ и отечеству [1])».

Въ половинѣ декабря графъ Дибичъ возвратился въ Петербургъ изъ г. Яссъ, избраннаго въ то время главною квартирою 2-й арміи.

Для полнаго разъясненія обстоятельствъ, сопровождавшихъ возвращеніе графа Дибича въ Россію, необходимо обратиться нѣсколько назадъ.

По прибытіи императора Николая изъ арміи въ столицу, государь приступилъ, въ письмахъ къ графу Дибичу, къ обсужденію условій будущей кампаніи противъ турокъ. Первоначально она обрисовывалась въ слѣдующемъ видѣ: императоръ Николай призна-

---

[1]) Получивъ письмо это, императоръ Николай писалъ 2-го декабря графу Дибичу: „Je suis charmé de ce que le Maréchal aie accepté de rester“.

валъ невозможнымъ удержать фельдмаршала на мѣстѣ главнокомандующаго, въ виду выраженнаго имъ положительнаго желанія отказаться отъ командованія арміею;—но, конечно, отъѣздъ его долженъ былъ послѣдовать не ранѣе расположенія арміи на зимнихъ квартирахъ: «Проѣзжая черезъ Могилевъ [1]), писалъ государь 16-го октября, я встрѣтился съ добрымъ старикомъ Сакеномъ (le bon vieux Sacken), и я опасаюсь, что слабость воспрепятствуетъ ему принять то новое назначеніе, которое вообще вполнѣ соотвѣтствуетъ моимъ желаніямъ; пока Ланжеронъ можетъ остаться какъ старѣйшій изъ генераловъ, безъ титула, командующимъ войсками въ Молдавіи, а Ротъ—въ Болгаріи; если же нельзя будетъ избѣжать второй кампаніи, то мнѣ придется возвратиться и тогда я буду лично командовать, имѣя подъ своимъ начальствомъ Ланжерона».

Относительно плана будущей кампаніи, государь полагалъ [2]) полезнымъ не переходить Балканъ, находя, что здравый смыслъ и благоразуміе настоятельно требуютъ оставить всякую о томъ мысль. Признавалось достаточнымъ удержать за собою то, что было покорено и овладѣть тѣми пунктами, которые еще не находились въ нашей власти. Слѣдовательно, вторая кампанія должна была привести къ постепенному занятію одной линіи Дуная, т. е. къ плану кампаніи, примѣненному уже однажды въ царствованіе императора Александра I. «Этотъ планъ кампаніи, какъ писалъ государь, докажетъ всему міру, что мы продолжаемъ дѣло не какъ завоеватели, но какъ подобаетъ благоразумнымъ и осторожнымъ людямъ, преслѣдующимъ планъ, который не можетъ привести насъ къ бо́льшимъ результатамъ».

Для исполненія подобной роли, графъ Виттенштейнъ признавался вполнѣ способнымъ, и предположено его не трогать [3]).

Графъ Дибичъ одобрялъ всѣ предположенія относительно обреченія арміи на атаку Дунайской оборонительной линіи, и предлагалъ только овладѣть, во чтобы то ни стало, Шумлой—при помощи штурма. «Это вполнѣ оборонительное и даже въ нѣкоторой степени отступательное движеніе главныхъ силъ, выказало бы самымъ очевиднымъ образомъ наши миролюбивыя намѣренія и принятую систему дѣйствій» [4]).

---

[1]) Главная квартира первой арміи, которою командовалъ фельдмаршалъ графъ Фабіанъ Вильгельмовичъ Сакенъ.

[2]) Письмо императора Николая отъ 10-го ноября 1828 г.

[3]) „L'expérience du passé et surtout le rôle que j'assigne à l'armée pour la campagne prochaine, le mettront parfaitement à même de remplir mes instructions à ma satisfaction". (Императоръ Николай графу Дибичу, 10-го ноября 1828 г.).

[4]) Всеподданнѣйшее письмо графа.

Но между тѣмъ въ столицѣ произошелъ переворотъ въ мнѣніяхъ, произведенный со стороны, отъ которой никто этого не ожидалъ.

Генералъ-адъютантъ Васильчиковъ обратился къ Государю съ прямодушною рѣчью честнаго война и представилъ императору Николаю записку, заключающую въ себѣ самую безпощадную критику событій 1828 г. на европейскомъ театрѣ военныхъ дѣйствій противу турокъ.

Записка эта, носящая заглавіе «Обзоръ кампаніи 1828 года» (Apperçu sur la campagne de l'année 1828) настолько важна и интересна, что необходимо съ нею познакомиться прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшему изложенію событій этого времени.

«Кампанія, окончившаяся теперь блестящимъ подвигомъ, тѣмъ не менѣе не соотвѣтствовала ожиданіямъ Европы; она не рѣшила вопроса о мирѣ и открыла обширное поле интригамъ кабинетовъ. Поэтому слѣдуетъ готовиться къ новой войнѣ, пользуясь пріобрѣтеннымъ опытомъ и остерегаясь впасть въ тѣ же ошибки, которыя воспрепятствовали намъ въ достиженіи болѣе положительныхъ результатовъ».

«Цѣль этого обзора заключается въ изслѣдованіи причинъ, которыя вызвали неудачный исходъ кампаніи, и въ указаніи средствъ, могущихъ обезпечить успѣхъ предстоящей нынѣ къ выполненію.—Я не имѣю намѣренія представить плана военныхъ дѣйствій и еще менѣе принять на себя роль строгаго критика. Я хочу только высказать моему государю тѣ замѣчанія, которыя мнѣ удалось сдѣлать. Оканчивая свою военную карьеру, одержимый недугами, я не могу быть обвиненъ въ честолюбивыхъ замыслахъ или въ интригѣ. Я буду вполнѣ счастливъ, если хотя одна мысль, заключающаяся въ семъ обзорѣ, будетъ признана полезною и послужитъ къ славѣ моего государя».

«Причины неудачнаго исхода этой кампаніи не слѣдуетъ искать ни въ дурно избранной операціонной линіи, ни въ стратегическихъ или тактическихъ ошибкахъ, наконецъ, ни въ превосходствѣ и въ искуствѣ непріятеля; легко узнать ихъ въ ошибочныхъ расчетахъ относительно числительности войскъ, которыя должны были быть введены въ дѣло и въ невѣрныхъ свѣдѣніяхъ, которыя имѣлись о наступательныхъ средствахъ султана и относительно духа, воодушевлявшаго его войска; пренебрегли своимъ противникомъ; къ несчастію, возмечтали о тріумфальномъ шествіи до Константинополя и не обращали вниманія на безчисленныя затрудненія, представляемыми этою войною. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на силы, съ которыми заставляли шествовать русскаго императора для покоренія оттоманской имперіи; при этомъ окажется, что эта армія Ксеркса, какъ называли ее иностранные дипломаты въ С. Петербургѣ, заключала въ себѣ едва 90.000 человѣкъ. Этими силами предполагали за-

нять Молдавію и Валахію, блокировать Дунайскія крѣпости, произвести осаду Браилова и двинуться противъ Варны и Шумлы; очевидно, что надежда одержать успѣхъ столь незначительными силами могла только быть основана на убѣжденіи, что Дунайскія крѣпости падутъ при нашемъ приближеніи и что Шумла представляетъ собою открытую позицію, какъ это говорили лица, утверждавшія, что изслѣдовали ее».

«Пытались объяснять результаты этой кампаніи занятіемъ малой Валахіи и осадою Браилова; но признавая даже въ этихъ дѣйствіяхъ ошибку (хотя я очень далекъ отъ того, чтобы съ этимъ согласиться), оно нисколько не измѣняетъ моего разсужденія. Дѣйствительно, мы имѣли въ малой Валахіи 6.000 человѣкъ, а корпусъ Воинова не превышалъ 25.000 человѣкъ; измѣняя осаду Браилова въ блокаду, нельзя было употребить для этой цѣли менѣе 10.000 человѣкъ, ибо этотъ пунктъ былъ слишкомъ близокъ къ нашимъ сообщеніямъ; но паденіе Браилова повлекло за собою сдачу Гирсова, Мачина, Тульчи и Кистенджи, а въ противномъ случаѣ всѣ эти пункты продолжали бы сопротивленіе и заняли бы, по крайней мѣрѣ, четыре бригады; гдѣ же здѣсь избытокъ силъ, которыхъ мы лишились, осаждая Браиловъ? Можетъ быть тѣ 6.000 человѣкъ, которые находились въ Малой Валахіи, недоставали намъ для движенія къ Варнѣ и Шумлѣ?—Едва началась кампанія, какъ опытные военные люди предвидѣли уже въ лагерѣ при Карасу, что она не увѣнчается успѣхомъ; вмѣсто 100.000 человѣкъ, которые должны были тамъ находиться, къ удивленію, насчитывалось едва только 18.000; пять недѣль самаго драгоцѣннаго времени употреблены были на сосредоточеніе разсѣянныхъ корпусовъ, и для ускоренія собранія 50.000 человѣкъ, были вынуждены дозволить гарнизонамъ дунайскихъ крѣпостей свободный выходъ, не смотря на то, что ими усиливались войска, съ которыми намъ предстояло еще сразиться. Безъ сомнѣнія, сосредоточеніе столь слабыхъ средствъ можетъ только быть объяснено ошибочными свѣдѣніями относительно мѣстныхъ обстоятельствъ и силы сопротивленія, которое слѣдовало намъ разсчитывать. Но развѣ въ этомъ можно было ошибиться? Развѣ можно было не признавать твердаго и рѣшительнаго характера султана? Развѣ можно было не знать, что хотя легко побѣждать турокъ въ открытомъ полѣ, но за своими ретраншементами и стѣнами они защищаются также хорошо, какъ и любое войско? Развѣ можно было не знать, что, подвигаясь къ Варнѣ и Шумлѣ, придется вступить въ пересѣченную и гористую мѣстность и, независимо отъ войскъ, имѣть дѣло съ вооруженнымъ и фанатическимъ населеніемъ? Развѣ можно было, наконецъ, не знать силы Шумлинской позиціи и воображать,

что достаточно будетъ 50.000 человѣкъ въ пересѣченной и трудной мѣстности для нанесенія рѣшительнаго удара? Очевидно, что начальникъ штаба основалъ приготовленія къ этой войнѣ на неточныхъ данныхъ и что онъ отстранилъ всякое обсужденіе съ военными людьми, опытность которыхъ могла бы представить болѣе положительныя свѣдѣнія. Даже геній не можетъ все сдѣлать самъ собою и нѣтъ настолько талантливыхъ людей, которые могли бы обойтись безъ обмѣна мыслей съ другими лицами. Осмѣливаюсь обратить вниманіе государя на сію истину; Е. И. В. не располагаетъ въ своей арміи и въ своихъ совѣтахъ столь превосходнымъ геніемъ, которому одному можно было поручить съ полною безопасностію разработку приготовленій ко второй кампаніи; но онъ имѣетъ нѣсколько талантливыхъ людей, опытностью и мнѣніями коихъ нельзя пренебречь; собравъ въ комитетѣ тѣхъ изъ нихъ, качества которыхъ вселяютъ наибольшее довѣріе и поручивъ имъ въ своемъ присутствіи обсужденіе плана дѣйствій и принятіе мѣръ, обезпечивающихъ успѣхъ его, государю представилась бы возможность къ всестороннему обсужденію дѣла и къ принятію мнѣнія, соотвѣтствующаго его намѣреніямъ. Частное обсужденіе съ этими же лицами оказалось бы болѣе пагубнымъ, чѣмъ полезнымъ; правильное разбирательство возможно; только при условіи располагать всѣми необходимыми данными и правда, является только изъ столкновенія мнѣній. Нѣтъ надобности, чтобы этотъ комитетъ былъ бы очень многочисленнымъ, достаточно для сего трехъ или четырехъ лицъ; можно пригласить въ него генералъ-губернаторовъ тѣхъ губерній, которыя должны поставлять продовольствіе; согласившись съ ними во всемъ, и располагая всѣми данными, можно сообразить все дѣло такимъ образомъ, чтобы равномѣрно распредѣлить на всю Россію жертвы, требуемыя войною. Подобное мѣропріятіе вселило бы довѣріе и оградило бы особу государя отъ всякаго упрека».

«Обзоръ этотъ, какъ я уже выше упомянулъ, имѣетъ только цѣлью выяснить ошибки, сдѣланныя въ приготовленіяхъ къ этой войнѣ, дабы избѣжать ихъ въ предстоящей кампаніи; я начну поэтому съ указанія главнѣйшей ошибки, состоящей въ назначеніи фельдмаршала главнокомандующимъ арміи, когда императоръ командуетъ ею лично; неизбѣжное при семъ столкновеніе властей не можетъ принести пользы дѣлу; новѣйшая исторія представляетъ намъ не одинъ примѣръ; дѣйствительно, если фельдмаршалъ даровитый и заслуженный, онъ не захочетъ играть роль подобія главнокомандующаго; если же, напротивъ того, выборъ падетъ на неспособнаго человѣка, который позволитъ съ собою все дѣлать, я не вижу пользы отъ его назначенія.—Напрасно мнѣ скажутъ, что государь не можетъ самъ

ИМПЕРАТОРЪ ПАВЕЛЪ

1796 — 1801.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1881 Г.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 7 НОЯБРЯ 1880 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМАГЪ.

войти въ частности администраціи арміи, и что именно для этого необходимо присутствіе главнокомандующаго; на подобное возраженіе я долженъ дать тотъ же отвѣтъ, что даровитый человѣкъ не пожелаетъ ограничиться исполненіемъ обязанностей интенданта арміи, и что человѣкъ неспособный не въ состояніи управлять ею, но приведетъ къ дезорганизаціи. Предположивъ даже, что найдутъ достойнаго человѣка, готоваго жертвовать своимъ самолюбіемъ, его начальникъ штаба будетъ находиться въ положеніи столько же ложномъ, какъ и трудномъ; столкновеніе двухъ властей главнокомандующаго и начальника штаба Его Величества стѣснитъ и затруднитъ его работу; онъ будетъ состоять подъ руководствомъ какъ того, такъ и другаго; вынужденный угождать обоимъ, онъ не дерзнетъ исполнить приказаніе главнокомандующаго, не заручившись одобреніемъ начальника штаба Его Величества; онъ будетъ терять время на пустые переговоры, дѣла будутъ накопляться, рѣшенія пострадаютъ отъ слишкомъ большой поспѣшности и слѣдствіемъ всего этого явится безпорядокъ. Я имѣлъ случай убѣдиться положительнымъ образомъ въ вѣрности того, что я здѣсь утверждаю и поэтому я не опасаюсь возраженій. И такъ, принимая за исходную точку убѣжденіе, что централизація и единство власти есть одно изъ главнѣйшихъ условій существованія хорошо организованной арміи, я твердо стою на томъ, что если государь командуетъ лично, главнокомандующій представляется лишнимъ колесомъ, которое только затрудняетъ движеніе машины. Ошибка, на которую я здѣсь указываю, была, смѣю сказать, источникомъ многихъ заблужденій; вмѣсто того, чтобы собрать въ С.-Петербургѣ всѣхъ лицъ, которыя должны были принять участіе въ приготовленіяхъ къ войнѣ, и располагая всѣми необходимыми данными, приступить къ обсужденію и разработкѣ плана, который обнималъ бы всѣ части администраціи—фельдмаршалу предоставили, изъ предупредительности къ нему, устройство продовольственной и административной частей арміи; его начальникъ штаба, человѣкъ очень умный, честный и дѣятельный, не имѣлъ достаточной опытности; зная умственное ничтожество своего начальника, онъ опасался взять на себя слишкомъ большую отвѣтственность; отсюда проистекали запросы, переписка и даже недоразумѣнія. Осада Браилова подверглась задержкамъ по недостатку необходимыхъ матеріаловъ; переходъ черезъ Дунай состоялся только благодаря твердой рѣшимости государя; едва вступивши въ Болгарію, сообщенія были прерваны за отсутствіемъ лошадей, необходимыхъ для отправленія курьеровъ; едва началась кампанія, войска очутились безъ мяса и соли; о послѣдней статьѣ совершенно позабыли, мясо же предполагалось добыть путемъ

реквизиціи въ странѣ, гдѣ наши войска никогда не находили и курицы; госпитали ощущали во всемъ недостатокъ, даже въ докторахъ для пользованія больныхъ; суда, привозившія продовольствіе для арміи, стояли по нѣсколько недѣль на рейдѣ, по неимѣнію рукъ для разгрузки; транспорты двигались безъ прикрытія, и если мы не потеряли бо̀льшаго числа ихъ, то это единственно благодаря порядку, въ которомъ они двигались и глупости непріятеля; сосредоточили мостовые парки въ мѣстахъ, гдѣ не предстояло переправъ черезъ рѣки и позабыли о переносныхъ козлахъ, необходимыхъ для движенія по мѣстности, гдѣ отъ малѣйшаго дождя каждый ручей обращается въ потокъ».

«Эти неслыханныя ошибки доказываютъ не только полную несвязность и отсутствіе плана, съ которыми производили приготовленія къ войнѣ, но выставляютъ также въ полномъ свѣтѣ неспособность лицъ административнаго состава арміи. Если начальникъ штаба не имѣлъ должной опытности, то генералъ-квартирмейстеръ лишенъ былъ послѣдней въ еще бо́льшей степени, не обладая къ тому же дѣятельностію и вѣрнымъ взглядомъ. Дежурный генералъ былъ ниже всякой посредственности,—безпорядочный, недѣятельный, при отсутствіи малѣйшей предусмотрительности; генералъ-интендантъ далеко не обладалъ всѣми необходимыми качествами для столь важнаго поста,—неучъ, неспособный обнять обширныхъ комбинацій, непредусмотрительный, безъ малѣйшаго знакомства съ военнымъ дѣломъ. Вотъ на комъ держалась администрація арміи, предводительствуемой лично государемъ».

«Но кого же назначить, скажутъ мнѣ? гдѣ же пребываютъ люди съ дарованіями и съ опытностію? Вотъ къ чему я желалъ придти, чтобы обратить вниманіе на существованія начала, пользу коего я не могу признать. Ничего не можетъ быть справедливѣе какъ поставить генерала во главѣ войскъ, которыми онъ командовалъ въ мирное время, если только его считаютъ способнымъ; но если этотъ генералъ достигъ высшихъ чиновъ только благодаря старшинству и слишкомъ частымъ производствамъ, если онъ безъ образованія и безъ способностей, если наконецъ онъ годенъ только обучать войска, но не водить ихъ въ бой, то это начало можетъ послужить источникомъ многихъ бѣдствій. Очередныя производства, не принимая въ соображеніе способностей производимаго, убиваютъ истинныя заслуги, внушаютъ равнодушіе и портятъ войско. Хорошій полковникъ можетъ сдѣлаться плохимъ генераломъ и хорошій начальникъ дивизіи можетъ оказаться совершенно не на мѣстѣ во главѣ корпуса. Между тѣмъ, при производствѣ 30 генераловъ, среди которыхъ можетъ быть нѣтъ и десяти способныхъ, только безполезно увеличиваются расходы, чины лишаются своего значенія и черезъ это причиняется истинное зло арміи.

Существованію указаннаго мною начала въ производствѣ слѣдуетъ приписать образованіе столь страннаго штаба; не желали никого перемѣстить и вмѣсто того, чтобы окружить государя людьми, опытность и дарованія коихъ служили бы ручательствомъ въ поддержаніи его славы, предпочли предоставить эту заботу неопытнымъ рукамъ, не имѣющимъ въ прошедшемъ никакихъ заслугъ. Отчего не вызвали Толя въ С.-Петербургъ и не дали ему мѣста, Киселева, который командовалъ бы хорошо дивизіею и не могъ бы обижаться, что его замѣнили генераломъ Толемъ? Отчего не поручили командованіе кавалеріи графу Палену; онъ дѣйствовалъ бы, безъ сомнѣнія, лучше Ридигера, котораго слишкомъ много употребляли? Нельзя не сознаться, что легко было найти дежурнаго генерала болѣе способнаго, чѣмъ Байкова и лучшаго генералъ-интенданта, чѣмъ Мильгунова. И такъ собраніе лицъ съ такими ничтожными способностями, вызвано было не отсутствіемъ людей, но вслѣдствіе примѣненія начала, противъ котораго я только-что ратовалъ.

Въ заключеніе я выскажу истину, противъ которой, я надѣюсь, никто не будетъ возражать, а именно: ни переходъ черезъ Дунай, ни покореніе Варны не имѣли бы мѣста безъ твердой воли и предусмотрительности государя; упорствовали бы въ атакѣ открытою силою или въ обложеніи Шумлы, притянули бы къ ней гвардію, и благопріятное для военныхъ дѣйствій время года прошло бы безъ всякаго результата. Всѣ заблужденія, на которыя я только-что указалъ, служатъ къ подтвержденію начала, признаваемаго мною непреложнымъ, что на войнѣ, въ виду непріятеля, главнокомандующій долженъ руководствоваться исключительно собственными соображеніями; но, занимаясь подготовленіемъ кампаніи, нельзя достаточно окружить себя людьми опытными и способными. Поэтому я продолжаю настаивать на убѣжденіи, что для упроченія успѣха предстоящей кампаніи, необходимо, чтобы государь, не теряя времени, призвалъ къ себѣ лицъ, извѣстныхъ ему своими свѣдѣніями и опытностію; пусть поручитъ имъ, въ своемъ присутствіи, обсужденіе плана кампаніи, равно какъ принятіе мѣръ для обезпеченія успѣха, предоставивъ въ ихъ распоряженіе всѣ необходимыя данныя, и пусть находятся въ С.-Петербургѣ всѣ лица, которымъ предстоитъ содѣйствовать административному исполненію плана, подлежащаго утвержденію, для полученія инструкцій».

«Я не могу достаточно повторить: война съ Турціею есть война чисто административнаго характера; государь занятъ другими болѣе важными предметами и не можетъ вникать въ мелочныя подробности, связанныя съ приготовленіями къ кампаніи; его начальникъ

штаба слишкомъ обремененъ дѣлами, чтобы одному справиться съ этою задачею. Отсюда слѣдуетъ, что онъ долженъ быть окруженъ людьми способными, могущими помочь ему въ столь сложномъ предпріятіи. Я признаю эту мѣру тѣмъ болѣе умѣстною, что политическій горизонтъ далеко не ясенъ и зима можетъ надѣлить насъ и не однимъ врагомъ; обстоятельства потребуютъ, можетъ быть, развитія бо́льшихъ силъ и время дорого. Поэтому крайне необходимо принять самыя дѣйствительныя мѣры, чтобы будущая кампанія могла быть открыта въ первыхъ числахъ апрѣля, и чтобы задержки и безпорядки, съ которыми сопровождалось формированіе резервовъ подъ начальствомъ графа Витта, не могли бы повториться. Въ противномъ случаѣ, наилучшія военныя соображенія будутъ имѣть только плачевныя послѣдствія».

Проницательный взглядъ императора Николая по достоинству оцѣнилъ откровенное слово генералъ-адъютанта Васильчикова и высказанныя имъ въ запискѣ истины не остались подъ спудомъ. 19-го ноября 1828 г., подъ личнымъ предсѣдательствомъ государя, собрался комитетъ, въ которомъ приняли участіе: графъ В. П. Кочубей, графъ Чернышевъ и генералъ-адъютанты баронъ Толь и Васильчиковъ.

Въ этомъ историческомъ засѣданіи рѣшено было, взамѣнъ оборонительной войны на Дунаѣ, предпринять забалканскій походъ и установлены были общія черты предположенной новой кампаніи.

Н. К. Шильдеръ.

(Окончаніе будетъ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ И ГР. ДИБИЧЪ ЗАБАЛКАНСКІЙ.

Переписка 1828—1830 гг. [1]).

1829-й годъ.

Гр. Дибичъ—Императору Николаю.

Яссы, 16-го февраля.

(Переводъ). Государь! Я прибылъ 13-го числа въ Яссы, въ полдень, и вручилъ рескриптъ фельдмаршалу, который былъ уже совершенно готовъ къ отъѣзду, вслѣдствіе послѣдняго письма моего. Вчера онъ уѣхалъ въ свое помѣстье, и я, въ тотъ же день, вступилъ въ исправленіе должности, которую В. И. В. удостоили мнѣ ввѣрить. Чувствуя всю важность оной, прошу милости у Бога, да подастъ мнѣ нравственныя и физическія силы, равныя тому усердію, которое возлагаютъ на меня столь многочисленныя обязанности.

Не могу еще сказать ничего точнаго о состояніи арміи и продовольственныхъ запасовъ. По тому, чтó я могъ усмотрѣть изъ бумагъ и словесныхъ показаній, первое кажется мнѣ гораздо удовлетворительнѣе втораго. Постараюсь принять всевозможныя мѣры, чтобы ускорить исправленіе того и другаго. Нельзя однако скрывать отъ себя, что продолжительная и исключительно суровая зима, страшныя мятели, уничтожившія наши послѣднія перевозочныя средства и причинившія громадныя опустошенія среди мѣстнаго скота, а также—ужасные снѣга, имѣющіе обратиться въ бурные потоки, и сильное разлитіе Дуная,—что все это предвѣщаетъ слишкомъ большія затрудненія для открытія кампаніи согласно тому, какъ бы мы желать были должны; тѣмъ болѣе, что и трава, за позднею зимою, появляется въ княжествахъ лишь въ половинѣ апрѣля. Собирая, съ

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XXVII, стр. 95—110, 511—526, 765—780; т. XXVIII, стр. 409—428; т. XXIX, стр. 891—934.

самаго моего пріѣзда, всевозможныя свѣдѣнія, я буду имѣть честь въ скорѣйшемъ, по возможности, времени изложить передъ В. В—мъ основы начала кампаніи, соображенныя съ тѣми общими принципами, которые В. В. мнѣ предначертали, т. е. чтобы стараться ускорять ходъ дѣлъ, никогда не вдаваясь въ слишкомъ рискованныя предпріятія. Послѣднее, по моему убѣжденію, можетъ быть лишь слѣдствіемъ ложнаго пониманія тѣхъ средствъ, которыми можешь располагать.

Послѣднія извѣстія, полученныя В. В—мъ черезъ адъютантовъ: Трегубова и кн. Урусова, должны были быть пріятны Вамъ, особенно въ отношеніи превосходнаго духа нашей храброй пѣхоты. Горячо желаю увидѣть такой же духъ и во всей нашей кавалеріи и священнымъ долгомъ себѣ поставлю, употребить всѣ старанія для достиженія этого.

Взятіе Турно весьма важно для обезпеченія Валахіи. Хотя я не слишкомъ вѣрю проектамъ вторженія со стороны Малой Валахіи, а все-таки хорошо было бы сосредоточить тамъ всѣ силы Гейсмара; потому что недостатокъ жизненныхъ средствъ въ странѣ между Силистріею и Шумлою вынудитъ непріятельскія силы растянуться влѣво, —а это можетъ заставить ихъ покуситься и на переправу, если силы наши будутъ слишкомъ незначительны.

Я съ нетерпѣніемъ ожидаю извѣстій о проектѣ сожженія силистрійской флотиліи. Къ несчастію, люди и лошади посланнаго туда отдѣленія ракетной роты должны были ужасно пострадать отъ приключившейся мятели. Я повторилъ, также, приказанія: устроить повыше Силистріи батарею для орудій большаго калибра, которая могла бы прекратить всякое водяное сообщеніе съ Рущукомъ; потому что Силистрія, говорятъ, плохо снабжена, а сухопутные подвозы затруднительны въ странѣ раззоренной.

Еще болѣе интересенъ исходъ экспедиціи адмирала Кумани. Я весьма желаю, что бы рѣшились заняться однимъ какимъ либо пунктомъ—либо Сизеполемъ, либо Ахіоло,—дабы не уменьшать наличныхъ силъ Рота. Я напишу ему въ такомъ смыслѣ; но это можетъ послужить лишь для послѣдующихъ дѣйствій.

Такъ какъ послѣдніе дни начальствованія фельдмаршала увѣнчались нѣсколькими важными успѣхами, то осмѣливаюсь воззвать къ великодушію Вашему, государь,—не благоволите ли выразить ему чѣмъ нибудь Ваше удовольствіе? Я полагалъ бы, что полное сложеніе съ него долга, будучи мало убыточнымъ для финансовъ (такъ какъ долгъ сей разсроченъ на 24 года) было бы достойною наградою за 40 лѣтъ вѣрной и доблестной службы, которую онъ оставляетъ съ весьма разстроеннымъ состояніемъ, при многочисленномъ семействѣ.

Конечно, В. В. благоволите также обратить вниманіе на неутомимое усердіе достойнаго и храбраго Ланжерона.

Киселевъ принялъ съ благодарностію свое новое назначеніе [1]) и будетъ весьма доволенъ начальствованіемъ на лѣвомъ берегу Дуная; онъ, повидимому, опасался, какъ бы командованіе 3-мъ корпусомъ—сколь оно ни почетно—не поставило его въ слишкомъ прямыя отношенія къ Толю, — чего онъ, кажется, страшился, особенно на первое время. Если Рудзевичъ оставитъ 3-й корпусъ, то имъ, тотчасъ по переходѣ за Дунай, очень хорошо можетъ командовать Красовскій, который старше прочихъ,—если только В. В. не захотите отдать его Потемкину или Храповицкому.

Киселевъ просилъ у меня разрѣшенія, по пріѣздѣ Толя, отправиться на нѣсколько дней въ Подольскую губернію, для окончанія своихъ домашнихъ дѣлъ. Въ виду того, что онъ вернется прежде нежели Паленъ долженъ будетъ оставить 4-ю дивизію, какъ отдѣленную,—я полагаю не отказывать ему въ этомъ разрѣшеніи.

Я ни на минуту не задумался воспользоваться разрѣшеніемъ В. И. В—ва относительно назначенія Лехнера. Обручевъ [2]) останется и я надѣюсь, что онъ пойдетъ хорошо, когда ему укажутъ путь, которымъ онъ долженъ идти.

Кажется, что назначеніе Желтухина [3]) хорошо принято въ здѣшней странѣ; его очень боятся, но надѣются, что дѣла пойдутъ въ бо̀льшемъ порядкѣ.

Благоволите, государь, повергнуть меня къ стопамъ Ея В—ва императрицы и принять увѣреніе въ глубокой благодарности и совершенной преданности, съ которыми имѣю счастіе пребыть В. И. В—ва вѣрнѣйшимъ и покорнѣйшимъ слугою.

Г. Яссы, 3-го марта 1829 г.

Всемилостивѣйшій государь. Послѣ нѣсколькихъ довольно тревожныхъ дней, проведенныхъ въ ожиданіи извѣстій изъ Одессы, донесенія графа Воронцова сообщили мнѣ, наконецъ, пріятную вѣсть, что болѣе 60 судовъ, нагруженныхъ 40,000 четвертями хлѣба и фуража и болѣе 20,000 пудами сѣна, вышли изъ Одессы и я получилъ уже извѣстія о прибытіи многихъ изъ нихъ въ болгарскіе порты. Это обстоятельство и усердіе генерала Рота, равно какъ генераловъ и офицеровъ

---

[1]) Начальникомъ 4-го резервнаго кавалерійскаго корпуса.

[2]) Дежурный генералъ арміи гр. Дибича.

[3]) Ген. Желтухину ввѣрено было гражданское управленіе Дунайскими княжествами. Послѣ его смерти, обязанность эта возложена на Киселева.

войскъ, находящихся подъ его начальствомъ, которые, употребивъ своихъ собственныхъ лошадей для перевозки продовольствія въ Базарджикъ, спасли намъ этотъ важный пунктъ; я надѣюсь, что имѣющіяся въ настоящее время средства и тѣ, которыя я постараюсь еще туда доставить, положутъ предѣлъ этому тяжелому положенію. Надо отдать справедливость генералу Роту, онъ высказалъ въ очень трудныхъ обстоятельствахъ дѣятельность и твердость, которыя можно поставить ему въ бельшую заслугу. Но я не могу быть настолько же доволенъ его образомъ дѣйствій при отправленіи эскадры адмирала Кумани, и въ особенности инструкціей, данной имъ, посылая его съ 9-ю слабыми ротами для занятія Сизополя, Ахіоло и Бургаса, при чемъ предполагалось опустошить послѣдній пунктъ. Я надѣюсь, что малочисленность войска не позволитъ адмиралу предпринять что либо противъ Ахіоло и вь особенности противъ Бургаса и что онѣ ограничится согласно приказаніямъ В. В., которыя я сообщилъ фельдмаршалу и въ копіи доставлены генералу Роту—взятіемъ Сизополя и сохраненіемъ его, если это окажется возможнымъ. Раззореніе Бургаса было бы во всѣхъ отношеніяхъ неисправимымъ зломъ и я не могу постичь, откуда генералъ Ротъ почерпнулъ эту мысль.

Я тотчасъ же послалъ курьера къ Роту, чтобы предупредить подобныя распоряженія, если еще время, па что я надѣюсь, въ виду малыхъ средствъ, предоставленныхъ имъ Кумани для совершенія столькихъ дѣлъ.

Графъ Ланжеронъ, препровождая ко мнѣ прилагаемое при семъ письмо В. В., говоритъ мнѣ въ своемъ письмѣ, которое я также имѣю честь приложить въ подлинникѣ, что онъ полагаетъ нужнымъ оставить армію и проситъ меня поручить временно начальство графу Палену. Такъ какъ Киселевъ можетъ вступить въ должность не ранѣе переправы главныхъ силъ 2-го корпуса черезъ Дунай, я написалъ Ланжерону, что въ случаѣ, если онъ намѣренъ удалиться тотчасъ, то пусть онъ передастъ графу Палену временное начальство въ Букарестѣ, за исключеніемъ 3-го корпуса, такъ какъ Рудзевичъ до сихъ поръ не заявилъ желанія его покинуть, хотя и утверждаютъ, что таково его намѣреніе.

Когда Паленъ выступитъ противъ Силистріи,—Киселевъ вступитъ въ командованіе войсками въ Большой и Малой Валахіи, за исключеніемъ Калараніскаго отряда, который, конечно, останется въ связи съ войсками, находящимися передъ Силистріею.

Погода здѣсь превосходная и хотя ночные морозы отдаляютъ еще наступленіе весны и появленіе подножнаго корма, но за то, надѣюсь, они обезпечатъ насъ отъ слишкомъ большихъ наводненій.

Сильные вѣтры начала прошедшаго мѣсяца и дурныя дороги причинили еще потерю огромнаго количества скота, въ особенности въ Валахіи и въ Бабадагѣ; погибло даже множество людей.

Мѣстность между Фокшанами, Слободзеею и Каларашемъ до Галаца почти совсѣмъ лишена скота и продовольстія. Это большое бѣдствіе, вмѣстѣ съ повсемѣстнымъ почти падежомъ скота, и все это усугубляетъ еще громадныя затрудненія, сопряженныя съ перевозкою, въ особенности въ Валахіи.

Къ счастію, чума повидимому уменьшается, какъ В. В. усмотрите изъ офиціальныхъ рапортовъ и изъ прилагаемаго при семъ письма графа Ланжерона. Позднее появленіе весны, конечно, тоже большая помѣха въ такой странѣ, гдѣ такъ мало времени для военныхъ операцій, тѣмъ болѣе, что предстоитъ открыть ихъ осадой, но это замедленіе не останется безъ пользы для войска, которое почти не пользовалось отдыхомъ.

Всѣ извѣстія, которыя мы имѣемъ о непріятелѣ, сходятся отн сительно большихъ потерь, испытанныхъ его войсками въ теченіи зимы и недостатка продовольствія, ощущаемаго въ Константинополѣ вслѣдствіе блокады, а также и въ арміи.

Этотъ недостатокъ продовольствія, который долженъ продолжать увеличиваться до жатвы, послужилъ вѣроятно главнѣйшею причиною усиленія турецкихъ силъ на верхнемъ Дунаѣ, гдѣ они надѣются получить продовольствіе изъ Австріи. Возможна даже съ ихъ стороны переправа черезъ верхній Дунай. Я разсчитываю въ этомъ случаѣ на бдительность и дѣятельность Гейсмара, чтобы воспользоваться благопріятными обстоятельствами и лишить непріятеля въ самомъ началѣ кампаніи части его силъ, кои ему было бы трудно возвратить къ пунктамъ, гдѣ предстоитъ рѣшеніе великихъ вопросовъ.

Громадная потеря скота, какъ я уже выше упомянулъ, до крайности затрудняетъ перевозку; если же не послѣдуетъ новыхъ неожиданныхъ обстоятельствъ, я надѣюсь, что направляя эту часть должнымъ образомъ и пользуясь содѣйствіемъ Желтухина, мы будемъ имѣть возможность собрать между Бузео, Букарестомъ, Калярашомъ и Гирсовомъ, къ половинѣ апрѣля, на мѣсяцъ продовольствія; но такъ какъ войска, расположенныя въ княжествахъ, будутъ имѣть, сверхъ десяти-дневнаго продовольствія, на людяхъ и фургонахъ, еще запасы на 10 дней на повозкахъ, купленныхъ въ странѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ передовые транспорты изъ Россіи прибудутъ къ Дунаю въ первыхъ числахъ мая, то я надѣюсь, что этихъ запасовъ будетъ достаточно для начала военныхъ дѣйствій, если только под-

ножный кормъ явится въ достаточномъ количествѣ для обезпеченія корма скота и лошадей.

Я не могу достаточно нахвалиться усердіемъ, проявляемымъ генераломъ Толемъ при исполненіи своихъ обязанностей, равно какъ и отношеніями его ко мнѣ и согласіемъ между нашими мыслями; надѣюсь, что съ Божіей помощью мы оба свято исполнимъ приказанія В. В.—Обручевъ также проявляетъ много усердія.—Бергъ, дѣйствуя съ примѣрнымъ усердіемъ, грѣшитъ иногда по легкомыслію; это случается также съ сенаторомъ [1]), которому при его дарованіяхъ и усердіи, не лишнее было бы имѣть болѣе системы и порядка. Въ этомъ отношеніи отзываются съ бòльшей похвалой о Курикѣ, котораго я ожидаю съ нетерпѣніемъ. Маевскій, который также исполненъ усердія, обѣщалъ мнѣ вести переписку съ бòльшимъ приличіемъ, не утрачивая свойственныхъ ему дѣятельности и старанія. Число больныхъ, среди самыхъ войскъ, весьма умѣренное, но госпитали все еще слишкомъ переполнены. Я встрѣтилъ въ Ясскихъ госпиталяхъ большое число раненыхъ еще при осадѣ Браилова и вообще много больныхъ, находящихся въ нихъ отъ 4 до 6 и даже до 8 мѣсяцевъ. Я приказалъ Витту (доктору арміи) разсмотрѣть внимательно это обстоятельство и предложить мнѣ соотвѣтственныя мѣры.

Простите В. В. за столь длинное письмо, но я счелъ долгомъ доложить Вамъ обо всемъ съ бòльшими подробностями, чѣмъ въ офиціальныхъ бумагахъ. Осмѣливаюсь просить Васъ повергнуть меня къ стопамъ Е. В. Императрицы и принять. . . . .

Яссы, 8-го марта.

(Переводъ). Получивъ вчера ключи Сизеполя и два, взятыя тамъ, знамя, втѣстѣ съ рапортомъ ген. Рота, привезенныя адъютантомъ его, поручикомъ гвардейскихъ уланъ Зволинскимъ, я буду весьма радъ представить ихъ В. В—ву съ тѣмъ же офицеромъ, какъ только мѣры предосторожности дозволятъ ему проѣхать черезъ карантинную линію,—чтò не задержитъ его болѣе 48 часовъ. Долгомъ считаю извѣстить В. В. объ этомъ черезъ гр. Ивелича, который, окончивъ съ обычнымъ ему усердіемъ возложенное на него В. В—мъ порученіе, возвращается въ Петербургъ.

Молю Бога, чтобы взятіе перваго города за Балканами послужило добрымъ предзнаменованіемъ для будущей кампаніи, подобно тому, какъ взятіе Эчміадзина послужило для кампаніи персидской.

---

[1]) Т. е. съ Абакумовымъ. Ред.

Я повторю приказаніе, чтобы поддерживать Сизеполь всѣмъ необходимымъ, особенно-же—чтобы усилить фортификаціонныя сооруженія, снабдивъ ихъ турецкою артиллеріею и зарядами. Я, однако, не желаю, чтобы адмиралъ Кумани овладѣлъ еще и Бургасомъ: это заставило бы еще его усиливать и принудило бы, пожалуй, къ такимъ военнымъ операціямъ, которыя, при невозможности, въ настоящее время, дѣйствовать на Дунаѣ, могли бы повліять рѣшительнымъ образомъ на общій ходъ кампаніи. Смѣю увѣрить В. В., что я не иначе рѣшусь на подобныя движенія, какъ въ случаѣ лишь крайней необходимости и будучи вполнѣ увѣреннымъ въ обладаніи нужными для того средствами,—и что правильный ходъ дѣла я всегда буду предпочитать операціямъ, имѣющимъ болѣе внѣшняго блеска, — если таковыя могли бы повлечь за собою пагубныя послѣдствія.

Въ тотъ же день, когда отправленъ былъ послѣдній фельдъегерь, вернулся сюда полковникъ Ховенъ, котораго я посылалъ въ Одессу, чтобы поторопить отправку одежды и аммуниціи. Онъ привезъ мнѣ извѣстіе, что все было нагружено еще до 1-го числа сего мѣсяца, но что послѣдніе суда еще находились на рейдѣ, вслѣдствіе вѣтровъ. То, что онъ говоритъ о способахъ нагрузки судовъ въ Одессѣ, не совсѣмъ удовлетворительно; повидимому, при этомъ нѣтъ ни преднамѣреннаго нерадѣнія, ни злоупотребленій, но лишь небрежность, особенно потому, что нѣтъ главнаго распорядителя, — нѣтъ человѣка, которому поручено было бы наблюдать за общимъ ходомъ ежедневныхъ нагрузокъ, какъ въ магазинахъ, такъ и въ портѣ.

Такъ какъ Воронцовъ повторилъ мнѣ, черезъ Фонтона, сколь сильно онъ желаетъ пребывать въ хорошихъ отношеніяхъ со мною, то я нахожу необходимымъ написать ему о нѣкоторыхъ, частныхъ затрудненіяхъ, которымъ легко помочь; но я полагалъ бы полезнымъ, еслибы В. В. послали отъ себя какого либо довѣреннаго человѣка, противъ котораго кн. Воронцовъ ничего не имѣетъ и который могъ бы быть даже пріятенъ ему, для того, чтобы, подъ его же вѣдѣніемъ, наблюдать за матеріальною частію транспортовъ изъ Одессы и даже изъ другихъ портовъ. Для занятія этой должности я предпочелъ бы всѣмъ прочимъ князя Алексѣя Лобанова, который любимъ Воронцовымъ и обладаетъ всѣми нужными качествами. Услуга, которую онъ можетъ оказать, слишкомъ велика для того, чтобы онъ не приложилъ къ ней всего усердія, какое мнѣ за нимъ извѣстно. Когда же, подъ его руководствомъ, подготовлено будетъ нѣсколько офицеровъ, которые въ состояніи будутъ наблюдать за исполненіемъ данныхъ имъ и утвержденныхъ гр. Воронцовымъ инструкцій,—онъ можетъ, черезъ мѣсяцъ или два, когда передвиженія получатъ правильный ходъ, пріѣхать въ армію.

куда В. В. полагали его послать, и гдѣ я увижу его съ искреннимъ удовольствіемъ.

Погода здѣсь все стоитъ ужасная, дѣлающая всякую перевозку тяжестей почти невозможною. Въ настоящее время, а по всѣмъ вѣроятностямъ, и въ продолженіи всего марта—въ княжествахъ нельзя будетъ сдѣлать ни одного передвиженія, не раззоряя, не только страну и всѣ ресурсы, какіе въ ней могутъ быть найдены лѣтомъ, но и всѣ, только что пополненныя войсковыя упряжки,—и не разстраивая единственнаго продовольственнаго резерва, какой мы имѣемъ въ княжествахъ. На хлѣбѣ, закупленномъ въ Подольской губерніи, я основываю главную мою надежду къ преодолѣнію, при началѣ весны, тѣхъ громадныхъ затрудненій, которыя повсюду представляются намъ вслѣдствіе безпорядковъ по продовольственной части,—особенно въ большой Валахіи. Въ эти послѣдніе мѣсяцы безпорядокъ сей, повидимому, еще усилился вслѣдствіе ужасной погоды, стоявшей въ теченіи января и половины февраля, и вслѣдствіе скотскаго падежа; онъ очевиднымъ образомъ повліялъ на снабженіе продовольствіемъ Бабадага, вопреки всѣмъ стараніямъ Сухтелена и Красовскаго.

Въ Молдавіи эта часть гораздо лучше; хотя и тамъ еще многаго остается желать. Продовольственная часть постоянно доставляетъ мнѣ много тревогъ и работы и, къ несчастію, я тутъ не могу въ той же мѣрѣ полагаться на исполненіе моихъ приказаній, какъ при распоряженіяхъ по штабу.

Лехнеръ еще не прибылъ. Ожидаю его съ нетерпѣніемъ.

Гр. Виттъ пріѣзжалъ сюда для осмотра баталіоновъ 16-й дивизіи, которая находится въ удовлетворительномъ состояніи, особенно баталіоны Селенгинскаго и 31-го егерскаго полковъ. О моихъ разговорахъ съ Виттомъ относительно Клейнмихеля [1]) я пишу длинное письмо гр. Толстому, прося его представить содержаніе онаго В. В—ву. Виттъ, повидимому, окончательно рѣшилъ, что не можетъ служить съ Клейнмихелемъ; но признаюсь В. В., я полагаю, что его не слѣдуетъ отпускать, ибо при нѣкоторыхъ недостаткахъ, которые ему свойственны, онъ неутомимъ, исполненъ усердія и дѣятельности и обладаетъ умомъ весьма свѣтлымъ, хотя иногда нѣсколько легкомысленъ.—Всѣ извѣстія изъ Константинополя согласно свидѣтельствуютъ о хорошемъ дѣйствіи блокады; мѣра эта была изъ самыхъ рѣшительныхъ и будетъ имѣть отличное вліяніе на нынѣшнюю кампанію; остается лишь пожелать, чтобы она примѣнена была съ полною энергіею.

Въ прилагаемой при семъ запискѣ я представляю на усмотрѣніе

---

[1]) Впослѣдствіи главноуправляющій вѣдомствомъ путей сообщенія.

В. В—ва возможность движенія за Балканы, въ случаѣ если бы занятіе Бургаса и отсылка ген. Ротомъ значительныхъ силъ могли насъ принудить сдѣлать это. Вполнѣ надѣюсь, что этого не случится, и всѣ приказанія Роту написаны въ такомъ смыслѣ; но я думаю, что обязанъ излагать передъ Вами мои соображенія, даже на случай невѣроятный,—при чемъ говорю лишь о движеніяхъ подготовительныхъ; потому что направленіе главныхъ силъ, послѣ перехода кавалеріи и пріобрѣтенія возможности двигаться повсюду, только тогда и можетъ опредѣлиться, сообразно обстоятельствамъ и смотря по силамъ и расположенію непріятеля.

Осмѣливаюсь просить В. В. повергнуть меня къ стопамъ Ея В—ва императрицы и принять....

Всеподданнѣйшее донесеніе графа Дибича

от 8-го марта 1829 г., изъ г. Яссъ.

(Переводъ). Изъ донесенія ко мнѣ генерала Рота, усматриваю я, что онъ, чувствуя всю важность занятой крѣпости Сизополиса, и предвидя по всѣмъ вѣроятіямъ быть атакованнымъ на семъ пунктѣ всѣми непріятельскими силами, въ той сторонѣ расположенными, принялъ весьма благоразумныя мѣры, немедленно усилить гарнизонъ нашъ въ Сизополисѣ еще Днѣпровскимъ и Украинскимъ полками, но въ то же время предполагаетъ, если только возможность къ тому представится, овладѣть какъ Бургасомъ, такъ и прочими пунктами въ Фаросскомъ заливѣ, на каковой конецъ, для лучшаго соображенія всѣхъ обстоятельствъ, послалъ онъ туда начальника штаба г.-м. Вахтена.

Какъ ни важно для насъ занятіе крѣпости Бургаса, представляющей намъ твердую опору за Балканомъ, но не менѣе того я признаю ту операцію преждевременною, которая по могущимъ встрѣтиться обстоятельствамъ, можетъ вынудить меня открыть кампанію прежде, нежели я предполагалъ, и потому я лучше бы желалъ на сей разъ ограничиться удержаніемъ одной крѣпости Сизополиса, въ которой, утвердясь сильно, посредствомъ флота, сохранить возможность, во всякое время, оттуда дебушировать большими силами и тѣмъ обойти дефилеи Балканскія.

Отдаленность, въ которой я нахожусь, не даетъ мнѣ возможности тотчасъ остановить предпріятія генерала Рота, которыя или уже исполнены въ отношеніи прочихъ пунктовъ Фаросскаго залива, или ограничиваются удержаніемъ одного Сизополиса. Въ послѣднемъ

моемъ письмѣ къ нему отъ 28-го февраля, въ копіи къ В. И. В. представленномъ, я упомянулъ, что на первый случай появленія нашего въ Фаросскомъ заливѣ, должно ограничиться взятіемъ одного Сизополиса, но я, полагаю, что и сіе письмо поздно до него дойти должно.

Причины мои къ сему основаны на слѣдующемъ:

Занятіе столь важнаго пункта, какъ Бургасъ, можетъ вынудить генерала Рота тотчасъ послать въ Фаросскій заливъ всю 19-ю и 16-ю дивизіи, дабы утвердиться на всѣхъ пунктамъ сего залива, а меня, безъ промедленія, выслать къ нему, на первый случай, въ подкрѣпленіе 7-ю пѣхотную дивизію, а вслѣдъ за нею, при первой возможности, хотя чрезъ Сатуново, на правый берегъ Дуная 9-ю пѣхотную и Бугскую уланскую дивизіи, чтобы усилить ген.-лейт. Красовскаго, къ сторонѣ Силистріи. 5-я и 8-я пѣхотная дивизіи сблизятся тогда къ Гирсову, дабы при первой возможности, при семъ мѣстѣ, перейти черезъ Дунай.

В. И. В. изъ вышеизложеннаго усмѣтрѣть изволите, что въ сіи движенія я вовлеченъ буду, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, можетъ быть и прежде, нежели продовольствіе арміи за Дунаемъ обезпечено быть можетъ, но сдѣлаю это, впрочемъ, въ крайнемъ только случаѣ; ибо сохраненіе войскъ Высочайше ввѣренной мнѣ арміи для меня не менѣе важно, какъ новыя побѣды, надъ непріятелемъ одержанныя, и потому я со всею осмотрительностію поступать буду. Но если бы, сверхъ чаянія, Бургасъ былъ бы нами занятъ и изъ донесенія генерала Рота усмотрѣлъ бы я подкрѣпленія, имъ туда посланныя, тогда, соображаясь съ обстоятельствами, я вынужденъ буду осаду Силистріи оставить до другаго времени и привести въ исполненіе вышепомянутое мое предположеніе, отдѣля къ нему тотчасъ 7-ю пѣхотную дивизію и поддержа его, къ сторонѣ Базарджика и Варны, еще 8-ю и 9-ю дивизіями, при первой возможности переправить ихъ за Дунай, съ нужнымъ продовольствіемъ. Я увѣренъ что гр. Воронцовъ къ тому времени успѣетъ выслать еще значительные запасы въ Кистенджи и Варну, и армія, базируясь на сію послѣднюю крѣпость, съ благонадежностію можетъ перейти Балканы и имѣть новый источникъ продовольствія въ Бургасѣ, куда какъ изъ Одессы, такъ и изъ Варны всякіе запасы направлены быть могутъ.

Изъ сего моего предположенія В. И. В. усмотрѣть изволите, что переходъ за Балканы, прежде взятія Силистріи, предполагается только тогда, когда 16-я и 19-я дивизіи владѣть будутъ всѣми пунктами на Фаросскомъ заливѣ; и чтобы не дать времени непріятелю сосредоточить всѣ свои силы противъ отдѣльной части нашей арміи, я въ необходимости буду еще съ 7-ю, 10-ю и

18-ю дивизіями и нѣсколькими полками казаковъ перейдя Балканы, и соединясь съ вышеозначенными двумя дивизіями, утвердиться въ укрѣпленныхъ лагеряхъ при Айдосѣ и Бургасѣ, гдѣ безпрепятственно могутъ они получать свое продовольствіе изъ Бургаса и Варны, и сохранять твердую связь, чрезъ Праводы къ Базарджику. Въ семъ положеніи дѣлъ 8-я и 9-я дивизіи займутъ Варну, Праводы и Базарджикъ, 5-я и 6-я пѣхотныя и Бугская уланская, до удобнаго случая, будутъ наблюдать за Силистріею. Такимъ образомъ, имѣя весьма незначительную часть кавалеріи на правомъ берегу Дуная, я буду имѣть нѣкоторую возможность продовольствовать оную, пока возможность перевесть остальную кавалерію за Дунай и силы и положеніе непріятеля укажутъ, куда должно обратить главное дѣйствіе.

Въ заключеніе я присовокупить долженъ еще В. И. В., что все здѣсь упоминаемое приведу я въ исполненіе только въ самой крайней необходимости и что если обстоятельства благопріятствовать будутъ переходу нашему черезъ Балканы и мы твердою ногою тамъ остановимся, тогда нѣтъ сомнѣнія, что сіе событіе большое вліяніе на миръ имѣть можетъ. Ген.-Ад. гр. Дибичъ.

Императоръ Николай—Гр. Дибичу.

С. Петербургъ. 12-го марта.

(Переводъ). Письмо ваше отъ 3-го числа, любезный другъ, я получилъ вчера утромъ. Добрая вѣсть о взятіи Сизеполя дошла до насъ уже три дня тому назадъ и я ожидалъ отъ васъ подробностей; между тѣмъ оказывается, что вы этого еще не знали. Пріобрѣтеніе это,—особенно если мы его за собою удержимъ,—доставляетъ намъ огромныя выгоды. Судя по извѣстіямъ отъ 28-го числа, изъ Варны, доставленнымъ въ Одессу на кораблѣ, кажется, что Ротъ выслалъ подкрѣпленія, а Кумани [1]) готовится къ попыткѣ на Мисеври. Все это отлично.

Все, что вы мнѣ говорите о вашихъ дѣлахъ, вообще—хорошо, но я былъ печально пораженъ при чтеніи рапорта Сумарокова,—рапорта, который доказываетъ, что этотъ человѣкъ хорошо видѣлъ. Чернышевъ передастъ вамъ мои мысли объ исправленіи того, что̀ было испорчѐно съ самаго начала; прежде всего нужно прекратить это и

---

[1]) Контръ-адмиралъ Кумани, командуя отдѣльною эскадрою, взялъ г. Сизеполь, 16-го февраля.

преобразовать части въ надлежащій ихъ видъ; особенно же, не допускать существованія временныхъ командъ, которыя не имѣютъ никакой цѣли и только удаляютъ людей отъ ихъ настоящаго назначенія. Скорѣе исправляйте осадную артиллерію и энергичнѣе понукайте Арнольди. Рапортъ Желтухина о состояніи провинцій совершенно безотраденъ; я надѣюсь однако, что онъ сдѣлаетъ все возможное для облегченія вашихъ дѣйствій.

Если мы удержимся въ Бургасскомъ замкѣ, то будетъ полезно (какъ только у васъ пойдетъ въ ходъ осада Силистріи) посадить на суда одну дивизію, съ ея артиллеріею, чтобы перевезти ихъ туда,—особенно, въ Мисеври, дабы оттуда, впослѣдствіи, взять въ тылъ тѣ войска, которыя будутъ противопоставлены нашимъ колоннамъ, направленнымъ изъ Варны, для форсированія проходовъ. Если вы будете имѣть точныя свѣдѣнія о силахъ, которыя непріятель можетъ двинуть къ Силистріи, то для осады будетъ достаточно, пожалуй, двухъ дивизій 3-го корпуса; между тѣмъ какъ 7-я дивизія пойдетъ занять Базарджикъ; вы же, съ 2-мъ корпусомъ, можете присоединиться къ Роту и, соображаясь со свѣдѣніями о томъ, что̀ имѣется въ Шумлѣ, предпринять что нибудь рѣшительное противъ горныхъ дефилей. Все это—только мысли, которыя я излагаю передъ вами, но не приказанія. Во всякомъ случаѣ необходимо увеличить ваши силы въ Бургасскомъ заливѣ; это—дѣло первостепенной важности.—Что думаете вы о Журжѣ, и имѣете ли тамъ связи?

Ваши сообщенія о Толѣ [1]) меня восхищаютъ; передайте ему мой дружескій привѣтъ. Бутурлинъ [2]) уѣзжаетъ на дняхъ.—Жена вамъ кланяется. Прощайте, любезный другъ. Богъ да хранитъ и да наставляетъ васъ. Вашъ. навсегда N.

Политическій горизонтъ, въ отношеніи къ намъ, спокоенъ. Католическая исторія въ Лондонѣ, повидимому, проходитъ.

Ce 12 Mars. St.-Pétersbourg.

C'est hier matin que j'ai reçu, mon cher ami, votre lettre du 3; la bonne nouvelle de la prise de Sizéboli nous etait déjà connue depuis trois jours et j'en attendais les détails par vous; tandis qu'il se trouve que vous ne la saviez pas encore. Cette prise, et surtout si nous la conservons, est d'un immense gain pour nous; il parait, d'après les nouvelles du 28 de Warna, venues par vaisseau à Odessa, que Roth envoyait des renforts et que Koumany allait tenter un coup sur Mizevry; tout cela est excellent. Ce que vous me

---

[1]) Генералъ-адъютантъ Толь былъ, въ 1829 г., назначенъ начальникомъ штаба арміи.

[2]) Генералъ-квартирмейстеръ.

dites de chez vous, en totalité est bien; mais j'ai été tristement surpris par la lecture du rapport de Soumarokof, qui est celui d'un homme qui a bien vu. Чернышевъ vous donne mes idées pour porter remède à ce qui était vicieux dès le principe; il faut tout d'abord faire cesser cela et reformer les parties comme elles doivent l'être; et surtout ne pas laisser subsister des commandes temporaires, qui n'ont aucun but et ne font qu'éloigner les hommes de leur véritable déstination. Portez promptement remède à l'artillerie de siége et poussez vivement Arnoldy. Le rapport de Желтухинъ sur l'état des provinces est désolant; je suis persuadé cependant qu'il fera le possible pour vous faciliter les opérations.

Si nous nous maintenons dans le golfe de Bourgas, il sera utile, sitôt que vous aurez le siége de Silistrie en train, de faire embarquer une division et son artillerie, pour la transporter la bas, surtout à Misévry, pour pouvoir plus tard, de là, prendre à revers ce qui s'opposerait aux colonnes qui de Warna forceraient les passages. A cet effet, peut-être, que—si vous aurez des notions éxactes sur les forces que l'ennemi peut amener devant Silistrie—qu'il suffirait des 2 divisions du 3 corps pour en faire le siége, tandis que la 7 irait prendre poste à Bazardjik, et que vous, avec le 2 corps pourrez vous réunir à Roth et, après vous être conformé d'après les notions sur ce qu'il y a à Schoumla, entreprendre quelque chose de décisif sur les gorges de montagnes. Tout cela, ce sont des idées que je vous offre et non des ordres; en tout cas, renforcer nos forces dans le golfe de Bourgas est indispensable et d'une importance majeure.—Que pensez vous de Jourja, et y avez vous des liaisons?

Vos nouvelles sur Toll m'enchantent, et dites lui bien des amitiés de ma part. Boutourline part ces jours-ci. Ma femme vous dit mille choses. Adieu, mon cher ami, que Dieu vous bénisse et vous guide. T. à vous pour la vie N.

L'horizon politique est calme pour nous. Il parait que l'affaire catholique à Londre passe.

Гр. Дибичъ—Императору Николаю.

Яссы, 17-го марта.

(Переводъ). Позвольте заявить Вамъ, государь, глубочайшую мою благодарность за новый знакъ благосклоннаго великодушія Вашего, о которомъ министръ финансовъ только что сообщилъ мнѣ. Да дастъ мнѣ Господь силы показать себя достойнымъ всѣхъ Вашихъ милостей и исполнить къ удовольствію Вашему ту славную, хотя и трудную обязанность, которою В. В. удостоили почтить меня.

Нынѣшняя погода, продолжающая быть холодною, служитъ большимъ препятствіемъ для начала кампаніи. Мы не можемъ выступить въ походъ прежде, нежели будетъ трава, потому что склады сѣна, по бо́льшей части, собраны внѣ настоящихъ операціонныхъ линій; а почти окончательное уничтоженіе скота въ прибрежныхъ округахъ Дуная воспрепятствовало зимнимъ перевозкамъ. Наступившее время

посѣва хлѣбовъ также вынуждаетъ щадить страну, дабы не подвергать ее опасности неизбѣжнаго голода.

Къ несчастію, безпорядки въ администраціи имѣли послѣдствія самыя печальныя, какъ для страны, такъ и для войскъ. Бѣдствія эти еще усилились вслѣдствіе непогодъ нынѣшней, исключительной зимы и неожиданнаго сбора большой части войскъ къ Каларашу, Журжѣ и Турно, въ самой серединѣ зимы. Не ранѣе наступленія настоящей весны можемъ мы надѣяться, что—по крайней мѣрѣ относительно войскъ,—произойдетъ существенная перемѣна къ лучшему.

Къ счастію, судя по всѣмъ свѣдѣніямъ, получаемымъ нами о непріятелѣ, положеніе его еще гораздо хуже. Полный недостатокъ жизненныхъ средствъ въ странѣ между Силистріею, Рущукомъ и Шумлою, равно какъ плачевное состояніе Румыніи, заставили его расположить нѣкоторыя войска между Рущукомъ и Виддиномъ. Означенная причина была для сего еще побудительнѣе, нежели ожиданіе, что мы переправимся черезъ верхній Дунай. Слухъ объ этой переправѣ здѣсь повсюду распространенъ, и я стараюсь его поддерживать, хотя онъ діаметрально противуположенъ моимъ намѣреніямъ.

Дунай уже разлился, сильнѣе нежели въ прошломъ году, и затопилъ всѣ острова между Калараіпемъ и Силистріею,—что легко можетъ насъ заставить измѣнить пунктъ, избранный для атаки; это не особенно важно, потому что полигонъ, находящійся на Разградской дорогѣ, тоже представляетъ нѣкоторыя преимущества, а рекогносцировка, произведенная Руппертомъ, показала, что можно избѣжать кладбищъ. Около Гирсова разливъ тоже весьма силенъ, но вода уже начинаетъ сбывать, и здѣсь увѣрены, что послѣ перваго, столь сильнаго разлива, второй, въ концѣ апрѣля, будетъ менѣе значителенъ.

Сатуновская дамба осталась на два фута выше уровня наводненія и мы надѣемся, что еще до 25-го числа сего мѣсяца, можно будетъ поставить мостъ. Подполковникъ Кокоревъ, который тамъ завѣдуетъ работами, весьма дѣятеленъ и способенъ. Лехнера еще нѣтъ; я повторилъ ему приказаніе пріѣхать, такъ какъ, по случаю болѣзни Рупперта, еще болѣе нуждаюсь въ немъ для разныхъ приготовленій. Отъ Рота я еще не получалъ рапорта о прибывающихъ къ нему продовольственныхъ запасахъ; но кораблей прибыло очень много во всѣ порты Болгаріи. Воронцовъ пишетъ мнѣ также, что онъ приказалъ судамъ изъ Херсона вести свой грузъ въ Дунай. Я, насколько возможно, тороплю эти транспорты, потому что они, вмѣстѣ съ хлѣбомъ изъ Подольской губерніи и подвижными магазинами, которые начнутъ прибывать около конца апрѣля, доставятъ намъ достаточные ресурсы для осады Силистріи. Не считая даже дунайскихъ во-

дяныхъ транспортовъ, я надѣюсь собрать вдоль Дуная трехъ-мѣсячное довольствіе (включая сюда и подвижные магазины), начиная съ 21-го апрѣля, на 100 т. человѣкъ и 25 т. лошадей; только для послѣднихъ придется сдѣлать, изъ водяныхъ транспортовъ, нѣкоторую прибавку. Если намъ, какъ я надѣюсь, удастся собрать, до окончанія осады, такое количество запасовъ въ болгарскихъ портахъ, то довольствіе наше будетъ обезпечено на все лѣто. Льщу себя надеждою, что пользуясь временемъ года, благопріятнымъ какъ для сухопутныхъ перевозокъ въ здѣшней странѣ, такъ и для транспортированія моремъ, мы постепенно обезпечимъ себѣ довольствіе, какъ на осень, такъ и на бо̀льшую часть зимы. Все это я соображу прежде начала движенія, ибо твердо убѣжденъ въ томъ, что въ здѣшней странѣ ни въ чемъ не слѣдуетъ разсчитывать на мѣстные ресурсы,—пользуясь, однако, всѣмъ, что̀ посчастливится найдти.

Желтухинъ выказываетъ много усердія и дѣятельности; надѣюсь. что у него дѣла пойдутъ лучше. Жатва, даже посредственная и особенно—поправка скота доставятъ намъ еще хорошіе ресурсы; но они будутъ про запасъ.

Я просилъ гр. Толстаго о рабочихъ для Болгаріи. Такъ какъ главная причина ду́рнаго состоянія тамошнихъ госпиталей нашихъ есть недостатокъ въ помѣщеніи и въ принадлежностяхъ, которыя приходится заготовлять на мѣстѣ, то необходимо приготовить все это въ теченіи лѣта. Поэтому, если бы рабочій баталіонъ, который я испрашивалъ черезъ гр. Толстаго, не могъ придти, то необходимо будетъ нанять вольныхъ рабочихъ, особенно же плотниковъ и каменьщиковъ. Полки 1-й бригады 10-й дивизіи еще очень нужны въ Варнѣ; они же, при помощи Божіей, могутъ оказать намъ великія услуги и по ту сторону Балкановъ.

Отъ Рота не имѣю ничего новаго, кромѣ взятія адмираломъ Кумани двухъ маленькихъ турецкихъ судовъ и парома, служившаго для сообщенія черезъ Фаросскій заливъ; это имѣетъ свою выгоду, потому что перерывъ прямаго сообщенія между Василико и Бургасомъ сдѣлаетъ для турокъ предпріятіе противъ Сизеполя гораздо затруднительнѣе. Такъ какъ они пропустили цѣлый мѣсяцъ, ничего не предпринимая, такъ какъ съ нашей стороны тоже, повидимому, ограничиваются лишь удержаніемъ за собою покореннаго пункта,—и такъ какъ мною отдано положительное приказаніе, держаться и впредь такого благоразумнаго образа дѣйствій, то я теперь гораздо менѣе безпокоюсь, хотя все-таки увѣренъ, что непріятель употребитъ всѣ усилія, на какія онъ способенъ, для того, чтобы снова овладѣть

этимъ пунктомъ; однако, въ виду присутствія значительной эскадры, я имѣю полную надежду, что это ему не удастся.

Я имѣю всѣ основанія быть вполнѣ довольнымъ поведеніемъ Толя; онъ обладаетъ неутомимымъ усердіемъ, со мною крайне внимателенъ, какъ наединѣ такъ и въ присутствіи постороннихъ; кромѣ того онъ полонъ того пламеннаго стремленія ко всему хорошему, каковое я весьма желалъ бы возбудить и въ другихъ лицахъ. Этотъ родъ апатіи приводитъ иногда обоихъ насъ въ отчаяніе; я однако не теряю надежды, что современемъ—порою распекая сильно, а порою похваливая—мы дойдемъ, и въ этомъ отношеніи, до лучшихъ результатовъ. Благоволите, государь, принять....

Императоръ Николай—Гр. Дибичу.

С.-Петербургъ, 27 марта [1]).

(Переводъ). Вчера получилъ я письмо ваше, любезный другъ, и очень радуюсь добрымъ вѣстямъ, которыя вы мнѣ сообщаете; надѣюсь, что съ помощію Божіею и благодаря заботливости вашей, ровно какъ и вашего отличнаго помощника, все пойдетъ хорошо и вы будете имѣть возможность совершить удачную кампанію. Я съ большимъ интересомъ прочелъ рапортъ Геруа о 8-й дивизіи. Чернышевъ передастъ вамъ мои замѣчанія. Но на чемъ я настаиваю болѣе всего, это—чтобы всѣ откомандированные, которыхъ всегда слишкомъ много. и безъ всякой пользы, были какъ можно скорѣе возвращены къ своимъ частямъ. Немедленно пополните вашу артиллерію изъ резервныхъ батарей № 5, которые къ вамъ присоединились: берите людей и лошадей; оставьте только необходимый кадръ, что бы можно было ихъ переформировать; для сего достаточно будетъ половины фейерверкеровъ и 24 бомбардировъ и канонировъ на батарею; остальныхъ можете послать куда угодно, въ томъ числѣ и осадную артиллерію. Посылаю вамъ 200 чел. артиллеристовъ изъ 3-хъ дивизіоновъ 4-й артиллерійской дивизіи, также двѣ фурштатскіе роты въ полномъ составѣ, изъ фурштатскихъ баталіоновъ 3-й кирасирской и 3-й уланской дивизій.

Какъ можно скорѣе уничтожьте всѣ временныя команды, которыя суть настоящая зараза. Пошлите надежныхъ адъютантовъ, что бы выбрали изъ госпиталей людей слабосильныхъ, или полу-неспособ-

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 17 марта.

ныхъ (demi-invalides), для сформированія изъ нихъ инвалидныхъ ротъ, которыя я разрѣшилъ сформировать, дабы тотчасъ же отослать къ своимъ полкамъ всѣхъ людей здоровыхъ и способныхъ нести службу, которые ходятъ за больными. Я увѣренъ, что найдется много народа, который пропадаетъ даромъ.

Надѣюсь, что вы приложили стараніе, что бы болѣе не происходило ссоръ между моряками и сухопутными войсками. Кажется, Дунай ведетъ себя благоразумно; посему надѣюсь, что, употребивъ нѣкоторое стараніе, вы будете имѣть возможность переправиться у Гирсова. Надо, что бы вы оставались около этого пункта какъ можно менѣе времени, дабы опять не схватить зародышей чумы.

Братъ мой Константинъ послалъ вамъ 19 офицеровъ инженерныхъ и генеральнаго штаба; они будутъ весьма полезны. Я приказалъ также выслать 3 роты изъ 5-го піонернаго баталіона, что бы вы имѣли старыхъ піонеровъ. Дѣйствія въ Бургасскомъ заливѣ ведутся, какъ мнѣ кажется, весьма разумно, и все заставляетъ меня надѣяться, что, какъ скоро вы справитесь съ Силистріею, дѣйствія противъ Бургаса могутъ удаться. Вы правы, заставляя (турокъ) ожидать перехода черезъ верхній Дунай. Для бо̀льшаго вѣроятія, прикажите искать и приготовлять въ Краіовѣ помѣщеніе для васъ и для вашего штаба; дѣлайте это какъ можно болѣе гласно, дабы быть увѣренными, что туркамъ объ этомъ сообщатъ.

Жена моя вамъ кланяется. Мы предполагаемъ 23 апрѣля ѣхать въ Варшаву [1]), гдѣ я останусь до конца мая. Прощайте, любезный другъ, Богъ да наставитъ и сохраняетъ васъ. Кланяйтесь Толю и Киселеву, если онъ съ вами. Вашъ навсегда N.

St.-Pétersbourg, le 27 Mars.

J'ai reçu, mon cher ami, votre lettre, et suis charmé des bonnes nouvelles que vous me donnez; j'espère qu'avec l'aide de Dieu, et grace à vos soins et à ceux de votre excellent aide, tout ira bien, et que vous pourrez faire une bonne campagne. J'ai lu avec grand intêret le rapport de Guéroy sur la 8-me division. Чернышевъ vous transmettra en détail mes remarques; mais sur quoi j'insiste le plus c'est que vous preniez de suite les mesures les plus sévères, pour que tous les откомандированные, dont il y a toujours beaucoup trop et d'inutiles, fussent renvoyés au plus vite à leurs corps. Complettez de suite votre artillerie par celle de batteries de réserve № 5 qui vous ont joint; prenez hommes et chevaux, laissez seulement le cadre indispensable pour pouvoir les réformer; il suffirait de la moitié des фейерверкеры et 24 bombard, et canoniers par batterie pour cela; le reste peut être envoyé

---

[1]) Государь отправлялся въ Варшаву на вѣнчаніе въ короли польскіе.

où vous le voudrez, y compris l'artillerie de siége. Je vous envoy 200 art. des 3-е дивизіоны de la 4-me division d'artillerie; de même, deux фурштатскія роты въ полномъ составѣ, des bat. de train des 3 de cuirassiers et hulans.

Détruisez au plustôt toutes les временныя команды qui sont une vraie peste. Envoyez des aides de camps sûrs choisir dans les hôpitaux les hommes faibles ou devenus demi-invalides, pour en former des nouvelles companies d'invalides, que j'ai permis de former, mais aussi pour renvoyer de suite à leur régimens tous les hommes bien portants et pouvant servir, qui soignent les malades; je suis sûr que l'on trouvera beaucoup de monde qui se perd pour rien; ceux d'au dela du Danube peuvent être incorporés dans les troupes là-bas, et vice-versa.

J'éspère que vous mettrez la main à ce qu'il n'arrive plus de brouille entre les marins et les trouppes de terre.—Il parait que le Danube est raisonnable; j'éspère par conséquent, qu'avec un peu de peine vous pourrez passer le Danube à Hirsova. Il faudra que vous restiez le moins possible à cet endroit, pour ne pas repêcher quelques germes de peste.

Mon frère Constantin vous a envoyé 19 off. du génie et de l'Etat-Major; ils seront fort utiles; j'ai fais aussi envoyer les 3 compagnies de pionniers du 5 bataillon, pour vous donner de vieux pionniers. Les opérations dans le golfe de Bourgas me paraissent fort sagement conduites, et tout me fait éspérer que, quand vous serez quittes de Silistrie, l'opération sur Bourgas pourra réussir. Vous avez raison de faire croire au passage du Haut-Danube; pour plus de probabilité de ce bruit, faites faire soi-disant chercher et préparer, pour vous et le quartier-général, des quartiers à Краіова, et avec grand bruit, pour être sûrs que les Turcs en seront instruits.

Ma femme vous dit mille choses. Nous comptons partir le 23 d'Avril pour Varsovie, ou je resterai jusqu'à la fin de Mai. Adieu, mon cher ami, que Dieu vous guide et vous soutient. Mille choses à Toll et Киселевъ, s'il est avec. A vous pour la vie N.

Гр. Дибичъ—Императору Николаю.

Яссы, 24 марта.

(Переводъ). Изъ оффиціальнаго донесенія, В. В. усмотрите, что до половины сего мѣсяца, непріятель ничего не предпринималъ противъ Сизеполя. Это подаетъ мнѣ надежду, что генер. Вахтену [1]) будетъ достаточно времени для приведенія сего пункта въ хорошее оборонительное состояніе.

Генер. Ротъ послалъ туда Азовскій полкъ, вслѣдъ за которымъ хочетъ послать еще и Одесскій; послѣ сего, Камчатскому полку, какъ надѣюсь, можно будетъ приказать вернуться, какъ только ра-

[1]) Начальникъ штаба 6-го пѣх. корпуса.

боты будутъ окончены. Генер. Ротъ хотѣлъ послать туда Головина; но такъ какъ онъ принялъ бы тамъ начальство, а между тѣмъ, Кумани вполнѣ заслуживаетъ внимательныхъ къ себѣ отношеній, то я написалъ Роту, что бы послать туда Габбе, если онъ поправился, а также отправить туда генер.-маіора Свободскаго, начальника 2-й бригады 19-й дивизіи. Между тѣмъ Кумани продолжаетъ тревожить и другія турецкія мѣстечки, лежащія при заливѣ: такъ, онъ бомбардировалъ, но безуспѣшно, г. Ахіоло. Когда убѣдились, что глубина рейда не дозволяетъ приблизиться линейнымъ кораблемъ, то лучше было бы и не начинать; впрочемъ, потеря убитыми состоитъ всего изъ 5 человѣкъ; а можетъ быть, это еще и заставитъ турокъ усилить свои гарнизоны. Я еще не могу быть увѣреннымъ, что турки употребятъ значительныя усилія противъ Сизеполя; если же бы они это сдѣлали, то это можетъ заставить меня двинуться къ Балканамъ съ главными силами, еще до взятія Силистріи,—какъ я уже говорилъ въ письмѣ моемъ, посланномъ съ Ивеличемъ. Но признаюсь Вамъ, государь, что это было бы совершенно противно моимъ намѣреніямъ; потому что я былъ бы вынужденъ оставить двѣ дивизіи пѣхоты (8-ю и 9-ю) противъ Силистріи, столько же (5-ю и 6-ю)—противъ Шумлы и, по крайней мѣрѣ, одну (11-ю) для гарнизоновъ; а за симъ, изъ 10-ти дивизій, перешедшихъ Дунай, у меня самаго оставалось бы только 5 (7, 10, 16, 18 и 19-я), изъ которыхъ одна находится въ Сизеполѣ. Между тѣмъ, послѣ взятія Силистріи, у меня будетъ ихъ, по крайней мѣрѣ, 6; а если бы явилась возможность овладѣть Шумлою, то и 7; хотя въ послѣднемъ случаѣ пришлось бы даже назначить двѣ дивизіи для осады Рущука, совмѣстно съ Киселевымъ; особенно, если В. В—ву благоугодно будетъ приказать употребить, для занятія морскихъ портовъ и для гарнизоновъ въ Бабадагской области, часть резервовъ пѣхоты. Такое употребленіе резервовъ казалось бы мнѣ весьма полезнымъ.

Осмѣливаюсь представить В. В—ву небольшую по сему предмету записку, основанную на общихъ соображеніяхъ о ходѣ военныхъ дѣйствій. Въ соображеніяхъ этихъ, конечно, могутъ происходить перемѣны; могутъ онѣ даже совершенно измѣниться вслѣдствіе событій и обстоятельствъ, противуположныхъ тѣмъ, которыхъ можно ожидать въ настоящее время. Во всякомъ случаѣ, не ранѣе конца мѣсяца, или же въ іюнѣ, я пожелалъ бы такого передвиженія резервовъ,—кромѣ лишь баталіоновъ 10-й дивизіи, которыхъ можно было бы перевести въ Варну моремъ, пославъ ихъ тяжести и лошадей сухимъ путемъ; баталіоны эти будутъ тамъ для насъ весьма полезны; да и имъ будетъ хорошо въ прекрасномъ климатѣ Варны.

Запасовъ для прокормленія войскъ у насъ будетъ достаточно; расходы же по выдачѣ содержанія не будутъ слишкомъ значительны, и онѣ не могутъ быть даже принимаемы въ какой либо разсчетъ, если избавятъ насъ отъ третьей кампаніи. Я пишу гр. Чернышеву о состояніи артиллеріи, а также и о 8-й дивизіи, осмотрѣнной генераломъ Геруа. Надѣюсь, что 1-я дивизія будетъ своевременно снабжена всѣмъ для нея необходимымъ. 8-я дивизія нуждалась бы въ начальникѣ болѣе дѣятельномъ, нежели генер. Зассъ; и, я думаю, Скобелевъ былъ бы для нея настоящимъ человѣкомъ. Постараюсь, насколько могу, поправить все, чего ей еще не достаетъ, и назначить для нея, во время осады Силистріи, мѣсто въ резервѣ, гдѣ она могла бы совершенно оправиться, у меня самаго подъ глазами.

Трава еще не показывается и, къ несчастію, это рѣшительно препятствуетъ открытію кампаніи. Однако, если продовольствіе, идущее моремъ въ Дунай, прибудетъ во-время и если флотилія (которая еще не снабжена полнымъ такелажемъ) будетъ имѣть возможность, какъ я надѣюсь, двинуться, по крайней мѣрѣ, въ составѣ двухъ эскадръ, для конвоированія 20-ти дневнаго запаса провіанта и фуража для 20-ти человѣкъ и 4 т. лошадей, отъ Гирсова къ Силистріи,—то въ такомъ случаѣ я разсчитываю обложить эту крѣпость войсками генер. Красовскаго, усиленными егерскою бригадою 11-й дивизіи и двумя полками Черноморскихъ казаковъ; 8-я дивизія расположится, въ качествѣ резерва, въ Бабадагѣ, гдѣ я, около 20 и 25 апрѣля, соберу 4 кавалерійскія и 2 пѣхотныя дивизіи 3-го корпуса и тотчасъ же двинусь къ Силистріи, отославъ одну дивизію кавалеріи Роту, войска котораго соберутся, гдѣ укажутъ обстоятельства, вѣроятно, около Козлуджи; 5-я дивизія соберется въ Калarашѣ, что бы прикрывать прибытіе осадной артиллеріи; двѣ бригады переправятся черезъ рѣку на судахъ, когда я пріѣду; послѣ чего должны быть начаты всѣ приготовленія къ открытію траншей.

Такъ какъ Силистрія не хорошо снабжена, то я надѣюсь, что Красовскій успѣетъ подойти прежде, нежели въ крѣпость эту будетъ доставлено достаточное количество продовольствія. Непріятельскія войска въ Шумлѣ и Рущукѣ не могутъ получить значительныхъ подкрѣпленій ранѣе мая, такъ что Красовскій, подъ начальство котораго поступятъ 12—14 полковъ пѣхоты и 2 полка казачьихъ, будетъ сильнѣе, нежели Ротъ въ прошедшемъ году, когда гарнизонъ Силистріи былъ болѣе чѣмъ вдвое сильнѣе нынѣшняго. Въ первыхъ числахъ будущаго мѣсяца я полагаю перенести главную квартиру въ Галацъ, что бы по возможности ввести въ заблужденіе относительно направленія нашей главной операціонной линіи. Я распускаю слухи,

будто отправляюсь, со своимъ штабомъ, въ Букарештъ, а затѣмъ, вѣроятно, въ Краіово; въ Галацѣ же я прикажу дѣлать приготовленія къ движенію въ Варну и постараюсь, если только будетъ возможно, съѣздить туда, что бы уговориться съ генер. Ротомъ.

Генералъ Толь былъ весьма тронутъ тѣмъ мѣстомъ въ письмѣ В. И. В—ва, которое его касается; онъ продолжаетъ и будетъ продолжать, я въ томъ увѣренъ, вести себя, какъ подобаетъ правдивому и вѣрному рыцарю и служакѣ.

Благоволите, государь, принять.......

Императоръ Николай—гр. Дибичу.

С. Петербургъ, 3 апрѣля [1]).

(Переводъ). Письмо ваше отъ 24 марта, любезный другъ, дошло до меня третьяго дня вечеромъ. Очень радъ узнать, что у васъ все идетъ хорошо и что мѣры, которыя вы приняли относительно артилеріи, кажутся вамъ порукою въ добромъ успѣхѣ; равно радуюсь и тому, что вы мнѣ говорите о 8-й дивизіи. Весьма одобряю (какъ вы уже видѣли въ одномъ изъ моихъ писемъ) распускаемый вами слухъ о перенесеніи главной квартиры вашей въ Краіово.

Вы собираетесь двинуть въ Бабадагъ 4 дивизіи кавалеріи, вѣроятно, для заготовки возможно бо́льшаго количества сѣна, и въ возможно скорѣйшемъ времени — это мѣра отличная. Намѣреніе ваше, послать Красовскаго [2]), что бы какъ можно скорѣе обложить Силистрію, тоже вполнѣ согласуется съ моими мыслями; но вы считаете, что у него отъ 12-ти до 14-ти тысячъ человѣкъ пѣхоты; я же полагаю, что это число несогласно съ тѣмъ, что̀, въ дѣйствительности, находится подъ ружьемъ въ 7-й и 18-й дивизіяхъ.

Я вижу, что вы намѣреваетесь употребить въ дѣло 11-ю дивизію Долженъ вамъ напомнить, что я дозволилъ перевести ее за Дунай только для содержанія гарнизоновъ, но отнюдь не для присоединенія къ дѣйствующимъ войскамъ. Дивизія эта должна содержать гарнизоны въ Силистріи (когда она будетъ наша), въ Базарджикѣ и Коварнѣ; далѣе этого она не должнаидти, такъ какъ еще очень нуждается въ обученіи. Прошу васъ, какъ можно болѣе соображаться съ этимъ.

[1]) Отвѣтъ на письмо Дибича, отъ 24 марта.

[2]) Генер.-лейт. Красовскій командовалъ своднымъ корпусомъ, составленнымъ изъ 6-й и 7-й пѣхот. дивизій и 3-хъ казачьихъ полковъ.

Еще менѣе могу одобрить ваше желаніе и согласиться ввести, уже въ іюнѣ, резервы войскъ въ завоеванную страну; воля моя относительно этого предмета вамъ уже довольно извѣстна, такъ что я не имѣю надобности повторять разъ сказанное. Ограничусь замѣчаніемъ, что кромѣ 2-хъ пѣхотныхъ и 2-хъ кавалерійскихъ дивизій, которыя должны оставаться въ Большой и Малой Валахіяхъ, у васъ, за Дунаемъ, будутъ 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 16, 18 и 19-я дивизіи пѣхоты и 4 дивизіи кавалеріи. Кромѣ Силистріи, всѣ крѣпости въ вашей власти и ни одна изъ нихъ не требуетъ иныхъ войскъ, кромѣ необходимыхъ для занятія карауловъ. Только Варна и Сизеполь, какъ единственные пункты, которые могутъ подвергнуться нападенію, должны быть, сообразно съ симъ, снабжены войсками. 11-я дивизія, какъ я уже выше сказалъ, должна имѣть одну бригаду въ Базарджикѣ и одну—въ Коварнѣ, Кистенджи и Гирсовѣ, вмѣстѣ съ этапами, на которые достаточно и четырехъ баталіоновъ, — когда ихъ прикрываетъ цѣлая армія.—10-я дивизія занимаетъ Варну и Праводы; одна бригада 19-й—въ Сизеполѣ.—И такъ, для дѣйствій, остаются еще, цѣликомъ, 5, 6, 7, 8, 9, 16 и 18-я дивизіи, 2 бригады 19-й и 4 дивизіи кавалеріи. Напомню вамъ, что въ прошломъ году я видѣлъ, какъ переходили Дунай, взяли Исакчи, Гирсово, Кистенджи, Тульчу, Мачинъ, двинулись къ Шумлѣ и атаковали Варну, всего на всего съ 6-ю дивизіями пѣхотными и $2^1/_2$ кавалерійскими. Задача нынѣшняго года начинается при болѣе твердыхъ данныхъ и, кромѣ того, имѣется то преимущество, что въ августѣ получено будетъ солидное подкрѣпленіе въ 60 резервныхъ баталіоновъ, хорош обученныхъ и силою, каждый, по крайней мѣрѣ, въ 600 человѣкъ. Послѣ этого краткаго очерка вы не погнѣваетесь на меня, любезный другъ, если замѣчу, что не могу не находить страннымъ, что вы считаете средства ваши недостаточными! И такъ, прошу васъ, болѣе и не говорить объ этомъ.

Извѣстія, полученныя нами изъ Лондона, весьма хороши. Повидимому, Матусевичу удалось убѣдить англичанъ принять проектъ Парижской конференціи, для опредѣленія будущихъ границъ Греціи, а это—вопросъ изъ самыхъ важныхъ, такъ какъ онъ побудитъ англичанъ болѣе уже не отступаться отъ требованій, предъявленныхъ ими Портѣ.—Извѣстія изъ Константинополя, доставленныя Гюбшемъ, гласятъ, что новое крейсерство, учрежденное Гейденомъ между Родосомъ и Кандіею, производитъ самое рѣшительное дѣйствіе: нужда такова что Гюбшъ съ трудомъ можетъ удовлетворять потребностямъ своего семейства.—Силы турокъ въ Европѣ, повидимому, не превышаютъ 100 т. человѣкъ. Они обратились противъ Паскевича, и надо будетъ

его поддержать, особенно въ виду ненадежности отношеній къ Персіи, со времени смерти Грибоѣдова.

Турки, кажется, хотятъ попытать счастья на морѣ; я увѣдомилъ о семъ Грейга, который, надѣюсь, постоитъ за себя.—Привѣтствуйте отъ меня Толя; не сомнѣваюсь, что онъ продолжаетъ во всемъ оправдывать мое довѣріе и быть вашимъ вѣрнымъ и истиннымъ помощникомъ.—Я не могу довольно нахвалиться Чернышевымъ: онъ работаетъ и ведетъ себя прекрасно. Бѣдный мой Эдуардъ все еще боленъ,—что̀ меня сильно безпокоитъ. Меншикова ожидаю на дняхъ. Прощайте, любезный другъ. Богъ да наставитъ васъ и да даруетъ вамъ скорый успѣхъ. Вашъ навсегда Н.

St.-Pétersbourg, le 3 Avril.

C'est avant hier soir que m'est parvenu, mon cher ami, votre lettre du 24 Mars. Je suis charmé de savoir que tout aille bien chez vous; que vos mesures pour l'artillerie vous paraissent assurer un bon succés, ainsi que ce que vous me dîtes au suget de la 8-me division. J'approuve fort—comme vous l'aurez déja vu par une de mes lettres—le bruit que vous faites rependre au suget de transport de votre Quartier-général à Краева.

Je suppose que c'est pour faire du foin, le plus et le plustôt possible que vous allez envoyer 4 divisions de cavallerie dans le Babadagh; c'est une excellente mesure.—Votre projet de faire marcher Красовскій pour cerner Silistrie le plustôt possible est aussi parfaitement conforme à mes idées; mais vous lui prétez 12 m. à 14 m. hommes d'infanterie,—nombre, que je ne trouve pas conforme à la réalité de ce qu'il y a présent sous les armes dans les 7 et 18 divisions.

Je vois que vous avez l'intention d'employer activement la 11-me division: Je dois vous rappeler que je n'ai permis qu'elle passe le Danube que pour tenir garnison, et nullement pour faire partie des trouppes agissantes. C'est la division, qui doit tenir garnison à Silistrie, quand nous l'aurons, Bazardjik et Kovarna; elle ne doit pas aller au delà, ayant encore bien besoin d'instruction. Je vous prie de vous y conformer le plus que vous pourrez.

Je puis encore moins approuver, ni consentir à votre désir de faire entrer les résérves, déja en Juin, dans le pays conquis; ma volonté vous est déja assez connue là-dessus, pour que j'aie besoin de revenir sur le passé. Je me bornerai à vous observer, que hors les 2 divisions d'infanterie et les 2 de cavallerie qui doivent rester en Grande et Petite Valachie, vous aurez audelà du Danube le 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 16, 18 et 19-me divisions d'infanterie et 4 divisions de cavallerie. Hors Silistrie toutes les places sont en votre pouvoir et aucune n'éxige d'autres trouppes que la simple garde montante; Warna et Sizépoly sont les seuls points qui, étant exposés à des attaques, doivent être garnis en conséquence. La 11 division doit avoir—comme je l'ai dit plus haut—une brigade à Bazardjik, une brigade pour Kovarna, Kistenji et Hirsova, avec les étappes, pour lesquels 4 bataillons sont suffisants, quand toute l'armée les couvre. La 10 division forme les garnisons de Warna et Pravody; une brigade

de la 19 est à Sizepoly; ainsi restent les 5, 6, 7, 8, 9, 16, 18 divisions et 2 brigades de la 19 division, intactes, pour coopérations, avec 4 divisions de cavallerie. Je vous rappellerai que l'année passée, j'ai vu passer le Danube, prendre Isaktscha, Hirsova, Kistenji, Tultscha, Matschine, marcher contre Schoumla et attaquer Warna avec, tout compris, 6 divisions d'infanterie et 2½ de cavallerie. Or, la besogne de cette année commence avec des données plus assurées; et l'avantage d'être positivement renforcé en Août par 60 bataillons de résérves, bien exercés et forts, au moins, de 600 hommes chacun. Après ce court éxposé, vous ne m'en voudrez pas, mon cher ami, de vous observer que je ne puis ne pas trouver étrange que vous trouviez vos moyens insuffisants!—Veuillez donc ne plus revenir là-dessus.

Nos nouvelles de Londre, d'hier, sont des meilleurs; il parait que Матусевичъ a réussi à faire adopter aux Anglais le projet de conférence de Paris pour les futures limites de la Gréce—objet des plus importants, car il force les Anglais à ne plus reculer dans leurs exigences envers la Porte. Les nouvelles de Constantinople, de Hubsch, disent que la nouvelle croisière, établie par Heyden entre Rhôde et Candie, produit l'effet le plus éfficace; le manque est tel que Hubsch à peine pourvoit aux besoins de sa famille. Les forces des Turcs ne paraissent pas dépasser, en tout, 100 m. hommes en Europe. C'est contre Paskévitsch qu'ils se tournent, et il faut le soutenir, surtout vu l'état incertain de nos relations avec la Perse, depuis la mort de Griboyédof.

Il parait que les Turcs veulent tenter la fortune sur mer; j'en préviens Greigh qui, j'éspére, leur tiendra tête.—Dites mille choses de ma part à Toll; je ne doute pas qu'il ne continue en tout point à justifier ma confiance et qu'il ne soit toujours votre fidèle et véritable aide. Je ne puis assez me louer de Чернышевъ; il fait parfaitement bien et se conduit de même. Mon pauvre Edouard est toujours malade, ce qui m'inquiète beaucoup.—J'attends Меншиковъ un de ces jours. Ma femme vous fait dire mille choses. Adieu, mon cher ami, que Dieu vous guide et nous accorde bientôt de succés. A vous pour la vie N.

Гр. Дибичъ—Императору Николаю.

Фальчи, 7 апрѣля [1]).

(Переводъ). Я только что получилъ письмо В. В—ва, отъ 27 марта. Со времени моего прибытія къ арміи, я старался обращать самое усиленное вниманіе на отсылку прикомандированныхъ; на этотъ счетъ отданы были самыя точныя приказанія, и я наблюдаю за исполненіемъ ихъ; но оно замедляется большими разстояніями. Нѣкоторыхъ изъ этихъ людей, какъ, напр., прикомандированныхъ къ подвижнымъ госпиталямъ армейскихъ корпусовъ, нельзя даже замѣнить, потому что у насъ недостаетъ погонцевъ для громадныхъ обозовъ, необходимыхъ вслѣдствіе мѣстныхъ условій. Для этой службы выбраны лю-

[1]) Отвѣтъ на письмо государя, отъ 27 марта.

ди наименѣе способные къ фронту. Число офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, прикомандированныхъ къ госпиталямъ, въ качествѣ смотрителей и вахтеровъ, тоже не можетъ быть уменьшено, пока не будутъ присланы другіе, изъ Россіи. Съ слѣдующимъ курьеромъ я буду имѣть счастіе представить В. И. В—ву тѣ приказанія (весьма подробныя), которыя отданы мною относительно каждаго изъ прикомандированныхъ въ 8-й дивизіи, и извлеченія изъ коихъ сообщены были прочимъ войскамъ, дабы и они поступали согласно съ симъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ осмѣливаюсь, однако, испрашивать дозволенія В. В—ва, чтобы не посылать Вамъ болѣе подобныхъ подробностей, которыя необычайнымъ образомъ увеличиваютъ безъ того уже крайне усиленную работу дежурства и начальника штаба. В. В. можете быть увѣрены, что я не пренебрегу ничѣмъ для увеличенія комплекта арміи; того требуетъ мой долгъ, и собственная слава моя съ этимъ связана. Я вполнѣ могу разсчитывать на усердіе и строгость моего доблестнаго и отличнаго помощника—начальника штаба, и на старанія генерала Обручева.

В. В. останетесь довольны образомъ дѣйствій Вахтена, при отраженіи Гуссейна-Паши. Число убитыхъ можно считать, по крайней мѣрѣ, вдвое болѣе числа найденныхъ тѣлъ. Я приказалъ, однако, удвоить дѣятельность и бдительность, ибо, вѣроятно, что подобныя попытки будутъ повторяться. Экспедиція Шильдера доставляетъ ему величайшую честь [1]); она была столь же отважна, сколько искусно направлена; я не могу довольно нахвалиться его усердіемъ. Впрочемъ, весьма дурно было бы съ моей стороны не отдать справедливости отличному духу, который, повидимому, господствуетъ вообще во всѣхъ чинахъ арміи.

Чума, или, лучше сказать, та злокачественная и прилипчивая лихорадка, которую такъ называютъ, къ несчастію, снова появилась, въ довольно сильныхъ размѣрахъ, въ Мачинѣ, и опять показывается, хотя въ слабой степени, въ Гирсовѣ и его окрестностяхъ. Я еще усилилъ тѣ, весьма полезныя мѣры, которыя приняты уже были генер. Красовскимъ; но такъ какъ я не имѣю еще подробныхъ донесеній, то представлю офиціальный рапортъ по полученіи оныхъ.

Когда мостъ прибудетъ къ Калараშу, то я надѣюсь получить возможность перевести туда кавалерію,—если только можно будетъ

---

[1]) Шильдеръ оказалъ важную услугу при подготовкѣ переправы у Силистріи. Не взирая на присутствіе турецкой флотиліи, ему удалось перевезти заготовленные на р. Аржисѣ плашкоуты вверхъ по Дунаю, къ с. Каларашу.

И. О.

достаточно скоро устроить дорогу и, особенно, если намъ можно будетъ своевременно подвезти достаточное количество фуража.

Еще до моего отъѣзда изъ Яссъ, у меня былъ припадокъ перемежающейся лихорадки. Послѣ необходимаго числа пароксизмовъ, мнѣ дали сегодня «Sulfatum», и Шлегель [1]) обѣщаетъ, что это сразу прекратитъ болѣзнь,—чего я весьма желалъ бы, потому что тѣ дни, въ которые у меня бываетъ лихорадка, всегда на половину потеряны для работы.

Осмѣливаюсь просить Васъ, государь, своевременно доставить мнѣ Ваши маршруты, дабы я зналъ, куда посылать моихъ курьеровъ, послѣ 14-го числа.

Благоволите принять.....

(На этомъ письмѣ, сверху, собственноручная, на французскомъ языкѣ, надпись императора: «Болѣзнь Дибича безпокоитъ меня еще болѣе чумы. Остальное очень хорошо. Посылаю вамъ его письмо, дабы вы видѣли, что онъ самъ говоритъ о своей болѣзни. Будемъ надѣяться, что Шлегель съумѣетъ его вылѣчить и, главное, предохранить отъ возвращеній болѣзни»).

„La maladie de Diebitch m'inquiète plus encore que la peste. Le reste est fort bon; je vous envois sa lettre pour vous faire voir ce qu'il dit lui même de sa maladie. Espérons que Schlegel saura le guerir et préserver surtout des rechutes".

---

[1]) Старшій докторъ при главной квартирѣ.

ЗАПИСКА ОДНОГО ИЗЪ ПРЕЖНИХЪ ГУБЕРНАТОРОВЪ.

1867 г.

Печатаемъ документъ, вполнѣ отошедшій въ область исторіи. Записка бывшаго нѣкогда губернаторомъ г. N. N. разошлась тринадцать лѣтъ тому назадъ во многихъ спискахъ и была тогда же напечатана въ С.-Петербургѣ съ надлежащаго разрѣшенія. Представляемъ ее нынѣ на страницахъ „Русской Старины“ съ примѣчаніями покойнаго Ю. Ѳ. Самарина, на напечатаніе которыхъ изъявилъ согласіе его братъ, и въ сопровожденіи отвѣта кн. А. И. Васильчикова, также отвѣчавшаго намъ согласіемъ на просьбу нашу дать мѣсто въ „Русской Старинѣ“ его отвѣту.

Записка N. N., повторяемъ, документъ, вполнѣ отошедшій въ область исторіи. Надо надѣяться, что мысли, проводимыя составителемъ Записки, не имѣютъ уже подъ собою почвы, не воплощаются въ дѣло, и Россія, въ вопросахъ ея внутренняго устроенія, обращенная къ великимъ и плодотворнымъ началамъ, легшимъ въ основу такихъ законодательныхъ актовъ, каковы Положенія 19-го февраля 1861 г., земскія учрежденія, судебные уставы—будетъ разъ на всегда спасена отъ такой програмы, какую излагаетъ составитель Записки. Во всякомъ случаѣ, если мысли, имъ проводимыя, любопытны лишь какъ историческій матеріалъ для освѣщенія нѣкоторыхъ направленій, имѣвшихъ мѣсто въ теченіи русской мысли, то примѣчанія Ю. Ѳ. Самарина и кн. А. И. Васильчикова дороги намъ, какъ исходящія отъ дѣятелей вполнѣ государственныхъ, всегда стоявшихъ на стражѣ дѣйствительнаго охраненія всего того, что создано наиславнѣйшаго въ царствованіе обожаемаго Россіею ея Освободителя и Преобразователя. Ред.

Вступивъ въ управленіе Псковской губерніей въ мартѣ мѣсяцѣ 1867 года, я посвятилъ изученію ея бо́льшую часть лѣтняго времени, какъ наиболѣе благопріятнаго для этой цѣли. При разъѣздахъ своихъ, я не ограничивался только обозрѣніемъ присутственныхъ мѣстъ и повѣркою дѣятельности административныхъ лицъ и учрежденій;—изъ 164 волостей губерніи, я лично посѣтилъ болѣе $^3/_4$, вникая вездѣ въ экономическія условія быта населенія, въ общественную его дѣятельность и вообще во всѣ обстоятельства, обусловливающія его матеріальное, умственное и нравственное развитіе.

По нѣкоторымъ предметамъ, которые могутъ сколько-нибудь зависѣть отъ прямаго вліянія администраціи, мною сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія; по другимъ же полагаю нужнымъ войти съ представленіями въ высшія правительственныя мѣста. Независимо отъ этого, я считаю обязанностью изобразить состояніе губерніи во всѣхъ выше означенныхъ отношеніяхъ, съ присовокупленіемъ тѣхъ общихъ соображеній, кокорыя непосредственно вытекаютъ изъ сдѣланныхъ наблюденій и которыя, смѣю думать, составляютъ одну изъ важнѣйшихъ государственныхъ задачъ настоящаго времени.

Хотя Псковская губернія, по положенію своему, и не принадлежитъ къ счастливѣйшимъ мѣстностямъ Имперіи, однако естественныя ея условія настолько благопріятны, что могли бы вполнѣ обезпечить благосостояніе населенія. Между тѣмъ, замѣчается явленіе совершенно противоположное, которое, къ тому же, усиливается съ каждымъ годомъ. Менѣе, чѣмъ 10-ть лѣтъ тому назадъ, губернія производила хлѣба въ количествѣ не только достаточномъ для потребленія мѣстнаго населенія, но еще оказывался, болѣе или менѣе, значительный излишекъ, который отправлялся за предѣлы губерніи; въ настоящее же время, мѣстнаго хлѣба уже недостаточно для того, чтобы удовлетворить потребности населенія, и болѣе или менѣе значительная часть его получается уже извнѣ, изъ другихъ губерній, и такимъ образомъ продовольствіе населенія поставлено въ зависимость отъ всѣхъ торговыхъ случайностей на хлѣбныхъ рынкахъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, четверть ржи стоила 4 рубля, въ настоящее время она возрасла уже до 10-ти и ожидаютъ еще бо́льшаго возвышенія цѣны.

Такое тревожное явленіе есть неизбѣжное послѣдствіе упадка земледѣльческой промышленности, обнаруживающагося съ каждымъ годомъ все сильнѣе и сильнѣе какъ въ помѣщичьихъ, такъ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ, и проявляющагося, съ одной стороны, сокращеніемъ посѣвовъ, а съ другой—скудностью самаго урожая, происходящаго отъ недостаточнаго удобренія почвы, что̀, въ свою

очередь, происходитъ отъ сильнаго упадка скотоводства, которое здѣсь неразрывно связано съ земледѣльческою промышленностью.

Упадокъ земледѣлія, позволяю себѣ еще разъ повторить, происходитъ вовсе не вслѣдствіе естественныхъ условій мѣстности,—а исключительно отъ недостатка необходимаго оборотнаго капитала, при совершенномъ отсутствіи поземельнаго кредита. Въ подтвержденіе такого заключенія, могу привести лично видѣнные мною примѣры, что два хозяйства, находящіяся рядомъ другъ съ другомъ, при совершенно одинаковыхъ естественныхъ условіяхъ, даютъ результаты совершенно различные: въ одномъ—урожай достигаетъ до самъ-12, въ другомъ—только до самъ-3. Результаты эти вполнѣ соотвѣтствовали размѣрамъ капитала, употребленнаго на обработку земли въ этихъ хозяйствахъ. Къ несчастію, примѣры такихъ благоустроенныхъ хозяйствъ слишкомъ немногочисленны, и, не оказывая никакого вліянія на общее благосостояніе губерніи, существуютъ какъ будто только для того, чтобы сдѣлать болѣе очевиднымъ источникъ, въ которомъ кроется истинная причина упадка земледѣльческой промышленности.

Отсутствіе поземельнаго кредита, а вслѣдствіе этого—недостатокъ оборотнаго капитала, тяготитъ надъ всѣмъ государствомъ и повсемѣстно подавляетъ земледѣльческую промышленность, которая у насъ составляетъ основу государственнаго благосостоянія; но гибельное его вліяніе проявляется гораздо сильнѣе въ такихъ мѣстностяхъ, какъ, напримѣръ, въ Псковской губерніи, гдѣ земледѣльческая культура значительно сложнѣе и требуетъ значительно бо̀льшихъ затратъ, чѣмъ, напримѣръ, въ Самарской губерніи. Ежели въ Самарской губерніи отсутствіе кредита не позволяетъ землевладѣльцамъ извлекать всѣхъ выгодъ, представляемыхъ естественными свойствами края, то въ Псковской губерніи онъ ведетъ къ совершенному разстройству хозяйствъ и ко всѣмъ грознымъ послѣдствіямъ этого въ самомъ недалекомъ будущемъ.

Въ уѣздахъ: Псковскомъ, Островскомъ, Порховскомъ и части Новоржевскаго и Опочецкаго льняная промышленность до нѣкоторой степени еще устраняетъ опасенія скорыхъ послѣдствій упадка благосостоянія, доставляя мѣстнымъ жителямъ средства къ заработкамъ, покрывающимъ ихъ потребности; но и этотъ источникъ не замедлитъ изсякнуть, такъ какъ неумѣренные посѣвы льна весьма быстро истощаютъ землю. Вся же остальная мѣстность губерніи, заключающая въ себѣ около 300,000 душъ обоего пола, уже теперь находится въ положеніи весьма близкомъ къ совершенному бѣдствію, особенно же уѣзды: Холмскій и Торопецкій, гдѣ нѣкоторыя мѣстныя особенности еще болѣе усилили вліяніе общихъ причинъ. Эти мѣстныя особен-

ности, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ топографическихъ свойствахъ мѣстности и въ характерѣ существовавшихъ прежде отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, будутъ изложены подробно въ отдѣльномъ представленіи, въ которомъ обращу вниманіе на нѣкоторыя исключительныя мѣры, необходимыя для предупрежденія весьма затруднительнаго положенія сельскаго населенія.

Вникая въ экономическое положеніе губерніи, я особенное вниманіе обращалъ на сельское населеніе, какъ на главный источникъ государственныхъ доходовъ, отъ благосостоянія котораго зависитъ исправный и своевременный взносъ всякаго рода лежащихъ на нихъ платежей. Упадокъ земледѣльческой промышленности, а съ нимъ и значительное пониженіе общаго благосостоянія сельскаго населенія, не можетъ не возбуждать опасеній о тѣхъ затрудненіяхъ, которыя не замедлятъ представиться при взысканіи этихъ платежей. Хотя въ настоящее время положеніе недоимокъ въ губерніи нельзя не признать удовлетворительнымъ, такъ какъ ихъ за первую половину текущаго года, по податнымъ платежамъ и по государственному земскому сбору, состояло только 4,95%, а по выкупнымъ платежамъ 9,71% оклада [1]), но по тѣмъ усиліямъ, какія потребовались со стороны исполнительной власти для ихъ взысканія, легко можно предвидѣть что подобная исправность платежей продолжится не долго и что недоимки будутъ накопляться въ такихъ размѣрахъ, что могутъ сдѣлаться ощутительными для государственнаго бюджета. Это обстоятельство пріобрѣтаетъ значеніе перворазрядной важности и вполнѣ достойно вниманія государственныхъ людей, такъ какъ одною изъ высшихъ правительственныхъ заботъ есть, безспорно, обезпеченіе государству правильнаго, своевременнаго и безнедоимочнаго поступленія доходовъ.

Управляя двумя губерніями, столь различными по своимъ экономическимъ условіямъ, я не могъ не замѣтить, что на платежи крестьянъ вліяютъ не только случайныя обстоятельства, какъ, напримѣръ, бо́льшая или меньшая степень урожая или болѣе или менѣе удачная дѣятельность агентовъ исполнительной власти, но что корень недоимокъ гнѣздится гораздо глубже, именно въ томъ, что въ дѣйствитель-

---

1) Изъ всей оставшейся за первую половину текущаго года недоимки по податямъ и государственному земскому сбору приходится на Холмскій и Торопецкій уѣзды 64%, а на остальные 6-ть уѣздовъ—36%; изъ недоимки по выкупнымъ платежамъ падаетъ на Холмскій и Торопецкій уѣзды 71%, на Великолуцкій, Порховскій и Опочецкій 29%, а въ остальныхъ 3-хъ уѣздахъ недоимки по выкупнымъ платежамъ нѣтъ. Пр. авт.

ности государство ничѣмъ не обезпечено въ правильномъ поступленіи повинностей, лежащихъ на сельскомъ населеніи. Основнымъ обезпеченіемъ повинностей у насъ, какъ и вездѣ, служитъ имущество, между которымъ земля занимаетъ самое важное мѣсто [1]). Но земля только тогда представляетъ вѣрное обезпеченіе, когда она составляетъ личную собственность владѣльца, пріобрѣтенную имъ добровольно, съ полнымъ сознаніемъ всей пользы отъ обладанія ею; въ такомъ только случаѣ онъ дорожитъ ею, какъ главнымъ источникомъ своего благосостоянія, и опасеніе лишиться ея будетъ дѣйствительнымъ рычагомъ, понуждающимъ его къ исправному платежу повинностей [2]).

У насъ, землевладѣніе въ сельскомъ населеніи явилось какъ результатъ общей правительственной мѣры, установившей владѣніе землею на общинномъ началѣ [3]); въ большинствѣ случаевъ, мѣра эта влекла

---

[1]) Неужели авторъ серьезно думаетъ, что сумма налоговъ и повинностей всякаго рода, сходящихъ съ крестьянъ (которыхъ онъ самъ называетъ главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ) ложится на имущество и, главнѣйшимъ образомъ, на землю, а не на души, то есть не на личныя, рабочія силы? Если таково его убѣжденіе, то не угодно ли ему сдѣлать слѣдующій опытъ: взять итогъ всѣхъ сходящихъ въ губерніи съ крестьянъ подушныхъ податей, государственныхъ подушныхъ повинностей, упадающихъ на крестьянскія земли, частей губернскаго и уѣздныхъ земскихъ сборовъ и сбора на содержаніе губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія и мировыхъ посредниковъ, и (не принимая даже въ расчетъ натуральныхъ повинностей, если онѣ не оцѣнены на деньги) разложить этотъ итогъ на всѣ земли въ губерніи, состоящія во владѣніи крестьянъ, на правѣ пользованія или собственности; затѣмъ, цифру поземельнаго налога, приходящуюся на десятину крестьянской земли, сравнить съ цѣною, по которой земля продается или сдается въ оброчное содержаніе. Что тогда окажется?

[2]) Въ сущности, это значитъ вотъ что: постараться, чтобы крестьянинъ уложилъ весь свой капиталъ въ землю, дабы казна могла, подъ страхомъ отобранія этой земли, выбирать съ крестьянина налогъ рѣшительно несоразмѣрный ни съ цѣнностью его недвижимой собственности, ни съ ея производительностью. А когда, вслѣдствіе этой хитрой операціи, значительнѣйшая часть крестьянскихъ земель перейдетъ въ руки казны, когда окажется, что въ ея рукахъ земля ничего не приноситъ, а обезземеленные крестьяне ничего платить не могутъ, когда мы, наконецъ, вернемся въ то самое положеніе, въ какомъ находилась Россія наканунѣ прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ, тогда, во избѣжаніе банкротства, ничего болѣе не останется, какъ опять навязать крестьянамъ землю, дабы было съ чего платить подати, то есть повторить то, что̀ сдѣлалъ Борисъ Годуновъ. И все это выдается за высшія соображенія!

[3]) Что̀бы автору подѣлиться съ историческою наукою фактомъ, какъ видно, ему одному извѣстнымъ: когда, при комъ, за какимъ No. правительство установило общинное владѣніе землею? **Ю. Ѳ. Самаринъ.**

не только къ обязательному устройству общины, но и къ невольному пріобрѣтенію ею земли. Лицо юридическое — общество, сдѣлавшись землевладѣльцемъ, стало въ то же время и лицомъ отвѣтственнымъ передъ государствомъ въ исполненіи повинностей. Но лицо юридическое, созданное не вслѣдствіе сознанія частной пользы каждаго отдѣльнаго его члена, какъ, наприм., создаются ассоціаціи и компаніи,—а установленное общею правительственною мѣрою,—относится къ земельной собственности иначе, чѣмъ лицо отдѣльное, владѣющее ею на частномъ правѣ. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ обнаруживается, что крестьяне даже тяготятся землею; въ доказательство этого можно привести то, что они спѣшатъ воспользоваться 124 статьей мѣстнаго положенія, по которой, въ случаѣ убыли $^1/_5$ части душъ, общества имѣютъ право отказываться отъ соразмѣрнаго количества мірской полевой земли [1]). Съ установленіемъ юридическаго лица землевладѣльцемъ и отвѣтственнымъ плательщикомъ, сама собою должна явиться круговая порука, взаимная отвѣтственность членовъ всего общества, которая, такимъ образомъ, сдѣлалась единственной гарантіей въ исправности платежей.

Круговая порука при всей сознанной наукою и опытомъ стѣснительности ея для частной дѣятельности, какъ мѣра фискальная, достигаетъ цѣли только въ немногихъ случаяхъ, наприм., въ многолюдномъ и зажиточномъ обществѣ, гдѣ несостоятельность нѣсколькихъ лицъ, безъ особеннаго бремени, разлагается на всѣхъ остальныхъ сочленовъ общества. Въ обществахъ же малолюдныхъ и мало зажиточныхъ, круговая порука, вмѣсто гарантіи, становится самымъ опаснымъ средствомъ, угрожающимъ состоятельности цѣлаго общества. Для примѣра можно указать Холмскій и Торопецкій уѣзды Псковской губерніи, гдѣ на каждое общество приходится среднимъ числомъ только 13 душъ, т. е. отъ 3-хъ до 4-хъ хозяйствъ; при болѣе или менѣе равномѣрной степени зажиточности, несостоятельность одного хозяйства, падая на остальныя два или три, становится для нихъ разорительною и дѣлаетъ ихъ несостоятельными къ будущимъ платежамъ; такимъ образомъ, благодаря круговой порукѣ [2]), въ дан-

[1]) Не ясное ли доказательство, что крестьянская земля обложена не въ мѣру? Между тѣмъ, авторъ, желая обезпечить интересъ казны, то есть, дать ей возможность получать исправно всѣ подати, хлопочетъ объ упраздненіи круговой поруки, причемъ, по невозможности облагать подушнымъ сборомъ въ прежнемъ размѣрѣ личности другъ за друга уже не отвѣчающія, пришлось бы, конечно, и бо́льшую часть подушныхъ сборовъ навалить на землю и съ нея выбирать.

[2]) Авторъ постоянно смѣшиваетъ послѣдствія круговой поруки съ естественными послѣдствіями неумѣреннаго обложенія, при круговой ли порукѣ, при личной ли отвѣтственности. **Ю. Ѳ. Самаринъ.**

номъ случаѣ, вмѣсто одного несостоятельнаго хозяйства, является три или четыре.

Правда, устанавливая круговую отвѣтственность, законъ предоставилъ сельскимъ сходамъ, какъ юридическому представителю общества, нѣкоторыя средства къ понужденію неисправныхъ личностей, и если бы эти средства достигали цѣли, то болѣе трудолюбивые и зажиточные крестьяне менѣе страдали бы отъ неисправности нерадивыхъ сочленовъ.

Но мѣры эти, сами по себѣ пальятивныя, еще болѣе теряютъ значеніе въ практическомъ ихъ примѣненіи. При общей неразвитости сельскаго населенія въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, сельскіе сходы не умѣютъ пользоваться этими мѣрами даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ зажиточные его члены, составляя большинство, имѣютъ перевѣсъ въ постановленіяхъ сходовъ; въ большинствѣ же случаевъ бываетъ обратно, т. е. большинство въ сельскихъ сходахъ составляютъ люди нерадивые [1]), и тогда уже болѣе достаточнымъ сообщественникамъ никакимъ образомъ невозможно уберечься отъ имущественной отвѣтственности за несостоятельныхъ односельцевъ. Но такъ какъ общества не въ состояніи сами справиться съ возложенными на нихъ обязанностями, то необходимость заставляетъ администрацію вмѣшиваться въ это дѣло. Администрація употребляетъ указанныя закономъ мѣры уже противъ всего общества, продавая имущество, не разбирая кому оно принадлежитъ: исправному или неисправному плательщику.

Продажа имущества есть самая дѣйствительная мѣра; всѣ остальныя, по исключительности случаевъ ихъ примѣненія, не могутъ имѣть общаго значенія въ системѣ обезпеченія повинностей. Но продажа движимаго имущества, съ точки зрѣнія государственныхъ интересовъ, гдѣ дѣло идетъ не объ одновременномъ взысканіи, а о постоянномъ и прочномъ обезпеченіи платежей, является мѣрою въ высшей степени опасною по послѣдствіямъ. Въ большинствѣ случаевъ все движимое имущество крестьянъ состоитъ въ рабочемъ скотѣ, продажа котораго окончательно лишаетъ ихъ возможности поправить свое хозяйство,—вслѣдствіе чего случайная несостоятельность можетъ превратиться въ постоянную. При этомъ мѣра эта можетъ быть лег-

---

[1]) Нерадивые! легко сказать, а все-таки главный источникъ государственныхъ доходовъ! Желалъ бы я посмотрѣть на радивыхъ, просвѣщенныхъ и нравственныхъ, если бы имъ пришлось пропорціонально платить столько же, сколько платятъ тѣ, о которыхъ такъ свысока говоритъ авторъ.

Ю. Ѳ. Самаринъ

ко обойдена,—чему и бывали уже примѣры,—тѣмъ, что болѣе зажиточные крестьяне, не желая терять своего имущества ради неисправныхъ сообщниковъ, заблаговременно обращаютъ въ деньги все свое движимое имущество, за исключеніемъ самаго необходимаго и неподлежащаго продажѣ, а деньги скрываютъ, такъ что даже члены семейства часто не знаютъ объ нихъ. Такая уловка, безъ сомнѣнія, будетъ повторяться тѣмъ чаще, чѣмъ чаще власть будетъ прибѣгать къ этому способу взысканія недоимокъ, и она способна парализовать самую энергическую дѣятельность правительственныхъ агентовъ.

Такимъ образомъ круговая порука не только не способна служить надежнымъ обезпеченіемъ платежей, но, напротивъ, въ ней именно и кроется зародышъ будущей неисправности крестьянъ и тѣхъ затрудненій, какія встрѣтятся при взысканіи недоимокъ. Хотя круговая порука всегда служила у насъ обезпеченіемъ въ отправленіи повинностей, но только въ настоящее время, послѣ ограниченія дисциплинарныхъ взысканій, она выступила во всей своей грозной силѣ. До этого времени, установившійся обычай дѣлалъ круговую поруку, отвѣтственность всего общества, учрежденіемъ совершенно номинальнымъ, такъ какъ административныя власти, слѣдя за поступленіемъ платежей, понуждали къ нимъ неисправныхъ лицъ, бòльшею частью, строгими мѣрами дисциплинарныхъ наказаній, между которыми тѣлесное играло самую важную роль, такъ что у крестьянъ сложился даже особый терминъ: «выколачивать подати». При такомъ способѣ взысканія, гдѣ репрессивныя мѣры были обращены не на имущество, а на личность неисправныхъ плательщиковъ, благосостояніе обществъ не разстроивалось, и самые неисправные хозяева, боясь личныхъ наказаній, дѣлались прилежнѣе и бережливѣе. Но такой первобытный способъ расправы не могъ продолжать свое существованіе рядомъ съ тѣми преобразованіями, которыя правительство предприняло съ цѣлью вывести сельское населеніе изъ его грубаго состоянія и поставить на степень гражданскаго общества. Дисциплинарныя наказанія должны были естественно уступить мѣсто инымъ мѣрамъ, и взысканіе недоимокъ само собой должно было перейти съ личной отвѣтственности на имущественную, и тогда-то круговая порука, съ указанными выше мѣрами, обнаружила всѣ свои гибельныя для сельскаго населенія свойства.

Въ то же самое время, вслѣдствіе совершившихся реформъ, налоги значительно возрастали. Явленіе это весьма естественно въ развивающейся государственной жизни; но, къ прискорбію, оно у насъ не сопровождалось другимъ, не менѣе естественнымъ явленіемъ, развитіемъ производительныхъ силъ, увеличеніемъ источниковъ народ-

наго богатства; напротивъ, увеличеніе налоговъ совпало у насъ съ самымъ критическимъ для благосостоянія государства моментомъ. Увеличеніе крестьянскихъ повинностей произошло именно въ то время, когда крестьянскій бытъ еще далеко не былъ устроенъ и когда отвѣтственность за недоимки обратилась изъ личной въ [illegible]енную. Чѣмъ выше повинности, лежащія на крестьянахъ, чѣмъ болѣе обнаруживается упадокъ въ ихъ хозяйствахъ, тѣмъ значительнѣе будутъ недоимки, для взысканія которыхъ придется прибѣгать къ указаннымъ въ законѣ мѣрамъ; а чѣмъ чаще эти мѣры будутъ примѣняться, тѣмъ быстрѣе наступитъ полная несостоятельность сельскаго населенія. Такимъ образомъ, существующій нынѣ способъ обезпеченія платежей неминуемо приведетъ, въ весьма недалекомъ будущемъ, или къ значительному накопленію недоимокъ, или къ совершенному разоренію сельскаго населенія; тогда уже сдѣлаются, само собою, невозможными всякіе платежи. Въ виду такой грозной дилеммы. вопросъ о раціональномъ обезпеченіи платежей пріобрѣтаетъ весьма серьезное государственное значеніе и вызываетъ необходимость неотлагательнаго разрѣшенія, пока всѣ крайнія послѣдствія настоящаго порядка не успѣли еще вполнѣ обнаружиться.

Нельзя умолчать о затрудненіи, въ которое ставится администрація такимъ положеніемъ дѣла о взысканіяхъ. Но какъ ни трудны ея обязанности, она не можетъ ни на шагъ отступить отъ прямаго своего назначенія—наблюдать за неукоснительнымъ исполненіемъ закона. Только такимъ путемъ она можетъ внушить уваженіе къ закону, вселить въ массахъ убѣжденіе, что пока законъ существуетъ, ни обойти его, ни уклониться отъ его исполненія невозможно; а въ этомъ убѣжденіи и лежитъ краеугольный камень чувства законности, отсутствіе котораго такъ часто проявляется въ нашемъ обществѣ. Въ вопросѣ о взысканіяхъ такое твердое исполненіе закона еще тѣмъ необходимѣе, что сельское населеніе не успѣло проникнуться сознаніемъ въ неизбѣжности исправныхъ платежей, не позабывъ еще тѣхъ случаевъ, когда ему предоставляемы были различныя льготы: то въ видѣ разсрочки недоимокъ, получавшейся путемъ частныхъ ходатайствъ, то въ видѣ совершеннаго ихъ сложенія высочайшими манифестами. До сихъ поръ, усилія правительственныхъ агентовъ во ввѣренной мнѣ губерніи сопровождались весьма удовлетворительными результатами, какъ это выше мною указано, но въ скоромъ времени, ежели существующія затрудненія не будутъ разрѣшены въ законодательномъ порядкѣ, то самая усиленная дѣятельность администраціи не въ состояніи будетъ предотвратить вышеизложенныхъ опасеній. Не позволяя себѣ предрѣшать этого вопроса, столь же слож-

наго, какъ и важнаго, я глубоко убѣжденъ, что устраненіе отъ крестьянскаго землевладѣнія обязательнаго характера и замѣна общиннаго владѣнія землею,—владѣніемъ участковымъ, по крайней мѣрѣ, для Псковской губерніи, было бы мѣрою несомнѣнно полезною, какъ по отношенію къ благосостоянію крестьянъ, такъ и по отношенію къ обезпеченію государственныхъ повинностей [1]).

Общественная дѣятельность населенія, во всѣхъ ея видахъ, начиная съ сельскихъ и волостныхъ сходовъ и кончая городскими и земскими собраніями, представляется въ положеніи столь же мало удовлетворительномъ, какъ и экономическое состояніе губерніи. Главная и общая причина этого явленія заключается въ томъ, что нравственныя и умственныя средства среды не соотвѣтствуютъ ни размѣру правъ, ни кругу дѣятельности предоставленныхъ каждому виду общественнаго управленія [2]). Необходимое равновѣсіе между административною и общественною дѣятельностью повсемѣстно установлялось неторопливымъ и постепеннымъ расширеніемъ правъ обществъ, согласно съ распространеніемъ образованія и развитіемъ въ немъ необходимыхъ средствъ для самоуправленія. Во всѣхъ, вообще, европейскихъ государствахъ, степень предоставляемыхъ обществу правъ всегда ниже предъявляемыхъ обществомъ требованій, и правительства тогда только рѣшаются слагать съ себя извѣстную долю заботы о благосостояніи общества, когда обнаружатся ясные признаки, доказывающіе, что общество дѣйствительно уже способно само исполнить эту задачу. Общественныя учрежденія, какъ органы самоуправленія, являются тамъ, какъ естественный плодъ извѣстнаго развитія общества.

---

[1]) Опять очевидное смѣшеніе понятій. Повидимому, авторъ заботится объ обезпеченіи государственныхъ податей, то есть о томъ, чтобы правительство могло легко и вѣрно получать съ плательщиковъ что ему нужно, а въ сущности: всѣ его предположенія клонятся только къ тому, чтобъ облегчить полиціи примѣненіе мѣръ взысканія недоимокъ, и то весьма не надолго.

[2]) Съ тѣхъ поръ какъ существуетъ русская пресса, никогда никто не произносилъ такого радикальнаго и въ тоже время легкомысленнаго осужденія всей законодательной дѣятельности правительства. Какъ? Екатерининскія учрежденія о дворянскихъ и городскихъ собраніяхъ, учрежденіе сельскаго и волостнаго управленія казенныхъ крестьянъ въ прошлое царствованіе, положенія о крестьянахъ и о земскихъ учрежденіяхъ нынѣшняго царствованія, все это колоссальные промахи? Ибо бо̀льшаго промаха законодательная власть сдѣлать не можетъ, какъ, не понявъ степени подготовки общественной среды, дать ей учрежденія несвоевременныя и неумѣстныя. Неужели министерство внутреннихъ дѣлъ думаетъ какъ Псковскій губернаторъ? **Ю. Ѳ. Самаринъ.**

У насъ общественныя учрежденія явились путемъ совершенно противоположнымъ. Обязанныя существованіемъ своимъ правительственной инициативѣ, которая очень и очень значительно опередила потребности общества, учрежденія эти пришлись не по плечу нашему обществу: оно не было къ нимъ приготовлено, ничѣмъ не заявило своей способности къ самоуправленію [1]) и, получивъ его, не можетъ пока справиться съ этимъ непосильнымъ даромъ, а потому и несоотвѣтственность общественныхъ учрежденій съ развитіемъ и силами общества въ настоящее время выказывается еще весьма рѣзко. Примѣромъ этого можетъ служить тотъ общеизвѣстный и повсемѣстно встрѣчающійся фактъ, что члены общественныхъ собраній не только относятся равнодушно, но даже тяготятся дѣломъ; весьма часто они являются въ собраніе въ числѣ едва достаточномъ для законности его состава, и тѣ, которые посѣщаютъ его, являются туда безъ всякой подготовки къ занятіямъ, такъ что почти всегда одно или два болѣе способныя лица овладѣваютъ всѣмъ дѣломъ, подчиняютъ себѣ все собраніе и рѣшаютъ вопросы общественные, часто побуждаясь только личными убѣжденіями и интересами, которые они прикрываютъ и санкціонируютъ общественнымъ постановленіемъ, придавая такимъ образомъ общественной дѣятельности характеръ своихъ личныхъ воззрѣній.

Между тѣмъ, учрежденіямъ этимъ ввѣрены весьма важные вопросы общественнаго благосостоянія; но заботы администраціи нисколько отъ этого не облегчились: напротивъ, задача ея становится еще труднѣе въ тѣхъ случаяхъ, когда бездѣйствіе, или ошибочныя дѣйствія этихъ учрежденій вызываютъ необходимость прямаго ея вмѣшательства.

Доказательствомъ тому можетъ служить постоянная необходимость административнаго вмѣшательства въ дѣла какъ сельскаго, такъ и городскаго общественнаго управленія; а неоднократные примѣры, вызывавшіе участіе администраціи въ дѣятельности земскихъ учрежденій, доказываютъ также, что заботы ея не облегчились ихъ введеніемъ [2]).

Но какъ бы ни были неудачны общественныя учрежденія, онѣ

[1]) Любопытно было бы знать какъ, напримѣръ, Москва, при покойномъ графѣ Закревскомъ, могла бы заявить свою способность и готовность къ самоуправленію?

[2]) Бѣдная администрація! Въ какихъ же это, однако, случаяхъ бездѣйствіе земскихъ учрежденій восполнялось такою усиленною дѣятельностью администраціи? Ужъ не по случаю ли нынѣшняго (1867 г.) голода?

Ю. Самаринъ.

составляютъ уже фактъ совершившійся, онѣ заняли уже мѣсто въ ряду государственныхъ учрежденій и существованіе ихъ гарантируется, съ одной стороны, невозможностью частыхъ законодательныхъ перемѣнъ въ столь важномъ предметѣ, а съ другой стороны—несомнѣннымъ достоинствомъ идеи самоуправленія въ теоріи, съ точки зрѣнія которой у насъ образованное большинство смотритъ на общественныя учрежденія, снисходительно объясняя ихъ первоначальныя неудачи, какъ временное явленіе, происходящее отъ молодости этихъ учрежденій. Вообще справедливо, что въ началѣ всякаго новаго учрежденія, какъ бы оно ни согласовалось съ потребностью общества, замѣчаются ошибки, неловкость пріемовъ, происходящія отъ непривычки [1]). Но наши общественныя учрежденія страдаютъ не только такими, естественно и легко устраняемыми недугами,—опытъ нѣсколькихъ лѣтъ доказываетъ отсутствіе въ нихъ гораздо болѣе важныхъ элементовъ, необходимыхъ для развитія самоуправленія, для достиженія того значенія, какое эти учрежденія должны бы имѣть по идеѣ законодателя. Къ сожалѣнію, не всѣ это понимаютъ, а ежели и понимаютъ, то не всѣ рѣшаются высказывать это, удерживаемые ложнымъ стыдомъ отъ сознанія слабости и неразвитости общества. Но такой стыдъ несовмѣстенъ съ достоинствомъ власти, которая должна отдавать себѣ правильный, трезвый и безпристрастный отчетъ во всѣхъ общественныхъ явленіяхъ, чтобы дѣйствія свои сдѣлать цѣлесообразными.

Идея самоуправленія, сама по себѣ, исключаетъ понятіе объ административномъ вмѣшательствѣ въ кругъ предметовъ, подлежащихъ вѣдѣнію этого управленія. Правильное осуществленіе этой идеи и ведетъ къ этому естественному результату, и тогда задачи администраціи упрощаются и облегчается бремя, на ней лежащее. Но у насъ, какъ выше сказано, постоянно обнаруживается необходимость вмѣшательства администраціи во всѣ виды общественной дѣятельности [2]). Это обстоятельство побуждаетъ ее точнѣе опредѣлить свои отношенія къ общественнымъ учрежденіямъ.

При внимательномъ изученіи этого вопроса, задача администраціи представляется въ двоякомъ видѣ, сообразно двойственности задачи и самыхъ общественныхъ учрежденій, которыя, съ одной стороны, должны заботиться объ исполненіи извѣстныхъ повинностей государ-

---

[1]) Смѣемъ увѣрить, что то же замѣчается при первомъ осмотрѣ губерніи вновь прибывшимъ губернаторомъ.

[2]) Чтобы ей когда нибудь попробовать хоть на время посдержать свое вмѣшательство? Можетъ быть дѣла пошли бы лучше. Ю. С.

ству; съ другой—пещись о собственномъ своемъ благосостояніи. Въ первомъ случаѣ, администрація должна быть непоколебима въ своихъ требованіяхъ, употребляя, для понужденія, всѣ предоставленныя закономъ средства. Равнымъ образомъ, по всѣмъ тѣмъ предметамъ, гдѣ общественная дѣятельность соприкасается съ администраціей, эта послѣдняя должна указывать всѣ самомалѣйшія ошибки первой, пріучая ее такимъ образомъ къ правильному и отчетливому дѣйствію. Съ другой стороны, по всѣмъ тѣмъ предметамъ, которые относятся собственно до интересовъ самаго общества, администрація должна строго воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства, какія бы ни были послѣдствія для общества, происходящія или отъ его бездѣятельности, или отъ его ошибочной дѣятельности, конечно, если только они прямо не нарушаютъ закона.—Невмѣшательства своего, въ этомъ случаѣ (въ случаѣ ходатайства), администрація не должна ограничивать только воздержаніемъ отъ прямой иниціативы, отъ указаній, руководства, понужденій; она должна простирать его и далѣе—даже до неумолимаго отказа своего участія въ такихъ случаяхъ, когда общественныя учрежденія обратятся съ ходатайствами къ правительству—выручить ихъ изъ затрудненій, въ которыя онѣ впали, благодаря собственной своей винѣ, какъ бы ни были тяжелы временныя послѣдствія этого отказа для общества.

Поясню свою мысль примѣромъ.

Забота о народномъ продовольствіи предоставлена земству, которому переданы правительствомъ капиталы и предоставлены всѣ средства исполнить эту задачу. По нерадѣнію ли, по неумѣлости ли[1], земство оказалось несостоятельнымъ въ исполненіи этой задачи и обращается къ правительству за вспомоществованіемъ. Должно ли правительство исполнить это ходатайство? Ежели оно его исполнитъ, тогда исчезнетъ уже послѣдній рычагъ для возбужденія дѣятельности въ земствѣ, которое совершенно спокойно впадетъ въ летаргію, зная, что за спиной у него стоитъ правительство, которое подастъ ему руку помощи во всякой бѣдѣ, отъ которой оно само должно было предостеречься. Напротивъ, неумолимый отказъ помощи во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ земство должно было само о себѣ заботиться и гдѣ имѣло для этого всѣ средства, предоставляя его на жертву временныхъ затрудненій, можетъ только вызвать въ немъ сознаніе, что оно должно само о себѣ заботиться, можетъ подвинуть его къ дѣя-

[1]) По неумѣлости выражаться по-русски, можно бы придти къ предположенію, что за редакцію записки отвѣчаетъ не лицо, подписавшее ее.

Ю. С.

тельности и заставить сдѣлать дѣятельность эту разумною, цѣлесообразною [1]).

Такимъ образомъ, отношенія администраціи къ общественной дѣятельности должны выражаться, съ одной стороны, самымъ настойчивымъ требованіемъ исполненія всего, что непосредственно относится до повинностей государству, съ другой—самымъ рѣшительнымъ устраненіемъ себя во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ самаго общества [2]). Только строго и систематически слѣдуя по этимъ двумъ путямъ, администрація можетъ вызвать къ жизни общественную дѣятельность и тогда общественныя учрежденія, благодаря все-таки администраціи [3]), дѣйствительно могутъ сдѣлаться школою развитія и гражданскаго воспитанія общества.

Опредѣливъ общій характеръ общественной дѣятельности, считаю нужнымъ указать еще нѣкоторыя частныя явленія, въ каждой отдѣльной сферѣ этой дѣятельности.

Выше было указано, что круговая порука, какъ логическое послѣдствіе настоящаго устройства сельскаго населенія, невыгодно отражается на его благосостояніи.

При болѣе разумномъ распредѣленіи между сообщественниками земли и лежащихъ на нихъ повинностей, круговая отвѣтственность могла бы встрѣчаться рѣже. Но внутренняя раскладка повинностей, принадлежащая безапелляціонно сельскимъ сходамъ, сознательно или не сознательно, но въ большинствѣ случаевъ производится весьма нераціонально, отчего отдѣльныя хозяйства вовлекаются въ несостоятельность, которая падаетъ на все общество. То же самое замѣчается и при семейныхъ раздѣлахъ, производимыхъ, бо́льшею частью, не вслѣдствіе экономическихъ потребностей, а вслѣдствіе ссоръ и семейнаго разлада [4]), а нерѣдко для уменьшенія числа членовъ въ семействѣ, въ томъ ошибочномъ предположеніи, что это можетъ имѣть вліяніе при составленіи рекрутскихъ списковъ. Раздѣлы эти, увели-

---

[1]) Можетъ заставить, сдѣлать целесообразною—въ нѣмецкомъ подлинникѣ, съ котораго эта фраза должно быть переведена, она вѣроятно понятнѣе.

[2]) Только объ этомъ земство и проситъ.

[3]) Да ужъ мы бы отблагодарили, пожалуй, отнесли бы къ ея попечительности и благопріятную погоду и урожаи, только бы она повоздержалась отъ вмѣшательства.

[4]) Замѣчаніе глубокое и очень кстати приведенное, такъ какъ оно прямо характеризуетъ особенность крестьянскаго общественнаго быта. Дѣйствительно, у мужиковъ, должно быть по грубости ихъ, когда люди не уживаются, то они стараются жить врознь. Ю. Смаринъ

чивая число отдѣльныхъ хозяйствъ, ослабляютъ ихъ рабочія силы и умножаютъ случайности, влекущія ихъ къ несостоятельности.

По общественному благоустройству, сельская общественная дѣятельность не представляется ни болѣе разумною, ни болѣе успѣшною, чѣмъ дѣятельность хозяйственная. Сельскіе и волостные сходы служатъ дѣйствительною школою деморализаціи населенія, которое пріучается видѣть въ дѣйствіяхъ ихъ отсутствіе всякой законности, на мѣсто которой ставится часто безапелляціонный произволъ, склоняемый въ ту или другую сторону болѣе или менѣе значительнымъ количествомъ водки [1]). Выбираемыя сходами лица сельскаго и волостнаго управленій, на которыхъ лежатъ весьма серьезныя обязанности, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, совершенно не соотвѣтствуютъ своему назначенію. Кромѣ неспособности и неразвитости, точному исполненію обязанностей очень часто мѣшаетъ имъ полная зависимость отъ сходовъ, которые назначаютъ имъ вознагражденіе за отправленіе общественной службы. Такъ какъ мѣра этого вознагражденія не опредѣлена закономъ, а зависитъ отъ усмотрѣнія схода, то лица сельскаго общественнаго управленія преимущественно заботятся объ угожденіи сходамъ, жертвуя для этого своими прямыми обязанностями. Такое положеніе дѣлъ не только лишаетъ администрацію весьма важнаго содѣйствія этихъ лицъ, но нерѣдко причиняетъ ей серьезныя затрудненія [2]).

Здѣсь должно замѣтить, что въ бытѣ сельскаго населенія сильно ощущается отсутствіе регламентированныхъ правилъ внѣшняго благоустройства, которое предполагалось, по программѣ занятій губернскихъ комитетовъ объ улучшеніи быта крестьянъ, изложить въ сельскомъ уставѣ.

Нельзя пройти молчаніемъ такой крупный фактъ, какой составляютъ, въ устройствѣ сельскаго населенія, волостные суды. Практическая дѣятельность крестьянскаго самосуда уже опредѣлилась достаточно ясно, и самые ярые защитники крестьянскаго самоуправленія не могутъ не согласиться, что онъ очень плохъ; такое убѣжденіе начинаетъ уже проникать и въ сознаніе самихъ крестьянъ. Если бы

---

[1]) Кажется и изъ морализующей школы исправниковъ и окружныхъ тоже вынесено было не высокое понятіе о законѣ и его представителяхъ. Вотъ развѣ изъ помѣщичьихъ конторъ, или ужь прямо по нѣмецки: aus den Gutsverwaltungen?

[2]) Авторъ, кажется, забываетъ, что эти выборные по существу учрежденія, должны бы быть исключительно представителями и начальниками обществъ, а вовсе не агентами администраціи, которая пользуется ими какъ даровыми служителями. Ю. С.

даже и не было положительныхъ фактовъ, доказывающихъ это, то уже вышеуказанныя свойства среды, изъ которой избирается судъ, могутъ служить указаніемъ: насколько дѣйствія этого суда будутъ согласоваться съ идеею справедливости, не только съ тою, что выработалась юридическимъ сознаніемъ всего гражданскаго общества, но даже и съ тою, которая согласовалась бы съ обычаемъ народа. Не буду говорить также о той аномаліи, какую представляютъ волостные суды, существуя рядомъ съ мировымъ судомъ, и о тѣхъ неблагопріятныхъ, для развитія чувства законности, послѣдствіяхъ, какія неминуемо обнаружатся оттого, что одинъ и тотъ же проступокъ наказывается совершенно различно, смотря по тому, подсудно ли совершившее его лицо мировому судьѣ или суду волостному. Эти два явленія сдѣлались уже достояніемъ общественнаго сознанія, которое проявилось даже въ крайне демократическихъ органахъ печати [1]), какъ, напримѣръ, въ газетѣ «Москва» [2]).

Гораздо важнѣе является самая идея отдѣльнаго крестьянскаго суда по отношенію къ задачамъ внутренней политики правительства. Правосудіе есть безспорною принадлежностью государства [3]) и составляетъ неотъемлемый атрибутъ верховной власти. Идея справедливости, выработанная бо̀льшимъ или меньшимъ развитіемъ гражданскаго общества и облеченная въ форму закона, лежитъ въ основѣ судебной дѣятельности, принадлежащей государству. Дѣятельность эта, между прочими цѣлями, должна достигать и того, чтобы въ обществѣ возбудить и развить чувство законности, довести общество до такого состоянія, чтобы законъ вошелъ въ плоть и кровь его, чтобы онъ сдѣлался руководителемъ въ частной и общественной жизни, чтобы законъ превратился въ обычай. Въ этомъ и заключается воспитательная сила юридической практики.

По самому принципу своему, независимо отъ практической ихъ дѣятельности, волостные суды представляютъ явленіе совершенно обратное общимъ судамъ. Отправляя правосудіе не во имя государственныхъ законовъ, а во имя обычая, суды эти не законъ вводятъ въ обычай въ средѣ мало развитаго населенія, а напротивъ—обычаи

---

[1]) Демократическій органъ Москва—знаетъ псковскій губернаторъ кому что поднести!

[2]) No 165, 1867 года.

[3]) Послѣ глагола есть никогда не употребляется творительный падежъ. Напримѣръ, нельзя сказать: записка псковскаго губернатора есть образцомъ безграмотности; но можно подумать, что еслибы рекомендуемая имъ мѣра—не позволять безграмотнымъ вступать въ бракъ—была примѣнена къ нему, то неизвѣстно, получилъ ли бы онъ разрѣшеніе на женитьбу. Ю. С.

ея, часто лишенные всякаго разумнаго и нравственнаго значенія, возводятъ въ законъ и, такимъ образомъ, укрѣпляя его, мѣшаютъ свободному доступу въ крестьянскую среду понятіямъ о справедливости, выработаннымъ въ болѣе образованныхъ сферахъ [1]). Ежели необходимо временно оставлять обычный судъ среди дикихъ ордъ Туркестанской области, пока не проникнутъ туда первоначальныя основы гражданственности, то наше сельское населеніе уже не стоитъ такъ низко въ культурномъ отношеніи, чтобы его лишать общаго государственнаго суда.

Кромѣ этого, отдѣльность крестьянскаго суда способна весьма много содѣйствовать образованію совершенной замкнутости этого сословія. При настоящей степени его развитія, это обстоятельство еще мало проявляется, но съ распространеніемъ въ немъ образованія, оно можетъ составить весьма плотное политическое тѣло, совершенно отдѣльное отъ прочихъ элементовъ государства, образуя какъ бы status in statu [2]). Полезно ли и желательно ли такое искусственное сплоченіе самаго многочисленнаго въ государствѣ сословія, въ то время, когда отъ высшихъ сословій отчуждаются новѣйшими реформами самые существенные признаки сословныхъ политическихъ правъ? Я позволяю себѣ остановиться на идеѣ обычнаго суда по той причинѣ, что въ послѣднее время замѣтно распространеніе убѣжденія, что обычай долженъ стать основаніемъ не только крестьянскихъ расправъ, но и самаго законодательства. Безспорно, законодательство каждой страны не можетъ основываться на однѣхъ только отвлеченныхъ аксіомахъ права, но должно согласовать ихъ съ духомъ народа, съ выработанными его цивилизаціей бытовыми началами. Но мѣстныхъ обычаевъ, изглаживающихся при первомъ прикосновеніи къ нимъ цивилизаціи, невозможно брать за мѣрило бытовыхъ особенностей

---

[1]) Значитъ, по мнѣнію автора, законъ писанный долженъ предшествовать обычаю и обычай не составляетъ одного изъ источниковъ положительнаго законодательства? Чтобы справиться съ примѣромъ Англіи? Это, вѣроятно, даже получило бы одобреніе и министерства внутреннихъ дѣлъ и не повредило бы успѣху записки.

[2]) Вотъ и латинскій цитатъ!—Если такъ страшно объединеніе крестьянства и разъединеніе его съ другими сословіями, то какъ же не сообразить, что не волостной судъ къ этому ведетъ, а наша система податей и повинностей, наше неисчезнувшее раздѣленіе общества на черныхъ людей и обѣленныхъ. А то, оставятъ крестьянъ при подушнымъ сборѣ, при рекрутской повинности, при натуральныхъ повинностяхъ—этимъ не подѣлятся; а волостной судъ отнимутъ: какъ бы не догадались, что онъ существуетъ только для нихъ.

Ю. Самаринъ.

народа [1]). Самое разнообразіе обычаевъ, проявляющееся даже въ каждой незначительной по пространству мѣстности, дѣлаетъ уже невозможнымъ принимать обычай за юридическое основаніе общественнаго склада. Иначе законъ долженъ бы видоизмѣняться не только для каждой губерніи, но едва ли не для каждой волости.

Необходимость не только политическаго, но и бытоваго единства, въ настоящее время побуждаетъ государство къ значительнымъ жертвамъ, чтобы сгладить не только обычныя особенности, но даже цѣлый юридическій строй общества, созданный чуждою намъ цивилизаціей. Ежели для государственныхъ цѣлей необходимо жертвовать даже цѣлымъ юридическимъ строемъ, то тѣмъ естественнѣе будетъ, въ видахъ бытоваго единства, общими законами сглаживать мѣстные обычаи, такъ легко уступающіе просвѣщенію [2]).

При всемъ томъ, однако, совершенное уничтоженіе отдѣльнаго крестьянскаго суда въ настоящее время невозможно, вслѣдствіе полной непримѣнимости общихъ гражданскихъ законовъ къ юридическому быту крестьянъ, созданному отчасти обычаемъ, отчасти же новѣйшими законоположеніями. Но ежели невозможно изъять изъ юридикціи этихъ судовъ нѣкоторую часть гражданскихъ дѣлъ, какъ, напримѣръ, дѣла о наслѣдствѣ, споры о влѣдѣніи, то необходимо выдѣлить изъ нея всѣ дѣла по проступкамъ, и иски, не имѣющіе непосредственной связи съ общиннымъ владѣніемъ, предоставляя ихъ вѣдѣнію общаго мироваго суда. Такое ограниченіе юридикціи волостныхъ судовъ, расширяя вліяніе общаго суда въ средѣ крестьянскаго населенія, не могло бы остаться безъ полезныхъ послѣдствій, въ смыслѣ воспитанія этого общества [3]).

Переходя отъ сельской къ городской общественной дѣятельности.

---

[1]) Съ какой стати, по поводу объѣзда губерніи, поднимать общій вопросъ о томъ: долженъ-ли обычай стать основаніемъ законодательства или нѣтъ? Лучше бы было объяснить вотъ что: если по мѣстнымъ **обычаямъ** нельзя судить о **бытовыхъ** особенностяхъ, то по чему же судить?

[2]) Свѣтлая мысль! Мы боремся съ преданіями и обычаями шляхетской Польши, потому что она періодически бунтуетъ на нашихъ окраинахъ и стараемся нейтрализировать ее; такъ вотъ вамъ и готовый образецъ административныхъ пріемовъ для управленія крестьянами псковской губерніи. Я начинаю думать, что подлинникъ записки писанъ не по нѣмецки, а чуть-ли не по польски.

[3]) Вѣроятно, автору неизвѣстно, что задолго до него, многія дикія, необразованныя и грубыя сельскія общества просили того же и, въ подкрѣпленіе своей просьбы, приводили много полновѣсныхъ доводовъ, которыхъ онъ, кажется, не подозрѣваетъ. **Ю. Самаринъ.**

нельзя не замѣтить, что эта послѣдняя даже проигрываетъ отъ сравненія съ первой. Ежели всѣ неудовлетворительныя явленія въ сельской общественной дѣятельности находятъ себѣ болѣе или менѣе объясненіе въ необразованности и неразвитости этого населенія, то городское общество, стоя въ этомъ отношеніи гораздо выше общества сельскаго, не можетъ пользоваться такимъ оправданіемъ. Несмотря на относительно бо̀льшее развитіе, несмотря на болѣе продолжительное пользованіе правами общественнаго управленія, купцовъ и мѣщанъ нельзя поставить выше сельскаго населенія, по отношенію къ общественной дѣятельности. Совершенное равнодушіе городскихъ обывателей къ общимъ пользамъ и нуждамъ городовъ составляетъ главный отличительный признакъ городскаго общества; члены его уклоняются отъ занятій въ городскихъ собраніяхъ,—усиленно избѣгаютъ общественныхъ должностей, на которыя, по этому случаю, попадаютъ люди далеко не лучшіе и способнѣйшіе. Къ тому же, въ городскомъ сословіи незамѣтно сознанія той естественной связи, какая существуетъ между общимъ благосостояніемъ города, съ частными интересами каждаго изъ его обывателей; напротивъ, весьма часто проявляется стремленіе совершенно обратное:—желаніе одного или нѣсколькихъ лицъ подчинить интересъ общій своимъ личнымъ [1]), корыстнымъ цѣлямъ, что̀ иногда и удается, такъ какъ подобныя лица принадлежатъ къ болѣе достаточнымъ и вліятельнымъ членамъ общества.

Примѣромъ тому можетъ служить то обстоятельство, что нѣкоторые города Псковской губерніи, располагая достаточными запасными капиталами, воздерживаются отъ устройства общественныхъ банковъ, подчиняясь эгоистическому вліянію нѣкоторыхъ капиталистовъ, занимающихся ростовщичествомъ, которые до сихъ поръ успѣваютъ отклонять отъ устройства банковъ непонимающую своей пользы массу городскаго сословія.

При такомъ характерѣ городской общественной дѣятельности, положительно невозможно ожидать прямой ея иниціативы, какъ въ дѣлѣ изысканія средствъ къ умноженію городскихъ доходовъ, такъ и въ дѣлѣ городскаго благоустройства и общественнаго благосостоянія. Даже предпріятія безспорно общеполезныя, начатыя частною иниціативою,—падаютъ и уничтожаются, какъ только частная о нихъ заботливость уступаетъ мѣсто общественной.

---

[1]) Тоже удачно подмѣченная черта для характеристики собственно городскихъ обществъ: въ нихъ иногда попадаются люди не чуждые желанія подчинить общіе интересы личнымъ. Ю. Самаринъ.

Лица, избираемыя на городскія общественныя должности, весьма рѣдко соотвѣтствуютъ своему назначенію; въ большинствѣ же случаевъ онѣ вовсе не обладаютъ качествами, необходимыми для ихъ дѣятельности.

Мнѣ случалось видѣть, что гласные, завѣдывающіе спеціально какою-либо отраслью городскаго хозяйства, напримѣръ, лѣсною дачею, не знали ни размѣровъ ея, ни ея устройства [1]).

Администрація, на обязанности которой лежитъ наблюденіе за городскимъ хозяйствомъ, едва имѣетъ средства понуждать городскія учрежденія въ исполненіи прямо возложенныхъ на нихъ закономъ операцій;—принимать же на себя повсюду хозяйственную иниціативу превосходитъ физическую ея возможность: поэтому и городское хозяйство почти повсемѣстно не достигаетъ своего полнаго развитія. Можно ожидать, что со введеніемъ предполагаемаго преобразованія городскаго общественнаго управленія, вслѣдствіе котораго городское общество усилится свѣжими, болѣе развитыми элементами,—и городское хозяйство пойдетъ быстрѣе по пути развитія.

Независимо отъ вышеуказанныхъ причинъ, развитіе благосостоянія городовъ въ значительной степени затрудняетъ обнаружившееся, съ введеніемъ земскихъ учрежденій, увеличеніе повинностей, особенно постойной, которую города отбываютъ теперь вдвойнѣ и какъ повинность городскую, и какъ повинность земскую [2]). Вообще, участіе городовъ въ земствѣ служитъ для нихъ не малымъ бременемъ, тѣмъ болѣе тяжелымъ, что сами города, имѣя свое собственное хозяйство и свое отдѣльное управленіе, не пользуются мѣропріятіями земства, которому платятъ значительный налогъ для усиленія его дѣятельности въ уѣздахъ. Притомъ же города содержатъ собственными своими средствами тюремные замки, безъ всякаго участія земства,—хотя по существу своему эти учрежденія имѣютъ болѣе земскій, чѣмъ городской характеръ. — Нельзя не упомянуть здѣсь, что въ послѣднее время весьма замѣтно переселеніе городскихъ обывателей въ села, куда они переносятъ свою торговую дѣятельность, избѣгая трудныхъ городскихъ повинностей.

---

[1]) Скажите! А казна давно-ли узнала, да и теперь знаетъ-ли сколько у нея лѣсовъ? А всѣмъ извѣстно, напримѣръ, вотъ что: при сдачѣ земскихъ суммъ въ распоряженіе земскихъ управъ, оказалось почти повсемѣстно, что казенныя палаты не знали въ точности сколько остатковъ, какихъ, откуда, сколько недоимокъ, на комъ и т. д.

[2]) Рѣшительно не понятно отчего вдвойнѣ, вслѣдствіе введенія земскихъ учрежденій; фактъ, если онъ достовѣренъ, очень интересенъ, и разъясненіе его было бы нужнѣе и цѣлесообразнѣе разсужденій о значеніи обычая и закона. Ю. Самаринъ.

О ходѣ земскаго дѣла въ настоящемъ году во ввѣренной мнѣ губерніи я буду имѣть честь представить особую записку послѣ окончанія губернскаго земскаго собранія въ декабрѣ мѣсяцѣ. Здѣсь же считаю нужнымъ упомянуть, что общая характеристика всѣхъ видовъ общественной дѣятельности равнымъ образомъ относится и до дѣятельности земской. Разсматривая практическіе результаты трехлѣтней земской дѣятельности, нельзя не замѣтить ихъ незначительности. Но не только въ этой незначительности результатовъ проявляется слабость земской дѣятельности, она гораздо болѣе выражается въ общемъ ея направленіи, чѣмъ въ частныхъ эпизодическихъ случаяхъ, между которыми могутъ встрѣтиться и довольно утѣшительные. Въ общемъ же направленіи своей дѣятельности, въ трехлѣтнее существованіе, земство дошло только до нѣкоторыхъ, такъ сказать, отрицательныхъ достоинствъ; такъ оно убѣдилось въ безполезности вторгаться въ кругъ предметовъ, неподлежащихъ его вѣдѣнію, и отказалось отъ многихъ увлеченій, проявлявшихся въ самомъ началѣ его существованія [1]). Но и до этого убѣжденія земство дошло не столько собственнымъ сознаніемъ, сколько непреклонностью администраціи, указавшей ему законные предѣлы его дѣятельности, его настоящую задачу [2]).

Уразумѣвъ поневолѣ свое назначеніе, земство еще далеко не выработало даже основныхъ положеній своей дѣятельности, не начертало даже полной и разумной для себя программы. Поэтому вся дѣятельность его проявляется въ видѣ болѣе или менѣе случайныхъ, эпизодическихъ постановленій, безъ всякой между собою внутренней связи, безъ системы, которая свидѣтельствовала бы о ясномъ созданіи цѣли и объ удачномъ выборѣ средствъ для ея достиженія [3]). Причина этому указана выше: и это учрежденіе застало общество еще не подготовленнымъ: въ немъ не оказалось ни достаточно положительныхъ знаній, ни достаточно гражданской доблести, чтобы поставить себя въ уровень съ требованіями этой дѣятельности. Къ

---

[1]) Можетъ быть, перенесясь мысленно въ былыя времена своей дѣятельности въ самарской губерніи, авторъ вспомнитъ откуда иногда исходили эти увлеченія.

[2]) Успѣхъ записки становится понятенъ.

[3]) Иными словами: земство занимается тѣмъ и дѣлаетъ то, что̀ въ каждую минуту нужнѣе, и работаетъ не по программѣ заранѣе составленной; напримѣръ, въ случаѣ голода, оно думаетъ прежде всего о продовольствіи, а не о группировкѣ консервативныхъ элементовъ. Это, конечно, свидѣтельствуетъ о не совсѣмъ еще ясномъ сознаніи цѣли учрежденія и особенно о недостаткѣ гражданской доблести. Ю. Самаринъ.

весьма неутѣшительнымъ явленіямъ въ земской дѣятельности, собственно въ Псковской губерніи, должно отнести тотъ фактъ, что болѣе развитые и дѣльные люди, принимавшіе въ началѣ живое участіе въ земствѣ, впослѣдствіи совершенно отъ него устранились, значительно ослабляя, такимъ образомъ, умственныя силы земства.

Народное образованіе, которое обусловливаетъ общественную дѣятельность, достаточно характеризуется тѣмъ, что было сказано объ этой дѣятельности, которая можетъ служить самымъ вѣрнымъ мѣриломъ развитія населенія. Но и спеціальные признаки, какъ, наприм., процентъ учащихся, тоже говорятъ не въ пользу народнаго образованія Псковской губерніи. По собраннымъ мною достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, процентъ учащихся въ мужскомъ населеніи менѣе 1,5%, а въ женскомъ менѣе 0,3%. Такое неутѣшительное явленіе происходитъ отъ малаго числа первоначальныхъ народныхъ училищъ, которыхъ въ губерніи не болѣе 150, и отъ скудныхъ средствъ этихъ училищъ, недостающихъ ни для найма хорошихъ учителей, ни для пріобрѣтенія учебныхъ пособій. При общей грубости и неразвитости сельскаго населенія, трудно предполагать, чтобы оно само, безъ сильнаго внѣшняго вліянія, могло сознать пользу образованія дѣтей до такой степени, чтобы жертвовать ему тѣми средствами, которыя оно обращаетъ на удовлетвореніе своихъ грубыхъ и часто порочныхъ привычекъ, какъ, напримѣръ, пьянство. Поэтому, какъ весьма рѣдкіе примѣры, являются училища, основанныя собственно иниціативою обществъ; въ большинствѣ же случаевъ, онѣ упорно противостоятъ даже внушеніямъ по этому предмету.—А между тѣмъ народное образованіе, въ тѣсномъ его смыслѣ, является дѣломъ высокой государственной необходимости, какъ краеугольный камень развитія народа въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ, которыя повлекутъ за собою развитіе общественныхъ силъ и матеріальнаго благосостоянія. Выше было сказано, какого рода участіе администраціи должно служить къ воспитанію народа къ общественной дѣятельности; но путь этотъ не можетъ не быть одностороненъ, и задача, предстоящая администраціи въ этомъ отношеніи, будетъ до крайности трудна, если съ другой стороны не явится ей въ помощь образованіе и развитіе народа, дѣлающія его способнымъ понимать свои христіанскія и гражданскія обязанности и правильно оцѣнивать дѣятельность администраціи. Вопросъ о народномъ образованіи, тѣсно связанный съ устройствомъ и распространеніемъ училищъ, находится въ зависимости отъ матеріальныхъ средствъ населенія. Но при всей скудости этихъ средствъ, онѣ могли бы быть достаточны, еслибъ со стороны бли-

жайшихъ руководителей сельскаго населенія было бы на это обращено болѣе вниманія, и употреблялось болѣе усилія для вліянія на общества.

Оцѣнивая всю важность народнаго образованія, въ смыслѣ государственнаго вопроса, нельзя не придти къ заключенію, что даже установленіе закономъ общихъ принудительныхъ мѣръ для этого было бы весьма желательно, и не далѣе, быть можетъ, какъ въ слѣдующемъ поколѣніи совершенно оправдалось бы благотворными для государства послѣдствіями, такъ какъ съ развитіемъ и образованіемъ народа легко и просто разрѣшатся многія задачи государственнаго управленія, разрѣшеніе которыхъ въ настоящее время, при настоящемъ состояніи населенія, представляетъ такъ много трудностей и требуетъ такъ много усилій. Историческіе примѣры слишкомъ ясно свидѣтельствуютъ объ этомъ: государственное могущество Пруссіи выросло и укрѣпилось въ народномъ образованіи—въ теченіи полувѣка*)[1].

Переходя къ органамъ администраціи въ губерніи, нельзя не замѣтить весьма ощутительнаго недостатка въ нижнихъ агентахъ исполнительной полиціи, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ. Увеличеніе числа и болѣе правильное комплектованіе полицейскихъ служителей, какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, могло бы устранить это крайне серьезное неудобство. О комплектованіи Псковской городской полиціи предмѣстникъ мой обращался въ министерство съ ходатайствами, разрѣшеніе которыхъ отложено до разсмотрѣнія въ комитетѣ министровъ свѣдѣній, затребованныхъ отъ губернаторовъ; что же касается до служителей уѣздной полиціи, то я, еще бывши Самарскимъ губернаторомъ, имѣлъ честь указывать на необходимость замѣщать эти должности по назначенію администраціи, а не по выбору обществъ, такъ какъ ими обыкновенно выбираются люди нетолько неспособные, но нерѣдко и порочные, которымъ выборъ въ полицейскую должность считается наказаніемъ.

---

*) Здѣсь опущены соображенія N. N. о пользѣ усиленія вліянія губернатора на губернскія административныя учрежденія другихъ вѣдомствъ.— Пропускъ этотъ въ нашемъ спискѣ этой записки. Пр. Ред.

[1]) Всѣ эти толки объ образованіи и о школахъ представляютъ любопытный примѣръ примѣненія предлагаемой авторомъ системы невмѣшательства администраціи въ общественныя дѣла. Учрежденіе школъ, обученіе дѣтей—дѣло общественное и потому не слѣдовало бы въ него вмѣшиваться; но, пока крестьяне безграмотны, они не въ состояніи оцѣнивать благодѣяній администраціи, а потому съ учрежденіемъ школъ сопряженъ интересъ административный, а потому можно на сей разъ и принудить, только бы не помогать въ учрежденіи школъ, чтобъ не избаловать народъ.

Ю. Самаринъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Псковской губерніи мнѣ удалось убѣдить общества установить особый сборъ на наемъ полицейскихъ служителей, на должности которыхъ мною уже опредѣлены уволенные отъ службы чины жандармскихъ командъ. Ожиданія, возлагавшіяся на эту мѣру, вполнѣ оправдываются опытомъ.

Личный составъ высшихъ полицейскихъ мѣстъ, по справедливости, должно признать весьма удовлетворительнымъ, за весьма немногими исключеніями, гдѣ, при полной благонадежности, желательно было бы видѣть болѣе энергіи и способности къ полицейской службѣ. Большинство же полицейскихъ чиновниковъ не только вполнѣ удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ этой службы, но своею разумною и безукоризненною дѣятельностью успѣло высоко поставить въ общественномъ мнѣніи значеніе своихъ должностей, устранивъ всѣ тѣ поводы, которые въ прежнее время причиняли нѣкоторый разладъ между обществомъ и полиціей и позволяли смотрѣть на эту послѣднюю безъ того уваженія, какимъ полиція должна пользоваться въ обществѣ [1]).

Къ сожалѣнію, нельзя отозваться съ такою же одобрительностью о другой категоріи административныхъ дѣятелей, — о мировыхъ посредникахъ, которые, не обнаруживая ни энергіи, ни преданности дѣлу, относятся къ нему только съ внѣшней, формальной стороны и то лишь настолько, насколько нужно, чтобы избѣжать отвѣтственности. Земскія и мировыя судебныя учрежденія отвлекли отъ этого института лучшихъ людей, замѣнить которыхъ лицами одинаковаго съ ними достоинства было иногда совершенно невозможно, вслѣдствіе ограниченнаго числа дворянъ, проживающихъ въ помѣстьяхъ.

При такомъ образѣ дѣйствій мировыхъ посредниковъ, сама собою устраняется одна изъ важнѣйшихъ задачъ ихъ — быть руководителями крестьянъ въ развитіи ихъ внутренней общественной дѣятельности, которая, какъ сказано въ началѣ записки, сильно нуждается въ наставленіяхъ и указаніяхъ. Вслѣдствіе этого изъ дѣятельности мировыхъ посредниковъ совершенно устранился благотворный воспитательный характеръ, который въ настоящее время могъ бы одинъ оправдать существованіе этого дорогаго института. Дѣйствительно, съ окончаніемъ поземельнаго устройства крестьянъ, съ изъятіемъ изъ вѣдѣ-

---

[1]) Слава Богу! а то, читая отзывы губернатора о селахъ, о городахъ, о сословіяхъ, о земствѣ, можно было подумать, что

Ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

Но, спасибо, полиція выручила. Ю. Самаринъ.

нія мировыхъ посредниковъ дѣлъ судебнаго свойства, — на обязанности ихъ остаются только нѣкоторыя административныя распоряженія, какъ, напримѣръ, взысканія всякаго рода повинностей, которыя почти постоянно приходится раздѣлять съ ними и полиціи. Можно положительно сказать, что передача административной дѣятельности мировыхъ посредниковъ полиціи принесетъ весьма значительную пользу дѣлу и въ то же время доставитъ земству большое сбереженіе, которое оно могло бы употребить съ гораздо бо́льшею пользою, обращая его, напримѣръ, на народное образованіе.

Въ заключеніе позволю себѣ сдѣлать нѣсколько указаній, характеризующихъ общее состояніе населенія.

Псковская губернія, находясь на самомъ рубежѣ Великорусскаго племени и Великорусской цивилизаціи, прилегая къ губерніямъ, развившимся подъ другими историческими и культурными условіями, по необходимости, совмѣщаетъ въ себѣ, въ извѣстной степени, примѣсь посторонних элементовъ. Въ этнографическомъ отношеніи населеніе не представляетъ собою сплошнаго состава: въ низшихъ слояхъ коренные русскіе жители перемѣшаны съ племенами финскими, — въ высшихъ же съ нѣмецкимъ. Хотя по отношенію къ государственной идеѣ, въ губерніи не существуетъ племенныхъ отличій, но онѣ проявляются какъ въ характерѣ частной дѣятельности населенія, такъ и въ его домашнемъ бытѣ. Въ этихъ двухъ послѣднихъ отношеніяхъ нельзя не замѣтить рѣзкихъ отличій, характеризующихъ лицъ нѣмецкаго племени, которыя отдѣляются отъ общей массы и уровнемъ умственнаго развитія, и степенью матеріальнаго благосостоянія; имѣнія, имъ принадлежащія, отличаются благоустройствомъ, отсутствіе котораго такъ поразительно у сосѣдей; — переселяющіеся изъ Остзейскихъ губерній фермеры устраиваютъ свои хозяйства не въ примѣръ лучше кореннаго населенія [1]), и въ этомъ отношеніи нельзя не признать, что усиленіе этого элемента будетъ благотворно содѣйствовать матеріальному развитію губерніи. Въ государственномъ отношеніи такое усиленіе его не только не представляетъ никакихъ неудобствъ, но можетъ быть не менѣе полезно, чѣмъ и въ экономическомъ, такъ какъ главные признаки, отличающіе его, суть: трудолюбіе, привычка къ порядку и дисциплинѣ, — именно такія свойства, въ которыхъ лежитъ корень консервативнаго элемента, на которомъ зиждется правильное развитіе и могущество государства. Фермеры изъ Остзейскихъ

---

[1]) Любопытно бы знать, кого именно изъ кореннаго населенія авторъ беретъ для сравненія съ Балтійскими фермерами? Ужь не крестьянъ-ли?

Ю. С.

губерній весьма охотно покупаютъ здѣсь земли; если бы найдено было возможнымъ продавать имъ казенные участки, число фермеровъ значительно увеличилось бы къ несомнѣнной выгодѣ губерніи, и не безъ выгоды для казны, на которую управленіе государственными имуществами, собственно въ Псковской губерніи, ложится несоразмѣрнымъ бременемъ [1]).

Лица польскаго происхожденія принадлежатъ, бо́льшею частію, къ случайному и временному населенію, поэтому между ними нѣтъ и общности, необходимой, чтобы придать имъ какое-нибудь значеніе и дать имъ возможность оказывать какое-либо вліяніе. Поэтому и общая характеристика ихъ, какъ части населенія, невозможна. Но бдительное наблюденіе за отдѣльными личностями даетъ право сказать, что они не проявляютъ никакого стремленія къ вліянію на окружающую ихъ среду и еще менѣе къ тому, что вообще называется пропагандой. Между ними встрѣчаются лица, вполнѣ благонадежныя и ежели трудно поручиться за образъ мыслей большинства, то съ увѣренностью можно сказать о полной безвредности ихъ для Псковской губерніи, которая привлекаетъ ихъ сосѣдствомъ съ мѣстомъ ихъ рожденія и удобствомъ съ нимъ сообщеній.

Разсматривая населеніе по отношенію настроенія умовъ, нельзя не замѣтить того хаотическаго и неопредѣленнаго состоянія, въ которомъ оно находится [2]) и которое вездѣ и всегда обнаруживается въ переходныя эпохи. Разставшись съ старыми привычками и порядками, цѣлымъ рядомъ быстро слѣдовавшихъ одна за другою реформъ, коснувшихся самыхъ коренныхъ бытовыхъ сторонъ народной жизни, оно еще не успѣло опомниться, не успѣло уяснить себѣ настоящаго порядка вещей, не успѣло привыкнуть къ новому складу жизни; оно какъ будто ждетъ полнаго и яснаго проявленія результатовъ отъ этихъ реформъ. Какъ при всякомъ бытовомъ переворотѣ, и въ настоящее время общественные элементы утратили свои ясныя, опредѣленныя очертанія, и въ этой смѣси возможно иногда замѣтить и яв-

---

[1]) Тоже блистательная мысль. Въ западномъ краѣ, въ видахъ руссификаціи, мы продаемъ имѣнія Русскимъ и Остзейцамъ безъ различія, такъ какъ, въ томъ и другомъ случаѣ, говорятъ, цѣль одинаково достигается; а въ Псковской губерніи будемъ продавать казенныя земли именно Остзейцамъ, значитъ только имъ, или имъ преимущественно, такъ какъ они представители просвѣтительнаго начала.

[2]) Въ этомъ отношеніи, вѣрнѣйшее понятіе о такомъ состояніи даетъ записка: неопредѣленность, хаосъ; но только тотъ-ли это хаосъ изъ котораго выходитъ послѣ свѣтъ? Ю. Самаринъ.

ленія мало отрадныя. Но съ другой стороны нельзя не видѣть крупныхъ и утѣшительныхъ признаковъ, указывающихъ по какому направленію произойдетъ исходъ изъ настоящаго неопредѣленнаго состоянія. При всей смутности понятій, нельзя не замѣтить преобладанія въ общественномъ мнѣніи началъ охранительныхъ, которыя, отрезвляя легкомысленныя увлеченія, распространяются тѣмъ успѣшнѣе, что ни въ чемъ не замѣчается проявленія началъ имъ противоположныхъ, которыя къ тому же нигдѣ не встрѣтили бы расположенной къ воспріятію ихъ почвы [1]). Глубоко проникшая въ сознаніе народа идея самодержавія остается незыблемою во всѣхъ слояхъ общества; въ необразованной и неразвившейся еще до политическаго значенія массѣ народа, она находится пока въ состояніи непосредственнаго чувства; въ сферахъ же болѣе развитыхъ, она взросла уже до сознательнаго политическаго принципа [2]). Отъ будущаго развитія народной массы будетъ зависѣть и тотъ характеръ, который она усвоитъ себѣ, какъ политическое тѣло; въ настоящее же время она составляетъ только стихійную силу, во всякомъ случаѣ менѣе устойчивую и болѣе склонную къ колебанію, чѣмъ сила сознательнаго политическаго принципа, который во всѣхъ государствахъ въ мірѣ составляетъ главный источникъ правительственной власти и надежную опору государственнаго порядка [3]). Стихійныя силы народа должны быть воспитаны еще въ политическомъ отношеніи, должны быть, такъ сказать, регулированы сознательными политическими принципами, и потому должно зорко и очень зорко слѣдить, чтобы развитіе массы шло по правильному направленію.

Излагая состояніе ввѣренной мнѣ губерніи не по однимъ част-

---

[1]) Трудно рѣшить: гдѣ хаосъ, въ Псковской-ли губерніи, или въ запискѣ ея начальника (бывшаго, 1867 г.); но этой фразы рѣшительно нельзя понять. Въ общественномъ мнѣніи преобладаютъ начала охранительныя. Спрашивается: если преобладаютъ, то вѣдь надъ чѣмъ нибудь? Конечно, надъ началами антиконсервативными, противодѣйствующими консерватизму? Но въ томъ-то и сила, что такихъ началъ ни въ чемъ не замѣчается, да и быть даже не можетъ, по словамъ автора. Преобладать надобно, а преобладать не надъ чѣмъ! Есть гдѣ-то отличная, побѣдоносная армія, которая отражаетъ непріятеля тѣмъ успѣшнѣе, что его нигдѣ не замѣчается, да и быть не можетъ. Счастливая армія! Ю. Самаринъ.

[2]) Тоже нѣсколько хаотично. Идея проникла въ сознаніе, а остается въ состояніи непосредственнаго чувства, — человѣкъ дожилъ до пятидесятилѣтняго возраста, а переживаетъ седьмой годъ отъ рожденія, пища прошла въ желудокъ, а засѣла въ горлѣ!

[3]) Напримѣръ, въ Польшѣ? Ю. С.

нымъ, мелочнымъ фактамъ, а въ общихъ характеристическихъ чертахъ, проявляющихся болѣе или менѣе повсемѣстно, я руководствовался сознаніемъ обязанности, какая лежитъ на губернаторѣ—представлять правительству дѣйствительное положеніе дѣлъ. Я по преимуществу обращалъ вниманіе на явленія болѣе или менѣе неудовлетворительныя, такъ какъ онѣ главнымъ образомъ должны составлять заботу правительства. Многія изъ темныхъ сторонъ настоящаго положенія общества исчезнутъ сами собою, естественнымъ ходомъ событій, когда общество, по развитію своему, приблизится къ дарованнымъ ему реформамъ и выработаетъ всѣ необходимыя силы для предоставленной ему дѣятельности. Нѣтъ сомнѣнія, что дѣятельность самаго правительства будетъ весьма много этому способствовать. Задача его въ настоящемъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ самое положеніе вещей ясно указываетъ, куда должны быть направлены его усилія.

Безспорно, что прежде всего, какъ общія правительственныя мѣропріятія, такъ и дѣятельность частныхъ административныхъ лицъ, должны быть направлены къ тому, чтобы собрать и соединить разбросанные въ весьма достаточномъ количествѣ консервативные элементы, развитіе и укрѣпленіе которыхъ образуетъ центръ тяжести общества и придаетъ правильность ходу его дѣятельности [1]). Установленіе правильнаго поземельнаго кредита можно считать одною изъ самыхъ полезныхъ мѣръ въ этомъ отношеніи [2]). Устранивъ матеріальныя затрудненія землевладѣльцевъ, оно подыметъ ихъ значеніе и придастъ болѣе вѣсу ихъ вліянію. Поднявъ земледѣліе, устранятся всѣ тѣ неблагопріятные симптомы, которые являются въ обществѣ вслѣдствіе недостатка и сильно возрастающей дороговизны на самые необходимые предметы потребленія.

По отношенію собственно къ сельскому населенію, нельзя считать задачу правительства вполнѣ исчерпанною. Здѣсь представляется потребность подвергнуть тщательному изслѣдованію юридическія условія быта этого населенія, какъ-то обязательный характеръ зем-

---

[1]) Чѣмъ же обусловлена эта спѣшная необходимость собрать и соединить консервативные элементы, какъ будто на бой или на защиту чего-то, когда, на предъидущей страницѣ, авторъ заявлялъ, что неконсервативныхъ элементовъ вовсе нѣтъ и, по свойству почвы, быть не можетъ?

[2]) Вдругъ оказывается, что собрать консервативные элементы значитъ просто дать возможность занять на выгодныхъ условіяхъ деньги подъ залогъ земли. Къ чему же тутъ припутывать консерватизмъ и почему не сказать просто: облегчить полученіе закладныхъ листовъ? Ю. Самаринъ.

левладѣнія и круговую поруку; оцѣнку этихъ условій должно произвести не на основаніи теоретическихъ соображеній и предвзятыхъ идей, а на основаніи тѣхъ данныхъ, которыя уже представляетъ опытъ. Разрѣшеніемъ этой задачи достигнулись бы двѣ, одинаково важныя въ государственномъ смыслѣ, цѣли: устранились бы нѣкоторыя обстоятельства, стѣсняющія развитіе матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, и обезпечилось бы болѣе раціональными гарантіями поступленіе государственныхъ доходовъ [1]).

Общественная дѣятельность, преимущественно земская, нуждается

---

[1]) Ставить задачи и потомъ отворачиваться отъ нихъ очень не трудно, но какая польза отъ такого законодательнаго зуда? Некстати, конечно, было бы поднимать ихъ въ примѣчаніи, тѣмъ болѣе, что трудно даже понять, чего собственно желаетъ авторъ; но можно бы, для будущей его записки, предложить ему на обсужденіе двѣ темы. Первая тема: слова Высочайшаго рескрипта, полныя глубокаго смысла: крестьянамъ отвести землю, дабы они могли платить государственныя подати и отбывать повинности на помѣщиковъ (по неимѣнію подъ рукою текста, цитатъ приводится не буквально, но смыслъ переданъ вѣрно). Итакъ: не оттого крестьянинъ платитъ подати и оброкъ, что у него есть земля, а для того дается крестьянину земля, что для правительства необходима подать, а для помѣщика необходимъ оброкъ. Вотъ если бы авторъ придумалъ систему, при которой правительство съ земли, состоящей не въ рукахъ крестьянъ, могло бы получать такую же сумму податей, какую оно взимаетъ съ душъ, надѣленныхъ землею, да еслибы онъ, сверхъ того, придумалъ другую систему, при которой помѣщикъ, обыкновенно не знающій что ему дѣлать съ господскою землею, могъ бы изъ бывшей крестьянской земли, которая поступала бы обратно въ его распоряженіе, извлекать самъ доходъ, равный прежнему оброку, тогда можно бы было поздравить Псковскаго губернатора съ великимъ изобрѣтеніемъ и сказать, что, толкуя въ своей запискѣ объ обязательности пользованія землею, онъ не просто нанизывалъ слова, а дѣлалъ дѣло. Вторая тема слѣдующая: уничтожить общинное пользованіе и круговую поруку мѣрами административными, то есть не по желанію крестьянъ и, слѣдовательно, не только безъ ихъ участія, а при ихъ несомнѣнномъ противодѣйствіи, можно только раздробивъ мірской надѣлъ на извѣстное число дворовъ, опредѣливъ размѣръ и границы каждаго изъ нихъ, наконецъ установивъ размѣръ повинности, причитающейся съ каждаго двора, иными словами: составивъ, безъ участія и согласія домохозяевъ, столько уставныхъ грамотъ, сколько будетъ дворовъ. Уставныя грамоты, по одной на каждое сельское общество, составляла три года вся грамотная Россія и, въ этотъ промежутокъ времени, она ничего другаго не дѣлала. Когда авторъ придумаетъ способы и средства составить уставныя грамоты на каждый дворъ, при теперешнихъ обстоятельствахъ, притомъ не прибѣгая въ каждомъ селеніи къ военной экзекуціи, тогда можно будетъ согласиться, что онъ не напрасно разглагольствовалъ на нѣсколькихъ страницахъ противъ общиннаго пользованія и круговой поруки. Ю. Самаринъ.

еще въ болѣе точномъ законодательномъ опредѣленіи ея предѣловъ, а также въ соглашеніи устава о земскихъ повинностяхъ съ правами земскихъ учрежденій и въ болѣе правильномъ опредѣленіи участія городовъ въ земскомъ хозяйствѣ. Въ виду того важнаго значенія, какое имѣетъ для государства народное образованіе, несомнѣнно было бы полезно поставить въ обязательную повинность земству устройство народныхъ школъ, въ извѣстной соразмѣрности съ населеніемъ, на началахъ, опредѣленныхъ для этого положеніемъ объ этихъ училищахъ. Съ другой стороны, чтобы понудить само населеніе къ образованію, можно было бы соединить пользованіе извѣстными гражданскими правами, напримѣръ, вступленіе въ бракъ, съ непремѣннымъ условіемъ грамотности. Наконецъ, централизація губернской администраціи и опредѣленіе отношеній ея къ прокурорскому надзору упроститъ значительно механизмъ управленія, ускоряя его дѣятельность и удешевляя его стоимость государству.

Позволяя себѣ указывать на вышеприведенныя мѣры, какъ на общую потребность, я основывался на личномъ опытѣ, пріобрѣтенномъ управленіемъ двумя столь разнообразными губерніями, какъ Самарская и Псковская. Какъ въ одной, такъ и въ другой обнаруживаются тѣ же самыя явленія, происходящія отъ тѣхъ же общихъ причинъ, съ легкимъ видоизмѣненіемъ, налагаемымъ мѣстными особенностями. Дѣйствуя постоянно въ направленіи, изложенномъ въ этой запискѣ, я убѣдился, что при всемъ усиліи губернской администраціи, при всемъ личномъ вліяніи губернатора, указанныя неудобства могутъ быть отстранены только отчасти; для полнаго ихъ устраненія требуются общія государственныя мѣропріятія. Въ одномъ только отношеніи не могу пожаловаться на недостатокъ успѣха: мнѣ вездѣ удавалось парализировать вредныя направленія, проявлявшіяся иногда, впрочемъ болѣе отъ смутности понятій, чѣмъ отъ преступной злонамѣренности, противопоставляя имъ силу здраваго смысла, лежащаго въ разумныхъ охранительныхъ началахъ [1]). Это поселило во

---

[1]) Подъ конецъ, на страницѣ 163, нашлись-таки вредныя направленія, которыхъ на стр. 157 не оказывалось и не могло быть. Обойтись безъ нихъ совсѣмъ, дѣйствительно, было невозможно; иначе губернатору нечего было бы преодолѣвать и парализировать, не надъ чѣмъ было бы выказать свое консерваторское усердіе. Въ заключеніе, по поводу консерватизма, да позволено будетъ обратиться съ двумя словами не къ автору записки, а къ тѣмъ, кто (сочувствуетъ) подобнаго рода произведеніямъ. Кто не знаетъ, что слова, въ смыслѣ звуковъ, за которыми нѣтъ ни опредѣленныхъ понятій, ни ясныхъ представленій, могутъ приносить, при ловкомъ ихъ употребленіи, значительныя услуги? Въ этомъ отношеніи, слово консерватизмъ

мнѣ глубокое убѣжденіе, что твердая и энергическая дѣятельность правительства, строгая система какъ во всѣхъ его мѣропріятіяхъ, такъ и въ дѣятельности частныхъ административныхъ лицъ и учрежденій и соглашеніе ихъ съ охранительными началами, какъ источникомъ правильнаго и разумнаго развитія,—не замедлитъ вывести общество изъ этого неопредѣленнаго состоянія, въ которомъ оно еще находится, распространитъ въ немъ правильное понятіе о дѣйствительномъ значеніи дарованныхъ реформъ, направитъ его дѣятельность по истинному пути, возбудитъ бодрость и энергію и поселитъ спокойную увѣренность въ будущее тѣмъ легче и скорѣе, чѣмъ глубже коренится въ народѣ преданность монархическимъ началамъ, и чѣмъ сильнѣе въ немъ сыновняя любовь и преданность къ царствующей династіи вообще и въ особенности къ Священной Особѣ **Императора Александра II.**

Псковскій губернаторъ.

Псковъ.
10 декабря 1867 года.

никакому другому не уступаетъ. Это отличный конекъ, на которомъ, какъ доказываетъ опытъ, можно очень удобно провозить къ намъ всякаго рода контрабанду, польскую и нѣмецкую, и который, при случаѣ, можетъ быть даже употребленъ и на боевую службу; но не мѣшало бы обходиться съ нимъ по осторожнѣе. Кажется, напрасно позволяютъ безъ разбора, всѣмъ и каждому, сѣдлать его и парадировать на немъ. Неопытные ѣздоки непремѣнно и очень скоро затянутъ, испортятъ, совсѣмъ заѣздятъ его, и тогда, когда настоящіе ѣздоки вздумаютъ вывести его и пуститься на немъ въ атаку противъ земскихъ учрежденій и мировыхъ судовъ, консервативный конекъ ихъ не вынесетъ; пожалуй, онъ и не тронется, а будетъ только выдѣлывать на одномъ мѣстѣ курбеты, къ которымъ его пріучили, при громкомъ, неудержимомъ хохотѣ публики. Ю. Самаринъ.

ОТВѢТЪ ПСКОВСКАГО ПОМѢЩИКА

НА ЗАПИСКУ ПСКОВСКАГО ГУБЕРНАТОРА.

Мы предпринимаемъ тяжелый и неблагодарный трудъ отвѣчать такому губернатору, который съ марта мѣсяца 1867 по 10 декабря того же года, т. е. 9 мѣсяцевъ управлялъ губерніей, посвятилъ ея изученію бо́льшую часть лѣта, посѣтилъ лично изъ 164 волостей болѣе 3/4, то есть 124, „и вникъ вездѣ въ экономическій бытъ населенія, въ общественную его дѣятельность и вообще во всѣ обстоятельства, обусловливающія его матеріальное, умственное и нравственное развитіе“. Возражать на результаты оффиціальныхъ наблюденій такого объема и такой глубины мы бы и не посмѣли, если бы намъ не казалось, что девятимѣсячный срокъ слишкомъ кратокъ для вниканія «въ экономическія условія быта населенія», и потому мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько замѣчаній, касающихся исключительно вѣрности взгляда, но нисколько не заподозривая добросовѣстности, и не предполагая заднихъ мыслей въ этой мрачной картинѣ нашего губернскаго быта.

Картина представляетъ два плана.

На переднемъ, написана яркими красками, мастерскою кистью живописца, умѣющаго угождать прихотливому вкусу меценатовъ, заказывающихъ и оплачивающихъ его посильные труды, написана, говоримъ, картина всѣхъ бѣдствій, постигшихъ и продолжающихъ постигать злосчастную Псковскую губернію.

На заднемъ планѣ, въ легкихъ очеркахъ, въ полусвѣтѣ, представлена перспектива спасенія, очерчены проэкты и мѣры излеченія тяжкаго недуга и проложенъ или, лучше сказать, намѣченъ путь, ведущій къ чудесному обновленію Псковской губерніи и ко спасенію всей Россіи отъ язвъ гласности, самоуправленія и свободы.

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно! Все это не заслуживало бы опроверженія, еслибы подъ этими намеками второстепенныхъ агентовъ не скрывались замыслы первостатейныхъ дѣятелей, подготовляющихъ, подъ предлогомъ невозможной реакціи, очень возможное разложеніе всѣхъ живыхъ силъ нашего отечества.

Программа, представленная г. Псковскимъ губернаторомъ, полная; она сводитъ въ краткую записку всѣ аргументы, разсѣянные въ умахъ и рѣчахъ той партіи или, лучше сказать, того кружка, который вступилъ въ борьбу съ реформами настоящаго Царствованія, и поэтому, случай этотъ намъ кажется удобнымъ, чтобы разобрать ихъ въ общей ихъ связи.

Какъ выше сказано, записка раздѣляется на двѣ части.

Въ первой доказывается:

что земледѣліе со времени освобожденія крестьянъ упадаетъ (стр. 132),

что общинное землевладѣніе есть главное препятствіе къ исправному поступленію казенныхъ податей и повинностей (стр. 135),

что дѣйствія земскихъ и общественныхъ учрежденій неудачны (стр. 140—142),

что народное продовольствіе стѣсняется отъ нерадѣнія или неумѣлости земства распоряжаться средствами, ему правительствомъ переданными (стр. 143),

что городскія сословія обнаруживаютъ въ дѣлахъ общественныхъ полную свою несостоятельность (стр. 149—150),

что мировые посредники не обнаруживаютъ ни энергіи, ни преданности дѣлу (стр. 154),

что фермеры Остзейскихъ губерній устраиваютъ свои хозяйства не въ примѣръ лучше кореннаго населенія (стр. 155),

и наконецъ, что между Поляками встрѣчаются лица вполнѣ благонадежныя, которыхъ привлекаетъ Псковская губернія сосѣдствомъ съ мѣстомъ ихъ рожденія и удобствомъ съ нимъ сообщеній (sic) (стр. 156).

Эта послѣдняя черта составляетъ, можно сказать, заключеніе первой части записки, которую мы назовемъ, для отличія отъ второй, повѣствовательною. Она же и составляетъ переходъ къ другой части, которая указываетъ мѣры спасенія. Связью между ними служатъ Остзейскіе фермеры и эти благонадежные Поляки, которыхъ привлекаетъ Псковская губернія.

Во второй части указываются слѣдующія средства спасенія:

Учрежденіе поземельнаго кредита (стр. 158).

Замѣна общиннаго владѣнія участковымъ (стр. 159).

Необходимость вмѣшательства администраціи во всѣ виды общественной дѣятельности (стр. 143).

Рѣшительное устраненіе себя (администраціи) во всѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣло идетъ объ интересахъ самаго общества (стр. 143).

Для понужденія населенія къ образованію, вступленіе въ бракъ подчинить непремѣнному условію грамотности (стр. 160).

Централизировать губернскую администрацію и опредѣлить ея отношенія къ прокурорскому надзору (стр. 160).

Наконецъ, собрать и соединить консервативные элементы (стр. 158).

Таковы главныя статьи этого обвинительнаго акта, противъ коего мы осмѣливаемся представить наши оправдательные пункты:

Что «Псковская губернія менѣе, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ производила хлѣба въ количествѣ достаточномъ для потребленія мѣстнаго населенія» —это сомнительно.

«Что она отправляла значительный излишекъ за предѣлы губерніи»—это несправедливо. Сочинитель записки тому 10 лѣтъ не зналъ еще Псковской губерніи и свѣдѣнія ему доставленныя, вѣроятно, изъ архива губернскаго правленія или коммисіи народнаго продовольствія, были, вѣроятно, также ошибочны, какъ и свѣдѣнія, сообщенныя въ нынѣшнемъ году въ министерство внутреннихъ дѣлъ о неурожаѣ въ Архангельской и другихъ губерніяхъ. Псковская губернія, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Порховскаго, Псковскаго и Островскаго уѣздовъ, принадлежитъ къ числу самыхъ безплодныхъ мѣстностей Россіи и это безплодіе должно быть приписано, отчасти, самому свойству почвы, изрытой оврагами, размытой болотами, отчасти же, и главнѣйшимъ образомъ, пагубной системѣ земледѣлія, процвѣтавшей въ этомъ краѣ задолго до 10 лѣтняго періода, указываемаго въ запискѣ. Уже тому лѣтъ 25, значитъ лѣтъ 15 до начала настоящаго Царствованія, указываемаго въ запискѣ г. начальника губерніи какъ на начало неурядицъ, стало быть въ 1840-хъ годахъ, когда мы начали посѣщать эту губернію, можно было предсказать неминуемый упадокъ земледѣлія; уже и тогда хищническая культура льна, соблазняя помѣщиковъ и крестьянъ, оставляла ихъ безъ подстилки и безъ навоза и постепенно превращала пашни и сѣнокосныя угодья въ безплодныя, запущенныя пустоши. Кромѣ того, сравненіе нынѣшняго года или послѣднихъ двухъ годовъ съ предшествующими было бы не совсѣмъ вѣрно, и для сличенія благосостоянія крестьянъ, при крѣпостномъ правѣ, съ разстройствомъ ихъ быта послѣ освобожденія, нужно бы взять такой годъ, который бы соотвѣтствовалъ 1867 по скудости урожая, напримѣръ 1845—46. Если, дѣйствительно, окажется, что въ это время состояніе Псковскаго населенія было лучше нынѣшняго, то аргументація г. губернатора сохранитъ свою силу; если же, по справкѣ съ архивомъ, обнаружится, что голодъ свирѣпствовалъ безпрепятственно въ теченіи этихъ двухъ лѣтъ, что отъ дурной пищи погибло въ тифозной горячкѣ нѣсколько тысячъ людей, что пособія правительства отчасти запоздали, отчасти были расхищены, то изъ

этого никакъ нельзя будетъ заключить, чтобы неурожай и голодъ могли быть приписаны исключительно современнымъ обстоятельствамъ.

Итакъ, оставляя въ сторонѣ всѣ эти аргументы pour les besoins de la cause, скажемъ прямо, что земледѣліе и народный бытъ вообще въ Псковской губерніи дѣйствительно упадаютъ, но что упадокъ этотъ начался задолго до настоящаго Царствованія, и долженъ быть приписанъ не причинамъ, на которыя намекаетъ записка, а географическому положенію губерніи, лишенной сообщеній съ производительною полосою Россіи, бѣдности ея почвы и, всего болѣе, льнянымъ посѣвамъ, которые въ этой губерніи производятся въ неумѣренныхъ размѣрахъ.

Поземельный кредитъ можетъ, отчасти, способствовать оживленію производительности, особенно если онъ будетъ открытъ не только для крупныхъ землевладѣльцевъ, коихъ въ Псковской губерніи мало, но и для мелкихъ, и если, вообще, будутъ смотрѣть на поземельный кредитъ какъ слѣдуетъ, то есть съ экономической точки зрѣнія, а не какъ на политическій рычагъ. Но своимъ хлѣбомъ Псковская губернія уже давно не прокармливается и прокормиться не можетъ; излишка она никогда не вывозила, а всегда ввозила, не только рожь, но и овесъ изъ придвинскихъ пристаней и изъ Новгорода, черезъ Сольцы и Порховъ. Въ 1845—46, она бѣдствовала еще гораздо больше, чѣмъ въ 1867, и еслибъ съ того времени по настоящее, администрація, вмѣсто сочиненія записокъ о самоуправленіи и консерватизмѣ, озаботилась проведеніемъ и улучшеніемъ дорогъ, соединяющихъ станціи желѣзныхъ дорогъ и нѣкоторыя рѣчныя пристани съ уѣздными городами, еслибъ изъ Острова, Пскова, Бѣлой, Новоселья, Сольцы, были открыты сообщенія, о коихъ просили и ходатайствовали мѣстные жители въ теченіи 10 лѣтъ безуспѣшно, то она бы исполнила свой долгъ и имѣла бы право сравнивать свою плодотворную дѣятельность съ бездѣйствіемъ земскихъ учрежденій, введенныхъ тому назадъ всего 3 года.

Обращаясь ко второму вопросу, затронутому въ запискѣ очень ловко, съ точки зрѣнія фискальныхъ интересовъ—къ общинному владѣнію, мы постараемся не послѣдовать примѣру нашихъ противниковъ, то есть уберечься отъ систематическихъ крайностей; не станемъ безусловнымъ восхваленіемъ общины отвѣчать на безусловное ея порицаніе. Но интересно бы знать, какими мѣрами думаютъ произвести замѣну общиннаго владѣнія участковымъ? Если этотъ переходъ долженъ быть добровольный, то вопросъ разрѣшается коротко и ясно приговоромъ сельскаго схода на основаніи ст. 115 Мѣст. П. Велик. и 163 П. вык.; если онъ долженъ быть принудительный, то какими узаконеніями и мѣропріятіями произвести это насильственное распа-

деніе? Нельзя ли, напримѣръ, издать такое правило, чтобы всѣ семейные раздѣлы, произведенные послѣ 1861, признаны были самовольными и чтобы отдѣлившіеся домохозяева должны были: или соединиться вновь, или выдѣлиться изъ общины и перейти къ участковому владѣнію?

Или: постановить, что всѣ села и деревни, построенныя вопреки правиламъ сельскаго устава, не по плану и безъ отвода мѣстъ черезъ полицію, должны вновь перестроиться и, въ случаѣ несогласія, перейти къ участковому владѣнію?

Или, наконецъ, придерживаясь текста закона, ст. 261 Мѣстнаго Положенія, и измѣнивъ только нумерацію пунктовъ, поставить шестой пунктъ первымъ и всякое взысканіе, непосредственно и прямо, обращать на землю, отбирая ее отъ каждаго отдѣльнаго домохозяина, пропорціонально накопившейся на немъ недоимки? [1])

Это были бы мѣры дѣйствительно понудительныя; онѣ въ запискѣ не указаны и мы предлагаемъ ихъ автору на обсужденіе, какъ способы разрѣшенія предположенной имъ задачи о замѣнѣ общиннаго владѣнія участковымъ. Ничего болѣе практическаго и болѣе мягкаго по этой части намъ не удалось слышать.

Третій предметъ, изложенный съ бо́льшею откровенностью, чѣмъ всѣ прочіе, есть неудовлетворительность «общественной дѣятельности населенія во всѣхъ ея видахъ, начиная съ сельскихъ сходовъ и кончая городскими и земскими собраніями».

Здѣсь перо сочинителя записки дало себѣ полную волю, чувствуя, что оно попадаетъ въ самый тонъ и угождаетъ одновременно двумъ противуположнымъ вкусамъ, бюрократическому и аристократическому.

Аргументація слѣдующая:

«Общественныя учрежденія пришлись не по плечу нашему обществу».

«Дѣйствія ихъ оказываются неудачными».

«Вмѣшательство администраціи во всѣ виды общественной дѣятельности необходимо; а именно: по всѣмъ предметамъ, гдѣ общественная дѣятельность соприкасается съ администраціей, указывать ей самомалѣйшія ошибки, настойчиво требовать исполненія всего, что относится до повинностей государству, непреклонно указывать земству предѣлы его дѣятельности».

---

[1]) Кажется, не нужно и предупреждать читателя, что авторъ отвѣта отнюдь не думаетъ предлагать все это отъ себя, а напротивъ уясняетъ неосуществимость мѣры, восхваляемой г. Псковскимъ губернаторомъ.

Пр. Ю. С.

«Но вмѣстѣ съ тѣмъ»—это черта самая рельефная во всей запискѣ—«неумолимо отказывать въ участіи правительства земскимъ и общественнымъ учрежденіямъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ обратятся къ нему съ ходатайствомъ выручить ихъ изъ затрудненій, въ которыя онѣ впали, какъ бы ни были тяжелы временныя послѣдствія этого отказа для общества».

На этомъ послѣднемъ совѣтѣ мы остановимся, потому что въ немъ заключается ключь и настоящій смыслъ не только разбираемой нами записки, но и цѣлой системы, послѣдовательно развиваемой въ извѣстномъ административномъ и великосвѣтскомъ кружкѣ. Закрыть земскія учрежденія послѣ трехлѣтняго ихъ существованія было бы, съ одной стороны, неловко, съ другой и ненужно; неловко потому, что частыя законодательныя перемѣны были бы приняты иностранными нашими недоброжелателями какъ признакъ слабости и колебаній. Ненужно потому, что въ ту же рамку можно вставить, вмѣсто обществъ и земства, крупное землевладѣніе и такимъ образомъ, не упраздняя самыхъ учрежденій, измѣнить ихъ внутренній смыслъ и незамѣтно, исподоволь, поясненіями и дополненіями по указаніямъ опыта, достичь желаемаго, прежде даже чѣмъ нежелающіе догадаются о чемъ идетъ темная, иносказательная рѣчь. Для этого нужно, прежде всего, чтобы производимый земскими учрежденіями опытъ управленія былъ обставленъ такими невыгодными условіями, которыя привели бы ихъ неминуемо къ безуспѣшности дѣйствій, а чтобы этого достичь предлагаются два средства и оба радикальныя: первое, это вмѣшательство администраціи во всѣ виды общественной дѣятельности; второе—отказъ въ содѣйствіи во всѣхъ затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ новыми учрежденіями. Такимъ образомъ, инниціатива правительства остается полная, неограниченная во всемъ, что касается до стѣсненія общественной дѣятельности; она прекращается только на той чертѣ, гдѣ начинаются интересы общества и тутъ она воздерживается точно также безусловно, какъ дѣйствуетъ полновластно въ первомъ случаѣ.

Она вмѣшивается во всѣ дѣла, касающіяся интересовъ государственныхъ, беретъ даже на себя взысканіе съ крестьянъ всякаго рода повинностей (стр. 155), передаетъ полиціи дѣла и должность мировыхъ посредниковъ и непоколебимо понуждаетъ земство и общества къ исполненію своихъ требованій (слово законныхъ пропущено, стр. 143).

Но въ то же время, когда дѣло касается не повинностей, а правъ податныхъ сословій, не внѣшняго порядка, а внутренняго благосостоянія, не требованій администраціи, а нуждъ и пользъ народа,

словомъ: когда дѣло идетъ объ интересахъ самаго общества или земства, инициатива правительства прекращается и оно отвѣчаетъ неумолимымъ отказомъ на всѣ ходатайства о народныхъ потребностяхъ.

Развивая эту систему далѣе, мы приходимъ къ тому, что народъ, видя безсиліе новыхъ учрежденій, получая черезъ выборныхъ своихъ людей постоянные отказы во всѣхъ своихъ нуждахъ и пользахъ, непремѣнно обвинитъ ихъ въ неуспѣхѣ, припишетъ ихъ неудачи нерадѣнію и неумѣнію угождать начальству, свалитъ на нихъ вину за возвышеніе расходовъ, вводимыхъ по непоколебимымъ требованіямъ администраціи, и постепенно придетъ къ самосознанію, то есть къ тому убѣжденію, что онъ неспособенъ собою управлять, и долженъ сложить власть, ему временно, въ видѣ опыта дарованную, въ руки прежнихъ своихъ властителей: чиновниковъ и помѣщиковъ.

Затѣмъ, занавѣсъ опустится: представленіе кончено.

Но для поясненія этой глубокой своей мысли, авторъ записки беретъ примѣръ, который намъ кажется неудачнымъ или, по крайней мѣрѣ, несвоевременнымъ, и на основаніи этого примѣра мы и надѣемся нѣсколько поколебать его замысловатую систему.

Онъ выбралъ, какъ доказательство необходимости для администраціи воздерживаться отъ всякаго содѣйствія обществу и земству — народное продовольствіе, и на цѣлой полустраницѣ, которую мы бы просили читателя замѣтить, описываетъ, какъ полезно было-бы отказывать земству въ помощи по этому предмету, то есть, другими словами: морить народъ съ голоду, чтобъ уличить земскія учрежденія въ несостоятельности. Не опровергая относительной пользы этого свирѣпаго предложенія, съ точки зрѣнія автора, мы, съ нашей точки зрѣнія, тѣмъ же примѣромъ постараемся доказать противное.

Ст. 163 устава народнаго продовольствія постановляетъ, во первыхъ, что «капиталъ народнаго продовольствія составляетъ общественную собственность той губерніи въ коей онъ собранъ»,

во вторыхъ, что «онъ имѣетъ одно опредѣленное назначеніе: для продовольствія въ тѣхъ губерніяхъ»,

и въ третьихъ, что «онъ не можетъ быть обращаемъ ни на какое другое употребленіе».

Но изъ капитала этого (собственности той губерніи, въ коей онъ собранъ) изъята была какая-то неизвѣстная часть, которая была причислена къ центральному капиталу народнаго продовольствія и поступила въ распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ.

Изъ тѣхъ же капиталовъ (принадлежащихъ губерніямъ) выдавались, по распоряженію правительства, ссуды другимъ губерніямъ и ссуды эти не возвращены.

Изъ нихъ же (имѣвшихъ одно опредѣленное назначеніе продовольствія) производились другіе расходы и обороты, и счеты эти не приведены въ извѣстность.

Изъ этого слѣдуетъ, что не всѣ капиталы, составляющіе, по буквальному смыслу закона, общественную собственность губерній, переданы земству, что ему не предоставлены всѣ средства, какія по закону ему слѣдуютъ для исполненія своей задачи, то есть обезпеченія продовольствія, что часть этихъ средствъ (какая—неизвѣстно) осталась въ распоряженіи администраціи и что, поэтому, отказывать въ содѣйствіи земскимъ учрежденіямъ по этой части управленія, она бы повидимому не имѣла повода, такъ какъ значительная часть средствъ, назначенныхъ для продовольствія, осталась въ ея рукахъ.

Авторъ записки, вѣроятно, самъ теперь сознаетъ, что выборъ этого примѣра былъ неудаченъ, и еслибы записка его была составлена въ мартѣ 1868, вмѣсто декабря 1867, онъ бы конечно не коснулся предмета, который доказалъ совершенно противное тому, что слѣдовало доказать: оплошность администраціи, ея неспособность узнавать нужды народа и неумѣніе распоряжаться средствами, которыя она себѣ оставила.

Мы не считаемъ нужнымъ останавливаться на статьѣ о народномъ образованіи, для поощренія коего предлагается въ запискѣ запретить вступленіе въ бракъ всѣмъ людямъ неграмотнымъ. Вся эта статья не серьёзна и авторъ самъ это сознаетъ, упоминая о зависимости устройства училищъ отъ матеріальныхъ средствъ. Мы, однако, считаемъ нужнымъ обратить вниманіе на особый пріемъ нашихъ реакціонеровъ, который не лишенъ нѣкоторой ловкости: коль скоро дѣло заходитъ о преобразованіяхъ, которыя имъ не по сердцу, они прибѣгаютъ къ аргументу о неразвитости нашего населенія и предлагаютъ, предварительно, заняться обученіемъ народа, подготовленіемъ общества, разсчитывая довольно вѣрно, что эти предварительныя занятія займутъ цѣлыя поколѣнія и отсрочутъ надолго ненавистныя имъ реформы. Мы не беремся имъ доказывать, что народъ воспитывается не въ однѣхъ школахъ, но гораздо болѣе и дѣйствительнѣе — въ гласныхъ судахъ и открытыхъ собраніяхъ, что самоуправленіе, точно такъ какъ и грамотность, составляетъ элементарное образованіе народа . . . . . они это знаютъ, и потому опасаются этого всенароднаго образованія.

Затѣмъ, намъ бы слѣдовало разсмотрѣть предложеніе о «централизаціи губернской администраціи и опредѣленіи ея отношеній къ прокурорскому надзору», но такъ какъ общія эти выраженія не указываютъ настоящихъ видовъ автора, то мы боимся приписать этимъ

словамъ болѣе значенія, чѣмъ онѣ имѣютъ. Впрочемъ, предъидущія объясненія уже обозначаютъ до нѣкоторой степени ихъ смыслъ, и высказавъ общую свою мысль, что «администраціи должно быть предоставлено постоянное вмѣшательство во всѣ виды общественной дѣятельности», авторъ считалъ себя въ правѣ умолчать о мѣрахъ болѣе или менѣе щекотливыхъ, имѣющихъ въ виду подчиненіе другихъ вѣдомствъ министерству внутреннихъ дѣлъ. Въ запискѣ упомянуто о назначеніи нижнихъ полицейскихъ служителей отъ губернскаго начальства, о передачѣ полиціи должности мировыхъ посредниковъ, о порученіи ей же, полиціи, взысканія всякаго рода повинностей: казенныхъ, земскихъ и частныхъ. За этимъ могутъ послѣдовать еще слѣдующія улучшенія: опредѣленіе сельскихъ начальниковъ отъ губернатора, отстраненіе отъ должности мировыхъ судей, по его усмотрѣнію, съ преданіемъ ихъ суду въ Правительствующемъ Сенатѣ, подчиненіе прокуроровъ губернскому начальству въ отношеніи вчинанія исковъ и преслѣдованія преступленій, наконецъ, и это былъ бы вѣнецъ всего дѣла—смѣняемость всѣхъ лицъ земскаго и судебнаго вѣдомствъ, при чемъ, разумѣется, губернатору было бы предоставлено только скромное право ходатайствовать у высшаго начальства объ устраненіи неблагонадежныхъ людей вреднаго направленія.

Заключеніе записки составляютъ общія и краснорѣчивыя фразы о необходимости собрать и соединить консервативные элементы. Объ этомъ русскомъ консерватизмѣ весьма трудно составить себѣ ясное понятіе, потому что всѣ партіи у насъ называютъ себя охранительными и, дѣйствительно, каждая изъ нихъ охраняетъ различные интересы русской земли и русскаго народа, каждая съ той точки зрѣнія, которая признается ею за существенную. Но тотъ консерватизмъ, который заявляетъ себя въ этой запискѣ, имѣетъ нѣкоторыя особенныя черты, по коимъ можно очень легко отличить его отъ прочихъ оттѣнковъ той же партіи, и отъ всѣхъ убѣжденій, мыслей и чувствъ всѣхъ слоевъ нашего русскаго общества.

Записка оканчивается общею характеристикою населенія Псковской губерніи, и тутъ-то представляются съ наивностью, которая намъ кажется нѣсколько неосторожною, эти черты, поражающія насъ сходствомъ съ разными заявленіями газеты «Вѣсть».

Населеніе раздѣляется на три группы.

Первую образуютъ фермеры, переселяющіеся въ Псковскую губернію изъ смежнаго Остзейскаго края. Они, отзывается записка, отличаются слѣдующими качествами: трудолюбіемъ, привычкой къ порядку и дисциплинѣ, и усиленіе этого элемента, прибавляетъ авторъ, будетъ благотворно содѣйствовать матеріальному развитію губерніи.

Вторая группа состоитъ изъ лицъ польскаго происхожденія, между коими нѣтъ никакой общности, не проявляется никакого стремленія къ пропагандѣ, и большинство коихъ оказывается вполнѣ безвреднимъ для Псковской губерніи; начальникъ этой губерніи, однако, прибавляетъ, для огражденія своей отвѣтственности, что за образъ мыслей этихъ безвредныхъ людей ему трудно поручиться.

Наконецъ, третій и послѣдній разрядъ составляетъ туземное населеніе, народная масса; она находится въ хаотическомъ состояніи; отъ послѣдовательныхъ реформъ настоящаго Царствованія она не успѣла еще опомниться, ждетъ полнаго и яснаго проявленія результатовъ этихъ реформъ, колеблется, недоумѣваетъ и уподобляется, по картинному сравненію губернатора, стихійной силѣ, которая должна быть воспитана въ политическомъ отношеніи.

Этими стихіями и подводится итогъ русскаго населенія Псковской губерніи. Мы, русскіе, въ глазахъ этихъ консерваторовъ, стихія, т. е. воздухъ, вода, почва.

Силу нашу они признаютъ и потому называютъ насъ стихійною силой. Но болѣе ничего въ насъ не видятъ кромѣ стихіи, которою надо воспользоваться какъ весьма просторнымъ, привольнымъ поприщемъ для всякаго рода эксплуатацій. На этой стихіи можно поселить Остзейскихъ фермеровъ, на ней же можно водворить польскихъ переселенцевъ, расторгнуть коренной сельскій бытъ замѣной общиннаго владѣнія участковымъ, ввести нѣмецкое фермерство, крупное землевладѣніе, запретить вступленіе въ бракъ всѣмъ неграмотнымъ простолюдинамъ; все это можно, потому что, какъ сказано, русскій народъ составляетъ въ настоящее время только стихійную силу, а по непреложнымъ законамъ науки, стихія, то есть элементъ, вещество, есть только матеріальная сила, которую направляютъ другія силы разумныя, умственныя, денежныя, европейская цивилизація и представители ея: остзейскіе фермеры, польскіе выходцы и русскіе консерваторы.

Читая эту невѣроятную характеристику населенія одной изъ коренныхъ русскихъ губерній, пробѣгая этотъ смутный проектъ всевозможныхъ преобразованій, многіе, пожимая плечами, назовутъ это вымысломъ празднаго воображенія, мечтой несбыточной, а потому и неопасной. Мы были бы того же мнѣнія и не дали бы себѣ труда возражать, еслибъ не замѣтили, къ сожалѣнію, въ дѣйствіяхъ и мѣропріятіяхъ примѣненіе нѣкоторыхъ принциповъ, изложенныхъ въ запискѣ нашего современнаго Псковскаго Макіавеля. Такъ, напримѣръ, теорія о неумолимомъ отказѣ земству и обществамъ во всѣхъ ихъ ходатайствахъ уже не разъ примѣнялась къ разнымъ заявленіямъ и

просьбамъ отдѣльныхъ обществъ и собраній и въ особенности къ тѣмъ случаямъ, когда земскія учрежденія испрашивали разрѣшеній на сокращеніе расходовъ, признаваемыхъ излишними (писано въ 1868 г.). Теорія эта, сама по себѣ, не представляетъ ничего насильственнаго; она не производитъ взрыва, не предполагаетъ логики и не нарушаетъ хода дѣлъ; она только подкапывается подъ основы нововведеннаго порядка управленія и колеблетъ ихъ, не разрушая самаго зданія, въ ожиданіи, что оно разрушится само собой. И точно такъ, какъ, по мнѣнію автора, полезно отказывать обществамъ въ помощи при неурожаѣ и голодѣ, такъ можетъ быть полезно и отказывать имъ въ сокращеніи излишнихъ расходовъ, и обѣ эти частныя пользы сводятся въ одну общую—убѣдить высшее правительство и самый народъ въ безуспѣшности ихъ дѣйствій и въ несостоятельности крестьянскаго, земскаго и мироваго самоуправленія.

Одно явленіе во всемъ этомъ намъ кажется утѣшительнымъ: для проведенія этихъ, такъ называемыхъ консервативныхъ, въ дѣйствительности революціонныхъ въ Россіи ученій, послѣдователи ихъ не разсчитываютъ на воспріимчивость и сочувствіе русскаго общества, ищутъ союзниковъ извнѣ, вызываютъ нѣмцевъ, приглашаютъ поляковъ и, такимъ образомъ, сами сознаютъ, что въ чисто русской средѣ они безсильны, даже въ той, которую они называютъ охранительнымъ элементомъ и которая, именно въ Псковской губерніи, не далѣе какъ въ февралѣ мѣсяцѣ 1868-го года, положительно отреклась отъ предложеній, истекавшихъ изъ того же рога изобилія, изъ котораго сыплются на Россію всяческія благодѣянія инороднаго изобрѣтенія.

Князь А. И. Васильчиковъ.

1868 г.
Спб.

МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ ГЛИНКА.

Первоначальный планъ «Жизни за Царя».

1835 годъ.

Въ 1871 году на страницахъ „Русской Старины" былъ помѣщенъ первоначальный планъ оперы Русланъ и Людмила. Въ настоящее время мы печатаемъ, не менѣе интересный, первоначальный планъ Жизни за Царя.

Въ запискахъ своихъ (стр. 86) Глинка говоритъ: „Съ Несторомъ Кукольникомъ познакомили меня, когда?—не помню, [1]) по случаю моей оперы, и отрекомендовали, какъ лучшаго въ тогдашнее время нашего драматическаго писателя".

„Онъ готовъ былъ писать для меня слова; но уѣхалъ въ Москву, откуда прислалъ образчикъ сцены, изъ котораго я увидѣлъ, что нельзя было заочно работать, въ особенности потому, что бо̀льшая часть музыки была готова и нужно было подъ нее поддѣлываться".

Вѣроятно, при отъѣздѣ Кукольника въ Москву, Глинка далъ ему планъ своей оперы, подобный тому, по которому работалъ бар. Розенъ (Зап., стр. 81). Этотъ-то планъ, къ сожалѣнію неполный (только три первыхъ дѣйствія), найденъ недавно въ бумагахъ покойнаго Н. В. Кукольника и обязательно сообщенъ намъ Людмилою Ивановною Шестаковою.

Когда Жуковскій предложилъ Глинкѣ для оперы сюжетъ Ивана Сусанина, то, по словамъ Глинки, (Зап., стр. 80) „какъ бы по волшебному дѣйствію вдругъ создался и планъ цѣлой оперы и мысль противупоставить русской музыкѣ— польскую. Наконецъ, многія темы и даже подробности разработки, все это разомъ вспыхнуло въ головѣ".

---

[1]) Судя по разсказу о сочиненіи Жизни за Царя въ Запискахъ, это знакомство надо отнести къ началу 1835 года, потому что въ мартѣ и апрѣлѣ этого года баронъ Розенъ, либретистъ Глинки, уже изготовилъ текстъ двухъ первыхъ актовъ. Стало быть, къ Кукольнику Глинка могъ обращаться только раньше или около этого времени. В. Н.

Печатаемый документъ подтверждаетъ эти слова. Второе дѣйствіе цѣликомъ, а третье, за исключеніемъ дуэта Сусанина и Вани и хора: „Мы на работу въ лѣсъ", вставленнаго, какъ извѣстно, позднѣе, вполнѣ соотвѣтствуютъ этому плану. Наибольшую разность представляетъ первое дѣйствіе, хотя и здѣсь разница касается только размѣщенія частей, а не самаго состава. Въ первоначальномъ планѣ пріѣздъ лодки и выходъ жениха были раздѣлены аріею Антониды и сценою Сусанина: „Что гадать о свадьбѣ", между тѣмъ какъ теперь каватина Антониды слѣдуетъ непосредственно за интродукціею (хоръ: Въ бурю, во грозу), а лодка пріѣзжаетъ среди сцены Сусанина и Собининъ прямо выходитъ на сцену. Нечего и говорить, что позднѣйшее расположеніе несравненно сценичнѣе и живѣе. Все остальное до мельчайшихъ подробностей: темповъ, дѣленій ритма, стихотворныхъ размѣровъ, оборотовъ рѣчи, является въ томъ самомъ видѣ, какъ оно первоначально создалось въ волшебной фантазіи Глинки.

Автографъ писанъ на двухъ листахъ бѣлой бумаги съ довольно широко загнутыми полями. На этихъ поляхъ помѣщены музыкальныя замѣтки, сопровождающія такимъ образомъ параллельно текстъ сценарія. Ихъ надо отличать отъ выбѣгающаго по временамъ на поле самаго текста либретто. Потому мы вездѣ тщательно отмѣчаемъ тѣ мѣста, которыя взяты съ полей.

В. В. Никольскій.

ИВАНЪ СУСАНИНЪ [1]).

Отечественная [2]) героико-трагическая опера въ 5 дѣйствіяхъ или частяхъ.

Дѣйствующія лица:

Иванъ Сусанинъ (басъ)—характеръ важный [3]).

Антонида, дочь его (сопрано)—нѣжно-граціозный [4]).

Алексѣй [5]) Собининъ, женихъ Антониды, (теноръ)—характеръ удалый [6]).

---

1) Глинка вездѣ пишетъ: Суссанинъ. Мы не сочли нужнымъ удерживать эту неправильность.

2) Передъ этимъ словомъ зачеркнуто: „Національ..."

3) Петровъ.

4) Шелихова.

5) Имя написано карандашомъ по ряду точекъ...... **В. Н.**

6) Шемаевъ.

Андрей, [1]) сирота 13, или 14 лѣтній мальчикъ (альтъ)—характеръ простосердечный [2]).

Начальникъ польскаго отряда—2 теноръ, роль второстепенная.

Хоры поселянъ и поселянокъ—и поляковъ.

Часть первая.

Сцена представляетъ русскій сельскій видъ; въ глубинѣ театра рѣка.

1) Introduction. Вдали раздаются: сперва хоръ мущинъ, потомъ въ противуположной сторонѣ хоръ женщинъ, кои сходясь сливаются въ одинъ. Сей хоръ, идущій фугою, долженъ выражать силу и беззаботную неустрашимость русскаго народа, быть написанъ русскимъ размѣромъ [3]) и сравненія должны быть заимствованы изъ сельскихъ предметовъ [4]). Мужчины уходятъ прежде, вскорѣ за ними слѣдуютъ

---

[1]) Написано тоже карандашомъ.

[2]) Воробьева. Имена исполнителей написаны на полѣ.

[3]) Хоръ: „Въ бурю во грозу“ имѣетъ такую схему, которая дѣйствительно не подходитъ ни къ одному изъ принятыхъ въ нашей литературѣ размѣровъ:

— ◡ ◡ ◡ —
— ◡ — ◡ ◡
— ◡ ◡ ◡ — ◡ ◡

„Ему“, говоритъ Глинка о своемъ либретистѣ, „надлежало поддѣлывать стихи подъ музыку, требовавшую иногда самыхъ странныхъ размѣровъ. Баронъ Розенъ былъ на это молодецъ; закажешь, бывало, столько-то стиховъ, такого-то размѣра, 2-хъ, 3-хъ сложнаго и даже небывалаго,—ему все равно; придешь черезъ день, уже и готово“.

[4]) Въ бурю, во грозу
Соколъ по небу
Держитъ молодецкій путь.
Въ бурю, на Руси
Добрый молодецъ
Пѣсню русскую ведетъ....

Весна свое взяла,
Красна весна пришла,
Всѣ пташечки воротились къ намъ...

Выручали мы
Солнышко изъ вражьей тьмы...

Мы всѣ за него, какъ темный лѣсъ,
А солнышкомъ свѣтитъ онъ съ небесъ... В. Н.

и женщины, и когда голоса, а потомъ и оркестръ, мало по малу, затихнутъ, выѣзжаетъ по рѣкѣ лодка съ гребцами, кои поютъ протяжную пѣсню unisono (одни теноры).

Сей хоръ долженъ выражать тѣ же чувства, какъ и хоръ en fugue, но сравненія должны быть взяты изъ предметовъ, относящихся къ рѣкѣ, судну и пр. [1]). Когда лодка взъѣдетъ на средину театра и хоръ будетъ въ ff, оркестръ заиграетъ плясовую, которая, усиливаясь, заглушитъ мало по малу пѣвцовъ—и подъ эту плясовую выйдетъ хороводъ, а потомъ и Prima-donna сдѣлаетъ свой entré.

№ 2). Арія [2]) Антониды, состоящая изъ Andante и Rondo, выражаетъ чувства молодой дѣвушки, ожидающей любезнаго жениха.— (Сей номеръ нельзя писать безъ музыки, которая уже готова, равно какъ и Introduction).

№ 3. Входъ Сусанина [3]). По окончаніи аріи, Сусанинъ является съ пасмурнымъ челомъ и, обращаясь къ Антонидѣ и ея подругамъ, говоритъ, что онѣ веселятся, когда отечество стонетъ отъ иноплеменныхъ, что теперь не до свадьбы и т. п., и этими словами нарушаетъ веселость дѣвушекъ.—Антонида грустить и плачетъ, что обманулась въ надеждѣ быть соединена немедленно съ любимымъ юношею.—Отецъ упрекаетъ ее въ слабости.—Между тѣмъ сходятся поселяне и, видя грусть на лицѣ Антониды и ея отца, спрашиваютъ о случившемся, на что въ отвѣтъ Сусанинъ излагаетъ вкратцѣ главнѣйшія событія тогдашняго времени: вторженіе поляковъ, ужасы войны и пр. Онъ поетъ въ родѣ запѣвалы и слова его вкратцѣ повторяются сперва мужчинами, а потомъ женщинами [4]) еще сокращеннѣе, отъ чего произойдетъ хоръ en imitation и унылый. Онъ долженъ продолжаться достаточное время, дабы грустное впечатлѣніе осталось въ сердцахъ слушателей.

NB. Сей номеръ не сдѣланъ, mais est ebauché—и матеріалы для него имѣются.

№ 4. Теноръ, являясь на сцену, извѣстіемъ о удачныхъ дѣйствіяхъ Пожарскаго и Минина разсѣеваетъ уныніе присутствующихъ, [5])

---

[1]) Воля вольная волнамъ,
Лодкѣ воля по водамъ,
Воля вольная и намъ...

[2]) На полѣ: Эта арія характеризуетъ Антониду.

[3]) На полѣ: Первыя слова и напѣвы Сусанина должны уже объяснить его важный характеръ.

[4]) Теперь въ этомъ хорѣ женщины не участвуютъ.

[5]) Сюда вставлено тріо: Не томи, родимый. В. Н.

потомъ сообщаетъ, что избранъ Михаилъ Өеодоровичъ на царство. (Сей разсказъ долженъ быть чрезвычайно краток).—Вслѣдъ за симъ краткое «Боже царя храни» [1] (но русское и незатѣйливое), потомъ или финалъ, или, по моему, лучше арію [2] тенору. Это впрочемъ отдаю на произволъ автора словъ [3]). Въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ о томъ, что снова назначается немедленно быть свадьбѣ; женихъ ухаживаетъ за невѣстой и изливаетъ [4]) въ любовныхъ и нѣжныхъ звукахъ, въ Allegro же аріи, или своей выходкѣ въ финалѣ, совершенно обнаруживаетъ свой удалый характеръ.

Часть вторая.

Балъ въ замкѣ польскаго военачальника.

Театръ представляетъ великолѣпную залу, ярко освѣщенную.

NB. Надобно справиться о мѣстности, т. е. въ Литвѣ, Малороссіи или Польшѣ происходитъ сіе дѣйствіе?

№ 5. Польскій, коего начало служитъ вмѣсто антракта. По поднятіи занавѣса военно-торжественный хоръ [5]) вторитъ оркестру. Дѣйствующія лица попарно входятъ на сцену.

№ 6. Краковякъ.

№ 7. Pas de trois, Pas de cinq и пр. все ad libitum.

№ 8. Мазурка [6]). Къ концу оной, во время продолженія танцовъ, получается извѣстіе о избраніи Михаила Өеодоровича на царство.—Гнѣвъ поляковъ.—Заговоръ.—Начальникъ посылаетъ отрядъ для доставленія или убіенія избраннаго царя.

Часть третія.

Театръ представляетъ внутренность хижины Сусанина.

№ 9. Романсъ или пѣсня Сироты, коею выражаетъ тихую и беззаботную жизнь и благодарность благодѣтелю (ce qui devrait faire le refrein).—Характеръ ея naif, какъ и характеръ самаго сироты.—

---

[1]) Этого нѣтъ, если не относить сюда хоровые возгласы въ заключеніи.

[2]) Измѣнено вставкою тріо такимъ образомъ, что сюда перенесенъ разсказъ тенора объ избраніи на царство Михаила Өеодоровича.

[3]) Внизу: Тѣмъ болѣе, что теноръ мой Шемаевъ очень плохъ.

[4]) Свои чувства?

[5]) По партитурѣ во все продолженіе втораго акта участвуетъ военный хоръ, но его никогда не бываетъ въ дѣйствительности при исполненіи „Жизни за Царя“.

[6]) Зачеркнуто „та“. В. Н.

Сего номера будетъ приложена музыка, уже сдѣланная.—Еще въ продолженіе послѣдняго куплета (ихъ должно быть два или три, но не болѣе) входитъ Сусанинъ [1]) съ дочерью и женихомъ и это произведетъ:

№ 10 [2]) квартетъ (Familiegemälde). Сей номеръ, выражающій тихія и сладкія чувства семейственнаго счастія, долженъ непремѣнно быть написанъ русскимъ размѣромъ, въ подражаніе старинныхъ пѣсенъ.—Въ музыкѣ же постараюсь произвести une piece arrondie, состоящую изъ Adagio en canone и Allegro [3]). Въ обоихъ будутъ помѣщены мотивы, могущіе простотою оставить внезапное впечатлѣніе на публику.

Женихъ уходитъ, чтобы, напримѣръ, собрать товарищей и приготовиться къ дѣвишнику.

№ 11. — Отецъ, дочь и сирота приготовляютъ комнату для свадьбы, бесѣдуя отрывисто подъ весело-беззаботную музыку. — Въ это время послышатся издали отъ времени до времени военные звуки, усиливаясь, поразятъ Сусанина и дочь его. — Недоумѣніе.—Появленіе отряда поляковъ и хоръ подъ Польскій 2 части № 5, коимъ спрашиваютъ, не можетъ ли провести ихъ кто нибудь къ Михаилу Θеодоровичу. Сусанинъ спрашиваетъ ихъ, зачѣмъ имъ это?— Между тѣмъ сирота простосердечно предлагаетъ свои услуги [4]). Сусанинъ сердито или ловко (какъ то окажется нужнымъ) отклоняетъ его и посылаетъ извѣстить Михаила Θеодоровича о угрожающей ему опасности; узнавъ же о намѣреніи ихъ, съ негодованіемъ отказывается. Поляки сперва сердятся, потомъ (хоромъ подъ мазурку) предлагаютъ золото, славу, почести.—Сусанинъ говоритъ: развѣ золотомъ можно искупить проклятіе—а почестями безславіе за измѣну? и т. п. Поляки (хоромъ подъ мазурку же) грозятъ убить его;— онъ остается неустрашимъ и беззаботно или продолжаетъ занятія, или что найдете сдѣлать лучше [5]). Ему вспадаетъ на мысль, что враги могутъ избрать другаго путеводителемъ; онъ рѣшаетъ жертвовать собою для спасенія царя и отечества,—съ притворною радостію говоритъ, что обѣщанія ихъ обольстили его [6]). Между тѣмъ дочь до-

---

[1]) Сусанинъ входитъ одинъ и поетъ съ Ваней дуэтъ, а Антонида и Собининъ являются уже послѣ хора.

[2]) На полѣ: Этотъ номеръ долженъ быть весь Cantabile, а не декламативный.

[3]) Теперь: Andante quasi allegretto. Moderato assai. Vivace.

[4]) Этого нѣтъ.

[5]) На полѣ: Ce contraste (1 effet) est d'un grand effet musicale.

[6]) На полѣ: 2 effet. В. Н.

гадывается или, лучше, предчувствуетъ опасность родителя, умоляетъ его не ходить на погибель. Онъ увѣщаетъ, поляки смущаются.—Онъ говоритъ имъ, что немудрено, что она въ страхѣ, видя въ первый разъ воиновъ и т. под., самъ же слегка, но отталкиваетъ ее, и наконецъ, когда онъ уходитъ съ поляками [1]) и наскоро благословляетъ, сіе благословеніе, какъ ударъ, поражаетъ. Она упадаетъ на лавку. Музыка тихая и жалобная продолжается еще нѣсколько времени.

NB. Сей номеръ прошу убѣдительнѣйше сократить по возможности и роль Сусанина вообще написать какъ можно проще, ибо сила уже необходимо должна произойти отъ самаго положенія.—Отвѣты его полякамъ (по моему мнѣнію) должны быть кратки и сильны, — и чѣмъ будутъ кратче, тѣмъ удобнѣе для музыки, которая будетъ не речитативъ, но характерное пѣніе non motivé.—Еще скажу о семъ, (по моему мнѣнію) труднѣйшемъ номерѣ, что его можно разложить на части слѣдующимъ образомъ:

a) Сусанинъ (вообще Сусанинъ долженъ имѣть въ характерѣ нѣсколько русской беззаботности) съ семействомъ приготовляетъ комнату для свадьбы—до появленія поляковъ [2]).

b) Появленіе поляковъ—contraste: они поютъ на $^3/_4$ (polonaise и masurque) и горячатся. Сусанинъ поетъ на $^2/_4$ или на C, но темпъ одинъ и тотъ же, рѣшительно, но спокойнѣе [3]).

c) Поляки продолжаютъ глухо сердиться про себя, а Сусанину является мысль обмануть ихъ [4]).

d) Антонида догадывается объ опасности [5]).

По уходѣ отца, Антонида погружена или въ мысли, или въ безпамятство и чрезъ непродолжительное время раздается

№ 12. Свадебный хоръ для женскихъ голосовъ въ $^5/_4$. Его пропоютъ 2 куплета; въ половинѣ 3-го онъ прервется внезапно при видѣ лежащей Антониды.

---

[1]) Для поляковъ хорошъ былъ бы размѣръ:

◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —
◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ — ◡ ◡ —

т. е.

Когда легковѣренъ и молодъ я былъ,
Гречанку младую я страстно любилъ.

[2]) На полѣ: Беззаботность и недоумѣніе. Муз. (зачеркнуто: allergetto) пріятно веселая.

[3]) На полѣ: Борьба | (музыка) рѣшительная, важная.

[4]) На полѣ: Обманъ | измѣненіе модуляцій и затѣйливость.

[5]) На полѣ: Agitato (ускореніе темпа).

№ 13. На разспросы (весьма краткіе и отрывистые) и на слова участія подружекъ Антонида, придя въ себя, зарыдая, запоетъ романсъ,—содержаніе коего должно изображать тоску душевную о родителѣ.—Сего романса будетъ два куплета, въ каждомъ по 8 стиховъ слѣдующаго размѣра (далѣе зачеркнуто):

Не осенній частый дождичекъ,
Брызжетъ, брызжетъ сквозь туманъ.

Желалъ бы, что (бы) подобныя отрицательныя сравненія были употреблены въ словахъ сего романса, будучи убѣжденъ, что они отлично подойдутъ къ сдѣланной еще прежде по подобнымъ словамъ мною музыкѣ [1]).

(Въ выноскѣ): Этотъ номеръ написанъ мною 6 лѣтъ тому назадъ на слова Б. Дельвига [2]).

NB. Сей номеръ нельзя писать безъ музыки [3]).

№ 14. Финалъ. Послѣ втораго куплета внезапно появляется женихъ со свитою, т. е. пріятелями и т. п.—Онъ спѣшилъ на дѣвишникъ и пораженъ, заставъ Антониду въ отчаяніи. Онъ съ товарищами спрашиваетъ у дѣвушекъ о приключившемся; онѣ разсказываютъ о происшедшемъ.

Женихъ сердится, рвется и рѣшается идти вызволить Сусанина. Дуэтъ: Adagio, или даже Largo, сперва порознь: она въ глубочайшемъ уныніи, онъ старается утѣшить ее;—потомъ что нибудь вмѣстѣ (все это перемѣшано съ хорами).—Allegro agitato финальнаго дуэта,—разлука,—сперва каждый порознь, потомъ вмѣстѣ;—размѣръ непремѣнно 3 стопный для Allegro, отнюдь же не 4 стопный [4]).

Михаилъ Глинка.

---

[1]) Не о томъ скорблю, подруженьки,
Я горюю не о томъ....

[2]) См. Записки стр. 42.

[3]) Послѣднее замѣчаніе, очевидно, результатъ того же соображенія, по которому Глинка вычеркнулъ и предыдущія строки. В. Н.

[4]) Сей номеръ отдаю на произволъ сочинителя словъ, съ просьбою однако же не писать длинныхъ стиховъ для Cantabile.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ“.

Проэктъ устава общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія Беля и Ланкастера.

1818 г.

I. ЦѢЛЬ ОБЩЕСТВА.

§ 1. Нижеподписавшіеся, будучи увѣрены, что воспитаніе есть самое успѣшное средство для доставленія отечеству гражданъ честныхъ, трудолюбивыхъ, покорныхъ законамъ и благочестивыхъ, и желая споспѣшествовать распространенію онаго по мѣрѣ силъ своихъ, вознамѣрились составить общество для учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія.

§ 2. Общество намѣрено учреждать въ С. Петербургѣ училища для обученія дѣтей обоего пола чтенію, письму, ариѳметикѣ и катихизису на основаніяхъ чистѣйшей нравственности и вѣры; изготовлять и издавать таблицы, книги и всѣ другія пособія для сихъ училищъ и стараться объ учрежденіи въ другихъ городахъ Россіи отдѣленій своихъ для содѣйствія той же цѣли.

II. СОСТАВЪ ОБЩЕСТВА.

§ 3. Общество будутъ составлять: 1) члены дѣйствительные, С.-Петербургскіе и иногородные. 2) Благотворители. 3) Члены почетные россійскіе и иностранные и 4) корреспонденты.

§ 4. Члены дѣйствительные суть особы обоего пола, изъявившія желаніе вступить въ общество, внесшія при вступленіи единовременно не менѣе 25-ти рублей и обязавшіяся платить по 25-ти р. ежегодно. Съ прекращеніемъ сего вноса прекращается и званіе члена. Всякъ желающій вступить въ общество, долженъ быть представленъ оному чрезъ дѣйствительнаго члена. Дѣйствительные члены имѣютъ право: подавать обществу голоса свои и предлагать новыхъ членовъ, присутствовать въ его годичныхъ собраніяхъ. Изъ нихъ избираются члены комитета.

§ 5. Благотворители суть особы, внесшія единовременно нѣкоторую сумму.

§ 6. Почетные члены избираются обществомъ изъ особъ обоего пола Россіянъ и иностранцевъ, отличившихся споспѣшествованіемъ просвѣщенію. На почетныхъ членовъ не возлагается никакой обязанности; но всякое ихъ приношеніе будетъ принято съ благодарностію.

§ 7. Корреспонденты избираются обществомъ изъ особъ, занимающихся въ пользу воспитанія въ Россіи и чужихъ краяхъ, для доставленія оному свѣдѣній объ успѣхахъ просвѣщенія и исполненія его порученій.

III. УПРАВЛЕНІЕ ОБЩЕСТВА.

§ 8. Общество избираетъ изъ почетныхъ членовъ своихъ попечителей, которымъ представляетъ ежемѣсячныя донесенія.

§ 9. Общество управляется комитетомъ, состоящимъ изъ 12-ти дѣйствительныхъ членовъ, избранныхъ на три года большинствомъ голосовъ.

§ 10. Въ числѣ сихъ 12-ти членовъ находятся: президентъ общества, два вицепрезидента, два секретаря, казначей, шесть должностныхъ членовъ.

§ 11. Президентъ есть глава общества. Онъ ведетъ отъ своего имени переписку онаго, назначаетъ собранія, распредѣляетъ труды и наблюдаетъ за строгимъ исполненіемъ устава.

§ 12. Вицепрезиденты суть его помощники и сотрудники. Одинъ изъ нихъ имѣетъ смотрѣніе за казною, архивами и перепискою; другой за сочиненіемъ и изданіемъ книгъ, заведеніемъ школъ, управленіемъ оными и тому подобнымъ.

§ 13. Одинъ секретарь ведетъ русскую, другой иностранную переписку. Первый изъ нихъ управляетъ канцеляріею и составляетъ мѣсячные отчеты попечителямъ и годовые для торжественныхъ собраній.

§ 14. Казначею поручается храненіе денегъ вступающихъ въ общество и веденіе счетовъ.

§ 15. Изъ должностныхъ членовъ двое, вспомоществуя второму вицепрезиденту, занимаются сочиненіемъ и переводомъ книгъ, таблицъ, заготовленіемъ матеріаловъ и пр., а четверо—очереднымъ надзоромъ надъ училищами. Со временемъ число сихъ должностныхъ членовъ можетъ быть и умножено.

§ 16. Сіи 12 членовъ составляютъ, какъ выше сказано, комитетъ, собирающійся чрезъ каждыя двѣ недѣли непремѣнно, а по мѣрѣ надобности и чаще. Въ немъ рѣшатся всѣ дѣла, касающіяся до управленія обществомъ по большинству голосовъ.

§ 17. Сверхъ сихъ 12-ти членовъ, готовность всякаго члена къ содѣйствію комитету своими трудами будетъ принята съ благодарностію.

IV. ДѢЙСТВІЯ ОБЩЕСТВА.

§ 18. Общество посредствомъ своего комитета, устроивъ свое образованіе, займется: во 1-хъ, сочиненіемъ и отпечатаніемъ руководства къ учрежденію первоначальныхъ школъ, таблицъ для обученія чтенію, письму и ариѳметикѣ; списковъ, ярлыковъ, и прочихъ учебныхъ пособій; во 2-хъ, учредитъ оно въ С.-Петербургѣ одно, а со временемъ и болѣе училищъ для первоначальнаго наставленія юношества по методѣ взаимнаго обученія; въ 3-хъ, будетъ оно стараться

объ устроеніи отдѣленій своихъ въ губернскихъ городахъ и о снабженіи желающихъ завести подобныя училища, внѣ С. Петербурга, всѣми необходимыми на то пособіями, за самую умѣренную цѣну; обученіе же въ сихъ училищахъ и снабженіе учащихся пособіями производиться будутъ безденежно.

§ 19. Общество заведетъ для употребленія членовъ своихъ библіотеку, въ коей можно будетъ пользоваться всѣми новѣйшими и лучшими по сей части русскими и иностранными книгами.

§ 20. Общество вступитъ въ непосредственную переписку со всѣми иностранными сословіями сего рода для взаимнаго поощренія и пособія.

§ 21. Общество будетъ имѣть ежегодное торжественное собраніе 7-го генваря каждаго года, послѣ котораго открываться будетъ и курсъ ученія въ его училищахъ. Отчеты годовые и ежемѣсячные будутъ немедленно обнародываемы.

V. Средства общества.

§ 22. Общество будедъ исправлять всѣ свои дѣла и предначинанія посредствомъ временныхъ и ежегодныхъ приношеній своихъ членовъ и благотворителей, и, полагаясь на усердіе къ общей пользѣ добрыхъ соотечественниковъ, покровительство просвѣщеннаго правительства и благословеніе Всевышняго, невидимо споспѣшествующаго всякому благому начинанію, предпріемлемому во славу Его имени, не сомнѣвается въ успѣхѣ.

Графъ Өедоръ Толстой, Өедоръ Глинка, Николай Гречь, Василій Григоровичь, Михайло Новиковъ, Петръ Ф. Фокъ, Николай Кусовъ.

Съ подлиннымъ вѣрно: Василій Григоровичъ.

С.П.-бургъ.
29-го іюля 1818 г.
В. О.

Примѣчаніе. Весьма интересныя подробности объ этомъ обществѣ читатель имѣетъ въ Запискахъ графа Өедора Петровича Толстаго, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1878 г., томъ XXI, стр. 205—236.

Сообщ. профессоръ Н. И. Варсовъ.

Общество свиней въ 1824 г.

Такъ названо въ официальной бумагѣ гр. Милорадовича, с.-петербургскаго военнаго генералъ-губернатора, въ 1824 году—одно общество, дѣйствія и цѣли котораго остаются для насъ совершенно неизвѣстны. Членами онаго, какъ видно изъ подлиннаго дѣла о высылкѣ ихъ за границу, были французы-иноземцы и лишь одинъ русскій. Къ этому дѣлу относится нижеслѣдующая, всеподданнѣйшая Записка, заключающая въ себѣ характеристики „членовъ общества свиней“; она любопытна, между прочимъ, потому, что свидѣтельствуетъ изъ какой среды поступали въ русскія семейства въ первой четверти XIX вѣка воспитатели и гувернеры. Ред.

(18-го іюля 1824 г.).

Jean Baptiste May.—Arrivé en Russie en 1823, avec Marsille et Rostaine.

Il est reconnu de tous les autres membres de la societé des Cochons avoir été leur président. May avoue lui même, par écrit, toutes les vilainies commises par lui dans ces orgies; mais dit que ce n'était qu'une farce, qu'on lui avait donné ce titre. Le diplôme de Maçon est trouvé chez lui, sans aucun autre papier, et il parait très vraisemblable qu'il a détruit toute sa correspondence, puisqu'il avoue lui même, qu'il brule toutes les lettres qu'il réçoit.

Auguste Boulan ou Bernard. Peintre français; est arrivé en Russie 1822 avec un passeport du consul russe Pachert de Helsingöhr. D'après son propre aveu, il se nomme Bernard. Il est parti sécrétement de France ainsi que d'Auvers, où le consul français avait fait publier: que le navire, que l'emmenerait, serait confisqué. Depuis son arrivée à S. Petersbourg, il s'est toujours très mal conduit, et les sociétés des Cochons eurent lieu dans son quartier, où il a toujours joué un rôle principal. Sa correspondence prouve sa mauvaise conduite et ses principes dangereux, et il y avoue: qu'il a quitté la France à cause de ses procédés criminels.

Rostaine. Gouverneur et précepteur; est arrivé en Russie en 1823. Sa conduite à S. Pétersbourg a été aussi mauvaise que celle de Boulan, mais depuis 7 mois il se trouve comme gouverneur des enfant de M-me de Skabelin, à Louga. Dans les assemblées des Cochons il a joué un rôle principal, et s'y est distingué par tous les excés. Par sa correspondence on voit, que son beau-frère lui donne le couseil de devenir domestique, comme dernière réssource qui lui reste. Par d'autres lettres de Rostaine à un certain Pawlovsky, à Paris, il avoue lui même son ignorance parfaite, et suppose qu'il sera dans le plus grand étonnement et éclatera en rire, le sachant précepteur. En même temps il fait un jugemant impertinent des dames russes. Outre cela, Rostaine posséde un faux diplôme de docteur en médécine et dans lequel il a substitué son nom pour un autre.

L'abate Justi. Est arrivé de là Suéde en 1822. Au commencement il avait dit la messe; mais sa conduite déréglée fut cause, qu'on le lui défendait. Il s'est trouvé comme membre dans la société des Cochons. Il s'est évadé de sa prison pour quitter le pays par mer. Ses papiers démontrent une opinion politique très dangeureuse.

Zani. Musicien et secretaire; est arrivé de Paris en 1820 et s'est toujours distingué par une mauvaise conduite et libertinage. Parmi les Cochons il a joué un rôle principal. Par sa correspondence on apprend sa mauvaise conduite en France, et que son propre père l'a rébuté. Outre cela, il s'y permet des tirades impertinentes contre des personnes du rang le plus élévé, et montre des principes infâmes.

Lebrûn. Précepteur; celui qui fût appellé dans la société des Cochons «le patient». Il se trouve en Russie depuis 1814. Lebrûn est un ivrogne de la plus mauvaise conduite. Il fut chassé de différentes places et se trouvait dans ce moment sans place et sans pain. Il se trouvait dans la societé des Cochons, pour y être reçu formellement.

Jaufrey. Губернскій секретарь et poête; est arrivé en Russie en 1814. Au

commencement il a resté avec ses père et mère; mais bientôt, par discorde et mauvaise conduite, il s'est séparé d'eux. Il habitait le même logement avec Boulan et s'est distingué dans les sociétés des Cochons aussi bien que les autres individus. Jaufrey s'est fait connaître par un poëme très libre sur S. Pétersbourg.

Plantain. Docteur en médécine, est arrivé en Russie en 1822, sur une frégatte russe. Il se trouvait, à ce qu'il dit, comme simple observateur dans la société des Cochons; sa conduite était assez bonne, et ses papiers ne le compromettent en rien.

Marsille. Docteur en médécine, est arrivé en Russie en 1823, avec Rostaine et May. Il s'est trouvé comme membre dans la société des Cochons. Dans ces papiers on voit qu'en France sa conduite était mauvaise et libertine.

Сидоровъ. С.-Петербургскій мѣщанинъ. Un jeune homme de mauvaise conduite, qui soit le français et fait l'avocat, homme d'affaires etc.—Il s'est trouvé dans la société des Cochons, qui se servaient de lui pour trouver de l'argent et autres spéculations. Il fut le plus opiniâtre à dire la verité. Ses papiers prouvent qu'il fait des affaires les plus suspectes.

„18-го іюля 1824 г."

[Переводъ]. Слѣдствіе относительно общества свиней окончено. Я имѣю счастіе представить при семъ замѣтки о тѣхъ, кои въ ономъ находились и что о каждомъ оказалось.

Иванъ Баптистъ Май (Jean Baptiste May). Пріѣхалъ въ Россію въ 1823 г. вмѣстѣ съ Марсилемъ и Ростэномъ.

По отзыву всѣхъ прочихъ членовъ общества свиней, онъ былъ ихъ предсѣдателемъ. Май самъ признается письменно во всѣхъ мерзостяхъ, которыя онъ дѣлалъ во время этихъ оргій, но говоритъ, что названіе предсѣдателя было дано ему въ шутку. У него найденъ масонскій дипломъ безъ всякаго другаго документа и весьма вѣроятно, что онъ уничтожилъ всю свою переписку, такъ какъ онъ сознается самъ, что сжигаетъ всѣ получаемыя имъ письма.

Августъ Буланъ или Бернардъ (Auguste Boulan ou Bernard). Художникъ французъ; пріѣхалъ въ Россію въ 1822 г. съ паспортомъ отъ русскаго консула Пашерта (Pachert) изъ Гельсингера. По собственному его сознанію, его зовутъ Бернардомъ. Онъ уѣхалъ тайно изъ Франціи и изъ Антверпена, гдѣ французскій консулъ публиковалъ, что судно, принявшее его, будетъ конфисковано. Съ пріѣзда своего въ Петербургъ онъ велъ себя чрезвычайно дурно и собранія свиней, въ которыхъ онъ всегда игралъ главную роль, происходили въ его квартирѣ. Его переписка свидѣтельствуетъ объ его дурномъ поведеніи и опасныхъ правилахъ; онъ самъ сознается, что преступленія вынудили его оставить Францію.

Ростэнъ (Rostaine). Гувернеръ и преподаватель; пріѣхалъ въ Россію въ 1823 г. Поведеніе его въ Петербургѣ было не лучше поведенія Булана, но вотъ уже восьмой мѣсяцъ какъ онъ находится въ Лугѣ гувернеромъ при дѣтяхъ г-жи Скобельциной. (Skabelzin). Онъ игралъ видную роль въ собраніяхъ свиней и отличался въ нихъ всѣми излишествами. Изъ его переписки видно, что его зять предлагаетъ ему, какъ послѣднее средство, идти въ лакеи. Въ другихъ письмахъ къ нѣкоему Павловскому, жившему въ Парижѣ, тотъ

же Ростэнъ сознается въ полнѣйшимъ своемъ невѣжествѣ и высказываетъ предположеніе, что Павловскій расхохочется и будетъ, вѣроятно, весьма удивленъ, узнавъ, что онъ получилъ мѣсто наставника. Въ то же время онъ отзывается чрезвычайно невѣжливо о русскихъ дамахъ. Кромѣ того, Ростэнъ имѣетъ фальшивый дипломъ на званіе доктора медицины, въ которомъ онъ замѣнилъ чужую фамилію своею.

Аббатъ Жюсти (Justi). Пріѣхалъ изъ Швеціи въ 1822 г. Въ началѣ онъ совершалъ богослуженіе, но это было ему запрещено вслѣдствіе его безпорядочнаго поведенія. Жюсти оказался членомъ общества свиней; онъ бѣжалъ изъ тюрьмы и уѣхалъ изъ Россіи моремъ. Его бумаги свидѣтельствуютъ объ его чрезвычайно опасныхъ политическихъ убѣжденіяхъ.

Цани (Zani). Музыкантъ и секретарь, пріѣхалъ изъ Парижа въ 1820 г. и всегда отличался дурнымъ и распутнымъ поведеніемъ. Онъ игралъ видную роль среди свиней. Изъ его переписки видно, что и во Франціи онъ отличался дурнымъ поведеніемъ, и что его оттолкнулъ даже родной его отецъ. Сверхъ того въ письмахъ своихъ онъ позволяетъ себѣ дерзкія замѣчанія о самыхъ высокопоставленныхъ лицахъ и высказываетъ самыя гнусныя убѣжденія.

Лебренъ (Lebrun). Преподаватель, пользовавшійся въ обществѣ свиней прозвищемъ „страждущаго“ (le patient); находится въ Россіи съ 1814 г. Лебренъ пьяница самаго дурнаго поведенія. Онъ былъ выгнанъ съ нѣсколькихъ мѣстъ и въ настоящее время находится безъ куска хлѣба. Онъ старается попасть въ дѣйствительные члены общества свиней.

Жофрей (Jaufrey). Губернскій секретарь и поэтъ; пріѣхалъ въ Россію въ 1814 г. Въ началѣ онъ жилъ съ своими родителями, но вскорѣ разъѣхался съ ними вслѣдствіе происшедшихъ непріятностей и своего дурнаго поведенія. Онъ жилъ въ одной квартирѣ съ Буланомъ и наравнѣ съ прочими отличался въ обществѣ свиней. Жофрей прославился весьма вольной поэмой о Петербургѣ.

Плантэнъ (Plantain). Докторъ медицины; пріѣхалъ въ Россію въ 1822 г. на русскомъ фрегатѣ. Онъ находился, по его словамъ, простымъ наблюдателемъ въ обществѣ свиней; поведеніе его было довольно хорошее и его бумаги ничѣмъ не компрометируютъ его.

Марсиль. Докторъ медицины; пріѣхалъ въ Россію въ 1823 г. вмѣстѣ съ Ростэномъ и Маіемъ; былъ членомъ общества свиней. Изъ его бумагъ видно, что во Франціи поведеніе его было дурно и распутно.

Сидоровъ. С.-Петербургскій мѣщанинъ. Молодой человѣкъ дурнаго поведенія, говоритъ по французски и занимается адвокатурой, ходатайствомъ и т. п. Онъ былъ въ обществѣ свиней, которыя пользовались его услугами для пріисканія денегъ и для иныхъ спекуляцій. Бумаги его свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ занимается подозрительными дѣлами.

Примѣчаніе. Записка эта переведена съ подлинника, писаннаго на французскомъ языкѣ, но ни кѣмъ не подписаннаго.

Ред.

Графъ Н. С. Мордвиновъ, А. А. Закревскій, П. Д. Киселевъ, кн. А. Н. Голицынъ, Балашевъ и А. П. Ермоловъ

въ доносѣ на нихъ въ 1826 г.

Кому случалось рыться въ архивныхъ дѣлахъ, относящихся къ нашему недавнему прошлому, тотъ знаетъ, какіе тамъ—на ряду съ матеріалами высокой научной важности—встрѣчаются своеобразные документы; многіе изъ нихъ являются довольно крупными штрихами для обрисовки характера извѣстной эпохи. Иногда они преисполнены высокаго, хотя и безсознательнаго комизма, именно вслѣдствіе строгой оффиціальности тона, которымъ написаны, и очевидно—искренняго убѣжденія писавшаго ихъ.

Здѣсь приводимъ одинъ, именно подобный документъ изъ 1820-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Кому и кѣмъ онъ писанъ—изъ дѣла не видно. Авторъ записки—доносщикъ по профессіи; но тонъ его кажется намъ настолько искреннимъ, что можно, пожалуй, допустить въ немъ задушевное убѣжденіе въ святости того, чѣмъ онъ занимается. Разныя, вѣдь, бываютъ убѣжденія!—но дѣло не въ томъ, а въ характерѣ самаго доноса, который указываетъ на такихъ лицъ, передъ причисленіемъ коихъ къ революціонерамъ могло бы, кажется, остановиться и самое пылкое воображеніе. Очевидно, что доносщикомъ овладѣло усердіе паче разума; шествуя такимъ путемъ, онъ, пожалуй, и присно-памятнаго Аракчеева обвинилъ бы въ скрытомъ якобинствѣ.

О лицахъ, выше поименованныхъ, „Русская Старина“ представила уже множество любопытныхъ свѣдѣній. Предоставляемъ читателю сопоставить съ этими свѣдѣніями то, что за симъ слѣдуетъ. И. О.

26-го февраля 1826 г.

Хотя по слѣдственной коммисіи и не видно, чтобы въ буйныхъ и злобныхъ замыслахъ преступниковъ участвовали люди государственные и довѣренностію облеченные, но скорѣе можно согласиться быть разстрѣляну, нежели увлечься къ толь легковѣрному мнѣнію. Въ 1823 году я имѣлъ счастіе лично объясняться съ покойнымъ государемъ императоромъ и лично, съ нѣкоторыми доказательствами, выставилъ ему лице, вашему превосходительству извѣстное. Впослѣдствіи затѣмъ я сообщалъ о другомъ; а наконецъ имѣлъ догадки и о третьемъ. Всѣ сіи аристархи, безъ сомнѣнія, не были членами пагубныхъ клубовъ, но знали ихъ и были важными орудіями къ направленію варварскихъ замысловъ. А какъ люди сметливые, умные, то и удерживали себя на чертѣ неприкосновенія, разительно всѣми возможными средствами дѣйствуя, какъ-то: явными осужденіями всѣхъ безъ изъятія дѣлъ правительства, представленіемъ будто бы коротко извѣстныхъ имъ въ монархѣ недостатковъ, а, наконецъ, восклицаніями, что ничего хорошаго ожидать нельзя, и что гибель,

съ подобными распоряженіями, неизбѣжна,—чему я былъ личной свидѣтель весьма нерѣдко и чего всегда находилъ достаточнымъ къ произведенію искры, конецъ съ концемъ пожаръ произведшей.

Впослѣдствіи за симъ, вашему превосходительству извѣстно, что въ свое время я ничего не удержалъ на совѣсти.

Не удивляюсь, если усердіе мое показалось покойному государю смѣшнымъ. Смотря на людей сихъ съ точки зрѣнія, ему, какъ благодѣтелю, свойственной, и самый гнѣвъ его ко мнѣ не былъ бы лишнимъ. И подлинно: возможно ли было ему представить, чтобы человѣкъ, огражденный и обезпеченный на всю временную жизнь вниманіемъ царя отца и покровителя, со всѣхъ сторонъ и всѣми возможными благами, могъ быть удобенъ уплачивать долгъ свой столь нечестивою монетою? Но сіе, къ несчастью, такъ точно; и я, сдѣлавъ свое дѣло, по крайней мѣрѣ не раскаявался.

Нынѣ пользуюсь равномѣрною довѣренностію; по одной и той же, душѣ моей тяжкой обязанности, обращая въ призъ послѣднее благо, долговременною службою пріобрѣтенное; но горя вѣрою къ долгу и вѣрностію къ государю, путемъ обѣщанія, въ лицѣ Вседержителя принесеннаго и коренными русскими правилами (вопреки пагубной моды)—все, относящееся къ трону, почитать священнымъ, не разсуждая о послѣдствіяхъ, торжественно признаю, если не подозрительными, то, по меньшей мѣрѣ, въ подпору трону ненадежными и большой осторожности заслуживающими особъ, въ приложенной запискѣ значащихся.—Нѣтъ доказательства на бумагѣ? Правда. Но, пройдя ихъ дѣла, къ сомнѣнію едва ли будетъ мѣсто.

Исполняю симъ святую обязанность, сыну церкви и вѣрному подданному приличную. Не буду я жалѣть, если вновь пламенное усердіе мое покажется смѣшнымъ; но сохраняю въ душѣ моей единственное желаніе, чтобы замѣчанія сіи остались безъ равномѣрныхъ послѣдствій.

Записка, представляющая смѣсь общихъ мнѣній съ собственнымъ и долговременнымъ моимъ наблюденіемъ.

Мордвиновъ.—Сей министръ, подъ личиною патріотизма, былъ постоянно вреднымъ правительству, изданіемъ всенародно всѣхъ тѣхъ бумагъ, кои въ видѣ голоса поступали отъ него къ монарху и въ государственный совѣтъ. Правило противорѣчить несправедливости, безъ сомнѣнія, похвально; но разсылать экземпляры, противорѣчіе заключающіе, а часто вѣроятно (съ прибавленіемъ) въ выраженіяхъ довольно дерзкихъ,—значитъ щеголять умомъ на счетъ высшей власти, внушать ограниченность въ понятіи о разумѣ закона, и, водворяя къ правительству малую вѣру, сѣять государственную тайну въ надеждѣ пожать явную вражду,—что̀ особенно свидѣтельствуетъ письмо его покойному государю императору, въ 1812 году поданное и во всѣхъ краяхъ Россіи въ копіи извѣстное, каковое я представилъ въ 1823 году. Самое содержаніе сего письма есть уже опредѣлительная цѣна вѣрнаго усердія сочинителя къ государю, при сохраненіи только секрета; но, огласивъ оное, онъ неоспоримо далъ чувствовать тайную цѣль свою, въ душахъ скаредныхъ и вредныхъ, въ пользу разврата сильно отозвавшуюся.

Закревскій.—Правительству, безъ сомнѣнія, есть средство и нынѣ удостовѣриться, что сей вельможа, бывъ дежурнымъ генераломъ, для удержанія на

себѣ важности, въ присутствіи многихъ, о начальникѣ главнаго штаба его величества [кн. П. М. Волконскомъ] отзывался не иначе, какъ о братѣ Петрѣ. Явясь къ нему, и я, въ очередь, былъ вопрошенъ: былъ ли я у Петра? — Находясь въ 1816 году въ сей столицѣ, для излеченія болѣзни, какъ къ сослуживцу и прежнему товарищу, я ѣзжалъ къ нему довольно часто, заставая всегда, во многомъ числѣ, молодыхъ гвардейскихъ офицеровъ, вѣроятно для примѣра отъ родителей ему ввѣренныхъ, съ коими обращеніе его удивляло меня, по новости своей, до изступленія. Напримѣръ: „скидайте глупости!" означало шпаги. „Были ли на дурачествѣ?" — на ученьи... Сіи развратомъ преисполненныя выраженія не прекращались и въ присутствіи Ермолова, въ сіе время вмѣстѣ съ нимъ квартировавшаго.

Объ осужденіяхъ говорить не буду: они лились къ лицу... въ сопутствіи и самыхъ даже . . . непотребнѣйшихъ выраженій. . . рѣкою.

Многимъ поступки сіи казались плѣнительными; имена отца и молодца были неразлучными ему спутниками. Я смотрѣлъ, удивлялся, но, въ молчаніи, ожидалъ дурнаго.

Хотя при вступленіи въ полицію, я, съ извѣстными удостовѣреніями, и указалъ на змѣю, въ царской пазухѣ гнѣздившуюся... но ударъ службѣ былъ уже нанесенъ, и правительство, за первый шагъ къ разврату, рѣшительно обязано ему.

Киселевъ.—Общій гласъ винитъ его въ бездѣйствіи и совершенной безпечности, бывшихъ поводомъ къ свободнымъ съѣздамъ и совѣщаніямъ преступниковъ, чрезъ толь долгое время, въ городкѣ весьма необширномъ. По мнѣнію многихъ, и лѣниваго любопытства было бы достаточно, чтобы узнать причину сборовъ людей, къ арміи непринадлежащихъ, но часто главную квартиру посѣщающихъ. Мое же мнѣніе о немъ, равное какъ и о вышеписанномъ: тайное ободреніе, чрезъ пожатіе руки, и явная хула всему свыше непримѣтнымъ образомъ увлекло къ преступленію всѣхъ его адъютантовъ, не за тѣломъ, но за душою его стремившихся. Къ сему имѣю дополнить и слѣдующій случай, въ памяти моей сохранившійся: въ 1822 году предложена ему была инструкція къ лицу и дѣйствію военнаго генералъ-полицмейстера составленная; отвергнувъ оную, онъ далъ чувствовать, что и одной собственной его расторопности достаточно къ удержанію арміи въ желаемой чистотѣ; но . . . поелику таковой въ настоящее время не оказалось, то и позволяю себѣ мысли, что я столько же въ чаяніи своемъ на расторопность его ошибся, сколько онъ былъ удостовѣренъ, что и самый плохой блюститель порядка могъ быть опасенъ адскому плану, имъ ободряемому.

За симъ слѣдуютъ обвиняемые мнѣніемъ людей благомыслящихъ:

Князь А. Н. Голицынъ.—Общимъ мнѣніемъ признается нерадѣвшимъ о народномъ воспитаніи, соотвѣтственно цѣли правительства и пользѣ государства, говоря, что во всѣхъ высшихъ училищныхъ заведеніяхъ, а главнѣйшее—въ университетахъ Россіи учительскія мѣста, бо̀льшею частію, поручены иностраннымъ профессорамъ. Способъ преподаванія наукъ оставленъ произволу учителей. Нѣтъ, или, по крайней мѣрѣ, не соблюдалось общее, постоянное правило: начертить предварительно курсъ наукъ, опредѣляемыхъ правительствомъ; и какъ способъ ученія, особенно умственнымъ предметамъ, въ Россіи есть тотъ еще, что и въ аристократическихъ республикахъ, то и воспитан-

ники сего рода все отечественное находятъ неумѣстнымъ и противнымъ мнимому порядку, и оттого-то, русскіе урожденіемъ, дѣлаются иностранцами и либералами послѣ воспитанія. Вотъ начало хладнокровія, а нерѣдко и отвращенія ко всему отечественному и горячности къ чужестранному. Опыты, къ несчастію, во многости сіе на дѣлѣ показали. Сужденіе сіе публики заслуживаетъ уваженія, а для министра должно быть единственною цѣлію званія его.

Духовныя дѣла равномѣрно, или и еще болѣе, оставались оскорбленными. Допущены публичныя по домамъ, ночныя собранія, подъ наименованіемъ религіозныхъ и нравственныхъ поученій, по которымъ впослѣдствіи, и къ счастію только что въ непродолжительности, обнаруживались злые умыслы наставниковъ. Правительство уничтожало оныя, предавало огню памятники трудовъ сихъ новыхъ миссіонеровъ; и потому разсуждаютъ, что министръ, давъ привиллегіи такимъ людямъ, или не хотѣлъ вникнуть въ настоящую цѣль сихъ апостоловъ—(не трудно было открыть замыслы ихъ, ибо послѣ церквей, здѣсь существующихъ, какія особенныя могли быть необходимости къ новому ученію?), или же имѣлъ самъ министръ какія либо тайныя причины. Минуя прочее: слышны уже были толки крѣпостныхъ людей о равенствѣ ихъ съ господами, родившіеся отъ всеобщаго чтенія, по собственному каждаго смыслу, разсылаемыхъ повсюду библій. Но, спрашиваютъ изъ благомыслящихъ одни: какія приняты противу того мѣры?... а другіе съ прискорбіемъ отзываются, что все сіе родитъ въ Россіи, какъ нѣкогда во Франціи, изъ библейскаго основанія, ужасныхъ якубинцевъ.

О цензурѣ книгъ много слышать можно сужденій, весьма основательныхъ. Послѣднее святѣйшаго синода воспрещеніе русскихъ книгъ, недавно изданныхъ и въ большомъ количествѣ отъ здѣшнихъ книгопродавцевъ отобранныхъ, подтверждаетъ сіе; а потеря торгующихъ оными, вовлекшая въ раззореніе ихъ, рождаетъ справедливый ропотъ.

Все сіе прямо относятъ къ лицу кн. Голицына, и изъ вышеписаннаго заключаютъ, что дѣйствіе таковое министра не могло со столькими ошибками происходить отъ простодушія.

Балашевъ.—Подозрѣвается хотя въ медлительномъ, но безъ ошибки вѣрномъ подкопѣ къ государственному благу, чрезъ учрежденіе новыхъ образованій, отягощающихъ и озлобляющихъ народъ, раздробляющихъ единую власть и, подъ личиною совѣтовъ, образующихъ конституціонное правило; а не менѣе усматривается зло сіе черезъ частые и восторгомъ наполненныя похвалы къ достойнымъ, по его мнѣнію, уваженія, англійскимъ законамъ.

Ко всему въ дополненіе мнѣ остается присовокупить, что страхъ къ симъ лицамъ питается не въ одной моей душѣ, но всѣхъ тѣхъ, кои дорожатъ счастіемъ царя и непоколебимости трона его.

О Ермоловѣ, по не короткому о немъ свѣдѣнію, я ничего сказать не могу, и оканчиваю замѣчаніемъ, что адъютанты генерала издревле представляютъ собою разительную вывѣску подлинныхъ чувствъ ближайшаго своего начальника, а по сему только писалъ я изъ Москвы, прошлаго года, о Павловѣ.

Сообщ. **И. О.**

М. Д. Деларю.

Въ сентябрской книгѣ „Русской Старины" изд. 1880 г., томъ XXIX, стр. 217, помѣщена замѣтка, въ которой приведено стихотвореніе М. Д. Деларю. Въ октябрской книгѣ того же журнала (на стр. 423) оговорено, что это стихотвореніе первоначально помѣщено было въ „Библіотекѣ для Чтенія" 1834 г. Стихотвореніе Деларю, подъ заглавіемъ „Красавицѣ", напечатано въ „Библіотекѣ для чтенія" (1834 г., т. VII, отд. I, стр. 130) и притомъ въ слѣдующемъ видѣ: [Приводимъ его вновь потому, что Ѳ. М. Деларю сообщилъ эти стихи на страницы „Русской Старины" не вполнѣ точно]

Когда-бъ я былъ царемъ всему земному міру,
Волшебница, тогда-бъ повергъ я предъ тобой
Все, все, что власть даетъ народному кумиру,
Державу, скипетръ, тронъ, корону и порфиру
За взоръ, за взглядъ единый твой!..
И если-бъ Богомъ былъ—селеньями святыми
Клянусь—я отдалъ бы прохладу райскихъ струй
И сонмы ангеловъ съ ихъ пѣснями живыми,
Гармонію міровъ и власть мою надъ ними
За твой единый поцѣлуй!..

Существуетъ преданіе, что И. А. Крыловъ, послѣ чтенія приведенныхъ строкъ, безъ стѣсненія, замѣтилъ автору:

Мой другъ!.. Когда бы ты былъ Богъ,
Такой бы глупости сказать не могъ...

Сообщ. Д. **Языковъ**.

Ѳ. В. Чижовъ.

Въ „Русской Старинѣ", изд. 1875 г. томъ XIV, (книга октябрь), стр. 367—379, напечатана статья: „Эпизодъ изъ литературной исторіи славянофиловъ 1852—1853 гг.". Вотъ что припоминаю я изъ слышаннаго мною отъ Л. В. Дубельта о славянофилахъ.

Въ началѣ 1840-хъ годовъ нѣкоторые изъ славянофиловъ, путешествуя по славянскимъ землямъ, угнетеннымъ австрійскимъ и турецкимъ правительствами, доставляли для православныхъ церквей въ тѣхъ земляхъ церковную утварь, богослужебныя книги, священническія облаченія и прочія принадлежности. Отъ австрійскаго правительства поступила жалоба государю Николаю Павловичу, что русскіе путешественники возбуждаютъ въ народѣ неудовольствіе къ правительству, составляютъ заговоры и склоняютъ къ возмущенію(!). Государь приказалъ произвесть изслѣдованіе, по окончаніи котораго нѣкоторые изъ тѣхъ путешественниковъ были вызваны въ Россію. Въ отзывахъ и резолюціяхъ, которые были при этомъ даны на основаніи разслѣдованія о помянутыхъ лицахъ, характеристична слѣдующая отмѣтка о профессорѣ Ѳедорѣ Васильевичѣ Чижовѣ: „Чижовъ оказался только славянофиломъ; а какъ господа эти ведутъ начало свое отъ Тредьяковскаго и Шишкова, а потому вовсе не опасны, то Чижова освободить отъ всякаго преслѣдованія".

Сообщ. 18-го декабря 1875 г. **П. И. Мартосъ**.

КЪ ЗАПИСКАМЪ КН. Н. С. ГОЛИЦЫНА.

I.

Въ ноябрской книгѣ „Русской Старины" изд. 1880 г. появилось начало „Записокъ" князя Николая Сергѣевича Голицына. Авторъ начинаетъ ихъ съ 1825 года воспоминаніями о своемъ выпускѣ изъ благороднаго пансіона Царскосельскаго лицея и поступленіи затѣмъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ онъ удѣляетъ мнѣ нѣсколько словъ невѣрныхъ. Я, конечно, оставилъ бы безъ вниманія обвиненія князя Голицына, если бы онѣ косвенно не касались, вообще, офицеровъ генеральнаго штаба. А потому и въ видахъ возстановленія истины, покорнѣйше прошу многоуважаемую редакцію „Русской Старины" дать мѣсто настоящей моей замѣткѣ.

Князь Голицынъ пишетъ въ своихъ запискахъ, что, предварительно поступленія своего въ гвардейскій генеральный штабъ, онъ и Фроловъ, (товарищъ его по выпуску изъ благороднаго пансіона Царскосельскаго лицея) должны были держать экзаменъ въ главномъ штабѣ, преимущественно изъ чистой математики, артиллеріи, фортификаціи, тактики, также изъ исторіи и географіи и проч., по программѣ училища колонновожатыхъ. „Экзаменовали насъ, говоритъ онъ, штабъ и оберъ-офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба и квартирмейстерской части (полковникъ Галяминъ, штабсъ-капитанъ Дюгамель, поручикъ Гастферъ, прапорщикъ Палицынъ и друг.) всѣ, за исключеніемъ Палицына, строго, но справедливо и безъ придирокъ; Палицынъ же, напротивъ,—съ большими придирками и невозможными вопросами, потому что принадлежалъ къ числу неблаговолившихъ поступленію въ квартирмейстерскую часть—постороннихъ, не изъ училища колонновожатыхъ, а изъ пажескаго корпуса, лицея, его пансіона. Такъ, напримѣръ, экзаменуя меня изъ исторіи, онъ, съ явнымъ намѣреніемъ срѣзать меня, задалъ мнѣ такого рода задачу: перечислить по порядку всѣхъ королей Англіи съ годами ихъ воцаренія и смерти! Никакая самая лучшая память не могла бы разрѣшить такой задачи безъ ошибки и я отказался отвѣчать, требуя переэкзаменовки (которая и была дана мнѣ послѣ). За то же Палицынъ былъ наказанъ. Четыре мѣсяца спустя, его арестовали за участіе въ заговорѣ 14 декабря и онъ былъ исключенъ изъ гвардейскаго генеральнаго штаба, въ который не хотѣлъ допустить меня".

Такимъ образомъ, изъ словъ князя Голицына оказывается, что были лица, неблаговолившія (нужно понимать офицеры свиты его императорскаго величества) къ поступленію въ квартирмейстерскую часть молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ пажескомъ корпусѣ, Царскосельскомъ лицеѣ и его пансіонѣ, и что къ числу ихъ принадлежалъ и я.

Это обвиненіе требуетъ нѣкотораго объясненія.

Нужно знать, что генеральный штабъ, въ то время именовавшійся свитою его императорскаго величества по квартирмейстерской части, попол-

нялся исключительно изъ училища колонновожатыхъ. Это училище, основанное на широкихъ либеральныхъ началахъ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ, чрезвычайно достойною личностью, въ короткое время своего существованія, дало генеральному штабу массу отличныхъ офицеровъ, образованныхъ, развитыхъ, съ весьма либеральнымъ направленіемъ. Между тѣмъ, въ гвардейскій генеральный штабъ никто прямо не поступалъ, и онъ, въ свою очередь, пополнялся исключительно офицерами свиты его императорскаго величества, переводимыми за отличіе по службѣ или по другимъ уважительнымъ причинамъ. Исключеніе, однако же, существовало для воспитанниковъ пажескаго корпуса и Царскосельскаго лицея съ его пансіономъ. Желавшіе изъ нихъ поступить въ гвардейскій генеральный штабъ принимались въ него прямо съ обязанностью только предварительно выдержать установленный экзаменъ въ главномъ штабѣ. На такое право офицеры свиты его императорскаго величества смотрѣли какъ на привиллегію, лишенную разумнаго основанія, но относились къ нему спокойно, безъ раздраженія и никогда никому не приходило въ голову противодѣйствовать ему, особенно тѣмъ способомъ, который князь Голицынъ приписываетъ мнѣ. Къ тому же, случаи такихъ поступленій были весьма рѣдки; мнѣ извѣстно всего 5 или 6 [1]).

Приписываемый мнѣ кн. Голицынымъ вопросъ на экзаменѣ изъ исторіи поражаетъ своею странностью. Конечно, онъ морально прежде всего срѣзалъ бы меня самаго, читавшаго уже лекціи исторіи въ училищѣ колонновожатыхъ, которыя въ то время обратили на себя вниманіе начальника главнаго штаба барона Дибича. Къ чести кн. Голицына, я хочу думать, что за давностью времени, онъ только смѣшалъ свои воспоминанія объ экзаменѣ, такъ какъ я хорошо помню и положительно утверждаю: 1) что кромѣ меня никто изъ поименованныхъ имъ офицеровъ (полковникъ Галяминъ, штабсъ-капитанъ Дюгамель, поручикъ Гастферъ не экзаменовали его. Всѣ поступавшіе тогда въ свиту его императорскаго величества или гвардейскій генеральный штабъ экзаменовались офицерами, состоявшими при училищѣ колонновожатыхъ и читавшими въ немъ лекціи. Упомянутыя же лица въ то время при училищѣ не состояли [2]), и 2) что никогда я не предлагалъ кн. Голицыну перечислять всѣхъ бывшихъ въ Англіи королей, (особенно въ утверждаемыхъ имъ условій), но въ виду оказавшейся вообще неудовлетворительной подготовки его, я, желая дать ему возможность отвѣчать хотя нѣсколько удовлетворительно, попросилъ перечислить русскихъ государей изъ дома Романовыхъ; при этомъ кн. Голицынъ не отказывался отвѣчать на заданный вопросъ, но отвѣчалъ ошибочно и переэкзаменовки не требовалъ. Когда же онъ просилъ о ней и когда она была ему предоставлена, мнѣ неизвѣстно; вѣрно только то, что ни я, ни экзаменовавшіе кн. Голицына тогда офицеры (капитанъ Крюковъ, штабсъ-капитанъ Карниловичъ, подпоручики Искрицкій, графъ Коновницынъ и нѣк. друг.), впослѣдствіи не переэкзаменовывали его. Что же касается до вѣрованія кн.

---

[1]) До личнаго моего служебнаго положенія они не имѣли никакого значенія, такъ какъ я уже состоялъ въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ.

[2]) Объ этомъ можно навести справку въ дѣлахъ того времени, которыя, вѣроятно, хранятся въ архивѣ главнаго штаба. Палицынъ.

Голицына, что за то же я былъ наказанъ, такъ какъ 4 мѣсяца спустя я былъ арестованъ за участіе въ заговорѣ 14 декабря и исключенъ изъ гвардейскаго генеральнаго штаба, то оно такъ странно, что грѣшно было бы его колебать. Интересно только было знать, какъ послѣ этого кн. Голицынъ объяснитъ то обстоятельство, что другіе офицеры (Корниловичъ, графъ Коновницынъ, Искрицкій), также его экзаменовавшіе, но справедливо, были арестованы по тому же поводу, еще прежде меня, и подверглись карѣ несравненно строжайшей, чѣмъ я: такъ, одинъ изъ нихъ (Корниловичъ, издатель историческаго сборника „Русская Старина")—ссылкѣ въ каторжную работу.

Наконецъ, замѣчу еще, что князю Голицыну не трудно было знать, что я былъ переведенъ, а не исключенъ изъ гвардейскаго генеральнаго штаба, такъ какъ въ высочайшемъ приказѣ (по главному штабу) отъ 7 іюня 1826 г. значилось, между прочимъ: „гвардейскаго генеральнаго штаба прапорщикъ Палицынъ, за участіе въ злонамѣренныхъ, тайныхъ обществахъ, безъ преданія суду, переводится тѣмъ же чиномъ въ Петровскій гарнизонный баталіонъ, съ выдержаніемъ въ крѣпости одного года".

С. Палицынъ.

С.-Петербургъ.
20 ноября 1880 г.

II.

По поводу статьи г. Палицына я долженъ замѣтить слѣдующее:

Г. Палицынъ оправдываетъ себя—обвиняя меня. Такого рода аргументація—оружіе обоюдуострое, но я не обращу его противъ г. Палицына, для оправданія себя—обвиняя его. Умолчать объ истинѣ, ради приличія и вѣжливости, считаю возможнымъ и даже должнымъ; но говорить неправду, въ ущербъ истинѣ и ближнему, я никогда не былъ способенъ. Легко можетъ быть, что мои „предположенія" въ отношеніи къ г. Палицыну были неосновательны и невѣрны: но въ тогдашнемъ положеніи моемъ онѣ могли быть очень естественны и понятны. Говоря не въ похвалу себѣ, а по сущей правдѣ, я, 4 года въ пансіонѣ стоявшій, по успѣхамъ, всегда 2-мъ послѣ Фролова, выпущенный по 1-му разряду съ серебряною медалью, цѣлый мѣсяцъ послѣ того ежедневно готовившійся къ экзамену въ главномъ штабѣ, могъ ли я, тотчасъ послѣ всего этого, явиться на экзаменъ „слабо-подготовленнымъ и неудовлетворительно отвѣчать изъ всеобщей и особенно русской исторіи?" Но пусть всякій поставитъ себя на мое мѣсто: 16-ти лѣтъ отъ роду, я вдругъ очутился передъ людьми, мнѣ совершенно чуждыми и незнакомыми, и судіями, если и справедливыми, то во всякомъ случаѣ строгими, и передъ ними-то долженъ былъ поддержать и мою репутацію, и воспитавшаго меня заведенія! Понятно, кажется, что я не могъ быть спокоенъ духомъ и не относиться щекотливо къ предлагаемымъ мнѣ вопросамъ. Мое положеніе было, конечно, совсѣмъ иное, нежели г. Палицына и прочихъ экзаменаторовъ, и если не оправдываетъ моихъ предположеній касательно его, то, по крайней мѣрѣ, нѣсколько объясняетъ ихъ. Если я сказалъ, что онъ былъ наказанъ, то, конечно не въ смыслѣ кары закона, а если сказалъ, что онъ былъ исключенъ изъ гвардейскаго генеральнаго штаба, то развѣ переводъ его не былъ соединенъ съ

исключеніемъ изъ списковъ этого штаба? Приказа же 7-го іюня 1826 г. я не читалъ и не могъ читать, потому что въ это время былъ на съемкѣ въ окрестностяхъ Москвы. Касательно экзамена память мнѣ ни мало не измѣнила и я „не смѣшалъ своихъ воспоминаній“: меня несомнѣнно экзаменовали названныя мною лица; прочихъ же я не зналъ ни въ лицо, ни по фамиліямъ. Я сказалъ лишь то, что̀ было и что̀ я хорошо помнилъ, и очень сожалѣю, что г. Палицынъ принялъ это близко къ сердцу. Въ дальнѣйшія же разъясненія входить считаю лишнимъ.

Князь Н. С. Голицынъ.

КНЯЗЬ МИХАИЛЪ ДМИТРІЕВИЧЪ ГОРЧАКОВЪ.

Замѣтки въ отвѣтъ моимъ возражателямъ.

I.

Противъ статьи моей о князѣ М. Д. Горчаковѣ, напечатанной въ сентябрской книгѣ „Русской Старины“ 1880 года, явилось нѣсколько возраженій въ октябрской и ноябрской книгахъ того-же журнала. Всѣ эти возраженія состоятъ, преимущественно, изъ выраженій чувствъ, изъ громкихъ фразъ, построенныхъ на зыбкомъ фундаментѣ личныхъ отношеній авторовъ къ бывшему главнокомандующему южной арміи и на послужномъ его спискѣ. Напримѣръ: „это былъ человѣкъ характера исключительнаго, образованія глубокаго, самоотверженія рѣдкаго“—восклицаетъ одинъ [1]). „Безпредѣльное мужество въ бою, безупречная честность, безкорыстіе на службѣ и душевная преданность благу Россіи и славѣ русскаго оружія!“ говоритъ другой [2]). Временами слышится рѣшительный, безцеремонный тонъ: „это просто басни! [3])“ Или стоятъ такія странныя слова: „досталось-бы автору статьи, еслибъ были въ живыхъ П. С. Нахимовъ и А. П. Ермоловъ, обожавшіе князя!“ — „Затлеръ! у меня есть письмо Затлера, гдѣ онъ выражаетъ свою любовь къ князю Горчакову, подобно восемнадцати-лѣтней дѣвицѣ“ [4])…. (Не писалъ-ли это Затлеръ тогда, когда надъ нимъ повисъ тяжкій приговоръ военнаго суда? Главнокомандующій южной арміи нуженъ былъ ему для выручки и отъ счелъ необходимымъ въ него влюбиться? Для исторической точности нуженъ бы годъ и мѣсяцъ этого времени).

Въ моей статьѣ никакихъ чувствій и восклицаній нѣтъ, но есть документы и факты; есть кое-что и лично-видѣнное, чему я вправѣ повѣрить и потомъ описать это смѣло и безцеремонно. Оставя даже все лично-видѣнное въ сторонѣ, я могу выдвинуть цѣлую батарею уже подтвержденныхъ многими свидѣтельствами и ни для кого несомнѣнныхъ фактовъ, которые обходятъ мои возражатели,—едва-едва ихъ касаются; имъ-бы хотѣлось все это скрыть, но, увы, это никакъ не скрывается, а напротивъ, съ каждымъ утекающимъ мгновеніемъ выступаетъ наружу все ярче и ярче—и ничьи на свѣтѣ громкія вос-

---

[1]) Ноябрская книга «Русской Старины» 1880 года, стр. 785.
[2]) «Рус. Стар.», октябрь, стр. 457.
[3]) «Рус. Стар.», ноябрь, стр. 792.
[4]) Ibidem, стр. 783.

клицанія и хвалебные гимны, никакія фразы изъ послужнаго списка не сильны остановить этой страшной, неумолимой, неумытной работы исторіи и времени!

Очень далеко ходить не зачѣмъ, говорить о томъ, что̀ совершилось въ тѣ счастливые для русскихъ генераловъ дни, когда не смѣлъ ихъ трогать печатно никто, и все, что̀ бы ни совершили они неудачнаго и некрасиваго, тонуло во мракѣ архивовъ. Къ чему намъ рыться въ этихъ архивахъ! Сейчасъ найдутъ какую-нибудь ужасную ошибку, что, напримѣръ, Красовскій командовалъ 3-мъ корпусомъ не въ 1820 году, а восемью годами позже... Возьмемъ то, что́ произошло недавно, противъ чего труднѣе спорить полудоказательствами, фразами и восклицаніями, хоть-бы даже въ диктаторскомъ тонѣ.

Князь Горчаковъ, сдѣлавшись командующимъ Дунайскою арміею въ 1853 году, такъ повелъ дѣла, что государь Николай Павловичъ хотѣлъ удалить его и притомъ не просто, а такъ, чтобы пріѣхавшій на его мѣсто Паскевичъ, „не могъ сдѣлать его даже начальникомъ своего штаба". Что-жъ это, похвала что-ли военнымъ способностямъ князя Горчакова или его военному образованію? этотъ фактъ внесенъ въ историческій, неотразимый документъ: въ письмо фельдмаршала Паскевича, найденное въ его бумагахъ и закрѣпленное печатью [1]). Въ томъ-же письмѣ сказано, что фельдмаршалъ спасъ Горчакова отъ некрасиваго паденія. Конечно, для Россіи было-бы лучше, еслибъ это паденіе совершилось: оставленный на службѣ и протежируемый фельдмаршаломъ Горчаковъ продолжалъ очень естественно дѣлать то же въ Севастополѣ, что́ дѣлалъ на Дунаѣ, т. е. командовать арміей изъ-рукъ вонъ плохо. Въ особенности онъ показалъ отсутствіе способностей вождя большихъ военныхъ силъ въ битвѣ на Черной рѣчкѣ, 4-го августа 1855, въ битвѣ, которую Паскевичъ, въ сказанномъ письмѣ, называетъ „вѣчнымъ позоромъ нашей военной исторіи". Мнѣ случилось видѣть эту несчастную битву собственными глазами, и я и многіе меня окружавшіе офицеры главнаго штаба, не будучи большими стратегиками, понимали, что дѣло дѣлается не такъ, какъ надо. Это понималъ тогда каждый солдатъ. При возвращеніи войскъ на Мекензіеву гору, я обогна̀лъ верхомъ нѣсколько пѣхотныхъ полковъ, которые шли, сердито разряжая ружья надъ обрывомъ горъ. „Безалаберщина!" было самое мягкое изъ словъ, долетѣвшихъ до моихъ ушей. Да! это былъ не бой, а истинная безалаберщина и въ этой безалаберщинѣ болѣе всего виноватъ былъ главнокомандующій, нарушившій, вслѣдствіе своего старческаго нетерпѣнія, вслѣдствіе того, что растерялся, имъ-же утвержденную диспозицію. А г. Красовскій пишетъ, неизвѣстно на основаніи какихъ данныхъ: „одинъ выстрѣлъ перерождалъ князя и онъ дѣлался опредѣлителенъ въ приказаніяхъ, чрезвычайно точенъ во всѣхъ дѣйствіяхъ и ясенъ въ словахъ!!" [2]).

Не станемъ пускаться въ подробности этого боя: онѣ очень извѣстны, въ особенности г. Красовскому, которому выпала печальная доля отвезть слова растерявшагося главнокомандующаго начальнику отряда передъ Ѳедюхиными горами, по сю сторону моста, генералу Реаду. Какъ потомъ ни поправляли всего, случившагося вслѣдствіе этого приказанія, и самъ князь Горчаковъ, и начальникъ его штаба, и многіе другіе,—поправить не могли: истина выбралась наружу и фельдмаршалъ, отдѣленный отъ невыгодныхъ для насъ со-

---

[1]) «Русская Старина», томъ VI, 1872, стр. 427—435; 604—605.

[2]) Ноябрская книга «Русской Старины» 1880, стр. 787.

бытій значительнымъ пространствомъ, увидѣлъ все какъ на ладони и произнесъ свой роковой историческій приговоръ!....

Послѣ битвы сейчасъ-же стали писать реляцію, для чего были собраны всѣ живые и нераненые начальники частей въ одну большую землянку, на Мекензіевой горѣ, гдѣ жилъ передъ тѣмъ начальникъ дивизіи, тамъ стоявшей. Они усѣлись, въ походной мундирной формѣ, вокругъ длиннаго стола и стали передавать все видѣнное ими въ бою одному артиллерійскому полковнику, очень вѣрно и съ полнымъ простодушіемъ, какъ разсказываетъ что́-либо братъ брату. Полковникъ на иное не возражалъ, на иное возражалъ немного, а иное признавалъ (впрочемъ въ самыхъ деликатныхъ формахъ) хотя и вѣрнымъ, но..... неудобнымъ для помѣщенія въ реляцію. Начальники частей не спорили. Дѣло улаживалось съ общаго согласія, постепенно, такъ, какъ слѣдовало быть. Отдѣланную часть полковникъ заносилъ на листъ бумаги, лежавшій передъ нимъ; затѣмъ—шли далѣе, опять немного спорили, опять улаживали, какъ слѣдуетъ..... Въ извѣстный срокъ времени, приблизительно часа въ три, въ четыре, реляція была написана, переписана, подписана и передана фельдъегерю, который сидѣлъ за землянкой, въ почтовой телѣжкѣ—и телѣжка загремѣла по направленію къ Бахчисараю.

Эта сцена, рисующая достаточно ярко способъ, который употреблялся въ штабѣ Горчакова при писаніи реляцій, была-бы забыта, не вошла-бы ни въ какое сочиненіе, ни въ какіе мемуары, какъ и все прочее, тогда случившееся на Черной, на Мекензіевой, на Инкерманскихъ высотахъ и въ Севастополѣ, еслибъ древняя богиня Кліо, а можетъ кто-нибудь и изъ новыхъ миѳологическихъ боговъ или тайныхъ геніевъ, покровительствующихъ исторіи (говорятъ, есть такіе геніи) не съигралъ надъ извращателями исторической истины, засѣдавшими въ землянкѣ на Мекензіевой горѣ, около длиннаго стола, рано утромъ, 5-го августа 1855 года, неожиданной для нихъ шутки: геніи устроили, что именно я, у кого въ карманѣ постоянно лежала англійская памятная книжка для всякихъ историческихъ замѣтокъ, а въ другомъ карманѣ были англійскіе часы, шедшіе минута въ минуту съ часами главнокомадующаго—именно я, а никто другой, отправленъ былъ, чѣмъ свѣтъ того-же дня, на Сѣверную сторону Севастополя, разыскать, во что́ бы то ни стало, около тысячи быковъ для раненыхъ, которыхъ число, по неожиданному никѣмъ повороту боя, дошло тоже до неожиданныхъ никѣмъ размѣровъ [1]). Я взялъ съ собой расторопнаго казака, разыскалъ на Сѣверной быковъ въ одной деревушкѣ и пока пилъ чай въ палаткѣ извѣстнаго всѣмъ севастопольцамъ, Александра Ивановича Серебряникова, на базарѣ,—быки шли себѣ да шли на Мекензіеву, а мы разговаривали съ Александромъ Ивановичемъ о томъ, о семъ. Онъ разсказалъ мнѣ, между прочимъ, что въ ночь упала около его палатки, въ мягкое мѣсто, Конгревова ракета и нисколько не пострадала отъ паденія. Я попросилъ ее мнѣ показать: ракета была въ самомъ дѣлѣ рѣдкостная: всѣ онѣ, падая, обыкновенно превращались въ измятый комокъ желѣза, на подобіе голенища длиннаго охотничьяго сапога, а эта смотрѣла какъ стрѣлка, точно и не совершила воздушнаго путешествія въ 6—7 верстъ. Горючій составъ ея весь сохранился и видѣнъ былъ въ круглыя отверстія, находившіяся въ головѣ ракеты. Я сейчасъ-же купилъ эту ракету у Серебря-

---

[1]) Всѣхъ выбывшихъ изъ строя въ битвѣ на Черной рѣчкѣ считаютъ до 9000 человѣкъ. Н. В.

никова, велѣлъ казаку подвязать ее при сѣдлѣ—и мы снова помчались на Мекензіеву. Когда мы въѣзжали въ лагерь, я съ удовольствіемъ увидѣлъ вступавшее туда-же, въ облакѣ пыли, огромное стадо быковъ и пошелъ доложить объ этомъ дежурному генералу, но сколько ни искалъ его по лагерю, никакъ не могъ найти и рѣшился отправиться въ свою палатку и тамъ хотя немного отдохнуть, такъ-какъ былъ чрезвычайно утомленъ поѣздкой на Сѣверную и всю ночь не спалъ. Однако, по дорогѣ къ палаткѣ, я все разспрашивалъ у каждаго встрѣчнаго, не видали-ли гдѣ дежурнаго генерала? Кто-то указалъ мнѣ на землянку дивизіоннаго начальника: „посмотрите, нѣтъ-ли тамъ: я видѣлъ нѣсколько минутъ назадъ, какъ онъ туда прошелъ!“ Я приблизился къ дверямъ землянки, которыя были похожи скорѣе на отверстіе грота, чѣмъ на двери, ничѣмъ не прикрыты и не занавѣшены: передо мною явилась та сцена, которую я уже описалъ. Сочинявшіе реляцію были такъ ею заняты, что никто изъ нихъ не обратилъ вниманія на вошедшаго; къ тому-же, вошедшій былъ одѣтъ какъ всѣ: въ солдатской шинели, тогда довольно-модной, въ большихъ сапогахъ, въ офицерской фуражкѣ: значитъ, тутошній, свой братъ. Въ рукахъ у меня была ракета, которую я намѣревался подарить дежурному генералу, какъ нѣчто въ штабѣ невиданное. Такъ-какъ она была длиною въ ружье, то я, облокотясь на нее, какъ на ружье, сталъ въ дверяхъ землянки и выслушалъ сочиненіе всей реляціи, не будучи никѣмъ потревоженъ, какъ-будто стоялъ въ какомъ облакѣ, невидимый для человѣческихъ глазъ. Если бы Гомеръ описывалъ эту сцену, онъ-бы такъ и сказалъ, что я „стоялъ въ облакѣ“. Въ Иліадѣ есть такіе эпизоды...

Подробности о томъ, что́ я слышалъ въ землянкѣ, равно и имя главнаго редактора (нынѣ полнаго генерала)—когда нибудь послѣ; тѣмъ болѣе, что я рѣшился, въ настоящей Замѣткѣ считать ничѣмъ все, мною видѣнное лично. Я только заношу это здѣсь для памяти. Могутъ, кому угодно, назвать это „басней“. Я записываю впрочемъ и басни, которыя историчнѣе самой исторіи.

Перенесемся теперь въ Польшу. 27-го февраля 1861 года князь Горчаковъ, уже какъ намѣстникъ Царства Польскаго, растерялся еще пуще, нежели на Черной рѣчкѣ. Кто не знаетъ, сколько неслыханныхъ позорящихъ русскую власть, распоряженій сдѣлано было имъ въ этотъ роковой для нашей и польской исторіи день! Ненужная смѣна расторопнаго оберъ-полицеймейстера; сочиненіе какой то Городской Делегаціи, въ родѣ Народнаго Сената, потомъ—городскихъ констаблей изъ школьниковъ; разрѣшеніе собирать кому и гдѣ угодно пожертвованія „на дѣло отчизны“, а газетамъ объ этомъ печатать; удаленіе на нѣкоторое время войскъ и полиціи изъ улицъ Варшавы, и въ заключеніе всего—торжественное изъ торжественныхъ погребеніе пяти погибшихъ сумасбродовъ въ уличной, безобразной свалкѣ народа съ войсками; далѣе—публичное собираніе денегъ на памятникъ этимъ сумасбродамъ и опять печатаніе объ этомъ во всѣхъ газетахъ: неужели все это не ясный и недостаточный признакъ всякаго отсутствія настоящаго управленія городомъ и страною, не признакъ, просто за просто, бѣлой горячки? Подобнаго факта паденія высшей власти въ краю еще не было въ исторіи. Дѣйствительное мужество окружающихъ должно было выйти изъ повиновенія кн. Горчакова и написать къ высшей власти коллективное письмо въ томъ духѣ, въ какомъ написалъ нѣсколько позже одинъ генералъ Коцебу. Такого мужества тогда не оказалось въ Варшавѣ—и мы за это дорого поплатились..

Всѣ тогда растерялись. Извѣстный бомотистъ и шутникъ, полковникъ Черницкій, произнесъ въ то время, въ отвѣтъ на чье-то замѣчаніе, что „у поляковъ единодушіе, а у насъ его нѣтъ"—„какого вамъ еще единодушія: мы всѣ потеряли голову и дѣлаемъ глупости!" Хоть бы это былъ анекдотъ, но его записать не мѣшаетъ. Знаете ли, что сдѣлалъ въ улицахъ Кракова генералъ Бамбергъ, въ августѣ 1864 г., когда тамъ собрались точно также угорѣлые, ультра-красные поляки и требовали отъ правительства невозможнаго? Онъ сказалъ, чтобы они сейчасъ же разошлись, не то онъ будетъ стрѣлять—и стрѣлялъ. Пало не пять жертвъ, а гораздо болѣе—и ничего! Никакихъ смѣнъ полицеймейстеровъ, никакихъ делегацій, никакихъ торжественныхъ похоронъ! Фактъ совершился такъ, какъ будто-бы его и не было, и никто въ Европѣ не подымалъ изъ этого шуму; даже немногіе знаютъ, что былъ такой фактъ. Вотъ это власть, это дѣйствительное управленіе страною и умѣнье держать себя передъ Европой, умѣнье остановить во время праздные крики всякихъ шалуновъ! Бамбергъ не испугался донести Вѣнѣ, сколько именно пало въ улицахъ Кракова. У насъ въ Варшавѣ тоже стрѣляли, 8-го апрѣля 1861 года, нѣсколько батальоновъ въ сплошныя массы народу, по пяти улицамъ: Краковскому Предмѣстью, Подвальной, Пивной, Сенаторской и Маріенштату. Въ дѣлахъ начальника 1-го, или Замковаго отдѣленія города Варшавы записано точное число выпущенныхъ тогда зарядовъ: ихъ были сотни и легли, разумѣется, тоже сотни. Горчаковъ донесъ однако, что „убито всего десять человѣкъ и столько-же ранено". То же объявлено и въ оффиціальной газетѣ Царства Польскаго [1]). Неужели это хорошо? Представлять дѣло въ такомъ извращенномъ видѣ, и кому же, высшей власти, которая все должна знать такъ, какъ оно совершается; кто имѣетъ на это наибольшія, исключительнѣйшія права, ибо съ этимъ знаніемъ сопряжены непосредственно всѣ высочайшія распоряженія, отъ которыхъ зависитъ счастіе или несчастіе цѣлой имперіи!

Г. Красовскій говоритъ, что дѣйствія князя Горчакова, кажущіяся теперь ошибочными и неловкими, будутъ оправданы, когда „откроется все, не утаится ни одна бумага, ни одно письмо". [2]) Нѣтъ, никакая на свѣтѣ бумага и никакое письмо не оправдаетъ очень, очень многихъ дѣйствій Горчакова: къ такимъ принадлежитъ, между прочимъ, и его поведеніе на Черной Рѣчкѣ, и распоряженія въ Варшавѣ 25-го и 27-го февраля, весь мартъ и апрѣль 1861 года!

Между тѣмъ, этотъ странный, въ сущности неглупый и недурной человѣкъ, котораго можно было очень нѣжно любить всѣмъ, близко къ нему стоявшимъ, воображалъ, что „его не кѣмъ замѣнить въ цѣлой Россіи, какъ главнокомандующаго и какъ намѣстника!" Что теперь уже засвидѣтельствовано и въ печати человѣкомъ, какъ нельзя болѣе его знавшимъ, прослужившимъ съ нимъ многіе годы. [3])

Что дѣлать, истина заставляетъ признаться, что Горчаковъ былъ не только близорукъ физически, но и нравственно; въ особенности плохо видѣлъ и понималъ что вокругъ него совершается, невѣрно взвѣшивалъ и цѣнилъ факты, въ которыхъ принималъ наибольшее участіе и не умѣлъ вывести изъ нихъ на-

---

[1]) 1861, № 81, стр. 1.

[2]) Ноябрская книга «Русской Старины» 1880 г., стр. 785.

[3]) Тамъ же, стр. 793: «Je suis venu à la conclusion qu' il n'y a personne en Russie qui aurait pû me remplacer. **Н. В.**

стоящаго заключенія. Онъ былъ сильно къ себѣ пристрастенъ и формально свелъ было съ ума полковника Богуславскаго, взявшагося писать исторію восточной войны 1853—1855, которую они прочитывали вмѣстѣ, въ замкѣ. Все было не такъ, все чего-то не доставало. Чтò сегодня казалось достаточно-хорошо исправленнымъ, завтра переправлялось вновь, а послѣ завтра опять переправлялось.... Про это бѣдственное писаніе исторіи полковникомъ Богуславскимъ знаетъ вся тогдашняя военная Варшава,—Варшава конца пятидесятыхъ годовъ. Доктора совѣтовали Богуславскому бросить эту работу Данаидъ и ѣхать на Кавказъ, если не хочетъ окончательно сойти съума (такъ какъ онъ началъ уже мѣшаться). Богуславскій послушался и уѣхалъ. Такъ исторія, въ томъ видѣ, какъ хотѣлось Горчакову, и не написалась! А любопытно-бы прочесть!... Можетъ статься, князь нашелъ-бы другаго полковника или генерала, или принялся-бы писать самъ, но поляки стали писать другую исторію въ улицахъ Варшавы....

Поклонники князя Горчакова, какъ, напримѣръ Красовскій, выставляютъ обыкновенно на видъ неслыханное безкорыстіе князя, особенно рѣдкое въ наши дни, и этимъ все хотятъ прикрыть. Невольно вспоминаешь басню Крылова: „они немножечко дерутъ, зато уже въ ротъ хмѣльнова не берутъ!"— По мнѣ такъ лучше пей, да дѣло разумѣй!—Тѣ милліоны, отъ которыхъ, якобы, отказался князь и въ которыхъ не было ничего зазорнаго, такъ какъ ихъ предлагало правительство,[1])—не разорили-бы русской казны, но донесеніе, гдѣ вмѣсто сотенъ убитыхъ показывается десятокъ и тому подобное, неприличная высокому лицу, стоящему передъ другимъ высокимъ лицомъ, неправда, и тѣ рѣзкія неловкости и ошибки, о которыхъ мы упомянули выше, привели насъ къ выдачѣ болѣе крупныхъ суммъ, стоили Россіи очень, очень дорого, и будутъ еще долго отзываться въ ея боку!

На все на это я глядѣлъ, слава Богу, во всѣ глаза и никто меня не увѣритъ, что это было иначе. Можетъ статься, какъ черезъ-чуръ близко стоящій къ фактамъ, которые пришлось мнѣ потомъ описывать, и вслѣдствіе этой близости поневолѣ чувствующій жгучую боль въ сердцѣ, которая смотрящимъ издали не столь ощутительна,—можетъ статься я слишкомъ густо клалъ краски, вышла картина не мягкая, кое-гдѣ выступаютъ рѣзкія пятна, которыя надо-бы затушевать. Но мнѣ простится это, я думаю, скорѣе, чѣмъ моимъ антагонистамъ съ большими натяжками производимое ими затушевываніе рѣшительно всего, что имъ не нравится въ князѣ Горчаковѣ, какъ въ человѣкѣ близкомъ, чего хотѣлось-бы имъ, чтобы въ немъ отнюдь не было. Мнѣ нѣтъ никакой причины говорить о князѣ Горчаковѣ съ бóльшимъ раздраженіемъ, нежели обо всѣхъ другихъ, о комъ мнѣ случалось говорить печатно. Я люблю князя Горчакова, какъ частнаго человѣка. Можетъ быть, очень пріятно съ такимъ добродушнымъ и образованнымъ старикомъ проѣхать въ коляскѣ отъ Бахчисарая до Варшавы. Но я не люблю его, какъ лицо историческое, какъ главнокомандующаго, какъ намѣстника, вредившаго своими дѣйствіями русскимъ интересамъ. Какой-же истинный патріотъ броситъ за это въ меня камнемъ? Въ концѣ концовъ: Горчаковъ стоялъ отъ меня очень далеко и лично никогда меня не зналъ. Мое имя въ Кишеневѣ и въ Севастополѣ едва ли передъ

---

[1]) Фактъ предложенія кн. Горчакову одного милліона и отказъ князя Михаила Дмитріевича въ 1856 году отъ этого щедраго дара вполнѣ справедливъ; мы слышали подтвержденіе сему отъ одного вполнѣ достовѣрнаго лица. Ред.

нимъ когда-либо произносилось. Это произошло вслѣдствіе обстоятельства, которое я могу разсказать, какъ дающее понятіе о томъ, какъ разумѣли въ арміи князя ближайшіе къ нему люди, кто видѣлъ его всякій день, кто могъ знать его недурно, словомъ—штабъ князя.

Когда я прибылъ на службу въ южную армію, лѣтомъ 1854, я имѣлъ нѣсколько рекомендательныхъ писемъ къ главнокомандующему отъ его родныхъ и знакомыхъ, и одно къ начальнику штаба, отъ его стараго сослуживца. Мнѣ все было въ арміи ново, „всѣ впечатлѣнья новаго бытія"; я чувствовалъ себя точно въ лѣсу, гдѣ не видно никакихъ дорогъ, неизвѣстно, гдѣ югъ и гдѣ сѣверъ. Я поминутно спрашивалъ у новыхъ моихъ товарищей, штабныхъ офицеровъ, обо всякихъ пустякахъ, чтобы не сдѣлать какой-либо неловкости, въ чемъ нибудь не промахнуться Счелъ не лишнимъ спросить также, что мнѣ дѣлать съ письмами, привезенными къ высшимъ лицамъ арміи. Всѣ спрошеннные объ этомъ, точно сговорившись, отвѣчали: „отдайте письмо генералу Коцебу, а всѣ остальныя бросьте: такъ будетъ здоровѣе!" Я такъ и сдѣлалъ: отдалъ письмо Коцебу, а письма къ Горчакову хотѣлъ возвратить лицамъ, которыя мнѣ ихъ дали въ Москвѣ и въ Петербургѣ, но онѣ сгорѣли въ Севастополѣ со всѣмъ моимъ добромъ отъ пожара, произведеннаго бомбою.

II.

Графъ П. Е. Коцебу, въ ноябрской книгѣ „Русской Старины" 1880 года, заявилъ слѣдующее: „узнавъ, что г. Бергъ намѣренъ писать статью о князѣ М. Д. Горчаковѣ, я приглашалъ его къ себѣ и просилъ предварительно показать мнѣ то, что онъ напишетъ, такъ-какъ въ прежнихъ его статьяхъ, въ которыхъ упоминалось о намѣстникахъ въ Царствѣ Польскомъ, я замѣтилъ много неточностей. Г. Бергъ обѣщалъ исполнить мою просьбу, но не сдержалъ своего слова" [1]).

Дѣло было такъ: приготовляя къ печати второе изданіе моихъ „Записокъ о польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ послѣ 1831 года", съ большими измѣненіями и дополненіями, и желая всячески исправить вошедшіе туда, при первомъ изданіи этой книги въ Москвѣ, въ 1873 году, ошибки и недосмотры, я обращался за указаніями и совѣтами къ разнымъ лицамъ, стоявшимъ въ то время къ событіямъ близко и могшимъ кое-что знать. Между прочимъ, мнѣ хотѣлось убѣдиться въ одномъ серьезномъ фактѣ, совершившемся въ началѣ весны 1861 года, въ Варшавѣ, когда князь М. Д. Горчаковъ почувствовалъ себя нездоровымъ и былъ вообще до такой степени физически и морально разстроенъ, что управлять взволнованною изъ конца въ конецъ страною, гдѣ просто-за-просто сформировался противъ насъ заговоръ, имѣвшій кончиться возстаніемъ,—положительно не могъ. Серьезный фактъ, о которомъ я говорю, заключался въ томъ, что одно близкое къ князю лицо, старый, многолѣтній другъ его и помощникъ, въ самыя трудныя минуты его жизни и службы, написалъ откровенное письмо къ военному министру о критическомъ положеніи дѣлъ въ Царствѣ Польскомъ и просилъ его доложить государю, что нужно прислать другаго правителя, моложе, бодрѣе, энергичнѣе, а настоящій физически боленъ и до-крайности разстроенъ морально; что у него было уже нѣсколько нервическихъ ударовъ. Причемъ прикладывалось и свидѣтельство доктора.

---

[1]) Стр. 789.

Лицомъ этимъ, написавшимъ такое смѣлое письмо, былъ недавній Варшавскій генералъ-губернаторъ, графъ П. Е. Коцебу. Мнѣ хотѣлось узнать именно отъ него, какъ все это происходило и какими было обставлено подробностями. Я просилъ у графа Павла Евстафьевича, черезъ правителя его дѣлъ, аудіенціи, объяснивъ ея поводъ и даже пославъ графу вырванный изъ книги моей, изданія 1873 года, печатный листокъ, гдѣ упомянутый фактъ описанъ согласно съ тѣми данными, какія я могъ собрать о немъ въ Варшавѣ отъ разныхъ высокихъ лицъ [1])—послалъ съ тѣмъ, чтобы его сіятельство могъ приготовить для отвѣта мнѣ все, что ему будетъ угодно, а если не найдетъ возможности видѣться со мною лично, могъ бы написать на поляхъ листка, что̀ тамъ невѣрно.

Графъ пригласилъ меня къ себѣ въ замокъ 7-го марта настоящаго, 1880 г., въ одиннадцать часовъ утра. Я пришелъ и сейчасъ-же былъ принятъ имъ, въ его кабинетѣ. Вмѣсто того, чтобы говорить о предметѣ, разъясненіе котораго главнымъ дѣйствующимъ лицомъ было для меня очень важно и ради чего я и просилъ аудіенціи, графъ сталъ разсказывать, безъ всякаго вопроса съ моей стороны, о свойствахъ и характерѣ князя М. Д. Горчакова, какъ человѣка вообще нерѣшительнаго отъ природы, но ставшаго еще болѣе нерѣшительнымъ послѣ долгой службы при фельдмаршалѣ Паскевичѣ, въ званіи его начальника штаба. Цѣль этого неожиданнаго мною, тѣмъ не менѣе интереснаго для меня сообщенія, было, само собою разумѣется, то, чтобы представить мнѣ Горчакова въ лучшемъ свѣтѣ, нежели онъ представлялся разнымъ лицамъ по различнымъ описаніямъ и описанъ у меня; но этого какъ-то не вышло; вышло противное.

Графъ Павелъ Евстафьевичъ сказалъ, между прочимъ: „очень часто случалось, что князя убѣдишь какъ-нибудь вечеромъ сдѣлать то или другое необходимое распоряженіе, все къ этому приготовишь—вдругъ онъ присылаетъ утромъ приказаніе все передѣлать съизнова. Улаженное утромъ ломаетъ вечеромъ. Однажды, въ 1861 году, въ мартѣ мѣсяцѣ, вечеромъ, дня къ сожалѣнію не помню, послѣ разныхъ уличныхъ безпорядковъ, мы съ дежурнымъ генераломъ Заболоцкимъ, человѣкомъ энергическимъ и характернымъ, уговорили князя огласить на другой день военное положеніе. Князь былъ такъ настроенъ, что разрѣшилъ даже напечатать это военное положеніе въ такомъ количествѣ экземпляровъ, сколько въ Варшавѣ домохозяевъ, чтобы каждому послать экземпляръ и чтобы никто не могъ отговариваться незнаніемъ о такомъ распоряженіи властей. Это заняло довольно времени. Проще сказать: мы проработали всю ночь. Къ утру собрались въ замкѣ разные чины, кому слѣдовало получить отъ князя словесныя приказанія, гдѣ и какъ дѣйствовать, лишь-только военное положеніе будетъ оглашено. Вдругъ князь вышелъ и объявилъ, что онъ все обдумалъ, какъ слѣдуетъ, и находитъ, что военное положеніе вовсе ненужно. Всѣ молча разошлись. И такъ бывало часто“.

Такихъ разсказовъ было нѣсколько. Я спрашивалъ только о числахъ, когда что̀ было. Графъ показывалъ ихъ приблизительно и въ заключеніе сказалъ, что „болѣе удѣлить времени на бесѣды о томъ же предметѣ не можетъ и проситъ придти въ четыре часа по полудни, въ тотъ же день“.

Я пришелъ въ 4 часа. Народу въ пріемной было довольно, однако графъ принялъ меня немедля, прежде всѣхъ, посадилъ противъ себя черезъ столъ и опять разсказалъ нѣсколько случаевъ изъ своей службы съ княземъ Гор-

[1]) Стр. 310.

чаковымъ, неособенно выгодно послѣдняго рисующихъ. Говорилъ о стрѣльбѣ Хрулева, 8-го апрѣля 1861 г., и почему она не состоялась 7-го числа вечеромъ. Говорилъ о Паскевичѣ, о Велепольскомъ, о выѣздѣ семейства князя Горчакова въ Дрезденъ, вскорѣ послѣ стрѣльбы Заболоцкаго, о связи этого обстоятельства съ назначеніемъ Велепольскаго, и наконецъ о письмѣ своемъ къ военному министру, причемъ вынулъ изъ стола сообщенный мною печатный листокъ. Я просилъ показать мнѣ подлинникъ письма, если онъ сохранился въ черновомъ видѣ. Графъ сказалъ, что онъ сохранился и тамъ есть еще поправка, сдѣланная Горчаковымъ (такъ-какъ письмо было ему, передъ отправленіемъ въ Петербургъ, показано), но, къ сожалѣнію, находится теперь, съ другими бумагами того времени, въ деревнѣ Мексѣ, Эстляндской губерніи".

Этимъ кончилась вторая моя бесѣда съ графомъ П. Е. Коцебу. Поблагодаривъ его за вниманіе ко мнѣ и къ исторіи, я просилъ позволенія, въ случаѣ, еслибъ представился еще какой-либо затруднительный для меня историческій вопросъ въ дѣлѣ хорошо извѣстномъ графу, обратиться къ нему за разъясненіемъ. Онъ выразилъ согласіе и можетъ быть именно это, не достаточно ясно меня разслышавъ, формулировалъ какъ готовность мою показать ему то, что я напишу о Горчаковѣ.

Послѣ этого приблизительно мѣсяца черезъ полтора, набѣжали, въ моей постоянной исторической работѣ, кое-какіе вопросы, которые я предполагалъ представить на обсужденіе графу Павлу Евстафьевичу и выслушать отъ него замѣчанія на нихъ. Я пошелъ въ замокъ, не помню въ какой именно день, во второй половинѣ апрѣля, въ 4 часа по полудни, предполагая, что это время самое удобное для подобныхъ бесѣдъ, такъ-какъ графъ Павелъ Евстафьевичъ и самъ назначилъ мнѣ этотъ часъ. Въ пріемной и сосѣднихъ съ нею комнатахъ рѣшительно никого не было, даже дежурнаго адъютанта. Я сѣлъ на стулъ и просидѣлъ около получаса, предполагая, что кто нибудь войдетъ. Прошелъ мимо меня Кубанскій урядникъ, я остановилъ его и спросилъ, дома-ли графъ. Онъ обѣщалъ разузнать, уходилъ куда-то и принесъ мнѣ извѣстіе, что графъ „уѣхалъ на дачу, оттого и адъютанта нѣтъ".

Недѣли за полторы до послѣдняго выѣзда графа Павла Евстафьевича въ Петербургъ (чтобы уже не возвращаться на постъ Варшавскаго генералъ-губернатора), именно близь 10-го мая, я отправился въ замокъ, въ половинѣ одиннадцатаго часа утромъ и только-что вошелъ въ пріемную залу, полную разными высшими военными чинами, въ походной формѣ, въ высокихъ сапогахъ (какъ будто бы они воротились съ какого-либо смотра или ученья войскъ)—изъ дверей кабинета показался графъ и сталъ обходить ряды явившихся, какъ это дѣлалъ всякій разъ; подошелъ и ко мнѣ и спросилъ, что мнѣ нужно. Я объяснилъ и просилъ аудіенціи: „Очень радъ, сказалъ графъ: я пришлю за вами на дняхъ; мнѣ самому нужно вамъ кое-что передать!" Я откланился и ушелъ. Графъ, однако, не присылалъ за мною, и выходитъ, такимъ образомъ, что онъ не сдержалъ слова, а не я. Что касается до чтенія ему моихъ „Записокъ", мнѣ даже и въ голову не приходило навязываться ему съ этимъ. Но одного его слова было бы достаточно, чтобы я прочелъ ему какую угодно часть моего сочиненія, на выборъ, даже нѣсколько частей, даже все, разумѣется, только не съ тѣмъ, чтобы потомъ исправлять то или другое по его указаніямъ. Въ такихъ условіяхъ я не могу читать своихъ сочиненій никому на свѣтѣ.

Н. В. Бергъ.

Варшава. 25 ноября 1880 года.

III.

Въ отвѣтахъ Н. В. Берга есть только одинъ эпизодъ интересный; это донесеніе графа П. Е. Коцебу, въ которомъ графъ выставлялъ кн. Горчакова разслабленнымъ умственно и физически, съ приложеніемъ докторскаго свидѣтельства. Я это слышалъ отъ разныхъ лицъ, но не читалъ и не знаю, вѣрно ли это. Все прочее, мнѣ кажется, не имѣетъ ни интереса, ни историческаго значенія. Разсказъ о ракетѣ ни къ селу ни къ городу; другой разсказъ, о томъ какъ онъ, Н. В. Бергъ, подслушалъ сочиненіе реляціи—неблаговиденъ для него самаго. По моему мнѣнію, такое ожесточеніе противъ кн. Горчакова объясняется только какими либо личными непріятностями и не заслуживаетъ дальнѣйшихъ возраженій. Говоря о честности и безкорыстіи кн. М. Д. Горчакова, г. Бергъ пишетъ: „по мнѣ такъ лучше пей, но дѣло разумѣй", но у насъ столько дѣятелей, которые пьютъ и все-таки дѣло не разумѣютъ, что надо отдать должную честь непьющимъ. Это моя мораль, противоположная морали Н. В. Берга.

Князь **А. И. Васильчиковъ.**

И. Ѳ. Горбуновъ.

ШУТКА-ЧЕЛОБИТНАЯ.

[поддѣлка подъ языкъ XVII-го столѣтія].

(По титулѣ). Бьетъ челомъ и плачется сирота твой государевъ—верховый скоморохъ Ивашка Ѳедоровъ. Жалоба мнѣ, государь, на верховаго скомороха, на Ѳедьку Алексѣева, на .....на. Въ нынѣшнемъ году пошелъ я на стругѣ по Волгѣ рѣкѣ, для своихъ сиротскихъ промысловъ. И плывъ по Волгѣ рѣкѣ, близко будетъ Нижняго, у работокъ, вышелъ тотъ Ѳедька ко мнѣ на устрѣтъ съ женишкою своею съ Аннищею, да съ дѣтишками своими съ Алешкою, да съ Митькою, да съ многими крестьяны, да съ посадскими людьми, да съ кабацкаго двора съ цѣловальникомъ и бражники, со свистаніемъ, и кличемъ и воплемъ, и съ ними животы, и рухлядь разная, и пищали, и иное всякое. И сошедъ на стругъ, онъ, Ѳедька, крестъ цѣловалъ, чтобы ѣхать намъ до Перьми великія вмѣстѣ, и что Божіею помощіею и промысломъ—дѣлить на двѣ стороны ровно, а ему чтобы развратныя рѣчи не говорить и ..... не ругаться; а мнѣ, Ивашкѣ, ѣдучи съ нимъ, съ Ѳедькою, Камою рѣкою — на берегъ и въ лѣса не сбѣжать. И нынѣ тотъ Ѳедька, забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованіе, умышляетъ мнѣ дурно: въ разсчетахъ творитъ хитрость, а себѣ корысть; ѣстъ псину и мертвечину и иное скаредное и пьетъ по часту. Да онъ же, Ѳедька, рейтарскаго строю съ маеоромъ играетъ въ зернь, и отъ той поры сталъ онъ безъ портокъ. Великій Государь вели того Ѳедьку унять, чтобы мнѣ отъ тебя въ опалѣ не быть и отъ его хитрости не придти въ конечное раззореніе.

Сообщ. И. Ѳ. Горбуновъ.

ЛЕЙБЪ-ГВАРДІИ КОННЫЙ ПОЛКЪ

14-го декабря 1825 года.

Я давно читаю «Русскую Старину» и принадлежу къ числу ея любителей; но не всегда имѣю возможность читать во время. Такъ случилось и нынѣ. Ноябрскую книгу изданія 1880 г. я прочиталъ очень поздно, а потому и пишу поздно.

Я началъ мою службу л.-гв. въ конномъ полку не мальчикомъ, а имѣя 21 годъ. Слава полка, честь его, исторія его, мнѣ дороги. Прочтя въ «Запискахъ князя Николая Сергѣевича Голицына» — разсказъ покойнаго А. П. Башуцкаго объ участіи этого полка въ борьбѣ съ мятежниками 14-го декабря 1825 г., я ужаснулся и рѣшился немедленно протестовать противъ его словъ, бросающихъ тѣнь на славный полкъ. Полкъ этотъ никогда и нигдѣ не уронилъ своей славы; всегда отличался преданностію, вѣрностію престолу и отечеству. Кому неизвѣстна, очень поздно вышедшая, книга бывшаго ротмистра и командира 1-го эскадрона полка Саблукова, (13 марта 1801 г.)? А теперь я читаю, на 608 страницѣ «Русской Старины», что «л.-гв. конный полкъ, 14-го декабря 1825 г., когда явились на площади мятежники, только что началъ собираться! Солдаты, одинъ за другимъ, выводили осѣдланныхъ лошадей изъ казармъ, но офицеровъ и командира полка, генералъ-маіора А. Ѳ. Орлова, еще не было. (удивительное дѣло! — а кавалергардскій полкъ, позже, прискакалъ изъ своихъ казармъ у Таврическаго сада во весь опоръ, имѣя въ головѣ полковагѣ командира своего, полковника графа С. Ѳ. Апраксина!). Милорадовичъ изумился этой медленности, послалъ Башуцкаго торопить полкъ, а самъ сталъ нетерпѣливо шагать взадъ и впередъ, вдоль стѣны манежа. Нетерпѣніе его возрастало, и наконецъ онъ, въ негодованіи, сказалъ Башуцкому по французски: «je ne veux de son… régiment (т. е. Орлова), donnez-moi un cheval, j'irai seul!»

Ни полкъ, ни командиръ полка, ни офицеры ни въ чемъ не виноваты, ни гдѣ не опоздали! Я очень хорошо зналъ своего полковаго командира, зналъ его, какъ моего начальника, и зналъ его очень хорошо съ самаго моего дѣтства; имѣлъ честь знать и графа Милорадовича и всегда смотрѣлъ на него, какъ на сподвижника моего дѣда. Мнѣ не помнится, чтобы графъ былъ дурно расположенъ къ А. Ѳ. Орлову. Да и по какимъ причинамъ могла быть непріязнь между ними? Жаль, что князь Николай Сергѣевичъ Голицынъ далъ мѣсто въ своихъ интересныхъ Запискахъ разсказу Башуцкаго о

словахъ, будто-бы, сказанныхъ графомъ Милорадовичемъ не только противъ Орлова, но и противъ полка. Башуцкій [1]), кажется, первый началъ жаловаться на медленность полка: никто объ этомъ никогда не говорилъ. Едва-ли прошло болѣе пяти минутъ послѣ вызова, какъ лошади были осѣдланы, хотя офицеры и находились во дворцѣ! Кому не извѣстно, что кирасиры еще въ конюшняхъ садятся на коней и выѣзжаютъ уже совершенно готовыми, а не тянутъ за собою лошадей, какъ говоритъ Башуцкій. Въ словахъ Башуцкаго заключается злая клевета! Кавалергардскій полкъ прискакалъ, да, очень скоро, но не могъ явиться вмѣстѣ съ нами,—да съ нами и не былъ. Что кавалергарды, свято исполняя долгъ свой, торопились на призывъ Царя,—это видно, ибо они прискакали безъ кирасъ; мы же были, какъ слѣдуетъ кирасирамъ, въ кирасахъ.

Вотъ истина: 14-го декабря 1825 г. всѣ полковые командиры, всѣ офицеры должны были быть въ Зимнемъ дворцѣ для принесенія присяги; были тамъ почти всѣ наши. Вдругъ около казармъ нашихъ послышались крики. Я жилъ тогда на третьемъ подъѣздѣ, на квартирѣ поручика Лужина (онъ былъ въ отпуску). Я увидѣлъ изъ форточки, что почти бѣгомъ, идетъ часть Московскаго полка, окруженная толпою любопытныхъ. Всѣ наши нижніе чины были на своемъ мѣстѣ, т. е. дома. Не помню, сколько прошло времени, но очень немного, прискакалъ изъ Зимняго дворца А. А. Сухаревъ, полковой адъютантъ, и на всемъ скаку вызвалъ трубачей; тотчасъ начали трубить тревогу и чрезъ нѣсколько минутъ весь полкъ (кромѣ 4 эскадрона, который квартировалъ въ казармахъ около Семеновскаго плаца) на ходу соединился. Офицеровъ почти еще не было; въ нашемъ 1-мъ дивизіонѣ первымъ явился штабъ-ротмистръ баронъ Каульбарсъ, не бывшій во дворцѣ. Каульбарсъ велъ 2-й эскадронъ. Полковникъ баронъ Веліо [2]), не командиръ 1-го дивизіона, а 2-го эскадрона; первый эскадронъ велъ я, какъ унтеръ-офицеръ, т. е. юнкеръ. Пять эскадроновъ тронулись съ мѣста черезъ Почтамтскій переулокъ въ Большую Морскую, между домами Потапова и Алексѣевой (потомъ Карамзина). Мы рысью доѣхали до Вознесенской улицы (возлѣ домѣ военнаго министерства), и Орловъ прискакалъ къ намъ, стало быть, успѣлъ прискакать, надѣть кирасъ и сѣсть на лошадь;

---

[1]) Башуцкаго, адъютанта графа Милорадовича, я тоже зналъ, но гораздо позже, когда онъ былъ уже въ монашескомъ платьѣ. Кн. С.

[2]) Баронъ Веліо, явившійся изъ дворца однимъ изъ первыхъ, принялъ эскадронъ, когда мы стояли у дома Мятлева; тогда Каульбарсъ сталъ предъ своимъ 4-мъ взводомъ, но очень скоро принялъ опять 2-й эскадронъ, ибо баронъ Веліо, молодецъ изъ молодцовъ, былъ тяжело раненъ и ему въ тотъ же день отняли правую руку. Флигель-адъютантъ Апраксинъ командовалъ въ о же время 1-мъ дивизіономъ, а Мятлевъ—нашимъ эскадрономъ. Кн. С

а полкъ его,—нашъ тоже,—удивительно скоро былъ готовъ, такъ что невозможно было нашимъ офицерамъ, бывшимъ во дворцѣ, прискакать въ одно время съ полкомъ, ибо они не имѣли при себѣ ни лошадей, ни кирасъ.

14-го декабря была гололедица; какъ только мы, на лошадяхъ некованныхъ, приблизились къ фасу дома Военнаго Министерства (тогда всѣми назывался онъ домомъ князя Лобанова), то на всемъ скаку, вылетѣли изъ улицы, и построились по эскадронно. Никогда не забуду нашего восторженнаго ура! Къ намъ подъѣхалъ самъ Царь, въ полной формѣ. Я никогда не видѣлъ такого восторга, какъ въ эту минуту! Наконецъ Государь могъ говорить, когда послѣднiй эскадронъ прискакалъ на свое мѣсто. Императоръ былъ почти одинъ. Онъ самъ повелъ насъ къ адмиралтейскому бульвару, куда поспѣлъ и 1-й баталiонъ Преображенскаго полка. Больше никакихъ войскъ тутъ не было; ожидали всѣхъ и полки торопились, а у забора Исаакiевскаго Собора, между заборомъ и монументомъ Петра Великаго, стояли три роты (4, 5, 6) Московскаго полка, крича «ура, Константинъ»! Вдругъ идетъ второй баталiонъ л.-гв. гренадерскаго полка, имѣя въ головѣ поручиковъ Панова и Сутгофа. Перваго я зналъ и узналъ. Баталiонъ кричалъ «ура!» Лейбъ-гренадеры шли между царемъ и нами, чуть-ли не касаясь колѣнъ Его Величества; нашихъ фланговыхъ задѣвали! Его Величество, видя, что люди очень торопятся, сказалъ: «не спѣшите, успѣете»; но тутъ дѣло прояснилось громкимъ крикомъ «ура, Константинъ»! Государь, съ великимъ, удивительнымъ хладнокровiемъ и величiемъ, показалъ самъ рукою: «ступайте вотъ куды», и продолжалъ смотрѣть на проходящихъ лейбъ-гренадеровъ. У Его Величества въ распоряженiи были все еще только нашъ полкъ и преображенскiй баталiонъ; финляндскiй полкъ еще не подвигался по мосту; кавалергардовъ еще не было; Семеновскiй полкъ еще не поспѣлъ на Англiйскую набережную; Павловскаго полка возлѣ Сената и нынѣ давно засыпанной канавы или рѣчки тоже еще не было. Вдругъ, съ музыкою, подошелъ именно черезъ это мѣсто, гвардейскiй экипажъ, въ большомъ порядкѣ, со всѣми офицерами, которые, не будучи въ состоянiи остановить баталiонъ, взяли шпаги въ ножны и ушли, исключая, вѣроятно, только Кюхельбекера 2-го и Арбузова (не знаю). Экипажъ вытянулся правымъ флангомъ у Исаакiевскаго забора.

Тутъ прибылъ высокопреосвященный митрополитъ Серафимъ и, съ кропиломъ въ рукѣ, пошелъ къ баталiону гвардейскаго экипажа. Нѣсколько унтеръ-офицеровъ отправилось къ митрополиту на встрѣчу. Вѣроятно, имъ было приказано мѣшать преосвященному идти дальше,

но онъ шелъ впередъ; унтеръ-офицеры, снявъ кивера, крестились, и держа ружья на молитву, возвратились на свои мѣста, а митрополитъ дошелъ до фронта (если я это пишу, то не потому, что я слышалъ, а потому, что я видѣлъ самъ, стоя тамъ, гдѣ я стоялъ); одинъ только слѣпой не могъ этого видѣть! Солдаты крестились, но кричали «ура Константинъ»! Его высокопреосвященство долгъ свой исполнилъ; дѣлать болѣе было нечего! Онъ не сѣлъ тутъ же въ сани, какъ говорилъ Башуцкій князю Н. С. Голицыну, а ему отворили калитку Исаакіевской ограды, и старецъ вошелъ за заборъ, гдѣ было нѣсколько временныхъ домовъ.

Государь, не видя еще ожидаемыхъ полковъ, приказалъ нашему 1-му дивизіону идти опять чрезъ Вознесенскую улицу, потомъ къ дому, гдѣ нынѣ германское посольство, и мы дошли до Мятлева дома, гдѣ и остановились. Насъ велъ нашъ начальникъ дивизіи, генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ. Я велъ 1-й эскадронъ; въ это время прискакалъ мой эскадронный командиръ, флигель-адъютантъ полковникъ Вл. Ст. Апраксинъ, вмѣстѣ съ тѣмъ командиръ 1-го дивизіона. Мы шли лѣвымъ флангомъ, а слѣдовало идти впередъ 4-му взводу 2-го эскадрона; вошли мы вмѣстѣ въ улицу Вознесенскую—оба четвертые взводы, т. е. баронъ Каульбарсъ и я.—4-й взводъ 1-го эскадрона вытѣснилъ 4-й взводъ 2-го эскадрона. И такъ, у дома Мятлева я стоялъ впереди и спросилъ своего полковника, почему мы ждемъ? Отвѣтъ получилъ я отъ начальника дивизіи, что ждемъ, по Высочайшему повелѣнію, піонерный эскадронъ. Явился Зассъ съ этимъ эскадрономъ и сталъ въ головѣ, за нимъ 1-й дивизіонъ. Мы поскакали впередъ во весь духъ [1]). Мнѣ, съ корнетомъ Васильчиковымъ, (который въ это время прискакалъ къ своему мѣсту), пришлось перескочить черезъ цѣлую груду и людей, и лошадей піонернаго эскадрона! Лошади упали, но были, кажется, и убитыя; и я помню, что вахмистръ піонернаго эскадрона лежалъ подъ лошадьми! Стрѣляли Московскія роты, но и я увѣренъ, что́ большею частію стрѣляли вверхъ, щадя своихъ, т. е. стрѣлять въ насъ не хотѣли. Конные піонеры заняли Англійскую набережную, а наши 7 взводовъ стояли спиною къ Се-

---

[1]) Къ Сенату прискакали маршъ-маршемъ: піонерный эскадронъ, который и попятилъ мой 4-й взводъ 1-го эскадрона, затѣмъ 3, 2, 1, и послѣ 4-й 2-го эскадрона; 3, 2, 1 того же эскадрона. Піонеры, проскакавъ, остановились у начала Англійской набережной, а я, обскакавъ монументъ, одинъ сталъ со взводомъ около него, правымъ плечомъ къ лѣвому флангу бунтовщиковъ; семь же взводовъ стали фронтомъ противъ задняго фаса тѣхъ же бунтовщиковъ, т. е. спиною къ Сенату, отъ самаго Исаакіевскаго забора до піонеровъ и до Англійской набережной; когда же явился Бакунинъ съ артиллеріею, мы пошли къ адмиралтейскому бульвару. Мой командиръ 4-го взвода прибылъ уже тогда, когда я поставилъ взводъ у монумента. **Князь Суворовъ.**

нату, лицомъ къ бунтовщикамъ; мой же взводъ, 4-й, былъ поставленъ по ту сторону монумента Петра Великаго, отдѣленный отъ всѣхъ. На Исаакіевскомъ, черезъ Неву, мосту находился Финляндскій полкъ. Генералъ-адъютантъ графъ Комаровскій, подъѣхавъ ко мнѣ, совѣтовалъ не терять изъ виду этотъ полкъ. Я не пишу исторіи, а то могъ бы разсказать: что не полкъ и не ротный командиръ 1-й карабинерной роты капитанъ Вяткинъ, а его поручикъ былъ причиною, что полкъ могъ быть подозрѣваемъ! У насъ въ полку все таки были раненые, хотя бунтующіе солдаты и берегли насъ, но съ ними были многіе охотники въ партикулярномъ платьѣ. Веліо лишился руки, и изъ его же эскадрона у кирасира Хватова тоже отрѣзали руку. У молодца Хватова вынимали руку изъ плечеваго состава; онъ только потребовалъ рюмку водки и курилъ трубку во время ужасной операціи. Въ моемъ взводѣ кирасиръ Александровъ спасенъ кирасою, а прострѣлена каска; впрочемъ, не одинъ онъ, но и славный ѣздокъ, карабинеръ 1-го взвода, Лѣсной раненъ тяжело въ бедро,—странно, сразу двумя пулями. Нѣсколько касокъ было повреждено. Мы стояли, какъ я описывалъ, на тѣхъ же мѣстахъ до того времени, пока Бакунинъ привелъ два орудія; тогда мы заняли мѣсто въ головѣ полка, въ эскадронной колоннѣ, спиною къ бульвару, къ кучѣ гранита и мрамора для Исаакіевскаго собора. Картечь летѣла возлѣ насъ; мы были около линіи выстрѣловъ, но внѣ всякой опасности. Въ то время, когда мы стояли, какъ я выше сказалъ, не первый дивизіонъ Апраксина, а 2-й дивизіонъ, имѣя въ головѣ своего полковника Захаржевскаго,—стараго, храбраго офицера 1812—1813 гг., [1]) пошелъ въ атаку: лошади некованныя падали, но кирасиры 3 эскадрона доскакали до пѣхоты, и если не были истреблены, такъ благодаря тѣмъ же русскимъ солдатамъ, которые, хотя и бунтующіе, спасали своихъ братьевъ! Одинъ кирасиръ врубился въ каре, но когда эскадронъ шагомъ шелъ назадъ, бунтовщики выпустили кирасира! Стрѣляли, какъ говорили Башуцкій и князь Н. С. Голицынъ, люди не военные, но даже такіе, которые взяли съ собою охотничьи ружья! Поручикъ Галаховъ (бывшій въ 1850 годахъ оберъ-полиціймейстеромъ) раненъ дробью; тоже кирасиръ Супрунъ 3 эскадрона,—этотъ не на шутку. Убитъ наповалъ одинъ кирасиръ 3 эскадрона потому, что плохо затянулъ свой кирасъ: пуля прошла въ отверстіе. Хороши были бы мы, если бы вышли безъ кирасъ, какъ сдѣлали наши товарищи—кавалергарды; но они, слава Богу, въ опасности не были.

---

[1]) Полковникъ Захаржевскій былъ чрезвычайно толстъ и неповоротливъ и на ученьяхъ всегда боялся маршъ-маршей, а 14 декабря понесся впередъ, какъ храбрый молодой офицеръ. Кн. С.

Когда выстрѣлы Бакунина все окончили, кавалергарды пошли карьеромъ разгонять бывшихъ бунтовщиковъ по Галерной улицѣ; наши очистили мостъ; 3-й дивизіонъ ловилъ солдатъ Московскаго и частію лейбъ-гренадеръ на Васильевскомъ острову. Лично я оставался долго съ 4-мя кирасирами на мосту; нашъ дивизіонъ разсылалъ патрули, но далеко не уходилъ.

Было 2 часа дня 15-го декабря, но лошадей не разсѣдлывали и ночь на 16-е декабря провели въ экзерциргаузѣ у дворца и патрулировали; а день и ночь 17-го на 18-е нашъ дивизіонъ ушелъ на разъѣзды до Тріумфальныхъ воротъ и т. д.

Я имѣю долгъ, имѣю право заступиться за репутацію полка, въ которомъ служилъ въ наилучшіе годы моей жизни; я никогда не хвастаю, не лгу и только требую вездѣ и во всемъ правды! Я страстно любилъ полкъ. Этотъ полкъ не нуждается ни въ чьей защитѣ. Я любилъ полкъ и меня любили. Баронъ Каульбарсъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ въ отставкѣ), еще свѣжій 80 лѣтній старикъ, вѣрно, онъ подтвердитъ все, что̀ я пишу нынѣ. То же самое скажу о Хрущевѣ, служившемъ корнетомъ въ 3 эскадронѣ (нынѣ шталмейстеръ высочайшаго двора).

Остальные мои товарищи по 14 декабрю 1825 г. всѣ передъ Богомъ.

Никогда не забуду, какъ кирасиры всѣхъ эскадроновъ мнѣ доказали свою горячую дружбу нѣсколько дней послѣ 14 декабря 1825 г.

Защищать полкъ Л.-гв. Конный я не смѣю, ибо полкъ исторически слишкомъ высоко стоитъ; никогда, ни въ чемъ не заслужилъ упрековъ; но мой отвѣтъ или мое возраженіе не князю Н. С. Голицыну (нашему уважаемому военному ученому, многіе годы бывшему профессоромъ въ академіи), а Башуцкому на его ошибочный разсказъ—настоятельно необходимъ. Каульбарсъ и я доживаемъ свой вѣкъ, и мнѣ 76½ лѣтъ. «Русскую Старину» всѣ читаютъ и будутъ читать и черезъ 50 и черезъ 100 лѣтъ. Молчать мнѣ даже совѣсть запрещаетъ.

Въ Бозѣ почившій императоръ Николай I любилъ Конногвардейскій полкъ; ежегодно осчастливливалъ его своимъ посѣщеніемъ въ годовщину 1825 г., декабря 14. Недостойному полку нашъ великій Государь никогда бы этой чести не сдѣлалъ, никогда столько лѣтъ не осчастливливалъ бы. Покойная императрица Марія Ѳеодоровна (вдова императора Павла I), послѣ смерти Его Величества Павла Петровича хотѣла всегда имѣть при себѣ внутренній караулъ отъ л.-гв. Коннаго полка, и пока командовалъ лейбъ-эскадрономъ Саблуковъ, Ея Величество желала имѣть караулъ изъ этого 1-го эскадрона.

Я служилъ въ этомъ эскадронѣ и теперь принадлежу ему.

Князь **Александръ Суворовъ.**

С.-Петербургъ,
14 декабря 1880 г.

Отъ Комитета по сбору пожертвованій на сооруженіе православнаго храма у подножія Балканъ, для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—78 годовъ.

Минувшая война съ турками, имѣвшая цѣлью освобожденіе изъ подъ ихъ ига нашихъ многострадальныхъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ, ознаменована такими славными подвигами русскаго воинства, какихъ немного найдется въ лѣтописяхъ. Отъ переправы первыхъ нашихъ полковъ черезъ Дунай до появленія ихъ подъ стѣнами Царьграда, не мало совершено подвиговъ неустрашимаго мужества, трогательнаго самоотверженія, беззавѣтной храбрости. Всѣ они живутъ въ воспоминаніяхъ участниковъ войны, запечатлѣны въ сердцѣ каждаго русскаго человѣка и навсегда останутся достояніемъ исторіи, вмѣстѣ съ отечественною войною 1812 года и славною защитою Севастополя. Но, оконченная со славою для нашего оружія, война потребовала у рус скаго народа многихъ жертвъ: тысячи легли на поляхъ кровавыхъ битвъ, тысячи погибли въ борьбѣ съ суровою зимою при переходѣ черезъ Балканы, наконецъ, тысячи были унесены болѣзнію, неизбѣжнымъ спутникомъ суровыхъ трудовъ и лишеній во время походовъ. Между тѣмъ, доселѣ, въ Болгаріи и Восточной Румеліи, надъ мѣстами вѣчнаго успокоенія храбрыхъ, бо̀льшею частію возвышаются лишь однѣ простыя земляныя насыпи, которыя украшены деревянными крестами, уже склоняющимися долу.

Давно и неоднократно было выражаемо многими горячее желаніе достойно почтить память русскихъ воиновъ, положившихъ животъ свой на поляхъ брани по волѣ Царя, за достоинство Отечества и за вѣру братьевъ, увѣковѣчить славныя дѣянія минувшей войны памятникомъ, ихъ достойнымъ.

Это понятное всѣмъ чувство, это естественное требованіе русскаго сердца, получили въ недавнее время Высочайшее одобреніе, и Государь Императоръ соизволилъ разрѣшить открыть повсемѣстный въ Имперіи сборъ пожертвованій для сооруженія православнаго храма на бывшемъ театрѣ военныхъ дѣйствій; при чемъ намѣчено и мѣсто для этого священнаго памятника, воздвигаемаго благодарною Россіею своимъ сынамъ.

Безспорно, многія изъ самыхъ дорогихъ для Русскаго народ

и славныхъ воспоминаній минувшей войны, связываются съ вершиной св. Николая, вѣнчающей Шипкинскій перевалъ и возвышающейся надъ плодоносною и густонаселенною долиною Тунджи. Въ этой долинѣ и на вершинѣ св. Николая произошли всѣмъ памятныя событія, связанныя съ началомъ, продолженіемъ и окончаніемъ войны. Достаточно вспомнить іюльскій походъ за Балканы и завладѣніе Шипкинскимъ переваломъ, пять мѣсяцевъ отчаянной защиты этого перевала, въ безустанной борьбѣ съ многочисленными вражескими полчищами, неимовѣрно тяжелый переходъ за Балканы, наконецъ, бой въ долинѣ возлѣ Шейнова. У кого изъ Русскихъ не билось крѣпко сердце, при чтеніи реляцій о безпримѣрныхъ подвигахъ неустрашимости и храбрости, явленныхъ защитниками Шипкинскаго перевала, подвигахъ, имѣвшихъ такое важное вліяніе на исходъ кампаній? Кто не восторгался блестящею побѣдою, одержанною на Шейновскомъ полѣ и окончившеюся плѣненіемъ турецкой арміи? Кому не памятенъ безпримѣрно стремительный походъ нашихъ войскъ къ Адріанополю и далѣе къ Царьграду?

Въ храмѣ, предположенномъ къ сооруженію, будетъ совершаться ежедневное, на вѣчныя времена, поминовеніе по всѣмъ положившимъ животъ свой на полѣ брани въ Болгаріи и Восточной Румеліи, будутъ возноситься молитвы за всѣхъ, потрудившихся святому дѣлу освобожденія христіанъ, за увѣнчанныхъ лаврами вождей нашихъ славныхъ войскъ. Изъ рода въ родъ, среди свободныхъ болгаръ и среди тѣхъ, которымъ мы открыли лишь чаяніе будущей ихъ независимости, онъ будетъ напоминать о совершенныхъ для нихъ подвигахъ нашего непобѣдимаго воинства.

Безъ всякаго сомнѣнія, многомилліонная Русь откликнется на настоящій призывъ и поспѣшитъ принести скромныя лепты на сооруженіе храма, который останется до окончанія вѣка памятникомъ ея славы и ея Вѣры.

Господи! да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и нощь.—И услышиши молитву людей Твоихъ—о нихъ же помолятся на мѣстѣ семъ (3 Цар. VIII, 29—30).

Предсѣдатель П. **Васильчиковъ**. Казначей А. **Ильинскій**. Секретарь В. **Мельницкій**.

Поступающія пожертвованія пересылаются въ Хозяйственное Управленіе Святѣйшаго Сѵнода: Петербургъ, Адмиралтейская площадь.

„РУССКАЯ СТАРИНА"

третье изданіе „Русской Старины", годъ **первый**, 1870 г., **двѣнадцать** книгъ, въ **трехъ** томахъ.

Въ третьемъ изданіи „Русской Старины" 1870 г., между многими другими статьями и матеріалами, помѣщены: Записки о жизни и службѣ генералъ-фельдмаршала кн. Н. Ю. **Трубецкаго**;— Записки исторіографа кн. М. М. **Щербатова** о поврежденіи нравовъ въ Россіи; — сенатора П. С. **Рунича** о Пугачевѣ и Пугачевскомъ бунтѣ; — Записки придворнаго брилліанщика **Позье** (1729—1764 гг.);—Отчеты **Лагарпа** о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей; — Петербургъ въ 1781 году, замѣтки **Пикара**;—Записки Михаила Александровича **Бестужева** (1824—1826 гг.);—Разсказъ очевидца о 14-мъ декабрѣ 1825 г.;—Записки творца русской оперы Михаила Иван. **Глинки** (1804—1854 гг.);—Записки императора **Николая Павловича** о прусскихъ дѣлахъ (1848 г.);—Блокада и штурмъ Карса въ 1855 г., записки Я. П. **Бакланова**;—Оборона Камчатки въ 1854 г., разсказъ контръ-адмирала **Арбузова**, и проч., и проч.—Болѣе сотни сообщеній, разсказовъ, статей, замѣтокъ, собраній писемъ и проч. матеріаловъ ко всѣмъ царствованіямъ въ Россіи со времени Петра Великаго до императора Николая включительно.—Статсъ-дамы и фрейлины русскаго двора XVIII-го вѣка, біографическіе очерки П. Ѳ. **Карабанова**. — Письма, стихотворенія, басни, посланія и прочія литературныя произведенія: И. А. Крылова, Батюшкова, Пушкина, Гоголя, Рылѣева, А. Одоевскаго, Кюхельбекера, Баратынскаго, Н. Полеваго, Вигеля, Я. И. Ростовцева и другихъ.

Приложеніе къ **третьему** изданію „Русской Старины" **1870** г. составляетъ **первый** томъ Записокъ **Болотова**, вновь пересмотрѣнный съ подлинникомъ и украшенный болѣе полусотни вновь награвированныхъ академикомъ Л. А. **Сѣряковымъ** рисунками.

Цѣна **ВОСЕМЬ** рублей съ пересылкою.

[Въ хорошемъ переплетѣ 11 руб.].

О ПОДПИСКѢ НА 1881 ГОДЪ НА

„МОДНЫЙ СВѢТЪ“,

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДАМЪ,

амый полный и дешевый модный и семейный иллюстрированный журналъ въ Россіи.

Съ 1 января 1881 г. «Модный Свѣтъ» начнетъ XIV годъ своего существованія и будетъ издаваться съ прежнею со стороны издателя заботливостію о наружныхъ и внутреннихъ его достоинствахъ.

Журналъ „МОДНЫЙ СВѢТЪ“ въ 1881 году будетъ выходить также

ВЪ ТРЕХЪ ИЗДАНІЯХЪ

въ количествѣ 48 нумеровъ въ годъ, съ 24-мя экстренными приложеніями новѣйшихъ парижскихъ модъ

и будетъ заключать въ себѣ въ теченіе года:

Болѣе 2,000 политипажныхъ рисунковъ модъ и рукодѣлій въ текстѣ.
Рисунки канвовыхъ и тамбурныхъ работъ. Рисунки и выкройки бѣлья мужскаго, дамскаго и дѣтскаго.
Раскраш. рисунки канвов., тамбурн. и друг. работъ. Рисунки въ русск. вкусѣ.
Болѣе 300 выкроекъ на 12 большихъ листахъ.
24 вырѣзныхъ выкройки въ натуральную величину.
24 (или 12 для I изданія) модныхъ раскрашен. парижскихъ картинки для II изданія, исполненныя лучшими иностран. художниками.
36 раскрашенныхъ модныхъ парижскихъ картинъ, исполненныхъ лучшими иностран. художниками, для III изданія.
Новѣйшія музыкальныя пьесы (ноты) любимыхъ композиторовъ.
Колекцію рисунковъ: изъ семейной жизни, модъ стараго времени, характерныхъ костюмовъ для маскарадовъ, портреты, типы и проч.
Новѣйшія и лучшія повѣсти, романы, фельетоны, стихотворенія, анекдоты, хозяйственный отдѣлъ и разныя мелкія статьи.
Разныя отдѣльныя безплатныя приложенія и «Почтовый ящикъ» съ самыми разнообразными и полезными совѣтами.

Кромѣ разныхъ отдѣльныхъ приложеній къ «Модному Свѣту» 1881 года будутъ приложены, безплатно:

ДВѢ ИЗЯЩНЫЯ ОЛЕОГРАФИЧЕСКІЯ ПРЕМІИ, КАРТИНЫ:
1) «ОЖИДАНІЕ» И 2) «КУПАЛЬЩИЦА»,
работы знаменитаго французск. художника Шаплена (Chaplin)

Преміи эти по своему художественному исполненію, могутъ служить украшеніемъ всякой гостинной и будутъ разосланы гг. подписчикамъ въ прочной упаковкѣ, отдѣльно отъ журнала, во избѣжаніе порчи въ дорогѣ,— поэтому цѣна «Моднаго Свѣта» увеличивается для иногород. подписч. на 50 коп.

Для удобства подписчиковъ, редакція вошла въ соглашеніе съ лучшими магазинами объ изготовленіи рамокъ для премій по удешевлен. цѣнѣ. Рисунки рамокъ и цѣна имъ будутъ сообщ. въ одномъ изъ №№ «Моднаго Свѣта».

Цѣна годовому изданію „МОДНАГО СВѢТА“ на 1881 г.:

I изданію, съ 12 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ доставки—4 р., съ дост. въ С.-Петербургѣ—5 р. 50 к. съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 6 р. 50 к.

II изданію, съ 24 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложеніями: въ С.-Петербургѣ безъ достав.—5 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—6 р. 50 к., съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 7 р. 50 р.

III изданію, съ 36 раскраш. парижскими картинками и со всѣми приложеніями въ С.-Петербургѣ безъ достав.—7 р.; съ дост. въ С.-Петербургѣ—8 р. 50 к. съ пересылкою во всѣ города Россійск. Имперіи 9 р. 50 коп.

Главная контора Редакціи «Моднаго Свѣта» находится въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

съ 10-ю денежными преміями, суммою на 500 рублей. Подробности см. въ №№ 16, 18, и 32 «Мод. Св.» 1880 года.

(причемъ приложенъ и планъ), опредѣлить количество дворовъ, занятія жителей и указать на старинныхъ жителей города, имена которыхъ встрѣчаются въ томъ же актѣ. Въ это время въ городѣ, со всѣми приписными слободами, считалось 623 двора, въ которыхъ жило 796 человѣкъ. Кромѣ того было—21 дворъ пустой и 122 пустыхъ дворовыхъ мѣстъ. На это количество жителей приходилось 250 занятыхъ лавокъ, амбаровъ и полулавокъ. Занятія жителей представлены цифрами, причемъ авторъ разсказываетъ нѣсколько своихъ соображеній (153—160). Позднѣйшія описи, (въ томъ же архивѣ и Арх. Мин. Юстиціи) дали матеріалъ для очерка населенія города до конца XVII в., причемъ авторъ сообщаетъ опять планъ города, количество дворовъ и т. д., но цифровыя данныя конца XVIII в. клонятся не въ пользу развитія городской жизни Серпухова. Судьба старыхъ и новыхъ фамилій, тѣсно связанныхъ съ исторіею послѣдняго, не менѣе замѣчательна. Подробно говоритъ авторъ о земляхъ, принадлежавшихъ городу, о межеваніи ихъ и спорахъ за владѣніе, происходившихъ между городомъ и монастыремъ.

Относя основаніе города ко времени до 1328 г., авторъ полагаетъ, что онъ былъ сооруженъ болѣе противъ рязанцевъ, нежели противъ литовцевъ. Серпуховъ является также одною изъ важнѣйшихъ позицій на «Берегу» (Оки) и служитъ сторожевымъ пунктомъ сперва противъ татаръ Золотой орды, потомъ противъ крымцевъ, особенно въ пол. XVI в. Въ XVIII в. падаетъ значеніе Серпухова на Берегу, такъ какъ войска стали сторожить крымцевъ за Окою «въ полѣ», у Тулы, и въ другихъ мѣстахъ. По сотной кн. Фуникова, Серпуховъ представляется довольно бойкимъ торгово-промышленнымъ пунктомъ. Городъ богатѣлъ вслѣдствіе своего выгоднаго положенія на Берегу. Вторая половина XVI в. была эпохою наибольшаго процвѣтанія города. Смутное время привело его въ раззореніе, отъ котораго ему трудно было совсѣмъ оправиться. Населеніе же города-посада со второй половины XVI в. приняло въ значительной степени военный характеръ.

Въ приложеніяхъ помѣщены: 1) списокъ именъ и фамилій, въ алфавитномъ порядкѣ, жителей Серпухова по сотной кн. Фуникова, съ обозначеніемъ мѣста жительства, занятій и лавокъ (243—276); 2) списокъ фамилій Серпуховскихъ жителей по переписи 1646 г., съ обозначеніемъ фамилій, встрѣчающихся въ сотной 1552 г. (276—282); 3) списокъ новоприписныхъ тяглецовъ 1649—1652 г.; 4) списокъ по переписи 1678 г. (293—306); 5) сотная книга Фуникова 1552 г., (311—334) и нѣсколько другихъ актовъ XVII вѣка.

Касаясь этихъ данныхъ, авторъ замѣчаетъ: «Изъ многочисленныхъ фамилій временъ Ивана Грознаго сохранилось въ настоящее время менѣе десятка. Болѣе посчастливилось фамиліямъ, включеннымъ въ посадъ въ XVII в.: онѣ не только уцѣлѣли до сихъ поръ, но многія изъ нихъ даже живутъ на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ жили ихъ прадѣды двѣсти лѣтъ тому назадъ, (VII).

Кромѣ печатныхъ изданій, автору служили матеріаломъ документы архива Серпуховской городской управы, не встрѣчающіеся и въ архивѣ Мин. Юстиціи; архивы ризницъ Троицкаго собора, «Владычняго монастыря» и рукописи архива Мин. Юстиціи. Въ заключеніе автора выражаетъ благодарность Серпуховскому городскому обществу за щедрую субсидію, выданную на изданіе сочиненія.

Подобное участіе другихъ городскихъ обществъ, безъ сомнѣнія, принесло бы весьма существенную пользу дѣлу отечественной исторіи. Въ связи съ этимъ назовемъ еще одинъ изъ подобныхъ труда:

Опытъ древней исторіи города Опочки. Изданіе Н. И. Кукольника. Псковъ, 1879. 148 стр.

«Опытъ» составленъ еще въ 1857 г. И. П. Бутырскимъ и изданъ опочецкимъ купцомъ, потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Кукольникомъ. Онъ не отличается обработкою или системою. Это рядъ выписокъ изъ лѣтописей и позднѣйшихъ сочиненій (Карамзина, м. Евгенія и др.), дополненныхъ преданіями и замѣчаніями автора. Перечень событій доведенъ до конца XVII в., причемъ сообщаются выписки изъ актовъ и указанія на матеріалы и статьи, помѣщенные въ Псков. губ. Вѣдомостяхъ. «Опытъ» напечатанъ въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. В. И.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двѣнадцатый. ФЕВРАЛЬ. 1881 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Записки сенатора Якова Александровича Соловьева**: крестьянское дѣло въ царствованіе Александра II. Глава первая 211

II. **Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій и Кавказская война.** Историческій очеркъ. Составилъ Д. И. Романовскій. . . . 247

III. Украйнофильство. Статья профессора **Н. И. Костомарова** . . 319

IV. **Записки Сельскаго Священника.** Главы I.—LIV. 330

V. **Студенческія корпораціи въ С.-Петербургскомъ университетѣ** въ 1830—1840-хъ гг. Изъ воспоминаній бывшаго студента . . 367

VI. **Осипъ Михайловичъ Гладкій**, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи. 1789 — 1866 гг. Разсказъ П. О. Гладкаго 381

VII. **Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ**, 1836 — 1842 гг. Изъ воспоминаній В. В. Стасова. Главы II—IV. . . 393

VIII. **Жизнь и произведенія гравера Лаврентія Авксентьевича Сѣракова, 1824 — 1881 гг.** Очеркъ. Состав. Н. П. Собко . . . 423

IX. **Историческіе матеріалы и замѣтки.** Меллеръ-Закомельскіе. Сообщ. М. П. Богдановичъ (445). Письмо М. М. Сперанскаго изъ Перьми, 1814 г., (447). Рапортъ маркиза Паулуччи. 1830 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ (448). 14 декабря 1825 г. Замѣтки кн. Н. С. Голицына,—барона А. Е. Розена и А. П. Бѣляева (449). Кн. М. Д. Горчаковъ и генералъ Затлеръ. Сообщ. А. И. Затлеръ (455). Пушкинская выставка (456).

X. **Князь М. И. Голенищевъ-Кутузовъ.** Къ его портрету, 1774 г., гравированному Л. Сѣраковымъ. 463

XI. **Библіографическій листокъ**, (на обертѣ). Составилъ профессоръ В. С. Иконниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. **Представители державной власти въ Россіи**, 1682—1855 гг. Заглавная виньетка, рисовалъ професс. Шарлемань, гравировалъ Акад. Л. А. Сѣраковъ.— II. Портретъ **Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова**, 1774-го года. Рисовалъ Б. О. Бремъ. Гравировалъ Акад. Л. А. Сѣраковъ.—III. **Записки С. А. Порошина**, 1764—1766 гг. [продолженіе, стр. 53—84].

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.
Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.
1881.

II-я книга „Русской Старины" вышла 1-го февраля 1881 г.

Историко-статистическое описаніе города Осташкова. Тверь. 1880. 151+XI, съ план. 1766 и 1872 гг.

Этотъ очеркъ составленъ весьма добросовѣстно и полно. Кромѣ печатныхъ матеріаловъ и общихъ трудовъ, авторъ его, В. Покровскій, воспользовался географическимъ и историческимъ описаніемъ Осташкова, составлен. Трусовецкимъ (рук.) 1832 г.; историческими свѣдѣніями объ Осташковѣ, свящ. В. П. Успенскаго, историческими матеріалами, собранными коммерціи совѣтникомъ Савинымъ и составляющими его семейный архивъ, записными книгами Ниловой пустыни, мѣстныхъ купцовъ рукописями и матеріалами Тверск. статистич. комитета, журналами Осташковской думы и земскаго собранія, мѣстными изслѣдованіями, разсказами и сообщеніями. Такое обиліе матеріаловъ, распредѣленныхъ въ строгой системѣ, представляетъ довольно рельефную картину прошлой и настоящей жизни города. Вотъ перечень главъ этого труда: 1) историческій очеркъ Осташковскаго уѣзда; 2) историческій очеркъ Осташкова до 1772 г.; 3) административное устройство и финансовое управленіе Осташкова до 1772 г. (въ XVII и XVIII вв.); 4 и 5) развитіе города; 6) благотворительныя и учебныя заведенія въ Осташковѣ въ концѣ XVIII стол. 7) промышленность, торговля, нравы и обычаи Осташкова въ концѣ XVIII в.; 8) Осташковъ въ началѣ XIX стол., 9) Осташковъ во время войны 1853—1856 гг.; 10) послѣдніе годы самоуправленія по Екатерининскому положенію; 11) городское самоуправленіе по Положенію 1870 г.; затѣмъ слѣдуетъ рядъ главъ, посвященныхъ описанію почвы, климата, населенія, разныхъ промысловъ, торговли, заводовъ, общественнаго банка (Савина), управленія города, благотворительныхъ и учебныхъ заведеній (въ XVIII и XIX вв.), публичной библіотеки (съ 1833 г.), общественнаго театра (съ 1805 г.), нравовъ и обычаевъ. Въ приложеніяхъ помѣщены: таблица движенія населенія за 49 лѣтъ, списокъ воеводъ, правителей и головъ города; доходовъ и расходовъ за 1871 и 1878 гг.; разсказъ о посѣщеніи Осташкова импер. Александромъ I, въ 1820 г. и проч.

До 1777 г. дѣло общественнаго образованія въ Осташковѣ развивалось медленно: въ это время въ училищѣ обучалось 24 чел., въ частномъ училищѣ 100 чел., другіе учились у мастеровъ въ домахъ; а духовное училище по скудости средствъ было закрыто въ 1758 г., но вновь открыто въ 1772 г., а затѣмъ основано и народное училище (1787 г.). Городовое положеніе Екатерины II скоро привилось къ осташковцамъ, но общій государственный строй и складъ общественной жизни были таковы, что идеи, положенныя въ основаніе этого учрежденія, встрѣчали нерѣдко весьма чувствительныя препятствія: печальный примѣръ такого столкновенія съ генер.-губернат. Архаровымъ подробно разсказанъ авторомъ со словъ фамильныхъ записокъ (26—27). Произведенія кожевенныхъ заводовъ фирмы Савиныхъ находили сбытъ не только въ Петербургѣ, но и въ Англіи, Сѣв. Германіи, Австріи и даже Сѣв. Америкѣ; въ 1819 г. въ Осташковѣ основанъ банкъ; первый самоваръ привезенъ въ Осташковъ въ 1780 г., но сначала жители посмотрѣли на это нововведеніе съ недовѣріемъ, какъ на диковину (25); послѣ 1780 г. Осташи познакомились съ кофе, но только съ 1832 г. началось мощеніе улицъ, которое шло до 1851 г. весьма медленно, хотя большая часть улицъ въ осеннее время были вовсе непроходимы. Сначала (въ 1871 г.) городская дума отклонила введеніе городоваго положенія 1870 г., опасаясь увеличенія налоговъ; въ 1873 г. она высказалась за принципъ дароваго обученія и назначила особую сумму для этого. Въ 1776 г. въ Осташковѣ числилось до 5,000 душъ всего населенія; въ 1878 г.—11,264 д. Уже въ XVIII в. кузнечный промыселъ въ Осташковѣ достигъ широкаго развитія, а издѣлія его получаютъ обширный сбытъ; первый кожевен. заводъ основанъ въ 1740 г.; въ 1792 г. введена выдѣлка красной юфти. Торговлею занимается 236 семействъ. Общественный банкъ, со времени учрежденія своего, на пользу и нужды го-

МИХАИЛЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ

ВЪ 1774 Г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1879 Г.

С.-Петербургъ, 25 апрѣля 1879 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бум

Несколько дней спустя по выходѣ этой книги, именно 19-го февраля 1881-го года минетъ двадцать лѣтъ со дня учрежденія Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

Комитетъ этотъ учрежденъ, волею Государя Императора, въ день подписанія Положеній объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости.

На Главный Комитетъ возложено „приведеніе къ однимъ общимъ началамъ устройства и управленія всего сельскаго или крестьянскаго состоянія въ государствѣ.“ Комитетъ, по силѣ указа объ его учрежденіи, состоитъ „въ непосредственномъ вѣдѣніи“ Государя Императора. На обязанность Комитета, между прочимъ, возложено: „высшее наблюденіе за введеніемъ въ дѣйствіе утвержденныхъ Государемъ законоположеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости и разрѣшеніе всѣхъ вопросовъ и недоразумѣній, кои при этомъ могутъ возникнуть.“

„Разсмотрѣніе разныхъ проектовъ законоположеній,“ кои должны были быть составлены въ дополненіе Положеній 19 февраля 1861 года.

„Составленіе и разсмотрѣніе предположеній объ устройствѣ крестьянъ государственныхъ, дворцовыхъ, удѣльныхъ, заводскихъ и всѣхъ другихъ.“

„Высшее наблюденіе“ за введеніемъ въ дѣйствіе Положеній о сихъ крестьянахъ, а также разъясненіе могущихъ возникнуть при семъ вопросовъ и недоразумѣній, и составленіе „общихъ предположеній, касающихся сельскихъ сословій, завѣдываемыхъ до тѣхъ поръ разными вѣдомствами и управленіями.“

Одно уничтоженіе крѣпостнаго права, совершенное волею Государя Императора,—какъ основа къ улучшенію быта крестьянъ и исходное начало для всѣхъ другихъ необходимыхъ въ Россіи преобразованій,—вызвало громаднѣйшій трудъ: надлежало установить и упрочить свободу и гражданскія права населенія въ двадцать слишкомъ мильоновъ людей об. пола и надлежало согласовать противоположные матеріальные интересы въ 100,528 помѣщичьихъ имѣніяхъ; трудъ этотъ тѣмъ болѣе былъ сложенъ,—что предстояла необходимость примѣнить новый законъ къ хозяйственнымъ и бытовымъ условіямъ страны столь обширной какъ Россія.

По Россіи разсѣялись энергическіе, въ громадномъ большинствѣ добросовѣстные труженики, мировые посредники, возникли—мировые съѣзды, губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія—и работа закипѣла подъ высшимъ руководствомъ и наблюденіемъ Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія.

Все совершенное въ области законодательства по отношенію къ сельскому населенію Россіи—на виду у всѣхъ соотечественниковъ нашихъ. Мильоны крестьянъ, существовавшихъ подъ различными наименованіями—но болѣе или менѣе въ одинаков› стѣснительныхъ условіяхъ—слились—въ истекшее двадцатилѣтіе—въ одну семью свободныхъ гражданъ, призванныхъ къ равноправному матеріальному и нравственному развитію въ жизни всего Русскаго народа

Какъ ни кратокъ, повидимому, періодъ нами пережитый, но по множеству и крайней важности задачъ, совершенныхъ въ продолженіи его по отношенію уже только одного сельскаго населенія нашего отечества, является необходимость оглянуться назадъ, необходимость приступить къ собранію и обнародованію матеріаловъ для исторіи крестьянскаго дѣла въ царствованіе Императора Александра II.

Въ исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи „Главному Комитету объ устройствѣ сельскаго состоянія", [состоящему съ самаго дня его учрежденія подъ предсѣдательствомъ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича], поставленному на стражѣ великихъ началъ, легшихъ въ основаніе законоположеній 19-го февраля и незыблемо твердо ихъ сохранившему и примѣнившему въ законоположеніяхъ, упрочившихъ бытъ всѣхъ крестьянъ на Руси,—всеконечно будетъ отведено весьма видное мѣсто.

Открывая для матеріаловъ къ исторіи крестьянскаго дѣла въ Россіи въ царствованіе Александра II страницы „Русской Старины," мы во главѣ ихъ ставимъ обширныя и, смѣемъ думать, интересныя записки сенатора Якова Александровича Соловьева, одного изъ видныхъ дѣятелей крестьянской реформы. Въ первыхъ главахъ этихъ Записокъ читатель найдетъ исторію возникновенія и развитія мысли освобожденія крестьянъ на Руси, а также подробности о двухъ Комитетахъ: Секретномъ [3-го янв. 1857 по 16 февр. 1858 г.] и Главномъ Комитетѣ по крестьянскому дѣлу [16 февр. 1858 по 18 февр. 1861 г.] предшественникахъ нынѣшняго „Главнаго Комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія."

На первыхъ же страницахъ Записокъ Соловьева, читатель встрѣтитъ посмертное свидѣтельство этого государственнаго дѣятеля о томъ, что „разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, какъ по почину, такъ по направленію и по доведенію до конца, всецѣло принадлежитъ нынѣ царствующему Государю Александру Николаевичу и притомъ лично Его Императорскому Величеству безъ всякихъ постороннихъ вліяній." [„Русская Старина" 1881 г. томъ XXX, (февраль) стр. 225]. Ред.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

Начато 18-го іюня 1873 года, на дачѣ въ Петергофѣ, и доведено до учрежденія Редакціонныхъ Коммисій, въ деревнѣ (Вышковѣ), 26-го августа 1875 г. Въ теченіи этого времени я дѣлалъ значительныя поправки съ большими вставками въ Петербургѣ, а, главное, въ Вышковѣ, а съ 27-го августа началъ исправленіе самыхъ первыхъ листовъ; зимой раздѣлилъ на главы, со многими добавленіями, и окончилъ эту 1-ю часть моихъ Записокъ 8 іюля 1876 года въ Вышковѣ.

Я. А. Соловьевъ. [1]

Предисловіе.

Послѣ моей дѣятельной службы, которая окончилась въ 1871 г. въ Варшавѣ, съ этого года, по полученному мной еще въ 1867 г. званію сенатора, я началъ присутствовать въ Сенатѣ. Времени оказалось у меня такъ много, что я не зналъ какъ распорядиться имъ, пока не попалъ на мысль писать свои Записки.

Въ 1872 г., въ деревнѣ (Вышковѣ), я попробовалъ было начать свои Записки съ самаго моего дѣтства, но эта работа не удовлетворяла меня. Черезъ годъ, живши на дачѣ въ Петергофѣ, я сталъ описывать мою служебную дѣятельность съ конца 1857 года, т. е. съ начала моихъ занятій по крестьянскому дѣлу. Занятія пошли успѣшнѣе, и я, мало по малу, увлекся моей работой, такъ что теперь (лѣто 1875 г.) я чувствую, что та пустота въ моей жизни, которая образовалась съ 1871 года, вполнѣ наполнилась моими занятіями по составленію Записокъ, которымъ я посвящаю каждый день, по

---

[1]) Очеркъ жизни и государственной дѣятельности покойнаго Я. А. Соловьева, а также обширный отрывокъ изъ его записокъ напечатаны въ „Русской Старинѣ“ изд. 1877 г., томъ XVIII, стр. 379 и слѣд. и изд. 1880 г., томъ XXVII (февраль), стр. 319—365.

Ред.

четыре часа времени. Не знаю, успѣю-ли до моей смерти, но мнѣ хотѣлось-бы написать Записки о моей служебной и литературной дѣятельности, предшествовавшей крестьянскому дѣлу, а также и о послѣдующемъ времени, о моемъ пребываніи въ Варшавѣ.

Служба по кадастру въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, мои статистическіе труды и занятія вопросомъ о крѣпостномъ состояніи, прежде оффиціальнаго его появленія, подготовили меня къ дѣлу освобожденія крестьянъ, а занятія этимъ дѣломъ сдѣлали меня способнымъ къ тѣмъ трудамъ по польскому вопросу, которые я несъ на себѣ во время семилѣтней моей службы въ Царствѣ Польскомъ.

Изъ всей прошедшей моей дѣятельности я считаю наиболѣе производительной и наиболѣе полезной службу общему крестьянскому дѣлу, хотя въ Царствѣ Польскомъ занятія мои, между прочимъ. крестьянскимъ дѣломъ были менѣе стѣснены, чѣмъ въ имперіи, и намъ удалось достигнуть послѣдствій болѣе положительныхъ и болѣе благотворныхъ для польскихъ крестьянъ, чѣмъ для русскихъ.

Служба моя по крестьянскому дѣлу началась въ декабрѣ 1857 года, по выходѣ уже первыхъ двухъ рескриптовъ (генералъ-губернаторамъ Виленскому и Петербургскому) объ открытіи губернскихъ дворянскихъ комитетовъ по устройству быта крестьянъ. Поэтому, разсказъ мой, какъ очевидца и участника въ работахъ, долженъ былъ бы начаться съ этого времени; но для того, чтобъ яснѣе представить какъ возрожденіе крестьянскаго вопроса, такъ и постепенное развитіе его, я коротко разскажу не только о составленіи первыхъ двухъ рескриптовъ и о занятіяхъ по крестьянскому дѣлу, предшествовавшихъ появленію рескриптовъ, а также о работахъ по разрѣшенію этого жизненнаго для Россіи вопроса въ прошедшемъ царствованіи.

Источниками для этого разсказа изъ печатныхъ изданій будутъ служить мнѣ составленная А. И. Левшинымъ «Записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ», напечатанная въ «Девятнадцатомъ вѣкѣ» кн. II, 1872 г., и изданные въ Берлинѣ въ 1860, 1861, 1862 годахъ: «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи».

Яковъ Соловьевъ.

Глава первая.

Время до открытія губернскихъ комитетовъ.

I.

Комитетъ о крестьянахъ въ предшествовавшее царствованіе.—Комитетъ 6-го декабря 1826 г.—Министерство государственныхъ имуществъ и графъ П. Д. Киселевъ.—Обязанные крестьяне.—Дворянство и князь А. С. Меншиковъ.—Пятый и шестой комитетъ подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника,—нынѣ царствующаго Государя.—Депутаты отъ Смоленскаго дворянства и князь Друцкой-Соколинскій.—Право самихъ крестьянъ покупать продававшіяся съ публичныхъ торговъ имѣнія и уничтоженіе этого права.—1848 годъ.—Крымская война и смерть Государя.—Положеніе крестьянскаго вопроса при вступленіи на престолъ Государя Александра Николаевича.—

Мысль объ улучшеніи участи помѣщичьихъ крестьянъ не оставляла императора Николая Павловича до послѣднихъ годовъ его царствованія.

Не прошло года, по восшествіи его на престолъ, какъ учрежденъ былъ секретный комитетъ 6 декабря 1826 г., подъ предсѣдательствомъ графа Кочубея, изъ членовъ: графа Толстаго, князя Васильчикова, графа Дибича, князя Голицына и (графа) Сперанскаго; правителями дѣлъ были (графъ) Блудовъ и Дашковъ. Комитету этому поручено было, въ числѣ многихъ весьма важныхъ предположеній, разсмотрѣть вопросъ о крестьянахъ и о дворовыхъ людяхъ. Всѣ предположенія этого комитета о крестьянскомъ дѣлѣ были основаны на запискѣ гр. Сперанскаго. По мнѣнію этого перваго комитета, слѣдовало облегчить всѣ способы увольненія изъ крѣпостнаго состоянія, какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ имѣній съ землей и безъ земли. Предполагалась также общая мѣра для всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, состоящая въ запрещеніи всякаго отчужденія крестьянъ безъ земли. О дворовыхъ людяхъ было составлено особое предположеніе.

Предположенія комитета 6 декабря прошли чрезъ государственный совѣтъ, были предварительно одобрены Государемъ, и въ 1830 году все было готово къ тому, чтобы, въ числѣ другихъ государственныхъ мѣръ, послѣдовало облегченіе участи крѣпостныхъ. Но противное этимъ реформамъ, присланное изъ Варшавы мнѣніе великаго князя Константина Павловича, а затѣмъ французская іюльская революція и польское возстаніе остановили обнародованіе готовыхъ уже въ проектахъ манифеста и трехъ указовъ по крестьянскому дѣлу.

Всѣ проектированныя комитетомъ 6 декабря мѣры признавались

только предварительными. Что же касается до окончательнаго устройства крестьянскаго состоянія, то графъ Сперанскій признавалъ: «единственнымъ средствомъ къ тому опредѣленіе всѣхъ крестьянскихъ работъ и повинностей договоромъ». Но прежде окончательнаго устройства помѣщичьихъ крестьянъ, первый секретный комитетъ, согласно съ мнѣніемъ Сперанскаго, признавалъ необходимымъ учрежденіе лучшаго хозяйственнаго управленія для крестьянъ казенныхъ.

Вѣроятно, руководствуясь этою мыслію, шесть лѣтъ спустя, покойный Государь предназначилъ графа Киселева въ министры государственныхъ имуществъ и поручилъ ему образованіе новаго министерства. Министерство это было открыто въ 1837 году, но еще въ 1836 году Государь имѣлъ продолжительный разговоръ съ графомъ П. Д. Киселевымъ о крестьянскомъ вопросѣ. Изъ разговора этого, записаннаго графомъ сейчасъ по возвращеніи изъ дворца, видно, что Государь хотѣлъ поручить Киселеву не одно управленіе государственными имуществами, но вообще веденіе всего дѣла о преобразованіяхъ въ бытѣ какъ казенныхъ, такъ и помѣщичьихъ крестьянъ. Государь, между прочимъ, сказалъ Киселеву, что онъ дѣлаетъ его «начальникомъ штаба» по крестьянскому дѣлу, руководить которымъ онъ будетъ самъ. Хотя при учрежденіи министерства явно эта мысль не была выражена, но императоръ Николай во все свое царствованіе не переставалъ считать графа Киселева своимъ ближайшимъ сотрудникомъ въ крестьянскомъ дѣлѣ.

Исполняя волю Государя, Киселевъ не замедлилъ представить свои предположенія объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ. Для разсмотрѣнія этихъ предположеній былъ учрежденъ въ 1839 г. второй секретный комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, изъ членовъ: графа (князя) Орлова, графа Левашова, кн. Меншикова, гр. Киселева, гр. Блудова, Тучкова, гр. А. Д. Строганова, Танѣева и гр. Панина.

Въ этотъ комитетъ гр. Киселевъ внесъ составленный имъ проектъ объ обязанныхъ крестьянахъ. Въ этомъ комитетѣ замѣчательно несогласіе князя Меншикова съ основными началами предположеній объ обязанныхъ крестьянахъ. Это первое проявленіе той борьбы, которая во всей силѣ обнаружилась при составленіи положеній о крестьянахъ въ 1861 году.

Графъ Киселевъ признавалъ, что «система фермерствъ Англіи, Ирландіи и у насъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, оставляя безъ всякаго устройства и обезпеченія цѣлыя сословія, составляющія главную массу народонаселенія, и порождая огромный классъ бездомныхъ бобылей, столь опасный для общественнаго спокойствія, не можетъ

быть принята въ Россіи безъ справедливаго опасенія послѣдствій, которыхъ вполнѣ невозможно и представить. Система Франціи, Швейцаріи и нѣкоторыхъ частей Германіи и Пруссіи, утвердившая за крестьянами право вотчиничества, основанная на началахъ демократіи и порожденная политическими переворотами, должна быть чужда всякаго примѣненія къ Россіи». Дѣйствительно ли такъ думалъ въ это время Киселевъ, или онъ примѣнялся къ уровню понятій тѣхъ людей, которымъ предоставлено было обсудить его предположенія? Можетъ быть, онъ отрекался отъ мысли обращенія крестьянъ въ поземельныхъ собственниковъ для того, чтобы провести предлагаемую имъ мѣру, которую онъ назвалъ «среднею», и которая, поставляя крестьянъ на приличную степень свободныхъ или обязанныхъ земледѣльцевъ, обезпечиваетъ ихъ бытъ силой закона, не вводя ихъ въ права, принадлежащія только дворянству. Такія отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ введены въ 1831 году въ Валахіи.

Князь Меншиковъ явился защитникомъ матеріальныхъ интересовъ дворянскаго сословія и тѣхъ преимуществъ, которыми оно пользовалось до освобожденія крестьянъ. Съ этой точки зрѣнія Меншиковъ былъ совершенно вѣренъ началу, которое онъ защищалъ и послѣдователенъ во всѣхъ своихъ выводахъ. Онъ «признавалъ справедливымъ одинъ только тотъ способъ, который употребленъ въ нашихъ остзейскихъ губерніяхъ, а именно, чтобы земля оставалась собственностію помѣщиковъ, а крестьяне имѣли право личной свободы»...

«Предлагаемая же графомъ Киселевымъ отдача земель общинамъ поведетъ къ отчужденію дворянскихъ недвижимыхъ имѣній и даже къ зависимости помѣщиковъ отъ крестьянскихъ обществъ, и такія муниципальныя начала могутъ имѣть самыя страшныя для государства послѣдствія. Не отъ отдѣльно-обязанныхъ обывателей опасаться должно неповиновенія, но отъ общинъ, которымъ дается политическое бытіе, огражденное матеріальными силами люднаго соединенія, способнаго къ сопротивленію и, слѣдовательно, къ неповиновенію. Для упроченія власти правительства и общественнаго спокойствія не соединять, а разобщать должно силы матеріальныя: «divide et impera.»

Комитетъ, учрежденный въ 1839 году, окончился обнародованіемъ Высочайшаго указа 2 апрѣля 1842 года, имѣвшаго такое ограниченное примѣненіе и такъ мало видимыхъ послѣдствій для разрѣшенія общаго вопроса. Но онъ важенъ былъ въ томъ отношеніи, что правительство съ этого времени какъ бы признало невозможнымъ безземельное освобожденіе крестьянъ, тогда какъ всѣ предыдущіе акты правительства признавали его единственно возможнымъ. Поборники

исключительно сословныхъ дворянскихъ интересовъ, представителемъ которыхъ въ комитетѣ былъ князь Меншиковъ, очень хорошо это поняли. Этимъ объясняются и разныя мнѣнія Меншикова противъ предположеній Киселева и постоянная нелюбовь къ сему послѣднему всѣхъ представителей консервативнаго начала.

Третій (въ 1840 г.) и четвертый (въ 1844 г.) комитеты, изъ которыхъ четвертый былъ подъ предсѣдательствомъ самаго Государя, разсуждали о мѣрахъ къ уменьшенію числа дворовыхъ людей и, сверхъ того, третій разсматривалъ вопросъ о воспрещеніи отчужденія крестьянъ безъ земли. Ни тотъ, ни другой изъ этихъ комитетовъ не имѣлъ никакихъ послѣдствій.

Наконецъ, пятый (въ 1846 г.), и шестой (въ 1848 г.) замѣчательны тѣмъ, что оба они были подъ предсѣдательствомъ Наслѣдника, т. е. нынѣ царствующаго Государя Императора.

Въ шестомъ комитетѣ разсматривалась записка министра внутреннихъ дѣлъ графа Перовскаго объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія. Въ этой запискѣ графъ Перовскій приходилъ къ заключенію, что ни безъ земли, ни даже съ землей крестьяне безусловно уволены быть не могутъ!

Поэтому онъ совѣтовалъ, рядомъ предлагаемыхъ имъ мѣръ, постепенно ослаблять силу крѣпостнаго права. При чемъ въ отдаленномъ будущемъ предполагалось опредѣленіе повинностей крестьянъ посредствомъ инвентарей и предоставленіе имъ права жалобы на помѣщиковъ. Комитетъ одобрилъ эту мысль и на первый разъ положилъ: изыскать способы паблюденія за помѣщиками, чтобы они непревышали власти, предоставленной имъ закономъ, а при имѣвшемся тогда въ виду составленіи гражданскаго уложенія, «оградить движимое имущество крестьянъ отъ несправедливыхъ притязаній помѣщиковъ». Государь утвердилъ это предположеніе комитета, которое осталось безъ всякаго дальнѣйшаго движенія. Этотъ комитетъ былъ самый немногочисленный; кромѣ предсѣдателя Наслѣдника, въ немъ принимали участіе: предсѣдатель государственнаго совѣта князь Васильчиковъ, шефъ жандармовъ князь Орловъ и составитель записки графъ Перовскій.

Казалось, что послѣ этого всякая мысль о скоромъ улучшеніи быта крестьянъ была оставлена; но на дѣлѣ мысль эта не оставляла покойнаго Императора. Доказательствомъ тому служатъ два факта, случившіеся вслѣдъ за закрытіемъ шестаго комитета. Одинъ изъ нихъ заключается въ словахъ, сказанныхъ депутатамъ смоленскаго дворянства.

По дворянской грамотѣ, дворяне, послѣ каждаго губернскаго со-

бранія, выбираютъ депутатовъ для принесенія царствующему Государю благодарности за дарованныя права. Обыкновенно, депутаціи эти никогда не принимались и не принимаются. На этотъ разъ государь Николай Павловичъ изъявилъ желаніе видѣть смоленскихъ депутатовъ. Онъ ихъ принялъ и поручилъ имъ передать смоленскому дворянству, чтобы оно «келейнымъ» образомъ обсудило вопросъ объ устройствѣ крестьянъ.

Другой фактъ состоялъ въ томъ, что министру государственныхъ имуществъ, въ видахъ уменьшенія (числа) крѣпостныхъ крестьянъ, разрѣшено (11 августа 1847 г.) покупать на счетъ правительства продающіяся съ публичныхъ торговъ помѣщичьи населенныя имѣнія, при чемъ самимъ крестьянамъ дозволено было (указомъ 8 ноября 1847 г.) принимать участіе въ этихъ торгахъ, и такимъ образомъ выкупаться изъ крѣпостнаго состоянія вмѣстѣ съ землей.

Политическія волненія, охватившія въ 1848 году западную Европу, были причиной, что порученіе, возложенное Государемъ на Смоленское дворянство, осталось безъ послѣдствій; а примѣненіе мѣръ къ уменьшенію крѣпостныхъ крестьянъ при публичныхъ продажахъ населенныхъ имѣній, вовсе остановлено. Вмѣсто предположеній объ устройствѣ быта крестьянъ, смоленскій губернскій предводитель дворянства, князь Друцкой-Соколинскій представилъ Записку, въ которой доказывалъ, что нельзя измѣнить крѣпостное состояніе[1]). При учрежденіи шестаго комитета было уже признано, что данное министру государственныхъ имуществъ разрѣшеніе покупать, при публичныхъ продажахъ, частныя населенныя имѣнія, и предоставленное крестьянамъ право, при этихъ торгахъ, выкупаться изъ крѣпостнаго состоянія вмѣстѣ съ землей—могутъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія. Поэтому комитетъ этотъ былъ учрежденъ не для обсужденія вопроса, могутъ ли или нѣтъ оставаться двѣ изложенныя мѣры въ своей силѣ, а для разсмотрѣнія разныхъ предположеній къ отвращенію послѣдствій упомянутыхъ двухъ мѣръ. Записка князя Друцкаго-Соколинскаго была вполнѣ одобрена покойнымъ Государемъ[2]). а представленія шестаго комитета о совершен-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1873, томъ VIII, стр. 910—939. Ред.

[2]) Князь Друцкой, который былъ обласканъ Государемъ и произведенъ изъ отставныхъ полковниковъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, считалъ себя чуть ни спасителемъ отечества, приписывая себѣ, а не волненіямъ въ западной Европѣ, прекращеніе всякаго движенія крестьянскаго вопроса. По возвращеніи въ Смоленскъ, онъ разсказывалъ дворянамъ объ успѣхѣ своей поѣздки въ Петербургъ и отслужилъ въ соборѣ благодарственный молебенъ. Государь узналъ объ этомъ и до своей смерти не могъ простить этого Друцкому. Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ о назначеніи его губер-

номъ и немедленномъ прекращеніи дѣйствія двухъ высочайшихъ повелѣній утверждены.

Такъ кончились попытки прошедшаго царствованія къ разрѣшенію общаго вопроса о крестьянахъ. Вскорѣ затѣмъ послѣдовавшая война и постигшая Государя смерть лишили императора Николая Павловича возможности не только осуществить, но даже приступить къ осуществленію намѣренія, которое не давало ему покоя въ продолженіи всего царствованія, и которое, вмѣстѣ съ неудачными военными дѣйствіями, придали его кончинѣ трагическій характеръ. Человѣкъ съ желѣзною волею и болѣе чѣмъ твердымъ характеромъ, при самодержавной власти, не могъ сдѣлать того, что исполнилъ его Августѣйшій Сынъ. По весьма достовѣрнымъ слухамъ, покойный Государь торопился разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса именно потому, что онъ не надѣялся, чтобъ такой трудный вопросъ могъ быть разрѣшенъ послѣ его смерти.

Главная причина неудачъ прошлаго царствованія въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса заключалась въ томъ, что онъ разрѣшался «келейнымъ» образомъ. Покойный Государь, по характеру всего его царствованія, не могъ себѣ представить, чтобъ подобный вопросъ могъ сдѣлаться предметомъ гласнаго обсужденія, а между тѣмъ одна только гласность, съ привлеченіемъ къ дѣлу всѣхъ живыхъ силъ народа, спасла этотъ вопросъ въ нынѣшнемъ царствованіи отъ новыхъ неудачъ.

Но если секретные комитеты, которые открывались для составленія общихъ предположеній объ устройствѣ крестьянскаго быта, не имѣли успѣха, то вопросъ объ освобожденіи крестьянъ все болѣе и болѣе становился предметомъ обсужденія въ той части русскаго общества, которая думала о благѣ отечества и которая правильно понимала, въ чемъ состоитъ это благо. Этому способствовали: съ одной стороны, духъ времени, распространеніе просвѣщенія и путешествія русскихъ за границу; съ другой, частныя и мѣстныя мѣры, предпринимаемыя правительствомъ. Не смотря на неудачи въ разрѣшеніи общаго вопроса, покойный Государь не терялъ энергіи въ разрѣшеніи мѣстныхъ и частныхъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу. Введеніе инвентарей въ западныхъ губерніяхъ уничтожило понятіе о неприкосновенности крѣпостнаго права. Указъ 1846 г., который запрещалъ помѣщикамъ

наторомъ, чего онъ такъ желалъ, но Государь написалъ противъ фамиліи Друцкаго „болтунъ", такъ что желаніе его попасть въ губернаторы исполнилось не прежде, какъ послѣ смерти покойнаго императора.

Я. А. Соловьевъ.

Царства Польскаго уменьшать общее пространство крестьянской земли, хотя не могъ имѣть прямаго вліянія на крестьянское дѣло въ имперіи, но, исправляя ошибку прежняго польскаго правительства, состоявшую въ безусловно безземельномъ освобожденіи крестьянъ, указъ этотъ содѣйствовалъ къ распространенію понятія о невозможности безземельнаго освобожденія русскихъ крестьянъ.

Ничѣмъ не стѣсненная власть помѣщика въ опредѣленіи наказаній для провинившихся крестьянъ была ограничена при изданіи новаго уголовнаго уложенія; при чемъ точно была опредѣлена граница между исправительными взысканіями, налагавшимися помѣщиками, и уголовными, которымъ крестьяне могли подвергаться не иначе, какъ по суду. Въ числѣ весьма важныхъ мѣръ къ смягченію крѣпостнаго права слѣдуетъ признать мѣры противъ жестокаго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами. Нѣсколькими постановленіями было весьма ограничено число случаевъ перехода крѣпостныхъ людей безъ земли изъ однѣхъ рукъ въ другія; а раздробленіе семействъ вовсе было воспрещено.

Вообще, число всѣхъ постановленій, изданныхъ въ царствованіе Николая Павловича о крѣпостныхъ людяхъ, превышало сто, и замѣчательно, что изъ нихъ было только одно, вышедшее послѣ 1848 года.

Но какъ бы то ни было, мѣры правительства, общественное мнѣніе и пробужденіе сознанія въ самихъ крестьянахъ сдѣлали то, что съ наступленіемъ новаго царствованія крѣпостное право оказалось не въ томъ видѣ, въ какомъ наслѣдовалъ его императоръ Николай Павловичъ. Крестьяне или волновались цѣлыми мѣстностями отъ ложныхъ слуховъ о свободѣ, или бѣжали отъ жестокихъ помѣщиковъ. или сопротивлялись распоряженіямъ несправедливыхъ владѣльцевъ. Губернаторы спорили съ предводителями дворянства: первые указывали на извѣстные случаи, какъ на злоупотребленіе помѣщичьей власти, вторые доказывали, что въ этихъ случаяхъ нѣтъ злоупотребленія, а существуетъ законное пользованіе крѣпостнымъ правомъ. Правительство колебалось, въ каждомъ данномъ случаѣ, между желаніемъ взять сторону крестьянъ и боязнію своими дѣйствіями возбудить ихъ противъ помѣщиковъ. Помѣщики опасались и правительства, и крестьянъ. Словомъ, крѣпостное право начало расшатываться и съ каждымъ днемъ становилось все болѣе и болѣе неудобнымъ: и для крестьянъ, и для помѣщиковъ, и для правительства.

II.

Сравненіе положенія крестьянскаго вопроса при Александрѣ I, Николаѣ I-мъ и въ началѣ царствованія Александра II.—Мнѣнія о крѣпостномъ состояніи Шишкова, графа Ростопчина, Державина, Карамзина и адмирала Мордвинова.—Князь А. С. Меншиковъ въ числѣ эмансипаторовъ, вмѣстѣ съ графомъ Воронцовымъ и братьями Тургеневыми.—Проявленіе взгляда Государя Александра Николаевича на крестьянское дѣло, когда Его Величество былъ Наслѣдникомъ, и въ первый годъ его царствованія.—Неясные слухи объ освобожденіи крестьянъ и начало литературнаго движенія.

Я не задаю себѣ задачи написать исторію всѣхъ попытокъ къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія, но не могу удержаться, чтобы не привести, отступая отъ хронологическаго порядка, нѣкоторые факты изъ царствованія Александра I, [1]) съ тѣмъ, чтобы показать, какое вліяніе имѣло тридцати-лѣтнее царствованіе императора Николая на измѣненіе понятія о крѣпостномъ правѣ.

По поводу нѣсколькихъ вопіющихъ случаевъ продажи въ самомъ Петербургѣ крѣпостныхъ людей по одиночкѣ и съ раздробленіемъ семействъ, въ 1820 году правительство вознамѣрилось было воспретить подобную продажу. Вопросъ поступилъ въ государственный совѣтъ, въ которомъ мнѣніе Шишкова о вредѣ подобной мѣры заслужило одобреніе огромнаго большинства членовъ государственнаго совѣта. Шишковъ въ своемъ мнѣніи писалъ: «Въ это время, когда мы слышимъ и видимъ, что почти всѣ европейскія державы вокругъ насъ мятутся и волнуются, наше благословенное отечество пребывало всегда и пребудетъ спокойно. Единодушный громъ на возставшаго врага, далеко простертыя побѣды, и внутренняя, среди неустройства Европы, тишина не показываетъ ли, что оно больше благополучно, нежели всѣ другіе народы! Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ. На что же перемѣны въ законахъ, перемѣны въ обычаяхъ, перемѣны въ образѣ мыслей? И откуда эти перемѣны! Изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи, подъ видомъ свободы ума, разливаемыя ученія, возбужденныя потокомъ страстей, наиболѣе господствуютъ. При таковыхъ обстоятельствахъ, кажется, что если бы и подлинно нужно было сдѣлать нѣкоторыя

[1]) Матеріаломъ при этомъ для меня будетъ составленная профессоромъ В. С. Иконниковымъ монографія „Графъ Н. С. Мордвиновъ". С-Петербургъ, 1873 года. Я. А. Соловьевъ.

перемѣны, то не время о нихъ помышлять. Мы явно видимъ надъ собою благодать Божію. Десница Вышняго хранитъ насъ. Чего намъ нужно желать!»

Таковъ былъ уровень понятій, таково было почти единогласное мнѣніе государственнаго совѣта. Послѣ этого легко понять: почему императоръ Александръ Павловичъ не только въ государственномъ совѣтѣ, но даже въ своемъ «неофиціальномъ комитетѣ», состоявшемъ изъ людей самыхъ близкихъ къ нему, при заявленіяхъ съ его стороны объ освобожденіи крестьянъ, встрѣчалъ, вмѣсто сочувствія, самыя сильныя и настоятельныя возраженія. Можно ли послѣ того удивляться, что когда въ Москвѣ узнали объ увольненіи С. П. Румянцевымъ своихъ крестьянъ въ свободные хлѣбопашцы, графъ Ростопчинъ писалъ князю Циціанову: «Румянцеву вѣрно захотѣлось: или въ четвертый разъ въ службу, или двухъ-аршинной голубой ленты. Но—увы, награжденъ табакеркой! Ты представить себѣ можешь, что за волненіе все сіе произвело въ Москвѣ: и ефимоны перестали читать, чтобъ бранить новаго спасителя рода человѣческаго, т. е. Сергѣя Петровича».

Даже наши знаменитые писатели Державинъ и Карамзинъ были противъ мысли объ освобожденіи крестьянъ. Первый изъ нихъ полагалъ, что проектъ о вольныхъ хлѣбопашцахъ былъ внушенъ Румянцеву «подлою трусостію и желаніемъ угодить государю и что государственный совѣтъ находилъ этотъ проектъ безполезнымъ, но одобрилъ его (въ 1803 году) изъ той же угодливости. Карамзинъ признавалъ крестьянскій вопросъ неразрѣшимымъ. Въ своей запискѣ о древней и новой Россіи (1811), онъ, между прочимъ, писалъ: «Въ заключеніе скажемъ доброму монарху: Государь! исторія не упрекнетъ тебя зломъ, которое прежде тебя существовало (положимъ, что неволя крестьянская есть рѣшительное зло), но ты будешь отвѣтствовать Богу, совѣсти и потомству за всякое вредное слѣдствіе твоихъ собственныхъ уставовъ».

Общее направленіе было таково, что такая свѣтлая личность, какъ адмиралъ Мордвиновъ не сознавалъ необходимости освобожденія крестьянъ, и, мечтая о политической свободѣ, совершенно ошибочно ставилъ вопросъ о крестьянахъ на послѣдующую очередь. Въ представленномъ (въ 1818 г.) проектѣ постепеннаго освобожденія крестьянъ, онъ предлагалъ личный выкупъ, съ соразмѣрнымъ возвышеніемъ размѣра выкупа по возрасту выкупающагося, отъ 2-хъ до 40 лѣтъ, и съ такимъ же пониженіемъ, отъ 40 до 60, такъ что дѣти моложе 2-хъ, а старики старше 60 лѣтъ могли получать свободу даромъ. Взамѣнъ этого, цѣна личнаго выкупа въ другихъ возрастахъ назнача-

лась имъ чрезмѣрно высокая, начиная со 100 руб. для дѣтей отъ 2-хъ до 5-ти лѣтъ, она возвышалась до 2000 р. для взрослыхъ отъ 30 до 40 лѣтъ и понижалась до 500 р., для престарѣлыхъ отъ 50-ти до 60 лѣтъ. Хотя, по тогдашнему счету денегъ, цѣны эти были показаны на ассигнаціи, но, не смотря на это, мѣра эта, по крайней дороговизнѣ цѣнъ, могла имѣть примѣненіе для нѣсколькихъ десятковъ, много сотенъ, особенно богатыхъ крестьянскихъ семействъ, которыя платили за свою свободу нѣсколько тысячъ, иногда десятковъ тысячъ, рублей своимъ помѣщикамъ.

При такомъ настроеніи умовъ передовыхъ государственныхъ дѣятелей и славныхъ писателей, которые занимаютъ первое мѣсто въ исторіи царствованія Александра I, что́ могла сдѣлать горсть людей, вполнѣ сочувствующихъ стремленіямъ своего государя къ освобожденію крестьянъ! Могли ли они что нибудь сдѣлать, когда самъ самодержавный государь оказывался безсильнымъ въ разрѣшеніи этого вопроса. Они не могли ничего сдѣлать, несмотря на умѣренность ихъ желаній; далѣе безземельнаго освобожденія они не шли. Поэтому кн. А. С. Меншиковъ, явившійся въ послѣдующія два царствованія такимъ горячимъ противникомъ освобожденія крестьянъ съ землей, при Александрѣ I былъ въ числѣ эмансипаторовъ. Онъ подписалъ, вмѣстѣ съ княземъ М. С. Воронцовымъ и двумя братьями Н. И. и А. И. Тургеневыми, записку объ образованіи, подъ руководствомъ министра внутреннихъ дѣлъ, общества о постепенномъ освобожденіи крѣпостныхъ отъ рабства. Записка эта была представлена государю въ 1820 году.

Сравнивая эти факты съ тѣмъ, что́ дѣлалось, писалось и говорилось въ царствованіе императора Николая Павловича по крестьянскому вопросу, легко можно заключить, какъ вопросъ этотъ къ началу нынѣшняго царствованія близко подошелъ къ своему разрѣшенію. Противодѣйствіе, и самое сильное, оставалось, но оно измѣнило и форму, и содержаніе. Защита крѣпостнаго права въ принципѣ, какъ защищали его Шишковъ, Державинъ и Карамзинъ, была уже невозможна; невозможна была также оцѣнка крѣпостнаго права на людей по возрастамъ, подобно мордвиновскому проекту. Немыслимо было также опозориваніе и глумленіе надъ порывами къ освобожденію крестьянъ, какое позволяли себѣ Ростопчинъ и Державинъ по поводу закона о свободныхъ хлѣбопашцахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, горсть эмансипаторовъ, мечтавшихъ въ Петербургѣ о безземельномъ освобожденіи крестьянъ, превратилась во множество людей, разсѣянныхъ по всей Россіи, которые вполнѣ сознали и политическую, и экономическую невозможность безземельнаго освобожденія. Всѣ гибельныя послѣд-

ствія такого освобожденія сдѣлались ясными не по теоріи, а вслѣдствіе тщательнаго изученія всѣхъ условій народной жизни.

Сознаніе, что моментъ освобожденія наступаетъ, проникло во всѣ слои общества. Послѣ грома оружія крымской войны, наступила тишина ожиданія, всѣ взоры обратились къ Тому, отъ Кого надѣялись получить исцѣленіе отъ недуговъ, удручающихъ Россію.

Начало дѣла не заставило себя ожидать долго.

Поставленіе крестьянскаго дѣла на первую очередь, сейчасъ послѣ заключенія мира, не должно считать внезапнымъ, непредвидѣннымъ. Почва къ нему была приготовлена въ прошедшее царствованіе, но тѣмъ не менѣе самое разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, какъ по почину, такъ по направленію и по доведенію до конца, всецѣло принадлежитъ нынѣ царствующему Государю Александру Николаевичу, и притомъ лично Его Величеству, безъ всякихъ постороннихъ вліяній. Чтò было главной побудительной причиной къ началу дѣла и несокрушимой твердости въ преслѣдованіи предназначенной имъ цѣли, до сихъ поръ остается далеко не разъясненнымъ.

Всѣмъ извѣстно, что когда помѣщики бѣлорусскихъ губерній возстали противъ бибиковскихъ инвентарныхъ правилъ, то Наслѣдникъ принялъ ихъ сторону, и, по его ходатайству, жалобы помѣщиковъ были разсмотрѣны въ западномъ комитетѣ, гдѣ Великій Князь предсѣдательствовалъ. Это дѣло кончилось въ первый годъ его царствованія уничтоженіемъ бибиковскихъ правилъ и замѣной ихъ новыми. Кромѣ того, нѣкоторые другіе менѣе крупные случаи и общіе слухи о взглядѣ Наслѣдника на крестьянскій вопросъ возбуждали въ дворянахъ полную надежду на ненарушимость крѣпостнаго права въ наступавшее царствованіе.

Первыя дѣйствія правительства какъ бы подтверждали справедливость этой надежды. Министръ внутреннихъ дѣлъ Бибиковъ былъ замѣненъ Ланскимъ, который черезъ недѣлю послѣ своего назначенія обратился (28 августа 1855 г.) съ циркуляромъ къ губернскимъ предводителямъ дворянства, въ которомъ, между прочимъ, писалъ, что повелѣно ненарушимо хранить права, дарованныя дворянству. Другимъ циркуляромъ (1 апрѣля 1856), разосланнымъ по поводу заключенія мира, Ланской предписалъ губернаторамъ «обращать самое усердное вниманіе на поддержаніе въ крестьянахъ полнаго повиновенія къ ихъ помѣщикамъ». Оба эти циркуляра были приняты дворянствомъ съ большимъ удовольствіемъ и были истолкованы въ смыслѣ сохраненія крѣпостнаго права [1]).

---

[1]) Подобные циркуляры издавались при каждомъ новомъ государѣ, со времени Екатерины II.

Послѣдовавшія перемѣны въ министерствѣ государственныхъ имуществъ [1])—замѣна графа Киселева людьми изъ помѣщичьей партіи: сначала Шереметевымъ, а потомъ Муравьевымъ, также могли подать поводъ къ надеждамъ не только на сохраненіе существовавшаго порядка, но даже на ретроградное движеніе къ дальнѣйшему развитію крѣпостнаго права.

Но едва-ли было вѣрно истолкованіе циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ, потому что въ первомъ министерскомъ циркулярѣ къ губернскимъ предводителямъ, между прочимъ, было сказано: «ожидаю отъ васъ ревностнаго исполненія всѣхъ предначертаній правительства». Что же касается до втораго циркуляра, то самая мысль Государя объ освобожденіи крестьянъ, которая сдѣлалась въ то время извѣстной, могла побудить министра написать губернаторамъ о наблюденіи за повиновеніемъ крестьянъ помѣщикамъ. Слова Государя, сказанныя депутаціи петербургскаго дворянства, черезъ нѣсколько дней послѣ вступленія на престолъ, подтверждаютъ, что Государь и его министръ не хотѣли говорить прямо, но намекали на предстоящее преобразованіе при каждомъ случаѣ. Государь сказалъ петербургской депутаціи: «я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ благороднымъ сословіемъ и будетъ въ началѣ всего добраго».

Перемѣны въ министерствѣ государственныхъ имуществъ можно объяснить двумя причинами. Во первыхъ, Государь, будучи Наслѣдникомъ престола, постоянно слышалъ отъ людей, окружавшихъ его, осужденія дѣйствій графа Киселева, и никогда не слыхалъ оправданій обвиняемой стороны; кромѣ того, тутъ были и финансовыя соображенія: говорили, что государственныя имущества могутъ давать гораздо болѣе дохода. Во вторыхъ, весьма вѣроятно, что назначеніемъ Шереметева и Муравьева Государь желалъ какъ бы до времени успокоить дворянство, а при удаленіи графа Киселева, можетъ быть, вкрадывалась и другая мысль.

Мысль Государя заключалась положительно въ томъ, чтобъ милостивымъ выраженіемъ полнаго довѣрія къ дворянамъ привлечь ихъ къ себѣ и освобожденіе крестьянъ произвести посредствомъ дворянства; во всякомъ случаѣ, безъ него обойтись было невозможно, и потому странно было бы, если бы Государь, въ виду предстоящаго дѣла, съ которымъ неизбѣжно были связаны потери для помѣщиковъ, былъ не

---

[1]) Перемѣны эти не имѣли ничего общаго съ крестьянскимъ дѣломъ.

милостивъ къ дворянству и его министръ не говорилъ бы о сохраненіи дворянскихъ правъ, о чемъ говорилось въ рескриптахъ о губернскихъ комитетахъ, и не предписывалъ бы губернаторамъ о повиновеніи крестьянъ помѣщикамъ.

Но дворянство само не вѣрило тому толкованію, которымъ утѣшало себя; слухи и толки о предстоящемъ освобожденіи крестьянъ были повсемѣстны и проникали во всѣ слои общества; объ освожденіи крестьянъ говорили и въ городахъ, и въ селеніяхъ, и въ помѣщичьихъ домахъ, и въ крестьянскихъ избахъ.

Литература отозвалась на этотъ вопросъ настолько, насколько позволяла цензура, а то, чего цензура не могла пропустить, ходило по рукамъ въ рукописныхъ экземплярахъ. Въ этомъ литературномъ движеніи была и моя доля участія. Процензурованная въ послѣдніе дни предъидущаго царствованія и вышедшая въ свѣтъ въ первые мѣсяцы новаго царствованія моя «Сельско-хозяйственная статистика Смоленской губерніи» представила незавидное положеніе помѣщичьяго хозяйства и еще менѣе утѣшительнаго состоянія крѣпостныхъ людей. Эта картина возбудила возраженіе со стороны одного изъ уѣздныхъ предводителей смоленскаго дворянства Иванова (потомъ Смоленскаго губернскаго предводителя, Орловскаго губернатора, а нынѣ, въ 1875 г., помощника попечителя Московскаго учебнаго округа). Я ему отвѣчалъ также печатно особой статьей, поддерживая и развивая мое мнѣніе. Въ это же время возникла полемика о личной поземельной собственности: мелкой и крупной, и объ общинномъ пользованіи, въ которой приняли участіе почти всѣ наши журналы. Въ этой борьбѣ одно лицо, бывшее впослѣдствіи министромъ, подъ псевдонимомъ Гуфейзенберга, явился защитникомъ крупной поземельной собственности и безземельнаго освобожденія крестьянъ. Онъ же, нѣсколько позже, написалъ свои письма въ газетѣ «Le Nord» объ освобожденіи крестьянъ въ прибалтійскомъ краѣ. Баронъ Гакстгаузенъ помѣстилъ въ одномъ изъ журналовъ свои статьи объ отмѣнѣ и выкупѣ господскихъ правъ въ Пруссіи и Австріи. Изъ многочисленныхъ рукописныхъ предположеній пользовалась особенной извѣстностію Записка петербургскаго профессора и одного изъ преподавателей покойнаго Наслѣдника К. Д. Кавелина. Онъ защищалъ полное освобожденіе крестьянъ и при томъ съ землей, за которую помѣщики должны получить вознагражденіе.

Предположенія Ю. Ѳ. Самарина также обращали на себя особенное вниманіе.

III.

Прямое выраженіе воли Государя объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія.—Рѣчь Государя къ дворянамъ въ Москвѣ 30-го марта 1856 года.—С. С. Ланской и А. И. Левшинъ.—Волненія крестьянъ.—

Сейчасъ по заключеніи мира, Государь началъ прямо выражать свою мысль объ освобожденіи крестьянъ, что было весьма естественно, потому что во время войны нечего было и думать о внутреннихъ преобразованіяхъ.

Несомнѣнно то, что Государь Александръ Николаевичъ, съ самаго восшествія своего на престолъ имѣлъ мысль объ освобожденіи крестьянъ, которая его не покидала до тѣхъ поръ, пока не осуществилась [1]).

Прежде всего, Государь намекнулъ о крестьянскомъ вопросѣ двоимъ представлявшимся ему въ Петербургѣ губернскимъ предводителямъ дворянства. Подобныя вѣсти быстро расходятся, въ особенности при настроенномъ уже расположеніи умовъ, вслѣдствіе предварительныхъ слуховъ и толковъ.

Въ концѣ марта 1856 г. Государь пріѣхалъ въ Москву. Тогдашній генералъ-губернаторъ графъ Закревскій, ревностный защитникъ крѣпостнаго права, просилъ Государя успокоить дворянство, которое взволновано слухомъ объ освобожденіи крестьянъ, распространившемся и въ народѣ.

Принимая 30 марта 1856 г. московскаго предводителя дворянства Воейкова [2]) и уѣздныхъ предводителей, Государь сказалъ:

— «Я узналъ, что между вами разнеслись слухи о намѣреніи Моемъ уничтожить крѣпостное право. Въ отвращеніе разныхъ неосновательныхъ толкованій по предмету столь важному, считаю нужнымъ объявить всѣмъ вамъ, что Я не имѣю намѣренія сдѣлать это сейчасъ, но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу. Прошу

---

[1]) Это положительная истина и Государю Императору хотѣлось исполнить то, что покойный Родитель Его Величества всегда желалъ.

[2]) Въ Запискахъ Я. А. Соловьева названъ ошибочно князь Щербатовъ.

васъ обдумать, какъ бы удобнѣе привести все это въ исполненіе. Передайте слова Мои дворянамъ для соображенія».

Это было неожиданной новостью для дворянства. Я въ это время былъ во Владимірѣ съ своимъ кадастровымъ отрядомъ и получилъ списокъ съ рѣчи Государя московскимъ предводителямъ отъ тогдашняго владимірскаго губернскаго предводителя дворянства С. Н. Богданова.

Помѣщики встревожились, но вскорѣ нѣсколько успокоились, вспомнивъ, что покойный императоръ не одинъ разъ говорилъ съ дворянами объ освобожденіи крестьянъ, и особенно настоятельно со смоленскими депутатами въ 1847 году, и что изъ этого ничего не вышло. Успокоенные примѣромъ предшедшаго царствованія, они никакъ не предвидѣли скораго разрѣшенія крестьянскаго вопроса.

Мысль, выраженная Государемъ въ Москвѣ, не была новостію для его министра внутреннихъ дѣлъ С. С. Ланскаго, съ которымъ Государь не одинъ разъ уже говорилъ объ этомъ предметѣ. Ланской былъ если не первымъ, то однимъ изъ первыхъ, съ которыми Государь говорилъ о крестьянскомъ дѣлѣ [1])

Я объ этомъ слышалъ не одинъ разъ отъ самаго покойнаго Сергѣя Степановича Ланскаго [2]). Кромѣ того, я имѣю письменное тому доказательство. У меня сохранился списокъ со всеподданнѣйшей записки министра внутренныхъ дѣлъ отъ 7 апрѣля 1856 года, слѣдовательно черезъ нѣсколько дней по возвращеніи Государя изъ Москвы, «О постепенномъ стремленіи къ освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ». Эта Записка была составлена А. И. Левшинымъ по поводу внесеннаго министромъ въ Государственный Совѣтъ представленія объ ограниченіи раздробленія дворянскихъ населенныхъ имѣній. Самое заглавіе Записки показываетъ, что Ланской зналъ уже о намѣреніи Государя относительно крестьянъ, но это еще болѣе подтверждается содержаніемъ записки, въ которой говорилось, что министръ докладываетъ Государю о сдѣланномъ имъ представленіи «по связи этого представленія съ предметомъ, о которомъ», писалъ Ланской, «Вамъ, всемилостивѣйшій Государь, угодно было выражать мнѣ въ руководство нѣ-

---

[1]) Однимъ еще изъ первыхъ лицъ, съ которыми Государь говорилъ о крестьянскомъ дѣлѣ, былъ Я. И. Ростовцевъ.—К. В. Чевкинъ, съ которымъ былъ друженъ Ростовцевъ и на котораго онъ, вѣроятно, указалъ Государю, былъ также однимъ изъ первыхъ совѣтниковъ Монарха въ этомъ дѣлѣ. Этимъ объясняется назначеніе и того, и другаго членами крестьянскаго комитета, несмотря на то, что одинъ былъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній, а второй—главно-управляющимъ путями сообщенія. Я. А. Соловьевъ.

[2]) Это положительно такъ.

которые виды Ваши. Я разумѣю здѣсь мысль о постепенномъ стремленіи къ освобожденію крѣпостныхъ помѣщичьихъ крестьянъ». Далѣе министръ представлялъ: «При наступающемъ періодѣ мира и спокойствія можно будетъ удобнѣе заняться столь важнымъ дѣломъ, и начертать, по возможности, общій и послѣдовательный планъ дѣйствій, если Вашему Императорскому Величеству благоугодно будетъ это повелѣть. Между тѣмъ, по моему мнѣнію, не слѣдуетъ упускать ни одного случая, могущаго прямо или хотя косвенно соотвѣтствовать намѣреніямъ правительства». Ланской окончилъ свой докладъ слѣдующими словами: «Дозвольте, всемилостивѣйшій Государь, въ заключеніи этого доклада, выразить откровенно мысль, которая, по разумѣнію моему, должна служить основою столь великаго и важнаго дѣла: начавъ его, нельзя ни останавливаться, ни слишкомъ быстро идти впередъ; надо дѣйствовать осторожно, но постоянно, не внимая возгласамъ какъ пылкихъ любителей новизны, такъ и упорныхъ поклонниковъ старины, а прежде всего надо начертать планъ постепенныхъ дѣйствій правительства, въ руководство постановленнымъ отъ него властямъ».

Здѣсь кстати упомянуть, что самое приглашеніе въ концѣ 1855 г. А. И. Левшина, богатаго и образованнаго помѣщика, считавшагося очень умнымъ и дѣльнымъ человѣкомъ, въ товарищи министра внутреннихъ дѣлъ, едва ли ни связывалось съ дѣломъ освобожденія крестьянъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ то время былъ директоромъ департамента сельскаго хозяйства въ министерствѣ государственныхъ имуществъ, министромъ котораго былъ графъ П. Д. Киселевъ, работавшій вмѣстѣ съ покойнымъ Государемъ по крестьянскому вопросу. Немедленно по вступленіи Левшина въ министерство внутреннихъ дѣлъ, ему было поручено веденіе крестьянскаго дѣла.

Вслѣдствіе доклада «о постепенномъ стремленіи къ освобожденію крестьянъ» получено было высочайшее разрѣшеніе соединить въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ всѣ дѣла объ устройствѣ помѣщичьихъ крестьянъ, которыя производились въ разныхъ вѣдомствахъ въ разное время.

Приведеніе въ исполненіе этого повелѣнія не могло не возбудить неудовольствія и интригъ противъ министра внутреннихъ дѣлъ со стороны вѣдомствъ, отъ которыхъ потребовались дѣла; въ особенности этимъ были недовольны предсѣдатель государственнаго совѣта князь Орловъ и государственный секретарь. Неудовольствіе это происходило отъ двухъ причинъ: изъ опасенія скораго разрѣшенія крестьянскаго вопроса и изъ канцелярской ревности къ дѣламъ, которыя, хотя и лежали въ архивахъ, но считались неотъемлемою соб-

ственностью тѣхъ вѣдомствъ, гдѣ нѣкогда производились. Князь Орловъ былъ представителемъ первой изъ этихъ причинъ, а госуд. секретарь—второй; князь Орловъ сталъ во главѣ помѣщичьей оппозиціи, а послѣдній—канцелярской. Обѣ эти силы, въ то время весьма значительныя, начали борьбу съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, которая, то затихая, то вновь разгораясь, продолжалась до самаго выхода изъ министерства С. С. Ланскаго. Старыя дѣла были вытребованы для составленія общаго плана, о которомъ докладывалъ С. С. Ланской Государю; а частныя мѣры къ достиженію цѣли освобожденія крестьянъ, на которыя разсчитывало министерство внутреннихъ дѣлъ, и о которыхъ упомянуто въ томъ же докладѣ 7-го апрѣля 1856 года, шли своимъ чередомъ. Въ числѣ этихъ частныхъ мѣръ былъ возбужденный въ сенатѣ, въ законодательномъ порядкѣ, вопросъ о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщичьихъ крестьянъ въ званіе свободныхъ хлѣбопашцевъ, или, какъ они тогда назывались, государственныхъ крестьянъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Указъ сената, составленный въ декабрѣ 1856 года, съ обнародованіемъ высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта по этому предмету, носилъ названіе: «По вопросу совершенія записей» и проч., съ прописаніемъ выше подчеркнутыхъ словъ. Онъ, по обыкновенію, поступилъ въ продажу въ сенатской лавкѣ. Въ городѣ разнесся слухъ, что вышелъ указъ о свободѣ. «Толпы народа, разсказываетъ авторъ изданныхъ въ Берлинѣ «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи», бросились въ сенатскую лавку за дорогимъ указомъ; въ теченіи трехъ дней не было въ лавкѣ отбоя, а на сенатской площади народъ толпился цѣлое утро, такъ что, наконецъ, полиція вынуждена была принять мѣры къ водворенію порядка. Указъ перепродавали въ мелочныхъ лавкахъ и цѣна за оный доходила до трехъ рублей. Множество экземпляровъ онаго стали пересылаться во внутрь губерній, и цѣлый годъ спустя объ немъ толковали еще по деревнямъ. Многіе дворовые въ Петербургѣ положительно увѣряли, что они сдѣлались вольными, и о томъ объявляли своимъ господамъ».

Крѣпостные люди такъ желали свободы и такъ надѣялись на правительство, что каждое событіе, выходящее изъ ряда обыкновеннаго хода дѣлъ, признавали за поводъ къ ихъ освобожденію. Такъ. по поводу сенатскаго указа о морскомъ ополченіи въ 1854 г., а потомъ манифеста объ общемъ ополченіи 29-го января 1855 года, состоявшагося за три недѣли до смерти Николая Павловича, распространился въ народѣ слухъ, что помѣщичьи крестьяне, которые добровольно пойдутъ въ ополченіе, получатъ свободу съ ихъ семействами и избавятся на всегда отъ работъ и власти помѣщиковъ.

Первыя движенія крестьянъ произошли въ Рязанской губерніи, потомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тамбовской, Владимірской, Симбирской, Саратовской, Воронежской, Нижегородской и Пензенской. Во многихъ уѣздахъ Кіевской губерніи манифестъ объ общемъ ополченіи былъ принятъ за поголовный призывъ въ казачество, съ освобожденіемъ отъ помѣщичьей власти. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ правительственныя власти принуждены были прибѣгнуть къ военной силѣ. Въ этихъ крестьянскихъ волненіяхъ, дѣло не обошлось безъ подстрекателей, но это самое доказывало, что во многихъ случаяхъ достаточно было одной искры, чтобы воспламенить крѣпостныхъ крестьянъ къ волненіямъ болѣе или менѣе значительнымъ [1]). Кромѣ того, въ этихъ волненіяхъ, также какъ въ предъидущихъ и послѣдующихъ, обнаруживалась одна общая черта: полное недовѣріе къ помѣщикамъ и чиновникамъ, которые дѣйствуютъ за одно противъ крестьянъ, скрывая отъ нихъ распоряженія высшаго правительства, направленныя въ пользу крестьянъ, и въ то же самое время полнѣйшая вѣра въ благость царствующаго Государя, которая съ особенной силой привилась лично къ нынѣ царствующему Императору. Подобныя явленія, замѣченныя повсюду, не могли не побуждать правительство къ скорѣйшему разрѣшенію крестьянскаго вопроса.

По полученіи въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ изъ разныхъ вѣдомствъ дѣлъ о крестьянахъ, Левшинъ составилъ для Государя историческую записку о крѣпостномъ правѣ въ Россіи и о мѣрахъ, принятыхъ къ ограниченію этого права, со времени Петра Великаго, которая была одобрена Государемъ. Послѣдствіемъ этой записки, по мысли Ланскаго, было образованіе особаго секретнаго комитета, подъ личнымъ предсѣдательствомъ Государя, изъ слѣдующихъ лицъ: предсѣдателя государственнаго совѣта князя А. Ѳ. Орлова, министра внутреннихъ дѣлъ (впослѣдствіи графа) С. С. Ланскаго, главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ собственной его величества канцеляріи графа Д. Н. Блудова, министра финансовъ Брока, будущаго, и вслѣдъ за тѣмъ назначеннаго, министра государственныхъ имуществъ М. Н. Муравьева, главноуправляющаго путями сообщенія К. В. Чевкина, генералъ-адъютанта Я. И. Ростовцева, министра двора и удѣловъ

---

[1]) Одинъ изъ губернаторовъ, именно нижегородскій, А. Н. Муравьевъ, въ частномъ письмѣ къ Н. А. Милютину (тогда директору хозяйственнаго департамента) между прочимъ (въ 1857 г.) писалъ:

«Aurons-nous quelque chose concernant l'émancipation? On a réveillé le peuple par des bruits, et il est plus facile d'eveiller, que d'éndormir». (Изъ Записокъ Маріи Агѣевны Милютиной). Я. А. Соловьевъ.

графа В. Ѳ. Адлерберга, шефа жандармовъ князя В. А. Долгорукова,—во время его отсутствія изъ Петербурга, приглашался въ комитетъ начальникъ штаба шефа жандармовъ А. Е. Тимашевъ, нынѣшній (1875 г.) министръ внутреннихъ дѣлъ,—и членовъ государственнаго совѣта: князя П. П. Гагарина и барона (впослѣдствіи графа) М. А. Корфа.

При отсутствіи Государя, право предсѣдательства было предоставлено князю Орлову. Управленіе дѣлами слѣдовало бы предоставить товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Левшину, который до открытія комитета занимался крестьянскимъ дѣломъ, притомъ такое назначеніе имѣло бы примѣръ въ прошедшемъ: производителями дѣлъ комитета 6-го декабря 1826 года были два товарища министровъ юстиціи и народнаго просвѣщенія, Дашковъ и графъ Блудовъ; но Ланской, или по свойственной ему безпечности, или изъ обыкновенной боязни министровъ встрѣтить въ своемъ товарищѣ соперника, или по неимѣнію достаточной силы, или, что всего вѣрнѣе, по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ, не сохранилъ веденіе крестьянскаго дѣла за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Управленіе дѣлами комитета было поручено государственному секретарю В. П. Буткову. Вѣроятно, это произошло вслѣдствіе настояній князя Орлова и вліянія другихъ лицъ, несочувствующихъ крестьянскому дѣлу.

IV.

Секретный комитетъ и князь А. Ѳ. Орловъ.—Историческая Записка о крестьянскомъ дѣлѣ А. И. Левшина.—Записка князя П. П. Гагарина, Я. И. Ростовцева, и барона (потомъ графа) М. А. Корфа.—Записка министра внутреннихъ дѣлъ 26 іюля 1857 г.—Жалобы Государя на секретный комитетъ. Назначеніе членомъ комитета Великаго Князя Константина Николаевича.—Разговоры М. Н. Муравьева съ предводителями дворянства во время разъѣздовъ по губерніямъ лѣтомъ 1857 г.—Засѣданія главнаго комитета 14-го, 17-го и 18-го августа 1857 года и утвержденіе Государемъ журнала этихъ засѣданій.—Меньшинство секретнаго комитета. — Великій Князь Константинъ Николаевичъ. — Ланской.—Блудовъ.—

О занятіяхъ секретнаго комитета, который былъ открытъ 3-го января 1857 г., въ первое время его существованія, у меня нѣтъ полныхъ свѣдѣній, потому я приведу буквально разсказъ о первыхъ шагахъ комитета скрывшаго свое имя автора «Матеріаловъ для исторіи упраздненія крѣпостнаго состоянія въ Россіи [1]).

[1]) По общимъ слухамъ, авторомъ „Матеріаловъ“ былъ, нынѣ покойный,

«Засѣданіе 3-го января 1857 года открыто Государемъ приглашеніемъ присутствующихъ лицъ къ сохраненію всего, что будетъ въ ономъ положено, въ величайшей тайнѣ. Затѣмъ Государь изъяснилъ, что вопросъ о крѣпостномъ правѣ давно занимаетъ правительство; что предками его въ разное время принимались разныя мѣры къ устройству и улучшенію быта крѣпостныхъ крестьянъ, но мѣры эти, вслѣдствіе обстоятельствъ, не имѣли желаннаго успѣха; что крѣпостное состояніе отжило свое время; что вопросъ этотъ занимаетъ мысли Государя, съ самаго вступленія его на престолъ, и нынѣ онъ предлагаетъ призваннымъ лицамъ объявить: слѣдуетъ ли принимать какія нибудь рѣшительныя мѣры къ освобожденію крѣпостныхъ крестьянъ»?

«На это присутствующіе единогласно объявили: что вопросъ о крѣпостномъ состояніи, по ихъ мнѣнію, дѣйствительно требуетъ разрѣшенія; что помѣщики, вообще, предполагаютъ въ правительствѣ намѣреніе измѣнить настоящія ихъ отношенія къ ихъ крестьянамъ, но не зная сущности сихъ намѣреній, находятся отъ того въ тревожномъ состояніи; что, съ своей стороны, крестьяне ожидаютъ въ пользу свою мѣропріятій правительства и полагаютъ, что осуществленію оныхъ препятствуютъ помѣщики; что толки о свободѣ въ настоящее время не составляютъ нѣчто новое, а есть явленіе обыкновенное при началѣ каждаго новаго царствованія; но что нельзя не сознаться, что повтореніе этихъ толковъ можетъ, наконецъ, породить опасность для государственнаго спокойствія; что мѣры, до сихъ поръ принимавшіяся къ облегченію выхода крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, какъ-то: указы 1803 г. о свободныхъ хлѣбопашцахъ и 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ, не имѣли успѣха и число освобожденныхъ, на основаніи сихъ постановленій, крестьянъ оставалось чрезвычайно ограниченнымъ; что самъ покойный императоръ Николай смотрѣлъ на положеніе объ обя-

---

Д. П. Хрущовъ, бывшій товарищъ министра государственныхъ имуществъ и оставившій министерство, при назначеніи министромъ Муравьева. Было время что меня считали авторомъ этого изданія, о чемъ упоминалось въ нѣкоторыхъ заграничныхъ изданіяхъ; но я не только не былъ авторомъ, а даже не зналъ долго объ этомъ слухѣ. Я такъ же не подозрѣвалъ, что Хрущовъ занимался этимъ изданіемъ. Я крайно удивился, когда узналъ, что есть люди, которыхъ ничѣмъ нельзя увѣрить, что „Матеріалы“ были составлены не мною. Если бы эти господа дали себѣ трудъ подумать о массѣ служебныхъ работъ, сдѣланныхъ мною въ это время, то они легко бы убѣдились, что у меня не было времени для такого занятія. У меня не было не только часовъ, но даже минутъ свободныхъ. Я. А. Соловьевъ.

занныхъ крестьянахъ, какъ на мѣру временную, переходную; вслѣдствіе сего члены полагаютъ, что нынѣ настало время къ пересмотру всѣхъ постановленій о крѣпостныхъ крестьянахъ, съ цѣлію изысканія лучшаго способа къ освобожденію ихъ отъ крѣпостной зависимости, но съ должной осторожностію и постепенностію».

«Послѣ такого со стороны членовъ изъясненія, по приказанію Государя, статсъ-секретарь Бутковъ прочелъ составленную въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ историческую записку о всѣхъ предшествовавшихъ мѣропріятіяхъ правительства въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ».

«По прочтеніи записки, Государь присовокупилъ, что въ послѣднее время поступило къ Нему множество частныхъ записокъ по крестьянскому вопросу, изъ нихъ одна, между прочимъ, обратила на себя особенное Его вниманіе. Записка эта (полтавскаго помѣщика Позена), по приказанію Государя, также была прочитана собранію Бутковымъ».

Въ заключеніе, Государь объявилъ объ открытіи секретнаго комитета, и этимъ кончилось первое его засѣданіе.

Въ концѣ исторической записки, о которой упоминаетъ авторъ «Матеріаловъ» и которая была доложена въ первое засѣданіе секретнаго комитета, министерство внутреннихъ дѣлъ высказывало свое мнѣніе, что «главное основаніе мѣръ, которыя предлежитъ правительству принять для скорѣйшаго устройства участи помѣщичьихъ крестьянъ», состоитъ въ разрѣшеніи слѣдующихъ вопросовъ:

«1) Останется-ли (при новомъ порядкѣ) вся земля, по прежнему, во владѣніи помѣщиковъ?

«2) Если останется право владѣнія за помѣщикомъ, то должно ли быть ограждено право крестьянъ пользоваться землей, имъ отведенной, т. е. можетъ ли помѣщикъ безусловно согнать съ своей земли освобожденныхъ поселянъ, или долженъ подчиниться законнымъ ограниченіямъ?

«3) Могутъ ли помѣщики надѣяться получить отъ правительства какое либо вознагражденіе какъ за личность освобожденныхъ крестьянъ, такъ и за земли, имъ отведенныя»?

Вопросы эти были представлены безъ отвѣтовъ на нихъ.

«Первымъ распоряженіемъ, продолжаетъ авторъ Матеріаловъ, комитета было вытребовать обратно изъ министерства внутреннихъ дѣлъ всѣ сосредоточенныя въономъ производства по крестьянскому дѣлу, а также производства знаменитаго секретнаго комитета 6-го декабря 1826 г. Собраны были также нѣкоторые частные проекты, которые въ то время начали сильно появляться въ рукописяхъ, изъ которыхъ

замѣчательнѣйшіе были проекты Кошелева, Самарина, Кавелина и другихъ».

«Изъ всѣхъ этихъ проектовъ и записокъ, Бутковъ началъ составлять синоптическую вѣдомость, а комитетъ призналъ, что общее его присутствіе не можетъ ничего сдѣлать прежде разсмотрѣнія всѣхъ частныхъ проектовъ. Поэтому предположено было поручить эту предварительную работу особой коммисіи, составленной изъ членовъ комитета: генералъ-адъютанта Ростовцева, барона Корфа и князя Гагарина.

«Генералъ-адъютантъ Ростовцевъ и баронъ Корфъ начали съ того, что докладными записками, поданными Государю, стали отказываться отъ участія въ дѣлахъ комитета, ссылаясь первый «на совершенное свое незнаніе крестьянскаго быта, а второй на то, что, не имѣя помѣстій собственно въ русскихъ губерніяхъ, онъ не можетъ судить о ихъ нуждахъ».

Авторъ «Матеріаловъ» говоритъ, что «баронъ Корфъ имѣлъ, кажется, тайную надежду сдѣлаться производителемъ дѣлъ, а, слѣдовательно, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Назначеніе въ сію должность Буткова было ему непріятно и послужило главной причиной его отказа». Кажется, съ бóльшей вѣроятностію, можно объяснить отказъ Корфа другой причиной. Онъ, какъ членъ государственнаго совѣта, не имѣлъ основанія претендовать на низшее мѣсто управляющаго дѣлами комитета, но гораздо правдоподобнѣе объясняютъ причину его отказа особенной осторожностію, которой онъ всегда отличался. Онъ, какъ остзейскій баронъ, хотя и православный, не хотѣлъ принимать участія въ такихъ щекотливыхъ вопросахъ, какимъ былъ крестьянскій, для того, чтобы не поставить себя въ ложное положеніе къ остзейскому дворянству, съ которымъ онъ имѣлъ связи (баронъ, впослѣдствіи графъ Корфъ, умеръ 11-го января 1876 г.). Просьбы объ увольненіи Ростовцева и Корфа не были приняты Государемъ, который просилъ того и другаго остаться въ комитетѣ.

«Вслѣдствіе сего генералъ-адъютантъ Ростовцевъ, баронъ Корфъ и князь Гагаринъ занялись разсмотрѣніемъ переданныхъ имъ проектовъ, коихъ набралось очень много, кажется болѣе 100. Въ этомъ разсмотрѣніи прошла почти вся зима 1857 г. Къ концу оной означенные три члена сообщили другъ другу свои работы и заключенія. Оказалось между ними такое разногласіе во взглядахъ, что ничего общаго нельзя было составить, и потому три записки ихъ внесены въ общее присутствіе комитета. Комитетъ не зналъ, что дѣлать, да и большой охоты не имѣлъ спѣшить, а потому положилъ передать записки трехъ членовъ прочимъ членамъ для прочтенія и сообра-

женія, съ тѣмъ, чтобы когда всѣ члены прочтутъ, то вновь собраться и разсудить».

«Въ такомъ положеніи находилось дѣло, когда весной 1857 г. Государь отправился за границу, приказавъ прислать себѣ записки трехъ членовъ».

Здѣсь кстати упомянуть, что Я. И. Ростовцевъ, незнакомый съ дѣломъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы добраться до истины.

Въ этихъ видахъ, онъ во время занятій, по возложенному на него порученію, пожелалъ уединиться, чтобы вполнѣ предаться изученію крестьянскаго дѣла. Въ великій постъ 1857 года онъ отправился говѣть на станцію петербургскаго московскаго шоссе Померанье, гдѣ онъ имѣлъ удобное помѣщеніе, въ такъ называемомъ пустомъ дворцѣ, который строился для пріѣзда царской фамиліи. Онъ взялъ съ собою одного изъ чиновниковъ государственной канцеляріи и одного изъ своихъ адъютантовъ и забралъ дѣла и бумаги изъ секретнаго комитета. По возвращеніи оттуда, онъ говорилъ на своемъ фигуральномъ языкѣ, что «усадьба для крестьянина это конфетка, а ему нуженъ и хлѣбъ». Изъ этого, хотя не совсѣмъ удачнаго, выраженія можно заключить, что тогда уже мысль Левшина объ усадебной осѣдлости была уже извѣстна и что въ то же время Ростовцевъ начиналъ сознавать недостаточность обезпеченія крестьянъ предоставленіемъ имъ однѣхъ только усадебныхъ мѣстъ.

Между тѣмъ министерство внутреннихъ дѣлъ не оставалось, подобно комитету, въ бездѣйствіи. А. И. Левшинъ трудился надъ составленіемъ отвѣтовъ на тѣ приведенные выше вопросы, которые были представлены секретному комитету, при самомъ его открытіи. Это мнѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, представленное также секретному комитету, извѣстно въ исторіи крестьянскаго дѣла подъ названіемъ «записки 26-го іюля 1857 г.». Она играетъ весьма замѣтную роль въ этой исторіи, потому что она послужила единственнымъ основаніемъ для Высочайшихъ рескриптовъ, объ открытіи губернскихъ комитетовъ по устройству крестьянскаго быта. Поэтому я приведу довольно подробно ея содержаніе.

Она начинается тѣмъ, что министръ заявилъ, что онъ считаетъ своею обязанностію «высказать личные его отвѣты» на представленные имъ въ комитетъ вопросы.

По связи первыхъ двухъ изъ упомянутыхъ вопросовъ (останется ли вся земля во владѣніи помѣщиковъ? и могутъ ли помѣщики согнать съ земли освобожденныхъ крестьянъ?) министръ отвѣчалъ на оба вопроса совокупно. Отвѣтъ этотъ состоялъ въ томъ, что съ юридической точки зрѣнія право собственности помѣщиковъ на зем-

лю неотъемлемо, и потому нельзя отвергать права каждаго помѣщика удалить съ своей земли всѣхъ поселенныхъ непринадлежащихъ ему крестьянъ».

Но правительство имѣетъ обязанность «пещись объ общемъ спокойствіи и противиться тому, что можетъ нарушить оное, обративъ милліоны людей въ безпріютныхъ бродягъ». Для соглашенія этихъ противоположныхъ требованій, министръ внутреннихъ дѣлъ совѣтовалъ: «поступить, какъ было поступлено въ другихъ государствахъ при подобныхъ обстоятельствахъ; сдѣлать тоже или почти тоже, что сдѣлало и наше правительство, а именно въ остзейскомъ краѣ, т. е. сохранить право собственности на землю за помѣщикомъ, а за крестьянами право пользованія землей... «На первый разъ установленіе такого новаго порядка», по мнѣнію министра внутреннихъ дѣлъ,—«было бы достаточно».

Третій вопросъ о вознагражденіи за людей и за землю, въ министерскомъ мнѣніи, дѣлится на двѣ части, и по каждой изъ нихъ министръ даетъ особый отвѣтъ. Опять, съ точки зрѣнія юридической, министерство полагало, «что право собственности помѣщика на личность крестьянъ не подлежитъ спору; но вознагражденіе за потерю сей собственности, какъ для правительства, такъ и для крестьянъ, невозможно. Всѣ проекты финансовыхъ оборотовъ, которые были бы для сего предмета придуманы и приняты, поздно или рано, лопнули бы какъ мыльные пузыри.

«Гораздо удобнѣе ни той, ни другой сторонѣ не обманывать себя, и теперь же прямо взглянуть на предметъ, представляющійся въ чудовищномъ видѣ, вспомнивъ, что ни въ одной странѣ рабство не было выкупаемо правительствомъ. Остзейскіе дворяне также добровольно и безвозмездно отказались отъ крѣпостнаго права на крестьянъ. Русское дворянство сдѣлаетъ тоже».

За невозможностію личнаго выкупа, министръ въ своемъ мнѣніи говорилъ: «слѣдуетъ искать другаго общаго для всей имперіи способа, который, по тягучести своей, далъ бы возможность помочь этому затрудненію. Есть предметъ, который для поселянина важнѣе нивы, его питающей: это жилище, укрывающее его отъ непогодъ и сосредоточивающее въ себѣ всѣ домашніе его интересы. Дать ему свободу безъ нивы можно; дать ее безъ жилища, безъ гнѣзда, безъ увѣренности, что оно будетъ согрѣвать его и семью пока они живы, и между тѣмъ оставить его привязаннымъ къ одному мѣсту,—было бы нечеловѣколюбиво. Принявъ это за истину, надо идти къ тому, чтобы съ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ дать право собственности на осѣдлость или усадьбу, т. е. на жилище

съ принадлежащими къ нему строеніями, съ огородомъ и хотя небольшимъ выгономъ для мелкаго скота».

«Уплата за усадьбу должна производиться крестьянами по срокамъ, въ теченіе извѣстнаго времени отъ 10-ти до 15-ти лѣтъ. До истеченія этого переходнаго періода—не должно и объявлять крестьянина свободнымъ по имени; но на самомъ дѣлѣ надо, между тѣмъ, перевести его мѣрами законодательными изъ раба въ человѣка, только крѣпкаго землѣ, дабы потомъ окончательно его освободить».

Что же касается до второй части третьяго вопроса, т. е. до вознагражденія за землю, то министръ полагалъ, что эта часть вопроса, «послѣ всего вышесказаннаго, можетъ считаться разрѣшенной. Земли, которыми крестьяне будутъ только пользоваться, не владѣя ими, и за это платить помѣщику деньгами или работой, не могутъ считаться отчужденными, а потому не вызываютъ никакого и ни съ чьей стороны денежнаго вознагражденія помѣщику; за земли же, уступленныя дворянствомъ съ усадьбами освобожденнымъ крестьянамъ, сіи послѣдніе выплатятъ, какъ объяснено, въ сроки, всю опредѣленную сумму».

«Слѣдовательно, ни одна часть этого переворота не требуетъ со стороны правительства прямыхъ денежныхъ расходовъ, или выпуска какихъ либо особаго рода бумагъ».

«Излишнимъ считаю,—продолжалъ министръ,—входить здѣсь въ разсмотрѣніе подробныхъ правилъ для устройства будущей участи помѣщичьихъ крестьянъ; скажу только одно, что предъ нами въ этомъ отношеніи есть собственные наши опыты и факты для подражанія, или по крайней мѣрѣ, для примѣненія; а потому мы можемъ дѣло постепенно устраивать, не прибѣгая ни къ новымъ теоріямъ, ни къ примѣрамъ чужихъ государствъ, гдѣ окончательное рѣшеніе этого вопроса, бо̀льшею частію, совершалось насиліемъ, или непредвидѣнными политическими переворотами. У насъ, напротивъ того, въ трехъ остзейскихъ губерніяхъ, освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ исполнено тихо, послѣдовательно въ теченіи полувѣка, при содѣйствіи какъ правительства, такъ и дворянства. Въ началѣ были сдѣланы ошибки, приняты мѣры неудобныя; но онѣ исправлялись, законоположенія измѣнялись и наконецъ въ минувшемъ 1856 г., для эстляндской губерніи, издано третье и окончательное положеніе о крестьянахъ».

Въ заключеніе министръ высказывалъ свое мнѣніе о порядкѣ веденія дѣла, говоря, что начинаемое дѣло «такъ огромно, важно и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнообразно, что нельзя двигать его одновременно во всѣхъ концахъ Россіи: недостанетъ на то ни

времени, ни силъ однѣхъ и тѣхъ же лицъ»; а потому министръ полагалъ производить введеніе новаго порядка постепенно, по губерніямъ или по раіонамъ, начавъ съ губерній западныхъ и пограничныхъ, которыя по сосѣдству съ странами, гдѣ крѣпостное состояніе уже уничтожено, болѣе подготовлены къ принятію свободы какъ въ нравственномъ, такъ и въ экономическомъ смыслѣ. Для перваго опыта, на изложенныхъ основаніяхъ, могутъ быть взяты губерніи: Ковенская, Гродненская и Виленская, подчиненныя одному генералъ-губернатору, который, по Высочайшей волѣ, уже приготовляетъ все къ необходимому измѣненію.

Списокъ съ этой записки, одновременно со внесеніемъ ея въ секретный комитетъ, былъ отправленъ Государю за-границу. Государь въ теченіи лѣта 1857 г. былъ два раза за-границей: сначала въ Киссингенѣ, а потомъ въ Штутгардѣ. Мнѣніе трехъ членовъ секретнаго комитета было отправлено къ нему въ Киссингенъ, а «записка 26-го іюля» въ Штутгардъ. Записки трехъ членовъ Государь давалъ читать графу Киселеву, который былъ приглашенъ въ Киссингенъ. Вѣроятно, по поводу этихъ мнѣній, Государь говорилъ съ графомъ П. Д. Кисилевымъ о крестьянскомъ вопросѣ, который въ своихъ запискахъ такъ передаетъ сущность этого разговора:

— «Крестьянскій вопросъ,—сказалъ Государь графу Киселеву,—меня постоянно занимаетъ; надо довести его до конца; я болѣе чѣмъ когда либо рѣшился»....

«Вообще, мнѣ показалось,—продолжаетъ графъ Киселевъ,—что Государь совершенно рѣшился продолжать дѣло освобожденія крестьянъ, но его обременяютъ и докучаютъ со всѣхъ сторонъ, представляя препятствія и опасенія. Да поможетъ ему Провидѣніе и да озаритъ оно его! Мирная реформа будетъ великимъ и прекраснымъ дѣломъ. Я желаю ея отъ всей души; но послѣдствій ея не увижу».

Хотя графъ Киселевъ былъ также въ Штутгардѣ, гдѣ было также первое свиданіе нашего Государя съ императоромъ Наполеономъ, но въ своихъ запискахъ графъ Киселевъ ничего не говоритъ, ни о мнѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, ни о продолженіи разговора съ Государемъ о крестьянскомъ дѣлѣ.

О дѣятельности въ это время секретнаго комитета авторъ «Матеріаловъ» говоритъ, что «во время отсутствія Государя комитетъ почти ничего не дѣлалъ; онъ занимался второстепенными вопросами, относящимися болѣе до ограниченія нѣкоторыхъ изъ существующихъ правъ помѣщиковъ. Тотъ же авторъ предполагаетъ, что министерство внутреннихъ дѣлъ внесло въ комитетъ «записку 26 іюля» для того, «чтобы возбудить сужденія по главнымъ, кореннымъ вопросамъ.» От-

носительно этихъ вопросовъ, «большинство членовъ, и въ особенности князь Гагаринъ, не соглашались давать крестьянамъ пахотную землю даже за вознагражденіе, которое долженствовало быть соединено съ финансовой операціею».

Во время этихъ разсужденій, происходившихъ въ отсутствіе Государя, подъ предсѣдательствомъ князя Орлова, этотъ послѣдній, въ пылу спора ударивъ по столу кулакомъ правой рукой, сказалъ, что онъ скорѣе дастъ отрубить эту руку, чѣмъ подпишетъ освобожденіе крестьянъ съ землей.

«Между тѣмъ, разсказываетъ авторъ «Матеріаловъ», Государь возвратился изъ за-границы на короткое время. Убѣжденіе его въ необходимости дать дѣлу рѣшительное движеніе еще болѣе усилилось».

Изъ приведеннаго выше разговора съ графомъ Киселевымъ видно, что Государь безъ всякаго (носторонняго) вліянія рѣшился на освобожденіе крестьянъ и въ разговорѣ съ лицами, съ которыми встрѣчался, искалъ тотько подтвержденія своего мнѣнія и опоры при предстоящихъ ему трудахъ и безпокойствахъ.

Какъ бы то ни было, Государь остался очень недоволенъ бездѣйствіемъ комитета и—чтобы пробудить его дѣятельность, въ началѣ августа, назначилъ членомъ онаго Великаго Князя Константина Николаевича.

Великій князь Константинъ Николаевичъ съ свойственнымъ ему усердіемъ принялся за дѣло.

Начались отдѣльныя совѣщанія съ главнѣйшими членами комитета, Чевкинымъ, Ланскимъ, кн. Орловымъ, г. а. Ростовцевымъ. Князь Долгоруковъ находился въ это время за-границею съ Императрицею, графъ Блудовъ купался въ морѣ въ Ревелѣ, а Муравьевъ объѣзжалъ государственныя имущества, увѣряя вездѣ дворянство, что ничего не будетъ.

Не знаю, что дѣлали и въ какомъ настроеніи были прочіе отсутствующіе члены комитета; но что́ дѣлалъ и говорилъ Муравьевъ мнѣ очень хорошо было извѣстно, потому что я былъ въ числѣ тѣхъ лицъ. которыя объѣхали съ нимъ лѣтомъ 1857 года десять губерній. Я сдѣлаю нѣкоторое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о нашемъ путешествіи, тѣмъ болѣе, что оно имѣетъ связь съ общимъ крестьянскимъ дѣломъ.

Муравьевъ былъ выдвинутъ въ министерство княземъ Орловымъ, княземъ Долгоруковымъ и нѣкоторыми другими, съ тѣмъ, что бы онъ исправилъ всѣ ошибки, надѣланныя графомъ Киселевымъ. Ошибки эти, между прочимъ, состояли въ слишкомъ широкомъ самоуправленіи, предоставленномъ крестьянамъ; въ развитіи чиновнической дѣя-

тельности, безъ положительной власти надъ крестьянами, и въ небольшихъ, въ сравненіи съ помѣщичьими имѣніями, платежахъ, которыми обязаны были государственные крестьяне. Идеаломъ управленія государственными имуществами для этихъ лицъ былъ помѣщичій способъ управленія и извлеченія доходовъ изъ имѣній; а если этого уже нельзя, то, по крайней мѣрѣ, примѣнить къ казеннымъ селеніямъ порядки, существовавшіе въ удѣльномъ вѣдомствѣ. Осуществить эту мысль сначала былъ выбранъ Шереметевъ, который, по неизлечимой болѣзни, вскорѣ долженъ былъ оставить министерское мѣсто и былъ замѣненъ Муравьевымъ, управлявшимъ и удѣльными имѣніями.

Сейчасъ послѣ вступленія своего, въ апрѣлѣ 1857 года, въ управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ, онъ, по совѣту Левшина, обратился ко мнѣ, кажется, потому, что они оба считали меня, по небольшому моему родовому имѣнію, болѣе помѣщикомъ, чѣмъ чиновникомъ, и потому, что я служилъ въ министерствѣ государственныхъ имуществъ по кадастру. Онъ потребовалъ отъ меня, что бы я сдѣлалъ ему предположенія объ увеличеніи платежей крестьянъ на 25 милліоновъ, т. е. почти удвоить ихъ платежи за землю.

Послѣ перваго моего объясненія съ Муравьевымъ по этому предмету, которое продолжалось два или три часа, я представилъ ему записку, въ которой старался доказать, что никакой сколько-нибудь замѣтной прибавки сдѣлать нельзя, пока существуетъ крѣпостное право, дѣйствующее на неправильное установленіе цѣнъ на трудъ и на произведенія, и общинное владѣніе казенными землями, которое мѣшаетъ вложить въ землю капиталъ и тщательно обработать ее. Онъ высказалъ мнѣ неудовольствіе за мою записку, которая шла въ разрѣзъ всѣхъ его предположеній и всѣхъ принятыхъ имъ, для полученія министерскаго мѣста,—обязательствъ. Однако онъ не потерялъ надежды извлечь изъ меня то, что ему нужно, и потому потребовалъ отъ меня, что бы я поѣхалъ съ нимъ по губерніямъ. Въ каждой губерніи я ему представлялъ числовыя данныя, подтверждающія то, что я писалъ ему въ запискѣ. Онъ подъ конецъ нашего путешествія убѣдился въ томъ, что вся прибавка къ крестьянскимъ платежамъ можетъ составить около 2 милліоновъ. Вмѣсто немилости, которую я ожидалъ за постоянное противорѣчіе ему, я сталъ пользоваться большимъ довѣріемъ съ его стороны. Предположенія свои:— объ измѣненіи порядка управленія государственными крестьянами, о предоставленіи чиновникамъ болѣе власти, слѣдовательно о лишеніи нѣкоторыхъ предоставленныхъ уже крестьянамъ правъ, о введеніи общественной запашки и т. п., Муравьевъ оставилъ также безъ всякихъ осязательныхъ послѣдствій.

Такъ какъ Муравьевъ путешествовалъ въ тройномъ качествѣ: министра государственныхъ имуществъ, предсѣдателя департамента удѣловъ и управляющаго межевымъ корпусомъ, то, по послѣдней своей должности, онъ приглашалъ, для дѣлъ полюбовнаго размежеванія, предводителей дворянства въ губернскій городъ, ко времени его пріѣзда. Въ каждомъ губернскомъ городѣ онъ имѣлъ особое совѣщаніе съ предводителями; хотя на этихъ совѣщаніяхъ никто, кромѣ предводителей, не присутствовалъ, но тѣмъ не менѣе было извѣстно, что Муравьевъ говорилъ съ предводителями не объ одномъ полюбовномъ размежеваніи. Сами предводители, изъ которыхъ многіе были мнѣ знакомы, разсказывали, что Михаилъ Николаевичъ увѣрялъ ихъ, что никакого освобожденія крестьянъ не будетъ. Впрочемъ, по его болтливости и страстной раздражительной натурѣ, онъ нисколько не стѣснялся выраженіемъ своего мнѣнія о крестьянскомъ вопросѣ. Очень часто, по какому-либо частному поводу, за своимъ обѣдомъ, за которымъ обыкновенно присутствовало человѣкъ десять, а иногда и болѣе, Муравьевъ во всеуслышаніе говорилъ, что вопросъ этотъ выдумали люди, неимѣющіе недвижимой собственности: ученые, теоретики, поповичи, (вѣроятно намекая на Сперанскаго), и т. п., словомъ, онъ не скупился на названія и на эпитеты для утѣшенія предводителей дворянства, которые часто приглашались на обѣды. Я почти каждый день у него или вмѣстѣ съ нимъ у губернскихъ властей обѣдалъ; поэтому принужденъ былъ не рѣдко слушать подобные отзывы. Я не зналъ, и, по тогдашнему моему положенію, не могъ знать дѣйствительнаго положенія крестьянскаго дѣла, но тѣмъ не менѣе сила духа времени была такова, что я нисколько не вѣрилъ словамъ Муравьева, и очень часто подсмѣивался надъ легковѣріемъ предводителей, которые съ сіяющими лицами выходили изъ кабинета Муравьева.

Я старался убѣдить тѣхъ, съ которыми былъ знакомъ, что ихъ дѣло не препятствовать, а содѣйствовать скорѣйшему освобожденію крестьянъ. Думаю, что мой гласъ былъ гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Я разсказалъ о предположеніяхъ Муравьева относительно государственныхъ крестьянъ на его совѣщаніяхъ съ дворянскими предводителями для того, что бы показать, какъ справедливы были слова Государя, когда Его Величество въ Киссингенѣ говорилъ графу Киселеву, что онъ никого не имѣетъ, кто бы помогъ ему въ крестьянскомъ дѣлѣ. Государю слѣдовало бы къ этому прибавить: а имѣетъ очень много людей, которые употребляютъ всѣ усилія, что бы помѣшать ему.

«Между тѣмъ, послѣ нѣсколькихъ совѣщаній у Великаго Князя,

разсказываетъ авторъ Матеріаловъ, комитетъ начиналъ приходить къ слѣдующимъ заключеніямъ. Предполагалось: дать на имя министра внутреннихъ дѣлъ рескриптъ, съ выраженіемъ рѣшительной воли Государя покончить крестьянское дѣло, но при содѣйствіи и участіи дворянства. Въ этомъ случаѣ комитетъ имѣлъ въ виду примѣръ прибалтійскихъ губерній. Въ рескриптѣ указать главныя начала, на коихъ правительство считаетъ возможнымъ и справедливымъ устроить крестьянское дѣло, а предводителей особымъ циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ пригласить и обсудить эти начала въ частныхъ совѣщаніяхъ съ опытнѣйшими помѣщиками въ теченіе срока, который будетъ имъ назначенъ. Главныя начала принять слѣдующія: 1) опредѣлить отъ изданія новаго положенія 10-ти лѣтній срокъ, по истеченіи котораго крестьяне будутъ совершенно свободны; 2) въ теченіи этого 10-ти лѣтняго переходнаго періода надѣлить крестьянъ усадьбой, т. е. огородомъ, коноплянникомъ и выгономъ, въ полную личную собственность, съ нѣкоторымъ вознагражденіемъ помѣщиковъ, которое опредѣлится положеніемъ; 3) въ теченіи того же переходнаго періода часть пахотной земли оставить во временномъ владѣніи крестьянъ на условіяхъ, которыя будутъ опредѣлены положеніемъ, т. е. за оброкъ или барщину; послѣ же 10-ти лѣтъ вся пахотная земля должна оставаться въ рукахъ помѣщиковъ, съ которыми крестьяне на счетъ ея пользованія могутъ дѣлать какія угодно условія. По обсужденіи лучшаго способа примѣненія сихъ началъ въ разныхъ мѣстностяхъ, предводители представятъ соображенія свои министру внутреннихъ дѣлъ, который изъ всѣхъ ихъ составитъ новое положеніе, внесетъ оное въ государственный совѣтъ на высочайшее утвержденіе. Независимо отъ сего и не ожидая новаго положенія, внести немедленно въ государственный совѣтъ проектъ измѣненія разныхъ статей св. зак., до помѣщичьяго права относящихся, съ цѣлію смягченія и ограниченія помѣщичьей власти».

«Наконецъ, послѣ бурныхъ засѣданій 14, 17 и 18 августа 1857 г., комитетъ постановилъ: улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ (слово упраздненіе крѣпостной зависимости, или просто освобожденіе крестьянъ—въ это время не допускалось) произвести съ должной осторожностію и постепенностію, и для сего исполненіе онаго раздѣлить на три періода. Первый періодъ посвятить собранію всѣхъ необходимыхъ данныхъ, недостающихъ у комитета, и безъ которыхъ невозможно составить предположенія на прочныхъ основаніяхъ. Собраніе этихъ данныхъ поручить министру внутреннихъ дѣлъ, чрезъ сношенія съ мѣстными властями и опытными помѣщиками, но безъ огласки. Въ теченіи же перваго періода издать указъ о дозволеніи дво-

рянамъ отпускать крестьянъ ихъ на волю цѣлыми селеніями на разныхъ условіяхъ, независимо отъ правилъ для свободныхъ хлѣбопашцевъ и обязанныхъ крестьянъ, по добровольному взаимному соглашенію, съ утвержденія правительства, для чего подготовить проекты условій, и представить въ государственный совѣтъ проектъ смягченія нѣкоторыхъ помѣщичьихъ правъ. Во второмъ періодѣ составить, на основаніи собранныхъ министромъ внутреннихъ дѣлъ свѣдѣній, проектъ положенія о помѣщичьихъ крестьянахъ. Третій періодъ названъ окончательнымъ, т. е. окончательнаго устройства крестьянъ. На этомъ журналѣ послѣдовало слѣдующая собственноручная резолюція Государя Императора:

«Исполнить. Относительно же разногласія, раздѣляю мнѣніе большинства. Да поможетъ намъ Богъ вести это важное дѣло съ должною осторожностію къ желанному результату. Искренно благодарю гг. членовъ за этотъ первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается сего жизненнаго вопроса».

«Меньшинство состояло изъ кн. Гагарина, который полагалъ дать помѣщикамъ право увольнять крестьянъ отдѣльно и цѣлыми селеніями, не спрашивая ихъ на то согласія, но съ обезпеченіемъ ихъ осѣдлости, разумѣя подъ сей послѣдней строенія, землю подъ оной, огородъ и выгонъ. Прочіе члены полагали дозволить увольненіе крестьянъ съ той же осѣдлостію, но съ обезпеченіемъ сверхъ того средствъ къ исправной уплатѣ податей (разумѣлась ли подъ этимъ пахотная земля—не объяснено) и не иначе какъ по добровольному соглашенію между помѣщиками и крестьянами».

Изъ этого журнала легко можно усмотрѣть, что большинство членовъ секретнаго комитета вовсе и не думали (?) о скоромъ освобожденіи крестьянъ, все дѣло откладывалось въ долгій ящикъ: до собранія министромъ внутреннихъ дѣлъ какихъ-то свѣдѣній, а какихъ именно—никто (?) не зналъ, и для собранія которыхъ не назначалось никакого срока.

Князь Орловъ не думалъ спѣшить разрѣшеніемъ крестьянскаго вопроса; а Муравьевъ, по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, представилъ записку, въ которой доказывалъ, что начинаемое дѣло, хотя и полезно, но преждевременно. Онъ полагалъ, что нынѣшній порядокъ можетъ остаться нетронутымъ въ теченіи многихъ лѣтъ. Сомкнутаго либеральнаго меньшинства комитета въ то время не было; впрочемъ, меньшинство это могло бы составиться только изъ Великаго Князя, Ланского и развѣ еще графа Блудова и генерала Чевкина. Но и меньшинство это не имѣло еще положительнаго плана дѣйствій; при томъ оно не рѣшалось (и едва ли въ то время имѣло

къ тому возможность) выражать свое мнѣніе самостоятельно противъ большинства, въ составѣ котораго стояла сильная личность князя Орлова, который, какъ онъ самъ говорилъ, не хотѣлъ на старости лѣтъ ссориться съ дворянствомъ.

Великій Князь Константинъ Николаевичъ, столь много сдѣлавшій для крестьянскаго дѣла впослѣдствіи, въ то время, при Орловѣ, не пользовался и не могъ пользоваться тѣмъ авторитетомъ, который онъ пріобрѣлъ потомъ. При томъ онъ и тогда уже имѣлъ много враговъ, какъ по своему либеральному направленію, такъ и по своему рѣзкому характеру. Затѣмъ графъ (въ то время еще не графъ) Сергѣй Степановичъ Ланской и графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ— оба, въ особенности первый, вполнѣ сочувствовали крестьянскому дѣлу, но оба безъ достаточной энергіи и оба въ то время были уже въ весьма преклонныхъ годахъ. Константинъ Владиміровичъ Чевкинъ, сдѣлавшійся потомъ самымъ надежнымъ поборникомъ крестьянскаго дѣла, въ то время не такъ энергично и опредѣлительно, какъ послѣ, обнаруживалъ свое направленіе въ этомъ дѣлѣ. Кромѣ того, по финансовымъ соображеніямъ, въ началѣ дѣла онъ былъ отъявленнымъ противникомъ выкупа земли.

Для обсужденія мѣръ, какія слѣдовало принять въ видахъ смягченія крѣпостнаго права и облегченія взаимныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами, были разосланы членамъ комитета четырнадцать вопросовъ, въ числѣ которыхъ, между прочимъ, были: можно ли дозволить крѣпостнымъ людямъ вступать въ браки безъ согласія помѣщика; должно ли лишать помѣщиковъ права ссылать крестьянъ въ Сибирь и ограничить ихъ право относительно отдачи крестьянъ въ рекруты и т. п. Члены комитета были обязаны доставить отвѣты на эти вопросы къ половинѣ ноября 1857 г. Нѣкоторые отзывы были уже доставлены и сужденія уже начались, но имъ не суждено было кончить ихъ.

Пріѣздъ въ Петербургъ виленскаго генералъ-губернатора Назимова далъ иной и совершенно непредвидѣнный оборотъ дѣлу.

Я. А. Соловьевъ.

ГЕНЕРАЛЪ ФЕЛЬДМАРШАЛЪ

КНЯЗЬ АЛЕКСАНДРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРЯТИНСКІЙ

И

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА.

1815—1879 гг.

СОСТАВЛЕНО

ГЕНЕРАЛЬНАГО ШТАБА, ГЕНЕРАЛЪ-ЛЕЙТЕНАНТОМЪ

Д. И. Романовскимъ.

1881.

Общественное сознаніе общественной пользы, какую принесъ человѣкъ въ своей жизни, есть самая высокая, самая почетная награда для умершаго. Счастливы тѣ, кто не сомнѣваются въ этой истинѣ, еще счастливѣе тѣ, кто въ нее глубоко вѣруютъ.

Дѣйствительно, въ нравственномъ отношеніи что̀ можетъ быть выше этой истины, что̀ можетъ, при совершеніи подвига, тверже поддерживать человѣка, какъ ни убѣжденіе, что совершаемое имъ не будетъ забыто? Совершаемые-же въ нравственномъ отношеніи подвиги достигаютъ иногда такой высоты, предъ которою умолкаетъ злоязычіе даже тѣхъ, кто менѣе всего склоненъ поддерживать какія-бы то ни были нравственныя истины.

Великія слова нашего великаго преобразователя, сказанныя имъ въ минуту самаго тягостнаго испытанія: „а о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога, жива-бы была Россія", имѣютъ такой глубокій смыслъ и такъ высоко нравственны, что этого не могутъ не признавать даже самые крайніе матеріалисты. Не могутъ не признавать, пока не захотятъ стать въ открытый разрывъ съ здравымъ смысломъ.

Въ природѣ нѣтъ совершенства или, вѣрнѣе сказать, мы его нигдѣ не находимъ согласно нашимъ понятіямъ. Въ главномъ источникѣ матеріальнаго свѣта—солнцѣ, и тамъ мы находимъ пятна.

Можетъ-ли поэтому жизнь какого либо человѣка, который завѣдомо есть существо несовершенное, не представлять своего рода пятенъ?

Но если человѣкъ въ своей жизни успѣетъ совершить хотя-бы одно дѣло великой общественной пользы, дѣло, требующее съ его стороны напряженія всѣхъ нравственныхъ силъ и готовности жертвовать не только жизнію, а и всѣмъ что ему дорого, то такой человѣкъ, прежде всего, заслуживаетъ общественную признательность.

Казалось-бы, что людямъ, высоко и хорошо поставленнымъ, всего легче заслуживать и общественную признательность за пользу, приносимую ими обществу. Обезпеченные со дня рожденія не только матеріально, а во многомъ и нравственно, они избавлены отъ необходимости заботиться о хлѣбѣ насущномъ, иногда весьма горькой, и всегда имѣютъ поддержку даже для своихъ первыхъ не твердыхъ шаговъ. При такой обстановкѣ, чего-бы, казалось, имъ болѣе и желать какъ ни общественной пользы. Жизнь говоритъ, однако, другое, и тоже скажетъ внимательный разборъ обстановки такихъ людей. Обстановка эта такова, что менѣе всего располагаетъ человѣка совершать нравственные подвиги. Безъ способности-же совершать подвиги—вызывать къ себѣ искреннюю, общественную признательность и вѣчную память потомства, не мыслимо. Дѣлиться, напримѣръ, своими избытками—дѣло, конечно, почетное, но для имѣющихъ избытокъ—это еще не подвигъ.

Исторія всѣхъ временъ и народовъ показываетъ, что изъ людей, хорошо и надежно обезпеченныхъ со дня рожденія, оказывались способными совершать великіе подвиги только тѣ избранные, которые по своей природѣ не могли довольствоваться одними матеріальными благами, какъ-бы они велики ни были, и вообще чѣмъ-бы то ни было обыденнымъ, обыкновеннымъ, а сами, по своему собственному призванію, создавали себѣ особо занимавшія ихъ цѣли, и стремились къ ихъ осуществленію.

Справедливость требуетъ однако сказать, что если аристократическая среда не всегда развиваетъ способность совершать подвиги, то члены этой среды, способные отъ природы для совершенія подвиговъ, имѣютъ болѣе чѣмъ кто нибудь возможность избрать для себя цѣли болѣе широкія и для общества наиболѣе полезныя. Поэтому, естественно, что такіе люди, какъ для всего общества, такъ и для потомства должны имѣть еще бо́льшую цѣну.

Въ началѣ 1879 года скоропостижно скончался въ Швейцаріи, въ Женевѣ, русскій генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, имя князя гремѣло не только въ Россіи, но и повсюду. Въ то время едва-ли былъ гдѣ либо другой человѣкъ, привлекавшій къ себѣ такое вниманіе и сочувствіе, какія привлекалъ къ себѣ покойный князь.

Въ 1859 году, Кавказъ, составлявшій во всѣ времена эмблемму неприступности и непокорности, долго и весьма чувствительно истощавшій силы и средства Россіи, разомъ измѣнилъ своей эмблеммѣ. Никогда и никому непокорявшіеся горцы сдались безусловно русскимъ войскамъ, предводимымъ княземъ Барятинскимъ, а глава непокорныхъ, тогда столь всѣмъ извѣстный Шамиль, былъ живымъ взятъ въ плѣнъ.

Ореолъ военной славы, который тогда окружалъ имя князя Барятинскаго, вмѣстѣ съ высокими связями князя въ обществахъ, какъ у насъ, такъ и за границею [1]), создали ему особо замѣтное выдающееся положеніе.

Если бы судьба судила скончаться князю Александру Ивановичу около того времени, то уже, конечно, какъ наши, такъ и за-граничные органы печати сдѣлали бы изъ этой смерти событіе, — и событіе особой важности. Въ настоящее-же время смерть фельдмаршала прошла какъ бы незамѣченною, и надо сознаться, что наше общество отнеслось и относится къ ней довольно холодно.

Само собою разумѣется, что умершему фельдмаршалу были отданы всѣ почести, подобающія его высокому сану. Кромѣ того, Государь Императоръ, въ ознаменованіе особаго благоволенія къ заслугамъ покойнаго, записалъ себя и Государя Наслѣдника въ Кабардинскій имени фельдмаршала полкъ, а Государь Наслѣдникъ лично присутствовалъ на похоронахъ, хотя послѣдніе происходили довольно далеко отъ столицы, въ родовомъ склепѣ князей Барятинскихъ, въ селѣ Ивановскомъ, Курской губерніи [2]).

Для присутствія на похоронахъ было выслано нѣсколько депутацій съ Кавказа. Тѣмъ не менѣе, нѣкоторая холодность со стороны общества довольно ясно выказалась, напримѣръ, отсутствіемъ статей въ газетахъ, и вообще въ нашей литературѣ, о дѣйствительныхъ заслугахъ покойнаго и о той общественной пользѣ, какую онъ принесъ въ своей жизни.

---

[1]) По своимъ родственнымъ связямъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій находился въ близкихъ отношеніяхъ со старѣйшими изъ аристократическихъ домовъ Россіи, Германіи и Англіи.

[2]) Село Ивановское вмѣстѣ съ Степановкой, Мазеповкой и другими перешли въ родъ князей Барятинскихъ изъ секвестрованныхъ имѣній Ивана Степанова Мазепы. Д. Р.

Извѣстно, однако, что русскій человѣкъ добро помнитъ, и что онъ гораздо болѣе расположенъ преувеличить заслуги кого либо матушкѣ-Россіи, нежели не признать подобныхъ заслугъ. А такъ какъ заслуги и польза, принесенныя покойнымъ княземъ Александромъ Ивановичемъ Барятинскимъ въ теченіи его жизни несомнѣнны, то, очевидно, что эта видимая холодность происходила только отъ малаго знакомства нашего общества съ жизнію и дѣятельностію скончавшагося фельдмаршала.

Впрочемъ, для объясненія видимой холодности нашего общества къ памяти покойнаго, прежде всего, не надо забывать, что основательно относиться къ нашимъ общественнымъ дѣламъ мы, вообще, начали весьма недавно, не ранѣе какъ послѣ реформъ послѣдняго двадцатипятилѣтія. Бо̀льшая же часть дѣятельности князя Барятинскаго, доставившая ему права на общественную признательность, относится ко временамъ, предшествовавшимъ послѣднимъ реформамъ. При томъ, дѣятельность эта происходила въ краѣ, который и теперь еще мало извѣстенъ. До какой же степени у насъ въ обществѣ мало знали покойнаго, могутъ между прочимъ служить доказательствомъ газетныя статьи, написанныя по случаю его смерти. Въ одной изъ газетъ, повидимому, даже сочувствующей его памяти, жизнь и дѣятельность умершаго фельдмаршала разсказывается такимъ образомъ, что авторъ статьи на̀ходитъ не неумѣстнымъ, между прочимъ, замѣтить, что князь Александръ Ивановичъ не прошелъ курса ни въ одной изъ нашихъ академій.

Если почетно для людей заботиться о своей памяти въ потомствѣ, если почетно для самихъ обществъ отдавать должную дань уваженія умершимъ достойнымъ общественнымъ дѣятелямъ, то уже совершенно обязательно для каждаго, желающаго добра своей родинѣ, сообщать обществу тѣ свѣдѣнія о жизни подобныхъ дѣятелей, какія могутъ быть переданы ими съ достовѣрностію. При этомъ только условіи общество будетъ имѣть возможность исполнить относительно ихъ свой долгъ.

Во время службы моей на Кавказѣ съ 1846 по 1858 годъ, я не разъ, иногда даже лично, состоялъ при покойномъ фельдмаршалѣ, и былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ, какимъ образомъ въ немъ самомъ постепенно выработывался планъ покоренія Кавказа, такъ блистательно имъ впослѣдствіи совершенный. Затѣмъ случай при-

велъ меня, какъ офицера генеральнаго штаба, состоять при князѣ Барятинскомъ, когда князь въ 1856 году былъ назначенъ главнокомандующимъ на Кавказѣ, и видѣть тогда, какъ планъ, давно имъ для себя приготовленный, сталъ приводиться въ исполненіе. Наконецъ, состоя при главномъ штабѣ въ Петербургѣ съ 1858 по 1863 годъ, я имѣлъ случай слѣдить, по вѣрнымъ источникамъ, за покореніемъ Кавказа.

Все мною видѣнное и читанное не оставляетъ во мнѣ ни малѣйшаго сомнѣнія, что быстрымъ покореніемъ Кавказа Россія обязана покойному генералъ-фельдмаршалу князю Барятинскому. Для меня ясно также, что покореніе Кавказа не было только случайнымъ стеченіемъ благопріятныхъ обстоятельствъ, не было и послѣдствіемъ удачнаго вдохновенія минуты, а составляетъ прямой логическій результатъ зрѣло и вѣрно обдуманнаго плана дѣйствій. Настойчивости же и рѣшимости при исполненіи плана княземъ Барятинскимъ было выказано столько, сколько лишь можно того ожидать отъ человѣка, который добровольно принимаетъ на себя великій подвигъ, и всегда готовъ жертвовать для его осуществленія не только жизнію, но и всѣмъ, что ему дорого.

Говоря такимъ образомъ, я весьма далекъ отъ мысли хотя сколько нибудь умолять заслуги прежнихъ достойныхъ дѣятелей на Кавказѣ, каковы князь Циціановъ, генералъ Ермоловъ, князь Воронцовъ, или кого либо изъ сподвижниковъ покойнаго генералъ-фельдмаршала. Отъ подобной мысли я, конечно, далекъ болѣе, чѣмъ кто либо. Имѣвъ случай самостоятельно начальствовать войсками, я хорошо знаю, какое великое дѣло для военнаго человѣка личное самолюбіе, и какъ обязательно для каждаго относиться къ военнымъ заслугамъ съ должнымъ вниманіемъ. Но я увѣренъ, что въ предлагаемомъ мною трудѣ „Генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій и кавказская война“ никто ничего подобнаго и не встрѣтитъ.

Теперешнее объединеніе Германіи случилось на нашихъ глазахъ. Германія и весь свѣтъ признаютъ главнымъ виновникомъ этого князя Бисмарка, но, конечно, никто, даже самые искренніе его почитатели, говоря такимъ образомъ, не думаютъ отвергать заслугъ, оказанныхъ этому объединенію не только императоромъ Вильгельмомъ, а и кѣмъ либо изъ прежнихъ и теперешнихъ сподвижниковъ единства Германіи и величія Пруссіи.

Планъ военныхъ дѣйствій, слѣдуя которому князь Александръ Ивановичъ Барятинскій покорилъ Кавказъ, въ общихъ чертахъ былъ намѣченъ имъ для себя весьма давно. Когда князь еще командовалъ бывшимъ кабардинскимъ егерскимъ князя Чернышева полкомъ, то служившіе въ то время въ полку хорошо помнятъ сужденія князя о кавказской войнѣ и о покореніи Кавказа вообще. Когда впослѣдствіи князь Барятинскій былъ начальникомъ лѣваго фланга, то всѣ сужденія его по этому предмету не только въ главныхъ основаніяхъ не измѣнились, но, командуя уже самостоятельными отрядами, князь какъ бы пользовался случаями признаваемыя имъ въ теоріи основанія испытывать на практикѣ [1]).

Планъ покоренія Кавказа, исполненный княземъ Барятинскимъ, имѣетъ то огромное преимущество предъ другими подобными планами, что былъ составленъ имъ не на основаніи только общихъ соображеній, а и на новыхъ совершенно своеобразныхъ мѣрахъ и способахъ веденія войны, не разъ и съ большимъ успѣхомъ испытанныхъ имъ самимъ на практикѣ.

Справедливость требуетъ, однако, сказать, что какъ ни вѣренъ и ни хорошъ былъ этотъ планъ, исполненіе его требовало такихъ большихъ средствъ и такого полномочія, какія могли быть даны только при особомъ личномъ довѣріи къ исполнителю самаго Государя Императора, и при личной рѣшимости Его Величества скорѣе покончить съ Кавказской войной, такъ долго и такъ сильно истощавшей Россію. Много требовалось рѣшимости, чтобы въ 1856 году, послѣ только-что оконченной тогда восточной войны, могло состояться назначеніе на Кавказъ главнокомандующимъ князя Александра Ивановича Барятинскаго, который въ то время былъ далеко не изъ старшихъ генераловъ русской арміи, имѣвшихъ право на подобное назначеніе, и противу чего раздавалось тогда не мало голосовъ, хотя и не изъ кавказскаго края. Нужно было много энергіи, чтобы, несмотря ни на что, поддерживать усиленныя средства, требовавшіяся на веденіе кавказской войны съ 1856 года по 1859 годъ, пока результаты новаго способа дѣйствій на Кавказѣ князя Барятинскаго не высказались во всемъ своемъ блистательномъ видѣ.

---

[1]) См. Записки ген.-лейт. Ольшевскаго въ „Русск. Старинѣ“ 1879 г. томъ XXV, стр. 307 и 415 (іюнь и іюль).

Трудно и безполезно было бы говорить о томъ, чтò случилось бы на Кавказѣ, если бы въ 1856 году не былъ туда назначенъ главнокомандующимъ князь Барятинскій; но не трудно понять, въ какое ужасное положеніе мы были бы поставлены, хотя бы въ 1876 году, если бы кавказская война не была окончена и мы находились бы тамъ въ положеніи, сколько нибудь напоминавшемъ наше положеніе на Кавказѣ въ 1853—1855 гг., когда при всемъ напряженіи силъ Россіи мы въ первые годы тогдашней турецкой войны постоянно должны были сражаться одинъ противъ четырехъ, а иногда и одинъ противъ десяти.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, когда плѣнъ Шамиля и покореніе Кавказа возбудили въ высшей степени общественное вниманіе къ происходившему на Кавказѣ, для ознакомленія съ этимъ вообще мало извѣстнымъ краемъ, былъ изданъ мною краткій общій очеркъ всего происходившаго на Кавказѣ за весь періодъ 60 лѣтней Кавказской войны: „Кавказъ и Кавказская война". Но въ то время хотя покореніе Кавказа для всѣхъ знакомыхъ съ краемъ и было уже несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, совершившимся фактомъ это покореніе сдѣлалось только въ 1864 году, во время управленія краемъ нынѣшняго Августѣйшаго главнокомандующаго на Кавказѣ, в. к. Михаила Николаевича.

Кромѣ того, въ то время князь Александръ Ивановичъ былъ еще въ живыхъ, и понятно, что чувство деликатности заставляло каждаго говорить о немъ не иначе, какъ съ его согласія. Между тѣмъ, подобныя недомолвки, хотя бы и вызываемыя весьма уважительными причинами, весьма неудобны какъ для полнаго разъясненія факта, такъ и для памяти покойнаго.

Поэтому, исполняя нравственный долгъ какъ относительно моихъ соотечественниковъ, такъ и относительно памяти покойнаго фельдмаршала, я счелъ себя обязаннымъ издать публикуемый мною теперь очеркъ „Генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій и Кавказская война", составляющій какъ бы продолженіе моего прежняго труда „Кавказъ и Кавказская война".

При этомъ считаю долгомъ предупредить, что печатаемое мною нынѣ отнюдь не составляетъ біографіи. Лично покойнаго князя Александра Ивановича я зналъ не настолько, чтобы принять на себя подобный трудъ, а потому прошу смотрѣть на составлен-

ную мною теперь статью только какъ на матеріалъ для будущаго біографа.

Опубликованіе же подобнаго матеріала въ настоящее время мнѣ кажется полезнымъ болѣе чѣмъ когда либо. Кавказская война есть дѣло давно завершившееся, число участвовавшихъ въ ней постоянно уменьшается, а между тѣмъ въ печать начинают уже проникать сужденія, по моему мнѣнію, слишкомъ рѣшительныя и одностороннія, которыхъ можно избѣгнуть только обсужденіемъ всестороннимъ съ помощью печати.

Чтобы, съ своей стороны, въ такомъ важномъ дѣлѣ не впасть къ какія либо невѣрности и увлеченія, я буду всѣ свои сужденія основывать, преимущественно, на фактахъ, здѣсь же приводимыхъ, и которые всегда готовъ пополнять разъясненіями, если таковыя потребуются.

Само собою разумѣется, что прежде всего я буду считать себя счастливымъ, если успѣю хоть сколько нибудь послужить основательному разъясненію такого важнаго для Россіи дѣла, какъ быстрое покореніе Кавказа, совершенно измѣнившее наше положеніе на востокѣ.

Д. Романовскій.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ГЛУБОКОЧТИМОЙ

СТАРОЙ И СЛАВНОЙ

КАВКАЗСКОЙ АРМІИ.

Отъ одного изъ ревностнѣйшихъ ея почитателей.

I.

Генералъ-фельдмаршалъ князь Александръ Ивановичъ Барятинскій родился въ 1815 году,—годъ памятный для всѣхъ, какъ начало общаго успокоенія Европы и всего свѣта, послѣ первой французской революціи и безпрерывныхъ Наполеоновскихъ войнъ.

Въ Россіи въ то время крѣпостное право существовало еще во всей силѣ; оно не было стѣсняемо даже тѣми небольшими ограниченіями, какія начали появляться въ нашемъ законодательствѣ съ двадцатыхъ годовъ. Права дворянства какъ высщаго, такъ и низшаго, были въ то время весьма большія, и уже довольно тяжело отзывались на прочихъ сословіяхъ, особенно на крестьянствѣ, а слѣдовательно и на общемъ государственномъ организмѣ. Но, по счастію, основныя начала этого организма были положены такимъ геніемъ, выше котораго по избраннымъ для себя стремленіямъ, исторія всѣхъ временъ и народовъ еще не представляетъ.

Россійская имперія создалась не по подобію римской, византійской и другихъ, а совершенно самобытно, на началахъ своей исторіи, геніемъ своего государя.

Петръ Великій не былъ геніальнымъ честолюбцемъ, котораго счастливая судьба поставила на вершину земнаго величія, а прирожденнымъ государемъ своей земли. Принятый имъ на себя титулъ императора ни въ чемъ не измѣнилъ его личнаго положенія, а возвеличивалъ только Россію, которую онъ любилъ больше жизни. Создавая свою имперію съ единственною цѣлью блага своего народа, онъ умѣлъ найти въ его исторіи такія основанія, которыя впослѣдствіи уже не разъ помогали его имперіи выносить большія невзгоды, и будемъ надѣяться, что съ Божіею помощію, надолго сохранятъ въ себѣ главное, наиболѣе могущественное свое свойство, данное имъ геніемъ Петра,—видоизмѣняться сообразно духу и потребностямъ времени.

Управляя своей обширнѣйшей въ свѣтѣ имперіей самодержавно, безъ помощи даже министровъ, а съ пособіемъ только Правительствующаго Сената и своихъ коллегій, Петръ Великій не-

стѣснялся вводить новые законы, но тщательно сберегалъ все старое, хорошее, что обѣщало пользу его землѣ. Въ этихъ случаяхъ, оставляя старое, Петръ дѣлалъ въ немъ лишь добавленія, но такія, которыя сразу уничтожали въ старомъ все дурное, и такимъ образомъ измѣняли зло во благо.

До Петра Великаго дворянство у насъ существовало, но пріобрѣтеніе правъ дворянства не было узаконено. Принимая дворянство за первое, самое почетное сословіе въ Россіи, Петръ Великій указалъ ему быть и первыми ея слугами, а какъ ей нужно служить,—лично собою далъ примѣръ такой нравственной высоты, что выше ничего и представить себѣ невозможно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Петръ Великій постановилъ, что русское дворянство вновь пріобрѣтается не иначе, какъ государственною службою. При этомъ, въ регламентѣ Петра подробно росписаны были чины военной и гражданской службы, дававшіе право на потомственное дворянство.

Эти основныя законоположенія Россійской имперіи и духъ, завѣщанный ея создателемъ, вмѣстѣ съ великими реформами послѣдняго времени, произвели то, что русское дворянство, слѣдуя тѣмъ-же путемъ, которымъ оно уже слѣдуетъ со временъ Петра, несомнѣнно подготовляетъ себѣ весьма почетную страницу въ исторіи русскаго народа.

Всѣ поля битвъ во всѣхъ войнахъ, которыя вела Россія со временъ Петра, начиная Полтавой и оканчивая Балканами, поля Германіи, Италіи, Швейцаріи, Франціи, Турціи, всѣхъ концовъ Азіи, и до сихъ поръ сохраняютъ не мало костей русскихъ дворянъ, какъ лучшихъ ревностнѣйшихъ слугъ величія Россіи. Но кромѣ этихъ военныхъ доблестей, дворянство же наше болѣе чѣмъ кто либо содѣйствовало и осуществленію послѣднихъ благодѣтельныхъ для Россіи реформъ. Гдѣ и когда совершалось такъ мирно и покойно уничтоженіе крѣпостнаго права, какъ упразднилось оно въ Россіи? Гдѣ и кто принималъ на себя такъ охотно общую воинскую повинность, какъ это сдѣлало русское дворянство?

Незавидна и непрочна судьба тѣхъ государствъ, въ которыхъ разныя преимущества составляютъ удѣлъ лишь нѣкоторыхъ избранныхъ, и притомъ не связываютъ ихъ соотвѣтственными преимуществамъ обязанностями. Эта истина, несоблюденіе которой такъ жестоко наказывается исторіей, обязательна для Россіи болѣе чѣмъ для какого другаго государства. Историческая судьба, гео-

графическое положеніе, этнографическія особенности, все это сложилось такъ, что для Россіи истинное величіе, т. е. служеніе на истинное благо человѣчеству, составляетъ какъ бы долгъ, передъ которымъ отступать Россія не можетъ, не измѣняя своему достоинству. Все наше прошедшее служитъ тому подтвержденіемъ, да таково же вѣроятно и наше будущее.

Двадцать лѣтъ тому назадъ, при обсужденіи послѣдствій, какихъ можно было ожидать отъ несомнѣннаго уже тогда умиротворенія Кавказа, между прочимъ, сказано было [1]: „каковы бы ни были жертвы, которыя Россія принесла Кавказу, во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что эти жертвы будутъ потомствомъ достойно оцѣнены, прежде всего потому, что торжество Россіи въ войнѣ съ Кавказскими горцами составитъ торжество цивилизаціи надъ самымъ упорнымъ варварствомъ".

„Если же на каждомъ человѣкѣ лежитъ обязанность трудиться не только для себя, а своею жизнію принести пользу и обществу, то точно также и на каждомъ великомъ народѣ лежитъ обязанность не только развивать самаго себя, а содѣйствовать по мѣрѣ силъ развитію другихъ болѣе отсталыхъ народовъ. Можемъ ли мы отрицать благотворное вліяніе Запада на наше развитіе? Не обязаны ли мы заплатить долгъ цивилизаціи, передавъ это вліяніе Востоку? Если Петръ Великій основаніемъ Петербурга прорубилъ окно, сквозь которое Россія взглянула на Европу, то въ наше время умиротвореніемъ Кавказа прорубается окно для цѣлой Западной Азіи, для Персіи, Арменіи, Месопотаміи, погруженныхъ въ вѣковое оцѣпененіе. Сквозь это окно взглянутъ они на Европу, и если взглянутъ не безъ пользы для себя, въ чемъ нельзя и сомнѣваться, то великій долгъ, лежащій на Россіи относительно цивилизаціи, будетъ честно и достойно выплаченъ".

Все, совершившееся въ послѣдніе двадцать лѣтъ, и все, совершающееся нынѣ на нашихъ глазахъ, показываетъ, что тогдашнія ожиданія, мало по малу, начинаютъ уже осуществляться.

Не говоря про части Турціи, плотно и прочно присоединившіяся къ Европѣ, не говоря про совершившееся въ это время обращеніе на иной путь томившихся подъ вѣковымъ гнетомъ са-

---

[1]) Кавказъ и Кавказская война, стр. 47—48.

маго дикаго деспотизма—Хивы, Бухары и Кокана, все нынѣ совершающееся въ Малой Азіи, Персіи и даже въ Индіи, не высказываетъ ли ясно, что и для всѣхъ этихъ странъ—присоединиться къ общечеловѣческой цивилизаціи очередь уже приближается.

Дальнѣйшій ходъ событій много, конечно, будетъ зависѣть отъ того, насколько Россія успѣетъ избавить себя отъ тѣхъ предвзятыхъ мнѣній, которыми такъ ловко и искусно пользуются наши недоброжелатели и наши соперники. Къ прискорбію, при существованіи подобныхъ взглядовъ, иногда самыя высокія, самыя чистыя стремленія Россіи на пользу человѣчества, не только объясняются исключительно стремленіями завоевательной политики, въ родѣ Наполеоновской, никогда никому не симпатичной, но не рѣдко толкуются даже въ родѣ дѣйствій Батыя и другихъ.

Какъ бы то ни было, и какой бы ни приняло оборотъ все нынѣ совершающееся, во всякомъ случаѣ, если въ будущемъ исторія Россіи и можетъ представить еще болѣе славнаго, то едва ли трудовой характеръ ея исторіи перемѣнится, а при такой исторической судьбѣ Россіи первенствующее въ ней сословіе дворянство, весьма естественно, должно служить образцомъ.

Лучшіе и наиболѣе именитые изъ нашего дворянства такъ и поняли свое назначеніе еще со временъ нашего великаго преобразователя.

Вотъ, напримѣръ, что̀ было написано отцомъ покойнаго фельдмаршала въ инструкціи, оставленной для воспитанія своего сына, и который самъ былъ сынъ принцессы Голштейнской и одного изъ современниковъ еще Петра Великаго. Инструкція эта имѣется въ матеріалахъ редакціи „Русской Старины“.

Въ этой инструкціи, между прочимъ, сказано: „мнѣ не нужно говорить здѣсь, что сынъ мой долженъ быть обучаемъ вѣрѣ его священникомъ. Это разумѣется само собою. Не должно забывать учить его французскому, англійскому и нѣмецкому языкамъ. Во время путешествія его по Россіи, слѣдуетъ возбуждать въ немъ любовь къ отечеству, желаніе изучить его и быть ему полезнымъ, отличаться въ службѣ государю его, котораго онъ долженъ почитать и которому онъ долженъ повиноваться, каковъ бы ни былъ его характеръ, какъ своему государю, которому онъ обязанъ присягою. Если Богъ дастъ моему сыну счастіе служить отечеству своему съ отличіемъ и успѣхомъ, онъ подъ конецъ жизни своей можетъ

съ почетомъ выйти въ отставку и удалиться въ прекрасныя свои имѣнія, чтобы тамъ образовывать своихъ крестьянъ, сдѣлать ихъ счастливыми и развить между ними искуства и ремесла, которыя увеличатъ ихъ благосостояніе, и въ тоже время множеству праздныхъ дадутъ занятіе. Съ тѣмъ образованіемъ, которое онъ получитъ, я увѣренъ, онъ усовершенствуетъ все, что ему оставлю, и будетъ полезенъ на своемъ поприщѣ, а слѣдовательно и своему отечеству. Я прошу жену, какъ милости, не дѣлать изъ него ни военнаго, ни придворнаго, ни дипломата. Мы уже имѣемъ столько героевъ, столько украшенныхъ орденами тщеславныхъ, столько придворныхъ. Россія есть больной исполинъ: людямъ, отличающимся происхожденіемъ и богатствомъ, слѣдуетъ служить и поддерживать государство".

Отецъ покойнаго фельдмаршала въ свое время былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ лучшихъ агрономовъ. Обширныя его имѣнія, по образцовому своему устройству и по благосостоянію жителей, славились во всемъ краѣ. Инструкціи отца не суждено было осуществиться ни въ подробностяхъ воспитанія его сына, ни даже въ выборѣ для него карьеры, но относительно сущности инструкціи, главной цѣли, т. е. относительно пользы обществу и государству, какой желалъ отецъ отъ своего сына, инструкція исполнилась самымъ блистательнымъ образомъ.

Все семейство князя, до смерти его отца въ 1825 году, оставалось бо́льшею частью въ своемъ главномъ имѣніи, въ селѣ Ивановскомъ, Курской губерніи. Понятно, какія: вниманіе, роскошь и предупредительность окружали новорожденнаго съ первыхъ-же дней его явленія на свѣтъ. Отецъ, мать и всѣ смотрѣли на него какъ на старшаго, послѣ отца, представителя рода князей Барятинскихъ.

Въ какой же мѣрѣ подобная обстановка дѣйствовала на способнаго, впечатлительнаго ребенка, и какъ въ то время понималось вообще значеніе первородства въ старомъ богатомъ барскомъ домѣ, можно судить изъ разсказа о первомъ пріемѣ въ селѣ Ивановскомъ императора Александра I покойнымъ фельдмаршаломъ, когда ему еще было не болѣе 10 лѣтъ отъ роду.

Вскорѣ послѣ смерти отца князя, императоръ Александръ, желая выказать особое вниманіе семейству умершаго, на пути въ Таганрогъ, посѣтилъ село Ивановское. Мать князя была въ это время нездорова, и честь встрѣчать императора выпала на

долю будущаго фельдмаршала, тогда 10 лѣтняго ребенка, который и встрѣтилъ императора на подъѣздѣ своего дворца. Государь, выйдя изъ коляски, очень обласкалъ ребенка-хозяина и, взявъ за руку, сталъ входить съ нимъ вмѣстѣ на лѣстницу. Затѣмъ остановясь, онъ позвалъ своего любимаго лейбъ-кучера, извѣстнаго Илью (имѣвшаго чинъ полковника), приказалъ ему поцѣловать ручку молодаго князя и идти вмѣстѣ съ ними осматривать его дворецъ.

Благословенное небо Малороссіи, ея поэзія, природныя красоты и типичность жителей не могли, въ свою очередь, не вліять на ребенка, и оставили по себѣ много слѣдовъ, которые не изгладились въ немъ до конца жизни. Мечтательность и добродушный юморъ, составлявшіе одни изъ особыхъ свойствъ въ характерѣ покойнаго фельдмаршала, развились въ немъ, вѣроятно, именно вслѣдствіе этой обстановки его младенчества. Въ годахъ не только молодыхъ, но даже въ зрѣлыхъ, и когда князь вполнѣ уже отдался Кавказу, онъ любилъ вспоминать о Малороссіи, любилъ разсказывать малороссійскіе анекдоты, а иногда и самъ читалъ „Энеиду на изнанку—Котляревскаго“ и, надо отдать справедливость, разсказывалъ и читалъ мастерски.

По окончаніи траура, все семейство князя, а вмѣстѣ съ нимъ и онъ, переѣхали на житье изъ Ивановскаго въ Петербургъ.

Петербургская жизнь совершенно измѣнила инструкцію, составленную отцомъ князя для его воспитанія и карьеры. Имѣя 16 лѣтъ отъ роду, онъ былъ зачисленъ въ кавалерійскій полкъ, и поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ, откуда въ 1833 году произведенъ въ корнеты, съ опредѣленіемъ въ лейбъ-кирасирскій Его Высочества Наслѣдника Цесаревича (нынѣ л.-гв. кирасирскій Ея Величества полкъ.

Если петербургская жизнь была причиной, что инструкція отца относительно воспитанія его первенца была измѣнена, то врожденныя природныя его стремленія и способности измѣнили ее еще болѣе. Въ мартѣ 1835 года, когда князю не было еще 20 лѣтъ, онъ былъ командированъ, согласно его собственному желанію, на Кавказъ, для участія въ экспедиціи противъ горцевъ.

II.

Въ то время кавказская война только начинала разгораться, и въ Россіи это было единственное мѣсто, гдѣ жаждавшіе боя могли съ нимъ ознакомиться. Стремленіе 20 лѣтняго юноши, будущаго фельдмаршала, на Кавказъ понятно, какъ понятна и его готовность на всѣ лишенія и неудобства, съ какими были сопряжены тогдашнія Кавказскія экспедиціи, особенно по сравненію съ обстановкой, окружавшей князя въ Петербургѣ. Во всякомъ случаѣ, эта поѣздка была совершеннымъ уклоненіемъ отъ отцовской инструкціи, произвела на молодаго человѣка весьма сильное и глубокое впечатлѣніе и опредѣлила всю его будущую карьеру.

Первыя военныя дѣла, въ которыхъ покойный фельдмаршалъ принималъ участіе, была осенняя экспедиція генерала Вельяминова въ землю Натухайцевъ, жившихъ въ верховьяхъ рѣки Абинъ, въ 1835 году. Прикомандированный на время экспедиціи къ бывшему Кабардинскому егерскому (нынѣ Кабардинскій пѣхотный князя Барятинскаго) полку, молодой корнетъ князь Барятинскій, кромѣ прямаго участія въ дѣйствіяхъ полка, пользовался случаями принимать участіе въ дѣлахъ и съ другими войсками. Такъ 21 сентября онъ принялъ начальство надъ сотней казаковъ, высланныхъ впередъ для занятія ущелья Чемокосеколайка, гдѣ засѣвшіе Натухайцы много препятствовали дѣйствію нашихъ войскъ въ долинѣ рѣки Абинъ. Воспользовавшись мѣстными закрытіями, князь смѣло подвелъ свою сотню къ непріятелю на самое близкое разстояніе и, сдѣлавъ залпъ, бросился въ атаку,—непріятель былъ смятъ и дѣло выиграно. Но во время жаркаго рукопашнаго боя, будущій фельдмаршалъ, тогда еще корнетъ, князь Барятинскій, былъ раненъ въ упоръ ружейною пулею въ правый бокъ, гдѣ она и осталась. За это отличіе князь былъ награжденъ золотою саблею съ надписью за „храбрость“.

По возвращеніи князя въ Петербургъ, въ декабрѣ мѣсяцѣ, покойный Государь Императоръ, 1-го января 1836 года, назначилъ его состоять при Его Императорскомъ Высочествѣ Наслѣдникѣ Цесаревичѣ, нынѣ благополучно царствующемъ Государѣ Императорѣ.

Это назначеніе было столь высоко и почетно, что, по собственнымъ словамъ покойнаго фельдмаршала, онъ считалъ-бы себя въ

то время самымъ счастливымъ человѣкомъ, если бы не тяжкія страданія отъ раны, которыя не давали ему покоя. Въ апрѣлѣ 1836 года, по настоянію докторовъ, онъ долженъ былъ для леченія отъ раны отправиться за границу, гдѣ и оставался болѣе двухъ лѣтъ до іюля 1838 года.

По возвращеніи въ Россію, онъ былъ переведенъ въ лейбъ-гвардіи гусарскій полкъ, съ оставленіемъ при Государѣ Наслѣдникѣ, а въ слѣдующемъ, 1839 году, произведенъ въ штабсъ-ротмистры, съ назначеніемъ адъютантомъ Его Высочества. Въ этой должности князь оставался до назначенія флигель-адъютантомъ и командиромъ бывшаго Кабардинскаго егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева полка (нынѣ Кабардинскій пѣхотный князя Барятинскаго) въ февралѣ 1847 года.

Высокое назначеніе, полученное княземъ Барятинскимъ по возвращеніи съ Кавказа, и поѣздка въ край, въ которомъ ему суждено было впослѣдствіи оказать такъ много славныхъ заслугъ, какъ бы напоминали ему, что въ инструкціи, оставленной отцомъ для его воспитанія, осталось много пробѣловъ, и онъ очень заботился ихъ пополнить. Во время заграничныхъ путешествій, въ особенности въ тѣхъ, которыя предпринималъ онъ для леченія, князь сближается съ серьезными учеными людьми, и въ немъ сильно развилась любовь къ полезному чтенію. Провести безсонную ночь за какимъ либо новымъ, даже хотя бы и очень сухимъ сочиненіемъ, по предмету, его живо занимающему, было для князя дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Эта любовь къ чтенію обратилась потомъ въ привычку, которую не оставлялъ онъ до конца жизни. Съ нѣкоторыми-же изъ нашихъ ученыхъ, какъ, напримѣръ, съ нашимъ извѣстнымъ ученымъ Гуліановымъ онъ такъ сблизился въ свою поѣздку 1836—1837 гг., что на извѣстныхъ условіяхъ сдѣлался потомъ наслѣдникомъ всей его обширной и хорошо составленной библіотеки.

Что касается Кавказа, то хотя этотъ край, его дѣятели и служивые съ перваго же съ ними знакомства произвели на покойнаго фельдмаршала весьма глубокое впечатлѣніе, но твердое рѣшительное намѣреніе посвятить свою жизнь на служеніе Кавказу въ немъ дѣлается замѣтнымъ не ранѣе 1847 года.

Въ 1845 году князь былъ вторично командированъ на Кав-

казъ, и учавствовалъ въ знаменитой Даргинской экспедиціи князя Воронцова..

Въ этотъ разъ князь пріѣхалъ въ край ему уже извѣстный, и, состоя въ чинѣ полковника, былъ назначенъ командующимъ третьимъ баталіономъ бывшаго Кабардинскаго егерскаго (нынѣ Кабардинскій пѣхотный) полка, съ которымъ хорошо познакомился еще въ первую свою поѣздку на Кавказъ.

Одно изъ лучшихъ и наиболѣе блестящихъ дѣлъ Даргинской экспедиціи—занятіе андійскихъ высотъ—выпало на долю князя. Дѣло это происходило на глазахъ всего отряда; и было какъ бы состязаніемъ въ боевой славѣ между двумя старыми кавказскими полками, въ то время наиболѣе отличавшимися, между Куринцами и Кабардинцами.

Надо замѣтить, что, незадолго передъ тѣмъ, Куринскій полкъ получилъ себѣ шефа въ лицѣ тогдашняго главнокомандовавшаго на Кавказѣ князя Воронцова, а Кабардинскій полкъ имѣлъ тогда шефомъ военнаго министра князя Чернышева. За нѣсколько дней до занятія андійскихъ высотъ, Куринцы имѣли блестящее дѣло при занятіи горы Анчимееръ, а Кабардинцы, всегда съ ними соперничествовавшіе, хотя всегда съ ними и очень дружившіе, были этимъ отличіемъ задѣты за живое, и ждали только случая показать себя. Случай этотъ представился, когда главный отрядъ, достигнувъ вершины главнаго перевала, при селеніи Гогатль, долженъ былъ продолжать путь черезъ андійскія высоты на селеніе Азалъ, въ это время сильно занятый скопищами Шамиля.

Для занятія непріятельской позиціи были высланы кабардинцы подъ начальствомъ князя Барятинскаго,—это было 14 іюля 1845 года. День былъ свѣтлый и ясный; главный отрядъ занималъ позицію на высотахъ, господствующихъ надъ окружающею мѣстностію, откуда аулъ, завалы и все расположеніе непріятеля были хорошо видны, а потому все дѣло было какъ-бы на ладони. Очевидцы разсказываютъ, что это дѣло шло такъ живо и блестяще, что когда горцы были сбиты Кабардинцами, то многіе изъ зрителей, забывая разстояніе ихъ отдѣлявшее отъ Кабардинцевъ, аплодировали и кричали ура!

Вотъ, между прочимъ, разсказъ объ одномъ эпизодѣ этого дѣла, слышанный мною въ Кабардинскомъ полку, куда я былъ переведенъ въ 1847 году. Когда, но окончаніи дѣла, несли нашихъ

раненыхъ въ лазаретъ, въ вагенбургъ, князь Воронцовъ вышелъ на встрѣчу, и, замѣтивъ одного раненаго офицера, котораго несли съ особенною осторожностію, поспѣшилъ подойти къ нему и узнать о состояніи его здоровья. Офицеръ этотъ, командиръ 7-й егерской роты штабсъ-капитанъ Нейманъ, былъ дѣйствительно тяжело раненъ и очень страдалъ. Но вмѣсто отвѣта на слова главнокомандующаго, онъ, съ трудомъ приподнявшись на носилкахъ, самъ обратился съ вопросомъ: „а что, ваше сіятельство, кто лучше дерется, Куринцы или Кабардинцы?“ Разумѣется, князь Воронцовъ поспѣшилъ успокоить этого почтеннаго воина.

За дѣло на андійскихъ высотахъ князь Барятинскій удостоился получить, по единогласному приговору кавалерской думы, орденъ Св. Георгія 4 ст., и вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ большую, прочную извѣстность у старыхъ кавказскихъ служивыхъ. Въ этомъ дѣлѣ князь Барятинскій былъ также тяжело раненъ пулею въ ногу, и, по возвращеніи съ Кавказа, долженъ былъ снова отправиться за границу, гдѣ и оставался до начала 1847 года.

28-го февраля 1847 года полковникъ князь Барятинскій былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Императора Николая Павловича и командиромъ бывшаго Кабардинскаго егерскаго генералъ-адъютанта князя Чернышева, (нынѣ Кабардинскій пѣхотный генералъ-фельдмаршала князя Барятинскаго) полка.

Съ этого собственно времени начинается дѣятельность князя Барятинскаго на Кавказѣ, какъ человѣка, сознательно и вполнѣ отдавшагося Кавказской войнѣ и служенію Кавказу [1]).

III.

То, что князь А. И. Барятинскій съ 1847 года сознательно и всецѣло посвящалъ себя кавказской службѣ, видно между прочимъ изъ его распоряженій по имѣнію, сдѣланныхъ имъ около этого времени. Рѣшаясь отдаться вполнѣ кавказской службѣ, князь Барятинскій, если не торжественно, то весьма рѣшительно, отказывался разъ на всегда отъ семейной жизни. Въ этихъ видахъ князь передалъ свой маіоратъ на извѣстныхъ условіяхъ своему

[1]) Въ сентябрѣ 1847 года переведенный въ Кабардинскій егерскій полкъ, я имѣлъ честь лично познакомиться съ княземъ, и все, что я буду говорить о немъ далѣе, мнѣ лично хорошо извѣстно. Д. Р.

второму брату, князю Владиміру Ивановичу Барятинскому, который въ то же время поступилъ на его мѣсто адъютантомъ къ Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу, нынѣ благополучно царствующему Императору Александру II.

Это объясненіе я слышалъ лично отъ самаго фельдмаршала въ зиму 1849—50 гг., когда въ Петербургѣ много говорили о передачѣ маіората княземъ А. И. Барятинскимъ теперешнему его владѣтелю, тогда еще ребенку, на елкѣ. При чемъ князь добавилъ, что самая передача была условлена гораздо ранѣе, до поѣздки его на Кавказъ въ 1847 году. Съ этого же времени любимой темой разговоровъ, какъ въ обществѣ, такъ въ особенности въ кружку людей ему болѣе извѣстныхъ, дѣлается для князя Кавказъ и Кавказская война. Своихъ личныхъ взглядовъ и предположеній въ бесѣдахъ общихъ, публичныхъ, покойный фельдмаршалъ въ то время не любилъ высказывать, но въ бесѣдахъ по тѣмъ же предметамъ съ немногими—князь проводилъ иногда цѣлыя ночи.

Въ это время самое расположеніе князя къ людямъ и даже его привязанность весьма много зависѣли отъ степени любви, какую въ комъ онъ замѣчалъ, къ военной службѣ и къ Кавказу. Говорю это съ увѣренностію, такъ какъ иначе мнѣ весьма трудно бы было объяснить то особенное расположеніе, которое началъ мнѣ выказывать князь съ первыхъ же дней поступленія моего въ полкъ и которое продолжалъ, несмотря на то, что въ самомъ началѣ моего знакомства я долженъ былъ поступить такъ, что могъ бы потерять подобное расположеніе.

Окончивъ курсъ въ инженерной академіи, и имѣя въ виду пройти чрезъ академію генеральнаго штаба, я поступилъ въ Кабардинскій полкъ собственно для того, чтобы на самомъ дѣлѣ ознакомиться съ боевой жизнію, и выбралъ Кабардинскій полкъ преимущественно потому, что полкъ этотъ находился тогда на передовой линіи и своимъ бытомъ близко напоминалъ прежній патріархальный военный бытъ, который такъ поэтически описанъ въ „Капитанской дочкѣ“ Пушкина, и охарактеризованъ эпиграфомъ: „Мы въ фортеціи живемъ, хлѣбъ ѣдимъ и воду пьемъ, а какъ названные враги къ намъ придутъ на пироги и проч“. Просился я о переводѣ въ полкъ еще при прежнемъ командирѣ, генералѣ Козловскомъ, и признаюсь, когда, пріѣхавъ въ полкъ, я вмѣсто стараго командира Козловскаго нашелъ новаго, князя Барятинскаго,

то этой нежданной перемѣной былъ очень смущенъ и даже озабоченъ. Князя Барятинскаго я до того времени никогда не видалъ, и по доходившимъ до меня отзывамъ сильно опасался, что вмѣсто патріархальной боевой обстановки попаду въ жизнь чопорную и въ кружокъ такихъ людей, какіе никогда мнѣ не были симпатичны. По счастію, скоро убѣдился я, что опасенія мои были совершенно напрасны. Патріархальности прежнихъ временъ я, дѣйствительно, не нашелъ, но и стѣснительной чопорности также не было.

Полковой штабъ Кабардинскаго полка находился въ то время въ крѣпости Внезапной, и общественная жизнь тогдашнихъ ея обитателей, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ домѣ полковаго командира. Два раза ежедневно, въ 11 часовъ утра и въ 6 часовъ вечера, всѣ офицеры собирались тогда къ князю, утромъ на обѣдъ, вечеромъ на ужинъ; по временамъ, около дома, играла полковая музыка, а иногда бывали вечера съ танцами. Во всемъ соблюдалось строгое приличіе и никакихъ увлеченій не допускалось, но въ то же время никакой принужденности въ этихъ не служебныхъ дѣлахъ отнюдь не замѣчалось, и даже самое посѣщеніе вовсе не считалось обязательнымъ. Съ пріѣздомъ князя во Внезапную, въ ней открылся еще новый ресурсъ—это большая и хорошо составленная собственная библіотека князя, открытая для пользованія всѣхъ служащихъ. Если къ сказанному добавить тѣ развлеченія, какія часто доставлялъ непріятель, заставляя войска выходить на тревогу, то понятно, что жалующихся на скуку жизни было немного.

Мнѣ лично такая жизнь очень нравилась, и я былъ вполнѣ доволенъ своею судьбою, особенно когда князь скоро объявилъ мнѣ, что назначаетъ меня съ полкомъ въ экспедицію. Весной 1848 года полковой штабъ былъ переведенъ изъ крѣпости Внезапной въ укрѣпленіе Хасавъ-Юртъ, гдѣ остается и по настоящее время, но и тамъ жизнь продолжалась такая же, какъ и въ Внезапной. Вообще, все время службы моей въ полку, я имѣлъ случай не разъ убѣдиться во вниманіи и расположеніи ко мнѣ князя, а потому добрыя чувства съ моей стороны къ нему весьма понятны; но чѣмъ руководился князь, оказывая особое расположеніе ко мнѣ, когда я отправился въ академію и не остался въ полку какъ этого онъ желалъ, объяснить иначе не могу какъ моею

любовью къ военной службѣ и къ Кавказу, которая тогда была во мнѣ, дѣйствительно, очень сильна.

Вообще, покойный фельдмаршалъ былъ одна изъ тѣхъ сильныхъ и добрыхъ русскихъ натуръ, которыя въ своихъ увлеченіяхъ всегда искренни, и которыя въ людяхъ ищутъ не столько сходства личныхъ убѣжденій съ своими собственными, сколько искренности убѣжденій. Не разъ случалось мнѣ слышать отъ самаго покойнаго: „для меня не такъ важно, какихъ убѣжденій держится человѣкъ: аристократическихъ, демократическихъ, либеральныхъ или ретроградныхъ, какъ важно то, чтобы человѣкъ имѣлъ дѣйствительно убѣжденія, и чтобы не мѣнялъ ихъ, какъ перчатки. Для меня нѣтъ хуже и опаснѣе людей какъ тѣ, которые сегодня либералы, а завтра ретрограды, сегодня якобинцы, а завтра мольеровскіе дворяне“.

Вообще, искренность князь высоко цѣнилъ и всегда былъ расположенъ многое извинять тѣмъ, въ комъ находилъ это свойство. Къ соблюденію, напримѣръ, приличій, какъ служебныхъ такъ и свѣтскихъ, князь относился весьма строго, можно сказать, даже педантически, но и въ этомъ отношеніи искренности онъ много извинялъ. Вообще, едва-ли князь не считалъ искренность самою первою людскою добродѣтелью, которою онъ очень дорожилъ, и которой прежде всего руководился въ оцѣнкѣ человѣческаго достоинства. Людей, не ошибающихся въ другихъ, на свѣтѣ нѣтъ, но, припоминая всѣ хорошо мнѣ извѣстныя отношенія покойнаго фельдмаршала къ людямъ за всѣ тридцать два года, которые я его имѣлъ честь знать, не могу не сказать, что ошибокъ въ этомъ отношеніи было не много. Были, конечно, примѣры, что люди ловкіе весьма искусно принимали на себя видъ искренній и успѣвали втираться въ довѣренность, но бо̀льшею частью мистификація при князѣ не была продолжительна.

Главные предметы, наиболѣе, или лучше сказать, всецѣло занимавшіе князя въ это время его жизни, были полкъ и Кавказъ. Въ 1847 и 1848 годахъ я имѣлъ случай видѣть князя довольно часто, и позволяю себѣ сомнѣваться, было ли въ это время что либо на свѣтѣ, чѣмъ бы онъ могъ очень интересоваться,—такъ сильно былъ онъ поглощенъ думами о полкѣ и о Кавказѣ.

На тотъ и другой предметъ князь смотрѣлъ совершенно своеобразно. Всѣ, кто ближе знали эти взгляды, не могли не цѣнить

ихъ и если можно было не всегда раздѣлять мнѣнія князя, то нельзя было ихъ не уважать. Но близко знали это немногіе. Здѣсь необходимо указать на одну особенную черту характера покойнаго, которая лично для него не была полезна.

Всякому случалось, конечно, въ своей жизни встрѣчать людей, особенно изъ числа занимающихъ болѣе или менѣе замѣтныя положенія въ обществѣ, которые любятъ казаться болѣе занятыми и озабоченными, нежели они есть на самомъ дѣлѣ. У князя была совершенно противуположная слабость. На самомъ дѣлѣ князь занимался очень много, и каждое дѣло, въ которомъ онъ принималъ нравственное участіе, очень принималъ къ сердцу, и прежде чѣмъ дѣйствовать, изучалъ и обдумывалъ его самымъ тщательнымъ образомъ. Но всѣ эти занятія его и думы были хорошо извѣстны только людямъ весьма къ нему близкимъ, да и тѣ не всегда про нихъ знали.

Когда князь начиналъ какое нибудь дѣло, его особенно интересовавшее, онъ предварительно перечитывалъ не только всѣ существовавшія у насъ по этому предмету законоположенія, но съ большимъ вниманіемъ знакомился и съ постановленіями, существовавшими по тому же предмету за границей. Основательное знаніе языковъ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго, частыя поѣздки за границу, положеніе и связи въ обществѣ,—все это, безъ сомнѣнія, облегчало ему основательное изученіе. Но все это, обыкновенно, князь дѣлалъ какъ бы по секрету, иногда казалось даже, что князь какъ бы стыдился столь продолжительнаго и основательнаго изученія предмета. Во всякомъ случаѣ, занятія съ другими, даже близкими людьми, онъ начиналъ не ранѣе какъ составивъ уже себѣ опредѣленное ясное понятіе о дѣлѣ. Занятія эти, обыкновенно, состояли или въ диктовкѣ имъ своихъ предположеній, или въ диктовкѣ ему имъ же самимъ составленной записки. Бо̀льшею частью, такія занятія происходили по ночамъ, и весьма часто длились не только до разсвѣта, но до часа, когда у князя или начинался пріемъ, или онъ самъ долженъ былъ куда нибудь ѣхать. Въ эту минуту, особенно, когда показывался кто нибудь не изъ очень приближенныхъ лицъ, князь мгновенно измѣнялся, и даже тѣмъ, кто занимался съ нимъ и которымъ нужно-бы было иногда для него же самаго передать нѣкоторыя свѣдѣнія, сдѣлать это было уже не легко вплоть до начала слѣдующаго

усиленнаго занятія. Объяснить такую странность въ характерѣ покойнаго я затрудняюсь, но что она дѣйствительно существовала—это хорошо извѣстно всѣмъ дѣйствительно близко стоявшимъ къ князю. По моему, всего скорѣе объяснить это тѣмъ отвращеніемъ и даже ненавистью правдивой натуры князя ко всякому шарлатанству.

Какъ бы то ни было, но само собою дѣлается понятнымъ, какъ плодотворны были для дѣла послѣдствія подобныхъ усиленныхъ занятій князя, особенно, если принять въ соображеніе, что для осуществленія задуманныхъ имъ мѣропріятій онъ никогда не жалѣлъ своихъ средствъ, и пользовался всѣми своими связями, какими только располагалъ.

Кромѣ возможно лучшаго командованія полкомъ, согласно существующимъ у насъ законоположеніямъ, которыя князь очень наблюдалъ, его, при командованіи полкомъ, особенно занимали двѣ мысли, которыя онъ и старался по возможности осуществить. Во первыхъ, князю очень нравились постановленія, существующія въ англійской и австрійской арміяхъ о шефахъ полковъ. По своимъ убѣжденіямъ князь находилъ, что за неимѣніемъ у насъ такихъ постановленій, командиры нашихъ полковъ нравственно обязаны сами заботиться о доставленіи всего того, что въ другихъ арміяхъ доставляютъ имъ шефы, что съ своей стороны и дѣйствительно исполнялъ не только во время командованія, но и послѣ. Во вторыхъ, князь очень заботился о развитіи въ Кабардинскомъ полку бо̀льшей представительности между офицерами. Высоко цѣня геройскій духъ, которымъ отличался этотъ полкъ съ давнихъ поръ, князь желалъ, однако, чтобы отнюдь не измѣняя этому духу, офицеры болѣе усвоили себѣ свѣтскія приличія, и вообще тотъ наружный видъ нашихъ лучшихъ полковъ, который князю очень нравился.

Въ этомъ отношеніи князь высоко цѣнилъ дѣятельность тогдашняго Кавказскаго главнокомандующаго князя Воронцова и не разъ говорилъ: „если бы князь Воронцовъ ничего не сдѣлалъ для Кавказа болѣе того, что уже имъ сдѣлано, то и тогда заслуги его огромны: онъ первый показалъ и убѣдилъ всѣхъ, что можно быть отличнымъ Кавказскимъ офицеромъ, не нося мазаныхъ дегтемъ сапогъ и не выпивая при всѣхъ по нѣскольку рюмокъ водки“.

Въ общемъ результатѣ послѣдствіями усиленныхъ заботъ князя о полку, кромѣ разныхъ нововведеній, которыя вслѣдствіе своей полезности скоро были приняты и въ другихъ полкахъ, какъ, напримѣръ, охотничьей команды, вооруженной двустволками, было то, что заботы о немъ не мало способствовали тому, что Кабардинскій полкъ ранѣе другихъ началъ пользоваться тѣми выгодами, какія предоставлены теперь всѣмъ нашимъ армейскимъ полкамъ на казенныя средства: офицерскими собраніями, библіотекой и т. п.

Требуя строгаго исполненія всѣхъ приличій служебныхъ и частныхъ, князь считалъ это обязательнымъ и для самаго себя, что было ему не всегда легко. Разсказываютъ, что когда по сдачѣ полка онъ оставался въ Хасавъ-Юртѣ нѣкоторое время, то былъ тогда особенно веселъ и говорилъ своимъ приближеннымъ, что ему такъ пріятно теперь въ полку, какъ не было никогда; онъ радъ, что можетъ теперь ходить по полковому штабу, говорить со всѣми и обо всемъ съ увѣренностію, что ему не придется ни распекать, ни дѣлать замѣчаній, „однимъ словомъ, какъ выразился онъ тогда, я радъ, что могу быть и ходить теперь человѣкомъ, а не индѣйскимъ пѣтухомъ“.

Другой предметъ, сильно занимавшій князя—Кавказская война, находился въ это время въ томъ хроническомъ состояніи, при которомъ обыкновенно самые лучшіе доктора ограничиваются мѣрами палліативными. Все, что можно было найти въ литературѣ о Кавказѣ, князь не только читалъ, но лучшіе изъ тогдашнихъ сочиненій постоянно находились въ его библіотекѣ, а нѣкоторыя, какъ, напримѣръ, Voyage autour de Caucase par Dubois de Monpereux, составляли его настольныя книги. Ходившія въ то время по рукамъ разныя записки, какъ, напримѣръ, Записки Пассека, Бюрно, Невѣровскаго также принадлежали его настольной библіотекѣ. Но, вообще, тогдашнія сужденія о Кавказской войнѣ, какъ князя, такъ и всѣхъ, ограничивались бо̀льшею частью общими мѣстами. Служившіе въ то время въ Кабардинскомъ полку, и имѣвшіе случай слышать сужденія по этому предмету князя, не могутъ однако не засвидѣтельствовать, что главныя начала, послужившія впослѣдствіи князю основаніемъ для покоренія Кавказа, были имъ для себя еще въ то время какъ бы намѣчены.

Не разъ еще тогда говорилъ покойный фельдмаршалъ, что онъ удивляется: „тому предпочтенію, которое отдается Даге-

стану передъ Чечней для покоренія Кавказа. По мнѣнію князя Барятинскаго, заставить горцевъ положить оружіе могла только одна крайность — голодъ, а крайность эта для восточныхъ горцевъ могла наступить только съ потерею Чечни, а не Дагестана".

Что касается до непосредственнаго личнаго участія князя въ военныхъ дѣйствіяхъ, то на этотъ разъ судьба какъ бы сама послала на его долю такое первое дѣло, которое ясно показало, что Кавказскую войну князь изучилъ тогда уже хорошо, и что обязанности старшаго военнаго начальника онъ понимаетъ весьма серьезно.

Первымъ военнымъ дѣломъ, выпавшимъ на долю князя, когда онъ сдѣлался командиромъ Кабардинскаго полка, былъ набѣгъ на аулъ Зандакъ, въ обществѣ Аухъ, въ долинѣ рѣки Яраксу, верстъ на 30 выше укрѣпленія Хасавъ-Юртъ.

Лѣтомъ 1847 года въ Дагестанѣ предпринята была осада укрѣпленнаго аула Салты, при которой находился самъ тогдашній Кавказскій главнокомандующій князь Воронцовъ. До того времени Шамиль еще не имѣлъ большихъ неудачъ, а потому напрягалъ всѣ усилія, чтобы затруднить осаду. Въ этихъ видахъ онъ отовсюду, гдѣ только жители сами не подвергались опасности нападенія съ нашей стороны, стягивалъ подкрѣпленія для дѣйствія противъ насъ подъ Салтами.

Въ свою очередь, чтобы воспрепятствовать Шамилю стягивать подкрѣпленія къ Салтамъ, князь Воронцовъ нашелъ нужнымъ произвести нѣсколько нападеній на владѣнія Шамиля. Въ этихъ видахъ предположено было и со стороны Кумыкской плоскости сдѣлать набѣгъ въ общество Аухъ, составлявшее пограничную часть Шамилевскихъ владѣній, лежавшее между Дагестаномъ и Чечней.

Князь Барятинскій въ то время, вмѣстѣ съ обязанностями командира Кабардинскаго полка, соединялъ въ себѣ и обязанности командующаго войсками на Кумыкской плоскости, а потому производство набѣга было поручено князю Барятинскому.

Для нападенія былъ избранъ аулъ Зандакъ, какъ одно изъ пограничныхъ наиболѣе значительныхъ селеній, гдѣ находилось при томъ непріятельское орудіе, которые горцы вообще очень берегли и захватить которое считалось весьма почетнымъ.

Нападеніе было произведено 14-го сентября 1847 г.; набѣгъ былъ весьма удаченъ, и мы съ небольшою потерею вполнѣ достигли предположенной цѣли. Ауховцы не только не пошли подъ Салты, но даже находившіеся тамъ вернулись по домамъ. Тѣмъ не менѣе надо сознаться, что большинство офицеровъ въ полку не были отъ этого набѣга въ восторгѣ.

Смотря на князя Барятинскаго, какъ на человѣка ищущаго особыхъ боевыхъ отличій, большинство ожидало, что князь постарается совершить какой нибудь громкій подвигъ, и ужъ непремѣнно отобьетъ находившееся въ Зандакѣ орудіе. Разумѣется и самъ князь весьма бы этого желалъ, но случилось такъ, что несмотря на всѣ мѣры, принятыя для производства нападенія нечаянно, войска наши, съ приближеніемъ къ аулу, были открыты горцами. Тогда оставалось одно изъ двухъ: или продолжать нападеніе и быть можетъ захватить орудіе, но тогда при обратномъ слѣдованіи непремѣнно имѣть весьма большую потерю, такъ какъ приходилось отступать по весьма лѣсистой и пересѣченной мѣстности верстъ 20, или, ограничившись появленіемъ нашимъ въ самомъ аулѣ, истребить лишь то, что можно было сдѣлать наскоро, и затѣмъ безотлагательно начать отступленіе. Князь предпочелъ послѣднее, при чемъ столь заманчивое орудіе осталось по прежнему у горцевъ. Тогдашній начальникъ лѣваго фланга, столь извѣстный генералъ Фрейтагъ и самъ князь Воронцовъ оцѣнили дѣло по достоинству, и указывали на него какъ на примѣръ распорядительности. Въ полку же нѣкоторые смотрѣли нѣсколько иначе. Впрочемъ и въ полку самые придирчивые скоро перемѣнили свой взглядъ. Во время командованія Кабардинскимъ полкомъ князя Барятинскаго, полкъ имѣлъ столько случаевъ къ отличію, что и наиболѣе требовательные въ этомъ отношеніи были вполнѣ удовлетворены. При томъ всѣ дѣла эти, бо́льшею частію, были весьма удачны и сопровождались потерями сравнительно весьма не большими. Это послѣднее, частью, происходило отъ особой распорядительности князя, а частью, и даже главнымъ образомъ, отъ того, что князь всегда имѣлъ отличныхъ лазутчиковъ и проводниковъ, преимущественно изъ людей, ему совершенно преданныхъ.

По сдачѣ Кабардинскаго полка князь Александръ Ивановичъ, въ концѣ 1849 года, пріѣхалъ въ С.-Петербургъ и оставался

здѣсь до іюля 1850 года. Въ это время князь не имѣлъ никакого прямаго служебнаго назначенія, состоялъ въ свитѣ Государя Императора и только считался по Кавказской арміи.

Въ это именно время я имѣлъ случай близко узнать взгляды покойнаго фельдмаршала на Кавказъ и Кавказскую войну, и долгомъ считаю свидѣтельствовать, что много изъ того, что было имъ исполнено, когда онъ сдѣлался главнокомандующимъ, было мнѣ хорошо извѣстно, еще въ то время, т. е. болѣе чѣмъ за семь лѣтъ впередъ.

Зиму князь проводилъ въ Петербургѣ въ своемъ домѣ на Сергіевской, а лѣто на своей Царскосельской дачѣ.

Какъ ни хороша была и тогдашняя обстановка его жизни, какъ ни заманчивы были его связи и дружескія сношенія, по временамъ, однако, казалось, что петербургская жизнь князя какъ бы тяготила и онъ съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминалъ о Кавказѣ. Всѣхъ Кавказскихъ служивыхъ князь принималъ весьма охотно, а нѣкоторыхъ, ближе ему знакомыхъ, въ томъ числѣ и меня, самъ приглашалъ довольно часто. Случалось иногда въ бесѣдѣ о Кавказѣ и кавказской войнѣ князь проводилъ не только цѣлые дни, но и ночи.

Въ такихъ-то бесѣдахъ, между прочимъ, я и имѣлъ случай узнать подробно, напримѣръ, доводы, на основаніи которыхъ князь предпочиталъ наступательныя дѣйствія противу восточныхъ горцевъ вести со стороны Чечни. Въ то же время и въ такой же подробности я имѣлъ случай также не разъ слышать сужденія покойнаго фельдмаршала о невозможности скоро окончить кавказскую войну, если не будетъ изыскано и не дано средствъ вести военныя дѣйствія противу восточныхъ горцевъ постоянно, а не перерывами по временамъ, какъ это дѣлалось въ то время.

Каждый легко пойметъ, какъ увлекательны были для меня такія бесѣды съ княземъ о кавказской войнѣ, для меня, тогдашняго слушателя военной академіи генеральнаго штаба и успѣвшаго уже лично ознакомиться съ кавказскою войною. Но при всемъ томъ, я долженъ сознаться, что тогдашнія мнѣнія покойнаго фельдмаршала, при всей своей увлекательности, въ большинствѣ случаевъ казались мнѣ, въ то время, неосуществимыми.

Надо припомнить, что въ то время, т. е. въ концѣ 1840-хъ годовъ систематическія военныя дѣйствія противъ горцевъ только

что получили свое развитіе. Императоръ Николай Павловичъ, въ продолженіи первыхъ 15 и даже 20 лѣтъ своего царствованія испытавъ неоднократно различные способы быстраго покоренія Кавказа, видимо къ нимъ охладѣлъ, и предпочелъ слѣдовать систематическимъ дѣйствіямъ, которыя и начаты были съ пріѣздомъ князя Воронцова на Кавказъ. Къ концу 1840-хъ годовъ эти систематическія дѣйствія привели уже къ замѣтнымъ успѣхамъ. Вмѣсто прежнихъ неудачъ въ 1846—1849 годахъ, мы, хотя весьма медленно, но все же постоянно и прочно двигались впередъ, въ особенности противу восточныхъ горцевъ, противу которыхъ давно уже была сосредоточена бо̀льшая часть нашихъ войскъ и куда, вообще, главнымъ образомъ направлялись всѣ наши усилія. Поэтому нельзя было не думать, что установлявшаяся въ то время система и будетъ продолжаться. Система же эта мнѣ, какъ слушателю военной академіи, была хорошо извѣстна.

Тогдашнимъ профессоромъ военной статистики въ академіи, нынѣ военнымъ министромъ графомъ Дмитріемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ были составлены тогда для академіи записки, въ которыхъ весьма обстоятельно и подробно было изложено какъ тогдашнее положеніе Кавказа, такъ и система дѣйствій, признававшихся въ то время наилучшею. Записки эти, которыя, по краткости и ясности изложенія сложнаго и важнаго вопроса покоренія Кавказа, останутся, конечно, навсегда образцовыми, назначаясь исключительно для офицеровъ генеральнаго штаба, попадавшихъ иногда прямо со скамьи въ военныя дѣйствія, не заключали, конечно, и не могли заключать, глубокой всесторонней критики. Главная цѣль записокъ состояла въ томъ, чтобы разъяснить слушателямъ разумно и основательно тогдашнія мѣропріятія для покоренія Кавказа, и, дѣйствительно, все дѣлавшееся тогда на Кавказѣ было объяснено въ нихъ такъ хорошо и раціонально, что всякая перемѣна въ принятой уже системѣ казалась почти безполезною. Своихъ сомнѣній относительно исполнимости предположеній князя во многомъ, шедшихъ въ разрѣзъ съ тогдашней системой, я, конечно, не скрывалъ, причемъ не разъ случалось мнѣ ссылаться на академическія записки, которыя князю были тоже хорошо извѣстны. Основательность нѣкоторыхъ доводовъ князь вполнѣ сознавалъ и говорилъ только, что самыя обстоятельства современемъ могутъ измѣниться, другіе же, какъ, напримѣръ, мнѣ-

ніе о безцѣльности и вредѣ военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ лѣтомъ, находилъ положительно невѣрными. Мысли свои и доводы князь высказывалъ съ увлеченіемъ и бо̀льшею частью весьма убѣдительно. Когда же случалось, что или его убѣжденія не производили должнаго впечатлѣнія на слушателя, или князь чувствовалъ себя утомленнымъ, то, оканчивая бесѣду, обыкновенно говорилъ:

— „Вѣрьте мнѣ, что бо̀льшею частью сложные и запутанные вопросы имѣютъ весьма простыя и ясныя рѣшенія, но, къ сожалѣнію, иногда даже умные и добрые люди дѣлаютъ много зла изъ простаго упрямства, считая какъ бы своимъ долгомъ слѣдовать своимъ предвзятымъ мыслямъ".

Впрочемъ, мнѣнія свои о болѣе раціональныхъ способахъ веденія войны на Кавказѣ князь высказывалъ, вообще, не въ видѣ осужденія принятымъ тогда порядкамъ. Въ этомъ отношеніи, въ особенности во всемъ, что прямо касалось тогдашняго главнокомандовавшаго князя Воронцова, покойный фельдмаршалъ говорилъ съ особенной осторожностью. Видно было, что онъ его очень любилъ и глубоко уважалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно было также, что на способы веденія кавказской войны покойный фельдмаршалъ смотрѣлъ совершенно своеобразно, и во многомъ далеко не согласно съ большинствомъ мнѣній, принимавшихся въ то время за лучшія. Нельзя было сомнѣваться, что какъ только представится случай, то князь Александръ Ивановичъ все, о чемъ только говорилъ, постарается осуществить на самомъ дѣлѣ, разумѣется, по мѣрѣ представлявшихся ему средствъ и возможности. Въ это время всѣ ближе знавшіе князя не могли не сознавать, что покойный Александръ Ивановичъ былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей старой Кавказской арміи, прочно унаслѣдовавшей духъ своихъ доблестныхъ предшественниковъ, а у такихъ людей слово и дѣло никогда не расходятся.

Дѣйствительно, какъ только князь получилъ мѣсто начальника лѣваго фланга, дававшее ему извѣстную самостоятельность, то весьма скоро нашелъ возможнымъ осуществить на дѣлѣ многое, о чемъ прежде говорилъ. Въ апрѣлѣ 1851 года, по случаю тяжкой болѣзни генералъ-лейтенанта Нестерова, князь Барятинскій былъ назначенъ исправляющимъ должность начальника лѣваго фланга, и въ томъ же году, безъ всякаго особаго усиленія находившихся въ его распоряженіи средствъ, при самомъ полномъ

и точномъ исполненіи всѣхъ лежавшихъ на войскахъ обязанностей, нашелъ возможнымъ произвести и лѣтомъ нѣсколько набѣговъ въ непріятельскія земли, чего прежде не только вовсе не дѣлалось, но даже считалось какъ бы безцѣльнымъ. Такъ, въ іюнѣ 1851 года произведено было совершенно нежданно для Чеченцевъ движеніе нашихъ войскъ къ Герменчуку, Автуру до р. Хулхулау, а оттуда къ Шалинской полянѣ, при чемъ много посѣвовъ и большіе запасы хлѣба и сѣна были истреблены. Подобное же движеніе было исполнено въ сентябрѣ того же года къ Мескитъ-Юрту. Въ слѣдующемъ же 1852 году подобныя же лѣтнія движенія, но въ бòльшихъ размѣрахъ и потому съ бòльшими результатами, были произведены въ большую Чечню, одновременно съ двухъ сторонъ: отъ Грозной за Аргунъ, а отъ Куринскаго на Мичикъ.

Что касается до главныхъ военныхъ дѣйствій, обыкновенно производившихся на лѣвомъ флангѣ зимой, и для которыхъ временно присылались войска изъ другихъ сосѣднихъ частей Кавказа, то экспедиціи въ зимы, съ 1851 на 1852 и съ 1852 на 1853 г., по своему значенію, замѣтно отличались отъ прежнихъ.

Въ зиму съ 1851 на 1852 г., войска наши въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ, со времени общаго возмущенія Чеченцевъ, прошли черезъ всю большую Чечню отъ одного ея края до другаго, отъ крѣпости Воздвиженской до укрѣпленія Куринскаго. Съ этого времени Большая Чечня, составлявшая главный оплотъ власти Шамиля на сѣверномъ Кавказѣ, сдѣлалась доступною для насъ во всякое время года, какъ это и показали лѣтнія движенія 1852 года, исполненныя съ большимъ вредомъ для непріятеля и при небольшихъ сравнительно потеряхъ съ нашей стороны.

Осталось обудобить доступность съ восточной стороны, со стороны Кумыкской плоскости, гдѣ высокій, крутой и лѣсистый Качкамыковскій хребетъ, вмѣстѣ съ крутобережнымъ Мичикомъ, при весьма многочисленномъ еще въ то время, гнѣздившимся тамъ населеніи Чеченцевъ, дѣлали движеніе туда лѣтомъ затруднительнымъ. Это послѣднее закрытіе Чечни и было уничтожено въ зиму съ 1852 на 1853 г., когда войсками нашими были прочно заняты Хоби-Шавдонскія высоты, чрезъ Каякальковскій хребетъ проложена удобная дорога, а чѐрезъ Мичикъ устроена удобная для всякаго времени года переправа.

Впрочемъ всѣ эти движенія войскъ и дѣйствія въ Большой

Чечнѣ еще недавно были довольно подробно, а, главное, весьма правдиво, разсказаны на страницахъ „Русской Старины" въ Запискахъ М. Я. Ольшевскаго, бывшаго въ то время начальникомъ штаба князя Барятинскаго, и которыя, безъ сомнѣнія, были прочитаны съ особеннымъ удовольствіемъ всѣми участниками тогдашнихъ дѣйствій, какъ живое воспоминаніе славнаго прошлаго. Въ этихъ Запискахъ также со всею подробностію разсказано было, какъ, благодаря хорошо устроенной системѣ для собиранія свѣдѣній о непріятелѣ, благодаря предусмотрительности и практичности военныхъ распоряженій, всѣ самыя отчаянныя усилія Шамиля отомстить намъ за нанесенныя ему пораженія, окончились для него новыми неудачами, и повели только къ новымъ весьма чувствительнымъ для него потерямъ. Таково было, между прочимъ, пораженіе большой партіи Чеченцевъ, подъ начальствомъ извѣстнаго въ то время наиба Талгика, у Чуртугаевской переправы 2 октября 1852 года. Въ этомъ дѣлѣ, вмѣсто предположеннаго отбитія у Грозненскихъ жителей скота, Чеченцы оставили на мѣстѣ болѣе 300 тѣлъ, и, самъ Талгикъ едва не попался въ плѣнъ.

Вообще начальствованіе лѣвымъ флангомъ князя Барятинскаго, продолжавшееся два года, съ 1851 по 1853 годъ, имѣло результаты во всѣхъ отношеніяхъ весьма важные. Въ видахъ общаго покоренія Кавказа эти годы будутъ навсегда памятны тѣмъ, что съ этого именно времени Большая Чечня сдѣлалась доступною для нашихъ войскъ, а власть Шамиля въ одной изъ важнѣйшихъ для него частей Кавказа сильно поколеблена. Въ Большой Чечнѣ власть Шамиля уже до самаго его паденія никогда не возстановлялась въ такой мѣрѣ, какъ она была прежде.

Въ то время ослабленіе вліянія Шамиля на чеченцевъ всего нагляднѣе выражалось въ чрезвычайномъ увеличеніи мирныхъ ауловъ. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ ауловъ, какъ, напримѣръ, въ Грозненскомъ, населеніе болѣе чѣмъ удвоилось; въ другихъ мѣстностяхъ, какъ на Истису, вблизи Качкамыковскаго хребта, явились новые и довольно обширные аулы.

Для полнаго разъясненія столь важныхъ результатовъ, достигнутыхъ на лѣвомъ флангѣ при князѣ Барятинскомъ, необходимо къ сказанному въ статьѣ М. Я. Ольшевскаго добавить нѣсколько словъ объ устройствѣ въ то время въ кр. Грозной, чеченскаго народнаго суда (мехкеме). Въ своей статьѣ уважаемый

авторъ ничего не говоритъ по этому предмету, такъ какъ дѣло это не входило тогда въ кругъ дѣятельности штаба, а велось подъ личнымъ руководствомъ князя Барятинскаго.

Подробное же ознакомленіе съ устройствомъ мехкеме необходимо не только въ видахъ полнаго разъясненія результатовъ, достигнутыхъ въ Большой Чечнѣ съ 1851 по 1853 годъ, но весьма важно и для оцѣнки взгляда князя Барятинскаго, вообще, на управленіе горцами. Взгляда этого князь, конечно, не измѣнилъ и тогда, когда сдѣлался главнокомандующимъ на Кавказѣ.

Для всѣхъ европейскихъ народовъ, при встрѣчѣ съ мусульманскимъ населеніемъ, особенно, когда приходилось устроиваться тамъ на долгое время и заводить свои поселенія, пріисканіе modus vivendi для совмѣстнаго жительства представляло не мало затрудненій. Это розыскиваніе modus vivendi можно сравнить развѣ до нѣкоторой степени съ заботами о modus vivendi римской куріи съ другими христіанскими исповѣданіями. Въ обоихъ случаяхъ дѣло касалось и касается самыхъ существенныхъ нравственныхъ началъ, въ чемъ уступки не дѣлаются легко.

Для насъ, русскихъ, сама практика жизни и нашъ народный характеръ выработали на подобные случаи много примиряющихъ способовъ, которыми наша исторія и богаче всѣхъ другихъ европейскихъ народовъ.

У насъ, напримѣръ, даже въ столицѣ, какъ Москва, не только всѣ христіанскія исповѣданія могутъ открыто и безъ малѣйшаго стѣсненія исполнять всѣ свои религіозные обряды, но такими же правами уже нѣсколько вѣковъ пользуются и мусульмане. У насъ, много столѣтій, милліонныя населенія мусульманъ живутъ мирно и покойно вмѣстѣ съ русскимъ населеніемъ. Естественнымъ послѣдствіемъ подобнаго долговременнаго сожительства бываетъ обыкновенно то, что лучшая образованнѣйшая часть такихъ мусульманъ безъ всякаго внѣшняго побужденія, по собственному желанію, сперва дѣлаются христіанами, потомъ русскими, а чрезъ нѣсколько столѣтій такъ всецѣло предаются своему новому отечеству, Россіи, что даже забываютъ свое происхожденіе [1]).

[1]) У насъ найдется не мало потомковъ бывшихъ когда-то сильныхъ татарскихъ властелиновъ, которые сдѣлались до того русскими людьми, что даже не заботятся хлопотать о доказательствахъ своего происхожденія отъ этихъ властелиновъ. Таковъ, напримѣръ, нашъ старый дворянскій родъ Мамаевыхъ, происходящій отъ Мамая. Д. Р.

Само собою разумѣется, что modus vivendi съ мусульманами, имѣя повсюду общія начала, много зависѣлъ и отъ той обстановки, при которой происходила первая съ ними встрѣча. Обстановка, при которой произошла наша первая встрѣча съ кавказскими горцами мусульманами, представляла въ этомъ отношеніи наиболѣе затрудненій. Правительство наше, съ первыхъ же временъ нашего прочнаго водворенія на Кавказѣ, на отысканіе здѣсь modus vivendi обратило особое вниманіе. Въ этихъ видахъ, между прочимъ, еще при генералѣ Ермоловѣ, въ крѣпостяхъ Внезапной и Нальчикѣ, были устроены народные суды для Кумыкъ и Кабардинцевъ. Такое устройство не осталось безъ полезныхъ результатовъ, но впослѣдствіи оказалось, однако, недостаточнымъ. При развитіи мюридизма на Кавказѣ и при распространеніи владычества Шамиля, Кумыки и Кабардинцы начали болѣе подчиняться враждебному для насъ вліянію мусульманскаго духовенства.

Отысканіе болѣе надежнаго modus vivendi съ кавказскими горцами сильно занимало покойнаго фельдмаршала, который всегда сознавалъ, что о покореніи Кавказа нельзя было и думать, не разрѣшивъ, такъ или иначе, этотъ важный, сложный вопросъ.

При изысканіи рѣшенія князь принялъ за руководство народный судъ Ермолова во Внезапной, съ которымъ имѣлъ случай близко ознакомиться во время своего начальствованія Кумыкской плоскостью, и подобныя же учрежденія французовъ въ Алжирѣ. Главная цѣль всѣхъ этихъ учрежденій заключалась въ томъ, чтобы, не нарушая основъ мусульманской религіи, доставить мусульманамъ возможность пользоваться болѣе усовершенствованнымъ и справедливымъ судомъ, и тѣмъ уменьшить вліяніе на нихъ всегда враждебнаго къ христіанамъ мусульманскаго духовенства.

Коранъ, заключающій въ себѣ не только главные догматы мусульманства, но и всѣ основные законы для жизни, требуетъ отъ своихъ послѣдователей такъ много и такъ строго, что на практикѣ ни въ какомъ мусульманскомъ обществѣ коранъ вполнѣ никогда не примѣнялся. Между самыми усердными поклонниками ислама всегда и вездѣ допускался, вмѣстѣ съ кораномъ, судъ по обычаю—„адатъ". Вотъ этой-то особенностію и воспользовались, какъ у насъ на Кавказѣ, такъ и у французовъ въ Алжирѣ.

Въ основаніе народныхъ судовъ „мехкеме" было положено предоставленіе права мусульманамъ пользоваться тѣмъ судомъ,

какимъ они сами пожелаютъ, т. е. судиться или по корану, или по адату. Въ народныхъ судахъ предсѣдательствовали не туземцы, но членами судовъ, имѣвшими право рѣшенія дѣлъ, были исключительно туземцы. Одинъ изъ этихъ членовъ непремѣнно былъ какой нибудь почтенный и уважаемый мулла, который и рѣшалъ дѣла на основаніи корана. Въ подобныхъ дѣлахъ прочіе члены суда имѣли голосъ только совѣщательный, равно какъ и самъ предсѣдатель. Рѣшеніе въ подобныхъ случаяхъ, главнымъ образомъ, зависило отъ муллы. Въ дѣлахъ же, рѣшавшихся по адату, члены суда и предсѣдатель имѣли уже голосъ рѣшающій, а мулла сохранялъ только голосъ совѣщательный.

При подобномъ устройствѣ суда, если предсѣдатель и члены суда хорошо понимали свое назначеніе и добросовѣстно его исполняли, то туземцы обыкновенно судились по корану только въ дѣлахъ, касавшихся вѣры, во всѣхъ другихъ случаяхъ они предпочитали судиться по адату. Въ прежде устроенныхъ у насъ судахъ на личный составъ не было обращено должнаго вниманія, и даже предсѣдательство въ них возложено было на комендантовъ, которые и исполняли эту обязанность между прочимъ, сверхъ своихъ прямыхъ обязанностей. Въ этихъ недостаткахъ устройства личнаго состава судовъ и заключалась главная причина ихъ неудовлетворительности.

Въ первое же время по назначеніи начальникомъ лѣваго фланга, князь озаботился устройствомъ въ кр. Грозной народнаго суда-мехкеме для Чеченцевъ, съ устраненіемъ въ немъ недостатковъ, существовавшихъ въ судахъ Внезапненскомъ и Нальчиковскомъ. Предсѣдатель и члены были выбраны княземъ изъ людей, лично и хорошо извѣстныхъ, и послѣдніе были обставлены такъ, что ихъ собственный интересъ побуждалъ заботиться о рѣшеніяхъ справедливыхъ. Въ этомъ случаѣ заботливость князя доходила до того, что въ видахъ устраненія всякихъ пререканій между членами суда и туземцами, избранные члены не жили въ аулахъ съ прочими, а для нихъ были устроены особыя помѣщенія въ крѣпости, вмѣстѣ съ русскими, и устроены такъ хорошо, что они охотно жили въ нихъ съ своими семействами все время, пока исполняли свои обязанности. Кромѣ того, чтобы при устройствѣ Грозненскаго мехкеме не нарушить чѣмъ нибудь и формальной стороны, которая у мусульманъ, вообще, и особенно у ихъ духо-

венства, играетъ важную роль, для этого дѣла, по ходатайству князя, былъ присланъ въ Грозную состоявшій при главнокомандующемъ полковникъ Бартоломей, какъ человѣкъ весьма основательно изучившій восточные языки и главныя основы ислама.

Общимъ результатомъ всѣхъ этихъ заботъ и распоряженій покойнаго князя было то, что Грозненское мехкеме весьма скоро сдѣлалось любимымъ и уважаемымъ учрежденіемъ у Чеченцевъ, о чемъ молва распространилась и въ другихъ сосѣднихъ горскихъ обществахъ. Не болѣе какъ черезъ годъ Назрановцы и Галашевцы, принадлежавшіе къ Владикавказскому округу, сами обратились съ просьбой къ тогдашнему главнокомандующему на Кавказѣ князю Воронцову устроить и у нихъ такое же мехкеме, какое устроено княземъ Барятинскимъ въ кр. Грозной.

Такимъ образомъ князь Барятинскій, въ продолженіе своего двухлѣтняго начальствованія лѣвымъ флангомъ, сверхъ успѣшнаго исполненія возлагавшихся на него задачъ по общему плану военныхъ дѣйствій на Кавказѣ, успѣлъ неоднократно на опытѣ убѣдиться самъ и убѣдить другихъ, что многія изъ его новыхъ предположеній по веденію Кавказской войны весьма и весьма полезны.

Въ іюнѣ 1853 года князь Барятинскій былъ назначенъ, по особому ходатайству князя Воронцова, начальникомъ главнаго штаба на Кавказѣ. Это назначеніе позволяло надѣяться, что взгляды князя Барятинскаго на веденіе Кавказской войны получатъ еще бо̀льшее развитіе. Такія надежды были тѣмъ болѣе основательны, что князь Воронцовъ въ это время, относительно веденія Кавказской войны, видимо склонялся на сторону мнѣній князя Барятинскаго. Съ 1849 года князь Воронцовъ замѣтно охладѣлъ къ предположеніямъ вести наступательныя дѣйствія противъ Горцевъ со стороны Дагестана. Съ 1849 по 1853 годъ, наступленій со стороны Дагестана никакихъ не производилось, со стороны же Чечни, за это время, наступленія производились весьма энергично и успѣшно.

Какъ ни были основательны эти надежды, имъ не суждено было осуществиться.

Начавшаяся въ томъ же 1853 году Восточная война, обративъ на себя главныя вниманіе и средства правительства, заставила по необходимости, на все время войны, ограничиться въ дѣйствіяхъ противъ горцевъ лишь поддержаніемъ того, что уже было сдѣ-

лано. Здѣсь, прежде всего, нельзя не отдать должной справедливости тогдашнему Кавказскому начальству и его войскамъ за то, что въ теченіи всей войны, съ 1853 по 1856 годъ, не смотря на сокращенія средствъ, обыкновенно предоставлявшихся для дѣйствій противъ горцевъ на Кавказѣ, наши на немъ успѣхи, достигнутые до войны, были вполнѣ сохранены. Заслуга эта тѣмъ болѣе важна, что на этотъ разъ дѣйствія какъ восточныхъ, такъ и западныхъ горцевъ, по словамъ самаго Шамиля, въ 1859 году [1]), производились по общимъ планамъ, присылавшимся изъ Константинополя.

---

[1]) Осенью 1859 года, завѣдуя азіатскою частію въ главномъ штабѣ, я имѣлъ случай не разъ видѣться и бесѣдовать съ Шамилемъ. Занятый въ то время подготовленіемъ матеріаловъ для публичныхъ лекцій о Кавказѣ, я, конечно, пользовался его объясненіями, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, которые тогда еще для всѣхъ были не ясны. Въ то время всѣхъ, между прочимъ, Кавказцевъ очень занимало, почему въ 1855 году, когда войска наши были связаны блокадою Карса, а Омеръ Паша сдѣлалъ высадку въ долину Ріона, Шамиль не сдѣлалъ никакой диверсіи со стороны горъ. Чтобы вѣрно разъяснить это обстоятельство, я обратился съ вопросомъ по этому предмету къ самому Шамилю. Вопросъ мой, видимо, живо заинтересовалъ Шамиля, но прежде чѣмъ отвѣчать, онъ спросилъ меня, какъ я нахожу его дѣйствія противъ насъ въ 1853 и 1854 годахъ? Я отвѣчалъ, что его дѣйствія не мало насъ затрудняли. Затѣмъ онъ еще спросилъ меня, какъ, до его объясненія, я самъ понимаю причину его недѣятельности въ 1855 году? На это я отвѣчалъ, что по всей вѣроятности, въ виду постоянныхъ въ продолженіи двухъ лѣтъ неудачъ Турокъ на Кавказѣ, Шамиль предвидѣлъ скорое окончаніе съ ними войны, и вслѣдствіе того признавалъ необходимымъ беречь свои средства, чтобы ихъ имѣть въ достаткѣ для дѣйствій противъ насъ, когда, покончивъ съ Турціею, мы усилимъ военныя дѣйствія противъ горцевъ. Шамиль съ большимъ вниманіемъ выслушалъ мои объясненія, казалось, остался ими очень удовлетвореннымъ и затѣмъ, нѣсколько задумавшись, обратился къ переводчику и просилъ передать мнѣ, во первыхъ, благодарность его за мое мнѣніе объ его предусмотрительности, которое для его личнаго самолюбія весьма пріятно, но что онъ, какъ имамъ, слѣдовательно человѣкъ, обязанный всегда говорить правду по совѣсти, не можетъ догадки мои признать вѣрными.—„Вы сами говорите, сказалъ мнѣ Шамиль, что въ 1853 и 1854 годахъ я безпокоилъ васъ довольно, но вмѣсто всякой благодарности, я постоянно получалъ изъ Константинополя замѣчанія, что дѣлаю свои нападенія или не во-время, или не туда, куда слѣдуетъ. Вслѣдствіе того, въ 1855 году я ограничился только увѣдомленіемъ въ Константинополь о полной готовности моей безотлагательно двинуться тогда и туда, куда мнѣ будетъ указано, но что до полученія этого приказанія ограничусь сборами, и самъ никуда не двинусь. Никакихъ указаній послѣ этого я уже не получалъ, потому и вся моя дѣятельность въ 1855 году ограничилась одними сборами“. Д. Р.

IV.

Во всякомъ случаѣ, такое важное событіе, какъ восточная война, не могло, конечно, остаться безъ вліянія на общее положеніе наше на Кавказѣ. Но основательно разъяснить это вліяніе, и точно опредѣлить положеніе Кавказа по окончаніи восточной войны въ 1856 году, когда главнокомандующимъ на Кавказъ былъ назначенъ князь Барятинскій, въ настоящее время весьма трудно.

Трудность эта обусловливается, прежде всего, тѣмъ, что хотя покореніе Кавказа уже около 20 лѣтъ составляетъ завершившійся фактъ, но исторіи Кавказской войны у насъ нѣтъ. Вслѣдствіе того, весьма естественно, для каждаго пишущаго въ настоящее время о Кавказѣ, при сужденіи о людяхъ, при описаніи положеній края въ извѣстные моменты, по необходимости приходится руководствоваться исключительно своими личными воззрѣніями, что всегда, болѣе или менѣе, щекотливо и можетъ возбуждать сомнѣніе. Послѣдняго же необходимо избѣгать нынѣ болѣе, чѣмъ когда либо.

Военная литература, какъ и военное дѣло вообще, за послѣднія 10 лѣтъ сдѣлали весьма большія успѣхи и требованія ихъ замѣтно поднялись. Такому отношенію къ военному дѣлу нельзя не порадоваться, такъ какъ дѣло это, дѣйствительно, составляетъ и по своей сущности, и по своимъ послѣдствіямъ, столь важное дѣло, что строго внимательное къ нему отношеніе положительно необходимо. Это новое современное направленіе несомнѣнно обѣщаетъ гораздо болѣе пользы и обществу, и самому дѣлу, нежели существовавшее лѣтъ 10 тому назадъ. Каждый безъ труда припомнитъ, какъ сильно тогда было распространено мнѣніе о стихійныхъ началахъ въ войнѣ, чѣмъ весьма естественно авторитетъ научныхъ и вообще раціональныхъ началъ въ военномъ дѣлѣ не могъ не колебаться. Перемѣнѣ взгляда на военное дѣло всего болѣе, конечно, способствовала война Французовъ съ Германцами въ 1870 году, которая показала всѣмъ наглядно, что пока войны существуютъ, главныя начала военной науки и искуства останутся непреложными. Говоримъ главныя, потому что подробности не только могутъ, но и должны измѣняться. Въ этомъ отношеніи необходимо только умѣнье отличать

подробности отъ основаній, и не забывать, что какъ бы ни была важна подробность, какъ бы она хорошо ни была придумана, она не можетъ быть полезна, если самыя основанія какого либо военнаго предпріятія избираются не вѣрно. Вотъ съ этой-то именно стороны и особенно внушительна послѣдняя франко-германская война.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ каждой войнѣ вѣрно избранный планъ дѣйствій и лучшее по возможности исполненіе главныхъ основныхъ правилъ войны всегда имѣли главное значеніе; но во всѣхъ послѣднихъ войнахъ, предшествовавшихъ войнѣ 1870 года, по особой случайности, къ этимъ главнымъ присоединялись и другія, имѣвшія столь большое вліяніе, что ими какъ бы затемнялись главныя. Такое значеніе, въ свое время, имѣли пули Минье, а потомъ скорострѣльныя орудія. Въ войнѣ 1870 года ничего подобнаго не случилось, и даже столь извѣстная изобрѣтательность Французовъ, если на этотъ разъ имъ и не измѣнила, то не принесла много пользы. Всѣ ихъ усилія разбились въ прахъ о твердыя научныя начала, которыя Германцы приняли въ основу своихъ дѣйствій.

Впечатлѣніе, произведенное успѣхами Германцевъ въ войну 1870 года вообще на всѣхъ, на спеціалистовъ и на неспеціалистовъ, было громадно. На послѣднихъ оно, быть можетъ, было глубже, нежели на первыхъ. Спеціалисты, весьма естественно, прежде всего считали долгомъ заняться обсужденіемъ и примѣненіемъ изъ видѣннаго всего того, что каждый по своей части признавалъ полезнымъ. Главнѣйшіе изъ такихъ предметовъ, какъ общая воинская повинность, нынѣ не только уже обсуждены, но почти повсюду примѣнены. Предметы же второстепенные, имѣющіе однако свое значеніе, какъ примѣненіе къ военнымъ цѣлямъ желѣзныхъ дорогъ, телеграфовъ, аэростатовъ, голубиныхъ почтъ и т. п., продолжаютъ составлять предметъ изслѣдованій и до сихъ поръ. Что же касается до неспеціалистовъ, то наглядно убѣдившись въ первостепенной важности главныхъ научныхъ основъ военнаго дѣла, они видимо остаются и теперь еще подъ впечатлѣніемъ происходившаго 10 лѣтъ тому назадъ. Этимъ, конечно, скорѣе всего объясняется и та бо̀льшая требовательность со стороны публики относительно литературы, когда она касается военныхъ вопросовъ, по сравненію съ требованіями прежняго времени, и

чѣмъ каждый пишущій по военнымъ предметамъ въ настоящее время не можетъ болѣе или менѣе не затрудняться.

Впрочемъ, относительно описанія положенія дѣлъ на Кавказѣ въ 1856 году, неимѣніемъ исторіи Кавказа я стѣсненъ менѣе другихъ. Въ моихъ публичныхъ чтеніяхъ о Кавказѣ, напечатанныхъ двадцать лѣтъ тому назадъ, положеніе это было описано довольно подробно. Чтобы предупредить всякое сомнѣніе въ читателѣ, я буду ссылаться на это описаніе, которое, не вызвавъ возраженій въ теченіи 20 лѣтъ, тѣмъ самымъ имѣетъ уже нѣкоторое за себя ручательство въ достовѣрности.

О неимѣніи исторіи русско-кавказской войны нельзя не пожалѣть по многимъ другимъ причинамъ, болѣе важнымъ. Кромѣ весьма законнаго удовлетворенія народнаго самолюбія, правдивая, основательная исторія этой войны была бы вообще для всѣхъ, во многихъ отношеніяхъ, весьма поучительна.

Такая исторія на основаніи фактовъ, а не общихъ сужденій, выказала бы все величіе подвига, совершеннаго Россіей покореніемъ и умиротвореніемъ Кавказа, и каждый самъ могъ бы судить, сколько доброй воли и самопожертвованія требовалось со стороны Россіи, чтобы побѣдоносно окончить эту продолжительную и по трудностямъ едва ли не безпримѣрную войну. Исторія несомнѣнно убѣдила бы также, что какъ самъ по себѣ ни великъ срокъ 64-хъ лѣтъ, который продолжалась кавказская война, но обсуждая и оцѣнивая всѣ трудности, которыя приходилось преодолѣвать Россіи, и въ виду средствъ, какія для того отъ нея требовались, такой срокъ отнюдь нельзя считать продолжительнымъ. Напротивъ, каждый, кто возьметъ на себя внимательно и безпристрастно обдумать всѣ обстоятельства, при которыхъ велась кавказская война, и кто при этомъ будетъ имѣть въ виду, что въ тѣ же 64 года Россія не разъ и не на короткое время была отвлекаема отъ кавказской войны другими болѣе насущными потребностями, тотъ несомнѣнно придетъ къ убѣжденію, что подвигъ совершенъ въ возможно кратчайшее время, и что такъ скоро совершиться этотъ подвигъ могъ только благодаря особымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ.

Россія съ первыхъ же своихъ шаговъ встрѣтилась на Кавказѣ съ такой природой и съ такими противниками, выше которыхъ исторія положительно нигдѣ, никогда и ничего не представляла.

Не случайность, не недостатокъ доброй воли со стороны ближайшихъ сосѣдей кавказскихъ горцевъ, по временамъ господствовавшихъ на Кавказѣ, а недоступная природа и вѣками закаленный въ бояхъ воинственный ихъ характеръ были главными причинами, что несмотря ни на что, они упорно отстаивали свою независимость и право жить на счетъ своихъ мирныхъ сосѣдей. Если повременамъ кавказскіе горцы и живали какъ бы въ мирѣ съ своими болѣе развитыми и могущественными сосѣдями, то не иначе, какъ при условіи, чтобы тѣ не мѣшали ихъ нападеніямъ на другихъ болѣе слабыхъ сосѣдей, и чего Россія не могла и не желала допустить.

Вообще, кавказскіе горцы, жившіе не только на рубежѣ Европы, но и въ ея предѣлахъ, для XIX столѣтія были явленіемъ чрезвычайно страннымъ. Оставаясь на степени общечеловѣческаго развитія, напоминавшей самыя отдаленныя времена, они въ то же время, не только по развитію между ними военнаго дѣла, но и по своему вооруженію, по всей справедливости, должны были считаться одними изъ передовыхъ. До введенія, напримѣръ, послѣднихъ усовершенствованій въ огнестрѣльномъ оружіи, кавказскіе горцы составляли положительно во всѣхъ отношеніяхъ лучшихъ стрѣлковъ.

Съ такой-то природой и съ такими-то противниками встрѣтилась Россія на Кавказѣ, и разъ торжественно принявъ подъ свое покровительство Грузію, тѣмъ самымъ покореніе и умиротвореніе Кавказа сдѣлала для себя обязательнымъ. Противниками же русской власти на Кавказѣ въ началѣ были не одни горцы, которыхъ и однихъ, однако, никогда не было менѣе полумиллюна. Къ противникамъ русской власти принадлежало: большинство кавказскаго населенія, составлявшее и въ то время около 2-хъ милліоновъ. Въ самой Грузіи, наиболѣе желавшей присоединенія къ Россіи, власть наша утвердилась не безъ помощи военной силы. Затѣмъ и по утвержденіи нашемъ, если большинство грузинъ, армянъ и другихъ кавказскихъ христіанъ получило къ намъ сочувствіе и искренно соединило свою судьбу съ Россіею, то остальные, составлявшіе добрую половину всего населенія, далеки были отъ дружескихъ къ намъ чувствъ, и постоянно служили препятствіемъ, а не помощію для утвержденія и распространенія русской власти на Кавказѣ.

Въ то же время Турція и Персія, успѣвавшія повременамъ

распространять свою власть на значительную часть Кавказа, не могли, конечно, оставаться равнодушными къ утвержденію тамъ русской власти, и первые 15 лѣтъ нынѣшняго столѣтія мы почти постоянно находились съ ними въ открытой войнѣ. А такъ какъ это время совпало съ войнами въ Европѣ и со вторженіемъ Наполеона въ Россію, то понятно, что въ первое время нашей кавказской войны относительно самаго числа войскъ мы были очень и очень затруднены.

Въ 1804 году, напримѣръ, общее число нашихъ войскъ въ Закавказьѣ ограничивалось 12 тысячами человѣкъ. Подобная несоразмѣрность силъ съ непріятелемъ, кто бы онъ ни былъ, всегда затруднительна, а когда въ числѣ непріятеля, между прочимъ, являются и такіе, какъ кавказскіе горцы, то трудность положенія, само собою разумѣется, еще болѣе возрастаетъ. Впрочемъ, какъ ни затруднительно было для Россіи, при ея тогдашнихъ обстоятельствахъ, увеличивать число своихъ войскъ въ Закавказьѣ, все же собственно эта потребность, по мѣрѣ крайней надобности, удовлетворялась. Въ виду почти постоянныхъ войнъ съ Персіею и Турціею, число нашихъ войскъ въ Закавказьѣ постепенно увеличивалось, и въ 1816 году общее число ихъ съ гарнизонами въ одномъ Закавказьѣ уже превзошло 40 тысячъ. Гораздо бóльшую трудность или, лучше сказать, положительную невозможность представляло тогда удовлетвореніе всѣхъ другихъ потребностей для успѣшнаго хода кавказской войны. Если не только въ продолженіи войны, но даже и теперь, когда Кавказъ давно покоренъ, постоянно слышатся жалобы на недостаточность мѣстныхъ средствъ, начиная съ денежныхъ, на затруднительность сообщеній на Кавказѣ и въ Россіи, то не трудно себѣ представить, въ какой мѣрѣ возможно было удовлетвореніе этихъ, весьма существенныхъ, однако, условій для успѣшнаго хода дѣла, въ первое время кавказской войны. Не трудно понять, какіе недостатки, лишенія и затрудненія во всемъ испытывали наши первые передовые бойцы на Кавказѣ.

Каждый, кто возьметъ на себя внимательно и безпристрастно обсудить сказанное лишь въ общихъ чертахъ о нашемъ положеніи на Кавказѣ въ первые 15 лѣтъ кавказской войны, тотъ легко пойметъ, что подобная обстановка дѣла, по всей справедливости, и прежде всего, вызываетъ самое искреннее, глубокое уваженіе

къ памяти нашихъ первыхъ дѣятелей на Кавказѣ. Не смотря ни на что, они успѣли за это время утвердить русскую власть не только въ Грузіи, но и въ другихъ сосѣднихъ частяхъ Закавказья, и вселили должное къ себѣ уваженіе въ кавказскихъ горцахъ.

Требовать отъ этихъ первыхъ дѣятелей чего либо больше того, что они сдѣлали, какъ, напримѣръ, составленія общаго плана дѣйствій для веденія кавказской войны, при тогдашней неизвѣстности края, дѣло немыслимое. Впослѣдствіи, даже въ этомъ краткомъ обзорѣ будетъ указано, какъ мало мы знали Кавказъ и гораздо позже; въ будущей же подробной исторіи кавказской войны, конечно, это выскажется до очевидности. Равнымъ образомъ, неумѣстно и въ высшей степени несправедливо было бы выставлять на видъ какія либо мелочныя ошибки, въ дѣятельности человѣческой неизбѣжно случающіяся. Если мудрое правило: **критика легка, искуство трудно,** никогда не должно быть забываемо, то въ отношеніи кавказской войны вообще, а въ отношеніи ея перваго времени особенно, это мудрое правило, прежде всего, надо имѣть въ виду постоянно.

Въ самомъ дѣлѣ, справедливо ли и можетъ ли быть полезно для дѣла строго критически относиться къ людской дѣятельности тамъ, гдѣ общій ея успѣхъ, по сравненію со средствами, поражаетъ своими громадными общеполезными результатами, а результаты кавказской войны именно таковы.

Что же касается до дѣятельности первыхъ кавказскихъ дѣятелей, то не только относиться къ нимъ холодно критически, но даже хорошо понять ихъ и разъяснить—дѣло не легкое. До такой степени результаты дѣятельности за первыя 15 лѣтъ велики, или, лучше сказать, громадны. До извѣстной степени подобные результаты объясняются, конечно, участіемъ въ начальныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ такихъ людей, какъ князь **Higher Циціановъ** и генералъ **Котляревскій**, изъ которыхъ первый какъ главнокомандующій и главный начальникъ края, а второй какъ главнокомандующій, вполнѣ соотвѣтствовали высотѣ того положенія, какое они занимали въ трудныя минуты. Несомнѣнно также, что ожидаемая исторія кавказской войны воскреситъ память и многихъ другихъ дѣятелей, которыхъ личная дѣятельность съ избыткомъ пополняла недостатки всякаго рода, и которые, по всей справедливости, такъ достойно заслужили историческую о себѣ память. До какой бы, однако,

многочисленности и подробности не дошелъ этотъ списокъ, какъ бы ни были дѣйствительно велики личныя заслуги, все же разумно объяснить эти результаты едва ли возможно, не принявъ за аксіому, что въ Россіи всегда было—и будемъ надѣяться—всегда будетъ достаточно такихъ людей, для которыхъ истинное величіе Россіи и искреннее ей служеніе составляетъ вовсе не заслугу, а насущную душевную потребность; аксіому эту такъ ясно понималъ геній Петра, устанавливая россійскую имперію на избранныхъ, сообразно духу и потребностямъ своего времени, основаніяхъ. Ту же аксіому несомнѣнно подтвердитъ и вся послѣдующая исторія кавказской войны.

Съ 1815 года, когда миръ въ Европѣ доставилъ Россіи полную возможность обратить свое главное вниманіе на Кавказъ, наше здѣсь положеніе значичельно облегчилось, и въ слѣдующія 10 лѣтъ нами были достигнуты здѣсь весьма большіе успѣхи. Наша власть въ Закавказьѣ, на всемъ его теперешнемъ пространствѣ, кромѣ послѣднихъ пріобрѣтеній отъ Турціи и частей Эриванской губерніи, перешедшихъ къ намъ отъ Персіи въ 1828 году, прочно и окончательно установилась, а въ горахъ она распространилась на многія такія части, которыя впослѣдствіи мы не были въ силахъ удерживать, и которыя къ намъ возвратились не ранѣе общаго умиротворенія Кавказа. Въ то же время наше вліяніе и наши сношенія начали распространяться и на Закаспійскій край на тѣ мѣста, которыя въ настоящую минуту обращаютъ на себя общее вниманіе.

Такіе успѣхи справедливо относятъ генералу Ермолову, какъ главному начальнику Кавказа, остававшемуся въ краѣ наибольшее время, чѣмъ кто либо изъ его предшественниковъ и основательно его изучившему. Заслуги эти важны тѣмъ болѣе, что хотя число войскъ на Кавказѣ съ 1815 года начало постоянно возрастать, но и въ 1825 году оно не составляло еще и половины того числа, какого достигло при окончаніи войны. Тѣмъ не менѣе существуетъ мнѣніе, будто дальнѣйшіе наши неуспѣхи на Кавказѣ, начавшіеся почти тотчасъ по окончаніи персидской (1826—27 гг.) и турецкой (1828—29 гг.) войнъ, отчасти должны быть приписаны тому же генералу Ермолову, котораго крутыя мѣры будто бы возбудили мюридизмъ, и еще тому обстоятельству, что съ 1830 по 1845 г. у насъ не только не было на Кавказѣ одного общаго

облеченнаго достаточною властію начальника, но случалось повременамъ, что начальникъ войскъ по сѣверную сторону дѣйствовалъ совершенно независимо отъ главнаго начальника въ Закавказьѣ.

Что касается до перваго изъ этихъ мнѣній, то его несостоятельность сама собою очевидна. Мюридизмъ развился и въ продолженіи болѣе тридцати лѣтъ поддерживался такими жестокими мѣрами со стороны главныхъ руководителей этой секты, передъ которыми не только всѣ мѣры, какъ дѣйствительно практиковавшіяся когда либо съ нашей стороны, такъ и тѣ, которыя существовали лишь въ проектѣ, какъ угрозы непокорнымъ, совершенно ничтожны. Вообще мюридизмъ составляетъ такую секту въ мусульманствѣ, какія могли существовать лишь въ самыя первыя времена мусульманскаго фанатизма. Если она возродилась и держалась на Кавказѣ въ XIX столѣтіи болѣе тридцати лѣтъ, то это случилось не вслѣдствіе какихъ либо мѣръ съ нашей стороны, а потому что кавказскіе горцы охотнѣе подчинялись самому жестокому управленію, нежели требованію не дѣлать своихъ набѣговъ на мирныхъ сосѣдей, чего требовала отъ нихъ русская власть, и чего не могъ допустить ни одинъ изъ представителей этой власти. Кавказскій мюридизмъ былъ неизбѣжнымъ, естественнымъ противудѣйствіемъ искони вѣковъ привыкшихъ къ своевольству кавказскихъ горцевъ подчиниться русской или какой бы то ни было государственной власти, и что нигдѣ и никогда не дѣлалось скоро и легко.

Что же касается до втораго мнѣнія, т. е. до неимѣнія на Кавказѣ съ 1830 по 1845 гг. одного общаго начальника, облеченнаго достаточною властію, то это обстоятельство остаться безъ вредныхъ послѣдствій, конечно, не могло. Не только тамъ, гдѣ военныя цѣли составляютъ главное дѣло, какъ это было на Кавказѣ въ 1830-хъ годахъ, но и вообще въ краяхъ, не находящихся въ положеніи нормальномъ, отсутствіе на мѣстѣ самостоятельнаго начальника всегда невыгодно. При всемъ томъ, для разъясненія этого обстоятельства нужно имѣть въ виду, во первыхъ, ту малую степень знанія и пониманія Кавказа, на которой мы тогда находились, и во вторыхъ, что послѣ 1830 года явилось много и другихъ условій, усложнившихъ наше положеніе на Кавказѣ. Основательно и подробно разъяснить все это можетъ только будущій историкъ, оцѣнивъ и взвѣсивъ всѣ факты того времени. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если кавказская война за періодъ

времени съ 1830 по 1845 г. дѣйствительно и замедлилась, то съ 1845 года, а въ особенности съ 1856 года она шла такъ быстро къ своему окончанію, что въ общемъ итогѣ кавказскую войну никакъ нельзя считать продолжительною.

Въ какой же мѣрѣ въ 1830-хъ годахъ мы еще мало знакомы были съ Кавказомъ и какъ вообще трудно было въ то время составленіе общихъ основательныхъ предположеній по веденію кавказской войны, всего лучше можно судить, внимательно разобравъ предположенія по этому предмету, высказанныя генераломъ Вельяминовымъ, который былъ однимъ изъ лучшихъ и способнѣйшихъ дѣятелей кавказской войны, и который имѣлъ достаточно времени и опытовъ основательно изучить и край, и войну.

При рѣдкихъ природныхъ способностяхъ, генералъ Вельяминовъ имѣлъ весьма основательное образованіе и былъ одинъ изъ лучшихъ сподвижниковъ генерала Ермолова. Еще въ то время онъ сдѣлался извѣстенъ императору Николаю Павловичу, особенно оцѣнившему его во время своей поѣздки по Кавказу въ 1837 году. Мнѣніе генерала Вельяминова о кавказской войнѣ покойный Государь удостоилъ спрашивать еще ранѣе своей поѣздки. По этому-то именно поводу и былъ составленъ имъ проектъ военныхъ дѣйствій противъ горцевъ на Кавказѣ, до сего времени составляющій одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ документовъ для вѣрной оцѣнки мнѣній о Кавказѣ, въ то время существовавшихъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ проектъ генерала Вельяминова составляетъ не только наилучшій изъ всѣхъ существующихъ проектовъ кавказской войны, извѣстныхъ въ печати, но и всѣхъ когда либо существовавшихъ [1]). Проектъ генерала Вельяминова о покореніи

---

[1]) Въ послѣднее время въ нашей литературѣ стали появляться свѣдѣнія о письменныхъ проектахъ по тому же предмету, будто бы оставшихся послѣ смерти фельдмаршала кн. Барятинскаго. Не имѣя случая видѣть эти документы, я не смѣю говорить объ этомъ положительно, но позволяю себѣ усумниться въ томъ, чтобы подобныя записки могли существовать. Что проектъ покоренія Кавказа у покойнаго фельдмаршала, лично для себя, давно былъ составленъ —это хорошо извѣстно всѣмъ имѣвшимъ случай находиться съ нимъ въ близкихъ служебныхъ отношеніяхъ. Но чтобы составляли по этому предмету проекты его приближенные, какъ объ этомъ говорится теперь въ печати, каждый близко знавшій князя не можетъ не усумниться. Выгоду хранить тайну своихъ предположеній отъ непріятеля князь считалъ такимъ важнымъ дѣломъ, что въ этомъ случаѣ недовѣріе его для людей, не близко его знавшихъ, могло казаться даже обиднымъ. Д. Р.

прочнымъ образомъ кавказскихъ горцевъ высказанъ подробно въ его рапортѣ командиру отдѣльнаго кавказкаго корпуса генералъ-адъютанту барону Розену отъ 20 мая 1833 года за № 155. Каждый, кто внимательно прочтетъ этотъ рапортъ, тотъ не можетъ не оцѣнить основательность общихъ предположеній генерала Вельяминова, но вмѣстѣ съ тѣмъ каждый теперь легко пойметъ, что въ подробностяхъ проекта было много неосуществимаго, и что покореніе Кавказа должно было, какъ оно и случилось на самомъ дѣлѣ, совершиться иначе, чѣмъ предполагалъ генералъ Вельяминовъ. Если же самъ генералъ Вельяминовъ, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ столь почтенный и замѣчательный, не зналъ еще тогда Кавказа настолько, чтобы составить дѣльный во всѣхъ отношеніяхъ проектъ, то откуда же могъ явиться подобный проектъ? тѣмъ болѣе, что и общія, вѣрныя его мысли шли въ разрѣзъ съ мнѣніями князя Варшавскаго, въ свою очередь не безъ основанія пользовавшагося въ то время полнымъ довѣріемъ правительства. Между тѣмъ, съ заключеніемъ Адріанопольскаго мира наше положеніе на Кавказѣ въ отношеніи горцевъ значительно измѣнилось, и вслѣдствіе такого измѣненія усиленіе нашихъ военныхъ средствъ на Кавказѣ сдѣлалось само собою необходимымъ. По Адріанопольскому миру Турки не только окончательно отказались отъ всякихъ претензій на восточный берегъ Чернаго моря, но и должны были уступить намъ всѣ еще находившіеся тамъ крѣпости и укрѣпленные пункты: Анапу, Сухумъ-кале, Поти и другіе,—которые всѣ и были нами заняты. Понятно, что такой окончательный переходъ подъ нашу власть всѣхъ горцевъ западнаго Кавказа, независимо отъ другихъ причинъ, вызывалъ необходимость увеличенія числа нашихъ войскъ и вообще боевыхъ средствъ.

Мудрено-ли послѣ всего выше сказаннаго, что хотя число войскъ на Кавказѣ съ 1830 года постоянно увеличивалось, но все же успѣхъ не всегда сопровождалъ наши военныя дѣйствія и мы иногда испытывали даже неудачи, но однако такія, въ какихъ не только не стыдно сознаваться, но которыя вѣрно и безпристрастно оцѣненныя, только яснѣе выказываютъ геройскій духъ нашей арміи и заслуги такихъ почетныхъ старыхъ кавказскихъ дѣятелей, каковы: князь Аргутинскій-Долгорукій, генералъ

Фрейтагъ и другіе, или такихъ героевъ, какъ взорвавшій Головинское укрѣпленіе Архипъ Осиповъ.

По моему глубокому убѣжденію, кавказская война и за періодъ времени 1830—1845 гг., прежде всякихъ упрековъ кому либо и въ чемъ либо, опять таки вызываетъ чувство искренней признательности всѣмъ тогдашнимъ дѣятелямъ, которые по мѣрѣ силъ всѣ исполняли честно и добросовѣстно свой долгъ, при обстоятельствахъ для себя крайне неблагопріятныхъ, и тѣмъ способствовали утвержденію и поддержанію нашей власти на Кавказѣ, насколько это было возможно. Если въ періодъ времени (1830—45) мы должны были очистить значительную часть Чечни и Дагестана, уже принадлежавшихъ намъ при генералѣ Ермоловѣ, то въ то же время мы вновь заняли весь восточный берегъ Чернаго моря и подчинили, сравнительно съ прежнимъ временемъ, гораздо бо̀льшему контролю весь западный Кавказъ.

Во всякомъ случаѣ съ 1845, или вѣрнѣе сказать, съ 1846 года неудачи, насъ преслѣдовавшія въ войнѣ съ горцами, совершенно прекратились. Назначеніе на Кавказъ князя М. С. Воронцова было вообще для края событіемъ необыкновенно счастливымъ.

Составивъ себѣ заслуженную блестящую извѣстность, какъ выдающійся военный человѣкъ, еще во времена Наполеоновскихъ войнъ, заслуживъ потомъ глубокое общее уваженіе и сочувствіе, какъ опытный и искусный администраторъ, управлявшій Новороссійскимъ краемъ около 20 лѣтъ, князь Михаилъ Семеновичъ имѣлъ случай еще въ молодости своей близко познакомиться и съ кавказскою войной. Въ 1805 году князь Воронцовъ участвовалъ въ экспедиціи Циціанова въ бывшее Шекинское ханство, когда взятъ былъ штурмомъ нынѣшній Елизаветполь, а тогда Ганджа, главный городъ ханства [1]).

Пріѣхавъ на Кавказъ и найдя край уже далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ тотъ находился въ началѣ кавказской войны, когда съ нимъ лично познакомился князь Михаилъ Семеновичъ, онъ могъ даже для себя составить основательный планъ дѣйствій

---

[1]) Въ этомъ походѣ у князя Михаила Семеновича одинъ изъ принадлежащихъ ему вьюковъ упалъ съ кручи и пропалъ бинокль, который къ нему возвратился, когда онъ уже былъ маститымъ главнокомандующимъ-намѣстникомъ Кавказа. Д. Ѳ.

не ранѣе, какъ самъ осмотрѣвши край, а потому систематическія военныя дѣйствія на Кавказѣ, основанныя уже на его личныхъ мнѣніяхъ, начались не ранѣе 1846 года. Нельзя сомнѣваться, что если бы судьба сберегла князя Михаила Семеновича для Кавказа долѣе, то общій результатъ его управленія Кавказомъ доставилъ бы краю еще болѣе обильные плоды, хотя и то, что́ имъ сдѣлано, было уже весьма важно.

Съ 1846 года на Кавказѣ мы не имѣли неудачъ въ войнѣ съ горцами. Напро́тивъ, начиная съ октября 1846 года, когда Шамиль былъ разбитъ на голову подъ Кутишами генералъ-лейтенантомъ княземъ Бебутовымъ, впослѣдствіи столь извѣстнымъ героемъ Башъ-Кадыкляра, для самаго Шамиля начался рядъ постоянныхъ неудачъ, чѣмъ обаяніе главы мюридовъ весьма естественно не могло не колебаться. Въ то же время князь Воронцовъ успѣлъ во многомъ измѣнить къ лучшему, какъ взгляды нашего правительства и общества на Кавказъ, такъ и взгляды туземцевъ на ихъ отношенія къ Россіи.

Во всякомъ случаѣ и при отъѣздѣ съ Кавказа князя Воронцова въ 1854 году, и при окончаніи восточной войны въ 1856 г., наше положеніе на Кавказѣ было далеко не удовлетворительно, и нисколько не возбуждало блестящихъ надеждъ на столь быстрое окончаніе кавказской войны, какъ оно на самомъ дѣлѣ случилось.

Обсуждая это положеніе даже теперь, четверть столѣтія спустя послѣ случившагося, и относясь къ предмету со всѣмъ вниманіемъ и безпристрастіемъ, какого по своей важности онъ заслуживаетъ, нельзя не признать, что въ іюлѣ 1856 года, когда послѣдовало назначеніе главнокомандующимъ на Кавказъ князя А. И. Барятинскаго, ничто не давало повода ожидать быстраго окончанія кавказской войны.

Если успѣшный ходъ войны 1853—56 гг. съ турками на Кавказѣ еще болѣе возвысилъ наше нравственное вліяніе на горцевъ и какъ бы прочнѣе закрѣпилъ за нами всѣ наши прежнія пріобрѣтенія, то ближайшія, непосредственныя послѣдствія войны не только не облегчали, но въ извѣстной степени еще болѣе усложняли наше положеніе въ краѣ. Какъ ни много представлялось неудобствъ въ устройствѣ прежней восточно-черноморской береговой линіи, все же совершенное упраздненіе этой линіи, последовавшее во время войны, неизбѣжно вызывало необходимость

какихъ либо другихъ мѣръ для наблюденія за горцами западнаго Кавказа, а слѣдовательно требовало новыхъ жертвъ и средствъ. Да и по отношенію восточныхъ горцевъ, хотя, какъ было сказано, мы вполнѣ сохранили все пріобрѣтенное до войны, все же части Дагестана и Чечни, отпавшія отъ насъ въ 1840-хъ годахъ Аварія, Анди, Койсубу и другія, чего мы не успѣли возвратить до войны, оставались и послѣ войны подъ властію Шамиля. Даже въ Чечнѣ, въ тѣхъ ея частяхъ, гдѣ передъ самой войной наиболѣе развиты были наши военные успѣхи, Шамиль держался еще такъ упорно, что и въ 1857 году, когда эту именно часть осматривалъ новый главнокомандующій, и на дорогѣ, проложенной еще въ 1852 году, дѣло не обошлось безъ перестрѣлки [1]). Всего же хуже было то, что неудачи наши въ войнѣ съ горцами съ 1830 по 1846 годъ придали кавказской войнѣ въ общемъ мнѣніи какой-то хроническій характеръ и распространили общее убѣжденіе въ невозможности ея быстраго окончанія.

Мнѣнія по этому предмету, господствовавшее въ то время во вліятельныхъ сферахъ внѣ края, всего лучше и вѣрнѣе высказывались въ военно-академическихъ запискахъ, о которыхъ уже было говорено. О мнѣніяхъ же, тогда существовавшихъ у вліятельныхъ людей на Кавказѣ, можно судить изъ слѣдующаго разсказа:

Бывшій главнокомандующій на Кавказѣ, съ 1855 по 1856 г., генералъ-адъютантъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, предполагая на случай возобновленія военныхъ дѣйствій, назначить меня начальникомъ штаба войскъ, предназначавшихся для дѣйствій въ долинѣ Ріона, посылалъ меня сперва для переговоровъ о перемиріи съ Омеръ-пашою, а затѣмъ предполагалъ назначить въ составъ коммисіи, имѣвшейся въ виду для проведенія новыхъ границъ съ Турціею. Надобности въ этой коммисіи не оказалось, такъ какъ въ скоромъ времени пограничная коммисія, въ своемъ полномъ составѣ, была выслана изъ Петербурга. Нравственно утомленный отъ постояннаго участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и имѣя надобность по своимъ домашнимъ дѣламъ быть въ Россіи, я просился тогда въ отпускъ, на что главнокомандующій и изъ-

---

[1]) Тѣмъ, кому угодно болѣе подробно припомнить наше положеніе на Кавказѣ въ 1856 году, предлагаю просмотрѣть «Кавказъ и Кавказская война», стр. 387—401. Д. Р.

явилъ свое согласіе. Но какъ-разъ въ это время былъ полученъ въ Тифлисѣ отзывъ бывшаго тогда военнаго министра, что до свѣдѣнія Государя Императора дошло, что мирные Чеченцы сильно смущены дошедшими до нихъ слухами, будто правительство наше имѣетъ въ виду всѣхъ ихъ переселить на Манычъ. При этомъ передавалось высочайшее повелѣніе, въ случаѣ существованія подобныхъ толковъ между Чеченцами, принять немедленныя мѣры къ ихъ прекращенію и въ этихъ видахъ немедленно объявить всѣмъ горцамъ, что Его Величество отнюдь не желаетъ въ чемъ либо сокращать льготы, дарованныя имъ покойнымъ Императоромъ. Главнокомандующій выразилъ свое желаніе, чтобы ранѣе отъѣзда въ отпускъ я исполнилъ это порученіе.

Сама по себѣ эта командировка не представляла для меня никакихъ затрудненій, такъ какъ отъ меня требовалось только непродолжительная поѣздка въ мѣста, мнѣ хорошо знакомыя, точная передача распоряженій главнокомандующаго и сборъ свѣдѣній по предметамъ болѣе или менѣе мнѣ извѣстнымъ, но за всѣмъ тѣмъ, положеніе мое было чрезвычайно ложно, когда мнѣ пришлось, по возвращеніи въ Тифлисъ, дѣлать по этому предмету личный подробный докладъ главнокомандующему. Изъ точныхъ свѣдѣній, собранныхъ мною на мѣстѣ, при участіи тогдашняго начальника лѣваго фланга генерала Евдокимова и начальника Кумыкской плоскости барона Николаи, оказалось, что дошедшіе до Государя Императора слухи были вполнѣ справедливы, что объявленіе мирнымъ горцамъ переданнаго военнымъ министромъ высочайшаго повелѣнія было какъ нельзя болѣе своевременно, и что самые слухи между горцами о переселеніи на Манычъ возникли не безъ вліянія на нихъ нѣкоторыхъ уже сдѣланныхъ главнокомандующимъ распоряженій по сокращенію льготъ, прежде имъ дарованныхъ.

Вспоминая теперь это время, я, конечно, благодарю судьбу, доставившую мнѣ тогда случай близко узнать существовавшіе взгляды на кавказскую войну тогдашнихъ главныхъ дѣятелей, генераловъ Муравьева, Евдокимова и другихъ. Но въ то же время откровенно сознаюсь, что воспоминаніе объ этомъ докладѣ для меня и до сихъ поръ тягостно. Что касается лично главнокомандующаго, я обязанъ сказать, что хотя весь мой докладъ никакъ не могъ быть для него пріятенъ, такъ какъ свѣдѣнія, мною со-

бранныя, и выводы, на нихъ основанные, шли прямо въ разрѣзъ съ его мнѣніями, тѣмъ не менѣе Н. Н. Муравьевъ не только имѣлъ благодушіе все это терпѣливо выслушать, но съ видимымъ желаніемъ подробно ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, для подробныхъ разспросовъ, удержалъ меня на своей дачѣ въ Каджорахъ, гдѣ тогда жилъ, два дня, а затѣмъ, радушно поблагодаривъ, далъ давно просимый мною отпускъ и высказалъ желаніе, чтобы я, поправившись въ здоровьѣ, скорѣе вернулся на Кавказъ.

Все это лично для меня было лестно, и я, конечно, все это вспоминаю съ глубокимъ уваженіемъ къ памяти покойнаго. Но какъ человѣкъ, горячо любившій Кавказъ, я не могъ не испытывать въ то время весьма тягостнаго чувства, я не могъ не сознавать, что генералъ Муравьевъ, оставаясь главнокомандующимъ, едва ли когда нибудь, при самомъ искреннемъ желаніи съ своей стороны, успѣетъ отрѣшиться отъ взглядовъ, какіе существовали лѣтъ 30 тому назадъ, когда онъ самъ служилъ на Кавказѣ.

Эта же командировка дала мнѣ случай въ первый разъ видѣть и подробно говорить о кавказской войнѣ съ генераломъ Евдокимовымъ. Долгомъ считаю свидѣтельствовать, что, послѣ князя Александра Ивановича Барятинскаго, это былъ тогда единственный мнѣ извѣстный человѣкъ, который окончаніе кавказской войны считалъ возможнымъ, и разговоры объ этомъ не находилъ праздными, но и онъ, однако, въ 1856 году находилъ умѣстнымъ говорить только о возможномъ ускореніи войны и всѣ его предположенія по этому предмету, какія онъ считалъ осуществимыми, не шли далѣе нашего выхода изъ чеченскихъ лѣсовъ въ безлѣсную полосу горъ, на что, по его мнѣнію, требовалось въ то время не менѣе десяти лѣтъ. Изъ недавно напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“ Записокъ генерала М. Я. Ольшевскаго можно думать, что этого взгляда генералъ Евдокимовъ держался и послѣ, частію даже и въ то время, когда уже былъ однимъ изъ главныхъ сподвижниковъ покоренія Кавказа, такъ какъ требовались особенныя мѣры со стороны покойнаго фельдмаршала, чтобы побуждать его дѣйствовать съ бо́льшей быстротою.

Изъ всего сказаннаго видно, что ни положеніе Кавказа въ 1856 году, ни господствовавшее въ то время мнѣніе о кавказской войнѣ вовсе не давали поводовъ ни на какія блестящія

надежды. Напротивъ, у людей, ближе стоящихъ къ дѣлу, были причины сомнѣваться относительно будущаго Кавказа, тѣмъ болѣе, что оконченная въ то время восточная война, для исправленія своихъ послѣдствій, могла обратить на себя главное вниманіе правительства и Кавказъ могъ отойти на второй планъ.

V.

Блестящія надежды возбудились, а через три года и осуществились только благодаря особымъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, которыя въ то время сложились для Кавказа.

Нужно было, чтобы Государь Императоръ, нынѣ уже всему свѣту доказавшій свою безпредѣльную преданность благу своего народа, твердо пожелалъ скорѣе окончить Кавказскую войну, такъ долго и такъ сильно истощавшую Россію.

Нужно было, чтобы въ числѣ близко стоящихъ къ Государю людей, пользовавшихся его довѣріемъ, оказался человѣкъ наиболѣе способный для такого дѣла, и для котораго окончаніе Кавказской войны давно уже составляло любимую завѣтную мечту.

Постоянно слѣдивъ съ особеннымъ вниманіемъ за ходомъ Кавказской войны, лично и подробно ознакомившись съ Кавказомъ въ 1850 году, Государь Императоръ вѣрно оцѣнилъ всѣ выгоды для Россіи скорѣйшаго окончанія Кавказской войны, а потому въ іюлѣ 1856 года, когда бывшій тогда на Кавказѣ главнокомандующимъ генералъ-адъютантъ Муравьевъ просился объ увольненіи съ Кавказа, назначилъ новымъ главнокомандующимъ бывшаго въ то время еще генералъ-лейтенантомъ генералъ-адъютанта князя Барятинскаго. Чтобы могло состояться подобное назначеніе, само собою разумѣется, прежде всего необходимо было со стороны Государя много доброй воли, рѣшимости и твердости на такое назначеніе, особенно въ то время, когда Его Величество былъ сильно озабоченъ послѣдствіями восточной войны, а взгляды на Кавказскую войну князя Барятинскаго, Государю хорошо извѣстныя, были далеко еще неавторитетными и шли во многомъ въ разрѣзъ съ господствовавшими по этому предмету мнѣніями. Много требовалось также увѣренности въ своихъ мнѣніяхъ и готовности на всякую жертву для ихъ осуществленія со стороны

князя Барятинскаго, чтобы смѣло принять на себя этотъ подвигъ. Покойный фельдмаршалъ, конечно, хорошо понималъ, что война всегда сопряжена съ бо́льшими или меньшими случайностями, которыя предвидѣть и предотвратить не всегда возможно, и что для него, какъ для человѣка, предполагавшаго дѣйствовать на Кавказѣ не на основаніи установившихся мнѣній, а по своему совершенно своеобразному плану, невыгодныя послѣдствія неудачи были бы во всѣхъ отношеніяхъ еще болѣе тяжелыя.

На славную Кавказскую армію, которую покойный фельдмаршалъ цѣнилъ весьма высоко, онъ могъ, конечно, расчитывать, какъ на самаго вѣрнаго и надежнаго пособника въ исполненіи своихъ плановъ.

Начавъ свои боевые подвиги со временъ Котляревскаго и князя Циціанова, Кавказская армія въ теченіи войны успѣла достигнуть такого боеваго развитія, выше котораго исторія нигдѣ и ничего не представляетъ. Что духъ этотъ свято сохраняется и до сихъ поръ между Кавказскими служивыми, всѣ могли въ томъ убѣдиться. Взятіе, напримѣръ, Карса, какъ это случилось въ последнюю войну, могло быть своверщено только героями Кавказа. Весьма основательно мнѣніе, высказанное въ нашей печати по поводу поздравительной телеграммы одного изъ достойнѣйшихъ Кавказскихъ ветерановъ, князя Г. Д. Орбеліани графу М. Т. Лорисъ-Меликову по случаю счастливаго избавленія его отъ смерти, при покушеніи на его жизнь въ Петербургѣ, и въ которой, между прочимъ, сказано: иди смѣло на смерть, защищая святое дѣло. При этомъ въ печати совершенно справедливо было замѣчено, что старые кавказскіе служивые составляютъ какой-то особый народъ, и что даже самый ихъ говоръ между собою не для всѣхъ понятенъ.

Въ какой же мѣрѣ цѣнилъ фельдмаршалъ кн. А. В. Барятинскій кавказцевъ — всего лучше можно судить изъ приказа, отданнаго имъ послучаю назначенія его главнокомандующимъ въ 1856 году.

„Воины Кавказа! смотря на васъ и дивяся вамъ, я взросъ и возмужалъ. Отъ васъ и ради васъ я осчастливленъ назначеніемъ быть вождемъ вашимъ. Трудиться буду, чтобы оправдать такую милость, счастье и вели-

кую для меня честь. Да поможетъ намъ Богъ во всѣхъ предпріятіяхъ на славу Государя!"

Приведенные выше очерки Кавказской войны не разъ заставляли сожалѣть о неимѣніи до сихъ поръ исторіи этой войны. Всего же прискорбнѣе отсутствіе такой исторіи по отношенію къ Кавказской арміи. Общее глубокое уваженіе къ своимъ подвигамъ армія эта давно и у всѣхъ заслужила, но тѣмъ не менѣе настоящимъ образомъ понимаютъ и цѣнятъ ее весьма немногіе, а именно лишь тѣ, которые имѣли случай близко и не разъ видѣть ее въ трудныя минуты. Между тѣмъ, подробная исторія Кавказской войны убѣдила бы всѣхъ, что тамошнія войска славились не однимъ геройствомъ и способностью на великіе подвиги, но и большою военною сообразительностію. Ближе и подробнѣе ознакомиться съ тѣмъ, что дѣлалось на Кавказѣ нашими войсками, было бы для насъ во всѣхъ отношеніяхъ положительно полезно. Въ настоящее время, напримѣръ, трехъ-шереножный строй вездѣ замѣненъ двухъ-шереножнымъ, а наступленіе и въ особенности отступленіе разсыпнаго строя съ боемъ, составляютъ одну изъ главныхъ заботъ въ каждой арміи. Между тѣмъ, немногимъ извѣстно, что именно этого рода построенія и маневрированія составляли главныя эволюціи, какими занимались наши Кавказскія войска, въ особенности въ Чечнѣ, и что эволюціи эти доведены были тамъ до совершенства, конечно, не по виду, а по сущности. Извѣстно такъ же, какое сильное впечатлѣніе въ свое время производили американскіе рейды и дѣйствія прусскихъ уланъ и вообще ихъ кавалеріи во Франціи и сколько самыхъ восторженныхъ подражателей этого рода дѣйствій вызвали они въ другихъ арміяхъ. Между тѣмъ, всѣ эти рейды и вообще молодецкія дѣйствія заграничныхъ кавалеристовъ составляли только повтореніе того, что гораздо ихъ ранѣе дѣлалось нашими партизанами въ отечественную войну, и чего никогда не забывали наши Кавказскіе служивые. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ генералы Зассъ, Слѣпцовъ и въ особенности Я. П. Баклановъ этого именно рода дѣйствіями достигали такихъ результатовъ, что искать намъ для того образцовъ заграницею дѣло совершенно лишнее.

Восторга, съ которымъ было принято на Кавказѣ назначеніе главнокомандующимъ князя Барятинскаго, о чемъ такъ подробно

говоритъ М. Я. Ольшевскій въ своихъ интересныхъ Запискахъ, въ „Русской Старинѣ“, мнѣ не случилось быть очевидцемъ.

Получивъ давно просимый отпускъ, я, не теряя времени, отправился въ Петербургъ и узналъ объ этомъ назначеніи, подъѣзжая къ Воронежу. Здѣсь нагналъ я Кавказскую депутацію, ѣхавшую въ то время въ Москву для предстоявшей коронаціи. Депутація эта, довольно многочисленная, состояла преимущественно изъ представителей почетнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ фамилій Кавказа. Въ этомъ случаѣ, уже какъ очевидецъ, могу сказать, что ихъ восторгъ былъ всеобщій.

Явившись, по пріѣздѣ въ отпускъ въ Петербургъ, новому главнокомандующему, я получилъ отъ него предложеніе состоять при немъ для сопутствованія ему до Тифлиса, и съ того же дня вступилъ въ завѣдываніе походною канцеляріею главнокомандующаго.

Въ жизни мнѣ не разъ случалось встрѣчать людей, получавшихъ весьма важныя назначенія, вполнѣ соотвѣтствующія ихъ личнымъ видамъ. Подобныя назначенія всегда дѣлаютъ каждаго болѣе или менѣе счастливымъ, и болѣе или менѣе, по крайней мѣрѣ на первое время, располагаютъ относиться благодушнѣе ко всѣмъ и ко всему. Но то, что̀ я нашелъ и видѣлъ въ это время въ князѣ, никакъ не можетъ равняться съ тѣмъ, что̀ я видѣлъ когда нибудь, прежде или послѣ. Князь какъ бы предчувствовалъ тѣ блестящіе военные успѣхи, какіе онъ будетъ имѣть на Кавказѣ, приведя въ исполненіе ту систему военныхъ дѣйствій, о которой онъ давно мечталъ, какъ бы видѣлъ уже Шамиля въ плѣну въ Петербургѣ, куда тотъ и попалъ, дѣйствительно, черезъ три года. Увѣренность его въ исполнимости предпринимаемаго весьма сложнаго дѣла была, поистинѣ, замѣчательна. Замѣчательно также при этомъ, что прежній любимый его разговоръ о покореніи Кавказа для него въ это время уже какъ бы не существовалъ. Князь, конечно, вполнѣ сознавалъ, что время для разговоровъ по этому предмету для него миновало, что теперь онъ вполнѣ хозяинъ дѣла, а потому не разговаривать, а дѣйствовать минута для него наступила. Со мною, по крайней мѣрѣ, о покореніи Кавказа онъ въ это время никогда и ничего не говорилъ. О всемъ, что дѣлалось княземъ по Кавказу, какъ завѣдывающій кацеляріей, я не могъ не знать, и видѣлъ, что князь остался вполнѣ вѣренъ своимъ прежнимъ мнѣніямъ, но сколько помню,

за все это время самыхъ словъ: покореніе Кавказа никогда даже не произносилось.

Разговоры же, близко касавшіеся этого дѣла, были весьма часты и продолжительны, и въ это-то именно время съ наибольшей ясностью для меня выказались тѣ особенныя черты характера покойнаго фельдмаршала, о которыхъ я имѣлъ уже случай говорить въ началѣ этого очерка. Князь тогда, какъ во время пребыванія въ Петербургѣ, такъ и въ Москвѣ на коронаціи, былъ чрезвычайно занятъ. Кромѣ заботъ по своему назначенію и по сдачѣ своей прежней должности командира резервнаго гвардейскаго корпуса, покойный князь имѣлъ тогда вообще немало заботъ и по частнымъ, и по общественнымъ дѣламъ.

Всѣ эти дѣла, вообще, князя очень занимали; о нихъ и для нихъ онъ много думалъ и работалъ: тѣмъ не менѣе для большинства, если не для всѣхъ, кромѣ близко при немъ находившихся, князь казался весьма мало озабоченнымъ и занимавшимся всѣмъ какъ бы слегка. Между тѣмъ, я, какъ человѣкъ жившій въ его домѣ, подъ его кабинетомъ, хорошо знаю, чего ему дѣйствительно стоили эти занятія слегка.

Правда, занятія открытыя, пріемы, объясненія по дѣламъ службы имъ начинались, обыкновенно, неранѣе девяти и десяти часовъ утра, не продолжались далѣе часу или двухъ по полудни, затѣмъ, обыкновенно, князь выѣзжалъ изъ дому на нѣсколько часовъ, возвращался потомъ передъ обѣдомъ, продолжались опять пріемы и занятія до обѣда, потомъ уже видимыя для всѣхъ его занятія, часовъ въ 6 или 7 вечера, совершенно какъ бы прекращались, и возобновлялись не ранѣе слѣдующаго утра. Но главная работа, которой душевно предавался князь, собственно начиналась по возвращеніи его домой вечеромъ, часовъ въ 10 или 11, и продолжалась не только далеко за полночь, но нерѣдко и всю ночь, вплоть до начала утренняго пріема.

Однимъ изъ наиболѣе озабочивающихъ князя по Кавказу вопросовъ былъ въ это время выборъ начальника штаба. Скоро по моемъ пріѣздѣ, покойный фельдмаршалъ получилъ письмо отъ бывшаго начальника штаба на Кавказѣ барона Б. Э. Индреніуса, близко и хорошо знакомаго князю. Въ письмѣ своемъ генералъ Индреніусъ убѣдительно просилъ князя посодѣйствовать переводу его на службу въ Финляндію. Князь очень любилъ и уважалъ

Б. Э. Индреніуса, съ которымъ особенно сошелся въ послѣднее время своей службы на Кавказѣ, когда баронъ Индреніусъ исполнялъ должность помощника князя, какъ начальника главнаго штаба. Зная, однако, дѣйствительно большую надобность генерала Индреніуса скорѣе быть переведеннымъ въ Финляндію, чего онъ очень желалъ еще до начала восточной войны, князь не рѣшился его задерживать, и принялъ мѣры для немедленнаго удовлетворенія полученной просьбы.

Выборъ начальника штаба всегда, для каждаго начальника, имѣетъ болѣе или менѣе важное значеніе; выборъ же въ это время начальника штаба для Кавказа представлялъ особенную важность. Покойный фельдмаршалъ, какъ человѣкъ не только хорошо изучившій Кавказъ, но въ это время уже окончательно составившій себѣ планъ своихъ будущихъ дѣйствій, не могъ не предвидѣть тѣхъ большихъ и коренныхъ военно-административныхъ преобразованій, которыхъ неизбѣжно потребуетъ новый избранный имъ планъ военныхъ дѣйствій, и въ чемъ содѣйствіе ближайшаго его помощника, начальника штаба, конечно, во всѣхъ отношеніяхъ для самаго князя будетъ весьма важно. Послѣ довольно продолжительнаго совѣщанія съ разными лицами, въ особенности съ покойнымъ генераломъ А. П. Карцевымъ [1]), выборъ князя остановился на графѣ Д. А. Милютинѣ, въ то время еще генералъ-маіорѣ свиты Его Величества, состоявшемъ при бывшемъ военномъ министрѣ князѣ В. А. Долгорукомъ и между прочимъ исполнявшемъ также обязанность русскаго исторіографа. Кромѣ весьма большой заслуженной извѣстности, какою въ то время пользовался Дмитрій Алексѣевичъ въ военномъ, и особенно въ военно-ученомъ мірѣ, и какъ профессоръ, создавшій у насъ въ академіи военную статистику, и какъ написавшій исторію кампаніи Суворова 1799 года, генералъ Милютинъ былъ и лично извѣстенъ покойному фельдмаршалу. Не разъ случалось князю во время своего послѣдняго пребыванія въ Петербургѣ заниматься съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, какъ съ состоящимъ при военномъ министрѣ по дѣламъ, касавшимся Кавказа. Въ какой мѣрѣ Д. А. Милютинъ оправдалъ выборъ князя, говорить было бы излишне. Въ

[1]) Въ то время бывшимъ еще генералъ-маіоромъ свиты Его Величества, исполнявшимъ должность генералъ-квартермейстера гвардейскихъ корпусовъ.

этомъ отношеніи всего лучше будетъ привести слова приказа фельдмаршала кн. Барятинскаго, отданнаго имъ при прощаніи съ Дмитріемъ Алексѣевичемъ, когда въ 1860 году, Высочайшею волею, генералъ Милютинъ отозванъ съ Кавказа на мѣсто товарища военнаго министра. Вотъ этотъ приказъ:

„Приказъ по Кавказской арміи отъ 12-го сентября 1860 года. Въ г. Владикавказѣ".

„Разставаясь съ генералъ-адъютантомъ Милютинымъ, хочу засвидѣтельствовать предъ всей арміей о чувствахъ душевной признательности, внушенныхъ мнѣ его службою. Во время четырехъ-лѣтняго управленія главнымъ штабомъ, онъ былъ для меня помощникомъ и другомъ, котораго никогда не забуду. Главнокомандующій, генералъ-фельдмаршалъ князь Барятинскій".

VI.

Поѣздка изъ Москвы въ Тифлисъ новаго главнокомандующаго въ 1856 году черезъ Нижній-Новгородъ, Астрахань, Петровское, Темиръ-Ханъ-Шуру, Дербентъ, Баку, Нуху и Закаталы составляла безпрерывный рядъ самыхъ радушныхъ, самыхъ шумныхъ встрѣчъ и привѣтствій, какъ со стороны войскъ, такъ и со стороны мѣстныхъ жителей. Независимо отъ личныхъ симпатій къ князю Александру Ивановичу, на Кавказѣ каждый былъ какъ бы поощренъ уже тѣмъ однимъ, что новый начальникъ края былъ выбранъ изъ ихъ среды. Торжественныя и шумныя встрѣчи у насъ, особенно на Кавказѣ, дѣло не необыкновенное. При всемъ томъ, самые старѣйшіе изъ служившихъ и туземцевъ говорили, что ничего подобнаго встрѣчѣ князя Барятинскаго не припомнятъ. Само собою разумѣется, все это радушіе и всѣ эти оваціи не могли не производить сильнаго дѣйствія на впечатлительную натуру покойнаго фельдмаршала, и служили какъ бы поощреніемъ его рѣшимости на великій подвигъ. Какъ человѣкъ, тогда близко стоявшій къ князю, я долгомъ считаю свидѣтельствовать, что несмотря на оглушающее дѣйствіе всѣхъ этихъ овацій, покойный князь ни на одну минуту не забывалъ главной цѣли, для которой ѣхалъ въ край. Слова: покореніе Кавказа, которыхъ даже произнесенными, какъ выше было замѣчено, за все это время мнѣ не случалось слышать, въ душѣ онъ какъ бы постоянно имѣлъ предъ собою, и все, что могло такъ или иначе

содѣйствовать скорѣйшему осуществленію его любимой мечты, онъ преслѣдовалъ съ рѣдкимъ постоянствомъ и не упускалъ ни одного для того подходящаго случая.

Не говоря уже про то, что распоряженія для скорѣйшаго свиданія главнокомандующаго съ тогдашними главными дѣятелями на Кавказѣ были сдѣланы заблаговременно, и всѣ лица, кого нужно было видѣть князю, были приглашены въ свое время въ ближайшія для нихъ мѣста по пути слѣдованія главнокомандующаго изъ Петровска въ Тифлисъ, заботливость главнокомандующаго доходила иногда до такихъ подробностей, которыя для людей, малознающихъ край, могли казаться даже мелочными, но которыя въ сущности имѣли большое значеніе. Такъ, напримѣръ, проѣзжая части края, сосѣднія съ Шамилевскими владѣніями, и гдѣ покорность и преданность туземцевъ была не очень старая, князь обращалъ особое вниманіе не только на пріемъ и разговоры съ жителями, но иногда лично самъ выбиралъ для нихъ подарки изъ находившихся въ распоряженіи главнокомандующаго экстраординарныхъ вещей; а иногда даже лично самъ ихъ раздавалъ или разбрасывалъ золотыя и серебрянныя монеты, и, надо отдать ему справедливость, дѣлалъ это съ необыкновеннымъ искуствомъ. Князь хорошо зналъ, какъ все, что происходитъ на подобныхъ пріемахъ, да и самые подарки, если не въ тотъ же день, то весьма скоро будутъ извѣстны Шамилю, и произведутъ на него такое или иное дѣйствіе. Разумѣется, чѣмъ благопріятнѣе для насъ было впечатлѣніе на туземцевъ, тѣмъ сильнѣе озабочивало оно главу правовѣрныхъ. Раздача подарковъ, и въ особенности разбрасываніе золотыхъ и серебрянныхъ монетъ, производили необыкновенный эффектъ. При этомъ, какъ завѣдывавшій въ то время экстраординарными суммами и подарками, я могу положительно сказать, что хотя разбрасываніемъ денегъ мы занимались довольно часто при проѣздѣ селеній какъ въ Дагестанѣ, такъ и на Лезгинской линіи, однако же вся сумма, израсходованная на этотъ собственно предметъ, со включеніемъ даже золотыхъ монетъ, по временамъ также разбрасывавшихся, не превышала, сколько помню, двухъ тысячъ рублей.

Само собою разумѣется, что скорѣйшее, по возможности, направленіе военныхъ дѣйствій, сообразно вновь составленному для себя главнокомандующимъ плану, и скорѣйшая замѣна чѣмъ

либо другимъ упраздненной во время войны черноморской береговой линіи, составляли въ это время самую важную и главную заботу главнокомандующаго. Къ осуществленію своихъ предположеній онъ приступилъ не теряя ни одной минуты по пріѣздѣ въ край.

Такъ какъ, по издавна принятому правилу, въ Кавказской войнѣ военныя дѣйствія зимою признавались возможными только въ Чечнѣ, а главнокомандующій пріѣхалъ въ край въ октябрѣ и никакихъ заблаговременныхъ распоряженій сдѣлать на зиму уже не было времени, то онъ рѣшилъ ограничиться на первую зиму военными дѣйствіями на лѣвомъ флангѣ, и тѣми распоряженіями на западномъ Кавказѣ, которыя были необходимы для удержанія горцевъ отъ вторженій въ ближайшія мирныя части края, какъ въ сѣверной, такъ и въ южной части Кавказа.

Для подробныхъ указаній желаемыхъ княземъ военныхъ дѣйствій въ Чечнѣ, бывшій тогда начальникомъ лѣваго фланга генералъ Евдокимовъ былъ приглашенъ еще изъ Петербурга, пріѣхать въ Петровское, гдѣ онъ и встрѣтилъ князя 12-го октября.

Такимъ образомъ, въ первый же день пріѣзда въ край были даны княземъ первыя указанія относительно военныхъ дѣйствій по его новому плану, и въ части края, такъ хорошо ему извѣстной. Затѣмъ въ осмотрѣнныхъ тогда же Дагестанѣ и на Лезгинской линіи, военныя дѣйствія были по необходимости отложены до будущаго лѣта, но предварительныя на нихъ указанія были тогда же даны безотлагательно. По пріѣздѣ же въ Тифлисъ, немедленно были сдѣланы распоряженія о скорѣйшей замѣнѣ упраздненной черноморской береговой линіи, и вообще по всему, что было необходимо и возможно для скорѣйшаго осуществленія новаго плана военныхъ дѣйствій.

Главная мысль князя А. И. Барятинскаго относительно скорѣйшаго покоренія и умиротворенія Кавказа состояла: въ рѣшительномъ наступленіи противъ восточныхъ горцевъ со стороны Чечни, и въ одновременномъ съ тѣмъ стѣсненіи существовавшей уже около нихъ блокадной линіи.

Линія эта тогда, въ общей сложности, составляла еще около 600 верстъ, и очевидно, что для успѣха дѣла, прежде всего требовалось длину эту по возможности сократить. Чтобы достигнуть цѣли съ наименьшей тратой времени, и съ наибольшимъ, по возможности, стѣсненіемъ для горцевъ, тогда же рѣшено

было передовыхъ укрѣпленій на показанныхъ линіяхъ строить сколько возможно менѣе, и по возможности замѣнять ихъ временными укрѣпленными лагерями. Въ такихъ именно видахъ поручено было генералу Евдокимову устроить въ ту же зиму съ 1856 на 1857 годъ укрѣпленный лагерь въ Большой Чечнѣ, на Шалинской полянѣ, и въ то же время вырубкою просѣкъ открыть доступъ въ ближайшее въ Чечнѣ общество Аухъ. Въ слѣдующемъ, т. е. въ 1857 году, съ наступленіемъ лѣтняго времени, въ тѣхъ же видахъ, предположено занять, со стороны Дагестана, Салатавію, сосѣднюю съ Аухомъ, и со стороны Лезгинской линіи также обудобить и сократить сообщенія какъ на самой линіи, такъ и для наступленія въ ближайшія непокорныя общества. Укрѣпленные лагери предпочитались передовымъ укрѣпленіямъ еще и потому, что доставляли возможность сосредоточивать наши войска, въ любомъ пунктѣ блокадныхъ линій, скорѣе и неожиданнѣе для горцевъ, и тѣмъ, вынуждая ихъ быть постоянно въ готовности къ отраженію нашихъ нападеній, само собою разумѣется, крайне стѣсняли ихъ въ хозяйственныхъ распоряженіяхъ, въ заготовкѣ сѣна, въ посѣвѣ полей и проч.

Дѣйствуя такимъ образомъ постоянно и настойчиво, князь былъ убѣжденъ, что въ два или три года доведетъ ихъ до крайности, какъ это въ самомъ дѣлѣ и случилось. А такъ какъ къ этому времени князь надѣялся открыть удобный доступъ въ Дагестанъ со стороны Чечни, и глубоко вѣрилъ въ Кавказскую армію, то въ полномъ успѣхѣ и не сомнѣвался.

Что касается до упраздненія черноморской береговой линіи, то возстановить эту линію не полагалось, за исключеніемъ крайнихъ сѣверныхъ и южныхъ частей, ближайшихъ къ Черноморью и вообще къ Кубанскому краю и къ вновь тогда учрежденному Кутаисскому генералъ-губернаторству. Изъ оставшихся же свободными 16-ти черноморскихъ баталіоновъ, 10 тогда же были назначены для усиленія надзора за горцами западнаго Кавказа съ сѣверной стороны, а 6—съ южной. Въ тоже время предположено было для окончательнаго успокоенія частей, прилежащихъ къ Кутаисскому генералъ-губернаторству, сильно взволнованныхъ во время восточной войны, сдѣлать экспедицію въ Сванетію въ продолженіи лѣта 1857 года, какъ единственнаго времени года.

когда эта часть Кавказа дѣлается доступной для наступающихъ дѣйствій съ нашей стороны.

Все, что было возможно безотлагательно исполнить къ осуществленію высказаннаго, и было сдѣлано главнокомандующимъ по пріѣздѣ въ Тифлисъ, для чего всѣ главные начальники частей Кавказа въ продолженіе зимы 1856—1857 гг. вызывались, иные неоднократно, для личныхъ и подробныхъ объясненій въ Тифлисъ.

Но чтобы вѣрнѣе обезпечить и облегчить исполненіе задуманнаго, князь Александръ Ивановичъ признавалъ совершенно необходимымъ окончательно устранить тѣ неудобства, которыя въ то время существовали на Кавказѣ, какъ въ распредѣленіи войскъ, такъ и въ военно-административномъ устройствѣ края, и что составляло неизбѣжное послѣдствіе отсутствія до того времени одного общаго плана, съ ясно опредѣленною цѣлію покоренія и умиротворенія Кавказа. По предположенію князя, весь Кавказъ долженъ былъ быть раздѣленъ на пять большихъ военныхъ отдѣловъ: лѣвое крыло, правое крыло, прикаспійскій край, Лезгинская линія и Кутаисское генералъ-губернаторство. Каждый изъ начальниковъ этихъ отдѣловъ подчинялся прямо главнокомандующему; всѣ войска, находившіяся въ отдѣлѣ, подчинялись имъ во всѣхъ отношеніяхъ, и у каждаго изъ нихъ былъ образованъ штабъ со всѣми необходимыми для самостоятельнаго веденія дѣлъ управленіями. Все, что возможно было для этого сдѣлать собственною властію главнокомандующаго, было сдѣлано, но на многое требовалось предварительно исходатайствовать Высочайшее разрѣшеніе чрезъ военное министерство, а подробности исполненія, сами по себѣ требовали большой обдуманности и вниманія. Въ скоромъ времени по пріѣздѣ главнокомандующаго въ Тифлисъ, пріѣхалъ туда и Д. А: Милютинъ. Князь всѣ заботы по военно-административному переустройству края возложилъ на новаго начальника главнаго штаба. Дѣло это поведено было такъ быстро и успѣшно, что черезъ годъ Дмитрій Алексѣевичъ могъ уже отправиться въ Петербургъ съ новымъ подробнымъ проектомъ положенія для арміи и края, гдѣ онъ въ скоромъ времени и былъ Высочайше утвержденъ.

Каждый, кто понимаетъ значеніе соотвѣтственнаго устройства органовъ военной администраціи такого обширнаго края какъ Кавказъ и такой многочисленной арміи, какою и тогда уже была Кав-

казская, тотъ легко самъ оцѣнитъ заслуги въ этомъ отношеніи Д. А. Милютина (нынѣ графа). Вполнѣ принаровленное къ тогдашнимъ требованіямъ хода дѣла, согласно видамъ главнокомандующаго, новое положеніе конечно облегчило скорѣйшее исполненіе задуманнаго княземъ А. И. Барятинскимъ плана.

Къ осени 1858 года дѣйствія наши на лѣвомъ флангѣ, послѣ ряда блестящихъ успѣховъ, упрочили занятіе нашими войсками всей Большой и Малой Чечни, а покореніе въ то же время всей долины Аргуна открыло намъ прямое сообщеніе съ войсками Лезгинскаго отряда. Взятіемъ же въ зиму съ 1858 на 1859 годъ „Ведено“, бывшей резиденціи Шамиля въ Ичкеріи и доступъ въ Дагестанъ былъ не только открытъ, но даже обезпеченъ. Это обезпеченіе теперь составляли какъ покорность сосѣднихъ ближайшихъ горскихъ обществъ, такъ еще болѣе систематически устроенныя на пути просѣки и укрѣпленія. Въ то же время главнокомандующій имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія, что горцы восточнаго Кавказа трехъ-лѣтними безпрерывными успѣхами съ нашей стороны дѣйствительно доведены до крайности.

На основаніи всѣхъ этихъ данныхъ и твердо вѣруя въ славную кавказскую армію, князь Александръ Ивановичъ предпринялъ то знаменитое, рѣшительное наступленіе внутрь Дагестана, одновременно съ трехъ сторонъ, которое окончилось взятіемъ въ плѣнъ Шамиля и покореніемъ восточнаго Кавказа.

День 26-го августа 1859 года будетъ не только вѣчно памятенъ на Кавказѣ, но несомнѣнно найдетъ мѣсто и въ исторіи вообще,—прежде всего какъ день, съ котораго Кавказъ измѣнилъ свою эмблемму, а затѣмъ какъ день, въ который геній русскаго военнаго человѣка высказался во всей своей величавой простотѣ.

Кавказъ, какъ бы созданный самою природою и исторіею для того, чтобы вѣчно служить неприступнымъ пріютомъ для людей, непризнающихъ началъ общечеловѣческой цивилизаціи и дѣйствительно испоконъ вѣковъ остававшійся вѣрнымъ такому назначенію, разомъ мѣняетъ свой видъ. Непокорныя общества одно передъ другимъ спѣшатъ изъявлять свою покорность, а предводитель ихъ, всему свѣту извѣстный и своею геніальностію, и своею энергіею, безусловно сдается въ плѣнъ русскому главнокомандующему. При томъ дѣлается все это такъ просто, легко и съ такими небольшими потерями, что первое время сами виновники

успѣха, какъ бы недоумѣваютъ передъ величіемъ совершеннаго имъ подвига, хотя, конечно, не могутъ не цѣнить значенія совершившагося.

Въ исторіи другихъ народовъ подобныхъ примѣровъ много не найдется.

VII.

Взятіемъ въ плѣнъ Шамиля и покореніемъ восточнаго Кавказа я оканчиваю мой очеркъ.

Дѣлаю это во первыхъ потому, что съ конца 1857 года я оставилъ Кавказъ, и хотя до конца жизни фельдмаршала князя Барятинскаго продолжалъ пользоваться добрымъ его вниманіемъ, но чести служить подъ его начальствомъ уже болѣе не имѣлъ, во вторыхъ, по моему глубокому убѣжденію, съ 1859 года въ натурѣ самаго князя произошла большая перемѣна.

Опредѣлить точно эту перемѣну и объяснить ея причины я не берусь, но знаю, что такое личное мое мнѣніе о князѣ раздѣляется и людьми, близко до конца жизни остававшимися при фельдмаршалѣ.

Повидимому и послѣ 1859 года покойный князь, для людей, не близко его знавшихъ и наблюдавшихъ, оставался какъ бы прежнимъ. Для такихъ людей князь могъ казаться даже выше прежняго. Ореолъ военной славы всегда обаятеленъ. При томъ, оставаясь на Кавказѣ послѣ 1859 года еще болѣе трехъ лѣтъ, князь своимъ содѣйствіемъ къ переселенію черкесовъ въ Турцію и занятіемъ оставленныхъ ими мѣстъ казаками и русскими переселенцами, весьма умножившими русскій элементъ на западномъ Кавказѣ, ясно доказалъ, что военная сообразительность его не оставляла. Вообще, въ главнѣйшихъ душевныхъ свойствахъ, до самаго конца жизни, замѣтныхъ перемѣнъ въ князѣ какъ бы не было; тѣмъ не менѣе люди, лично преданные покойному, выше высказанное мною мое личное мнѣніе вполнѣ раздѣляютъ. Послѣ 1859 года, какъ мнѣ кажется, съ княземъ случилось что-то, напоминающее перемѣну въ императорѣ Александрѣ I по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ. По-моему, наиболѣе яснымъ признакомъ происшедшей въ князѣ перемѣны можетъ служить отсутствіе въ немъ той сосредоточенности и энергіи въ достиженіи ясно опредѣленной себѣ цѣли жизни, какими князь замѣтно отличался до 1859 года. Его прежняя энергія какъ бы

вернулась къ нему только передъ самой смертью въ послѣднія минуты жизни. Во время уже самой агоніи князь, почувствовавъ приближеніе смерти, сказалъ:—„Ужь если умирать, такъ умирать надо стоя". Съ этими словами князь сдѣлалъ послѣднія неимовѣрныя усилія, чтобы подняться съ своего смертнаго одра и тутъ же упалъ мертвымъ.

Справедливо или нѣтъ мое мнѣніе, но передать его на соображеніе будущаго біографа я считаю долгомъ, такъ какъ оно также искренно, какъ искренно все написанное въ предлагаемомъ очеркѣ. Что же касается до главныхъ причинъ въ такой перемѣнѣ князя послѣ 1859 года, то ихъ найдется, конечно, много. Между прочимъ, одною изъ главныхъ, какъ мнѣ кажется, было то душевное утомленіе, какого не могъ не испытывать князь послѣ своей напряженной усиленной дѣятельности съ 1856 по 1859 годъ, и въ продолженіи которой какое-то особенное нервное возбужденіе постоянно его не оставляло и было весьма замѣтно для всѣхъ близко при немъ находившихся. Самъ я, съ конца 1857 года, при князѣ не находился и видѣлъ его только въ Петербургѣ въ 1859 году, когда передъ началомъ своего знаменитаго похода въ Дагестанъ князь пріѣзжалъ для личнаго доклада Его Величеству. Въ этотъ пріѣздъ я видѣлъ князя весьма короткое время, но все же для меня было ясно, что особое нервное состояніе князя продолжалось. Затѣмъ мнѣ случалось не разъ видѣть князя послѣ 1859 года, а въ 1867 году я имѣлъ удовольствіе провести вмѣстѣ съ нимъ нѣсколько недѣль въ Женевѣ, гдѣ проводилъ онъ тогдашнее лѣто. Прежняго напряженнаго нервнаго возбужденія тогда уже не замѣчалось. Что же касается до объясненія причинъ такого нервнаго возбужденія въ князѣ съ 1856 по 1859 годъ, то сдѣлать это весьма не трудно. Какъ ни твердо увѣренъ былъ князь въ вѣрности и удобоисполнимости своего плана, все же онъ, конечно, хорошо понималъ рискъ, въ военномъ дѣлѣ всегда неизбѣжный, а при существовавшемъ въ то время недовѣріи къ вводимому имъ новому способу дѣйствій, если не всеобщемъ, то существовавшемъ въ большинствѣ, князь не могъ, конечно, не опасаться тяжелыхъ послѣдствій неудачи, какъ лично для себя, такъ и въ особенности для своего имени.

Говорю все это съ убѣжденіемъ, потому что по моимъ тогдашнимъ служебнымъ занятіямъ мнѣ не разъ приходилось имѣть

подробныя объясненія съ противниками мнѣній князя А. И. Барятинскаго, и считаю долгомъ добавить, что въ числѣ противниковъ были и люди весьма почтенные, которые въ своихъ сужденіяхъ вовсе не руководились какими бы то ни было личными симпатіями или антипатіями къ князю, а думали и говорили единственно на основаніи твердо вкоренившихся въ нихъ прежнихъ понятій о кавказской войнѣ.

Что же касается до опасеній, существовавшихъ въ самомъ князѣ, то эти сомнѣнія для меня особенно ясны сдѣлались послѣ разговоровъ съ фельдмаршаломъ въ Женевѣ въ 1867 году. Чувства особой душевной признательности къ барону А. Е. Врангелю за его геройскую переправу черезъ Койсу у Сагрытло, и чувства особаго расположенія къ генералу Фадѣеву, бывшему тогда личнымъ адъютантомъ фельдмаршала, за точную и своевременную передачу приказаній главнокомандующаго объ этой переправѣ, не оставляли сомнѣній, что именно эту переправу князь считалъ самымъ опаснымъ и самымъ важнымъ дѣломъ въ своемъ знаменитомъ походѣ 1859 года, и что въ переправѣ этой было много риску.

Впрочемъ, вообще, всѣхъ своихъ сподвижниковъ князь цѣнилъ высоко, и всегда говорилъ о нихъ также душевно, какъ и благодарилъ въ приказахъ, имъ отданныхъ по кавказской арміи въ 1859 году

Вотъ эти приказы:

Приказы кн. А. И. Барятинскаго по Кавказской арміи.

Отъ 21-го іюля 1859 года. Въ лагерѣ при озерѣ Ретло (въ Андіи). Войска Дагестанскаго отряда! вы храбро заняли переправу на Койсу и тѣмъ блистательно исполнили мое желаніе; благодарю васъ отъ всего сердца за вашъ подвигъ. Главнокомандующій генералъ-адъютантъ князь Барятинскій.

Отъ 27-го іюля 1859 года. Главная квартира въ Андіи близь аула Тандо. Сегодня доношу я Государю Императору о покореніи его державѣ Аваріи, Койсубу, Гумбета, Салатавіи, Андіи, Технуцала, Чеберлоя и другихъ верхнихъ обществъ.

Благодарю войска Дагестанскаго и Чеченскаго отрядовъ,

всѣхъ отъ генерала до солдата, за столь радостную вѣсть для сердца возлюбленнаго Монарха.

Особенную мою признательность объявляю генералъ-адъютанту барону Врангелю и генералъ-лейтенанту графу Евдокимову. Главнокомандующій, генералъ-адъютантъ князь Барятинскій.

Отъ 6-го августа 1859 года. Главная квартира близь аула Конхидатль. Въ безсмертномъ подвигѣ покоренія восточнаго Кавказа, самая тяжелая доля трудовъ предстояла вамъ, неутомимыя войска лезгинскаго отряда! Вы совершили съ самоотверженіемъ предначертанія мои и превзошли всѣ ожиданія.

Примите, братцы, мое душевное спасибо. Благодарю искренно достойнаго предводителя вашего генералъ-маіора князя Меликова, всѣхъ генераловъ и офицеровъ. Главнокомандующій, генералъ-адъютантъ князь Барятинскій.

Отъ 26-го августа 1859 года. Главная квартира близь аула Кегеръ. Шамиль взятъ—поздравляю кавказскую армію! Главнокомандующій, генералъ-адъютантъ князь Барятинскій.

Въ заключеніе мнѣ остается сказать нѣсколько словъ, для соображеній будущаго біографа, о той человѣчности или, лучше сказать, сердечности отношеній къ войскамъ, которыхъ искренность сохранялась въ князѣ даже и тогда, когда онъ занималъ уже мѣста довольно высокія въ военной іерархіи, и что для меня въ князѣ Александрѣ Ивановичѣ всегда было наиболѣе симпатично.

Въ военномъ ремеслѣ сердце неизбѣжно черствѣетъ, и совершенно напрасны заботы нѣкоторыхъ военныхъ писакъ искуственно очерствлять это сердце разными теоріями, утверждая, напримѣръ, будто бы мягкое сердце въ военномъ начальникѣ есть признакъ слабости характера. Большаго значенія, конечно, такія разглагольствованія не имѣютъ. Каждый дѣйствительно самостоятельный военный человѣкъ, въ минуты рѣшительныя, дѣйствуетъ не по какимъ либо теоріямъ, а прежде всего сообразно самому себѣ, и тотъ изъ нихъ очень счастливъ, у кого даже въ такія минуты сердце не черствѣетъ. Кампаній и сраженій черезъ излишнюю чувствительность еще нигдѣ, никто и никогда не терялъ. Дѣла же безцѣльныя, для эффекта, у такихъ начальниковъ

просто немыслимы. Что такъ было у князя Барятинскаго, мнѣ хорошо извѣстно. Вотъ два примѣра.

Очень хорошо помню я, какъ въ 1853 году, когда князь былъ еще начальникомъ лѣваго фланга, подѣйствовало на него извѣстіе объ удачномъ для Чеченцевъ внезапномъ нападеніи ихъ на Сунженскихъ казаковъ, при чемъ послѣдніе потеряли около 20 человѣкъ. Самолюбіе князя при этомъ, какъ начальника, было не при чемъ; тѣмъ не менѣе весь этотъ день князь былъ очень разстроенъ, а вечеромъ, когда по окончаніи съ нимъ занятій, я уходилъ отъ него изъ кабинета, и князь собирался спать, то откровенно сознался, что для него всего тяжелѣе послѣ подобныхъ несчастныхъ случаевъ просыпаться на другой день: „тогда, какъ выразился князь, какъ будто видишь передъ собою всѣхъ этихъ несчастныхъ убитыхъ казаковъ“.

Также хорошо помню я, какъ въ 1854 году, послѣ Кюрукъ-Дарьинскаго сраженія, когда рѣшался вопросъ — преслѣдовать намъ турокъ или нѣтъ, князь послалъ меня собрать точныя свѣдѣнія о числѣ нашихъ раненыхъ, требующихъ немедленной помощи, прибавивъ: „прежде всего надо подумать объ этихъ людяхъ“.

Думаю, что послѣ всего сказаннаго я имѣлъ достаточно причинъ сказать въ моей статьѣ, написанной подъ впечатлѣніемъ первыхъ извѣстій о смерти князя и помѣщенной въ газетѣ „Голосъ“, что въ скончавшемся фельдмаршалѣ Россія потеряла одного изъ лучшихъ русскихъ людей, одного изъ лучшихъ русскихъ солдатъ.

Особенность же русскихъ людей, по моему крайнему разумѣнію, состоитъ въ томъ, что явившись на свѣтъ сознательно не далѣе 500 лѣтъ тому назадъ, они оказали уже за это время не мало пользы и себѣ, и другимъ, а потому, послѣ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, можно смѣло надѣяться, что въ будущемъ, съ Божіею помощію, окажутъ такой пользы и еще болѣе.

Дмитрій Романовскій.

УКРАИНОФИЛЬСТВО.

I.

«Украинофильство» (окрещенное такимъ названіемъ только въ прошломъ десятилѣтіи), явилось стремленіемъ нѣкоторыхъ малоруссовъ писать на своемъ родномъ нарѣчіи, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изучать богатую сокровищницу народной поэзіи. Оно показалось на свѣтъ въ первой четверти текущаго столѣтія появленіемъ тамъ и сямъ немногочисленныхъ малорусскихъ сочиненій и, возрастая хотя медленно, но постепенно, расцвѣтало въ Харьковѣ въ 1830 и 1840 годахъ, сосредоточиваясь въ кругу молодыхъ университетскихъ людей, потомъ перешло въ Кіевъ, а по основаніи Новороссійскаго университета, коснулось и Одессы. Долго никто не думалъ подозрѣвать въ этомъ чего нибудь дурнаго, антигосударственнаго, чего-то вреднаго для общества, чего-то такого, что слѣдуетъ истреблять полицейскими мѣрами. Если подъ-часъ возникали недоумѣнія, за которыми слѣдовали придирки и гоненія на писавшихъ по малорусски, то все-таки имѣлось въ предметѣ содержаніе того, что̀ писалось по малорусски, а не самое нарѣчіе, на которомъ писалось. Развитіе этого направленія дошло, наконецъ, до изданія въ 1861—1862 годахъ особаго, спеціальнаго для малороссійскаго края, органа «Основы», и до заявленія о необходимости писать по малорусски для простаго народа книги съ цѣлію первоначальнаго образованія. Но такъ какъ это совпало случайно съ польскимъ движеніемъ, разразившимся возстаніемъ 1863 года, то нашлись лица, которыя стали усматривать какую-то солидарность между малорусскимъ писательствомъ и польскими тенденціями. Эти господа стали возбуждать власти къ преслѣдованію малорусскаго писательства полицейскими мѣрами, выставляя на видъ, будто у малорусскихъ писателей таится мысль объ отложеніи мало-

россійскаго края отъ Россійской имперіи. Нѣкоторые изъ тогдашнихъ государственныхъ людей повѣрили такимъ сообщеніямъ, потому что сами мало знали Россію, живя и воспитываясь только въ столицѣ и заграницею, а потому допускали возможность въ провинціяхъ такихъ явленій, которыхъ бы не допустили другіе, сжившіеся болѣе съ провинціями; не на всѣхъ, однако, можетъ падать такое обвиненіе: были изъ государственныхъ сановниковъ, болѣе свѣтлые умомъ и гуманные, которые не поддавались такимъ нашептываніямъ. Къ числу ихъ принадлежалъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія статсъ-секретарь А. В. Головнинъ,—человѣкъ, отличавшійся настолько же крѣпкимъ и здравымъ умомъ, сколько и добрымъ сердцемъ, оставившій о себѣ самое благодарное воспоминаніе какъ у подчиненныхъ, такъ и у всего учившагося за время его министерской дѣятельности поколѣнія. Онъ не только не поддался ложнымъ увѣреніямъ во вредности малорусскаго писательства, но, уразумѣвъ въ чемъ суть дѣла, заявлялъ и, насколько могъ, проводилъ мысль о необходимости самому министерству народнаго просвѣщенія принять подъ свое покровительство намѣреніе даровать малорусской рѣчи право быть органомъ народнаго образованія; онъ въ особенности указывалъ духовному начальству на важность распространенія перевода Новаго Завѣта на малорусское нарѣчіе, такъ какъ, по его собственному выраженію, священнѣйшею обязанностію Св. Синода есть распространеніе св. писанія между всѣми разноплеменными жителями имперіи на всѣхъ языкахъ и нарѣчіяхъ, а затѣмъ присовокупилъ, что истиннымъ праздникомъ нашей церкви былъ бы тотъ день, когда бы могли мы сказать, что въ каждомъ домѣ, избѣ, хатѣ или юртѣ находится экземпляръ евангелія на языкѣ понятномъ обитателямъ.

Совѣту и намѣреніямъ умнаго и благороднаго министра, по отношенію къ малорусской рѣчи, не суждено было осуществиться.

Тогда подана была министру внутреннихъ дѣлъ Записка противнаго содержанія, имѣвшая успѣхъ. Авторъ этой Записки подавалъ власти совѣтъ не допускать малорусское нарѣчіе до свободнаго развитія и принять противъ этого запретительныя и стѣснительныя мѣры на томъ основаніи, что писательство по малорусски приноситъ вредъ государству [1]).

[1]) Записка эта сообщена въ собраніе рукописей редакціи „Русской Старины“ 10 января 1872 года самимъ ея составителемъ. Записка цѣликомъ вошла въ отношеніе 1863 г. оберъ-прокурора св. синода А. П. Ахматова къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ „по вопросу объ изданіи на малорусскомъ нарѣчіи духовныхъ и учебныхъ книгъ“. Рукопись занимаетъ 11 полулистовъ. Ред.

Авторъ Записки самъ сознается, что не можетъ опровергнуть истины, выраженной А. В. Головнинымъ, что «основаніемъ для запрещенія или дозволенія той или другой книги должно служить только ея содержаніе, а не языкъ или нарѣчіе, на которомъ она писана».— «Но обстоятельства, разсуждаетъ авторъ Записки, могутъ иногда побудить къ исключенію изъ этого общаго правила. На правительствѣ лежитъ отвѣтственность за спокойствіе и цѣлость отечества и потому оно положительно обязано противъ всякаго явленія—какого бы рода оно ни было—угрожающаго нарушеніемъ спокойствія и цѣлости, принимать всѣ необходимыя мѣры. Если же будетъ доказано, что какой либо языкъ или нарѣчіе (какъ въ настоящемъ случаѣ—малорусское) изъ простаго средства для выраженія мысли обращаютъ въ орудіе политическихъ цѣлей и дѣлаютъ условнымъ знакомъ вреднаго направленія, то правительству остается взвѣсить: есть ли, кромѣ цензурнаго запрещенія, какія либо другія вѣрныя, достаточныя, и притомъ болѣе удобныя, средства для отвращенія зла, и тогда только, если ихъ нѣтъ, прибѣгнуть къ запрещенію».—Авторъ Записки увѣряетъ, что съ своей стороны онъ самъ охотно склоняется къ тому убѣжденію,—что «какъ для самаго дѣла, такъ и для правительства было бы несравненно лучше, еслибъ украинофильскія попытки возможно было бы уничтожить натискомъ общественнаго мнѣнія, безъ прямаго участія власти». Онъ находитъ невозможнымъ такой путь, «смущаясь намѣреніемъ министерства народнаго просвѣщенія»: это и побуждаетъ его думать о запрещеніи, какъ «о мѣрѣ необходимой, ибо покровительство министерства народнаго просвѣщенія можетъ упрочить украинофильскія стремленія и развить ихъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ одно общественное противодѣйствіе окажется уже недостаточно сильнымъ».

Въ чемъ же авторъ Записки усматриваетъ вредъ «украинофильства?» Онъ признаетъ несомнѣннымъ, что «въ предпріятіи создать особую малорусскую литературу и ввести въ народныя школы южнаго края преподаваніе на малорусскомъ нарѣчіи принимаютъ живое участіе такіе малорусскіе патріоты, которые не ограничиваются мыслію создать свою особую литературу, но простираютъ виды и на политическую отдѣльность Малой Россіи отъ общаго отечества». Авторъ Записки добавляетъ, что существованіе такихъ малорусскихъ патріотовъ онъ можетъ утверждать съ неотразимою истиною. Если автору извѣстны были такіе патріоты съ тайными преступными видами, то лучше было бы ему назвать ихъ по именамъ и указать на ихъ сочиненія, обличающія ихъ преступные взгляды, а не бросать такое огульное, анонимное обвиненіе, при которомъ открывается ши-

рокая дорога подозрѣвать то того, то другаго, искать то здѣсь, то тамъ слѣдовъ сокрытыхъ преступныхъ мнѣній. Самъ авторъ Записки сознается, что не всѣ малорусскіе патріоты таковы, что есть между ними и такіе, «которые совершенно чужды какой бы то ни было политической цѣли и руководятся чувствомъ патріотизма», которое автору кажется «излишне» разгоряченнымъ. Нѣтъ гнуснѣе и безнравственнѣе такого доносничества, когда указываютъ не на лица, дѣйствія которыхъ власть, по этому указанію, можетъ взвѣсить и оцѣнить, а дѣлаютъ неясные намеки, побуждая власть, на основаніи такихъ намековъ, искать виновныхъ между невиновными и подвергая ея возможности впадать въ ошибки и принимать невинныхъ за виновныхъ.

Мысль объ отдѣленіи Малой Россіи отъ имперіи называетъ авторъ «жалкою и несбыточною мечтою». Мы въ этомъ совершенно съ нимъ согласны и прибавимъ, что если бы существовала у кого нибудь такая мысль, то она была бы въ одинаковой степени нелѣпа, какъ мысль о самобытности всякаго удѣльнаго княженія, на которыя когда-то разбивалась Русская земля въ удѣльно-вѣчевой періодъ нашей исторіи; но едва ли бы такая мысль могла найти себѣ долговременное пребываніе въ головѣ, ненуждающейся въ помощи психіатра.

Мы никакъ не можемъ признать и тѣни справедливости въ томъ увѣреніи автора Записки, будто «дѣло о литературной самостоятельности малорусскаго нарѣчія тѣсно связывается съ польскимъ вопросомъ и явно ему благопріятствуетъ, порождая выгодную для поляковъ мысль о мнимой племенной разности сѣверныхъ и южныхъ областей Россіи и чрезъ то разъединяя ихъ въ стремленіяхъ и чувствахъ». Въ доказательство сочувствія поляковъ къ развитію малорусскаго нарѣчія авторъ Записки постарался привести одинъ только примѣръ: «въ Царствѣ Польскомъ была захвачена книга, напечатанная на малорусскомъ нарѣчіи, подъ заглавіемъ: «Науки церковныя на всѣ праздники въ роцѣ для жителей сельскихъ», книга, излагавшая ученіе римской церкви и предназначавшаяся, какъ видно изъ заглавія, «для всеобщаго употребленія въ малорусскомъ народѣ». И вотъ на этомъ одномъ приведенномъ примѣрѣ, авторъ Записки основываетъ свой приговоръ о тѣсной связи дѣла о литературной самостоятельности малорусскаго нарѣчія съ польскимъ вопросомъ. Авторъ Записки считаетъ умѣстнымъ прибавить, что «даже и тѣ патріоты, въ которыхъ онъ соглашается видѣть одно увлеченіе, чистое отъ всякой преступной политической примѣси, дѣйствуютъ, хотя и безсознательно, за-одно съ врагами Россіи и не могутъ быть оправданы въ строгомъ судѣ; ни одинъ изъ нихъ не можетъ сказать въ свое извиненіе, что ему было неизвѣстно горячее сочувствіе поляковъ къ ихъ дѣлу, ибо это

сочувствіе слишкомъ громко было оглашено всѣми повременными изданіями, въ которыхъ этотъ вопросъ обсуждался. И потому ихъ прямая обязанность была, хотя бы изъ того только, чтобъ не очутиться какъ либо въ союзѣ съ поляками, немедленно оставить свое предпріятіе, еслибъ оно и вызывалось какою либо существенною народною нуждою».

Книжечка, напечатанная въ Польшѣ по малорусски, есть, быть можетъ, одна изъ тысячи попытокъ и крупныхъ, и мелкихъ, употреблявшихся со стороны римско-католическаго міра къ подчиненію себѣ южнорусскаго народа. Попытки эти, какъ всѣмъ извѣстно, начались очень давно и дѣлались разнообразными путями. Этотъ современный намъ экспериментъ надъ южнорусскимъ народомъ гораздо менѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ предшествовавшіе, происходившіе въ болѣе благопріятныхъ для нихъ условіяхъ, хотя бы, напримѣръ, тогда еще, когда южнорусскій народъ находился подъ властію Польской Короны. По нашему мнѣнію, подобное появленіе на малорусскомъ нарѣчіи ксензовской книженки, располагающей поученія на всѣ годовые праздники по ученію римской церкви, могло бы только возбудить нашихъ православныхъ пастырей составить, въ отпоръ, такую же книжечку, съ поученіями на всѣ годовые праздники по ученію восточной церкви и пустить ее въ народъ на томъ же малорусскомъ нарѣчіи. Ужъ, конечно, нѣтъ никакого сомнѣнія, что ксензовская книженка, хотя бы и вполнѣ допущенная къ обращенію въ народѣ, не выдержитъ конкурренціи съ книжечкою православною, въ средѣ народа, исповѣдующаго православную вѣру. Да и книжечка, изданная ксензами, составлена, должно быть, на плохомъ малорусскомъ языкѣ, какъ можно заключить по заглавію. Впрочемъ, отдадимъ дань уваженія заботливости автора Записки (хотя излишней) объ охраненіи южнорусскаго народа отъ вліянія латинства,—все-таки скажемъ, что нельзя эту ничтожную книженку приводить какъ аргументъ вредности развитія малорусскаго нарѣчія, тѣмъ болѣе когда, по словамъ самаго автора Записки, книженка была захвачена, слѣдовательно не могла распространиться въ народѣ. Находите эту книжечку вредною и опасною—пусть будетъ по вашему: не давайте ей и другимъ подобнымъ распространяться, осудите дюжину другихъ, какихъ вамъ угодно, книжекъ малорусскихъ, отыскивая въ нихъ вредныя мысли, но изъ за нихъ не налагайте анаѳемы на все, что писалось и что могло писаться на малорусскомъ нарѣчіи.

О какомъ горячемъ сочувствіи поляковъ къ малорусскому писательству говоритъ авторъ Записки—мы рѣшительно не знаемъ, да и сомнѣваемся, знаетъ ли онъ самъ и можетъ ли указать на примѣры

такого сочувствія; мы думаемъ, что онъ не могъ этого сдѣлать, и потому ограничился общею фразою о горячемъ сочувствіи, въ увѣренности, что его не станутъ принуждать объясниться объ этомъ болѣе подробно и съ фактическими доказательствами. Впрочемъ, еслибы въ польской печати гдѣ нибудь и высказано было что-то въ этомъ родѣ, какъ чье-то субъективное воззрѣніе, то чѣмъ тутъ виноваты малорусскіе писатели и почему они, по приговору автора Записки, должны были непремѣнно знать объ этомъ? Мы же знаемъ подлинно и несомнѣнно, что поляки въ большинствѣ не только не показывали сочувствія къ малорусскому дѣлу, напротивъ, оно имъ стояло какъ бы костью въ глоткѣ. Автору разбираемой Записки не могъ, конечно, оставаться безъизвѣстнымъ адресъ подольскихъ дворянъ польскаго происхожденія, заявлявшихъ о странномъ желаніи присоединить свой край къ Царству Польскому. Они тогда выставляли главною причиною такого желанія зловредное направленіе, господствовавшее будто бы въ произведеніяхъ малорусской литературы, клонившееся къ тому, чтобъ возбудить противъ польскаго дворянства ихъ малорусскихъ подданныхъ и возобновить страшныя для поляковъ эпохи Хмельнищины и Гайдамаччины. Ужъ не это ли признакъ горячаго сочувствія поляковъ къ малорусскому дѣлу? Не такое ли горячее сочувствіе показали и показываютъ поляки къ тому же дѣлу въ Галичинѣ, гдѣ малорусская народность, благодаря непріязни поляковъ, въ рукахъ которыхъ находится сила богатствъ, не можетъ никакъ получить подобающее ей самостоятельное мѣсто даже въ конституціонномъ государствѣ, допускающемъ полную законную равноправность всѣхъ народностей, подчиненныхъ имперіи? Что всѣ галицкіе русины видятъ въ полякахъ своихъ недоброжелателей, тормозящихъ всѣми возможными средствами ходъ развитія малорусскаго языка и литературы въ краѣ—объ этомъ едва-ли у насъ стоитъ распространяться, и самому автору разбираемой Записки это, вѣроятно, извѣстнѣе еще, чѣмъ намъ. Вѣроятно также, этому автору, какъ и большинству русской публики, извѣстно и то, что поляки нашъ югозападный край считаютъ не иначе какъ Польшею и не хотятъ знать о существованіи какого бы тамъ ни было русскаго нарѣчія въ народѣ, а малорусское тамошнее нарѣчіе считаютъ только мѣстною простонародною отмѣною не русскаго, а польскаго языка. Еслибъ существовало на самомъ дѣлѣ сочувствіе—да не то что горячее, а хоть какое-нибудь, поляковъ къ малорусскому дѣлу, то оно бы проявилось въ содѣйствіи преуспѣянію малорусскаго писательства, а мы видимъ другое: въ ряду писавшихъ по малорусски мы

не встрѣчаете польскихъ именъ, и дворяне польскаго происхожденія, владѣя имѣніями на правой сторонѣ Днѣпра, населенными малоруссами, не показывали желанія давать своимъ подданнымъ начатки образованія на малорусскомъ нарѣчіи. Было бы иначе, еслибъ слова автора Записки о сочувствіи поляковъ къ малорусскому дѣлу были справедливы; скажемъ въ добавокъ, что указаніе на горячее сочувствіе поляковъ къ малорусскому дѣлу, еслибъ оно даже не заключало въ себѣ вопіющей неправды, не могло бы служить къ обвиненію малорусскихъ писателей: вотъ иное дѣло, еслибъ авторъ Записки нашелъ въ сочиненіяхъ послѣднихъ признаки горячаго сочувствія къ полякамъ и притомъ доказалъ бы, что это не выраженіе субъективныхъ симпатій авторовъ, а присущее всей литературѣ черта—тогда иное было бы дѣло!

Ставя противъ малорусскаго писательства обвиненіе какъ бы въ склонности писателей къ государственной измѣнѣ, авторъ далѣе разсуждаетъ, что самое предпріятіе писать на малорусскомъ нарѣчіи есть произведеніе прихоти и пристрастія, что общій русскій языкъ малорусскимъ дѣтямъ также понятенъ, какъ и великорусскимъ, что малорусскаго книжнаго языка нѣтъ, и создать его неудобно, ибо въ этомъ новомъ языкѣ, по необходимости, появилось бы множество спорныхъ и условныхъ реченій, никому кромѣ ихъ изобрѣтателей не понятныхъ; что малорусское нарѣчіе въ различныхъ полосахъ южнаго и югозападнаго края имѣетъ весьма важныя діалектическія отмѣны, при существованіи которыхъ предполагаемый новый языкъ, еслибъ оказался годнымъ для одной полосы, могъ бы оказаться негоднымъ для другой; что малорусскій народъ весьма охотно, даже съ любовью, учится по книгамъ русскимъ и въ помыслѣ не имѣетъ искать для себя иного какого-то особаго языка и даже смотритъ враждебно на непрошенныя заботы о немъ мѣстныхъ патріотовъ и обижается на замѣну образованнаго русскаго языка малорусскимъ нарѣчіемъ; что образованный русскій языкъ, воздѣланный общими усиліями и трудами великоруссовъ и малоруссовъ, есть вообще достояніе всѣхъ русскихъ областей нашего отечества и что, наконецъ, отлучать отъ него малорусскихъ дѣтей значило бы весьма чувствительно оскорблять память тѣхъ замѣчательныхъ малорусскихъ дѣятелей нашей литературы, которымъ нашъ русскій языкъ такъ много обязанъ.

Всѣ приводимыя здѣсь авторомъ Записки указанія фактически невѣрны. Русскій книжный языкъ вовсе не въ той степени понятенъ для малорусскихъ сельскихъ дѣтей, какъ для великорусскихъ. Даже и для великорусскихъ сельскихъ школъ книга, написанная на нашемъ

языкѣ литературы и образованнаго общества, не вполнѣ понятна: это происходитъ оттого, что нашъ литературный языкъ, въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій, складывался слишкомъ по западнымъ образцамъ и писатели, воздѣлавшіе (какъ выражается авторъ Записки) его, мало обращали вниманія на изученіе народной русской рѣчи во всѣхъ ея областныхъ видоизмѣненіяхъ. Поэтому преподаваніе въ сельскихъ школахъ требуетъ кое какихъ особыхъ правилъ. Для бо́льшей части собственно великорусскихъ областей достаточно слѣдующаго: 1) составлять учебныя книги для сельскихъ школъ примѣнительно къ живому народному слову, по возможности удаляясь отъ искуственной книжности, 2) сельскіе учители, излагая свой предметъ, должны, по надобности, дѣлать устно приспособленія къ мѣстнымъ областнымъ способамъ выраженія. Съ малорусскими дѣтьми такой способъ преподаванія въ сельской школѣ неудобенъ. Малорусское нарѣчіе до такой степени отдалено отъ великорусскаго, что учебная книга, написанная самымъ удачнымъ складомъ въ примѣненіи живой народной рѣчи, будетъ непонятна и чужда малоруссамъ *). Преподаватель, имѣя въ рукахъ такую книгу, какъ руководство, не иначе можетъ въ изустномъ изложеніи примѣняться къ мѣстному способу выраженія, какъ развѣ переводя цѣликомъ свое руководство на малорусское нарѣчіе. А въ такомъ случаѣ выходитъ, по неизмѣнному логическому закону, что удобнѣе всего написать для малорусскихъ сельскихъ школъ на малорусскомъ нарѣчіи особое руководство. Такія соображенія и прежде, въ 1860-хъ годахъ, порождали мысль о составленіи малорусскихъ книгъ для первоначальнаго народнаго образованія.

Но какъ тогда, такъ и теперь едва ли существовало намѣреніе отлучать малорусскихъ дѣтей отъ русской образованой рѣчи. Мы, съ

---

*) До какой степени отдѣлились оба русскія нарѣчія: великорусское, изъ котораго образовался русскій литературный языкъ, и малорусское—мы приведемъ здѣсь примѣръ. Недавно отдана была въ одинъ изъ журналовъ историческая повѣсть, гдѣ, между прочимъ, выведены были малоруссы съ ихъ рѣчью. Оказалось, что рѣчь та не могла быть напечатана иначе какъ въ совершенной передѣлкѣ на русскій языкъ: въ малорусскомъ подлинникѣ она была бы непонятною для большинства читателей журнала. Этого бы не потребовалось, еслибъ въ повѣсти были выведены лица говорящія на какомъ-нибудь областномъ великорусскомъ поднарѣчіи. За примѣрами ходить недалеко. Прекрасные разсказы П. И. Мельникова: „Въ лѣсахъ и на горахъ", гдѣ такъ мастерски изображена жизнь народная поволжской стороны, не нуждались болѣе немногихъ объясненій мѣстныхъ, непонятныхъ въ другихъ областяхъ Россіи, словъ и оборотовъ. Н. Костомаровъ.

своей стороны, не менѣе автора Записки, вооружились бы противъ такого намѣренія, еслибъ оно заявлялось. Мы, напротивъ, желали бы чтобъ изученіе книжнаго образованнаго русскаго языка въ малорусскихъ школахъ обязательно шло рядомъ съ изученіемъ научныхъ предметовъ, и даже, если возможно, въ самыхъ учебныхъ руководствахъ, vis-a-vis съ изложеніемъ малорусскимъ, напечатано было тоже по русски: такой способъ обученія не только не отлучалъ бы малорусскихъ дѣтей отъ образованнаго русскаго языка, но содѣйствовалъ бы легчайшему его усвоенію, потому что ничто такъ не способствуетъ изученію языка, какъ возможность постоянно сравнивать его съ другимъ, особенно же съ состоящимъ въ родственной съ нимъ близости.

Нѣтъ никакой необходимости создавать особый книжный малорусскій языкъ, въ которомъ, какъ выражается авторъ Записки, по необходимости появилось бы множество спорныхъ и условныхъ реченій, никому, кромѣ ихъ изобрѣтателей, непонятныхъ. Правда, между малорусскими писателями были такіе, которые, по собственному неумѣнью и недостаточному знанію всѣхъ оттѣнковъ живой народной рѣчи, выковывали странные и неудобопонимаемые слова и обороты рѣчи; такихъ особенно было не мало въ Галичинѣ. Но такія явленія нельзя считать чѣмъ-то всеобщимъ и неизбѣжнымъ, тѣмъ болѣе, что эти явленія подвергались осмѣянію со стороны пишущихъ и читающихъ малорусскія книги. Не зачѣмъ создавать языка, коли онъ уже есть. Надлежитъ только основательно и многосторонне изучить его въ живой народной рѣчи и владѣть настолько писательскимъ дарованіемъ, чтобъ выражать на немъ свои мысли. Совершенно не вѣрно указаніе автора Записки на то, будто малорусское нарѣчіе распадается на многія діалектическія отмѣны, до того отличныя одна отъ другой, что понятное для одной полосы, будетъ непонятно для другой. Такой взглядъ сразу можетъ быть опровергнутъ всѣми знающими ближе и основательнѣе: чтò это за діалектическія отмѣны. Въ малорусскомъ нарѣчіи существуютъ три отмѣны или поднарѣчія: первое—украинское, распространенное въ бòльшей части югозападнаго края, по лѣвой сторонѣ Днѣпра, въ Слободской Украинѣ, въ Новороссіи и въ Кубанской области; второе—карпато-русинское—въ Галичинѣ и по западнымъ окраинамъ Подоли и Волыни, отличное отъ украинскаго употребленіемъ нѣкоторыхъ словъ и оборотовъ, но одинакое съ нимъ по фонетикѣ, и третье—Полѣсское, въ Полѣсьѣ и въ сѣверной части Черниговской губерніи—отличное отъ двухъ другихъ нѣкоторыми фонетическими особенностями. Всѣ отличія въ этихъ трехъ поднарѣчіяхъ до того незначительны, что каждый малоруссъ,

усвоившій съ дѣтства говоръ одного поднарѣчія, услышавъ первый разъ въ жизни говоръ другаго края, сразу признаетъ говорящаго за земляка, а не отнесется къ нему такъ, какъ бы отнесся къ великоруссу или бѣлоруссу, услышавъ рѣчь послѣднихъ. Всякая малорусская книга можетъ читаться и пониматься одинаково усвоившими съ дѣтства говоръ какого угодно изъ этихъ трехъ поднарѣчій. Отъ этого досихъ поръ книги, изданныя въ Малороссіи, читались какъ свои собственныя въ Галичинѣ, а изданныя въ Галичинѣ — въ Малороссіи. Мы замѣтимъ при этомъ, что малорусская рѣчь сохраняетъ больше единства на всемъ протяженіи, гдѣ она господствуетъ въ своихъ трехъ поднарѣчіяхъ, чѣмъ народная рѣчь великорусская во всѣхъ областяхъ имперіи.

Что касается до того, будто, по словамъ автора Записки, народъ малорусскій враждебно относится къ попыткамъ излагать на его родномъ нарѣчіи предметы знанія и предпочитаетъ общерусскій языкъ своему природному, то это намъ кажется натяжкою, доведенною до абсурда: по общимъ законамъ человѣческихъ свойствъ невозможно, чтобъ человѣкъ гдѣ бы то ни было хватался предпочтительно за такой способъ, который ему труднѣе и отвергалъ такой, который дается ему легче. Натяжка эта выведена изъ подмѣченной у малоруссовъ охоты учиться порусски; мы не споримъ противъ существованія такой охоты и желаемъ, чтобъ она распространялась, тѣмъ болѣе, что замѣчаемая охота учиться чему бы то ни было есть счастливый признакъ способности къ интеллектуальному развитію. Но вопросъ: дѣйствительно-ли малоруссы не захотятъ учиться на своемъ родномъ нарѣчіи и предпочтутъ учиться только на русскомъ книжномъ языкѣ—рѣшить можетъ опытъ и притомъ при полной свободѣ, предоставленной народу учиться на своемъ ли нарѣчіи, или на книжномъ русскомъ языкѣ. До сихъ поръ этой свободы малоруссамъ не давали, да и въ большинствѣ народъ малорусскій никакъ не учили, ужъ не изъ той ли самой боязни нарушенія государственнаго единства и спокойствія?!

II.

Мы сочли умѣстнымъ заняться обличеніемъ и опроверженіемъ софизмовъ, заключающихся въ упомянутой выше Запискѣ, не по вѣскости и искуству ихъ сплетенія, а единственно потому, что эта Записка въ свое время имѣла успѣхъ и была однимъ изъ побужденій къ такимъ мѣрамъ, которыя оказали не желательныя послѣдствія. Мало того, что пріостановлено было изданіе Новаго Завѣта на малорусскомъ нарѣчіи, а за нимъ и всякихъ книгъ для первоначальнаго образованія,—гоненіе на «украинофильство» возрастало послѣдовательно; какъ всегда бываетъ, находились личности, которыя и въ газетныхъ статьяхъ, и въ бесѣдахъ съ особами, власть имущими, старались представить, что малорусское писательство имѣетъ заднія цѣли отторженія южнаго края отъ россійской державы, и, кромѣ того, приплетали къ нему всевозможнѣйшія преступныя направленія. Личности эти тѣмъ болѣе могли имѣть успѣхъ, что выставляли себя спеціально и глубоко знакомыми съ дѣлами южнаго края и, казалось, по внѣшнимъ признакамъ, имѣли на то неоспоримое право, а потому легко вводили въ заблужденія сановниковъ, добросовѣстно и искренно цѣнившихъ общее благо, но поставленныхъ въ такое положеніе, при которомъ не могли провѣрить въ подробностяхъ справедливости того, что имъ сообщалось.

А между тѣмъ желаніе изучать малорусскій народъ во всѣхъ отрасляхъ его жизни и писать на его языкѣ, подготовленное за многіе годы, не только не ослабѣвало, а расширялось въ высокой степени.

Стремленіе писать по малорусски истекало изъ присущей человѣческому естеству любви къ своему родному, изъ дѣтства близкому,—такой-же любви, какъ любовь человѣка къ семьѣ. Нельзя человѣку сказать: не люби своихъ родителей, братьевъ, сестеръ, жены, дѣтей; нельзя также говорить ему: не смѣй любить свою родную рѣчь, которую услышалъ первый разъ отъ матери и отвѣчалъ на нее дѣтскимъ лепетомъ, не смѣй любить того народа, среди котораго увидалъ впервые свѣтъ Божій! Нельзя противъ этой любви выставлять государственныя, политическія и экономическія соображенія, иначе—онѣ станутъ поперекъ его чувству враждебно. Не послушается горячій малороссъ совѣтовъ автора приведенной Записки, когда тотъ станетъ доказывать ему, что въ видахъ государственнаго единства имперіи, особенно, чтобъ невольно не сближаться съ тенденціями поляковъ, онъ долженъ не любить своей родной рѣчи; не послушается

малоруссъ доводовъ мудреца тѣмъ паче, когда увидитъ, что доводы его сшиты бѣлыми и тонкими нитками. Любовь окажется сильнѣе всякихъ умствованій! Правда, долгъ по отношенію къ государству нерѣдко заставляетъ насъ жертвовать общей пользѣ нашими личными побужденіями, но чтобъ человѣкъ приносилъ такую жертву охотно, надобно чтобъ онъ ее несъ согласно своему собственному убѣжденію, а не по понужденію, которое можетъ человѣка обратить въ безсмысленную машину отъ страха, но никогда не будетъ въ силахъ измѣнить его тайныхъ чувствъ, покоящихся въ глубинѣ его сердца, недоступной никакой полиціи. Воинъ идетъ на брань; онъ жертвуетъ не только своимъ пребываніемъ въ своемъ гнѣздѣ, среди своей семьи, но даже собственною жизнію; однако онъ такъ поступаетъ въ сознаніи нравственнаго долга, и надобно, чтобъ это всегда дѣлалось не по приказу, а внутренно сознавая, что подвергая жизнь опасности, онъ защищаетъ и свою семью, и своихъ родныхъ, и своихъ братій-соотечественниковъ. Необходимо внушать народу и поддерживать въ немъ такое сознаніе, и только при такомъ условіи можетъ существовать въ государствѣ храброе, побѣдоносное войско, выходящее изъ народа. Въ Россіи такъ и было, и даже при крайнемъ невѣжествѣ простаго народа, при дикихъ пріемахъ составленія военныхъ силъ, народъ воспитывалъ религіозное сознаніе, что вѣрная служба царю и отечеству есть долгъ въ отношеніи къ Богу. Что же вы, господа ревнители государственнаго единства, могли представить малорусскимъ народолюбцамъ, чтобы внушить имъ сознаніе, что они, ради пользы государства, должны пожертвовать своею прирожденною любовью къ близкой имъ средѣ? Ваши всѣ аргументы разлетаются, какъ пузыри на водѣ, отъ одного дуновенія! Да и возможенъ ли такой случай, чтобъ являлась необходимость говорить людямъ: вы не должны любить собственной рѣчи ради любви къ собственному государству? Это можно сказать развѣ покоренному народу, когда замѣтятъ, что этотъ народъ пытается вырваться изъ подъ давящаго иноплеменнаго гнета. Власть, говорящая такимъ языкомъ, во всякомъ случаѣ будетъ не права, потому что покоренныя народности только тогда примиряются удобно съ своимъ положеніемъ, когда встрѣчаютъ отъ подчинившихъ ласку и заботливость, а не одно только грубое понужденіе къ покорности. Малоруссы же никогда не были покорены и присоединены къ Россіи, а издревле составляли одну изъ стихій, изъ которыхъ складывалось русское государственное тѣло. Малоруссу говорятъ: ты долженъ любить вмѣстѣ съ нами одинъ только книжный общій нашъ языкъ, потому что этотъ языкъ столько же твой, какъ и нашъ; но

ничего такого, что только твое, а не наше—ты не смѣй любить: все это пусть пропадаетъ, и твоя мѣстная рѣчь должна замѣниться общимъ русскимъ языкомъ. Но современные намъ малоруссы не виноваты, что дѣды и отцы оставили имъ въ наслѣдіе выработанную исторіею народность хотя русскую, но отмѣнную отъ великорусской. Жестоко, да и безполезно, пытаться насильственными средствами уничтожать эту народность и ея главный признакъ—нарѣчіе, хотя бы съ цѣлію замѣнить это нарѣчіе общимъ русскимъ книжнымъ языкомъ. Желаемая цѣль достигается постепенно. Распространеніе книжнаго русскаго языка между малоруссами идетъ уже давно и притомъ неразлучно съ распространеніемъ просвѣщенія. На все нужно время, нужна и заботливость о распространеніи въ народѣ—не книжнаго языка, а просвѣщенія, книжный же русскій языкъ самъ приложится. Дозволеніе писать по малорусски и преподавать въ сельскихъ школахъ по малорусски не остановитъ распространенія книжнаго русскаго языка рядомъ съ просвѣщеніемъ народа, а даже будетъ ему способствовать. На это уже нами было указано выше.

Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что если бы не послѣдовало запрещеній и стѣсненій, то дѣйствительно явилось бы десятка два-три малорусскихъ книгъ, которыя будучи написаны умно и даровито, принесли бы свою пользу, но ужъ никакъ не оказали бы никакого вреда, такъ какъ онѣ выходили бы въ свѣтъ съ вѣдома и разрѣшенія правительства, которое всегда имѣетъ возможность не допускать выхода въ свѣтъ книгъ, признаваемыхъ вредными по ихъ содержанію. Всѣ такъ называемые украинофилы занимались бы писаніемъ малорусскихъ книгъ, собираніемъ пѣсенъ, думъ, сказокъ, пословицъ, составленіемъ словарей и изслѣдованій, занятіями невинными и полезными; теперь же, поневолѣ, они принуждены какъ улитки, замкнуться въ своихъ скорлупахъ, и не показываться на свѣтъ съ какими бы то ни было проявленіями любви къ малорусской народности и къ малорусской рѣчи, хотя можетъ быть, ихъ дѣятельность въ любимой средѣ не безполезною оказалась бы, какъ для науки и литературы, такъ и для общественной жизни. Желательно, чтобы малорусскому писательству было возвращено прежнее право на основаніи нѣкогда заявленной бывшимъ министромъ А. В. Головнинымъ истины, что запрещенію или дозволенію книгъ основаніемъ служить можетъ ихъ содержаніе, а не языкъ и не нарѣчіе, на которомъ онѣ писаны.

Н. И. Костомаровъ.

1-го декабря 1880 г.

От Редакціи: Считаемъ вполнѣ умѣстнымъ, вслѣдъ за статьей нашего глубокоуважаемаго ученаго и историка привести, слѣдующее извѣстіе:

Въ „Собраніи узаконеній и распоряженій правительства" напечатано: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, въ 8-й день декабря 1880 года, высочайше соизволилъ на принятіе академіею наукъ 4,000 руб., номинальныхъ, въ закладныхъ листахъ харьковскаго земельнаго банка, внесенныхъ въ академію членомъ-кореспондентомъ ея, дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Костомаровымъ, на учрежденіе при названной академіи, на счетъ этой суммы, преміи имени Костомарова, за составленіе малорусскаго словаря, на основаніи правилъ, которыя будутъ изданы для этого академіею". Ред.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

I. [1]).

Батюшка нашъ былъ кроткій, добрый и крайне бѣдный священникъ. Доходу онъ не имѣлъ и 50 р. въ годъ. Землю въ пользованіе причта баринъ прихода отвелъ такую, что батюшка иногда сдавалъ ее рублей за 5—6 въ годъ за всю, а иногда не снималъ ея никто. Своими руками земли батюшка не обработывалъ, а наемнымъ трудомъ могъ засѣвать только десятины двѣ—три. Когда я подросъ, онъ отвезъ меня въ училище и помѣстилъ на многолюдной, тѣсной и грязной квартирѣ, въ сообщество съ такою же мелюзгою, какъ я, и вмѣстѣ съ остолопами, выгоняемыми изъ училища за безнравственность и лѣность и готовившимися въ пономари. Батюшка мой хорошо понималъ, что̀ это за квартира; но взять мнѣ лучшую онъ не имѣлъ средствъ. Мои дѣтскія силы не вынесли того гаму, грязи и атмосферы, что было тамъ, и я заболѣлъ на первую же треть. Квартира отъ училища была далеко, въ классъ нужно было являться чѣмъ свѣтъ,—и ты, несчастный, тащишься туда, иногда по колѣно въ грязи или снѣгу, еще до разсвѣта. Классы безъ оконныхъ рамъ и дверей,—это буквально,—и зимой, въ особенности въ бурю, мы рѣшительно

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562 (три главы); т. XXV, стр. 457—492 (четыре главы); 609—636 (одна глава); томъ XXVI, стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494 (четырнадцать главъ); томъ XXVIII, стр. 144—145 (замѣтка); стр. 261—288 (четыре главы); 449—476 (одна глава); 667—708 (восемь главъ); т. XXIX, стр. 351—378 и 683—708 (семь главъ); Изд. 1881 г. т. XXX, стр. 43—90.

мерзли. Учителя,—варвары,—били и сѣкли часто, просто для собственной потѣхи и развлеченія. Инспекторъ Архангельскій строго наблюдалъ, чтобы къ утрени ученики не опаздывали, и мы, по очереди, передъ праздниками, не спали ночи, чтобы бѣжать въ церковь послѣ перваго удара въ колоколъ, иначе,—запоретъ, а церковь была далеко.

Черезъ годъ я поступилъ въ хоръ архіерейскихъ пѣвчихъ. Пѣвчевская,—я не нахожу слова, которымъ можно было бы опредѣлить ее. Это омутъ всевозможныхъ мерзостей, гадостей, пьянства, разврата, цинизма и варварства! Тутъ ребенку было поучиться чему... Составитель статьи о духовенствѣ, изъ которой я уже приводилъ выше выписки, говоритъ: „нѣтъ смысла приготовлять священниковъ для дѣйствія въ семъ грѣшномъ мірѣ и съ дѣтства воспитывать ихъ въ полномъ уединеніи отъ этого міра". Не плачьтесь, господа радѣльцы о нуждахъ духовенства, на наше невѣдѣніе „міра",—мы видывали виды, какихъ, можетъ быть, не видывали и вы. Вы согласились бы со мной, если бы пожили тамъ, хоть только дней пятокъ; а я выжилъ тамъ цѣлыхъ пять лѣтъ, и притомъ въ лѣта самыя впечатлительныя. По выходѣ изъ пѣвчихъ, я перешелъ изъ казеннаго дома на частную квартиру: квартира была такая же тѣсная и многолюдная, какъ когда я былъ въ училищѣ въ первое время. Тутъ батюшка мой привезъ другаго сына, и черезъ два года—третьяго. Какъ мы содержались,—такъ и припоминать страшно!... Семинаристовъ держатъ на квартирахъ, обыкновенно, семейныя вдовы-мѣщанки, семейные отставные солдаты и т. п. Они берутъ понемногу за квартиру, и кормятся около постояльцевъ. Часто, и даже бо̀льшею частію, и сами хозяева, и члены семействъ ихъ бываютъ люди самые непутные. Множество юношества, нашего брата, погибло именно отъ квартиръ... Я припоминаю теперь нѣкоторыхъ товарищей, которые, сами по себѣ, были славные юноши, но которые сгибли именно отъ квартиръ!

Въ классы нужно было являться зимой чѣмъ-свѣтъ; идти бы, но у тебя нѣтъ или мяса, или муки. Встанешь до свѣта, и побѣжишь съ салазками на рынокъ, версты за три; а тамъ стоишь и мерзнешь, пока выйдутъ торговцы. Купишь, и опять бѣжишь, какъ сумасшедшій, на квартиру и въ классъ. Прибѣжишь,—а у воротъ уже ходитъ инспекторъ. „Поди сюда!" крикнетъ бывало.

И, не говоря дурнаго слова, задастъ такую встрепку, что свѣтъ помутится... Дня черезъ три—четыре приходишь изъ класса и промерзшій, и голодный, и усталый, а хозяйка докладываетъ: „я вамъ нынѣ не стряпала ничего: у васъ нѣтъ ужъ ни муки, ни говядины, ни пшена“.

— Какъ такъ? Мяса должно быть еще дня на четыре, а муки и пшена мѣсяца на два!

— Не сама же я, чай, поѣла! Вышло все, вотъ вамъ и сказъ. Чай, вы не воздухъ глотали въ эти дни, а ѣли.

— Чтожъ ты не сказала съ вечеру?

— Вы сами должны знать.

Но долго толковать и некогда, и безъ толку. Сейчасъ на базаръ, въ обжорный рядъ, купишь себѣ хлѣба, печенки, рубцовъ; ѣшь да и плачешь. Послѣ пяти—десяти такихъ случаевъ перетащишься на другую квартиру,—а та еще хуже.

При этомъ имѣйте въ виду, что мы, оторванные съ младенчества отъ надзора отца и матери, живемъ въ училищахъ безъ всякаго присмотра: становишься на квартиру, куда попало; убираешь постель, перемѣняешь бѣлье, когда вздумается; идешь,—куда хочешь; дружись,—съ кѣмъ знаешь; дѣлай,—что угодно,—свобода полная.

Чѣмъ же кончилась наша трудная семинарская жизнь? Я окончилъ курсъ и городское нищенство перемѣнилъ на деревенское; а братья мои окончили курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи и живутъ теперь въ Петербургѣ, занимая весьма хорошія мѣста. Надъ нами, троими братьями, какъ разъ, выполнилась русская пословица: „въ семьѣ не безъ урода“. Тѣ братья вышли людьми, а я-то уродомъ,—„сельскимъ священникомъ“....

Бывши священникомъ, законоучителемъ и благочиннымъ, я имѣлъ уже несравненно больше средствъ, чѣмъ мой батюшка и не могъ, конечно, допустить, чтобы мои дѣти жили на такихъ же квартирахъ, какъ жилъ я съ братьями. Дѣти мои на квартирахъ не видѣли тѣхъ безобразій, какія видѣли мы, и, слава Богу, дѣло идетъ у меня съ ними пока такъ, какъ нельзя лучшаго и желать. Думаю, что точно также поступило бы и остальное духовенство, еслибъ оно имѣло къ тому средства. А это имѣло бы огромное благотворное вліяніе на цѣлыя поколѣнія и на сотни тысячъ юношества. Теперь же строгой нравственности отъ духовенства и

требовать нельзя. Напрасно нападають на духовенство, не зная всей горечи его жизни и причинъ ненормальнаго его состоянія.

Въ настоящее время при многихъ училищахъ и семинаріяхъ устраиваются общежитія. Нѣтъ спора, что общежитія,—дѣло хорошее, но онѣ имѣютъ свои и нехорошія стороны, именно: нѣкоторые преосвященные, а за ними и училищныя власти, требуютъ, чтобы ученики жили въ казенныхъ домахъ всѣ безъ исключенія; въ заведеніи строгій присмотръ за учениками днемъ, и безъ всякаго присмотра ночью; нѣтъ никакихъ игръ и невинныхъ развлеченій въ часы досуга, и плохой надзоръ за опрятностью. Принуждать всѣхъ поступать въ казенный домъ отнюдь не слѣдуетъ. Я, напр., никакъ не желалъ бы, чтобы мои дѣти жили казарменною жизнію. Мнѣ не хотѣлось, когда учились мои дѣти, чтобы они измѣняли свой образъ жизни противу домашняго; поэтому они квартировали всегда въ домахъ священниковъ или знакомыхъ мнѣ хорошихъ чиновниковъ; комнаты были чистыя, сухія и свѣтлыя; бѣлье и верхнее платье всегда чистое; въ свободное время были въ семействѣ хозяевъ; утромъ и вечеромъ пили чай; въ большую перемѣну бѣгали домой выпить стаканъ кофе и под. За что я сталъ бы морить своихъ дѣтей на щахъ и кашѣ, держать въ такой разнообразной семьѣ, какъ бурса, когда я имѣлъ возможность содержать ихъ лучше? Заниматься дѣти мои могли, сколько угодно, безъ всякой помѣхи; за нравственностью ихъ былъ всегда семейный надзоръ, людей вполнѣ благонадежныхъ, которыхъ я не промѣнялъ бы ни на какого надзирателя. Точно также не слѣдуетъ заставлять помѣщать своихъ дѣтей и тѣхъ отцовъ, которые надѣются дать дѣтямъ своимъ лучшую обстановку. Есть общежитія, гдѣ съ мальчика за помѣщеніе, столъ, чистку бѣлья, освѣщеніе и, конечно, отопленіе, берется по 30 р. въ годъ. Какого содержанія можно ожидать за такую плату? Оно и дѣйствительно крайне плохо. Это старинная бурса, въ полномъ смыслѣ слова. Поэтому нужно предоставить дѣло это волѣ родителей и не считать учениковъ, не желающихъ жить тамъ, неблагонадежными и не гнать ихъ за неблагоповеденіе.

Въ общежитіи непремѣнно должно имѣться: мячи, кегли, билліардъ, рояль и мастерская, въ родѣ столярной. Опытнѣйшіе педагоги-іезуиты всегда имѣютъ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ что нибудь въ этомъ родѣ. Но особенно полезно было бы ввести

игру на роялѣ, живопись и столярное мастерство. Это послужило бы священнику развлеченіемъ, въ часы его бездѣлья, на всю его жизнь. Вѣроятно, въ этихъ видахъ, іезуиты не принимали никого въ свой орденъ, не знавшаго какого нибудь мастерства, что и весьма практично. Мнѣ извѣстны и теперь нѣкоторые священники, которые, отъ нечего дѣлать, строютъ себѣ мебель и даже экипажи. Эти же занятія развлекали бы учениковъ и теперь, вмѣсто того, чтобы играть въ карты и тянуть водку, какъ это дѣлается часто нынѣ.

„Другое дѣло спеціальныя богословскія науки; тѣ могли тревать отдѣльнаго преподаванія въ теченіе одного, много двухъ лѣтъ“.

Годичный курсъ есть такой короткій срокъ, что въ годъ-то сапожникъ не выучивается и сапогъ точать, какъ слѣдуетъ. Урядникамъ, и то положенъ трехмѣсячный курсъ, а на богословскую науку авторъ приведенныхъ строкъ назначаетъ годъ!

„Нужно предоставить самому обществу заботиться о приготовленіи себѣ духовенства. Въ настоящее время, затрудненія въ этомъ рѣшительно нѣтъ никакого: тѣ же самыя учительскія семинаріи, которыя приготовляютъ теперь народныхъ учителей, будутъ приготовлять въ каждомъ народномъ учителѣ лицо, способное быть и священникомъ“.

Изъ кого набираются теперь ученики въ нѣкоторыя учительскія семинаріи? Туда поступаютъ уже взрослые юноши, но, увы, нерѣдко исключенные изъ духовныхъ училищъ, гимназій и семинарій за лѣность; окончившіе курсъ въ духовныхъ училищахъ, но, за слабостію познаній, не поступившіе въ семинарію,—это по преимуществу; потомъ: обучавшіеся въ приходскихъ и уѣздныхъ школахъ,—эти составляютъ меньшинство. Значитъ: большинство—народъ малоспособный. Каковы они на мѣстахъ ихъ службы? И по нашему наблюденію, и по отзывамъ членовъ училищныхъ совѣтовъ,—это народъ съ большимъ мнѣніемъ о себѣ, но, зачастую, съ малымъ толкомъ въ дѣлѣ.

Давно, еще министръ Киселевъ постановилъ, чтобы волостными писарями были изъ крестьянъ. Онъ, вѣроятно, также какъ и теперь нѣкоторые, думалъ, что писаря изъ крестьянъ будутъ больше заботиться объ интересахъ крестьянъ, что для крестьянъ такой писарь будетъ: „свое“, но это была ошибка. Неугодно ли взглянуть, что̂ эти: „свое“, продѣлываютъ съ крестьянами! Точно

также было бы и тогда, еслибъ изъ этихъ: „свое“ поступали и во священники. Они непремѣнно стали бы стыдиться своего происхожденія и чванствомъ, и съ наглостью доказывать всякому, что они не то, какъ объ нихъ думаютъ. Такая слабость проявляется часто въ людяхъ даже образованныхъ. У меня, напр., въ Петербургѣ былъ одинъ, нынѣ покойный, бывшій знакомый, съ которымъ мы когда-то вмѣстѣ учились, нѣкто... ну, да Господь съ нимъ! Онъ былъ издателемъ одного журнала, но не скажу какого, хотя и знаю. Онъ слышать не могъ, что онъ изъ духовнаго званія, что отецъ его былъ военнымъ священникомъ. „Поповщина, бывало говаривалъ онъ, бывши уже въ Петербургѣ, — это печать антихристова: куда ни явись, всѣ узнаютъ, что я изъ кутейниковъ“. По нашему: бѣдное и низкое происхожденіе дѣлаетъ больше еще человѣку чести, если онъ съумѣлъ выбиться въ люди почетные.

Познанія въ религіи они имѣютъ самыя—самыя поверхностныя; но не упускайте изъ виду, что въ учительскихъ семинаріяхъ они слушали священниковъ, основательно знающихъ законъ Божій. А такъ какъ составитель разсматриваемой мною статьи предлагаетъ проектъ своей не на одинъ годъ, а на цѣлыя столѣтія, то значитъ, что въ слѣдующемъ же за нами поколѣніи священниками и законоучителями въ учительскихъ семинаріяхъ будутъ обучающіеся закону Божію въ тѣхъ же учительскихъ семинаріяхъ. Стало быть познанія и самыхъ законоучителей должны быть слабѣе еще, чѣмъ теперь познанія народныхъ учителей, такъ какъ образованія, выше учительской семинаріи, не полагается. Мы увѣрены, что не многіе изъ учителей переведутъ на русскій языкъ и объяснятъ и теперь молитву: „Достойно есть“, а тогда едва-ли будутъ въ состояніи безошибочно написать ее наизусть и на славянскомъ-то языкѣ.

Но такъ какъ и въ университетахъ полагается слушать богословскія науки одинъ только годъ, то и отъ законоучителей гимназій и профессоровъ-законоучителей университетовъ и отъ самыхъ іерарховъ нашихъ можно будетъ ожидать очень не многаго. И еслибъ, дѣйствительно, установилось все по мысли нѣкоторыхъ господъ, то „преобразованія“ въ нашей церкви, пожалуй, были бы возможны, потому что, по пословицѣ, для слѣпой курицы все пшеница...

Если авторъ помянутой статьи болѣе цѣлесообразнымъ находитъ, чтобы священниками въ народѣ были люди изъ того же народа, то пусть направитъ этотъ народъ и земства, чтобы они избирали изъ

сельскихъ школъ лучшихъ мальчиковъ и посылали учиться въ духовныя училища и семинаріи и потомъ просили ихъ къ себѣ идти во священники. Это право они имѣютъ,—духовныя учебныя заведенія открыты для всѣхъ сословій. Тутъ явная выгода, въ религіозномъ отношеніи, будетъ та, что кандидаты на священническія должности основательнѣе изучатъ свою спеціальность и не было бы той невозможной ломки, какая предлагается нѣкоторыми прожектерами. Пусть убѣдитъ и гимназистовъ идти во священники. Отказа въ посвященіи не будетъ, если они будутъ найдены достойными. Но только знайте, что священники и изъ гимназистовъ, и изъ училищныхъ семинарій, и изъ крестьянъ, обучавшихся и въ духовныхъ семинаріяхъ, дѣтей своихъ въ мужики не пошлютъ, отдѣлятся отъ нихъ также, какъ отдѣлились мы, и потребуютъ и себѣ, и дѣтямъ такого же содержанія и человѣческихъ правъ, какъ желаемъ мы, а можетъ быть даже еще бо̀льшаго.

Читая журнальныя и газетныя статьи, невольно разводишь руками и думаешь: вотъ тутъ и угоди! Однѣ кричатъ: давай намъ огненное слово, другія—давай намъ мужика!

Но, не въ обиду будь сказано: коль скоро не знаешь дѣла, за которое берешься и, въ добавокъ, пишешь пристрастно, то дѣло не пойдетъ на ладъ. Мы, однакожъ, со всѣмъ не противъ проектовъ: чѣмъ больше ихъ, тѣмъ лучше. Предъ отпускомъ крестьянъ на волю, я помню, чего-то не писалось! Проекты, обыкновенно, подобны неводу въ притчѣ Господней: тащи все, умные рыбаки хорошее возьмутъ, а негодное выкинутъ.

„Бо̀льшая часть семинаристовъ только и учится для того, чтобы имѣть кусокъ хлѣба“.

Что же тутъ неладнаго: спросите любаго ученика училища, гимназіи, студента: что̀ имѣютъ они въ виду, трудясь и тратя свое здоровье? У всѣхъ одна цѣль: „кусокъ хлѣба“. Исключеніе составляютъ только состоятельные дворяне, занимающіе высшія государственныя должности, у коихъ цѣль иная, и купцы, чтобы получить льготу, при всеобщей солдатчинѣ. Что имѣютъ въ виду чиновники, учителя и профессора, влача свою тяжелую лямку до 25—35 лѣтъ? Не тотъ же ли кусокъ хлѣба? На насъ только, какъ на бѣднаго Макара, всѣ шишки летятъ!..

„Преподаваніе въ семинаріяхъ, въ особенности богословскихъ

наукъ, поручаемыхъ обыкновенно лицамъ монашествующимъ, за рѣдкими исключеніями, было самое жалкое".

Не вѣрно. Ректоръ и инспекторъ только были „лица монашествующія", но прочіе преподаватели всегда или изъ бѣлаго духовенства, т. е. приходскіе священники, или свѣтскіе. Но позвольте вамъ вѣдь клобукъ ума не закрываетъ. Обыкновенно говорятъ, что слабые студенты духовныхъ академій идутъ въ монахи изъ-за архіерейства, и что имъ первоначально поручаются учительскія должности. Но, не говоря о множествѣ живыхъ и умершихъ, позвольте спросить васъ: неужто не доказалъ своей учености и громаднаго труда высокопреосвященный митрополитъ московскій Макарій? Онъ былъ и преподавателемъ богословскихъ наукъ въ свое время. Вы скажете, можетъ быть, что это единственный примѣръ? А Соловьевыхъ между гг. учеными много-ли осталось послѣ его смерти? Нѣтъ, и между монашествующими бывали люди достойные полнаго уваженія. Не угодно ли вамъ принять въ этомъ свидѣтельство лица свѣтскаго, котораго судъ, надѣюсь, вы не сочтете пристрастнымъ, А. П. Бѣляева (см. „Рус. Стар." сентябрь 1880 г.). Скажите безпристрастно: прежде и теперь преподаватели въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, конечно, не монашествующіе, всѣ неукоризненно хороши? Есть хорошіе, но есть и такіе, которые „всуе и землю утруждаютъ". Такъ и между монашествующими: есть и хорошіе, есть и весьма плохіе наставники. Чужой же души никто не знаетъ, и по какимъ побужденіямъ люди избираютъ монашество или другой образъ жизни,—это знаютъ они одни, да Богъ. Но, обыкновенно, на монаховъ нападаютъ еще больше, чѣмъ на насъ. Дѣло это уже извѣстное.

Теперь въ ректора и инспектора академій и семинарій монашествующіе не посылаются. Членамъ правленій этихъ учебныхъ заведеній предоставлено право, при участіи депутатовъ отъ приходскаго духовенства, избирать кого имъ угодно, и монашествующіе, дѣйствительно, почти не избираются, ну и ладно......

„Архіерей имѣетъ, замѣчаютъ въ одномъ изъ журналовъ неограниченную власть надъ священникомъ: онъ можетъ, по одному своему усмотрѣнію, ссылать священника на такъ называемое послушаніе въ монастырь на какое угодно мѣсто, можетъ пере-

водить, куда ему вздумается, можетъ совершенно уволить его отъ должности".

Права этого теперь не имѣется. Тяжело и теперь, подъ часъ, бываетъ намъ; но не гнѣвите Бога: хорошо бываетъ и у васъ гг. свѣтскіе! Знакомы мы и съ свѣтской службой. Знаменитый третій пунктъ свод. зак. еще вѣдь не зачеркнутъ?

„Въ наше время порядочный хозяинъ не оставитъ устарѣвшаго у него на службѣ дворника и не обидитъ его за какую нибудь неважную вину смѣщеніемъ его на другое, менѣе выгодное мѣсто, въ особенности, если онъ человѣкъ семейный".

„Порядочный хозяинъ", можетъ быть, этого не сдѣлаетъ, а объ начальствѣ ужъ помолчите. Я служилъ министерству государственныхъ имуществъ двадцать четыре года; служилъ, могу сказать, съ полнымъ усердіемъ; преподавалъ: Законъ Божій, исторію Россіи, русскій языкъ, литературу, ариѳметику и географію (я говорилъ уже объ этомъ въ одной изъ предъидущихъ главъ моихъ Записокъ) и, не предупредивши, не сказавши мнѣ ни разу ни слова, меня уволили, не сказали и спасибо.

„По идеѣ христіанскаго ученія, удовлетвореніе христіанскихъ потребностей и не можетъ принадлежать никому, кромѣ самаго общества (неправда!). Ибо всякое христіанское общество есть уже церковь, независимо отъ того, состоитъ ли оно въ какомъ нибудь отношеніи къ государству или находится одно себѣ на какомъ нибудь пустынномъ островѣ, точно также какъ независимо и отъ того: есть ли въ немъ облеченныя въ духовный санъ лица или нѣтъ"...

Потрудитесь прочитать хоть катихизисъ Филарета о девятомъ членѣ символа вѣры, и вы увидите свое заблужденіе.

„По ученію христіанскому, всякій вѣрующій есть eo ipso и іерей, носящій въ себѣ involute право на всѣ тѣ дѣйствія, которыя совершаетъ и священникъ".

На это я скажу: ни вы сами и никто другой не имѣетъ права совершать таинства церкви и священнодѣйствовать, вообще, безъ рукоположенія епископскаго. Но въ другомъ мѣстѣ авторъ цитируемой статьи самъ же говоритъ: „каждый воспитанникъ, выбранный обществомъ и посвященный въ этотъ санъ"... И нужно посвящать, и не нужно посвящать... Это показываетъ крайнюю слабость познаній ученія церкви.

„Изъ этого ясно, что во всякомъ христіанскомъ обществѣ или

церкви (стало быть, можно говорить какъ угодно: волостное правленіе Маріинскаго общества, или: волостное правленіе Маріинской церкви? Старшина Маріинскаго общества, старшина Маріинской церкви?) священство открытое, облеченное преимущественнымъ или исключительнымъ на это правомъ, не мыслимо иначе какъ подъ условіемъ, что этому лицу передаетъ свои права священства все то общество, которое, зная высокую нравственную жизнь извѣстнаго лица и его особыя дарованія для церковнаго учительства, найдетъ его способнѣйшимъ и достойнѣйшимъ священства передъ всѣми другими членами общества".

Епископъ, священникъ, десятникъ, староста, старшина, гласный земскаго собранія, ходокъ по дѣламъ,—одно и тоже? Разница только въ томъ, что каждому назначается свое дѣло?

„Въ такомъ, именно, смыслѣ понимала всегда христіанскую идею и православная (будетъ вѣрнѣе, если будетъ сказано: реформаты, протестанты, методисты, квакеры и пр., и пр., а наши: молокане, безпоповцы, спасовцы, нѣтовцы, подпольники и пр., и пр.) церковь, предоставляя выборъ лицъ духовныхъ той паствѣ, въ которой они должны быть пастырями. (Вы перемѣшиваете: выборъ лицъ, представляемыхъ епископу для посвященія, съ правомъ для каждаго лица священнодѣйствовать). Это постановленіе церкви, составляющее одно изъ коренныхъ ея правъ на названіе православной (неужто потому наша церковь называется правомыслящею или православною, что прихожане представляли епископу кандидатовъ?) соблюдалось и въ нашей церкви".

Почтенный писатель, котораго я цитирую, берется быть преобразователемъ духовенства и даже церкви, не зная совершенно ни отношеній духовенства къ обществу, ни общества къ духовенству и ни даже самой религіи. И между тѣмъ онъ былъ слушателемъ законоучителя, лица высокообразованнаго. Что̀ за люди выходили бы изъ университетовъ тогда, когда законоучителями ихъ были лица, прослушавшія сами богословскую науку одинъ только годъ, и опять отъ такого, который, въ свою очередь, слушалъ только одинъ годъ?!

„Въ обществѣ чувствуется, въ настоящее время, общая неудовлетворенность современнымъ состояніемъ церкви".

Въ другомъ мѣстѣ, той же статьи авторъ говоритъ: „всякое христіанское общество есть уже церковь". Далѣе опять говоритъ:

„всякое христіанское общество или церковь“... Стало быть: общество и церковь,—есть слова синонимическія. Поэтому приведенныя мною слова хроникера нужно понимать такъ: въ обществѣ чувствуется неудовлетворенность современнымъ состояніемъ общества. И это дѣйствительно справедливо: чувствуется сильная недостаточность религіозно-нравственнаго его состоянія. Очень, при этомъ, утѣшительно, когда слышишь голосъ скорби изъ среды самаго общества! Но хроникеръ, какъ видится изъ дальнѣйшихъ его словъ, подъ словомъ: церковь, разумѣетъ духовенство? Напрасно. Духовенство не церковь. Если понимать это слово такъ, какъ объясняетъ его православная церковь, то неудовлетворенности никакой нѣтъ; и быть ея не можетъ.

„Въ газетахъ не рѣдко встрѣчаются заявленія о необходимости въ ней (церкви) преобразованій“.

Ни въ какихъ преобразованіяхъ церковь не нуждается, и нуждаться не будетъ, держась строго всегда православнаго вѣроученія.

„Однѣ изъ газетъ требуютъ (!) помѣстнаго собора; другія даже вселенскаго“.

Года два назадъ въ нашемъ селеніи выписывалось до 40 журналовъ и газетъ, теперь не много меньше. Выписываю, въ томъ числѣ, и я не много. Поэтому могу сказать, что съ газетами я знакомъ. И скажу: еслибъ кому пришла блажь дѣлать все, что „требуютъ“ газеты, тотъ сошелъ бы съ ума и повѣсился бы на первой осинѣ.

Господамъ, „требующимъ“ соборовъ, мы посовѣтывали бы, прежде, чѣмъ требовать, ознакомиться съ исторіей церкви и всмотрѣться, по какимъ случаямъ и въ какомъ состояніи вѣроученія собирались соборы. Они увидѣли бы, что ничего, подобнаго прежнему состоянію церкви, нѣтъ, и что уже все приведено въ опредѣленность и ясность; слѣдовательно и соборы совершенно не нужны. Если и есть теперь разномысліе въ вѣроисповѣданіяхъ: православномъ, римско-католическомъ, англиканскомъ и протестанскомъ, то эти вѣроисповѣданія положили такіе рубежи между собою, что ихъ не соединятъ никакіе соборы, доказательствомъ чему могутъ служить, между прочимъ, собранія такъ называемыхъ старокатоликовъ, гдѣ въ бесѣдахъ съ ними участвовали и православные, и англиканцы.

. . . .

Въ нашей литературѣ весь „сыръ боръ загорѣлся“ изъ-за денегъ,—ни чуть не больше: духовенство наше, и въ умственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, несравненно въ настоящее время лучше, чѣмъ было оно даже за какихъ нибудь тридцать лѣтъ. Мнѣ, какъ священнику, живущему среди этого духовенства, и благочинному, извѣстно это лучше, чѣмъ жителю столицы и лицу свѣтскому. Заступаться и защищать духовенство, я уже говорилъ, я совсѣмъ не имѣю надобности. Дѣло это такого рода: духовенство всегда терпѣло страшныя униженія и нужду; но пока дѣти его непомѣрнымъ трудомъ и неимовѣрными лишеніями всякого рода могли еще пробивать себѣ дорогу,—оно, забитое, голодное и холодное, молчало; молчала и литература; стало быть и во мнѣніи общества оно не представляло ничего, особенно выдающагося дурнаго, хотя, повторяю, было много хуже, чѣмъ теперь. Но какъ только начали душить нашихъ дѣтей: выгонять изъ учебныхъ заведеній, сокращать число учащихся штатами по классамъ, отнимать высшее образованіе, и этимъ дѣлать ихъ паріями, пролетаріями, бродягами и возмутителями общественнаго спокойствія; тѣхъ, которые выстрадали, вытерпѣли всю неправду, 10—12 лѣтъ не спали ночей, подорвали здоровье и доплелись-таки, кое-какъ, до окончанія курса,—стали давить и гнать въ пономари на нравственную и физическую смерть,—духовенство не выдержало и, благодаря достоуважаемому журналу „Церковно-общественному Вѣстнику“, издаваемому почтеннымъ и уважаемымъ А. И. Поповицкимъ, единственному духовному журналу, сочувственно относящемуся къ намъ, стало иногда заявлять и о себѣ самомъ, о своемъ невыносимо-тяжеломъ состояніи,—и вотъ нѣкоторые изъ писателей подняли крикъ: „попы и тупы, и глупы, и безнравственны, и имѣютъ развращающее вліяніе; выгнать ихъ всѣхъ, набрать мужиковъ и, Боже мой, чего-то не понесли они!.. На нашу бѣду, къ этому, и война кончилась, и пушкинскій праздникъ прошелъ, и съ китайцами неизвѣстно еще будемъ ли драться, — писать стало не о чемъ (??); — ну и валяй о попахъ, благо и тема широка и духовенство не отвѣчаетъ ни на какую брань, боясь, конечно, не литературы, а горшихъ послѣдствій отвнѣ. И не безъ основанія молчитъ оно, — оно хорошо знаетъ, что ожидаетъ тѣхъ изъ отцовъ іереевъ, которые заговорили....

Если есть нѣкоторыя особенности въ нашей организаціи, то

онѣ совсѣмъ не тѣ, на которыя обыкновенно указываетъ литература. Эти особенности: опредѣленіе на мѣста, надзоръ за духовенствомъ и церквами, консисторіи, производство слѣдствій, судъ, наказанія, подводная повинность, денежная повинность, благочинные, ремонтировки церквей и церковныхъ домовъ, постройка духовенствомъ собственныхъ домовъ на чужой землѣ, состояніе училищъ, состояніе нашихъ вдовъ и сиротъ, состояніе самихъ насъ, въ случаѣ нашей болѣзни и выхода за штатъ и пр. и проч.

Обо всемъ этомъ мы и поговоримъ въ слѣдующихъ главахъ нашихъ „Записокъ".

LI.

При открывшемся какомъ нибудь мѣстѣ преосвященному подается нѣсколько прошеній. Если проситель есть лицо заслуженное, хорошо извѣстное ему, и онъ находитъ просителя соотвѣтствующимъ этому мѣсту, то онъ даетъ мѣсто, иногда, почти тотчасъ же; если же нѣтъ особенно выдающихся заслугами, то прошенія откладываются, иногда, на довольно долгіе сроки, особенно, если мѣсто славится своею доходностію,—„приходъ хорошій". Преосвященные выжидаютъ просителей еще. Тогда начинаютъ орудовать домашніе архіерейскіе секретари: иной соколъ ощипетъ всѣхъ до единаго, понемножку, но иногда этотъ пушокъ доходитъ и до сотенъ рублей. Дѣло въ томъ, что преосвященные, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, совѣтуются съ ними, спрашиваютъ ихъ, какъ лицъ, стоящихъ ближе къ духовенству,—а они дѣло свое знаютъ,—знаютъ, кого расхвалить и отрекомендовать на извѣстное мѣсто, и кого очернить. Иногда же преосвященные и не думаютъ совѣтываться съ ними и спрашивать, въ чемъ бы-то ни было, ихъ мнѣнія; но они все-таки выдаютъ себя духовенству за совѣтниковъ, берутся ходатайствовать,—и обираютъ. Продержавши прошенія нѣкоторое время, преосвященные сдаютъ ихъ въ консисторію съ резолюціею: „представить справку". Это значитъ: представить формулярные списки просителей. Здѣсь начинаетъ обдѣлывать просителей канцелярія консисторіи: нынѣ некогда писать, завтра срочныя дѣла свои, послѣ завтра,—не до тебя; а просители живи и проживайся. Потолкутся просители въ передней, по-

трутся около столовъ съ недѣльку, потолкуютъ между собой, сдѣлаютъ складчинку рублишка по два-по три,—и справки готовы. Ни члены, ни секретарь и не подозрѣваютъ, что творится у нихъ за стѣнкой, но тутъ свое дѣло знаютъ. По представленіи преосвященному справокъ, мѣсто дается имъ по его личному усмотрѣнію. Случается иногда, что пропадаютъ и справки, и самыя прошенія. Это значитъ, что ихъ стянулъ тотъ, кому это нужно,—чтобъ это лицо не получило просимаго мѣста. Иной преосвященный проживетъ весь вѣкъ и ему и на умъ не придетъ, что у него выкрадываютъ прошенія, а тутъ себѣ на умѣ... Преосвященный, при множествѣ дѣлъ, ужъ никакъ не можетъ припомнить всѣхъ прошеній; не подозрѣвая плутни, онъ и не припоминаетъ ихъ и даетъ мѣсто извѣстному лицу. Тотъ же, чье прошеніе скрадено, видитъ въ консисторіи, что мѣсто дано не ему, отправляется преспокойно домой, говоря,—что его прошеніе архіерей не сдалъ и больше не думаетъ о немъ. Явится, потомъ, на свѣтъ и это прошеніе, но на немъ будетъ резолюція: „мѣсто занято".

Хорошія мѣста разбираются скоро. Эти мѣста даются людямъ болѣе достойнымъ по своимъ умственнымъ и нравственнымъ качествамъ, если только не вмѣшался въ это дѣло домашній архіерейскій секретарь или не имѣлъ успѣха въ своихъ плутняхъ. На городскія священническія мѣста, иногда, объ извѣстномъ лицѣ просятъ преосвященнаго и прихожане. Но, вообще, мѣста даются болѣе справедливо, чѣмъ у свѣтскихъ, гдѣ такъ называемыя „связи" играютъ такую огромную роль. Ни тетушки, ни бабушки у насъ не имѣютъ никакого значенія.

Плохими приходами называются тѣ, гдѣ мало прихожанъ и тѣ бѣдны, или гдѣ находится много сектантовъ. Въ эти мѣста посылаются или въ наказаніе изъ богатыхъ приходовъ, или люди безнравственные, пьяницы, по нѣскольку лѣтъ шатавшіеся безъ мѣста. Мѣста даются этимъ людямъ, чтобы, просто, дать имъ какой нибудь кусокъ хлѣба, особенно, если они люди семейные, чтобы не надоѣдали своими неотвязными просьбами или, просто, чтобы отвязаться отъ нихъ, или, наконецъ, потому что люди хорошіе нейдутъ туда и нѣтъ лучшаго кандидата. Въ приходахъ эти люди ведутъ себя безобразно, точно также, какъ и до того времени.

Состраданіе къ бѣдствующему семейству, нѣтъ спора, дѣло хорошее; но родной отецъ долженъ заботиться о своихъ дѣтяхъ

прежде всѣхъ и болѣе всѣхъ. Если же онъ самъ не заботится ни о себѣ самомъ, ни о дѣтяхъ своихъ, то къ какой стати заботиться о немъ людямъ постороннимъ? Дѣло тутъ въ томъ, что изъ-за куска хлѣба двоихъ или троихъ, жертвуется религіозно-нравственнымъ состояніемъ многихъ сотенъ, а иногда и двухъ-трехъ тысячъ людей,—цѣлаго прихода. Такой членъ причта есть язва для прихода. Дѣло это мнѣ извѣстно хорошо, и я могу указать на самыя лица и на множество примѣровъ. Какъ вредны для приходовъ члены причтовъ съ дурною нравственностію и нетрезвые, представлю въ доказательство статью изъ „Церковно-общественнаго Вѣстника“, № 85: „Драчливый миссіонеръ“. Такъ вредно вліяютъ они всюду; отъ безобразій ихъ падаетъ вѣра и нравственность въ православныхъ; отъ порочной ихъ жизни слабые въ вѣрѣ отпадаютъ въ расколъ; на нихъ указываютъ, какъ на причину холодности въ вѣрѣ и тѣ, которые и при лучшихъ пастыряхъ не были бы религіознѣе; изъ-за нихъ хулится все духовенство и даже самая религія. Состраданіе не всегда полезно.

Въ селѣ Усовкѣ Саратовскаго уѣзда, не моего округа, мнѣ однажды поручено было произвести слѣдствіе, по дѣлу о нетрезвой жизни двоихъ тамошнихъ священниковъ: Ивана Троицкаго и Михаила Архангельскаго. Троицкій жилъ тамъ, до того, болѣе двадцати пяти лѣтъ, а Архангельскій изъ запрещенныхъ священниковъ былъ посланъ туда незадолго. Село Усовка,—село приволжское, богатое, большое и раскольническое. При спросѣ о поведеніи священниковъ (!), одинъ крестьянинъ говоритъ мнѣ: „былъ у насъ одинъ штатъ, жилъ у насъ одинъ о. Иванъ, и жилъ больно плохо,—такъ плохо, что хуже и быть нельзя. Вотъ и прослышали мы, что у насъ открывается другой штатъ, и думаемъ: не дастъ ли намъ Господь священника получше этого? Этого раскольники наши совсѣмъ споили; обѣдни служитъ рѣдко, а когда и служитъ-то, такъ что за-служба! Изъ церкви опять тотчасъ въ гости; православные-то, и тѣ перестали ходить въ церковь. Человѣкъ онъ вдовый, поддержать некому, — совсѣмъ пропалъ! Открылся другой штатъ, пріѣхалъ другой священникъ, немолодой уже и семейный; на квартиру сталъ у моего шабра. Дождались мы другаго священника, — но этотъ другой — хуже всякаго свинаго пастуха! Такъ онъ пьетъ, что и сказать не можно. Вотъ я, иногда, приду къ нему, по шаброву дѣлу, да и стану

его урезонивать: батюшка, говорю я ему, жить-то тебѣ не такъ бы надо! Такъ жить нельзя и послѣднему мужику, какъ живешь ты. Насъ за васъ укоряютъ раскольники. А онъ такъ пугнетъ меня, что и послѣдній бурлакъ не выругался бы этакъ. И что дѣлаютъ наши архіереи? Зачѣмъ они даютъ священническія мѣста этакимъ людямъ, да еще въ такихъ селахъ, какъ наше? Наше село богатое, народъ весь придерживается раскола, надъ нами всѣ смѣются, что выдти на улицу нельзя. Это оба такіе попы, что мы не дали бы имъ и свиней пасти, а не то, чтобы стадо христово! Михаилу дали мѣсто, чтобъ не умеръ съ семьей съ голоду? Но коль не хочетъ жить, какъ надо; коль не хочетъ дѣлать дѣла, за которое взялся,—ну и умирай съ голоду, никто не виноватъ. Какъ проголодается, такъ дурь-то броситъ. Зачѣмъ изъ-за пьяницы губить стадо Христово? У насъ изъ-за нихъ и остальные-то ушли въ расколъ [1]." Въ такомъ родѣ мнѣ дали показанія и другой, и пятый, и двадцатый... Всѣ показанія я написалъ слово въ слово и, по особому распоряженію преосвященнаго, слѣдственное дѣло отослалъ по почтѣ прямо къ нему. Чрезъ двѣ-три недѣли являюсь къ нему самъ.

— Вы производили слѣдствіе въ селѣ Усовкѣ?

— Я.

— Ужъ какое же вы сдѣлали мнѣ тамъ назиданіе!

— Извините, ваше преосвященство! Я нахожу нужнымъ показанія спнятыхъ людей писать слово въ слово.

— Да, такъ и нужно, конечно.

Преосвященный задумался, минуты три молчалъ, и потомъ съ грустію сказалъ: „да, дѣйствительно мы виноваты, что посылаемъ такихъ на священническія должности! Но чѣмъ виноваты несчастныя дѣти!.. Жена Архангельскаго пришла ко мнѣ съ кучею дѣтей, упала въ ноги и на-взрыдъ плакала, что она съ дѣтьми умираетъ съ голоду. Самъ Архангельскій поклялся мнѣ, что онъ пить не будетъ. Я, конечно, не повѣрилъ ему, но дѣтей пожалѣлъ".

Оба, Троицкій и Архангельскій, были запрещены въ священ-

---

[1]) Я помню это показаніе слово въ слово.

Сельскій Священникъ.

нослуженіи и удалены отъ должностей. Троицкій вскорѣ получилъ мѣсто въ моемъ округѣ, въ с. Увекѣ, чрезъ годъ убѣжалъ къ раскольникамъ и теперь живетъ на Дону у казаковъ.

Въ одно время, лѣтомъ, въ Увекъ пріѣхали четыре казака, на тройкѣ хорошихъ коней, въ хорошемъ экипажѣ, дня четыре съ Троицкимъ пьянствовали и потомъ, ночью, всѣ пропали. Гдѣ теперь Архангельскій,—не знаю. Раскольники укоряли от. Иваномъ православныхъ, и сами же увезли его къ себѣ.

Теперь въ приходы, наполненные раскольниками, какъ малодоходные, посылаются исключительно подобные Михаиламъ Архангельскимъ и Иванамъ Троицкимъ. Эти люди, уже сами по себѣ, есть язва для приходовъ,—для православія. Но раскольники, повидимому, дружатся съ ними, спаиваютъ ихъ окончательно, нарочито поятъ предъ праздничными днями, чтобы они не совершали церковной службы. И, дѣйствительно, въ иныхъ подобныхъ приходахъ служба совершается пять-шесть разъ въ году. Раскольники же, на оборотъ, въ укоръ православнымъ, стараются отправлять свое богослуженіе, какъ можно торжественнѣе, собираются и старый и малый, и, уходя домой, хохочутъ надъ православными.

Живи духовенство не отъ требоисправленій, имѣй оно опредѣленное и уравненное содержаніе,—нѣтъ сомнѣнія, что въ раскольническія села шли бы люди достойные, могущіе приносить пользу православію; при нынѣшнемъ же порядкѣ туда будутъ поступать только Иваны и Михаилы и, при всѣхъ усиліяхъ администраціи и миссіонеровъ, расколъ не слабѣетъ, а усиливается,—такъ будетъ и дальше.

Въ настоящее время жалованье распредѣлено у насъ не равномѣрно, приходы раздѣлены на классы. Тамъ, гдѣ приходы многолюдны, настоятель получаетъ 144 р. въ годъ, его помощникъ 108 р. Въ среднихъ приходахъ настоятель получаетъ 108 р., помощника ему не полагается; въ малолюдныхъ настоятель получаетъ 72 р. Многолюдныя селенія, обыкновенно, болѣе или менѣе, богаче малолюдныхъ. Тамъ, кромѣ обязательныхъ требъ, за которыя отплачивается часто съ избыткомъ, бываетъ множество не обязательныхъ: служатся по домамъ всенощныя, молебны, панихиды, служатся сорокоусты и др. Есть приходы, гдѣ священники получаютъ до 3000 р. Такихъ приходовъ хотя и не много,

но все-таки они есть. Въ такихъ приходахъ и жалованья положено больше, высшій окладъ, 144 р. Въ малолюдныхъ селеніяхъ народъ всегда бѣдный; за обязательныя требы, крестины, похороны и т. под., платитъ 3—5 к., молебновъ, кромѣ пасхальныхъ и праздничныхъ, не служится, всенощныхъ, сорокоустовъ не бываетъ никогда совсѣмъ,—и священникъ получаетъ 100, 70 и даже 50 р.; казеннаго жалованья получается 108—72 р. Кто же пойдетъ въ такой приходъ? Иванъ да Михаилъ, когда выгонятъ ихъ изъ Усовки. Очень нерѣдко, что туда попадаютъ люди и очень хорошіе; но, за то, они несутъ такую нужду, что читатель не пойметъ ея, еслибъ я и сказалъ ему.

У меня, напр., въ сосѣдствѣ есть священникъ, въ с. Слѣпцовкѣ, состояніе котораго до того бѣдственно, что не понимаешь, какъ существуетъ онъ? Село это приписано къ моему, и священникъ пишется моимъ помощникомъ, хотя тамъ имѣется своя церковь, своя земля при ней, свой отдѣльный составляетъ приходъ, словомъ: приписка эта не имѣетъ никакого смысла. Въ приходѣ числится 661 душ. м. п.,—народъ крайне бѣдный. Правда, тамъ есть и помѣщики, и даже очень состоятельные, но отъ нихъ не разживешься и гнилымъ полѣномъ. Кружечнаго доходу священникъ не получаетъ и ста рублей, казеннаго жалованья 108. Хлѣбный сборъ бываетъ самый скудный. При такихъ средствахъ едва только можно пробавляться одному съ женой, но у этого несчастнаго шесть сыновей! Въ прошломъ году онъ помѣстилъ одного, старшаго, въ училище, и не зналъ, какъ онъ будетъ содержать его; но нынѣ отвезъ другаго. Что онъ будетъ дѣлать съ ними,—я и не понимаю. А между тѣмъ въ запасѣ у него еще четыре. Что-же онъ будетъ дѣлать чрезъ четыре-пять лѣтъ?! Шестнадцать прошеній подавалъ онъ о перемѣщеніи его въ приходы, болѣе состоятельные; но всегда „инъ преждс его слазитъ“,—всегда не удается ему, почему-то. Между тѣмъ, это человѣкъ въ высшей степени симпатичный: умный, прекроткій, предобрый, тихій, скромный, вѣжливый, непьющій никакихъ винъ, не то чтобъ водки,—этотъ человѣкъ считался бы совершенно на своемъ мѣстѣ въ любомъ городѣ.

Я сейчасъ сказалъ, что въ многолюдныхъ приходахъ жалованья полагается больше, противу малолюдныхъ. При такомъ распредѣленіи его имѣлось въ виду: за требоисправленія не брать

ничего, и у кого больше требъ,—больше труда, тому больше и вознагражденія. Такое распредѣленіе совершенно справедливо: больше трудился,—больше и получишь; но только оно не можетъ быть приложимо къ намъ. По моему мнѣнію, въ малолюдныхъ приходахъ жалованья, или вообще содержанія, нужно давать много больше, чѣмъ въ многолюдномъ, и именно вотъ почему: чтобы сравнить, по возможности, доходы всѣхъ приходовъ и этимъ сдѣлать ихъ такими, чтобы въ нихъ шли, безъ различія, люди, достойные своего дѣла, и тѣмъ поднять религіозно-нравственное состояніе несчастныхъ, брошенныхъ безъ добраго примѣра, безъ пастырскаго слова, безъ молитвы и таинствъ церкви, на позоръ и жертву расколу,—прихожанъ бѣдныхъ и раскольническихъ приходовъ. Пусть духовенство не беретъ ничего за обязательныя требоисправленія; но въ многолюдныхъ и богатыхъ приходахъ, оно, все-таки, наверстаетъ тотъ недостатокъ жалованья, противу жалованья малолюдныхъ, другими доходами: за всенощныя, сорокоусты и др. Въ обидѣ оно не будетъ никогда. Точнаго, безусловно, уравненія быть никогда не можетъ, приходовъ не уровнять ни чѣмъ; но чтобы между ними не было такой громадной разницы,—это сдѣлать возможно. Мнѣ скажутъ: за что причтъ будетъ имѣть больше жалованья въ малолюдныхъ селеніяхъ, когда у него требъ совсѣмъ мало? Я уже сказалъ: чтобы поднять религіозно-нравственное состояніе народа, чтобъ приходовъ такихъ не обѣгали люди хорошіе, чтобъ они не были достояніемъ только Михаиловъ да Ивановъ и подобнаго народа. Цѣль мою я нахожу честною. Притомъ, кому какое дѣло до того, что получаетъ его сосѣдъ? У меня, напр., въ 1879 году было 217 крестинъ, а въ Слѣпцовкѣ 80. Еслибъ у него было не 80, а 800,—это для меня совершенно все равно. Теперь онъ получаетъ 108 р., и еслибъ сталъ получать не одну, а нѣсколько сотъ,—это опять для меня безразлично: я получаю свое, онъ свое. Нельзя упускать изъ виду народъ, для котораго мы существуемъ. Но въ распредѣленіи жалованья и въ сокращеніи штатовъ имѣлось въ виду одно духовенство, а народъ оставленъ безъ вниманія.

По настоящему положенію о псаломщикахъ, туда могутъ поступать только окончившіе курсъ семинаріи; оканчивающихъ же курсъ очень мало и вообще, но и изъ нихъ въ пономари никто, почти, нейдетъ. Поэтому мы довольствуемся пока остатками поно-

марей старыхъ, народомъ, наполовину, крайне дурнымъ; но скоро переведутся и эти. Поэтому, по моему мнѣнію, нужно дать опять доступъ въ причетники всѣмъ, исключающимся изъ училищъ и семинаріи, какъ это было до, такъ называемой, реформы. Правда, что обстоятельства измѣнились: теперь хорошаго причетника за 25 р. въ годъ не купишь; они найдутъ, какъ и теперь находятъ, мѣста въ купеческихъ магазинахъ, конторахъ, на желѣзныхъ дорогахъ, но все-таки нѣкоторые угодятъ и къ намъ. Недавно я пробовалъ приглашать къ себѣ изъ лицъ другихъ сословій въ псаломщики, назначалъ 200 р. жалованья, и никого не нашелъ. Псаломческое дѣло у насъ,—презабавное дѣло. Жалованье полагается псаломщикамъ: дьячку 36 р., пономарю 24 р. въ годъ. Псаломческихъ мѣстъ по каждой епархіи много; путь туда неокончившимъ курса семинаріи прегражденъ; захотѣли, чтобы пономарями были все народъ ученый, все богословы; а въ семинаріяхъ, между тѣмъ, штаты сократили и ввели такія строгости, что до богословскаго класса доползаютъ не многіе, какихъ нибудь 10—15 человѣкъ, и эти немногіе въ пономари нейдутъ. Мы, приходскіе священники, и пробавляемся пока старыми подонками, да такъ, что хоть плачь,—служить совсѣмъ не съ кѣмъ, одинъ другаго хуже. Не практичнѣе этого дѣла и не выдумать! Хотѣли что-то сдѣлать, задумали, да и не додумались.

LII.

Получивши приходъ, членъ причта пріѣзжаетъ на мѣсто и, буквально, „не имать, гдѣ главы подклонити". Я говорилъ уже, какъ жилъ я, тотчасъ по поступленіи во священника, въ церковной сторожкѣ, потомъ въ мужицкой избѣ, вмѣстѣ съ хозяиномъ ея; говорилъ также, какъ теперь одинъ мой знакомый батюшка живетъ въ полусгнившей крестьянской избенкѣ, и не можетъ стать въ ней во весь свой ростъ. Изъ этихъ очерковъ читатель, надѣюсь, пойметъ, сколько несемъ мы горя, тотчасъ по вступленіи нами въ приходы. Изъ этихъ краткихъ очерковъ можно составить понятіе и объ остальномъ духовенствѣ. Я и мой знакомый священникъ не составляемъ исключенія: участь одинакова всего духовенства сельскаго, и только за самыми ничтожными исключеніями.

Особымъ будетъ счастіемъ члену причта, если въ селѣ его найдутся у мужика двѣ избы и одну изъ нихъ уступятъ ему, не говоря уже о томъ, что въ годъ возьмутъ съ него за квартиру столько, что и сама изба не стоитъ того, и все-таки опять на какой нибудь одинъ годъ. Какъ бы онъ ни бился, какую бы нужду ни терпѣлъ онъ, получай онъ хоть 50 р. въ годъ, будь и онъ самъ, и дѣти босы и голодны,—но построить свой домъ онъ все-таки долженъ. Иначе ему съ семьей придется умирать на улицѣ. Деревня не то, что городъ, — весь вѣкъ на чужой квартирѣ прожить нельзя.

Собрался, наконецъ, съ силами, положимъ, священникъ; можно бы и строиться, но гдѣ? Усадебныя мѣста—или церковныя или прихожанъ, въ собственность пріобрѣсть нельзя ни тѣхъ ни другихъ; нужно строить на чужой землѣ. Если нѣтъ церковной усадьбы, то нужно просить прихожанъ, чтобъ они дозволили строить на своей. Тутъ нужно просить и, разумѣется, поить мужиковъ, а до этого нѣсколько разъ ублаготворить коноводовъ-стариковъ, иначе никогда не состоится никакая сдѣлка. Запоенные и задобренные коноводы сами скажутъ, когда будетъ у нихъ общая мірская попойка; они скажутъ, что на сходъ, прежде чѣмъ мужики не подопьютъ, идти нельзя, иначе потребуется много водки; что на сходъ нужно будетъ идти прямо съ водкой, что тогда полупьяные мужики бываютъ согласны на все. Выпивши ведра два-три, крестьяне позволятъ строиться на ихъ усадьбѣ; но позволеніе это обыкновенно дается безо всякихъ, какихъ бы то ни было актовъ. Если домъ предмѣстника былъ на церковной землѣ, то иногда бываетъ возможно купить и его; если-жъ на крестьянской, то его, почти всегда, отбиваютъ за безцѣнокъ сами крестьяне.

Такъ или иначе священникъ домъ себѣ поставитъ; хорошій или плохой, — это будетъ зависѣть отъ его средствъ. Построитъ домъ, пристроитъ и все необходимое къ нему: амбарчикъ, конюшенку и еще кое-что, и живетъ. Живетъ, но нужда заѣдаетъ его. Открылось порядочное мѣсто, ушелъ бы, но домъ куда? Онъ долженъ пропасть за безцѣнокъ. Надѣяться, что купитъ его намѣстникъ,—опасно: можно нарваться на такого кулака, что ему накланяешься, чтобъ хоть за полцѣны-то взялъ. Кромѣ того, въ большинствѣ, духовенство имѣетъ возможность строиться тогда только, когда дѣти еще малы; но потомъ уже не до построекъ.

Подумаетъ—подумаетъ горемыка, да и останется доживать свой вѣкъ, на горе и себѣ, и дѣтямъ.

Но есть отцы iереи, которымъ перейти въ другой приходъ ровно не значитъ ничего. Перейти въ другой приходъ, построить домъ, продать, опять купить, смѣняться приходами и домами и взять, при этомъ, придачи или самому приплатить,—для нихъ не значитъ ничего. Такой иной господинъ ходитъ—ходитъ и насилу-то ужъ усядется подъ старость.

Въ достаточныхъ приходахъ люди, имѣющiе возможность, строятъ себѣ порядочные дома и живутъ весь свой вѣкъ; но какъ только за болѣзнью или старостью выходятъ за штатъ, то дожить покойно въ своемъ домѣ имъ не дадутъ никогда: ихъ вынудятъ продать за безцѣнокъ свой домъ и, или уйти къ какому нибудь своему родственнику, или построить келью на концѣ селенiя. Со вдовами поступаютъ еще хуже; тутъ бываютъ возмутительныя вещи: тѣхъ прямо, почти, выгоняютъ изъ дому.

Въ селѣ Глядковкѣ, бывшемъ моего округа, когда я былъ уже тамъ благочиннымъ, священникъ В. прiѣхалъ туда на должность предъ пасхой и, съ женой и ребенкомъ, помѣстился у одного изъ крестьянъ села, въ одну избу съ семействомъ крестьянина. Изба топилась по черному (печь безъ дымовой трубы). Едва съ мѣсяцъ пробился тамъ несчастный! Какъ только сошелъ снѣгъ и стало просыхать,—онъ вырылъ въ кручѣ надъ оврагомъ землянку и жилъ тамъ все лѣто, пока строился его флигель. Священникъ М. села Ю. жилъ съ семьей цѣлый годъ въ кабакѣ. Во всемъ селѣ не оказалось ни одной избы, куда бы М. могъ прiютиться; на его счастье (!) кабакъ состоялъ изъ двухъ избъ, раздѣленныхъ сѣнями; цѣловальникъ сжалился надъ безпрiютными и отдалъ имъ одну избу.

Еслибъ наши консисторiи испытали на себѣ хоть часть того, что терпитъ сельское духовенство, то не клали бы тѣхъ непреодолимымъ препятствiй, какiя кладутъ онѣ при покупкѣ домовъ сельскимъ духовенствомъ. Мнѣ извѣстенъ, между прочимъ, такой случай: священникъ съ псаломщикомъ продавали въ церковь свои дома. Изъ оцѣночной суммы (оцѣнка сдѣлана была подъ присягою понятыми людьми) священникъ уступалъ 500 р., псаломщикъ—300. Консисторiя присылаетъ, для осмотра домовъ, сперва одного священника, потомъ другаго, и такихъ надавала вопросовъ, что хо-

зяева невольно обидѣлись и отписали, что домовъ своихъ продавать болѣе они не желаютъ. Самая оцѣнка была сдѣлана много ниже стоимости домовъ, но консисторія нашла нужнымъ влагать препятствія. Забавное дѣло! Какъ будто одна консисторія заботится объ интересахъ церкви, какъ будто тамъ только и христіане, а прочіе священники всѣ и грабители, и святотатцы!... Всѣ мы учились на одни мѣдные гроши,—у всѣхъ насъ были одни и тѣ же наставники, тѣ же инспектора смотрѣли и за нашей нравственностью,—все одинаково. Но какъ только кто нибудь попалъ, случайно, въ члены консисторіи,—бѣда! Откуда явится и умъ, и благонравіе, и попеченіе о чужихъ храмахъ Божіихъ и—всѣ доблести праведника!..

Настоитъ крайняя необходимость и было бы, поэтому, желательно, чтобы сельское духовенство имѣло церковныя квартиры. Квартиры отъ прихожанъ,—одно горе. Я и причтъ мой, въ началѣ поступленія моего въ настоящій мой приходъ, имѣли казенныя квартиры. По измѣнившимся обстоятельствамъ въ приходѣ, прихожане купили дома, гдѣ жили мы себѣ хорошо, и оставили намъ подъ квартиры. Дома стали ветшать и потребовали значительной суммы на поправку. Просимъ прихожанъ,—тѣ отказываются неурожаемъ хлѣба. Просимъ консисторію, та—губернское правленіе, палату государственныхъ имуществъ и т. д. Годъ пройдетъ, а дѣло не подвинется ни на шагъ. Крыши развалились, дождь пробивается въ комнаты, оконныя рамы, двери, полы и пр. все обветшало, жить не стало никакой возможности. Просить уже надоѣло. Прихожане стали просить меня, чтобы я чинилъ свою квартиру на свои средства, что они, современемъ, уплатятъ мнѣ всѣ расходы! Я свою квартиру, въ необходимомъ, исправилъ, а причтъ такъ и остался. Года чрезъ два прихожане принесли мнѣ приговоръ, что домъ, въ которомъ живу я, они дарятъ мнѣ. Я сломалъ его и построилъ новый свой. Года черезъ три они подарили и діакону, и тотъ, также, построилъ свой новый. Причетническіе же дома такъ и остались не исправленными. Лѣтъ чрезъ десять потомъ прихожане отдали оба дома въ церковь.

LIII.

При новомъ, такъ называемомъ, преобразованіи духовенства, вложено начало или источникъ вѣчной непримиримой и нескончаемой вражды между священниками двухштатныхъ приходовъ. вражды, оканчивающейся, часто, пагубно для нихъ самихъ и вредно вліяющей на прихожанъ.

Изъ двухъ священниковъ одинъ сдѣланъ настоятелемъ, другой—его помощникомъ. При такомъ распредѣленіи имѣлось въ виду исключительно продолжительность службы въ санѣ священника, не обращая вниманія, кто таковъ онъ самъ въ себѣ. Вслѣдствіе чего вышло множество случаевъ такого рода: въ приходѣ два священника, старикъ лѣтъ 75, и молодой. Старикъ учился, когда-то, только въ училищѣ, не умѣетъ сказать съ толкомъ пяти словъ и со смысломъ написать одной строки; молодой—же окончилъ курсъ семинаріи въ первомъ разрядѣ, умный и дѣльный господинъ. Молодой, — молодъ, однакожъ, настолько, что при распредѣленіи штатовъ, онъ былъ священникомъ лѣтъ уже 12. Старикъ сдѣланъ настоятелемъ, молодой—его помощникомъ. Молодой говоритъ поученія народу, ведетъ бесѣды съ сектаторами, ведетъ всю церковную письменность, переписку съ лицами посторонними, ведетъ счетоводство, покупки, ремонтировку церкви и пр. Настоятель же не въ состояніи сдѣлать, и не дѣлаетъ ничего ровно. Онъ только, при каждомъ удобномъ случаѣ, выпиваетъ, а этихъ случаевъ у насъ, была бы охота только, можно отыскать каждый день, что старикъ и дѣлаетъ.

Приходы въ двухштатныхъ церквахъ раздѣляются между священниками, насколько возможно, по ровну, по количеству душъ и дворовъ и по ихъ состоятельности. По всѣмъ требоисправленіямъ и тотъ, и другой знаютъ только свои части прихода; требоисправленій, поэтому, бываетъ по ровну. Въ храмовые праздники, въ Рождество, Крещеніе и Пасху, каждый священникъ съ своимъ псаломщикомъ ходитъ по своему приходу. Молодой священникъ ходитъ, зимой, по поясъ въ сугробахъ, на пасху по колѣна въ грязи, не оставитъ безъ посѣщенія ни одного дома,—измотаетъ всѣ свои силы; а старикъ бражничитъ и не пройдетъ своего при-

хода и половины, не получитъ и доходу половины, противу молодаго. Всѣ доходы, потомъ, обоихъ священниковъ кладутся въ общую кружку и, при раздѣлѣ ихъ, настоятель-старикъ получаетъ три части, а его помощникъ двѣ. Если дѣло въ копѣйкахъ, то, конечно, не стòитъ обращать вниманія; а если въ сотняхъ рублей? За какія блага, спрашивается, настоятель получитъ больше своего помощника и за какія провинности помощникъ батрачитъ на него? Настоятель получитъ 600 р., помощникъ его 400 р., псаломщики по 200 р., тогда какъ настоятель съ своимъ псаломщикомъ не пріобрѣтутъ и 100 р. На такіе случаи я могу даже указать. Могу указать, гдѣ помощникъ исправляетъ почти всѣ требы и по приходу настоятеля. Такой раздѣлъ несправедливъ и обиденъ для помощника, даже и въ томъ случаѣ, когда они оба исполняютъ дѣла свои, какъ слѣдуетъ, и тогда, все-таки, настоятель живетъ трудомъ помощника. За что настоятель получаетъ двумя стами руб. больше, когда труды ихъ были одинаковы? Горько бываетъ помощнику, особенно послѣ праздничной ходьбы по дворамъ, гдѣ каждая копѣйка достается намъ слишкомъ дорого; но невыносимо бываетъ тяжело, когда помощникъ трудится до изнеможенія, употребляетъ всѣ усилія, чтобы добыть лишній рубль, а настоятель, въ это время, пьянствуетъ, не обойдетъ и половины своего прихода и, въ добавокъ, половину утаитъ и того, что добыто имъ. Бываютъ и такіе случаи. Тутъ уже неизбѣжны вражда, ссора, укоризны, жалобы благочинному, доносы архіерею,—переписка, слѣдствіе и пр., и пр. Настоятели, въ свою очередь, жалуются, что помощники ихъ не всѣ доходы вносятъ въ общую кружку и что дѣлятъ ихъ съ своими псаломщиками отдѣльно. Кто правъ и кто виноватъ изъ нихъ,—это знаютъ одни они да Богъ; но каждому благочинному приходится разбирать ссоры между священниками при всякомъ пріѣздѣ въ двухштатное село. Разбираешь, а прихожане смѣются, и въ особенности вожаки раскольниковъ, что попы подрались изъ-за блиновъ.

Враждующіе священники, со враждою въ душѣ, совершаютъ богослуженіе; они же, враждующіе между собою, должны говорить слово любви и мира своей паствѣ. И сами они не могутъ и не имѣютъ права говорить другимъ о мирѣ, враждуя сами, и слово ихъ не можетъ вліять на враждующихъ. Мнѣ не разъ при-

водилось слышать укоризны прихожанъ своимъ священникамъ на вражду ихъ между собою.

И такое извращенное отношеніе къ дѣлу служенія существуетъ между нами, благодаря правительственному распоряженію о штатахъ!

Нельзя не удивляться, что во всемъ, что сдѣлано въ послѣднее время въ организаціи духовенства: штатное число учениковъ въ учебныхъ заведеніяхъ, оставленіе церквей при одномъ дьячкѣ, настоятельство и помощничество, сокращеніе приходовъ и пр., вездѣ имѣлось въ виду исключительно матеріальная сторона и не замѣтно ни одного распоряженія, которое способствовало бы религіозно-нравственному развитію народа или самаго духовенства. Все сдѣлано какъ? тамъ убавить, тутъ прибавить: поповъ убавить, приходовъ прибавить; дьячковъ повыгнать, набрать богослововъ, изъ семинарій повыгнать,—такъ и представляется Тришкинъ кафтанъ.

За долговременную безпорочную службу, за особые труды и заслуги по церкви и приходу, дать старшинство и увеличить содержаніе,—было бы дѣломъ справедливымъ; но это только въ такомъ случаѣ, когда увеличеніе содержанія поступало бы со стороны, въ видѣ казеннаго жалованья. Тутъ есть смыслъ. Но чтобы одному жить трудомъ другаго,—этого мы не понимаемъ. По этому я нахожу справедливымъ, чтобы каждый священникъ съ своимъ псаломщикомъ пользовались тѣмъ, что̀ пріобрѣтутъ они.

LIV

Для надзора за порядкомъ по церкви,—ея прочностью, чистотой, благолѣпіемъ, доходами и расходами, письмоводствомъ,—поведеніемъ членовъ причтовъ, сношеній духовенства съ епархіальною властію и пр. существуютъ благочинные. Для этого каждый уѣздъ и городъ раздѣляются на части или округа, церквей по 10—15, каждый такой округъ имѣетъ благочиннаго, который есть ближайшій, непосредственный начальникъ духовенства.

Благочинные, хотя подъ разными названіями, существуютъ съ давняго времени; но приносили ли они и могутъ ли приносить матеріальную или нравственную пользу церкви, духовенству, храмамъ и администраціи?

Во священники поставляется, вообще, лицо, извѣстное и испытанное епископомъ въ чистотѣ вѣры его и нравственности. Въ нашихъ дипломахъ, или ставленныхъ грамотахъ, пишется: ...„благоговѣйнаго сего мужа N. N. всякимъ первѣе опаснымъ истязаніемъ прилежно испытавше, и достовѣрными свидѣтельствы, наипаче духовнаго его отца N. N. о немъ увѣрившеся.... посвятили во іерея“... Стало быть, священникъ есть такое лицо, въ которомъ епископъ совершенно увѣренъ, потому что бо̀льшихъ испытаній дѣлать уже и невозможно; стало быть, ему можно довѣрить, что угодно и отпустить, куда угодно. Такъ съ миссіонерами и поступаютъ. Но на приходскаго священника епископъ не полагается. Онъ не довѣряетъ ни своему собственному испытанію, ни „достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, ни духовному отцу“ и ни ему самому: отпустивши въ приходъ, приставляетъ къ нему дозорщика. Этотъ дозорщикъ, какъ дамокловъ мечъ, виситъ надъ его головою всю его жизнь: онъ слѣдитъ за нимъ всюду и вмѣшивается во всѣ мелочи его жизни,—безусловно во всѣ,—не только служебныя, но и домашнія, и даже семейныя. Онъ имѣетъ право надзора во всякое время дня и ночи. Не довольствуясь полугодичными донесеніями и своими замѣчаніями въ формулярныхъ спискахъ, дозорщикъ обязанъ доносить епископу обо всемъ, что найдетъ, по своему мнѣнію, стѡющимъ того, чтобъ довести до свѣдѣнія епископа; это есть агентъ покойнаго, царство ему небесное, III-го отдѣленія! Такого строгаго, такого постояннаго, въ такихъ мело-

чахъ жизни надзора нѣтъ нигдѣ и ни за кѣмъ. Подобный надзоръ существуетъ только у іезуитовъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Америки надъ каторжниками. Баллы въ поведеніи у каторжниковъ имѣютъ, по крайней мѣрѣ, смыслъ: хорошіе баллы по поведенію сокращаютъ время каторги; а у насъ и этого нѣтъ; іезуиты же, при общемъ другъ за другомъ дозорѣ, извѣстно, какою репутаціею пользуются въ мірѣ. Коль скоро человѣкъ „истязанъ“,— испытанъ, какъ говорится, всесторонне и самимъ епископомъ, и людьми авторитетными; коль скоро ему ввѣрена паства; дознано и удостовѣрено „достовѣрными свидѣтельствы“, что онъ достоинъ быть руководителемъ вѣры и нравственности цѣлаго прихода, цѣлыхъ тысячъ христіанъ; коль скоро ему порученъ храмъ; коль скоро его нашли способнымъ быть лицомъ самостоятельнымъ,— то зачѣмъ еще за нимъ дозорщикъ?! Послѣ такого „истязанія“ всякій дозорщикъ не долженъ имѣть никакого значенія. Это означаетъ только круговое, и къ себѣ и къ другимъ, недовѣріе. Послѣ всѣхъ „истязаній“ все-таки боятся, что священникъ можетъ сдѣлаться безнравственнымъ. При этомъ: какъ бы ни былъ человѣкъ благороденъ, съ какими бы самопожертвованіями ни исполнялъ свои обязанности, какихъ бы наградъ онъ ни удостоился,—довѣрія отъ своего начальства онъ не заслужитъ никогда: дозорщикъ будетъ слѣдить за нимъ весь его вѣкъ,—будетъ слѣдить, пока состоитъ онъ на службѣ, будетъ слѣдить даже и тогда, когда онъ, за дряхлостью или болѣзнью, выйдетъ за штатъ и будетъ скитаться, безпріютный, гдѣ день, гдѣ ночь; лежи онъ десять лѣтъ разбитый параличемъ,—дозорщикъ все-таки будетъ слѣдить за нимъ и доносить о его поведеніи, словомъ: дозорщикъ—это наша тѣнь, до гробовой доски. Такое недовѣріе, такое неуваженіе къ личности не можетъ не быть оскорбительнымъ. Я самъ состою въ должности этого дозорщика,—я самъ благочинный и, какъ честный человѣкъ, говорю, что не то, чтобъ видѣть о себѣ аттестаціи въ поведеніи другаго лица, моего собрата,—а аттестовать другихъ въ ихъ формулярахъ,—дѣло крайне непріятное. При прошломъ оберъ-прокурорѣ св. синода было распоряженіе отъ него даже такого рода, чтобы мы въ формулярахъ духовенства обозначали: „въ какой мѣрѣ аттестуемое лицо употребляетъ хмѣльные напитки“. Какъ понимать это̀: что̀ мы должны считать умѣреннымъ и что неумѣреннымъ; гдѣ эта мѣра? Одинъ,

непьющій и слабосильный, при экстренномъ случаѣ, выпьетъ рюмку одну,—и пьянъ; другой выдуетъ штофъ,—и ни почемъ. Надобно полагать, что благочинный, увидѣвши охмѣлѣвшаго, долженъ аттестовать его употребляющимъ хмѣльные напитки „неумѣренно". Въ формулярахъ гражданскихъ чиновниковъ нѣтъ графы объ ихъ поведеніи, нѣтъ и о винопитіи; эти графы есть только у насъ. Какъ будто одни мы на Руси пьяницы, какъ будто для насъ однихъ существуютъ винокуренные заводы! Распоряженіе бывшаго оберъ-прокурора, какъ распоряженіе оскорбительное для духовенства, я не исполнялъ и не исполняю до сихъ поръ: объ употребленіи хмѣльныхъ напитковъ я не упоминаю ни слова совсѣмъ. Означать умѣренность и неумѣренность... Но какъ смотрѣть на аттестацію благочиннаго тогда, если онъ самъ не знаетъ мѣры?!.. И изъ нашего брата, благочинныхъ, есть народъ всякій.

Наблюденіе за нравственностію наставника и блюстителя нравственности цѣлыхъ тысячъ людей уменьшаетъ значеніе его пастырскаго достоинства въ глазахъ его паствы. Какъ, напр., я довѣрю человѣку на слово, хоть сто рублей, когда хорошо знаю, что за нимъ наблюдаютъ каждую минуту, чтобъ онъ не проворовался, которому самому нѣтъ довѣрія отъ высшей его власти? Если за священникомъ начальство смотритъ каждый его шагъ, то, естественно, что полнаго довѣрія и уваженія къ нему и быть не можетъ.

Правда, что священники не ангелы, и не рѣдко, волею и неволею, они уклонются отъ пути, по которому они должны идти; но вѣдь и дозорщики-то не архангелы, они тѣ же люди. И дѣйствительно: иной изъ насъ такой взяточникъ, такой кутила, такой непорядочный, что любой пономарь его честнѣе. Намъ хорошо извѣстно, какъ иные о. о. благочинные кутятъ вмѣстѣ съ своими подчиненными.

Но если тяжело переносить честному труженику-священнику недовѣріе къ себѣ начальства и надзоръ благочиннаго, человѣка благороднаго, то каково это, когда дозорщикъ его человѣкъ непорядочный?! Каково принять его въ свой домъ; поить его, когда не пьешь самъ; ухаживать за нимъ, а иногда и укладывать; давать ему жалованье и прибавлять не большую толику, въ видѣ особеннаго къ нему расположенія; являться къ нему въ домъ, по

первому его требованію; исполнять всѣ его распоряженія; знать, что онъ будетъ аттестовать тебя предъ начальствомъ въ твоемъ поведеніи и даже семейной жизни; что онъ можетъ наклеветать на тебя, что̀ и сколько ему угодно во всякое время и сгубить тебя?!.. Такимъ образомъ, надзоръ за поведеніемъ дѣлаетъ насъ безличными, уменьшаетъ наше достоинство въ нашихъ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ прихожанъ, а, подъ часъ, и начальства.

Впрочемъ, нельзя сказать, чтобы благочинные были безусловно для духовенства въ тягость. Въ нихъ есть и хорошія стороны; онѣ приносятъ много, иногда даже очень много, и пользы духовенству: они помогаютъ при составленіи отчетности консисторіи; помогаютъ отписываться, когда консисторія закидываетъ вопросами; разбираютъ споры между духовенствомъ, рѣшаютъ ихъ недоумѣнія, удерживаютъ склонныхъ къ ссорамъ отъ кляузъ, и, вообще, и правыхъ и виноватыхъ стараются не допускать до консисторскихъ суда и... раззоренія. Еслибы не было благочинныхъ, то епархіальная власть не знала бы о поведеніи членовъ причтовъ? Но изъ благочинническихъ аттестацій она и теперь правды знаетъ не много. Въ прежнее время, когда благочинные назначались епархіальною властію, они были тяжелымъ бременемъ для духовенства: были заносчивы, горды, взяточниками, придирались къ каждому слову и дѣлу, мстили за каждое мнимое къ себѣ неуваженіе, словомъ: они были отпечатками старыхъ консисторій своихъ, и многіе, поэтому, изъ духовенства испытали на себѣ тяжелую руку епархіальной власти. Въ настоящее же время, когда благочинные стали избираться самимъ духовенствомъ, когда и сама администрація стала либеральнѣе,—они потворствуютъ духовенству: заискиваютъ у него, чтобъ быть избираемыми и не доводятъ до свѣдѣнія епархіальной власти и о такихъ порокахъ, которые не терпимы. Такимъ образомъ, при двухъ крайностяхъ, епархіальная власть не имѣла точныхъ свѣдѣній о духовенствѣ прежде, не имѣетъ ихъ и теперь.

Оставить духовенство совсѣмъ безъ надзора нельзя, благочинныхъ духовенство боится, а это удерживаетъ его отъ пьянства и другихъ безобразій?

Насъ боятся; многіе удерживаются отъ открытаго пьянства, именно только потому, чтобы не узналъ благочинный. Это совершенная правда. Но такъ говорили и помѣщики при крѣпостномъ

ихъ правѣ! Говорили и помѣщики, когда-то, что мужику необходимы и няньки и палки, но когда не стало этихъ неразлучныхъ пестуновъ, няньки и палки, то если онъ не сдѣлался лучше, то не сдѣлался хуже. Страхъ есть всегда плохой исправитель пороковъ. Многолѣтніе, вѣковые опыты доказали уже, что нашъ бдительный надзоръ, наши аттестаціи въ формулярахъ не принесли нравственности ни малѣйшей пользы: пьяница также пьетъ, какъ ты его ни аттестуй. Призовешь иного слабаго, волею, попросишь его бросить пьянство, побранишь, пригрозишь; онъ расплачется, будетъ просить прощенія, перекрестится и дастъ клятву, что онъ пить не будетъ во весь вѣкъ. Но потомъ узнаешь, что онъ воздерживался всего или какой нибудь мѣсяцъ, а то такъ отъ меня же прямо заѣхалъ по дорогѣ въ первый кабакъ и напился до пьяна. А между тѣмъ, безъ надзора благочиннаго, безъ формулярныхъ отмѣтокъ въ поведеніи, человѣкъ, ночувствовавши свободу, почувствовавши, что онъ взрослый, совершенный человѣкъ, что надъ нимъ нѣтъ дозорщика, нѣтъ няньки и можетъ сказать себѣ: homo sum,—по сознанію собственнаго своего человѣческаго достоинства, можетъ быть, сталъ бы вести себя строже. Порочная же жизнь всплыветъ сама собою, и безъ благочинныхъ. Сколькихъ расходовъ, какой возни избавилось бы духовенство отъ закрытія этой должности и какъ возвысилось бы оно въ своемъ собственномъ мнѣніи, какъ нравственно возвысилась бы и администрація духовнаго вѣдомства, уничтоживши и у себя III отдѣленіе! Благочинные дѣлаютъ различныя дознанія, производятъ слѣдствія? Но это можетъ дѣлать, и съ бо̀льшимъ удобствомъ, ближайшій къ мѣсту слѣдствія священникъ. Такъ, бо̀льшею частію, теперь и дѣлается.

Благочинные повѣряютъ церковные документы и своимъ подписомъ утверждаютъ вѣрность ихъ? Но, по представленіи ихъ въ консисторію, они снова повѣряются тамъ, значитъ, что повѣркѣ благочинныхъ консисторія не даетъ никакого значенія, а слѣдовательно нѣтъ надобности и провѣрять ихъ имъ.

Черезъ благочинныхъ дѣлаются тѣ или другія распоряженія? Но циркулярныя распоряженія и теперь печатаются въ мѣстныхъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, а частныя могли бы дѣлаться непосредственно причту, что тѣмъ болѣе это теперь возможно, при существованіи всюду земской почты. Прямое и непосред-

ственное сношеніе съ духовенствомъ сокращало бы и переписку, сокращало бы и время въ перепискахъ. Теперь дѣло это ведется такъ: причтъ, напр., желалъ бы, чтобы церковныя квартиры его отапливались на церковныя средства; для этого проситъ благочиннаго ходатайствовать передъ консисторіею разрѣшенія на извѣстную сумму. Благочинный доноситъ консисторіи, консисторія предписываетъ благочинному: предписать причту спросить прихожанъ: не согласятся ли давать отопленіе изъ своихъ дачъ. Благочинный сообщаетъ о распоряженіи консисторіи причту. Причтъ доноситъ благочинному, что прихожане въ отопленіи квартиръ его отказываютъ; благочинный доноситъ объ этомъ консисторіи. Консисторія предписываетъ благочинному: предписать причту усугубить убѣжденія прихожанамъ въ отопленіи церковныхъ домовъ. Причтъ усугубляетъ убѣжденія и потомъ доноситъ благочинному, что убѣжденія не подѣйствовали; благочинный доноситъ консисторіи. Консисторія пишетъ въ полицейское управленіе, то—становому приставу, приставъ, при случаѣ, собираетъ человѣкъ десятокъ крестьянъ и спрашиваетъ ихъ, потомъ беретъ отъ нихъ отзывъ и отсылаетъ въ полицейское управленіе, то отсылаетъ въ консисторію. Консисторія требуетъ отъ благочиннаго свѣдѣній: сколько церковь имѣла доходу и расходу въ теченіи пяти лѣтъ и не имѣетъ ли церковь особенныхъ нуждъ? Благочинный требуетъ отъ церкви приходо-расходныя книги, дѣлаетъ справку и доноситъ консисторіи. Тогда-то ужъ только консисторія разрѣшаетъ или отказываетъ! Еслибы духовенство не отапливалось во время переписки своими средствами и стало бы дожидаться разрѣшеній консисторій, то не только померзло бы оно само, но и поморозило бы всѣхъ клоповъ, если они есть въ его квартирахъ. Что тутъ благочинный? Не болѣе, какъ передаточная станція, а между тѣмъ въ этихъ станціяхъ время идетъ. Не ближе ли къ дѣлу вести переписку съ самимъ причтомъ непосредственно? Стало быть: благочинные и здѣсь не нужны.

Благочинные, по истеченіи года, составляютъ денежные, метрическіе и исповѣдные отчеты по своимъ округамъ, составляя ихъ по церковнымъ документамъ? Но эти документы они, вмѣстѣ съ своими вѣдомостями, представляютъ консисторіямъ. По благочинническимъ вѣдомостямъ и подлинникамъ консисторіи состав-

ляютъ общія вѣдомости. Не ближе ли было бы къ дѣлу, еслибы консисторіи составляли свои вѣдомости по подлинникамъ? Духовенство избавилось бы этимъ способомъ отъ лишнихъ расходовъ и поѣздокъ къ благочинному, пересылая все по почтѣ изъ уѣзднаго города. Въ случаяхъ какихъ либо недоумѣній, гдѣ теперь благочинные, дѣйствительно, помогаютъ, они могли бы совѣтоваться съ сосѣдями-священниками, изъ которыхъ многіе знаютъ дѣло не хуже любаго благочиннаго.

Если благочинные нужны для разбора мелочныхъ дѣлъ и умиротворенія членовъ причтовъ, то, кажется, можно бы имѣть одно лицо на уѣздъ, съ правами мировыхъ судей, но не больше.

Благочинные, обязательно два раза въ годъ, ревизуютъ церкви и доносятъ консисторіи о томъ, что найдено ими? Никто и никогда не ревизовалъ. Объѣздъ ихъ не болѣе, какъ сборъ денегъ, слѣдующихъ ко взносу по разнымъ частямъ и, главное, своего жалованья и другихъ подачекъ, подносимыхъ ему, въ видѣ особаго къ нему расположенія. Но деньги могли бы отсылаться по почтѣ, гдѣ же нѣтъ ея, то нарочито посланный въ городъ становился много дешевле бы того, что стоитъ пріѣздъ благочиннаго, или пріѣздъ къ нему.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

От ъ редакціи.—6-го января 1881 г. мы получили отъ одного изъ читателей «Русской Старины» князя Италійскаго графа А. А. Суворова Рымникскаго слѣдующее письмо:

«Милостивый государь, Михаилъ Ивановичъ. Узнавъ изъ прекрасныхъ «Записокъ Сельскаго Священника», помѣщаемыхъ на страницахъ издаваемаго вами журнала «Русская Старина» (январь 1881 г.) о бѣдствующемъ вдовомъ священникѣ одного прихода, незнающемъ «гдѣ преклонить голову» и готовящемъ пищу себѣ самому и четыремъ своимъ дѣтямъ, я, — находясь до сихъ поръ подъ вліяніемъ вынесеннаго изъ чтенія тягостнаго впечатлѣнія,—рѣшаюсь обратиться къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою не отказать въ передачѣ, чрезъ

автора Записокъ,—адресъ котораго, вѣроятно, вамъ извѣстенъ,—прилагаемые сто руб. сер. для врученія несчастному пастырю.

Примите в. п. увѣреніе въ истинномъ моемъ почтеніи и преданности.

Суворовъ.

6-го января 1881 г.
С.-Петербургъ.

Примѣчаніе. На другой день, 7-го января, мы отослали щедрый даръ достоуважаемаго князя Александра Аркадіевича—автору „Записокъ Сельскаго Священника"—протоіерею и благочинному въ приходѣ близъ губернскаго города въ одной изъ приволжскихъ губерній,—для передачи, по принадлежности, бѣдному пастырю, о коемъ Сельскій Священникъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ, или, если бѣднякъ тотъ умеръ, то оставшимся послѣ него сиротамъ.

Затѣмъ просимъ извиненія у князя Александра Аркадіевича въ томъ, что позволили себѣ, вопреки его скромности, опубликовать о настоящемъ его дарѣ, вновь свидѣтельствующемъ объ отзывчивости его сердца на все доброе.

Ред.

СТУДЕНЧЕСКІЯ КОРПОРАЦІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ

въ 1830—1840 гг.

(Изъ воспоминаній бывшаго студента).

I.

Въ Россіи военный мундиръ не только не считался препятствіемъ для занятія гражданской должности, но, напротивъ, нерѣдко эполеты служили вѣрнѣйшимъ средствомъ «сдѣлать» блистательную карьеру. Въ описываемое мною время никого не удивляло, что гусарскій полковникъ занималъ должность оберъ-прокурора въ св. синодѣ, бывшій полицеймейстеръ—директора высшаго учебно-воспитательнаго заведенія, какой нибудь отставной капитанъ-лейтенантъ—директора училищъ и т. д. Даже двое изъ университетскихъ преподавателей—профессоръ минералогіи и геогнозіи и доцентъ астрономіи—носили эполеты. Послѣ того понятно, почему заботливые родители, желавшіе видѣть своихъ чадъ на высшихъ государственныхъ постахъ, спѣшили ихъ заблаговременно облечь въ военную куртку, какъ первую необходимую ступень къ эполетамъ и будущимъ почестямъ. Впрочемъ, молодыхъ людей, не справляясь съ ихъ способностями и наклонностями, часто опредѣляли въ военно-учебныя заведенія также и по такимъ соображеніямъ: кадетскіе корпуса представляли для экономныхъ родителей то удобство, что дѣти ихъ могли туда поступать почти вовсе не подготовленными, воспитываться на казенный счетъ, а главное—избавляли отъ дальнѣйшихъ попеченій и заботъ о нихъ. Всѣ эти льготы достигались не вполнѣ, весьма немногими и съ большимъ затрудненіемъ въ существовавшихъ тогда гражданскихъ интернатахъ. Учрежденіе училища Правовѣдѣнія, въ концѣ 1835 г., произвело какъ бы внезапный переворотъ въ головахъ нашихъ роди-

телей. Мысли о превосходствѣ военной карьеры значительно поколебались отъ блестящей перспективы видѣть своего сынка, еще недостигшаго совершеннолѣтія, уже въ чинѣ 9-го класса.

На скамьяхъ петербургскаго университета еще съ 1833 г. стали понемногу появляться студенты съ громкими аристократическими именами, но очень замѣтный ихъ приливъ начался собственно съ 1835 и 1836 гг. Поступивъ въ университетъ въ этомъ послѣднемъ году, я засталъ тамъ на разныхъ курсахъ, между прочими знатными товарищами: князей А. Щербатова, А. И. Васильчикова, С. Долгорукова, А. и Б. Голицыныхъ, С. Кочубея, Барятинскаго, графовъ П. Шувалова, К. Толя, А. и В. Блудовыхъ, И. Рибопьера, двухъ Лонгиновыхъ и др. Замѣчательно, что нѣкоторые изъ названныхъ лицъ, не смотря на свое полное университетское образованіе, какъ бы усумнились въ пользѣ и выгодности гражданскаго служебнаго поприща: немедленно по снятіи съ себя скромнаго студенческаго мундира облеклись въ болѣе блестящіе кавалергардскіе и гусарскіе доспѣхи и перешли отъ теоретическихъ занятій corpus juris и пандектами къ практическимъ—въ казармахъ, манежахъ и вахтпарадахъ. Не могу скрыть, что насъ, простыхъ смертныхъ, крайне изумляло эта непослѣдовательность въ убѣжденіяхъ нашихъ товарищей и ихъ рѣзкій переходъ изъ области научной въ область шагистики и зуботычинъ—главнѣйшихъ атрибутовъ военной службы того времени. Особенно удивляла насъ рѣшимость превратиться въ «пушечное мясо» такой выдающейся свѣтлой головы, какъ А. Л., убитаго на Кавказѣ. Изъ моихъ современниковъ, сколько мнѣ извѣстно, только одному изъ тѣхъ, кто промѣнялъ тогу на военный мундиръ, удалось добиться высшихъ военныхъ степеней,—это кн. Д. К—у.

Нѣкоторые изъ студентовъ упомянутой категоріи, выросшіе подъ надзоромъ гувернеровъ, не могли съ ними разстаться и въ стѣнахъ университета. Появленіе этихъ менторовъ въ аудиторіяхъ, не только на первомъ, но и на второмъ курсѣ, не могло не шокировать нашего самолюбія, ибо приравнивало студента къ любому ученику. Впрочемъ, такъ какъ бо́льшая часть этихъ пѣстуновъ были французы, то они, кажется, вовсе не думали стѣснять свободы своихъ питомцевъ и en bon camarade сопровождали ихъ не только въ университетъ, но и къ Елисѣеву (въ биржевыя лавки) и въ другія менѣе дозволенныя мѣста удовольствій.

1836 годъ былъ послѣдній годъ помѣщенія университета въ очень невзрачномъ зданіи, въ Кабинетской улицѣ, противъ Семеновскихъ казармъ, гдѣ нынѣ синодальное подворье. Помѣщеніе было очень тѣсное, такъ что нѣкоторыя лекціи читались въ актовомъ

залѣ, а другія, неимѣвшія ничего общаго съ зоологіей, въ зоологическомъ кабинетѣ. Даже случалось, что профессоръ съ своими слушателями бродили и отъискивали свободную аудиторію. Съ этого же года довольно пустынная Кабинетская улица внезапно оживилась и у подъѣзда жалкаго университетскаго зданія стали появляться щегольскіе экипажи, изъ которыхъ выпрыгивали молодцами юноши въ трехуголкахъ и дорогихъ бобрахъ. Любопытно, что шпаги были даны студентамъ не одновременно съ трехугольными шляпами, но нѣсколько недѣль спустя, осенью въ томъ же 1836 г. Должно сознаться, что приливъ къ университету лицъ изъ высшихъ сословій сталъ замѣтно отзываться къ лучшему на студенческихъ нравахъ и обычаяхъ. Понятія солидарности, товарищества стали все болѣе прививаться, а изъ устъ нашего любимаго попечителя кн. Дондукова-Корсакова (любимаго преимущественно за его рѣдкое вмѣшательство въ университетскія и студенческія дѣла), нерѣдко приходилось намъ слышать даже такія слова какъ ésprit de corps и т. п.

Немогу положительно утверждать, возникла ли мысль объ устройствѣ корпораціи въ этомъ же 1836 г., но что корпорація уже существовала въ 1837 г., о томъ свидѣтельствовали тогда, между прочими. слѣдующіе несомнѣнные признаки. Въ шинельной, которая служила намъ въ то же время курильней и мѣстомъ для завтрака, стали появляться сплоченныя группы студентовъ и оттуда нерѣдко слышался знакомый мнѣ напѣвъ той или другой бурсацкой пѣсни переведенной съ нѣмецкаго бывшимъ дерптскимъ студентомъ Н. М. Языковымъ [1]), или вылетало какое-либо слово, заимствованное изъ бурсацкаго жаргона. Моя догадка вполнѣ подтвердилась, когда одно событіе—пощечина, данная студенту Н. студентомъ К.—раздѣлило всѣхъ студентовъ на два враждебныхъ лагеря—корпорантовъ и некорпорантовъ. Въ этомъ некрасивомъ дѣлѣ корпорація обнаружила свое инкогнито, выступивъ съ рѣшительнымъ требованіемъ самосуда надъ студентомъ К., не желавшимъ подчиниться ея приговору. Мнѣ не извѣстно, какого рода удовлетвореніе долженъ былъ дать нанесшій оскорбленіе—вызова на дуэль со стороны безобидчиваго Н. предполагать было нельзя—но К., на сообщенный ему приговоръ товарищей, отвѣчалъ такой цинической выходкой, что корпораціи ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ потребовать его исключенія изъ универ-

---

[1]) Если не ошибаюсь, поэтъ Н. М. Языковъ, вмѣстѣ съ А. Н. Карамзинымъ, убитымъ въ восточную войну при Каракулѣ 1854 г., были основателями корпораціи „Рутенія“, въ Дерптѣ. Авторъ.

ситета. Но большинство студентовъ, ничего незнавшее о существованіи какой либо корпораціи, не пожелало признать дѣйствительнымъ приговоръ неизвѣстнаго ему трибунала, и, истолковавъ все это дѣло совершенно въ другую сторону—какъ присвоеніе аристократической партіей исключительнаго права судить и рѣшать студенческія дѣла—оказало сильную оппозицію. Произошло между студентами значительное волненіе, по всей вѣроятности, первое, съ основанія университета, начались сходки въ аудиторіяхъ, явились ораторы pro и contro, но въ концѣ концовъ побѣда осталась за корпораціей и К., по волѣ попечителя, долженъ былъ оставить университетъ. Неожиданно явившійся между студентами антогонизмъ имѣлъ также свою хорошую сторону. Нѣсколько некорпорантовъ, желая парализовать вліяніе сплотившейся, такъ называемой аристократической партіи, какимъ либо учрежденіемъ, въ которомъ приняли бы участіе всѣ студенты, задумали учредить кассу для вспомоществованія нуждающимся товарищамъ. Для образованія фонда положено было вносить ежемѣсячно по одному рублю, но такъ какъ болѣе достаточные изъ студентовъ, корпоранты, почти вовсе не сочувствовали этому дѣлу и постоянно уклонялись отъ опредѣленныхъ взносовъ, то эта касса, просуществовавъ года два, скончалась отъ истощенія.

Еще рельефнѣе обнаружились признаки студенческой организаціи при оваціи, сопровождавшей погребеніе студента кн. Л. Р., покончившаго свою жизнь самоубійствомъ [1]. Преждевременная утрата этой энергической и уважаемой, какъ корпорантами такъ и некорпорантами, личности произвела глубокое впечатлѣніе и огромная процессія студентовъ, въ полной формѣ сопровождавшихъ гробъ до самаго кладбища (близъ фарфороваго завода) и имѣвшая видъ нѣкоторой демонстраціи, не только свидѣтельствовала о всеобщемъ сочувствіи любимому товарищу, но и о той связи, которая существовала между покойнымъ и корпораціей.

Но еще болѣе явно заявила себя корпоративная организація извѣстнаго кружка студентовъ въ демонстраціи противъ профессора Шакѣева. Всеобщая исторія читалась въ двухъ высшихъ курсахъ профессоромъ И. В. Шульгинымъ, а въ двухъ низшихъ—М. С. Куторгою, въ то время еще очень либеральнымъ и потому обожаемымъ студентами всѣхъ курсовъ. Вдругъ пронесся слухъ, что къ филоло-

---

[1]) Причиной этой прискорбной катастрофы, какъ говорили, были невыносимый деспотизмъ отца и данная имъ сыну пощечина. Самолюбіе бурша не могло снести оскорбленія.... и молодой князь найденъ былъ застрѣлившимся въ кабинетѣ. **Авторъ.**

гамъ назначается новый профессоръ исторіи, изъ преподавателей юнкерскаго училища, protégé нелюбимаго Шульгина. И вотъ на вступительную лекцію ни въ чемъ неповиннаго г. Шакѣева нахлынула въ самую обширную аудиторію (XI) огромная гурьба студентовъ всѣхъ факультетовъ и курсовъ съ единственною, кажется, цѣлью ошикать новаго профессора. Я забылъ сказать, что членами корпораціи были почти исключительно юристы, а такъ какъ г. Шакѣевъ назначался къ филологамъ, то, казалось, имъ бы и не слѣдовало мѣшаться въ чужое дѣло; но посредствомъ этой демонстраціи желали также заявить свое сочувствіе профессору Куторгѣ и потому первый сигналъ къ ошиканію послѣдовалъ изъ лагеря корпорантовъ. Скандалъ вышелъ полнѣйшій и присутствовавшее начальство—попечитель, ректоръ (Шульгинъ) и инспекторъ, совершенно растерявшись отъ неожиданной смѣлости студентовъ, повторивъ безуспѣшно нѣсколько разъ слова: господа! господа!—поспѣшили убраться изъ аудиторіи, наполненной шумомъ и гамомъ. На слѣдующей затѣмъ лекціи профессора Куторги, онъ былъ встрѣченъ восторженными рукоплесканіями и по окончаніи оной вынесенъ студентами на рукахъ съ лѣстницы. Если не ошибаюсь, эти аплодисменты были первые, которые раздались въ аудиторіяхъ университета и съ этихъ поръ они стали употребляться кстати и некстати. Замѣчательно, что никому изъ гг. профессоровъ не приходило на умъ, серьозимъ словомъ и дружескимъ совѣтомъ вразумить своихъ слушателей о неумѣстности въ учебномъ заведеніи подобныхъ театральныхъ манифестацій. Правда, одного изъ нихъ, профессора Н. Г. Устрялова, эти аплодисменты всегда какъ-то коробили и на его апатичномъ лицѣ появлялась недовольная гримаса, но и онъ предпочиталъ отдѣлываться отъ нихъ молчаніемъ [1]). Что же касается ошиканнаго г. Шакѣева, должно замѣтить, что не смотря на случившееся съ нимъ, онъ ни мало не смущаясь, продолжалъ свои лекціи, хотя ихъ и посѣщали только одни казенные студенты, отъ 10 до 15 филологовъ, которые находились подъ ферулой инспектора. Въ слѣдующемъ семестрѣ г. Шакѣевъ куда-то стушевался и вскорѣ за тѣмъ заступилъ его мѣсто М. И. Касторъ-

[1]) Въ своей автобіографіи (Древ. и Нов. Россія 1880 г. № 8) говоритъ Устряловъ: „я читалъ увлекательно для слушателей“. Онъ выразился не совсѣмъ точно: способъ его чтенія былъ крайне монотонный, неодушевляющій, рѣчь хотя и гладкая, какъ по книгѣ, но утомительная постоянными вставками частицы: „ну—съ“. Аплодировали Устрялову исключительно на курсѣ новой исторіи Россіи—предметѣ увлекательномъ своей новизной.

Авторъ.

скій, читавшій также славянскую филологію. Хотя лекціи этого профессора были крайне сухи и скучны, самъ же онъ, по своей некрасивой и неуклюжей фигурѣ, сильно напоминалъ семинариста, но его уважали за его ученость, а главное за то, что онъ учился за границей. Надо знать, что въ это время блистали на своихъ кафедрахъ только-что возвратившіеся изъ за-границы профессора Калмыковъ, М. Куторга, Ивановскій, Баршевъ, Кранихфельдъ, Порошинъ, и что мы всѣхъ тѣхъ, кто не имѣлъ случая черпнуть учености въ иностранныхъ университетахъ, считали, à tort ou à raison, людьми отсталыми и дурными профессорами. Можетъ быть, мы были не совсѣмъ правы относительно нѣкоторыхъ старыхъ профессоровъ, но что съ появленіемъ выше наименованныхъ молодыхъ, началась для петербургскаго университета новая эра, въ томъ, кажется, не можетъ быть никакого сомнѣнія.

Но обратимся къ нашей корпораціи.

II.

Помнится, въ концѣ 1837 г. стали между ея членами происходить несогласія изъ за нѣкоторыхъ правилъ корпораціоннаго устава и нѣсколько вліятельныхъ корпорантовъ, въ томъ числѣ Я. и Ѳ. Соловьевы, братья Шишковы, баронъ Бахъ, Лихтенштейнъ, вышли изъ ея состава и около этого же времени и въ тотъ самый моментъ, когда корпораціи грозило совершенное разстройство, появилась на горизонтѣ нашего буршеншавства новая яркая звѣзда П. Прейсъ [1]), студентъ дерптскаго университета, исключенный оттуда за какую-то уличную демонстрацію. Корпоранты изъ нѣмцевъ тотчасъ же сгруппировались около него, какъ человѣка опытнаго въ дѣлахъ бурсацкихъ, и ими же былъ выписанъ изъ Дерпта дѣйствующій тамъ студенческій команъ (уставъ), и вслѣдъ затѣмъ изъ прежней одной корпораціи составились двѣ: русская—Ruthenia и нѣмецкая—Baltica. Не припомню, чѣмъ отличались между собою команы той и другой, но знаю, что на комершахъ обѣихъ корпорацій, на которыхъ мнѣ случалось учавствовать, продѣлывались одни и тѣ же, заимствованные отъ нѣмецкихъ университетовъ, обряды, какъ-то: Landesvater, Fürst von Thoren и т. п. Корпораціонные «цвѣта», присвоенные знамени корпораціи и фуражкамъ членовъ ея, были едва-ли не единственными отличительными признаками этихъ друхъ корпорацій. «Цвѣта» Рутеніи были: оран-

[1]) Его не слѣдуетъ смѣшивать съ извѣстнымъ славянистомъ П. И. Прейсомъ. Авторъ.

жевый, бѣлый и черный, а Бальтики—голубой, бѣлый и золотой. Фасонъ фуражекъ у первой былъ военный, съ высокой тульей, у послѣдней—съ низкой, на манеръ дерптскихъ.—Въ мое время обѣ корпораціи жили между собою въ ладу, и я не припомню ни одного «скандала» (дуэли) между членами той и другой, но «скандалы» между студентами одной и той же корпораціи случались. Они происходили исключительно на эспадронахъ, причемъ болѣе выдающіяся и опасныя части тѣла, для безопасности отъ ударовъ, прикрывались различными оригинальными доспѣхами, изготовленными изъ толстой кожи; потому неудивительно, что эти дуэли обыкновенно кончались ничѣмъ, или весьма неопасными порѣзами. Съ подобной ранкой на плечѣ, стянутой присутствующимъ медикомъ липкимъ пластыремъ, я, однажды, преспокойно отправился на лекцію и записывалъ ее какъ ни въ чемъ не бывало, несмотря на пропитанный кровью рукавъ сорочки. Помню, однакожъ, случай, который могъ имѣть для раненаго весьма дурной исходъ: нѣмцу К. Э. влепили такъ ловко «секунду» (ударъ подъ мышку), что онъ едва не истекъ кровью и долженъ былъ выдержать долгій карантинъ. Вообще, дуэли происходили чаще между корпорантами Бальтики, потому-ли, что у нихъ правила «комана» соблюдались съ бо́льшимъ педантизмомъ и строгостью, или по той причинѣ, что нѣмецъ, пропустивъ нѣсколько стакановъ пуншу (обыкновенный на комершахъ напитокъ), вообще, дѣлается задорнѣе, заносчивѣе, тогда какъ русскій въ подобномъ же состояніи становится добродушнѣе, снисходительнѣе.

Въ описываемую эпоху обыкновеннымъ мѣстомъ для поединковъ служила гостепріимная квартира студента-сибарита К., проживавшаго въ одномъ изъ домовъ, выходящихъ на Михайловскую площадь. Въ подобныхъ случаяхъ, изъ предосторожности, усылалась прислуга со двора и на окнахъ спускались шторы. Послѣднее было тѣмъ болѣе необходимо, что на площади нерѣдко, не знаю по какому случаю, съѣзжались жандармы. Такъ какъ приготовленія для дуэли были немалыя: нужно было пріискать удобное помѣщеніе, доктора, отточить оружіе, а, главное, дать время дуэлистамъ, иногда неимѣвшимъ никакого понятія о фехтованіи, пріобрѣсть нѣкоторую практику въ искуствѣ кровопусканія другъ у друга, то обыкновенно нѣсколько такихъ дуэлей пригонялось къ одному и тому же сроку. Такого срока приходилось дуэлистамъ ожидать иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ, и во все это время запрещалось имъ всякое между собой сношеніе, даже разговоръ другъ съ другомъ, когда причина ссоры, обыкновенно происшедшей подъ пьяную руку, уже давно была забыта. Впрочемъ, въ «Русской» корпораціи это правило не всегда строго соблюдалось.

Послѣ поединка соперники подавали другъ другу руку и затѣмъ обыкновенно слѣдовали хорошая попойка и удалыя пѣсни.

Всѣ эти наши затѣи, вѣроятно, будутъ мало понятны для нынѣшней университетской молодежи и вызовутъ улыбку презрѣнія: tempora mutantur et nos mutamur in illis! Все хорошо въ свое время, и рекомендовать студенческіе корпоративные порядки 1830 и 1840 годовъ для настоящаго времени было бы довольно странно. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы устарѣвшіе студенческіе обычаи вовсе не заключали въ себѣ разумнаго смысла. Подобно тому какъ въ средніе вѣка турниры и т. п. рыцарскіе обряды были полезны для обузданія грубыхъ страстей и содѣйствовали смягченію нравовъ, такъ и студенческая корпорація съ своимъ «команомъ», этимъ кодексомъ правилъ чести и приличія, не могла не вліять воспитательно и культурно на разнонародныя массы молодыхъ людей, сходившихся во имя науки со всѣхъ странъ свѣта, преимущественно въ небольшихъ университетскихъ городкахъ, царствѣ средневѣковаго мрака грубыхъ нравовъ, предразсудковъ и суевѣрія. Точно также и наши корпораціи, не смотря на ихъ молодость и недостатокъ добрыхъ традицій, сослужили свою посильную службу, сдерживая неразумную и подчасъ бурливую молодежь въ предѣлахъ благоразумія и приличія. Мнѣ неоднократно приходилось быть свидѣтелемъ, какъ нѣкоторые изъ моихъ товарищей, непрошедшихъ школы корпораціонныхъ порядковъ, несмотря на свое знатное происхожденіе, вели себя подобно школярамъ самаго низшаго разбора. Однажды, одна изъ дерптскихъ корпорацій праздновала свой лѣтній комершъ въ одномъ губернскомъ городѣ Остзейскаго края и пригласила въ качествѣ гостей, между прочимъ, и трехъ петербургскихъ студентовъ. Признаюсь, мнѣ пришлось краснѣть за мой университетъ: такъ безобразно вели себя его питомцы. Хвативши, свыше мѣры, даровъ Бахуса, двое изъ нихъ, не смотря на свое высшее свѣтское образованіе—это были князья—высказали передъ обществомъ студентовъ, находившихся въ не менѣе возбужденномъ состояніи, инстинкты и манеры самаго дурнаго тона. Хозяева, смотря на странныя выходки своихъ столичныхъ гостей, только пожимали плечами и сострадательно улыбались; а между тѣмъ бо̀льшая часть изъ нихъ были плебеи: сыновья ремесленниковъ и т. п. Должно замѣтить, что въ это время въ петербургскомъ университетѣ корпораціи уже более не существовали. Но приведу для сравненія другой примѣръ воспитательнаго вліянія корпораціи на нравы студентовъ, относящійся къ періоду процвѣтанія петербургскихъ корпорацій.

Въ 1830 годахъ, въ Петербургѣ, не было ни одного клуба, гдѣ бы молодежи, любящей потанцовать и поволочиться, можно было отдохнуть

отъ своихъ серьозныхъ и болѣе или менѣе утомительныхъ занятій. Нѣмецкій, или т. наз. Шустерклубъ, считался для студента неприличнымъ, а первообразъ нынѣшняго «Благороднаго Собранія», «Америка» [1]) только тѣмъ и отличался отъ обыкновенныхъ танцклассовъ, что въ немъ гораздо чаще происходили скандалы и побоища. Потому мы, студенты, отдавали предпочтеніе частнымъ шпицбаламъ, даваемымъ различными домами, подъ видомъ празднованія своихъ имянинъ или дня рожденія (такъ объявлялось, обыкновенно, полиціи), но съ главною цѣлью поправленія своихъ истощенныхъ финансовъ. На одномъ изъ такихъ баловъ, гдѣ студенты, благодаря своей джентельменской внѣшности, всегда считались желанными гостями (теперь не то; я даже подозрѣваю, не въ упрекъ будь это сказано, что бо́льшая часть нынѣшнихъ студентовъ вовсе не умѣетъ танцовать), одинъ изъ нихъ, въ порывѣ страсти, забылся и въ глазахъ всего общества сталъ на колѣни передъ своей избранной, дамой весьма двухсмысленнаго поведенія. Это былъ не-корпорантъ, но присутствующіе при этой неблагообразной сценѣ корпоранты тотчасъ же окружили его, и дали ему, безъ обиняковъ, почувствовать, что онъ своимъ униженіемъ безчеститъ студенческій мундиръ. Не въ мѣру вѣжливый кавалеръ сконфузился, но долженъ былъ сознаться въ неприличіи своего поступка.

Такъ какъ въ то время деревянные домики Васильевскаго острова, (теперь уже несуществующіе), вмѣщали въ себѣ нѣсколько маленькихъ квартиръ, то иногда мнѣ приходилось быть невольнымъ свидѣтелемъ невообразимыхъ безобразій и наигрязнѣйшихъ оргій, происходившихъ у тѣхъ изъ моихъ товарищей-сосѣдей, которые не были членами корпораціи. Конечно, и корпоранты не всѣ были святые, но юношескія увлеченія ихъ были совершенно иного рода. Для сравненія, приведу жалобу одного домохозяина инспектору на своего постояльца, у котораго товарищи корпораціи чаще всего собирались. «Вотъ до какого озорничества, доносилъ жаловавшійся, дошли, что даже на-канунѣ праздниковъ господнихъ собираются играть въ карты, пѣть пѣсни и драться на шпагахъ (упражняться въ фехтованіи). А когда взошелъ къ нимъ, приглашенный мною, квартальный поручикъ, то даже не встали передъ нимъ, и не надѣли сюртуковъ». Добрѣйшій Н. П. Филиппов почему-то счелъ полезнымъ удовлетво-

---

[1]) Или „Соединенные Штаты". Эта кличка дана была клубу, если не ошибаюсь, на томъ основаніи, что офиціальное его названіе было „Соединенное Общество". „Облагороженіемъ" своимъ клубъ, какъ извѣстно, обязанъ трудамъ А. П. Алимпіева, извѣстнаго въ свое время преподавателя словесности.

Авторъ.

рить жалобѣ домохозяина и засадить трехъ студентовъ въ карцеръ.... на одинъ день. Дерзость доносчика взволновала нѣкоторыхъ корпорантовъ и рѣшено было принудить его подписаться на какой-то бумагѣ, содержаніе которой я забылъ, и вотъ отправились къ нему цѣлою толпою, но догадливый хозяинъ успѣлъ спрятаться и гнѣвъ студентовъ прошелъ безъ дальнѣйшихъ для него послѣдствій.

Я остановился на этихъ мелочахъ нашей жизни съ цѣлью показать то благотворное вліяніе, которое корпоративное устройство оказывало на студентовъ уже на самыхъ первыхъ порахъ возникновенія корпорацій. Если корпораціи въ нашихъ университетахъ [1]) пользовались кратковременнымъ существованіемъ, то причину этого, я полагаю, должно, прежде всего искать въ непримѣнимости къ русскимъ нравамъ усвоенныхъ ихъ уставами иноземныхъ порядковъ. Затѣмъ, въ то время, какъ начальство дерптскаго и гельсингфорскаго университетовъ постоянно, болѣе или менѣе, гласно оказывало корпораціонному началу постоянное покровительство,—въ русскихъ университетахъ корпорація считалась какимъ-то тайнымъ обществомъ и эфемерное существованіе ея зависѣло отъ совершенно случайныхъ обстоятельствъ, напримѣръ, въ петербургскомъ университетѣ оттого, что въ 1830-хъ годахъ считала она въ своихъ рядахъ сына попечителя округа, а въ 1840-хъ—сына министра народнаго просвѣщенія [2]). Наконецъ, въ нашихъ инородныхъ университетахъ крѣпости корпоративнаго организма и преемственности (continuité) корпораціонныхъ традицій не мало способствовала также та связь, которая никогда тамъ не переставала существовать между бывшими и настоящими корпорантами, между «буршами» и «филистерами», къ числу которыхъ принадлежали и профессора. Такъ, на дерптскихъ комершахъ не рѣдко въ кругу безбородыхъ юношей встрѣчали посѣдѣлыхъ академиковъ, генераловъ и сенаторовъ, являвшихся туда, въ качествѣ старыхъ корпорантовъ, въ своихъ старыхъ цвѣтныхъ фуражкахъ (Farbendeckel), чтобы тѣмъ выразить чувства привязанности къ своей alma mater. Мнѣ пришлось самому быть на одномъ изъ такихъ комершей, гдѣ мѣсто предсѣдателя, съ эспадрономъ въ рукахъ, занималъ

---

[1]) Меня увѣряли, что корпорація существовала также въ московскомъ университетѣ, и что ее занесли туда, въ концѣ 1820 годовъ, дерптскіе студенты, исключенные массою, по поводу какой-то исторіи.

[2]) Не знать о существованіи корпораціи начальство петербургскаго университета не могло уже по той причинѣ, что на одинъ изъ комершей корпораціи, въ Царголовѣ, былъ приглашенъ инспекторъ студентовъ Н. И. Ф.

Авторъ.

нашъ знаменитый хирургъ Н. И. Пироговъ, тогда еще дерптскій профессоръ. Что касается гельсингфорскаго университета, то тамъ полезная связь корпорацій съ университетскимъ начальствомъ и между новымъ и старымъ поколѣніемъ корпорантовъ поддерживается, какъ извѣстно, постановленіемъ, предписывающимъ, чтобы во главѣ корпораціи всегда находился одинъ изъ профессоровъ, а на сходкахъ предсѣдательствовалъ избранный студентами бывшій ихъ товарищъ. Между тѣмъ, въ петербургскомъ университетѣ въ мое время всѣ отношенія профессора къ студентамъ прекращались за дверью аудиторіи [1]) и первые наши наставники, кажется, и не подозрѣвали о существованіи какой-либо корпораціи. Мнѣ, можетъ быть, возразятъ: а университетскіе обѣды? Но обѣды эти стали устраиваться гораздо позже, когда уже корпораціи давно прекратили свое существованіе, если не ошибаюсь, въ концѣ 1850 годовъ, и даже первыми ихъ устроителями были лица, никогда не принадлежавшія къ корпораціи (между прочими А. С. Вороновъ). Не отрицая нѣкоторой пользы мимолетнаго и почти исключительно внѣшняго сближенія и единенія питомцевъ одного заведенія, я не могу, однакожъ, скрыть, что эти ежегодные обѣды способны возбуждать въ старомъ «буршѣ» болѣе грустныхъ, чѣмъ пріятныхъ чувствъ и мыслей. На этихъ, довольно многочисленныхъ, сборищахъ во имя товарищества можно во-очію убѣдиться, какъ велико разстояніе, отдѣляющее одно поколѣніе бывшихъ студентовъ отъ другаго, что такъ называемыхъ товарищей ничего не связываетъ,—не одушевляютъ ихъ никакія замѣтныя цѣли и идеалы. Иногда, правда, произносятся на этихъ обѣдахъ прекрасные и восторженные спичи, но красивыя слова не воплощаются въ красивыя дѣла. Мы видимъ, что не только здѣсь, въ одномъ и томъ-же помѣщеніи, общество послѣ обѣда разбивается на отдѣльныя группы, но что между бывшими студентами есть даже довольно многочисленный кружокъ, который празднуетъ совершенно отдѣльно и даже въ иной срокъ день основанія университета. Все это—вещи немыслимыя въ университетахъ съ хорошо укоренившейся корпоративной организаціей.

---

[1]) Если не ошибаюсь, единственнымъ исключеніемъ были отношенія, существовавшія, короткое время, между М. С. Куторгою и нѣкоторыми, весьма немногими, изъ его слушателей, которыхъ онъ руководствовалъ по занятіямъ исторіей, частнымъ образомъ, у себя на квартирѣ. **Авторъ.**

III.

Въ послѣднее время университетскій, или вѣрнѣе, студенческій вопросъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ насущныхъ въ обществѣ и прессѣ. Одни видятъ панацею противъ, такъ называемыхъ, студенческихъ безпорядковъ въ увеличеніи числа субъ-инспекторовъ или переименованіи ихъ въ дерптскихъ педелей, другіе опять видятъ все спасеніе въ устройствѣ корпорацій. Не дурно было-бы сочинителямъ всѣхъ этихъ преобразовательныхъ проектовъ, прежде всего, проникнуться слѣдующими золотыми словами извѣстнаго педагога Дистервега. «Университетъ, говоритъ онъ, есть учрежденіе педагогическое и всѣ относящіяся къ нему мѣры должны обсуждаться не съ полицейской, юридической, финансовой, или какой другой точки зрѣнія, а исключительно съ педагогической». Университетскій наставникъ не долженъ также терять изъ виду еще то старинное изрѣченіе, которое говоритъ: non scholae sed vitae discimus (учимся не для школы, а для жизни) и отрѣшиться отъ совершенно односторонняго взгляда, что задача университета состоитъ въ приготовленіи ученыхъ, такъ называемыхъ, двигателей науки. Знаменитые двигатели науки, какъ можно видѣть на примѣрѣ Фарадея и многихъ другихъ, не всегда черпаютъ свои знанія изъ университетскаго источника.

Главною цѣлью всякаго высшаго образованія должно быть—образованіе полезнаго члена общества, честнаго гражданина и практическаго дѣятеля.

Особенно въ нашихъ университетахъ воспитательный элементъ долженъ былъ-бы стоять на первомъ планѣ. Положимъ, что иноземные университеты также еще далеко не достигли идеала высшаго образованія и воспитанія: и тамъ много времени растрачивается студентами—особенно въ Германіи (да и въ нашемъ Дерптѣ) и Франціи—непроизводительно и нерѣдко съ гибельными послѣдствіями для здоровья; но на западѣ общественная среда, съ помощью своихъ твердо установившихся обычаевъ и свято сохраняемыхъ традицій, обхватываетъ всякаго новоприбывшаго члена своего какъ-бы тисками и крѣпкою дисциплиною выжимаетъ изъ него всѣ недостатки университетской жизни. Благотворное вліяніе общества на своего члена поразительно особенно въ Германіи, когда вчерашній буршъ-кутила является передъ нами сегодня въ образѣ степеннаго образцоваго «филистера». У насъ же совершенно наоборотъ — чуть-ли не каждый получившій высшее образованіе и самостоятельно мыслящій долженъ вступать въ борьбу съ обществомъ, въ борьбу непосильную....

Смотря на университетъ съ педагогической точки, начальство его должно всѣми зависящими отъ него средствами поощрять развитіе между студентами ассоціаціоннаго и корпоративнаго начала. Ошибаются весьма тѣ, которые утверждаютъ, что университетская молодежь должна только учиться и быть слѣпымъ и нѣмымъ относительно всего того, что вокругъ его совершается. Разсуждающіе такимъ образомъ приравниваютъ современные университеты тѣмъ школамъ, которыя пользовались неподобающимъ названіемъ университетовъ ихъ времени, а студента настоящаго поколѣнія—къ студенту 1820 и 1830 годовъ, который по своему развитію и образованію стоялъ гораздо ниже нынѣшняго гимназиста 6 класса. Les hommes se suivent, mais ne se ressemblent pas. Нынѣшній студентъ желаетъ быть не только лицомъ учащимся, но и «академическимъ гражданиномъ», и онъ имѣетъ на это названіе такое же право, какъ и дерптскій akademischer Bürger. Какъ бы ни была ограничена сфера дѣятельности такого гражданина, все-же нельзя ее отрицать, нельзя его лишить права быть представителемъ и двигателемъ этихъ интересовъ. Бороться съ этими требованіями духовной природы сознающаго свое достоинство человѣка, принимать противъ нихъ «полицейскія и юридическія» мѣры, препятствовать организаціи студенческихъ кружковъ—все равно, что ставить преграды бурнымъ весеннимъ потокамъ, сооружать паровую машину безъ спасительнаго клапана и подготовлять внезапный взрывъ оной. Напротивъ, направивъ дѣятельность молодежи хотя-бы къ ихъ домашнимъ, исключительно студенческимъ дѣламъ и интересамъ, мы тѣмъ самымъ отвлекли бы ихъ мысли отъ политическихъ и соціальныхъ бредней. Рядомъ горькихъ опытовъ у насъ, наконецъ, стали сознавать необходимость какой-либо организаціи студенческаго общества и вопросъ остановился только на томъ, какого рода корпорація удовлетворитъ наиболѣе природнымъ свойствамъ и наклонностямъ русскаго студента,—какія начала должны лечь въ основаніе корпорацій? Наша ежедневная пресса неоднократно указывала на устройство дерптскихъ и преимущественно гельсингфорскихъ корпорацій какъ на нѣчто образцовое. Едва ли примѣнимы у насъ во всемъ ихъ объемѣ порядки этихъ двухъ инородныхъ университетовъ. Какъ извѣстно, какъ въ Дерптѣ, такъ и Гельсингфорсѣ, въ основу корпораціи положено землячество, т. е. бо́льшая или меньшая связь корпоранта съ извѣстною мѣстностью. Такъ, въ «правилахъ о студенческихъ отдѣленіяхъ (afdelningar)» гельсингфорскаго университета положительно опредѣляется, чтобы «молодые люди немедленно по поступленіи въ университетъ

записывались въ одно изъ 6 отдѣленій [1]), смотря потому, въ какихъ губерніяхъ они родились или имѣли мѣстопребываніе». Очевидно, что обусловливать группировку русскихъ студентовъ подобными географическими дѣленіями было бы не только неудобоприложимо, но и нецѣлесообразно. Не слѣдуетъ допускать слишкомъ многочисленнаго состава корпораціи, но еще менѣе практичны мелкіе студенческіе кружки по губерніямъ или даже болѣе обширнымъ територіямъ. Но не вижу причины, почему бы не примѣнить намъ къ устройству корпорацій наше народное, артельное начало. Распредѣленіе студентовъ по артелямъ съ впередъ опредѣленнымъ maximum'омъ ихъ численнаго состава представляетъ то удобство, что, не стѣсняя свободы ассоціаціи между земляками, товарищами по гимназіи, друзьями и т. д., и соединяя общими интересами молодыхъ членовъ корпораціи съ болѣе опытными, охранителями полезныхъ традицій, тѣмъ самымъ дастъ корпораціи устойчивость и возможность идти по пути историческаго развитія, подобно всякому другому благоустроенному гражданскому обществу. Корпораціи факультетскія и курсовыя далеко не соединятъ въ себѣ такихъ условій устойчивости и развитія. Кромѣ того, должно замѣтить, что дѣленіе университетской науки на ежегодные курсы, какъ модусъ, стѣсняющій свободный выборъ занятій, не выдерживаетъ здравой педагогической критики, и рано или поздно долженъ быть замѣненъ порядкомъ, существующимъ почти во всѣхъ западныхъ университетахъ.

Э—г—

---

[1]) Эти отдѣленія носятъ слѣдующія названія: Нюландское, Саволаксъ-Карельское, Тавастлэндское, Западно-финское, Выборгское, Эстерботнское. Въ Дерптѣ въ настоящее время существуютъ землячества: Лифляндское, Рижское (fraterndhas), Эстляндское, Курляндское и недавно возникшее Ново-Балтійское (Neo-Baltica). Временно существовали—Русское и Польское.

Авторъ.

ОСИПЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ГЛАДКІЙ,

Кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи.

1789—1866.

Многоуважаемый г. редакторъ „Русской Старины"! Въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ появлялись довольно невѣрные отрывки изъ служебной дѣятельности покойнаго моего отца, генералъ-маіора Осипа Михайловича Гладкаго, бывшаго кошеваго атамана Запорожской сѣчи въ Турціи, а въ 1828 году передавшагося съ нею въ подданство Россіи. Самое имя его измѣнено изъ Осипа Михайловича на Ивана Михайловича.

Поэтому я, для возстановленія истины, имѣю честь представить на страницахъ „Русской Старины" замѣтки мои о томъ, что̀ я самъ знаю о покойномъ отцѣ моемъ и слышалъ изъ разсказовъ участниковъ и очевидцевъ подвига его: переправы россійской арміи чрезъ Дунай въ войну 1828 года; къ замѣткамъ этимъ присоединяю и нѣсколько документовъ, ихъ подтверждающихъ [1]).

Отставной подполковникъ Василій Осиповичъ Гладкій.

I.

Осипъ Михайловичъ Гладкій былъ казакъ, уроженецъ Полтавской губ., Золотоношскаго уѣзда, селенія Мельниковъ. Отецъ его имѣлъ порядочное состояніе и, когда пришло время отдавать сына въ солдаты, поставилъ на его мѣсто наемщика и, такимъ образомъ, освободилъ сына отъ службы. Вскорѣ отецъ умеръ; Осипъ Михайловичъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Максимомъ, унаслѣдовали его имѣніе. Достигнувъ 18-ти лѣтъ, Осипъ Гладкій женился на казачкѣ-же деревни Краснохижины, того-же уѣзда, Ѳеодосіи Андреевнѣ Мазуровой (1813 г.).

Не былъ-ли онъ способенъ къ хозяйству или, можетъ быть, недостаточно къ нему подготовленъ въ виду того, что долженъ былъ идти въ солдаты, но только онъ не съумѣлъ сохранить свое имѣніе и, мало по малу, началъ проживаться. Между тѣмъ, Богъ послалъ

---

[1]) За недостаткомъ мѣста въ этой книгѣ «Русской Старины», документ эти мы напечатаемъ современемъ въ одной изъ послѣдующихъ книгъ.

Ред.

ему семейство, состоящее изъ двухъ сыновей и двухъ дочерей; изъ первыхъ я былъ старшій, сестры—среднія, а братъ—самый младшій. Проживши семь лѣтъ съ семействомъ, онъ продалъ почти все, что имѣлъ, и рѣшился, для дальнѣйшаго содержанія семьи, идти на заработки съ партіею рабочихъ, отправлявшихся въ другія губерніи.

Жену съ дѣтьми Осипъ Михайловичъ поручилъ брату своему и за содержаніе ихъ отдалъ ему въ пользованіе единственную оставшуюся у него пару воловъ.

Спустя полгода онъ прислалъ женѣ 40 р. с. изъ Одессы и затѣмъ исчезъ безслѣдно. Возвратившіеся рабочіе высказывали предположеніе, что Осипъ Михайловичъ утонулъ въ Черномъ морѣ. Послѣ такого извѣстія дядя Максимъ счелъ лишнимъ заботиться о сиротахъ и, присвоивъ нашу пару воловъ, выгналъ среди зимы бѣдную мать, вмѣстѣ съ нами, изъ своей хаты. Къ счастью, еще была жива бабушка наша по матери, жившая въ деревнѣ Краснохижиной, которая и пріютила насъ на зиму; а къ лѣту мать продала одну изъ двухъ полянокъ земли, которыя еще не были проданы отцомъ, и купила себѣ хатку въ с. Мельникахъ. Меня, какъ старшаго, хотя мнѣ было всего лѣтъ восемь, отдали въ пастухи къ той-же бабушкѣ, которая за это одѣвала меня и посылала зимой нѣсколько дровъ матери въ Мельники. Меньшихъ же дѣтей мать содержала своимъ трудомъ. Такъ мы кое-какъ перебивались. Наконецъ, въ 1828 г. мнѣ исполнилось 14 лѣтъ и я могъ уже получать хотя маленькое жалованье. Мать, оставивъ семью на попеченіе сосѣдей, отвела меня въ Херсонскую губ., вблизи Вознесенска на Бугѣ, къ дядѣ своему по матери, который управлялъ мельницами одного купца, и отдала въ наймы, въ пастухи къ овцамъ. Скоро послѣ этого судьба наша измѣнилась.

Но возвращаюсь къ разсказу объ отцѣ.

II.

Никогда и впослѣдствіи отецъ не любилъ разсказывать о томъ, какимъ образомъ онъ бѣжалъ изъ Россіи въ Турцію; но можно предполагать, что, нашедши себѣ попутчиковъ изъ бѣжавшихъ отъ помѣщиковъ крестьянъ или изъ Херсонскаго военнаго поселенія, онъ скрылся въ Турцію изъ Измаила черезъ Дунай. Тамъ онъ былъ принятъ въ Запорожскую Сѣчь, назвавшись холостякомъ, такъ какъ иначе никого тамъ не принимали, и былъ приписанъ въ Платгиривскій курень.

Годъ спустя султанъ Махмудъ Второй, по случаю возстанія Греціи за свою независимость, потребовалъ отъ Запорожской Сѣчи отрядъ въ 500 человѣкъ для флота; отрядъ этотъ, въ который попалъ

и отецъ мой, отправился подъ начальствомъ походнаго кошеваго Мороза въ Константинополь, посаженъ былъ на турецкій корабль и перевезенъ въ Морею, гдѣ участвовалъ, подъ начальствомъ главнокомандующаго турецкими и египетскими войсками Ибрагима-паши, сына египетскаго вице-короля Али-паши, при осадѣ послѣдней греческой твердыни Мисалонги.

По взятіи Мисалонги, немногіе оставшіеся изъ запорожскаго отряда, въ томъ числѣ и мой отецъ, были возвращены Ибрагимомъ сухопутно въ Сѣчь, гдѣ отецъ былъ избранъ атаманомъ, т. е. хозяиномъ своего Платгиривскаго куреня. Въ этомъ званіи онъ пробылъ до 1827 года, а въ этомъ году его избрали кошевымъ атаманомъ, т. е. главнымъ начальникомъ всей Запорожской Сѣчи въ Турціи, и фирманомъ султана Осипъ Гладкій былъ утвержденъ въ правахъ двухъ-бунчужнаго паши.

Въ это самое время Турція начала готовиться къ войнѣ съ Россіей; тогда отецъ мой, новый кошевой, въ величайшей отъ турокъ тайнѣ, началъ склонять къ побѣгу въ Россію сначала куренныхъ атамановъ, а посредствомъ ихъ и всю Сѣчь, распустивъ предварительно вымышленные слухи о томъ, что по случаю предстоящей войны съ Россіей султанъ намѣренъ переселить Запорожскую Сѣчь въ Египетъ, потому что земля, занимаемая Сѣчью, долженствовала сдѣлаться первымъ мѣстомъ дѣйствія наступающей войны. На сходкахъ, которыя были устроены для обсужденія этого вопроса, мнѣнія запорожцевъ раздѣлились: бо̀льшая часть высказывала желаніе бѣжать въ Россію, а остальные, вѣроятно бывшіе крѣпостные и военные поселяне, а также совершившіе въ Россіи преступленіе, предпочитали переселиться куда бы то ни было, только не въ Россію. Такое различіе мнѣній поставило отца и его сторонниковъ въ опасное положеніе: медлить было невозможно; кошевой открываетъ, что его мнѣніе одинаково съ мнѣніемъ большинства, обѣщаетъ боящимся всемилостивѣйшее прощеніе, а всей Сѣчи—такую же свободу и самостоятельность въ Россіи, какими они пользовались въ Турціи. Такое смѣлое обѣщаніе онъ основывалъ на полученномъ, предварительно, секретномъ письмѣ къ нему бывшаго въ то время Измаильскимъ градоначальникомъ генерала Сергѣя Тучкова.

Способъ къ побѣгу доставила имъ собственная рыболовная флотилія; жили запорожцы надъ изобилующимъ рыбою Лиманомъ-Дунавцемъ; поэтому каждый курень имѣлъ свой рыбный заводъ и кабадажную лодку, въ которой отправляли рыбу для продажи въ Молдавію и въ ближайшіе турецкіе порты. Всѣхъ куреней было сорокъ два, слѣдо-

вательно они имѣли сорокъ двѣ кабадажныя лодки и, кромѣ ихъ, еще большее количество неводныхъ лодокъ.

Рѣшившись бѣжать, запорожцы собрали съ величайшей поспѣшностью свою церковь, оставили все свое имущество и, нагрузившись на свою флотилію, пустились въ путь; Дунавцемъ они вышли въ Черное море, а затѣмъ Килійскимъ рукавомъ Дуная достигли Измаильскаго карантина. Здѣсь запорожцы выдержали сокращенный карантинъ и кошевой, вмѣстѣ съ куренными атаманами, были представлены государю императору Николаю Павловичу, который уже находился въ Измаилѣ. Запорожцы повергдись къ стопамъ его величества и искренно просили прощенія и помилованія. Государь, принявъ отъ кошеваго грамоты и регаліи, жалованныя Сѣчи турецкими султанами, произнесъ слѣдующія достопамятныя слова:

— «Богъ васъ проститъ, Отчизна прощаетъ и я прощаю».

Слова эти онъ повторилъ потомъ и всему составу Сѣчи, присовокупивъ:

— «Я знаю, что̀ вы за люди!»

Въ это время Государь былъ сильно озабоченъ переправой арміи черезъ Дунай и обратился къ кошевому, какъ къ человѣку знакомому съ турецкимъ берегомъ Дуная и потому могущимъ быть ему полезнымъ. Узнавъ отъ кошеваго, что турецкій берегъ сильно укрѣпленъ, Государь спросилъ, не знаетъ ли онъ мѣста удобнѣйшаго для переправы войскъ? Кошевой объявилъ, что онъ знаетъ одно мѣсто, гдѣ турки не ожидаютъ переправы, и потому оставили его безъ всякихъ укрѣпленій и карауловъ. Въ этомъ мѣстѣ берегъ Дуная поросъ камышами, залитыми водою, такъ что образовались какъ бы плавни. Опушка эта очень широка—верстъ 20 и больше. Турки считали этотъ пунктъ совершенно неприступнымъ, такъ какъ въ лодкахъ нельзя было двигаться, а переходить въ бродъ тоже—по причинѣ глубины воды. Между тѣмъ запорожцы, которые кромѣ рыбной ловли занимались охотой на кабановъ, были хорошо знакомы съ этими камышами и знали, что черезъ нихъ проходитъ земляной валъ, по преданію, проведенный Св. Георгіемъ, запрягавшимъ для этого въ плугъ змѣя. Валъ этотъ начинался еще по сушѣ и, прорѣзывая камыши, направлялся къ Дунаю, то поднимаясь надъ водой, то погружаясь въ нее, впрочемъ не глубоко, такъ что можно было свободно перейти такія мѣста въ бродъ. Въ одномъ мѣстѣ земляной валъ расширялся и образовалъ довольно большую, окруженную деревьями поляну, гдѣ свободно могла помѣститься и скрыться цѣлая дивизія войска. Слѣдовательно, надо было только подъѣхать незамѣтно къ турецкому берегу противъ этого вала и по немъ уже переправляться дальше на

сушу. Но запорожцы не знали именно того пункта, гдѣ валъ подходилъ къ берегу, т. е. не могли его узнать съ этой стороны Дуная, и кошевой просилъ Государя позволить ему ночью, чтобы не быть замѣченнымъ непріятелемъ, произвести розыски, на что и получилъ всемилостивѣйшее разрѣшеніе.

Только на третью ночь труды кошеваго и его атамановъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ: они нашли мѣсто, въ которомъ валъ дѣйствительно упирался въ самый берегъ Дуная, прошли по этой естественной плотинѣ до знакомой имъ поляны, а дальше уже были увѣрены въ безпрепятственномъ выходѣ на сушу. Сдѣлавъ замѣтку на камышѣ въ найденномъ пунктѣ, который долженъ былъ служить пристанью, запорожцы возвратились и просили доложить Государю о результатѣ розысковъ. Николай Павловичъ послалъ флигель-адъютанта провѣрить путь, указанный запорожцами, которые ночью же и провели его на самый турецкій берегъ.

Убѣдившись такимъ образомъ въ вѣрности ихъ показаній, Государь приказалъ войскамъ перетащить на рукахъ, вѣроятно не желая возбудить подозрѣніе турокъ, 42 запорожскихъ лодки къ берегу, лежащему противъ означенной кошевымъ пристани, и въ слѣдующую-же ночь началась переправа; часть запорожцевъ подвозила на лодкахъ войска дивизіи генерала Рудзевича къ валу, а остальные были разставлены по самому валу въ камышахъ, для указанія прохода солдатамъ.

Переправленная дивизія двинулась въ тылъ крѣпости Исакчи, вблизи которой и совершилась переправа. Между тѣмъ, для отвлеченія вниманія турокъ, дунайская флотилія, подъ командою капитана 1-го ранга Гамалея, повела фальшивую атаку противъ этой крѣпости и понесла, конечно, значительный уронъ. Вдругъ турки увидѣли въ тылу Исакчи дивизію, съ музыкой и барабаннымъ боемъ идущую въ атаку; пораженные ужасомъ, они тотчасъ очистили крѣпость, которую занялъ Рудзевичъ съ своей дивизіей, съ нимъ же находился и кошевой. Рудзевичъ въ восторгѣ объявилъ кошевому, что если онъ сегодня-же не будетъ полковникомъ, то онъ, Рудзевичъ, не хочетъ быть генераломъ и отдастъ свои эполеты Николаю Павловичу. Какъ вдругъ Государь, остававшійся на той сторонѣ Дуная, присылаетъ флигель-адъютанта съ приказаніемъ, чтобы кошевой на своей лодкѣ и съ своими гребцами пріѣхалъ за нимъ. Осипъ Михайловичъ сейчасъ же отправился, самъ управляя лодкой на рулѣ, а двѣнадцать куренныхъ атамановъ взялъ гребцами. Николай Павловичъ, оставивъ свою свиту на берегу, одинъ взошелъ въ лодку и приказалъ держать въ Исакчу. Паша-комендантъ крѣпости поднесъ его величеству ключи, и тутъ же государь, не говоря еще съ Рудзевичемъ, вынулъ изъ

чемодана полковничьи эполеты и георгіевскій крестъ и собственноручно навѣсилъ ихъ кошевому, а двѣнадцати атаманамъ-гребцамъ пожаловалъ знаки отличія военнаго ордена. На той же лодкѣ государь прибылъ на флотилію Гамалея, поздравилъ его капитаномъ 2-го ранга, и пожаловалъ также георгіевскій крестъ, а всѣмъ матросамъ знаки военнаго ордена. Противъ Исакчи былъ наведенъ понтонный мостъ, по которому армія безпрепятственно перешла на непріятельскій берегъ, а за нею и запорожцы возвратились на свое прежнее мѣсто жительства. Изъ нихъ былъ сформированъ пятисотенный полкъ, названный пѣшимъ дунайскимъ казачьимъ полкомъ; кошевой былъ назначенъ командиромъ полка, сотенные командиры и субалтернъ офицеры выбраны изъ бывшихъ куренныхъ атамановъ. Казачій полкъ былъ оставленъ для наблюденія за исправностью переправы черезъ понтонный мостъ, и для содержанія въ порядкѣ самаго моста; кошеваго же, какъ свѣжаго жителя Турціи, прикомандировали къ главному штабу арміи для указанія и разъясненія путей, гдѣ онъ и оставался до занятія главнымъ штабомъ Адріанополя.

III.

Государь Николай Павловичъ, выѣзжая изъ дѣйствующей въ Турціи арміи, въ Петербургъ, намѣренъ былъ остановиться по дорогѣ въ г. Одессѣ, гдѣ въ это время находилась императрица Александра Өеодоровна. Николай Павловичъ видимо расположился къ кошевому и приказалъ ему слѣдовать за собой, чтобы представить его августѣйшей супругѣ своей. Государыня приняла Осипа Михайловича очень милостиво, и даже удостоила его приглашеніемъ къ своему столу.

Пробывъ нѣсколько дней въ Одессѣ, кошевой возвратился на свое мѣсто при главномъ штабѣ, гдѣ Государь повелѣлъ ему оставаться до окончанія войны, а послѣ заключенія мира приказалъ ему поѣхать на Кавказъ, чтобы выбрать земли для поселенія запорожцевъ и возвратиться съ докладомъ о результатѣ своей командировки прямо въ Петербургъ.

О семействѣ кошеваго Николай Павловичъ не освѣдомлялся, считая его холостымъ; въ такое заблужденіе отецъ самъ ввелъ Государя: когда, по прибытіи изъ Турціи, Запорожская Сѣчь, выдержавъ очистительный карантинъ въ Измаилѣ, представлялась Государю, онъ, въ присутствіи всей Сѣчи, спросилъ кошеваго, женатъ ли онъ и имѣетъ ли въ Россіи семейство? Кошевой отвѣтилъ, что онъ одинокъ. Иначе

не могъ онъ отвѣтить въ присутствіи своихъ собратьевъ, такъ какъ быть холостымъ было главное условіе для поступленія въ Сѣчь, почему кошевой и въ Турціи выдалъ себя за человѣка одинокаго; кромѣ того, подговаривая запорожцевъ къ побѣгу, онъ, между прочимъ, обѣщалъ имъ выхлопотать и въ Россіи право оставаться такими же холостыми казаками, какъ они были въ Турціи; слѣдовательно, сказавъ правду, кошевой рисковалъ поколебать вѣру своихъ подчиненныхъ въ самаго себя и, пожалуй, во всѣ свои обѣщанія, которыя главнымъ образомъ и поддерживали запорожцевъ. Вотъ что заставило кошеваго солгать предъ Государемъ и отказаться отъ своего семейства. Но самъ Осипъ Михайловичъ не забывалъ его и при первой возможности послалъ помощь. Не имѣя возможности послѣ своего отреченія послать по почтѣ письмо на родину, онъ, выйдя изъ карантина, началъ подъискивать удобнаго случая, чтобы послать о себѣ извѣстіе женѣ и дѣтямъ. Случай скоро представился: въ Измаилѣ отецъ нашелъ своего земляка, жителя того-же селенія Мельниковъ, и договорилъ его доставить женѣ письмо и нѣсколько сотъ рублей денегъ, прося мать пригласить учителя для первоначальнаго обученія дѣтей.

Вотъ одно изъ писемъ, которое писалъ вождь Запорожцевъ О. М. Гладкій къ женѣ своей:

Одесса, 8-го августа 1828 г.

«Любезная жена моя Федосья Андреевна! Увѣдомляю васъ, что я живъ и здоровъ и Монаршую получилъ милость, именно: чинъ полковника и ордена, медаль золотую на голубой лентѣ съ надписью, и крестъ св. Георгія за храбрость 4-й степени, и я вамъ рекомендую и приказываю: до пріѣзда моего щадить себя и сохранять здоровье дѣтей нашихъ, до того же времени теперь при семъ посылаю вамъ ассигнаціями 200 р. и пять голландскихъ червонцевъ чрезъ нарочнаго Семена Голушку, о полученіи которыхъ и здоровіи своемъ, равно и дѣтей, чрезъ сего же увѣдомьте меня письмомъ. Также отдаю поклонъ брату моему Максиму, и прошу его, чтобъ съ той квитанціи, что отецъ нашъ нанялъ рекрута, снять копію съ засвидѣтельствованіемъ, и прислать оную чрезъ сего же подателя при письмѣ, съ увѣдомленіемъ тѣмъ, какъ брата моего дѣти именуются и здоровы-ли всѣ они находятся. Еще повѣщаю васъ, что я, по Высочайшей милости, принялъ подъ свою команду Задунайскій Запорожскій полкъ и скоро отправляюсь съ тремя казаками въ Черноморію, въ городъ Анапъ, на Кубань, по Высочайшему повелѣнію, для избранія себѣ спокойнаго жительства, и васъ не оставлю; потому какъ можно

поспѣшите меня увѣдомить, и при томъ нужно объявить въ полиціи, чтобы со стороны оной не было вамъ никакого притѣсненія о отбываніи общественныхъ повинностей, кромѣ уплаты казенныхъ податей, и всѣхъ моихъ дѣтей прошу во мѣсто меня радостно и любезно поцѣловать, и всегда пребуду доброжелательный вашъ мужъ

Полковникъ Осипъ Гладкій. [1])

Получивъ первое письмо отъ моего отца, мать моя, будучи сама неграмотна, обратилась къ своему приходскому священнику съ просьбой прочесть письмо. Такимъ образомъ содержаніе письма сдѣлалось извѣстно священнику, а вскорѣ всему селенію и его окресностямъ. Просьба отца была, конечно, сейчасъ-же исполнена и дѣти принялись за ученіе подъ руководствомъ едва грамотнаго учителя. Я, какъ сказано выше, находился въ это время въ Херсонской губ. у своего дѣда. Однажды, можетъ быть, за мѣсяцъ передъ случившимся, дѣду понадобилось поѣхать въ Елисаветградъ за покупками; онъ взялъ и меня съ собой. Этотъ 80-ти лѣтній старецъ считалъ себя великимъ грѣшни-

---

[1]) Приводимъ кстати выписку изъ одного частнаго письма по поводу приведеннаго посланія атамана Гладкаго.

„Случай, доставившій мнѣ писанное начальникомъ запорожскихъ козаковъ къ женѣ своей письмо, послѣдовалъ 16-го августа, котораго числа Золотоношскаго повѣта въ мѣстечкѣ Ирклеевѣ ярманка; на ней съѣхался я въ одномъ помѣщичьемъ домѣ съ повѣтовымъ комисаромъ. Къ нему является женщина въ обыкновенномъ простомъ казачьемъ нарядѣ, и при низкомъ поклонѣ подаетъ полученное ею изъ Одессы письмо. Прежде, это не обратило на нее особеннаго ничьего вниманія, но впослѣдствіи, когда письмо начало переходить изъ рукъ въ руки бывшихъ съ нами, и когда каждый дѣлалъ по своему поздравленія г-жѣ полковницѣ, то картина была довольно забавная, изъ ея отзывовъ и видимаго хотѣнья казать собою настоящую полковницу: она кланялась на право и на лѣво говоря: „Бигъ мени давъ и милостивый царь пожаловавъ мого Іосипа въ полковники, а я бачите, іого жинка! тавже таки (относясь къ комисару) будьте ласковы ваше высокоблагородіе, дайте приказъ выборному, щобъ менѣ и дѣтей не высылавъ съ заступами на дорогу“.

„Само собою разумѣется, что исправникъ и по собственному уваженію и по нашей просьбѣ удовлетворилъ просьбѣ ея, а между тѣмъ разсказала она намъ о мужѣ своемъ исторію вотъ какую: Въ 1820 году мужъ ея, козакъ селенія Мельниковъ, Золотоношскаго повѣта, по пашпорту отправился въ Одессу на заработки; тамъ проживъ за срокъ, требовалъ отъ жены, что-бъ она прислала ему другой пашпортъ, и оный ему высланъ. До исхода срока онъ сдѣлалъ у своего хозяина какую то шалость, и ушелъ за Днѣстръ, а потомъ и за Дунай, и уже до полученія теперешняго письма, жена его съ двумя сыновьями и двумя дочерьми вела жизнь скудную, распродавъ все свое имущество на уплату податей“. Сообщ. Н. К.

комъ-клятвопреступникомъ, такъ какъ еще въ молодости, принявъ присягу на военную службу, бѣжалъ и записался въ крѣпостные къ одному купцу; всю жизнь потомъ онъ старался искупить этотъ грѣхъ, раздавая милостыню въ разныхъ видахъ.

Такъ, отправляясь въ дорогу, дѣдъ взялъ съ собой нѣсколько печеныхъ хлѣбовъ, и раздавалъ ихъ всѣмъ встрѣчавшимся. На обратномъ пути онъ опять запасся хлѣбомъ для той-же цѣли. По дорогѣ встрѣтили мы партію рабочихъ, возвращавшихся домой; дѣдъ, конечно, остановилъ ихъ и началъ разспрашивать, откуда они и куда ходили. Рабочіе отвѣчали, что были въ Одессѣ и идутъ домой въ Полтавскую губ., Золотоношскій уѣздъ, въ селеніе Крутьки. Услышавъ это, я встрепенулся и невольно вскрикнулъ: я изъ Мельниковъ, такъ какъ эти два селенія раздѣляются только рѣкою Крапивною. Рабочіе спросили меня, чей я сынъ, и услышавъ, что я сынъ Осипа Гладкаго, странно между собою переглянулись, и, посмотрѣвъ на меня, рѣшительно заявили, что это не можетъ быть, потому что они сами видѣли Осипа Гладкаго въ Одессѣ, въ свитѣ государя и слышали отъ другихъ, что Гладкій пробылъ нѣсколько лѣтъ въ Турціи, откуда и вывелъ теперь Запорожскую Сѣчь въ Россію. «А можетъ быть, это Максимъ Гладкій, твой дядя», добавили они; но я имъ отвѣтилъ, что всего годъ, какъ я оставилъ родину, и знаю, что дядя Максимъ теперь дома. «Ну, не знаемъ, якъ тамъ воно есть, тилько мы своими очими бачили, якъ винъ ходивъ съ царемъ по Одесси, и люды казали, що се Іосипъ Гладкій», сказали рабочіе и мы разстались. Случай этотъ не произвелъ на меня никакого впечатлѣнія; все слышанное показалось мнѣ слишкомъ неправдоподобнымъ и я скоро и забылъ-бы о немъ совершенно, еслибы не мой дѣдъ, который часто дорогой обращался ко мнѣ съ вопросамъ: «что это, сыночку, мы слышали?» Видно было, что онъ не такъ недовѣрчиво отнесся къ слышанному, какъ я, и это его безпокоило. Также отнеслись къ этому и сыновья его: бывало, то одинъ изъ нихъ, то другой пріѣдетъ ко мнѣ въ степь и непремѣнно заведетъ рѣчь о моемъ отцѣ, какъ бы стараясь вывѣдать мое мнѣніе; но я совершенно былъ увѣренъ, что это была ошибка. Такое тревожное состояніе въ семьѣ дѣда продолжалось до тѣхъ поръ, пока мать моя, по полученіи письма отъ отца, не прислала за мной лошадей. Тогда всѣ мы узнали, что рабочіе сказали намъ правду. Дѣдъ отпустилъ меня сейчасъ-же домой, и я, пріѣхавъ, нашелъ меньшихъ сестеръ и брата уже за азбукой и самъ присоединился къ нимъ.

Когда разнеслась вѣсть о письмѣ, полученномъ моей матерью, и сдѣлалось извѣстно его содержаніе—явился къ намъ исправникъ

26*

(коммисаръ) Василій Осиповичъ Товбичъ и просилъ позволенія снять копію письма; копію эту онъ представилъ бывшему въ то время малороссійскому генералъ-губернатору князю Рѣпнину, а Рѣпнинъ донесъ государю, что кошевой имѣетъ въ селеніи Мельникахъ, Полтавской губ., жену и четверыхъ дѣтей,—двухъ сыновей и двухъ дочерей. Такимъ образомъ государь узналъ, что Гладкій его обманулъ; но Николай Павловичъ не разгнѣвался на кошеваго, но былъ такъ милостивъ, что пожелалъ приготовить ему пріятный сюрпризъ: въ это время Осипъ Михаиловичъ долженъ былъ явиться въ Петербургъ къ государю съ докладомъ о своей поѣздкѣ на Кавказъ, и Николай Павловичъ приказалъ, чтобы къ его пріѣзду двое младшихъ дѣтей, дочь и сынъ, были доставлены въ Петербургъ и помѣщены на царскій счетъ въ учебныя заведенія.

И вотъ въ декабрѣ 1828 г. является къ намъ въ хижину дворянинъ Золотоношскаго уѣзда помѣщикъ Иванъ Ивановичъ Сухомлинъ и объявляетъ, что, по высочайшей волѣ, онъ назначенъ повѣтовымъ маршаломъ (предводителемъ дворянства) доставить въ Петербургъ двухъ меньшихъ дѣтей и проситъ приготовить ихъ къ дорогѣ, экипажъ-же и дорожныя издержки выдастъ повѣтовой маршалъ. Боже мой, какой переворотъ произвело это въ нашей тихой, уединенной жизни! Мать бѣдная плачетъ и не знаетъ, въ чемъ же должно состоять приготовленіе дѣтей къ отъѣзду. Наконецъ, она рѣшилась обратиться за совѣтомъ къ Аннѣ Максимовнѣ Угричъ-Требинской, очень богатой особѣ, владѣтельницѣ мѣстечка Ирклѣевъ; она съ удовольствіемъ приняла участіе въ этомъ дѣлѣ, и довольно часто навѣщала насъ. Благодаря ей, дѣти скоро были готовы къ отъѣзду и мы только ожидали вторичнаго пріѣзда г. Сухомлина.

Между тѣмъ, отецъ мой окончилъ свою командировку на Кавказъ. Земли, лежащія въ окружности Анапы, онъ не нашелъ удобными для поселенія запорожцевъ, а, возвращаясь оттуда, призналъ таковыми казенные участки земли вблизи Азовскаго моря, между городами Маріуполемъ и Бердянскомъ. Согласно приказанію государя, онъ сейчасъ-же отправился въ Петербургъ. Николай Павловичъ встрѣтилъ его очень милостиво, выслушалъ докладъ, согласился на заселеніе вышеупомянутыхъ земель и тутъ же спросилъ кошеваго о причинѣ, заставившей его обмануть своего государя? Кошевой откровенно разсказалъ Николаю Павловичу, что заставило его такъ поступить; Государь вполнѣ одобрилъ его и разсказалъ ему о своемъ распоряженіи относительно младшихъ дѣтей его. Но Осипъ Михаиловичъ, поблагодаривъ Государя за его милость, просилъ отложить отъѣздъ дѣтей до весны, потому что ему хотѣлось бы увидѣть свою семью въ Малороссіи въ

полномъ ея составѣ. Въ Петербургѣ, по утвержденіи своихъ проэктовъ и плановъ, кошевой пробылъ одинъ мѣсяцъ, въ продолженіи котораго начальникъ походной его величества канцеляріи, Владимиръ Ѳедоровичъ Адлербергъ показывалъ ему, по волѣ Государя, всѣ достопримѣчательности столицы, а затѣмъ Осипъ Михайловичъ взялъ отпускъ и отправился на родину.

3-го января 1829 года, около полудня, по направленію къ нашей хаткѣ поворотилъ крытый зимній экипажъ. Наканунѣ была сильнѣйшая мятель и потому улицы были занесены снѣгомъ почти наравнѣ съ плетнями; экипажъ двигался очень медленно и, наконецъ, не доѣзжая къ намъ саженей полтораста, остановился, засѣвъ въ снѣгу. Мы были совершенно увѣрены, что это экипажъ г-жи Требинской и потому всѣ бросились па помощь, я бѣжалъ впереди и на половинѣ пути встрѣтилъ незнакомаго господина, но, не обративъ на него вниманія, побѣжалъ дальше. Какъ вдругъ слышимъ мы, что учитель зоветъ насъ домой и говоритъ, что этотъ господинъ нашъ отецъ; онъ догадался объ этомъ, увидѣвъ на отцѣ военный мундиръ. Мы бросились бѣжать со всѣхъ ногъ обратно. Отецъ былъ уже въ хижинѣ —здоровался съ матерью. Увидѣвъ насъ, мать обратилась къ намъ со словами: узнавайте, дѣтки, вашего батька! Отецъ бросился къ намъ, разцѣловалъ и обласкалъ насъ и, помню, привезъ намъ всѣмъ изъ Петербурга по костюму. Съ перваго же дня пріѣзда отца, двери нашего домика не закрывались: городничій, стряпчій, исправникъ и окружные помѣщики, всѣ желали видѣть отца и познакомиться съ нимъ. О низшемъ сословіи и говорить нечего—первые дни толпы любопытныхъ только на ночь расходились по домамъ. Отецъ навѣстилъ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, относясь къ нимъ такъ же просто, какъ и прежде. Пробывъ съ нами двѣ недѣли, отецъ возвратился къ запорожцамъ въ Турцію и выступилъ съ ними на назначенныя для нихъ земли.

IV.

Въ Таврической губерніи войско его было остановлено на годовыя квартиры, чтобы дать возможность оброкосодержателямъ назначенныхъ земель убрать ихъ хозяйства. Отсюда отецъ поѣхалъ въ Малороссію и перевезъ къ себѣ на квартиру свое семейство. Меньшіе братъ и сестра были, дѣйствительно, опредѣлены на казенный счетъ—братъ въ Александровскій Царскосельскій малолѣтній корпусъ, сестра въ Полтавскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Братъ выпущенъ былъ въ артиллерію, и въ чинѣ подполковника и званіи

батарейнаго командира умеръ въ 1862 г. Остальныхъ дѣтей, т. е. меня, сестру и сестру самую младшую, родившуюся уже въ новомъ нашемъ званіи, отецъ воспитывалъ самъ. Въ настоящее время изъ всей семьи остались въ живыхъ я и младшая сестра. Императоръ Николай Павловичъ и позже не забывалъ Осипа Михаиловича. Въ 1837 году Его Величество проѣзжалъ на Кавказъ чрезъ г. Керчь. Здѣсь долженъ былъ встрѣтить его величество весь городской муниципалитетъ. Графъ М. С. Воронцовъ, бывшій новороссійскій генералъ-губернаторъ, вызвалъ туда къ этому времени и кошеваго, въ то время уже наказнаго атамана Азовскаго казачьяго войска. Какъ только Государь вошелъ въ залъ, гдѣ ожидали его представляющіеся, взоръ его сразу остановился на отцѣ и, пройдя мимо всего собранія, Николай Павловичъ остановился передъ нимъ и милостиво сказалъ:

— «Здравствуй, мой вождь и витязь, Осипъ Михаиловичъ!»

По увольненіи отъ службы, отецъ со старухою матерью поселились въ станицѣ Новоспасовкѣ, гдѣ купили домикъ, за $1^1/_2$ т. рублей. Здѣсь отецъ прожилъ только три года и принужденъ былъ удалиться по причинѣ часто слышанныхъ нареканій отъ запорожцевъ за то, что оставилъ ихъ. Нѣкоторые осмѣлились говорить намѣстнику отца, полковнику Черноморскаго войска Кухаренку, что̀ самъ Кухаренко и передавалъ отцу: «Вы не нашъ атаманъ, вы черноморецъ, нашъ атаманъ Іосипъ Михаиловичъ Гладкій». Такое положеніе дѣлъ заставило его продать въ Новоспасовкѣ домикъ и купить въ Александровскомъ уѣздѣ, Екатеринославской губер., хуторокъ за шесть тысячъ руб. и удалиться совсѣмъ изъ войска. Недоплоченные въ началѣ за хуторокъ $1^1/_2$ т. руб. онъ уплатилъ въ теченіи двухъ лѣтъ изъ получаемаго пенсіона. Здѣсь онъ прожилъ 14 лѣтъ, а въ 1866 году іюля 5 дня отъ холеры скончался; на другой день, т. е. 6 іюля, скончалась старуха моя мать, которая безотлучно находилась при больномъ и сама получила ту же болѣзнь.

Отставной подполковникъ **Василій Гладкій.**

1880 года, іюля 4-го дня.

УЧИЛИЩЕ ПРАВОВѢДѢНІЯ СОРОКЪ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

въ 1836—1842 гг.

II [1]).

Очень и очень многое было мнѣ пріятно въ училищѣ правовѣдѣнія. Иное понравилось мнѣ сразу, почти съ первыхъ минутъ моего поступленія, другое стало нравиться постепенно, понемногу, иное сдѣлалось мило и дорого гораздо позже, съ годами. Все вмѣстѣ образовало что-то необыкновенно близкое, важное, свое, и провело глубокій слѣдъ на душѣ и жизни. Но далеко не все было и мнѣ, да и другимъ, симпатично въ нашихъ порядкахъ и нашей жизни. Мы уже съ самаго начала находили то тò, то другое совершенно худымъ и негоднымъ.

Такъ, напримѣръ, при всей порядочности общаго училищнаго настроенія, все-таки въ нашемъ обиходѣ существовали подробности, на видъ совершенно невинныя и безобидныя, пожалуй, даже ничтожныя, но такія, которыя очень крѣпко давали чувствовать намъ, чтò такое разница сословій, состояній и кармановъ. Изъ многихъ примѣровъ перваго времени нашего присутствія въ училищѣ, я приведу два: шинели и чай.

По неизмѣнному правилу всѣхъ казенныхъ училищъ, мы получали отъ нашего училища все платье и бѣлье. Въ этомъ ни исключеній, ни разницы никакой не существовало. Но теплую шинель долженъ былъ себѣ заводить каждый самъ. Чтò это такое значило? И на что это нужно было? Неужели при остальныхъ громадныхъ расходахъ могъ составить великую важность расходъ на нѣсколько шинелей?

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (декабрь), стр. 1015 - 1042.

Стоило только записать въ смету эту ничтожную добавочную трату—и единымъ почеркомъ пера, безъ всякихъ разговоровъ, она была-бы утверждена. Но этого не случилось, и теплыя шинели у цѣлаго училища были—свои. Чтò же изъ этого произошло? То, что разные папеньки и маменьки почувствовали потребность не ударить лицомъ въ грязь со своимъ сынкомъ, и шили ему великолѣпную шинель съ бобровымъ воротникомъ и отворотами, съ ярко сіящими золочеными пуговицами «совершенно какъ у настоящаго гвардейскаго офицера». И всѣ, и маменька, и папенька, и сынокъ чванились и парадировали, когда приходило воскресенье, и ихъ «Alexandre» или «George», дождавшись конца обѣдни, молодецки набрасывалъ пышную свою шинель на плечи, и тріумфаторомъ сбѣгалъ по лѣстницѣ на подъѣздъ. На чтò нужно было давать поводъ къ этому дурацкому чванству, на чтò надо было терпѣть его? Иные бѣдные провинціалы, уже и такъ насилу справлялись съ тѣмъ, чтобъ изъ своей далекой и бѣдной глуши послать въ Петербургъ своего мальчика и устроить его въ знаменитомъ училищѣ правовѣдѣнія, а тутъ не угодно-ли еще добывать ему шинель, да еще непремѣнно «съ мѣховымъ воротникомъ!» Наконецъ, бѣдные провинціалы кое-какъ справили ее, они воображали, что ихъ Сережа или Евграфушка и нивѣсть какъ счастливъ съ этой шинелью, такъ тяжело имъ доставшейся. Но они того не знали, сколько насмѣшекъ и хохота родила потомъ эта самая шинель, съ ея кошачьимъ или собачьимъ крашенымъ, на манеръ соболя или бобра, воротникомъ, какъ надъ нею потѣшались тѣ дрянные мальчишки, съ холопскими понятіями, которыхъ въ каждомъ училищѣ всегда навѣрное цѣлая куча. Вы скажете: какіе пустяки! какіе ничтожные, ничего незначущіе уколы пустѣйшему самолюбію!—Да, незначущіе; однако, самолюбіе это есть, и уколы ему, охъ, какъ больны, особливо въ первые, свѣжіе годы, да еще такъ часто, такъ регулярно—всякую недѣлю, всякое воскресенье, именно въ ту минуту, когда надо отправляться домой, къ родственникамъ или родителямъ. И ни за что не смѣй имъ разсказать, что вотъ какъ изъ-за этой проклятой шинели надо было ихъ выгораживать, ихъ защищать—нѣтъ, тутъ будь съ ними милъ, и пріятенъ, и веселъ. Сколько конфиденцій подобнаго рода слышалъ, навѣрное, каждый изъ насъ, въ откровенную минуту дружбы!

Другая исторія у насъ была съ чаемъ. За него тоже былъ долженъ платить каждый, кто хотѣлъ его пить утромъ. Заплати въ мѣсяцъ столько-то, и тебя утромъ, тотчасъ послѣ молитвы, ведутъ маршемъ и парами, съ другими такими же «исключеніями», какъ и ты самъ, внизъ, въ столовую, а тамъ уже стоятъ глиняныя бѣлыя

кружки съ чаемъ, конечно, безвкуснымъ и плохимъ, а все чаемъ. А другіе всѣ остальные должны взять свою бѣлую круглую булку и жевать ее въ сухомятку. Такъ ничего для питья этимъ другимъ и не было до самаго обѣда, т. е. до 1 часа дня. Правда, эти бѣлыя круглыя булки (отъ знаменитаго тогда булочника Вебера у Семіоновскаго моста, помѣщавшагося тамъ, гдѣ нынче существуетъ булочникъ Ивановъ), были лучшее кушанье изъ всего, что мы получали въ правовѣдѣніи, но все-таки это ни на минуту не заглушало ѣдкаго чувства досады и зависти въ каждомъ изъ непривиллегированныхъ. Кто изъ десятковъ мальчиковъ, остававшихся съ одною булкою въ рукахъ, былъ виноватъ, что его отецъ или дядя не можетъ платить столько-то рублей за дрянной этотъ чай, а между тѣмъ его пить хочется и нужно, а между тѣмъ уколъ самолюбію повторяется неизбѣжно, неизмѣнно, всякое утро, всякое утро. Съ этого укола начинался, для многихъ, ихъ день утромъ. Извольте потомъ, съ этимъ гадкимъ уколомъ внутри, идти въ классъ и уткнуть носъ въ тетрадь и книгу! Это дѣленіе на пьющихъ и непьющихъ чай было такъ некрасиво, такъ безобразно, что когда принцъ Ольденбургскій въ 1837-мъ году женился и, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, принцесса Терезія пріѣхала, однажды утромъ, въ училище и увидѣла въ одной залѣ толпу мальчиковъ, пьющихъ весело и шумливо свои кружки, а въ другой— еще бóльшую толпу мальчиковъ, сиротливо гложущихъ свои сухія булки, и ей разсказали, на ея вопросъ, чтó это такое значитъ, она сказала: «Ach, arme Kinder!», и велѣла изъ своей собственной шкатулки давать сколько нужно денегъ, чтобъ всѣ до единаго могли утромъ пить плохой чай въ бѣлыхъ кружкахъ. Она сдѣлала доброе, прекрасное дѣло, еще болѣе для умовъ и характеровъ, чѣмъ для желудковъ. Впослѣдствіи, по примѣру которыхъ-то нѣмецкихъ или англійскихъ училищъ, насъ всѣхъ стали поить, по утрамъ, ржанымъ кофеемъ съ молокомъ. Мы его не очень-то любили, однако онъ былъ въ самомъ дѣлѣ здоровъ и питателенъ.

Совершенно въ другомъ родѣ не нравились намъ иныя еще вещи. Напримѣръ, тѣ глупыя фразы, которыя мы должны были иногда говорить, а иногда громко выкрикивать. Такъ, напримѣръ, когда мы являлись, въ воскресенье, въ 9 часовъ вечера, назадъ въ училище, изъ дому, каждый изъ насъ долженъ былъ подойти къ дежурному «воспитателю», стать въ служебную позу, и, подавая «воспитателю» свой печатный билетъ съ отмѣткой родителей о времени прихода домой и ухода изъ дому, проговорить натянуто-оффиціальнымъ голосомъ: «Честь имѣю явиться! Изъ отпуска прибылъ благополучно!» На чтó нужно было «воспитателю» 200 разъ сряду прослушать этотъ

невинный вздоръ, на что̀ нужно было и каждому изъ насъ проговаривать его серьезнымъ тономъ, какъ что-то будто-бы и въ самомъ дѣлѣ нужное и серьезное! Точно также, всякое утро, между $8^1/_2$ и 9 часовъ, около времени начала класса, директоръ приходилъ изъ своей квартиры къ намъ наверхъ, и, входя въ каждый классъ, громко и рѣшительно произносилъ: «Здравствуйте, господа!» Наша обязанность была: соскочить со своихъ табуретовъ на высокихъ ножкахъ, вытянуться въ струнку, и громко и рѣшительно прокричать: «Здравія желаемъ, ваше превосходительство-о-о!» Что̀ за «здравіе», что́ за «желаніе»—мы надъ всѣмъ этимъ порядкомъ смѣялись, какъ и надъ «благополучнымъ прибытіемъ изъ отпуска», однако перемѣнить ничего не могли. Впрочемъ, впослѣдствіи, когда мы подросли и перешли въ старшіе классы, мы иной разъ, при событіяхъ крайней политической для насъ важности, вздумали употребить въ свою пользу это «здравія желаемъ», и своимъ глубокимъ молчаніемъ, въ отвѣтъ на громкій утренній возгласъ директора—наказывать его, когда считали его виноватымъ передъ нами. Но это было уже нѣчто въ родѣ заговора и бунта.

Однакоже гораздо хуже смѣшныхъ словъ было у насъ многое другое еще. Утреннее появленіе директора было сигналомъ расправъ. Все, что вчера, въ продолженіе цѣлаго дня, случилось въ училищѣ крупнаго и некрупнаго, важнаго и пустаго, было уже съ вечера доложено и объяснено директору Пошману, и словесно, и письменно, главнымъ дежурнымъ, и тотчасъ бывало рѣшено у нихъ, что̀ надо предпринять съ виновными. День нашъ начинался бранью и наказаніями. Что происходили тутъ наказанія—это еще куда не шло, и по тогдашнимъ привычкамъ и понятіямъ никто не сомнѣвался, не только наказывающіе, но и наказываемые, что иначе и быть не можетъ. Но главное, что̀ было очень несносно, это—брань директора, не столько грубая и злая, сколько нелѣпая. Нашъ добрый директоръ подчасъ говорилъ намъ, на своихъ расправахъ, такія глупости, что слушать было невыразимо скучно. Всего чаще онъ кричалъ намъ рѣзкимъ голосомъ, и грозя пальцемъ въ воздухѣ, что мы «мужики» и «кучера»; къ сожалѣнію, мы не знали, что въ этихъ самыхъ 1830-хъ годахъ столько же бонтонное, какъ и нашъ Пошманъ, петербургское общество прямо въ глаза тоже говорило Глинкѣ, что его опера—«musique des cochers», а Глинка отвѣчалъ, что «это хорошо и даже вѣрно, ибо кучера, по-моему, дѣльнѣе господъ». Но это еще что! Пошманъ нерѣдко кричалъ то тому, то другому изъ насъ: «Вашъ батюшка генералъ, онъ въ кампаніяхъ кровь свою проливалъ... а вы что проливаете? А вы что дѣлаете?» Мы слушали, въ глубочайшемъ

молчаніи и съ сѐрьезною миною, всѣ глупости директора, а про себя тоже думали: «Ахъ, какъ надоѣлъ! Ахъ, какъ надоѣлъ! скоро-ли конецъ? И къ чему онъ все это говоритъ? Взялъ-бы, да скорѣе уводилъ въ карцеръ, или сѣчь, а то вонъ сколько еще болтаетъ ненужнаго! И еще кричитъ намъ, что мы «мальчишки»! Да кѣмъ же намъ и быть, какъ не мальчишками? Неужто директорами какъ онъ, и генералами?» Распеканія директора, скучныя и длинныя, вотъ это-то и было настоящее наказаніе, остальное—на придачу. Какъ ни нелѣпо было сажать насъ въ «карцеръ», т. е. въ совершенно темный маленькій чуланъ, въ такомъ концѣ дома, куда никто не долженъ былъ прійти весь день, хоть разстучись въ дверь; какъ ни тоскливо было сидѣть тамъ, и день, и два, и три, а иногда и больше, въ этой лачугѣ, въ праздности и слѣпотѣ (словно въ венеціанской тюрьмѣ), а все отъ времени до времени прорвется туда, бывало, къ дверямъ кто-нибудь изъ товарищей, придетъ, поговоритъ шепотомъ сквозь тонкую дощатую перегородку, даже развеселитъ училищными новостями, потомъ еще подкупленный вахтеръ принесетъ въ голенищѣ сапога что-нибудь поѣсть, какую-нибудь сѣрую булку съ черствымъ замасленнымъ сыромъ; потомъ еще три-четверти времени посаженный въ карцеръ проспитъ, на тонкомъ, какъ блинъ, и загаженномъ, цѣлыми десятками тутъ сидѣвшихъ, тюфякѣ,—такъ и пройдетъ незамѣтно весь срокъ. Какъ же можно сравнить все это съ директорской бранью!

Но что̀ производило въ насъ чувство совершеннаго омерзѣнія—такъ это сѣченье. Правда, система битья розгами была въ тѣ времена въ величайшемъ ходу вездѣ въ нашихъ заведеніяхъ, и производилась во сто разъ чаще, жесточе и непристойнѣе, чѣмъ у насъ, и мы это знали; но, тѣмъ не менѣе, мы смотрѣли на эту безобразную расправу съ ничѣмъ незатушимымъ отвращеніемъ. Надо замѣтить, что не смотря на царствовавшую тогда повсюду привычку къ сѣченью, было уже не мало семействъ въ Россіи, гдѣ этимъ глупымъ варварствомъ гнушались, и гдѣ считали его не только противнымъ, но еще и совершенно безцѣльнымъ. Такъ было и у меня въ семействѣ. Никто изъ всѣхъ насъ не зналъ, что̀ такое наказаніе вообще, а тѣмъ менѣе—розги! Притомъ, я родился въ городѣ, никогда не бывалъ въ деревнѣ, и понятія не имѣлъ о томъ, какъ помѣщики, еще болѣе отъ нечего дѣлать, чѣмъ отъ тупости и звѣрства, дерутъ на конюшняхъ крестьянъ прутьями, а лакеевъ и горничныхъ, безъ малаго цѣлый день, дуютъ по зубамъ. Конечно, въ училищѣ былъ не одинъ я изъ подобнаго семейства. Къ чести Россіи, ихъ тогда было уже не мало. Какое же омерзительное впечатлѣніе дол-

жны были производить на насъ эти вѣчныя, съ самаго утра, угрозы розогъ, или эти столь частые «уводы» одного, двухъ, трехъ изъ класса—на розги. «Исправленіе» наше не прибавлялось, но за то прибавлялось—гадкое ощущеніе внутри. Въ заключеніе прибавлю, что мы никогда не относились съ презрѣніемъ и насмѣшками къ сѣченнымъ. Мы стояли на ихъ сторонѣ, и считали ихъ обиженными. Я помню всего одинъ только примѣръ, что кто-то изъ высшаго класса, О... старшій, бранясь съ однимъ изъ нашихъ, и расходившись до злости, вдругъ закричалъ ему мерзкимъ, остервѣнѣлымъ голосомъ: «Драный!!» Но тотчасъ-же вступилась за оскорбленнаго цѣлая толпа, товарищей, «нашихъ», до тѣхъ поръ спокойно слушавшая всю остальную брань, и О... насилу по-добру по-здоровому унесъ ноги.

Особливо мнѣ памятна одна сцена изъ тогдашнихъ временъ. У насъ, въ маленькихъ классахъ, были учителями англійскаго языка какіе-то два неимовѣрные чудака: Веберъ и Мозерби. Отчего они сдѣлались нашими учителями, мы никогда понять не могли. Они составляли какое-то странное исключеніе среди всего нашего учебнаго персонала. Это были два грубыхъ и суровыхъ англичанина, точь въ точь кочегары съ англійскаго парохода, можетъ быть и обладавшіе прекраснымъ отечественнымъ выговоромъ, но сущіе медвѣди, съ глухимъ и отрывистымъ рычаньемъ вмѣсто разговора, со стучаньемъ кулака по столу, съ дико сверкающими глазами. Кромѣ англійскаго своего языка они никакого другаго не знали, едва могли пролепетать нѣсколько французскихъ словъ; мы ихъ не понимали, они насъ тоже, и когда на насъ, вслѣдствіе того, сердились, кажется, того и смотри, готовы были каждую минуту насъ прибить. Мы ихъ терпѣть не могли, и вѣчно насмѣхались надъ ними. Вотъ, однажды, кто-то изъ мальчишекъ-баловниковъ, ловко подкравшись сзади, насыпалъ одному изъ этихъ двухъ чудаковъ, въ задній карманъ синяго его фрака—песку, а другому—песку съ чернилами въ шляпу. Сбѣсились наши англичане, одинъ когда надѣлъ шляпу на голову, другой когда полѣзъ въ карманъ за платкомъ. Кричали, топали ногами, стучали кулаками по каѳедрѣ, сверкали дикими глазами—ничто не помогало, имъ никто не отвѣчалъ. Пришелъ директоръ, тоже сталъ шумѣть, кричать, требовать выдачи виноватаго—ничего изъ этого не вышло. Никто изъ обоихъ нашихъ классовъ не былъ доволенъ глупою продѣлкою, никому она не нравилась, а всетаки виноватаго не выдали. Оба класса уперлись и молчали, и это было тѣмъ важнѣе и достопримѣчательнѣе, что намъ не было времени уговориться. Видно, отвращеніе къ фискальству и доносу было у этой молодежи сильно ужъ и такъ, само собою, безъ всякаго

уговора. Но Пошманъ уже столько нашумѣлъ и накричалъ, такъ много нагрозился, такъ вошелъ въ начальническую истерику, что отступать ему было уже нельзя. Надо было что-нибудь предпринять, тѣмъ болѣе, что англійская парочка кочегаровъ жестоко жаловалась, и, съ пѣной у рта, совсѣмъ выходила изъ себя, на квартирѣ у директора. И тогда Пошманъ, очень можетъ быть, экспромтомъ для самаго себя, крикнулъ задыхающимся голосомъ: «А если не узнаю виноватаго, передеру оба класса, черезъ одного всѣхъ...» Оба класса стояли въ глубокомъ молчаніи, хоть бы кто шелохнулся. И тогда началась отвратительная сцена. Это происходило въ верхней угловой комнатѣ, той, что на углу Косаго переулка—теперь тутъ одинъ изъ дортуаровъ, въ тѣ времена это была учебная комната нашего самаго младшаго класса. Комната была болѣе другихъ, и потому оба младшіе класса могли тутъ свободно стоять, оба разомъ. Въ одну секунду солдаты притащили скамейку, совершенно такую, на какихъ нынче спятъ дворники у воротъ, съ изголовьемъ накось; явился училищный палачъ, унтеръ-офицеръ Кравченко (изъ преображенцевъ, какъ всѣ почти, тогда, наши солдаты; его обязанность была: звонить въ колокольчикъ утромъ, къ обѣду, ужину, смотрѣть за солдатами, и—сѣчь. У него было множество крестовъ и медалей на груди). Розги были уже у него въ рукахъ. «Въ послѣдній разъ спрашиваю, кто это сдѣлалъ?» грозно закричалъ директоръ. Опять молчаніе. «Ну, тогда вы первый»—закричалъ опять директоръ высокому и красивому С—кому, котораго, дѣйствительно, всего болѣе подозрѣвали въ преступленіи, да при томъ-же въ своемъ классѣ (не въ нашемъ) онъ былъ всѣхъ выше ростомъ, значитъ приходился съ краю. Верзилу С., отчаянно сопротивлявшагося и отбивавшагося, два солтата схватили, раздѣли, положили на скамейку, Кравченко сталъ его сѣчь. Директоръ, заложивъ руки за спину, ходилъ неровнымъ шагомъ по комнатѣ. «Воспитатели» оффиціально молчали, застегнутые въ свои вицмундиры. Невыразимая тоска и отвращеніе щемили мнѣ сердце. Я отвернулся въ сторону, взглянулъ на ряды «нашихъ», всѣ стояли рядами блѣдные, насупленные, сдвинувъ брови и сжавъ губы, а въ высокія окна, какъ ни въ чемъ не бывало, глядѣло голубое небо и верхушки деревьевъ Лѣтняго Сада, напротивъ. Но что́ у насъ у всѣхъ внутри дѣлалось, пока свистѣли и ударяли розги, пока С. вскрикивалъ все болѣе и болѣе дикимъ голосомъ, все болѣе и болѣе остервеняясь при каждомъ новомъ ударѣ — этого мнѣ никогда не разсказать. Но всѣ мы сходились тогда въ одномъ и томъ же чувствѣ — ненависти къ директору и этому омерзительному его дѣлу. Въ этомъ всѣ мы сходились, и еслибъ только можно было, мы-бы разорвали на клочки

этого проклятаго для насъ въ эту минуту, звѣря и негодяя, директора Пошмана. А между тѣмъ, онъ все-таки былъ нехудой человѣкъ. Онъ поролъ, потому что всѣ тогда пороли, и иначе ему нельзя было поступать. Кто знаетъ, можетъ быть и его тоже папà и мамà били и сѣкли дома, когда онъ былъ еще мальчикомъ, и не носилъ еще генеральской шляпы и ленты. Онъ такъ и привыкъ навсегда думать, что безъ розогъ—свѣтъ вверхъ ногами пойдетъ. Да сверхъ того, вздумай онъ «умничать» по части розогъ теперь, на своемъ директорскомъ мѣстѣ, его-бы самаго забраковали и вышвырнули-бы вонъ, на него доносили-бы, на него указывали-бы пальцами въ начальническомъ и директорскомъ мірѣ: что же тутъ оставалось дѣлать? Конечно: сѣчь, какъ велятъ, какъ принято! Но ему самому было тяжко и трудно, можетъ быть, на добрую половину столько же, сколько и намъ: онъ выдержалъ и самъ всего два сѣченья, продолжая ходить по классу все нервнѣе и нервнѣе, и не глядя на экзекуцію. Высѣкли сначала С—аго, потомъ В—аго, краснощекаго, смуглаго мальчика съ черными глазами, живаго и забіяку, но совершенно невиннаго въ этомъ дѣлѣ. Онъ все время сѣченья раздирающимъ голосомъ кричалъ, что невиненъ. У меня вся внутренность дрожала. Наконецъ, директоръ закричалъ, чтобъ перестали, и ушелъ вонъ, не говоря ни слова, и не оглядываясь. Мы разбрелись по заламъ, и наше негодованіе, наша злоба, наше омерзѣніе долго не улеглись. Я не забылъ тогдашняго мерзкаго чувства даже вотъ спустя 40 лѣтъ. Тогдашняя картина стоитъ даже и теперь предъ моими глазами, какъ живая. А виновныхъ все-таки такъ и не узнали. Къ чему же надобно было это дрянное, возмутительное варварство? Вѣдь факты, точь въ точь подобные тому, изъ-за котораго сѣкли передъ нами, все-таки повторялись потомъ въ училищѣ десятки разъ!

Чтобъ кончить съ этой противной исторіей, я скажу еще, что не долго спустя С—кій и В—кій вышли изъ училища—ихъ взяли родители. Первый служилъ потомъ, и съ почетомъ, губернскимъ предводителемъ, второй—въ артиллеріи. Къ чести нашего начальства надо замѣтить, что уже и въ первые четыре года существованія училища розги употреблялись у насъ все рѣже и рѣже. Начиная съ 1840 года о нихъ можно было услыхать уже въ кои-то вѣки!

Самое тяжкое наказаніе по училищу, нѣчто въ родѣ тамошней «смертной казни», было исключеніе изъ училища. На нашемъ воспитанническомъ языкѣ мы называли это дѣло гораздо проще и ближе: мы говорили «выгнали», «выгоняютъ», «выгонятъ» такого-то—и дѣйствительно, это выражало то, чтò въ самомъ дѣлѣ было, а не то,

что́ такъ мило и невинно обозначаетъ фарисейски-канцелярское «исключили». Что за проклятая, что за сумасбродная это была система «выгонянья» того, кто проштрафился, по понятію начальства, очень тяжко! Но вѣдь воспитательныя заведенія на то и существуютъ, чтобъ развивать и воспитывать (на что же иначе и «воспитатели»?), поправлять и возвышать, а не на то, чтобъ только радоваться на образцы совершенства, премудрости и знанія. Начальствамъ не приходитъ въ голову, что если уже надо дѣлать непремѣнно выборъ между тѣми, кого крѣпко сохранять у себя и съ кѣмъ разстаться, то ужъ, конечно, ихъ обязанность раньше всего—ни за что не выпускать вонъ, ни за что на свѣтѣ не «выгонять» тѣхъ, кто «худо учится», кто «мало способенъ», кто «худо ведетъ себя». Во-первыхъ, сто тысячъ разъ уже оказывалось на дѣлѣ, что такъ-называемые «худо учащіеся», «худо ведущіе себя» — они-то потомъ и выходили самыми даровитыми, самыми способными, самыми полезными людьми, иногда истинными историческими личностями и дѣятелями,—но этого никогда не случалось съ тѣми посредственными тупицами, которые такъ нравятся высшему начальству, и по своему ученію, и по своему поведенью, которые обыкновенно получаютъ всѣ награды, всѣ поощренія, всѣ медали, и чаще всѣхъ остальныхъ красуются на «золотыхъ доскахъ». Во-вторыхъ же, пускай мальчикъ или юноша и въ самомъ дѣлѣ худо учится, и худо «ведетъ себя». Такъ чтожъ! Лучше выпустить вонъ изъ училища кого угодно, самыхъ лучшихъ, самыхъ способныхъ, самыхъ талантливыхъ — тѣ и безъ васъ найдутъ свою дорогу, и добьются того, къ чему влечетъ ихъ натура. Ваше дѣло — помогать слабымъ, облегчать работу малоспособнымъ, преподавать имъ самые вѣрные и надежные способы ученья и образованья. А то—«выгнать! выгнать!» Какъ это легко, но какъ это тоже и безумно! Послѣ этого, недостаетъ только еще того, чтобъ ортопедическія заведенія именно прогоняли отъ себя прочь горбатыхъ и кривобокихъ, глазныя лечебницы—кривыхъ, косыхъ и слѣпыхъ, больницы—страдающихъ горячкой и тифомъ. Чистый сумасшедшій домъ!

Я помню, въ числѣ «выгнанныхъ», въ мое время, былъ одинъ графъ ***, красавецъ, молодецъ, лихой, славный мальчикъ. И за что его «выгнали»? За то, что онъ укралъ у товарищей сначала нѣсколько карандашей, книжекъ, бумаги, потомъ никому ни на что не нужныхъ мѣдныхъ жетоновъ отъ игры «ломберъ» (и на что̀ понадобилось которому-то нашему мальчику привезти изъ родительскаго дома въ училище!), наконецъ укралъ у кого-то изъ насъ два серебряныхъ рубля, которые спустилъ потомъ, когда начались розыски, въ трубу ватерклозета. Но ихъ оттуда, конечно, легко достали: труба была

съ загибающимся вверхъ колѣномъ. У насъ не посмотрѣли на то, что графъ этотъ былъ богатъ, что отецъ давалъ ему денегъ цѣлую кучу, что у него были давно уже у самаго часы, что такихъ жетоновъ онъ могъ-бы сейчасъ достать себѣ, не кравши, хоть цѣлый сундукъ, значитъ, что эти кражи его были только какою-то странностью, временнымъ дѣтскимъ уродствомъ, болѣзнью — нѣтъ, ничего этого у насъ не подумали и не поняли, и красавчика графа ***— «выгнали!» Зачѣмъ? На что? никто не справлялся объ этомъ изъ высшихъ, за то сколько спрашивали и толковали между собою мы! Графа *** увели изъ нашего класса, а что дѣло кончится плохо, мы это знали уже напередъ изъ того, что директоръ Пошманъ не кричалъ и не бранилъ графа—это всегда былъ самый дурной знакъ. Его, значитъ, такъ-таки прямо повели въ училищный лазаретъ, всегдашнее мѣсто «предварительнаго заключенія» передъ тѣмъ, что «выгонятъ». Съ того дня мы графа *** такъ никогда больше и не видали. Много лѣтъ спустя, правда, мы слыхали, что онъ сдѣлался великимъ франтомъ и мотомъ, разъѣзжаетъ по Невскому на великолѣпныхъ рысакахъ, на саняхъ, выложенныхъ слоновою костью и перламутромъ, съ полостью изъ мѣха какихъ-то драгоцѣнныхъ звѣрей, живетъ съ знаменитой петербургской красавицей, актрисой Михайловскаго театра Дегранжъ, но все это легко могло совершиться и безъ «выгнанія» изъ училища, примѣровъ столько. А все-таки ничего худаго о немъ никогда мы не слыхали, и все-таки «выгонять» его изъ училища не надо было. Пусть-бы насъ спросили, мы навѣрное сказали-бы: «не надо, не надо!» Вѣдь судъ товорищей, навѣрное, всегда справедливѣе, дальнозорче и глубже, чѣмъ судъ самаго превосходнаго, самаго «умнаго» и самаго «опытнаго» начальства. У отроковъ и юношей чувство справедливости еще ничѣмъ не затемнено и не загромождено.

Тѣ наказанія, которыми распоряжались сами «воспитатели», были гораздо кротче и милѣе, но столько-же нелѣпы. То насъ лишали послѣдняго блюда, то и вовсе ничего не давали ѣсть за обѣдомъ или ужиномъ, а то еще насъ выставляли «къ столбу». Въ тѣ времена еще не приходило въ голову начальствамъ, что человѣкъ можетъ шалить и дѣлать разныя глупости, а ѣсть все-таки долженъ, тѣмъ болѣе, что наши обѣды были вовсе не такъ богаты и обильны, чтобъ изъ нихъ можно было что-нибудь убавлять. А тѣ, кого ставили «къ столбу» (или, точнѣе, просто къ стѣнѣ, потому что въ столовой, гдѣ эта мѣра практиковалась, никакихъ столбовъ не было) ничуть не предавались ни раскаянію, ни какимъ другимъ печальнымъ размышленіямъ: они только съ внутренней досадой на

«мучителей» поглядывали по сторонамъ и ждали, скоро-ли обѣдъ кончится—вотъ и все! Стоило-ли, послѣ этого, и выдумывать-то всѣ такія глупости?

Къ числу другихъ еще изрядныхъ нелѣпостей нашей тогдашней жизни принадлежало кормленіе насъ постнымъ кушаньемъ по середамъ и пятницамъ. Кто это выдумалъ, я уже и не знаю, но это было тѣмъ несообразнѣе, что постничанье, въ теченіе круглаго года, нигдѣ болѣе не было тогда въ употребленіи въ цѣлой Россіи, въ дворянскихъ семьяхъ, и существовало только у купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ. Неужели надѣялись, что и къ намъ привьется этотъ археологическій курьезъ? Мы отъ всего сердца посылали эту неумную затѣю ко всѣмъ чертямъ. Не было такой середы и пятницы, которую мы бы не бранили съ утра до вечера, потому что, наконецъ, даже просто голодали въ эти дни: никому не было охоты питаться отчаянными грибными супами и селедками невиданныхъ размѣровъ, чуть не по ½ аршину, какими угощалъ насъ въ эти дни нашъ экономъ, бывшій капитанъ преображенскаго полка, изъ солдатъ, Иванъ Кузьмичъ Кузьминъ, съ чухонскимъ раздавленнымъ лицомъ и круто нафабренными усами. Высшее начальство всегда «пробовало» это кушанье и видно не находило его невыносимымъ. Наши же «воспитатели» должно быть думали иначе, потому что должны были обѣдать съ нами и быть сыты тѣмъ-же, чѣмъ и мы: они стали позволять, сначала тò одному, тò другому изъ насъ въ среду и пятницу посылать въ булочную Вебера за выборгскими булками и кренделями (тогда очень знаменитыми); скоро это позволеніе стало распространяться на цѣлые десятки воспитанниковъ, на цѣлые классы, и подъ конецъ все училище, почти сплошь, питалось въ постные дни самыми скоромными и аппетитными печеньями. Наѣдались гораздо больше, чѣмъ въ остальные дни недѣли, на цѣлыхъ 24 часа впередъ. Въ среду и пятницу, по утрамъ, все училище только и думало, скоро-ли кончится классъ и солдаты явятся съ закрытыми корзинами? Многіе раньше звонка начинали уже выбѣгать изъ класса и заглядывать на площадку лѣстницы: не принесли-ли уже? Одинъ разъ, на все это крѣпко разсердился преподаватель гражданской практики въ высшихъ классахъ, помощникъ статсъ-секретаря въ государственномъ совѣтѣ, Яковлевъ (тотъ самый, у котораго хорошенькая жена сбѣжала съ офицеромъ послѣ 16 лѣтъ самаго дружескаго и добродѣтельнаго супружества) — однажды ужасно разсердился онъ на всю эту процедуру, остановилъ свою лекцію, и, словно окрысившись, заговорилъ: «Чтò это въ нашемъ училищѣ происходитъ по утрамъ въ среду и пятницу! Ходятъ стаями, таскаютъ

булки сотнями! Ни на что не похоже! Профѐссора и не слушають!» и долго не могъ успокоиться и продолжать лекцію.

Къ чему-же вело все это ипокритское постничанье?

Какъ не научила насъ истинному благочестію эта затѣя, такъ точно не научила насъ истинному французскому и нѣмецкому языку другая столько-же остроумная выдумка. Именно: передаванье круглаго мѣднаго билета тому, кто въ отведенные для французскаго и нѣмецкаго языка дни заговоритъ по-русски. Этой затѣи научилъ нашего директора французъ Бераръ, гувернеръ и преподаватель со скобленнымъ лицомъ и кокомъ поверхъ лба, о которомъ я говорилъ выше: какъ истый французскій педантъ, онъ посѣялъ у насъ эту забавную вещь, потому-что любилъ всякія «мѣропріятія», такъ что, хотя и добрый человѣкъ, а иной разъ съ наслажденіемъ говорилъ намъ, что намъ дадутъ «la schlague, la schlague» (розги, которыя онъ выражалъ, для бо̀льшей важности, на нѣмецкомъ языкѣ, котораго вовсе не зналъ). Мы сначала были озадачены мѣдными круглыми билетами, и поддались вполнѣ желанію начальства: стали другъ-друга шпіонить, подкарауливать, подслушивать, чтобы только сбыть свой билетъ и поскорѣе всучить его другому. Тутъ пошли у насъ изъ-за этого вражды, ссоры, брани и драки, особливо подъ вечеръ, когда дежурный «воспитатель» наводилъ справку: у кого остался въ послѣдній разъ билетъ, кого надо записать какъ виноватаго? Намъ грозило нѣкоторое очень серьезное оподлѣніе. Но оно, однакоже, не пустило между нами корней. Сначала у насъ наши запѣвалы догадались, чтобы билеты пропадали неизвѣстно гдѣ, начисто, и такъ, что невозможно было розыскать, изъ чьихъ именно рукъ онъ исчезъ; но потомъ у насъ придумали что-то еще попроще: просто завели очередь, кому сегодня, кому завтра держать билетъ весь день у себя въ карманѣ, и потомъ вечеромъ дать записать его на свое имя. Билеты аккуратно ходили по училищу, начальство оставалось въ дуракахъ, а большинство между нами все-таки не научалось говорить ни по-французски, ни по-нѣмецки.

Вспоминая теперь прошлое, я не могу тоже понять, что̀ было хорошаго въ той системѣ раздразниванья и растравливанья самолюбій, которая практиковалась въ отношеніи къ намъ. Послѣ окончанія каждаго мѣсяца, въ одинъ изъ вечеровъ, пока мы у себя въ классѣ готовили уроки и писали «сочиненія» къ слѣдующему дню, отворялась дверь и входила длинная тощая фигура нашего инспектора, барона Врангеля, въ вицъ-мундирѣ и съ тетрадками бумагъ. Онъ водворялся на каѳедрѣ, и принимался читать «мѣсячные баллы». Каждый изъ нашихъ профессоровъ или учителей обязанъ былъ поста-

вить каждому изъ насъ средній баллъ, за все мѣсячное ученье, потомъ складывали баллы всѣхъ профессоровъ, прибавляли туда баллъ «за поведенье» класснаго нашего «воспитателя», и выводили общій средній баллъ. Потомъ, располагали весь списокъ въ систематическомъ порядкѣ, и читали намъ: «за прошлый мѣсяцъ первый—такой-то, второй—такой-то», и т. д. до конца списка. Предполагалось, что отъ этого мы будемъ лучше учиться. Скажите, неужели это умно? Хорошо учиться изъ-за того, чтобъ тебя прочли 8-мъ, а не 9-мъ и не 13-мъ! Какіе дрянные мотивы! какія негодныя средства! Въ тѣ времена тоже никто еще не зналъ у насъ, въ средѣ начальства, что «хорошо учиться», т. е. быть ловкимъ пронырой, умѣющимъ прилаживаться къ тому, что требуется, или быть пустымъ зубрилой—это одно, а «знать»—это другое. Но то, чего не разумѣли и не постигали «опытные» начальники и наставники, то очень хорошо понимали мы, мальчики. Оффиціальный и нашъ счетъ успѣховъ и знанія—никогда не сходились, и сколько мѣсяцевъ и лѣтъ сряду инспекторъ со всѣми своими золотыми очками и пуговицами ни читалъ намъ, что «первый»—тотъ-то, а «второй»—тотъ-то, но это на насъ не дѣйствовало и насъ не убѣждало, и у насъ счетъ велся—свой, и когда надо было намъ посовѣтоваться, узнать что-нибудь, мы никогда не адресовались за этимъ къ казеннымъ героямъ знанія и премудрости. У насъ были свои «первые» и «вторые». Все беззубое шамканье и лепетанье инспектора-барона, съ каѳедры, вело лишь къ тому, что мы съ любопытствомъ выслушивали его цифры и выводы, а потомъ уже разбирали между собой по своему—и какъ, и почему, кому больше, а кому меньше «удалось» на этотъ разъ. Это все были только «казенныя дѣла». О знаніи и успѣхахъ тутъ не было никакого и помину. Какъ горько заблуждалось наше педагогическое и иное начальство! Быть можетъ, намѣренія у этихъ добрыхъ людей были благодѣтельныя, но ужъ умѣнья-то вовсе никакого. У нихъ вовсе не было понятія о томъ, за что и какъ надо взяться.

Учились мы, вообще говоря, хорошо. Само собою разумѣется, одни изъ насъ шли отлично, другіе средственно, третьи и совсѣмъ плохо, иначе и быть не можетъ, но въ общей сложности итогъ былъ вообще очень удовлетворительный, хорошій, если считать хорошимъ ученьемъ отсутствіе лѣности и исправное приготовленіе отвѣтовъ учителямъ. Дѣйствительно-же образовались между нами только тѣ, кто самъ о себѣ заботился, кто постоянно и самъ занимался, потому что того требовала его собственная интеллигенція. Такихъ, конечно, было немного. Но что̀ любопытно, и что мы замѣтили съ самаго еще начала—это, что очень рѣдко хорошо учились и значительно развивались тѣ изъ поступав-

шихъ въ наше училище товарищей, о которыхъ родители не въ мѣру хлопотали, которыхъ они не въ мѣру учили еще съ самыхъ маленькихъ лѣтъ. Сколько мы видѣли такихъ мальчиковъ и юношей, которые поступили къ намъ съ «блестящимъ приготовленіемъ», которыхъ дома учили чуть не десятки учителей, гувернеровъ и профессоровъ, которые прекрасно писали и говорили не то что по-французски и по-нѣмецки, но даже по-англійски, которые прошли чуть не пол-училищнаго курса еще дома— и что-же потомъ выходило? Увѣренные, что они знаютъ гораздо больше остальныхъ, да еще надолго впередъ, и, сверхъ того, лишенные родительскаго Дамоклова меча—понуканій, хвастовства, и щеголянья передъ гостями, эти несчастные уродцы, нѣчто въ родѣ разряженныхъ болонокъ, служащихъ на заднихъ лапкахъ,—эти мальчики, будучи предоставлены самимъ себѣ, скоро переставали работать и учиться, заростали, какъ дорожка, по которой рѣдко ходитъ человѣческая нога, и смотришь — черезъ годъ, много два, становились самыми ординарными, самыми ничтожными въ своемъ классѣ. Такъ-то ошибаются часто, и ревностные родители, и еще болѣе ревностные директорà и инспекторà. Образованіе совершается помимо ихъ программъ, затѣй и хлопотъ, знанія пріобрѣтаются совершенно на иныхъ путяхъ, чѣмъ намѣченные ими. И это мы въ тѣ времена очень хорошо видѣли и понимали, что̀, впрочемъ, ничуть не мѣшало тому, что многіе изъ насъ, сами ставъ впослѣдствіи родителями и начальниками, все это снова перезабыли, и принялись впослѣдствіи за то самое, что̀ въ молодости осуждали въ другихъ: коверканье и уродованье дѣтей по своимъ собственнымъ капризамъ.

III.

Ученьемъ насъ училище слишкомъ не притѣсняло, какъ и вообще ничѣмъ не притѣсняло. Учебныхъ часовъ у насъ было всего 7 въ продолженіе дня, и мы на это никакъ не могли жаловаться: утромъ первая лекція была отъ 9 до 11 часовъ, вторая отъ 11 до 1 часа; третья (послѣ обѣда) отъ 3 до 4½, четвертая отъ 4½ до 6. Правда, утреннія двѣ лекціи казались намъ длинноваты, — 2 часа заразъ, кàкъ много, кàкъ долго! Но это казалось намъ не потому, что у насъ «вниманье было слишкомъ напряжено», что мы слишкомъ «утомлялись»,—а просто потому, что въ тѣ дни, когда учитель начинаетъ «спрашивать», и надо ему «отвѣчать», при 2 часовой лекціи гораздо больше было опасности, чѣмъ при 1½ часовой, попасть въ число

спрошенныхъ, и, можетъ быть, получить худой баллъ. Ахъ, какая тягость это была, не то что въ маленькихъ классахъ не знать учительскаго урока, но даже въ верхнихъ классахъ—не знать «профессорской лекціи» (между тѣмъ и другимъ, впрочемъ, разницы было мало—объ этомъ я буду еще говорить ниже). Вотъ уже 40 лѣтъ, и больше, прошло съ тѣхъ поръ; тысячи событій, людей и отношеній прошли мимо меня, но мнѣ даже и до послѣднихъ лѣтъ десятки разъ случалось видѣть во снѣ, что я все еще прежній, что я сижу въ классѣ, въ училищѣ правовѣдѣнія, и кругомъ тѣ-же товарищи, и тотъ-же учитель на каѳедрѣ, и все прежнее время воскресло, и меня «вызываютъ», и я иду къ высокой каѳедрѣ, становлюсь передъ нею, и ничего не знаю изъ того, о чемъ меня начинаетъ спрашивать сверху строгій голосъ старика въ вицъ-мундирѣ; я ничего не знаю, потому что все разомъ выскочило изъ головы, и сердце щемитъ, и грудь замираетъ, и я съ тоской вожу глаза отъ спинки возвышающейся передо мною каѳедры къ черной доскѣ, поднимающейся на желтомъ своемъ треножникѣ и исчерченной мѣломъ, оглядываюсь назадъ, на ряды товарищей, идущихъ въ гору со своими столами и скамейками; одни безучастно уставили глаза впередъ, другіе шевелятъ губами, словно хотятъ мнѣ что-то подсказать, третьи что-то читаютъ у себя на столѣ; взглядываю на шкафъ со стеклянными дверцами и нашими книгами, съ вершины его глядитъ меловыми своими мертвыми глазами бюстъ Гомера—нигдѣ помощи, ни откуда спасенья, кажется такъ вотъ сейчасъ пойдешь ко дну и утонешь безвозвратно. Какой страхъ! какой ужасъ! И голова безнадежно опускается на грудь. Навѣрное, многіе изъ нашихъ не разъ испытывали то же самое чувство въ продолженіе десятковъ лѣтъ, пролетѣвшихъ надъ ними со времени выхода изъ училища, и прежніе страхи воскресли у нихъ во снѣ со всею своею силою. Вотъ какую глубокую черту нарѣзываютъ на душѣ даже немногія, но сильныя и неизбѣжныя минуты юныхъ тревогъ и волненій. Но вѣдь это все только сонъ преувеличиваетъ, какъ выпуклое стекло, раздуваетъ страхи и ужасы—въ дѣйствительности все было лучше и безобиднѣе. Повторяю, мы всѣ учились хорошо, и наши преподаватели бывали, въ большинствѣ случаевъ—очень довольны. Тѣхъ 7 часовъ, что̀ намъ отведены были на антракты между классами и на ученье уроковъ, было за глаза довольно, чтобъ приготовиться къ 7 часамъ классовъ,—пополамъ, значитъ, время дѣлилось на то и на это. Мы поспѣвали даже читать много вовсе неклассснаго и неучилищнаго.

А читали мы, если не всѣ гуртомъ, то по крайней мѣрѣ многіе, лучшіе—очень много. Началось дѣло, въ нашемъ классѣ, съ

французскихъ книжечекъ, которыя «воспитатель» Берарь давалъ намъ читать, а потомъ пошло все дальше и дальше. Берарь, да вмѣстѣ съ нимъ и училищное начальство, вовсе не заботились собственно о самомъ чтеніи нашемъ, имъ до этого не было дѣла, они хлопотали только о томъ, чтобъ мы хорошенько практиковались во французскомъ языкѣ (вѣдь французскій языкъ—первое основаніе для благовоспитаннаго человѣка, для «джентльменовъ», какими насъ прежде всего желали сдѣлать), и дѣйствительно, французскому языку мы тутъ научились не худо, гораздо лучше, чѣмъ посредствомъ всучаемыхъ отъ одного другому мѣдныхъ билетовъ. Мало-по-малу и привыкли, и полюбили читать. Скоро мы позабыли добронравные анекдоты Беркена и библіофиля Жакоба о благодѣтельныхъ маленькихъ французскихъ принцахъ, безконечно учтивыхъ, любезныхъ, милыхъ и добрыхъ, навѣщающихъ бѣдныхъ крестьянъ, раздающихъ инкогнито луидоры и повсюду посѣвающихъ радостныя слезы и вѣрноподданные восторги. Скоро мы начали узнавать, изъ другихъ книжекъ, что въ дѣйствительности дѣло было немножко иначе, что намъ преподносятъ исторію немножко, пожалуй, и фальшивую, и что въ разное время, во Франціи, особливо въ концѣ прошлаго столѣтія, гораздо меньше было проявлено восторговъ къ маленькимъ и большимъ принцамъ, чѣмъ стояло въ книжкахъ у Беркена; мы обо всемъ этомъ толковали между собою, но книжекъ продолжали требовать изъ маленькой училищной библіотеки все больше и больше, а когда весь запасъ изсякъ, то мы взяли, собрались, потолковали между собой, учредили ежемѣсячный взносъ, и завели у себя въ классѣ свою собственную библіотеку. Всѣ наши главные запѣвалы составили нѣчто въ родѣ библіотечнаго совѣта, для выборки и покупки книгъ, для наблюденія за очередью читающихъ и проч. Все это дѣлалось, какъ и вообще все касавшееся до класса, по выборамъ, по большинству голосовъ: такой порядокъ завелся у насъ съ первыхъ же мѣсяцевъ поступленія въ училище, даромъ что мы были все только 12-ти и 13-ти лѣтніе мальчики, и соблюдался очень строго. Впрочемъ, сколько я припомню, во всѣ семь лѣтъ пребыванія нашего въ училищѣ, у насъ никогда не оказывалось не только открытаго бунта, но даже протеста противъ власти, приговора и самодержавія класса. Всѣ охотно признавали справедливость и законность общей равноправности и равноправной подачи голосовъ. Правда, уже на второй годъ поступленія нашего, въ каждомъ изъ четырехъ, только и существовавшихъ тогда классовъ, заведены были «старшіе», т. е. нѣчто выбранныхъ между нами начальствомъ унтеръ-офицеровъ, но такъ какъ такой выборъ происходилъ не по нашимъ оцѣнкамъ и понятіямъ, а по понятіямъ на-

чальства, т. е. падалъ въ большинствѣ случаевъ на субъектовъ благонравныхъ (т. е. безхарактерныхъ), «солидныхъ» (т. е. лишенныхъ всякой живости и инипіативы), и только что хорошо учившихся (по казенному), то эти субъекты не представляли для насъ никакой дѣйствительной моральной, интеллектуальной и авторитетной власти. «Старшій» пользовался кое-какими маленькими авантажами: носилъ галунъ на воротникѣ, пользовался значительнымъ снисхожденіемъ и любезностью преподавателей, при постановкѣ отмѣтокъ за уроки, наконецъ, шелъ всегда впереди своего класса, въ родѣ какъ пастухъ передъ стадомъ въ Италіи (какая честь! какое счастье!), но все-таки ни въ чемъ не смѣлъ покривить противъ насъ душой, даже при раздачѣ «прибавки» каши, или блиновъ, за обѣдомъ и ужиномъ. Сдѣлай онъ что нибудь не по нашему, его бы мы тотчасъ судили своимъ судомъ, и присудили бы свое наказаніе, напримѣръ, «отлученіе отъ класса», «лишеніе разговора» съ кѣмъ бы то ни было изъ классныхъ товарищей,—а это хоть кому-бы пришлось солоно. Значитъ и «старшій» ничего не смѣлъ и не могъ противъ «Господина Класса», какъ у насъ называли въ нашихъ оффиціальныхъ внутреннихъ дѣлахъ. О фискательствѣ, о доносахъ на товарищей не могло быть и рѣчи: во-первыхъ, «старшіе» наши какъ-то сами собой были очень порядочные малые, а во-вторыхъ, они очень хорошо знали, что сдѣлай они что нибудь не такъ, расплата была бы тяжкая. И такъ, библіотека была заведена по общему нашему желанію и по большинству голосовъ. Сопротивлялись одни бѣдняки, которые были не въ состояніи платить. Но это сейчасъ же приняли у насъ во вниманіе, бѣдняковъ оставили въ сторонѣ, не требуя съ нихъ ничего, и общее постановленіе состоялось. Меня и Замятнина назначили покупщиками книгъ для библіотеки, его для русскихъ, меня для французскихъ книгъ, и мы отправились. Изъ русскихъ у насъ раньше всего появились «Разсказы и повѣсти» Марлинскаго, изданіе начала 1820-хъ годовъ: тогда еще не было «Полнаго собранія сочиненій» этого писателя, а мы всѣ его ужасно любили, за молодцоватыхъ и галантерейныхъ героевъ, за казавшуюся намъ великолѣпною страстность чувствъ, наконецъ, за яркій и крученый языкъ. Всего больше мы восхищались «Лейтенантомъ Бѣлозеромъ». Какъ насъ трогали похожденія русскаго моряка Ромео, нѣжнаго и твердаго, и голландской Гретхенъ, наивной и тонко-элегантной Жанни! Все, что тутъ встрѣчалось въ романѣ, казалось мнѣ гораздо выше, глубже, пламеннѣе и трогательнѣе даже «Аммалатъ-Бека», главнаго моего наслажденія во время моихъ домашнихъ еще чтеній (о чемъ я разсказываю въ I-й своей главѣ): конечно, уже и тамъ довольно было мужественныхъ и нѣжныхъ

чувствъ, наилучшаго джентельментства и дикой кровавости у превосходнаго татарина Аммалата, и у его возлюбленной Селтанеты; но какое сравненіе—лейтенантъ Бѣлозоръ, это соединеніе всего наипревосходнѣйшаго, что есть на свѣтѣ! Мы съ безпредѣльнымъ восхищеніемъ упивались Марлинскимъ вплоть до самыхъ тѣхъ поръ, когда начались статьи Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», и этотъ русскій силачъ взялъ, да разомъ переставилъ на новые рельсы понятія и вкусы не только наши, но и всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Изъ Пушкина я зналъ, поступая въ училище, всего только одну «Полтаву», попавшую къ намъ въ домъ еще при первомъ своемъ выходѣ, въ 1820-хъ годахъ. Я эту поэму очень любилъ, многое оттуда зналъ даже наизусть. Сцена «казни» казалась мнѣ верхомъ картинности, правды, изумительной пластики. Приторную, сентиментальную героиню Марію я обыкновенно пропускалъ—такъ она была мнѣ противна фальшивой леденцовостью. Большинство моихъ новыхъ товарищей знали изъ Пушкина лишь кое-что; въ тогдашнихъ курсахъ русской словесности не было о немъ и помину (чиномъ еще не дошелъ! молодъ больно! Куда ему противъ «настоящихъ» писателей, коренныхъ русскихъ классиковъ: Ломоносова, Державина, Карамзина, говорили наши учителя), однако мы все-таки крѣпко любили Пушкина, а статья Гоголя въ «Арабескахъ» и восторженныя декламаціи Оголина скоро укрѣпили насъ еще сильнѣе въ нашемъ обожаніи той жизненной правды, той близости къ настоящей, всѣмъ намъ извѣстной жизни, въ восхищеніи красотой стиховъ. Въ этомъ мы уже сильно отличались отъ нашихъ учителей и всего преподаваемаго ими. Но спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ моего поступленія въ училище, Пушкинъ убитъ былъ на дуэли. Это было тогда событіе, взволновавшее весь Петербургъ, даже и наше училище; разговорамъ и сожалѣніямъ не было конца, а проникшее къ намъ тотчасъ же, какъ и всюду, тайкомъ, въ рукописи, стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина», глубоко взволновало насъ, и мы читали и декламировали его съ безпредѣльнымъ жаромъ, въ антрактахъ между классами. Хотя мы хорошенько и не знали, да и узнать-то не отъ кого было, про кого это рѣчь шла въ строфѣ:

„А вы, толпою жадною стоящіе у трона“

и т. д., но все-таки мы волновались, приходили на кого-то въ глубокое негодованіе, пылали отъ всей души, наполненной геройскимъ воодушевленіемъ, готовые, пожалуй, на что угодно,—такъ насъ поднимала сила Лермонтовскихъ стиховъ, такъ заразителенъ былъ жаръ, пламенѣвшій въ этихъ стихахъ. Наврядъ ли когда нибудь еще въ

Россіи стихи производили такое громадное и повсемѣстное впечатлѣніе. Развѣ что лѣтъ за 20 передъ тѣмъ «Горе отъ ума». Но скоро послѣ смерти Пушкина вышло «Полное собраніе его сочиненій»; нашъ классъ въ первый же день купилъ одинъ изъ самыхъ первыхъ экземпляровъ (такъ точно потомъ было и съ I томомъ «Мертвыхъ Душъ») и въ нѣсколько дней книги этого «Полнаго собранія» до того растрепались, что пришлось распорядителямъ нашимъ на время отобрать ихъ у класса (это произошло не безъ труда и даже насилія), чтобы поскорѣе отдать ихъ въ переплетъ. Наша необыкновенная ревность къ Пушкину продолжалась очень долго, хотя мы его уже знали вдоль и поперегъ, тверже, чѣмъ всевозможные казенные свои уроки и лекціи. Мы его безпрестанно читали. «Полное собраніе» Пушкина никогда не лежало у насъ не занятымъ въ шкапу, онъ вѣчно былъ въ расходѣ. Мы восхищались отъ всей души не только «Онѣгинымъ», «Борисомъ Годуновымъ», прелестными мелкими стихотвореніями, но даже «Повѣстями Бѣлкина», не чувствуя еще, что, въ формѣ разсказовъ, написанныхъ чудеснымъ языкомъ, это сущіе водевили для Александринскаго театра, и болѣе ничего. Со мной же самимъ случилась, изъ-за Пушкина, очень серьезная, по тогдашнему, исторія.

Въ 1839 году (когда мы были уже въ 5-мъ классѣ) мы, по всегдашнему, говѣли на 1-й недѣлѣ великаго поста. Такъ какъ классовъ у насъ въ это время не бывало, а празднымъ я не любилъ оставаться, то, разумѣется, чтò я дѣлалъ? конечно—читалъ. Вотъ однажды, утромъ, сижу я и читаю, какъ сейчасъ помню, «Братьевъ-разбойниковъ» Пушкина. Я совершенно углубился въ свое дѣло, и, при постоянномъ классномъ шумѣ и разговорахъ, къ которымъ мы такъ привыкли, что они никогда не мѣшали намъ читать, писать, дѣлать свои «сочиненія»,—я и не слыхалъ какъ дверь стеклянная подлѣ самаго моего стола и высокаго табурета отворилась, и кто-то взошелъ въ классъ. Я встрепенулся только отъ ласковаго голоса, потихоньку говорившаго мнѣ почти на ухо: «Чтò ты читаешь, Володя?» Это былъ директоръ Пошманъ, который вообще очень любилъ меня, и часто обращался со мною интимно, чему больше всего способствовало то, что я всякій день игралъ у него на квартирѣ,—продѣлывалъ свои фортепіанные уроки. Вѣроятно и теперь, войдя случайно въ классъ, и видя меня глубоко погруженнымъ въ чтеніе, онъ думалъ, что я читаю что-то «отличное», за чтò ему надо будетъ только похвалить меня. Онъ пододвинулъ къ себѣ книгу, взглянулъ—стихи! повернулъ заглавіе—Пушкинъ!! Я, какъ пойманный съ поличнымъ воръ, молчалъ, опустивъ глаза. Въ одно мгновеніе все между нами перемѣнилось. Куда дѣвался ласковый тихій голосъ, куда пропали любезныя

слова: «ты», «Володя»! Директоръ свернулъ книгу, взялъ ее съ собою и сердитымъ, глухимъ голосомъ только сказалъ: «Вы нынче говѣете, я не хочу васъ ни бранить, ни выговаривать вамъ—я скажу все это батюшкѣ. Это теперь уже его дѣло. Онъ самъ разсудитъ, что съ вами надо сдѣлать». И потомъ онъ ушелъ. А батюшка—т. е. нашъ законоучитель и духовникъ—тотъ шутить не любилъ. Я, на половину со страхомъ, на половину съ любопытствомъ, сталъ ждать, что со мною будетъ. Вечеромъ того же дня, когда кончилась всенощная, передъ тѣмъ, что намъ выходить изъ церкви, и когда мы рядами начали уже заходить на лѣво назадъ, вдругъ отворилась маленькая сѣверная дверь въ иконостасѣ, въ ней появилась строгая фигура Михаила Измайловича Богословскаго, въ рясѣ и еще въ епитрахили, со сложенными у пояса руками. Онъ спокойнымъ голосомъ сказалъ: «Стасовъ, подите сюда». Все наше шествіе остановилось. Воцарилось въ церкви глубокое молчаніе. Я подошелъ къ сѣверной двери иконостаса. «Вы знаете, что̀ такое нынѣшняя недѣля?» спросилъ Михаилъ Измайловичъ, сдвинувъ брови на своемъ всегда блѣдномъ, благородномъ лицѣ.—«Да-съ, отвѣчалъ я, съ напряженнымъ любопытствомъ, и немножко ущемленнымъ сердцемъ». «Зачѣмъ же вы читаете книги, которыхъ не должны теперь читать?» Я молчалъ. «Неужели вы не могли найти нынѣ никакого другаго чтенія?»—Я опять молчалъ. Одну секунду помолчалъ также и онъ, и потомъ сказалъ: «Такъ какъ вы не понимаете важности того, что вамъ предстояло, то вы не приходите ко мнѣ въ пятницу на исповѣдь. Причащаться въ нынѣшнемъ году вы не будете.» И онъ ушелъ назадъ къ себѣ въ алтарь. Я былъ очень удивленъ, никоимъ образомъ не ожидая такой трагической развязки. Воротясь въ свой классъ, мы подняли разговоры, стали обсуждать дѣло по-своему, находили, что нашъ духовникъ совсѣмъ не правъ, и изъ-за такой «глупости» и бездѣлицы не стоило приниматься за такія крутыя расправы. Признаться сказать, я былъ больше удивленъ, чѣмъ огорченъ. Конецъ середы и четвергъ этой недѣли я провелъ совершенно спокойно, и даже очень мало помышлялъ о наложенномъ на меня «отлученіи» отъ товарищей. Но въ пятницу, на вечернѣ, пока я стоялъ въ церкви и когда исповѣдь для всѣхъ уже была кончена, меня совершенно неожиданно одолѣли печальныя и меланхолическія размышленія. Какъ это я вдругъ останусь одинъ, изгнанный, извергнутый? Что̀ скажетъ директоръ, когда узнаетъ что̀ со мною случилось? (по своему джентельмéнству, а, можетъ быть, тоже, ко мнѣ немножко расположенный, Михаилъ Измайловичъ до тѣхъ поръ все еще ничего не говорилъ директору Пошману). Но всего болѣе меня стала грызть мысль, что̀ подумаетъ, что̀ почувствуетъ, какъ набѣдствуется мой

добрый, кроткій, благочестивый отецъ, который, не смотря на всю перемѣну, совершенную во мнѣ училищемъ, не переставалъ быть для меня первымъ человѣкомъ въ мірѣ и предметомъ безпредѣльнаго, пламеннаго, почти фанатическаго обожанія. Что̀ онъ скажетъ, что̀ онъ подумаетъ? Какъ ему будетъ больно! Моему настроенію не мало помогала также сама наша церковь, тогда еще маленькая, тѣсная, съ низенькимъ иконостасомъ, передъ небольшими образами котораго едва мерцали рѣдкія свѣчи. Вечерніе сумерки надвигались все болѣе и болѣе, церковь становилась поминутно все мрачнѣе и чернѣе, монотонное чтеніе церковныхъ текстовъ, изъ которыхъ впрочемъ мое ухо не схватывало ни однаго слова, изрѣдко поднимавшееся пѣніе, хоромъ, важнаго и строгаго речитатива, въ унисонъ—все это вмѣстѣ растревожило и разбередило меня до такой степени, что я, наконецъ, пришелъ въ состояніе, близкое къ истерикѣ. Я съ трудомъ дождался конца вечерни; день уже совсѣмъ почернѣлъ, а свѣчи у иконостаса горѣли уже совсѣмъ темнобагровымъ пламенемъ надъ свѣтильнями, нагорѣвшими шапкой. Когда наши ряды тронулись съ мѣста, я, вопреки всѣмъ правиламъ, и, не спросясь ни у какого начальства, вышелъ изъ своего ряда и направился прямо въ алтарь. Меня никто не останавливалъ. Я вошелъ въ темный маленькій алтарь, священникъ снималъ съ себя одной рукой епитрахиль и отдавалъ ее дьячку, другою расправлялъ длинные волосы, немного наклонивъ голову. «Что вамъ?» сказалъ онъ мнѣ сурово.—«Мнѣ надо вамъ сказать...» началъ я глубоко стѣсненнымъ голосомъ, и остановился. Онъ видѣлъ, въ какомъ я экзальтированномъ состояніи духа, и сдѣлалъ тотчасъ дьячку знакъ рукою, чтобъ тотъ ушелъ. Мы остались одни. «Батюшка...» началъ я дрожащимъ голосомъ, и вдругъ накопившееся во мнѣ за всю вечерню напряженное истерическое чувство такъ сдавило мнѣ грудь, что слезы хлынули у меня изъ глазъ, и я ни слова не могъ сказать. «Ну-съ, что̀ вамъ?» повторилъ Михаилъ Измайловичъ на половину уже менѣе строгимъ голосомъ. Въ два года моего пребыванія въ училищѣ онъ уже немного меня зналъ, и, конечно, твердо могъ быть увѣренъ въ томъ, что я мало расположенъ былъ и къ ханжеству, и къ притворству. Мы оба помолчали секунду. «Батюшка, началъ я снова, прерываясь отъ слезъ, я пришелъ просить васъ, чтобъ вы все-таки меня исповѣдывали...и дали причастіе... Теперь мнѣ можно... вы это можете... я теперь достоинъ...»—Онъ посмотрѣлъ на меня пристально. «Чѣмъ же вы приготовились?» спросилъ онъ меня вдругъ. Я былъ очень озадаченъ, и не зналъ, что̀ сказать. Мнѣ казалось, что я уже все сказалъ, что даже въ одномъ моемъ голосѣ нарисовалось выраженіе всего, что̀ со мною происходитъ съ середы. Это молніей пролетѣло

у меня въ головѣ. Однако отвѣчать надо было, и, повидимому—оффиціально. Я на удачу сказалъ: «Постомъ и молитвой». Въ эту минуту мнѣ рѣшительно ничего больше не пришло въ голову. Нашъ священникъ принялъ въ соображеніе, повидимому, все вмѣстѣ: и мои слова, и мое появленіе, и слезы, и голосъ, можетъ быть и выраженіе лица—я ужъ не знаю, но только онъ прочиталъ мнѣ, добрымъ голосомъ, маленькое наставленіе, и потомъ сказалъ: «Ну, хорошо, я буду васъ исповѣдывать», кликнулъ дьячка, чтобъ надѣть снова епитрахиль, и исповѣдь моя совершилась. Какъ я великолѣпно спалъ въ эту ночь! Такъ спалъ, какъ спятъ послѣ счастливо кончившагося припадка истерики, послѣ прошедшей благополучно великой опасности. На другой день я причащался вмѣстѣ со всѣми, совершенно уже спокойный и вошедшій въ обычную свою колею, но вотъ, наконецъ, кончилась обѣдня, я наскоро выхлебнулъ, въ столовой, чай, который мы обязаны были послѣ причастія пить, въ видѣ исключенія, и особеннаго угощенія, и поскакалъ на извощикѣ домой. Даже не снимая мундира, я влетѣлъ въ маленькій кабинетъ моего отца, гдѣ онъ, по обыкновенію, въ халатѣ и колпакѣ, сидѣлъ у стола своего и что-то чертилъ карандашемъ. Я, по всегдашнему, крѣпко поцѣловалъ у него руку и съ одушевленіемъ принялся быстро разсказывать, какимъ чуднымъ манеромъ мнѣ на нынѣшній разъ привелось исповѣдаться и причащаться. Онъ былъ, конечно, на первомъ планѣ въ моемъ разсказѣ о моемъ экстазѣ и нервномъ припадкѣ во время вечерни наканунѣ. Мало вообще разговорчивый, мой отецъ мнѣ ничего не отвѣчалъ; онъ только поправилъ съ одной колѣнки на другую свой бархатный черный халатъ на оранжевой подкладкѣ, подвинулъ колпакъ на головѣ, и медленно поглядѣлъ на меня своими добрыми, тихими, улыбающимися глазами. Но мнѣ этотъ взглядъ былъ дороже и милѣе чѣмъ, еслибы онъ меня сто разъ обнялъ и поцѣловалъ.

Вотъ такъ было у насъ съ Пушкинымъ. Но Гоголя мы полюбили еще гораздо больше, и тутъ уже у насъ было (навѣрное, какъ и въ доброй половинѣ Россіи) настоящее маленькое помѣшательство. Первое, что я прочиталъ изъ Гоголя, это была «Повѣсть о томъ, какъ Иванъ Ивановичъ поссорился съ Иваномъ Никифоровичемъ», напечатанная въ «Новосельѣ», сборникѣ, составившемся изъ статей лучшихъ тогдашнихъ писателей, по поводу переѣзда книгопродавца Смирдина въ новый магазинъ. Вотъ гдѣ можно сказать, что новое поколѣніе подняло великаго писателя на щитахъ, съ первой-же минуты его появленія. Тогдашній восторгъ отъ Гоголя—ни съ чѣмъ несравнимъ. Его повсюду читали точно запоемъ. Необыкновенность содержанія, типовъ, небывалый, неслыханный по естественности

языкъ, отроду еще неизвѣстный никому юморъ—все это дѣйствовало просто опьяняющимъ образомъ. Съ Гоголя водворился на Россіи совершенно новый языкъ; онъ намъ безгранично нравился своей простотой, силой, мѣткостью, поразительною бойкостью и близостью къ натурѣ. Всѣ Гоголевскіе обороты, выраженія быстро вошли во всеобщее употребленіе. Даже любимыя Гоголевскія восклицанія: «чортъ возьми», «къ чорту», «чортъ васъ знаетъ», и множество другихъ, вдругъ сдѣлались въ такомъ ходу, въ какомъ никогда до тѣхъ поръ не бывали. Вся молодежь пошла говорить Гоголевскимъ языкомъ. Позже мы стали узнавать и глубокую поэтичность Гоголя, и приходили отъ нея въ такой же восторгъ, какъ и отъ его юмора. Въ началѣ-же, всѣхъ поразилъ, прежде всего остальнаго, юморъ его, съ которымъ намъ нельзя было сравнить ничего изъ всего, до тѣхъ намъ извѣстнаго. Мы раньше всего купили для нашего класса «Новоселье», и тотчасъ-же толстый томъ былъ совершенно почти въ клочкахъ, отъ безпрерывнаго употребленія. Тогда не только въ Петербургѣ, но даже во всей Россіи было полное царство Булгарина, Греча и Сенковскаго. Но насъ мало заинтересовали «Похожденія квартальнаго» Булгарина и «Большой выходъ сатаны» Сенковскаго, появившіеся въ этомъ томѣ. Ложный и тупой юморъ Брамбеуса былъ намъ только скученъ, и мы только и читали, что «Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича!» Скоро потомъ купили два томика «Арабесокъ». Тутъ «Невскій проспектъ», «Портретъ» нравились намъ до безконечности, и я раздѣлялъ общій восторгъ. Не могу теперь сказать—какъ другіе, но что касается до меня лично, то я былъ тогда въ великомъ восхищеніи и отъ историческихъ статей Гоголя, напечатанныхъ въ «Арабескахъ». «Шлёцеръ, Миллеръ и Гердеръ», «Средніе вѣка», «Мысли объ изученіи исторіи», все это глубоко поражало меня картинностью и художественностью изложенія. Что, кабы намъ на этотъ манеръ читали исторію въ классѣ, думалъ я сто разъ, сравнивая статьи Гоголя съ тою мертвечиною, тоской и скукой, какою насъ угощали наши учителя, подъ названіемъ «исторіи», конечно и не подозрѣвая, что у насъ есть воображеніе, потребность жизни и пластичности. И, мнѣ кажется, эти статьи не пропали даромъ. Онѣ имѣли значительное вліяніе на отношеніе мое, и моихъ товарищей, къ исторіи. Еслибъ нашлись наши тогдашнія тетради «сочиненій», можно было-бы увидать и прочесть тамъ (какъ ни плохи и ни ординарны были наши дѣтскія эти «сочиненія»), что, напримѣръ, на тему русскаго учителя «О пользѣ исторіи» мы именно писали, подъ вліяніемъ Гоголя, о томъ, какъ пластично и картинно надо изображать въ наше время исторію, оставивъ въ сто-

ронѣ сухую номенклатуру королей и принцевъ. Я живо помню эти наши тогдашнія сочиненія, читанныя нами одинъ другому, раньше чѣмъ подать учителю. Статьи Гоголя—отрывки изъ его несостоявшихся лекцій въ университетѣ. Принесли-ли онѣ пользу тогдашнему университету и студентамъ, того я не вѣдаю, но что онѣ были, Богъ знаетъ, какъ дороги и полезны намъ, въ училищѣ правовѣдѣнія, если не всѣмъ, то многимъ—это вѣрно.

Повѣсть «Носъ» мнѣ привелось узнать при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ. Однажды меня оставили въ училищѣ, на воскресенье, въ наказанье за какую-то шалость, ужъ и не помню какую. Я, пожалуй, очень-то и не скучалъ бы объ этомъ, потому-что по воскресеньямъ оставалось довольно много товарищей—у кого родственники были за сотни и тысячи верстъ, и никого въ Петербургѣ, у кого были только такіе знакомые, къ которымъ не хотѣлось ходить, наконецъ, бывало всегда не мало наказываемыхъ, иногда изъ лучшихъ товарищей. Притомъ въ воскресенье давали обѣдъ гораздо лучше, аппетитнѣе и обильнѣе, чѣмъ въ остальную недѣлю. Катанье на конькахъ съ горы, гулянье въ саду и pas de géant оставались въ нашемъ распоряженіи какъ всегда, книги тоже, да еще сколько часовъ сряду, безъ перерыва классами—значитъ, можно было и не скучать. Воспоминаніе о семействѣ, куда не пустили—ну, да вѣдь сколько же и вознагражденій, заставляющихъ забыть это лишеніе, и притомъ, вѣдь это была только отсрочка всего на 6 дней. Я скоро и утѣшился. Но спустя 2—3 часа, я получилъ маленькую записку отъ моего отца (она у меня и до сихъ поръ цѣла), которая разомъ отшибла все прекрасное, и немножко безсердечное, веселое расположеніе духа. Меня мой отецъ глубоко и сильно любилъ (хотя никогда не разсказывалъ этого словами), и не видать меня при себѣ въ воскресенье—это было для него серьезное лишеніе. Онъ мнѣ писалъ, какъ ему печально, какъ ему больно мое отсутствіе въ воскресенье, и какъ его не веселитъ, въ эту минуту, даже все остальное семейство наше, веселое и хохочущее рядомъ въ другихъ комнатахъ. У меня разомъ сердце упало, меня словно громомъ пришибло, и я, въ глубокомъ уныніи, почти рыдая, принялся писать письмо къ моему отцу. Отправивъ его, я немножко успокоился уже отъ одного страстнаго, по своему, лирическаго настроенія, тутъ высказаннаго. И вотъ, въ классѣ, гдѣ я печально сидѣлъ одинъ, и немножко сентиментально раскисалъ, до меня долетѣлъ громадный хохотъ, несшійся изъ зала. Я долго не вытерпѣлъ, выскочилъ изъ своего пустыннаго класса, и увидалъ цѣлую толпу нашихъ правовѣдовъ, стоявшую около воспитателя, Алексѣя Симоновича Андреева, и во все горло

дружно хохотавшую отъ того, что̀ онъ имъ читалъ. Я поскорѣе протѣснился впередъ, даромъ что тутъ большинство было изъ старшихъ классовъ, сталъ жадно слушать, и черезъ двѣ секунды улетѣли далеко всѣ мои печали, все мое самобичеваніе, всѣ мои горестныя размышленія. Алексѣй Симоновичъ Андреевъ былъ у насъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ людей во всемъ училищѣ; мы и всегда-то къ нему льнули какъ къ своему, близкому, а тутъ еще онъ любезно и милостиво читаетъ намъ какія-то чудесныя, новыя, неслыханно-оригинальныя вэщи! Недавно только передъ тѣмъ вышелъ тотъ номеръ «Современника», гдѣ напечатанъ былъ «Носъ», и, даромъ что самъ уже пожилой человѣкъ, А. С. Андреевъ раздѣлялъ восхищеніе лучшей части Россіи, и страстно любилъ Гоголя. Я не зналъ въ первую минуту, что̀ такое читаютъ, чье это сочиненіе—спрашивать было некогда, но меня, какъ и всѣхъ, поражала и приводила въ безграничный восторгъ эта изумительная правда, натуральность разговоровъ, эта неслыханная комичность сценъ. Алексѣй Симоновичъ читалъ мастерски, и еще тѣмъ лучше, что самъ былъ въ восхищеніи, и что окружавшая его толпа молодежи апплодировала заразъ и читаемому, и чтецу. Съ какимъ мастерствомъ онъ воспроизводилъ намъ рѣчи и размышленія маіора Ковалева! Какой голосъ онъ ему придавалъ! Серьезный, важный, чиновничій, полувоенный, немножко надменный, немножко трусоватый, глупый и подчасъ подобострастный! Мы были въ глубокомъ восхищеніи. Когда все кончилось, я спросилъ: что̀ такое читали, и чье это? А, такъ вотъ кто! Опять Гоголь, тотъ самый, чьи «Иванъ Ивановичъ и Иванъ Никифоровичъ» наше вѣчное восхищеніе! Еще бы намъ не восторгаться. И мы провели потомъ блаженно остальное воскресенье.

Впослѣдствіи, мы также въ первый разъ въ чтеніи А. С. Андреева узнали «Коляску». Восторгъ и энтузіазмъ были тѣ-же. Какъ самъ бывшій немножко военнымъ, Алексѣй Симоновичъ не хуже настоящаго талантливаго актера передалъ намъ голоса, мины, интонаціи, даже лица, всѣхъ этихъ генераловъ, полковниковъ, маіоровъ, и тоненькихъ офицериковъ, не заставшихъ хозяина дома и отъ нечего дѣлать отправившихся смотрѣть на дворѣ его лошадь и коляску.

Нѣкоторые изъ насъ видѣли тогда тоже и «Ревизора» на сценѣ. Всѣ были въ восторгѣ, какъ и вся вообще тогдашняя молодежь. Мы наизусть повторяли потомъ другъ другу, подправляя и пополняя одинъ другаго, цѣлыя сцены, длинные разговоры оттуда. Дома, или въ гостяхъ, намъ приходилось нерѣдко вступать въ горячія пренія съ разными пожилыми (а иной разъ, къ стыду, даже и не пожилыми) людьми, негодовавшими на новаго идола молодежи, и увѣрявшими,

что никакой натуры у Гоголя нѣтъ, что это все его собственныя выдумки и каррикатуры, что такихъ людей вовсе нѣтъ на свѣтѣ, а если и есть, то ихъ гораздо меньше бываетъ въ цѣломъ городѣ, чѣмъ тутъ у него въ одной комедіи. Схватки выходили жаркія, продолжительныя, до пота на лицѣ и на ладоняхъ, до сверкающихъ глазъ и глухо начинающейся ненависти или презрѣнія, но старики не могли измѣнить въ насъ ни единой черточки, и наше фанатическое обожаніе Гоголя разросталось все только больше и больше.

Изъ училищной библіотеки мы доставали, я помню, въ тѣ-же самыя времена, «Бригадира» и «Недоросля», по совѣту Гоголевскихъ оппонентовъ изъ учителей или знакомыхъ. Фонвизинъ нельзя сказать, чтобъ намъ не нравился, но при сравненіи, насколько еще выше и блестящѣе выходилъ Гоголь!

Что касается иностранныхъ писателей, то первое, что мнѣ пришлось купить для «господина класса» это—сочиненія Виктора Гюго, въ двухъ большихъ томахъ. Это было компактное изданіе, для дешевизны, въ два столбца, порядочно мелкимъ шрифтомъ. Но мы не боялись за свои глаза, и упорно читали этотъ мелкій шрифтъ, иной разъ когда уже порядочно стемнѣло въ классѣ, а лампъ еще не зажигали,—тàкъ намъ пріятенъ былъ Викторъ Гюго, котораго мы до тѣхъ поръ знали только по знаменитому имени, тàкъ мы были захвачены и поражены великою душою, широкимъ, горячимъ сердцемъ, проявлявшимися не только въ такихъ капитальныхъ созданіяхъ, какъ «Le dernier jour d' un condamné» и «Claude Gueux», этихъ истинныхъ представителяхъ XIX вѣка, не только въ великолѣпной «Notre Dame de Paris» и драмахъ, но даже въ такихъ на половину уродливыхъ вещахъ, какъ «Bug. Jargal» и «Han d' Jslande». По доходившимъ до насъ слухамъ, мы уже напередъ ожидали великихъ чудесъ отъ Виктора Гюго, и жадность наша была такъ велика, что когда, въ одно воскресенье, я, съ однимъ товарищемъ (изъ плохенькихъ по интеллигенціи, но добрымъ парнемъ и, главное, хорошимъ по практической части, для покупокъ), бѣлокурымъ Т., пошелъ и купилъ В. Гюго у тогдашняго недорогаго французскаго книгопродавца Пуанкарре, мы тотчасъ же, не выходя изъ лавки, на Новомихайловской (гдѣ нынѣ «Европейская гостинница») попросили ножикъ, принялись разрѣзывать книги, и хоть по немножку прочитали тамъ и сямъ, гдѣ ожидали самыхъ важныхъ вещей. Спустя мѣсяца два или три, мы тоже купили, въ пяти большущихъ томахъ, полное собраніе сочиненій Александра Дюма: онъ тогда столько же славился, какъ В. Гюго, ихъ считали равными, товарищами, ихъ одинаково одни любили, другіе преслѣдовали. Мы, конечно, тоже не были еще въ состояніи понять

разницу между ними, не понимали еще фальши и ничтожности Дюма, и довольно долго восхищались ими почти въ равной степени, хотя все-таки отдавали предпочтеніе В. Гюго за его великолѣпные лирическіе порывы, которыхъ вовсе не встрѣчали у Дюма. И этихъ двухъ намъ приходилось отстаивать въ горячихъ спорахъ отъ презрѣнія старыхъ людей. Мнѣ очень памятны пламенныя схватки, доставшіяся на мою долю, и происходившія по праздникамъ или на каникулахъ, всего чаще въ домѣ у нашего родственника, стараго архитектора Аничкина дворца, Дильдина, о которомъ у меня довольно говорено въ I главѣ. Тамъ я встрѣчалъ народъ самый разнокалиберный, и, въ числѣ другихъ, нѣсколько учителей изъ штатскихъ и военныхъ заведеній. Несмотря на значительное разстояніе лѣтъ (всѣ они были, по малой мѣрѣ, втрое старше меня), я постоянно велъ съ ними жаркую войну, и оттого именно любилъ бывать въ этомъ домѣ. Всего чаще моимъ врагомъ и оппонентомъ былъ нѣкто Олимпіевъ, учитель русскаго языка и словесности въ одной изъ гимназій, точно такой же смѣшной и отсталый педантъ, какъ наши училищные Георгіевскій и Кайдановъ, человѣкъ, никогда не ходившій въ гости иначе какъ съ орденомъ на шеѣ и въ бѣломъ галстухѣ. Господи, сколько у меня произошло съ нимъ битвъ уже изъ-за одного Гоголя, въ особенности за «Ревизора», за «Невскій проспектъ», за всю его «вѣчную грязь и непристойность»! А тутъ еще вмѣшивался отъ времени до времени, за обѣдомъ, или въ антрактѣ между кофеемъ и вистомъ, тотъ или другой изъ старшихъ. Иные изъ нихъ уже коечто слыхали про Гоголя, и даже, можетъ быть, немножко читали его. Натурально, всѣ были на сторонѣ Олимпіева,— вѣдь онъ учитель, да и насколько же старше; впрочемъ, я долженъ отдать справедливость, мнѣ позволяли спорить на равныхъ правахъ съ этимъ старшимъ, не смотря даже на весь его орденъ, и никогда мнѣ никто не зажималъ ротъ какими нибудь презрительными фразами: «Молчи-молъ, мальчишка, знай свои уроки и не спорь со старшими». Нѣтъ, этого никогда не бывало, и какъ я иногда на нихъ всѣхъ ни сердился, за ихъ толстую непонятливость, за ихъ неспособность радоваться на Гоголя, однако я потомъ все-таки оставался имъ благодаренъ, и про себя говорилъ, уходя вечеромъ изъ ихъ компаніи: „А какъ бы тамъ ни было, это ничего непонимающее старье въ вицъ-мундирахъ—все-таки добрые люди"! Но когда поднимались у меня съ Олимпіевымъ баталіи изъ-за Виктора Гюго и Дюма, тутъ уже всѣ старшіе на чисто молчали. Большинство изъ нихъ вовсе не знало по-французски, а кто и зналъ немножко, отроду ничего не читалъ, а про В. Гюго— даже и не слыхивалъ. Между тѣмъ, съ какимъ азартомъ я вступался за

своихъ любимцевъ, за новизну ихъ направленія, за великое ихъ дѣло, столько для меня любезное: сверженіе старыхъ классиковъ (хотя я и не подозрѣвалъ, что этихъ классиковъ они вовсе не сгоняютъ съ лица земли, а сами же во многомъ продолжаютъ). Олимпіевъ съ негодованіемъ, весьма разсерженный и ощетинившійся въ своемъ бѣломъ галстухѣ, нападалъ на вычурность и риторику В. Гюго, на поминутную неестественность его лицъ и сценъ, а я съ жаромъ отвѣчалъ,—что пускай все это такъ, но у этого В. Гюго пропасть есть и другаго, въ сто разъ болѣе важнаго и драгоцѣннаго, а вотъ этого онъ, Олимпіевъ, и не понимаетъ, или не хочетъ видѣть: душевный жаръ, горячая защита заброшенныхъ, затоптанныхъ и презираемыхъ, отстаиванье тѣхъ, на кого въ глупомъ чванствѣ слишкомъ многіе и смотрѣть-то не хотятъ. Дерзкій переворотъ въ литературѣ, пламенная революція, могучая ломка стараго и негоднаго—какъ все это мнѣ нравилось въ Викторѣ Гюго, какимъ онъ мнѣ представлялся гигантомъ, лучезарнымъ богомъ! Но когда мнѣ случилось, однажды, защищать противъ Олимпіева тоже и Александра Дюма, доказывая, что никто, никто раньше не осмѣливался вступиться, какъ онъ, за „незаконнорожденныхъ" (въ его знаменитой тогда драмѣ „Anthony") и бичевать въ сто кнутовъ нелѣпый общій предразсудокъ, то тутъ мой Олимпіевъ уже и совсѣмъ разсердился, покраснѣлъ какъ ракъ, и быстрѣе обыкновеннаго залепеталъ своимъ немножко косноязычнымъ языкомъ. «Предразсудки! Глупости! Вотъ какъ нынче уже мальчики говорятъ! Да что бы это было, когда бы такъ стали вдругъ думать и всѣ... перемѣшались бы всѣ понятія... и какого нибудь негодяя, незаконнорожденнаго, стали бы сравнивать и ставить на одну доску съ настоящими, законными дѣтями такихъ честныхъ, превосходныхъ родителей... высокой нравственности... какъ вотъ, напримѣръ, вы, Захаръ Ѳедоровичъ, или вотъ вы, Павелъ Ивановичъ», частилъ Олимпіевъ, обращаясь то къ тому, то къ другому изъ присутствующихъ, почтенныхъ отцовъ семейства. Тѣ отвѣчали: «Да... да...» и качали только головами. Я думаю, имъ просто скучно было все это слушать, и хотѣлось поскорѣе козырять. Что касается до насъ обоихъ, съ Олимпіевымъ, мы вовсе и не подозрѣвали, что этотъ самый вопросъ о незаконнорожденныхъ былъ уже за цѣлыхъ 300 лѣтъ взятъ и нарисованъ огненною, геніальною кистью кѣмъ-то, кто былъ не Александру Дюма чета: Шекспиромъ въ «Лирѣ». Знали бы мы это, можетъ быть, и споръ у насъ такъ самъ собою и не состоялся бы: мнѣ бы тогда нечего было такъ вступаться за чудное, великодушное «новаторство» Дюма, а Олимпіевъ меньше бы стоялъ за «законныхъ».

Здѣсь мнѣ надо еще замѣтить, что Александръ Дюма нравился

намъ не только тѣмъ, что былъ всегда страстенъ и иногда затрогивалъ предразсудки, обще-человѣческіе интересы: намъ, можетъ быть, еще болѣе нравился тотъ типъ молодца и удальца на всѣ руки, какой часто встрѣчался въ его первыхъ романахъ и повѣстяхъ. Это былъ великосвѣтскій юноша, который все умѣлъ, все зналъ, былъ красавецъ, богатъ, любезенъ, уменъ и блестяще образованъ, ѣздилъ верхомъ какъ Франкони, дрался на шпагахъ какъ первый фехтовальный мастеръ, стрѣлялъ, плавалъ, танцовалъ какъ никто, игралъ на фортепіано какъ Листъ, пѣлъ какъ Рубини, и повально всѣмъ великосвѣтскимъ парижскимъ барынямъ и дѣвицамъ поворачивалъ голову, но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, иной разъ былъ, по секрету, разбойникъ, или пиратъ. Какой завлекательный типъ для мальчиковъ и юношей! Тутъ уже было одно зернышко изъ всего того, что впослѣдствіи такъ сводило насъ съ ума отъ Печорина Лермонтова.

Впрочемъ, мы покупали и читали не исключительно однихъ только Виктора Гюго и Александра Дюма: мы мало-по-малу купили еще, для своей библіотеки, все на основаніи громкихъ именъ, слухи о которыхъ доходили до насъ: полное собраніе Вальтеръ-Скотта, во французскомъ переводѣ, Шекспира въ плохомъ французскомъ переводѣ Летурнёра, Лесажа съ иллюстраціями Тони Жоаннó (это мы купили, потому что много какъ-то наслышались про его «Diable boiteux»), нѣсколько позже французскіе переводы, съ англійскаго, романовъ Купера и Маріетта, наконецъ Гофманна и Цшокке по нѣмецки и не мало другихъ еще знаменитостей (конечно, только не Гейне и не Берне, которые въ то время строго-на-строго преслѣдовались по всей Россіи); купили мы тоже себѣ, однажды, не знавши хорошенько дѣла, и только на основаніи одного знаменитаго имени, Жанъ-Поля-Рихтера—но его томы такъ и остались почти никѣмъ не прочитанными. Знаменитый его вычурный и притянутый—за волосы юморъ, приводившій въ такое восхищеніе нѣмцовъ, такъ и остался намъ непонятенъ и недоступенъ. Вальтеръ-Скотта мы читали всего больше, такъ что трудно было даже попасть въ очередь, и, кромѣ художественной и поэтической стороны, доставлявшей намъ, конечно, много наслажденія, мы жадно знакомились у него съ невѣдомою намъ европейскою старою исторіею Англіи и Франціи въ живописныхъ, ярко пластическихъ картинахъ. Я думаю, каждый изъ насъ больше обязанъ В. Скотту, чѣмъ всѣмъ историческимъ учебникамъ и учителямъ, вмѣстѣ сложеннымъ и перетертымъ въ одну щепотку.

И такъ, мы много читали, потому что любили это, и потребность въ чтеніи у насъ была, но нельзя сказать, чтобъ въ училищѣ мы только и дѣлали, что учили и отвѣчали уроки, а потомъ все только читали.

Мы тоже любили всякія игры, гдѣ тѣло было сильно въ работѣ, гдѣ нужна была сила, ловкость, проворство. Въ продолженіе дня насъ три раза водили въ садъ: утромъ отъ 10 до 11 часовъ, тотчасъ послѣ того, какъ солдатами были намъ разнесены, передъ фронтомъ. ломти чернаго хлѣба съ плохимъ масломъ (въ родѣ говяжьяго жира); потомъ, послѣ обѣда, отъ 2 до 3 часовъ; наконецъ, вечеромъ, отъ 6 до 7. Тутъ у насъ сейчасъ-же начиналось необыкновенное движеніе, шумъ, гамъ, крикъ, бѣготня. Кто былъ поспокойнѣе характеромъ и понеподвижнѣе, принимался гдѣ-нибудь, въ углу сада, за игру въ марэ (прыганье на одной ногѣ, для того, чтобъ выбить носкомъ ноги камешекъ изъ расчерченныхъ на пескѣ фигуръ, квадратовъ, треугольниковъ, полукруговъ — изъ одного въ другой); другіе, болѣе живые и подвижные, играли въ бары и лапту, ставши другъ противъ друга двумя противуположными лагерями. Когда же нашъ принцъ, послѣ одного изъ своихъ путешествій въ Англію, велѣлъ устроить у насъ въ саду «pas-de-géant», то мы всѣ со страстью ухватились за эту чудную, тогда еще неизвѣстную въ Россіи новинку, и все время, что̀ намъ предоставлено было проводить въ саду, веревки не переставали скрипѣть на своихъ крючкахъ вверху, мы летали какъ птицы, на нѣсколько саженъ вверхъ, то опускаясь, то поднимаясь. У насъ была скоро изобрѣтена система закручиванья одного поверхъ всѣхъ другихъ, такъ что пока семеро остальныхъ везли, въ своихъ лямкахъ, 8-й летѣлъ надъ головами какъ сумасшедшій: выскользни онъ въ это время изъ своей лямки и упади—тутъ ему была-бы неминуемая смерть. Вотъ эта-то самая опасность, эта безумная быстрота полета намъ именно всего болѣе и нравилась, и около pas-de-géant не было никогда отбоя, мы принуждены были завести между собою очередь. Сколько изъ-за нея одной было у насъ споровъ, ссоръ, брани— даже дракъ. Я думаю, всѣ наши помнятъ, ка̀къ одинъ изъ нашихъ товарищей, изъ прибалтійскихъ нѣмцевъ, недавно еще пріѣхавшій, и плохо говорившій по-русски (нынче онъ уже давно тайный совѣтникъ, и грудь у него полна звѣздъ), бѣгалъ отъ одного къ другому, упрашивая, чтобъ ему дали попасть въ очередь. Не умѣя сказать лучше, онъ все только повторялъ: «Разъ—ти (т. е. ты), разъ я». Его такъ и прозвали: «Расти—расья». По счастью, никогда никакого трагическаго случая на pas-de-géant въ наше время не было.

В. В. Стасовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ ГРАВЕРА Л. А. СѢРЯКОВА.

1824—1881.

> ...«Трудомъ, терпѣніемъ и энергіей всегда можно достигнуть разъ предположенной цѣли, въ особенности, если эта цѣль—служеніе на поприщѣ художества и искуства».
>
> Л. А. Сѣряковъ,
>
> «Моя трудовая жизнь». («Рус. Стар.» 1875 г., т. XIV, стр. 515).

Много любопытнаго и поучительнаго представляетъ жизнь этого художника; она служитъ цѣлымъ рядомъ доказательствъ, что человѣкъ, истинно-талантливый, можетъ всегда пробить себѣ дорогу, лишь бы у него было достаточно энергіи для борьбы съ жизнью.

Большинство русскихъ художниковъ испытывало и испытываетъ бѣдность и горе, но мало кто прошелъ изъ нихъ такую суровую школу, видѣлъ столько нужды и несчастій съ самаго ранняго дѣтства, встрѣчалъ столько дѣйствительныхъ помѣхъ въ своихъ предпріятіяхъ, какъ Сѣряковъ. Будь онъ человѣкъ менѣе энергичный, и онъ погибъ бы безслѣдно, обезсиленный трудной борьбой, подобно многимъ другимъ; но онъ вышелъ побѣдителемъ изъ нея, и этимъ обязанъ исключительно себѣ самому. Правдивый и въ высочайшей степени поучительный разсказъ его о собственной трудовой жизни, со всѣми ея невзгодами, былъ напечатанъ въ «Русской Старинѣ» шесть лѣтъ тому назадъ [1]). Мы не станемъ повторять здѣсь всѣхъ мелкихъ и весьма интерес-

[1]) См. „Русскую Старину“ 1875 г., т. XIV, стр. 161—184, 339—366, 506—516.

ныхъ подробностей этой жизни, извѣстныхъ уже читателямъ „Русской Старины", но, заимствуя оттуда только фактическія данныя, дополнимъ ихъ разными свѣдѣніями изъ рукописныхъ матеріаловъ и печатныхъ источниковъ и исправимъ вкравшіяся у Сѣрякова нѣкоторыя неточности въ хронологіи, неизбѣжныя въ тѣхъ случаяхъ, когда мемуары пишутся на основаніи одной только памяти, много лѣтъ спустя послѣ самыхъ событій; вотъ почему у насъ встрѣтятся въ иныхъ мѣстахъ разногласія съ его автобіографіей.

Н. П. Собко.

I.

Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ происходилъ изъ зажиточнаго крестьянскаго семейства Костромской губерніи, Солигаличскаго уѣзда, села Холопова, принадлежавшаго помѣщику Макавѣеву. Родные его, не смотря на свой достатокъ, одѣвались сѣро. поэтому получили отъ земляковъ прозвище „сѣряки", откуда образовалась и самая фамилія „Сѣряковы". Родился онъ 28 января 1824 г., между Бѣлевымъ (Тульской губ.) и Жиздрой (Калужской губ.), во время передвиженія 3-го карабинернаго полка гренадерскаго корпуса, при которомъ отецъ его, отданный въ солдаты изъ сидѣльцевъ желѣзной лавки за разгульную жизнь, состоялъ слесаремъ. До трехлѣтняго возраста маленькій Сѣряковъ прожилъ въ Калужской губ.; послѣ того переселился вмѣстѣ съ полкомъ своего отца въ Новгородскую губ., сперва въ Старую Русу (въ 1827 г.), потомъ въ село Перигино (въ 1828 г.). Въ концѣ 1830 г. карабинерный полкъ былъ отправленъ въ польскую кампанію, но Л. А. не послѣдовалъ туда за отцемъ, а остался съ матерью въ с. Перигинѣ, гдѣ и былъ свидѣтелемъ мятежа военныхъ поселянъ, лѣтомъ 1831 г., и постигшаго ихъ за то наказанія; событія эти глубоко врѣзались въ памяти ребенка и представленіе о нихъ до послѣдняго времени не изгладилось у покойнаго Сѣрякова (онѣ подробно разсказаны имъ самимъ въ его „Запискахъ", упомянутыхъ выше).

На 7-мъ году Л. А. началъ учиться грамотѣ и цыфири у одного унтеръ-офицера; съ осени 1832 г., когда карабинерный полкъ вернулся изъ польской кампаніи и былъ назначенъ въ г. Холмъ (Псковской губ.), онъ сталъ носить форму кантониста, а

съ весны 1833 г., когда полкъ былъ переведенъ въ г. Порховъ, сдѣлался полковымъ пѣвчимъ и долженъ былъ ходить въ лагери; послѣ же раскассированія карабинернаго полка, мальчикъ-Сѣряковъ остался при 1-мъ баталіонѣ его, поступившемъ во 2-ю гренадерскую дивизію, въ полкъ принца Оранскаго. Осенью 1834 г., онъ, вмѣстѣ со своимъ полкомъ, ходилъ на маневры, бывшіе въ Красномъ Селѣ по случаю освященія Александровской колонны; тамъ обратилъ вниманіе на его дискантъ дивизіонный командиръ, г.-л. Полѣшко, и назначилъ его въ дивизіонные пѣвчіе; поэтому, по возвращеніи въ Порховъ, ему пришлось отправиться по этапу, съ партіей арестантовъ, въ Псковъ и поселиться, вмѣстѣ съ другими 23 дивизіонными пѣвчими, въ одной деревнѣ, расположенной верстахъ въ 8-и отъ города. Испытавшій уже много горя въ самомъ родительскомъ домѣ, гдѣ пьяный и буйный отецъ часто выгонялъ его съ матерью изъ избы на холодъ и дождь, юный Сѣряковъ принужденъ былъ вести теперь еще болѣе суровую жизнь: во время красносельскихъ маневровъ, напр., ему приходилось ложиться на ночь прямо въ грязь, подославъ только шинель, а утромъ просыпаться при довольно сильномъ морозѣ; по прибытіи въ Псковъ, надо было, и по морозу, и по жарѣ, путешествовать пѣшкомъ изъ деревни въ городъ ко всѣмъ церковнымъ службамъ и обратно, жить постоянно въ холодной избѣ, спать часто подъ открытымъ небомъ въ ригѣ или на гумнѣ, питаться самою скудною пищею. Кромѣ пѣвческихъ обязанностей, мальчики должны были учиться въ школѣ чтенію, письму и ариѳметикѣ. Въ 1836 г., съ назначеніемъ новаго дивизіоннаго командира, барона Розена, дивизіонные пѣвчіе были зачислены въ рядовые, юный же Сѣряковъ сдѣлался опять простымъ кантонистомъ, и, по возвращеніи въ Порховъ, опредѣленъ въ музыканты. Сперва онъ игралъ на кларнетѣ, потомъ на флейтѣ, но въ началѣ 1838 г., когда у него обнаружилось кровохарканье, его назначили, по просьбѣ матери, въ роту, во фронтъ, и прибавили ему лишній годъ, чтобы записать въ дѣйствительную службу. Однако на дѣйствительную службу онъ все-таки не попалъ, а поступилъ въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Такъ какъ, по новому состоявшемуся въ то время высочайшему повелѣнію, нельзя было держать при полкахъ кантонистовъ свыше 16 лѣтъ, то его отправили по этапу во Псковъ, въ ближайшій баталіонъ военныхъ

кантонистовъ [1]). Тамъ въ апрѣлѣ того же года зачислили его въ 1-ю роту псковскаго полубаталіона и опредѣлили въ канцелярію, а черезъ нѣкоторое время назначили кромѣ того пѣвчимъ. Тутъ приходилось самому мыть полъ, наравнѣ съ прочими военными кантонистами, не досыпать ночей и питаться, по прежнему, скудною пищей, ходить на военное ученье и въ классы, испытывать на себѣ всю строгость аракчеевскихъ правилъ, по которымъ допускалось замучить 9 человѣкъ изъ 10, лишь бы этотъ 10-й сдѣлался образцовымъ писаремъ въ какомъ либо карабинерномъ полку. Наконецъ, въ апрѣлѣ 1840 г., юный Сѣряковъ поступилъ на дѣйствительную службу, будучи назначенъ, въ рангѣ рядоваго, учителемъ рисованія и ариѳметики въ баталіонъ кантонистовъ, съ жалованіемъ по 12 р. асс. въ годъ; онъ считался хорошимъ рисовальщикомъ и портретъ императора Николая Павловича, рисованный имъ французскимъ карандашемъ, долго висѣлъ въ классѣ, даже послѣ его отъѣзда въ Петербургъ. Оставаясь по прежнему пѣвчимъ, Сѣряковъ, кромѣ учительскихъ обязанностей, исправлялъ должность фельдфебеля во 2-й ротѣ.

Жизнь стала еще тягостнѣе, такъ какъ прибавилась неизвѣстная до того времени отвѣтственность за 250 мальчиковъ и за порядокъ въ ихъ бытѣ, да притомъ подъ начальствомъ лютаго генерала. Не будучи въ состояніи болѣе трехъ лѣтъ выносить всей тяжести этой жизни, Сѣряковъ написалъ въ 1843 г. одному знакомому писарю въ департаментѣ военныхъ поселеній, чтобы тотъ показалъ начальству образецъ его почерка; на третій мѣсяцъ пришло предписаніе директора департамента, гр. П. А. Клейнмихеля, объ отправленіи Сѣрякова въ Петербургъ, и вотъ онъ былъ отправленъ туда, какъ и прежде, по этапу. Въ Петербургѣ его зачислили въ писаря, съ жалованьемъ по 1 р. 80 к. въ мѣсяцъ, но и изъ тѣхъ вычитали 1 р. 20 к. въ артель, на улучшеніе пищи, такъ что собственно жалованья приходилось получать всего 60 к.; спать нужно было на полу, за неимѣніемъ свободной кровати, и самому мыть бѣлье; зато начальство обращалось довольно вѣжливо, хотя и говорило „ты“.

Съ переѣздомъ въ столицу, у Сѣрякова развилась страсть къ чтенію и рисованію. Разъ, въ августѣ 1845 г., во время ночнаго

[1]) „Рус. Стар.“ изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 176.

дежурства, его засталъ за исполненіемъ какого-то аллегорическаго рисунка начальникъ топографовъ, полковникъ генеральнаго штаба Поповъ, который взялъ у него этотъ рисунокъ и показалъ директору; послѣ чего ему велѣно было въ два мѣсяца приготовиться къ экзамену на топографа; по сдачѣ экзамена, его опредѣлили на эту должность. Неся службу топографа, онъ взялъ еще частныя занятія, именно въ 1846 г., когда къ нему пріѣхала мать изъ Пскова, поступилъ въ дворники въ одинъ домъ на Пескахъ, чтобы имѣть даровое помѣщеніе, хоть въ подвалѣ.

Въ это время ему попался случайно листокъ изъ французскаго иллюстрированнаго изданія „Тысяча одна ночь"; онъ видѣлъ и прежде гравюры на камнѣ, печатанныя отдѣльно, но тутъ его заинтересовало то, что рисунокъ былъ отпечатанъ среди типографскаго набора. Догадавшись самъ, что въ рисункѣ этомъ каждая линія дѣлана на доскѣ рельефомъ, какъ типографскія буквы, Сѣряковъ попробовалъ рѣзать перочиннымъ ножемъ на кускѣ березоваго дерева, но дѣло выходило плохо. Тогда онъ пошелъ въ гостиный дворъ искать дерева для рѣзьбы рисунковъ и въ одной лавкѣ узналъ о мастерѣ Вагнерѣ, который приготовлялъ доски для гравированія; онъ пріобрѣлъ у этого мастера нѣсколько дощечекъ и принялся за работу, вовсе не зная, кàкъ рѣжутъ гравюры.

По рекомендаціи одного военнаго писаря, Сѣряковъ пошелъ къ Крашенинникову, бывшему тогда прикащикомъ у Смирдина, за полученіемъ заказа и тамъ встрѣтился съ учителемъ Студитскимъ, который и заказалъ ему 15 политипажей для дѣтской книжки „Путешествіе вокругъ свѣта", съ платою по 3 р. за рисунокъ; но потомъ самъ Студитскій назначилъ ему, вмѣсто 3-хъ, по 5 р. Каждый маленькій рисунокъ Сѣряковъ рѣзалъ перочиннымъ ножемъ по нѣскольку дней, съ чрезвычайными усиліями, однако заказчикъ остался доволенъ его работой. Да и дѣйствительно, не смотря на полное незнакомство съ пріемами присяжныхъ граверовъ, самоучка-Сѣряковъ выполнилъ многіе изъ этихъ политипажей тонко и довольно изящно, пожалуй, лучше даже опытныхъ русскихъ ксилографовъ того времени.

Черезъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, которому онъ дѣлалъ топографическій планъ имѣнія, онъ познакомился съ Н. В. Кукольникомъ; тотъ предложилъ ему работать для „Иллюстраціи" и даже выписалъ для него граверные инструменты.

Первыя гравюры съ его именемъ появляются въ „Иллюстраціи" въ концѣ іюля 1846 г., больше все пейзажи и жанры, изрѣдка портреты, да и то только въ концѣ ноября.

Съ этого времени стало лучше житься Сѣрякову: заработки его простирались отъ 50 до 70 р. въ мѣсяцъ; онъ отказался отъ мѣста дворника, прослуживши въ этой должности 8 мѣсяцевъ; познакомился со многими литераторами и артистами у Кукольника; Булгаринъ писалъ о немъ не разъ въ „Сѣверной Пчелѣ", предсказывая блестящую будущность его таланту; начальство дѣлало ему разныя льготы по службѣ. Однако невзгоды все-таки случались.

Кукольникъ посовѣтовалъ Сѣрякову посѣщать академію художествъ, для усовершенствованія въ рисункѣ; доложено было объ этомъ директору департамента, барону Н. И. Корфу, но тотъ взглянулъ на дѣло иначе и, призвавъ къ себѣ Сѣрякова, раскричался на него за то, какъ онъ, солдатъ, осмѣлился думать объ академіи. Однако Кукольнику удалось устроить поступленіе Сѣрякова въ академію, помимо Корфа: онъ написалъ докладную записку военному министру, А. И. Чернышеву, при которомъ состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій, и подалъ ему во время доклада, когда тотъ ѣхалъ во дворецъ. Черезъ два часа Чернышевъ привезъ обратно эту записку, гдѣ рукою императора Николая было написано „согласенъ".

II.

Въ мартѣ 1847 г. послано было отношеніе военнаго министра къ президенту академіи художествъ о высочайшемъ соизволеніи на занятія Сѣрякова въ академическихъ классахъ, а въ апрѣлѣ онъ внесъ уже за билетъ на право посѣщенія академіи 9 р. [1]).

Сѣряковъ поступилъ вольноприходящимъ въ 1-й классъ, гдѣ рисовали головы съ готовыхъ оригиналовъ; черезъ два мѣсяца его перевели въ слѣдующій такой же классъ, а еще черезъ мѣсяцъ— въ классъ гипсовыхъ головъ. Цѣлый день, а подъ-часъ и ночь, проводилъ тогда Сѣряковъ за работой: съ ранняго утра отправлялся онъ изъ Озернаго переулка въ академію на лекціи, днемъ занимался дома гравированіемъ для „Иллюстраціи", вечеромъ

---

[1]) Архивъ императорской академіи художествъ, дѣло 1847 г. № 62.

снова путешествовалъ на Островъ въ рисовальные классы; часть ночи, а то и вся, уходила опять на гравированіе.

Въ томъ же году онъ представилъ черезъ Кукольника военному министру, а тотъ государю, спрашивавшему о занятіяхъ Сѣрякова, альбомъ изъ 15 гравированныхъ рисунковъ его работы, гдѣ, между прочимъ, находилась группа изъ трехъ фигуръ вершка по 4 величиною, срисованныхъ съ натуры и изображавшихъ: солдата кавалергардскаго полка въ полной формѣ, унтеръ-офицера преображенскаго полка въ полной же формѣ и солдата семеновскаго полка въ походной формѣ; за эту работу художникъ получилъ денежную награду.

Съ апрѣля 1847 г. изданіе „Иллюстраціи" перешло въ руки Крылова, бывшаго воспитателемъ въ Петропавловской школѣ; редакторомъ же сдѣлался А. П. Башуцкій. Послѣдній завелъ граверную мастерскую, гдѣ работали 7 лучшихъ граверовъ на деревѣ и 7 учениковъ, подъ надзоромъ барона Константина Карловича Клодта; съ мая того же года и нашъ Сѣряковъ сталъ заниматься подъ руководствомъ барона въ общей мастерской, съ жалованьемъ по 50 р. въ мѣсяцъ, при готовой квартирѣ, за занятія съ 9 часовъ утра до 8 часовъ вечера.

Усиленныя работы для „Иллюстраціи", потомъ тифъ, мѣшали Сѣрякову посѣщать академію цѣлые 8 мѣсяцевъ; въ 1848—1849 гг. онъ не бралъ даже билетовъ на посѣщеніе академическихъ классовъ [1]). Въ началѣ 1849 г. „Иллюстрація" прекратилась, послѣ того какъ Крыловъ раззорился, проигравъ 60-ти тысячный процессъ, а Башуцкій, по непріятностямъ, оставилъ службу; но въ апрѣлѣ Башуцкій представлялъ еще въ академію оттиски съ нѣсколькихъ досокъ, сдѣланныхъ для „Иллюстраціи",—чтобы обратить вниманіе академическаго совѣта на свое граверное заведеніе,—одновременно съ письмомъ Кукольника, который просилъ обратить особенное вниманіе на работы Сѣрякова и засвидѣтельствовать объ его успѣхахъ передъ его главнымъ начальствомъ [2]).

Въ декабрѣ Сѣрякова хотѣли назначить учителемъ гравированія на деревѣ въ предполагавшееся тогда къ учрежденію при С.-Петербургскомъ баталіонѣ военныхъ кантонистовъ граверное

---

[1]) Тамъ же.

[2]) См. П. Н. Петрова, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Имп. Спб Академіи Художествъ. Спб. 1866. III, 99—100.

отдѣленіе, почему департаментъ военныхъ поселеній спрашивалъ академію о занятіяхъ Сѣрякова; на это академія отвѣчала, основываясь на свидѣтельствѣ барона Клодта, что Сѣряковъ, окончивъ курсъ гравированія на деревѣ, можетъ теперь быть учителемъ, но что ему было бы полезно по прежнему заниматься въ рисовальныхъ классахъ [1]).

Болѣе полугода по прекращеніи „Иллюстраціи" Сѣряковъ продолжалъ еще жить въ общей мастерской; затѣмъ поселился опять съ матерью и снова сталъ ходить въ академію. Такъ прошли 1850—1851 гг.

Лѣтомъ 1852 г., живя на дачѣ съ барономъ Клодтомъ въ селѣ Муринѣ, онъ рѣшился было бросить гравированіе на деревѣ и заняться пейзажною живописью; поэтому сталъ писать этюды съ натуры, вмѣстѣ съ сыномъ барона, М. К. Клодтомъ. Но оставшись безъ денегъ къ концу лѣта, Сѣряковъ опять принялся за гравированіе, на этотъ разъ съ оригиналовъ Одрана, Виля, Клаубера и др. Онъ началъ чертить перомъ и тушью, сталъ изучать манеру штриха, и, послѣ долгихъ усилій, добился, наконецъ, толку.

Товарищи его топографы держали тогда экзамены на офицера; департаментъ военныхъ поселеній сдѣлалъ опять запросъ въ академію о занятіяхъ Сѣрякова; академія отвѣчала, что для окончанія его художественнаго образованія ему нужно еще года два—три, послѣ чего Сѣрякова оставили уже въ покоѣ.

Товарищи его по академіи: М. К. Клодтъ (пейзажистъ), М. П. Клодтъ (жанристъ), Грузинскій (баталистъ), Каменскій и Лаверецкій (скульпторы), окончили курсъ ученія гораздо позднѣе, чѣмъ черезъ 2—3 года. Можетъ быть и Сѣряковъ остался бы долѣе въ академіи, если бы въ октябрѣ 1852 г. не подалъ прошенія въ совѣтъ—заказать ему, въ видѣ программы на званіе свободнаго художника, гравюру на деревѣ съ одной изъ головъ, работы Рубенса или Рембрандта. В. И. Григоровичъ, тогдашній конференцъ-секретарь академіи художествъ, сильно противился сперва подачѣ этого прошенія, признавая, подобно многимъ другимъ, гравированіе на деревѣ ремесломъ, а не художествомъ; но потомъ, въ концѣ концевъ, согласился. Однако, прежде чѣмъ назначить программу, академическій совѣтъ отнесся напередъ къ управляющему военнымъ

[1]) Архивъ императорской академіи художествъ, дѣло 1847 г. № 62.

министерствомъ, князю В. А. Долгорукому, съ вопросомъ: „не имѣется ли со стороны военнаго министерства препятствій къ полученію Сѣряковымъ программы на званіе художника, такъ какъ съ званіемъ симъ, по силѣ всемилостивѣйше дарованной академіи привиллегіи, сопряжено право пользоваться съ потомствомъ вѣчною и совершенною свободою и вольностію и вступить въ службу, въ какую художникъ пожелаетъ“. Въ декабрѣ того же года князь Долгорукій отвѣчалъ, что „къ назначенію Сѣрякову программы для полученія званія художника по части гравированія на деревѣ—препятствій со стороны военнаго министерства не встрѣчается, но какъ онъ принадлежитъ военному вѣдомству, то, взамѣнъ званія свободнаго художника (если онъ таковаго будетъ удостоенъ), е. с. полагаетъ испросить высочайшее соизволеніе на производство его, Сѣрякова, въ коллежскіе регистраторы, съ опредѣленіемъ на службу по вѣдомству военныхъ поселеній“.

Послѣ этого Сѣрякову разрѣшено было исполнить программу на званіе художника и велѣно явиться въ эрмитажъ къ Ѳ. А. Бруни, для выбора картины, съ которой слѣдовало гравировать. Бруни указалъ ему нѣсколько вещей, Сѣряковъ остановился на этюдѣ Рембрандта—голова старика въ профиль, въ натуральную величину. Онъ сдѣлалъ съ него рисунокъ въ ½ оригинала, т. е. въ полъ-натуры; въ три лѣтнихъ мѣсяца исполнилъ самую гравюру, а въ сентябрѣ 1853 г. принесъ первый оттискъ на экзаменъ. Всѣ профессора были въ восторгѣ, особенно граверъ Уткинъ, и Сѣряковъ тогда же получилъ званіе художника; это былъ первый примѣръ признанія у насъ за гравюрой на деревѣ художественнаго значенія.

Работа Сѣрякова была, въ самомъ дѣлѣ, великолѣпна, морщинистое лице старика выполнено съ замѣчательнымъ совершенствомъ и правдивостью, вся манера рембрандтовской кисти передана имъ въ гравюрѣ съ особеннымъ искуствомъ; это было первое по-истинѣ художественное и лучшее произведеніе рѣзца Сѣрякова. Когда гравюра его появилась на академической выставкѣ того года, тогдашняя художественная критика обратила на нее особенное вниманіе. „Гравированіе на деревѣ“, писалъ А. Майковъ въ своемъ отчетѣ о выставкѣ, „доведено, кажется, г. Сиряковымъ (sic) до того совершенства, въ его этюдѣ головы

съ Рембрандта, котораго оно достигло во Франціи. Невозможно узнать, чтобы его гравюра была рѣзана на деревѣ, а не на мѣди" [1]).

Императоръ Николай, при посѣщеніи выставки въ декабрѣ, остался чрезвычайно доволенъ работой Сѣрякова и сказалъ, что „надо его поддержать". Тогдашній президентъ академіи, великая княгиня Марія Николаевна, еще въ ноябрѣ просила военнаго министра выхлопотать Сѣрякову содержаніе года на три по 300 р.; въ августѣ 1854 г. вышло высочайшее разрѣшеніе на производство ему жалованья по 150 р. изъ остатковъ отъ суммъ, ассигнуемыхъ по смѣтѣ военныхъ поселеній, пока онъ не получитъ другаго назначенія [2]). Съ апрѣля 1857 г. Сѣряковъ получилъ мѣсто рисовальщика при департаментѣ генеральнаго штаба, съ жалованьемъ по 148 р. [3]).

Затѣмъ академическій совѣтъ, безъ всякой уже просьбы со стороны Сѣрякова, назначилъ ему программу на званіе академика, а Бруни предложилъ для этой цѣли гравюру съ эскиза Рембрандта въ эрмитажѣ—„Невѣріе ап. Θомы". Сѣряковъ сдѣлалъ рисунокъ въ величину оригинала, т. е. вершковъ 12 шириною и вершковъ 14 вышиною, и въ маѣ 1857 г. представилъ его въ академію, прося „не лишить его какого либо вспомоществованія на время исполненія гравюры, такъ какъ онъ, занявшись столь трудною работою, долженъ все свое время посвятить на нее, оставивъ частныя работы, которыми единственно существуетъ". Академическій совѣтъ, „желая доставить ему возможность привести въ исполненіе столь необыкновенное его предпріятіе, которое, судя по прежней отличной его работѣ, онъ въ состояніи будетъ выполнить съ успѣхомъ", просилъ въ іюнѣ министра двора выхлопотать пособіе изъ казны для производства гравюры; вслѣдствіе чего въ іюлѣ пожаловано Сѣрякову высочайшее пособіе въ 500 р. изъ кабинета его величества [4]).

Сѣряковъ съ жаромъ принялся за исполненіе гравюры; весной 1858 г. она была уже представлена на академическую выставку и заслужила похвалы профессоровъ и художественной критики. „Кончая этотъ обзоръ", писалъ Толбинъ о выставкѣ 1858 г.,

---

[1]) См. „Отечественныя Записки" 1853 г, т. XCI, № 11, отд. II, стр. 45.
[2]) Архивъ императорской академіи художествъ, дѣло 1853 г. № 134.
[3]) Архивъ императорской академіи художествъ, дѣло о Сѣряковѣ.
[4]) Архивъ императорской академіи художествъ, дѣло 1857 г. № 72.

„прекраснымъ исполненіемъ гравюры на деревѣ г. Сѣркова (sic): Невѣріе ап. Θомы—съ картины Рембрандта, которой можно позавидовать и лучшимъ англійскимъ граверамъ на стали,... мы пожелаемъ только одного: полнаго и болѣе счастливаго будущаго всѣмъ нашимъ художникамъ“ [1]). Къ сожалѣнію, самая доска сгорѣла во время пожара у столяра, которому Сѣряковъ далъ задѣлать трещину, образовавшуюся во время печатанія гравюры, и теперь нигдѣ нѣтъ оттисковъ съ нея [2]).

Званія академика Сѣрякову не дали, однако, за эту гравюру; поэтому въ маѣ онъ просилъ академическій совѣтъ о разрѣшеніи исполнить другую программу—гравюру съ картины Себастіано дель Піомбо въ эрмитажѣ, „Несеніе креста“, и объ исходатайствованіи ему пособія со стороны правительства на путешествіе во Францію, для изученія всѣхъ пріемовъ гравированія на деревѣ и печатанія съ деревянныхъ досокъ, такъ какъ тамъ эти искусства развиты болѣе, чѣмъ здѣсь, въ Россіи. Академія, находя, что Сѣряковъ отличается особенными дарованіями и любознательностію по части гравированія на деревѣ, но что для бо̀льшаго развитія его таланта ему недостаетъ здѣсь руководителя, который стоялъ бы выше его въ этомъ искусствѣ, просила въ іюнѣ министра двора исходатайствовать высочайшее разрѣшеніе на посылку его за границу на годъ, съ пенсіонерскимъ содержаніемъ въ 300 червонцевъ и съ выдачею 200 червонцевъ на путевыя издержки во Францію и обратно,—для усовершенствованія въ гравированіи на деревѣ и для изученія пріемовъ печатанія, такъ какъ въ Россіи нѣтъ хорошихъ печатниковъ, особенно для гравюръ большаго размѣра. Въ іюлѣ послѣдовало высочайшее соизволеніе на посылку Сѣрякова за границу, съ выдачею требуемыхъ денегъ изъ государственнаго казначейства; въ августѣ онъ получилъ уже заграничный паспортъ [3]).

---

[1]) См. „Сынъ Отеч.“ 1858 г., № 21, стр. 611.
[2]) Сообщ. Д. А. Ровинскимъ со словъ самаго Сѣрякова.
[3]) Архивъ императорской академіи художествъ, дѣло 1858 г. № 83.

III.

Варшавской желѣзной дороги тогда еще не было, Сѣрякову хотѣлось осмотрѣть картинныя галлереи въ Копенгагенѣ и быть свидѣтелемъ осенней бури на Балтійскомъ морѣ, поэтому онъ взялъ себѣ мѣсто до Гавра на небольшомъ купеческомъ пароходѣ и 23 сентября выѣхалъ за границу. Бурю онъ дѣйствительно испыталъ, чуть было даже не потонулъ вмѣстѣ съ пароходомъ, погибли нѣкоторыя его вещи, въ томъ числѣ гравированная доска съ этюда Рембрандта „голова старика въ профиль“.

Вмѣсто положенныхъ на проѣздъ 8 дней, Сѣряковъ оставался въ морѣ цѣлыхъ 16; наконецъ, 13-го октября, онъ достигъ Парижа, почти безъ денегъ, хотя передъ отъѣздомъ и получилъ половину своего годоваго содержанія и такую же часть изъ суммы на путевыя издержки. На другой день, по пріѣздѣ въ Парижъ, онъ пошелъ къ граверу Бесту, основавшему еще въ 1833 г., вмѣстѣ съ граверами Андревомъ и Лелуаромъ, иллюстрированный журналъ „Magasin Pittoresque“, и просилъ у него позволенія заниматься въ ихъ мастерской. Бестъ, увидавъ его гравюры, нашелъ, что ему нечему учиться въ ихъ ателье, такъ какъ работа его вполнѣ хороша, однако согласился на просьбу Сѣрякова, и вотъ, на третій день своего пребыванія въ Парижѣ, Сѣряковъ сталъ посѣщать мастерскую Беста, гдѣ уже работало болѣе 40 человѣкъ. Хозяинъ былъ такъ доволенъ имъ, что дня черезъ три, неколеблясь, далъ ему 100 франковъ впередъ, когда Сѣряковъ очутился безъ гроша. Сперва ему поручили сдѣлать рисунокъ для „Иллюстраціи“—пейзажъ въ цѣлую страницу; по окончаніи же этой работы, предложили гравировать для „Magasin Pittoresque“. Работать, правда, приходилось цѣлый день, зато разсчеты производились аккуратно; трудно было только обходиться безъ знанія французскаго языка, но настойчивый Сѣряковъ превозмогъ и это затрудненіе: объяснялся сначала съ помощію словаря, купилъ потомъ французскую грамматику и черезъ два мѣсяца могъ уже, хоть плохо, говорить по французски.

Общества русскихъ художниковъ онъ избѣгалъ, такъ какъ они вели совсѣмъ иную жизнь, чѣмъ онъ,—менѣе трудовую, да притомъ требовавшую слишкомъ много расходовъ, а онъ сильно нуж-

дался въ деньгахъ; еще въ октябрѣ ему пришлось просить академію о высылкѣ остальныхъ 250 червонцевъ; просьба его была уважена и деньги высланы въ февралѣ 1859 г. Но къ тому времени заработки его стали порядочные—отъ 10-ти до 30-ти франковъ въ день, какъ у лучшихъ граверовъ. За первый неполный мѣсяцъ Сѣряковъ получилъ 320 франковъ, за второй уже около 800; тогда же онъ сталъ гравировать портреты. Первою его работою по этой части былъ портретъ французскаго живописца Декана, подъ которымъ Сѣряковъ подписалъ свою фамилію по русски; затѣмъ слѣдовали портреты: де Лакруа, Форстера, Энгра, Галеви, Гораса Верне, Рюда и мн. др., уже съ французскою подписью. Кромѣ гравюръ для „Magasin Pittoresque“, Сѣряковъ исполнялъ и другія работы для Беста; такъ онъ принималъ участіе въ исполненіи заказовъ отъ римскаго папы и въ иллюстрированіи „Испанской Исторіи“ для королевы Изабеллы, а также „Французской Исторіи“.

Работалъ онъ въ мастерской Беста съ 20 октября 1858 г. до 20 мая 1859 г., занимаясь гравированіемъ на деревѣ и изученіемъ пріемовъ лучшихъ граверовъ; въ свободное отъ занятій время онъ посѣщалъ лучшія типаграфіи и разныхъ мастеровъ по части печатанія съ деревянныхъ досокъ. Съ 20 мая до 20-хъ чиселъ октября — изучалъ въ типографіи Беста: типографское искусство, особенно печатаніе съ деревянныхъ досокъ и съ гальванопластическихъ снимковъ большаго размѣра, составленіе типографскихъ красокъ для печатанія колерами и способы приготовленія гальванопластическихъ снимковъ съ гравюръ на деревѣ; наконецъ, вниманіе его привлекъ вновь изобрѣтенный тогда въ Парижѣ способъ гравированія на мѣдныхъ и цинковыхъ доскахъ посредствомъ травленія, принаровленный къ типографскому искусству. Между тѣмъ, срокъ пенсіонерству истекалъ и потому Сѣряковъ просилъ академію о продленіи этого срока на одинъ годъ; въ ноябрѣ академія ходатайствовала о томъ-же передъ министромъ двора, а въ декабрѣ получено было высочайшее соизволеніе на отпускъ Сѣрякову изъ главнаго казначейства еще 300 червонцевъ; послѣ чего, въ апрѣлѣ 1860 г, деньги были посланы ему сполна [1]).

[1]) Архивъ имп. акад. худож., дѣла 1858 г. № 83 и 1859 г. № 163.

Живя за границей, Сѣряковъ осматривалъ всевозможныя галлереи въ Парижѣ и рисовалъ въ Луврѣ; путешествовалъ по сѣв. Франціи и въ Испанію (до Мадрида); лѣто проводилъ въ Буживалѣ, по совѣту Беста, такъ какъ у него отъ усиленныхъ занятій стала болѣть грудь.

Въ 1860 г. ему поручилъ письменно іеромонахъ Тимоѳей, начальникъ типографіи Кіево-печерской лавры, для которой онъ работалъ еще въ бытность свою въ академіи художествъ,—заказать въ заведеніи Лемерсье нѣсколько литографированныхъ и хромолитографированныхъ видовъ Кіева и другихъ изображеній, а также награвировать на деревѣ нѣсколько изображеній разныхъ святыхъ съ рисунковъ прошлаго столѣтія, съ платою по 3 р. за дюймъ, и сдѣлать по нѣскольку гальванопластическихъ клише и оттисковъ съ каждаго изъ нихъ. Заказъ былъ выгоденъ, но для выполненія его не оставалось болѣе времени, такъ какъ и второй срокъ пенсіонерства близился къ концу. Тогда въ мартѣ 1861 г. Сѣряковъ просилъ академію о разрѣшеніи ему остаться еще одинъ годъ заграницей, уже на свой счетъ,—для окончанія начатыхъ работъ; академическій совѣтъ, спросивъ въ свою очередь разрѣшенія у военнаго министерства, по которому числился Сѣряковъ, согласился и на эту отсрочку [1]).

Въ августѣ того же года была готова бо̀льшая часть этихъ работъ, а въ мартѣ 1862 г. и остальная часть. Вещи и счеты на сумму почти 12½ тыс. фран. были посланы въ лавру, но деньги не высылались оттуда, не смотря на неоднократныя напоминанія и требованія, пока не взялся за это дѣло тогдашній вице-президентъ академіи художествъ, князь Гагаринъ. Наконецъ, часть слѣдовавшей Сѣрякову суммы была отправлена въ Парижъ въ іюлѣ, другая въ октябрѣ.

Въ декабрѣ Сѣряковъ снова просилъ академію объ отсрочкѣ его возвращенія изъ-за границы до 15 сентября слѣдующаго года,—для полученія ожидаемыхъ денегъ изъ лавры за новый заказъ у Лемерсье, для окончанія начатой гравюры съ картины Рембрандта въ Луврѣ (голова старика), для обозрѣнія двухгодичной парижской выставки и для посѣщенія Рима и другихъ го-

[1]) Архивъ императорской академіи художествъ, дѣло 1857 г. № 163.

родовъ Италии и Германіи; академіи, снесясь предварительно съ военнымъ министерствомъ, разрѣшила ему и эту третью отсрочку, въ апрѣлѣ 1863 г. [1]).

Въ іюлѣ Сѣряковъ покинулъ Парижъ, объѣхалъ Швейцарію, Италію и Германію, и въ концѣ года вернулся въ Петербургъ, пробывъ за границей слишкомъ 5 лѣтъ. По выѣздѣ его изъ Парижа, Бестъ писалъ князю Гагарину о его чрезвычайныхъ способностяхъ и успѣхахъ; французъ свидѣтельствовалъ между прочимъ, что Сѣряковъ—отличный граверъ, занявшій первое мѣсто въ столицѣ Франціи, что гравюры его обратили тамъ на себя вниманіе, такъ какъ ни одинъ граверъ въ Парижѣ не выполнилъ бы ихъ лучше, что онѣ сдѣланы съ такою нѣжностію и съ такимъ совершенствомъ, подобныхъ которымъ нигдѣ не отыщется, а между тѣмъ портретъ, рѣзанный на деревѣ, самый неблагодарный и трудный родъ гравированія, что благодаря Сѣрякову въ Петербургѣ черезъ немного лѣтъ будетъ безъ сомнѣнія одна изъ первыхъ школъ гравированія на деревѣ.

Въ декабрѣ Сѣряковъ представилъ въ академію портреты своей работы, сдѣланные за границей и оттиснутые на механическомъ прессѣ у Беста; совѣтъ положилъ назначить ему, въ видѣ исключенія, программу на званіе академика (перваго въ Россіи)—исполнить въ гравюрѣ на деревѣ рисунокъ съ Луврской картины Рембрандта: „голова старика“ [2]).

IV.

Первая работа Сѣрякова въ Петербургѣ, по возвращеніи изъ-за границы, былъ антиминсъ для св. синода, по рисунку Ѳ. Г. Солнцева; потомъ имъ исполнены: картинки къ акаѳистнику и другимъ молитвеннымъ книгамъ изданія Кіево-печерской лавры, тоже по рисункамъ Солнцева [3]); двѣ гравюры съ картинъ изъ галлереи графа С. Г. Строганова; сцены изъ жизни св. Кирилла и Меѳодія—для книги Ширяева; заглавный листъ къ

---

[1]) Архивъ императорской академіи художествъ, дѣло 1862 г. № 93.
[2]) Сборникъ П. Н. Петрова, III. 439.
[3]) Труды Кіевской духовной академіи 1865 г., т. II, стр. 229.

изданію „Московскаго общества любителей художествъ", по рисунку профессора Соколова, и двѣ гравюры къ „Художественному сборнику" того же общества („Материнская любовь", со статуи С. И. Иванова, и портретъ Г. Левицкаго, съ оригинала Д. Левицкаго,—двѣ превосходныя вещи); съ тѣхъ поръ онъ былъ заваленъ заказами въ Россіи и изъ Парижа (съ 1870 г.)

Въ октябрѣ 1864 г., за представленныя на академическую выставку работы, Сѣряковъ признанъ, наконецъ, академикомъ. Около того же времени, съ переименованіемъ департамента генеральнаго штаба въ главное управленіе, упразднена была должность рисовальщика департамента и Сѣряковъ, съ января 1865 г., долженъ былъ лишиться получаемаго жалованья; у него не было еще тогда большихъ заказовъ и онъ просилъ о продолженіи ему содержанія, но безуспѣшно.

Съ 1865 г. онъ сталъ давать уроки гравированія на деревѣ лучшимъ ученицамъ школы для приходящихъ, помѣщавшейся въ зданіи биржи; между ними особенно выдавались: Кочетова, Стефани, Михальцева, Попова и Анна Александровна Гаврилова (съ 1868 г. его первая жена, умершая въ 1873 г.—она погребена въ Парголовѣ) [1]).

Въ ноябрѣ Сѣряковъ возобновилъ свою просьбу о продолженіи ему содержанія, но вмѣсто постояннаго жалованья получилъ 500 р. изъ кабинета въ пособіе, безвозвратно. Въ это время онъ приготовлялся гравировать портретъ Императора Александра II въ общей генеральской формы—для распространенія въ народѣ, по возможно дешевой цѣнѣ. Въ октябрѣ 1866 г. портретъ былъ готовъ и представленъ Государю Императору; въ декабрѣ Сѣряковъ получилъ званіе гравера его императорскаго величества, съ причисленіемъ къ эрмитажу (безъ содержанія), „во вниманіе къ отличному таланту и заслугамъ по усовершенствованію въ Россіи гравированія на деревѣ". Въ маѣ 1868 г. онъ отправился на три мѣсяца въ Парижъ, для отпечатанія исполненныхъ имъ гравюръ, пріобрѣтенія инструментовъ и гравировальныхъ досокъ; въ маѣ 1870 г. онъ ѣздилъ за границу на одинъ мѣсяцъ.

---

[1]) Л. А. Сѣряковъ страстно любилъ эту достойнѣйшую и добрѣйшую женщину. Отчаяніе его по потери жены было такъ велико, что близкіе къ нему люди опасались, что онъ наложитъ на себя руки.

Съ 1870 г. Сѣряковъ сталъ работать для „Русской Старины“ и лучшія гравюры его за послѣднее время—множество портретовъ русскихъ дѣятелей—были именно для этого журнала, вмѣстѣ съ портретомъ Какоринова—для общества поощренія художниковъ (въ 1870 г.) и картинами для книги „Павловскъ“ (Спб., 1877 г.); но здоровье его требовало теплаго климата. Въ іюлѣ 1876 г. Лаврентій Авксентьевичъ женился на Любови Александровнѣ Тицъ, а въ октябрѣ того же года уѣхалъ съ молодой женой и малолѣтнимъ сыномъ отъ перваго брака Александромъ за границу и съ тѣхъ поръ сталъ жить сначала въ Ниццѣ, потомъ въ Парижѣ, а съ октября мѣсяца 1878 г. опять въ Ниццѣ.

Послѣ окончанія портрета Императора Александра II—для „Русской Старины“, 16 января 1880 г., съ нимъ сдѣлался обморокъ и доктора запретили ему гравировать, по крайней мѣрѣ, четыре мѣсяца. Не будучи въ состояніи, по разстроенному здоровью, работать по прежнему и содержать жену и двухъ малолѣтнихъ дѣтей, онъ въ маѣ прошлаго года прислалъ въ академію письмо на имя нынѣшняго президента ея, великаго князя Владиміра Александровича, съ просьбой назначить ему пенсію. Конференцъ-секретарь академіи, П. Ѳ. Исѣевъ, вслѣдствіе письма къ нему М. И. Семевскаго, въ іюнѣ того же года, составилъ докладъ о назначеніи Сѣрякову пенсіи въ размѣрѣ 800 р. въ годъ [1]). По ходатайству великаго князя, президента академіи художествъ, и благодаря участію, принятому въ этомъ дѣлѣ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, высоко цѣнившимъ талантъ Сѣрякова, пенсія была разрѣшена, но Сѣрякову не

---

[1]) Архивъ императорской академіи художествъ, дѣло о Сѣряковѣ.

Долгомъ считаемъ въ дополненіе къ словамъ автора, замѣтить, что какъ ректоръ академіи художествъ Ѳ. И. Іорданъ, такъ въ особенности конференцъ секретарь академіи П. Ѳ. Исѣевъ, къ которымъ мы обратились съ ходатайствомъ поддержать нами же переданную письменную просьбу Сѣрякова о пенсіи, отнеслись къ нему съ самымъ сердечнымъ сочувствіемъ и полнѣйшимъ вниманіемъ. Довольно сказать слѣдующее: 3-го іюня 1880 г. мною было передано г. Исѣеву помянутое прошеніе, а уже на другой день, 4-го іюня 1880 г., за № 1110 конференцъ-секретарь писалъ ко мнѣ: „Его Императорское Высочество (Президентъ академіи художествъ) изволилъ поручить мнѣ, по ходатайству академика Сѣрякова, представить къ подписанію отношеніе къ г. министру императорскаго двора, объ испрошеніи Высочайшаго соизволенія на назначеніе академику Сѣрякову пенсіи въ размѣрѣ 800 руб.“ Ред.

довелось ею воспользоваться: вскорѣ по назначеніи ему пенсіи, знаменитый отечественный граверъ скончался 2 (14) января 1881 г. въ Ниццѣ, оставивъ жену и двухъ дѣтей безъ всякихъ средствъ къ жизни.

Самыя крупныя изъ русскихъ газетъ напечатали сочувственные некрологи, по случаю его смерти. „Сѣряковъ былъ средняго роста“, пишетъ между прочимъ А. С. Суворинъ, „бѣлокурый, съ мягкими, симпатичными чертами лица; очень живъ въ обращеніи, очень добръ и привѣтливъ. Лучшія воспоминанія его относились къ Франціи, которую онъ очень любилъ и гдѣ его хорошо цѣнили“ [1]).—„Сѣряковъ былъ честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ“, говоритъ М. И. Семевскій, „благородство его правилъ; его обращеніе, исполненное ласки, доброты, мягкости; его готовность помочь каждому, кто только обращался къ нему съ просьбою; наконецъ, то уваженіе, которое чувствовали къ нему его ученики, весьма хорошо памятны“... [2]).

Сѣряковъ образовалъ цѣлую школу русскихъ граверовъ на деревѣ [3]).

---

[1]) См. „Новое Время“ 1881 г., № 1745, стр. 3.

[2]) См. „Голосъ“ 1881 г., № 5, фельетонъ. Къ словамъ нашимъ добавимъ, что Лаврентій Авксентьевичъ былъ самый преданный, горячо любящій сынъ. Старушка мать не разставалась съ нимъ. Въ 1878 году, устроившись за границей, на маленькой квартиркѣ въ Парижѣ,—Сѣряковъ выписалъ туда свою старушку-матушку изъ С.-Петербурга. Старушка Сѣрякова умерла въ бытность нашу въ Парижѣ, на рукахъ взаимно ею обожаемаго сына. Грусть Лаврентія Авксентьевича о потери друга всей его жизни была истинно трогательна.

[3]) Въ числѣ учениковъ Л. А. Сѣрякова были слѣдующіе: г. Кубло—(еще до первой поѣздки Сѣрякова за границу),—но г. Кубло оставилъ потомъ гравированіе,—Петръ Ѳедоровичъ Борисовъ и Василій Васильевичъ Маттэ—тотъ и другой весьма имъ любимые и на нихъ Сѣряковъ возлагалъ большія надежды. Въ 1868 или 1869 г. у Сѣрякова была цѣлая мастерская въ теченіе трехъ съ небольшимъ лѣтъ. Главнѣйшимъ сотрудникомъ въ мастерской у Сѣрякова былъ А. И. Зубчаниновъ; также талантливы ученики Сѣрякова: Иванъ Ив. Матюшинъ (изъ крестьянъ), Георгій Ив. Грачевъ (мѣщанинъ изъ г. Корчевы), Карлъ Крегеръ († въ 1872 или 1873 г.); въ той же мастерской жили и работали: Я. Я. Яненко, Н. А. Браунъ и друг., всего до десяти человѣкъ. Одинъ изъ пріѣзжихъ изъ Варшавы граверовъ полякъ, подучившись нѣсколько у Сѣрякова, былъ потомъ заваленъ заказами. Вообще должно сказать, что Л. А. Сѣряковымъ дѣйствительно создана въ Россіи цѣлая школа граверовъ. Въ обращеніи съ учени-

Изъ всѣхъ его учениковъ особенною любовью его пользовался, кажется, В. В. Маттэ, платившій ему тѣмъ же чувствомъ. „Мое желаніе“, пишетъ В. В. Маттэ въ послѣднемъ письмѣ къ В. В. Стасову изъ Ниццы отъ 8 (20) января сего года, „все еще было видѣть Сѣрякова, кое о чемъ потолковать на счетъ гравюры. И вотъ не удалось поговорить больше. Опоздалъ я однимъ днемъ. Говорятъ, онъ ждалъ меня съ часа на часъ. Я ужасно сожалѣю, что не видѣлъ его. Такъ какъ я дѣла его почти всѣ зналъ, то понемногу устраиваю, что возможно, для семьи, ибо семья въ довольно плохомъ состояніи осталась. Умеръ Сѣряковъ отъ чахотки, оставивъ неконченными нѣкоторыя работы для М. И. Се-

---

ками Сѣряковъ отличался братскою простотою и добродушіемъ, говорилъ всѣмъ „ты“, но никто изъ нихъ не слыхалъ отъ него грубаго слова. Поступающаго къ нему молодаго художника, нерѣдко съ немалымъ самомнѣніемъ о себѣ, онъ прежде всего спрашивалъ: „Хочешь учиться?“—Хочу.—„Да, но какъ учиться: продолжать ли такъ же гравировать, какъ ты теперь гравируешь, или переучиваться съ самаго начала?“ И если тотъ заявлялъ, что готовъ, подъ его руководствомъ, заново переучиться, Л. А. Сѣряковъ принималъ его съ особеннымъ радушіемъ и дѣло кипѣло по его указаніямъ.

И какою глубокою любовью и уваженіемъ преисполнены были отношенія къ Сѣрокову его учениковъ. Вотъ напр. что пишетъ нашъ В. В. Маттэ отъ 9-го (21) января 1881 г. изъ Ниццы:

— „Премногоуважаемый М. И.! Да, Ницца! И ввѣкъ свой не желалъ я увидать ее такою, какъ нынче! Сколько времени я дѣтски радовался и не могъ дождаться: когда-то попаду сюда! Вотъ, наконецъ увидалъ я возможность переселиться совсѣмъ, съ началомъ Новаго года, къ Лаврентію Авксентьевичу, чтобы докончить у него свое ученіе. Это-же было желаніе Президента Академіи художествъ и Академіи. Какъ-же мнѣ грустно, обидно, скучно все вѣкъ будетъ, и никогда себѣ не прощу того, что опоздалъ! Пріѣхалъ я день послѣ смерти дорогаго, уважаемаго, знаменитаго, достойнаго Лаврентія Авксентьевича. Остаются во мнѣ самыя теплыя, лучшія воспоминанія о учителѣ моемъ. Дай Богъ ему царство небесное! Хотя онъ и умеръ видимо, но труды и добродушіе его никогда не умрутъ. Слава же его только теперь и начнется.

„Я все же еще счастливъ, что успѣлъ набросать его портретъ въ гробу и отдать послѣдній долгъ проводить тѣло его......

.... „Скучно ужасно! Не у кого теперь учиться. Раньше все хотѣлось Лаврентія Авксентьевича порадовать. Теперь и мысли не могу допустить, что не увижу его больше“......

Къ этимъ строкамъ сраженнаго глубокимъ горемъ талантливаго ученика и сотрудника знаменитаго художника прибавлять нечего. Ред.

мевскаго. Я очень жалѣю его, ибо онъ былъ большимъ добрякомъ и я ему многимъ обязанъ. Да и не будетъ долго такого учителя, какимъ онъ былъ. Онъ къ тому же сильно поднялъ гравюру въ Россіи. Мнѣ, какъ любимому ученику, онъ велѣлъ передать инструменты".

О художнической дѣятельности Сѣрякова писали очень много, и здѣсь, и въ Парижѣ; его гравюры извѣстны всѣмъ и каждому, ихъ насчитывается ни одна сотня. Конечно, не всѣ его произведенія одинаковаго достоинства: нѣкоторыя, особенно спѣшныя для разныхъ періодическихъ и иныхъ изданій, когда приходилось въ нѣсколько дней кончать за разъ нѣсколько вещей,—слабѣе; многія даже, подписанныя его именемъ, принадлежатъ не ему, а его ученикамъ и только пройдены имъ передъ печатаніемъ; но то, чт̀о онъ дѣлалъ не торопясь и самъ отъ начала до конца,—высоко-художественно и нисколько не уступаетъ лучшимъ гравюрамъ на мѣди. Къ сожалѣнію только, у насъ собираютъ однѣ гравюры на мѣди, пренебрегая гравюрами на деревѣ и литографіями, хотя между первыми есть много плохаго, а между послѣдними много хорошаго. Впрочемъ, въ послѣднее время слышно о нѣкоторыхъ собирателяхъ ксилографій; особенно хорошое и обширное собраніе ихъ составилось у Петра Александровича Ефремова.

Въ слѣдующей главѣ мы постараемся представить подробнѣйшій списокъ всѣхъ работъ покойнаго Сѣрякова, какъ самаго выдающагося изъ русскихъ граверовъ на деревѣ.

Н. П. Собко.

7-го января 1881 г. въ церкви Вознесенія, въ С. Петербургѣ, собрался кружокъ друзей и почитателей Сѣрякова, помолиться объ упокоеніи его души. Предъ церковною службою мѣстный пастырь достойный от. Михаилъ Предтеченскій, сказалъ слѣдующее слово:

«Предъ молитвой, для которой вы собрались здѣсь, не излишнимъ нахожу съ своей стороны напомнить вамъ одно изъ прошеній молитвы, Самимъ Богомъ преподанной въ образецъ для молитвъ нашихъ,—прошеніе: да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли.

«Да будетъ воля Твоя. Вы скорбите о потерѣ человѣка вами любимаго, вами по достоинству уважаемаго,—человѣка, который изъ самой низкой доли терпѣніемъ и трудомъ съумѣлъ выбиться на дорогу и сдѣлать имя свое извѣстнымъ не только въ отечествѣ, но и внѣ его. Для васъ эта потеря казалась бы преждевременною. Но чтожъ дѣлать? Видно, такова о немъ воля Божія, премудрая и всесовершенная. Намъ-ли роптать противъ нее и пререкать неисповѣдимымъ путямъ ея промысла?

«Почившій, Лаврентій Авксентьевичъ, рано, можетъ быть, умеръ для общества, рано въ особенности для неустроенной, осиротѣвшей семьи своей; но рано-ли для себя и своей славы? Данный ему отъ Бога талантъ онъ не зарылъ въ землю, а развилъ и обогатилъ въ себѣ честною и полезною дѣятельностію. Онъ подвигомъ добрымъ подвизался, причемъ не ослабѣвалъ духомъ и не терялъ вѣры въ лучшее. Не имѣемъ-ли и мы права вѣровать, что для него соблюденъ тотъ вѣнецъ правды, который обѣщалъ Господь всѣмъ честнымъ и неустаннымъ на пути добра земнымъ труженикамъ? Итакъ, съ упокоеніемъ усопшаго, по совѣту древняго израильскаго мудреца, упокойте и память о немъ и утѣшьтесь о немъ по исходѣ души его (Сир. 38, 23).

«Дай Богъ, чтобъ примѣръ трудовой жизни почившаго нашелъ себѣ, какъ можно болѣе,—какъ можно болѣе,—подражателей на святой Руси, чтобъ подобные ему энергическіе труженики не были, какъ теперь, рѣдкостью; а они, безъ сомнѣнія, не будутъ рѣдки, если мы съ своей стороны не будемъ хладнокровны къ ихъ памяти,—не будемъ позабывать о нихъ.

«Сохранимъ же въ сердцахъ своихъ нетлѣнною и неувядаемою память о почившемъ, знаменитомъ народномъ нашемъ труженикѣ, и, молясь о блаженномъ вѣчномъ его упокоеніи, помолимся, чтобъ и здѣсь, на землѣ, между прочимъ, въ примѣръ и поощреніе для другихъ, сотворилъ ему Господь вѣчную память.

Протоіерей **Михаилъ Предтеченскій.**

Къ статьѣ «А. И. Барятинскій», стр. 274-я, строка 12-я сверху, редакція считаетъ необходимымъ помѣстить здѣсь слѣдующее примѣчаніе автора статьи «кн. А. И. Барятинскій и Кавказская война», ошибочно опущенное типографіей:

«Формальная сдача полка Кабардинскаго отъ князя А. И. Барятинскаго его преемнику барону Егору Ивановичу Майделю (нынѣ генералъ-адъютанту генералу отъ инфантеріи коменданту Петропавловской крѣпости) послѣдовала въ апрѣлѣ 1850 г., и была сдѣлана въ его отсутствіи, заочно, а сперва князь Александръ Ивановичъ Барятинскій уѣхалъ въ отпускъ».

Поправка. Въ „Русской Старинѣ“ изд. 1880 г., томъ XXIX, (ноябрь), въ очеркѣ: „Графъ П. Д. Киселевъ“ вкрались нѣкоторыя погрѣшности, а именно: на стр. 629 въ 23 строкѣ сверху напечатано: с. с. Кучевича, слѣдуетъ читать с. с. Кукевича, и въ выноскѣ на той же стр. въ 4 строкѣ напечатано: Тит. Сов. Сергѣй Алек. Костливцевъ (бывшій Пермскій Гражданскій губернаторъ) слѣдуетъ читать: (бывшій управляющій Пермскою Палатою Госуд. Имуществъ и Вятскій Вице-Губернаторъ, нынѣ Тайн. Совѣтникъ, служитъ по Министерству Финансовъ.).

Н. А. Лебедевъ.

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА „РУССКОЙ СТАРИНЫ".

МЕЛЛЕРЫ-ЗАКОМЕЛЬСКІЕ.

1790 г.

Занимаясь постоянно изысканіями по части отечественной исторіи, я не нашелъ разрѣшенія вопроса, откуда происходитъ названіе „Закомельскій", присвоенное роду Меллеровъ, при пожалованіи ему баронскаго достоинства, не нашелъ отвѣта на этотъ вопросъ ни въ одномъ изъ описаній турецкихъ войнъ царствованія Екатерины II, и даже въ сочиненіи князя Петра Долгорукова „Россійская родословная книга" (Часть 2-я, стр. 283) сказано только, что: „когда, въ 1788 году, открылась война съ турками, И. И. Меллеръ отправился на войну съ тремя сыновьями, изъ коихъ, подъ Очаковымъ, одинъ былъ убитъ, а другой тяжело раненъ. Меллеръ много содѣйствовалъ взятію Очакова, получилъ Андреевскую ленту и Георгіевскую звѣзду, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя возведенъ, 30-го іюня 1789 года, въ баронское Россійской имперіи достоинство".

Болѣе вѣрныя и опредѣлительныя свѣдѣнія по сему предмету содержатся въ двухъ грамотахъ, пожалованныхъ императрицею Екатериною II-ю, въ 16-й день мая 1790 года, командующему артиллеріею генералу Ивану Меллеру.

Въ одной изъ грамотъ объявлено, что „ему всемилостивѣйше пожаловано въ вѣчное и потомственное владѣніе изъ казенныхъ имѣній Полоцкой губерніи, староства Усвятскаго, войтовства Закомельскаго части Бармутинская и Череухинская, съ принадлежащими къ нимъ землями и угодьями, со всѣми принадлежащими селеніями и пустыми землями, дворами, деревнями, хоромнымъ и огороднымъ строеніемъ, съ пашнями и лугами, съ лѣсами, сѣнными покосами и рыбными ловлями, съ имѣющимися нынѣ въ оныхъ наличными и съ бѣглыми крестьянами, ничего не выключая изъ того, что къ тѣмъ мѣстамъ принадлежитъ...."

Въ другой грамотѣ сказано: „Объявляемъ всѣмъ обще и каждому особливо, что мы, по самодержавной отъ Всемогущаго Бога намъ данной императорской власти и по природной нашей милости и щедротѣ, всѣхъ намъ вѣрно и ревностно услуги явившихъ, честь, пользу и приращеніе всемилостивѣйше всегда защищать и споспѣшествовать желаемъ, а наипаче къ тому склонны, чтобъ тѣхъ вѣрно-служащихъ честію, достоинствомъ, также и особливо нашею милостью, по ихъ состоянію награждать, повышать и надлежащими преимуществами жаловать и въ оныхъ подтверждать, которые, по всеподданнѣйшей своей къ службѣ нашей ревности, честными и

усердными своими поступками, нашего императорскаго величества благоволенія и милости достойными себя являютъ".

Затѣмъ, изложенъ вкратцѣ послужной списокъ артиллеріи генералъ-аншефа Ивана Меллера, въ концѣ чего упомянуто, что: „въ 1788 году, при атакѣ и взятьѣ штурмомъ города Очакова, гдѣ онъ командовалъ двумя колоннами, и во всю службу его, такъ какъ и при семъ взятьѣ города, оказывалъ усердіе къ службѣ нашей, вѣрность и храбрость, за что возложены на него ордена: 1788 г. 16-го декабря, Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 2-й степени, а 1789 г. апрѣля 14-го, Св. Апостола Андрея Первозваннаго, то мы, уважая отличные его заслуги и въ знакъ нашей милости, которая бы не только ему и его потомкамъ къ особливой чести и славѣ служила, но и прочимъ нашимъ вѣрноподданнымъ къ ревностной службѣ побужденіемъ быть могла, 1789-го года іюня въ 30-й день, всемилостивѣйше пожаловали ему, генералъ-аншефу Меллеру, дѣтямъ его и потомкамъ, отъ него происходящимъ, достоинство барона Всероссійской имперіи съ наименованіемъ: Баронъ Меллеръ-Закомельскій".

Далѣе, по описаніи герба, дарованнаго роду бароновъ Меллеровъ-Закомельскихъ [1]), въ грамотѣ сказано:

„Того ради мы, императрица Екатерина Вторая, самодержица Всероссійская, ему генералъ-аншефу, дѣтямъ и потомкамъ его оный гербъ во всякихъ пристойныхъ и честныхъ случаяхъ употреблять дозволяемъ: нашимъ же Всероссійскія имперіи всѣмъ вѣрнолюбезнымъ подданнымъ, какъ духовнымъ, высшія и нижнія степени, такъ и мирскимъ въ нашемъ императорскаго величества синклитѣ обрѣтающимся, всякаго чина и степени, какъ военнымъ, такъ и гражданскимъ и придворнымъ, вообще всѣмъ подданнымъ вѣрностію и послушаніемъ намъ обязаннымъ, какого бы званія и достоинства оные ни были, всемилостивѣйше и накрѣпко повелѣваемъ, и указомъ нашимъ повелѣваемъ, а прочихъ потентатовъ, принцевъ и высокихъ областей владѣтелей любезно просимъ, и отъ прочихъ отъ всякаго по достоинству чина и состоянія благоволительно и милостиво желаемъ, дабы помянутаго барона Меллера-Закомельскаго, дѣтей и потомковъ его, въ вѣчныя времена нашей Всероссійской имперіи баронами признавали, почитали, писали и именовали, и по всемилостивѣйшему нашему возвышенію предсѣдательство и прочія преимущества и почтеніе позволяли и отдавали, которые мы, по самодержавству нашему, нашимъ всероссійской имперіи барономъ съ особливою милостью пожаловали и позволили, что все мы подданнымъ нашимъ исполнять повелѣваемъ, подъ опасеніемъ преступникамъ нашего императорскаго гнѣва и пени пятьдесятъ фунтовъ чистаго золота, изъ которыхъ половина въ казну нашу, а остальное тому оскорбленному доправлено быть имѣетъ, не смотря лица, прочимъ же потентатамъ, принцамъ и всѣмъ высокимъ областямъ взаимно въ таковыхъ же мѣрахъ воздавать обѣщаемъ".

Сообщ. **М. И. Богдановичъ.**

---

[1]) «Щитъ герба раздѣленъ на три части: въ верхней—въ золотомъ полѣ выходящій до половины—двуглавый орелъ, въ знакъ нашей императорской милости за отличныя его заслуги; въ правой—въ пурпуровомъ полѣ—шпага съ лавровою вѣтвью, въ знакъ его храбрости, оказанной при взятьѣ города Очакова; въ лѣвой—въ красномъ полѣ—мортира, означающая вступленіе и продолженіе его службы въ артиллеріи; щитъ увѣнчанъ обыкновенною баронскою короною безъ намета». **М. Б.**

Письмо М. М. Сперанскаго къ императору Александру Павловичу,

9-го іюля 1814 г. изъ Перми.

Помѣщенный здѣсь любопытный историческій документъ можно встрѣтить въ сочиненіи барона М. А. Корфа: „Жизнь графа Сперанскаго“ [1]). Но, къ сожалѣнію, онъ переданъ авторомъ въ совершенно искаженномъ видѣ, и съ пропусками; вѣроятно, М. А. Корфъ воспользовался при составленіи своего труды невѣрнымъ спискомъ этого письма. Предлагаемый нами списокъ снятъ въ точности съ подлиннаго письма. Н. Ш.

Всемилостивѣйшій Государь!

Пріемлю смѣлость повергнуть къ стопамъ В. И. В. всеподданнѣйшее мое поздравленіе съ вожделѣннымъ событіемъ всеобщаго мира.

Провидѣніе, ввѣривъ вамъ, всемилостивѣйшій государь, совершеніе сего священнаго дѣла, показало, сколь благопріятна ему твердость духа и сіе святое самоотверженіе. непреклонное среди бѣдствій, кроткое среди успѣховъ, которое возвышаетъ всѣ другія достоинства и одно можетъ привлечь и утвердить на себѣ всѣ небесныя благословенія [2]).

Да будетъ миръ сей епохою лучшихъ дней человѣчества, твердымъ союзомъ не только политическаго, но и нравственнаго народовъ образованія, новымъ залогомъ благоустройства и счастія вѣрныхъ Вашихъ подданныхъ.

Удаленіе мое отъ лица Вашего и бѣдствія, меня постигшія, да не умалятъ въ очахъ Вашихъ цѣну сихъ желаній. Никакое положеніе не лишитъ меня права быть Вамъ приверженнымъ.

Среди всеобщей радости не оскорбитесь, всемилостивѣйшій государь, склонить вниманіе Ваше на горестную судьбу мою. Тому полтора года, какъ бывъ принужденъ разстаться здѣсь съ моею дочерью вручилъ я ей письмо для поднесенія В. В. при первомъ вѣрномъ и удобномъ случаѣ. Не знаю еще, дошло ли оно до рукъ Вашихъ. Содержаніе его съ перемѣною обстоятельствъ во многомъ измѣнилось. Я просилъ въ немъ единой милости, дозволенія сокрыть остатокъ скорб-

---

[1]) Стр. 91, томъ 2-й.

[2]) Эта часть письма въ особенности пострадала въ спискѣ, сообщенномъ М. А. Корфомъ; все помѣщенное послѣ словъ „кроткое среди успѣховъ“ выпущено. Затѣмъ вкралась даже очевидная безмыслица. Исторіографъ Сперанскаго говоритъ: „Провидѣніе, ввѣривъ вамъ, В. Г. совершеніе сего священнаго дѣла, показало, сколь пріятны (!!!) ему твердость духа“ и пр.

Н. Ш.

ныхъ дней моихъ въ малинкой деревнѣ близь Нова-города, дочери моей по наслѣдству доставшейся. Сей самой милости и теперь вторично испрашиваю въ твердомъ упованіи на правосудіе и милосердіе Ваше, Всемилостивѣйшій Государь, В. И. В. вѣрноподданный М. Сперанскій.

Въ Перми
9 іюля 1814 г.

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

Рапортъ ген. отъ инфан. маркиза Паулуччи императору Николаю I

1830 г.

Въ 1829 г. 31-го декабря состоялся указъ правительствующему сенату, по которому рижскій военный, псковской, лифляндскій, эстляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ инфантеріи Маркизъ Паулуччи, по прошенію его, всемилостивѣйше уволенъ былъ вовсе отъ службы.

Отъѣзжая затѣмъ за границу, маркизъ Паулуччи представилъ императору Николаю Павловичу нижеслѣдующій любопытный рапортъ. Н. Ш.

Рига. 2-го февраля 1830 г.

По всемилостивѣйшемъ увольненіи меня отъ службы, сдавъ согласно назначенію преемника моего Г. Л. барона фонъ-деръ Палена всѣ дѣла, до главнаго управленія псковскою и остъ-зейскими губерніями касающіяся, въ надлежащей исправности и денежныя суммы со счетами вѣрныя, лифляндскому гражданскому губернатору Д. С. С. фонъ-Фелькерзаму, въ чемъ получилъ отъ него квитанцію, долгомъ поставляю всепокорнѣйше донести о томъ В. И. В.

Отъѣзжая затѣмъ за границу, сердце мое въ порывѣ благодарныхъ чувствъ требуетъ отъ меня почтительнѣйшаго поднесенія вновь державному моему благодѣтелю громкихъ изліяній глубокой признательности за всѣ оказанныя мнѣ милости. Удостойте, всемилостивѣйшій государь! принять снисходительно сіе въ благоговѣніи подносимое и единственно сердечными ощущеніями исторчаемое отъ меня изліяніе. Дай найду я въ благости В. И. В. великодушное прощеніе моей дерзости и да позволено мнѣ будетъ присовокупить еще всеуниженнѣйшую просьбу, продлить могущественный кровъ В. В. на меня и семейство мое, даже за предѣлами почіющаго подъ скипетромъ Вашимъ государства. Угрюмый Борей оледневаетъ наружныя только очерки въ сей странѣ, внутреннія ощущенія согрѣваются

солнцемъ престола. Я принужденъ отдалится отъ сего солнца, но до послѣдняго издыханія не перестану ловить даже въ переломѣ благотворные лучи онаго, согрѣвающіе душу, какъ воля Творца сердцевину природы и каждое мановеніе изъ гиперборейскихъ странъ напомнитъ мнѣ, среди палящихъ жаровъ юга, усладительную тѣнь матери Россіи.

Генералъ маркизъ Паулуччи.

Примѣчаніе. Получивъ это краснорѣчивое произведеніе, императоръ Николай приказалъ графу Чернышеву, копію съ этого рапорта препроводить цесаревичу Константину Павловичу, собиравшему колекцію разныхъ любопытныхъ бумагъ.

По этому случаю графъ Чернышевъ, 12—24 февраля 1830 г. обратился къ цесаревичу съ нижеслѣдующимъ „партикулярнымъ" письмомъ:

„Le général d'infanterie Marquis Pauluci ayant demandé et obtenu sa demission a cru devoir á cette occasion adresser á l'Empereur l'expression des sentiments qui l'animent en quittant le service de Russie".

„S. M. m'a ordonné de transmettre à V. A. I. une copie de la lettre du Marquis, la jugeant digne, surtout par sa péroraison de figurer dans la collection des piéces curieuses de ce genre que V. A. I. s'est plus à réunir dans son cabinet".

Сообщилъ Н. К. Шильдеръ.

14 декабря 1825 года.

Замѣтка.

Приведенный мною, въ моихъ Запискахъ («Русская Старина», ноябрь 1880 г.) разсказъ покойнаго А. П. Башуцкаго ,,о всемъ томъ, что произошло съ графомъ Милорадовичемъ съ той минуты, когда Государь послалъ его на Сенатскую площадь, до самой смерти его, ,,15 декабря рано утромъ", а вовсе не объ участіи л.-гв. коннаго полка въ борьбѣ съ мятежниками, 14 декабря 1825 г., о чемъ и рѣчи не было, по моему мнѣнію, не бросаетъ ни малѣйшей тѣни на этотъ полкъ. Рѣчь въ немъ шла единственно о медленности сбора этого полка, подлинно удивительной въ то время, но объясненной теперь очень просто—тѣмъ, что полкъ былъ безъ командира и офицеровъ, находившихся во дворцѣ. Понятно, что безъ нихъ полкъ не могъ скоро собраться и дѣйствовать: весь послѣдующій весьма интересный разсказъ достоуважемаго князя А. А. Суворова, „Л.-гв. конный полкъ и проч." подтверждаетъ это. Но ни графъ Милорадовичъ, ни Башуцкій, передавшій мнѣ слова и дѣйствія его, ни я, передавшій слова Башуцкаго, и не думали обвинять ни полка, ни командира и офицеровъ его, ни въ какой винѣ,

ни въ опозданіи, ни тѣмъ менѣе въ какой либо неблаговидной неблагонадежности, что просто немыслимо. А что полкъ, безъ командира и офицеровъ, собирался очень медленно—это фактъ, а не измышленіе Башуцкаго. Доказательствомъ тому впечатлѣніе, произведенное этимъ, вовсе не на Башуцкаго, а на графа Милорадовича. Именно—оно возбудило въ немъ неудовольствіе, которое росло постепенно, и превратившееся наконецъ въ негодованіе, лишившее его всякаго терпѣнія и заставившее его сѣсть на лошадь Бахметева и ѣхать одному, въ сопровожденіи лишь Башуцкаго, на Сенатскую площадь, гдѣ, во время рѣчи его мятежнымъ солдатамъ, онъ былъ предательски застрѣленъ Каховскимъ и перенесенъ Башуцкимъ въ казармы л.-гв. коннаго полка. Все это—совершившіеся историческіе факты, буквально вѣрно переданные Башуцкимъ мнѣ, а мною—въ моихъ Запискахъ, и ничего общаго не имѣющіе „съ тѣнью, бросаемою“ (будто бы) „на л.-гв. конный полкъ“. Въ благонадежности его никто и не думалъ сомнѣваться, ни графъ Милорадовичъ, ни Башуцкій, ни я. Не говоря уже о первомъ, второй, т. е. Башуцкій, былъ не только адъютантомъ графа, но и восторженнымъ почитателемъ его, питавшемъ къ нему чувства безпредѣльныхъ: уваженія и преданности, которыя и доказалъ вполнѣ въ теченіи всего этого дня и до самой смерти графа. И онъ ли, послѣ всего этого, дерзнулъ бы взвести на графа небылицы!— Это—просто немыслимо! Я, коротко знавшій Башуцкаго 50 лѣтъ, съ 1826 г. до 1876, года его смерти, а отъ него—и всѣ подробности, касавшіяся графа Милорадовича въ теченіи цѣлаго дня 14 декабря 1825 г., совѣстью ручаюсь въ вѣрности всего переданного мнѣ имъ, а мною, съ его словъ, въ моихъ Запискахъ. Во всемъ этомъ не было и нѣтъ ни малѣйшаго даже намека на нерасположеніе и, тѣмъ менѣе, на непріязнь графа Милорадовича къ А. Ѳ. Орлову. Нѣтъ, причины неудовольствія графа Милорадовича были совсѣмъ другія.

Событіе 14 декабря 1825 г. и его, какъ и всѣхъ, застигло совершенно въ расплохъ—и онъ, какъ военный генералъ-губернаторъ столицы, былъ этимъ глубоко пораженъ, возмущенъ и огорченъ, когда узналъ объ этомъ слѣдующимъ образомъ. Еще часа за два до съѣзда во дворецъ, одѣвшись въ полную парадную форму, онъ сказалъ Башуцкому, бывшему дежурнымъ при немъ, что долженъ прежде заѣхать къ N. N. и оттуда уже пріѣдетъ во дворецъ, куда и Башуцкому приказалъ пріѣхать. Но у N. N. графу дали знать о бунтѣ и сборѣ мятежниковъ на Сенатской площади, и онъ немедленно поспѣшилъ прямо туда, чтобы сразу уговорить мятежниковъ. Но заговорщики (не солдаты) обошлись съ нимъ самымъ дерзкимъ и неприличнымъ образомъ и насильно принудили его удалиться. До нельзя возмущен-

ный этимъ, онъ прямо оттуда поспѣшилъ къ Государю, находившемуся тогда на Дворцовой площади, передъ фронтомъ 1-го баталіона л.-г. Преображенскаго полка, и въ сильномъ волненіи сказалъ ему:

— Sire, quand on a traité de la sorte un homme, comme moi, il ne reste... но былъ прерванъ словами Государя, сказанными строгимъ тономъ:

— «Графъ, вы—военный генералъ-губернаторъ столицы, и сами должны знать, что вамъ слѣдуетъ дѣлать: идите туда (на Сенатскую площадь),—возьмите конную гвардію и распорядитесь какъ слѣдуетъ».

Графъ немедленно поспѣшилъ исполнить повелѣніе государя, но въ какомъ состояніи духа онъ прибылъ къ манежу л.-г. коннаго полка—не трудно себѣ вообразить... И въ этомъ-то крайне возбужденномъ состояніи, что же видитъ онъ? Что солдаты неторопливо выводятъ осѣдланныхъ лошадей изъ казармъ, а ни командира, ни офицеровъ при нихъ нѣтъ (онъ не зналъ, что они во дворцѣ). Раза три посылаетъ онъ Башуцкаго торопить полкъ и, наконецъ, потерявъ всякое терпѣніе, садится на лошадь и одинъ, въ сопровожденіи Башуцкаго, ѣдетъ на Сенатскую площадь, становится передъ каре мятежниковъ, держитъ рѣчь къ солдатамъ, падаетъ пораженный Каховскимъ и переносится Башуцкимъ въ казармы—все это въ какіе нибудь полчаса времени!

Спрашивается: было ли во всемъ этомъ что̀-либо общаго между медленностью сбора полка и его, будто бы колебаніемъ, неблагонадежностью и т. п.? Ни малѣйше: вся медленность сбора полка происходила, какъ уже сказано, единственно оттого, что командиръ и офицеры его находились во дворцѣ, а почему? Потому что, какъ также было сказано выше, событія этого дня, съ ранняго утра, на всѣхъ въ Петербургѣ и, что всего удивительнѣе, на всѣ городскія и правительственныя власти,—свалились какъ снѣгъ на голову! Никто ничего не предвидѣлъ и не зналъ, и отъ этой внезапности, съ ранняго утра до полудня, вездѣ и во всемъ были невообразимые хаосъ и безпорядокъ.

Послѣ полудня они стали постепенно уменьшаться и къ 4 часу прекратились лишь картечью и кровавою развязкою.

Вотъ корень всѣхъ недоразумѣній, во множествѣ бывшихъ въ это утро, а въ томъ числѣ медленности сбора л.-г. коннаго полка, ближайшаго изъ всѣхъ къ Сенатской площади, но не имѣвшаго при себѣ ни командира, ни офицеровъ, тогда какъ дальніе, до самаго отдаленнаго—кавалергардскаго—включительно, прибыли, хотя и позже, но скоро, съ командирами и офицерами. Изъ нихъ сборъ

и прибытіе кавалергардскаго полка, по тревогѣ, въ чемъ попало и безъ кирасъ, я привелъ въ примѣръ вовсе не въ смыслѣ бо̀льшихъ усердій или благонадежности, а лишь въ смыслѣ бо̀льшей быстроты: хоть и поздно, да скоро. Еслибы, примѣрно, предположить, что съ утра все было бы извѣстно и ближайшіе къ Сенатской площади л.-г. конный полкъ и 1 баталіонъ л.-г. Преображенскаго полка быстро заняли бы Сенатскую и другія двѣ площади, и предупредили бы на нихъ мятежниковъ, то почему знать? можетъ быть дѣла приняли бы другой оборотъ, не затянулись бы до 4 часовъ и не довели бы до кровавой развязки.

Но, какъ въ моихъ Запискахъ я говорилъ лишь о томъ, что самъ видѣлъ и слышалъ, и лишь какъ вводный эпизодъ ввелъ любопытный и никогда нигдѣ ненапечатанный разсказъ Башуцкаго о графѣ Милорадовичѣ, а не о л.-г. конномъ полку,—такъ и здѣсь я не намѣренъ входить въ разсмотрѣніе и разъясненіе событій дня 14 декабря 3825 года, въ связи со всѣми предшествовавшими имъ съ 1815 года. Онѣ принадлежатъ уже исторіи, но о нихъ далеко еще не все и не вполнѣ сказано. А безъ этого много еще будетъ, какъ и было, недоразумѣній...

Скажу въ заключеніе: въ весьма интересномъ, по различнымъ подробностямъ, разсказѣ достопочтеннаго князя А. А. Суворова, нареканія автора пали на А. П. Башуцкаго, несправедливо пожалованнаго даже „въ злого клеветника". Его уже нѣтъ на свѣтѣ и защитить себя онъ уже не можетъ. Но я, бывшій пріятель и другъ его, еще живъ, и на мнѣ лежитъ священный долгъ защиты памяти его. И еслибы я промолчалъ, то кромѣ того, „что молчаніе мое было бы знакомъ согласія", оно легло бы тяжкимъ укоромъ на мою совѣсть, а я такого укора на себѣ нести вовсе не желаю.

Князь Н. С. Голицынъ.

8-го января 1881 г.

Декабристы.

I.

Въ «Русской Старинѣ» изд. 1880 года помѣщены интересныя воспоминанія товарища моего Александра Петровича Бѣляева. На первой страницѣ, вмѣсто предисловія, напечатано авторомъ, между прочимъ:—«въ воспоминаніяхъ этихъ читатель также увидитъ, какъ люди съ прекрасными чувствами и стремленіями, мгновенно выступившіе на политическое поприще и также мгновенно, хотя и не безслѣдно изчезнувшіе, могли сознательно усвоить и принять коварное іезуитское правило—цѣль освящаетъ средства».

Я зналъ А. П. Бѣляева коротко и хорошо, уважалъ и любилъ его какъ истинно честнаго и добраго человѣка. Прочитавъ первую страницу, я былъ повергнутъ въ совершенное недоумѣніе.

Не упрекая стараго товарища, для уничтоженія несправедливаго нареканія, столь неосторожно имъ брошеннаго, ограничусь печатнымъ засвидѣтельствованіемъ двухъ весьма компетентныхъ личностей, бывшихъ въ тѣсной связи между собою въ молодости, послѣ въ непримиримой враждѣ, и принадлежавшихъ къ совершенно противоположнымъ лагерямъ, что, однако, не помѣшало обоимъ сознаться, что декабристы не усвоили себѣ іезуитскаго принципа: называю Николая Ивановича Тургенева и Дмитрія Николаевича Блудова. Первый изъ нихъ писалъ:—«Касательно показаній одного изъ обвиняемыхъ, что на совѣщаніяхъ неоднократно было признаваемо, что никогда цѣль не можетъ оправдывать средствъ,—трудно уяснить себѣ умѣстность подобнаго показанія, потому что, кажется, и не было вопроса о какихъ-бы то ни было средствахъ. Но слова эти называютъ мнѣ того, кто̀ ихъ произнесъ: то былъ генералъ-маіоръ Михаилъ Александровичъ Фонвизинъ; я зналъ его и питалъ къ нему глубочайшее уваженіе. То былъ человѣкъ честный, чистый, мужъ добродѣтельный въ полномъ смыслѣ слова. Выраженіе упомянутое было у него обыденное, оно согласовалось съ прямымъ его характеромъ. Вѣроятно, что въ показаніяхъ предъ судомъ, онъ ссылался на свое любимое правило, видя себя обвиненнымъ въ такихъ преступленіяхъ, о коихъ никогда даже не помышлялъ.—Редакторъ донесенія слѣдств. ком. Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, не могъ совершенно устранить слова, сколько нибудь оправдывающія, или, по крайней мѣрѣ, смягчающія виновность подсудимаго, и помѣстилъ ихъ въ своемъ донесеніи, но такъ, что онѣ потеряли главное свое значеніе.»—Помѣщаю здѣсь подлинныя слова Н. И. Тургенева изъ его сочиненія: «La Russie et les Russes par N. Tourgueneff. Memoires d'un proscrit. Bruxelles. Tome I, page 194:

—«Quant à ce qu'ajoute un des accusés, que «l'on reconnut à plus d'une reprise que jamais le but ne pourrait justifier les moyens», on ne peut bien saisir l'à-propos d'une pareille déclaration, car il ne parait pas qu'il ait été question de moyens d'aucune espèce. Mais ces seules paroles me disent quel est celui qui les a prononcées: c'est le général-major Vonwisin, que j'ai connu et pour qui je professais la plus grande estime. C'était un homme loyal, pur, un homme vertueux dans toute la force du terme. Ces paroles lui etaient familières: elles allaient si bien à son caractère honnête! il est probable que, dans ses déclarations devant la justice, il invoqua son principe favori en se voyant ac-

cusé de forfaits dont l'idée a dû toujours être si eloignée de lui. Le rapporteur, n'osant pas écarter tout-à-fait des paroles qui pouvaient être justificatives ou du moins atténuantes, les a placées de manière à ce qu'elles perdissent toute leur valeur.»

Баронъ Андрей Евгеніевичъ Розенъ.

Урочище Викнино,
декабря 14 дня 1880 года.

II.

Въ предисловіи къ моимъ «Воспоминаніямъ» я сказалъ о моихъ товарищахъ декабристахъ, что и они усвоили іезуитское правило, что цѣль оправдываетъ средства, не объяснивъ при этомъ, что въ средствахъ къ достиженію цѣли, это общество, и между нимъ я самъ, допускало одно открытое возстаніе, въ которомъ они и себя приносили въ жертву. Но святымъ долгомъ считаю заявить, что такъ называемые декабристы всегда гнушались всѣми низкими средствами, какъ-то: убійствами изъ-за угла, поджогами и грабежами, которыя въ новѣйшее время возведены въ принципъ нынѣшними революціонерами-нигилистами, отрицающими Бога, церковь, священныя семейныя узы и все святое и возвышенное. Хотя я, по своимъ христіанскимъ убѣжденіямъ, считаю и всякій насильственный переворотъ въ государствѣ преступнымъ, какъ противнымъ божественному закону, и пагубнымъ, но все же, по совѣсти, долженъ засвидѣтельствовать, что общество (декабристовъ), котораго членовъ я хорошо зналъ, хотя и допускало насильственный переворотъ въ тѣ времена, когда все было порабощено и задушено, но и при этомъ заблужденіи своемъ, считало неприкосновеннымъ все святое, признаваемое и уважаемое человѣкомъ, какъ разумнымъ и нравственнымъ существомъ.

Если по слѣдствію, тогда произведенному, и высказались нѣкоторыя слова моментальнаго увлеченія и раздраженія, то онѣ и остались пустыми словами. Доказательствомъ этому служитъ А. И. Якубовичъ, болѣе всѣхъ кричавшій, а 14 декабря онъ самъ подошелъ къ покойному Государю, говорилъ съ нимъ лицомъ къ лицу, но не имѣлъ и мысли поднять на него руку. Великій князь Михаилъ Павловичъ подъѣзжалъ къ нашему (гвардейскому) экипажу, но тогда же сами-же мятежники отбили пистолетъ, направленный на него однимъ фанатикомъ.

Если 14 числа благороднѣйшими жертвами своего долга пали нашъ герой и гордость Россіи Милорадовичъ и другіе, жертвой,

принесенной убійственной идеѣ, то и его умоляли отъѣхать, прежде нежели Каховскій выстрѣлилъ въ томъ сознаніи, что такой человѣкъ, какъ Милорадовичъ, своимъ вліяніемъ могъ сокрушить все возстаніе.

Александръ Петровичъ Бѣляевъ.

Москва.
Декабря 14 дня 1880 г.

Генералъ Затлеръ и кн. М. Д. Горчаковъ.

[„Русская Старина," Сентябрь, 1880 г.]

Н. В. Бергъ въ своихъ замѣткахъ о кн. М. Д. Горчаковѣ разбирая недостатки ума и характера покойнаго главнокомандующаго, ссылается на мнѣнія разныхъ лицъ, въ томъ числѣ и на отзывы покойнаго мужа моего ген. Затлера.

Затлеръ, находясь при князѣ Горчаковѣ въ званіи генералъ-интенданта, имѣлъ ежедневныя съ нимъ служебныя соотношенія. Въ своихъ воспоминаніяхъ Затлеръ не иначе отзывался о личности князя Горчакова, какъ съ полнымъ сознаніемъ его достоинствъ и доблестей.

По части механизма продовольствія войскъ, по словамъ Затлера, никто, кромѣ князя Паскевича не зналъ этой отрасли администраціи такъ, какъ зналъ ее князь Горчаковъ, и оба эти главнокомандующіе съ величайшей заботливостью пеклись о благосостояніи армій.

Генералъ Красовскій, въ возраженіи своемъ на вышесказанную статью, упоминаетъ о найденномъ имъ письмѣ Затлера къ князю Горчакову, въ которомъ Затлеръ изъявляетъ ему свои чувства въ самыхъ нѣжныхъ выраженіяхъ. Возраженіе генерала Красовскаго вызвало со стороны автора статьи „князь Горчаковъ" отвѣтъ, въ которомъ заключается, между прочимъ, слѣдующее:

„Затлеръ!" У меня есть письмо Затлера, гдѣ онъ выражаетъ свою любовь къ князю подобно восемнадцатилѣтней дѣвицѣ." „Не писалъ-ли это Затлеръ тогда, когда надъ нимъ повисъ тяжкій приговоръ военнаго суда? Главнокомандующій нуженъ былъ ему для выручки и онъ счелъ необходимымъ въ него влюбиться. Для исторической точности, нуженъ бы годъ и мѣсяцъ этого времени."

Я мало знала генерала Красовскаго, лишь смутно его помню, теперь-же мнѣ совершенно неизвѣстно мѣсто его пребыванія, поэтому я не могла спросить его ничего на счетъ письма или писемъ, о которыхъ онъ упоминаетъ; при всемъ томъ я твердо увѣрена, что обнаруженіе ихъ могло бы принести лишь честь ихъ автору.

Зная характеръ моего мужа, смѣло могу заявить, что его гордая и непреклонная натура не способна была выпрашивать себѣ милостей у кого бы то ни было. равно какъ и вымаливать заступничества или снисхожденія.

Находясь подъ бременемъ несчастія, онъ надѣялся единственно на силу своей правоты, въ нее онъ непоколебимо вѣрилъ, и она сопровождала его до гробовой доски. Письмо, которое писалъ Затлеръ князю Горчакову во время

производившагося надъ нимъ военнаго суда, напечатано: и оно далеко не похоже на тонъ человѣка, какъ говоритъ г. Бергъ, „нашедшимъ необходимость влюбиться.“

Не имѣя никого столь близкаго, чья обязанность была бы заступиться за оскорбленіе памяти покойника, мнѣ пришлось самой выступить на арену печати, хотя знаю, что заступничество жены можетъ не приниматься во вниманіе.

Я и не надѣюсь убѣдить всѣхъ: но тѣ, которые ближе знали Затлера, не только повѣрятъ мнѣ, но и раздѣлятъ мои чувства.

Не могу не прибавить, что къ числу этихъ я надѣялась имѣть нѣкоторое право присоединить и Н. В. Берга, оказывавшаго намъ всегда дружеское расположеніе, за которое мы искренне воздавали тѣмъ-же. Неужели историки имѣютъ право усвоить себѣ отдѣльный законъ, дозволяющій имъ входить всюду съ „англійской записной книжкой въ карманѣ“, придерживаясь аксіомы Вольтера „Je prends mon bien où je le trouve.“

Александра Затлеръ.

ПУШКИНСКАЯ ВЫСТАВКА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

въ 1880 г.

Открытіе 6-го мая 1880-го года памятника Пушкину оживило въ обществѣ память о великомъ народномъ поэтѣ. Но весь интересъ сосредоточивался въ то время на Москвѣ. Петербургъ, покинутый и литераторами и публикою, едва могъ собрать немногія силы для пушкинскаго праздника, лишь бы только день этотъ не остался въ немъ незамѣченнымъ. Весьма удачна по этому была мысль осенью, когда зимній городъ снова возвратился къ своей обычной жизни, привлечь его къ чествованію Пушкина. Литературное чтеніе, бывшее 19-го октября, и повторенное съ громаднымъ успѣхомъ 26-го, воскресило въ памяти публики его поэзію. Но еще болѣе существенное значеніе должна была имѣть выставка, открытая на одинъ мѣсяцъ, какъ предполагалось сначала, въ день лицейской годовщины, столько разъ воспѣтой Пушкинымъ и закрытая только 7-го января 1881-го года, вслѣдствіе непрекращавшихся посѣщеній публики. Въ продолженіе этого времени ее посѣтило около семи тысячъ человѣкъ, цифра, конечно, ничтожная для европейской столицы, но совершенно удовлетворительная, если принять во вниманіе новость и необычайность подобнаго предпріятія.

Выставка была расположена въ двухъ комнатахъ Общества поощренія художниковъ (Большая Морская, домъ бывшій градоначальника). Справа отъ входа, вдоль оконъ, шелъ рядъ витринъ, наполненныхъ рукописями, книгами и другими предметами, слѣва, противъ оконъ, рядъ щитовъ, покрытыхъ портретами, картинами и нотами.

Первая и третья витрины заняты были автографами писемъ и стихотвореній Пушкина, начиная съ лицейскихъ и кончая письмомъ къ А. О. Ишимовой, писаннымъ въ день дуэли за нѣсколько часовъ до катастрофы. Твердый, бойкій, красивый, хотя довольно связный и потому не всегда разборчивый, почеркъ покрываетъ цѣлую скатерть бѣлой и синей бумаги. Пушкинъ не любилъ щегольства въ своемъ письмѣ: бумага почти всегда довольно грубая, предпочтительный форматъ—цѣлые листы. Поправки, вычеркнутыя мѣста знакомятъ насъ съ самымъ процессомъ художественной работы поэта. Конечно, на выставкѣ находятся не всѣ автографы (многіе изъ бывшихъ на московской выставкѣ сюда не были доставлены), но въ числѣ выставленныхъ есть рѣдкіе и неизвѣстные. Издатели сочиненій Пушкина нашли здѣсь не мало новаго матеріала. Обыкновенные посѣтители удовольствовались тѣмъ, что увидѣли въ непосредственной формѣ, такъ сказать, лицомъ къ лицу, тѣ произведенія съ которыми они знакомы въ печатной оболочкѣ. Тутъ же встрѣчались и тѣ рисунки, которыми Пушкинъ любилъ пестрить рукописи въ минуты обдумыванія своей работы. Средняя витрина представляла fac simile—пушкинскихъ рукописей, копіи его рисунковъ и т. п. Любопытнѣе всего въ этой витринѣ печатное отношеніе изъ Новгородскаго губернскаго правленія въ С.-Петербургское таковое же, отъ 23-го октября 1828 г., объ исполненіи сенатскаго указа «о кандидатѣ словесныхъ наукъ Андреѣ Леопольдовѣ, сужденномъ за имѣніе у себя возмутительныхъ стиховъ Александра Пушкина» и три бумаги объ объявленіи сего указа «чиновнику Александру Пушкину, оставшемуся не розысканнымъ за неизвѣстностью мѣста жительства.» Возмутительные стихи—это Андрей Шенье!

Между витринами было помѣщено нѣсколько бюстовъ; но скульптурный отдѣлъ выставки былъ такъ слабъ, что о немъ не стоитъ и говорить, хотя можно бы было пополнить его моделями тѣхъ многочисленныхъ проэктовъ памятника, которые появились на конкурсахъ. Положимъ, эти модели не были удачны, но вѣдь и памятникъ, изваянный г. Опекушинымъ, не представляетъ такого совершенства, чтобъ послѣ него ничего не оставалось желать.

Слѣдующее отдѣленіе представляло три витрины съ книгами. Въ одной были помѣщены изданія сочиненій Пушкина, въ другой сочинія о Пушкинѣ, въ третьей тѣ изданія, въ которыхъ были помѣщаемы произведенія Пушкина. Главный экспонентъ этого отдѣла—Пушкинская библіотека императорскаго Александровскаго лицея. Задуманная годъ тому назадъ, она и теперь уже является замѣчательною представительницею пушкинской литературы.

Чрезвычайно любопытно прослѣдить рядъ изданій отъ Руслана и Людмилы 1820 г. до Евгенія Онѣгина 1837 г. Форматъ, шрифтъ, внѣшній видъ книгъ, все это имѣетъ свою физіономію у Пушкина. Если онъ мало заботился объ изяществѣ рукописей, то весьма большое вниманіе обращалъ на печатныя изданія. Въ его письмахъ разбросано множество наставленій издателямъ его сочиненій. Онъ былъ врагъ всякихъ пошлыхъ орнаментовъ, по бóльшей части въ ложно классическомъ родѣ, всѣхъ этихъ лиръ, урнъ, цвѣточныхъ гирляндъ, прострѣленныхъ сердецъ, скрещенныхъ пламенниковъ, трагическихъ кинжаловъ и масокъ, которыми любили «украшать» изданія тогдашніе авторы и типографы. Строгая простота—его главное требованіе. И надо признать, что нѣкоторыя изданія, напримѣръ: «Поэмы и повѣсти» 1835 г., «Братья разбойники», «Цыганы», замѣчательно изящны въ типографскомъ отношеніи. Кромѣ изданія г. Анненкова, ни чудовищно безобразное, такъ называемое, посмертное, (1838—1841 гг.), ни рыночныя (въ типографскомъ отношеніи) изданія г. Исакова не могутъ съ ними идти въ сравненіе.

Не меньшій интересъ представляла и противуположная витрина. Вотъ эти сѣренькія, желтыя, синія, зеленыя книжечки альманаховъ, въ которыхъ нѣкогда находили себѣ скромный пріютъ тогдашніе литературные боги, наряду съ самыми простыми и непритязательными смертными. Вотъ эти книжечки, своимъ появленіемъ составлявшіе событіе въ умственной жизни нашего общества: «Полярная Звѣзда», длинная вереница «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», «Невскій Альманахъ», а за этими корифеями—«Альбомъ сѣверныхъ Музъ», «Памятникъ отечественныхъ Музъ,» «Опытъ русской анеологіи,», «Уранія», «Денница», «Подснѣжникъ»,—а за ними и спекуляція въ родѣ «Новыхъ Аонидъ», «Сѣверной Звѣзды».... Подумаешь, какъ невелики были требованія публики, если она отъ года до года довольствовалась миніатюрной книжечкой «Сѣверныхъ Цвѣтовъ», которая цѣликомъ умѣстится на одной шестой части ежемѣсячной книжки любаго нынѣшняго журнала. А между тѣмъ нынѣшніе журналы иногда цѣлыми годами безъ сожалѣнія идутъ на обертку, тогда какъ въ «Сѣверныхъ Цвѣтахъ» и теперь остановишься на страницѣ, занятой пушкинскимъ стихотвореніемъ! Въ этой же витринѣ мы видѣли и первыя печатныя стихотворенія нашего великаго поэта.

Между этими густо наполненными витринами была помѣщена витрина съ сочиненіями о Пушкинѣ. Невольно напоминала она тотъ, воспѣтый въ Онѣгинѣ, станціонный прейскурантъ, «высокопарный, но голодный, который виситъ для виду» и «тщетный дразнитъ

аппетитъ». Цѣлая витрина! Какъ много у насъ написано о Пушкинѣ! Но вглядитесь въ эти книжечки и цифра 1880, выставленная на большинствѣ обертокъ, начиная г. Филоновымъ и кончая г. Кондратьевымъ, скажетъ, что Пушкинъ дѣйствительно былъ ихъ предметомъ, но только, какъ гоголевскій генералъ, «съ другой стороны». Что же прочитать о Пушкинѣ? спроситъ посѣтитель у этой витрины и получитъ въ отвѣтъ, что кромѣ туманныхъ «Матеріаловъ» г. Анненкова и дѣйствительно прекрасно составленной, хотя и устарѣлой, «біографіи Пушкина» «для дѣтскаго чтенія», указать не на что. Да, скоро пятьдесятъ лѣтъ со смерти Пушкина, чуть не столѣтіе со дня его рожденія и ни одной книги о немъ... Нѣмецъ, гдѣ ты?

Въ слѣдующемъ отдѣленіи опять три витрины. Одна занята переводами сочиненій Пушкина. Тутъ есть переводы: нѣмецкіе, французскіе, англійскіе, итальянскіе, испанскіе, сербскіе, словацкіе, румынскій («Цыганы»; книга развернута на пѣснѣ Земфиры: «Рѣжь меня, жги меня», которая представляетъ не переводъ, а оригиналъ пушкинской пѣсни) и даже турецкій («Бахчисарайскій фонтанъ» и «Талисманъ»). Конечно, литература переводовъ представлена далеко не полно и, какъ видно, совершенно случайно; нѣтъ, напримѣръ, ни одного польскаго перевода, тогда какъ мы знаемъ ихъ до десяти. Получить объ ней отчетливое представленіе по выставкѣ рѣшительно было не возможно. Одинъ курьезъ привлекалъ вниманіе: это сужденіе какого-то испанскаго академика дона-Франсиско-Каналейясъ о русской литературѣ, обязательно выставленное съ русскимъ переводомъ. Лучшимъ русскимъ поэтомъ испанецъ считаетъ Вейязню (Вяземскаго?), Жуковскій превращается у него въ Фонтовскаго, Пушкинъ является подражателемъ (чьимъ?), а въ Гоголѣ онъ усматриваетъ ощутительное вліяніе Беранже!!!

Вторая витрина содержала пушкинскія реликвіи: экземпляръ Овидія, по которому Пушкинъ учился въ лицеѣ, лампа изъ Михайловскаго, двѣ трости, жилетъ, бывшій на немъ въ день дуэли, два перстня, прядь волосъ...

Третья витрина посвящена была воспоминаніямъ пушкинскихъ праздниковъ въ Москвѣ: журнальныя статьи, картинки, програмы, меню, афиши, коробки конфетъ, папиросъ, спичекъ, все это съ именемъ, съ портретомъ, съ памятникомъ, со стихами Пушкина... Чтобы покончить съ предметами выставки, необходимо было заглянуть въ послѣднее отдѣленіе, гдѣ стоялъ диванъ Пушкина—угловой, длинный, узкій и жосткій. Диванъ этотъ былъ купленъ вмѣстѣ съ дачей, гдѣ онъ находился, Юханцевымъ и подаренъ г-жѣ Шишкиной, которой и теперь принадлежитъ.

Это отдѣленіе составляетъ поворотный пунктъ въ обозрѣніи выставки. Мы переходимъ отъ самаго Пушкина къ его воспроизведенію въ музыкѣ и живописи. Въ этомъ отношеніи послѣднее отдѣленіе выставки весьма было счастливо: единственная витрина, въ немъ находившаяся, посвящена была Г л и н к ѣ. Безъ сомнѣнія, никто въ русскомъ искуствѣ не стоитъ такъ близко къ Пушкину, какъ Глинка. Ихъ таланты родственны до невѣроятія. Это—художественные близнецы. Два громадныхъ щита по сторонамъ «Глинкинской» витрины покрыты романсами на слова Пушкина. Двѣсти пятнадцать романсовъ, сочиненныхъ девяносто восемью композиторами, свидѣтельствуютъ, что или Пушкинъ больше вдохновлялъ музыкантовъ, или музыканты читали Пушкина больше, чѣмъ живописцы. Къ несчастью или къ счастью, печатныя ноты нѣмы; къ тому же мы видѣли только ихъ обертки, и потому лишены возможности сказать что либо о достоинствѣ этихъ вдохновеній. Обратимся къ живописцамъ.

Прежде всего въ этомъ отдѣлѣ встрѣчали насъ рисунки къ сочиненіямъ Пушкина. Да, только рисунки. Картинъ тѣтъ. Наши патентованные художники рисуютъ арестантовъ, протодьяконовъ, пьяныхъ чиновниковъ, городовыхъ, но увы! не находятъ сюжетовъ, достойныхъ своей кисти ни въ «Мѣдномъ Всадникѣ», ни въ «Капитанской Дочкѣ», ни... однимъ словомъ не находятъ ихъ въ Пушкинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, ни одной картины на темы Пушкина! Что и было нарисовано, такъ это или лубочныя картинки московскаго издѣлія, или иллюстраціи (и подчасъ недурныя) къ стариннымъ альманахамъ, или неопредѣленныя по характеру и цѣли, хотя и талантливыя, виньетки (г. Григорьева), или, наконецъ, декораціи (Горностаева и Гартмана) прелестныя, какъ декораціи, но за то относящіяся не къ пушкинскому, а къ г л и н к и н с к о м у Руслану. Лучшее мѣсто между рисунками занимаетъ... чтобы вы думали? литографія Абрамова къ «Братьямъ разбойникамъ», продающаяся по 40 к. подъ воротами на Никольской въ Москвѣ. Это, чуть не лубочное, изданіе неизмѣримо выше и по мысли, и по исполненію весьма многихъ рисунковъ другихъ художниковъ, рисунковъ на Пушкинскіе сюжеты. Одно исключеніе, и то per anticipationem, необходимо сдѣлать. У самаго дивана повѣшены два рисунка чернымъ карандашемъ: Татьяна—М а н д р і о л и и Воевода—Д м о х о в с к а г о, составляющіе картоны для приготовляемаго книгопродавцемъ Вольфомъ иллюстрированнаго изданія Пушкина. Мы увѣрены, что это изданіе выйдетъ въ свѣтъ 30-го января 1887 г., когда крѣпостной Я. А. Исакова поэтъ А. С. Пушкинъ дождется 19-го февраля для своихъ сочиненій, и надѣемся, что это изданіе

будетъ достойно Пушкина [1]), если и остальные рисунки будутъ также хороши, какъ выставленные.

Изъ жизни Пушкина на выставкѣ была фотографія съ картины Ге: «Пушкинъ въ Михайловскомъ» и двѣ невѣроятныя мазни, изображающія дуэль. Подъ конецъ выставки появилась акварель г. Соколова, замѣчательная тѣмъ, что заботливый авторъ помѣстилъ даже доктора, котораго позабыли пригласить сами дуэлисты, какъ то изумительно вывернулъ ноги Пушкину, и за все это назначилъ цѣну 1000 рублей. Къ удивленію цѣна никого не соблазнила.

Проходя мимо фотографій и рисунковъ, на которыхъ были представлены различныя мѣстности, имѣющія отношеніе къ біографіи Пушкина, отъ дома, гдѣ онъ родился, до могилы въ Святогорскомъ монастырѣ и памятника на Тверскомъ бульварѣ, мы приближались къ довольно значительной (не менѣе сотни номеровъ) группѣ портретовъ. Здѣсь почетное мѣсто занимаетъ П. А. Ефремовъ, которому принадлежитъ большая часть этой портретной коллекціи. Знаменитыхъ оригиналовъ Кипренскаго и Тропинина не было на выставкѣ. Изъ оригинальныхъ портретовъ были три акварели и одинъ чернымъ карандашомъ, сдѣланный Jules Vernet и считавшійся въ числѣ лучшихъ. Все прочее— гравюры, литографіи и фотографіи были интересны только тѣмъ, что позволяютъ прослѣдить, какимъ измѣненіямъ подвергался типъ поэта, переходя отъ одного изображенія въ другое. На иныхъ только по подписи и можно его признать. Но самое количество копій говоритъ о распространенности портрета. Вокругъ самаго Пушкина расположилась его семья: отецъ, мать, братъ (Левъ), сестра (Ольга, по мужу Павлищева), дядя Василій Львовичъ, жена и дѣти. Портрѣтъ жены Пушкина привлекалъ особое вниманіе.... Далѣе шли лица, такъ или иначе близкія Пушкину: его товарищи, друзья, знакомые, враги.... Особенно характерна одна группа, въ которой были собраны: Булгаринъ, гр. С. С. Уваровъ, гр. А. Х. Бенкендорфъ, его дочь княгиня Бѣлосельская и Дантесъ Гекеренъ.

При самомъ выходѣ стояла огромная картина знаменитаго мариниста И. К. Айвазовскаго: «Пушкинъ тамъ, гдѣ море вѣчно плещетъ».

---

[1]) Не только въ редакціонномъ отношеніи, въ каковомъ, по общему мнѣнію, изданіе 1880-го года, исполненное подъ редакціею П. А. Ефремова, заслуживаетъ полнѣйшей похвалы, но и въ типографскомъ. Настоящее же изданіе г. Исакова (1880 г.) именно въ типографскомъ (шрифтъ, бумага) въ высшей степени неудовлетворительно. Ред.

Читатели, быть можетъ, полюбопытствуютъ узнать, какое же общее впечатлѣніе производила «Пушкинская выставка?» Но мы не беремся отвѣчать на этотъ вопросъ. Мы хотѣли только сохранить на страницахъ «Русской Старины» память объ этомъ, еще новомъ у насъ, родѣ чествованія историческихъ лицъ. Замѣтимъ, въ заключеніе, что каталогъ выставки былъ составленъ весьма обстоятельно (это былъ такъ называемый Catalogue raisonné), и потому долженъ быть сохраненъ всѣми лицами, изучающими Пушкина.

МИХАИЛЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

1745—1813.

Замѣтка къ его портрету, гравированному Сѣряковымъ.

Приложенный къ «Русской Старинѣ» портретъ Мих. Илларіоновича Голенищева-Кутузова относится къ болѣе ранней поры его служебной дѣятельности, къ той порѣ, когда этотъ доблестный вождь не лишился еще на полѣ брани одного глаза. Портретъ въ высшей степени интересный. Припомнимъ по этому случаю вкратцѣ событія жизни Кутузова, относящіяся еще къ славнѣйшимъ страницамъ царствованія великой Екатерины.

Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ родился въ С.-Петербургѣ 5-го сентября 1745 г. Отецъ его (Илларіонъ Матвѣевичъ) былъ генералъ поручикомъ и сенаторомъ.

Молодой Кутузовъ на 15-мъ году началъ службу въ чинѣ капрала артиллеріи (1759 г.), получивъ воспитаніе въ артиллерійско-инженерномъ корпусѣ, въ январѣ 1761 г. произведенъ въ прапорщики. Находясь въ Астраханскомъ полку, стоявшемъ въ Новой Ладогѣ, на его долю выпала честь имѣть полковымъ командиромъ Суворова. Затѣмъ онъ поступилъ адъютантомъ къ Ревельскому губернатору, принцу Гольштейнъ Бекскому. Первый боевой опытъ открылся Кутузову въ Польской войнѣ, но счастіе впервые улыбнулось ему подъ знаменами Румянцева; за отличія въ сраженіяхъ при Ларгѣ, Кагулѣ и Попештахъ, награжденъ чиномъ маіора и подполковника. Въ 1772 г. Кутузова постигло большое неудовольствіе по службѣ; онъ обладалъ искуствомъ подражать каждому въ походкѣ, выговорѣ и ужимкахъ. Въ своихъ шуткахъ не пощадилъ онъ и будущаго задунайскаго героя. Благодаря сему таланту, Михаилъ Илларіоновичъ очутился внезапно во второй арміи князя Долгорукова, дѣйствовавшей противъ Крымскаго полуострова. При атакѣ непріятельскихъ укрѣпленій подъ Алуштою, онъ пошелъ впереди войскъ со знаменемъ въ рукѣ и былъ раненъ (1774 г.) въ лѣвый високъ пулею, которая вылетѣла у праваго глаза.

Къ общему удивленію, Кутузовъ остался живъ, лишась только глаза. Императрица наградила молодаго героя орденомъ Св. Георгія 4-го класса и отправила его для окончательнаго излеченія раны въ чужіе края.

Такимъ образомъ орденъ Георгія 4-й степени Кутузовъ увидѣлъ на груди своей только по потери одного глаза. На портретѣ же, съ котораго исполнена гравюра «Русской Старины»—художникъ, написавшій портретъ съ Кутузова до потери имъ глаза, пририсовалъ потомъ уже орденъ Георгія 4-й степени. Возвратясь въ отечество, изъ за-границы, Кутузовъ принималъ съ 1777 г., въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, участіе въ покореніи Крыма, и въ 1784 г. произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1788 г. при осадѣ Очакова, на вылазкѣ, снова раненъ пулею, которая попавъ ему въ щеку, вышла въ затылокъ. За мертво вынесли его съ поля сраженія. Но по словамъ Державина

„Смерть сквозь главу его промчалась,
Но жизнь его цѣла осталась:
Самъ Богъ его на подвигъ блюлъ".

Въ 1790 г. Кутузовъ предводительствовалъ одною изъ штурмовыхъ колоннъ подъ Измаиломъ; по отзыву Суворова шелъ на лѣвомъ крылѣ, но былъ правою рукою. За тѣмъ Кутузовъ отличился еще подъ Бабадагомъ и Мачинымъ, и за всѣ совершенные подвиги получилъ чинъ генералъ-поручика и ордена Св. Георгія 3-го и 2-го классовъ.

Въ 1793 г. императрица Екатерина, замѣтивъ въ Кутузовѣ также дипломатическіе таланты, назначила его чрезвычайнымъ и полномочнымъ посломъ въ Константинополь. Воцареніе императора Павла, при которомъ многіе екатерининскіе полководцы проводили время въ невольныхъ досугахъ, нисколько не пріостановило служебныхъ успѣховъ Кутузова. Счастіе продолжало ему улыбаться до роковаго Аустерлицкаго погрома. 1812-мъ годомъ онъ завершилъ свою историческую миссію.

Россія никогда не забудетъ, что послѣ изгнанія французовъ и двадесяти языкъ за Нѣманъ, Кутузовъ, въ минуту всеобщаго увлеченія, вѣрно оцѣнилъ обстоятельства, совѣтуя императору Александру остановиться на Вислѣ и отказаться отъ великодушныхъ жертвоприношеній въ пользу освобожденія Германіи отъ наполеоновскаго ига.

Къ сожалѣнію, въ нашей литературѣ отсутствуетъ еще всесторонне разработанная исторія событій 1812 года, и личность князя Кутузова еще не оцѣнена потомствомъ надлежащимъ образомъ.

Нельзя не припомнить здѣсь, что памяти Кутузова посвящены были многія страницы «Русской Старины» съ перваго же года ея изданія (1870 г.). Напечатанный въ этомъ журналѣ «Архивъ князя М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго» заключаетъ въ себѣ драгоцѣнное собраніе матеріаловъ для біографіи народнаго вождя нашего въ годину испытанія.

Н. К. Шильдеръ.

Примѣчаніе. Біографія маститаго вождя русскихъ силъ въ достопамятную эпоху отечественной войны 1812 года была восполнена многими драгоцѣнными данными, напечатанными на страницахъ „Русской Старины" въ теченіе перваго ея десятилѣтія. Многіе изъ этихъ матеріаловъ, равно какъ и оригиналъ нынѣ изданнаго нами портрета Кутузова, была сообщена редакціи правнукомъ покойнаго князя, Ѳедоромъ Константиновичемъ Опочининымъ. Вотъ нѣ которые изъ нихъ:

— Письма и рескрипты Екатерины II, Павла, Александра, императрицы Маріи Ѳеодоровны и императора австрійскаго Франца I (1870 г., изданіе третье, т. I, 491—514 стр.)

— Письма къ супругѣ (1790—1801) съ приложеніемъ родословной таблицы и снимкомъ съ подлиннаго письма (1870 г., изданіе третье, томъ II, стр. 513—529. Томъ III 1871 г. стр. 49, 201—204, изданіе 1872 г. Томъ V стр. 257, 646—687).

— Письма М. И. Голенищева-Кутузова къ дочери, графинѣ Елисаветѣ Михаиловнѣ Тизенгаузенъ (1803—1813) изданіе 1874 г. Томъ X, стр. 337—377.

Кромѣ того—Письмо графа Ѳ. В. Ростопчина, (1812 г.) 1870 г., изданіе третье, томъ II, стр. 553—554).—Два письма маршала Пусловскаго, (1813 г.) изданіе 1872 г., томъ VI, стр. 148—149.—Памятники князя М. И. Голенищева-Кутузова Смоленскаго въ Силезіи, (съ приложеніемъ рисунковъ: дома въ Бунцлау, памятника надъ частью останковъ князя и его гробницы въ Казанскомъ соборѣ.—Снимокъ съ медали, изданіе 1877 г. томъ XVIII.—Портретъ князя, изданіе 1877 г., томъ XX. Массу біографическихъ свѣдѣній о кн. Кутузовѣ читатель могъ найти въ Запискахъ и Воспоминаніяхъ современниковъ знаменитаго полководца, каковы: Записки Левшина, Маевскаго, атамана Денисова, Жиркевича и др. и, наконецъ, въ обширной монографіи А. Н. Попова: „Отечественная война 1812 г."—помѣщенныхъ на страницахъ „Русской Старины" въ различные годы ея изданія.

Нынѣ, какъ бы въ дополненіе предъидущаго, представляемъ читателямъ портретъ свѣтлѣйшаго князя, снимокъ съ подлинника, списаннаго съ него еще въ цвѣтѣ лѣтъ, въ бытность его въ оберъ-офицерскомъ чинѣ. Подлинникъ портрета, писаннаго масляными красками—на толстой доскѣ англійскаго картона, (повидимому реставрированный) 5 вершк. длины и 4 ширины, изображаетъ молодаго человѣка лѣтъ около тридцати, въ своихъ волосахъ подъ пудрою, съ лицемъ румянымъ, дышущимъ здоровьемъ и выразительными карими глазами. Мундиръ бѣлый, съ серебряными эполетами и пуговицами и темножелтыми отворотами. Такого рода форма, въ царствованіе Екатерины II, была присвоена инженерному вѣдомству, можетъ быть даже и которому нибудь изъ полковъ, въ которыхъ состоялъ будущій фельдмаршалъ еще въ самомъ началѣ военнаго своего поприща—до полученія имъ ордена св. Георгія 4-й степени.

Хотя анахронизмъ на портретѣ и вводитъ въ нѣкоторое сомнѣніе, но изображеніе незабвеннаго героя въ молодыхъ лѣтахъ никогда не можетъ утратить своего значенія въ глазахъ каждаго истинно русскаго. Порукою за истину того, что подлинникъ списанъ съ князя Кутузова, служитъ то обстоятельство, что онъ сообщенъ редакціи его владѣльцемъ, правнукомъ князя Смоленскаго, Ѳедоромъ Константиновичемъ Опочининымъ.

Украшая февральскую книгу „Русской Старины“ 1881 года художественнымъ—посмертнымъ произведеніемъ высокоталантливаго нашего ксилографа, покойнаго Лаврентія Авксентьевича Сѣрякова—священнымъ себѣ долгомъ поставляемъ, вновь добрымъ словомъ помянуть нашего сотрудника, въ теченіе десяти лѣтъ украшавшаго страницы „Русской Старины“ своими превосходными работами. За этотъ долгій періодъ времени, ксилографіи Сѣрякова, уже знакомыя читателямъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми имѣющими быть помѣщенными въ послѣдующихъ томахъ нашего изданія, составляютъ прочный и несокрушимый памятникъ, своеручно сооруженный себѣ самому, высокоталантливымъ, трудолюбивымъ художникомъ. Вмѣстѣ съ Воспоминаніями покойнаго (См. „Русская Старина“, изд. 1875 г., томъ XIV, стр. 161—184, 339—366, 506—515) они составляютъ драгоцѣнный вкладъ въ исторію изящныхъ художествъ въ Россіи... Потеря, для нашего изданія невознаградимая, есть, вмѣстѣ съ тѣмъ, и великая утрата для нашей русской ксилографіи! Миръ праху высоко-талантливаго художника и добраго, наичестнѣйшаго человѣка!...

рода надержалъ до 200,000 руб., капиталъ же его простирается до 300,000 р. Воспитательный домъ открытъ (1774 г.) въ Осташковѣ ранѣе другихъ уѣздныхъ и губернскихъ городовъ, кромѣ столицъ; въ 1776 г. открыта богадѣльня; въ 1800 г. открыта городская больница; въ 1877 г. въ библіотекѣ считалось книгъ и журналовъ 1567 названій въ 6085 томахъ. Въ числѣ замѣчательностей въ библіотекѣ находится снимокъ съ рукописнаго Реймскаго славянскаго евангелія, присланный въ 1850 г. Мин. нар. просв. Театръ возникъ въ 1805 г. Въ представленіяхъ принимали участіе живописецъ, сапожники, маляръ, позолотчикъ и др. Онъ существовалъ до 1825 г. Въ 1828 г. онъ возобновился, въ болѣе устроенномъ видѣ, хотя не разъ прерывался потомъ. Пьесы давались преимущественно Коцебу, Ф. Визина, «Князь Пожарскій», «Филаткина свадьба», «Разбойникъ лѣсовъ калабрійскихъ», «Рекрутскій наборъ», потомъ пьесы Шаховскаго и др. ...музыка была приглашена извѣстныхъ оркестровъ гг. Толстыхъ и Кушелевыхъ; цѣны мѣстамъ были: 50, 40, 20 к. Зимою театръ не отапливался. Актрисы появляются только съ 1842 г.

Не касаемся болѣе частныхъ сторонъ ...ихъ и статистическихъ данныхъ, сообщаемыхъ въ этомъ обстоятельномъ описаніи.

Renseignements sur les archives de Russie. Edition de la commission d'impression des Lettres patentes et Traités, attachée aux Archives principales de Moscou du Ministère des Affaires Étrangères. M. 1880.

Это небольшое, но изящное изданіе знакомитъ съ общимъ характеромъ и образованіемъ главнаго архива мин. иностран. дѣлъ въ Москвѣ и въ частности съ его дипломатическими матеріалами. Причиною появленія его послужили обращенія нѣкоторыхъ правительствъ (итальянскаго, баварскаго, французскаго) къ директору архива барону Ѳ. Н. Бюлеру съ запросами объ устройствѣ архивной части въ Россіи вообще, объ устройствѣ нынѣшняго помѣщенія московскаго архива ин. дѣлъ и о порядкахъ, существующихъ въ немъ, а также объ его каталогахъ, изданіяхъ и т. п. Поэтому въ Запискѣ объ архивахъ Россіи обстоятельно излагается начало и образованіе государственныхъ архивовъ, а затѣмъ сообщаются подробныя свѣдѣнія о составѣ, раздѣленіи и расположеніи москов. архива иностран. дѣлъ, его библіотеки, древлехранилищъ, о коммисіи печатанія грамотъ, о томъ, на какихъ языкахъ написаны памятники, хранящіеся въ архивѣ (до 30), о планахъ и картахъ. Въ концѣ записки упоминается о другихъ архивахъ, находящихся въ Москвѣ и обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ. Къ запискѣ приложены планъ и фасадъ старинныхъ приказовъ и перечень матеріаловъ, касающихся сношеній съ италіанскими государствами (1647—1802 гг.), а также рукописей на латинскомъ и итальянскомъ языкахъ, находящихся въ библіотекѣ архива. Въ отвѣтѣ директору королевско-баварскихъ архивовъ доктору Лёгеру (записка котораго о баварскихъ архивахъ помѣщена въ Сборн. Археологич. Инстит. томы 2 и 3) сообщены подробныя свѣдѣнія о внутреннемъ устройствѣ и порядкахъ архива и приложенъ перечень сношеній Россіи съ Баваріей (1701—1800 гг.). Другія дополнительныя свѣдѣнія объ архивѣ, (расходы по архиву, о каталогахъ, изданіяхъ и т. п.) находимъ въ отвѣтѣ французскому правительству, причемъ также приложена вѣдомость о сношеніяхъ Россіи съ Франціей и документовъ, относящихся къ этому предмету (1595—1809 гг.). Въ концѣ помѣщены вѣдомости о сношеніяхъ и матеріалахъ, касающихся Австріи (1514—1810 г.), Англіи (1557—1805 г.), Пруссіи (1516—1800 г.), Даніи (1516—1801 г.) и Швеціи (1513—1804 г.), и полная вѣдомость изданій, принадлежащихъ коммисіи печатанія, также какъ и прочія свѣдѣнія на франц. языкѣ.

Изданіе это не предназначается для публики и потому въ продажу не поступало. Но интересующимся отечественными архивами нельзя не принести благодарности служащимъ въ архивѣ за ознакомленіе ихъ съ состояніемъ этого учрежденія въ настоящее время.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1881 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большие тома и особый томъ приложенія, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ВОСЕМЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины“, на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46.** Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина“**, на Большую Подъяческую, близь Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ“ помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, записки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Народ. повѣрья.—VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина“ 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина“ 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина“ 1880 г., 12 книгъ, съ 17 портрет. и снимками, 8 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двѣнадцатый. МАРТЪ. **1881 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. **Пѣснь пѣсней.** Перевелъ съ древне-еврейскаго языка о. Герасимъ Петровичъ Павскій 467

II. **Пережитое и передуманное.** Воспоминанія А. П. Бѣляева: 14-ое декабря 1825 г. На площади и въ Петропавловской крѣпости. Судъ и приговоръ. . . 487

III. **Записки кн. Н. С. Голицына.** Главы V и VI: 1826—1827 гг. 519

IV. **Записки Сельскаго Священника.** Главы LV—LXI 527

V. **Училище Правовѣдѣнія** въ 1836—1843 гг. Воспоминанія В. В. Стасова. Главы IV—V. . . 573

VI. **Николай Ивановичъ Пироговъ** и его профессорская, ученая и общественная дѣятельность, 1831—1881 гг. Состав. І. В. Бертенсонъ. 603

VII. **Николай Михайловичъ Пржевальскій**—почетный гражданинъ города С.-Петербурга. 14 января 1881 г. 651

VIII. **Хаджи-Муратъ.** Письма о немъ кн. М. С. Воронцова и разсказы кавказцевъ, 1851—1852 гг. Сообщ. А. Зиссерманъ 655

IX. **Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ:** 1. Послѣдніе годы его жизни. Сообщ. Н. Юрасовъ (681).—2. Погребеніе Сѣрякова и надгробное слово С. В. Протопопова. Сообщ. Л. Л (683).

X. **Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій.** 1. Выраженіе сочувствія къ его памяти С.-Петербургской городской думы (689). 2. Воспоминанія о немъ А. П. Милюкова. Главы I—II. . . . 693

XI. **Павелъ Яковлевичъ Шмотъ** † 16 декабря 1880 г. Некрологъ . . 715

XII. **Лермонтовскій музей** въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ, въ С.-Петербургѣ 709

XIII. **Библіографическій листокъ,** (на оберткѣ). Составилъ профессоръ В. С. Иконниковъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. **Записки С. А. Порошина**, 1764—1766 гг. [продолженіе, стр. 85—116].—II. Портретъ **Николая Ивановича Пирогова**. Рисовалъ съ фотографіи и гравировалъ на деревѣ художникъ Г. И. Грачевъ, ученикъ Академика Л. А. Сѣрякова.—III. Портретъ **Хаджи-Мурата**, 1852 г. Рисовалъ и гравировалъ художникъ Г. И. Грачевъ, ученикъ Акад. Л. А. Сѣрякова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1.

1881.

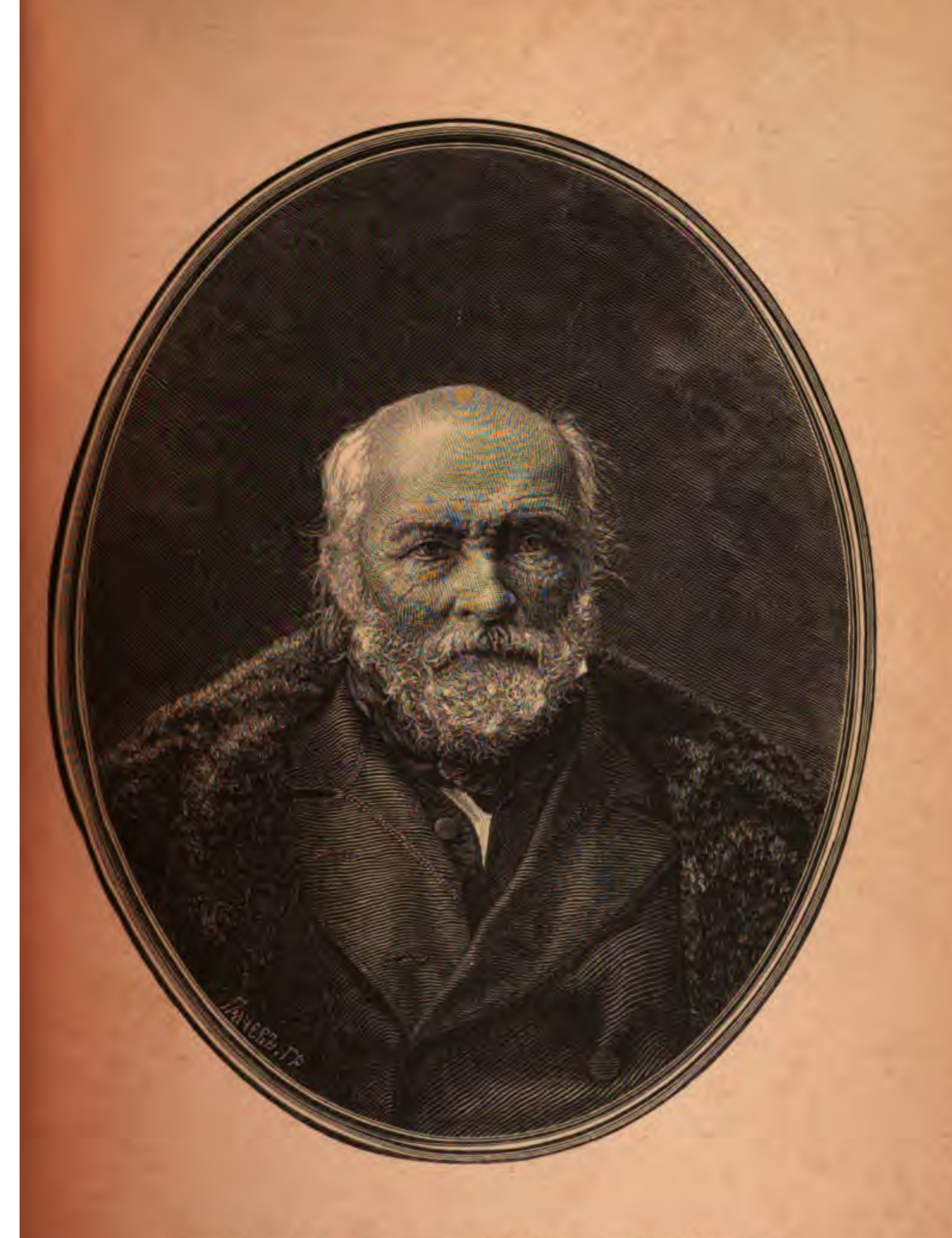
III-я книга „Русской Старины" вышла 1-го марта 1881 г.

Вторая турецкая война въ царств. Екатерины II. 1787—1791 г. Спб. 1880. Состав. генер. штаба полк. **А. Н. Петровъ.** Т. I. 1787—89. Т. II. 1789—1791. 251+50; 237+48, съ картою. Ц. 2 р. 50 к.

Вторая восточная война при Екатеринѣ II, говоритъ авторъ, есть лишь продолженіе первой. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ 1774 г. былъ, въ сущности, только перемиріемъ. Сокрушенная гр. Румянцовымъ Порта заключила этотъ миръ только въ виду невозможности продолжать войну... Послѣдовавшее же въ 1783 г. присоединеніе Крыма къ Россіи, такъ ловко подготовленное и энергически совершенное великимъ Суворовымъ, окончательно побудило Порту начать новую войну съ Россіей за обладаніе Крымомъ, и война началась въ 1787 г. Какъ первая турецкая война можетъ быть названа **Румянцовской**, такъ вторая — **Суворовской**, хотя и въ этотъ періодъ войны Суворовъ не былъ главнокомандующимъ, а начальствовалъ только отдѣльными отрядами, но дѣйствія этихъ отрядовъ опредѣляли судьбу кампаніи каждаго года. Таковъ общій взглядъ автора на описываемыя имъ событія.

Признавая обиліе печатныхъ матеріаловъ, касающихся описываемой эпохи, онъ находитъ, однако, въ нихъ весьма мало данныхъ, относящихся къ военной сторонѣ вопроса. Такимъ образомъ, автору пришлось пользоваться преимущественно **подлинными рукописными дѣлами той эпохи**, хранящимися въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба и въ государственномъ архивѣ въ С.-Петербургѣ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи онъ дѣлаетъ оговорку, что для настоящаго описанія не могъ найти такихъ подробныхъ свѣдѣній, какія имѣлись въ дѣлахъ канцеляріи гр. Румянцова для войны 1769—74 гг. Дѣла штаба кн. Потемкина не представляютъ желаемой полноты и особенно систематичности въ распредѣленіи матеріаловъ; а многія изъ нихъ, послѣ неожиданной кончины его, перешли въ частныя руки лицъ, бывшихъ при его штабѣ. Такъ, между прочимъ, онъ указываетъ на многія изъ этихъ бумагъ, валявшіяся въ [illegible] (Полтав. губ., имѣніе наслѣдниковъ Попова) и, по его предположенію, сгнившія. Съ своей стороны, можемъ замѣтить, что, лѣтъ десять назадъ, намъ поручено было осмотрѣть домашній архивъ Поповыхъ, и въ то время эти бумаги находились въ порядкѣ и хранились вовсе не въ подвалахъ, а въ хорошемъ помѣщеніи, вмѣстѣ съ библіотекою, въ папкахъ и шкафахъ. Просмотрѣвши весь рукописный отдѣлъ этого собранія, мы можемъ сказать, что онъ дѣйствительно богатъ данными, относящимися къ предмету изслѣдованія автора. Сюда слѣдуетъ отнести преимущественно оффиціальную и частную переписку разныхъ лицъ, принимавшихъ дѣятельное участіе въ войнѣ и управленіи южнымъ краемъ Россіи, притомъ въ подлинникахъ, и мы думаемъ, что для своего труда авторъ всегда могъ воспользоваться этимъ матеріаломъ, если бы пожелалъ. Часть этихъ матеріаловъ была даже напечатана, нѣсколько лѣтъ назадъ, въ «Запискахъ Одесскаго общ. исторіи и древностей», но изъ книги автора не видно, чтобы онъ воспользовался и послѣдними.

Вообще, выборъ вспомогательныхъ матеріаловъ (печатныхъ изданій) въ настоящемъ трудѣ не полонъ и произволенъ. Пользуясь часто устарѣлыми сочиненіями, даже анекдотическаго содержанія или иностранными, авторъ упускаетъ изъ виду труды и матеріалы, прямо относящіеся къ его изслѣдованію, а также недавно изданные. Напр., у него обозначены такіе источники: «Рус. Старина» 1876 и «Рус. Архивъ» 1879 годовъ; но и въ этихъ изданіяхъ, и въ другихъ, подобнаго же рода (Чтенія моск. общ. исторіи, Сборникъ рус. ист. общ. и т. п.) найдется гораздо болѣе данныхъ, важныхъ для означенной эпохи. Повидимому, автору не извѣстны и очерки профес. Брикнера о шведской и второй турецкой войнахъ, помѣщенные довольно давно въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія. Тѣмъ болѣе мы считали себя въ правѣ указать на подобное пренебреженіе исторической литературой, что авторъ нерѣдко обращается и къ другимъ вопросамъ, тѣсно связаннымъ съ событіями описываемой войны. За всѣмъ тѣмъ, такъ какъ трудъ **А. Н. Петрова** заключаетъ въ себѣ довольно много и

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

1881 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1881 Г.

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ

ИЛИ

ПРЕВОСХОДНАЯ ПѢСНЬ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЕВРЕЙСКАГО

Г. П. ПАВСКАГО.

1825

КНИГА „ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ“

ВЪ ПЕРЕВОДѢ ПРОТОІЕРЕЯ Г. П. ПАВСКАГО.

Предлагаемый вниманію читателей переводъ самой трудной для переводчиковъ и истолкователей ветхозавѣтной книги св. писанія, принадлежащій перу протоіерея Г. П. Павскаго, можетъ дать до нѣкоторой степени понятіе о характерѣ, вообще, переводовъ книгъ св. писанія нашего знаменитаго гебраиста, изъ которыхъ доселѣ въ печати появилась лишь незначительная часть (именно книги Царствъ и Паралипоменонъ въ журналѣ „Духъ Христіанина“). Въ бумагахъ Павскаго переводъ этотъ сохранился въ двухъ спискахъ: полномъ, содержащемъ весь текстъ перевода, писанный рукою обычнаго переписчика всѣхъ его ученыхъ трудовъ, его родственника П. И. Граціанскаго, и лишь исправленный самимъ Павскимъ, и—не полный, начинающійся съ 13-го стиха 2-й главы книги, писанный собственноручно Павскимъ,— которому предшествуетъ предисловіе, содержащее въ себѣ сокращенное изложеніе содержанія книги „Пѣснь пѣсней“. Между двумя редакціями замѣчается значительная разность. Послѣдняя, писанная рукою самаго Павскаго, по нашему мнѣнію, значительно лучше, а потому мы ее и помѣщаемъ на страницахъ „Русской Старины“, предпославъ ей первыя двѣ главы и двѣнадцатъ стиховъ 2-й главы изъ перваго списка. Сличивъ трудъ Павскаго съ переводомъ, изданнымъ св. синодомъ, а лица, знакомыя съ еврейскимъ языкомъ, и—съ еврейскимъ подлинникомъ, читатели сами оцѣнятъ степень достоинства перваго, а равно и характеристическія его особенности.

Н. И. Барсовъ.

КНИГА ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ

въ переводѣ Герасима Петровича Павскаго.

[1825 г.].

Содержаніе Пѣсни пѣсней.

Два любящихся лица—юноша и дѣвица—выражаютъ другъ другу нѣжную и сильную любовь свою и между тѣмъ превозносятъ другъ друга до небесъ, сравнивая со всѣмъ, что могло представиться имъ прекраснѣйшаго и великолѣпнѣйшаго. Поелику-же они провождають пастушескую жизнь, то и сравненія и картины бо̀льшею частію снимаются ими съ пастушеской жизни и съ сельскихъ видовъ самой роскошной природы Палестинской и Ливанской. На городскую росскошь и великолѣпіе они заглядываютъ рѣдко, да и то по бо̀льшей части съ презрѣніемъ, и поставляютъ ее ниже удовольствій сельской простоты.

Пѣснь одна, но сложена изъ многихъ картинъ. Разговариваютъ между собою два лица, но не рѣдко дѣлаютъ обращеніе и къ другимъ лицамъ, дѣвица къ подругамъ, юноша къ подругамъ и своимъ друзьямъ. Разговоръ начинаетъ и оканчиваетъ дѣвица.

I. Дѣвица: О, какъ бы желала я увидѣться съ тѣмъ, кого любятъ всѣ дѣвицы, и получить поцѣлуй отъ того, кто пріятнѣе вина, благовоній, мастей (2, 3); свиданіе съ нимъ дороже для меня, нежели встрѣча съ царемъ (4). Нѣтъ нужды, о дѣвицы, что я, находясь всегда на солнцѣ и братьями моими бывъ поставлена стеречь сады, не могла сберечь лица моего—сего прекраснаго сада; хотя я смугла отъ солнечнаго зною, но все однакожъ прекрасна, какъ черные богатые ковры на палаткахъ кочующихъ арабовъ (5, 6). Скажи мнѣ, другъ мой, гдѣ ты въ полдень отдыхаешь съ стадами? (7).

Юноша: Приди къ пастушескимъ дворамъ, отвѣчаетъ ей юноша, по слѣдамъ моихъ овецъ и козъ (8), и сравниваетъ ея ожерелья, подвѣски съ богатою и прекрасною сбруею коней египетскаго царя (9, 10) и обѣщаетъ сдѣлать ей новыя (10).

Дѣвица: Пусть царь за столомъ своимъ роскошествуетъ, я въ это полуденное время отдыха пойду къ другу моему, и сей благовонный нардъ, сей пучекъ смирны, сей душистый кипръ будетъ лежать у грудей моихъ (12—14).

Юноша: Прекрасна ты и глаза у тебя, какъ у голубки (15).

Дѣвица: И ты, другъ мой, прекрасенъ! Постелью намъ будетъ служить зелень, домомъ нашимъ и шатромъ будутъ кедры и ели (16, 17).

II. Но что ты находишь во мнѣ прекраснаго? Я не болѣе, какъ полевая лилія (II, 1).

Юноша: Да! что полевая лилія между терніемъ, то ты между другими дѣвицами (2).

Дѣвица: А ты, другъ мой, между юношами какъ прекрасная яблонь между лѣсными деревами. Съ какою бы радостію сидѣла я подъ этою яблонью и вкушала и вкушала бы подъ ней удовольствія до пресыщенія. Лѣвая его рука у меня была бы подъ головою, а правая обнимала бы (3—6). (Такъ мечтая, засыпаетъ).

Юноша: (видя, что она уснула), заклинаетъ сернами и ланями, не будить свою возлюбленную, чтобъ она спала пока хочетъ (7).

Дѣвица: И во снѣ мечтаетъ о своемъ возлюбленномъ. Ей видится, будто онъ прибѣжалъ къ дому ея и зоветъ ее въ сады и поля, гдѣ онъ ходитъ и выгоняетъ изъ виноградниковъ лисицъ (8—15).

(Пробудившись) опять изъясняетъ свою любовь къ другу и зоветъ къ себѣ вечеромъ (16, 17).

III. Опять (погрузившись въ сонъ) мечтаетъ о другѣ, будто бы она пошла по городу, искала друга своего и нашла, и привела въ домъ свой (1—4).

Юноша: (видя ее спящую) опять заклинаетъ подругъ ея ланями, не будить ее (5).

Дѣвица: (во снѣ мечтаетъ о свадьбѣ Соломоновой). Отъ пустыни ведутъ къ нему счастливую его невѣсту (6), ложе у него богато убрано (7—10), самъ онъ въ брачномъ вѣнкѣ. (Сравни подобный сонъ VIII, 5—7).

IV. Юноша: Описываетъ красоту своей возлюбленной; глаза ея какъ сизыя голубки, волоса—стадо козъ на Галаадѣ, зубы бѣлы какъ овцы, вышедшія изъ купальни, губы—алая лента, виски и щеки румяны, какъ пласты гранатоваго яблока, шея увѣшана ожерельями, какъ Давидовъ столпъ, на которомъ висятъ тысячи щитовъ, груди—

два козленка среди бѣлыхъ лилій (IV, 1—5). Желаетъ вечеромъ видѣться съ нею (6) и зоветъ къ себѣ (7, 8) и опять изъясняется ей въ своей любви (9), любовныя ласки ея лучше всякихъ ароматовъ (10), поцѣлуй ея—сотовый медъ, рѣчь ея—молоко съ медомъ, запахъ отъ одежды ея, какъ съ горы Ливанской (11); она тоже, что увеселительный садъ со всякими душистыми цвѣтами и травами и съ источникомъ прохладной воды (12—15).

Дѣвица: Принесись вѣтеръ и подуй на цвѣты мои, чтобы полилось благовоніе къ другу моему. Иди, другъ мой, въ садъ мой, вкусить плодовъ (16).

V. Юноша: Иду, любезная, нарву душистыхъ цвѣтовъ и травъ, и раздѣлю радость мою съ друзьями моими (V, 1).

Дѣвица съ подругами: Разсказавъ имъ сонъ, въ которомъ представился ей другъ ея, но и скрылся, проситъ подругъ своихъ, изъяснить ему любовь свою, если онѣ увидятъ его (2—8).

Подруги: Какъ его узнать? какія примѣты его? (9).

Дѣвица: Онъ бѣлъ и румянъ, голова золото, кудри чорны какъ воронъ, глаза какъ голубки при водѣ, щеки—цвѣтникъ благовоній, губы—лиліи, руки—золотые вальки, усаженные топазами, чрево изъ слоновой кости, ноги—мраморные столбы, станомъ и видомъ какъ благородно возвышающійся ливанъ и кедръ, говоритъ сладко и прекрасно, весь онъ прелесть (10—16).

VI. Подруги: Куда же онъ пошелъ, какъ ты думаешь? (VI, 1).

Дѣвица: Вѣрно онъ пошелъ въ садъ, рвать лиліи (2) и опять изъясняется въ любви къ нему.

Юноша къ дѣвицѣ: Ты какъ прекраснѣйшій городъ Ѳирса и Іерусалимъ, побѣдоносна какъ полки, глаза твои сражаютъ меня, волоса какъ стадо козъ на Галаадѣ, зубы бѣлы, какъ овцы, вышедшія изъ купальни, виски и щеки румяны, какъ гранатовое яблоко въ разрѣзѣ; пусть бы предстало десятковъ шесть царицъ, десятковъ восемь наложницъ и дѣвицъ безъ числа, но она все будетъ единственною, на которую и дѣвицы, и царицы, и наложницы смотрѣли бы съ завистію (4—9), и сказали бы: кто эта прекрасная, какъ заря, величественная и побѣдоносная, какъ полки со знаменами? (10).

VII. Дѣвица: (въ замѣну того, что юноша поставилъ ее выше царицъ и наложницъ, разсказываетъ случившееся съ нею приключеніе, въ которомъ и она предпочла его городскимъ богачамъ). Пошла я въ садъ (11), вдругъ вижу проѣзжающихъ на великолѣпныхъ колесницахъ богачей и вельможъ (12). Одинъ изъ нихъ говоритъ мнѣ «оглянись, Суламита, дай посмотрѣть на тебя». (VII, 1). Но я ему сказала: что смотрѣть на Суламиту? это не манаимскій хороводъ дѣвицъ (1).

Онъ опять говоритъ мнѣ: «какъ прекрасна поступь твоя, княжна», (такъ назвалъ онъ меня), превозносилъ онъ мои ноги, тѣло, чрево, груди, шею, глаза, носъ, голову, и наконецъ сравнивъ меня съ пальмою, сказалъ: «какъ я хотѣлъ взойти на эту пальму, лечь подлѣ этихъ грудей, которыя похожи на виноградныя кисти и съ этихъ устъ пить наилучшее вино». (2—10). О! нѣтъ, сказала я, это вино потечетъ къ другу моему, когда мы будемъ съ нимъ спать. Я принадлежу другу моему (10, 11). Приходи, другъ, въ садъ нашъ, тамъ я сберегла для тебя много превосходныхъ плодовъ (12—14).

VIII. О! если бы это былъ братъ мой, тогда бы я безъ зазрѣнія цѣловала его и на улицѣ, и привела бы въ домъ къ моей матери, лежала бы въ объятіяхъ его (VIII, 1—3) (и въ сей мечтѣ засыпаетъ).

Юноша: Заклинаю васъ, подругъ ея, не будите ее, пусть она спитъ сколько хочетъ (4).

Спящая видитъ во снѣ, что какая-то счастливица (она сама) идетъ съ другомъ своимъ въ пустынѣ и, опираясь на него отъ изнеможенія любви, изъясняется въ страсти своей къ нему. «Я нашла тебя спящаго подъ яблонью, говоритъ она, гдѣ зачала тебя мать твоя. Сильная страсть горитъ во мнѣ, пусть я всегда лежу у сердца твоего, какъ печать, какъ печатный перстень». (5—7).

Проснувшись, слышитъ, какъ братья совѣтуются о ней:

Одинъ: Сестра у насъ еще мала; что дѣлать, когда будутъ ее сватать?

Другой: Если она оберегла себя какъ крѣпкая стѣна, возьмемъ за нее большую цѣну и наградимъ ее, а если она открыта для любви, какъ дверь, обложимъ ее досками и будемъ стеречь (8).

Дѣвица (подслушавъ): Я стѣна, и уже созрѣла для замужства. Соломонъ нанималъ стеречь свои сады, а я стерегу садъ свой сама (10—12).

Юноша: Дай мнѣ услышать твой голосъ (13).

Дѣвица: Бѣги, другъ мой, я рада видѣть тебя (14).

ПѢСНЬ ПѢСНЕЙ

или

ПРЕВОСХОДНАЯ ПѢСНЬ.

Гл. I. 1. Пѣснь пѣсней Соломонова.

Дѣвица (*взятая въ Іерусалимъ, предъ подругами изъясняетъ любовь свою къ сельскому юношѣ и желаетъ свиданія съ нимъ*).

2. О! если бы онъ лобызалъ меня поцѣлуями устъ своихъ!
Твои ласки лучше вина;
3. твои масти отличны по запаху;
твое имя есть разливаемое муро:
за то любятъ тебя дѣвицы.
4. Увлеки меня, мы готовы бѣжать за тобою.
Царь перевелъ меня въ свои чертоги,
но мы тобою восхищаемся и радуемся,
воспоминаемъ твои ласки—лучшія винà.
По справедливости любятъ тебя!
5. Дѣвицы Іерусалимскія,
я черна, но красива,
какъ шатры Кидарскіе,
какъ палатки Соломоновы.
6. Не смотрите на меня,
что я смугла,
что опалило меня солнце.
Единоматерніе мои прогнѣвались на меня,
поставили меня стеречь виноградники,
и собственнаго моего виноградника я не устерегла.
7. Скажи мнѣ, любимый душею моею,
гдѣ ты пасешься...?
гдѣ покоишься въ полдень?
Къ чему мнѣ быть какъ бы скитальницею
возлѣ стадъ сотоварищей твоихъ?

Юноша (*отвѣчаетъ ей, указываетъ, гдѣ найти его и обѣщаетъ богатые подарки*).

8. Если не знаешь, прекраснѣйшая изъ женщинъ,
то иди слѣдами овецъ,
и паси козлятъ своихъ
подлѣ пастушескихъ дворовъ.
9. Кобылицѣ, впряженной въ колесницу Фараонову,
я сдѣлаю тебя подобною, подруга моя.
10. Прекрасны будутъ щеки твои подъ подвѣсками,
шея твоя въ ожерельѣ.
11. Мы сдѣлаемъ тебѣ золотыя подвѣски
съ серебрянными искорками.

Дѣвица (*изъявляетъ согласіе на призывъ юноши*).

12. Тогда какъ царь возлежитъ за столомъ своимъ,
нардъ мой будетъ издавать благовоніе свое.
13. Другъ мой у меня, какъ пучокъ смирны,
онъ будетъ лежать у грудей моихъ.
14. Другъ мой у меня, какъ кисть кипера,
сорванная въ садахъ Енгедскихъ.

Юноша (*восхищается красотой дѣвицы, ожидая свиданія съ нею*).

15. О какъ прекрасна ты, подруга моя,
какъ ты прекрасна!
глаза твои какъ голубки.

Дѣвица (*восхищается красотою юноши и сельскимъ мѣстомъ свиданія*).

16. О какъ прекрасенъ ты, другъ мой,
и любезенъ!
И ложемъ для насъ будетъ зелень,
17. вмѣсто кровель и домовъ нашихъ кедры,
вмѣсто потолковъ нашихъ кипарисы.

Дѣвица.

Гл. II. 1. Я Саронскій нарцисъ, полевая лилія.

Юноша.

2. Что лилія между тернами,
то подруга моя между дѣвицами.

Дѣвица.

3. Что яблонь между лѣсными деревами,
то другъ мой между юношами.
Какъ бы желала я сидѣть подъ тѣнію ея,
и плоды ея были бы сладки для вкуса моего!
4. Онъ повелъ бы меня въ домъ богатый виномъ,
и надо мною развѣвалось бы его знамя: Любовь.
5. Подкрѣпите меня постилою,
освѣжите меня яблоками;
ибо я больна отъ любви.
6. Лѣвая рука его будетъ у меня подъ головою,
а правая обниметъ меня.

Юноша.

7. Заклинаю васъ, дѣвицы Іерусалимскія,
сернами и полевыми ланями:
не будите и не тревожьте мою возлюбленную,
пусть почиваетъ, доколѣ ей угодно.

Дѣвица (*во снѣ видитъ друга своего, и слышитъ его ласковую рѣчь*).

8. Чу! голосъ моего друга!
вотъ онъ идетъ,
скачетъ по горамъ,
прыгаетъ по холмамъ.
9. Другъ мой похожъ на серну
и на молодаго оленя.
Вотъ онъ у насъ за стѣною,
заглядываетъ въ окна,
мелькаетъ сквозь рѣшетки.
10. Другъ мой подаетъ голосъ и говоритъ мнѣ:
„встань, подруга моя,
„прекрасная моя, выйди.
11. „Ибо зима уже прошла,
„дождь миновалъ, прошелъ.
12. „На землѣ показались цвѣты,
„наступило время пѣсней,
„и голосъ горлицы
„слышимъ уже въ землѣ нашей.

13. „Смоковница наливаетъ ягоды свои
„и лозы отъ цвѣта своего издаютъ благовоніе. [1])
„Встань, возлюбленная моя, [2])
„прекрасная моя, и иди. [3])
14. „Голубка моя въ ущеліяхъ скалы,
„подъ защитою утеса,
„покажи мнѣ зракъ твой, [4])
„дай усышать мнѣ голосъ твой,
„ибо голосъ твой пріятенъ,
„и зракъ твой прелестенъ. [5])
15. „Ловите лисицъ,
„молодыхъ лисенковъ,
„которые повреждаютъ [6]) виноградники;
„виноградники наши въ цвѣтѣ“.
16. Мой другъ есть мой, и я его,
онъ пасется среди лилій. [7])
17. Пока дышетъ прохладою день,
и стелются долгія тѣни, [8])
возвратись, другъ мой, будь подобенъ試 сернѣ, [9])
или молодому оленю,
что на горахъ отдаленныхъ. [10])

Дѣвица.

Гл. III. 1. На ложѣ моемъ ночью
искала я того, кого любитъ душа моя,
искала его и не нашла его!
2. Встану я и пойду по городу,
по улицамъ и площадямъ,
буду искать кого любитъ душа моя.
Искала его и не нашла его.
3. Встрѣтили меня стражи, [11])
ходящіе по городу.
„Не видѣли ли вы того, кого любитъ душа моя?“
4. Лишь только я отошла отъ нихъ,
вдругъ нашла, кого любитъ душа моя; [12])
ухватилась за него и не отпустила его,
доколѣ не привела въ домъ матери моей,
въ покои родившей меня.

Юноша.

5. Заклинаю васъ, дочери [13]) Іерусалима,
сернами или ланями полевыми:
не будите и не тревожьте возлюбленную,
доколѣ ей почивать угодно! [14])

Дѣвица (*во снѣ мечтаетъ о свадьбѣ. Ей представляется великолѣпная свадьба согласно сновъ*).

6. Кто сія идущая [15]) отъ пустыни,
Какъ бы въ столбахъ дыма,
дымящаяся смирною и ливаномъ,
всякими порошками благовонными? [16])
7. Это носильныя кресла Соломоновы, [17])
вокругъ ихъ шестьдесятъ мужей сильныхъ,
сильныхъ мужей Израилевыхъ. [18])
8. Всѣ они вооружены мечемъ,
готовы къ битвѣ, [19])
у каждаго при бедрѣ мечь
для ночныхъ ужасовъ.
9. Кресла сіи сдѣлалъ себѣ царь Соломонъ [20])
изъ деревъ Ливанскихъ.
10. Столбики ихъ обложилъ серебромъ, [21])
стѣнки золотомъ,
Сѣдалище пурпуромъ,
Средина ихъ устлана прекрасно
дочерьми Іерусалима.
11. Подите, посмотрите, дочери Сіона, [22])
на царя Соломона въ вѣнцѣ,
которымъ украсила его мать его,
въ день сочетанія его, [23])
въ день радости сердца его.

Юноша.

Гл. IV. 1. Прекрасна ты, возлюбленная моя,
прекрасна ты! [24])
Глаза твои, какъ голубки
подъ покрываломъ твоимъ;
волоса твои, какъ стадо козъ,
которыя лежатъ по горѣ Галаадской.
2. Зубы твои, какъ стадо овецъ, приготовляемыхъ къ стриженію, [25])
которыя идутъ изъ умывальни,
которыя всѣ ведутъ по два ягненка,
и бездѣтной [26]) между ними нѣтъ.
3. Губы твои, какъ червленая лента, [27])
и рѣчь твоя пріятна;
високъ твой [28]), какъ пластъ гранатоваго яблока,
подъ покрываломъ твоимъ.
4. Шея твоя, какъ Давидовъ столпъ,
построенный для вѣшанія оружій,
тысяча щитовъ виситъ на немъ,
все щиты храбрыхъ.

5. Два сосца твои, какъ два козленка,
близнецы [29]) серны, пасущіеся среди лилій.
6. Пока дышетъ прохладою день
и стелются долгія тѣни, [30])
пойду я къ горѣ, дышущей смирною
и къ холму, дышущему ливаномъ.
7. Вся ты прекрасна, возлюбленная моя,
и порока нѣтъ въ тебѣ.
8. Ко мнѣ съ Ливана, невѣста,
ко мнѣ [31]) иди съ Ливана.
Взгляни съ вершины Аманы,
съ вершины Санира и Ермона,
отъ логовищъ львовъ [32]),
съ горъ барсовыхъ.
9. Ты похитила у меня сердце [33]), сестра моя невѣста,
ты похитила у меня сердце однимъ изъ глазъ твоихъ,
однимъ ожерельемъ шеи твоей.
10. Какъ прекрасна любовь твоя [34]), сестра моя невѣста!
Любовь твоя [35]) превосходнѣе вина,
и благовоніе мастей твоихъ лучше всякихъ ароматовъ! [36])
11. Сотовой медъ каплетъ съ губъ твоихъ, невѣста,
медъ и молоко подъ языкомъ твоимъ,
и благовоніе отъ одеждъ твоихъ, какъ благовоніе съ Ливана.
12. Запертый садъ, ты сестра моя невѣста,
замкнутый источникъ [37]), запечатанный родникъ. [38])
13. Разстилается по тебѣ [39]) увеселительный садъ съ гранатами,
съ превосходными плодами,
гдѣ кипры съ нардами.
14. Гдѣ нардъ и шафранъ,
благовонная трость и корица,
со всякими душистыми деревами;
гдѣ смирна и алой,
со всѣми наилучшими ароматами.
15. Ты родникъ садовый, [40])
источникъ воды живой,
струящейся съ Ливана. [41])

Дѣвица.

16. Воспряни вѣтръ сѣверный,
и приди [42]) южный,
повѣй на садъ мой,
чтобы полились ароматы;
пусть придетъ другъ мой въ садъ свой,
и вкушаетъ превосходные плоды его.

Юноша.

Гл. V. 1. Иду въ садъ мой,
сестра моя невѣста,
сорву смирну мою
съ ароматомъ моимъ,
поѣмъ сотовъ моихъ
съ медомъ моимъ,
напьюсь вина моего
съ молокомъ моимъ.
„Ѣшьте, друзья,
„пейте и упивайтесь, возлюбленные!" [43])

Дѣвица (*подругамъ разсказываетъ сонъ*).

2. Я спала, а сердце мое не спало,
слышу, стучится другъ мой: [44])
„Отвори мнѣ сестра моя,
„возлюбленная моя, голубка моя,
„добрая моя!
„голова моя вся покрыта росою,
„кудри мои ночными каплями." [45])
3. Я уже скинула одежду мою; [46])
какъ же? [47]) не ужели мнѣ одѣваться?
Я умыла ноги мои;
какъ же? [48]) не ужели опять марать ихъ?
4. Другъ мой протянулъ руку свою сквозь щель, [49])
и внутренность моя взволновалась отъ него.
5. Встала я, чтобы отворить другу моему;
съ рукъ моихъ капала смирна
и съ перстовъ моихъ самоточная
на ручки замка.
6. Отворила я другу моему,
и другъ мой убѣжалъ, скрылся. [50])
Душа моя была внѣ себя, [51]) когда онъ говорилъ;
я искала его и не нашла его,
кликала его и онъ не откликался мнѣ.
7. Встрѣтили меня стражи,
ходящіе по городу,
прибили меня, изранивъ меня,
сняли съ меня покрывало мое [52])
стражи на стѣнахъ.
(*Пробуждаясь*).

8. Заклинаю васъ дочери Іерусалима,
не найдете ли друга моего,
скажите ему,
что я изнемогаю [53]) отъ любви.

Подруги:

9. Чѣмъ другъ твой отличнѣе другихъ,
прекраснѣйшая изъ женъ?
чѣмъ другъ твой отличнѣе другихъ,
что ты такъ заклинаешь насъ?

Дѣвица.

10. Другъ мой бѣлъ и румянъ,
отличенъ отъ тмы другихъ. [54])
11. Голова его чистое золото,
кудри его развѣсисты, [55])
чорны какъ воронъ.
12. глаза его какъ голубки
при потокѣ водъ,
омытыя молокомъ,
сидящія на привольѣ. [56])
13. Щеки его какъ разсадникъ ароматовъ, [57])
цвѣтникъ благовоній; [58])
губы его лиліи,
съ нихъ каплетъ самоточная смирна. [59])
14. Руки его золотые кругляки,
усаженные топазами.
Чрево его выдѣлано [60]) изъ слоновой кости,
усыпано сапфирами.
15. Ноги его мраморные столбы,
поставленные на золотыхъ подножіяхъ.
Видомъ онъ, какъ Ливанъ,
статенъ, какъ кедры. [61])
16. Уста [62]) его сладость,
и весь онъ прелесть. [63])
Таковъ другъ мой,
таковъ возлюбленный мой,
дочери Іерусалима! [64])

Подруги.

Гл. VI. 1. Куда пошелъ другъ твой,
прекраснѣйшая изъ женъ?
Куда клонился другъ твой,
и мы поищемъ его съ тобою.

Дѣвица.

2. Другъ мой пошелъ въ садъ свой,
къ разсадникамъ ароматовъ, [65])
чтобъ повеселиться въ саду
и набрать лилій.
3. Я друга моего и мой другъ есть мой,
онъ пасется среди лилій.

Юноша.

4. Прекрасна ты, возлюбленная моя, какъ Ѳирса,
пригожа, какъ Іерусалимъ,
величественна, какъ полки со знаменами. [66])
5. Отврати отъ меня очи твои,
потому что онѣ разятъ меня. [67])
Волоса твои, какъ стадо козъ,
которыя лежатъ по горѣ Галаадской.
6. Зубы твои, какъ стадо овецъ,
которыя идутъ изъ умывальни,
которыя всѣ ведутъ по два ягненка,
и бездѣтной между ними нѣтъ.
7. Високъ твой, какъ пластъ гранатоваго яблока,
подъ покрываломъ твоимъ.
8. Если бы предстало [68]) шестьдесятъ царицъ,
и восемьдесятъ наложницъ,
и дѣвицъ безъ числа:
9. она, голубка моя, добрая моя, все была бы единственна,
единственная у матери своей,
совершеннѣйшая у родившей ее.
Увидѣвъ ее, дѣвицы превознесли бы ее,
царицы и наложницы похвалили бы ее.
10. Кто это глядитъ, какъ заря,
прекрасная, какъ луна,
чистая, [69]) какъ солнце,
величественная, [70]) какъ полки со знаменами?

Дѣвица (*разсказываетъ приключеніе*).

11. Въ орѣховый садъ пошла я,
посмотрѣть на зелень при ручьѣ,
посмотрѣть, распускается ли лоза,
цвѣтутъ ли гранатовыя яблони.
12. Ничего я не знала, вдругъ душа моя представила мнѣ
колесницы знаменитыхъ изъ моего народа.

(*Одинъ изъ проѣзжающихъ*).

Гл. VII. 1. „Оглянись, оглянись, Суламита,
„оглянись, оглянись, мы посмотримъ на тебя“.
(*Отвѣтъ дѣвицы*).
Что вамъ смотрѣть на Суламиту,
Какъ на хороводъ Маканмскій?
(*Проѣзжающій*).
2. „Какъ прекрасна поступь твоя [71])
въ сандаліяхъ, дочь княжеская! [72])
Округлости голеней твоихъ, [73])
какъ ожерелья, сдѣланныя руками художника.
3. Чрево твое, какъ круглая чаша. [74])
въ которой не истощается вино:
грудь твоя [75]) ворохъ пшеницы,
окруженный лиліями.
4. Два сосца твои, какъ два козленка,
близнецы [76]) серны.
5. Шея твоя, какъ столпъ изъ слоновой кости,
глаза твои озера въ Есевонѣ,
у воротъ Бат-раббима,
носъ твой, какъ столпъ Ливанскій,
обращенный лицемъ къ Дамаску.
6. Голова на тебѣ, какъ кармилъ,
и волоса на головѣ твоей, какъ пурпуръ,
царь, увязанный увяслами. [77])
7. Какъ прекрасна ты, и какъ мила,
и любезна среди наслажденій любви!
8. Этотъ ростъ твой подобенъ пальмѣ, [78])
и груди твои виноградным кистямъ.
9. Говорю я самъ въ себѣ: взошелъ бы я на пальму,
ухватился бы за вѣтви ея,
и груди твои были бы, какъ виноградныя кисти,
и благоуханіе отъ ноздрей твоихъ, какъ отъ яблоковъ,
10. и уста твои, какъ наилучшее вино“.
(*Отвѣтъ дѣвицы богачу*).

Оно потечетъ къ другу моему,
будетъ переливаться по устамъ спящихъ. [79])
11. Я для друга моего,
и онъ привержен ко мнѣ.
12. Иди, другъ мой, пойдемъ въ поле,
переночуемъ на кипрахъ. [80])
13. Поутру пойдемъ въ виноградники,
посмотримъ, распускается ли лоза,
даетъ ли цвѣтъ,
цвѣтутъ ли гранатовыя яблони,
тамъ я окажу тебѣ любовь мою. [81])
14. Мандрагоры издаютъ благовоніе,
и у воротъ нашихъ всякіе превосходные плоды,
новые и старые,
тебѣ, другъ мой, я сберегла.

Г. VIII. 1. О, если бы ты былъ братъ мой,
сосавшій сосцы матери моей!
Тогда бы я, встрѣтивъ тебя на улицѣ, цѣловала,
и меня не зазирали бы.
2. Повела бы тебя, привела бы тебя
въ домъ матери моей, которая учитъ меня,
напоила бы тебя ароматическимъ виномъ, [82])
сокомъ изъ гранатовыхъ яблокъ.
3. Лѣвая рука его подъ головою моею,
а правая обойметъ меня.

Юноша.

4. Заклинаю васъ, дочери Іерусалима,
не будите и не тревожьте возлюбленную,
доколѣ ей почивать угодно!

Дѣвица (*во снѣ*).

5. Кто сія идетъ отъ пустыни,
опираясь на друга своего?
(*Идущая съ братьями своими говоритъ:*)

„Подъ яблонью я разбудила тебя,
„тамъ зачала тебя мать твоя,
„тамъ зачала родившая тебя.
6. „Положи меня, какъ печать, у сердца своего,
„какъ перстень на рукѣ своей;
„ибо любовь сильна, какъ смерть,
„страсть люта, какъ преисподняя;
„жаръ ея есть жаръ огня,
„пламень Іеговы.
7. „Большія воды не могутъ потушить любви,
„и рѣки не зальютъ ея;
„если станетъ давать кто все имѣніе дома своего за любовь, [83])
„съ презрѣніемъ отвергнутъ его".

Братъ дѣвицы.

8. Сестра наша молода,
и грудей у нея нѣтъ,
что намъ дѣлать съ сестрою нашею,
въ тотъ день, когда будетъ о ней слово? [84])

Другой братъ дѣвицы.

9. Если она стѣна,
построимъ на ней серебрянную башню;
а если она дверь,
обложимъ [85]) ее кедровыми досками.

Дѣвица.

10. Я стѣна и груди [86]) мои, какъ башни:
отъ того я въ глазахъ его
кажусь уже достигшею полноты.
11. Виноградникъ былъ у Соломона
въ Ваал-гамонѣ:
онъ отдавалъ виноградникъ стражамъ,
каждый долженъ былъ приносить за плоды его,
по тысячѣ сиклей серебра. [87])
12. Но мой виноградникъ при мнѣ.
Пусть тысячи тебѣ, Соломонъ,
и двѣсти стерегущимъ плоды его! [88])

Юноша.

13. О, жительница садовъ!
сверстники слышатъ голосъ твой,
мнѣ дай послушать его!

Дѣвица.

14. Бѣги, другъ мой,
и будь подобенъ сернѣ,
или молодому оленю
на горахъ ароматныхъ!

Перевелъ съ еврейскаго **Г. П. Павскій.**

(Сент. 9-го дня 1825.)

Варіянты изъ списка протоіерея Граціанскаго, ученика Г. П. Павскаго.

1. Смоковница наполнила сокомъ свои ягоды
и виноградныя лозы въ цвѣтѣ
издаютъ благовоніе.
2. Встань подруга моя.
3. Прекрасная моя, выйди.
4. Дай мнѣ увидѣть лице твое.
5. И лице твое прекрасно.
6. Портятъ.

7. Другъ мой есть мой, и я принадлежу ему,
пасущемуся между лиліями.
8. И убѣгаютъ тѣни.
9. Бѣги ко мнѣ снова, другъ мой,
подобно сернѣ.
10. По разлучающимъ насъ горамъ.
11. Встрѣтились со мною сторожа.
12. Не много отошедъ отъ нихъ,
тотчасъ я нашла любимаго душею моею.
13. Дѣвицы.
14. Пусть почиваетъ, сколько ей угодно!
15. Кто это шествуетъ.
16. Всякими порошками ароматчиковъ.
17. Это одръ его, Соломоновъ.
18. Вокругъ его шестдесятъ ратниковъ,
изъ числа ратниковъ израилевыхъ.
19. Опытны въ битвѣ.
20. Носильный одръ царь Соломонъ сдѣлалъ себѣ.
21. Ножки его сдѣлалъ изъ серебра.
22. Вы, дѣвицы Сіонскія, подите, смотрите.
23. На царя Соломона,
въ вѣнкѣ, которымъ увѣнчала мать его
въ день бракосочетанія его.
24. О какъ ты прекрасна, подруга моя,
какъ ты прекрасна!
25. Зубы твои какъ стадо овецъ одного роста.
26. Безплодной.
27. Губы твои какъ алая нитка.
28. Щеки твои.
29. Двойни.
30. И бѣгаютъ тѣни.
31. Со мною.
32. Отъ барсовыхъ логовищъ.
33. Ты отняла у меня умъ.
34. О, какъ пріятны ласки твои.
35. Ласки твои.
36. Лучше всѣхъ бальзамовъ!
37. Колодезь.
38. Водоемъ.
39. Разсаженъ въ тебѣ.
40. Ты водоемъ для садовъ
41. Струи текущіе Ливана.
42. И принесись.
43. Пейте до упоенія, пріятели!
44. Слышу голосъ друга моего.
45. Кудри мои—ночною влагою.
46. Я скинула съ себя хитонъ свой.
47. Такъ.
48. Такъ

49. Другъ мой простеръ руку свою сквозь скважину.
50. И другъ мой ускользнулъ, ушелъ.
51. Души во мнѣ не стало.
52. Сняли съ меня верхнюю одежду.
53. Больна.
54. Замѣтенъ среди тьмы другихъ.
55. Распущены.
56. Сидятъ въ гнѣздышкахъ.
57. Щеки его цвѣтникъ ароматическій.
58. Гряды съ благовонными растеніями.
59. Источаютъ самоточную смирну.
60. Животъ его выточенъ.
61. Ростомъ отличенъ какъ кедры.
62. Языкъ
63. Драгоцѣнность.
64. Вотъ кто другъ мой, и вотъ каковъ любимый мною,
дѣвицы Іерусалимскія!
65. Въ ароматическій свой цвѣтникъ.
66. Подруга моя, ты прекрасна, какъ Ѳирса,
величественна, какъ Іерусалимъ,
страшна какъ полки со знаменами.
67. Ибо онѣ въ ужасъ приводятъ меня.
68. Будь здѣсь.
69. Свѣтлая.
70. Страшная.
71. О, какъ прекрасны ноги твои.
72. Въ сандаліяхъ дочь вельможи!
73. Бедры твои сложены стройно.
74. Пупокъ твой—круглый кубокъ.
75. Животъ твой.
76. Двойни.
77. Діадемами.
78. Любезная съ твоими сладостями!
79. По губамъ почивающихъ.
80. Будемъ проводить ночи въ селахъ.
81. Ласки мои.
82. Домъ матери моей. Ты училъ бы меня,
а я поила бы тебя ароматическимъ виномъ
83. Если бы кто давалъ
все богатство дома своего за утушеніе любви.
84. Когда пойдетъ объ ней рѣчь!
85. Заградимъ.
86. Сосцы.
87. По тысячѣ сребренниковъ.
88. Тебѣ Соломонъ тысячи
и стерегущимъ плоды его сотни двѣ!

Сообщ. Г. А. Орловъ, внукъ Г. П. Павскаго.

— — —

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

с 1803 года.

Глава X [1]).

14-е декабря.

Приступая въ своихъ Воспоминаніяхъ къ описанію этого несчастнаго событія, я считаю нужнымъ сдѣлать краткій очеркъ того времени въ нашемъ отечествѣ, который могъ бы учинить то движеніе, которое должно было, рано или поздно, привести къ чему нибудь подобному, если еще не къ худшему.

Извѣстно, что съ легкой руки нашего великаго преобразователя русское образованное общество, безъ удержу, бросилось подражать всему иноземному, но, къ несчастію, безъ разбора, хорошему и дурному и, какъ показали послѣдствія, болѣе дурному. Первые члены тайнаго общества были бо́льшею частью военные, прошедшіе побѣдоносно всю Европу до Парижа. Ознакомившись ближе съ ея цивилизаціей, понятно, что стремленіе учредителей было желать и для Россіи той образованности, той свободы, тѣхъ правъ, какими пользовались нѣкоторыя изъ европейскихъ націй и которыя были дарованы Польшѣ и обѣщаны Россіи. Такимъ образомъ, свободный образъ мыслей и духъ преобразованій, при помощи проникавшихъ запрещенныхъ сочиненій изъ заграницы, перенесся и въ Россію; а какъ прозелиты всегда отличаются ревностью, то и наши тайныя общества, сначала весьма умѣренныя и благонамѣренныя, какъ «Зеленая книга» (sic) и «Союзъ благоденствія», мало по малу стали ревностными поборниками революціи въ Россіи. Составлены были и конституціи:

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX (сентябрь), стр. 1—42; (декабрь), стр. 823—850. Изд. 1881 г., т. XXX (январь), стр. 1—26.

умѣренныя монархическія и радикальныя республиканскія, такъ что въ періодъ времени съ 1820 года до смерти Александра I либерализмъ сталъ уже достояніемъ каждаго мало-мальски образованнаго человѣка. Частыя колебанія самаго правительства между мѣрами прогрессивными и реакціонными еще болѣе усиливали желаніе положить конецъ тогдашнему порядку вещей; много также нашему либерализму содѣйствовали и внѣшнія событія, какъ то: движеніе карбонаріевъ, заключеніе Сильвіо Пелико Австріей; отмѣненный походъ нашей арміи въ Италію, показывавшій, что и Россія была готова слѣдовать за Австріей въ порабощеніи народовъ. Имя Меттерниха произносилось съ презрѣніемъ и ненавистью; революція въ Испаніи съ Ріего во главѣ, исторгнувшая прежнюю конституцію у Фердинанда, приводила въ восторгъ такихъ горячихъ энтузіастовъ, какими были мы и другіе, безотчетно слѣдовавшіе за потокомъ. Въ это же время появилась комедія «Горе отъ ума», и ходила по рукамъ въ рукописи; наизусть уже повторялись его ѣдкія насмѣшки; слова Чацкаго: «всѣ распроданы по одиночкѣ» приводили въ ярость; это закрѣпощеніе крестьянъ, 25 лѣтній срокъ солдатской службы считались и были въ дѣйствительности безчеловѣчными. «Полярная Звѣзда», поэмы: Рылѣева: Войноровскій и Наливайко, Пушкина «Ода на свободу», были знакомы каждому и сообщались и повторялись во всѣхъ дружескихъ и единомысленныхъ кружкахъ. Разсказы о различныхъ жестокостяхъ исправниковъ, выбивавшихъ подушные сборы чуть не пытками; анекдоты о жестокостяхъ и безконтрольномъ деспотизмѣ Аракчѣева; разсказывали также, какъ такой-то помѣщикъ по очереди насильственно лишалъ невинности всѣхъ своихъ подросшихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ. Какъ жестоко нѣкоторые военные начальники и самовластные помѣщики наказывали тѣлесно, забивая иногда людей даже до смерти. Можно себѣ представить, какое потрясающее дѣйствіе производили всѣ эти разсказы, приводимые какъ факты, на умы и сердца!

Всѣмъ также было извѣстно, что въ судахъ, конечно, не безъ исключенія, господствовало кривосудіе; взяточничество было почти всеобщимъ; процессы продолжались до безконечности; кто могъ больше дать, тотъ выигрывалъ; словомъ, все, казалось намъ, приходило въ разстройство и все это, какъ всѣ знали, при лучшемъ и либеральнѣйшемъ императорѣ! Безъ сомнѣнія, онъ былъ чистъ во всемъ, что совершалось дурнаго, о чемъ онъ, конечно, и не зналъ. Такъ всѣ думали и убѣждались въ томъ, что все это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ тогдашняго порядка вещей, въ которомъ не признавались ничьи права предъ сильнѣйшимъ; въ которомъ старшій, кто бы онъ ни былъ, всегда былъ не начальникомъ, а властителемъ и господиномъ

младшаго, сильный слабаго, богатый бѣднаго; въ которомъ никто не могъ сослаться на свое право, потому что никакого права не было. Казалось бы, дворянство имѣло дарованныя и утвержденныя за нимъ права, но еслибъ кто нибудь сослался тогда на эти права, то это было бы сочтено за бунтъ. Такимъ образомъ вся Россія дѣлилась на два разряда: на властителей и рабовъ, по очереди.

Но вотъ прошло только съ чѣмъ нибудь полстолѣтія и время, нами переживаемое, уже не имѣетъ ни малѣйшаго подобія того, что было тогда. Чѣмъ воздастъ Россія Избраннику Божію, возродившему наше Отечество, не по вѣковымъ законамъ постепенности и выжиданія, послѣдствія которыхъ могли быть очень дурныя, а внезапно по одному движенію своего благороднаго сердца, «согрѣтаго божественнымъ духомъ любви Помазанника Божія». Кто жилъ тогда и живетъ теперь, тотъ только можетъ вполнѣ видѣть и сознавать ту огромную пропасть, которая легла между прошедшимъ и настоящимъ, сознавать, отъ какого тяжелаго ига освободился русскій человѣкъ! Теперь законъ уже не на одной бумагѣ, но и въ дѣйствіи; ему одинаково подчинены всѣ безъ исключенія: высшіе и низшіе. Самъ верховный законодатель есть его первый исполнитель. Безчеловѣчныя истязанія исчезли; невольникъ освобожденъ и облагороженъ; публичный судъ скорый и правый, по закону и совѣсти, уже не страшитъ невиннаго, какъ тогда; оковы спали, умъ развивается свободно и безъ стѣсненія, слово не запечатано рабскою нѣмотою! Чѣмъ же Россія можетъ воздать, повторяю, своему благодѣтелю и Освободителю? Правда, армія его уже сознала его благодѣянія и возблагодарила его своимъ геройствомъ и неслыханнымъ самоотверженіемъ; народъ также созналъ и возблагодарилъ его безграничною своею любовію, и жертвуя, по слову его, даже своими крохами и самоотверженно провожая своихъ сыновъ на священную войну (1877 г.). Но все же Россія и человѣчество еще остается у него въ долгу: такъ много онъ для нихъ сдѣлалъ.

Воздавъ должное настоящему, нельзя не остановиться и на современномъ дурномъ, указываемомъ пессимистами, какъ-то: временная неурядица земскихъ и волостныхъ учрежденій и другихъ злоупотребленій. Правда, встрѣчаются несообразности и въ судахъ, какъ иногда оправданіе присяжными закоренѣлаго вора или убійцу, но все это объясняется, частью, малой развитостью значительнаго числа присяжныхъ и въ этомъ случаѣ, вѣроятно, намѣренно дурно руководимыхъ тѣми изъ нихъ, которые, по образованности своей между ними, должны были ихъ руководить; но все же это рѣдкія исключенія, легко и скоро исправимыя. Къ сожалѣнію, одна часть этой нашей интеллигенціи по религіи, жизни и понятіямъ почти стала реформатской; вотъ причина холод-

ности и даже презрѣнія (?) ея къ своей православной церкви, единой и истинной святой и непогрѣшимой наставницѣ на путь истинный къ добру и счастію! Этому же равнодушію и незнанію своей религіи надо приписать и успѣхи лордовъ-апостоловъ и другихъ проповѣдниковъ реформатскихъ. Изъ безбожныхъ же ученій того же запада вышли, наконецъ, и тѣ чудовищныя явленія у насъ и тамъ, которыя въ настоящее время поразили ужасомъ всѣхъ здравомыслящихъ людей........

Изъ приведеннаго очерка видно, что не одно тайное общество, а много другихъ обстоятельствъ производили въ русскомъ обществѣ той эпохи то недовольство и то броженіе, которое выразилось въ происшествіи 14 декабря. Можно сказать даже, что самъ покойный великодушный императоръ Александръ Павловичъ, какъ бы косвенно положилъ ему основаніе. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ либеральнымъ взглядомъ онъ вступилъ на престолъ, какъ старался онъ просвѣтить свой народъ учрежденіемъ повсемѣстныхъ школъ, какъ онъ началъ освобожденіе крестьянъ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, хотя это освобожденіе и оказалось фиктивнымъ; какъ заявилъ онъ въ манифестѣ своемъ, послѣ знаменитой войны, свои желанія и для русскаго народа совершить современемъ то, что совершилъ онъ тогда для Польши, даровавъ ей представительное правленіе. Хотя при концѣ своего царствованія онъ подпалъ подъ вліяніе, заставившее его измѣнить свое прежнее направленіе и всѣ прежнія его либеральныя рѣшенія не исполнились на дѣлѣ, но все же умы въ современномъ образованномъ обществѣ уже получили толчекъ и скоро усвоили себѣ тѣ идеи, которыя въ началѣ своего царствованія и въ славную эпоху самъ онъ возродилъ и которыя потомъ ринулись съ запада неудержимо въ наши предѣлы. Остановить эту умственную работу онъ уже былъ не въ силахъ. На время только остановилъ ее преемникъ его, императоръ Николай, и то благодаря этому же несчастному 14-му декабрю, которое, бывъ задушено, распространило панику на все образованное общество и сдѣлало бо̀льшую часть его, можетъ быть, лицемѣрно вѣрнѣйшими подданными и ревностными поборниками statu quo. Еслибъ не это несчастное возстаніе, то думаю, что и императоръ Николай пошелъ бы къ тому, что становилось болѣе и болѣе неизбѣжнымъ, то есть къ полному переустройству государства, совершонному теперь великимъ его сыномъ и Преемникомъ. Это несчастное происшествіе дало ему другое направленіе.

Чѣмъ сильнѣе дѣйствовала реакція, тѣмъ неудержимѣе было въ умахъ противодѣйствіе. Особенно это замѣтно было въ гвардіи, гдѣ недовольныхъ было множество, да иначе и быть не могло, потому

что недовольныхъ составляли всѣ почти мыслящіе образованные люди, которые не могли не видѣть всѣхъ безобразій тогдашняго порядка вещей. Солдатская же служба того времени лучше всего обрисовывается одной солдатской сказкой: солдатъ продалъ свою душу чорту, чтобы онъ выслужилъ за него срокъ; но вотъ скоро чорту въ солдатской шкурѣ отъ палокъ, розогъ и солдатской службы пришлось такъ жутко, что онъ бросилъ ранецъ, ружье, сумку и киверъ къ ногамъ солдата и отказался отъ его души, только бы освободиться самому отъ службы. Это мнѣ разсказывалъ старикъ солдатъ.

Нашъ кружокъ свободомыслящихъ, разумѣю собственно тотъ кружокъ, въ которомъ сосредоточивались наши разсужденія, мечтанія, впослѣдствіи такъ хорошо послужившія къ нашему осужденію, былъ очень не великъ. Одинъ изъ нашихъ офицеровъ гвардейскаго экипажа лейтенантъ Арбузовъ, который раздѣлялъ тогдашнее свободное настроеніе, но такъ какъ онъ былъ очень суроваго характера и его мнѣнія всегда были крайними до пошлости во всемъ, то мы, согласные съ нимъ въ завѣтныхъ желаніяхъ и надеждахъ когда нибудь увидѣть свое отечество свободнымъ, благоустроеннымъ и счастливымъ, расходились съ нимъ въ его крутыхъ мѣрахъ, восхваляемыхъ имъ во французской революціи и всѣхъ насильственныхъ янычарскихъ переворотахъ. Другой нашъ собесѣдникъ былъ лейтенантъ Д. И. Завалишинъ, товарищъ мой по выпуску, но перешедшій въ высшій классъ, сдавъ экзаменъ и ранѣе меня произведенный въ офицеры. Онъ мичманомъ на фрегатѣ „Крейсеръ", подъ командою знаменитаго М. П. Лазарева, совершилъ кругосвѣтное плаваніе. Когда же фрегатъ пришелъ въ Ситху, колонію нашей американской компаніи, куда мы такъ стремились, то капитану сообщено было высочайшее повелѣніе отправить Д. И. Завалишина чрезъ Сибирь въ Петербургъ. Никому не было извѣстно, для чего онъ былъ вызванъ; но извѣстно, что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ былъ призываемъ къ разнымъ министрамъ; не помню, но кажется и государь призывалъ его. Это былъ молодой человѣкъ съ необыкновенными способностями. Онъ отлично учился въ корпусѣ, отлично зналъ математику, а когда пріѣхалъ въ Петербургъ, онъ уже зналъ многіе языки, изучивъ ихъ во время плаванія. Онъ говорилъ уже по испански, по англійски, по французски, кажется и по нѣмецки и имѣлъ большія познанія; вообще, по уму и способностямъ это былъ человѣкъ, выходившій изъ ряда обыкновенныхъ. Долго, съ самаго корпуса, не видавшись, мы возобновили товарищескую дружбу, а когда онъ увидѣлъ наше либеральное настроеніе и нашъ энтузіазмъ, то еще болѣе сблизился съ нами. Отъ него мы узнали, что вся Европа опутана

сѣтью тайныхъ обществъ, стремившихся къ освобожденію всѣхъ народовъ изъ подъ ига деспотизма, тогда царившаго почти всюду въ Европѣ [1]).

Въ числѣ этихъ обществъ, какъ онъ сообщилъ намъ, было одно подъ названіемъ «Ордена возстановленія», котораго онъ былъ членомъ и отъ котораго имѣлъ полномочіе набирать членовъ въ Россіи; что для этой цѣли онъ представилъ государю свой проектъ устройства и укрѣпленія мѣстечка Россъ въ Калифорніи, гдѣ уже находились прежде наши промышленники колонисты; что это мѣстечко, населившись, должно сдѣлаться ядромъ русской свободы. Какимъ образомъ ничтожная колонія Тихаго океана могла имѣть какое нибудь вліяніе на судьбы такого громаднаго государства, какъ Россія, тогда это критическое воззрѣніе не приходило намъ въ голову,—до такой степени мы были дѣтьми. Мы мечтали, строили воздушные замки, а какъ эти замки будутъ держаться на воздухѣ—мы вовсе не думали объ этомъ.

Послѣ присяги Константину, отъ Арбузова мы услышали, что въ Россіи были свои тайныя общества, которыя ждали только случая, чтобы начать дѣйствовать; Завалишинъ также зналъ объ этомъ, но онъ не входилъ съ нами въ сношеніе; онъ, какъ говорилъ намъ, имѣлъ въ виду нѣчто болѣе серьозное, хотя и болѣе отдаленное. Арбузову онъ не сообщалъ о своемъ орденѣ и при немъ никогда не упоминалъ объ немъ. Намъ же онъ прочелъ истинно рыцарскій уставъ, восхитившій насъ своими высокими чувствами, въ немъ выраженными, и объявилъ намъ, что мы приняты и девизъ нашъ отнынѣ будетъ «concordia». Разговоры же о переворотахъ и о томъ, какое устройство болѣе полезно Россіи: монархическое или республиканское происходили у насъ очень часто и очень оживленные, но въ нихъ не было ни малѣйшей мысли о чемъ либо близкомъ и дѣйствительномъ, а однѣ мечты и желанія свободы, величія и счастія отечеству. Всѣ мы мечтали о республикѣ, всѣ представляли себѣ это золотое время народныхъ собраній, гдѣ царствуетъ пламенная любовь къ отечеству, свобода, ничѣмъ и никѣмъ не ограниченная, кромѣ закона, полное благосостояніе народа. Конечно, мы мечтали и объ освобожденіи народовъ

---

[1]) Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ — сдѣлавшійся извѣстнымъ въ отечественной литературѣ въ 1850—1870 гг. множествомъ публицистическихъ и научныхъ трудовъ, здравствуетъ по нынѣ, и еще недавно сдѣлалъ рядъ весьма интересныхъ сообщеній редакціи „Русской Старины“, между прочимъ и о событіяхъ и „Обществахъ“, о которыхъ разсказываетъ А. П. Бѣляевъ. Всѣми этими сообщеніями мы своевременно подѣлимся съ читателями нашего изданія. Ред.

посредствомъ могущественной Россіи. Словомъ, въ нашихъ мечтахъ осуществлялся чудный идеалъ всесовершеннаго счастія человѣческаго рода на землѣ, идеалъ, котораго достигла, какъ мы думали, Америка, считавшаяся тогда раемъ либераловъ. Мальтъ Брюнъ въ своемъ атласѣ, тогда только вышедшемъ, представилъ свободу въ видѣ прекрасной дѣвы, указывающей рукою на сѣверную Америку [1]). Мы тогда еще не подозрѣвали, что идеалы наши—гордые республиканцы—способны идеально набивать свои карманы на счетъ великаго отечества и пользоваться своею законодательною властью для прикрытія самыхъ нечестныхъ продѣлокъ, акціонерныхъ и другихъ. Но для насъ тогда свободное народное правленіе было идеаломъ совершенства, а свобода была всесильнымъ средствомъ перерожденія человѣчества. Въ дѣтской простотѣ своей мы и не подозрѣвали, что люди всегда остаются людьми, что страсти не укрощаются ни свободой, ни деспотизмомъ, а еще болѣе разнуздываются какъ тѣмъ, такъ и другимъ, только проявляются въ различныхъ формахъ; въ республикахъ льстятъ многоловному деспоту, называемому народомъ; въ монархіяхъ—монарху и его любимцамъ, имѣя всѣ одну и ту же цѣль: власть и наживу.

Возвращаюсь къ своему разсказу, прерванному этимъ невольнымъ отступленіемъ, невольно вызваннымъ воспоминаніемъ о нашихъ утопическихъ, дѣтскихъ мечтаніяхъ. Конечно, все это были одни пустые разговоры, такіе же, какіе происходили, происходятъ, и будутъ происходить всегда въ кружкахъ человѣческихъ обществъ такъ или иначе настроенныхъ. Мы съ братомъ были вѣрующими христіанами по своему образу мыслей. Какъ Завалишинъ, такъ и мы считали чистую нравственность непремѣннымъ условіемъ при стремленіяхъ къ такой высокой цѣли. Мы съ нимъ были даже нѣсколько фанатиками, въ родѣ пуританъ Кромвеля, по примѣру которыхъ на библіи, неправильно понятой, основывали свою идею республики, прочитавъ объ избраніи перваго царя въ Израилѣ.

Мы съ братомъ принадлежали къ умѣреннымъ и хотя были готовы на всякое дѣйствіе, гдѣ надо было жертвовать собой, но приносить въ жертву кого бы то ни было намъ было противно. При этихъ бесѣдахъ былъ иногда и жившій съ нами товарищъ нашъ Дивовъ, но это устройство вселенной его не занимало, а еще возбуждало его шутливыя насмѣшечки.

---

[1]) Въ то же время я переводилъ съ французскаго встрѣчу Лафайета въ Америкѣ. А. Б.

Такимъ образомъ протекали дни; конечно, они бы протекли мирно и безмятежно, можетъ быть, до конца жизни; мы продолжали бы служить и честно исполнять долгъ свой, если бы не случилась несчастная преждевременная кончина императора Александра. Тутъ все всполохнулось. Не знали ктò будетъ царствовать, чтò будетъ? Всѣ либералы считали эту преждевременную смерть какъ бы роковымъ вызовомъ приступить немедленно къ измѣненію правленія, но всѣ эти одиночныя мнѣнія были безсильны. Бесѣды наши дѣлались лихорадочными по волненію, которое возбуждало въ насъ ожиданіе чего-то. Въ это время Арбузовъ какъ-то вошелъ случайно въ сношеніе съ кѣмъ-то изъ членовъ общества, когда уже присягнули Константину, и тутъ онъ узналъ, что давно уже существуетъ тайное общество, которое имѣетъ своихъ членовъ во всѣхъ полкахъ гвардіи, а также въ арміи; что члены его въ настоящее критическое время часто собираются на совѣщанія и разсуждаютъ, какъ начать дѣйствовать. Арбузовъ заявляетъ имъ, что Гвардейскій Экипажъ будетъ готовъ на все въ нужную минуту, что офицеры всѣ почти готовы дѣйствовать за свободу и все это была полная ложь, потому что если между офицерами и были мыслящіе люди, которые сознавали, что порядокъ вещей въ государствѣ очень нехорошъ и что нужно и желательно его измѣненіе, но никто не имѣлъ понятія даже о существованіи общества, никто не готовился ни къ чему и даже не воображалъ себѣ, чтобъ могло быть что нибудь. Присяга была принесена старшему въ родѣ, всѣ считали это правильнымъ и никому не приходило въ голову, чтобы Константинъ отказался и что царствовать будетъ Николай, котораго еще великимъ княземъ боялись.

Но при роковомъ извѣстіи о смерти Александра великій князь Николай поступилъ съ великодушнымъ самоотверженіемъ. Хотя ему извѣстно было завѣщаніе покойнаго императора и предварительное отреченіе отъ престола Константина, при бракѣ его съ княгиней Ловичъ и что по волѣ покойнаго императора престолъ долженъ былъ перейти къ нему, въ чемъ бы его поддержалъ весь государственный совѣтъ, знавшій о завѣщаніи; но онъ прежде нежели могъ узнать о возникшей оппозиціи со стороны корпуснаго командира Милорадовича, какъ разсказывали, съ первой же минуты полученія депеши самъ первый позвалъ всѣхъ бывшихъ во дворцѣ офицеровъ, въ числѣ которыхъ былъ нашъ товарищъ Дивовъ (видѣвшій и пріѣздъ фельдъегеря), въ церковь и самъ первый присягнулъ старшему брату. Это было актомъ высокаго благородства и великодушія съ его стороны.

Но вотъ проходитъ недѣля, другая, и нѣтъ ни императора, ни извѣстія. Великій князь Михаилъ самъ ѣдетъ въ Варшаву; разно-

сится слухъ, что Константинъ отказывается отъ престола, но ни офиціальнаго извѣстія, ни манифеста не появляется. Между тѣмъ вѣроятность, что на престолъ взойдетъ Николай, заставляетъ тайное общество дѣйствовать рѣшительнѣе. Оно старается воспользоватся этимъ обстоятельствомъ и въ случаѣ отказа отъ присяги войскъ рѣшается провозгласить уменьшеніе срока солдатской службы и чрезъ временное правленіе конституціи арестовать всѣхъ тѣхъ изъ министровъ, которые бы держались Николая. Намъ, энтузіастамъ, сказали, что во временное правленіе будутъ призваны уважаемые всѣми люди, какъ-то: Мордвиновъ, Сперанскій и тѣ изъ высшихъ сановниковъ, которыхъ уважало общественное мнѣніе. Конституцію предложили бы Константину, а при его отказѣ императрицѣ Елизаветѣ. Общество имѣло нѣкоторое основаніе расчитывать на успѣхъ, потому что надѣялось на своихъ членовъ, которые были почти во всѣхъ гвардейскихъ полкахъ. Доносъ Ростовцева нѣсколько парализовалъ дѣйствія общества, такъ какъ съ утра 14-го декабря были арестованы артиллеристы члены общества графъ Коновницынъ и другіе. Но не смотря на это, рѣшено было дѣйствовать, такъ какъ присяга была уже назначена. Члены общества раздѣлились по полкамъ. Къ намъ въ Экипажъ явился Николай Александровичъ Бестужевъ.

Присяга Николаю безъ манифеста со стороны Константина, его упорное отсутствіе, порождали въ самыхъ даже тихихъ и несвободномыслящихъ недоумѣніе, смущеніе и каждый дѣйствительно считалъ новую присягу противною совѣсти. Даже нижніе чины тяготились этою присягой и безъ особыхъ подготовленій и какъ одинъ человѣкъ отказались присягать вслѣдъ за офицерами, которые вышли къ ген. Шипову, присланному для приведенія къ присягѣ Экипажа и отказались присягнуть Николаю. Помню, какъ теперь, слова лейтенанта Вишневскаго (который не имѣлъ понятія ни «объ обществѣ», ни о заговорахъ). Когда Вишневскій сказалъ, «что мы не видимъ отреченія императора и потому считаемъ своимъ долгомъ сохранить свою присягу Константину», то Шиповъ, отвѣчая, сказалъ:

— «Нельзя же, господа, государю каждому полку Ингерманландскому или какому нибудь стоящему гдѣ нибудь, въ захолустьѣ, давать знать о своемъ отреченіи!»

Вишневскій возразилъ: «Вы, генералъ, забываете, что мы его гвардія, т. е. его тѣлохранители, а потому имѣемъ право ожидать разрѣшенія данной ему присяги только отъ него самаго!»

То же повторили и всѣ офицеры. Шиповъ, видя, что не можетъ убѣдить офицеровъ, пошелъ въ казармы и въ канцелярію позвалъ ротныхъ командировъ. Мы, младшіе, остались съ батальономъ, воз-

бужденные въ высшей степени началомъ дѣйствія. Въ эту минуту намъ, не думая даже о переворотѣ, казалось крайне обиднымъ и унизительнымъ такое безцеремонное обращеніе съ нашимъ долгомъ, съ нашею совѣстью и такое пренебреженіе къ нашей самостоятельности. Вдругъ раздались выстрѣлы; Бестужевъ вскричалъ: «ребята, это нашихъ бьютъ, т. е. неизмѣняющихъ присягѣ!» Ротные командиры были въ канцеляріи, какъ бы подъ арестомъ. Экипажъ заволновался, началъ звать ротныхъ командировъ и мы съ братомъ Михаиломъ, Бодиско, съ Миллеромъ и еще не помню съ кѣмъ бросились въ казармы и освободили ротныхъ командировъ. Только что они сошли къ батальону, какъ весь батальонъ ринулся въ ворота. Батальонный командиръ, капитанъ 1 ранга Качаловъ развелъ руки, чтобы остановить насъ, но мы его обошли и стройно пошли къ площади, гдѣ сказано было собираться. Въ это утро, еще прежде присяги, пріѣзжали въ казармы: Якубовичъ, съ повязкой на головѣ, Рылѣевъ, Каховской съ тѣмъ, чтобы узнать настроеніе общества офицеровъ. Они уже знали объ арестѣ артиллеристовъ и еслибъ замѣтили колебаніе офицеровъ, то, можетъ быть, этого 14-го декабря не было бы. Но когда должно что либо совершиться, что написано въ путяхъ божественнаго Провидѣнія, которое попускаетъ самое зло для какихъ нибудь непостижимыхъ, но всегда благихъ цѣлей, то слѣпота не исчезаетъ и человѣкъ, однажды рѣшившійся на какое нибудь дѣйствіе, считая его своимъ нравственнымъ долгомъ, не останавливается. Когда Каховской, испытывая рѣшимость офицеровъ, между прочимъ, сказалъ:

— «Можно и отложить возстаніе до болѣе благопріятнаго времени».

То въ безумномъ энтузіазмѣ я сказалъ ему:

— «Нѣтъ, лучше не откладывать, если имѣются люди, могущіе вести временное правленіе; другаго такого случая можетъ быть не будетъ».

— «Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ онъ, станемъ дѣйствовать». Такимъ образомъ, рѣшено было дѣйствовать.

Если же я сказалъ бы: «да, конечно, лучше отложить дѣйствіе» и предложилъ бы это другимъ, то, кто знаетъ, можетъ быть оно и не случилось бы и не было бы пролито столько крови! Впрочемъ, дѣйствіе началось не у насъ, а въ Московскомъ полку и у лейбъ-Гренадеръ; въ моей же безумной рѣшительности была какая-то роковая сила, которая влекла меня въ эту пучину; и передъ тѣмъ, какъ выходить батальону, какъ теперь помню, я бросился на колѣни передъ образомъ Спасителя, вспомнилъ свою нѣжно-любимую мать, сестеръ, которымъ единственною опорой были мы одни, представилъ себѣ последствія этой рѣшимости—и тяжелъ былъ мнѣ этотъ подвигъ; тяжела

была борьба чувствъ, но долгъ, какъ я разумѣлъ его тогда, принести въ жертву отечеству самое счастіе матери и семейства—самыя священныя свои привязанности—наконецъ побѣдилъ! Я вспомнилъ слова Спасителя: «кто не оставитъ матери, сестеръ, имѣній, ради Меня, (я разумѣлъ подъ этимъ свой долгъ), тотъ недостоинъ Меня»—вотъ какъ искренно могутъ заблуждаться всѣ фанатики, какъ религіозные, такъ и политическіе, по дѣйствію того духа, который, по слову апостола, принимаетъ и видъ ангела внѣ ограды православной церкви, единой, истинной истолковательницы божественнаго писанія и нравственныхъ обязанностей христіанина.

Возмущеніе началось съ нѣкоторыхъ ротъ Московскаго полка, увлеченныхъ нѣкоторыми ротными командирами, какъ-то: Щепинымъ-Ростовскимъ и Михаиломъ Александровичемъ Бестужевымъ, изъ которыхъ первый нанесъ раны генераламъ, приводившимъ ихъ къ присягѣ. Кровопролитіе безполезное и глупое, потому что одно лицо генерала никакъ не могло остановить рѣшившихся не присягать или дѣйствовать за свободу, что мы видимъ ясно на нашемъ Экипажѣ; при этомъ энергическій капитанъ Ливенъ остановилъ свою роту, хотѣвшую послѣдовать за батальономъ. У насъ впрочемъ не было такихъ ярыхъ офицеровъ, какъ Щепинъ. Повторяю, что кромѣ насъ молодыхъ офицеровъ, заразившихся идеей свободы до фанатизма, всѣ прочіе исполняли долгъ присяги, хотя и ожидали, что правленіе наше будетъ измѣнено на лучшее.

Придя на площадь, мы заняли мѣсто на правомъ флангѣ предъ самымъ сенатомъ, у загороди строившагося Лобанова дома; за нами стояли Московцы и далѣе Гренадеры, которыхъ увлекъ батальонный адъютантъ Пановъ, послѣ того, какъ еще прежде отказалась присягать и вышла на площадь гренадерская рота за своимъ любимымъ ротнымъ командиромъ Сутговымъ, бывшимъ членомъ общества. Поэтому Пановъ поднялъ только оставшіеся два батальона. Съ этими батальонами онъ пришелъ во дворецъ и могъ бы, конечно, обезоружить караулъ и овладѣть дворцомъ и всѣми тамъ бывшими министрами; но божественное Провидѣніе бодрствовало надъ Россіей и когда онъ подошелъ съ дворцовой набережной ко входу, его встрѣтилъ комендантъ Башуцкій и прехладнокровно сказалъ ему: «вы не сюда, ваши стоятъ на площади»; съ этими словами Пановъ вышелъ изъ дворца на площадь.

Когда мы пришли, уже принесены были жертвы нашему идолу молоху, называемому свободой. Милорадовичъ, этотъ баярдъ, краса русской арміи, и полковникъ Стюрлеръ уже были отнесены раненые тѣмъ самымъ Каховскимъ, который еще утромъ у насъ въ казармахъ

колебался и рѣшимость котораго, какъ и ихъ смерть и его казнь, лежатъ тяжелымъ камнемъ на моемъ сердцѣ, потому что не вырази я своей фанатической рѣшимости утромъ, онъ, можетъ быть, не совершилъ бы всѣхъ этихъ кровавыхъ дѣйствій. Рѣшено было стрѣлять только въ тѣхъ, которые своимъ славнымъ именемъ могли поколебать возставшихъ [1]).

На площади мы нашли полную безурядицу. Не было никого изъ тѣхъ, которыхъ назначали вождями въ этомъ возстаніи. Трубецкой уже былъ арестованъ, какъ говорили, самъ отдавъ свою шпагу; Якубовичъ явился государю, сказавъ ему: «Государь, я бы долженъ быть тамъ, но вотъ я здѣсь», тогда государь отвѣчалъ: «поди же скажи имъ, что если они разойдутся, я даю слово въ томъ, что никого не хочу знать изъ возмутившихся и всѣхъ прощаю». Онъ же сказалъ «держитесь» и ушелъ. Затѣмъ пріѣхалъ Сухозанетъ съ предложеніемъ положить оружіе, этого осмѣяли, такъ какъ онъ пользовался дурной репутаціей; потомъ конная гвардія выѣхала въ атаку; мы офицеры, хотя и приказали стрѣлять, но только по ногамъ лошадей, чтобы не убить или не ранить кого нибудь изъ людей; затѣмъ къ экипажу подошелъ митрополитъ съ духовенствомъ и сталъ уговаривать покориться новому императору; съ нимъ обошлись съ большимъ уваженіемъ, но лейтенантъ Кюхельбекеръ, подойдя къ нему, просилъ удалиться, въ виду безуспѣшности его убѣжденій. Съ тылу къ нашему батальону подъѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Когда всѣ бывшіе тутъ офицеры подошли къ нему, онъ сталъ увѣрять, что самъ былъ у Константина Павловича и что тотъ дѣйствительно отрекся отъ престола. Съ нимъ вступили въ разговоръ нѣкоторые офицеры, въ томъ числѣ Михаилъ Бодиско, которые, представляя ему, что мы не можемъ измѣнить своей присягѣ, не имѣя указа отъ самаго императора, просили его отъѣхать, не подвергая себя безполезной опасности. Въ это самое время, когда мы всѣ были въ такомъ мирномъ настроеніи, въ ожиданіи скораго присоединенія къ намъ всей гвардіи, журналистъ Кюхельбекеръ нѣсколько разъ наводилъ на великаго князя Михаила Павловича пистолетъ; одинъ разъ его отбилъ одинъ унтеръ-офицеръ, въ другой разъ онъ спустилъ курокъ, но выстрѣла не послѣдовало. Кюхельбекеръ въ эту ночь ночевалъ у князя Одоевскаго, конно-гвардейскаго офицера, который, какъ членъ общества, не бывъ въ состояніи возмутить свой полкъ, считалъ своимъ долгомъ лично выйти на площадь. Зная фанатическій пылъ

---

[1]) Пріѣзжалъ генералъ Войновъ, кажется; тогда назначенный корпуснымъ командиромъ, но его не тронули. А. Б.

Кюхельбекера, онъ насыпалъ песку въ его пистолеты, съ которыми онъ и дѣйствовалъ. На площадь къ намъ явились: А. О. Карниловичъ, капитанъ гвардейскаго генеральнаго штаба, Пущинъ, Иванъ Ивановичъ, надворный московскій судья, юноша Глѣбовъ, князь Оболенскій, старшій адъютантъ гвардейской пѣхоты, какой-то съ плюмажемъ на шляпѣ Горскій, (Рылѣевъ пріѣзжалъ и опять уѣхалъ), Александръ Бестужевъ, извѣстный подъ именемъ Марлинскаго, старшій братъ котораго Николай Бестужевъ увлекъ Экипажъ вскричавъ, услышавъ выстрѣлы: «ребята, это нашихъ бьютъ!»

Толпа зѣвакъ была огромная. Всѣ наши офицеры постоянно внушали солдатамъ, что они не бунтовщики, а люди, честно исполняющіе долгъ присяги, и потому чтобы никакихъ безпорядковъ они не допускали ни своимъ, ни чужимъ, но толпа кричала, хотя никакихъ неистовствъ не дѣлала. Во время нашего стоянія на площади изъ нѣкоторыхъ полковъ приходили посланные солдаты и просили насъ держаться до вечера, когда всѣ обѣщали присоединиться къ намъ. Это были посланные отъ рядовыхъ, которые безъ офицеровъ не рѣшались возмутиться противъ начальниковъ днемъ, хотя присяга и ихъ тяготила.

При этихъ происшествіяхъ я вспомнилъ фактъ, показывающій до какой степени была велика дисциплина въ войскахъ. Когда утромъ разнесся слухъ о новой присягѣ, то ротный командиръ 1-й роты поставилъ во фронтъ роту и объявилъ, что ихъ посылаютъ за знаменемъ во дворецъ. Солдаты рѣшительно отказались идти, сказавъ, что они уже присягали и другой присяги принимать не хотятъ. Когда батальонный узналъ объ этомъ, то пришелъ въ казармы, ни слова не говоря, поставилъ во фронтъ роту и скомандовалъ: «на право, маршъ!» и рота тронулась и принесла знамя.

Передъ вечеромъ мы увидѣли, что противъ насъ появились орудія. Карниловичъ сказалъ: «вотъ теперь надо идти и взять орудія»; но какъ никого изъ вождей на площади не было, то никто и не рѣшился взять на себя двинуть баталіоны на пушки и можетъ быть начать смертоносную борьбу, что и рѣшило участь этого несчастнаго покушенія. Когда раздался первый выстрѣлъ, баталіоны стояли; за тѣмъ второй и картечь повалила многихъ изъ людей и заставила Московскій полкъ тронуться съ площади первымъ, за нимъ отступилъ нашъ Экипажъ и отошелъ въ полномъ составѣ своего баталіона въ казармы, но напоромъ толпы, которая бросилась во всѣ стороны и производила разстройство въ рядахъ, нѣкоторые были увлечены въ различ-

ныя на пути ворота частныхъ домовъ, гдѣ уже сострадательные хозяева перевязывали нѣкоторыхъ изъ раненыхъ.

Думаю, что довольно бы было этого успѣха для людей, стоявшихъ тогда во главѣ правительства, и можно бы было остановить безполезное кровопролитіе, продолжая стрѣлять въ бѣгущихъ и въ несчастную толпу любопытныхъ. Какъ только оказалось, что никто изъ назначенныхъ вождей не явился, т. е. ни Трубецкой, ни Якубовичъ, можно было сказать съ самаго начала, что это возстаніе было не опасно. Экипажъ нашъ возвратился въ казармы, гдѣ люди были приведены къ присягѣ уже силою, а для офицеровъ присяжный листъ былъ разложенъ въ одной изъ казармъ, для желающихъ подписаться, и помнится, что я также былъ изъ числа тѣхъ малодушныхъ, которые не выдержали характера и подписали этотъ присяжный листъ, въ чемъ и сознаюсь къ стыду своего геройства. Многіе, однакожъ, какъ я узналъ впослѣдствіи, не подписали.

Само собою разумѣется, что ночь была проведена не совсѣмъ покойно. Петербургъ представлялъ городъ послѣ штурма. Всю ночь были разложены костры. Войска размѣщены были по всѣмъ частямъ; конные патрули цѣлыми отрядами разъѣзжали по улицамъ, конечно, пустыннымъ, потому что никто не выходилъ изъ-дому. Утромъ мы увидѣли кавалергардскій полкъ, въѣхавшій во дворъ нашихъ казармъ, гдѣ былъ выстроенъ баталіонъ. Пріѣхалъ великій князь Михаилъ Павловичъ съ кавалергардскимъ полковникомъ Шереметевымъ и объявилъ офицерамъ, чтобъ они отдали свои сабли, что и было исполнено; затѣмъ въ различныхъ экипажахъ насъ повезли во дворецъ и посадили въ одну боковую комнату главной гауптвахты. Тутъ насъ было семь человѣкъ: Мусинъ-Пушкинъ, Михаилъ Бодиско, Дивовъ, я и братъ, Миллеръ и еще не помню кто. Обѣдъ намъ давали какой былъ у караульныхъ офицеровъ. Въ этотъ день караулъ, кажется, былъ отъ Преображенскаго полка и старшимъ былъ, кажется, капитанъ Игнатьевъ, сдѣланный въ тотъ же день флигель-адъютантомъ. Передъ нашими глазами во все время нашего ареста, въ теченіи трехъ недѣль, мы видѣли привозимыхъ различныхъ лицъ въ мундирахъ и партикулярныхъ платьяхъ намъ незнакомыхъ, которыхъ съ связанными назади руками отправляли къ новому императору. Вечеромъ въ первый же день зашелъ къ намъ Михаилъ Павловичъ и первыя его слова были: «вотъ, господа, что вы надѣлали»! Потомъ онъ сталъ разспрашивать о Кюхельбекерѣ, который стрѣлялъ въ него нѣсколько разъ безвредно вслыдствіе принятыхъ кн. А. И.

Одоевскимъ мѣръ, какъ я упомянулъ выше. Михаилъ Бодиско, одинъ изъ офицеровъ нашихъ, тоже одинъ разъ отбилъ пистолетъ, оттолкнувъ его, а въ другой разъ сдѣлалъ то же одинъ унтеръ-офицеръ, фамилію котораго не припомню. Это покушеніе на его жизнь, какъ видно по его разспросамъ, сильно его интересовало. Поговоривъ съ офицерами, которые сообщили ему различные фазы этого несчастнаго возмущенія, великій князь вдругъ подошелъ ко мнѣ, стоявшему въ углубленіи комнаты, и сказалъ:

— «Г. Бѣляевъ, мы съ вами ссорились по службѣ, я это помню, но вы несчастливы и я все забываю и думаю только объ одномъ, какъ подать вамъ руку помощи».

Эти великодушныя слова меня глубоко тронули и поразили, и я тутъ увидѣлъ, что тѣ, противъ которыхъ мы были такъ сильно возбуждены, какъ противъ притѣснителей человѣчества, чуждыхъ всякаго чувства, — что люди эти обладали не только добрымъ сердцемъ, но и великодушіемъ.

Потомъ в. к. Михаилъ Павловичъ часто, почти каждый день, заходилъ къ намъ; заботился о нашемъ возможномъ спокойствіи и говорилъ намъ, что Государь хочетъ насъ видѣть. Такого рода великодушное обращеніе произвело на меня такое вліяніе, что я рѣшился въ мысляхъ своихъ уже не скрывать за присягой и вѣрностью императору истинныхъ моихъ побужденій и еслибъ Государь вздумалъ простить насъ, прямо объявить ему, что за его великодушіе не хочу его обманывать. Я вышелъ на площадь и побуждалъ къ тому солдатъ, узнавъ, что есть общество, которое имѣло цѣлью ниспровергнуть неограниченное правленіе, а вовсе не повѣрности цесар. Константину, который былъ бы такимъ же деспотомъ, какимъ былъ его отецъ. О другихъ же товарищахъ я бы также сказалъ сущую истину, что они вышли на площадь единственно потому, что не хотѣли присягать при жизни одного императора другому, не видя и не зная подлинности его отреченія. Но, къ несчастію, насъ къ государю не позвали.

Одинъ разъ великій князь Михаилъ Павловичъ, придя къ намъ, сказалъ, что Государь хочетъ насъ видѣть завтрашній день и потому приказалъ намъ принести наши мундиры и всю форму. Не могу сказать, чтобъ предстоящее представленіе не волновало меня. Вотъ наступаетъ назначенный день, мы всѣ готовы. Караульные офицеры напередъ радуются нашему освобожденію. Приходитъ великій князь Михаилъ Павловичъ, здоровается съ нами также милостиво и ласково, какъ обыкновенно, но о государѣ ни слова. Мы ждемъ, наступаетъ обѣдъ, вечеръ; намъ объявляютъ, что мы можемъ снять мундиры и надѣть сюртуки. Когда же наступилъ вечеръ, намъ гово-

рять, чтобъ мы приготовились выйти съ гауптвахты и забрали свои вещи. Затѣмъ является строй солдатъ, насъ ставятъ между двухъ рядовъ и мы выходимъ, черезъ дворъ, на набережную, тутъ является полувзводъ кавалеріи, казаки ѣдутъ по сторонамъ и все спускается на Неву.

Помню была лунная, морозная ночь; тишина нарушалась только шагами марширующихъ солдатъ и топотомъ казачьихъ лошадей. Кромѣ насъ тутъ были еще капитанъ военныхъ топографовъ Свѣчинъ, Цебриковъ и еще другіе, которыхъ не помню. Настроеніе наше, т. е. мое, брата, Дивова, Бодиско, было очень беззаботное, такъ что когда насъ ввели въ Невскія ворота Петропавловской крѣпости у меня вырвался стихъ:

„На тяжкихъ вереяхъ ворота проскрипѣли
И пѣснь прощальную со свѣтомъ намъ пропѣли".

Насъ привели въ домъ коменданта и ввели въ какую-то уединенную комнату при весьма слабомъ освѣщеніи. Мы взглянули другъ на друга и передали другъ другу свои опасенія, полагая, что насъ привели сюда для пытки. Такова участь самодержавія, что ему приписывается все самое жестокое и самое скверное, не смотря на то, справедливо или не справедливо. Ожиданіе продолжалось не долго. Вдругъ мы услышали стукъ деревяшки по лѣстницѣ и передъ нами явился генералъ Сукинъ, безногій комендантъ крѣпости. Личность эта и его качества мнѣ не извѣстны, такъ какъ я его видѣлъ въ первый разъ, но какъ комендантъ крѣпости съ Алексѣевскимъ равелиномъ, то надо полагать, что онъ не обладалъ нѣжнымъ и чувствительнымъ сердцемъ, вотъ все что могу о немъ сказать, а также о плацъ-маіорѣ Подушкинѣ. Но если они и имѣли чувствительныя и нѣжныя сердца, то, безъ сомнѣнія, въ своихъ дѣйствіяхъ должны были подчинять свои чувства чувству долга. Онъ, сурово осмотрѣвъ всѣхъ насъ, произнесъ: «я имѣю высочайшее повелѣніе принять васъ и заключить въ казематахъ». Съ этими словами является плацъ-маіоръ Подушкинъ и съ помощью плацъ-адъютанта разводитъ насъ по разнымъ направленіямъ, по разнымъ казематамъ. Меня, брата, Бодиско и Дивова ввели въ огромное подъ сводами помѣщеніе на лабораторномъ дворѣ, съ однимъ окномъ на Неву и огромною русскою печью въ углу, на которой, какъ и на всѣхъ стѣнахъ, видна была полоса, указывавшая какъ высоко стояла вода во время наводненія 1824 года. Когда сторожъ поставилъ зажженную лампадку, мы увидѣли таракановъ черныхъ и красныхъ въ такомъ количествѣ, что всѣ почти стѣны были ими

покрыты. Это насъ привело въ ужасъ и будь тутъ заключенъ кто нибудь одинъ, то эта обстановка должна бы была потрясти непривычнаго. Но насъ было четверо молодыхъ 20-ти лѣтнихъ юношей, пріятно убѣдившихся, что всѣ члены ихъ, послѣ свиданія съ Сукинымъ, оказались цѣлы и потому мы стали придумывать брустверы изъ соломы, которую принесъ сторожъ для нашего ложа. Тутъ же была, конечно, поставлена кадка, значеніе которой объяснить неудобно.

Не смотря на всѣ впечатлѣнія, перечувствованныя въ этотъ день, мы спали крѣпко; и во все время нашего заключенія вмѣстѣ мы были беззаботно веселы. Для развлеченія своего изъ хлѣба сдѣлали себѣ шахматы, на столѣ назначили клѣтки и играли въ шахматы, эту умную игру, съ большимъ удовольствіемъ. Прошло нѣсколько дней, плацъ-маіоръ Подушкинъ является поздно вечеромъ и съ самымъ таинственнымъ видомъ говоритъ, выдвигая меня:

— «Мы съ вами съѣздимъ въ комитетъ и скоро вернемся; вы не безпокойтесь, но прежде мы съ вами поиграемъ въ жмурки, завяжемъ вамъ глаза».

Завязавъ мнѣ глаза, онъ взялъ меня за руку и повелъ изъ каземата. Подъ ногами я почувствовалъ крѣпкій снѣгъ и, двигаясь, ощупалъ сани, въ которыя онъ помогъ мнѣ сѣсть и мы поѣхали. Не знаю, такъ ли обширна была крѣпость, или нашъ казематъ былъ очень далеко отъ дома, гдѣ собирался комитетъ, только возилъ онъ меня по крѣпости довольно долго. Наконецъ сани остановились, онъ помогъ мнѣ вылѣзть и, взявъ за руку, ввелъ въ сѣни, потомъ въ слѣдующую комнату, гдѣ сквозь платокъ мелькало много свѣчей и слышался зловѣщій скрипъ перьевъ. Слѣдующая комната тоже оглашалась этою же музыкою, а затѣмъ какъ-то медленно и торжественно отворились большія двери и сквозь платокъ даже я пораженъ былъ большимъ свѣтомъ. Тутъ чья-то рука развязала платокъ и мнѣ представилось неожиданное для меня зрѣлище. Огромный столъ, заставленный восковыми свѣчами, покрытый зеленымъ сукномъ, съ множествомъ чернильницъ и воткнутыхъ въ нихъ перьевъ и съ кипами какихъ-то бумагъ. Завязанные глаза были придуманы, вѣроятно, для того, чтобъ зрѣлище судей показалось болѣе поразительнымъ.

Всѣ сидѣвшіе вокругъ стола были важные генералы со звѣздами. Предсѣдателемъ былъ военный министръ Татищевъ, худенькой и уже согбенный старичекъ съ безстрастнымъ, но добрымъ лицемъ; по правую руку сидѣлъ в. к. Михаилъ Павловичъ, по другую сторону князь А. Н. Голицынъ; далѣе порядка, въ какомъ кто сидѣлъ, не помню, генералъ-адъютанты: Левашевъ, Бенкендорфъ, А. Чернышевъ и на мѣстѣ секретаря полковникъ В. Адлербергъ. Всѣ глаза устремлены

были на меня и, конечно, негодованіе, смѣшанное съ какимъ-то презрѣніемъ, замѣтно было въ нѣкоторыхъ; въ другихъ же я прочелъ чувства болѣе мягкія, а въ нѣкоторыхъ даже чувство состраданія. Когда сняли платокъ, меня подозвали ближе къ столу. Первый вопросъ былъ сдѣланъ Чернышевымъ, сидѣвшимъ къ краю стола.

— «Что васъ побудило отказаться отъ присяги и, возмутивъ батальонъ, выдти на площадь»?

«Долгъ присяги императору»!

— «Кто васъ вывелъ на площадь»?

«Мы вышли сами, когда услышали выстрѣлы».

— «Кто васъ побудилъ на это дѣло»?

«Никто».

— «Бестужевъ былъ у васъ?»

«Былъ».

Первый допросъ состоялъ изъ вышеизложенныхъ вопросовъ и дѣло кончилось тѣмъ, что мнѣ снова завязали глаза и тѣмъ же путемъ привезли въ свой старый казематъ. Подобнымъ же церемоніямъ и допросамъ подверглись и всѣ другіе мои сотоварищи.

Въ казематъ приходилъ крѣпостной священникъ увѣщевать насъ ничего не скрывать при допросахъ. Увѣщеванія его не имѣли тогда на насъ большаго вліянія и такъ какъ мы были виновны только въ военномъ возмущеніи за ненарушимость присяги, а другихъ политическихъ преступленій за нами не было, то мы и дали другъ другу слово, ничего кромѣ присяги не говорить при дальнѣйшихъ допросахъ, не признаваться ни въ своихъ свободныхъ стремленіяхъ, ни въ намѣреніи способствовать перевороту, ставши орудіями тайнаго общества.

Пушечные выстрѣлы возвѣстили намъ о торжествѣ на Іорданѣ. Изъ нашего окна, выходившаго на Неву, мы посматривали на проѣзжающихъ по рѣкѣ и набережной. Намъ также видѣнъ былъ далеко влѣво домъ кн. Долгорукова на Гагаринской пристани, гдѣ мы провели столько пріятныхъ и счастливыхъ годовъ юности; съ грустью вспоминали мы чудную княгиню Варвару Сергѣевну, представляли себѣ, какъ нашъ поступокъ долженъ былъ раздражить князя и огорчить княгиню; но молодость все это скоро удаляла отъ мыслей и мы снова возвращались къ своей беззаботной веселости. Но это отрадное совокупное заключеніе съ братомъ и друзьями товарищами скоро должно было прекратиться. Въ одинъ вечеръ, поздно, является къ намъ плацъ-маіоръ Подушкинъ и объявляетъ, что намъ надо распроститься другъ съ другомъ. Одинъ долженъ былъ остаться въ томъ же казематѣ, а какъ по привычкѣ къ старому и по страху къ неизвѣстному

каждый изъ насъ хотѣлъ бы остаться въ прежнемъ, то рѣшили бросить жребій и въ старомъ казематѣ остался мой братъ. Разлука была тяжела, такъ что не смотря на то, что мы считали себя стоиками, должны были глотать слезы, заключивъ другъ друга въ братскія объятія. Съ тѣхъ поръ мы уже не видѣлись до того времени, какъ насъ соединили для прочтенія намъ сентенціи. Меня перевели въ какой-то казематъ, не знаю въ какой мѣстности, въ четыре шага величиною, не много больше гроба и заключили одного. Тутъ была страшная сырость, а утромъ топили желѣзную печь, которой труба проходила надъ головою. Такъ какъ мнѣ было только 22 года и сложеніе мое не было изъ крѣпкихъ, то при посѣщеніи казематовъ какимъ-то генералъ-адъютантомъ, кажется Стрѣкаловымъ, нашли нужнымъ меня перевести. Ночью помощникъ плацъ-адъютанта повелъ меня по какимъ-то дворамъ и переходамъ мимо царскихъ склеповъ, какъ онъ сказалъ мнѣ, къ Невскимъ воротамъ и меня заключили въ казематъ Невской куртины, также въ 4-хъ аршинное пространство. Тутъ уже въ углу стояла кроватъ съ шерстянымъ одѣяломъ, подшитымъ простыней; стоялъ небольшой столъ въ углу и на немъ лампадка съ фонарнымъ масломъ, копоть отъ котораго проникала въ носъ и грудь, такъ что при сморканіи и плеваніи утромъ все было черно, пока легкія снова не очищались въ теченіи дня. Огромное окно въ этомъ казематѣ было замазано известкой, только оставалось не замазаннымъ одно верхнее звено.

Утро мое начиналось тѣмъ, что я, вставъ съ постели и умывшись надъ парашей (кадка), молился Богу, по обычаю, который рѣдко въ жизни оставлялъ, развѣ только въ краткіе дни моего невѣрія. Теперь же я молился горячо, предаваясь съ покорностью волѣ Божіей, такъ какъ въ сердцѣ своемъ сознавалъ, что крестъ этотъ я несъ по собственному своему рѣшенію, изъ любви къ человѣчеству. Потомъ я громко пѣлъ „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ", а послѣ того, какъ выпивалъ принесенную мнѣ кружку чаю, я начиналъ ходить по каземату и тутъ уже я пѣлъ всевозможные романсы, какіе только зналъ; въ числѣ ихъ попадались часто и весьма свободные. Такъ время проходило до обѣда. Утромъ обыкновенно приходилъ гвард. инвалидный солдатъ, приставленный къ казематамъ и выносилъ кадку, затѣмъ онъ же приносилъ чай и уходилъ до обѣда. Сначала они были очень молчаливы, но мало по малу православная русская натура раскрылась и мы часто разговаривали. Ничего суроваго, ничего похожаго на тюремщиковъ въ этихъ людяхъ не было; это были честные, прямодушные, русскіе солдаты и христіане по тѣмъ чувствамъ состраданія, какія они намъ показывали. „Что дѣ-

лать, видно Богу такъ угодно; надо потерпѣть, Господь любитъ терпѣнье", говорили они, „а тамъ можетъ и помилуетъ". Но о милостяхъ и великодушіи государя болѣе всѣхъ говорилъ Подушкинъ, плацъ-маіоръ, который считалъ своею обязанностью утѣшать заключенныхъ. представляя имъ перспективу лучшаго будущаго и однажды дошелъ до того, что просилъ меня привести для него изъ Англіи англійскій сервизъ, когда мы будемъ опять служить на корабляхъ. И, дѣйствительно, эти утѣшенія едва не оправдались.

Однажды, около полуночи, когда я уже засыпалъ, слышу, что загремѣли засовы у моей двери и когда я проснулся, вижу передъ собой плацъ-адъютанта Ф. И. Трусова. Я, конечно, встревожился, не зная чему приписать это появленіе, но онъ скоро успокоилъ меня и такъ обрадовалъ, что я едва къ свѣту могъ угомонить мои мысли и заснуть. Онъ пришелъ передать мнѣ, что слышалъ какъ въ комитетѣ в. к. Михаилъ Павловичъ сказалъ: «если за офицерами гв. экипажа нѣтъ ничего, кромѣ присяги, которую государь прощаетъ, то надо ихъ освободить, такъ какъ не кому служить». Изъ этого онъ заключилъ, что вѣроятно завтра насъ освободятъ. Сколько сострананія, доброты, великодушія въ этомъ поступкѣ плацъ-адъютанта, который, казалось, игралъ роль тюремщика! Вмѣсто того, чтобъ идти домой скорѣе отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ и заботъ тогдашнихъ дней, онъ идетъ въ казематъ, чтобы сообщить слово утѣшенія страждущему узнику. Вотъ каковы наши русскіе тюремщики!

Одиночное, гробовое заключеніе ужасно. Тамъ, гдѣ даютъ книги для чтенія, гдѣ позволяютъ писать, сообщаться съ родными и вообще съ внѣшнимъ міромъ, хотя подъ условіемъ предписаннымъ закономъ, оно еще сносно, но то полное заключеніе, какому мы сначала подверглись въ крѣпости, хуже казни. Многіе покушались лишить себя жизни, глотали стекла, ударялись объ стѣну, какъ сдѣлалъ генер. штаба офицеръ Заикинъ. Впрочемъ, это съ его стороны было не малодушіемъ. Онъ закопалъ «Русскую Правду» (конституція) Пестеля, и, по показанію его младшаго брата, былъ допрашиваемъ о мѣстѣ, гдѣ она была зарыта и, опасаясь своей слабости, рѣшился убить себя. Другой, проходя съ плацъ-адъютантомъ около рѣки, бросился въ нее, но былъ вытащенъ. Другіе поплатились разсудкомъ. нѣкоторые умерли. Но человѣкъ можетъ перенести очень много, а потому-то и это заключеніе было перенесено. Мы съ братомъ были вѣрующими, хотя только по названію, и не покушались ни начто подобное, а покорились своей участи безропотно. За то страшно подумать теперь объ этомъ заключеніи! Куда дѣваться безъ всякаго занятія съ своими мыслями? Воображеніе работаетъ страшно. Какихъ

страшныхъ чудовищныхъ помысловъ и образовъ оно не представляло! Куда не уносились мысли, о чемъ не передумалъ умъ и затѣмъ все еще оставалась цѣлая бездна, которую надо было чѣмъ нибудь наполнить!

Начало заключенія для меня было сносно. Я былъ покоенъ, думалъ, что судъ не можетъ продолжаться долго, что съ нами чѣмъ нибудь кончатъ. Болѣе вѣроятнымъ мнѣ казалось разстрѣляніе, какъ за военное возмущеніе, къ которому уже и приготовлялись мысли. Я не думалъ, чтобъ это слѣдствіе протянулось болѣе 8-ми мѣсяцевъ. Но по мѣрѣ того какъ дни проходили за днями и тянулись страшно, отмѣчаемые каждую четверть часа заунывными курантами башенныхъ крѣпостныхъ часовъ, которыхъ одинъ звукъ уже производилъ содроганіе, тоска усиливалась, терпѣніе и спокойствіе истощались, сердце выболѣло, мысли мѣшались и я уже былъ близокъ къ погибели, т. е. къ сумасшествію. Но вотъ въ это самое время приносятъ мнѣ огромную in folio книгу. Смотрю—это библія. Я всей библіи никогда не читалъ и зналъ изъ нея только то, что училъ въ священной исторіи и кой что еще въ корпусѣ при от. Іовѣ. Я съ жадностью схватился за нее, читалъ и перечитывалъ ее. Вотъ гдѣ было мое спасеніе на этотъ разъ! Какой свѣтъ осіялъ меня изъ этой книги! Сколько утѣшенія пролила она въ мое изнывавшее сердце; сколько отрады, надежды и спокойствія! Изъ нея я только научился познавать Бога такимъ, какимъ Онъ есть въ существѣ своемъ: великимъ, всесвятымъ, правосуднымъ, страшнымъ для ожесточенныхъ только въ невѣріи людей и столько же благимъ, милосерднымъ къ обращеннымъ грѣшникамъ. Я плакалъ, прочитывая слова Спасителя: „Въ темницѣ бяхъ и посѣтисте Мя".

Съ самаго начала заключенія, смерть Милорадовича, Стюрлера, смерть внезапная столькихъ невинныхъ жертвъ разбила мое сердце, отъ природы мягкое, не злое и сострадательное, такъ какъ я не могъ не брать на себя всего этого кровопролитія, котораго, можетъ быть, не было бы, еслибъ я не поддержалъ Каховскаго въ его колебаніи, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ казармы съ Якубовичемъ, о чемъ я уже упоминалъ. Припоминая все это, я не могъ не брать теперь всѣхъ этихъ бѣдствій на свою совѣсть. Напрасно я старался успокоивать ея обличенія разсужденіями, что свобода и благоденствіе народовъ не пріобрѣтаются безъ жертвъ, что и я жертвовалъ собой отъ искренняго сердца, также могъ быть убитъ, семейство мое также какъ и другихъ было бы поражено печалью и облеклось въ трауръ, но всѣ эти разсужденія были философическаго свойства, а между тѣмъ эти образы безпрестанно вставали передо мною. Я

вспоминалъ несчастнаго раненаго, котораго увидѣлъ въ одномъ домѣ на площади, когда толпа вдавила меня во дворъ, и страшно стонавшаго; я вспоминалъ бѣднаго малютку флейщика, котораго сразило въ голову картечью, вспоминалъ Милорадовича, Стюрлера, Шиншина, Фридрикса, раненныхъ въ Московскомъ полку безумнымъ кн. Щепинымъ, множество несчастныхъ убитыхъ и раненыхъ изъ толпы, — все это часто, часто мнѣ представлялось и днемъ, и ночью, и я тутъ вполнѣ убѣдился, что только съ каменнымъ сердцемъ и духомъ зла, ослѣпленнымъ умомъ можно дѣлать революціи и смотрѣть хладнокровно на падающія невинныя жертвы и на всѣ бѣдствія и страданія, съ ними сопряженныя. Тутъ я увидѣлъ, что не кичиться долженъ былъ я своимъ подвигомъ, а каяться въ преступленіи и молиться за несчастныя жертвы, внезапно похищенныя изъ среды своихъ семействъ, и изъ этой жизни и можетъ быть съ неочищенною еще совѣстью представшихъ предъ страшнымъ судіей.

Легко сказать и, пожалуй, съ глубокимъ убѣжденіемъ и съ пламеннымъ чувствомъ:

„Погибну я за край родной,
Я это чувствую, я знаю,
И радостно, отецъ святой,
Я жребій свой благословляю".

Я и теперь сознаю въ душѣ, что еслибъ можно было одною своею жертвою совершить дѣло обновленія отечества, то такая жертва была бы высока и свята, но та бѣда, что революціонеры вмѣстѣ съ собой приносятъ преимущественно въ жертву людей, вѣроятно, бо́льшею частью, довольныхъ своей судьбой и вовсе не желающихъ и даже не понимающихъ тѣхъ благодѣяній, которыя имъ хотятъ навязать противъ ихъ убѣжденій, вѣрованій и желаній.

Да, наконецъ, въ народахъ, достигшихъ свободы путемъ революціи, всѣ ли достигли ее? это еще вопросъ; и даже достигшіе, достигли ли той свободы, которая дѣлаетъ человѣка истинно свободнымъ по слову Спасителя, истинно счастливымъ, т. е. освобождаетъ ли человѣка отъ грѣха? конечно не той, которую даетъ революція, а достигаютъ той, которая дѣлаетъ людей не лучшими и счастливѣйшими, а худшими и несчастнѣйшими, потому что вслѣдъ за этою насильственною свободою разнуздываются всѣ страсти, усиливаются пороки и преступленія, что намъ доказываетъ статистика.

Письма Рылѣева, Пестеля, слова Каховскаго не показываютъ-ли, что полнаго убѣжденія въ несомнѣнной красотѣ и высотѣ подвига,

который они на себя брали, еще ослѣпленные, не было; христіанскіе мученики и въ казематахъ, и на кострахъ, и мукахъ, до послѣдняго вздоха, почитали свой подвигъ святымъ долгомъ, не колебались, не раскаивались, не сомнѣвались, не сожалѣли о своемъ подвигѣ, потому что приносили въ жертву истинѣ себя самихъ, а не проливали крови своихъ ближнихъ. Раскаянія П. И. Пестеля и письмо К. Ѳ. Рылѣева вовсе не показываютъ молодушія и робости; смерть ихъ на висѣлицѣ доказала ихъ твердость; но это раскаяніе показываетъ ясно, что только тотъ подвигъ высокъ, святъ и никогда не влечетъ за собой раскаянія, въ которомъ добродѣтельный человѣкъ жертвуетъ своимъ счастіемъ, своими радостями, даже своею жизнью для блага людей и вообще для истины, но только своею жизнью, а не чужою, и не мятежами, не возмущеніемъ всѣхъ страстей и не разнузданіемъ всѣхъ дурныхъ инстинктовъ падшаго человѣчества.

Въ это самое время, когда божественное слово, частью, уже переродило меня, въ одинъ вечеръ приносятъ мнѣ кипу бумагъ; развертываю и вижу пропасть вопросныхъ пунктовъ изъ комитета. Когда я прочелъ ихъ, волосы поднялись на моей несчастной головѣ и я въ эту минуту думалъ, что или меня поразитъ ударъ, или я сойду съ ума. Уже вмѣсто присяги Константину тутъ описывались разговоры наши въ нашей квартирѣ, разговоры, указывавшіе на нашъ образъ мыслей и на наши желанія и стремленія, въ которыхъ высказывались наши взгляды и мечтанія о тѣхъ блаженныхъ временахъ, когда, по примѣру Греціи, Рима, Франціи, Америки и пр. будутъ на площадяхъ кипѣть народныя собранія свободныхъ, благороднѣйшихъ, добродѣтельнѣйшихъ республиканцевъ, гдѣ рисовались передъ нашими глазами старый и новый Бруты, поражающіе деспотизмъ. Всѣ эти мечты въ разговорахъ нашихъ приведены въ вопросныхъ пунктахъ во всей подробности и правдѣ, что̀ говорилъ я, что̀ говорилъ братъ, Арбузовъ, Д. И. Завалишинъ, однимъ словомъ мы были преданы вполнѣ. Кто былъ предатель, тутъ не упоминалось. Требовалось признаніе или отрицаніе. Отрицаніе! какъ отрицать то, что дѣйствительно было говорено; простое, правдивое сердце возмущалось ложью. Если мы сначала держались присяги, то это потому, что присяга была дѣйствительною причиною возстанія, а какъ мы не были членами общества, то ничего и не знали о томъ, что готовило тайное общество, а вѣрили на слово, что съ отказомъ отъ присяги всей гвардіи можетъ быть измѣнено правленіе къ лучшему и только. Все это было въ туманѣ. А тутъ спрашиваютъ: говорили вы это, говорилъ то́ Арбузовъ, Завалишинъ?

Вотъ когда наступила страшная борьба въ сердцѣ, и въ то же время адскія мученія. Я недоумѣвалъ, что мнѣ дѣлать, что отвѣчать! Между тѣмъ я зналъ, что насъ только было трое дѣйствительныхъ мечтателей; братъ мой хладнокровнѣе относился къ нашимъ порывамъ, Дивовъ былъ въ другой комнатѣ; другихъ никого никогда у насъ не было, т. е. никто никогда кромѣ названныхъ лицъ не участвовалъ въ нашихъ бесѣдахъ за трубками и чаемъ. Слѣдовательно, кто нибудь изъ нашей среды объявилъ объ нашихъ разговорахъ, а въ связи съ дѣйствіемъ 14 декабря эти слова получали вѣсъ въ глазахъ комитета и даже въ приговорѣ была правда. «Кто изъ вашихъ товарищей зналъ вашъ образъ мыслей?» былъ вопросъ Чернышева. «Изъ сдѣланныхъ комитету показаній о нашихъ разговорахъ, видно, что въ нихъ участвовали Арбузовъ, Завалишинъ, братъ, я и больше никто», въ такомъ смыслѣ отвѣчалъ я на этотъ допросъ словесно; но затѣмъ они больше присылались въ казематъ писанные.

Братъ мой, получивъ тѣ же вопросные пункты, всѣ ихъ отвергъ, подтвердивъ свое прежнее показаніе, что стоялъ за присягу. На другой день, тоже поздно вечеромъ, меня снова повезли въ комендантскій домъ, только уже не въ комитетъ, а въ какую-то особую комнату, гдѣ я неожиданно нашелъ своего брата одного. Радость свиданія была, конечно, очень велика, но вслѣдъ за объятіями онъ спросилъ: «неужели, братъ, ты признался»? Я отвѣчалъ: «вѣдь, конечно, и тебѣ принесли вопросные пункты и ты видѣлъ, братъ, что мы преданы самымъ измѣнническимъ образомъ, такъ что дни, часы нашихъ бесѣдъ и всѣ слова наши говоренныя были во всей подробности показаны; и такъ я подумалъ, что если уже все стало извѣстно относительно нашего образа мыслей и стремленій, то нечего уже болѣе запираться, тѣмъ болѣе что мы, разставаясь изъ перваго каземата, положили самимъ ничего не говорить кромѣ того, что уже было показано нами о присягѣ, но если какимъ нибудь другимъ путемъ откроются наши желанія и мечты о свободѣ, то поступать каждый могъ по своимъ соображеніямъ. Я послѣ того самъ не дѣлалъ никакихъ новыхъ показаній, а когда стало извѣстно все, что мы говорили, что могъ передать только кто нибудь изъ насъ: Арбузовъ или Завалишинъ, такъ какъ ни ты, ни я ничего не говорили и не писали, что же осталось дѣлать?» Въ эту минуту вошелъ генер. Бенкендорфъ и чрезвычайно ласково сталъ говорить брату:

— «Вотъ видите, что я сказалъ вамъ правду о признаніи вашего брата».

Затѣмъ онъ сталъ говорить, на какой прекрасной дорогѣ мой братъ стоялъ, послѣ наводненія; какъ бы далеко онъ пошелъ и проч., «но, впрочемъ, прибавилъ онъ, Государь такъ милостивъ, что и теперь. если вы будете откровенны, то все еще можетъ поправиться»; съ этими словами онъ опять вышелъ, сказавъ намъ, что оставляетъ насъ однихъ на нѣкоторое время, чтобъ мы могли побыть вмѣстѣ и сообразить свое поведеніе въ комитетѣ.

Тутъ мы стали разбирать, кто бы могъ передать наши разговоры и никакъ не могли попасть на истину и думали на Арбузова или Завалишина; о Дивовѣ намъ не приходило и въ голову. Затѣмъ насъ разлучили снова, отведя каждаго въ свой казематъ. Когда всѣ наши разговоры и стремленія были, такимъ образомъ, открыты, то я рѣшился въ комитетѣ ничего не говорить собственно отъ себя, но изъ того, что уже было извѣстно, показывать одну правду. Однажды, въ утреннемъ допросѣ Чернышевъ грозно сказалъ мнѣ:

— «Если вы будете запираться, и не сознаетесь во всемъ откровенно, ничего не скрывая, то вѣдь мы имѣемъ средства заставить васъ говорить!»

На это я ему отвѣчалъ:

— «Напрасно, ваше превосходительство, вы меня стращаете: рѣшившись на такое опасное дѣло, я хорошо зналъ чему подвергался и былъ готовъ на все, слѣдовательно, ваши угрозы на меня не подѣйствуютъ. Я сказалъ вамъ, что буду показывать одну истину изъ того, что вамъ уже извѣстно и ничего болѣе».

Съ этой минуты Чернышевъ совершенно измѣнился относительно меня и сдѣлался такъ внимателенъ ко мнѣ, что плацъ-адъютантъ, приводившій меня въ разное время въ комитетъ, спросилъ меня однажды:

— «Вамъ Чернышевъ не родня-ли?»

Я сказалъ, что нѣтъ.

— «Отчего-же онъ такъ ласковъ съ вами?»

Въ одномъ изъ вопросныхъ пунктовъ меня спрашивали, отъ кого я заимствовалъ республиканскія идеи. Къ стыду своему, сознаюсь, я написалъ, что Дмитрій Иринарховичъ Завалишинъ имѣлъ большое вліяніе на мои убѣжденія; я сказалъ правду, но все же я до сихъ поръ краснѣю, когда вспоминаю это низкое малодушіе, потому-то и свидѣтельствую о немъ и исповѣдую.

Въ эти тяжкія минуты, когда отчаяніе сторожило уже свою жертву, я былъ до того разбитъ физически и нравственно, что кровь хлынула у меня горломъ. Ко мнѣ сталъ ходить докторъ и приказалъ выводить меня на воздухъ. Эти прогулки ограничивались какими-то сѣнями,

гдѣ было огромное окно безъ рамы и дверь безъ двернаго полотна и куда воздухъ проникалъ свободно. Но, однажды, повели меня на стѣны крѣпости, откуда вдругъ открылась передо мною давно забытая картина этого міра съ его движеніемъ и суетой. Вдали мелькали экипажи, быстро мчавшіеся по знакомой набережной; открылись великолѣпные дворцы вельможъ и между ними вдругъ я увидѣлъ вдали домъ кн. Долгорукова, при видѣ котораго сильно забилось мое сердце. Тамъ мы росли, лелѣемые великодушною любовью воспитателей нашихъ; мы были такъ счастливы этою любовью, за которую заплатили въ ихъ глазахъ неблагодарностью, потому что они не могли знать, какъ тяжела была и намъ эта жертва, приносимая изъ любви къ отечеству, особенно, когда совѣсть указала заблужденіе. Сколько счастія и сколько радости перечувствовало сердце подъ этимъ благодѣтельнымъ кровомъ, не испытавъ ни на одно мгновеніе какого либо огорченія. Припоминая все это, взглядъ мой стремился проникнуть въ эти знакомыя окна, мечталось видѣть очаровательный образъ несравненной и незабвенной княгини, которой милая, кроткая улыбка такъ часто чаровала насъ, но это было такъ далеко, что еслибъ она и стояла у самаго окна, то глазъ мой никакъ бы не могъ ее видѣть. Но за то какая грустная минута послѣдовала за этимъ гуляньемъ и я уже не желалъ повторять его. Когда отворилися двери моего каземата, я вошелъ въ него, и дверные затворы прозвучали свою обычную пѣснь, мнѣ показалось, что я опустился за-живо въ мрачную могилу и нужно было страшное усиліе духа, чтобъ опять прійти въ обычное нормальное для каземата состояніе.

Когда привезли тѣло покойнаго государя и послѣднее звено моего окна было замазано, оставалось одно: пригнуть нѣсколько жестяныхъ перышекъ вентилятора и однимъ глазомъ смотрѣть на эту печальную церемонію. Потомъ опять верхнее звено смыли. Тоже повторилось при погребеніи императрицы Елизаветы Алексѣевны. Какъ грустно было мнѣ теперь вспоминать объ нихъ!

Въ моей казематной жизни все было разсчитано. Я ходилъ два часа, потомъ садился на кровать отдыхать и въ это время, чтобъ быть чѣмъ нибудь занятымъ, я выдергивалъ изъ одѣяла безконечную толстую нитку, которою простыня пристегивалась къ одѣялу. Изъ этой нитки я навязывалъ узлы одинъ на другой, такъ что подъ конецъ образовывался порядочный клубокъ, который затѣмъ снова распускалъ; эта работа повторялась нѣсколько разъ въ день. Потомъ становился на окно и смотрѣлъ на проходящихъ. Такъ какъ мой казематъ былъ недалеко отъ Невскихъ воротъ и вплоть до комен-

дантскаго или какого-то дома, хорошенько не знаю, шелъ бульваръ, то тутъ часто проходили мимо меня различныя лица. Иногда проводили мимо меня узниковъ въ баню и я однажды увидѣлъ моего брата, но онъ, конечно, не могъ догадаться, что на него смотрѣлъ его братъ и другъ, котораго сердце сильно забилось. Тутъ была и братская любовь, и жалость, и горькое раскаяніе, что я своимъ фанатическимъ стремленіемъ къ свободѣ увлекъ и его въ несчастіе. Однажды также увидѣлъ проходившимъ по бульвару нашего общаго друга, инженернаго офицера Паризо, съ которымъ мы жили вмѣстѣ у кн. Долгорукова, такъ какъ мать его, m-me Parisot, воспитывала дочерей князя и княгини. Онъ тоже смотрѣлъ на окна съ большимъ вниманіемъ, но, конечно, не могъ никого видѣть. Часто также утѣшала меня игра дѣтей на бульварѣ, которыхъ голоса были для меня истинной музыкой. Послѣ скуднаго обѣда, состоящаго изъ горячаго и маленькихъ кусковъ жареной говядины, я ложился спать. Около 6-ти часовъ приносили большую кружку чаю съ бѣлымъ хлѣбомъ. Такъ протекали дни до рѣшенія нашей участи.

Въ день, кажется, 12-го іюля (1826), сколько помню, утромъ я былъ пораженъ какимъ-то необыкновеннымъ движеніемъ въ крѣпости. Тотчасъ я забрался на окно и увидѣлъ, кавалерію и пѣхоту, выстраивающихся по всѣмъ фасамъ. Я не зналъ, что̀ это значило и потому предположилъ, что вѣроятно насталъ конецъ всему и насъ выведутъ и разстрѣляютъ. Не скрою, что сердце мое крѣпко забилось, хотя въ мысляхъ я и былъ приготовленъ къ этому. Тутъ я палъ на колѣни и горячо просилъ Бога простить мнѣ всѣ грѣхи и укрѣпить меня въ минуту казни. Затѣмъ я всталъ и началъ ходить по каземату, придумывая, что сказать передъ смертью.

Вдругъ, слышу скрипъ и грохотъ многихъ дверныхъ засововъ, вскорѣ и у моей двери послышался тотъ же шумъ и дверь моя растворилась. Входитъ плацъ-адъютантъ, приносятъ мой офицерскій сюртукъ и фуражку, я одѣваюсь, иду за нимъ и тихонько спрашиваю: — «Насъ будутъ разстрѣливать»?

«Нѣтъ», отвѣчалъ онъ, «вамъ будутъ читать сентенцію».

Въ комнатѣ, куда ввели меня, было уже довольно много товарищей нашего разряда, тутъ были: генералъ М. А. фонъ-Визинъ, полковникъ Абрамовъ, подполковникъ Фаленбергъ, полковникъ Нарышкинъ, маіоръ Лихаревъ, офицеръ конной гвардіи князь А. И. Одоевскій, армейскіе офицеры: Шишковъ, офицеръ генеральнаго штаба Бобрищевъ-Пушкинъ, армейскій офицеръ грекъ Мазгани, комисаріатскій чиновникъ Ивановъ, я и братъ.

Тутъ начались объятія, разговоры, разъясненія, но это продолжалось не долго; скоро отворились двери и насъ по списку, одного за другимъ, ввели въ большую залу, уставленную столами, за которыми сидѣли судьи верховнаго уголовнаго суда. Все это было въ лентахъ и звѣздахъ. Всѣ высшіе сановники государства и церкви. Насъ поставили передъ этимъ торжественнымъ собраніемъ, грозно на насъ смотрѣвшимъ, во фронтъ, какъ были мы введены по списку и затѣмъ секретарь или не знаю какой-то важный чиновникъ началъ читать громко. Назвавъ каждаго по чину, по имени и фамиліи, онъ прочиталъ описанныя преступленія, состоявшія въ покушеніи низпровергуть государственную власть и законы, въ созианіи объ умыслѣ на цареубійство, въ участіи въ военномъ возмущеніи, и за таковыя преступленія онъ громко и съ разстановкой произнесъ приговоръ: лишаются чиновъ, орденовъ, дворянства и ссылаются въ каторжныя работы въ рудникахъ на 12 лѣтъ.

Мы, конечно, молча выслушали приговоръ; но онъ не произвелъ на меня большаго впечатлѣнія, такъ какъ я ожидалъ приговора смертнаго, а когда въ молодости человѣку оставляется жизнь вмѣсто смерти, то лучезарная надежда снова посѣщаетъ сердце и приноситъ отраду. Все же, думалъ я, это не казематъ, не страшное для молодости одиночество каземата съ своими неумолимыми мыслями и представленіями; тутъ хотя по временамъ, но будетъ надъ головою чудное небо, куда мой взоръ уже мысленно привыкъ возлетать изъ глубины каземата; тутъ будетъ лучезарное солнце, прекрасныя облака; тутъ будетъ бездна воздуха, котораго не доставало въ казематѣ; тутъ будутъ товарищи, съ которыми мы будемъ вмѣстѣ дѣлить свою участь, которой горечь много усладится чрезъ это общеніе; тутъ будетъ дружба, сочувствіе, пріятныя умныя бесѣды, можетъ быть, религіозныя, которыя теперь для меня были самыми отрадными, словомъ, послѣ ожиданія смерти это было какъ бы воскресеніемъ для меня, молодаго, пылкаго, и всегда поэтически настроеннаго. Когда насъ вывели изъ залы, мы снова распрощались другъ съ другомъ, потому что насъ снова размѣстили по казематамъ; но едва только началась заря, снова вывели на какую-то площадь, гдѣ должно было совершиться исполненіе приговора, а несчастныхъ, осужденныхъ на смерть, повели на гласисъ, гдѣ были устроены висѣлицы. Но этого мы не видали, такъ какъ насъ, моряковъ, повели на берегъ, посадили въ арестантское закрытое судно, ввели въ каюту съ двумя маленькими окнами, съ желѣзными рѣшетками и мы поплыли въ Кронштадтъ, чтобы исполненіе приговора совершилось на флаг-

манскомъ кораблѣ. Еще прежде, нежели насъ заключили въ эту плавучую тюрьму, къ намъ на площади подошелъ Диовъ, бросился намъ на шею и со слезами на глазахъ сказалъ:

— «Братья Бѣляевы, простите ли вы мнѣ, вѣдь это я погубилъ васъ всѣхъ!»

— «Не будемъ вспоминать того, что было, сказали мы, и останемся друзьями, какими мы были».

На кораблѣ адмиралъ Кроунъ, у котораго мы служили прошлый годъ на томъ самомъ флагманскомъ кораблѣ «Сисой Великій» и который былъ очень расположенъ къ намъ, увидѣвъ насъ, судорожно сложилъ свои руки, поднялъ глаза къ небу, а потомъ прочелъ приговоръ. Затѣмъ надъ каждымъ изъ насъ были сломаны наши сабли, сняты наши сюртуки и потоплены въ морѣ, какъ мундиры сухопутно-военныхъ товарищей были преданы огню, такъ что мы могли сказать, что прошли огонь и воду. На насъ надѣли матроскіе буршлатики и, посадивъ въ ту же арестантскую лодку, повезли обратно въ крѣпость. На набережной судно зачѣмъ-то остановилось и тотчасъ собралась несметная толпа, въ которой многіе изъ нашихъ узнали своихъ родныхъ и знакомыхъ, но это только издали, такъ какъ лодка стояла по серединѣ Невы. Въ казематы мы вошли ночью и улеглись спать. На другой день, по голосу, мы съ братомъ узнали, что казематы наши были одинъ противъ другаго, а это давало намъ возможность разговаривать откровенно, но, конечно, больше по французски, такъ какъ могли быть подслушивающіе и вотъ что значитъ молодость и легкомысліе! мы съ братомъ хохотали до слезъ, чему бы вы думали? тому, что мы теперь были sans façon, что въ учебныхъ разговорахъ переводилось словомъ «безъ чиновъ».

Послѣ исполненія приговора намъ уже не давали казеннаго чаю, такъ какъ мы поступили на положеніе, вѣроятно, каторжныхъ. Но вдругъ, однажды, мнѣ и брату приносятъ большую корзинку съ сахаромъ, правильными кубиками наколотымъ или распиленнымъ; нѣсколько фунтовъ чаю и цѣлую корзину сахарныхъ сухарей и булочекъ; все это до самаго нашего отправленія въ Сибирь присылала намъ аккуратно незабвенная княгиня Варвара Сергѣевна Долгорукова, тогда уже возвратившаяся изъ за границы. Однажды даже, какъ намъ передалъ плацъ-адъютантъ, она пріѣзжала въ крѣпость, чтобъ видѣться съ нами, такъ какъ послѣ сентенціи роднымъ дозволялись свиданія при плацъ-маіорѣ и комендантѣ, но ей комендантъ отказалъ въ свиданіи, какъ не бывшей намъ родной, хотя по чувствамъ была такой родной, съ какой немногіе изъ кровныхъ могутъ срав-

ниться. Передъ отъѣздомъ въ Сибирь отъ нея же привозилъ мнѣ 200 руб. нашъ добрый пастырь и другъ заключенныхъ, покойный отецъ Петръ, казанскій протоіерей, но я не рѣшился принять денегъ, полагая, что при отправкѣ насъ станутъ обыскивать и будетъ спрошено, кто передалъ мнѣ деньги. Онъ отдалъ ихъ плацъ-маіору, который передалъ фельдъегерю на наши дорожные расходы.

Послѣ сентенціи, когда мы опять были заперты въ казематѣ, вдругъ отворяется моя дверь и входитъ отецъ Петръ съ чашей божественныхъ тайнъ, тѣла и крови Господней. Я палъ ницъ предъ этой дивной чашей нашего Спасителя. Онъ исповѣдалъ меня, далъ именемъ Господа разрѣшеніе моихъ грѣховъ и заблужденій и пріобщилъ св. тайнъ. О! съ какимъ чувствомъ повергся я во прахъ передъ этой божественной чашею! Съ какою любовью, съ какою благодарностью я принялъ эти чудные дары неизреченнаго милосердія, этотъ залогъ отпущенія грѣховъ и умиротворенія совѣсти; послѣ чего и дѣйствительно сердце исполнилось невозмутимаго покоя.

Между дорожными вещами, намъ присланными, были также ваточные шелковые нагрудники, на которыхъ я увидѣлъ что-то написанное чернилами. Написано было: «Александру Петровичу Олинька шила». Эти простыя слова тронули меня до глубины сердца. Олинька эта была горничной дѣвушкой у моихъ сестеръ, когда онѣ жили у княгини.

Послѣ сентенціи думали, что насъ сейчасъ отправятъ по назначенію, однакожъ мы долго оставались въ казаматахъ; но теперь противъ меня былъ братъ, а возлѣ полковникъ, теперь безъ чиновъ, Аврамовъ, бывшій командиръ казанскаго полка, прекрасной души человѣкъ, который иначе не обращался къ намъ съ братомъ какъ со словами mes enfants. Это уже были дни отрады. Мы были очень веселы и часто сообщали другъ другу довольно смѣшныя идеи и беззаботно смѣялись. Въ это время насъ снабжали столомъ даже лучшимъ прежняго, на деньги, присылаемыя извнѣ. Въ это время, послѣ пяти мѣсячнаго воздержанія, принесли и мнѣ трубку и табакъ, чего я былъ лишенъ въ теченіи 5-ти мѣсяцевъ. Часто приносили намъ книги. Мы прочли многіе романы Вальтеръ-Скотта и Купера по французски. Отъ души смѣялись надъ продѣлками Жильблаза, котораго герои были нарисованы однимъ изъ товарищей въ этой куртинѣ измаил. офиц. Гандебловымъ, съ которымъ мы были знакомы еще прежде.

Въ 12 часовъ 31-го декабря 1826-го года куранты проиграли свои обычныя заунывныя трели, а когда колоколъ пробилъ 12, раздался

голосъ Аврамова, поздравлявшій насъ съ новымъ годомъ. Отворилась дверь и, о чудо! передо мною стоялъ сторожъ съ кривою полузеленою рюмкой шампанскаго! Я уже упоминалъ, что послѣ сентенціи родственники платили за наше содержаніе и присылали все нужное; конечно, къ этому дню было прислано и шампанское.

Но эти отрадные дни заключенія продолжались не долго. Однажды какъ-то комендантъ вздумалъ пройти по корридорамъ, не заходя въ казематы. Вѣроятно, онъ ходилъ и часто, такъ какъ иногда слухъ уловлялъ какое-то таинственное шествіе по корридору, какой-то шопотъ, но въ этотъ разъ мы ничего не знали объ этомъ посѣщеніи и, на бѣду, что-то говорили съ братомъ; ночью является ко мнѣ крѣпостной офицеръ, бывшій помощникомъ плацъ-адъютанта, объявляетъ, что меня велѣно перевести въ другую куртину и вотъ снова разлучены и, можетъ быть, на вѣки! Крѣпко сжалось сердце, но дѣлать было нечего, какъ слѣдовать съ нимъ вмѣстѣ по дворамъ и переходамъ и войти въ другую клѣтку, гдѣ уже исчезала наша молодая беззаботная радость. Тутъ я уже просидѣлъ до самаго отъѣзда въ Сибирь.

Этотъ послѣдній казематъ былъ скучнѣе прежнихъ. Тутъ не было бульвара, какъ въ Невской куртинѣ и, вообще, разлука съ братомъ производила очень грустное настроеніе. Хотя участь наша была рѣшена, значитъ мучительная неизвѣстность изчезла, хотя намъ давали книги и между романами, помню, была принесена огромная книга: «Путешествіе къ святымъ мѣстамъ» Григоровича-Барскаго, которая доставила мнѣ много наслажденій, но все же казематъ давалъ себя чувствовать. Одиночное заключеніе, дѣствительно, ужасно. . . .

. . . .

Изъ собственнаго моего опыта, я убѣдился, что одиночное заключеніе страшнѣе смертной казни, окружающей какимъ-то ореоломъ даже безумнаго комуниста въ глазахъ толпы.....

Въ этомъ казематѣ я, однажды, услышалъ голосъ, басомъ пропѣвшій «je suis le capitaine de dragons», изъ чего я заключилъ, что это былъ А. И. Якубовичъ, но я не отвѣчалъ ему, опасаясь новаго перемѣщенія, еще худшаго. Отъ сторожа я только зналъ, что сидѣлъ въ этой куртинѣ, кромѣ Якубовича, офицеръ измайловскаго полка, кажется, Лапа, Вадковскій, другихъ не припомню.

Образъ жизни моей въ этомъ послѣднемъ казематѣ не измѣнился. Та же копоть изъ лампадки съ фонарнымъ масломъ, оставлявшимъ слѣды въ носу и легкихъ, тѣ же страшныя количествомъ блохи. Тѣ же

два часа ходьбы по каземату, обѣдъ, отдыхъ и чтеніе до ночи. Но все же тутъ было легче сравнительно съ заключеніемъ до рѣшенія нашей участи, такъ какъ меня поддерживала увѣренность скораго отправленія и, дѣйствительно, я тутъ просидѣлъ только январь мѣсяцъ 1827-го года.

А. П. Бѣляевъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

1825—1855 гг.

V [1]).

Изъ перваго, послѣ коронаціи императора Николая Павловича, петербургскаго зимняго «сезона» 1826—1827 г., я приведу разсказъ объ одномъ любительскомъ спектаклѣ въ честь графа Виктора Павловича Кочубея, бывшаго тогда однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ людей и предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Спектакль этотъ происходилъ передъ масляницей или на масляницѣ 1827 г., въ домѣ графа В. П. Кочубея, на Фонтанкѣ, близь Лѣтняго сада (гдѣ позже долго помѣщалось III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи), въ присутствіи хозяина и хозяйки дома и высшаго столичнаго общества. Въ спектаклѣ этомъ участвовали многія лица того же общества, только одного мужскаго пола, исполнявшія также и женскія роли, всѣ въ полумаскахъ (такъ какъ въ числѣ ихъ было на половину военныхъ, которымъ, по правиламъ военной службы, безъ масокъ играть было нельзя). Приготовленія къ этому спектаклю происходили задолго до него, на квартирахъ того, либо другаго изъ участвовавшихъ въ немъ лицъ. Программа спектакля была очень разнообразная, въ двухъ отдѣленіяхъ, съ антрактомъ, во время котораго одинъ изъ участниковъ, искусный въ фокусахъ, долженъ былъ производить ихъ передъ зрителями, пока

---

[1]) См. „Русская Старина" изд. 1880 г., т. XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890; т. XXX (январь), стр. 27—42.

прочіе должны были перемѣнять костюмы. 1-е отдѣленіе должно было состоять изъ отдѣльныхъ сценъ или монологовъ изъ трагедій, драммъ, комедій и водевилей, русскихъ и французскихъ, и изъ италіянскихъ оперъ; 2-е же отдѣленіе — изъ дивертисмента съ русскими танцами, въ мужскихъ и женскихъ русскихъ крестьянскихъ одеждахъ. Этимъ танцамъ училъ петербургской балетной труппы балетмейстеръ Огюстъ, особенно отличавшійся мастерскимъ исполненіемъ русскихъ театральныхъ танцовъ. Въ драмматическихъ сценахъ руководителями на репитиціяхъ отчасти были лучшіе актеры русской и французской труппъ. Музыкальный же оркестръ былъ отличный, принадлежавшій богачу Всеволожскому. Къ назначенному для спектакля вечеру, въ домѣ графа В. П. Кочубея были отведены двѣ большія комнаты, одна, окнами на Фонтанку — для самаго спектакля и зрителей его, а другая за нею, окнами на дворъ—для актеровъ и ихъ костюмированія. Изъ числа всѣхъ драмматическихъ и оперныхъ сценъ, назову слѣдующія: монологъ Димитрія Донскаго, изъ трагедіи того же имени, Озерова, произнесенный И. М. Донауровымъ (бывшимъ воспитанникомъ Царскосельскаго лицейскаго пансіона); нѣсколько сценъ изъ французскаго водевиля: «Les anglaises pour rire», въ которыхъ я и братъ мой Александръ представляли двухъ англичанокъ, говорившихъ и пѣвшихъ на исковерканномъ французскомъ языкѣ,—и 1-ю и 2-ю сцены интродукціи оперы Моцарта Донъ-Жуанъ, на италіянскомъ языкѣ. Въ этихъ послѣднихъ 2-хъ сценахъ роль Сганареля, слуги Донъ-Жуана, исполнялъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады поручикъ князь Сергій Григорьевичъ Голицынъ, извѣстный тогда въ обществѣ подъ названіемъ Ѳирса [1]); онъ былъ искусный пѣвецъ и имѣлъ хорошій го-

---

[1]) Любопытно происхожденіе этого названія. Сначала никто не понималъ, почему и отъ чего оно произошло; но потомъ оно объяснилось слѣдующимъ образомъ. Князь С. Г. Голицынъ былъ вхожъ въ домъ генералъ-адъютанта Чернышева (впослѣдствіи графа и князя) и почти домашнимъ человѣкомъ въ его семействѣ. Такъ какъ онъ былъ очень милый и любезный собесѣдникъ и притомъ пріятный пѣвецъ романсовъ и оперныхъ арій, то дѣти генерала Чернышева и прозвали его, въ шутку, Тирсисомъ (Thyrsis, по русски Ѳирсъ). Но какъ 14-го декабря, по русскимъ святцамъ, празднуется память св. мучениковъ Ѳирса и другихъ съ нимъ, то, при производствѣ слѣдствія надъ декабристами, возникло подозрѣніе, не имѣло-ли прозваніе Ѳирсъ какого нибудь соотношенія съ событіемъ 14 декабря 1825 г., и отъ князя С. Г. Голицына потребовано было объясненіе, которое и оказалось единственно означенною выше дѣтскою шуткой. Но это прозваніе съ тѣхъ

лось басъ. Роль Донъ-Жуана игралъ адъютантъ (чей—не помню) князь Василій Петровичъ Голицынъ, (извѣстный подъ названіемъ Васиньки и рябчика); онъ имѣлъ хорошій теноръ и хорошо пѣлъ, а роль Донъ-Жуана игралъ, не знаю почему и зачѣмъ, въ кавалергардскомъ красномъ мундирѣ! Роль Донны Анны игралъ Михаилъ Ивановичъ Глинка (извѣстный впослѣдствіи музыкальный композиторъ), въ бѣломъ пудръ-мантелѣ, въ женскомъ парикѣ съ распущенными волосами, что, при его небольшомъ ростѣ, представляло довольно забавную фигуру, но пѣлъ онъ, голосомъ контральто, очень хорошо. Наконецъ, роль командора, въ парикѣ, шляпѣ и черномъ домино, со шпагою въ рукѣ, игралъ и пѣлъ я (это партія баса и по испытаніи моего голоса, нашли возможнымъ партію эту поручить мнѣ). Послѣ поединка съ Донъ-Жуаномъ, раненый командоръ, упавъ, поетъ тріо съ Донъ-Жуаномъ и Донной Анной, и первыми словами его суть: «Ah! soccorso! son tradito! l'assassino! m'ha ferito»! (Ахъ! помогите! я впалъ въ измѣну! убійца ранилъ меня)! вслѣдствіе чего Өирсъ Голицынъ съ тѣхъ поръ называлъ меня, въ шутку, не иначе, какъ лососиной! Но забавнѣе всего было то, что по окончаніи тріо, Донъ Жуанъ и Донна Анна ушли, а я, убитый командоръ, лежу на полу и, вмѣсто того, чтобы встать и также уйти, жду, чтобы меня вынесли, дабы не нарушить эфекта, и наконецъ-то меня вынесли на рукахъ, при чемъ шляпа и парикъ съ меня упали, что возбудило смѣхъ. Прочихъ драматическихъ и оперныхъ сценъ не припомню, да и приведенныхъ мною достаточно для того, чтобы дать о нихъ понятіе. Вообще актеры играли и пѣли хорошо, но костюмы ихъ были не театральные, а довольно фантастическіе и нѣкоторые даже смѣшные. 1-е отдѣленіе продолжалось довольно долго. Въ антрактѣ между 1-мъ и 2-мъ отдѣленіями, фокусы, по образцу Пинетти, Боско и др., производилъ бывшій адъютантъ графа Милорадовича, а послѣ его смерти—преемника его, генералъ-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова, поручикъ Александръ Павловичъ Башуцкій, сынъ с.-петербургскаго коменданта, большой искусникъ въ такого рода фокусахъ, одѣтый индійскимъ фокусникомъ, въ полумаскѣ. Но особенно интереснымъ было 2-е отдѣленіе—дивертисементъ русскихъ танцовъ, въ

поръ осталось ему на цѣлую жизнь, подобно тому, какъ и прозваніе князя Василія Петровича Голицына, неизвѣстно почему, рябчикомъ, хотя онъ вовсе не былъ рябымъ. Кн. Н. С. Г.

русскихъ, мужскихъ и женскихъ, крестьянскихъ одеждахъ. Всѣ участвовавшіе въ спектаклѣ раздѣлены были на пары, которыхъ было до 20-ти, если не болѣе; въ каждой парѣ одинъ былъ въ мужской, а другой въ женской крестьянскихъ одеждахъ, конечно театральныхъ и щегольскихъ, особенно женскія — сарафаны съ кисейными рукавами и кокошники. Всѣ были въ полумаскахъ, исключая двухъ молодыхъ англичанъ, бывшихъ передъ тѣмъ на коронаціи, изъ которыхъ одинъ, Talbot, былъ очень высокаго роста, а другой, Russel, имѣлъ очень нѣжныя, почти женскія, и красивыя черты лица: оба они, какъ иностранцы, были безъ масокъ. Talbot былъ въ мужской крестьянской одеждѣ и шелъ въ парѣ съ М. И. Глинкой, который, въ противуположность ему, былъ гораздо меньше его ростомъ и одѣтъ въ женскую крестьянскую одежду, безъ маски. Russel же былъ одѣтъ также въ женскую крестьянскую одежду и совершенно походилъ на красивую русскую крестьянку. Дивертисементъ былъ открытъ польскимъ, въ которомъ всѣ пары прошли передъ зрителями нѣсколькими кругами взадъ и впередъ, а затѣмъ нѣкоторыя изъ паръ протанцовали отдѣльно русскую пляску такъ, какъ она танцовалась на театрѣ и какъ научилъ ей Огюстъ. Тѣмъ и заключился этотъ своеобразный любительскій спектакль, къ большому удовольствію присутствовавшихъ хозяина и хозяйки дома и лицъ высшаго петербургскаго общества. Затѣмъ всѣ актеры переодѣлись въ свои военныя и гражданскія одежды, и вечеръ кончился далеко за полночь бальными танцами.

VI.

Затѣмъ приведу нѣсколько подробностей о первыхъ же, по воцареніи императора Николая Павловича, Красносельскомъ лагерѣ и учебныхъ занятіяхъ войскъ гвардіи во время него. Тогда, какъ и впослѣдствіи, войска вступали въ лагерь 15-го іюня и оставались въ немъ до окончанія маневровъ 1-го августа. Еще за долго до 15-го іюня, послѣ Пасхи, Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ, въ сопровожденіи свитъ, генералитета и штабныхъ чиновъ, осматривали мѣстоположеніе Красносельскаго лагеря, и тогда-то Государь указалъ на мѣстѣ новое раздѣленіе лагеря на главный и авангардный, и приказалъ произвесть нужныя для того работы къ 15-му іюня. Въ маѣ же Государь производилъ въ Петербургѣ, частію на Царицыномъ лугу и частію на Семеновскомъ плацу, равно въ мѣстахъ загороднаго рас-

положенія войскъ, смотры полковъ. По этому поводу разскажу одинъ любопытный случай, происшедшій на смотру л.-гв. уланскаго полка въ Стрѣльнѣ, на учебномъ плацу, за тогдашнею почтовою станціей, находившеюся въ 2-хъ этажномъ каменномъ домѣ на углу Петергофскаго и Кипенскаго шоссе. Я былъ на этомъ смотру дежурнымъ при г. а. Нейдгардтѣ и свидѣтелемъ слѣдующаго: Государь скомандовалъ построеніе изъ полковой эскадронной колонны развернутаго строя въ указанномъ направленіи. Команда эта была повторена по начальству, до полковаго командира, ген.-маіора Олферьева, включительно. Но сильный вѣтеръ, дувшій въ это время, не дозволилъ всѣмъ эскадроннымъ командирамъ ясно разслушать команду и половина полка развернулась на право, а другая въ противную сторону на лѣво! Государь прогнѣвался и, скомандовавъ «съ плацу долой на конюшни»! уѣхалъ, поручивъ вел. кн. Михаилу Павловичу разобрать дѣло и взыскать съ виновныхъ. Великій князь, съ свитой генераловъ и Олферьевымъ, отправился въ верхнюю большую залу почтовой гостинницы, и здѣсь всею силой обрушился на бѣднаго Олферьева, который, по моему мнѣнію, ни тѣломъ, ни душой не былъ виноватъ въ томъ, что̀ чисто напроказилъ вѣтеръ. Замѣчу при этомъ, что ровно 4 года спустя, въ 1831 г., въ томъ же маѣ мѣсяцѣ, 14 числа, въ сраженіи при Остроленкѣ, тотъ же полкъ, подъ начальствомъ того же Олферьева, совершилъ чудеса храбрости, не сдѣлавъ ни малѣйшей ошибки въ строевомъ отношеніи, да и во всю войну того года всегда и вездѣ дѣйствовалъ съ величайшимъ отличіемъ.

Здѣсь считаю нужнымъ сказать, что въ 1827-мъ же году корпусъ офицеровъ, дотолѣ носившій названіе «Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части», получилъ очень справедливо, по примѣру «гвардейскаго генеральнаго штаба», вполнѣ подобающее ему названіе «генеральнаго штаба». А служившее дотолѣ разсадникомъ его «училище колонновожатыхъ» было упразднено, колонновожатымъ предоставлено право поступить, кому юнкерами, а кому и первыми офицерскими чинами, въ полки и части, имѣвшіе преимущества молодой гвардіи (т. е. безъ маіорскаго чина); для пополненія же генеральнаго штаба, къ нему стали прикомандировывать строевыхъ офицеровъ разныхъ родовъ оружія, и уже возникла мысль объ учрежденіи высшаго военно-учебнаго заведенія для приготовленія офицеровъ генеральнаго штаба (что̀ и было приведено въ исполненіе 5 лѣтъ спустя, въ 1832 г., учрежденіемъ и открытіемъ «императорской военной академіи»).

Въ Красносельскомъ лагерѣ 1827 г., при войскахъ гвардіи со-

стояли, сверхъ офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба, также нѣсколько прикомандированныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Я и мой пріятель Жемчужниковъ состояли при легкой гвардейской кавалерійской дивизіи ген.-ад. Петра Александровича Чичерина, онъ—дивизіоннымъ квартирмейстеромъ, а я—младшимъ офицеромъ, и мы участвовали съ этою дивизіей во всѣхъ ученьяхъ и потомъ въ маневрахъ. Чичеринъ началъ службу въ л.-гв. конномъ полку, былъ адъютантомъ великаго князя цесаревича Константина Павловича, впослѣдствіи командовалъ л.-гв. драгунскимъ полкомъ (нынѣ л.-гв. конногренадерскій) и сохранилъ мундиръ его. Это былъ въ своемъ родѣ оригиналъ, по крайней мѣрѣ на ученьяхъ и маневрахъ: среди стрѣльбы, пальбы и шумныхъ движеній кавалеріи и конной артиллеріи, онъ никакъ не могъ оставаться хладнокровнымъ, сердился, выходилъ изъ себя, бросая поводья, махалъ руками, гонялъ безъ милосердія своихъ адъютантовъ и особенно ординарцовъ отъ каждаго полка дивизіи. Разъ помню, что одинъ ординарецъ, посланный съ приказаніемъ, что-то перепуталъ; Чичеринъ распекъ его, послалъ снова и вмѣстѣ съ нимъ своего адъютанта, крича вслѣдъ ему: «Да скажите, чтобы впредь мнѣ не присылали такого Филипа!» Мы въ свитѣ съ трудомъ удержались отъ смѣха.

Всѣхъ ученій и маневровъ въ Красносельскомъ лагерѣ я описывать не буду, а скажу только, что они, впервые по воцареніи императора Николая Павловича, производились въ этомъ и въ слѣдующихъ годахъ, по новому порядку, установленному самимъ государемъ. На большія корпусныя ученья нерѣдко пріѣзжала императрица Александра Ѳеодоровна, въ открытомъ ландо, въ англійской упряжи съ жокеями, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ, также въ открытыхъ экипажахъ, и смотрѣла на ученья изъ царской палатки, разбитой на валикѣ, съ тѣхъ поръ называвшемся царскимъ. На этихъ же ученьяхъ, тамъ же, присутствовали и иностранные послы, невоенные—въ экипажахъ, а военные—верхомъ. Не помню, въ этомъ-ли 1827 году, или въ 1830-мъ, или въ 1832-мъ, (въ 1828—29—31 гг. гвардія была въ походахъ, а въ 1833 г. я уѣхалъ въ Букарештъ), на одномъ изъ такихъ ученій былъ слѣдующій забавный случай: императрица съ свитой и иностранные послы были на царскомъ валикѣ, а я съ 2-мя товарищами, верхомъ, стояли рядомъ, вдали отъ валика, по направленію къ Красному Селу. Вдругъ видимъ скачущаго передъ нами шагахъ въ 100, по полю, во весь опоръ, г.-а. графа Бенкендорфа, который кричитъ намъ: «Не видали-ли вы посланника Ландау?»—Такъ какъ мы никакого посланника

Ландау не только не видали, но и знали, что такого не было, то, приложивъ руки къ шляпамъ, отвѣта не дали. Бенкендорфъ разсердился, прокричалъ: «Чтожъ вы молчите?» и проскакалъ дальше. Что-же оказалось? онъ искалъ и спрашивалъ насъ о ландо посланника, но какого?—неизвѣстно!

О житьѣ-бытьѣ нашемъ въ Красномъ Селѣ во время лагеря скажу, что мы, штабные, жили въ крестьянскихъ домахъ, въ самой серединѣ села, около штаба и начальника его, Нейдгардта. Послѣдній уже тогда началъ возлагать на меня обязанность составлять на французскомъ языкѣ, по формамъ французской арміи, строевыя вѣдомости войскъ, подаваемыя, въ лагерѣ или на ученьяхъ, иностраннымъ принцамъ и военнымъ посланникамъ. Французскія формы такихъ вѣдомостей (état des troupes) я заимствовалъ изъ французскихъ военныхъ сочиненій, находившихся въ библіотекѣ главнаго штаба Е. И. В. За одну такую вѣдомость, непоспѣвшую во-время, по винѣ не моей, а дежурства, въ 1830 г. (когда въ лагерѣ былъ наслѣдный принцъ шведскій, впослѣдствіи король Оскаръ I), Нейдгардтъ посадилъ меня подъ арестъ, но черезъ полчаса освободилъ (первый и единственный въ моей службѣ случай ареста), вѣдомость же, по счастію, поспѣла во-время. Время наше проходило такъ: 6 дней въ недѣлѣ мы, какъ въ школѣ, учились по утрамъ и вечерамъ на военномъ полѣ, а въ промежуткахъ занимались штабными работами, обѣдали своею артелью и свободное время проводили въ своемъ кружку генеральнаго штаба. По субботамъ же, пополудни или вечеромъ, мы уѣзжали по очереди въ Петербургъ на Красносельскихъ извощикахъ, у кого не было своихъ экипажей и лошадей, а по воскресеньямъ ввечеру возвращались обратно. Послѣ большихъ маневровъ въ окрестностяхъ Краснаго Села, въ послѣднихъ числахъ іюля, на военномъ полѣ бывалъ общій парадъ всѣхъ войскъ, послѣ котораго онѣ расходились и лагерю былъ конецъ. Но въ 1827 г., оберъ-квартирмейстеръ нашъ, князь А. М. Голицынъ 1-й, назначилъ мнѣ, товарищу моему Фролову, и топографамъ гвардейскаго штаба, подъ руководствомъ гвардейскаго генеральнаго штаба капитана Брюммера, произвесть учебную инструментальную съемку военнаго поля и окрестностей его, что для насъ было очень полезно, такъ какъ мы на такихъ съемкахъ до того еще не бывали. На этой съемкѣ мы пробыли весь августъ мѣсяцъ, живя всѣ вмѣстѣ въ Красномъ Селѣ и цѣлое утро до обѣда проводя въ полѣ на работѣ, а вечеръ въ товарищеской бесѣдѣ. Красное Село въ это время, послѣ шума и движенія въ продолженіи лагеря, было пусто и тишина въ немъ невоз-

мутимая, и время въ немъ проведено было нами столько же пріятно, сколько и полезно.

По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, возобновилась обычная штабная служба наша, а въ концѣ осени начались уже приготовленія къ походу гвардіи за Дунай въ Турцію. На меня Нейдгардтъ началъ возлагать обязанности начальника 2-го отдѣленія квартирмейстерской части, которыя я съ тѣхъ поръ и исправлялъ въ походахъ 1828—29—31 гг. и въ 1830—1832 гг. въ Петербургѣ.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

LV [1]).

Приходскія церкви наши имѣютъ доходы отъ продажи восковыхъ свѣчей, отъ кошельковаго сбора, отъ частныхъ пожертвованій и, въ весьма не многихъ мѣстахъ, отъ оброчныхъ статей. На всѣ эти средства церковь содержится во всѣхъ своихъ частяхъ: ремонтируется самое зданіе, покупается ризница, книги и пр., и пр. Расходу требуется, иногда, столько, что средствъ ея не достаетъ на покрытіе самыхъ необходимыхъ нуждъ ея. Но, кромѣ расходовъ внутреннихъ, такъ сказать, она имѣетъ весьма значительные расходы на-сторону: 25%, по распоряженію св. синода; на содержаніе духовныхъ училищъ и устройство (въ Саратовской губерніи) общежитій при нихъ 17½%; на общественную больницу (земскую) 2%; на содержаніе миссіонеровъ: а) между язычниками имперіи, б) на Кавказѣ и в) мѣстныхъ и пр., и пр. Для церкви, особенно бѣдной, крайне тяжелы всѣ эти налоги. Священники и церковные старосты употребляютъ всѣ усилія и къ увеличенію доходовъ церкви, и къ сокращенію расходовъ ея.

Отъ церквей со всѣхъ сторонъ требуютъ отдѣленія ея доходовъ,— отдѣленія ея средствъ къ собственному ея существованію, и от-

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562 (три главы); т. XXV, стр. 457—492 (четыре главы); 609—636 (одна глава); томъ XXVI, стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494 (четырнадцать главъ); томъ XXVIII, стр. 144—145 (замѣтка); стр. 261—288 (четыре главы); 449—476 (одна глава); 667—708 (восемь главъ); т. XXIX, стр. 351—378 и 683—708 (семь главъ). Изд. 1881 г., т. XXX, стр. 43—90 (шесть главъ); 329—365 (пять главъ).

дѣленія весьма значительнаго; но никто, вѣроятно, не подумалъ: не провалилась-ли у самой церкви крыша, не разваливается-ли она сама? На состояніе самой церкви не обращается вниманія, — и церковь вноситъ. Всѣ, вѣроятно, полагаютъ, что церкви имѣютъ доходы неистощимые и настолько значительные, что могутъ отдѣлять отъ себя на всѣ чужія нужды. Но никто и никогда не потрудился спросить насъ—сельскихъ священниковъ и благочинныхъ: каковы доходы сельскихъ церквей? Никто изъ городскихъ и понятія не имѣетъ о холодѣ; но мы, дающіе другимъ отопленіе, мы въ нашихъ церквахъ буквально мерзнемъ отъ неимѣнія средствъ къ отопленію, не говоря уже о другихъ нуждахъ, которыхъ никто не пойметъ, еслибъ мы и сказали. Мнѣ, какъ благочинному, не разъ привозили отъ нѣкоторыхъ церквей, при годичныхъ отчетахъ, рубля по два—по три ржавленными грошами. Зачѣмъ вы привезли это, спрашиваешь священника и церковнаго старосту?

— „Все, что было у насъ, отвѣчаютъ мнѣ, мы привезли вамъ; смотрите: по вѣдомостямъ,—у насъ осталось 20 коп. и 10 фунтовъ свѣчъ на разторговлю“. Не рѣдкость совсѣмъ, если въ церкви имѣется только двѣ священническія ризы.

„Преобразованы“ училища; но при этомъ, мало того, что даны программы, назначено число предметовъ и преподавателей,—преподавателямъ назначено и количество жалованья; но денегъ не отпущено. Высшая власть средствами церквей и нашими карманами распорядилась по своему усмотрѣнію. Мало этого: являются уполномоченные на съѣздѣ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣти обучаются въ этихъ же училищахъ, наставники знаютъ это и подаютъ заявленіе о прибавкѣ имъ жалованья или единовременныхъ денежныхъ наградъ. Всѣмъ изъ уполномоченныхъ памятенъ случай, какъ былъ исключенъ сынъ священника Агринскаго за непріятное столкновеніе отца съ однимъ изъ наставниковъ семинаріи, явившимся на епархіальный съѣздъ за прибавкою жалованья! Боясь повторенія подобнаго случая, уполномоченные, скрѣпя сердце, прибавляютъ жалованье или даютъ единовременную награду.

Потребовалась въ училищѣ новая постройка, экстренная ремонтировка и т. под., уполномоченные нужную сумму раздѣляютъ на благочинническіе округа; округа раздѣляютъ по доходности церквей. Или просто: 10% съ доходовъ такого-то года. Въ какой церкви, по приходнымъ книгамъ, значится больше дохода, на ту

церковь налагается, конечно, больше и взноса, предполагая, что эта церковь состоятельнѣе. Такой порядокъ дѣлъ вынуждаетъ духовенство не всѣ поступающіе въ церковь доходы вносить въ приходныя книги. Эти суммы слывутъ подъ названіемъ „безгласной суммы". Но не вездѣ, однако-жъ, не всѣ суммы вносятся и не вездѣ имѣются безгласныя суммы. О существованіи ихъ можно только предполагать, но доказать невозможно.

Куда-жъ дѣваются эти деньги? Представляется надобность купить что нибудь: подсвѣчникъ и т. под., покупается и пишется: „пожертвованъ неизвѣстнымъ подсвѣчникъ". Собирается безгласной суммы достаточное количество; священникъ имѣетъ въ виду устроить новый иконостасъ, онъ и пишетъ на приходъ каждый мѣсяцъ: „собрано по приходу или пожертвовано неизвѣстнымъ на устройство новаго иконостаса 25—50 руб." и вноситъ ихъ въ банкъ. Такая сумма будетъ спеціальною, отъ нея нельзя уже взять ни въ св. синодъ, ни на училище и никуда на сторону. Собирается достаточная сумма, священникъ проситъ разрѣшенія устроить новый иконостасъ, указываетъ на свои спеціальныя средства, и консисторія разрѣшаетъ безъ всякихъ проволочекъ.

Всѣ церковные документы пишутся на печатныхъ бланкахъ, бланки высылаются изъ консисторій, по 3 к. за листъ; а незадолго до этого они были по 3½ к., между тѣмъ, какъ бланки для гражданскихъ присутственныхъ мѣстъ въ частныхъ типографіяхъ печатаются по полукопѣйкѣ и съ большимъ количествомъ графъ и буквъ. Изъ консисторій же церкви получаютъ и книги для записки прихода, расхода и брачныхъ обысковъ. За книгу листиковъ въ 20 консисторіи берутъ коп. 90, 1 р. и болѣе; тогда какъ, при собственномъ заготовленіи, она стоила бы не болѣе 25—30 к. Нынѣ уже не высылаются, но высылались очень недавно бланки никому и никогда не нужные, особенно, по такъ называемому прокурорскому отчету. Изъ нихъ есть такого рода: сколько при церкви больницъ, сколько монастырей и т. под. Такого рода свѣдѣнія требуются отъ благочиннаго бланкахъ на десяти, и ему нужно десять бланковъ, — по всѣмъ родамъ свѣдѣній по одному бланку въ годъ. Но консисторіи высылали, бывало, по 50—70 на каждую церковь, и за каждый бланкъ по 3 к. Пришлетъ консисторія тюкъ, рублей на 50, хоть волкомъ вой съ нимъ: священники не берутъ, а консисторія требуетъ деньги „полностію". На

силу упросишь священниковъ, на силу навяжешь, — и вышлешь деньги „полностію“. Консисторіи, конечно, есть расчетъ, если въ губерніи имѣется до 700 церквей; но церквамъ, которыя считаютъ капиталы свои ржавленными грошами, не хотѣлось бы дѣлать попусту и двухъ-рублеваго расходу. Доносишь консисторіи, что бланки не нужны, что ихъ никто не беретъ,—консисторія не отвѣчаетъ; но, мѣсяца черезъ три, предписываетъ представить деньги „полностію“. Случалось и такъ: высылаются какія нибудь книги съ предписаніемъ: „раздать по вашему усмотрѣнію“. Опять книгъ никто не беретъ, никому онѣ и не нужны, но продать нужно; ну, и начинаешь расхваливать, какъ торговка. При этомъ бывало и такъ: получаешь книги, въ указѣ значится 10 экземпляровъ, а получаешь только 8. Сколько угодно пиши и требуй; вамъ не отвѣтятъ, а деньги потребуютъ за 10. Нынѣ этого уже ничего нѣтъ, хотя было все это очень, очень недавно.

При ремонтировкахъ церквей, церковныхъ домовъ, устройствѣ новыхъ иконостасовъ и т. под. причтъ представляетъ благочинному смету; благочинный утверждаетъ; причтъ подаетъ ее при прошеніи преосвященному и проситъ разрѣшенія, какъ на самую работу, такъ на нужную для нея сумму, сбереженную церковію. Консисторія предписываетъ благочинному наблюдать за прочностью работъ, за точнымъ выполненіемъ сметы и, по окончаніи работъ, представить подробный отчетъ; но того, какихъ именно, въ дѣйствительности, церковь требуетъ исправленій, столько-ли нужно матеріалу и стоитъ-ли означенная работа тѣхъ денегъ, которыя положены въ сметѣ, и даже, нужно-ли производить означенную работу, не нужно-ли сократить ее или расширить, — объ этомъ консисторіи не имѣютъ и понятія. При такихъ порядкахъ можно испросить разрѣшенія суммы, и „Бога не боясь и человѣкъ не срамляясь“, построить себѣ домикъ, какъ дѣлается это, въ-частую, въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Представить отчетъ,— и консисторія будетъ довольна. Ей нужно только, чтобъ было спрошено разрѣшеніе и израсходованная сумма не превышала сметы. Если же сметной суммы окажется не достаточно, то консисторія разрѣшитъ и дополнительную. Ни нуждъ церкви, ни работъ она не видитъ. Но еслибъ даже и видѣла, то отъ этого церкви ни лучше, ни хуже не было бы, потому что

всѣ мы: мѣстный священникъ, благочинный, членъ консисторіи и преосвященный—вышли изъ однихъ техническихъ и инженерныхъ институтовъ, — всѣ мы не знаемъ ровно ничего по этой части. При сметахъ нашихъ бываетъ всегда такъ: что̀ подрядчикъ скажетъ, и за сколько съ нимъ священникъ порядится, то въ смету и положитъ: скажетъ подрядчикъ, что для починки крыши нужно 100 п. желѣза, окраски—10 п. масла и 4 п. мѣдянки и пр. и за работу 150 р., та̀къ священникъ внесетъ и въ смету, та̀къ утвердитъ и благочинный, та̀къ разрѣшитъ и преосвященный, въ этой суммѣ потребуетъ отчета и консисторія. Напиши священникъ, что на ту же самую работу нужно и матеріалу и рабочимъ вдвое больше,—преосвященный утвердитъ и это; напиши, что нужно въ четверо меньше,—утвердитъ и это. Словомъ: пиши, что угодно,—утверждено будетъ все одинаково. Но за то послѣ консисторія строго прослѣдитъ отчетъ, провѣритъ со сметой, и въ случаѣ превышенія расхода противу сметы, задастъ священнику такого жару, что не открестишься, не отмолишься никакими способами, — и штрафъ отдашь на бѣдное духовенство, и пожалуй прибавишь, подъ часъ, при этомъ не большую толику и не на бѣдное.

Консисторіи поручаютъ надзоръ за работами и потомъ свидѣтельство работъ благочиннымъ. Но благочинные въ работахъ ничего не смыслятъ сами; услѣдить, дѣйствительно-ли вышло матеріалу столько, что̀ внесено въ смету,—для этого нужно быть при работахъ и день, и ночь неотлучно; это, разумѣется, невозможно. Вызывать инженеровъ, — не по средствамъ церкви. Мастеровые иногда ошибаются сами, а иногда для того, чтобы втянуть въ поправку, показываютъ, при осмотрѣ ветхостей, нарочито матеріалу меньше того, что требуется на самомъ дѣлѣ. Отъ этого не рѣдко случается то, что матеріала недостаетъ въ срединѣ самыхъ работъ. Требовать разрѣшенія дополнительной сметы во время самыхъ работъ,—дѣло немыслимое, по той причинѣ, что его можно дождаться только къ слѣдующему лѣту; покупать матеріалъ выше сметы,—значитъ завѣдомо напрашиваться на штрафъ; оставить работу до слѣдующаго лѣта, положимъ, хоть бы полуоштукатуренною церковь, съ подмостками и лѣсами,—дѣло хуже штрафа. Въ такихъ обстоятельствахъ и выручаетъ безгласная сумма. Священникъ покупаетъ матеріалъ, производитъ работу,

отчетъ же отдаетъ въ той только суммѣ, какая означена въ сметѣ. Дѣло оканчивается тѣмъ, что и консисторія покойна, и работа произведена, и священникъ цѣлъ. Значитъ: всѣ эти сметы, разрѣшенія и свидѣтельствованія не имѣютъ ровно никакого смыслу, и служатъ только къ обремененію духовенства и униженію его. Отдавать работы на матеріалахъ самихъ подрядчиковъ духовенство не находитъ выгоднымъ, имѣя всегда предъ глазами дурныя казенныя постройки, производимыя подъ наблюденіемъ архитекторовъ.

Наше мнѣніе, по этому дѣлу, таково: священнику ввѣренъ приходъ, ввѣренъ и храмъ его. И по праву, и въ дѣйствительности онъ есть попечитель храма въ полномъ смыслѣ этого слова; у него есть помощникъ,—церковный староста (въ селахъ церковные старосты, лично, не имѣютъ никакого значенія: онъ не только не пріобрѣтетъ самъ ничего, но, въ большинствѣ случаевъ, за нимъ самимъ нуженъ надзоръ и надзоръ). Общими силами, по грошамъ, собираютъ они деньги; общими силами охраняютъ церковь отъ излишнихъ расходовъ; сама церковь принадлежитъ приходу. Никто, кромѣ прихожанъ, не построитъ церкви и не исправитъ ея ветхостей. Слѣдовательно, и нужно дать полную свободу дѣйствій въ ея ремонтировкахъ прихожанамъ же и во главѣ ихъ мѣстному священнику и довѣренному отъ прихожанъ, — церковному старостѣ. Постороннія лица, кто-бъ онѣ ни были, и сколько-бъ ни вмѣшивались въ дѣла церкви, никогда не могутъ принести ей ни малѣйшей пользы. Всѣ посторонніе радѣтели могутъ быть вполнѣ увѣренными, что болѣе приходскаго священника имъ не порадѣть. У всѣхъ на глазахъ: гдѣ священникъ дѣятеленъ и любитъ благолѣпіе храма,—на церковь всегда пріятно взглянуть, хотя приходъ и не отличается достаточностію; гдѣ же священникъ относится къ ней небрежно, — церковь всегда заброшена, хотя приходъ и достаточный; не помогутъ тутъ и консисторскія радѣнія. Многолѣтніе опыты доказали, что ни благочинный и ни консисторія не приносили, не приносятъ и не будутъ приносить, и не могутъ приносить ни малѣйшей пользы, сколько-бъ они ни выказывали своей заботы. Благочинный еще можетъ, иногда, собрать прихожанъ и повліять на нихъ въ исправленіи ветхостей церкви; можетъ повліять и при подрядѣ на работы и сбавить цѣны, но консисторіи сдѣлать въ пользу церкви не могутъ ровно ничего.

Священникамъ и церковнымъ старостамъ консисторія не довѣряетъ; но, при этомъ, она не обращаетъ вниманія на то, что ими же собраны и деньги, въ которыхъ она не довѣряетъ имъ. Деньги могли быть собраны, могли быть и не собраны и коль скоро собраны, то по одному уже этому названныя лица имѣютъ право на полное довѣріе въ расходѣ. Такое недовѣріе не можетъ не быть обиднымъ. Да, не въ обиду будь сказано, не консисторіямъ, разсылающимъ по нашимъ церквамъ ненужные бланки и книги, заботиться о нашихъ церквахъ!...

И такъ, повторяю, я нахожу справедливымъ дать полную свободу прихожанамъ, съ приходскимъ священникомъ во главѣ, ремонтировать свои церкви, какъ имъ угодно; консисторіямъ же, въ извѣстное время, сообщать къ свѣдѣнію. При устройствѣ новыхъ иконостасовъ, проектъ иконостаса долженъ быть предварительно представленъ епископу на разсмотрѣніе, и именно, въ тѣхъ видахъ, чтобы сохранить узаконенную временемъ ихъ форму.

LVI.

Священникъ есть учитель вѣры и нравственности народа, — лицо, испытанное епископомъ, лицо, которое онъ ставитъ въ іерея, „прилежно истязавше". Въ каждомъ священникѣ епископъ можетъ быть увѣреннымъ, и дѣйствительно на каждаго русскаго православнаго священника можно вполнѣ надѣяться, что онъ не будетъ проповѣдывать народу ни ереси, ни безнравственности и ничего, возмущающаго спокойствія государства. Можно вполнѣ надѣяться, что поученія его будутъ всегда согласны съ словомъ Божіимъ. Но, однакожъ, какъ къ поведенію его, такъ и къ слову его приставляется дозорщикъ, называемый цензоромъ. Если священникъ испытанъ и не подалъ повода подозрѣвать его въ нечистотѣ его вѣры, то зачѣмъ же дозорщикъ? Да онъ и смотритъ не за чистотою проповѣдуемыхъ имъ христіанскихъ истинъ; онъ смотритъ исключительно затѣмъ, чтобы слово его было написано красно, со всѣми правилами риторики. Цензоръ есть, ни болѣе ни менѣе, какъ школьный учитель, со всѣми пріемами школьнаго учителя, а священникъ и въ глазахъ своего начальства и цензора, есть школьникъ. Цензоръ не дозволитъ ничего пастырю церкви, какъ

мальчишкѣ, сказать: 1) рѣзко обличающаго пороки общества и 2) если слово его не отдѣлано по всѣмъ правиламъ искусства. Иной цензоръ пачкаетъ тетрадки священниковъ, какъ у послѣдняго мальчишки, забывая и о своемъ, и о пастырскомъ достоинствѣ священника. И почему? Потому только, что ему дано право выражать чужія мысли на свой ладъ, что ему кажется, что извѣстная мысль была бы выражена лучше такъ, какъ представляется это ему, безъ всякаго, конечно, на то доказательнаго основанія. При этомъ и выходятъ иногда презабавныя вещи, на которыя слѣдовало бы обижаться, еслибъ онѣ не были смѣшны. Однажды я подалъ свою проповѣдь цензору, городскому священнику, нынѣ протоіерею Л. Онъ измазалъ всю тетрадку такъ, что и взглянуть страшно. На другой годъ мнѣ, случайно, назначили проповѣдь на тотъ же самый день. Я переписалъ такъ, какъ была перемазана въ прошломъ году, и подалъ тому же Л. Но онъ изчеркалъ мою тетрадку еще хуже, чѣмъ въ прошломъ году,—не оставилъ въ ней живаго слова! То, что написалъ онъ самъ, въ прошломъ году, теперь зачеркнулъ и противъ своихъ же словъ наставилъ, по полямъ, замѣтокъ: „нескладно", „неясно", „повтореніе" и т. под. Вообще, можно бы только смѣяться надъ ребячествомъ нашихъ цензоровъ, всѣхъ безъ исключенія, но дѣло въ томъ, что они подаютъ о своихъ замѣчаніяхъ преосвященным, и этимъ можно навлечь непріятное о себѣ его мнѣніе. Это и заставляетъ нѣкоторыхъ священниковъ сидѣть цѣлые мѣсяцы надъ какимъ нибудь однимъ листомъ, много двумя. Не подумайте, что цензора наши какіе нибудь Массильоны? Ничуть не бывало, это народъ, учившійся на тѣ же мѣдные гроши, какъ и мы грѣшные. Въ одно время въ нашемъ городѣ былъ цензоромъ нѣкто А.; онъ теперь кандидатомъ, по крайней мѣрѣ въ его собственномъ воображеніи, на архіерея; онъ свои очередныя проповѣди или списывалъ съ печатныхъ цѣликомъ, или сшивалъ изъ разнаго тряпья. Но за то пачкать у другихъ куда-то былъ гораздъ! Цензора, за немногими исключеніями, въ самомъ дѣлѣ считаютъ себя какимъ-то особымъ народомъ и ужасно грубо обращаются не только съ молодыми священниками, но даже съ самыми почтенными старцами, которымъ школьничество совсѣмъ уже не по душевному ихъ состоянію. А такъ какъ безъ штрафовъ мы жить не можемъ, и штрафъ у насъ въ каждомъ дѣлѣ на первомъ планѣ, то и здѣсь

обойтись безъ него было бы обидно: „за нерадиво составленное очередное слово“ полагается штрафъ 3—4 р. Точно также налагается штрафъ за неподачу проповѣди совсѣмъ. Нѣкоторые священники и предпочитаютъ отдать 3 р. прямо, безъ хлопотъ,—тѣмъ болѣе, что не многіе изъ цензоровъ отказываются отъ рублевки или фунта чаю при пріемѣ проповѣди.

Если цензора наши существуютъ для перефразировки, пачканья и глумленія, то существованіе ихъ слишкомъ мелочно и унизительно не только для пастыря, но и для нихъ самихъ. Если необходимо требуется, чтобы ученіе о вѣрѣ и нравственности излагаемо было краснò, въ чемъ однакожъ ни истины вѣры и ни истины нравственности не нуждаются, то желающаго поступить во священники нужно пріучать къ этому въ семинаріи, но не тогда уже, когда онъ сдѣлался учителемъ народа. При томъ: въ городахъ, при архіерейскомъ служеніи, поученія говорятся лучшими, по умѣнью въ обработкѣ слова, проповѣдниками; но обратите вниманіе на присутствующихъ въ храмѣ: какъ только вынесли аналой, еще не извѣстно кто будетъ говорить и о чемъ онъ будетъ говорить, но вынесли, — и народъ бросился изъ церкви во всѣ двери! Вотъ ваши, проповѣдникъ, и труды! Васъ наградитъ своимъ присутствіемъ только самая не большая частица, и то—оставшаяся въ храмѣ не для васъ, а для принятія благословенія отъ епископа, при выходѣ его изъ церкви. Для деревень же городское слово нейдетъ уже совсѣмъ. У насъ чѣмъ проще, удобопонятнѣе и чѣмъ предметъ слова ближе къ жизни, тѣмъ лучше. А между тѣмъ каждый сельскій священникъ долженъ подать три проповѣди въ годъ на просмотръ благочинному. Этимъ путемъ и сельскихъ священниковъ заставляютъ корпѣть надъ обработкою поученій.

Наставники нашихъ семинарій, какъ горожане, совсѣмъ не знаютъ нашего простаго, деревенскаго народа, не знаютъ его потребностей, не знаютъ его языка и пониманія; не знаютъ того, что съ крестьянами нужно говорить не вычурно, — по городски, а просто, ясно и удобопонятно, какъ съ ребенкомъ, — тѣмъ языкомъ, которымъ говоритъ онъ. Нельзя употреблять оборотовъ рѣчи и словъ, въ которыхъ вы заранѣе не увѣрены, что васъ поймутъ. Иначе васъ не поймутъ, и слова ваши перетолкуютъ по-своему. Не зная и не обращая вниманія на младенческое состояніе народа, наставники, приготовляя учителей для народа, пріучаютъ

ихъ составлять поученія самымъ напыщеннымъ слогомъ. И былъ однажды такой случай: бывши въ богословскомъ классѣ, я пріѣхалъ, однажды, на каникулъ къ родственникамъ своимъ въ Самарскую губернію, въ село Глушицу. Въ день коронаціи Государя Императора мѣстный священникъ о. Михаихъ Церебровскій сталъ говорить проповѣдь и безпрестанно восклицалъ: „нашъ монархъ! Нашъ помазанникъ, монархъ"!... Послѣ обѣдни выхожу я изъ церкви, два знакомыхъ крестьянина подходятъ ко мнѣ и спрашиваютъ: „о какомъ это батюшка говорилъ помазанномъ монахѣ?" Значитъ, что бывшіе въ церкви изъ напыщенной проповѣди не поняли ни словинушка! Скажи священникъ, вмѣсто: Монархъ, Государь Императоръ,—это слово понялъ бы всякій. Тутъ виноваты и семинарія, и цензоръ. . . . .

. . . .

Если цензоры нужны для того, чтобъ мы не говорили ничего противъ вѣры, нравственности и правительства; то кто за нами слѣдитъ, и кто услѣдитъ, когда мы говоримъ съ народомъ „благовременнѣ и безвременнѣ?!" Мы имѣемъ тысячи случаевъ наговорить народу, и въ храмахъ и наединѣ, что намъ угодно, и мы говоримъ обо всемъ, что находимъ нужнымъ говорить, безо всякой цензуры и дозору. Если же бы кто захотѣлъ говорить что нибудь противное своему долгу, то, навѣрное, онъ не настолько тупъ, чтобы говорить это въ проповѣди, писанной по закону, на виду у начальства. Къ чему же цензоръ надъ тремя проповѣдями въ году, если безъ него мы имѣемъ право говорить ихъ сотни?! Если духовное начальство хочетъ заставить священниковъ этимъ способомъ писать поученія и цензоръ есть контролеръ, то оно должно знать, что священникъ, если не написать, то списать три проповѣди въ годъ можетъ всякій. Стало быть и здѣсь цѣль не достигается.

Вмѣсто того, чтобы гоняться за фразерствомъ, я нахожу, что полезнѣе было бы, чтобы воспитанники семинарій пріучались объяснять извѣстныя мѣста св. писанія и говорить поученія безъ всякихъ подготовокъ, „экспромптомъ". Пусть изложенія мыслей будутъ непослѣдовательны, пусть будетъ и языкъ необработанъ; но чтобъ говорилось ясно и удобопонятно. Такія поученія могли бы быть произносимы ими и при богослуженіяхъ. Простота слова не уронитъ достоинства св. вѣры и не унизитъ торжества бого-

служенія. Это главное. Второе: потребность въ цензорахъ пала бы сама собою, и въ третьихъ: у консисторій однимъ поводомъ къ штрафамъ меньше.

Читателю я, вѣроятно, надоѣлъ уже, толкуя безпрестанно о штрафахъ. Въ такомъ случаѣ вы, значитъ, не знаете нашей организаціи и нашихъ распорядковъ. Будьте тѣмъ, что мы, такъ хоть кого возьметъ горе и, поневолѣ, будешь толковать безпрестанно, и вы будете ко мнѣ снисходительны, испытавши на себѣ всю горечь нашей жизни. Представьте какое нибудь министерство, гдѣ кромѣ самаго министра и директоровъ департаментовъ,—начиная съ вице-директоровъ и кончая швейцаромъ, — были бы штрафованы всѣ до единаго,—всѣ безъ исключенія! Есть такое учрежденіе или присутственное мѣсто, гдѣ были бы штрафованы всѣ и проскользнулъ бы, развѣ, какъ нибудь, одинъ какой нибудь бабушкинъ внучекъ? Конечно, этого нигдѣ нѣтъ. Дѣйствительно нигдѣ и нѣтъ, потому что это возможно только у насъ. У меня, напримѣръ, въ округѣ, начиная съ меня — благочиннаго, и кончая послѣднимъ пономаремъ, штрафованы всѣ до единаго!... Не штрафованы только два священника, и то потому, что одинъ изъ нихъ священникомъ всего одинъ годъ; но, конечно, не надолго надышатъ и они. Точно такъ и по всей губерніи. Встрѣтившись на улицѣ, въ вагонѣ желѣзной дороги, гдѣ угодно, съ незнакомымъ вамъ священникомъ, спросите его: были вы штрафованы? Скажетъ: былъ.—За что? —Да я и самъ не помню теперь. За какія-то пустяки всѣмъ причтомъ мы заплатили трешницу.—И въ формулярахъ значится у васъ этотъ штрафъ? — Нѣтъ, это у насъ дѣлается отечески: „соймя рубашка вѣжливенько плетью съ наказаніемъ". Въ формуляры вносятся только тѣ штрафы, которые налагаются за вину; а эти налагаются, просто, для собственнаго удовольствія. Въ училищахъ насъ учителя пороли отъ скуки, для собственной потѣхи; а теперь консисторіи, для собственной же потѣхи,—штрафуютъ.— „Что же ваши преосвященные?" — У нашихъ преосвященныхъ столько дѣла, что они не всегда могутъ обращать строгое вниманіе на всѣ представляемыя имъ дѣла. Но еслибъ и обращали, то консисторія такъ разукраситъ штрафуемаго, что преосвященный невольно призадумается и скажетъ своему секретарю: „консисторія слишкомъ добра! Человѣка стоитъ повѣсить, а она только штрафуетъ!" И тотъ, пригнувшись, поддакнетъ: „да, ваше пр - во,

консисторія совсѣмъ распустила духовенство. Оно осмѣливается, даже печатно, выражать неудовольствіе консисторскими распоряженіями. Его слѣдовало бы немножко“...

Въ сельскомъ духовенствѣ и безъ того нужда страшная, оно брошено, унижено, задавлено; журналы и газеты кричать обществу, что духовенство „и тупо, и глупо, и безнравственно, имѣетъ развращающее вліяніе на народъ“. Тутъ намъ нужно бы позаботиться о себѣ, показать обществу, что мы совсѣмъ не то, какъ объ насъ думаютъ, что мы заслуживаемъ лучшей участи и бо̀льшихъ симпатій общества, — а мы позоримъ и душимъ сами себя! При такомъ положеніи дѣлъ трудно дойти духовенству до сознанія собственнаго достоинства и заслужить хорошее о себѣ мнѣніе въ обществѣ.

LVII.

Духовенство несетъ и подводныя повинности. По дѣламъ службы оно ѣздитъ къ благочинному, въ консисторію, въ земскія собранія, на собственный счетъ; даетъ подводы благочиннымъ и слѣдователямъ, хотя бы они ѣхали черезъ села духовенства совсѣмъ по чужимъ дѣламъ. Иногда кому нибудь изъ священниковъ поручается произвесть слѣдствіе о времени рожденія кого нибудь изъ крестьянъ, села за четыре отъ слѣдователя, — духовенство всѣхъ селъ, лежащихъ по пути, обязано давать ему подводы туда и обратно. Въ теченіе года приходится давать подводъ, иногда, не мало. Бывали и такіе случаи: по одному извѣстному намъ дѣлу, однажды, назначено было произвесть слѣдствіе надъ протоіереемъ гор. Балашева Цыпровскимъ члену консисторіи, протоіерею N. N. Городъ Балашевъ отъ консисторіи въ 240 верстахъ, мое селеніе въ 45 вер. По дорогѣ въ Балашевъ N. N. заѣхалъ ко мнѣ. Я далъ ему до ближайшаго села тройку лошадей; ему, въ знакъ моего особеннаго къ нему уваженія, какъ начальнику моему—члену консисторіи полуимперіалъ и дьячку его, состоявшему при немъ въ качествѣ писца и лакея, рублевку, — и мы распрощались. Чрезъ недѣлю мнѣ пришлось быть въ слободѣ Островахъ, верстахъ въ 50-ти отъ гор. Балашева, совершенно въ сторонѣ, тоже у благочиннаго Н. А. Цвѣткова. N. N. при мнѣ пріѣхалъ

туда. Онъ, значитъ, цѣлую недѣлю колесилъ по отдаленнымъ селамъ: былъ въ Руднѣ и въ Красномъ Яру (верстахъ въ 80-ти въ сторону), потомъ задѣлъ не только камышинскій, но и царицынскій уѣзды (верстъ 200 въ сторону). Онъ сдѣлалъ верстъ 500, если не больше, околесицы. Зачѣмъ же это? За тѣмъ, что много священниковъ и трусливѣе, и податливѣе меня. Мнѣ извѣстно, что онъ изъ Балашева ѣздилъ домой, не окончивши дѣла, два раза, и каждый разъ, туда и обратно, колесилъ по самымъ отдаленнымъ и болѣе богатымъ селамъ. Очень интересно было бы знать: чего стòитъ духовенству слѣдствіе надъ Цыпровскимъ?...

Случалось, что консисторіи, кому захотятъ удружить, посылаютъ къ благочиннымъ нарочныхъ съ предписаніемъ немедленно исполнить какое нибудь дѣло. Тутъ о. о. благочиннымъ приходилось поплатиться за весь путь, туда и обратно, уже не мало. Не подумайте, чтобы требуемыя дѣла были срочныя или особенной важности? Ни чуть не бывало,—пустяки. Это, просто; сюрпризъ,—въ видѣ особаго благоволенія.

Поѣздки слѣдователей и благочинныхъ составляютъ для духовества расходъ довольно значительный, особенно если слѣдователемъ не благочинный и не имѣющій отъ земской управы открытаго листа брать лошадей „за прогоны". Тогда ямщики берутъ коп. по 5 и даже по 10 на лошадь съ версты. За такіе прогоны мнѣ приводилось ѣздить не разъ. Иногда есть и подорожная „за прогоны", но ямщики ждутъ кого нибудь изъ чиновниковъ; тогда не повезутъ васъ ни за какіе прогоны, особенно если чиновникъ есть земецъ. Въ такомъ случаѣ духовенство везетъ на своихъ лошадяхъ, если держитъ ихъ. Но случается и такъ: лошади и есть, да кучера нѣтъ, — опять бѣда. Однажды я лѣтомъ, въ рабочую пору, пріѣхалъ въ большое малороссійское село Р. моего округа и кромѣ священника никого не было дома изъ мужчинъ во всемъ селеніи: причтъ въ полѣ, священниковъ работникъ въ полѣ, мужики всѣ въ полѣ, и дома однѣ бабы. Лошади у священника были дома, а мужика нигдѣ, ни одного. Мы съ батюшкой заложили тройку лошадей и усадили на козла хохлушку; экипажъ у меня былъ крытый, я закрылся кругомъ, присѣлъ къ уголку, чтобы никто не видѣлъ, кто ѣдетъ,—и валяй! Но съ дьячками на козлахъ мнѣ приходилось ѣздить не разъ. Это еще хуже, чѣмъ съ хохлушкой: тутъ ужъ, какъ ни прячься, всякій видитъ, что

ѣдетъ начальство и видитъ, какого сорту это начальство. Это дѣло,—совсѣмъ дрянь. Срамота,—глаза бы не глядѣли!

Несетъ духовенство и денежныя повинности: оно даетъ жалованье благочиннымъ на училищные и общеепархіальные съѣзды, письмоводителямъ попечительства о бѣдномъ духовенствѣ, даетъ на содержаніе духовныхъ мужскихъ и женскихъ училищъ, миссіонеровъ епархіи. Это платежъ опредѣленный и обязательный; но кромѣ ихъ есть, которые хотя считаются и необязательными, но отъ которыхъ духовенство отказываться не можетъ, напр., на бѣдное духовенство, на постройку гдѣ нибудь, внѣ Руси, храма; на бѣдныхъ учениковъ, отправляющихся въ академію и т. под. Въ подобныхъ случаяхъ не приказываютъ жертвовать непремѣнно, но только приказываютъ благочинному доводить до свѣдѣнія власти, кто и сколько пожертвуетъ. При такихъ отеческихъ предложеніяхъ благочинные свое дѣло знаютъ и, чтобы подслужиться, вынудятъ васъ дать, хотя бы вы давать и не желали. Такъ какъ число членовъ причтовъ при церквахъ не одинаково,—при однѣхъ церквахъ имѣется одинъ настоятель и одинъ псаломщикъ; при другихъ—настоятель и два псаломщика; при третьихъ—настоятель, помощникъ и два псаломщика, а налоги дѣлаются, вообще, на причтъ,—то и платежъ неодинаковый. Въ моемъ округѣ обязательный налогъ падаетъ по 15 р. на каждаго члена причтовъ въ годъ; по точному же разсчету, какъ идетъ это въ дѣйствительности, священникъ платитъ отъ 18 р. до 27 р. 30 к., псаломщикъ—отъ 6 р. до 9 р. 10 к. въ годъ. Поэтому священникъ несетъ налогу или платитъ податей изъ своего жалованья за два мѣсяца и девять съ половиною дней, а злосчастный пономарь за четыре мѣсяца и двадцать дней—каждогодно. Отдавши свое пятимѣсячное жалованье на жалованье другимъ, самъ онъ, съ женой и дѣтьми, долженъ жить на 2 р. 66 к. цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Ему приходится существовать на 44 к. въ мѣсяцъ. По нынѣшнимъ цѣнамъ на хлѣбъ, ту сумму, которою приходится довольствоваться пономарю, нужно увеличить, по крайней мѣрѣ, въ четыре раза, чтобы прокормить одну простую дворную собаку. Но, къ крайней скорби, злосчастному пономарю,—единственному чтецу и пѣвцу при нашемъ богослуженіи,—не достается и этихъ 44 к. Онѣ уйдутъ всѣ цѣликомъ на наемъ подводъ

должностнымъ лицамъ и на добровольныя пожертвованія. А если, на его истинную бѣду, онъ сдѣлаетъ ошибку при метрической записи, то задѣнетъ частицу жалованья, въ родѣ мѣсячнаго, въ уплату штрафа и изъ втораго полугодія. (Полнаго жалованья пономарю 1 р. 96 к. въ мѣс.).

Я сказалъ, что жизнь пономаря хуже собачьей. Сравненіе дикое, правда; но вникните въ жизнь пономаря: пусть общество посмотритъ на себя безпристрастно, лучше ли оно обращается съ пономаремъ, чѣмъ съ собакой? Обратите вниманіе: приходитъ священникъ съ крестомъ въ домъ барина: мнѣ подаютъ руку, пономарю нѣтъ, и, въ то же время, гладятъ собаку, ласкаютъ и, иногда, даже цѣлуютъ ее; садимся закусывать, собака тутъ же возлѣ ногъ хозяина, свою тарелку онъ отдаетъ ей,—а псаломщикъ-пономарь жмется въ передней гдѣ нибудь и ему тамъ подаютъ объѣдки отъ барскаго стола; о собакахъ часто говорятъ съ увлеченіемъ, приписываютъ имъ вышечеловѣческія достоинства,—о пономаряхъ—всегда съ гримасой на лицѣ и презрѣніемъ; о собакахъ заботятся всѣ, о пономаряхъ никто. Даже у нѣкоторыхъ священниковъ достаетъ совѣсти отнимать и утаивать часть ихъ доходовъ, тѣснить ихъ и дѣлать доносы. А если взять печать, то несчастные пономари,—это уже для нея не люди!

И послѣ этого хотятъ, чтобы мы дѣтей своихъ, послѣ того, какъ они утѣшали насъ своимъ трудомъ и успѣхами въ семинаріяхъ, посылали въ пономари?! Нѣтъ ужъ, благодаримъ покорно!

Наше жалованье, мало того, что такого нѣтъ нигдѣ, но оно и выдается намъ такъ, какъ нигдѣ. Мы получаемъ его изъ казначейства такимъ порядкомъ: благочинный долженъ представить въ консисторію, къ 1 іюля и 1 декабря, вѣдомости о томъ, при какой церкви сколько находилось наличныхъ членовъ причта въ теченіи полугода; сколько каждый членъ состоялъ на службѣ въ это время, и сколько кто долженъ получить жалованья. Консисторія строго наблюдаетъ, чтобы вѣдомости представляемы были въ опредѣленные сроки. Промедли благочинный два-три дня, и—консисторія сдѣлаетъ самое строгое внушеніе съ предупрежденіемъ, что если такая медленность окажется и на будущее время, то благочинный будетъ подвергнутъ строгому взысканію. Тутъ напоминается уже, значитъ, о неразлучномъ спутникѣ нашей

службы—штрафѣ. Проходитъ іюль,—духовенство начинаетъ толковать о жалованьѣ. Каждый, при встрѣчѣ съ другимъ, первымъ словомъ, спрашиваетъ: „что, жалованье выдаютъ“?—„Прытокъ больно! Развѣ можно теперь: іюль еще не прошелъ“. Прошелъ и іюль, наступилъ и августъ,—духовенство начинаетъ копошиться: нужно отправлять дѣтей въ училища, шить имъ рубашенки, шубенки и пр., доходовъ лѣтомъ нѣтъ совсѣмъ,—эхъ, какъ бы жалованье выдали теперь, толкуютъ всѣ!—„Что, жалованье получаютъ?“—Не слышно!—„Эко горе! Дѣтей скоро нужно везти, а денегъ нѣтъ ни копѣйки“! Это общій, повсюдный ропотъ. Везутъ дѣтей, идутъ въ казначейство одинъ, другой, десятый, тридцатый... Жалованья не выдаютъ. Казначей говоритъ, что не получено изъ консисторіи росписанія. Попы и дьячки надоѣли уже и казначею и онъ велѣлъ уже сторожу не допускать къ нему. Прошелъ и августъ, а жалованья нѣтъ да и нѣтъ. Духовенство уѣхало по домамъ. Пришелъ сентябрь, духовенство опять потянулось за жалованьемъ; но та же исторія: росписанія нѣтъ.

Являюсь, однажды, въ сентябрѣ я. Вхожу, ни слова не говорю никому и никого не спрашиваю, но сторожъ-солдатъ встаетъ и говоритъ:

— Жалованья еще не выдается, изъ консисторіи не получено росписанія.

— Тебѣ казначей велѣлъ говорить это всѣмъ попамъ?

— Никакъ нѣтъ-съ!

— Фу, какая гадость! Когда же это, наконецъ? пробормоталъ я себѣ.

— Не могемъ знать-съ! Надо подождать!

— Выхожу, въ дверяхъ попадается одинъ дьяконъ. Идите, говорю, назадъ, жалованье еще не выдается. Выходимъ на улицу, встрѣчается дьячекъ.

— Что, жалованье выдаютъ?

— Выдаютъ, говоритъ мой спутникъ, и хлопнулъ себя по карману. Дьячекъ сдѣлалъ, было, шагъ впередъ, но дьяконъ: оборачивай оглоблями-то назадъ! Ступай-ко лучше сперва выпей на свои, а казенное-то оставь до того года.

— Развѣ еще не выдаютъ? И при этомъ, выразительнымъ русскимъ словомъ, хватилъ самое задушевное благожеланіе консисторіи. Тутъ, о. діаконъ, не до выпивки! У сына въ училищѣ

тулупишка нѣтъ. Пойду въ консисторію справляться, казначей вретъ.

На дорогѣ попадается мнѣ одинъ знакомый священникъ. Завтра, говоритъ, будутъ выдавать жалованье! Нынѣ изъ консисторіи пошлютъ въ казначейство росписаніе. Я сейчасъ иду изъ консисторіи, тамъ набралось нашей братіи человѣкъ двадцать. Дѣло было за казначеемъ; вѣдомость давно написана, только подать бы въ присутствіе подписать. Мы приступили, просили-просили казначея, «а онъ сидитъ себѣ и только отгрызается: „намъ не до васъ, у насъ своихъ дѣлъ по горло!“ Мы и сговорились дать ему; обступили и начали просить его, сперва такъ, безъ денегъ, а онъ: „вы, отцы, дома хлѣбъ-то даровой ѣдите, у васъ ничто не куплено, только деньги откладываете себѣ; а тутъ купи всякую луковицу. Такъ надо честь знать: вы ѣдите, и другіе, тоже, ѣсть хотятъ». Мы ему и ну совать, кто полтинникъ, кто двугривенный, а дьячекъ N сунулъ 5 коп. Сейчасъ же засунулъ деньги въ столъ, вынулъ изъ подъ бумагъ дѣло и отнесъ въ присутствіе. «Завтра, говоритъ, можно будетъ получать». Не дай мы ему, окаянному, опять пришлось бы ѣхать домой съ пустыми руками. Я уже и такъ пріѣзжаю въ третій разъ. Денекъ теперь нужно подождать здѣсь; хоть и накладно, да все не то, что изъ дому ѣхать.

На другой день являемся человѣкъ тридцать, или около этого, въ казначейство. Казначей С....... (не припомню теперь его имени) не задерживалъ насъ: молча онъ выдавалъ жалованье всѣмъ тотчасъ, но за то всѣмъ не додавалъ по рублю. Слѣдуетъ получить, напр., на весь причтъ 126 руб. 42 к. С.....въ велитъ росписаться въ полученіи денегъ и прехладнокровно подкладываетъ 125 р. 42 к.

— Здѣсь рубля недостаетъ!

— Достаетъ! Отойдите, дайте мѣсто другому! И это скажетъ онъ самымъ покойнымъ тономъ, не глядя на васъ. Можете говорить ему, сколько угодно, можете горячиться, можете пригрозить жалобой.—это все равно. С.....въ, какъ камень, сидитъ неподвижно и отсчитываетъ деньги другому. Онъ хорошо зналъ, что жаловаться не пойдетъ никто. Недодовать всѣмъ по рублю,— это его было постоянное правило.

Нынѣ, при новомъ составѣ консисторіи, измѣнились нѣсколь-

ко и порядки: нынѣ консисторія, отославши вѣдомость въ казначейство, даетъ знать и благочиннымъ: кто и сколько долженъ получить жалованья; благочинный увѣдомляетъ духовенство; духовенство приноситъ ему свои довѣренности и отправляется въ казначейство. И нынѣшніе порядки не много избавляютъ духовенство отъ излишнихъ поѣздокъ, а главное,—жалованье, все-таки, получается вмѣсто іюля — въ сентябрѣ.

Всѣ люди, живущіе жалованьемъ, получаютъ его въ 20 числахъ; неужели нельзя устроить дѣло это точно также и съ нами? Неужели нельзя устроить, чтобы члены причтовъ получали жалованье по истеченіи каждаго мѣсяца, по удостовѣреніямъ благочинныхъ? Рубль, полученный въ то время, когда онъ особенно нуженъ,—дороже десяти.

LVIII.

Всѣ, имѣющіе форменную одежду, имѣютъ обязанность носить ее только во время отправленія ими служебныхъ обязанностей; въ свободное же отъ службы время они имѣютъ право одѣваться во что имъ угодно. И только исключеніе составляютъ въ этомъ одни представители двухъ крайнихъ предѣловъ человѣческой жизни: добра и зла, любви и вражды, мира и войны, жизни и смерти,—духовенство и военные. Одни они обязаны носить свою форменную одежду во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Неговоря о военныхъ, скажу о себѣ: почему общество требуетъ отъ насъ, чтобы мы всегда были въ форменной одеждѣ? Внѣ службы носятъ всѣ, что имъ угодно; почему же этой свободы общество не даетъ именно только намъ? Я не говорю уже того, почему мы, живя среди общества, не имѣемъ права носить и одежды общественной вообще (что, въ тѣхъ особенно случаяхъ, когда нашъ братъ-рясоносецъ является въ публичномъ мѣстѣ, малую толику хвативши горькаго, было бы очень кстати), нѣтъ, я говорю о томъ, почему мы, священники, не имѣемъ права являться въ публичное мѣсто или чужой домъ въ одномъ кафтанѣ или подрясникѣ,—безъ рясы? Приходишь, напр., въ домъ какого нибудь дворянина, чиновника или купца,—ты въ форменной одеждѣ, тоже что мундирѣ,—рясѣ и, пожалуй, со всѣми аттрибутами

твоего сана, а хозяинъ принимаетъ тебя въ какой нибудь куцовейкѣ — и ничего. Принимая меня у себя, онъ, точно также, идетъ и ко мнѣ въ чемъ ему угодно. Но приди къ нему я такъ, запросто, безъ рясы! Хозяинъ непремѣнно почтетъ это знакомъ неуваженія къ себѣ и обидится; а барыня приметъ это за кровное, потрясающее душу оскорбленіе.... Скажу примѣръ,—фактъ. Въ одномъ извѣстномъ мнѣ губернскомъ городѣ существуетъ до сихъ поръ одна старая барыня N. N.—барыня богатая. Теперь она слыветъ подъ именемъ „отставной мироносицы". Но прежде, когда послѣдними преосвященными эти должности не были еще упразднены и она состояла, такъ сказать, на дѣйствительной службѣ,—обивала своимъ шлейфомъ архіерейскіе пороги и донимала всѣхъ архіереевъ передачею имъ всѣхъ городскихъ сплетенъ,—она была барыня важная и съ большимъ значеніемъ для духовенства. Напротивъ ея дома былъ домъ приходскаго священника П. Н. С—ва. С—въ былъ человѣкъ необыкновенно кроткій и добрый, больной, магистръ академіи и профессоръ семинаріи, имѣвшій за городомъ свой садикъ и страстно любившій цвѣты. У одинокой старухи-барыни было въ домѣ, тоже, много цвѣтовъ. Барыня, какъ говорится, души не видѣла въ своемъ батюшкѣ и оказывала къ нему всѣ знаки своего благоволенія. С—въ ходилъ къ ней каждый день, а иногда и по два—по три раза, и, какъ любитель цвѣтовъ, ухаживалъ за ея цвѣтами. Однажды лѣтомъ, довольно рано утромъ, барыня, увидѣвши его въ окнѣ, вскричала ему черезъ улицу: „П. Н.! Идите ко мнѣ, у меня новые цвѣты". Тотъ, какъ былъ дома въ кафтанѣ, такъ и пошелъ къ ней. Приходитъ, — барыня фыркаетъ, злится. Онъ и туда, и сюда: гдѣ цвѣты? Барыня не говоритъ и мечется изъ угла въ уголъ, какъ угорѣлая. С—въ изумился, посмотрѣлъ—посмотрѣлъ и ушелъ. Въ 12 часовъ барыня въ карету и къ архіерею: „попъ обидѣлъ нынѣ: безъ рясы пришелъ ко мнѣ, не надо мнѣ его, возьмите, куда знаете! Мнѣ его не надо, не надо, не надо!"... И преосвященный перевелъ его, на другой же день, въ приходъ, несравненно худшій. Хотя С—въ настоялъ, и чрезъ мѣсяцъ былъ переведенъ въ другое мѣсто, въ законоучители института благородныхъ дѣвицъ; но, по его крайне разстроенному здоровью, это мѣсто ему было не по силамъ. Вотъ вамъ и рясы! Утромъ рано, когда барыня просила къ себѣ свя-

щенника, сама она, навѣрное, была растрепой; но это сама, а священникъ иди, все-таки, въ служебной формѣ...

Другой фактъ. Въ селѣ Агаревкѣ нашей губерніи былъ помѣщикъ, нѣкто М....вскій. У него былъ сынъ, мальчишка — шалопай, который, сдѣлавшись, послѣ смерти отца владѣльцемъ большаго отцовскаго имѣнія, промотался, сдѣлался буквально нищимъ и померъ въ общественной больницѣ. Въ Агаревку поступилъ во священники, въ то время, когда сынъ М.....вскаго былъ еще мальчишкой, мой товарищъ по семинаріи А. С. Д. М.....-скій пригласилъ молодаго священника учить своего недоросля, тотъ и ходилъ каждый день. Однажды старикъ М.....скій уѣхалъ въ городъ; а такъ какъ въ домѣ у него, кромѣ мальца, не осталось никого, то священникъ и пошелъ къ нему безъ рясы. Пріѣзжаетъ владѣлецъ прихода — М.....скій домой, сынокъ не далъ еще выдти ему изъ кареты, выбѣжалъ на крыльцо и началъ кричать на весь дворъ, со слезами на глазахъ: „папà, папà! Попъ приходилъ къ намъ безъ рясы"! М.....скій, на другой же день опять въ городъ,—и священникъ былъ переведенъ въ худшій, другой, приходъ.

Еще одинъ случай. Въ село Глядковку, моего округа, поступилъ нѣкогда во священника нѣкто В. И. В. прямо изъ семинаріи. В. пономарскій сынъ, бурсакъ, не видѣвшій и не слышавшій ни о какихъ свѣтскихъ требованіяхъ. Мѣсяца черезъ два по пріѣздѣ въ приходъ, зимой, однажды прислалъ за нимъ помѣщикъ просить его къ себѣ въ деревню служить всенощную. В. надѣлъ получше подрясникъ, шубу,—и отправился. Въ передней встрѣчаетъ его баринъ: „батюшка! Вы безъ рясы! Да развѣ это можно! У меня въ домѣ жена, своячина-дѣвица, какъ я васъ представлю? Нѣтъ, ужъ лучше ступайте опять домой, и всенощную отложимъ до другаго времени. Но только помните: безъ рясы ко мнѣ ни шагу въ домъ!"

Очень интересно было бы услышать отъ самаго общества: почему требуютъ отъ насъ, чтобъ мы были всегда въ форменной одеждѣ, когда люди, считающіе себя высокопоставленными, встрѣчаютъ насъ сами, нерѣдко, даже въ халатѣ и туфляхъ (подобныхъ случаевъ со мной бывало множество)? Почему люди требуютъ отъ насъ того, чего не исполняютъ сами?

LIX.

Всѣ жалуются на трудность поступленія въ учебныя заведенія: однихъ не принимаютъ по малолѣтству, другихъ по урослости, третьихъ по слабой подготовкѣ и, наконецъ, по неимѣнію вакансій.

Малолѣтство. Извѣстно, что по малолѣтству не принимаютъ и при самомъ поступленіи въ учебное заведеніе; но случается и такъ, что вначалѣ найдутъ мальчика не малолѣтнимъ и примутъ, а потомъ не переводятъ его „за малолѣтствомъ". Малолѣтство едва ли должно служить препятствіемъ къ поступленію въ учебныя заведенія. Въ подтвержденіе этого я скажу то, что было со мной. Старшіе мои два сына помѣщены были мною въ духовное училище, и, чрезъ годъ, должны были перейти въ семинарію; но младшему изъ нихъ было 10½ лѣтъ. Въ каникулъ, предъ переходомъ въ семинарію, онъ говоритъ мнѣ: „папаша! Говорятъ, что въ семинаріи очень трудно; что я не пойму, что будутъ преподавать тамъ и что я отстану отъ своихъ товарищей".

— Теперь ты считаешься лучшимъ ученикомъ?

— Да.

— Бо́льшая часть твоихъ товарищей и по способностямъ, и по прилежанію теперь хуже тебя?

— Да.

— Какимъ же образомъ выйдетъ такъ, что, чрезъ мѣсяцъ, когда вы перейдете въ семинарію, они всѣ вдругъ поумнѣютъ и лѣнивые сдѣлаются прилежными, а ты оглупѣешь; они будутъ все понимать, а ты не поймешь? Возможно это? Не безпокойся! Какими вы теперь, такими будете и въ слѣдующемъ классѣ; перехода изъ класса въ классъ вы и не замѣтите. Теперь ты хорошимъ ученикомъ,—хорошимъ и останешься.

Мальчуганъ мой ободрился и въ семинаріи учился безо всякихъ гувернеровъ, какъ и прежде, такъ что черезъ четыре года поступилъ въ институтъ инженеровъ путей сообщенія, гдѣ математику чуть не ѣдятъ съ кашей; во весь курсъ былъ тамъ, и окончилъ курсъ въ числѣ лучшихъ студентовъ и, слава Богу, здоровъ. При пріемѣ въ семинарію и институтъ на лѣта его не обратили вниманія. Стало быть, дѣло не въ лѣтахъ, а въ способностяхъ и прилежаніи.

Не переводить „за малолѣтствомъ“ мы находимъ дѣломъ совершенно не раціональнымъ. Вступительный экзаменъ мальчикъ сдаетъ не для одного года, но на весь учебный курсъ, и лѣта его должны быть принимаемы въ расчетъ не для одного года, но на весь курсъ. Училищное начальство, при пріемѣ мальчика, должно имѣть это въ виду. Но на дѣлѣ не рѣдко случается такъ, что сначала мальчикъ окажется, для заведенія, совершеннолѣтнимъ, а потомъ негоднымъ по молодости. Извѣстно, что по малолѣтству не переводятъ даже лучшихъ учениковъ, мотивируя это тѣмъ, что они не могутъ усвоять вполнѣ тѣхъ предметовъ, которые должны будутъ преподаваться имъ въ слѣдующемъ классѣ и что имъ будетъ трудно поспѣвать за своими товарищами, старшими по возрасту, и что непосильныя занятія вредно повліяютъ на ихъ здоровье. Если имѣется въ виду здоровье мальчика, то, конечно, такая забота была бы крайне желательна, но, признаться сказать, не вѣрится, чтобы педагоги, или, вообще, составители уставовъ заботились, хоть сколько нибудь, о здоровьѣ воспитываемаго ими юношества. Когда младшіе мои два сына были въ гимназіи, и пріѣдешь бывало навѣстить ихъ, то посидишь съ ними не много и уйдешь, чтобъ не мѣшать имъ заниматься. Посмотришь въ 12 ночи,—они еще сидятъ; утромъ встанешь рано, но они встали уже раньше тебя и опять сидятъ за книгами. И такъ изо-дня въ день. Тяжело, бывало, смотрѣть на непосильные уроки! О здоровьѣ тутъ и не думалъ никто. Виноваты тутъ наставники, лѣнясь заниматься въ классѣ и сдавая всю работу на домъ; но виноваты, также, и составители программъ. При такихъ непосильныхъ занятіяхъ здоровья останется не много у всякаго, будь ученикъ хоть бы и взрослый. Поэтому, если педагоги толкуютъ о здоровьѣ учениковъ, такъ это есть ложь: дѣло показываетъ, что о здоровьѣ никто и не думаетъ. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, посмотрите на любаго ученика семинаріи и гимназіи: много ли въ нихъ жизни? Но самое поразительное доказательство, какъ губится юношество, даетъ намъ медицинскій осмотръ Вятской гимназіи, гдѣ изъ 330 воспитанниковъ найдено здоровыми только 30. И не стыдно, послѣ этого, толковать о своихъ заботахъ о здоровьѣ?! Единственно хорошее, что намъ извѣстно, такъ это есть то, что въ той гимназіи, гдѣ были мои дѣти, въ перемѣны между классами, директоръ и инспекторъ заставляютъ учениковъ играть

на дворѣ. За это нельзя не отнестись къ нимъ съ полною благодарностію.

Не принимаютъ по урослости. Но какая урослость? Годомъ старше, противу устава. Но почему составители устава не приняли въ расчетъ, что въ жизни встрѣчается множество обстоятельствъ, не позволяющихъ помѣстить мальчика именно въ тѣ лѣта, въ какія они опредѣлили? Извѣстно, что не всѣ дѣти одинаково развиваются,—это первое. Второе: можетъ случиться, и по всей вѣроятности такихъ случаевъ множество, что мальчикъ годъ проболѣлъ; можетъ случиться, что онъ заболѣетъ именно въ тотъ мѣсяцъ, когда ему нужно явиться на экзаменъ, годъ пропалъ,—и карьера мальчика пропала на вѣкъ. Я слышалъ о такихъ случаяхъ: родители не имѣли, вначалѣ, возможности подготовить дѣтей своихъ: при всѣхъ стараніяхъ ихъ, они не могли найти себѣ учителя въ деревню; когда же онъ нашелся, и дѣти были подготовлены, то они оказались, на годъ, уросшими, — и пропали. Лично мнѣ извѣстенъ такой случай: родители употребляли всѣ силы подготовить мальчика и подготовили; но помѣстить его въ учебное заведеніе рѣшительно не находили средствъ, и мальчикъ жилъ дома. Вдругъ, сверхъ всякаго чаянія, средства открылись, отецъ и сынъ бросились въ заведеніе, но тамъ сказали имъ, что годъ мальчикъ переросъ и принятъ быть не можетъ. Пропалъ и этотъ.

Желательно было бы знать: почему въ извѣстный классъ принимаются дѣти только извѣстныхъ лѣтъ? Почему, напр., въ III классъ гимназіи 12-ти лѣтъ не принимаются по молодости. 15-ти по урослости? Почему тамъ могутъ быть именно только 13 и 14 лѣтніе? Чѣмъ отличается 12-й годъ отъ 13-го? Чѣмъ отличается второй классъ отъ третьяго? Греческимъ языкомъ? Неужели же греческій языкъ учить съ азбуки возможно именно только съ 13 до 14 лѣтъ,—ни раньше, ни позже, не дошелъ годъ,—нельзя, перешелъ годъ,—нельзя? Не понятно!

Составители уставовъ, надобно полагать, до послѣдней крайней точности узнали умственное и физическое развитіе человѣка, равно какъ и математически вѣрно извѣстно было имъ, что извѣстный отдѣлъ извѣстной науки можетъ быть изучаемъ только тогда, когда мальчику исполнится 13 лѣтъ; въ 15 лѣтъ это будетъ уже поздно, равно какъ и въ 12 будетъ рано. Согласитесь же, будьте безпристрастны, что это безсмыслица! Всѣмъ извѣст-

но множество такихъ людей, которые начали учиться не только что въ зрѣлыхъ, но даже въ перезрѣлыхъ лѣтахъ и которые, потомъ, сдѣлались историческими учеными людьми. Стало быть, и поэтому даже, нѣтъ разумнаго основанія не принимать мальчика по урослости, если онъ только достаточно для извѣстнаго класса подготовленъ и видны въ немъ способности и охота къ ученію.

Въ настоящее время для каждаго класса опредѣленъ извѣстный возрастъ. Вопросъ этотъ обдуманъ, нѣтъ сомнѣнія, всесторонне и опредѣленный уставами возрастъ найденъ самымъ соотвѣтствующимъ дѣлу обученія, именно, что только при этомъ возрастѣ юношество можетъ и легко и вполнѣ усвоять то, что преподается ему. Такъ. Но неугодно ли взглянуть въ любое учебное заведеніе, какъ идетъ тамъ дѣло? Взгляните хоть въ гимназію: первый классъ, основной и параллельный, по 40 человѣкъ—80; во второмъ и третьемъ тоже, по 80; но далѣе и далѣе: все меньше, меньше и меньше,—и созрѣютъ только 7. Куда же дѣвалась педагогическая премудрость?... На чьей душѣ и совѣсти должна лечь гибель этихъ несчастныхъ исключенныхъ?! Обыкновенно говорятъ: „нужна же какая нибудь норма". Но мы желали бы слышать при этомъ: для какой же цѣли?

Говорятъ, что непріятно смотрѣть, когда между мелюзгой сидитъ великанъ. Но въ такомъ случаѣ надобно выгонять всѣхъ великорослыхъ, хотя они были бы и молоды. Подборъ по росту бываетъ только въ войскахъ, и то неимѣющій ни малѣйшаго существеннаго значенія.

Уросшіе вредно вліяютъ на малолѣтнихъ? Но почему не предполагать благотворнаго вліянія? Почему предполагаютъ въ уросшихъ болѣе безнравственности? Квартируютъ же вмѣстѣ малолѣтніе съ взрослыми? Тамъ и хорошее, и дурное вліяніе могутъ проявляться несравненно сильнѣе.

Въ нашихъ духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ строго соблюдаются сроки. Въ семинаріи положено принимать отъ 14 до 16 лѣтъ; мальчика 17 лѣтъ не примутъ уже ни въ какомъ случаѣ „за урослостью", хотя оставшіеся тамъ на второй годъ бываютъ и 17 лѣтъ. Молодые люди употребляютъ всѣ усилія, чтобы пройти чрезъ училища и дойти до семинарій именно въ эти годы, иначе пропали на вѣки. Идетъ человѣкъ и употребляетъ всѣ силы, чтобы не засѣсть гдѣ нибудь на другой годъ, хотя бы то

по болѣзни. Иначе, для семинаріи, будетъ уже устарѣвшимъ и выгнанъ безъ всякой церемоніи. Наконецъ, юноша, послѣ всѣхъ усилій, окончилъ курсъ, прошелъ всѣ науки, нужныя для того, чтобъ быть священникомъ, и проситъ священническое мѣсто. „Ну, нѣтъ, говорятъ ему, этого нельзя, ты еще молодъ для того, чтобы поступить во священники, нужно, чтобы тебѣ было тридцать лѣтъ“. — Зачѣмъ же такъ подгоняли въ училищахъ и семинаріяхъ?—Это „для порядку“! Кромѣ того, тебѣ нужно „упостояниться“,—тебѣ нужно созрѣть нравственно, направить жизнь свою высоконравственными примѣрами,—тебѣ нужно до тридцатилѣтняго возраста идти въ пономари“.

Пономарство есть, дѣйствительно, вѣрнѣйшій способъ для усовершенствованія молодаго человѣка, но только въ чемъ? Во всевозможныхъ порокахъ и невыразимой нуждѣ и горѣ.

Въ самомъ дѣлѣ: окончившаго курсъ семинаріи находятъ молодымъ для должности священника; зачѣмъ же такъ подгоняютъ въ семинаріяхъ? Уставы о семинаріяхъ и о священничествѣ проходили чрезъ однѣ руки; какая же цѣль: оканчивать курсъ молодымъ, а во священники поступать старымъ? Чтобы придти уже въ возрастъ „мужа совершенна“? И поэтому, чтобы сдѣлаться достойнымъ пастыремъ, нужно усвоить всѣ качества пономаря? Сдѣлано не дурно! Такой чести ни одному пономарю, и во хмѣлю, во снѣ не грезилось.

Если пономарство нужно для того, чтобы прошелъ юношескій пылъ, то въ училищахъ нашихъ и семинаріяхъ такіе порядки, что онъ проходитъ и безъ пономарства.

Со времени введенія новыхъ уставовъ времени прошло уже достаточно для того, чтобы взглянуть на результаты положеній,—взглянуть: дѣйствительно ли оканчивающіе курсъ семинаріи нравственно молоды для священства и дѣйствительно ли бывшіе въ пономаряхъ священники лучше старыхъ, поступившихъ во священники прямо изъ семинарій?

Я, состоящій самъ среди сельскаго духовенства и имѣющій своею обязанностію наблюдать за его нравственнымъ состояніемъ, утверждаю положительно, что молодые люди въ пономаряхъ нравственно гибнутъ. Соображая же дѣйствительность съ постановленіемъ правительства, намъ неминуемо приходится сдѣлать выводъ такого рода: чтобы къ 30 лѣтнему возрасту сдѣлаться вы-

соконравственнымъ пастыремъ стада Христова, для этого нужно лѣтъ 8—10 потаскаться сперва по всѣмъ трущобамъ; другими словами: чтобы быть хорошимъ, нужно сперва сдѣлаться негодяемъ. А такъ какъ пономарствомъ въ дѣйствительности достигается одно первое, а между тѣмъ правительству желательно, чтобы во священники поступали въ возрастѣ 30 лѣтъ или около этого, то необходимо уничтожить правило о лѣтахъ въ училищахъ и семинаріяхъ.

Въ учебныя заведенія не принимаютъ по недостаточной подготовкѣ. Слабая подготовка для непринятія въ заведеніе есть причина вполнѣ основательная. Но гг. экзаменаторы могутъ ли сказать по совѣсти, что въ нѣсколько минутъ испытанія они узнаютъ ученика вполнѣ? Всѣмъ извѣстно, извѣстно это и педагогамъ, что часто бываетъ, что экзаменующійся можетъ хорошо отвѣтить только вопроса на два-на три; ихъ-то, случайно, его и спросятъ,— и получается хорошій баллъ. Случается и наоборотъ: на два-на три отвѣтить не могъ, опять, случайно, спросили его,—и пропалъ. Поэтому пріемные экзамены должны быть самые снисходительные, потому что случайность здѣсь—дѣло обыкновенное. Въ наше время списки ученикамъ составлялись не по алфавиту, а по успѣхамъ, и ученики дѣлились на три разряда. На выпускной экзаменъ, по догматическому богословію, пріѣхалъ къ намъ преосвященный Аѳанасій (Дроздовъ). Между моими товарищами былъ нѣкто Ѳ. Танаисовъ. Въ спискахъ по всѣмъ предметамъ онъ писался ниже средины втораго разряда и, бывши пѣвчимъ архіерейскаго хора, часто не ходилъ и въ классъ. На экзаменѣ ему попался одинъ вопросъ,—онъ и началъ рѣзать, какъ „Отче нашъ". Не давши дочитать до конца, преосвященный закричалъ: „ректоръ! чего ты смотришь?" Ректоръ встрепенулся и смотритъ: что такое? „Я спрашиваю тебя: чего ты смотришь? Смотри, какъ отвѣчаетъ Танаисовъ, а между тѣмъ онъ записанъ во второй разрядъ. Ты долженъ знать, что Танаисовъ несетъ двойные труды, онъ и учится хорошо, и у меня въ пѣвчихъ. А тебѣ все равно, ты и не видишь этого!" И, не давши Танаисову дочитать, своей рукой записалъ его въ первый разрядъ. Но, на самомъ-то дѣлѣ, Танаисовъ почти только и зналъ то, что спросили его, и зналъ-то, взубрячку, безъ толку.

Въ нашихъ духовныхъ училищахъ, на переводныхъ экзаме-

нахъ, тоже строгость страшная: изъ 40 человѣкъ 1-го класса едва доползаетъ до послѣдняго одинъ какой нибудь десятокъ, а то и того меньше. Можно было бы предполагать, что это лучшіе ученики и въ семинарію поступятъ всѣ; но, однакоже, при переходѣ въ семинарію, имъ дается такой экзаменъ, что человѣкъ изъ 40 явившихся, училищъ изъ 5—6, принимается человѣкъ 6—7, только. И не подумайте, что принимаются лучшіе? Ничуть не бывало: семинаріи не имѣютъ довѣрія къ училищнымъ свидѣтельствамъ и, благодаря, случайнымъ отвѣтамъ, часто принимаются худшіе. Это извѣстно намъ положительно.

Намъ извѣстны нѣкоторыя семинаріи, гдѣ, на пріемныхъ экзаменахъ, поступаютъ съ учениками, просто, безчеловѣчно: мальчикамъ не оказываютъ ни малѣйшаго чувства состраданія; для гг. преподавателей-экзаменаторовъ мальчики—это не люди, а стадо барановъ. Сколько горя, сколько слезъ прольется и тутъ, и по домамъ этихъ несчастныхъ! Изъ 30—40 человѣкъ, перестрадавшихъ училищные порядки, примутся 6—7 человѣкъ,—и стонетъ все духовенство: одни оплакиваютъ участь дѣтей, другіе сочувствуютъ ихъ горю... Но, зато, намъ извѣстны такія семинаріи, что въ то время, когда 25—30 семействъ льютъ слезы,—мать-протопопица, супруга о. ректора семинаріи, выказываетъ свои заботы о больныхъ въ семинарской больницѣ. Какая фальшь, какая маскировка, какое непониманіе общества! Духовенству въ тысячи разъ пріятнѣе было бы, если бы мать протопопица сидѣла дома и смотрѣла за собственными своими дѣтьми, но мужъ ея, о. ректоръ, не заставлялъ лить слезы цѣлыя сотни семействъ и не пускалъ по міру цѣлыя сотни несчастныхъ дѣтей. Напускной заботливостью зла не прикроешь и обществу глазъ не отведешь: оно хорошо видитъ фальшь этого дѣла. Тутъ дѣлается именно противъ пословицы: снявши голову, плачутъ надъ волосами,—сотни убьютъ, и десять приласкаютъ!

Семинарское начальство, набравши себѣ, по случайнымъ отвѣтамъ на экзаменахъ, худшихъ учениковъ, бьется съ ними потомъ и составляетъ дурное мнѣніе объ училищномъ преподаваніи вообще и на слѣдующихъ экзаменахъ дѣлается еще строже, еще безпощаднѣе,—и дѣти гибнутъ.

Если учителя въ училищахъ дѣйствительно дурны, то кто же опять виноватъ въ этомъ, какъ не тѣ же семинаріи, изъ которыхъ

воспитанники поступаютъ въ наставники училищъ?! Слезы всѣхъ опять-таки падаютъ на тѣ же семинаріи, если онѣ не съумѣли или не постарались подготовить лучшихъ наставниковъ, лучшихъ подготовителей для ихъ собственныхъ же трудовъ. Но чѣмъ же виноваты здѣсь мы, чѣмъ виноваты наши дѣти!!..

Цѣль училищъ и семинарій одна: приготовлять юношество для духовнаго званія; программы училищъ принаровлены къ программамъ семинарій; наставниками училищъ люди, вышедшіе изъ семинарій и знающіе требованія семинарій; наставникамъ семинарій всѣ они извѣстны лично, какъ бывшіе ихъ ученики; поэтому я нахожу справедливымъ, чтобы семинаріи имѣли довѣріе къ училищамъ и учениковъ училищъ принимали къ себѣ безъ экзаменовъ, по однимъ училищнымъ свидѣтельствамъ, —чтобы училищныя свидѣтельства для семинарій были то же, что гимназическіе аттестаты зрѣлости для высшихъ учебныхъ заведеній. Одно то, что изъ 40 мальчиковъ перваго класса училища оканчиваетъ курсъ только 6 — 7, одно это хорошо уже показываетъ, что училищная жизнь прошла дѣтямъ не даромъ; что ихъ тамъ, тоже, жалѣли не много, что они могутъ быть принимаемы въ семинаріи по однѣмъ училищнымъ свидѣтельствамъ. Да и стòитъ ли семинаріямъ слишкомъ много заботиться объ обширныхъ и основательныхъ позналіяхъ своихъ учениковъ, кромѣ богословской науки? Жизнь сельскаго священника есть жизнь нищаго, бьющагося весь свой вѣкъ изъ-за куска хлѣба, гдѣ мы перезабываемъ все; нищета убиваетъ насъ съ перваго дня вступленія въ должность. Правда, что въ семинаріяхъ внушали намъ и о терпѣніи; но тогда мы не понимали жизни и принимали къ сердцу; но теперь смѣшно читать внушенія юношеству о терпѣніи, когда говорятъ о немъ люди, не имѣющіе даже и понятія ни о холодѣ, ни о голодѣ.

Экзаменамъ дается всюду рѣшающеее значеніе; но еслибы гг. смотрители училищъ, ректора и директора среднихъ учебныхъ заведеній каждодневно посѣщали ввѣренныя имъ заведенія, слѣдили бы за преподавателями и учениками, бывали, по временамъ, и члены совѣтовъ (въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ), тогда начальники заведеній знали бы учениковъ и учителей, какъ самихъ себя. Еслибъ они взяли себѣ въ образецъ покойнаго директора кадетскаго корпуса, о которомъ я встрѣтилъ воспоминанія въ «Русской

Старинѣ», который каждый день бывалъ во всѣхъ классахъ, тогда и наставники не ходили бы въ классы за четверть часа до конца класса, а высиживали бы полный часъ, и ученики готовились бы къ каждому классу и были бы внимательнѣе къ словамъ наставниковъ; тогда экзамены были бы совершенно лишни, тѣмъ болѣе, что экзамены никогда не давали и не могутъ давать вѣрной оцѣнки и только мучатъ учениковъ; случайности же дѣлаютъ многихъ несчастными.

Теперь, иногда, случается такъ: какой нибудь инвалидъ переходитъ на своемъ вѣку всѣ мытарства свѣта,—перебываетъ и на морѣ, и за моремъ, добьется, наконецъ, чрезъ задніе ходы, мѣста начальника учебнаго заведенія и думаетъ, что онъ добился теперь полнаго покою,—и спитъ себѣ старецъ отъ 7 до 7 часовъ, прихватитъ, пожалуй, часокъ-другой и днемъ; или другой проигрываетъ цѣлыя ночи въ карты; и тотъ, и другой подберетъ себѣ партію прихвостниковъ, тѣснитъ тѣхъ, которые не подлизываются къ нему и, за этими трудами, ждетъ-недождется каждый мѣсяцъ 20 числа. А тамъ, что̀ дѣлается въ заведеніи, ему и горя мало. Половины учениковъ онъ не знаетъ и по фамиліи. При такомъ ходѣ дѣла экзамены, конечно, необходимы. Слѣди начальникъ за каждымъ ученикомъ, изучи его,—тогда отъ случайностей на экзаменахъ юношество не гибло бы. Каждый внимательный наставникъ учениковъ своихъ знаетъ; для кого же теперь экзамены нужны? Исключительно для одного начальника заведенія. Изучи же и онъ ученика, тогда они совершенно лишни. Какихъ болѣзней, и нравственныхъ и физическихъ, избавилось бы юношество, какъ были бы благодарны отцы и матери!... А тѣ мѣсяцы, которые уходятъ теперь на подготовки къ экзаменамъ, могли бы быть съ пользою употреблены на болѣе полное изученіе предмета.

Правда, теперь на экзаменахъ бываетъ еще третье, какъ бы постороннее лицо,—ассистентъ; но это такое лицо, которое давно пора бы прогнать съ экзаменовъ. Дѣло въ томъ: учителя вездѣ дѣлятся на двѣ партіи: на партію прихвостниковъ, подлизовъ, и на партію оппозиціонную, дорожащую своимъ человѣческимъ достоинствомъ. Если въ ассистенты попалъ человѣкъ одной партіи съ учителемъ, то онъ ставитъ баллы тѣ же, какіе ставитъ и учитель; если же онъ партіи противной, то врагу своему онъ мститъ на ученикахъ,—и юношество гибнетъ, за грѣхи другихъ, непо-

винно. Экзамены необходимы только въ случаяхъ несогласія начальника заведенія съ наставникомъ,—когда одинъ изъ нихъ находитъ ученика достойнымъ перевода въ слѣдующій классъ, другой—нѣтъ. Пусть тутъ данъ будетъ экзаменъ, но только не при одномъ ассистентѣ, а при участіи большинства всѣхъ наставниковъ.

Въ учебныя заведенія не принимаютъ по неимѣнію вакансій. Не говоря уже о томъ, почему положено имѣть въ классахъ по 40 человѣкъ, но не по 30 или 50, мы желали бы знать: для какой цѣли установлены штаты вообще?

Учебныя заведенія суть учрежденія, имѣющія цѣлію общественное благосостояніе. Стало быть: чѣмъ болѣе различныхъ учебныхъ заведеній и чѣмъ болѣе обучающихся въ нихъ, тѣмъ болѣе общество, такъ сказать, вбираетъ въ себя полезныхъ дѣятелей и тѣмъ болѣе, поэтому, возвышается его благосостояніе. И самые дѣятели, получивши возможность быть полезными себѣ и другимъ, увеличиваютъ собою и число людей, возвышающихъ это общественное благосостояніе и число людей, способныхъ устроить и свое собственное благополучіе. Слѣдовательно, люди, коимъ ввѣрена забота объ общественномъ благосостояніи, всѣми мѣрами должны заботиться объ общественномъ просвѣщеніи, т. е. и объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній, и объ увеличеніи числа обучающагося въ нихъ юношества. Такія заботы о благосостояніи общества правительство наше оказывало со времени основанія нашего государства. Благодаря неусыпнымъ отеческимъ заботамъ нашихъ государей, отечество наше, не смотря на свою политическую молодость, не смотря на страшныя бѣдствія отъ удѣльной неурядицы, татарщины, самозванщины, войнъ и подобное, вошло въ составъ европейскихъ государствъ и догнало ихъ своимъ просвѣщеніемъ. Потребность къ просвѣщенію явилась всюду, даже между низшими классами общества; всеобщая воинская повинность, съ своими льготами за науку, подвинула потребность къ образованію еще болѣе, словомъ: что бы ни было причиною, но всѣ бросились къ образованію,—и учебныя заведенія наполнились. Но вотъ вдругъ Господь, вѣроятно, за грѣхи наши, насылаетъ, какъ чуму, положеніе о штатахъ! Число учащейся молодежи сразу ополовинѣло. Ближайшіе руководители просвѣщенія тотчасъ поняли, что̀ нужно главному двигателю просвѣщенія, под-

хватили его мысль, и высказали такую жестокость къ юношеству, что въ немилосердіи своемъ превзошли даже его,—они не стали принимать въ учебныя заведенія даже и того небольшаго числа, какое допущено положеніемъ. Если же гдѣ, по необходимости, дѣтей и принимали, то, въ срединѣ курса, выгоняли ихъ, подъ предлогомъ неуспѣшности, и такимъ образомъ масса несчастныхъ гасла тысячами. Стонали отцы, вопили матери, плакали дѣти... И—явилась масса несчастныхъ, масса недовольныхъ! Министерство народнаго просвѣщенія сдѣлалось министерствомъ народнаго омраченія: омрачился свѣтлый русскій умъ,—недовольные явились, какъ очумленные,—и явилась масса такихъ ужасовъ, которые никогда не могли бы придти и на умъ любящему свое отечество русскому человѣку... Не даромъ съ такимъ восторгомъ общество встрѣтило новаго двигателя просвѣщенія, не даромъ успокоились разомъ и всѣ недовольные. Общество увѣрено, что дѣти его гибнуть болѣе не будутъ. Отъ всей души желаемъ, чтобы надежды общества не обманулись.

Въ видахъ общественной пользы, въ видахъ успокоенія родителей и счастія дѣтей крайне было бы желательно, чтобы положеніе о штатахъ было уничтожено.

Если теперь въ семинаріяхъ нашихъ не занято три четверти даже штатныхъ мѣстъ, то мы увѣрены, что, съ уничтоженіемъ положеній, въ служащемъ духовенствѣ—о пономарствѣ, и въ семинаріяхъ—о штатахъ, семинаріи наполнятся скоро. Если теперь ученики не принимаются и выгоняются, какъ бы за неуспѣшностью, то это такое пустое дѣло, на которое не стоитъ обращать и вниманія: мы увѣрены, что тѣ же начальники учебныхъ заведеній, которые теперь находятъ мальчика слабымъ, завтра же найдутъ его вполнѣ достойнымъ, потому что эти люди не смотрятъ въ святцы сами, они только прислушиваются, въ какой колоколъ звонятъ на колокольнѣ.

Педагоги, обыкновенно, говорятъ, что, при большомъ количествѣ учениковъ въ классѣ, не возможно слѣдить за ихъ успѣхами: приходится рѣдко спрашивать учениковъ, они опускаютъ уроки и пр. Но мы на это скажемъ: въ наше время въ семинаріи всѣ классы раздѣлялись на два отдѣленія, и въ богословскомъ классѣ насъ окончило курсъ по 83 человѣка, въ отдѣленіи—166 человѣкъ. И списки составлялись по успѣхамъ чрезвычайно вѣрно,

обиженъ не былъ никто. Правда, труда наставнику больше; но ради тѣхъ несчастныхъ, которые за стѣнами классовъ оплакиваютъ горькую свою участь и проклинаютъ день появленія своего на свѣтъ, ради слезъ ихъ родителей, почему немного и не прибавить труда? Облегчить участь несчастныхъ,—дѣло выше всякаго труда. Притомъ: провинціальныя учебныя заведенія не то, что столичные университеты, куда стекается юношество со всѣхъ концовъ государства. Здѣсь у насъ слишкомъ большаго стеченія учениковъ и быть не можетъ; оно всегда будетъ ограничиваться только мѣстнымъ населеніемъ; лишній же десятокъ учениковъ не стѣснитъ никого и ничѣмъ, что прежде и было.

Мы совершенно согласны, что, при небольшемъ количествѣ учениковъ въ классахъ, удобнѣе заниматься и для наставниковъ, и для учениковъ, но если въ первомъ классѣ 80 учениковъ, а въ послѣднемъ только 10, то справедливо-ли, для удобства и счастія 10-ти, выгнать и дѣлать несчастными 70? Въ наше время, когда классныя комнаты наши были переполнены народомъ, были у насъ ученики и слабые, и хорошіе; но хорошіе были и настолько хороши, что, не окончивши курса, сдавали экзамены и поступали въ университеты. Ректоръ нашей семинаріи, каждый разъ, какъ только ученики, по окончаніи курса, поступятъ въ духовную академію, получалъ или благодарность, или награду за хорошихъ учениковъ. Стало быть, количество учениковъ не имѣетъ того вреднаго вліянія на успѣхи, какое обыкновенно приписываютъ ему. Намъ желательно было бы слышать: теперь, при такомъ маломъ количествѣ учениковъ, всѣ они отборные, лучшіе ученики и наставники вполнѣ довольны ими, все это геніи? Навѣрное, что изъ числа выгнанныхъ были бы, на половину, если не лучше, то и не хуже тѣхъ, которые удержались до окончанія курса. Между тѣмъ они погибли и для себя, и для общества!..

Не такъ давно мнѣ пришлось слышать еще одно мнѣніе: въ 1879 году изъ Петербурга въ нашъ край пріѣхало одно высокопоставленное лицо, и оказало честь мнѣ: сдѣлало мнѣ визитъ. Въ разговорѣ о штатахъ по учебнымъ заведеніямъ, гость мой выразилъ мнѣ свое мнѣніе такъ: „предложеніе больше требованія. Всѣ лѣзутъ въ ученые, но государству совсѣмъ не нужно такого огромнаго множества ученыхъ. Наплоди ихъ государство, и тогда бѣда съ ними: всѣ потребуютъ мѣстъ, всѣ захотятъ жить какъ

нибудь по легче. Мы, скажутъ, народъ ученый, ремесла никакого не знаемъ, давай намъ мѣсто! Мѣстъ, между тѣмъ, нѣтъ,— и пойдутъ интриги, ропотъ, недовольство. Государство переполнится празднымъ, неспособнымъ ни къ какому труду народомъ, а правительство и возись съ нимъ? Представьте себѣ, что на базаръ привезли столько картофеля, что онъ никому уже не нуженъ; ну, мужикъ, и вези назадъ, и дѣвай его, куда знаешь. Сгнилъ онъ дома,—это его дѣло. Такъ поступаетъ и государство: наѣхало со всѣхъ сторонъ тысячи въ университеты, привалило въ гимназіи и прогимназіи и пр. — государство отобрало себѣ, сколько ему нужно, а остальные ступай, куда знаешь. Нельзя же давать ученыя степени всѣмъ, кто захочетъ. Тогда всѣ и мужики захотятъ быть учеными, докторами, философами".

— Мнѣ кажется на оборотъ: если картофеля привезли на базаръ слишкомъ много, то онъ понизится только въ цѣнѣ; но, за то, его раскупятъ бѣдняки, и будутъ сыты. Теперь докторовъ, напр., до того мало, что когда открылась война, появилась чума, то даже столицы принялись за студентовъ, студенты потребовались и для войска; а для бѣднаго класса они недоступны ни въ какое время. Будь же ихъ въ пять, въ десять разъ больше, чѣмъ теперь, то они вмѣсто 25 р. за визитъ, были бы рады брать и по рублю,—и бѣдные люди пользовались бы ихъ помощью. Правительство должно заботиться обо всѣхъ одинаково; взявши однихъ, нельзя же давать гибнуть и другимъ. Дайте возможность человѣку пріобрѣтать себѣ пропитаніе, онъ къ вамъ и не полѣзетъ. Ученый вездѣ найдетъ себѣ мѣсто и хлѣбъ. Бѣда не съ учеными, а съ недоучками.

— Не безпокойтесь! Правительство хорошо обсудило это дѣло.

— Но куда же дѣваться съ дѣтьми намъ, отцамъ?

— Надобно находить другой родъ жизни, кромѣ ученой.

— Въ поденщики?

Онъ засмѣялся.

— А развѣ поденщикъ менѣе полезенъ обществу, чѣмъ ученый!

— Конечно, говорю я, вы говорите это не о своихъ дѣтяхъ? Гость мой улыбнулся,—и разговоръ нашъ перешелъ на другую тему.

Не принимаютъ по тѣснотѣ классныхъ помѣщеній. Не распространяясь много, скажу: какъ было бы отрадно, еслибъ люди,

взявшіе на себя обязанности образованія юношества, проникнуты были тѣмъ же человѣческимъ чувствомъ, какое выразилъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ директору техническаго училища: „пусть потѣснятся“!

Очень нерѣдко бываетъ, что изъ учебныхъ заведеній исключаются за невзносъ за слушаніе лекцій. Но если юноша изъ-за невзноса оставляетъ даже заведеніе и, стало быть, теряетъ всю надежду на лучшую свою будущность, то это значитъ, что оставить заведеніе его заставляетъ крайняя нужда, что онъ слишкомъ уже бѣденъ. Почему бы такимъ несчастнымъ не дѣлать снисхожденія и не прощать имъ ихъ долга?! По выходѣ изъ учебнаго заведенія этихъ несчастныхъ, заведеніе не прекращаетъ же своего существованія? Стало быть, оно также можетъ существовать и въ то время, когда они находились бы тамъ, не внесши опредѣленной суммы. И взносъ, и невзносъ немногихъ не имѣютъ ровно никакого вліянія на заведеніе. Было бы человѣколюбиво, если бы молодымъ людямъ дана была возможность продолжать науки, и взносъ, если уже не простить совсѣмъ, то отложить до полученія мѣста, по окончаніи курса. Взыскать можно всегда, гдѣ бы кто ни служилъ. Какъ тяжелъ этотъ взносъ,—это я знаю по себѣ, когда мнѣ, въ одно время, пришлось вносить за двоихъ сыновей въ Петербургѣ и за двоихъ въ мѣстной гимназіи.

LX.

Благочинные и священники бываютъ депутатами при производствѣ слѣдствій гражданскими чиновниками, дѣлаютъ дознанія и производятъ слѣдствія сами. И все это имѣетъ свои особенности.

Въ началѣ 1850-хъ годовъ, около Саратова, развились грабежи и разбои до того, что не было ни проходу, и ни проѣзду ни днемъ ни ночью. Въ одинъ годъ, въ это время, ограблено было три церкви, ближайшія къ городу, моего округа; при одной изъ нихъ зарѣзаны сторожъ и жена его, при другой зарѣзанъ сторожъ, при третьей сторожъ убитъ. Такъ какъ совсѣмъ не было проѣзда, ни покою окрестнымъ деревенскимъ жителямъ, то во многихъ мѣстахъ, около Саратова, по дорогамъ, были поставлены пикеты изъ казаковъ, но казаки, какъ говорили тогда, грабили еще больше, такъ что пикеты ихъ были скоро сняты.

Саратовъ стоитъ на правомъ берегу Волги, окруженный высокими горами съ обрывами, глубокими оврагами, поросшими лѣсомъ и густымъ кустарникомъ. Ущелья горъ всегда были притономъ всякаго сброду. Всѣ знали, что и теперь грабители скрываются тамъ же; но найти ихъ было не легко, потому что горы и лѣсъ идутъ вдоль Волги широкою полосою и, кромѣ того, караульщики садовъ и раскольническіе скиты по ущельямъ горъ всегда, волей-неволей, укрывали бродягъ и оказывали имъ содѣйствіе. Чтобы найти ихъ, взято было двѣ роты солдатъ и болѣе 3,000 мужиковъ изъ окрестныхъ селеній, и сдѣлана облава. Отъ начала горъ,—мужскаго монастыря,—облавщики растянулись верстъ на 10 къ селу Разбоевщинѣ (подъ горой, возлѣ лѣса) и пошли по горамъ и оврагамъ по направленію вдоль Волги. Возовъ десять найдено было по оврагамъ разнаго хламу: крестьянскихъ полушубковъ, чапановъ, рубахъ, сарафановъ и т. под. и даже такого тряпья, которое годилось развѣ только на бумажныя фабрики; но людей не найдено никого. Въ одной только избенкѣ захватили одного человѣка, который, увидя народъ, бросился въ окно, завязъ въ немъ и былъ пойманъ. Въ с. Разбоевщину (по преданію: разбойническій станъ) привезли все, найденное въ лѣсу, пойманнаго человѣка и прислали за мной, какъ за благочиннымъ, для присутствованія при снятіи показанія отъ пойманнаго. Пріѣзжаю, и вижу на дворѣ огромныя кучи разнаго хламу; исправникъ Серапіонъ Петровичъ Васильевъ, становой приставъ, чиновникъ, не припомню теперь, кто онъ былъ, и писаря дѣлаютъ опись хламу. Исправникъ и приставъ были со мной коротко знакомы. Тотчасъ при мнѣ вывели изъ конюшни закованнаго по рукамъ и по ногамъ арестанта. Арестантъ,—это былъ такой богатырь, что я не видывалъ въ жизнь свою ни прежде, ни послѣ ничего, даже подобнаго ему: цѣлою четвертью выше трехъ аршинъ ростомъ, плечистый, мускулистый, съ умнымъ лицомъ, гордой осанкой,—это слонъ передъ нами! Лапищи,—два кулака самыхъ здоровенныхъ мужиковъ, не стоили одной его лапы. Глядѣть любо, что это за-мужичина. Въѣзжая квартира, гдѣ мы были, состояла изъ двухъ избъ, соединенныхъ общими сѣнями. Въ переднюю вошли мы, туда же ввели арестанта, а за нимъ вошло человѣкъ около двадцати десятскихъ. Исправникъ былъ чело-

вѣкъ совершенно безволосый, маленькій, кругленькій и по поясъ арестанту.

— Ты, скотина, кто такой,—спрашиваетъ исправникъ арестанта?

— Я человѣкъ, а не скотина.

— Мы всѣ люди, и я человѣкъ. Тебя спрашиваютъ не о томъ.

— Ну, ты человѣкъ! Какой же ты человѣкъ! Если я скотина, то ты крысенокъ, да еще безхвостый!

Вспыхнулъ, вспрыгнулъ исправникъ, поднялъ кулачишки и забѣгалъ около него: „убью! убью!" Уморительно было смотрѣть: ну, точно шпанскій пѣтушишка ерошился около гуся! Бѣгаетъ, кричитъ: убью, а тотъ стоитъ, посматриваетъ на него внизъ и ухмыляется.

— Слушай, исправникъ, что ли, кто ты тамъ такой, я не знаю, но я говорю тебѣ: если ты ударишь меня, то я такъ щелкну тебя, что ты, въ другой разъ, не ударишь ужъ никого.

Арестантъ говоритъ, а тотъ себѣ пѣтушится: убью, убью! Насилу-то, наконецъ, угомонился блюститель порядка, сѣлъ и сталъ спрашивать: кто, откуда и пр., но на всѣ вопросы былъ одинъ отвѣтъ: „не помню".

Васильевъ и говоритъ намъ: „теперь до васъ дѣла нѣтъ, пожалуйте въ ту избу",—и мы всѣ трое ушли въ ту избу, что черезъ сѣни.

Слышимъ: у исправника возня: стукъ, трескъ, крикъ, а визгъ исправника покрываетъ всѣхъ: ломай его, крути!... На минуту все умолкло и вдругъ отчаянный, крѣпкій голосъ: а!.. а!... Потомъ, минутъ на десять, все смолкло. Приходитъ писарь и проситъ насъ къ исправнику. Входимъ, и исправникъ читаетъ намъ, что арестантъ объявилъ, что онъ бѣглый солдатъ N. N. полка, зовутъ его...

— Я тебѣ не говорилъ ничего! А я всѣмъ вамъ заявляю, что исправникъ велѣлъ повалить меня, самъ надѣлъ мнѣ на голову петлю изъ веревки и сталъ палкой ее крутить. Я свѣту Божьяго не взвидѣлъ, глаза повыскакали было, голова чуть ни треснула. Вотъ онъ рубецъ-то какой на лбу. У меня голова болитъ теперь на смерть. Онъ удушилъ, было, меня, я заявляю вамъ, я буду жаловаться. Можетъ быть, что нибудь въ безпамятствѣ и сказалъ, я не помню, но я не бѣглый солдатъ.

Исправникъ опять затопалъ, запрыгалъ и потомъ говоритъ намъ: „ну, теперь я допросовъ дѣлать ему болѣе не буду; теперь поговорю съ нимъ такъ, наединѣ, а вы ступайте всѣ въ ту избу". Но лишь только мы вышли, какъ за нами изнутри заперли дверь.

Не успѣли мы войти въ свою избу, какъ у исправника поднялась возня опять. Съ полчаса была возня и раза три были отчаянные крики арестанта. Потомъ все смолкло и слышно было только, по временамъ: о!.. о!.. Около квартиры нашей толпилось все село. Спустя съ часъ писарь позвалъ насъ къ исправнику. Входимъ—арестантъ сидитъ въ углу, весь въ крови, привалившись къ стѣнѣ.

— Смотри, отецъ, что исправникъ сдѣлалъ со мной; гляди-ко мои руки и ноги! Онъ велѣлъ сперва стянуть мнѣ руки веревкой, выше локтей, назадъ, и крутить палкой. Руки впереди въ кандалахъ, а онъ крутитъ ихъ назадъ. Совсѣмъ переломалъ, было, кости!

— Врешь! Никто тебя не трогалъ!

— Молчи, исправникъ, я говорю съ священникомъ, перебивать меня, при немъ, не смѣешь, и бить при немъ не смѣешь. Вы, батюшка, не уходите отъ меня, пока я здѣсь; онъ удушитъ меня... Послѣ этого десятскіе развязали меня и веревкой втащили на перекладину палатей, положили животомъ поперегъ бруса, привязали вонъ энти чурбаки къ ручнымъ и ножнымъ кандаламъ, вытянули всѣ мои жилы. Головой внизъ, съ чурбаками на рукахъ и ногахъ, у меня свѣтъ помутился, я думалъ, что тутъ мой и конецъ. Я буду жаловаться и заявляю вамъ.

— Врешь, разбойникъ, я не трогалъ тебя!

— А кто же мнѣ вытянулъ и руки, и ноги, откуда эти рубцы? А кровь-то изъ носу полила отъ чего? Видишь, я весь въ крови?

— А ч... тебя знаетъ отъ чего! Можетъ быть, тебѣ поломали и руки, и ноги на разбоѣ.

— Руки и ноги рвутъ разбойники, а не разбойникамъ.

Я отзываю исправника въ другую избу и говорю ему: да вы, любезнѣйшій, что дѣлаете? Пытаете? Васъ за это самихъ пошлютъ протоптать туже дорожку, по которой пойдетъ этотъ

арестантъ, да и мнѣ достанется съ вами. Я сейчасъ уѣду и донесу, чтò я здѣсь вижу и слышу.

— Я не пыталъ; онъ, мерзавецъ, вретъ.

— Наединѣ со мной вы этого не говорите.

— Да какъ же допытать его? Онъ ничего не говоритъ, только и твердитъ: знать—не знаю, вѣдать—не вѣдаю.

— Не говоритъ, такъ и не трогайте его; предоставьте допросить другимъ. Можетъ быть, за нимъ есть такія дѣла, за которыя его слѣдуетъ разстрѣлять. Такъ и будетъ онъ разсказывать вамъ?

Я вышелъ и тотчасъ же велѣлъ закладывать лошадей. Арестанта тотчасъ увели въ конюшню и, пока мнѣ закладывали лошадей, отправили въ острогъ. Я поѣхалъ домой, а исправникъ, вслѣдъ за арестантомъ, въ городъ жаловаться на меня архіерею.

Съ первою же почтою преосвященный (Аѳанасій Дроздовъ), вызвавъ меня, не принялъ отъ меня никакихъ объясненій и за то, что я вмѣшался въ дѣйствія полиціи, не далъ сдѣлать должнаго дознанія, задалъ мнѣ здоровую гонку.

Жаловался-ли арестантъ на пытку исправника, или нѣтъ,—я не знаю; но меня, офиціально, никто объ этомъ не спрашивалъ. Лѣтъ черезъ девять, потомъ, мы съ этимъ исправникомъ ѣздили объявлять Высочайшій манифестъ 19-го февраля 1861 года [1]).

Въ Самарской губерніи, по берегамъ р. Иргиза, нѣкогда было много раскольничьихъ монастырей. Мѣста эти считались раскольниками святынею. Въ одномъ мѣстѣ, по берегамъ довольно большаго озера, въ лѣсу, стояло два монастыря, на одномъ берегу мужской, на другомъ женскій. По принятіи нѣкоторыми монастырями единовѣрія и по закрытіи совсѣмъ другихъ, землею сталъ владѣть городъ Николаевъ. Городъ сдалъ озеро купцу для рыбной ловли. Въ первую же тоню, какъ запустили неводъ, вытащили шестнадцать, объѣденныхъ раками, ребятъ. Назначено было слѣд-

---

[1]) См. „Русскую Старину“, изд. 1880 г. (январь), „Записки Сельскаго Священника“, томъ XXVII, стр. 41—78.

ствіе, прибыло временное отдѣленіе отъ духовнаго вѣдомства, назначенъ былъ депутатомъ благочинный Н. Ѳ. П. и всѣ слѣдователи помѣстились въ женскомъ монастырѣ. Дѣло было лѣтомъ. Долго жили слѣдователи, много дѣлали и какъ-то, однажды, вечеромъ вышли всѣ на крыльцо подышать чистымъ воздухомъ и поболтать, и закурили трубки, закурилъ и благочинный. Какъ увидѣли преподобныя матери благочиннаго съ трубкой, такъ и всполошилась вся обитель. На другой же день мать-игуменья послала жалобу къ преосвященному, что благочинный осквернилъ святыню. И благочинный тотчасъ же былъ удаленъ отъ должности.

Въ гражданскомъ вѣдомствѣ учреждены городскія, уѣздныя и губернскія земскія собранія. Постановленія собраній представляются на утвержденіе начальниковъ губерній. Хотя нѣкоторыя изъ нихъ губернаторы и имѣютъ право не утверждать, но, однакоже, не всѣ: собраніямъ оставлено широкое еще поле для самодѣятельности.

Въ общемъ движеніи и перестроѣ внутренняго порядка государства стыдно было бы отстать и намъ; дѣйствительно, и намъ дано самоуправленіе. Но наше самоуправленіе есть такая ничтожная, такая жалкая копировка самоуправленія общественнаго, что ничтожнѣе этого трудно что нибудь и выдумать. И намъ также дозволены и уѣздные, и епархіальные съѣзды; но разсуждать на нихъ мы имѣемъ право только о дѣлахъ училищъ, свѣчномъ своемъ заводѣ и эмеритарной кассѣ,—и только. И здѣсь опять мы имѣемъ право не дѣло дѣлать, а только разсуждать,—ничуть не болѣе. При нашемъ „самоуправленіи“ епископъ имѣетъ право не утверждать не только ни одного нашего постановленія, но даже не утвердить и избраннаго нами, только на время собранія, предсѣдателя. Епископъ имѣетъ право не дать намъ, какъ говорится, разинуть рта, пикнуть. Уполномоченные, напримѣръ, собрались и, прежде всего, избираютъ предсѣдателя и двоихъ кандидатовъ; но епископъ имѣетъ право утвердить изъ нихъ того, кого пожелаетъ онъ, но можетъ не утвердить и никого изъ нихъ и дать своего. При назначеніи предсѣдателя противъ желанія духовенства епископъ сразу становится въ непріязненныя отноше-

нія къ духовенству. Далѣе: начинаются разсужденія, уполномоченные составляютъ, по извѣстному предмету, постановленіе и представляютъ епископу на утвержденіе. Епископъ не утверждаетъ его, и даетъ свое „предложеніе", по которому съѣзду приходится только написать: уполномоченные слушали резолюцію его преосвященства и положили исполнить.... По второму предмету, по пятому, по двадцатому,—тоже самое. Такимъ образомъ съѣзду приходится иногда писать только: „слушали,—и постановили исполнить, слушали,—и постановили исполнить",—и больше ничего. Пишутъ отцы святые: „слушали и постановили" каждый день, а между тѣмъ время идетъ, человѣкъ 70 недѣли двѣ уже прожили, Богъ вѣсть изъ-за чего. Поѣздка и житье въ городѣ духовенству стоятъ, по крайней мѣрѣ, 1,500 р., а толку ровно ни на грошъ. Соберутся отцы, проживутся, наслушаются архіерейскихъ резолюцій, напишутъ кипы журналовъ объ исполненіи ихъ,—и разъѣдутся. Иначе дѣло это и идти не можетъ, если съѣздъ держится одного мнѣнія, епископъ другаго, и рѣшеніе принадлежитъ епископу.

Если должно дѣлаться все по волѣ епископа, то, спрашивается, для чего же съѣзды? Для чего духовенство отрывается отъ приходовъ, отъ домашнихъ занятій, отъ полевыхъ работъ и вводится въ дорожныя безпокойства и расходы? Если все должно дѣлаться по волѣ епископа, то пусть одинъ онъ и дѣлаетъ все. Духовенство будетъ исполнять всѣ его распоряженія съ обычною готовностію. Если же, напротивъ, духовенству дано право разсуждать о нуждахъ его дѣтей, то пусть оно приводитъ въ исполненіе то, что находитъ оно нужнымъ. Можно быть увѣреннымъ, что никто не можетъ знать наши нужды лучше насъ самихъ. И духовенство не настолько глупо, чтобы не съумѣло устроить судьбы дѣтей своихъ безъ посторонней помощи, чьей бы то ни было. Мы ни мало не хотимъ отнимать правъ у епископовъ; но согласитесь, что наши съѣзды и наша толковня на нихъ, безъ права исполненія, не имѣютъ смысла.

При настоящихъ порядкахъ бываютъ такіе случаи: уполномоченные, по извѣстному предмету, дѣлаютъ постановленіе; мотивы же, руководящіе уполномоченными, таковы, что они могутъ быть передаваемы однимъ другому только лично, но не могутъ

быть ни высказываемы публично и ни, тѣмъ болѣе, вносимы въ журналы. Мотивы эти бываютъ иногда весьма серьезны, но публично высказываемы быть не могутъ. Уполномоченные, напримѣръ, постановили удалить изъ училища извѣстное лицо и избрать другое; они находятъ невозможнымъ излагать всѣ причины удаленія,—въ журналѣ, публично; а между тѣмъ лицо, удаляемое ими, нетерпимо. Епископъ, не видя въ журналѣ съѣзда достаточныхъ причинъ для удаленія, устно же передаваемое ему членами совѣта находя неформальнымъ,—постановленія съѣзда не утверждаетъ. При этомъ: какъ только возникаетъ недоразумѣніе между епископомъ и духовенствомъ, сейчасъ же являются изъ-за скуфейки прихвостники и своими заявленіями, противными общему мнѣнію духовенства, разстроиваютъ епископа съ духовенствомъ окончательно: между епископомъ и духовенствомъ является явная уже вражда.

Хотя и не такъ, но нѣчто подобное этому было въ Саратовской губерніи въ 1879 году. Съѣздъ уполномоченныхъ нашелъ необходимо нужнымъ удалить начальницу епархіальнаго женскаго училища. Не излагая всѣхъ причинъ въ журналѣ, онъ постановилъ удалить и избрать другую. Заслуживала она удаленія или не заслуживала,—я, какъ давно уже оставившій бывать на съѣздахъ, дѣла этого не знаю. Но преосвященный нашелъ постановленіе съѣзда неосновательнымъ, не утвердилъ его и положилъ рѣшеніе таковое: „1, постановленіе саратовскаго епархіальнаго съѣзда о замѣнѣ нынѣшней начальницы саратовскаго женскаго епархіальнаго училища М. А. Шимковой другою, какъ неосновательное и несправедливое, а потому и недѣлающее чести депутатамъ, подписавшимъ такое опредѣленіе, оставить безъ послѣдствій".

2, „Членамъ совѣта названнаго училища протоіерею Соколову и священнику Александровскому, какъ главнымъ виновникамъ этого опредѣленія, сдѣлать отъ моего имени замѣчаніе. Сверхъ того, протоіерею Соколову, проявившему особенно враждебныя отношенія къ М. А. Шимковой, предложить испросить прощеніе у сей послѣдней, если онъ желаетъ продолжать службу при училищѣ. Въ противномъ же случаѣ его мѣсто въ совѣтѣ и по

членству долженъ занять протоіерей Смѣльскій"... (Саратов. Епарх. Вѣд. 1880 г. № 7).

Намъ не довелось слышать потомъ, чѣмъ рѣшилось дѣло отца протоіерея Михаила Александровича Соколова съ начальницей училища: просилъ-ли онъ у нея прощенія, мы не знаемъ этого, но, во всякомъ случаѣ, въ лицѣ о. протоіерея, бывшаго профессора семинаріи, и нынѣ законоучителя института благородныхъ дѣвицъ и губернскаго градскаго благочиннаго, всему духовенству урокъ хорошъ!.. Не забывайся!.. Виноватъ же, между тѣмъ, тутъ кто? Положеніе о съѣздахъ. Намъ дозволено разсуждать, рѣшать, постановлять; а преосвященнымъ дано право на все это, какъ бы сказать это?—ну, да не обращать вниманія. Зачѣмъ же, спрашивается опять невольно, всѣ эти наши собранія, толки, постановленія?! Съ полною покорностію мы исполняемъ и готовы исполнять всѣ распоряженія нашихъ владыкъ; но коль скоро дано право дѣлать и намъ свои постановленія, то зачѣмъ же не допускать ихъ къ исполненію? Зачѣмъ было давать духовенству право безъ правъ.

Поэтому мы желали бы: или дать намъ право постановленія наши приводить въ исполненіе, или же отнять у насъ совсѣмъ право собирать съѣзды и дѣлать на нихъ свои постановленія. Многолѣтніе опыты показали уже, что такого рода съѣзды ведутъ лишь только во враждѣ между епископомъ и духовенствомъ, чего мы совсѣмъ не желали бы.

Намъ не разъ приводилось читать въ свѣтскихъ журналахъ и газетахъ восхваленія расширенію правъ духовенства,—что ему дано самоуправленіе; но, при этомъ, никто не потрудился вникнуть, что наше самоуправленіе есть не болѣе, какъ пародія на земскія собранія,—и мы-де не отстали,—и духовенству дозволены съѣзды! Въ нашихъ съѣздахъ прямо, осмысленно, положенъ источникъ вражды между епископомъ и нами.

LXI.

Сельское духовенство ведетъ жизнь совершенно уединенную. Въ приходѣ его нѣтъ лица, равнаго ему ни по умственному развитію, ни по понятіямъ и ни по нравственнымъ потребностямъ. Съ крестьянами, кромѣ обыденнаго хозяйства, говорить ему не о чемъ; если есть въ приходѣ дворяне, то богатые изъ нихъ смотрятъ на священника свысока и говорятъ съ нимъ всегда покровительственнымъ тономъ; бѣдные же, хотя народъ простой и добрый, но, по умственному состоянію отъ мужика отличаются очень немногимъ. И какъ ни богачъ и ни бѣднякъ, наши деревенскіе дворяне не читаютъ ровно ничего, кромѣ развѣ мѣстной газетки, то и бесѣда бываетъ всегда съ ними самая пустая. Если въ приходѣ есть одно или нѣсколько лицъ съ университетскимъ образованіемъ, то тутъ опять бѣда другаго рода: эти люди смотрятъ на священника, часто, какъ на человѣка малообразованнаго и немогущаго понимать ихъ высокихъ сужденій. Дружественная бесѣда и мѣна мыслей могла бы быть только тамъ, гдѣ два-три священника живутъ въ одномъ приходѣ; но настоятельство и помощничество,—работа одного на другого,—всегда были и есть теперь источникомъ обоюдной вражды: эти два-три священника непремѣнно ссорятся между собою. Поэтому дружескихъ бесѣдъ между ними и быть не можетъ. Днемъ дѣла у священника иногда очень много, но иногда цѣлую недѣлю нѣтъ ровно никакого. Вечера и ночи свободны всегда. Развлеченій, въ бездѣльѣ, никакихъ нѣтъ: священникъ не знаетъ ни музыки, ни рисованія, ни токарнаго или столярнаго и т. под. мастерства, и ему остается только читать. Но что читать? Правда, теперь всѣ священники что нибудь выписываютъ; но одна-двѣ газетки, одинъ-два журнала надолго-ли станутъ? И человѣкъ, особенно въ долгіе зимніе вечера, отдается совершенной бездѣятельности. Бездѣятельность эта часто доводитъ его до такой апатичности ко всему, что онъ бываетъ не въ состояніи подготовить даже къ училищу собственныхъ дѣтей. Есть и такіе приходы, гдѣ читать и есть что: и сами священники выписываютъ много журналовъ и есть что взять на сторонѣ; но читать и читать одному, безъ живаго слова

безъ передачи своихъ впечатлѣній другому, и не слышать сужденій лица посторонняго,—дѣлается работою какою-то механическою и неприносящею надлежащей пользы, освѣжающей и возбуждающей душу. Нерѣдко люди, не занятые и чтеніемъ, отъ праздности, одиночества и тоски, ищутъ себѣ развлеченій въ сообществѣ людей всякаго сорта, безъ строгаго разбору, тупѣютъ и часто впадаютъ въ пороки—пьянство. Поэтому я нашелъ полезнымъ, чтобы священники, насколько возможно чаще, имѣли свиданія между собою и вели бесѣды другъ съ другомъ. Имѣя въ виду, что свиданія священниковъ могутъ приносить имъ большую пользу, я просилъ однажды своего преосвященнаго Іоанникія, нынѣ экзарха Грузіи, дозволить намъ, священникамъ моего благочинія, съѣзжаться нѣсколько разъ въ году для дружескихъ бесѣдъ. Преосвященный выразилъ мнѣ особенное удовольствіе и съѣзды разрѣшилъ.

Зная, какъ нельзя лучше, умственное и нравственное состояніе священниковъ моего округа, я, по состоянію каждаго изъ нихъ, приготовилъ для нихъ книги и пригласилъ къ себѣ. Въ собраніи я разъяснилъ, сколько гибели приноситъ намъ наше одиночество и бездѣлье, и цѣль съѣзда. Давая каждому книги, я слегка набросалъ содержаніе каждой, постарался заинтересовать ими и просилъ въ слѣдующій съѣздъ разсказать въ собраніи то изъ прочитаннаго, что особенно найдетъ каждый интереснымъ или, можетъ быть, непонятнымъ. Были между нами два священника слабыхъ и нерѣдко дозволяющихъ себѣ нетрезвость. Мы сдѣлали имъ дружеское увѣщаніе и взяли честное слово не пить до слѣдующаго нашего съѣзда. Тутъ же положили съѣхаться, чрезъ два мѣсяца, у священника-сосѣда. Этотъ второй съѣздъ былъ оживленнѣе перваго: каждый изъ насъ далъ какъ бы отчетъ въ томъ, что сдѣлано имъ въ эти два мѣсяца и каждый разсказалъ, что̀ прочелъ онъ. Мы говорили объ обязанностяхъ священника, отношеніяхъ къ приходамъ, о сельскихъ школахъ, о воспитаніи собственныхъ дѣтей и пр. И люди нетрезвые сдержали слово— не пили. Я былъ въ восторгѣ отъ этого съѣзда. Мы положили при этомъ устроить окружную благочинническую библіотеку. Два года мы съѣзжались чрезъ каждые два мѣсяца. Но случалось, что или сильные дожди, или мятели, или домашнія какія либо обстоятельства не давали съѣзжаться всѣмъ, особенно потому,

что наши съѣзды были всего на одинъ день. Кромѣ того, два села отстоятъ отъ меня въ 50-ти верстахъ, а одно даже въ 70-ти. Этихъ священниковъ обременяла и самая отдаленность. А такъ какъ я только преимущественно надѣлялъ книгами и домъ мой помѣстительнѣе домовъ другихъ священниковъ, то съѣзды, почти исключительно, были у меня. Но, мало-по-малу, охота къ съѣздамъ охладѣла почти у всѣхъ и пошло: то тотъ, подъ какимъ нибудь предлогомъ, не пріѣдетъ, то другой и, наконецъ, всѣ священники стали просить меня, чтобъ я не собиралъ ихъ. И—съѣзды наши прекратились. Но я видѣлъ въ нихъ большую пользу и разстался съ ними съ крайнимъ прискорбіемъ.

Опытомъ узнавши пользу съѣздовъ, я совѣтую моимъ собратіямъ, гдѣ мѣстныя условія болѣе благопріятны, устроять подобные же съѣзды. Они много вліяютъ на улучшеніе и умственнаго, и нравственнаго нашего состоянія.

Въ настоящее же время, я надѣюсь, съѣзды духовенства могли бы принести не малую пользу и для народа, и именно теперь,—когда во многихъ мѣстахъ хлѣба нѣтъ почти совсѣмъ, и народъ терпитъ страшную нужду, и когда, кромѣ правительства, мало людей, сочувствующихъ общему горю. Когда бѣдствовали босняки, герцеговинцы и другіе и славянскіе, и не славянскіе народы Турціи,—у насъ явились цѣлыя полчища людей милосердыхъ: по всѣмъ деревнямъ и захолустьямъ разсылались воззванія, дѣлались подписки, собирались пожертвованія; въ городахъ братья и сестры милосердія, съ кружками въ рукахъ, не давали проходу ни конному, ни пѣшему, до назойливости: толпились на каждомъ перекресткѣ; въ магазинахъ, вокзалахъ, станціяхъ желѣзныхъ дорогъ и на всѣхъ открытыхъ мѣстахъ, чуть ни на каждой тротуарной тумбочкѣ были выставлены кружки. Возбужденіе было лихорадочное; собирать на славянъ было моднымъ дѣломъ,—и слова: „братья славяне“, надоѣли всѣмъ до приторности. Но вотъ Господь послалъ бѣдствіе и на насъ самихъ: во многихъ мѣстахъ люди чуть не мрутъ съ голоду; многія селенія поголовно разбрелись собирать милостыню, нужда крайняя—и никто, кромѣ правительства, не отозвался на слезы своего русскаго народа!.. Нѣтъ ни воззваній, нѣтъ ни сборовъ, нѣтъ ни братцевъ, ни сестрицъ милосердія, — нѣтъ никого! Непонятная

черта характера русскаго добраго народа: чужая бѣда,—и мы, какъ угорѣлые, бросаемся на помощь; бѣда своя,—и мы, какъ спимъ, и даже излюбленныхъ коммисій не составляемъ. Вотъ теперь-то и слѣдовало бы священникамъ обсудить мѣры къ облегченію участи несчастныхъ. И еслибъ каждый изъ нихъ спасъ хоть пять-шесть семействъ отъ послѣдствій голода, то и это было бы великой заслугой.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

Письмо „Сельскаго Священника" къ ред. „Русской Старины".

5-го февраля 1881 года. Маріинская колонія.

Глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ! 17-го минувшаго января я имѣлъ удовольствіе получить сто рублей серебромъ, щедрый даръ достоуважаемаго государственнаго мужа, генерала-адъютанта, генерала-отъ-инфантеріи, князя Италійскаго, графа Александра Аркадіевича Суворова-Рымникскаго, пересланные в. п. для передачи чрезъ меня тому несчастному священнику, о которомъ писалъ я („Русская Старина", янв. 1881 г., стр. 72—76). Деньги эти, по принадлежности, мною переданы, о чемъ священникъ, ихъ получившій, и поспѣшилъ написать кн. Суворову—выразивъ въ письмѣ къ князю свою безпредѣльную признательность.

Какъ о положеніи этого священника, такъ и вообще все, что писалъ я, я писалъ правду,—и только одну правду, не стѣсняясь злобою и мщеніемъ людей, о которыхъ пришлось писать мнѣ.

За „Записки" мои, я знаю, мнѣ придется перенести много и большихъ непріятностей,—и жду ихъ; но чтобъ со мной ни случилось, я утѣшаюсь тѣмъ, что высказанная мною правда обратила на себя вниманіе людей досточтимыхъ и высокопоставленныхъ, каковъ, напримѣръ, свѣтлѣйшій князь Александръ Аркадіевичъ Суворовъ-Рымникскій. Отрадно видѣть вниманіе всѣми уважаемаго и любимаго государственнаго мужа, такъ близко стоящаго къ верховному Вождю нашего Отечества! Вниманіе это укрѣпляетъ надежду нашу, что любовь свѣтлѣйшаго князя къ Церкви и Отечеству отразится и въ другихъ русскихъ сердцахъ,—что православное русское духовенство будетъ выведено изъ того позорнаго состоянія, въ какомъ находится оно теперь.

Благодарю и васъ, глубокоуважаемый Михаилъ Ивановичъ, за ваши усилія помочь позоримымъ служителямъ церкви и за труды на пользу Отечества! Вы вызвали меня писать о духовенствѣ, вамъ, слѣдовательно, обязанъ я и тѣмъ вниманіемъ, какое вызвали мои „Записки".

Примите же искреннюю благодарность глубокоуважающаго васъ

Сельскаго Священника.

УЧИЛИЩЕ ПРАВОВѢДѢНІЯ СОРОКЪ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ.

1836—1843 гг.

IV [1]).

Зимой, мы съ великимъ наслажденіемъ катались, два раза въ день, утромъ и послѣ обѣда, въ однихъ курточкахъ, но всегда въ рукавицахъ, и въ суконныхъ наушникахъ, на конькахъ, на очень изрядномъ каткѣ, разчищенномъ на Фонтанкѣ, противъ Лѣтняго сада, вдоль всего дома училища. У насъ скоро развелось множество виртуозовъ конькобѣжцевъ, которые, разставивъ ноги довольно некрасиво, буквою Ф, выписывали такіе вензеля и узоры, что хоть-бы на «англійскомъ каткѣ». Катались также на салазкахъ, съ маленькой горки, теперь ужъ давно, кажется, не существующей въ упомянутомъ саду. Многіе у насъ были великіе мастера кататься съ горы, и щеголяли франтовскими санками и цвѣтными узорчатыми рукавицами. Катальной премудрости я никогда не научился (какъ и танцамъ), и принужденъ былъ всегда просить другихъ, покатать меня съ горы. Иногда это дѣлалось за обычную нашу плату: за сырники или блины за ужиномъ. Эти оба кушанья были нашею ходячею монетой.

Нечего и говорить, что все почти училище до страсти любило гимнастику. Тутъ ужъ никого не надо было гнать и торопить въ классъ—всѣ сами бѣжали, и лазили по канатамъ и шестамъ, вертѣлись на машинахъ, ходили на цыпочкахъ по навѣсному бревну, прыгали съ разбѣга на деревянную лошадь, ходили на однѣхъ рукахъ вверхъ по сквозной лѣстницѣ, въ нѣсколько саженей вышины—

---

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г., т. XXIX (декабрь), стр. 1015—1042; изд. 1881 г., т. XXX (февраль), стр. 393—422.

на перебой и въ запуски. Исключеніе составляли лишь немногіе, слабые, болѣзненные или черезъ-чуръ вялые.

Одно время насъ отдали въ ученье къ двумъ-тремъ нашимъ унтеръ-офицерамъ. Они должны были, нѣсколько разъ въ недѣлю, по вечерамъ, въ промежуткѣ между классами, учить насъ строю и маршировкѣ (таково было время, настроенія и понятія!). Но мы на это, пожалуй, не слишкомъ-то жаловались. Хоть и подъ начальствомъ солдата, кричавшаго на насъ по-преображенски и немножко куражившагося, а все движеніе, все родъ гимнастики!

Танцъ-классы были въ первое время намъ очень несносны. Насъ порядочно бѣсило—стоять въ нѣсколько шеренгъ битыхъ 2 часа, и дѣлать «позиціи», а потомъ «assamblées», «croisés» и «battements», по командѣ толстопузаго, ставшаго почти бочкою отставнаго балетмейстера Огюста. Человѣкъ онъ былъ хорошій и добрый, никогда не жаловался начальству на наши проказы, и мы его довольно любили, но 1/2 часа «батмановъ», подъ пискъ одинокой тоскливой скрипки—какъ тутъ не потерять терпѣнье! Хожденіе гуськомъ въ видѣ разныхъ свивающихся и развивающихся узоровъ, по системѣ старыхъ балетовъ, и для какихъ нибудь училищныхъ торжественныхъ дней—было забавнѣе и веселѣе. Но когда дѣло дошло до кадрилей, вальсовъ, экосезовъ, и особливо знаменитой тогда «tempête» (впрочемъ очень скромной и умѣренной), большинство моихъ товарищей сдѣлалось очень довольно. Правовѣды уже и съ нашихъ временъ глубокой древности славились, какъ страстные и ловкіе бальные танцоры. Притомъ, для этого у насъ сталъ появляться маленькій оркестръ: двѣ скрипки и контрбасъ, значитъ не только для ногъ, но даже и для ушей не такъ было скучно. Что касается до меня, у меня никогда не было ни охоты, ни способности къ танцамъ. Вальсировать я даже просто не могъ, у меня голова только кружилась. Съ молодости взявши себѣ за правило не давать себѣ потачки, я сказалъ себѣ, что надо непремѣнно расправиться съ этимъ круженіемъ головы, съ этою слабостью, надо побѣдить ее. Что же я сдѣлалъ? Я упросилъ одного товарища изъ слѣдующаго за нами вверхъ класса, нѣкоего Потемкина, плечистаго и здоровеннаго малаго, возмужалаго на гимнастикѣ, и въ добавокъ хорошаго танцора, всякій день, въ 6 часовъ вечера, во время рекреаціи, вальсировать со мною въ розовой мраморной залѣ. Мы стали дѣлать по 100, по 200 туровъ вальса, раза два сдѣлали даже до 300. У меня голова кружилась до одуренія, почти до обморока, часто до тошноты, но мой Потемкинъ ни на что не смотрѣлъ, тащилъ меня силой, и мы летали по залѣ, какъ сумасшедшіе. И все-таки, изъ этого ровно ничего

не вышло. И танцевъ я не полюбилъ, и голова не перестала кружиться. Я никогда не могъ, точно также, качаться и на качеляхъ; не выносилъ никогда самаго маленькаго волненія на водѣ, и былъ всегда несчастнѣйшій человѣкъ, когда мнѣ случалось, впослѣдствіи, переѣзжать Нѣмецкое, Черное или Азовское море, Палермскій или Ламаншскій проливъ.

Здѣсь мнѣ надо разсказать про одинъ еще предметъ негодованія нашего въ училищѣ: это про наши отпуски въ воскресенье домой. Насъ отпускали всего только на нѣсколько часовъ, и это для того, чтобъ мы прослушали въ училищной церкви, въ воскресенье утромъ, обѣдню, а въ субботу вечеромъ всенощную. Для кого и на что было нужно устраивать для насъ такое стѣсненіе, я ужъ и не знаю. Къ особенному благочестію насъ все-таки не пріучили, а что мы всякую субботу вечеръ и воскресенье утро во всю-ивановскую бранили училище и его начальство—это несомнѣнно. Можно себѣ представить, много ли было въ насъ набожнаго чувства, когда насъ толпой вели въ церковь, и мы принуждены были выстаивать тамъ, въ тоскѣ и скукѣ, то время, которое такъ прекрасно могли провести въ гостяхъ, въ театрѣ, или просто дома! И хоть бы не было рѣшительно никакихъ исключеній, все было-бы легче, а то, пока мы становились, въ субботу вечеромъ, въ ряды, и въ ногу шли въ церковь, нѣсколько счастливцевъ, уже въ мундирахъ и шинеляхъ, промелькивали мимо насъ и бѣжали по лѣстницѣ внизъ въ швейцарскую. А отчего? Оттого, что либо были «лютеране», либо дяденька откуда-то пріѣхалъ издалека, либо мамаша уѣзжаетъ, либо къ такому-то статсъ-секретарю и важному человѣку надо попасть на вечеръ. Виноваты-ли были мы, остальные, что мы не лютеране, что у насъ нѣтъ ни папенекъ, ни тётенекъ, ни статсъ-секретарей, умѣющихъ отпрашивать! Вотъ католики—то было другое дѣло: пока мы шли ко всенощной, къ ихъ небольшой группѣ пробирался, опустивъ глаза и сложивъ руки у пелеринки, ксендзъ изъ католической церкви на Невскомъ, съ бритой макушкой и въ бѣломъ широкомъ капотѣ. Мы, по традиціи, терпѣть не могли этихъ священниковъ, мы враждебно смотрѣли на ихъ Законъ Божій, преподаваемый пока намъ надо было выслушивать всенощную, и все-таки насъ связывало съ католиками одно общее чувство тяготѣвшаго надъ нами стѣсненія. Какъ насъ сердили «лютеране» и счастливые племянники и сыночки! За то же и слушали мы всенощную Богъ знаетъ какъ. Нивѣсть-что тянулось и мелькало въ головѣ, пока продолжалось безконечное чтеніе и изрѣдка раздавалось съ крылоса пѣніе хора, котораго небольшая кучка освѣщалась маленькой восковой свѣчкой регента, стоящаго посерединѣ Многіе побезсовѣстнѣе и поазартнѣе, станови-

лись на колѣни, и потомъ просто спали, уткнувшись лбомъ въ землю, будто-бы въ глубокой молитвѣ: впрочемъ, этого не могъ даже и видѣть дежурный «воспитатель», внутри среднихъ рядовъ. Другіе по полу-часу дремали, прислонившись плечомъ къ стѣнѣ или товарищу понадежнѣе рядомъ. Утромъ въ воскресенье, обѣдня не начиналась для насъ сразу, какъ вездѣ. Нѣтъ, напередъ являлся къ намъ въ большую залу нашъ священникъ, и, прохаживаясь передъ строемъ воспитанниковъ, читалъ толкованія на евангеліе того дня. Намѣреніе было, безъ сомнѣнія, прекрасное; только во всѣ 7 лѣтъ, я, на свою долю, не слыхалъ ни единаго слова этихъ толкованій. Судя по разговорамъ товарищей, ровно столько же слышали и прочіе у насъ. У насъ совсѣмъ другое было въ головѣ: скоро-ли начнется обѣдня? А когда начиналась обѣдня—если не всѣ, то большинство только объ одномъ и думали: скоро-ли она кончится, и скоро-ли распустятъ по домамъ? Нѣкоторой диверсіей было тутъ, по крайней мѣрѣ, то, что иной разъ нашъ хоръ пѣлъ на обѣднѣ одну изъ сладкогласныхъ херувимскихъ Бортнянскаго. Такъ какъ онѣ, по своему ординарному пошибу, совершенно итальянскія, и совершенно по-плечу каждому невѣждѣ, то очень нравились и намъ. Онѣ значительно скрашивали для насъ обѣдню, и уменьшали томленіе ожидаемаго роспуска по домамъ.

Вотъ опять тоже съ этими роспусками. Воспитанниковъ маленькихъ классовъ не велѣно было отпускать однихъ: отъ этого, въ первое время стала появляться у насъ въ швейцарской, къ концу обѣдни, цѣлая туча нянюшекъ, кухарокъ, горничныхъ и лакеевъ, присланныхъ изъ дому за молодыми барчатами. Скоро это измѣнилось: одна и та же нянька или лакей объявляли себя присланными и за такимъ-то, и за такимъ-то, и за такимъ-то. Чтобъ избѣжать такого вреднаго подлога, напечатали зеленые билеты, которые роздали родителямъ, для присылки всякій разъ такого билета со своей настоящей нянькой или кухаркой. Но и это не помогало. Всѣ зеленые билеты стали храниться одной толстой пачкой у одного изъ нашихъ солдатъ, и послѣ обѣдни онъ много разъ сходилъ внизъ и входилъ вверхъ по главной лѣстницѣ, объявляя, что вотъ пришли съ билетомъ за такимъ-то. Швейцаръ былъ тоже за одно со всѣми, кто ему платилъ. Отъ него зависѣло записыванье часа, когда кто явился изъ отпуска въ училище.

По четвергамъ происходили, отъ 2 до 3 часовъ послѣ обѣда, «свиданья родственниковъ». Собственно эти нѣжности намъ мало были нужны, развѣ только для того, чтобъ и въ серединѣ недѣли, отъ воскресенья до воскресенья, поѣсть колбасы, бутербродовъ, пи-

рожковъ, яблоковъ и винограду; для молодыхъ же, красивыхъ и разряженныхъ маменекъ, сестрицъ и тётенекъ это была счастливая оккaзія выставить лишній разъ наряды, поглядѣть на другихъ и убить часокъ въ своемъ днѣ. Что за пустѣйшіе и никому не нужные разговоры тутъ шли! И какой начинался переполохъ, какой шумъ, поцѣлуи, какое передаванье узелковъ и корзиночекъ, когда звонилъ колокольчикъ въ 3 часа! Хорошо же было ученье въ остальные два класса того дня, съ набитымъ безтолково брюхомъ и съ развлеченной головой. Впрочемъ, уже и въ первые годы училища, эти «свиданья родственниковъ» какъ-то почти совершенно пали и запустѣли.

V.

Наврядъ-ли въ какомъ нибудь другомъ русскомъ учебномъ заведеніи музыка процвѣтала въ такой степени, какъ въ училищѣ правовѣдѣнія. Въ наше время музыка играла у насъ такую важную роль, что навѣрное могла считаться одною изъ самыхъ крупныхъ чертъ общей физіономіи училища. Живопись, скульптура, — о нихъ не было у насъ и помина, классы и учители рисованья были въ такомъ-же точно небреженіи, почти загонѣ, какъ и вездѣ въ остальной Россіи: рисовали у насъ въ классахъ чисто для проформы, учителя рисованья бывали, обыкновенно, самые несчастные, и, какъ всегда у насъ водится, изъ числа самыхъ неспособныхъ, изъ числа самыхъ ни къ чему негодныхъ питомцевъ академіи художествъ. И потому, подобно всѣмъ остальнымъ русскимъ училищамъ, какъ никто изъ насъ не умѣлъ рисовать раньше правовѣдѣнія, такъ никто не умѣлъ и послѣ него. Исключенія были, но очень рѣдкія. Совсѣмъ другое дѣло было съ музыкой. На нее у насъ была — просто мода. Большинство воспитанниковъ играли на чемъ нибудь, и, глядя на другихъ, даже самые деревянные и прозаичные выбирали себѣ который нибудь инструментъ, и ревностно хлопотали надъ нимъ. Это, конечно, всего болѣе зависѣло, во-первыхъ, оттого, что нашъ принцъ очень любилъ музыку, много занимался ею, даже сочинялъ; сверхъ того, великимъ почитателемъ музыки былъ также и директоръ Пошманъ, который хотя самъ вовсе не игралъ и не пѣлъ, за то у него сестра была отличная фортепіанистка, и почитаніе музыки велось у него издавна въ семьѣ. Во-вторыхъ, процвѣтанію музыки въ училищѣ способствовалъ случай: при самомъ открытіи училища туда сразу поступило много мальчиковъ и юношей, занимавшихся музыкой еще дома. Не мудрено послѣ этого, что наше училище получило съ самаго-же начала какую-то особенную музыкальную окраску. Въ этомъ отношеніи очень курьезенъ вотъ какой случай.

Императоръ Николай самъ лично присутствовалъ, 5-го декабря 1835 года, при открытіи училища; но спустя нѣсколько дней, въ концѣ того-же декабря, снова пріѣхалъ. Вѣрно ему хотѣлось посмотрѣть, какъ идетъ новое училище. Онъ вошелъ со двора, запретилъ встрѣтившимся солдатамъ говорить про свой пріѣздъ, и поднялся вверхъ по внутренней круглой лѣстницѣ, ведшей, мимо квартиры священника и нѣкоторыхъ «воспитателей», къ умывальной комнатѣ и къ дортуарамъ. Мѣста было тогда въ училищѣ вездѣ мало, и потому каждый училъ свои музыкальные уроки — въ дортуарахъ. Во время антрактовъ между классами, дортуары были, словно птичникъ, наполнены всевозможными музыкальными звуками и вотъ, совершенно неожиданно, къ своему величайшему изумленію, императоръ Николай именно и попалъ сразу въ этотъ разноголосый птичникъ. Первымъ ему встрѣтился толстый и рослый, съ оттопыренными красными щеками, Бенкендорфъ, продѣлывавшій свои гаммы на флейтѣ. Онъ былъ изъ остзейцевъ, и хотя и не очень-то давно пріѣхалъ изъ Ревеля, но настолько уже понатерся въ Петербургѣ, особливо у своего роднаго дяденьки, генералъ-адъютанта графа Бенкендорфа, въ то время начальника III-го отдѣленія, что мгновенно сообразилъ, что̀ надо дѣлать, когда увидалъ, краемъ глаза, монументальную фигуру императора Николая, въ конногвардейскомъ сюртукѣ, входящаго въ дортуаръ. Онъ прикинулся, будто ничего не видитъ, и, бросивъ гаммы, принялся тщательно играть на своей флейтѣ «Боже царя храни», лишь незадолго передъ тѣмъ сочиненное и пошедшее въ оборотъ. Императоръ Николай остановился на минуту, сказалъ нѣсколько любезныхъ словъ, по нѣмецки, Бенкендорфу, котораго вспомнилъ и узналъ, и въ хорошемъ расположеніи духа пошелъ дальше. Черезъ двѣ-три комнаты дальше, онъ наткнулся на другаго училищнаго музыканта, тоже нѣмца, барона Клебека. Этотъ игралъ на скрипкѣ, но, въ противуположность Бенкендорфу, былъ невылощенный деревенскій остзейскій медвѣжонокъ, въ первый разъ попавшій въ Петербургъ и не только не видавшій отроду русскаго императора, но даже не знавшій, что̀ такое это значитъ: императоръ! Онъ прилежно пилилъ на своей скрипкѣ, ничего не видалъ и не слыхалъ, и почти съ испугомъ поднялъ глаза на громаднаго генерала, вдругъ откуда-то выросшаго подлѣ него и что-то спрашивавшаго его густымъ басомъ на неизвѣстномъ ему языкѣ — русскомъ. Клебекъ, еще маленькій мальчикъ, сконфузился и робко отвѣчалъ по-нѣмецки, что не понимаетъ, что̀ ему говоритъ «его превосходительство». Все это вмѣстѣ понравилось императору Николаю, конечно какъ курьозъ—его вдругъ не знаютъ, ему вдругъ говорятъ «ваше превосходительство»! Онъ очень любезно поговорилъ съ

Клебекомъ (опять-таки по-нѣмецки, какъ съ Бенкендорфомъ), разспросилъ его про мѣсто его родины и родныхъ, и когда, въ эту же минуту, прибѣжалъ запыхавшись, въ своемъ вицъ-мундирѣ, Пошманъ, то весело привѣтствовалъ его, и сказалъ ему про Клебека, уже успѣвшаго окаменѣть, со своей скрипкой и смычкомъ въ рукахъ: «C'est un joli talent»! Потомъ онъ прошелъ по всему училищу, остался вездѣ доволенъ, и, садясь въ сани, сказалъ Пошману:

— «Благодарю! У тебя въ училищѣ прекрасный духъ».

И такъ, первое впечатлѣніе императора Николая въ нашемъ училищѣ было: нѣмецкое и музыкальное.

Главнымъ музыкальнымъ у насъ двигателемъ былъ нашъ музыкальный учитель, **Карель**. Художественнаго дарованія у него не было никакого, знанія тоже очень мало, но за то ревность и любовь къ музыкѣ были у него—безпредѣльны. Онъ былъ родомъ латышъ или просто чухонецъ, какъ показываетъ его фамилія, и какъ еще болѣе показывало намъ его лицо, широкое, скуластое и мясистое, какъ у монгола, съ маленькими прорѣзными глазками, съ красными щеками, всегда лоснящимися отъ какого-то притиранья, и сѣдыми волосами, коротко остриженными и торчкомъ стоявшими на верху круглой, какъ шаръ, головы. У него всегда была самая добродушная, кроткая улыбка на губахъ, превращавшаяся въ восторженную, когда онъ игралъ на скрипкѣ или пѣлъ дикимъ, фанатическимъ голосомъ, въ родѣ того, какъ поютъ и до сихъ поръ чухонцы въ своихъ церквахъ, съ непотушеннымъ еще и до сихъ поръ язычествомъ въ голосѣ и выраженіи. Игралъ нашъ Карель на скрипкѣ довольно скверно, но съ великимъ жаромъ, такъ что скрипка у него чуть не трещала въ рукахъ, а струны положительно ныли и вопили, такъ онъ грузно налегалъ на нихъ смычкомъ, словно выдавливая оттуда сокъ,—за то онъ самъ былъ въ глубочайшемъ энтузіазмѣ, когда игралъ которыя нибудь свои собственныя плохія варіяціи, и мы тоже отдавали справедливость его горячности и пылающимъ щекамъ, хотя всегда посмѣивались надъ его необыкновенными приготовленіями къ концерту и къ собственному solo: въ день концерта онъ всегда вывѣшивалъ у своихъ часовъ цѣлую связку брелоковъ, гремѣвшихъ и звенѣвшихъ словно ключи у тюремщика, и только одну лѣвую ногу свою оставлялъ въ сапогѣ, а другую, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, обувалъ въ башмакъ, самъ одѣвался, вмѣсто вицъ-мундира, въ черный фракъ, а на голову и лицо издерживалъ двойную порцію помады и притираній; сверхъ того всего себя, съ головы до ногъ, обливалъ какими-то ѣдкими духами. Правда, не смотря на все это, игра Кареля все-таки выходила довольно плохая, но мы продолжали ува-

жать ее за горячность, и искренно аплодировали нашему любезному сѣдому чухонцу. Съ тою самою горячностью, съ какою игралъ Карель на скрипкѣ, занимался онъ и всѣмъ вообще музыкальнымъ дѣломъ у насъ. Ни одинъ изъ всѣхъ нашихъ учителей и профессоровъ не былъ до того преданъ своему предмету, и, кажется, онъ въ цѣлый день только и жилъ тѣми часами, когда, наконецъ, наставало ему время приниматься за музыку съ нами. А это было всякій день, т. е. такъ часто, какъ ни у одного другаго преподавателя въ училищѣ. Нашу музыкальную комнату онъ на свой собственный счетъ украсилъ, какъ только умѣлъ: развѣсилъ по стѣнамъ, въ какихъ-то грошевыхъ рамкахъ, портреты разныхъ музыкальныхъ знаменитостей: Баха, Моцарта, Шпора, Бетховена, Россини, также рисунки нѣкоторыхъ музыкальныхъ инструментовъ, на стѣнахъ висѣла тоже пара валторнъ, а въ одномъ углу комнаты стоялъ большой шкапъ, гдѣ Карель разставилъ маленькую музыкальную библіотеку, имъ самимъ накопленную на собственные гроши: біографическіе и техническіе лексиконы, исторіи музыки, трактаты, критики, обозрѣнія. Многіе изъ насъ, всего болѣе Сѣровъ и я, много обязаны были маленькой библіотечкѣ нашего пламеннаго финна, охотно дававшаго на прочтеніе свои музыкальныя книги каждому интересовавшемуся. Здѣсь мы впервые познакомились съ музыкальной исторіей и критикой. Всего чаще мы оба съ Сѣровымъ брали музыкальный лексиконъ Шиллинга, въ то время положительно лучшее и самое полное изданіе по этой части. Въ началѣ Карель самъ училъ на всѣхъ инструментахъ, но скоро нашелъ, что это одному человѣку не подъ силу, притомъ-же въ своей честной добросовѣстности онъ охотно сознавался, что для многихъ изъ училищныхъ музыкантовъ нужны были преподаватели посильнѣе его, и вотъ онъ выхлопоталъ согласіе начальства на то, чтобъ въ училище пригласили нѣсколько спеціалистовъ по разнымъ инструментамъ. Онъ оставилъ за собою скрипку, низшее преподаваніе на фортепіано и хоры, а все остальное отошло къ другимъ преподавателямъ. Лучшимъ нашимъ піанистамъ сталъ давать уроки на фортепіано—Гензельтъ (съ 1838 года), и учиться у Гензельта, тогдашняго перваго піаниста въ Петербургѣ, считалось у насъ чѣмъ-то въ родѣ университетскихъ музыкальныхъ классовъ—и почетно, и возвышенно! Віолончелистовъ сталъ учить Кнехтъ, первый віолончелистъ опернаго театра, артистъ съ очень изящной и даже поэтической игрой (онъ былъ настолько красивъ и молодъ, что имъ прельстилась какая-то петербургская дама и онъ бросилъ театръ и уроки; тогда его мѣсто занялъ, въ Петербургѣ и въ училищѣ—Карлъ Шубертъ, впослѣдствіи дирижеръ концертовъ). На прочихъ струнныхъ и духовыхъ инстру-

ментахъ учили разные музыканты изъ театральнаго оркестра. У насъ были воспитанники, ревностно учившіеся играть на флейтѣ, на арфѣ, на валторнѣ—и даже на контрбасѣ (два Дмитрія Александровича: князь Оболенскій, впослѣдствіи членъ государственнаго совѣта, и Ровинскій, сенаторъ кассаціоннаго департамента, извѣстный собиратель художественныхъ коллекцій и писатель объ искусствѣ). Многіе изъ тогдашнихъ нашихъ музыкантовъ совершенно бросили, впослѣдствіи, музыку, и всю жизнь свою не притрогивались ни до какихъ клавишей и струнъ, направленные въ совершенно противуположную сторону кто жизнью, а кто службою, кто лѣнью, а кто равнодушіемъ. Но въ тѣ времена было совсѣмъ другое дѣло, и многіе изъ тѣхъ самыхъ людей, которыхъ теперь никакими крючками не стащишь ни на какую музыку, съ наслажденіемъ, бывало, убѣгутъ вечеркомъ изъ рекреаціонныхъ залъ, и простоятъ, тайкомъ, въ темномъ корридорѣ, притаивъ дыханіе, и слушая сквозь стеклянную дверь съ завѣшанными синимъ каленкоромъ стеклами, какъ профессоръ Штёкгардтъ, маленькій рыжій нѣмецъ (должно быть изъ жидовъ), въ безъисходномъ бѣломъ галстухѣ и съ Анной на шеѣ, послѣ классовъ, вмѣсто того, чтобы идти домой, сидитъ въ «музыкальной комнатѣ», одинъ, въ темнотѣ, и, съ энтузіазмомъ нѣмецкаго диллетанта, часа полтора-два импровизируетъ на фортепіано. Импровизація эта бывала, конечно, вовсе не очень высокаго музыкальнаго калибра, но она сильно заинтересовывала насъ своею неприготовленностью и мгновенными переливами капризной мысли и чувства. Мы въ первый разъ въ жизни слышали что-то подобное, насъ поражала умѣлость автора справляться съ непокорнымъ его матеріаломъ. Въ свою импровизацію Штёкгардтъ, по обычаю всѣхъ диллетантовъ съ недостаточною собственной фантазіею, очень часто вплеталъ всяческія свои музыкальныя воспоминанія: то кусочки изъ Баха, то отрывки изъ Вебера, Моцарта, Шпора или иныхъ намъ еще менѣе извѣстныхъ сочинителей, но мы искренно восхищались всѣмъ этимъ винигретомъ, и забывали изъ-за него подчасъ важнѣйшія свои партіи въ играхъ и разговоры въ залахъ. Въ училищныхъ концертахъ иногда исполнялись, нашими солистами, фортепіанныя сочиненія Штёкгардта, но онѣ были еще ничтожнѣе его импровизацій, сухи и формальны.

Высшее начальство, само преданное музыкѣ, а можетъ быть воображавшее, на основаніи того, что̀ во многихъ книгахъ написано, что изящныя искусства смягчаютъ нравы и облагораживаютъ душу, съ радостью вѣровало въ наши художественныя наклонности, и, въ виду многочисленности проявившихся у насъ талантовъ, рѣшило устраивать концерты. Концертъ—это было большое и важное дѣло

для всего училища, въ сто разъ важнѣе какого угодно бала и собранія. Къ нему долго приготовливались, и любезный Карель много мѣсяцевъ трудился и хлопоталъ, до третьяго пота на своемъ напомаженномъ лицѣ, а когда наставалъ великій день, то еще съ вечера наканунѣ прекращались въ цѣломъ училищѣ классы. Да оно и въ самомъ дѣлѣ нельзя было сдѣлать иначе. Эстрада, выстроенная въ большой залѣ, до вышины ногъ на портретѣ императора Николая, въ его громадной великолѣпной золотой рамѣ, еще съ прошлаго вечера, отъ вчерашней генеральной репетиціи, бывала завалена и заставлена скрипками, и контрбасами, валторнами и тромбонами нанятыхъ намъ на подмогу музыкантовъ. Чтожъ бы это такое было, еслибъ лекціи продолжались въ этотъ день, и всѣ мы, человѣкъ 200, цѣлый день были бы въ своихъ классахъ, т. е. все время вертѣлись бы въ большой залѣ, миновать которую нельзя было, чтобъ попасть въ классы? Да навѣрное, ни одного инструмента не осталось бы тогда въ цѣлости, ихъ всѣ перепробовали бы на сто манеровъ, вырывая другъ у друга изъ рукъ, а ужъ тогда пиши пропало, и конечно не осталось бы въ цѣлости ни одной струны на контрбасахъ, даромъ что онѣ толщиной съ веревку, на которой быка можно повѣсить, и ни одного клапана, ни ключа, даромъ что они толщиной съ кранъ у паровой машины. Не смотря на всѣ запрещенія, и дежурныхъ солдатъ у дверей, и запертые замки, мы все-таки, бывало, кто побойчѣе, разумѣется съ Оголинымъ во главѣ, успѣвали таки иной разъ пробраться въ большую залу, и въ удобное время, когда все остальное училище было далеко, съ восхищеніемъ колотили по литаврамъ линейками (такъ какъ литаврныя палочки были осторожно припрятаны), и выдували дикія ноты изъ валторнъ и тромбоновъ. Потомъ, совершенно счастливые, мы возвращались къ остальнымъ товарищамъ, кочевавшимъ цѣлый день, въ скучной праздности и томленіи, въ училищныхъ дортуарахъ—больше насъ некуда было дѣвать. Наставалъ, наконецъ, вечеръ и все училище надѣвало мундиры. Изъ шаловливой и шумливой толпы мы превращались вдругъ въ милыхъ и кроткихъ мальчиковъ, съ улыбками и поклонами встрѣчавшихъ прибывающую толпу гостей, разряженныхъ сестрицъ, тетушекъ и маменекъ, папенекъ въ звѣздахъ, но безъ вицмундировъ. У насъ бывали даже печатныя программы (разумѣется, на единственно-приличномъ тогда, французскомъ языкѣ) концертовъ, на маленькихъ листикахъ, и раздавались онѣ гг. родственникамъ, не столько нами самими, сколько нашими «воспитателями», которые, надушившись и наодеколонившись, напомадивъ и взъерошивъ сѣдые или бѣлокурые вихры, и надѣвъ самый новый вицмундиръ, напропалую рѣ-

зали по-французски съ важнѣйшими изъ посѣтителей. Концерты намъ всѣмъ очень нравились: во-первыхъ, цѣлый день безъ классовъ, и, значитъ, безъ опасности худыхъ баловъ; во-вторыхъ, блескъ, свѣтъ, сіяющая зала (—зала, въ простой вечеръ освѣщенная лишь въ четверть огней); потомъ еще нѣкоторое угощеніе, разносимое на серебряныхъ подносахъ громадными гайдуками принца въ гербовыхъ кафтанахъ, и хотя эти важные и серьезные, словно министры, бакенбардисты, въ большинствѣ случаевъ, проносили свои подносы высоко надъ нашими головами, для того чтобъ подать ихъ тѣмъ, кто того стоитъ, а не намъ, несчастнымъ мальчишкамъ, однакоже подчасъ, въ минуты размягченія лакейскихъ сердецъ, перепадало кое-что и на нашу долю. Но вмѣстѣ со всѣмъ этимъ, играла очень большую роль въ симпатіяхъ маленькихъ правовѣдовъ и сама музыка. И до концерта, и послѣ концерта, во всѣхъ классахъ было о немъ всегда у насъ много разговоровъ.

Составъ концертовъ бывалъ не слишкомъ интересный, и не блисталъ особеннымъ достоинствомъ сочиненій. Да оно и не могло быть иначе: вѣдь главнѣйшимъ образомъ концерты устраивались для того, чтобъ такой-то Миша сыгралъ что-то на фортепіано, такой-то Петя на скрипкѣ, такой-то Ваня на флейтѣ, или такой-то Коля спѣлъ что-нибудь своимъ тенорикомъ, дишкантомъ или начинающимся баритончикомъ—чего-же тутъ можно было ожидать особеннаго? Настоящихъ хорошихъ сочиненій или еще мало было, либо ихъ не зналъ нашъ добрый Карель, явно воспитанный въ преданіяхъ самой ординарной нѣмецкой рутины. Бетховенъ уже лѣтъ за 10 передъ тѣмъ умеръ, но его тогда еще мало знали, даже въ Германіи, и только что начинали пропагандировать въ Парижѣ, въ знаменитыхъ (но въ сущности очень не важныхъ, по разсказамъ Берліоза) концертахъ парижской консерваторіи. До массы петербургской публики достигали тогда лишь самыя молодыя, т. е. посредственныя или слабыя сочиненія Бетховена, поэтому и у насъ въ училищѣ играли въ концертахъ только 1-ю и 2-ю его симфоніи: иногда ихъ исполнялъ маленькій наемный оркестръ, которымъ дирижировалъ самъ Карель, восхищенный, красный, какъ піонъ, и кривляющійся обѣими руками, и головой какъ китайскій болванчикъ, а иногда производили ихъ въ концертѣ пары четыре или пять воспитанниковъ, играющихъ въ четыре руки на нѣсколькихъ фортепіанахъ, рядомъ поставленныхъ на эстрадѣ. Всѣ 4 или 5 паръ играли одно и то же переложеніе въ четыре руки, значитъ все дѣло состояло въ томъ, чтобъ всѣмъ попадать «въ ногу», какъ одинъ человѣкъ; чтобъ было громко за десятерыхъ, а если можно, и за двадцатерыхъ, но вмѣстѣ и ровно, и аккуратно,

какъ одинъ палецъ. Это попаданье въ ногу всего больше занимало насъ, и мы были на верху блаженства, когда сходило ловко. Этимъ-же каррикатурнымъ способомъ производили у насъ иногда и другое слабое, юношеское произведеніе Бетховена, его «Септуоръ». Потомъ еще, само собою разумѣется, играли у насъ иной разъ увертюру изъ «Волшебной флейты», путому что каждый нѣмецъ считаетъ ее за величайшій «chef d'oeuvre» и вѣнецъ творчества, вдохновенія и техническаго производства, тогда какъ это только пресухая, прехолодная и прескучная эквилибристика, съ темой, очень нелѣпо толкущейся на одномъ мѣстѣ. Мы мало входили во вкусъ этой классической знаменитости, но добродушно вѣрили, что въ ней сидитъ пучина премудрости и геніальности. Играли у насъ еще разныя увертюры третье-степенныхъ нѣмецкихъ композиторовъ. Солисты-фортепіанисты играли всего болѣе Гуммеля и Гензельта, — модныя тогда повсюду сочиненія Шопена, Листа и Тальберга не допускались еще въ училище; нашъ классикъ Карель смотрѣлъ на нихъ съ порядочнымъ высокомѣріемъ — не вышли еще, молъ, чиномъ. Скрипачи играли фантазіи Панофки на «Guido и Ginevra» или какія-нибудь другія оперы, «Элегію» Эрнста; флейтисты—фантазіи на «Фенеллу». Хоръ пѣлъ бездарныя сочиненія кое-какихъ нѣмецкихъ композиторовъ, въ родѣ: «Wir ruhen vom Wasser gewiegt», какого-то Бэлинга, или что нибудь изъ оперы «Der Templer und die Judinn» нѣсколько болѣе извѣстнаго, но наврядъ болѣе талантливаго Маршнера. Впрочемъ, бѣдный и ревностный Карель старался внести въ наши концерты и кое-что самое живое и современное. Такъ, напримѣръ, что-то изъ Мейербера, въ то время уже сильно пропагандированнаго въ Петербургѣ «Робертомъ» нѣмецкой оперной труппой. Лучшее понятіе о нашихъ училищныхъ концертахъ даетъ аффиша, случайно уцѣлѣвшая въ семействѣ одного моего товарища по классу, С. М. Баранова. Она теперь едва-ли не единственная въ своемъ родѣ, и потому я ее здѣсь перепечатаю. Она относится къ 1840-му году. Вотъ она буквально:

PROGRAMME.

1. Ouverture de l'opéra de Mozart: La Flûte enchantée, en Mi bémol majeur.

2. Solo de Panofka, pour le Violon, en Ré majeur, exécuté par Stoïanowsky.

3. Quintetto de Hummel pour le Piano, en Mi bémol mineur, exécuté par Gauer.

4. Romance de Donizetti en Sol majeur, chanteé Woskressensky.

5. Gage d'amitié, pièce lyrique pour le Piano, en Si majeur, de Stöckhardt, exécutée par Ott.

6. Air de Keller, en Ré majeur, chanté par Ounkofsky.

7. Septuor de Hummel; pour le Piano, en Ré mineur, exécuté par Stassoff.

8. Ouverture, avec choeur, de l'Opéra: Les Huguenots de Meyerbeer en Mi bémol majeur.

9. Боже, царя храни!

Въ этой программѣ нѣтъ имени нашего перваго музыканта, Сѣрова: онъ въ этотъ самый годъ, весной, вышелъ уже изъ училища, и хотя участвовалъ потомъ иногда въ концертахъ нашихъ, въ училищной залѣ, или во дворцѣ у принца Ольденбургскаго, во фракѣ или вицъ-мундирѣ, но на этотъ разъ отсутствовалъ.

Да, Сѣровъ былъ у насъ первымъ въ училищѣ и по музыкальной способности, и по музыкальному образованію. Еще дома, мальчикомъ онъ получилъ такую солидную музыкальную подготовку, какъ никто изъ всѣхъ насъ.

Отецъ его, Николай Ивановичъ Сѣровъ ровно ничего не понималъ въ музыкѣ, да наврядъ-ли и любилъ что нибудь въ ней, но почему-то считалъ очень комь-иль-фотнымъ и бонтоннымъ, чтобъ у него въ домѣ производилась постоянно музыка. Когда его старшій сынъ, Александръ, былъ еще маленькимъ ребенкомъ, у нихъ уже собирался, по зимамъ, струнный квартетъ, гдѣ главные исполнители были первыя скрипки тогдашней петербургской оперы, Семеновъ и Лабазинъ. Всего вѣроятнѣе, что этотъ квартетъ въ домѣ у Сѣровыхъ завелъ священникъ Турчаниновъ, великій пріятель Николая Ивановича, сочинитель многихъ «херувимскихъ» и другой церковной музыки (въ очень сентиментальномъ, дилеттантскомъ и мало музыкальномъ стилѣ). Онъ пламенно любилъ музыку, хотя мало зналъ ее, и нерѣдко пѣвалъ у Сѣровыхъ, аккомпанируя себѣ на фортепіано. Старшіе двое дѣтей въ этомъ домѣ, Александръ и Софья, оба по натурѣ очень художественные вообще, и музыканты въ особенности, прыгали отъ радости, когда Турчаниновъ садился за фортепіано, и бѣжали сказать своей мамѣ, что «Богъ та-та-та»! (т. е. священникъ-молъ сейчасъ заиграетъ и запоетъ: въ то время Богъ и священникъ выражались у нихъ однимъ и тѣмъ же словомъ). Турчаниновъ, далъ, навѣрное, первый толчекъ музыкальному развитію и брата, и сестры. Квартетъ, имъ устроенный у Сѣровыхъ, тоже очень сильно повліялъ на музыкальное направленіе обоихъ.

Когда потомъ пришло время учиться музыкѣ, обратились къ квартетистамъ. Одинъ изъ нихъ, Лабазинъ, порекомендовалъ въ учитель-

ницы молодую дѣвушку, Олимпіаду Григорьевну Жебелеву; ей было всего 16 лѣтъ, но она была уже сильная музыкантша, и отлично начинала давать уроки музыки, солидно и необыкновенно тщательно. Она была дочь стараго актера, игравшаго съ большимъ успѣхомъ на императорскомъ театрѣ роли «злодѣевъ», хотя онъ былъ ничто иное, какъ добродушнѣйшій и милѣйшій смертный на всемъ земномъ шарѣ — я познакомился съ нимъ уже въ глубокой его старости, въ 1855 году, когда затѣялъ писать исторію русскихъ церковныхъ и иныхъ хоровъ, и мнѣ нужно было собирать со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія отъ уцѣлѣвшихъ представителей русской старинной жизни (о немъ я буду еще говорить ниже). Молодая Жебелева уже съ раннихъ своихъ лѣтъ должна была прокармливать свое семейство. Для этого она пошла давать уроки, къ чему отлично была приготовлена съ дѣтства: она училась сначала у нѣмки Радеке, потомъ у поляка Марецкаго (въ концѣ 1820-хъ годовъ одного изъ лучшихъ петербургскихъ фортепіанистовъ), и изъ этой школы вынесла самое солидное нѣмецкое музыкальное образованіе и направленіе. Мнѣ непремѣнно хотѣлось разсказать все это, для того чтобы у насъ знали, откуда и какимъ путемъ пришло къ А. Н. Сѣрову, съ самаго начала, то направленіе, которое характеризовало его въ продолженіе главной части его жизни, и которому онъ сталъ вдругъ измѣнять лишь въ послѣдніе свои годы. Что̀ касается матеріальной стороны дѣла, то, благодаря частымъ урокамъ О. Г. Жебелевой, и еще болѣе частымъ свиданіямъ съ нею, всегда проводимымъ за фортепіано, въ игрѣ въ двѣ и въ четыре руки, Сѣровъ уже лѣтъ 8 — 9 хорошо читалъ музыку съ листа, а въ 12—15—превосходно. Что-же касается стороны художественной, то въ него съ самыхъ раннихъ лѣтъ заложена была прочная любовь и уваженіе ко всему нѣмецкому въ музыкѣ,—другихъ композиторовъ, кромѣ нѣмецкихъ, онъ въ то время и не зналъ. Главнымъ музыкальнымъ репертуаромъ для него служило нѣмецкое изданіе «Opernkranz», т. е. нѣчто въ родѣ христоматіи, содержащей отрывки изъ разныхъ оперъ — конечно нѣмецкихъ. Въ началѣ 1830-хъ годовъ прибавилась къ нимъ «Фенелла», любимая опера всего сѣровскаго дома, до самаго конца ихъ жизни. Послѣ нея скоро поступилъ въ фавориты всего дома также и «Робертъ».

Съ такимъ музыкальнымъ запасомъ Сѣровъ поступилъ въ 1-ю гимназію, но тамъ музыка не только не процвѣтала, но вовсе ровно ничего не значила. Я думаю, во всей гимназіи никто даже и не подозрѣвалъ, что между этими 14-ти и 15-ти лѣтними мальчиками есть одинъ, который весь день только и думаетъ, что о музыкѣ, ею только и дышетъ.

Когда Сѣровъ поступилъ въ училище правовѣдѣнія, дѣло приняло совершенно другой оборотъ. Онъ попалъ на самую настоящую свою точку. Трудно было бы ему желать почвы благодарнѣе, и соединенія условій болѣе благопріятныхъ для развитія его музыкальныхъ способностей. По счастью, въ то время еще не было въ Петербургѣ консерваторій, и, значитъ, ничто и никто не наложилъ на мнѣнія и вкусы Сѣрова казеннаго цѣховаго пошиба, неизбѣжнаго во всѣхъ консерваторіяхъ, и безопаснаго лишь для натуръ очень сильныхъ и самостоятельныхъ, какою никоимъ образомъ не былъ Сѣровъ. Консерваторское направленіе и классы, навѣрное, изуродовали-бы его съ самаго-же начала. Въ училищѣ, напротивъ, никто не вмѣшивался въ его вкусы и настроеніе, и онъ могъ идти, какъ самому ему было угодно. Въ началѣ, онъ выступилъ фортепіанистомъ, и на диво всѣмъ товарищамъ-музыкантамъ и самому Карелю, не могшему довольно нахвалиться имъ, исполнялъ A-moll'ный концертъ Гуммеля съ оркестромъ, считавшійся у насъ по цѣлому училищу Геркулесовыми столбами творчества, глубокой значительности, красоты и трудности. Но скоро потомъ, не знаю по чьему желанію, отца своего, а можетъ быть и самаго принца, взялся за віолончель, и сталъ ревностно учиться ея техникѣ. Повидимому, онъ въ то время, какъ и всѣ, считалъ, что одинъ инструментъ другаго стóитъ, и что скрипка, что віолончель, что флейта, что кларнетъ, что фортепіано—все одно и то-же, каждый инструментъ въ своемъ родѣ. На дѣлѣ онъ долженъ былъ бы, кажется, прекрасно понимать, что фортепіано—это цѣлый оркестръ, да еще съ прибавкой хора и солистовъ: вѣдь онъ на немъ исполнялъ цѣлаго «Фрейшюца», цѣлаго «Роберта», цѣлую «Фенеллу», и однакоже—огромная непослѣдовательность—согласился промѣнять фортепіано на такой бѣдный и тощій, въ своей односторонности, хотя и очень нужный въ общей массѣ, осколокъ оркестра, какъ віолончель. Сѣровъ не имѣлъ, также, въ то время еще ничего противъ ученья и исполненія «пьесъ» соло, т. е. нелѣпѣйшаго рода сочиненій по всей музыкѣ. Онъ преспокойно и преравнодушно сносилъ ихъ, точно будто дѣломъ занимался. Впрочемъ, всѣ самые ревностные труды его ни къ чему не повели, и онъ никогда не былъ даже и порядочнымъ віолончелистомъ. Самой большой помѣхой ему въ этомъ всегда была рука—слишкомъ малая, съ короткими, кургузыми и слабосильными пальцами. Не смотря на всѣ этюды и экзерциціи, ежедневно, ревностно проигрываемые въ спальняхъ библіотеки, въ продолженіе безчисленнаго множества часовъ въ году, въ антрактахъ между лекціями, пальцы у него никогда такъ и не растянулись, не пріобрѣли ни силы, ни бѣглости, ни эластичности на струнахъ. У него хватило

всего этого только для фортепіано, гдѣ система и условія совершенно другія. Одно только у него было несомнѣнно хорошо, когда онъ игралъ на віолончели: прекрасный, полный тонъ. Но для этого необходимо ему было, чтобъ пьеса непремѣнно шла въ порядочно-медленномъ темпѣ, и не было «пассажей», всегда ему недоступныхъ. Всего чаще Сѣровъ игралъ, въ училищныхъ концертахъ, фантазіи и варіаціи Дотцауера и другихъ ему подобныхъ ординарныхъ нѣмцевъ, а иногда просто переложенныя для віолончеля темы изъ нѣмецкихъ оперъ, наприм., изъ Оберона, Фрейшюца, въ очень медленномъ темпѣ Adagio. Однакоже, и въ этомъ родѣ онъ настолько отличался, что самъ принцъ постоянно приходилъ въ великое восхищеніе отъ его віолончельной игры, а также вообще отъ его музыкальности, и незадолго до выпуска его изъ училища, подарилъ ему прекрасный складной пюпитръ изъ краснаго дерева, на футлярѣ котораго стоялъ вытисненный золотомъ стихъ Горація:

Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci.

(Всего достигаетъ тотъ, кто смѣшиваетъ пріятное съ полезнымъ). Значитъ пріятное, но не полезное—это была музыка; полезное, но не пріятное—это было правовѣдѣніе и прочія серьезныя вещи! Вышло, однакоже, не совсѣмъ такъ: правовѣдѣніе никогда не сдѣлалось чѣмъ-то полезнымъ для Сѣрова, онъ проволочилъ это правовѣдѣніе коекакъ, и впослѣдствіи бросилъ его совсѣмъ, музыка-же его вышла для него пріятна, но рѣдко полезна. Достигалъ же онъ и торжествовалъ на своемъ вѣку—рѣдко и мало, вѣрнѣе сказать, этого съ нимъ почти никогда не случалось. Ничего онъ не достигъ—даже самыхъ коренныхъ своихъ желаній по части музыки. Надѣялся онъ и добивался отъ себя одного—вышло совсѣмъ другое. А когда, впослѣдствіи другіе стали осуществлять въ музыкѣ то, о чемъ онъ мечталъ въ молодыхъ годахъ, то самъ-то онъ уже до того измѣнился къ тому времени, что ему была противна и невыносима чужая иниціатива, онъ сталъ ее преслѣдовать съ раздраженіемъ, какъ врага, какъ вредъ, какъ чуму, окислялся все болѣе и болѣе, и, наконецъ, умеръ — отъ разрыва сердца!

Можно-ли было отгадать подобное превращеніе, подобный конецъ въ тѣ времена (1836—1840 годы), что̀ мы съ Сѣровымъ провели въ училищѣ, вмѣстѣ? Ка̀къ все иначе начиналось въ молодые годы. Нѣтъ, Горацій рѣшительно не годился въ пророки про Сѣрова.

Мои первыя сношенія съ Сѣровымъ были единственно музыкальнаго характера. На музыкѣ мы сошлись, и одной музыки касались всѣ наши разговоры въ первое время. Насъ обоихъ считали товарищи и учителя первыми двумя музыкантами въ училищѣ, и это, я

думаю, было справедливо въ томъ отношеніи, что если мы и играли не важно (онъ на віолончели, а я на фортепіано), то все-таки больше всѣхъ другихъ постоянно интересовались музыкой, старались узнавать въ ней новое, пошире и подальше однихъ виртуозныхъ сочиненій, много и читали, и совѣщались другъ съ дружкой обо всемъ музыкальномъ, а что касается даже и музыкальнаго исполненія на инструментѣ каждаго изъ насъ, то постоянно разбирали одинъ другаго, и, помимо учителей музыкальныхъ, искали настоящаго выраженія въ играемомъ, и у себя, и у другихъ. Но иногда музыкальныя занятія Сѣрова были жестоко нарушаемы. Его лишали спокойнаго духа, для того необходимаго, отношенія къ нему директора и товарищей по классу. Нашъ директоръ Пошманъ, уже я и не знаю почему, терпѣть не могъ Сѣрова, и Сѣровъ отвѣчалъ ему тѣмъ-же: слѣды этого остались въ иныхъ мѣстахъ его переписки со мною (извлеченія оттуда напечатаны въ «Русской Старинѣ»). Во времена училища, Пошманъ относился къ нему съ какимъ-то пренебреженіемъ, и, такъ какъ никогда не могъ не только наказать его, но даже пожурить (и ученье, и поведенье у Сѣрова были всегда безукоризненны), то, по крайней мѣрѣ, всегда дѣлалъ видъ, будто его «не замѣчаетъ», игнорируетъ,—а это было очень много, когда вспомнить, что Сѣровъ былъ вообще одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ училища, и чрезвычайно любимъ принцемъ. Можетъ быть, нерасположеніе Пошмана къ Сѣрову произошло оттого, что вообще говоря, «старшій классъ», товарищи, не любили Сѣрова, а многіе училищные отголоски, особенно въ первые годы, доходили очень скоро до директора, и нерѣдко имѣли вліяніе на его расположеніе къ подвластному ему матеріалу. Всѣ они уважали его за способности, начитанность и образованіе—этимъ онъ, навѣрное, далеко превосходилъ ихъ всѣхъ, но не уважали и даже почти презирали за слабый характеръ, за отсутствіе воли, за полное безучастіе ко всему, не касавшемуся лекцій, классныхъ занятій и музыки. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ, проведенныхъ въ училищѣ, Сѣровъ ничуть не отличался тою живостью, сангвинизмомъ, остроуміемъ, которыми впослѣдствіи такъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ. Онъ былъ тогда что-то совсѣмъ противуположное, онъ былъ вялъ, во всемъ тяжелъ на подъемъ, неуклюжъ и неповоротливъ, не участвовалъ ни въ какого рода предпріятіяхъ училищныхъ, отроду никогда не заходилъ ни въ гимнастическій залъ, ни въ фехтовальный классъ, никогда не имѣлъ понятія ни о какой игрѣ съ товарищами, и, кажется, за версту обошелъ-бы тѣ мѣста, гдѣ играютъ въ лапту и бары, гдѣ летаютъ и прыгаютъ на pas-de-géant. Рѣдко съ кѣмъ изъ товарищей онъ даже пускался въ разговоры

(кромѣ развѣ пары самыхъ ничтожныхъ и неуважаемыхъ въ классѣ), чуждался всего и всѣхъ, въ классѣ только приготавливалъ и слушалъ лекціи, или читалъ, а остальное время либо опять-таки читалъ, либо игралъ на віолончели, либо былъ со мной. Но такихъ людей, вялыхъ и ничѣмъ общимъ не интересующихся, никогда товарищи не любятъ, а иногда и преслѣдуютъ. Послѣднее именно и случилось съ Сѣровымъ. Насмѣшкамъ и приставаньямъ не было конца. И уродцемъ-то карликомъ его величали, и Квазимодомъ безобразнымъ (онъ самъ мнѣ разсказывалъ), и негодной тряпицей, и мягкою слякотью, и Богъ знаетъ чѣмъ еще. Иногда я видалъ его раздраженнымъ чуть ни до истерики, но чаще совершенно несчастнымъ, отъ того жестокаго, бестыднаго и пошлаго приставанья, которому подвергали его товарищи, особливо рыжій заика Чаплыгинъ, тупица изъ тупицъ, ничтожнѣйшій дуракъ изъ дураковъ, не стоившій ногтя на мизинцѣ ноги Сѣрова, но тѣмъ не менѣе очень одобряемый господами товарищами во время своего гнуснаго приставанья, казавшагося имъ очень забавнымъ и милымъ. Ихъ не способна была обезоружить ни вся его дѣтская беззащитность, ни все его неумѣнье быть злымъ, отпарировать наносимые удары, ни весь его растерянный видъ и страдающіе глаза, его жалобный голосъ, когда онъ имъ повторялъ: «За что̀ вы меня гоните? Что́ я вамъ сдѣлалъ»? У этихъ прекрасныхъ юношей запасъ стараго помѣщичьяго звѣрства былъ слишкомъ проченъ по наслѣдству, его ничѣмъ нельзя было растопить. Помню, какъ придя, однажды, въ спальню, гдѣ Сѣровъ всегда занимался своей музыкой, я нашелъ его совершенно убитымъ, почти плачущимъ, со смычкомъ въ рукѣ и склонившимъ голову надъ віолончелью, на которой онъ не въ силахъ былъ взять ни единой ноты,—до того его довели преслѣдованія и насмѣшки иныхъ скверныхъ товарищей, которыхъ прочіе и не думали останавливать: худое положеніе усилилось для Сѣрова особенно съ тѣхъ поръ, какъ уничтожились, ужъ я и не знаю почему, какъ-то сами собой, мало-по-малу, около конца 1836 года, тѣ музыкальныя засѣданія, послѣ ужина, гдѣ Сѣровъ игралъ отрывки изъ оперъ. Я его утѣшалъ и успокоивалъ, бранилъ за малодушіе, и когда, онъ, вздыхая, спрашивалъ: «Да чтожъ мнѣ съ ними дѣлать! Вѣдь я не умѣю съ ними ни драться, ни браниться! А словъ они никакихъ не понимаютъ... даже не слушаютъ... насмѣхаются только больше...», то я, крѣпко разсердившись, вскочилъ съ табурета, собираясь тотчасъ пойти и со всѣми его врагами расправиться. Неожиданная идея защиты и мщенія подѣйствовала на Сѣрова какъ цѣлительный бальзамъ; онъ же самъ принялся меня останавливать отъ нелѣпой вылазки моей, изъ которой, конечно, ничего бы не вы-

шло—меня большіе верзилы старшаго класса въ одну секунду измололи-бы въ порошокъ, да еще бы заставили «воспитателя» наказать меня по училищному какъ нибудь. Послѣ минутнаго спора мы оба успокоились, пришли въ себя, и мало-по-малу всегдашнее доброе, хорошее, спокойное, даже немножко флегматическое расположеніе духа воротилось къ нему. Мы скоро опять заговорили про нашу любезную музыку. Онъ взялся за смычокъ и сталъ играть мнѣ чью-то віолончельную фантазію на «Оберона»; я ему игралъ потомъ «Тріо» Гуммеля, который прилежно твердилъ тогда у Гензельта, (это была для него новость, такъ какъ по нелюбви къ нему Пошмана, онъ никогда не смѣлъ ходить къ нему на квартиру, гдѣ я продѣлывалъ свои музыкальные уроки). Въ нѣсколько минутъ завязался у насъ музыкальный разговоръ, и мы быстро перелетѣли отъ Дотцауера и Гуммеля къ Веберу и Мейерберу, которые насъ всего болѣе тогда занимали. Чаплыгины и остальная ему подобная училищная сволочь и гадость улетѣли вдругъ куда-то далеко, и надолго—на цѣлый часъ, на полтора. Этого часа довольно было на то, чтобъ бѣдному Сѣрову набраться терпѣнія и новыхъ силъ.

Однако же, у насъ съ Сѣровымъ дѣло шло не объ одной только музыкѣ. Уже и въ первый годъ моей училищной жизни у насъ разговоры стали съѣзжать отъ времени до времени и на многіе другіе предметы. Мы скоро открыли, что насъ обоихъ, кромѣ музыки, одинаково интересуютъ многія другія еще вещи. У насъ обоихъ была страстная любовь къ чтенію и величайшая потребность въ немъ; мы очень много тогда читали, по вечерамъ въ классѣ, потому что очень быстро справляли все нужное для уроковъ и лекцій, и умѣли выгадывать себѣ не мало свободнаго времени въ днѣ, — да притомъ-же не рѣдко оба читали, тайкомъ, что̀ намъ нравилось, и во время лекцій у тѣхъ профессоровъ, за которыми не надо было записывать ихъ чтенія. Мы перебрали, такимъ образомъ, въ разговорахъ другъ съ дружкой, все нами до тѣхъ поръ прочитанное: у него больше было прочитано по-нѣмецки, у меня по-французски. Мы обмѣнялись. Самымъ крупнымъ пріобрѣтеніемъ для меня было, при этомъ, что онъ меня заставилъ узнать Бюффона и Гоффмана. У Сѣрова была, съ самаго дѣтства, величайшая страсть къ естественной исторіи, всего болѣе къ зоологіи, и онъ ее развилъ именно на Бюффонѣ. Отецъ Сѣрова, и по уму, и по образованію, былъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, выходящихъ изъ ряду вонъ людей, какихъ мнѣ только случалось встрѣчать на своемъ вѣку. Онъ имѣлъ громадное вліяніе на образованіе своего старшаго сына, Александра. О немъ мнѣ придется еще многое разсказывать въ другихъ главахъ

моей автобіографіи, тамъ гдѣ рѣчь пойдетъ о моемъ знакомствѣ съ нимъ и съ семействомъ Сѣровыхъ. Здѣсь-же мнѣ довольно будетъ указать только на то, что у него была отличная (хотя немножко устарѣлая) библіотека книгъ на французскомъ и нѣмецкомъ языкѣ. Томики Бюффона съ отличными раскрашенными изображеніями четвероногихъ, птицъ, рыбъ и насѣкомыхъ просто изъ рукъ не выходили у Александра Сѣрова, онъ читалъ и разсматривалъ ихъ безъ конца, и до того наполненъ былъ понятіемъ о томъ, что ничего нѣтъ на свѣтѣ выше любимаго его автора и его собственнаго отца, что вплоть до гимназіи начиналъ всѣ «важные» свои разговоры тàкъ: «Пàпа, Бюффонъ и я». Его дома долго дразнили этой фразой. Интересъ къ естественной исторіи былъ даже причиной единственной во всю его жизнь кражи, совершенной имъ. Когда ему было лѣтъ 10 или 11, его мать повела его, однажды, смотрѣть альбиноску, которую тогда показывали въ Петербургѣ. Онъ долго ходилъ кругомъ нея, и любовался, и удивлялся, и даже заговаривалъ съ нею, не смотря на свою всегдашнюю застѣнчивость. Но когда они уже выходили на лѣстницу, ихъ догнала нѣмецкая дама, отбиравшая билеты, я съ гнѣвомъ, ломаннымъ русскимъ языкомъ стала требовать, чтобъ обыскали «маленьки баринъ», что вотъ сейчасъ другіе видѣли, какъ онъ стянулъ въ карманъ «чудни бѣли волоси альбиноска», одинъ изъ пучковъ, разложенныхъ на столѣ для обозрѣнія почтеннѣйшихъ «высокихъ господъ» (hohe Herrschaften). Мать Сѣрова пришла въ великое негодованіе. Какъ! Ея Александръ укралъ, этотъ обожаемый мальчикъ, котораго отроду не соблазняли ни гостинцы, ни игрушки, ни все то, блестящее, яркое, красивое или аппетитное, что иной разъ поворачиваетъ голову самымъ примѣрнымъ, самымъ лучшимъ дѣтямъ, и заставляетъ ихъ стянуть по секрету. Нѣтъ, это невозможно, это ей слишкомъ оскорбительно было слышать отъ этой противной нѣмки въ мятой шляпѣ. Но никакая защита и доказательства не помогли, Сашу обыскали—и «чудни бѣли волоси» оказались у него въ карманѣ. Вотъ-то былъ стыдъ для его матери! Она краснѣла даже спустя 20 лѣтъ, когда мнѣ это разсказывала. Но тогда, она скрыла эту исторію отъ своего мужа (который былъ слишкомъ горячъ, да въ добавокъ слишкомъ суровый деспотъ). Она же сама и не подумала наказывать Сашу, во-первыхъ, потому, что никогда не знала, чтò такое значитъ наказывать дѣтей, а во-вторыхъ потому, разсказывала она мнѣ, что слишкомъ хорошо увидала изъ-за какого мотива совершилась тутъ попытка на кражу: тутъ не было ни подлой жадности, ни низкаго движенія душевнаго, тутъ на сценѣ былъ одинъ только сильно возбужденный, чистый интересъ къ небывалому, невиданному явленію

природы. Въ училищѣ мы съ Сѣровымъ читали Бюффона съ великимъ восторгомъ, много о немъ разговаривали (при чемъ все-таки нападали на риторику XVIII вѣка, намъ, какъ русскимъ, совершенно не симпатичную и чуждую), и Сѣровъ такъ увлекъ меня въ сторону естественной исторіи, что я сталъ покупать выходившее тогда, выпусками, великолѣпное иллюстрированное изданіе въ краскахъ: «Dictionnaire universel d'histoire naturelle par d'Orbigvy». Сѣровъ, въ своемъ восхищеніи, часто срисовывалъ оттуда, въ краскахъ же, чудесныхъ фазановъ, павлиновъ, львовъ и тигровъ.

Онъ рисовалъ вообще прекрасно, и карандашемъ, и акварелью, особенно хорошо схватывалъ сходство, и у меня до сихъ поръ есть его небольшіе портреты карандашомъ, присланные мнѣ впослѣдствіи, въ 1840-хъ годахъ, изъ Симферополя, гдѣ онъ тогда служилъ. Не худо онъ также могъ рисовать небольшіе пейзажи съ натуры, и семейство Сѣровыхъ не прожило ни одного лѣта на дачѣ въ Парголовѣ, Ораніенбаумѣ, Ревелѣ, или Старой Русѣ, безъ того, чтобъ Александръ не снялъ множество изящныхъ мѣстностей карандашомъ. Онъ всегда говаривалъ, что не будь ему музыка дороже всего на свѣтѣ, онъ навѣрное сдѣлался-бы живописцемъ. И, въ самомъ дѣлѣ, у него въ натурѣ было крупное художественное чувство, сильное постиженіе красивости, поэтичности и живописности. Но каждому внѣшнему проявленію въ этомъ родѣ ему мѣшали двѣ вещи: слишкомъ малое владѣніе техникой, а во-вторыхъ—недостатокъ творческой силы. Способность понимать, схватывать, усвоивать, наслаждаться всѣми художественными произведеніями присутствовала въ немъ въ очень значительномъ размѣрѣ, но далеко не такъ велика была способность самому создавать, и въ продолженіе всей его жизни, сознаніе недостаточности этой силы въ самомъ себѣ и было главнымъ его мученіемъ. Такъ точно было и съ рисованіемъ. Создать что-нибудь свое собственное, хотя-бы самый небольшой рисунокъ, было всегда для Сѣрова великимъ камнемъ преткновенія. У него не было почти вовсе художественнаго творческаго воображенія. И потому-то онъ вѣчно мучился и терзался, когда надо было что-нибудь самому выдумать и создать. По части рисованья это было у него еще сильнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, и онъ на-вѣки остался милымъ, но слабымъ диллетантомъ. Онъ очень любилъ сказки и повѣсти Гофмана, читалъ ихъ почти запоемъ нѣсколько лѣтъ сряду, все собирался нарисовать иллюстраціи къ «Коту-Муру»,—и никогда не въ состояніи былъ этого исполнить, сколько разъ ни принимался, и сколько ни любилъ и ни твердо зналъ котовъ,—единственныхъ животныхъ, нами обоими любимыхъ за ихъ красоту, силу, грацію, за ихъ ничѣмъ не подкупную, за ихъ

ничѣмъ не сокрушимую, ни лаской, ни грозой, самостоятельность, и всегда вездѣ, гдѣ только можно было, мы ихъ наблюдали. Послѣ многихъ напрасныхъ попытокъ, онъ такъ и оставилъ «Кота-Мура» въ сторонѣ, точно также какъ множество другихъ рисовальныхъ затѣй, наприм., сцены и процессіи чертей и чертенятъ (по Гофмановскимъ-же фантастическимъ сказкамъ) и удовольствовался тѣмъ, что было гораздо легче ему: срисовываніемъ съ гравюръ и рисунковъ всего, что ему особенно нравилось. Такъ, напр., онъ часто и много срисовывалъ перомъ изъ бойкихъ юмористическихъ и граціозныхъ сценъ Gavarni, бывшаго въ концѣ 1830-хъ и въ началѣ 1840-хъ годовъ вездѣ въ Европѣ въ большой модѣ. Уже и въ эти годы «острое» и «остроумное» чуть не болѣе всего нравилось Сѣрову, хотя бы оно было иной разъ даже и не очень умно,—это не рѣдко бывало причиной нашихъ споровъ и сильныхъ моихъ нападковъ на него. «Какъ ты это можешь такъ радоваться на подобный вздоръ!» часто говаривалъ я ему съ досадой. «Тутъ только стоитъ плюнуть съ презрѣніемъ, а ты вонъ по-ребячьи смѣешься и приходишь въ восхищеніе, даже сто разъ самъ повторяешь потомъ, съ какимъ еще наслажденіемъ, весь этотъ вздоръ и чепуху!», и по своей крайней податливости, онъ часто соглашался, что «это, правда, въ самомъ дѣлѣ такъ, но что же дѣлать, такая уже у меня натура!»—а на-завтра и послѣ-завтра повторялось опять и опять точь-въ-точь то же самое. Понятно, какъ при такомъ настроеніи должны были дѣйствовать на Сѣрова картинки Гранвилля, въ самомъ дѣлѣ ярко блещущіе умомъ, ѣдкостью, юморомъ, остротой, граціей и изяществомъ. Сѣровъ ими просто объѣдался и опивался, и съ увлеченіемъ срисовывалъ цѣлые сцены изъ «Fourberies de femme», «Les enfants terribles«, «Le carnaval à Paris», «Les étudiants» и множество другихъ, черта въ черту, буквально копируя даже каждый неловкій штрихъ, каждое неумѣлое пятно бойкаго, но мало владѣвшаго художественой техникой француза. Точь-въ-точь также рабски копировалъ тогда Сѣровъ картинки изъ отличныхъ французскихъ иллюстацій къ «Гюлливеровымъ путешествіямъ», которыми мы вмѣстѣ восхищались. Все это было въ реальномъ, жизненномъ родѣ; но въ то же время онъ не меньше срисовывалъ изъ очерковъ Флаксмана («Дантъ», «Гомеръ»), котораго созданія, хотя и въ классическомъ. т. е. условномъ и выдуманномъ стилѣ, гдѣ правдивой жизни слишкомъ мало, но все-таки часто сильныя, своеобразныя и изящныя мы знали, каждый, еще дома и любили отъ всей души. Поклоненіе Флаксману—это былъ одинъ изъ тѣхъ пунктовъ, на которыхъ мы всего болѣе сходились, и гдѣ всего болѣе были родственны одинъ съ другимъ. Не только въ продолженіе училища, но и послѣ, когда началась наша постоянная

переписка съ Сѣровымъ, Флаксманъ былъ частымъ предметомъ нашихъ разсужденій, раздоровъ, восторговъ и воспоминаній.

Надо замѣтить, что на сколько училище наше было богато мызыкальными средствами и напоминаніями всякаго рода, начиная отъ валторнъ и библіотеки Кареля, и кончая концертами, настолько-же оно было скудно матеріалами и напоминаніями по части остальныхъ искусствъ. Едва-ли не единственная живописс во всемъ училищѣ — это былъ посредственный портретъ императора Николая, въ мундирѣ, ботфортахъ и порфирѣ, съ заложеннымъ, по всегдашнему, за генеральскій кушакъ пальцемъ и повороченнымъ въ сторону лицомъ—все вмѣстѣ въ богатой золотой рамѣ. Но тутъ еще слишкомъ мало было художества, и ничто не будило эстетическихъ инстинктовъ. Мы всѣ толпами гуляли, бѣгали, шумѣли, кричали, разговаривали въ большой залѣ, а на этотъ портретъ никогда даже и не взглядывали— не изъ-за чего было. Но у насъ съ Сѣровымъ была, за то, своя живопись, которую мы знали и любили, и о которой часто толковали другъ съ другомъ. Это изданіе, въ нѣсколькихъ десяткахъ томовъ, Ландона: «Annales du Musée», содержавшее изображеніе, въ однихъ контурахъ, всѣхъ знаменитыхъ картинъ, разбойнически отнятыхъ Наполеономъ I у всѣхъ галлерей Европы, и свезенныхъ въ Парижъ. Мы оба съ Сѣровымъ выросли на этомъ изданіи, находившемся у каждаго изъ нашихъ отцовъ; много годовъ сряду, въ продолженіи нашего дѣтства, мы перебирали и разсматривали эти любезные томики, въ старинныхъ розовыхъ переплетахъ Наполеоновскаго времени, а когда стали юношами, оказалось, что мы твердо знаемъ (по крайней мѣрѣ, въ общихъ очеркахъ) всѣ знаменитѣйшія картины прежнихъ эпохъ цѣлой Европы. Какая богатая пища разговоровъ оказалась тутъ у насъ и по этой части! Мы были тогда самые строгіе классики, и Рафаэли, Пуссены, и Карраччи, Доменикины и Лессюёры составляли предметъ нашихъ восторговъ, за-разъ съ Рубенсами, и съ Тенирсами, и съ Остадами. Красивость формъ и нѣкоторая выразительность—вотъ все, что намъ тогда нужно было отъ искусства и мы вполнѣ ими были удовлетворены въ сочиненіяхъ Рафаэлей и Пуссеновъ. Больше мы не требовали, да, конечно, и не могли требовать: ни о какихъ другихъ требованіяхъ мы еще ни откуда не слыхали, и образчиковъ инаго направленія нигдѣ не видали. Голландцы съ своими картинами казались намъ тогда милыми и довольно интересными (судя по картинамъ въ Эрмитажѣ), но куда второстепенными противъ Карраччей и Доменикиновъ! Но возвращаюсь къ учи-

лищу. Въ сто тысячъ разъ болѣе, чѣмъ въ портретѣ Николая I, было для насъ художества въ колоссальной головѣ Христа, Торвальдсена, гипсовый слѣпокъ которой (съ копенгагенскаго оригинала) подаренъ былъ моему отцу нашимъ скульпторомъ Гальдбергомъ, а моимъ отцомъ подаренъ потомъ нашему училищу, и поставленъ высоко-высоко подъ самымъ потолкомъ, на стѣнѣ нашей столовой. По малой наклонности всего училища правовѣдѣнія, того времени, къ изящнымъ искусствамъ, кажется никто этой головы никогда у насъ и не разсматривалъ. пожалуй, большинство ея даже вовсе и не замѣтило. Да и что мудренаго? Вѣдь тутъ, въ столовой, дѣло шло о томъ, какъ-бы побольше получить блиновъ и сырниковъ, или же покрупнѣе краюхи слоенаго пирога съ малиной, или еще куски говядины подъ краснымъ соусомъ, по возможности, безъ противныхъ жилъ,—до Торвальдсена-ли и до его-ли «Христа» тутъ было! Но мы съ Сѣровымъ, какъ одни изъ наименѣе жадныхъ и наиболѣе занятыхъ тѣмъ, что намъ художественно нравилось, частенько поглядывали со своихъ скамеекъ на эту бѣлую колоссальную голову, полную благородства и благости, и нерѣдко разговаривали потомъ другъ съ дружкой о томъ, какой этотъ великій художникъ Торвальдсенъ! Мы тогда еще вѣровали въ геніальность его, восхищались его «Процессіей Александра Великаго», гдѣ ассирійскіе костюмы, скопированные изъ ассирійскихъ барельефовъ, казались намъ верхомъ реализма и шагомъ искусства впередъ; восхищались его медальонами «Ночь» и «Утро» (въ сущности, слишкомъ уже посредственными), сердиты были на его сухихъ и совершенно бездарныхъ «Петра» и «Павла», слѣпки съ которыхъ поставлены были на Невскомъ, передъ лютеранскою церковью, но до того приходили въ восторгъ отъ его «Христа», что когда въ 1840-мъ году Сѣровъ вышелъ изъ училища, я первымъ дѣломъ подарилъ ему, на новоселье, и для художественнаго «освященія» его комнатокъ, гипсовую статуйку Торвальдсеновскаго Христа, величиною съ аршинъ, купленную на мои собственныя, очень невеликія деньги. Сѣровъ поставилъ ее надъ своимъ маленькимъ стариннымъ органомъ, за которымъ проводилъ тогда всѣ дни (кромѣ сената) и чуть не всѣ ночи, между бюстиковъ Гёте и Шиллера, такъ какъ обоихъ ихъ любилъ до страсти, особливо перваго, я думаю, больше всѣхъ писателей на свѣтѣ, даже больше самаго Гоголя, а этого мы оба страстно боготворили,—безпредѣльно.

Навѣрное, никто въ цѣломъ училищѣ такъ не дивился на Сѣрова и не восхищался имъ, какъ я. Еще въ первый разъ въ жизни я

видѣлъ собственными глазами такую многостороннюю, такую развитую и сильно-образованную, такую даровитую натуру, какая у него была. Не смотря на разныя прекрасныя исключенія, не смотря на то, что въ училищѣ было не мало и умныхъ, и хорошихъ, и честныхъ, и благородныхъ, и образованныхъ мальчиковъ и юношей, всѣ они были для меня дрянь и мелочь въ сравненіи съ Сѣровымъ. Пока дѣло шло о классахъ и классныхъ дѣлахъ, о нашихъ «политическихъ» и «домашнихъ» убѣжденіяхъ, тѣ всѣ, лучшіе, были для меня высоки, и дороги, и любезны, и я съ большимъ увлеченіемъ проводилъ съ ними время. Но все это стушевывалось и блѣднѣло, когда мы встрѣчались съ Сѣровымъ и проживали съ нимъ по-многу часовъ вмѣстѣ. Правда, я часто и сильно корилъ его за индифферентизмъ или сонную апатію ко множеству вещей, важныхъ для каждаго юноши въ училищѣ и внѣ училища, съ досадой говорилъ ему, что вотъ за что̀ именно онъ всего болѣе и любитъ Гёте: за присутствіе тоже и у него въ натурѣ, въ громадной дозѣ, проклятаго ничѣмъ невозмутимаго спокойствія и индифферентизма, не даромъ-дескать его отецъ, Николай Ивановичъ Сѣровъ, поминутно говаривалъ ему: «Александра, вѣдь ты—лимфа противная!»—и въ отвѣтъ мнѣ на все это, Александръ Сѣровъ, наклонивъ голову, тоже и самъ часто соглашался со мною и охотно жалѣлъ о «нехваткахъ» своей натуры. Но скоро мнѣ приходилось забыть всѣ мои упреки и запросы, такъ онъ подкупалъ и увлекалъ художественностью своей натуры, своею безконечною гибкостью и способностью схватывать и понимать, входить въ какую угодно роль, чувство и положеніе. Уже съ тѣхъ молодыхъ лѣтъ я часто звалъ его, именно вслѣдствіе этой его способности—«актеромъ». Лучшаго собесѣдника невозможно было-бы сыскать на цѣломъ свѣтѣ. Онъ, какъ воскъ, гнулся во всѣ стороны, принималъ какія угодно формы и направленія, въ запуски бѣжалъ по какому хотите намѣченному рельсу, разбрасывая по пути чудеснѣйшія и красивѣйшія варьяціи на любую попавшуюся тему. Твердыхъ убѣжденій у него никогда не было, и всѣ самыя важныя вѣрованія свои онъ много разъ перемѣнялъ въ жизни, то взадъ, то впередъ, именно какъ актеръ роли, въ которыхъ онъ можетъ быть одинаково прекрасенъ, но которыя не составляютъ сущности его натуры и жизни,—но за то тѣмъ чудеснѣе былъ въ бесѣдѣ, въ разговорѣ этотъ разносторонній, многоспособный Протей, поминутно оборачивавшійся, незримымъ волшебствомъ, на сто разныхъ манеровъ и представлявшій сто разныхъ лицъ и натуръ. Съ Сѣровымъ можно было прожить сто лѣтъ вмѣстѣ, и

никогда не соскучиться. Онъ чудесно читалъ стихи и прозу, былъ великолѣпный актеръ для ролей комическихъ (объ одномъ домашнемъ театрѣ, гдѣ онъ у насъ участвовалъ и для котораго написалъ музыку, у меня будетъ говорено въ слѣдующей главѣ, когда дѣло дойдетъ до 1844 года), веселость его дома и въ обществѣ—въ противуположность училищной сумрачности и вялости — была заразительна для всѣхъ. Танцовать въ маленькомъ домашнемъ кружкѣ, продѣлывать при этомъ сто забавныхъ штукъ, сѣменя маленькими и коротенькими ножками, чуть не на головѣ ходить, войдя въ веселый азартъ — все это было Сѣрову, около 20-хъ его годовъ, дѣломъ самымъ любезнымъ и обычнымъ. Но всего лучше онъ для всѣхъ бывалъ, когда садился за фортепіано и игралъ. Для этого не надобно было много его упрашивать, онъ охотно и самъ шелъ, гдѣ только было фортепіано и ноты. Наизусть онъ никогда и ничего не могъ играть: музыкальной памяти у него вовсе не было, даромъ-что была удивительная память для всего остальнаго. Замѣчательно, что и слухъ музыкальный былъ у него очень несовершененъ: въ хорѣ и оркестрѣ онъ рѣдко могъ замѣчать ошибки и невѣрности, а въ какомъ тонѣ идетъ исполняемая пьэса—онъ никогда не различалъ. Игралъ онъ уже и до училища очень хорошо, но въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, проведенныхъ въ училищѣ, онъ сталъ играть еще лучше, даромъ что тутъ у него скоро пошли уроки на віолончели: дома, по воскресеньямъ и праздникамъ, онъ игралъ по цѣлымъ днямъ, и не думая пойти въ гости или куда-бы то ни было. Съ годами у него все болѣе и болѣе прибавлялось «тона» въ игрѣ и выразительности. Правда, выразительность эта никогда не доходила у него до глубины чувства и страстности, вовсе отсутствовавшихъ у него въ натурѣ – что̀ всего болѣе выказалось, впослѣдствіи, во всѣхъ трехъ его операхъ,—но все-таки онъ та̀къ игралъ, онъ такъ выражалъ, какъ немногіе, и не было такого человѣка, даже самаго прозаичнаго, изъ всѣхъ знакомыхъ и незнакомыхъ, слушавшихъ его, кто-бы не оставался пораженъ или, по крайней мѣрѣ, хоть удивленъ. Его отецъ, Николай Ивановичъ, очень гордился его музыкальностью, и хотя сильно нападалъ на него за то, что онъ придаетъ слишкомъ много значенія музыкѣ, «будто и въ самомъ дѣлѣ это что-то серьезное», но любилъ имъ хвастаться передъ пріятелями и знакомыми, и обыкновенно, садясь въ своей голубой гостиной за вистъ съ разными оберъ-секретарями сената, начальниками отдѣленій, директорами департаментовъ, и помощниками статсъ-секретарей, тот-

часъ-же командовалъ: «Александръ, садись, играй изъ Фрейшюца арію Макса», и отъ времени до времени подпѣвалъ, фальшиво и нескладно, въ перемежку съ горячими спорами о тузахъ и двойкахъ.

Что касается до меня лично, я былъ въ такомъ же восхищеніи, какъ и всѣ въ училищѣ или въ домѣ у Сѣровыхъ, отъ игры Александра, изъ маленькихъ сонатъ Моцарта и Бетховена, и еще больше изъ оперъ, но въ добавокъ ко всему этому я былъ въ великомъ восторгѣ отъ всей вообще даровитости и гибкой многоспособности его. Быть съ нимъ, это было для меня постоянно истинное наслажденіе. Въ тѣ времена, ни я, да и никто изъ Сѣровыхъ не зналъ, что главною причиной этой многоспособности и даровитости было—еврейское происхожденіе. Мы всѣ узнали это лишь гораздо позже, уже въ началѣ 1840-хъ годовъ, послѣ выхода Александра изъ училища, и когда я сталъ довольно часто ходить къ Сѣровымъ въ домъ. Однажды, пришелъ я къ нимъ какъ-то на праздникахъ, вечеромъ, по всегдашнему съ большимъ сверткомъ нотъ, чтобъ намъ съ Александромъ играть въ 4 руки. Я нашелъ его со старшой и любимой сестрой его, Софьей, почти столько же даровитой и многоспособной, какъ онъ самъ, въ необыкновенномъ, еще невиданномъ состояніи духа. Они прыгали и били въ ладоши, около фортепіано, на которомъ только что играли, и громко кричали мнѣ: «Вольдемаръ, какое счастье! Какое счастье! Вообразите—мы жиды!» Я остановился на порогѣ, какъ вкопанный, не зная, что это такое: шутка-ли, новое-ли баловство какое (на это оба они были мастера), или что-нибудь въ самомъ дѣлѣ серьезное? Они подбѣжали ко мнѣ, и, продолжая хлопать въ ладоши, объявили мнѣ, что вотъ только сейчасъ «мама» разсказывала имъ, что они оба такіе способные и живые, прямо въ дѣдушку, Карла Ивановича (ея отца), а онъ былъ еврей родомъ. И мы всѣ вмѣстѣ принялись радоваться: у насъ уже давно евреи считались самымъ многоспособнымъ и талантливымъ народомъ. Александру и Софьѣ Сѣровымъ «быть прямо въ дѣдушку»—тоже дѣло было чудесное, и было тутъ чему радоваться: Карлъ Ивановичъ Габлицъ (первоначально «Габлицль», по австрійскому говору) былъ одинъ изъ очень замѣчательныхъ государственныхъ дѣятелей времени Екатерины II, и главный помощникъ Потемкина въ устройствѣ и объевропееніи Крыма, когда этотъ азіятскій благословенный край перешелъ въ русское владѣніе. Онъ умеръ сенаторомъ и кавалеромъ множества орденовъ, но, не смотря на это, до глубокой старости со-

хранилъ весь свой чудесный, благородный и великодушный нравственный складъ, всю силу прямаго и свѣтлаго ума, всю многостороннюю свою даровитость. Кто-то изъ современниковъ, получше, даже напечаталъ его біографію отдѣльной брошюркой (нынче очень рѣдкой). Въ продолженіе всей жизни Александра Сѣрова мы не рѣдко припоминали его еврейское происхожденіе, когда говорили о его собственныхъ великолѣпныхъ задаткахъ и качествахъ, и онъ всегда съ радостью пускался въ разсмотрѣніе своего «еврейства». Какое счастье для него, что такого происхожденія его никто и не подозрѣвалъ въ училищѣ: однимъ счастливымъ мотивомъ больше было-бы на руку тупицѣ Чаплыгину и другимъ училищнымъ злымъ болванамъ. Быть евреемъ во времена императора Николая Павловича! Куда какъ было это некрасиво и неудобно. Что же касается до Александра Сѣрова, то его физическій еврейскій типъ съ годами все больше и больше обозначался, въ самыхъ рѣзкихъ чертахъ: я думаю, со мною согласится всякій, кто въ послѣдніе годы видалъ его въ лицо, или разсматривалъ послѣднія его фотографическія карточки.

Но когда я говорю объ «еврействѣ» Сѣрова, я даже не знаю, нужно ли мнѣ и упоминать о томъ, что, содержа въ себѣ всѣ лучшія стороны этой національности, онъ не имѣлъ и тѣни худыхъ ея наклонностей. Онъ былъ само благородство и само безкорыстіе, сама честность и великодушіе, и, не смотря на свою иной разъ вялость и апатичность, готовъ былъ, когда обстоятельства того требовали, на подвиги самаго беззавѣтнаго самопожертвованія, или, по крайней мѣрѣ, забвенія своей личности. Слѣдующія главы представятъ, я надѣюсь, не одно тому доказательство.

Учился онъ у насъ въ правовѣдѣніи отлично (какъ и прежде въ 1-й гимназіи), и если бы судить по дарованію и знанію, а не по какимъ-то изумительнымъ соображеніямъ профессоровъ, инспекторовъ, директоровъ и еще болѣе близорукихъ училищныхъ совѣтовъ, долженъ былъ-бы быть выпущенъ—первымъ. Но этого не случилось, и вмѣсто него поставили тремя первыми—какихъ-то изумительныхъ тупицъ, о которыхъ потомъ никто никогда не слыхалъ ничего. Чтожъ! Пускай! Эта смѣшная несправедливость сдѣлала вредъ только самому училищу: кто знаетъ личность Сѣрова, можетъ только съ изумленіемъ разсматривать мраморную доску съ золотыми буквами въ большой залѣ училища. «Кто этотъ неизвѣстный, написанный тутъ на первомъ мѣстѣ, за первый выпускъ? спроситъ онъ. И какъ было

не поставить тутъ, для славы училища, талантливаго, способнаго, высоко-образованнаго, умнаго Сѣрова? Или можетъ быть, эти «неизвѣстные» именно и были слава и гордость училища, великіе и глубокіе правовѣды, принесшіе необычайную пользу отечеству высокою дѣятельностью ума, сердца, знанія»?

Никто не отвѣчаетъ — да и отвѣчать-то нечего. Только что гадко и обидно.

Но остался отъ тѣхъ временъ маленькій памятникъ—созданный художествомъ, именно какъ и слѣдовало для Сѣрова, гдѣ онъ поставленъ на самомъ первомъ мѣстѣ. Это картина, написанная по заказу нашего Принца Петра Георгіевича незадолго до выпуска Сѣрова изъ училища, вмѣстѣ съ остальнымъ нашимъ «первымъ выпускомъ». Представлена большая зала училища, по сю сторону двухъ дорическихъ колоннъ, раздѣляющихъ ее на двѣ половины. Вдали, въ углубленіи перспективы, портретъ императора Николая; вдали-же, по залѣ бродятъ и сидятъ разные наши товарищи, у дверей—одинъ изъ солдатъ стоитъ, вытянувшись во фронтъ, въ своемъ зеленомъ воротникѣ и длиннополомъ сюртукѣ; по самой серединѣ, напереди, какъ водится, все высшее начальство, директоръ, «воспитатели», и «батюшка», Михаилъ Измайловичъ, въ шелковой лиловой рясѣ, къ нему подходятъ подъ благословенія большіе и малые, галунные и безгалунные, цѣлая тутъ кучка молодыхъ правовѣдовъ стоитъ. Но рѣшительно на первомъ мѣстѣ—Александръ Сѣровъ, въ профиль, въ мундирѣ и со шпагой, съ треуголкой подъ мышкой, какъ будто «дежурный» по училищу, во всей парадной нашей формѣ. Онъ вышелъ очень похожъ тутъ, немножко вялый и унылый, отставивъ и согнувъ одну ногу въ колѣнкѣ, какъ всегда стоялъ, немножко разгильдяемъ, бѣлокурый карапузикъ на коротенькихъ ножкахъ, съ большой головой и крупными чертами лицами. Портретъ, какъ и вся картина, не могъ быть неудаченъ: картину писалъ Зарянко, впослѣдствіи столько знаменитый своими портретами, но тогда еще не рѣшавшійся къ нимъ перейти окончательно, не смотря на крупное свое мастерство, и больше державшійся все еще только перспективъ. Принцъ не хотѣлъ или не могъ вмѣшиваться въ дѣла балловъ и соображеній училища совѣта; но онъ отъ всей души любилъ и уважалъ Сѣрова, и за музыку, и за все; сердце и таинственное какое-то чувство подска-

зывали ему, что вотъ кто тутъ въ училищѣ первый. И онъ такъ и заказалъ Зарянкѣ нарисовать Сѣрова на своей картинѣ—самымъ главнымъ, первымъ, дежурнымъ по училищу, представителемъ его. Такимъ Сѣровъ навсегда и остался, и на картинѣ у принца въ кабинетѣ, и въ дѣйствительности.

В. В. Стасовъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ПИРОГОВЪ.

I.

Въ 1824—1825 учебнымъ году, въ Императорскій Московскій университетъ, на медицинскій факультетъ, поступилъ четырнадцати-лѣтній, не достигшій, слѣдовательно, еще юношескаго возраста, молодой человѣкъ.

Студентъ-ребенокъ этотъ, посвятившій себя, въ столь ранніе годы, изученію многотрудной науки медицины, былъ Николай Ивановичъ Пироговъ. [1])

Спустя три года, въ 1827—1828 г., 17-ти лѣтъ отъ роду, Николай Ивановичъ окончилъ курсъ наукъ, съ званіемъ лекаря, и, по совѣту профессора Е. О. Мухана, вступилъ въ существовавшій тогда профессорскій институтъ. Столь быстрое, непонятное для нашего времени прохожденіе медицинскаго курса и вступленіе въ учрежденіе, имѣвшее цѣлью подготовлять молодыхъ людей къ профессорской дѣятельности, само собою уже говоритъ, что этому юному, семнадцати-лѣтнему врачу предстояла незаурядная буду-

---

[1]) Н. И. Пироговъ родился 13-го ноября 1810 г. въ Москвѣ, въ приходѣ Троицы въ Сыромятняхъ, въ собственномъ домѣ отца, чиновника, если не ошибаюсь, 8-го класса, служившаго казначеемъ въ московскомъ военно-провіантскомъ депо. Николай Ивановичъ получилъ домашнее воспитаніе и только два года былъ полупансіонеромъ въ частномъ пансіонѣ Кряжева. Разразившіяся надъ семействомъ Пирогова, состоявшемъ изъ отца, матери, трехъ сыновей и трехъ дочерей, бѣды, поглотившія все состояніе отца Н. И. Пирогова, принудили Николая Ивановича рано оставить школу и вступить подросткомъ, 14-ти съ небольшимъ лѣтъ, въ московскій университетъ. Этому содѣйствовалъ профессоръ университета, извѣстный въ то время врачъ, Е. О. Мухинъ.
Ред.

щность, въ виду богатыхъ и счастливыхъ способностей, которыми онъ былъ щедро одаренъ. Изъ Москвы нашъ кандидатъ на профессора, молодой Пироговъ, отправленъ былъ въ Дерптъ, куда въ то время, въ профессорскій институтъ, посылались для усовершенствованія молодые талантливые люди. [1]) Пробывъ въ Дерптскомъ университетѣ, на медицинскомъ факультетѣ, вмѣсто двухъ лѣтъ, пять, вслѣдствіе того, что по случаю французской революціи, выѣздъ заграницу былъ, въ то время, невозможенъ, онъ, въ 1833 г., годъ спустя по выдержаніи блистательно экзамена и по защищеніи диссертаціи [2]) на степень доктора медицины, былъ удостоенъ этого званія. Изъ этихъ пяти лѣтъ пребыванія Николая Ивановича въ Дерптѣ, только два года были ему зачислены въ дѣйствительную службу [3]).

Едва только сдѣлалось возможнымъ удовлетворить столь понятному желанію, какимъ представлялось дальнѣйшее усовершенствованіе заграницей, Пироговъ отправился въ Берлинъ, затѣмъ, въ Геттингенъ, гдѣ онъ съ необычайнымъ рвеніемъ и усердіемъ посѣщалъ лекціи лучшихъ профессоровъ тогдашняго времени, имѣя для своего усовершенствованія всего лишь два года. Обогативъ себя знаніями, съ свѣтлыми надеждами на будущее, нашъ молодой ученый спѣшилъ возвратиться на родину, чтобы посвятить себя профессорской дѣятельности, для которой онъ, какъ бы самой судьбой, былъ предназначенъ; къ несчастію, на пути въ Россію, прибывъ въ Ригу, Николай Ивановичъ тяжко заболѣлъ. Болѣзнь его была тяжка и долговременна; одинокій, на больничной койкѣ, въ рижскомъ военномъ госпиталѣ, Николаю Ивановичу приходилось проводить не легкіе часы, обдумывая свое тяжелое положеніе, въ которомъ онъ въ то время находился. Нравственному томленію его суждено было еще болѣе обостриться, вслѣдствіе дошедшаго до него извѣстія, что въ Москву на каѳедру хирургіи былъ

---

[1]) Профессорскій институтъ этотъ былъ, какъ извѣстно, учрежденъ, по плану, предложенному академикомъ Парротомъ.

[2]) «Num vinctura aortae abdominalis in aneurismate inguinali adhibitu facile actutum sit remedium. Dorp. Liv. 8. 1832. I. Надъ этою диссертаціею Н. И. работалъ съ 1829 по 1833 годъ.

[3]) Окончилъ курсъ 24-го мая 1828 г. Поступилъ на государственную службу 24 мая 1831 г. Удостоенъ званія доктора медицины 30 ноября 1832 г.

избранъ графомъ С. Г. Строгановымъ, бывшій университетскій товарищъ его, Пирогова, Иноземцевъ. Описывая свое тяжкое положеніе, съ горечью думая о тщетѣ юношескихъ надеждъ и мечтаній, Николай Ивановичъ, въ письмѣ, адресованномъ имъ, въ то время, къ одному изъ своихъ близкихъ знакомыхъ, сѣтуя на свое положеніе, такъ охарактеризовалъ его:

„А я, москвичъ, остался на бобахъ и на госпитальной койкѣ!“ Не долго однако продолжалось это томительное положеніе нашего молодаго ученаго,—будущаго свѣтилы русской хирургіи.

Во время своего пятилѣтняго пребыванія въ Дерптѣ, Пироговъ изъ всѣхъ русскихъ молодыхъ людей, бывшихъ его сверстниками и посланныхъ правительствомъ въ Дерптъ для усовершенствованія, обрятилъ на себя особенное вниманіе членовъ медицинскаго факультета. Въ Дерптѣ память о Пироговѣ долгое время жила традиціонно и между учащимися; не смотря на особенности этого университета и на то, что Дерптъ, въ то отдаленное уже отъ насъ время, жилъ своеобразною, нѣмецкою жизнью, Дерптскій же университетъ, въ особенности медицинскій факультетъ его, считалъ въ своей средѣ ученыхъ профессоровъ, пользовавшихся громадною европейскою извѣстностью; къ чести факультета и всего университета, слѣдуетъ сказать, что изъ всѣхъ русскихъ университетовъ именно этотъ послѣдній съумѣлъ оцѣнить, по достоинству, дарованія и способности молодаго русскаго ученаго. И только благодаря самому себѣ, своимъ неутомимымъ трудамъ, знанію и таланту, Пироговъ съ печальной койки рижскаго военнаго госпиталя, по предложенію его бывшаго знаменитаго учителя, впослѣдствіи ректора дерптскаго университета, Мойера, былъ приглашенъ занять кафедру хирургіи.

Фактъ этотъ, самъ по себѣ, весьма поучительный, получаетъ еще болѣе глубокое значеніе, если принять во вниманіе, что дерптскій университетъ, на подобіе всѣхъ германскихъ университетовъ, не можетъ нуждаться въ ученыхъ силахъ для комплектованія ихъ, въ случаѣ надобности, имѣя право приглашать изъ заграницы ученыхъ профессоровъ, пользующихся наибольшею извѣстностью. Слѣдуетъ, посему, не безъ основанія, предположить, что въ описываемую нами эпоху, на призывъ дерптскаго университета могли бы отозваться ученые хирурги Германіи, страны, какъ извѣстно, издавна стоявшей на высокой степени культурнаго развитія. Появленіе на кафедрѣ хирургіи, послѣ знаменитаго Мойера,

молодаго, 26-ти лѣтняго, профессора произвело среди нѣмецкихъ ученыхъ и дерптской публики не мало впечатлѣнія. Въ аудиторіяхъ, въ анатомическомъ театрѣ собирались слушатели не только медицинскаго, но и другихъ факультетовъ. Въ диво было студентамъ-нѣмцамъ слушать съ высоты кафедры русскаго ученаго, сообщавшаго имъ, въ талантливомъ и глубоко научномъ изложеніи, на ихъ родномъ языкѣ, великія завоеванія именно въ той отрасли медицинскихъ знаній, въ которой требуется не догматическое лишь, сухое, изложеніе, а громадныя научныя знанія и искуство, для всѣхъ одинаково видимыя и понятныя.

Посвящая ежедневно восемь часовъ для занятія въ клиникѣ, аудиторіи и въ анатомическомъ театрѣ, Николай Ивановичъ въ періодъ времени съ 1836 по 1840 г., издалъ слѣдующіе замѣчательные ученые труды свои:

1. „Anatomia chirurgica truncorum arteriarum atque fasciarum fibrosum". Atlas F. I. Dorp. 1837.

2. „Ueber die Durchschneidung der Achillessehne als operatif-orthopädisches Heilmittel." (Mit. 7 Taf.) Dorpat, 4. 1840. I.

3. „Chirurgische Anatomie der Arterienstämme und der Fascien". Dorpat. 1840. I.

Въ 1837 г., вскорѣ послѣ изданія его перваго труда, именно: „Хирургической анатоміи фасціи и артеріи", о которомъ упомянуто выше, Николай Ивановичъ былъ отправленъ Дерптскимъ университетомъ въ Парижъ, откуда онъ привезъ необыкновенно лестные отзывы объ его ученыхъ трудахъ знаменитаго хирурга Вельпо̀. Преданіе гласитъ, что когда Николай Ивановичъ представился этому свѣтилѣ Парижской медицинской школы, то засталъ Вельпо̀ разсматривающимъ атласъ, приложенный къ анатоміи фасціи и артеріи, сочиненіе, за которое Николай Ивановичъ удостоенъ былъ, лишь впослѣдствіи, въ 1840 г. академіею наукъ Демидовской преміи. Когда Вельпо узналъ, что въ Парижъ Пирогова привело желаніе учиться у него, то съ живостью отвѣтилъ:

— „Вы застали меня за вашей анатоміей, не вамъ учиться у меня, а мнѣ у васъ".

Въ 1840 г., Пироговъ вручилъ Клейнмихелю, назначенному тогда попечителемъ С.-Петербургской медико-хирургической академіи, проектъ объ учрежденіи въ Россіи госпитальныхъ клиникъ для оканчивающихъ курсъ и молодыхъ врачей. Проектъ этотъ

былъ принятъ и утвержденъ, и въ то же время Николай Ивановичъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ для занятія въ медико-хирургической академіи кафедры госпитальной хирургіи при второмъ военно-сухопутномъ госпиталѣ и должности старшаго врача хирургическаго отдѣленія этого же госпиталя, съ правомъ принимать въ него и гражданскихъ больныхъ. Съ тѣхъ поръ, постепенно, и начали организоваться госпитальныя клиники и въ другихъ русскихъ университетахъ. Проектъ этой организаціи и выборъ лицъ составлялись въ особомъ комитетѣ при министерствѣ народнаго просвѣщенія, при бывшемъ министрѣ Уваровѣ (тогда еще не графѣ), въ члены котораго былъ избранъ и Николай Ивановичъ Пироговъ.

Многотрудная дѣятельность и путь, усѣянный массою препятствій,—въ числѣ которыхъ узкія, бюрократическія, воззрѣнія на значеніе профессорской дѣятельности и на госпитальное дѣло, играли не послѣднюю роль,—выпало на долю Николая Ивановича съ появленіемъ его въ медико-хирургической академіи, въ качествѣ профессора хирургіи и старшаго врача хирургическаго отдѣленія военнаго госпиталя. Новая, освѣжающая, струя знанія и неутомимой дѣятельности, внесенная Пироговымъ въ пропитанныя міазмами стѣны втораго военно-сухопутнаго госпиталя, до такой степени ошеломила поборниковъ военно-госпитальной администраціи 1840-хъ годовъ, что тогдашній главный врачъ 2-го военно-сухопутнаго госпиталя, на настойчивыя требованія объ улучшеніи гигіеническихъ условій госпиталя и существовавшихъ порядковъ относительно ухода, содержанія и продовольствія больныхъ, — серьезно заподозрилъ Пирогова въ помраченіи его умственныхъ способностей, о чемъ „конфиденціально“ и довелъ до свѣдѣнія бывшаго военнаго министра!... Вотъ что писалъ, въ 1871 г., по поводу существовавшихъ, за 30 лѣтъ предъ тѣмъ, порядковъ въ названномъ госпиталѣ, Пироговъ, въ предисловіи къ моей книгѣ: „Барачные лазареты въ военное и мирное время“:

„Кто не видѣлъ собственными глазами, что̀ значитъ леченіе сифилитиковъ въ госпиталѣ, устроенномъ по старой коррипорной системѣ, тотъ, вѣрно, не повѣритъ въ наше время, что 30

[1]) Слова эти были писаны въ 1871 г.

лѣтъ тому назадъ я засталъ во 2-мъ военно-сухопутномъ госпиталѣ цѣлыя палаты съ больными, страдавшими омертвеніями всѣхъ возможныхъ видовъ (дифтеритическими, цинготными, фунгозными) цѣлой передней стѣнки живота и проч.; кровотеченія, піемія и септикемія принадлежали тогда у сифилитиковъ къ вседневнымъ явленіямъ, и это случалось у молодыхъ, здоровыхъ и крѣпко сложенныхъ гвардейцевъ".

Не смотря на то, что завѣдываніе хирургическимъ отдѣленіемъ и веденіе госпитальной хирургической клиники поглащали все время Пирогова, онъ принялъ на себя чтеніе курса патологической анатоміи на трупахъ. Въ теченіи первыхъ пяти лѣтъ своей неустанной профессорской дѣятельности Пироговъ издалъ шесть выпусковъ „Прикладной анатоміи", съ атласомъ in folio, (изданіе это, вслѣдствіе банкротства книгопродавца Ольхина, къ сожалѣнію, не окончено) и „Атласъ анатоміи для судебныхъ врачей", по порученію министерства внутреннихъ дѣлъ.

Въ 1845 г. Николай Ивановичъ внесъ проектъ въ конференцію медико-хирургической академіи объ учрежденіи анатомическаго института. Предложеніе это встрѣтило громадную оппозицію и проектъ его, не безъ жестокой борьбы, былъ, наконецъ, утвержденъ попечителемъ Веймарномъ, такъ что въ слѣдующемъ, 1846 г., Пироговъ былъ посланъ за границу отъ академіи для ознакомленія съ устройствомъ заграничныхъ анатомическихъ институтовъ и пріисканія заграницею ученаго прозектора для проектированнаго института. Исполнивъ, съ успѣхомъ, это порученіе, Пироговъ привезъ съ собою изъ заграницы молодаго прозектора, рекомендованнаго ему профессоромъ Гиртлемъ, сильно заинтересовавшаго Пирогова своими прекрасными анатомическими работами; выборомъ прозектора и самъ Пироговъ, и медико-хирургическая академія, по справедливости, могутъ гордиться. Молодой человѣкъ этотъ—знаменитый Груберъ, до сихъ поръ достославно подвизающійся на поприщѣ науки въ С.-Петербургской медико-хирургической академіи.

Въ слѣдующемъ, 1847 г., Пироговымъ впервые примѣнена въ Россіи этеризація; эфированіе при операціяхъ примѣнялось имъ какъ въ госпитальной клиникѣ, такъ и въ городскихъ больницахъ: Обуховской, Петропавловской, Маріи-Магдалины и Дѣт-

ской, консультантомъ при которыхъ Николай Ивановичъ состоялъ, безплатно, въ теченіи четырнадцати лѣтъ.

Опыты надъ животными, потомъ надъ людьми, навели Пирогова на мысль примѣнить эфированіе per rectum; результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ опубликованной имъ, въ 1847 г., книгѣ на французскомъ языкѣ: „Recherches pratiques et physiologiques sur l'étherisation". St. Pét. 8°. 1847. I. Послѣ опубликованія только что названной работы, Николай Ивановичъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ того же года, былъ, по высочайшему повелѣнію, командированъ на Кавказъ, съ цѣлью примѣненія этеризаціи на театрѣ военныхъ дѣйствій. Благосклонно принятый бывшимъ намѣстникомъ Кавказа, княземъ М. С. Воронцовымъ, Пироговъ, въ теченіи шести недѣль, находился при осадѣ крѣпостнаго аула Салты; постоянные вылазки, подкопы, наконецъ, штурмованіе одной части аула,—все это доставило возможность Николаю Ивановичу подавать хирургическую помощь нѣсколькимъ сотнямъ раненыхъ, при чемъ, у всѣхъ, требовавшихъ оперативнаго пособія, онъ примѣнялъ эфированіе per osu per rectum, помощью придуманнаго имъ прибора, на самомъ полѣ сраженія. Здѣсь же онъ, впервые, на полѣ сраженія, въ сложныхъ переломахъ конечностей употребилъ крахмальныя повязки, предложенныя, какъ извѣстно, бельгійскимъ хирургомъ Сетеномъ. Осмотрѣвъ, по порученію бывшаго директора военно-медицинскаго департамента В. В. Пеликана, всѣ кавказскіе военные госпитали, Пироговъ въ 1848 г., зимою, возвратился обратно въ С.-Петербургъ. Плодомъ его поѣздки на Кавказъ было появленіе въ свѣтъ (въ 1849 г.) его отчета на французскомъ языкѣ: „Rapport médical d'un voyage au Caucase" съ атласомъ, статистикой всѣхъ произведенныхъ имъ съ анэстезированіемъ операцій, и съ его изслѣдованіемъ, на живыхъ и на трупахъ, различныхъ свойствъ огнестрѣльныхъ ранъ. На русскомъ языкѣ трудъ этотъ былъ опубликованъ въ журналѣ медико-хирургической академіи.

1848 годъ ознаменовался, какъ извѣстно, появленіемъ въ С.-Петербургѣ азіатской холеры; уже при разъѣздахъ его по Кавказу, Николай Ивановичъ имѣлъ случай, впервые, ознакомиться съ этой страшной гостьей. Холера сильно свирѣпствовала въ станицахъ и войскахъ и уже лѣтомъ того же года она стала собирать богатую жатву и въ нашей столицѣ. Пироговъ тотчасъ же

образовалъ въ своей госпитальной клиникѣ, для однихъ только больныхъ ціанотическою холерою, особое отдѣленіе и, въ теченіи шести недѣль разгара эпидеміи, произвелъ въ своемъ госпитальномъ отдѣленіи и другихъ городскихъ госпиталяхъ, свыше 800 вскрытій холерныхъ. Здѣсь не безъинтересно замѣтить, что въ теченіи четырнадцати лѣтъ, занимая кафедру патологической анатоміи, Н. И. Пироговъ произвелъ свыше 11,600 вскрытій труповъ, составляя о каждомъ вскрытомъ имъ трупѣ подробный протоколъ.

Плодомъ неутомимой дѣятельности Николая Ивановича во время свирѣпствованія въ столицѣ азіатской холеры, наведшей, какъ извѣстно, панику не только на населеніе столицы, но и на врачей, было появленіе въ свѣтъ (въ 1849 г.) его замѣчательнаго труда, удостоеннаго отъ академіи наукъ большой Демидовской преміи. Трудъ этотъ именно былъ: „Патологическая анатомія азіатской холеры“, съ атласомъ in folio, на русскомъ и французскомъ языкахъ.

Съ 1849 по 1852 г., не смотря на обширныя занятія его въ академіи, какъ профессора госпитальной клиники, патологической анатоміи, директора анатомическаго института и консультанта при больницахъ: Обуховской, Маріи Магдалины, Петропавловской, Дѣтской и Максимиліановской лечебницѣ, Н. И. Пироговъ находилъ время къ приготовленію новаго и извѣстнаго ученаго труда, именно анналовъ госпитальной клиники, изданныхъ имъ на нѣмецкомъ языкѣ [1]). Въ анналахъ этихъ онъ описалъ свою новую остеопластическую ампутацію въ суставѣ ноги, доставившую ему всемірную извѣстность. (Въ только что названной книгѣ, изданной въ 1854 г. въ Лейпцигѣ, съ приложеніемъ нѣсколькихъ литографированныхъ таблицъ, собственно собрано нѣсколько монографій; въ 1-й части этой книги изложена операція остеопластическаго удлиненія голенныхъ костей, при экзертикуляціи стопы. затѣмъ, разсужденія о затрудненіяхъ при хирургическомъ діагнозѣ и „о счастіи въ хирургіи“, съ поясненіями и приложеніями исторіи болѣзни).

Послѣднее, только что названное, разсужденіе было написано

---

[1]) Betrachtungen über die schwierigkeiten der chirurgischen Diagnose und über das Glück in der Chirurgie, durch Beobachtungen und Krankheilsgeschichten erläutert. Leipzig. 1854.

Н. И. Пироговымъ подъ впечатлѣніемъ вопроса, дебатированнаго въ медицинскомъ совѣтѣ. Въ то время, именно, шла рѣчь объ новомъ экзаменаціонномъ уставѣ на пріобрѣтеніе степени доктора медицины и хирургіи. Уставомъ этимъ требовалось производство докторантомъ трехъ операцій, „съ счастливымъ исходомъ". Николай Ивановичъ, авторитетнымъ своимъ мнѣніемъ, возсталъ противъ такого условія въ комитетѣ министерства народнаго просвѣщенія, между тѣмъ какъ многіе товарищи Пирогова по медицинскому совѣту, старались именно это требованіе сдѣлать для докторантовъ обязательнымъ. Противъ мнѣнія Пирогова возстали, въ особенности, трое изъ наиболѣе уважаемыхъ и опытныхъ хирурговъ тогдашняго времени; борьба была не легкая; Николаю Ивановичу пришлось доказывать, что опытъ, ловкость и знаніе хирурга отнюдь не обезпечиваютъ счастливаго исхода какой-либо предпринимаемой операціи, и что по исходу операціи нельзя судить о компетентности въ хирургіи кандидата. „Къ чему же",— замѣчали противники Пирогова, „служитъ блестяще выполненная операція, когда ею больному не приносится надлежащей помощи, или даже если, вслѣдствіе ея, больной умираетъ?" Такого рода мнѣніе, высказанное компетентными въ то время хирургами, казалось для непосвященныхъ въ дѣло непогрѣшимымъ доводомъ въ пользу ихъ мнѣній. Повторяю,—борьба была не равная, но, при неумолимой строгой логикѣ нашего геніальнаго хирурга, доводы его противниковъ, къ счастію, не имѣли успѣха. Что сталось бы, въ самомъ дѣлѣ, съ врачами-хирургами, ежели бы производимыя ими операціи были обсуждаемы съ точки зрѣнія оппонентовъ Пирогова, ставившихъ всю судьбу врача на мистически-фаталистическую почву? И не только условія эти на пріобрѣтеніе степени доктора хирургіи могли бы быть роковыми для хирурговъ, съ точки зрѣнія ихъ научной подготовки, но онѣ могли бы еще дать богатую почву для привлеченія врачей къ отвѣтственности за ошибки противъ науки.

— „Гдѣ",—спрашиваетъ Пироговъ въ разсматриваемомъ нами сочиненіи, „границы успѣха хирургической операціи, гдѣ критерій счастливаго успѣха ея? Счастливый исходъ не только не указываетъ на достаточную ловкость оператора, но, напротивъ, по мнѣнію моему, иногда свидѣтельствуетъ, что операція произведена

дурно и не искусно. Это кажется парадоксомъ, тѣмъ не менѣе, это совершенная истина".

Ежели бы оппоненты Пирогова, извѣстные въ свое время хирурги, могли предвидѣть, что черезъ 15 лѣтъ, профессоръ хирургіи медико-хирургической академіи, многоопытный операторъ, будетъ привлеченъ за ошибку противъ науки, по случаю несчастнаго исхода операціи, къ уголовной отвѣтственности (мы, именно, имѣемъ въ виду извѣстный процессъ покойнаго профессора Киттера, по жалобѣ вдовы Ридманъ, по случаю смерти ея мужа послѣ произведенной послѣднему операціи: ампутаціи части языка вслѣдствіе раковой опухоли), то, вѣроятно, они съ меньшимъ упорствомъ отстаивали бы свое мнѣніе [1]).

За только что названною работою, имѣющею не только громадное научное, но и общественное значеніе, застала Николая Ивановича восточная война. Ознакомившись при осадѣ Салты съ различнаго рода невыгодами крахмальныхъ повязокъ Сетена въ полевой хирургической практикѣ и зайдя, случайно, однажды къ скульптору, онъ познакомился съ гипсованіемъ холста. Случай этотъ навелъ Пирогова на мысль примѣнить гипсованный холстъ къ наложенію неподвижныхъ и съемныхъ гипсовыхъ повязокъ. Испытавъ ихъ въ госпиталѣ, въ различныхъ видахъ, и достаточно убѣдившись въ ихъ удобствахъ, онъ описалъ гипсовую повязку во второй части своихъ клиническихъ анналовъ, изданныхъ въ Лейпцигѣ въ томъ же 1854 г. и въ особой брошюрѣ, на русскомъ языкѣ: „Неподвижная гипсовая повязка". Въ этотъ же періодъ времени, Н. И. началъ издавать выпусками свой знаменитый атласъ, съ текстомъ, на иждивеніе академіи, подъ именемъ:

„Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplice directione ductis illustrata" (1854—1859).

Между тѣмъ, насталъ 1853 г.; война съ береговъ Дуная перенеслась въ 1854 г. подъ Севастополь. Кто могъ бы повѣрить, что въ тяжелую эпоху Крымской войны, когда тысячи людей гибли за родину отъ жестокихъ вражьихъ снарядовъ, а всего болѣе отъ неурядицы и неумѣлости бывшихъ дѣятелей этой войны, долженствовавшихъ охранять здоровье и жизнь доблестныхъ за-

---

[1]) Сравни объ отвѣтственности врачей за ошибки противъ науки. „Мед. Вѣстникъ" 1869 г. № 42. І. В. Бертенсонъ.

щитниковъ знаменитой русской твердыни,—когда такой, уже въ то время, извѣстный хирургъ, какъ Пироговъ, самъ себя предложилъ къ услугамъ осады, онъ только послѣ значительныхъ хлопотъ добился разрѣшенія отправиться въ Крымъ?!

II.

Извѣстная необыкновеннымъ, свѣтлымъ умомъ покойная великая княгиня Елена Павловна, вліяніемъ своимъ неоднократно выдвигавшая, при жизни своей, многихъ замѣчательныхъ людей изъ той среды посредственности, которая заглушала всякій талантъ и не давала хода людямъ науки, свѣта и, не затемненнаго узкимъ бюрократизмомъ, разума, познала и въ Пироговѣ, не только двигателя науки, но и замѣчательнаго общественнаго, въ высшей степени честнаго, дѣятеля. Великая княгиня Елена Павловна не только содѣйствовала Н. И. Пирогову къ отправленію его въ Севастополь, но поручила ему руководить занятіями организованной ею тогда крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія; впослѣдствіи такое порученіе — руководить занятіями сердобольныхъ вдовъ, дано было ему и по волѣ покойной Государыни Императрицы Александры Θеодоровны; кромѣ сего, великая княгиня Елена Павловна предоставила Николаю Ивановичу сформировать, по своему усмотрѣнію, небольшую корпорацію врачей-хирурговъ на ея иждивеніе, съ тѣмъ, чтобы они находились въ непосредственномъ его вѣдѣніи, и никуда не назначались военнымъ вѣдомствомъ, безъ его согласія; въ числѣ послѣднихъ были доктора: Каде, Оберъ-Миллеръ, Хлѣбниковъ, Беккеръ, Тарасовъ и другіе.

— „Всегда и вездѣ во время войны и другихъ общественныхъ катастрофъ находятся люди, готовые пожертвовать и общественными интересами для своей личной выгоды; слѣдовательно, нѣтъ ничего мудренаго, что злоупотребленія“, — писалъ впослѣдствіи Пироговъ, — „обнаруживаются болѣе, чѣмъ когда нибудь и въ госпитальной администраціи. И какъ злоупотребленія эти обнаруживаются преимущественно въ такихъ вещахъ, какія для благосостоянія и здоровья больныхъ несравненно важнѣе, чѣмъ всѣ медицинскія пособія, то понятно, что врачъ не можетъ къ нимъ

относиться равнодушно. Какъ бы онъ низко ни стоялъ на ступени іерархической лѣстницы, но коль скоро ему поручено леченіе хотя нѣсколькихъ больныхъ, его прямая обязанность не скрывать предъ начальствомъ того, что можетъ, по его убѣжденію, вредить больнымъ, и онъ будетъ недостоенъ своего призванія когда изъ неумѣстнаго страха или личныхъ расчетовъ удержится заявить правду тамъ, гдѣ идетъ дѣло о пользѣ его больныхъ. Всякій врачъ долженъ быть, прежде всего, убѣжденъ, что злоупотребленія въ такихъ предметахъ, какъ пища, питье, топливо. бѣлье, лекарства и перевязочныя средства, дѣйствуютъ также разрушительно на здоровье раненыхъ, какъ госпитальныя міазмы и заразы. А главные врачи должны помнить, что, требуя отъ младшихъ собратовъ необходимую въ военномъ вѣдомствѣ субординацію, они не должны употреблять ее во зло, какъ средство, заставляющее скрыть истину".

Такъ думалъ Пироговъ, ставя на видъ, что бо̀льшая часть раненыхъ не столько умираетъ отъ самыхъ поврежденій и операцій, сколько отъ госпитальныхъ заразъ и отъ недостатковъ въ администраціи.

„Къ чему служатъ всѣ искусныя операціи, всѣ способы леченія", — спрашиваетъ Николай Ивановичъ, — „если раненые и больные будутъ поставлены администраціею въ такія условія, которыя вредны для здоровья, а это случается зачастую въ военное время. Отъ администраціи, а не отъ медицины, зависитъ и то, чтобы всѣмъ раненымъ, безъ изъятія и какъ можно скорѣе, была подана первая помощь, нетерпящая отлагательствъ". И эта главная цѣль обыкновенно не достигается. „Представьте себѣ",— говоритъ далѣе Пироговъ въ своемъ классическомъ сочиненіи „Начала общей военно-полевой хирургіи", откуда мы и почерпнули вышеприведенныя слова его, „тысячи раненыхъ, которые цѣлые дни переносятся на перевязочные пункты, въ сопровожденіи здоровыхъ; бездѣльники и трусы, подъ предлогомъ сострадання и братской любви, всегда готовы на такую помощь и какъ не помочь и не утѣшить раненаго товарища! И вотъ, перевязочный пунктъ быстро переполняется сносимыми ранеными; весь полъ, если пунктъ находится въ закрытомъ пространствѣ, (какъ, наприм., это было въ Николаевскихъ казармахъ и дворянскомъ собраніи Севастополя) заваливается ими; ихъ складываютъ съ

носилокъ какъ ни попало; скоро наполняется ими и вся окружность, такъ что и доступъ къ перевязочному пункту дѣлается труденъ; въ толкотнѣ и хаотическомъ безпорядкѣ слышатся только вопли, стоны и послѣдній хрипъ умирающихъ; а тутъ между ранеными блуждаютъ, изъ стороны въ сторону, здоровые товарищи, друзья и просто любопытные! Между тѣмъ стемнѣло; плачевная сцена освѣтилась факелами, фонарями и свѣчами; врачи и фельдшера перебѣгаютъ отъ одного раненаго къ другому, не зная, кому прежде помочь; всякій, съ воплемъ и крикомъ, зоветъ къ себѣ! Такъ бывало часто въ Севастополѣ на перевязочныхъ пунктахъ, послѣ ночныхъ вылазокъ и различныхъ бомбардировокъ. Случалось, что раненыхъ свозили въ перевязочный пунктъ безъ перевязки и скучивали въ госпиталяхъ, батареяхъ и казармахъ; такъ было послѣ ночнаго нападенія французовъ на Селенгинскій редутъ, въ мартѣ 1855 г.“

Два дня спустя послѣ этой атаки, Николай Ивановичъ получилъ на перевязочный пунктъ въ дворянскомъ собраніи до 300 раненыхъ и всѣ были съ осложненными переломами; два дня они лежали въ другомъ госпиталѣ и привезены были къ Пирогову почти безъ перевязокъ; на пулевыя отверстія, правда, были наложены, кое-какъ, бинты, но они скорѣй вредили, чѣмъ помогали; раны оказались распухшими, а нѣкоторыя даже помертвѣвшими. Другой разъ, при нападеніи французовъ на Камчатскій редутъ, было еще хуже: раненыхъ переносили на сѣверную сторону въ бараки и клали, по недостатку мѣста, на берегъ, на южной сторонѣ, гдѣ бо́льшая часть изъ нихъ провела цѣлую ночь безъ пособія...

Пробывъ, въ теченіи шести мѣсяцевъ, съ октября 1854 г. по іюнь 1855 г., въ Севастополѣ и завѣдывая главными перевязочными пунктами въ дворянскомъ собраніи, госпитальныхъ баракахъ на сѣверной сторонѣ, въ госпиталѣ Николаевской батареи и въ пяти частныхъ домахъ Севастополя, Н. И. Пироговъ, уставъ до крайности, а главное до глубины души разстроенный господствовавшею тогда неурядицею и самыми вопіющими злоупотребленіями администраціи, возвратился въ С. Петербургъ, полагая чѣмъ нибудь способствовать перемѣнѣ врачебнаго дѣла Севастополя къ лучшему. Къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи Николай Ивановичъ не много успѣлъ сдѣлать. Послѣ нѣкотораго

пребыванія въ С. Петербургѣ, онъ былъ вновь командированъ въ Севастополь, при чемъ Николай Ивановичъ пригласилъ съ собою нѣсколько новыхъ, избранныхъ имъ, врачей, въ числѣ которыхъ былъ и С. П. Боткинъ, только что окончившій курсъ наукъ. Отправившись, затѣмъ, на мѣсто въ Севастополь, они прибыли уже послѣ паденія южной стороны его. Размѣстившись на сѣверной сторонѣ, и заставъ тамъ нѣсколько тысячъ раненыхъ и больныхъ, Пироговъ получилъ въ завѣдываніе вновь выстроенные въ Симферополѣ бараки; врачи и сестры, состоявшіе при Николаѣ Ивановичѣ, были распредѣлены по палатамъ, а С. П. Боткину предоставлено было тифозное отдѣленіе. Пробывъ въ Симферополѣ отъ сентября 1855 г. до декабря того-же года, Николаю Ивановичу поручено было осмотрѣть военные госпитали. До 70 госпиталей въ Перекопѣ, Херсонѣ, Екатеринославлѣ, Харьковѣ и въ проч. городахъ были переполнены въ то время дифтеритическими и тифозными больными, и ранеными; множество больныхъ лежало съ отмороженными ногами; такое, какъ бы эпидемическое, отмороженіе было вызвано транспортированіемъ больныхъ въ открытыхъ саняхъ, при 20° морозахъ.

— „Страшное это было время", говоритъ Н. И. Пироговъ, „его нельзя забыть до конца жизни"!

Мощному уму и энергіи его удалось, однако, пересилить ту нравственную немощь, которую онъ вынесъ изъ своей многотрудной и замѣчательной дѣятельности въ тяжелую эпоху Севастопольской осады. Едва возвратившись, въ 1856 г., въ С. Петербургъ, Николай Ивановичъ принялся оканчивать свой анатомическій атласъ и напалъ на мысль,—вмѣстѣ съ разрѣзами замороженныхъ труповъ пластинками, въ трехъ направленіяхъ, представить первые опыты скульптурной анатоміи. Для этого онъ придумалъ обнажать разные, особенно подвижные, органы въ нормальномъ ихъ положеніи на замороженныхъ трупахъ, работая чрезъ оледенѣвшія ткани, долотомъ и молоткомъ. Вышли превосходные препараты, чрезвычайно поучительные для врачей; положеніе многихъ органовъ (сердца, желудка, кишекъ) оказалось вовсе не такимъ, какимъ оно представляется, обыкновенно, при вскрытіяхъ, когда отъ давленія воздуха и нарушенія цѣлости въ герметически закрытыхъ полостяхъ, это положеніе измѣняется до крайности. Въ Германіи и во Франціи пробовали, потомъ, под-

ражать Пирогову, но смѣло можно утверждать, что никто еще изъ анатомовъ не представилъ такого полнаго изображенія нормальнаго положенія органовъ, какими представилъ ихъ нашъ знаменитый анатомъ-хирургъ. Замѣчательный атласъ его скульптурной анатоміи разошелся по библіотекамъ европейскихъ университетовъ, и теперь его не найти болѣе у книгопродавцевъ.

III.

Отзываясь не только на всѣ замѣчательные вопросы своего спеціальнаго знанія, но и на все то, что занимаетъ и волнуетъ общественное мнѣніе, Николай Ивановичъ не оставался равнодушнымъ и къ вопросамъ общественнымъ. Охваченный вѣяніемъ времени 1855—1856 гг., подъ вліяніемъ общаго въ то время настроенія и прогрессивнаго движенія, Николай Ивановичъ впервые затронулъ, съ свойственною ему ясностью взгляда и глубокимъ пониманіемъ человѣческой природы, „вопросы жизни". Подъ этимъ названіемъ появилась въ „Морскомъ Сборникѣ", въ 1856 г., статья Николая Ивановича, пропущенная цензурою только потому, что она была напечатана именно въ этомъ сборникѣ съ разрѣшенія Его Императорскаго Высочества В. К. Константина Николаевича. Въ этой замѣчательной статьѣ Николай Ивановичъ, рѣзко и съ глубокимъ убѣжденіемъ въ правотѣ своего мнѣнія, обрисовалъ всѣ слабыя стороны, всю, такъ сказать, нелѣпость тѣхъ основъ всеобщаго и сословно-спеціальнаго воспитанія, на которыхъ зиждилось педагогическое дѣло въ нашемъ отечествѣ. Къ больнымъ мѣстамъ этого дѣла Н. И. Пироговъ съ такимъ искуствомъ умѣлъ притронуться, что разладъ между жизнію и школою сдѣлался для всѣхъ очевиднымъ; статья эта произвела громадное впечатлѣніе.

Ежели-бы у насъ чаще обращались къ прошлому, то замѣчательныя мысли, высказанныя Н. И. Пироговымъ четверть вѣка тому назадъ въ „Вопросахъ жизни", и теперь могли бы сослужить намъ службу.

Подъ вліяніемъ этого впечатлѣнія, бывшій министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ пригласилъ Н. И. Пирогова занять мѣсто попечителя Одесскаго учебнаго округа. Желая, по

разстроенному здоровью, оставить службу въ медико-хирургической академіи и переселиться на югъ, Николай Ивановичъ принялъ это предложеніе, но съ условіемъ, чтобы программа его дѣйствій была принята министерствомъ. Видно сильно было обаяніе въ ту эпоху Н. И. Пирогова на умы лицъ, стоявшихъ на стражѣ народнаго просвѣщенія, если программа его не только была принята, но на выполненіе ея было ему дано полное согласіе.

И вотъ, съ 1857 года, начинается новая, научно-педагогическая дѣятельность нашего знаменитаго хирурга. Первымъ дѣломъ его было настоять на преобразованіи Одесскаго лицея въ университетъ; въ томъ-же году, послѣ совѣщанія съ профессорами, Н. И. Пироговъ выработалъ и представилъ проектъ въ министерство объ учрежденіи Новороссійскаго университета, со включеніемъ медицинскаго факультета; вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ со стороны министерства финансовъ, не разрѣшившаго увеличить вывозную пошлину на пшеницу изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей для осуществленія мысли Пирогова и на содержаніе университета, дѣло затянулось; тѣмъ не менѣе проектъ его не былъ отвергнутъ и впослѣдствіи осуществился въ другомъ видѣ и при другихъ средствахъ, но, къ сожалѣнію, безъ медицинскаго факультета, оказывающагося, какъ извѣстно, теперь крайне необходимымъ для всей южной и юго-восточной окраины нашего отечества.

Какъ и слѣдовало ожидать и какъ предвидѣлъ самъ Николай Ивановичъ въ объясненіяхъ своихъ съ министромъ, вскорѣ начались столкновенія его убѣжденій съ взглядами другихъ властей за свободу мысли и слова въ дѣлахъ научныхъ и общественныхъ; случилась, къ тому же, и перемѣна министра, (А. С. Норова замѣнилъ Е. П. Ковалевскій) и Николаю Ивановичу предложено было другое мѣсто, именно—попечителя Кіевскаго учебнаго округа, и притомъ въ самое критическое время, въ началѣ развитія польской смуты.

Въ Кіевѣ выпали на его долю новыя затрудненія и столкновенія. Н. И. Пироговъ отстаивалъ, съ свойственной ему энергіей, свой коренной принципъ, по которому попечитель обязанъ оказывать на учащихъ и учащихся одно лишь нравственное вліяніе и быть охранителемъ закона въ университетѣ; подлежащія же власти желали навязать ему мѣры, неимѣющія ничего общаго

съ наукой, а слѣдовательно и съ университетомъ. Ежели бы Пироговъ въ состояніи былъ усвоить мнѣнія и желанія, которыя ему въ то время навязывали, то этимъ сразу было бы поколеблено его нравственное значеніе въ глазахъ профессоровъ и учащейся молодежи. Не помогли Николаю Ивановичу ни словесные, ни письменные его протесты, которыми онъ старался отклонить отъ себя функція, ему неподлежащія; не помогли ему и аргументы, что въ теченіи его двухлѣтняго управленія округомъ, не смотря на возбужденное состояніе умовъ, не было ни одной серьезной студенческой демонстраціи, безпрестанно случавшейся тогда въ другихъ университетахъ; тщетно представлялъ онъ, что принявъ на себя несвойственную его призванію роль полицейскаго соглядатая, онъ, въ качествѣ попечителя, лишилъ бы себя самъ возможности дѣйствовать, въ случаѣ надобности, нравственнымъ своимъ вліяніемъ на среду людей, наиболѣе подвластныхъ этому вліянію... Но всѣ убѣжденія и доводы Н. И. Пирогова остались напрасными; клеветѣ удалось очернить его гдѣ слѣдуетъ, и онъ долженъ былъ оставить свой постъ, не смотря на его твердую увѣренность въ полной возможности удержать необдуманные порывы учащейся молодежи въ взволнованномъ, политическими интригами, краѣ.

Николай Ивановичъ уѣхалъ въ свое имѣніе и принялъ выборъ въ мировые посредники.

IV.

Причину причинъ, вслѣдствіе которой Пирогову пришлось прервать столь плодотворную дѣятельность его въ званіи попечителя, въ округахъ южной окраины государства, слѣдуетъ искать не въ одной лишь низменной клеветѣ, къ которой, какъ къ достойному ихъ орудію, прибѣгли лжепросвѣтители русской молодежи. Нововведенія, которыя Пироговъ считалъ существеннымъ его намѣренія, которыя, въ переживаемую нами нынѣ эпоху, могли бы быть примѣнены съ громадною пользою, были совершенно непоняты. Вѣруя во всемогущество живаго слова, Николай Ивановичъ во время своего попечительства, предложилъ наставникамъ воспользоваться этимъ средствомъ для бóльшаго сближенія уча-

щихъ съ учащимися и учредить, подъ председательствомъ директоровъ, инспекторовъ и при личномъ ихъ участіи, литературныя и научныя бесѣды.

— „Нельзя не удивляться“, пишетъ Пироговъ, — „сколько благотворныхъ и нежданныхъ результатовъ дали эти бесѣды; ученики, безъ различія національностей, (замѣтимъ, что въ южной окраинѣ, гдѣ былъ попечителемъ Пироговъ, общество состоитъ изъ разнообразныхъ національныхъ элементовъ), съ необыкновеннымъ рвеніемъ бросились за работу и подготовлялись къ устному, рѣже къ письменному веденію бесѣдъ по тому, или другому предмету и, конечно, выбирали иногда предметъ для бесѣдъ не по силамъ, но всегда по склонностямъ и эти склонности, какъ учениковъ, такъ и учителей, обнаруживались наглядно. Свобода возраженій, конечно, недопускаемая на оффиціальныхъ урокахъ, поощряла учениковъ къ серьезному занятію предметомъ, избраннымъ для бесѣды, и обнаруживала неузнанныя способности и знанія учениковъ.

Затѣмъ, во время попечительства Николая Ивановича былъ, какъ извѣстно, поднятъ университетскій вопросъ, снова теперь возникшій. Н. И. Пироговъ объявилъ, прежде всего, что университетъ долженъ, сколь можно болѣе, имѣть свое самоуправленіе, съ ректоромъ во главѣ. Попечитель же учебнаго округа долженъ быть, по отношенію къ университету, ничѣмъ другимъ, какъ правительственнымъ контролеромъ дѣйствій сего послѣдняго. Въ его „Университетскомъ вопросѣ“, напечатанномъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, но не пущенномъ въ продажу, Николай Ивановичъ утверждалъ:

— „Главная немощь нашихъ университетовъ состоитъ въ недостаточномъ обновленіи и оживленіи интеллектуальныхъ силъ университета, дающія поводъ къ квіэтизму и непотизму въ средѣ профессоровъ“. Вина лежитъ не въ выборномъ началѣ; напротивъ, „оно должно быть также дорого для нашихъ университетовъ, какъ зеница ока для каждаго изъ насъ“, говоритъ Пироговъ. Онъ высказывалъ мнѣніе, что пока въ нашихъ университетахъ не будутъ значительно усилены средства къ развитію доцентуры и не дано льготъ для привлеченія свѣжихъ силъ, пока будетъ существовать обязательно курсовое слушаніе лекцій, съ его неудобнымъ послѣдствіемъ, чисто экзаменаціоннымъ напра-

вленіемъ ученія, пока будетъ налогъ на право ученія въ университетѣ, замѣняющій гонорары въ заграничныхъ университетахъ, пока профессора различныхъ, по существу, предметовъ, при различныхъ научныхъ достоинствахъ, заслугахъ и способностяхъ, будутъ получать однообразное штатное содержаніе, а университеты не будутъ имѣть никакихъ другихъ средствъ къ привлеченію лицъ, заслуживишихъ имя въ наукѣ;—до тѣхъ поръ нельзя возлагать надежды на прочный и научный прогрессъ нашихъ университетовъ. „И, конечно, оживленія и обновленія силъ нельзя ожидать тамъ, гдѣ съ ограниченіемъ доцентуры сдѣлалось возможнымъ, болѣе чѣмъ когда нибудь, удержаніе за собою кафедры отъ 25 до 40 лѣтъ однимъ и тѣмъ же лицомъ“.

Студенческій вопросъ, какъ часть учебная, занималъ и тогда умы не менѣе, какъ и въ настоящее время. Въ совѣтѣ попечителей, созванномъ въ 1861 г. въ С.-Петербургѣ, въ посланіяхъ Н. И. Пирогова къ министру народнаго просвѣщенія и, наконецъ, какъ мы знаемъ изъ вѣрнаго источника, во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государю Императору, Н. И. Пироговъ, противъ принятыхъ въ то время мѣръ и преобразованій, излагалъ слѣдующее:

— „Какъ ни желательно“, говорилъ онъ, „для русской науки требовать отъ вступающихъ въ университеты солидной научной подготовки, имѣть дѣло съ одними учащимися элитами, но въ настоящее время это не мыслимо для насъ; бо̀льшая часть учащейся въ университетѣ молодежи, это дѣти чиновниковъ, военныхъ, священниковъ, мѣщанъ и проч., едва не пролетаріи, и не имѣютъ средствъ окончить солидное гимназическое или приготовительное образованіе. А наши университеты имѣютъ пока, и долго еще будутъ имѣть, не столько научное, сколько общеобразовательное значеніе. Затруднивъ поступленіе въ нихъ, не нанесемъ ли мы вредъ стремящейся въ университеты молодежи и самому государству? Другихъ высшихъ учебныхъ заведеній у насъ почти нѣтъ, а если и будутъ, то приливъ къ нимъ той же силы, которая теперь поступаетъ въ университеты, долженъ имѣть и тѣ же самыя послѣдствія. Причины волненій останутся тѣ же; самые университеты не представляются у насъ, какъ это должно бы быть, одной общею корпораціей учащихъ и учащихся, скрѣпленною общею научною и нравственными интересами; у насъ университетъ

представляетъ двѣ корпораціи, изъ которыхъ только одна организована и стоитъ отдѣльно отъ другой; другая же—студенческая, неорганизованная, представляетъ собою скученную массу силъ, управляемую и сдерживаемую только извнѣ. При такомъ способѣ управленія, только строгая внѣшняя дисциплина можетъ удерживать порядокъ. Но всякій понимаетъ, что университетъ не казарма и не корпусъ, а студенчество—не солдатство... поэтому, и не представляется никакихъ другихъ мѣръ къ возстановленію порядка въ нашихъ университетахъ, какъ одна изъ двухъ слѣдующихъ: нужно или сдѣлать изъ университетовъ нашихъ нѣчто въ родѣ „Collège de France", т. е. сдѣлать ученіе въ немъ свободнымъ, открытымъ для всѣхъ, безъ всякой корпораціи, съ общимъ гражданскимъ или полицейскимъ надворомъ за порядкомъ, или же соединить, сколь можно крѣпче, учащихъ и учащихся въ одну общую и хорошо организованную корпорацію; но въ такомъ случаѣ она должна быть вполнѣ самостоятельною и пользующеюся правами самоуправленія".

Въ только что приведенныхъ словахъ,—плодъ глубокаго убѣжденія Николая Ивановича, онъ высказывалъ то, чего предвидѣть не могъ, что онъ самъ, вѣроятно, въ то время считалъ не мыслимымъ, и что, увы, черезъ пять лѣтъ, (1866 г.), сдѣлалось не только мыслимымъ, но и вышло, какъ Минерва изъ головы Юпитера, въ полномъ вооруженіи: съ классическими, выросшими, какъ по заказу, гимназіями съ восьми-лѣтнимъ курсомъ, и съ университетами, наполненными элитами! Еще менѣе могъ Н. И. Пироговъ предвидѣть, что не далѣе какъ черезъ пять лѣтъ, министерство народнаго просвѣщенія превратится въ цербера просвѣщенія для уничтоженія студенческихъ безпорядковъ!..

V.

Не менѣе замѣчательны мысли и сужденія Пирогова, высказанныя имъ уже очень давно, именно въ періодъ времени его попечительства въ Одесскомъ и Кіевскомъ учебныхъ округахъ, еще и объ другомъ вопросѣ, занимающемъ нынѣ общественное мнѣніе и въ послѣднее время обострившемся въ Германіи. Это, именно, о такъ называемомъ „еврейскомъ вопросѣ".

Долговременная профессорская дѣятельность, наконецъ, офиціальное положеніе его, въ качествѣ попечителя двухъ учебныхъ округовъ той южной окраины нашего отечества, гдѣ всего болѣе тѣснится еврейство, давали ему возможность, а впослѣдствіи налагали нравственную обязанность, глубже вникнуть въ то исключительное положеніе, въ которое поставлены у насъ евреи.

По мнѣнію Пирогова:

— „Если ограниченіе у насъ правъ евреевъ можетъ быть еще объяснено временнымъ протекторатомъ неразвитаго туземнаго населенія отъ эксплоатаціи семитовъ, то исключительныя и ограничительныя мѣры для евреевъ въ кругѣ дѣятельности учебнаго вѣдомства не находятъ, рѣшительно, никакого оправданія. Въ странѣ обширной, малонаселенной, нуждающейся въ интеллектуальномъ и матеріальномъ капиталахъ, стѣснять и ограничивать весьма ненадежными полицейскими и административными мѣрами расчетливое, и вымуштрованное уже этими-же самыми мѣрами и вѣковымъ опытомъ, семитическое племя, есть, поистинѣ, величайшій политическій абсурдъ, ведущій только къ деморализаціи, какъ стѣсненной, такъ и стѣсняющей среды. Для обитателей территоріальной полосы, назначенной для еврейскаго племени, эта прогрессирующая деморализація проявляется на каждомъ шагу въ ужасающихъ размѣрахъ и видахъ“.

Поэтому-то, бывъ попечителемъ учебныхъ округовъ именно въ этой полосѣ, Николай Ивановичъ считалъ, какъ онъ говоритъ, долгомъ обращать вниманіе правительства на очевидное зло и старался всѣми зависящими отъ него мѣрами смягчать суровыя ограниченія и происходящій отъ этихъ послѣднихъ вредъ: онъ помогалъ, посему, сколько могъ, еврейской молодежи, облегчалъ безвыходное положеніе ея, и не разъ обращался въ министерство съ проектами о коренномъ преобразованіи еврейскихъ школъ и предлагалъ полное уничтоженіе ихъ замкнутости, чрезъ слитіе съ общеобразовательными учрежденіями. Впослѣдствіи, это предложеніе было, только отчасти, осуществлено.

Можно легко себѣ представить, сколько стоило труда и усилія просвѣщенному уму Пирогова, чтобы достигнуть въ эпоху, когда самъ министръ народнаго просвѣщенія (А. С. Норовъ) мѣрилъ саженями разстояніе еврейскаго училища отъ православной церкви, нѣкоторыхъ смягченій въ пользу учащейся еврейской молодежи! Для характе-

ристики свѣтлаго ума и высокихъ нравственныхъ качествъ души, обнаруживающихся именно въ вопросѣ не только чуждомъ, но даже въ нѣкоторой степени антипатичномъ для большинства нашихъ ученыхъ и не ученыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, слѣдуетъ сказать, что Николаю Ивановичу лишь съ неимовѣрными затрудненіями удалось исходатайствовать разрѣшеніе объ изданіи въ Одессѣ перваго еврейскаго журнала на русскомъ языкѣ, чѣмъ онъ значительно увеличилъ кружокъ русскихъ образованныхъ евреевъ, въ то время, когда ихъ, такъ сказать, толкали сдѣлаться нѣмцами, распространяя въ еврейскихъ училищахъ нѣмецкіе переводы св. еврейскихъ книгъ, сдѣланые на казенный счетъ.

Такъ какъ въ то время, разумѣется, еще не былъ поднятъ въ Германіи антисемитскій вопросъ, то русскіе евреи и считали ее обѣтованною землею для своего образованія.

— „Наши юдофобы“, говоритъ Пироговъ, „теперь, конечно, весьма довольны дѣйствіями антисемитской лиги въ Германіи и, безъ сомнѣнія, воспользуются для своихъ цѣлей, если имѣющіе власть не поймутъ хорошенько огромнаго различія мотивовъ, заставляющихъ нѣмцевъ вооружаться противъ семитовъ, и тѣхъ, которые заставляютъ нашихъ юдофобовъ поддерживать нелѣпыя опасенія и предлагать еще болѣе нелѣпыя мѣры, къ осуществленію своихъ цѣлей“.

VI.

Настала новая пора. Въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія вступилъ статсъ-секретарь Александръ Васильевичъ Головнинъ, мужъ ума вполнѣ государственнаго. Значеніе Пирогова, какъ выдающагося общественнаго дѣятеля, не могло не вызвать, со стороны новаго министра просвѣщенія, сожалѣнія о томъ, что Николай Ивановичъ такъ скоро, и по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить попечительскую дѣятельность, обѣщавшую быть столь плодотворною, и вотъ А. В. Головнинъ вызвалъ знаменитаго ученаго и общественнаго дѣятеля изъ его невольнаго деревенскаго уединенія, куда имя Пирогова привлекало массы страждущихъ. Ему предложено было

отправиться заграницу и руководить вновь учрежденнымъ профессорскимъ институтомъ. Николай Ивановичъ принялъ это предложеніе, но съ условіемъ, пользоваться вліяніемъ на выборъ лицъ и на организацію всего учрежденія. За границей Николай Ивановичъ вошелъ въ сношеніе со многими профессорами, отъ которыхъ узнавалъ о занятіяхъ молодыхъ ученыхъ, присланныхъ по выбору, большею частью департаментомъ народнаго просвѣщенія и нѣкоторыхъ университетовъ, и дѣлалъ, что могъ, для сообщенія точныхъ свѣдѣній министерству о ходѣ дѣла. [1])

Пироговъ, живя вдали отъ родины, не забывалъ ни на минуту пережитаго имъ, какъ врачъ и человѣкъ, въ достославную севастопольскую осаду. Это было въ 1863 г.; въ Германіи приготовлялись къ Голштинской войнѣ и въ это то время появилось его замѣчательное сочиненіе, напечатанное въ Лейпцигѣ: "Grundsätze der allgemeinen Kriegschirurgie". Германія, а впослѣдствіи Америка, вполнѣ не только оцѣнили, но съумѣли воспользоваться указаніями и совѣтами, а также богатыми и глубокими знаніями автора этой классической книги.

Предложенная Пироговымъ въ севастопольскую войну система разсѣянія раненыхъ и энергическій протестъ его противъ зла, наносимаго раненымъ госпиталями, произвели на европейскую публику глубокое впечатлѣніе. Въ этой книгѣ уже излагался идеалъ общества „Краснаго Креста" прежде, чѣмъ оно осуществилось

---

[1]) Увѣдомляя, 23-го марта 1862 г., Н. И. Пирогова о командированіи его заграницу, А. В. Головнинъ писалъ къ нему:

— „Государь повелѣлъ командировать васъ на четыре года заграницу для исполненія разныхъ трудовъ по учебной и педагогической части. Главное порученіе, которое возлагается на васъ, по волѣ Государя, состоитъ въ руководствѣ и направленіи тѣхъ молодыхъ ученыхъ, коихъ Министерство Народнаго Просвѣщенія отправитъ заграницу для приготовленія къ профессорскому званію и коимъ предписано будетъ являться къ вамъ и дѣйствовать по вашимъ наставленіямъ. Для сего я просилъ бы васъ покорнѣйше: 1) указывать каждому изъ нихъ тѣхъ профессоровъ, слушаніе коихъ было бы для нихъ всего полезнѣе; 2) сближать ихъ съ такими профессорами; 3) доставлять имъ средства пользоваться, по возможности, всѣми учебными пособіями; 4) личными совѣтами и руководствомъ оказывать помощь при ученыхъ трудахъ и 5) наблюдать, по возможности, за ходомъ ихъ занятій и сообщать о нихъ Министерству, съ заключеніемъ о способностяхъ и познаніяхъ каждаго".

Молодыхъ людей, посланныхъ тогда заграницу, было 30 отъ четырехъ учебныхъ округовъ.

на дѣлѣ: въ ней указывалась необходимость нейтралитета врачей воюющихъ сторонъ. Противугнилостное леченіе ранъ, въ то время еще мало занимавшее умы врачей, онъ описалъ такъ, какъ онъ его употреблялъ съ различнымъ успѣхомъ въ теченіи десяти-лѣтней госпитальной практики. Пироговъ, какъ извѣстно, первый ввелъ ирригацію ранъ, замѣнивъ губки чайниками съ водою и изгнавъ изъ палатъ всѣ цераты, мази и липкіе пластыри, рекомендуя, вмѣсто послѣднихъ, употребленіе однихъ только противугнилостныхъ растворовъ; онъ также старался изгнать и корпію, но скудныя средства тогдашней госпитальной практики не дозволяли ему разнообразить и усовершенствовать повязки и перевязки ранъ. Въ той же книгѣ онъ развилъ еще больше, основываясь на громадномъ опытѣ, многостороннія примѣненія его знаменитой гипсовой повязки къ леченію ранъ въ военно-полевой практикѣ.

Пироговъ былъ и въ началѣ 1850-хъ гг. и потомъ въ 1863 г. (въ его „Клиническихъ анналахъ" и въ разсматриваемомъ сочиненіи) первымъ, возставшимъ противъ господствовавшей въ то время доктрины травматической піэміи; доктрина эта объясняла происхожденіе піэміи механическою теоріею засоренія сосудовъ кусками размягченныхъ тромбовъ; онъ же утверждалъ, основываясь на массѣ наблюденій, что піэмія —этотъ бичъ госпитальной хирургіи, съ разными ея спутниками (острогнойнымъ отекомъ, злокачественною рожею, дифтеритомъ и т. п.) есть процессъ броженія, развивающійся изъ взошедшихъ въ кровь, или образовавшихся въ крови ферментовъ, и желалъ госпиталямъ своего Пастёра для тончайшаго изслѣдованія этимъ ферментовъ. Блестящіе успѣхи нынѣ повсемѣстно практикуемаго антисептическаго леченія ранъ и введеніе въ практику Листеровой повязки, подтвердили, какъ нельзя лучше, ученіе Пирогова.

Въ 1865 г. Пироговъ издалъ „Начала военно-полевой общей хирургіи" и для русскихъ врачей, напечатанной въ Дрезденѣ. Это не есть переводъ съ нѣмецкаго. Въ предисловіи къ этой книги Николай Ивановичъ говоритъ слѣдующее:

— „Съ моей стороны, было бы непростительно предлагать соотечественникамъ переводъ, сдѣланный мною, и моей же книги. Напротивъ, „Grundzüge der allgemeinen Kriegschirurgie" есть переводъ съ русскаго. Матеріалы и всѣ данныя были составлены по русски. И матеріалъ, и данныя для обѣихъ книгъ остались,

разумѣется, тѣ же. И по нѣмецки, и по русски я сообщаю моимъ читателямъ результаты того, что видѣлъ во время моей кавказской экспедиціи въ 1847 г., въ крымскую войну въ 1854 и 1855 гг. и въ госпитальной практикѣ, продолжавшейся слишкомъ 25 лѣтъ. Но для русскихъ врачей я счелъ необходимымъ дать моей книгѣ видъ руководства, и для этого изложилъ гораздо подробнѣе результаты, добытые современною хирургіею другихъ странъ, въ послѣднія три войны.“

Долговременное молчаніе свое, предъ русскими врачами и публикою, послѣ Крымской войны о собранномъ имъ научномъ матеріалѣ, и имъ лично, пережитомъ, онъ, въ этомъ-же предисловіи, объясняетъ тѣмъ, что и наша администрація, и наша медицина представляли много особенностей.... Наши потери, какъ извѣстно, были громадны въ Крымскую войну; изъ достовѣрныхъ фактовъ извѣстно, наприм., что однихъ безъ вѣсти пропавшихъ изъ храбрыхъ рядовъ защитниковъ Севастополя насчитывалось до 80,000 человѣкъ, о которыхъ долгое время шла нескончаемая переписка, которая, однако, къ уясненію этой громадной цифры убыли не послужила. Такъ какъ Пироговъ принадлежитъ, по собственнымъ его словамъ, къ ревностнымъ сторонникамъ раціональной статистики и вѣритъ, что лишь она одна, въ приложеніи ея къ военной хирургіи, составляетъ несомнѣнный прогрессъ, то этимъ объясняется, почему Пироговъ задумывался надъ тѣми статистическими данными, на основаніи которыхъ ему приходилось дѣлать научные выводы. Будучи первоклассснымъ европейскимъ хирургомъ, Н. И. не увлекался своимъ значеніемъ въ наукѣ, какъ всему міру извѣстный хирургъ. Онъ почти пророчески провозглашаетъ въ своей „Общей военно-полевой хирургіи“, „что будущее принадлежитъ медицинѣ предохранительной“. Что-же касается статистическихъ данныхъ въ медицинѣ, то, по остроумному сравненію его, эти данныя можно сравнить съ кушаньями изъ языковъ, которыми угощалъ Эзопъ философа Ксанфа. „Они говорятъ и хорошее, и худое, смотря потому, какъ и что заставляютъ ихъ говорить“. „О томъ, что мы не были приготовлены къ Крымской войнѣ—это уже теперь не государственная тайна“, говоритъ въ томъ же предисловіи Пироговъ. „Въ началѣ мы получали все необходимое изъ мѣстностей, ближайшихъ къ театру войны, но когда тутъ всѣ припасы были

истощены, когда всѣ ближайшіе лазареты, присутственныя мѣста, дома дворянскихъ собраній, училища и даже частные дома переполнились ранеными и больными; то сдѣлалось необходимымъ распространять кругъ дѣйствій все далѣе и далѣе отъ полуострова. Въ декабрѣ 1855 г., дошло до того, что нашихъ раненыхъ и больныхъ (число которыхъ сильно увеличилось отъ эпидемій) нужно было отправлять при 20° Р. за 400—500 и даже 700 верстъ. Я нашелъ многихъ изъ нихъ, при моемъ осмотрѣ военныхъ лазаретовъ, въ зиму 1855 г., съ отмороженными въ транспортѣ ногами. Еще труднѣе была доставка фуража, провіанта и перевязочныхъ средствъ. Нужно вспомнить, что Крымскій полуостровъ не могъ бы въ мирное время прокормить такого числа войскъ, которое собрано было въ немъ для защиты Севастополя; во время же войны существованіе ихъ зависѣло уже совершенно отъ отдаленныхъ провинцій и, слѣдовательно, отъ путей сообщенія. А каковы были тогда дороги можно заключить изъ того, что я, проѣзжая въ ноябрѣ 1854 г., изъ Симферополя въ Севастополь, на курьерскихъ, долженъ былъ употребить болѣе полутора дней. И такъ, не мудрено, что, при такихъ путяхъ сообщенія, сѣно, напримѣръ, съѣдалось волами по дорогѣ, прежде чѣмъ оно могло быть доставлено арміи; тяжести оставались въ топкой новороссійской грязи вмѣстѣ съ фурами, скотъ падалъ, цѣны за доставку были неимовѣрныя. Я помню, что въ декабрѣ 1854 г., платили въ Севастополѣ за пудъ сѣна 4 руб. сер., а за доставку одного пуда тяжести отъ Симферополя до Севастополя (60 верстъ) $2^1/_2$ руб. сер. Я никогда не забуду моего перваго въѣзда въ Севастополь. Это было въ позднюю осень въ ноябрѣ 1854 г. Вся дорога отъ Бахчисарая, на протяженіи 30 верстъ, была загромождена транспортами раненыхъ, орудій и фуража. Дождь лилъ какъ изъ ведра, больные, и между ними ампутированные, лежали по-двое и по-трое на подводѣ, стонали и дрожали отъ сырости; и люди, и животные едва двигались въ грязи по колѣно; падаль валялась на каждомъ шагу; изъ глубокихъ лужъ торчали раздувшіеся животы павшихъ воловъ, и лопались съ трескомъ; слышались, въ то же время, и вопли раненыхъ, и карканье хищныхъ птицъ, цѣлыми стаями слетѣвшихся на добычу, и крики измученныхъ погонщиковъ, и отдаленный гулъ севастопольскихъ пушекъ. Поневолѣ приходилось задуматься о предстоявшей судьбѣ

нашихъ больныхъ; предчувствіе было не утѣшительно. Оно и сбылось. Хорошо, что прошлое забывается! Теперь, не безъ чувства гордости, вспоминаешь прожитое. Мы, взаправду, имѣемъ право гордиться, что стойко выдержали Крымскую войну: ее нельзя сравнивать ни съ какою другою. Не говоря о томъ, что она для насъ, давно уже отвыкшихъ отъ оборонительныхъ войнъ,— была чѣмъ-то неожиданнымъ, ея и администрація, и медицина представляли много особенностей. Это заставляло меня, отчасти, и молчать о результатахъ моей врачебной дѣятельности. Можно ли, думалъ я, сдѣлать изъ нихъ какое нибудь приложеніе въ будущемъ? Могутъ ли они быть полезны и другимъ собратамъ по наукѣ, когда условія, при которыхъ мы дѣйствовали, были совершенно другія, и едва ли въ другой разъ возможныя. Въ Голштиніи, въ Италіи велись послѣднія войны уже при всѣхъ современныхъ пособіяхъ европейской цивилизаціи, при желѣзныхъ дорогахъ, въ населенныхъ мѣстностяхъ. Чему же могли бы научиться европейскіе врачи изъ испытанныхъ нами бѣдъ и неудачъ? вѣдь такая продолжительная, и съ такими лишеніями соединенная, осада, врядъ ли мыслима, въ наше время, въ западной Европѣ? Такъ я полагалъ. Но справившись на мѣстѣ, узнавъ кой-что изъ разговоровъ съ очевидцами, прочитавъ отчеты, я убѣдился, что и наши непріятели въ Крымской кампаніи, и врачи австрійскіе, итальянскіе, французскіе, дѣйствовавшіе въ послѣднюю войну въ Ломбардіи, не смотря на всѣ пособія цивилизаціи, также не пришли ни къ блестящимъ, ни къ болѣе надежнымъ результатамъ; непреложныхъ или, по крайней мѣрѣ, болѣе раціональныхъ статистическихъ выводовъ также никакихъ еще ими не сдѣлано. И такъ, я рѣшился возобновить въ памяти прошлыя впечатлѣнія, разобрать скопленный, и уже было заброшенный, матеріалъ, напомнить и Европѣ, и русскимъ врачамъ, что мы въ крымскую войну не были такъ отставши по наукѣ, какъ это можно бы было заключить изъ нашего молчанія“....

Правдивость только что изложеннаго, какъ нельзя болѣе, подтвердилась еще недавно представленнымъ въ парижскую медицинскую академію мемуаромъ доктора Ле-Фора: „La médecine militaire et la loi sur l'administration de l'armée“.

Мемуаръ этотъ, заключающій въ себѣ требованіе автономіи для военныхъ врачей, имѣетъ быть представленъ на обсужденіе

парламентской сессіи въ текущемъ 1881 году. Докторъ Ле-Форъ, основываясь на „Статистикѣ восточной арміи“ извѣстнаго д-ра Шеню, заключаетъ, что крымская война достаточно убѣдила въ томъ, что непріятельскій огонь менѣе опасенъ для арміи, нежели болѣзнь; „русскими“, говоритъ онъ, „было убито 20,000 человѣкъ, а болѣзнями унесено 75,000; въ теченіи шести зимнихъ мѣсяцевъ, когда у насъ было не болѣе 300 раненыхъ, а у англичанъ 165, англійская армія потеряла 606 человѣкъ, а французская, благодаря нераспорядительности и упорству интендантскаго вѣдомства,—21,190 человѣкъ, а между тѣмъ, союзная англо-французская армія была подъ Севастополемъ подвержена тѣмъ же невыгоднымъ атмосферическимъ вліяніямъ, тѣмъ же матеріальнымъ затрудненіямъ и тѣмъ же мѣстнымъ условіямъ, вызвавшимъ холеру и тифъ“.

Мы не можемъ, при этомъ случаѣ, не сдѣлать небольшаго замѣчанія о томъ, что, въ то время, какъ Пирогову, только благодаря особенному покровительству покойной Великой Княгини Елены Павловны, удалось получить назначеніе въ Крымъ, изъ трибунъ палаты депутатовъ, въ Парижѣ, общественное мнѣніе потребовало отъ военнаго министра отправленія извѣстнаго гигіениста Мишеля Леви на Востокъ, въ качествѣ инспектора санитарной службы, съ неограниченными полномочіями не только инспекціи, но и организаціи этой службы.

Во франко-германскую войну германская армія потеряла 28,526 человѣкъ отъ ранъ, 10,406 отъ различныхъ болѣзней и 4009 безъ вѣсти пропавшихъ. Потеря Французовъ доходила до 150 т. человѣкъ, именно 30 т. умершихъ отъ ранъ и 120 т. вслѣдствіе болѣзней. Въ числѣ неурядицъ и безпорядковъ, которыми страдала санитарная часть французской арміи въ послѣднюю франко-германскую войну, Ле-Форъ приводитъ эпизодъ, напоминающій, отчасти, и наши порядки: послѣ кровопролитнаго боя при Фрэшвилерѣ, для помощи раненымъ, былъ поспѣшно посланъ медицинскій персоналъ, но безъ инструментовъ и перевязочныхъ средствъ!..

Въ 1866 г. Пироговъ возвратился изъ за-границы въ Россію и получилъ отъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія А. В. Головнина приглашеніе посѣтить всѣ русскіе университеты и, преимущественно, медицинскіе факультеты и представить мини-

стерству результаты его осмотра. Скоро, затѣмъ, однако, графъ Д. А. Толстой замѣнилъ статсъ-секретаря А. В. Головнина и, вслѣдъ затѣмъ, Н. И. Пироговъ уволенъ отъ исполненія даннаго ему порученія.

Съ тѣхъ поръ, съ 1866 г., Николай Ивановичъ оставилъ общественную дѣятельность и поселился у себя въ имѣніи, въ Подольской губерніи.

VII.

Ежели вынужденное удаленіе Пирогова, 15 слишкомъ лѣтъ тому назадъ, съ арены общественной дѣятельности могло навести интеллигентныхъ людей на весьма невеселыя мысли, то тѣмъ болѣе фактъ, какъ отнеслось министерство народнаго просвѣщенія (гр. Толстаго) почти къ десятилѣтней дѣятельности Пирогова по вѣдомству просвѣщенія представляется возмутительнымъ. Николай Ивановичъ, по званію своему профессора, получалъ, до приглашенія его на службу министерствомъ народнаго просвѣщенія, 1800 руб. пенсіи. Когда, послѣ оставленія министерства А. В. Головнинымъ, Николай Ивановичъ отнесся къ гр. Толстому, съ скромнымъ вопросомъ: считаетъ-ли онъ нужнымъ продолженіе даннаго ему порученія по университетскимъ дѣламъ? то, въ отвѣтъ, гр. Д. А. Толстой распорядился увѣдомить Н. И. Пирогова, что, по представленію его, гр. Толстого, онъ увольняется и получаемое имъ, Пироговымъ, по его министерству содержаніе, прекращается. Между тѣмъ, Пироговъ получалъ отъ министерства народнаго просвѣщенія содержаніе по двумъ должностямъ, а именно: по означеннымъ занятіямъ по университетскимъ дѣламъ, и по должности члена учебнаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, членомъ котораго Николай Ивановичъ, номинально, считается и въ настоящее время; тѣмъ не менѣе, за десятилѣтнюю службу свою по означенному министерству, Пироговъ прибавки къ пенсіи своей не получилъ, не смотря на то, что прослужилъ десять лѣтъ, какъ упомянуто выше, и остался по сію пору при первоначальной пенсіи 1800 руб., получаемой имъ по званію профессора императорской медико-хирургической академіи.

По поводу столь обиднаго отношенія графа Д. А. Толстого къ нашему именитому ученому и знаменитому хирургу, и неменѣе извѣстному общественному дѣятелю, вполнѣ составляющему гордость всей Россіи, нельзя не высказать глубокаго сожалѣнія, что подобное возмутительное явленіе нашей общественной жизни такъ долго оставалось подъ спудомъ. Мы уполномочены ознакомить почитателей Николая Ивановича съ выдержками его письма, писаннаго имъ долго спустя, послѣ удаленія его отъ службы, къ одному близко стоявшему къ нему лицу.

— „Если вся эта продѣлка гр. Толстого",—писалъ Н. И. Пироговъ, „еще нѣсколько интересуетъ меня, то только потому, что она, нѣкогда, была обидна для моего самолюбія; въ средствахъ же жизни я, благодаря Бога, не нуждался; обидно и не для одного самолюбія то, что личность, обязанная своимъ высокимъ положеніемъ только одному несчастному случаю, имѣла право сильнаго унизить и заподозрить предъ главою государства достоинства человѣка, безкорыстно посвятившаго всю свою жизнь служенію истинѣ и отечеству. Я вѣрю въ немезисъ, хотя еще болѣе вѣрую въ Божье правосудіе! Враги мои ненавидѣли меня за то, что я не былъ уступчивъ, что искательства были мнѣ чужды и что я выше ихъ всѣхъ чтилъ истину... Но довольно, я употребляю assa foetida только въ клистирахъ"... [1])

---

[1]) Вотъ нѣсколько данныхъ, на основаніи оффиціальныхъ документовъ, о томъ, какъ три министра, послѣдовательно смѣнявшіе другъ друга, относились къ государственной и общественной службѣ Пирогова. 18-го марта 1861 г. Николай Ивановичъ уволенъ (во время министерства Е. И. Ковалевскаго) отъ должности попечителя Кіевскаго учебнаго округа, съ оставленіемъ членомъ Главнаго Правленія училищъ и съ производствомъ ему жалованья по 2000 руб. въ годъ.—31-го мая 1862 г. Министръ Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнинъ, командируя Н. И. Пирогова на высокій постъ наблюдателя и руководителя молодыхъ педагоговъ, испросилъ ему на подъемъ 2000 руб. и 3000 руб. жалованья въ добавокъ къ получаемому Н. И.—2000 р.—всего 5000 р. Въ сентябрѣ и ноябрѣ 1865 г. А. В. Головнинъ исходатайствовалъ Высочайшее соизволеніе на назначеніе Н. И. Пирогову - аренды, о чемъ Министръ Народнаго Просвѣщенія и сдѣлалъ сношеніе съ Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ; вмѣстѣ съ симъ Александръ Васильевичъ испросилъ Высочайшее повелѣніе на предоставленіе Н. И. Пирогову совершить объѣздъ медицинскихъ факультетовъ всѣхъ русскихъ университетовъ — въ теченіе учебнаго 1866 — 1867 года. Но вотъ постъ Министра Народнаго Просвѣщенія въ апрѣлѣ 1866 г. занимаетъ гр. Д. А. Толстой и Министерство Народнаго Просвѣщенія отставляетъ себя отъ Н. И. Пиро-

VII.

Настал̃ъ 1870 г.; двѣ сильныя враждующія державы, выставивъ на поле брани, ужасающія по численности своей, арміи, одинаково мужественныя и стойкія, приковали къ себѣ вниманіе всего міра. Въ германскомъ войскѣ, обезпеченномъ гораздо лучше въ санитарномъ отношеніи, нежели французское войско, чувствовался сильный недостатокъ во врачахъ. Лазареты, устроенные въ прирейнской территоріи и южной Германіи, были уже въ началѣ войны переполнены ранеными. Въ ночь съ 3-го на 4-е августа перевезено черезъ Майнцъ 1500 раненыхъ; послѣ сраженія при Вертѣ около 3000 французскихъ раненыхъ оставались безъ помощи... У французовъ медики явились поздно и въ такомъ числѣ, что не приходилось и одного врача на 1000 человѣкъ.

Въ нашемъ „обществѣ краснаго креста", едва два года передъ тѣмъ возникшемъ, въ засѣданіи 17 іюля, предсѣдательствующимъ, генералъ-адъютантомъ А. К. Баумгартеномъ, было заявлено, что, независимо обязанности нашей принять участіе въ общей международной помощи, было бы весьма важно воспользоваться случаемъ для выясненія вопроса, предложеннаго главнымъ

гова; иначе мы не можемъ выразиться—читая прискорбный для России, но оффиціальный документъ отъ 17-го іюня 1866 г., которымъ новый министръ заявлялъ Николаю Ивановичу, что онъ: „освобождаетъ его, Пирогова, отъ возложенныхъ на него порученій, какъ по исполненію разныхъ трудовъ по учебной и педагогической части, такъ и по руководству лицъ, отправленныхъ заграницу для приготовленія въ званіе профессоровъ и преподавателей". При этомъ съ 1-го іюля того же года и тою же бумагою отъ 17-го іюня 1866 г., Пироговъ лишенъ не только добавочныхъ 3000 руб., назначенныхъ ему за руководство молодыхъ педагоговъ, но и тѣхъ 2000 руб., которые сохраняли за нимъ двое предшествовавшихъ министра — сначала какъ члену Главнаго Правленія училищъ, а по упраздненіи этого правленія (4-го іюля 1863 г.) какъ чиновнику, состоящему при министрѣ. Что же касается до переписки, начатой министерствомъ А. В. Головнина о назначеніи аренды Н. И. Пирогову—то таковая при гр. Д. А. Толстомъ разомъ пресѣклась. И такъ ни жалованья, ни пенсіи за службу на поприщѣ просвѣщенія, ни аренды Пироговъ не получаетъ. Все, что дало ему государство, это пенсію заслуженнаго профессора (1800 р.). И вопросъ именно не въ денежной сторонѣ всего этого дѣла, хотя и она не лишена своеобразнаго интереса,—но, нѣтъ, дѣло въ томъ, что четырнадцать лѣтъ—Министерство Народнаго Просвѣщенія (1866—1880 гг.) отставляло себя отъ Н. И. Пирогова.

управленіемъ на Берлинской конференціи, о степени участія, которое могутъ принять на войнѣ, оказаніемъ своей помощи, частныя общества нейтральныхъ державъ. А потому, признавъ полезнымъ имѣть при Базельскомъ агентствѣ уполномоченнаго отъ русскаго общества, который могъ-бы обсудить все дѣло на мѣстѣ и представить главному управленію результаты своихъ наблюденій, предсѣдательствующій вошелъ въ предварительное сношеніе съ Н. И. Пироговымъ, прося его принять званіе уполномоченнаго нашего общества. Въ отвѣтъ на это приглашеніе Николай Ивановичъ, высказывая въ своемъ письмѣ взглядъ свой на дѣятельность международнаго комитета и выражая сомнѣніе въ возможности разрѣшить вопросъ объ установленіи организаціи прочной системы международной помощи во время войны, заявилъ, что, не смотря ни на лѣта, ни на плохое здоровье, онъ быть можетъ, ознакомившись короче съ этимъ новымъ дѣломъ, рѣшился-бы принять въ немъ дѣятельное участіе, если-бы его занятія и экономическія условія позволили ему это сдѣлать на собственныя средства, не вводя Общество, безъ увѣренности въ успѣхѣ, въ какія либо затраты. Главное управленіе Краснаго Креста не замедлило сообщить Пирогову о принятыхъ уже со стороны перваго мѣрахъ по оказаніи помощи раненымъ воюющихъ державъ, равно объяснивъ обстоятельно цѣль и условія, возлагаемыя на Николая Ивановича, вторично просило сообщить объ окончательномъ рѣшеніи относительно сдѣланнаго ему Обществомъ предложенія.

Въ сентябрѣ того-же года Николай Ивановичъ, прибывъ въ С. Петербургъ, принялъ 11 сентября участіе въ засѣданіи главнаго управленія, причемъ предсѣдательствующій, отъ имени Общества, выразилъ ему глубокую признательность за участіе, оказываемое имъ Обществу Краснаго Креста въ принятіи на себя обязанности осмотрѣть санитарную часть на театрѣ военныхъ дѣйствій. Въ томъ-же засѣданіи, по поводу возбужденнаго вопроса объ образованіи личнаго состава, необходимаго Обществу въ военное время, Пироговъ замѣтилъ, что, по его мнѣнію, одна изъ самыхъ важныхъ и трудныхъ задачъ, которую Обществу предстоитъ разрѣшить, это устройство помѣщенія для раненыхъ и больныхъ въ военное время: такъ какъ способы помѣщеній, введенные для сего на Западѣ, не примѣнимы у насъ. Онъ рекомен-

довалъ, посему, Обществу заняться устройствомъ возможно бóльшаго числа амбулаторныхъ подвижныхъ госпиталей и совѣтывалъ ему взять на себя иниціативу вопроса о госпитальныхъ баракахъ, причемъ упомянулъ, что до крымской кампаніи устройство госпитальныхъ бараковъ не было извѣстно ни во французской, ни въ англійской арміи, которыя построили ихъ у себя по примѣру уже бывшихъ подъ Севастополемъ русскихъ бараковъ, и что система бараковъ введена была, уже впослѣдствіи, въ обширномъ размѣрѣ въ американской междуусобной войнѣ.

13-го сентября 1870 года Н. И. Пироговъ, въ сопровожденіи пишущаго эти строки, выѣхалъ заграницу, для исполненія порученія Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ; передъ отъѣздомъ, Ея Величеству въ Бозѣ почившей Августѣйшей покровительницѣ Общества Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ благоугодно было выразить Николаю Ивановичу желаніе узнать подробности о вліяніи, оказываемомъ частною помощью въ Германіи на военно-санитарныя учрежденія, и о примѣненіяхъ, которыя можно бы извлечь для Россіи. Въ Берлинѣ Николаю Ивановичу выпалъ особенно любезный пріемъ со стороны Е. К. В. Королевы Прусской; онъ былъ приглашенъ во дворецъ къ обѣденному столу. Всѣ подлежащія власти, начиная отъ начальника Ордена Іоаннитовъ, герцога Уеста, до начальниковъ желѣзнодорожныхъ станцій, включительно, выказывали нашему путешественнику почетъ и всевозможное вниманіе и облегчали не безопасное и не легкое, въ то время, путешествіе. Приходилось, порой, довольствоваться и вагономъ 3-го класса, а иногда, и одноконной крестьянской подводой. Пребываніе въ Лотарингіи и Эльзассѣ, вскорѣ послѣ сдачи Страстбурга, не отличалось также удобствами. Николаю Ивановичу приходилось спать втроемъ и четверомъ въ одной небольшой комнатѣ, отчасти на полу, отчасти на импровизированной кровати; онъ однако, легко мирился съ этими неудобствами, въ особенности, когда сравнивалъ ихъ съ знакомыми ему кавказскими и севастопольскими. Въ теченіи пяти недѣль, онъ успѣлъ осмотрѣть до 70 военныхъ лазаретовъ, расположенныхъ: въ Саарбрюкенѣ, Ремильи, Понтъ-а-Муссонѣ, Корнѣ, Горзѣ, Нанси, Страстбургѣ, Карлсруэ, Швецингенѣ, Мангеймѣ, Гейдельбергѣ, Штутгартѣ, Дармштадтѣ и Лейпцигѣ, переполненныхъ въ то время ранеными и больными.

Во время этой поѣздки, Николай Ивановичъ былъ чрезвычайно счастливъ пріемомъ, встрѣченнымъ имъ со стороны заграничныхъ врачей. Всѣ они, и старые знакомые, и молодые врачи въ Германіи и во Франціи, и прибывшіе отъ имени международной помощи на театръ войны, англійскіе и американскіе врачи, не только, съ полною готовностью, показывали Николаю Ивановичу все, заслуживающее вниманія и имѣющее научный интересъ, но, на-перерывъ, старались обратить на себя его вниманіе. Имя Пирогова какъ бы наэлектризовывало врачей. Весьма интересно было свиданіе Николая Ивановича съ профессоромъ Лангенбекомъ въ Горзѣ, вскорѣ послѣ битвы 4 и 6 августа стараго стиля, 1870 г. Въ Страстбургѣ хирургъ Герготъ (Эльзассецъ), водя Пирогова по лазарету, и указывая на пробитую бомбами крышу, потолокъ и полъ перевязочной залы, сѣтовалъ на варварство осаждавшихъ, неостанавливавшихся передъ краснымъ крестомъ флага, выставленнаго на лазаретѣ; на это Пироговъ, улыбаясь, ему замѣтилъ, что французскія бомбы въ Севастополѣ также не разбирали нашихъ флаговъ на перевязочныхъ пунктахъ... Осмотръ всего того, что входило въ программу задачи Николая Ивановича, послужилъ къ рѣшенію имъ слѣдующихъ пяти капитальныхъ вопросовъ:

I. Въ какой мѣрѣ осуществляется на дѣлѣ примѣненіе началъ международной филантропіи, выраженіемъ которыхъ служитъ „Общество красного креста"?

II. Каковы были отношенія частной международной помощи къ военной администраціи и какое вліяніе оказывала частная помощь на участь больныхъ и раненыхъ въ продолженіи войны?

III. Насколько, при нынѣшнихъ способахъ веденія войны, улучшилась участь раненыхъ на самомъ полѣ сраженія, тотчасъ послѣ битвы?

IV. Какіе успѣхи оказало во франко-германскую войну, такъ называемое, сберегательное и выжидательное леченіе вообще и въ особенности поврежденій, требовавшихъ, по прежнимъ понятіямъ, безотлагательнаго отнятія поврежденнаго члена, и

V. Какое примѣненіе изъ войны 1870 г. можетъ сдѣлать для себя наша русская военная медицина и частная помощь раненымъ и больнымъ?

На всѣ эти вопросы, предложенные имъ себѣ самому, Нико-

лай Ивановичъ, съ свойственнымъ ему глубокимъ пониманіемъ военно-санитарныхъ требованій, далъ отвѣтъ въ „Отчетѣ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзассѣ въ 1870“, появившемся въ печати въ С.-Петербургѣ въ слѣдующемъ 1871 г. Интересующіеся этимъ отчетомъ найдутъ въ немъ много поучительнаго. Мы не имѣемъ возможности подробно останавливаться въ настоящемъ, сжатомъ очеркѣ, на всѣхъ замѣчательныхъ выводахъ Пирогова, но отмѣтимъ только нѣкоторыя его указанія, имѣющія громадное общественное и научное значеніе.

„Администрація“, говоритъ Пироговъ, „обыкновенно полагаетъ, что объявлять заблаговременно о своихъ нуждахъ обществу, значило бы неумѣстно обнаруживать свои слабыя стороны; но приходится, однако, убѣдиться, что въ общественныхъ катастрофахъ неминуемо должно прибѣгать къ частной помощи, выдѣляя ей значительную долю самостоятельности. Но покуда это случится“, говоритъ Пироговъ, „международная филантропія могла бы достигнуть, по крайней мѣрѣ, того, чтобы чисто научныя отношенія между двумя враждебными лагерями были поставлены на нейтральную почву“. Во время войны сношенія между врачами приносили бы громадную пользу наукѣ и человѣчеству. Еще за годъ до открытія Женевскаго международнаго комитета, онъ предлагалъ для разработки военно-полевой медицинской статистики сдѣлать медицину, во время войны, нейтральною. „Военные врачи воюющихъ державъ“, писалъ онъ, „должны быть членами одного общаго врачебно-статистическаго комитета. Воюющія стороны могутъ согласиться и въ томъ, чтобы доставлять врачамъ всѣ средства, служащія къ разъясненію научныхъ вопросовъ, интересующихъ все человѣчество, и устранять, по возможности, препятствія взаимнымъ совѣщаніемъ и корреспонденціями врачей, а врачи обѣихъ сторонъ, въ свою очередь, должны быть обязаны честнымъ словомъ и присягою не злоупотреблять данною имъ свободою дѣйствій“ (см. Нач. общ. пол. хирур.). Далѣе авторъ указываетъ, что, въ военное время, при нынѣшней организаціи военныхъ вѣдомствъ, трудно достигнуть удовлетворительныхъ результатовъ. Что касается частной помощи, то дѣятельность ея должна быть сама по себѣ, сколько можно, независима, такъ какъ излишняя зависимость можетъ убить частную помощь на первыхъ же

порахъ и „если“, замѣчаетъ Пироговъ, „она во франко-германскую войну оказала огромное вліяніе на участь больныхъ и раненыхъ, построила превосходные временные лазареты, ввела правила гигіены, со всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ очищеніи воздуха отъ міазмъ, окружила больнаго всѣми возможными удобствами и повліяла не только на его матеріальное благосостояніе, но и на самый нравственный бытъ лазарета, то это все сдѣлалось именно потому, что частная помощь въ Германіи была достаточно самостоятельна и самостоятельна не по волѣ администраціи, а по неволѣ“. Обращаясь, затѣмъ, къ военно-полевой медицинѣ, Пироговъ указываетъ на существовавшіе въ Германіи, въ этомъ отношеніи, громадные недостатки, касавшіеся положенія раненыхъ на полѣ сраженія послѣ битвы. „Какъ ни превосходно была организована прусская военная администрація, какъ она ни была дальновидна, сколько ни приготовлялась къ войнѣ, снабдивъ армію 2700 и болѣе врачами и лазаретными принадлежностями на 50,000 кроватей, но послѣ первой же битвы оказалось, что не было врачей именно тамъ, гдѣ они были всего нужнѣе“. Далѣе указывается на значительно измѣнившійся взглядъ современной хирургіи на жизненную необходимость ранней ампутаціи. Блестящіе результаты, которые дала франко-германская война, вполнѣ совпали съ глубокими убѣжденіями Н. И., выработавшимися у него въ крымскую войну. Какъ на самую слабую сторону военно-врачебныхъ учрежденій, Пироговъ указываетъ на вопіющій недостатокъ санитарныхъ командъ; затѣмъ, онъ порицаетъ прусскій милитаризмъ, распространяющійся на врачей. „Прусскій врачъ, прежде всего, солдатъ“, сказалъ одинъ изъ корифеевъ прусской военной медицины, онъ причисляется къ сражающимся, получаетъ на равнѣ съ военными чинами военные ордена (съ тонкимъ, впрочемъ, различіемъ размѣщенія цвѣтовъ орденской ленточки), и идетъ вмѣстѣ съ ними въ огонь; а такъ какъ это ведетъ къ значительнымъ потерямъ во врачахъ, дошедшимъ во время путешествія Пирогова уже до ста человѣкъ, то потому-то раненые и нуждались въ первой помощи послѣ сраженія.

Въ этомъ же отчетѣ, Николай Ивановичъ установилъ и подтвердилъ для него въ высшей степени пріятный фактъ, что во франко-германскую войну уже появились временные лазареты, организованные по другой системѣ, происхожденіе которой „мы,

русскіе", говоритъ Пироговъ, „имѣемъ право приписывать себѣ". 17 лѣтъ передъ тѣмъ, Н. И. объявилъ себя непримиримымъ врагомъ громадныхъ и подобныхъ дворцамъ госпитальныхъ зданій и представилъ множество фактовъ изъ его практики въ пользу госпитальныхъ бараковъ, лачугъ, крестьянскихъ избъ и другихъ незатѣйливыхъ помѣщеній. Роскошная обстановка госпиталей давно уже перестала обольщать его.

„Я убѣдился", говоритъ Пироговъ, „что чѣмъ громаднѣе и великолѣпнѣе госпиталь, тѣмъ менѣе возможно слѣдить за его внутреннимъ, скрытымъ и не сразу обнаруживающимся состояніемъ". Это-то состояніе Пироговъ назвалъ „госпитальною конституціею", понимая подъ этимъ именемъ особенность каждаго госпиталя, зависящую отъ различныхъ условій его устройства, и указалъ, какъ сильно вліяетъ она на ходъ хирургическихъ болѣзней и ихъ леченіе.

Посѣщая германскіе лазареты, ему было не менѣе пріятно убѣдиться въ новомъ взглядѣ врачей на леченіе раненыхъ.

„Нельзя",—говоритъ онъ,—„будучи другомъ людей, не желать знать, успѣшнѣе ли прежняго лечатся раненые, и болѣе или менѣе прежняго остается послѣ войны безногихъ и безрукихъ? Возставая противъ антифлогоза (т. е. кровопусканія и піявицъ), Н. И. послѣ крымской войны, писалъ: „конечный результатъ моей прежней вѣры въ антифлогозъ и ледъ былъ у меня тотъ, что я, въ послѣдніе восемь лѣтъ моей госпитальной практики, почти забылъ употребленіе того и другаго. Кризисъ въ моихъ убѣжденіяхъ сдѣлался во время моей кавказской экспедиціи (1847 г.)". Ему было, посему, пріятно убѣдиться, что прежней вѣры въ эту антифлоистическую доктрину уже нигдѣ нѣтъ. Вездѣ спокойный, выжидательный, способъ замѣнилъ прежнее энергически-дѣятельное леченіе огнестрѣльныхъ поврежденій. Независимо отъ многихъ другихъ нововведеній при леченіи огнестрѣльныхъ ранъ, Н. И., съ особеннымъ вниманіемъ, останавливался на сберегательномъ леченіи поврежденій костей и суставовъ. Все видѣнное имъ, въ этомъ отношеніи, въ германскихъ и французскихъ госпиталяхъ, было, какъ-бы, подтвержденіемъ его научныхъ воззрѣній, высказанныхъ имъ въ разное время о сберегательномъ леченіи. Уже въ 1848 г. Пироговъ какъ-бы сдѣлалъ робкій намекъ, а послѣ крымской войны, онъ смѣло уже говорилъ, что „пора со-

гласиться всѣмъ военнымъ хирургамъ и испробовать сберегательный способъ при пулевыхъ переломахъ бедра въ большихъ размѣрахъ", имѣя передъ глазами 90 и 95% смертности, данныхъ раннею (первичною) ампутаціею бедра и у насъ, и у французовъ въ Крыму. И вотъ, во франко-германскую войну, къ его неописанному удовольствію, онъ нашелъ болѣе 70 случаевъ пулевыхъ переломовъ, и преимущественно верхней и средней трети бедра, совершенно, или почти совершенно, излеченными. Въ особенности, радовало его счастливое излеченіе многихъ пулевыхъ ранъ колѣна.

Переходя къ вопросу о примѣненіи видѣннаго имъ въ войну 1870 г. къ нашей русской военной медицинѣ и нашей частной помощи, Пироговъ даетъ слѣдующіе благіе совѣты:

1) Заняться самымъ серьезнымъ образомъ участью раненыхъ, остающихся на полѣ сраженія и принять, во что бы то ни стало, всѣ мѣры для скорѣйшаго удаленія раненыхъ изъ подъ убійственнаго огня съ поля битвы;

2) Избѣгать всякаго скопленія раненыхъ на ближайшихъ отъ поля сраженія и небезопасныхъ отъ огня перевязочныхъ пунктахъ, на что требуется реформа отношеній полевой медицины къ военному начальству. Говоря о томъ, что въ дѣйствующей арміи собираются военные совѣты, онъ указываетъ, что ни въ одной изъ нихъ не существуетъ врачебно-административныхъ совѣтовъ.

3) Какъ самое главное, устраивать амбулансы и перевязочные пункты, на которыхъ раненые могли бы быть сортированы. Сортированіе раненыхъ, діагнозъ и порядокъ—вотъ что требуетъ Пироговъ въ амбулансахъ.

4) Запастись вовремя частною помощью, которой Пироговъ ставитъ въ условіе: „личную пропаганду о значеніи цѣли Общества краснаго креста".

5) Образованіе частной санитарной прислуги, учрежденіе школъ для обученія санитарнаго персонала, устройство временныхъ дешевыхъ лазаретовъ и устройство вагонныхъ лазаретовъ. „Общество",—говоритъ Пироговъ,—„пріучилось бы, такимъ образомъ, въ мирное время организовывать лазареты, управлять ими, а при открывшейся войнѣ, могло бы отправлять ихъ, вполнѣ уже организованными, на театръ войны".

Общество Краснаго Креста, въ знакъ глубокой признательности за труды на пользу общества, въ годичномъ собраніи, 5-го декабря 1870 г., единогласно, опредѣлило: предложить Н. И. Пирогову званіе почетнаго своего члена.

IX.

Выражая свою признательность Николаю Ивановичу, наше „общество краснаго креста“ едва-ли, въ то время, могло предвидѣть, что ему снова придется обратиться къ нашему маститому ученому за совѣтами и указаніями, и вызвать его изъ тиши деревенской жизни на арену военно-санитарной и общественной дѣятельности. Къ сожалѣнію, обращеніе съ подобнымъ предложеніемъ къ Николаю Ивановичу, по волѣ опочившей августѣйшей покровительницы общества, съ просьбою осмотрѣть всѣ санитарныя учрежденія на театрѣ нашей послѣдней восточной войны и въ тылу дѣйствующей арміи, а равно средства транспорта больныхъ и раненыхъ по грунтовымъ и желѣзнымъ дорогамъ,—послѣдовало, по нашему крайнему убѣжденію, нѣсколько поздно. Указанія и совѣты Николая Ивановича были бы драгоцѣнны въ то время, когда наше „общество краснаго креста“ только что приступало къ проектированію организаціи дѣятельности своей на театрѣ военныхъ дѣйствій.

Обращаясь къ прошедшему, и прочитывая, появившіеся уже послѣ окончанія войны, волюминозные отчеты нашихъ главноуполномоченныхъ общества краснаго креста, нельзя не вынести глубокаго убѣжденія, что въ нихъ, быть можетъ, выражалось бы меньше безплодныхъ сожалѣній о различнаго рода предвидѣнныхъ и непредвидѣнныхъ затрудненіяхъ, съ которыми имъ приходилось впослѣдствіи такъ безуспѣшно бороться, ежели бы главному управленію общества краснаго креста пришло бы на мысль предоставить организацію народной помощи на театрѣ военныхъ дѣйствій нашему многоопытному и стяжавшему себѣ всемірную извѣстность Н. И. Пирогову.

Николай Ивановичъ лишь 22-го сентября 1877 г. выѣхалъ въ Румынію и менѣе чѣмъ черезъ восемь мѣсяцевъ, явились въ печати два тома (слишкомъ 50 печатныхъ листовъ) его, въ выс-

шей степени, замѣчательной книги: „Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи 1877—1878 г.“.

Объ этомъ замѣчательномъ трудѣ не появлялось, къ сожалѣнію, въ нашей повременной медицинской прессѣ никакой оцѣнки, а между тѣмъ, основныя начала полевой хирургіи Николая Ивановича представляютъ драгоцѣнный вкладъ, не только въ нашу бѣдную медицинскую литературу, но и вообще въ науку. Книга эта вскорѣ появится на нѣмецкомъ языкѣ и мы надѣемся, что новые, вполнѣ заслуженные, лавры вплетутся европейскими нашими собратами въ вѣнецъ, украшающій голову нашего патріарха хирургіи.

— „Прошло слишкомъ 30 лѣтъ съ тѣхъ поръ“,—говоритъ Пироговъ,—„когда я въ первый разъ ознакомился съ полевою хирургіею на небольшомъ театрѣ войны, и почти 25 лѣтъ съ того времени, когда я дѣйствовалъ на обширномъ поприщѣ полевой хирургіи. Оба раза я руководствовался не столько великими трудами свѣтилъ науки, сколько собственнымъ наблюденіемъ и опытомъ, пріобрѣтеннымъ мною въ госпитальной, военной и гражданской практикѣ. Основы моей полевой хирургической дѣятельности я сообщилъ только спустя 10 лѣтъ послѣ достопамятной крымской кампаніи. Съ тѣхъ поръ, шесть войнъ нарушали миръ различныхъ государствъ въ Европѣ и въ Америкѣ. Слѣдя за ходомъ событій, я всякій разъ мысленно убѣждался въ истинѣ тѣхъ началъ, которыя исповѣдую, а въ предпослѣдней изъ этихъ шести войнъ—франко-германской, я, при посѣщеніи моемъ госпиталей въ Германіи и на театрѣ войны въ Эльзассѣ и Лотарингіи, наглядно убѣдился въ томъ же самомъ. Наконецъ, въ минувшую нашу восточную войну 1877—78 г., болѣе чѣмъ всѣ другія сходною съ крымскою 1854 г., я имѣлъ случай еще болѣе глубоко увѣриться въ прочности основныхъ началъ моей полевой хирургіи“.

Приводя эти замѣчательныя слова Николая Ивановича, которыми онъ дѣлаетъ вступленіе во 2-ую часть только что названнаго нами труда, мы глубоко убѣждены, что вѣрная оцѣнка замѣчательныхъ научныхъ заслугъ Пирогова принадлежитъ лишь будущему....

X.

Не признавая за собою лично надлежащей компетентности для вѣрной оцѣнки началъ, руководившихъ Н. И. Пирогова въ двухъ областяхъ его занятій, обязанностей и обширной дѣятельности, мы позволяемъ себѣ, лишь вкратцѣ, резюмировать, основываясь на фактическихъ данныхъ, все нами вышеизложенное.

Въ медицинѣ Пироговъ, какъ врачъ и наставникъ, съ перваго вступленія его на учебно-практическое поприще, поставилъ въ основаніе анатомію и физіологію въ то время, когда это направленіе, теперь уже общее, было еще ново, не всѣми признано и даже многими знаменитыми авторитетами (какъ, напримѣръ, въ то время, въ Германіи Рустомъ, Греффе-отцомъ и Диффенбахомъ), вовсе и даже для хирургіи отвергаемо. Первый авторскій трудъ Николая Ивановича, его докторская диссертація, была основана единственно на анатомическихъ изслѣдованіяхъ и вивисекціяхъ надъ животными. По новости метода изслѣдованія, она не осталась незамѣченною и была переведена на нѣмецкій языкъ въ знаменитомъ тогда хирургическомъ журналѣ Греффе и Вальтера. Анатомо-хирургическіе труды его, изданные на нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ, въ то время, когда въ Германіи только одинъ Лангенбекъ старшій былъ анатомомъ и хирургомъ вмѣстѣ, не могли не обратить на себя вниманія; его работы показали, въ первый разъ, съ точностью и наглядно отношенія фасціи къ артеріальнымъ стволамъ и указали на способы, наиболѣе удобные и точные къ производству операціи надъ артеріальными стволами. Разрѣзы замороженныхъ, въ различныхъ положеніяхъ, членовъ и полостей, вмѣстѣ съ анатомическою скульптурою, дали способъ опредѣлять, съ точностью, невозможное при обыкновеномъ способѣ изслѣдованія, нормальное и патологическое положеніе и взаимное отношеніе различныхъ органовъ и суставовъ. Его анатомо-физіологическія изслѣдованія перерѣзанныхъ подъ кожей сухожилій, произведенныя надъ животными, едва ли не въ первый разъ послѣ забытыхъ предположеній Гунтера, показали важное значеніе кровянаго тромба и его способность къ организаціи и къ возстановленію нарушенной цѣлости тканей.

Въ „Анналахъ хирургической клиники“ Пироговъ объявилъ во всеуслышаніе, что главное достоинство клиническаго учителя состоитъ въ откровенности и чистосердечіи, требующихъ отъ него признанія сдѣланныхъ имъ ошибокъ и промаховъ предъ своими учениками и показалъ въ-первые въ этихъ же „клиническихъ анналахъ“ замѣчательный примѣръ откровенности во всѣхъ сдѣланныхъ ихъ ошибкахъ. Въ статьѣ „О счастіи въ хирургіи“, онъ подтвердилъ, многочисленными примѣрами изъ практики, на чемъ должно основывать это счастіе и въ чемъ искать его; какъ выражается самъ Н. И., онъ только что названнымъ разсужденіемъ своимъ „вложилъ перстъ въ раны многихъ клиническихъ учителей“. Въ новыхъ его „Клиническихъ анналахъ“, появившихся въ свѣтъ черезъ 14 лѣтъ послѣ первыхъ, онъ изобразилъ, мастерски, всю жестокость той борьбы, которую ведетъ хирургія въ госпиталяхъ съ заразами и міазмами, и указалъ, въ первый разъ, на существованіе госпитальной конституціи, особенной и своеобразной почти для каждаго госпиталя. Анэстезированіе на полѣ битвъ было имъ, въ первый разъ, испытано тогда именно, когда многіе врачи колебались употреблять этотъ способъ въ Голштинской первой и во второй войнахъ, между тѣмъ какъ Николай Ивановичъ, почти безъ исключенія и въ огромныхъ размѣрахъ, анэстезировалъ нашихъ раненыхъ при осадѣ Севастополя. Неподвижная повязка, неизвѣстная, или совсѣмъ забытая германскими, французскими и англійскими хирургами, въ 1849—1855 гг. введена была имъ, въ видѣ его гипсовой повязки, въ первый разъ въ военно-полевую практику, и въ 1870 г. была уже почти во всеобщемъ употребленіи въ германскихъ военныхъ госпиталяхъ, хотя далеко не въ томъ разнообразномъ примѣненіи, которое она получаетъ въ искусныхъ рукахъ Пирогова. Его взглядъ, основанный на горькомъ опытѣ, о госпитальныхъ заразахъ, изолированіи, госпитальномъ карантинѣ и необходимости разсѣянія тяжело раненыхъ, высказанъ имъ уже 30 лѣтъ тому назадъ и, имъ же энергически подтвержденный за 16 лѣтъ, раздѣляется теперь почти всѣми. Этотъ взглядъ, по мнѣнію Пирогова, еще болѣе утвержденъ, чѣмъ ослабленъ, введеніемъ въ хирургическую практику Листеровой повязки. Неподвижность поврежденной части и самой раны, антисептическія средства при леченіи послѣдней, тщательная забота о свободномъ стокѣ ферментовъ, ее заражаю-

щихъ, и методическое давленіе, съ возбужденіемъ мѣстной испарины, въ поврежденной части,—суть главныя основы, по его мнѣнію, благотворнаго дѣйствія Листеровой повязки. И ежели Н. И. не достигалъ такихъ блестящихъ результатовъ, каковые достигаются нынѣ при повсемѣстномъ употребленіи Листеровой повязки,—то причиною тому было несовершенство техники и недостатковъ приспособленій удобнаго матеріала.

Открытое леченіе ранъ было также не новостью для Пирогова,—уже давно (изъ опытовъ его надъ животными), испытавшаго этотъ способъ при большихъ пластическихъ операціяхъ и при рѣзекціи суставовъ и костей, а также при метотоміяхъ и ущемленныхъ грыжахъ. Его остеопластическая операція, введенная теперь почти повсемѣстно въ хирургическую практику, сначала была предметомъ недоумѣнія и недоразумѣнія между иностранными и соотечественными врачами, пока зрѣлый опытъ и безпристрастное наблюденіе не разсѣяли, наконецъ, всѣхъ сомнѣній и ложныхъ слуховъ. Точно также было и съ предложенною Николаемъ Ивановичемъ системою разсѣянія раненыхъ, подавшей поводъ къ ложному ея примѣненію въ нашей недавней восточной войнѣ. Надобно надѣяться, что, впослѣдствіи, лучше понятая, она примется и въ нашемъ отечествѣ съ тѣмъ-же успѣхомъ, которымъ она пользовалась во франко-прусскую войну въ Германіи.

Что касается до педагогической дѣятельности Н. И. Пирогова, то онъ, какъ извѣстно, преимущественно заботился о соглашеніи школы съ жизнью, о свободѣ научнаго разслѣдованія, о возбужденіи въ учащихъ и учащихся уваженія къ человѣческому достоинству и истинѣ. Въ его замѣчательныхъ „Вопросахъ жизни“, въ статьяхъ: „Чего мы желаемъ“?, въ „циркулярахъ его по Кіевскому учебному округу“ и въ „Университетскомъ вопросѣ“, опубликованныхъ въ теченіи его дѣятельности въ званіи попечителя, Николай Ивановичъ излагалъ свой взглядъ на образъ дѣйствій и средства къ достиженію предположенной имъ цѣли. Близко стоявшіе къ нему педагоги и бывшіе ученики его, по всей вѣроятности, и теперь не откажутся засвидѣтельствовать о послѣдовательномъ проведеніи тѣхъ началъ, за которыя Николай Ивановичъ такъ энергически стоялъ.

Воскресныя школы въ Россіи въ первый разъ введены имъ

въ Кіевѣ; имъ-же введенъ судъ чести въ высшихъ классахъ гимназій, подъ предсѣдательствомъ директоровъ и наставниковъ. Къ сожалѣнію, регламентъ Николая Ивановича о наказаніяхъ былъ предметомъ клеветы, ложныхъ слуховъ и кривыхъ толковъ. Всѣ эти нововведенія не пережили Николая Ивановича.

Народныя школы нынѣ быстро распространяются; между тѣмъ въ то время, были закрыты именно потому, что дана была вѣра нелѣпой и, несуществовавшей на дѣлѣ, политической пропагандѣ. Судъ чести былъ оклеветанъ предъ высшимъ правительствомъ, какъ какой-то варварскій самосудъ, тогда какъ онъ именно уничтожилъ существовавшій въ краѣ самосудъ между учениками высшихъ классовъ и служилъ къ развитію истинныхъ понятій о достоинствѣ и чести между учащимися. Регламентъ наказаній, столь ошибочно осмѣянный въ нѣкоторыхъ русскихъ журналахъ, въ одинъ годъ понизилъ огромную цифру тѣлесныхъ и другихъ тяжкихъ наказаній на 90%, прекративъ произволъ директоровъ и инспекторовъ.

Какъ врачъ Николай Ивановичъ обращалъ главное вниманіе наставниковъ, во время своего попечительства, на различную индивидуальность учениковъ; онъ настаивалъ преимущественно на томъ, чтобы наставники слѣдили за индивидуальнымъ внутреннимъ бытомъ учениковъ, ихъ склонностями и ихъ пороками, изъ которыхъ такіе, какъ онанизмъ, были распространены во всѣхъ свѣтскихъ и духовныхъ училищахъ, на что Николай Ивановичъ обращалъ также вниманіе и высшаго духовенства. Будучи глубоко убѣжденнымъ, что уваженіе и любовь къ святому, высокому и прекрасному, не могутъ иначе быть развиты въ душѣ ребенка, какъ наблюденіемъ за развитіемъ его индивидуальнаго быта, воспріимчивостью и за склонностію къ притворству, такъ легко усваеваемыхъ дѣтьми, при одномъ лишь внѣшнемъ надзорѣ за школьнымъ порядкомъ и дисциплиною,—Николай Ивановичъ требовалъ отъ наставниковъ, чтобы они слѣдили не столько за соблюденіемъ внѣшняго формализма, сколько пріучали-бы дѣтей къ откровенности, устраняя все, что пріучаетъ ихъ къ притворству. Наконецъ, въ его статьѣ: „Быть и казаться“ онъ указывалъ и родителямъ на вредныя вліянія дѣтскихъ театровъ, баловъ и т. п., развивающихъ въ дѣтяхъ поддѣльность, тщеславіе и мишурность...

Во взглядѣ на воспитаніе, Пироговъ возлагалъ главную надежду не на надзирателей и воспитателей ex officio, а на самыхъ наставниковъ,—т. е. на знаніе и науку. Николай Ивановичъ, не безъ основанія, полагалъ, что наука, въ рукахъ дѣльнаго учителя, есть единственное мощное средство въ школѣ и къ нравственному образованію. Онъ не отдавалъ, въ этомъ отношеніи, преимущества ни классицизму, ни реализму; для Николая Ивановича оба направленія были одинаково пригодны для достиженія поставленной имъ цѣли, лишь бы ни то, ни другое не вводилось въ школы съ заднею мыслію. По мнѣнію Пирогова, всякій родъ знаній,—классическихъ и реальныхъ,—можетъ быть и вреденъ, и полезенъ, смотря по употребленію и примѣненію къ жизни, которое изъ него дѣлаютъ впослѣдствіи; говорили, что классицизмъ, будто бы, возбудилъ первую французскую революцію; теперь утверждаютъ, что естественныя науки развили нигилизмъ.

— „Между тѣмъ",—говоритъ Пироговъ,—„наука и знанія, въ отношеніи ко вреду и пользѣ, безразличны; различны только условія жизни, склоняющія людей, съ тѣми или другими знаніями, въ ту или другую сторону"...

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, обзоръ замѣчательной, пятидесяти-лѣтней дѣятельности нашего маститаго ученаго. Не многіе изъ самыхъ выдающихся дѣятелей нашихъ, прошлаго и настоящаго времени, могутъ сравниться съ Пироговымъ, въ заслугахъ своихъ Отечеству и Наукѣ. Каждый благомыслящій и просвѣщенный человѣкъ, прочитавъ настоящій біографическій очеркъ, составляющій лишь слабое очертаніе мощной и выдающейся личности Н. И. Пирогова, получитъ болѣе точное понятіе о томъ, что̀ дѣлалъ онъ, какъ думалъ и чего не сдѣлалъ; наконецъ, каждый можетъ разсудить, по своему, заслуживаетъ-ли біографія Н. И. Пирогова быть внесенною въ исторію науки и культуры нашего отечества.

Докторъ медицины I. В. Бертенсонъ.

30 января 1881 г.

Отъ Редакціи. Читатели „Русской Старины", конечно, тѣмъ съ бо̀льшимъ интересомъ прочитали настоящій очеркъ, посвященный обозрѣнію дѣятельности Н. И. Пирогова, что въ близкомъ будущемъ, именно 24-го мая текущаго года, предстоитъ празднованіе пятидесятилѣтней годовщины со времени начала учено-профессорской, общественной и государственной дѣятельности Николая Ивановича Пирогова.

Настоящій, столь живой и съ полнѣйшимъ одушевленіемъ написанный очеркъ уважаемаго І. В. Бертенсона, былъ прочитанъ авторомъ 3-го февраля 1881 г., въ засѣданіи Общества Петербургскихъ практическихъ врачей и выслушанъ присутствующими съ громаднѣйшимъ сочувствіемъ. Общество единодушно постановило: принять самое дѣятельное участіе въ предстоящемъ чествованіи пятидесятилѣтней годовщины начала службы знаменитаго профессора, врача, хирурга и мощнаго провозвѣстника великихъ началъ въ дѣлѣ устроенія въ Россіи народнаго просвѣщенія. Мы имѣемъ полную увѣренность, что вся образованная Россія, въ лицѣ представителей ученыхъ и общественныхъ учрежденій, не останется равнодушною къ празднику 24-го мая 1881 г. Что же касается до отдѣльныхъ лицъ, то весьма многія изъ нихъ еще въ октябрѣ 1880-го года, по какому то недоразумѣнію, относя день юбилея Пирогова къ тому мѣсяцу, обратились къ Николаю Ивановичу съ самыми задушевными привѣтствіями. Маститый старецъ, между многими привѣтами, былъ глубоко тронутъ нижеслѣдующимъ письмомъ, которое мы помѣщаемъ здѣсь въ переводѣ съ французскаго:

„Замокъ Фридрихсгафенъ. 31-го октября 1880 г.

„Ваше Высокопревосходительство! Ея Королевское Величество, Королева Ольга Николаевна, оставивъ Россію уже 34 года тому назадъ, тѣмъ не менѣе питаетъ до сихъ поръ самое живое участіе къ знаменитымъ дѣятелямъ своего Отечества. Имя Вашего Высокопр—ства знакомо ей съ молодыхъ лѣтъ, когда оно пользовалось уже извѣстностью во время войнъ, веденныхъ императоромъ Николаемъ. Въ 1870 г. вы снова выказали себя ревностнымъ дѣятелемъ и оказали большія услуги своимъ соотечественникамъ. Ея Королевское Величество сожалѣетъ о томъ, что ей не удалось видѣть Васъ лично въ эту достопамятную эпоху. Теперь же Королева не хочетъ отказать себѣ въ удовольствіи высказать Вашему Высокопр—ству свое поздравленіе по случаю Вашего юбилея. Этотъ день даетъ Вамъ возможность оглянуться на прошлое съ сознаніемъ человѣка, послужившаго со славою своей странѣ и, по мѣрѣ своихъ силъ, помогавшаго своимъ братьямъ. Собственное ваше сознаніе скажетъ Вамъ объ этомъ, конечно, болѣе всѣхъ заслуженныхъ Вами овацій. Ея Величество не можетъ также пройти молчаніемъ того удовольствія, какое доставила Ей Ваша статья о воспитаніи, помѣщенная (нѣкогда) въ „Морскомъ Сборникѣ“; слова Ваши останутся на вѣки справедливы и знаменательны, какъ плодъ истиннаго вдохновенія. Передавъ Вашему Высокопр—ству въ точности чувства Ея Королевскаго Величества, я заканчиваю настоящее письмо изъявленіемъ и съ моей стороны глубочайшаго къ Вамъ уваженія. Баронесса Массенбахъ, статсъ-дама Ея Королевскаго Величества“.

Повторяемъ, мы твердо вѣримъ, что все образованное русское общество и наши правительственныя и общественныя учрежденія вполнѣ достойнымъ образомъ выразятъ свое сочувствіе—въ день пятидесятилѣтней годовщины службы одного изъ славнѣйшихъ нашихъ согражданъ Н. И. Пирогова къ его заслугамъ Россіи и всему человѣчеству.

Ред.

Перечень трудовъ Н. И. Пирогова въ области медицины.

[отдѣльныя изданія].

1832—1879.

I. Num vinctura aortae abdominalis in aneurismate inguinali adhibitu facile actutum sit remedium. Dorp. Liv. 8. 1832. I (Диссертація).
II. Anatomia chirurgica truncorum arteriarum atque fasciarum fibrosum. Atlas F. I. Dorp. 1837.
III. Ueber die Durchschneidung der Achillessehne als operativ-orthopädisches Heilmittel (Mit 7 Taf.) Dorpat, 4. 1840. I.
IV. Chirurgische Anatomie der Arterienstämme und der Fascien. Dorpat. 1840. I.
V. Anatomia chirurgica truncorum arteriarum atque fasciarum fibrosarum. Revaliae. 8. 1841. I. Atlas F. 1841. I.
VI. Полный курсъ прикладной анатоміи человѣческаго тѣла. Спб. 8. s. a. I и Атласъ F. s. a. I.
VII. Анатомическія изображенія человѣческаго тѣла, назначенныя преимущественно для судебныхъ врачей. Спб. fol. 1846. I. Атласъ 6 таблицъ fol. 1846.
VIII. Recherches pratiques et physiologiques sur l'éthérisation. St. Pétersbourg. 8. 1847. I.
IX. Патологическая анатомія азіятской холеры. fol. 1849. I. Спб.
X. Anatomie pathologique du choléra morbus. Atlas. St. Pétersbourg, 1849. I.
XI. Отчетъ о путешествіи по Кавказу, содержащій статистику ампутацій, опыты и наблюденія надъ огнестрѣльными ранами. Спб. 8 1849. I.
XII. Rapport médical d'un voyage au Caucase contenant la statistique comparative des amputations. St. Pétersbourg. 4. 1849. I.
XIII. Анатомическія изображенія наружнаго вида и положенія органовъ, заключающихся въ трехъ главныхъ полостяхъ человѣческаго тѣла. 8. 1850. I.
XIV. Клиническія лекціи (Вып. I) 4. 1852. I.
XV. Atlas. Petropolis (Pars 1, 2, 3, 4) F. 1852. IV.
XVI. Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ, съ подробнымъ описаніемъ положенія и способовъ перевязки ихъ. Спб. 8. 1854. I.
XVII. Der Gypsklebeverband bei einfachen und complicirten Knochenbrüchen und in seiner Anwendung beim Transport Verwundeter und auf dem Schlachtfelde. Leipzig. 8. 1854.
XVIII. Osteo-plastische Verlängerung der Unterschenkelknochen bei der Exarticulation des Fusses. Leipzig. 8. 1854. I.
XIX. Betrachtungen über die Schwierigkeiten der chirurgischen Diagnose und über das Glück in der Chirurgie, durch Beobachtungen und Krankheilsgeschichten erläutert. Leipzig. 8. 1854. I.
XX. Statistischer Bericht über alle meine im Verlauf eines Jahres,

Septbr. 1852 bis Septbr. 53, in Hospitälern, Kliniken und in der Privatpraxis vorgenommenen oder beobachteten Operationsfälle. Leipzig. 8. 1854. I.

XXI. Klinische Chirurgie. Eine Sammlung von Monographien. Leipzig. 8. 1854. 3.

XXII Die Gemeinschaft der Schwestern zur Kreuzerhöhung zur Pflege der Verwundeten und Kranken. Berlin. 8. 1856. I.

XXIII. Anatomia topographica sectionibus per corpus humanum congelatum triplice directione ductis illustrata. Petropolis (Pars I, II III et IV) 8. 1859. 4. Относится къ № 15.

XXIV. Grundzüge der allgemeinen Kriegschirurgie. Leipzig. 8. 1864. 2.

XXV. Начала общей военно-полевой хирургіи, взятыя изъ наблюденій военногоспитальной практики и воспоминаній о Крымской войнѣ и Кавказской экспедиціи. Дрезденъ. Ч. 1 и 2. 8. 1865. 2.

XXVI. Отчетъ о посѣщеніи военно-санитарныхъ учрежденій въ Германіи, Лотарингіи и Эльзасѣ въ 1870. Спб. 8. 1871. I.

XXVII. Bericht über die Besichtigung der Militair-Sanitätsanstalten in Deutschland, Lothringen und Elsass im Jahre 1870. Leipzig. 8. 1871. I.

XXVIII. Военно-врачебное дѣло и частная помощь на театрѣ войны въ Болгаріи и въ тылу дѣйствующей арміи въ 1877—1878 гг. Спб. 8. 1879. 2.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧЪ ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Предложеніе Гласнаго М. И. Семевскаго, сдѣланное въ засѣданіи С.-Петербургской Городской Думы

14-го января 1881 года.

Въ печати явилось много подробностей относящихся до біографіи и до результатовъ путешествій Н. М. Пржевальскаго въ центральную Азію. Съ своей стороны представляемъ на страницахъ „Русской Старины" сдѣланное нами, въ званіи гласнаго, въ С.-Петербургской Думѣ предложеніе о выраженіи сочувствія къ заслугамъ знаменитаго путешественника. Предложеніе это заключаетъ въ себѣ мотивы, на основаніи которыхъ Думѣ угодно было почтить Николая Михайловича высшею, какая только возможна отъ города, наградою,— званіемъ Почетнаго Гражданина С.-Петербурга. Ред.

„Гг. Гласные! [1]) Императорское Географическое Общество, разумѣется, не можетъ имѣть и конечно не имѣетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что представители городскаго общественнаго управленія отнесутся съ глубочайшимъ сочувствіемъ къ громаднымъ заслугамъ знаменитаго нашего соотечественника Н. М. Пржевальскаго. Но предложенія достоуважаемаго вице-предсѣдателя Географическаго Общества, приведенныя въ заключеніи его письма,—о томъ, чтобы представители города почтили личнымъ привѣтствіемъ энергическаго путешественника и чтобы городское управленіе приняло на себя наемъ квартиры, на все время пребыванія Николая Михайловича въ С.-Петербургѣ, — по моему мнѣнію, по сущности своей, не достаточно соотвѣтствуютъ тѣмъ въ высшей степени основательнымъ мотивамъ, по которымъ представители города приглашаются выразить признательность столицы самоотверженному изслѣдователю странъ мало извѣстныхъ и бывшихъ до сихъ поръ почти не доступными европейцамъ.

„Я полагаю, что заслуги Н. М. Пржевальскаго до такой степени значительны, что должны быть почтены болѣе вѣскимъ, болѣе знаменательнымъ выраженіемъ признательности со стороны представителей городскаго общественнаго управленія, современниковъ и свидѣтелей этихъ заслугъ.

---

[1]) Въ началѣ засѣданія секретаремъ Думы прочитано было письмо Вице-Предсѣдателя Географическаго Общества, въ которомъ П. П. Семеновъ приглашалъ общественное управленіе столицы привѣтствовать г. Пржевальскаго.

„Въ самомъ дѣлѣ, общественное управленіе Петербурга состоитъ изъ представителей различныхъ сословій, профессій, обязанностей, слѣдовательно этому сборному, составному лицу является полная возможность всесторонне уяснить себѣ, что заслуги Н. М. Пржевальскаго оказаны различнаго рода отраслямъ знанія въ области науки и различнымъ сторонамъ государственнаго быта нашего отечества.

„А именно: по отношенію къ военному дѣлу, Н. М. Пржевальскій совершилъ, какъ и было недавно еще указано на одномъ изъ торжествъ, устроенныхъ въ его честь, одну изъ грандіознѣйшихъ, колоссальнѣйшихъ военныхъ рекогносцировокъ: какъ офицеръ Генеральнаго Штаба, онъ въ нѣсколькихъ своихъ путешествіяхъ по центральной Азіи совершилъ такую рекогносцировку, какую едва ли до него, да едва ли скоро и послѣ него представится кому-либо возможность сдѣлать. Въ отношеніи политическомъ, заслуги его состоятъ въ доставленіи драгоцѣнныхъ свѣдѣній, являющихся въ высшей степени своевременно. Онѣ важны для всего нашего Отечества, такъ какъ касаются политическаго и экономическаго положенія Поднебесной Имперіи, ближайшей нашей сосѣдки въ Азіи,—Имперіи, едва ни содѣлавшейся нашей ожесточенной противницей. Онъ открылъ невѣдомое Россіи въ такой подробности положеніе Китая въ самыхъ нѣдрахъ государственнаго его организма, выяснилъ его силы — именно въ такой моментъ, когда отношенія Китайской Имперіи къ нашему государству представляются въ высшей степени натянутыми, наканунѣ, быть можетъ, долговременной и, во всякомъ случаѣ, не желательной борьбы. Заслуга эта является, повторяю, въ высшей степени, своевременною, а по послѣдствіямъ своимъ даже трудно оцѣнить, до какой степени она можетъ имѣть громадное значеніе.

„Я не буду останавливаться на заслугахъ Н. М. Пржевальскаго въ отношеніи торговли; заслуги эти, конечно, вполнѣ могутъ быть оцѣнены находящимися въ нашей средѣ представителями столь важнаго класса населенія, каково купечество, скажу только, что заслуги эти также не могутъ быть не значительны, такъ какъ открытія Н. М. Пржевальскаго, знакомя съ производительностью и естественными богатствами изслѣдованныхъ имъ и его спутниками странъ центральной Азіи, до сихъ поръ бывшихъ недоступными европейцамъ, и указывая пути въ нихъ — тѣмъ самымъ предначертываютъ въ будущемъ тѣ или другія торговыя

связи Россіи съ отдаленнѣйшими народами Азіи. Наконецъ, предъ нами обширный рядъ заслугъ Н. М. Пржевальскаго по отношенію къ разнообразнымъ отраслямъ наукъ. Въ самомъ дѣлѣ, многіе отдѣлы наукъ обогащены результатами цѣлаго ряда путешествій нашего соотечественника, таковы: географія, геологія, ботаника, этнографія, зоологія, орнитологія, минералогія и друг. науки; въ его запискахъ, чертежахъ, планахъ, въ его печатныхъ и рукописныхъ трудахъ, въ результатахъ съемокъ, имъ произведенныхъ, въ громаднѣйшихъ научныхъ коллекціяхъ, имъ и его спутниками собранныхъ — переименованныя науки обогащены чрезвычайно много. Что это такъ, что это внѣ всякаго сомнѣнія, это видно изъ прочитаннаго предъ нами заявленія вице-предсѣдателя Географическаго Общества о томъ, что представители ученыхъ обществъ Западной Европы въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Римѣ, вполнѣ оцѣнили заслуги знаменитаго русскаго путешественника Н. М. Пржевальскаго и выразили оцѣнку эту самыми высшими, самыми почетными наградами у нихъ, по отношенію къ ученымъ открытіямъ, установленными.

„Обращаясь къ тому внѣшнему знаку выраженія сочувствія, какимъ, безъ сомнѣнія, мы, представители столицы, почтимъ сегодня заслуги Н. М. Пржевальскаго, я увѣренъ, гг. гласные, что изъ среды васъ—нѣкоторыми гласными будетъ сдѣлано нѣсколько по сему предмету предложеній. Но во главѣ всѣхъ таковыхъ предложеній позвольте мнѣ поставить высшій знакъ нашей общей признательности за заслуги Н. М. Пржевальскаго: предложить ему званіе „Почетнаго Гражданина города С.-Петербурга“.

„Этой высокой чести до нынѣ удостоились только четыре лица: одно лицо, которое имѣло необыкновенное счастіе быть избранникомъ воли Промысла Господня при спасеніи драгоцѣнной жизни Государя Императора, — имя этого лица вамъ хорошо памятно; другое почетное гражданство соединено съ представителемъ всегда любезной, всегда дружественной Россіи — Американской Республики, въ лицѣ посланника ея Фокса, который явился къ намъ съ знаками выраженія дружбы и всегдашней симпатіи, связующей издавна Америку съ нашимъ отечествомъ; затѣмъ доброй памяти представитель нашего городскаго общественнаго самоуправленія Н. И. Погребовъ, такъ долго соединявшій довѣріе ваше съ уваженіемъ къ нему, удостоенъ званія По-

четнаго Гражданина за его преданность городскимъ интересамъ, за то, что всегда стоялъ онъ на стражѣ этихъ интересовъ, всегда былъ выразителемъ вашихъ желаній, вашихъ стремленій, вашихъ требованій, клонившихся къ удовлетворенію тѣхъ или другихъ нуждъ города С.-Петербурга; наконецъ, еще не давно почетное гражданство соединено съ именемъ одного изъ доблестнѣйшихъ нашихъ воиновъ, генералъ-адъютанта Радецкаго. Въ лицѣ его вы отдали дань безпредѣльнаго уваженія къ десяткамъ тысячъ нашихъ воиновъ-согражданъ, которые явились самоотверженными поборниками славы и чести Россіи въ борьбѣ за великое дѣло освобожденія Славянъ изъ подъ турецкаго ига.

„Присоединимъ же отнынѣ, гг. гласные, къ этому ряду именъ, имя такого человѣка, который, являя личную доблесть, съ полнѣйшимъ самоотверженіемъ подвергая жизнь свою многократнымъ опасностямъ, уже не въ первый разъ вноситъ въ сокровищницу знаній громадные, по значенію своему, вклады, которые отнынѣ составятъ славу нашего отечества. Да будетъ имя Пржевальскаго между нами, его согражданами, и послѣ насъ въ лѣтописяхъ С.-Петербурга, соединенное съ высокимъ званіемъ „почетнаго гражданина“ столицы Россійской Имперіи, символомъ личной доблести и напоминаніемъ о громадныхъ заслугахъ, которыя русскій умъ, соединенный съ пламенною любовію къ нашему дорогому отечеству, способенъ приносить на самыхъ разнообразныхъ поприщахъ служенія наукѣ и русскому народу“.

Предложеніе Гласнаго М. И. Семевскаго о возведеніи Н. М. Пржевальскаго въ Почетные Граждане города С.-Петербурга — поддержанное гласными: Н. В. Латкинымъ, Н. Н. Литвиновымъ, И. И. Глазуновымъ и В. И. Лихачевымъ было поставлено въ томъ же засѣданіи г. Городскимъ Головою — барономъ П. Л. Корфомъ — на открытую баллотировку и единогласно принято С.-Петербургскою Городскою Думою.

Вслѣдъ за тѣмъ Гласный П. В. Жуковскій заявилъ, что онъ внесетъ предложеніе о постановкѣ въ залѣ Думы портретовъ всѣхъ почетныхъ гражданъ города С.-Петербурга, а именно: къ имѣющимся уже въ Думѣ портретамъ г. Комисарова Костромскаго и Н. И. Погребова,—будутъ присоединены отнынѣ портреты почетныхъ гражданъ Фокса, Радецкаго и Пржевальскаго. Заявленіе Гласнаго П. В. Жуковскаго принято Думою сочувственно.

ХАДЖИ-МУРАТЪ.

I.

Въ 1851 году Шамиль задумалъ возстановить свое падавшее уже въ то время вліяніе и вознаградить потери, понесенныя въ Чечнѣ, какимъ нибудь рѣшительнымъ дѣйствіемъ, могущимъ напомнить недавніе предъ тѣмъ годы его торжества. Съ этою цѣлью онъ отправилъ своего лучшаго, храбрѣйшаго, способнѣйшаго помощника Хаджи-Мурата съ партіею отборныхъ мюридовъ (человѣкъ 600) въ Кайтахъ и Табасарань для возмущенія жителей, водворенія у нихъ ученія мюридизма и образованія партій, которыя бы постоянными тревогами и нападеніями безпокоили окрестности Дербента и прервали сообщенія его съ Темиръ-Ханъ-Шурой. Успѣхъ здѣсь могъ легко взволновать и другія покорныя мѣстности — Кюринское ханство, Акушу, Кизикумухъ.

Кромѣ того Шамиль предполагалъ возстаніемъ въ Табасарани отвлечь отрядъ князя Аргутинскаго-Долгорукаго съ Турчидага, центральнаго въ Дагестанѣ пункта, съ котораго легко было броситься ко всякому угрожаемому пункту, и разбивъ небольшую оставляемую при уходѣ отряда колонну, одержать верхъ въ Среднемъ Дагестанѣ и нанести ударъ тѣмъ изъ ближайшихъ покорныхъ ауловъ, которые отказались бы возмутиться.

Однимъ словомъ, планъ былъ задуманъ очень хорошо и, въ случаѣ его успѣшнаго исполненія, даже трудно опредѣлить, до какихъ размѣровъ могли бы достигнуть результаты во вредъ нашего владычества.

Но дѣло, какъ говорится, не выгорѣло; съ 1846 года уже мы обмѣнялись ролями: періодъ нашихъ неудачъ минулъ, настала очередь за нашимъ противникомъ.

Хаджи-Муратъ, со свойственною ему смѣлостью и баснословною быстротою, совершилъ вторженіе въ Кайтахъ и Табасарань, возмутилъ

ихъ, но удержаться противъ нашего отряда, тоже быстро двинутаго изъ Турчидага въ Табасарань, не могъ; однихъ его 600 мюридовъ было мало, а мѣстное населеніе менѣе воинственное, не привыкшее къ дѣйствіямъ, неразлучнымъ съ войной, и привыкшее къ довольству, не умѣло и не захотѣло довести сопротивленія до крайнихъ предѣловъ. Разбитый въ двухъ встрѣчахъ съ нами, Хаджи-Муратъ вынужденъ былъ бѣжать и, преслѣдуемый, едва-едва добрался въ свои горы, потерявъ по пути не мало людей и лошадей.

Въ то же время Шамиль, атаковавшій оставшуюся на Турчидагѣ колонну, состоявшую изъ 2-хъ бат. Апшеронскаго полка съ 4 гор. единорогами и 2-мя сотнями Донскихъ казаковъ, не взирая на пятерныя силы, самъ потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ постыдно, потерявъ нѣсколько десятковъ человѣкъ. Ни распоряженіе его къ атакѣ маленькаго отрядца нашего, ни еще болѣе мужество его сборища, въ этотъ разъ не соотвѣтствовали задуманному плану.

Крайне огорченный неудачами и упреками явившихся къ нему нѣсколькихъ Табасаранцевъ за напрасное ихъ разореніе русскими войсками, вызванное дѣйствіями Хаджи-Мурата, Шамиль сорвалъ на немъ сердце, обвинилъ его въ неумѣлости и робости, отрѣшилъ отъ должности Аварскаго наиба и подвергъ чему-то въ родѣ домашняго ареста. Послѣ двухъ-трехъ мѣсяцевъ опалы и вражды, Хаджи-Муратъ рѣшился бѣжать къ намъ...

Въ 20-хъ числахъ ноября онъ далъ знать въ кр. Воздвиженскую (на Аргунѣ), что желаетъ выйти и сдаться, если ему обѣщаютъ сохраненіе жизни. Командовавшій въ то время Куринскимъ егерскимъ полкомъ, расположеннымъ въ Воздвиженской, флигель-адъютантъ полковникъ князь Семенъ Михайловичъ Воронцовъ (нынѣ генералъ-адъютантъ) вышелъ съ нѣсколькими ротами изъ крѣпости къ просѣкѣ Гойтинскаго лѣса и принявъ знаменитаго въ лѣтописяхъ Кавказской войны бѣглеца, отправилъ его въ Грозную, а оттуда въ Тифлисъ.

Изъ приводимыхъ здѣсь писемъ [1]) покойнаго намѣстника Кавказскаго, фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова читатель увидитъ дальнѣйшій ходъ этого интереснаго эпизода.

Смерть Хаджи-Мурата оставила навсегда неразгаданнымъ невольный вопросъ: было ли его бѣгство къ намъ и обратно хитро придуманною, съ вѣдома Шамиля, комбинаціею, ради осмотра со всѣхъ сторонъ мѣстныхъ условій, обороны, расположенія войскъ, настроенія покорнаго населенія и т. п., въ видахъ дѣйствій противъ

[1]) Писаны по французски; переведены дословно. А. З.

насъ; было ли это его единичною затѣею, чтобы такимъ рискованнымъ шагомъ смирить гнѣвъ имама и вновь войти въ милость, получить прежнее значеніе въ горахъ и проч., или же бѣжалъ онъ, искренно рѣшившись перейти на нашу сторону и мстить своему оскорбителю, дѣйствуя съ русскими войсками и обнаруживая слабыя стороны нашего противника, употребляя свои связи въ горахъ на пользу намъ. Какъ бы то ни было, но впослѣдствіи Хаджи-Муратъ затосковалъ по оставшейся въ Аваріи семьѣ, по роднымъ горамъ, по привычной дѣятельности наѣздника, по удовлетворявшимъ его честолюбіе поклоненіямъ всѣхъ джигитовъ, и рѣшился бѣжать обратно. Хотѣлъ-ли онъ вновь доказать тѣмъ Шамилю свою преданность и готовность еще съ бо̀льшимъ успѣхомъ возобновить службу ему?... Отвѣчать на эти вопросы трудно. Я, съ своей стороны, допускаю послѣднее предположеніе, хотя хитрость, коварство и поступки, именно въ такомъ родѣ, совершенно въ характерѣ азіятцевъ, и примѣровъ, въ родѣ этого, я на Кавказѣ видѣлъ не мало.

Приводимая здѣсь, кромѣ писемъ, записка, нѣчто въ родѣ показанія Хаджи-Мурата предъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ (нынѣ графъ, генералъ-адъютантъ, тогда ротмистръ, состоявшій по особымъ порученіямъ при князѣ М. С. Воронцовѣ) совершенно вѣрна фактически и скорѣе грѣшитъ скромностью подвиговъ, даже неполнымъ ихъ перечисленіемъ, со стороны Хаджи-Мурата, чѣмъ хвастовствомъ. Всѣ подробности новѣйшаго періода Кавказской войны, т. е. съ появленія Кази-муллы до паденія Шамиля на Гунибѣ, изучены мною съ достаточною подробностью и потому говорю о скромности Хаджи-Мурата, не боясь впасть въ ошибку.

А. Зиссерманъ.

II.

Письма кн. М. С. Воронцова къ кн. А. И. Чернышеву.

1.

20 декабря 1851 г.

(Переводъ съ французскаго). Я не писалъ вамъ съ последней почтой, любезный князь, желая сперва рѣшить, что мы сдѣлаемъ съ Хаджи-Муратомъ, и чувствуя себя 2, 3 дня не совсѣмъ здоровымъ. Въ моемъ послѣднемъ письмѣ я извѣщалъ васъ о прибытіи сюда Хаджи-Мурата; онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 8-го; на слѣдующій день я познакомился съ нимъ и дней 8 или 9 я говорилъ съ нимъ и обдумывалъ, что онъ можетъ сдѣлать для насъ впослѣдствіи, а особенно, что намъ дѣлать съ нимъ теперь, такъ какъ онъ очень сильно заботится о судьбѣ своего семейства и говоритъ со всѣми знаками полной откровенности, что, пока его семейство въ рукахъ Шамиля, онъ парализованъ и не въ силахъ услужить намъ и доказать свою благодарность за ласковый пріемъ и прощеніе, которые ему оказали. Неизвѣстность, въ которой онъ находится на счетъ дорогихъ ему особъ, вызываетъ въ немъ лихорадочное состояніе, и лица, назначенныя мною, чтобы жить съ нимъ здѣсь, увѣряютъ меня, что онъ не спитъ по ночамъ, почти что ничего не ѣстъ, постоянно молится и только проситъ позволенія покататься верхомъ съ нѣсколькими казаками,—единственное для него возможное развлеченіе и движеніе, необходимыя вслѣдствіе долголѣтней привычки. Каждый день онъ приходилъ ко мнѣ узнать, имѣю-ли я какія нибудь извѣстія о его семействѣ и просить меня, чтобы я велѣлъ собрать на нашихъ различныхъ линіяхъ всѣхъ плѣнныхъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи, чтобы предложить ихъ Шамилю для обмѣна, къ чему онъ прибавитъ немного денегъ. Есть люди, которые ему дадутъ ихъ для этого. Онъ мнѣ все повторялъ: «спасите мое семейство и потомъ дайте мнѣ возможность услужить вамъ (лучше всего на лезгинской линіи, по его мнѣнію) и если по истеченіи мѣсяца я не окажу вамъ большой услуги, накажите меня, какъ сочтете нужнымъ». Я ему отвѣтилъ, что все это кажется мнѣ весьма справедливымъ и что у насъ найдется даже много лицъ, которыя не повѣрили бы ему, если бы его семейство оставалось въ горахъ, а не у насъ въ качествѣ залога; что я сдѣлаю все возможное для сбора на нашихъ границахъ плѣнныхъ и что не имѣя права, по нашимъ уставамъ, дать ему денегъ

для выкупа въ прибавку къ тѣмъ, которые онъ достанетъ самъ, я, можетъ быть, найду другія средства помочь ему. Послѣ этого я ему сказалъ откровенно мое мнѣніе о томъ, что Шамиль ни въ какомъ случаѣ не выдастъ ему семейства, что онъ, быть можетъ, прямо объявитъ ему это, обѣщаетъ полное прощеніе и прежнія должности, погрозитъ, если онъ не вернется, погубить его мать, жену и шестерыхъ дѣтей; я спросилъ его, можетъ ли онъ сказать откровенно, чтò бы онъ сдѣлалъ, еслибы получилъ такое объявленіе Шамиля? Хаджи-Муратъ поднялъ глаза и руки къ небу и сказалъ мнѣ, что все въ рукахъ Бога, но что онъ никогда не отдастся въ руки своему врагу, потому что онъ вполнѣ увѣренъ, что Шамиль его не проститъ и что онъ бы тогда не долго остался въ живыхъ. Что касается истребленія его семейства, то онъ не думаетъ, что Шамиль поступитъ такъ легкомысленно, во-первыхъ, чтобы не сдѣлать его врагомъ еще отчаяннѣе и опаснѣе, а во-вторыхъ, есть въ Дагестанѣ множество лицъ, очень даже вліятельныхъ, которыя отговорятъ его отъ этого; наконецъ, онъ повторилъ мнѣ нѣсколько разъ, что какая бы ни была воля Бога для будущаго, но что его теперь занимаетъ только мысль о выкупѣ семейства, что онъ умоляетъ меня во имя Бога помочь ему и позволить ему вернуться въ окрестности Чечни, гдѣ бы онъ черезъ посредство и съ дозволенія нашихъ начальниковъ могъ имѣть сношенія съ своимъ семействомъ, постоянныя извѣстія о его настоящемъ положеніи и о средствахъ освободить его; что многія лица и даже нѣкоторые наибы въ этой части непріятельской страны болѣе или менѣе привязаны къ нему; что во всемъ этомъ населеніи, уже покоренномъ русскими, или нейтральномъ, ему легко будетъ имѣть, съ нашей помощью, сношенія, очень полезныя для достиженія цѣли, преслѣдовавшей его днемъ и ночью, исполненіе которой такъ его успокоитъ и дастъ ему возможность дѣйствовать для нашей пользы и заслужить наше довѣріе. Онъ проситъ отослать его опять въ Грозную съ конвоемъ изъ 20 или 30 отважныхъ казаковъ, которые бы служили ему для защиты отъ враговъ, а намъ для ручательства въ истинѣ высказываемыхъ имъ намѣреній.

Вы поймете, любезный князь, что все это очень озадачило меня, такъ какъ чтò ни сдѣлай, большая отвѣтственность лежитъ на мнѣ. Было бы въ высшей степени не осторожно вполнѣ довѣрять ему; но если бы мы хотѣли отнять у него средство для бѣгства, то мы должны были бы запереть его; а это, по моему мнѣнію, было бы и не справедливо, и не политично. Такая мѣра, извѣстіе о которой скоро распространилось бы по всему Дагестану, очень повредила бы намъ тамъ, отнимая охоту у всѣхъ тѣхъ (а ихъ много), которые готовы

идти болѣе или менѣе открыто противъ Шамиля и которые такъ интересуются положеніемъ у насъ самаго храбраго и предпріимчиваго помощника имама, увидѣвшаго себя принужденнымъ отдаться въ наши руки; разъ, что мы поступили бы съ Хаджи-Муратомъ, какъ съ плѣннымъ, весь благопріятный эфектъ его измѣны Шамилю пропалъ бы для насъ. Поэтому я думаю, что не могъ поступить иначе, какъ я поступилъ, чувствуя, однако, что можно будетъ обвинить меня въ большой ошибкѣ, если бы вздумалось Хаджи-Мурату уйти снова. Въ службѣ и въ такихъ запутанныхъ дѣлахъ трудно,—чтобы не сказать не возможно,—идти по одной прямой дорогѣ, не рискуя ошибиться и не принимая на себя отвѣтственности. Но разъ, что дорога кажется прямою, надо идти по ней, будь что будь. Прошу васъ, любезный князь, повергнуть это на разсмотрѣніе его величеству Государю Императору и я буду счастливъ, если августѣйшій нашъ повелитель соизволитъ одобрить мой поступокъ. Все, что я вамъ писалъ выше, я также написалъ генераламъ Завадовскому и Козловскому, для непосредственныхъ сношеній Козловскаго съ Хаджи-Муратомъ, котораго я предупредилъ о томъ, что онъ безъ одобренія послѣдняго ничего сдѣлать и никуда выѣхать не можетъ. Я ему объявилъ, что для насъ даже лучше, если онъ будетъ выѣзжать съ нашимъ конвоемъ, а то Шамиль станетъ разглашать, что мы держимъ Хаджи-Мурата въ заперти: но при этомъ я взялъ съ него обѣщаніе, что онъ никогда не поѣдетъ въ Воздвиженское, такъ какъ мой сынъ, которому онъ сперва сдался и котораго онъ считаетъ своимъ кунакомъ (пріятелемъ), не начальникъ этого мѣста и могли бы произойти недоразумѣнія (непріятности); впрочемъ Воздвиженское слишкомъ близко отъ многочисленнаго враждебнаго намъ населенія, между тѣмъ какъ для сношеній, которыя онъ желаетъ имѣть съ своими повѣренными, Грозная удобна во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ двадцати избранныхъ казаковъ, которые по его же просьбѣ ни на шагъ не отстанутъ отъ него, я послалъ съ нимъ ротмистра Лорисъ-Меликова[1]), достойнаго, отличнаго и очень умнаго офицера, говорящаго по татарски, знающаго хорошо Хаджи-Мурата, который, кажется, тоже вполнѣ довѣряетъ ему. 10 дней, которые Хаджи-Муратъ провелъ здѣсь, онъ впрочемъ жилъ въ одномъ домѣ съ подполковникомъ княземъ Тархановымъ, начальникомъ Шушинскаго уѣзда, находящимся здѣсь по дѣламъ службы; это истинно достойный человѣкъ и я ему вполнѣ довѣряю; онъ также заслужилъ довѣріе Хаджи-

---

[1]) Графъ Михаилъ Таріеловичъ.

Мурата и черезъ него одного, такъ какъ онъ отлично говоритъ по татарски, мы разсуждали о самыхъ деликатныхъ и секретныхъ дѣлахъ. Я совѣтовался съ Тархановымъ на счетъ Хаджи-Мурата и онъ совершенно согласился со мною въ томъ, что или слѣдовало поступить какъ я поступилъ, или заключить Хаджи-Мурата въ тюрьму и сторожить его со всѣми возможными строгими мѣрами, потому что ужъ разъ обращаться съ нимъ худо—его не легко стеречь, или же удалить его совсѣмъ изъ страны. Но эти двѣ послѣднія мѣры не только бы уничтожили всю выгоду, вытекающую для насъ изъ ссоры между Хаджи-Муратомъ и Шамилемъ, но пріостановили бы неизбѣжно всякое развитіе ропота и возможность возмущенія горцевъ противъ власти Шамиля. Князь Тархановъ мнѣ сказалъ, что самъ увѣренъ въ правдивости Хаджи-Мурата и что Хаджи-Муратъ не сомнѣвается въ томъ, что Шамиль никогда его не проститъ и велитъ казнить, не смотря на обѣщанное прощеніе; единственная вещь, которая могла озаботить Тарханова въ его сношеніяхъ съ Хаджи-Муратомъ, это его привязанность къ своей религіи, и онъ не скрываетъ, что Шамилю можно будетъ дѣйствовать на него съ этой стороны; но, какъ я уже говорилъ выше, онъ никогда не убѣдитъ Хаджи-Мурата въ томъ, что не лишитъ его жизни или сейчасъ, или спустя нѣсколько времени послѣ его возвращенія. Вотъ все, любезный князь, что я хотѣлъ вамъ сказать на счетъ этого интереснаго эпизода здѣшнихъ дѣлъ.

2.

25-го апрѣля 1852 г.

(Переводъ съ французскаго). Изъ сегодняшняго моего посланія вы увидите, любезный князь, каковъ былъ конецъ полной приключеній карьеры Хаджи-Мурата. По обстоятельствамъ всего этого дѣла и по сношеніямъ, которыя я имѣлъ съ нимъ, съ тѣхъ поръ какъ онъ покинулъ Шамиля и перешелъ къ намъ, ни что не могло быть болѣе счастливымъ и выгоднымъ для насъ, какъ его смерть при окружающихъ ее обстоятельствахъ. Для себя самаго я не могъ желать ничего лучшаго, бывши, какъ я вамъ когда-то писалъ, единственно отвѣтственнымъ за все, что могло случиться, и, по правдѣ сказать, я взялъ эту отвѣтственность на себя по праву и по обязанности, думая тогда и теперь еще, что взвѣсивъ всѣ обстоятельства, я долженъ былъ дѣйствовать въ отношеніи къ Хаджи-Мурату такъ, какъ дѣйствовалъ. Было бы слишкомъ длинно войти во всѣ подробности моихъ свѣдѣній о необыкновенномъ характерѣ этого

человѣка, но я постараюсь въ первое свободное время послать вамъ подробную біографическую записку, которая будетъ не безъинтересна для васъ. Смерть его освобождаетъ меня отъ ужасной тягости, которую я вполнѣ чувствовалъ и несъ безропотно. Мнѣ остается прибавить только, во-1-хъ, что это былъ настоящій разбойникъ, какого, кромѣ Дагестана, нигдѣ не сыскать, и во-2-хъ, что ссора съ Шамилемъ была совершенно серьезная, непримиримая и что она произошла года два тому назадъ, когда Шамиль убѣдился въ томъ, что Хаджи-Муратъ однимъ изъ первыхъ выразился, что принужденная присяга въ вѣрности Шамилю, а послѣ его смерти сыну его, была шутка, что онъ ее никогда не сдержитъ и что по смерти Шамиля сабля (оружіе) и болѣе или менѣе вліяніе на жителей Дагестана порѣшатъ принадлежность одному или раздѣлъ между нѣсколькими нынѣшней власти имама. Въ первое время перехода Хаджи-Мурата къ намъ, онъ вполнѣ и откровенно соглашался съ тѣмъ, что я ему не переставалъ говорить, а именно: что пока его семейство находилось въ рукахъ общаго врага, мы не могли ни вполнѣ вѣрить ему, ни пользоваться его услугами. Мы дѣлали все, что зависило отъ насъ, чтобы выкупить или освободить это семейство, и я долженъ отдать ему справедливость, что и онъ дѣлалъ все, что могъ съ тою же цѣлью: онъ отдалъ намъ всѣ свои деньги и постоянно указывалъ намъ лучшіе пути къ достиженію желанной цѣли. Я же ему говорилъ, что увѣренъ въ томъ, что Шамиль никогда не согласится выдать его семейство, что очень трудно отнять его силою или хитростью, употребляя даже людей вѣрныхъ, смѣлыхъ и способныхъ, которые были указаны имъ самимъ, и что слѣдовательно его положеніе у насъ должно было оставаться такимъ-же. На это онъ возражалъ, что если до весны всѣ наши старанія останутся безъ успѣха, то онъ касательно своего семейства положится на Бога и упроситъ меня употребить его, окруженнаго надежными людьми, со всѣми предосторожностями, во главѣ милиціи или регулярныхъ войскъ для отважныхъ предпріятій, увѣряя, что при настоящемъ настроеніи въ Дагестанѣ, появленіе его на какомъ нибудь пунктѣ за нашими предѣлами, произведетъ эфектъ, непредвидимый нами, и поведетъ къ болѣе или менѣе отдаленному, но рѣшительному паденію Шамиля. Я никогда (съ самаго начала) не очень-то вѣрилъ этимъ обѣщаніямъ, но такъ какъ онъ мнѣ всегда говорилъ, что со стороны раіона, ввѣреннаго князю Аргутинскому [1]), онъ желаетъ и можетъ нанести большой ударъ врагу,

---

[1]) Т. е. со стороны Прикаспійскаго края.

то я, наконецъ, сказалъ ему, что если князь Аргутинскій и князь Орбеліани, заступающій въ это время его мѣсто, знающіе оба страну во всѣхъ ея подробностяхъ и, безъ сомнѣнія, наилучшіе судьи того, что тамъ можно сдѣлать, выразятъ мнѣніе, что Хаджи-Мурата можно употребить тамъ съ пользой, то я не стану противиться; надо для этого обождать пріѣзда сюда князя Аргутинскаго и узнать его рѣшительное мнѣніе, а также мнѣніе князя Орбеліани. [1]) Послѣ этого полурѣшительнаго разговора я замѣтилъ въ первый разъ, что Хаджи-Муратъ былъ взволнованъ даже до слезъ, тѣмъ болѣе, что я ему объявилъ, что не отпущу его больше ни въ Грозную, ни на Кумыкскую плоскость, потому что, во-первыхъ, князь Барятинскій не хотѣлъ брать на свою отвѣтственностъ его пребываніе у него, и во-вторыхъ, потому, что въ Ташъ-Кичу онъ былъ виною, хотя и невольною, ссоры между такъ называемыми княжескими семействами кумыковъ и простымъ народомъ. Князья объявили, что не пойдутъ въ мечеть, если тамъ будетъ Хаджи-Муратъ, а народъ, напротивъ, уговаривалъ его идти туда, чтобы помолиться вмѣстѣ съ ними. Я сказалъ ему разъ на всегда, что мы не хотимъ поощрять мюридизмъ, по примѣру Шамиля, и что наша обязанность и наши интересы заставляютъ насъ поддерживать, тамъ гдѣ онѣ есть, законныя, естественныя народныя власти. Не знаю, затѣялъ-ли онъ уже въ этотъ день что нибудь дурное, тѣмъ болѣе, что кто-то ему сказалъ, что весьма невѣроятно, чтобы князь Аргутинскій одобрилъ его предположенія на счетъ Дагестана, но видя, что пройдетъ еще 2—3 недѣли до пріѣзда князя Аргутинскаго, онъ попросилъ меня позволить ему провести это время въ Нухѣ, магометанскомъ городѣ, гдѣ бы ему легко было имѣть извѣстія изъ горъ. Къ несчастію, достойный ротмистръ Лорисъ-Меликовъ, (Михаилъ Таріеловичъ), которому я ввѣрилъ Хаджи-Мурата почти что съ самаго его пріѣзда къ намъ, провожавшій его всюду, показавшій во всѣхъ своихъ сношеніяхъ съ нимъ удивительную энергію и способность и, такъ сказать, пользовавшійся полнымъ его довѣріемъ, заболѣлъ, и я долженъ былъ замѣнить его капитаномъ Бучкіевымъ, тоже вполнѣ достойнымъ офицеромъ, получившимъ вполнѣ справедливо георгіевскій крестъ за защиту Ахты; но что больше всего ободрило меня отпустить Хаджи-Мурата въ Нуху, это полное довѣріе, которое я имѣю къ начальнику Нухинскаго уѣзда, подполковнику Карганову, довѣріе, оправданное имъ впослѣдствіи неимовѣрною скоростью, съ которою бѣглецы были розысканы. Бучкіевъ опрометчиво отпустилъ Хаджи-Мурата

---

[1]) Князя Григорія Дмитріевича, нынѣ генералъ-адьютанта, члена государственнаго совѣта. А. З.

только съ пятью провожатыми, между тѣмъ какъ съ нимъ было четверо его товарищей; но преслѣдованіе было хорошо организовано, тревога произведена такая всеобщая, что послѣ нѣсколькихъ часовъ Хаджи-Муратъ былъ окруженъ карабахскою, нухинскою милиціею и партіею нашихъ лезгинъ подъ начальствомъ Хаджи-Аги, начальника Илисуйскаго владѣнія (родственникъ Даніела Бека) съ сыномъ, славнымъ молодымъ человѣкомъ, котораго Великій Князь Наслѣдникъ[1]) отличилъ во время дѣла Его Императорскаго Высочества съ чеченцами въ октябрѣ 1850 г.

Хаджи-Муратъ умеръ отчаяннымъ храбрецомъ, каковымъ и жилъ; оставивъ своихъ лошадей, онъ спрятался въ какую-то яму, которую укрѣплялъ съ товарищами, копая землю руками; онъ отвѣчалъ ругательствами на предложеніе сдаться; на его глазахъ умерли двое его товарищей, и онъ самъ, раненый четырьмя пулями, слабый и истекающій кровью, въ отчаяніи бросился на атакующихъ, и тутъ-то его покончили!

Полковникъ Каргановъ прислалъ ко мнѣ начальника Нухинскаго участка, князя Аргутинскаго, какъ свидѣтеля этой драмы; онъ разсказывалъ мнѣ все выше писанное и еще много интересныхъ подробностей, какъ, напримѣръ, то, что когда побѣдители вернулись въ Нуху съ тѣломъ Хаджи-Мурата, всѣ жители города и окресностей вышли имъ на встрѣчу съ криками «ура»! и съ зурной, туземной музыкой. Въ Тифлисѣ прошло 24 часа между извѣстіемъ о бѣгствѣ Хаджи-Мурата и извѣстіемъ о смерти его; вчера утромъ я послалъ благонадежнаго офицера на встрѣчу нѣсколькимъ людямъ изъ провожатыхъ Хаджи-Мурата, слѣдующихъ изъ Грозной съ его вещами, которыя, съ его согласія, я велѣлъ перевезти изъ Грозной въ Тифлисъ; люди эти будутъ приведены сюда подъ стражей для допроса и для обсужденія—что̀ съ ними потомъ дѣлать.

Вотъ что мнѣ казалось нужнымъ прибавить къ моему письму и рапорту полковника Карганова, для вашего вѣдѣнія и доклада его величеству. Въ скоромъ времени я представлю списокъ тѣхъ, которые, по моему мнѣнію, заслужили награду за отличное поведеніе въ этомъ важномъ дѣлѣ.

3.

Тифлисъ. 1-го мая 1852 г.

(Перев. съ французскаго). Сегодня, любезный князь, я вамъ посылаю дополненіе касательно катастрофы Хаджи-Мурата. На мѣстѣ, избранномъ Хаджи-Муратомъ въ его отчаяніи для защиты, были убиты онъ

[1]) Государь Императоръ въ пріѣздъ свой на Кавказъ въ 1850 г.

и два его товарища; два остальные сперва успѣли спрятаться, но были схвачены живыми и приведены въ Нуху, гдѣ назначена военно-судная коммисія, чтобы ихъ судить военымъ судомъ. Это обстоятельство можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснить, что̀ происходило въ послѣднее время съ Хаджи-Муратомъ и открыть намъ его намѣренія. Я также имѣлъ честь сообщить, что жду его людей и багажъ изъ Грозной; можетъ быть, мы и отъ нихъ узнаемъ что нибудь; между тѣмъ докторъ Андреевскій просилъ у меня позволенія послать черепъ Хаджи-Мурата въ Петербургъ, (куда Пироговъ когда-то привезъ черепъ наиба Идриса, убитаго въ Салтахъ); голову прислали изъ Закаталъ; она прибыла, какъ мнѣ говорили, въ отличномъ видѣ и находится въ госпиталѣ. Любопытство видѣть ее общее; но я не счелъ приличнымъ выставить ее на базарѣ, какъ многіе бы желали, а только позволилъ, чтобы приходили осматривать ее и удостовѣриться въ ея дѣйствительности въ госпиталѣ, гдѣ ее приготовятъ для отсылки черепа; это полезно въ томъ отношеніи, что никому нельзя будетъ сомнѣваться или притворяться сомнѣвающимся въ томъ, что этотъ человѣкъ—ужасъ столькихъ людей и провинцій—дѣйствительно умеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я посылаю вамъ маленькое описаніе этого происшествія, которое считаю полезнымъ опубликовать. [1])

4.

Къ управляющему военнымъ министерствомъ князю В. А. Долгорукову.

Коджоры. 14—26 августа 1852 г.

Когда я писалъ князю Чернышеву о происшествіи съ Хаджи-Муратомъ, я говорилъ ему, что надѣюсь собрать нѣсколько разсказовъ объ этомъ достопримѣчательномъ человѣкѣ, которые, можетъ быть, будутъ признаны достойными поднесенія нашему августѣйшему повелителю. Теперь, любезный князь, я посылаю вамъ маленькое описаніе политической и военной жизни Хаджи-Мурата, диктованное, бо̀льшей частью, имъ самимъ ротмистру Лорисъ-Меликову, бывшему часто у него во время его пребыванія здѣсь, и къ которому Хаджи-Муратъ, также какъ и къ князю Тарханову, наблюдавшему за нимъ въ первое время, питалъ положительное уваженіе и даже любовь. Это сочиненьице (см. далѣе, стр. 668) нельзя было прислать раньше, потому что ротм. Лорисъ-Меликовъ, которому попеченіе о Хаджи-Муратѣ не помѣшало

[1]) Краткое извѣстіе было напечатано въ „Рус. Инвалидѣ" 1852 г.

принять блистательное участіе въ зимней экспедиціи, скоро послѣ того заболѣлъ довольно серьезно, почему я и вынужденъ былъ передать надзоръ за Хаджи-Муратомъ другому; можетъ быть, дѣла приняли бы другой оборотъ, если бы онъ остался подъ надзоромъ Лорисъ-Меликова. Мнѣ кажется, впрочемъ, что смерть Хаджи-Мурата, въ томъ видѣ, какъ она случилась, для насъ есть счастье, если бы даже его послѣднія намѣренія были другія (?). Этотъ неустрашимый человѣкъ былъ обоюдоострая шпага, которая могла бы сдѣлаться затруднительною для насъ. Мы бы никакъ не могли вполнѣ вѣрить ему, пока его семейство оставалось въ рукахъ Шамиля, и даже если бы это семейство было освобождено, властолюбіе, честолюбіе Хаджи-Мурата стѣсняли бы насъ требованіями, которыхъ мы бы не могли удовлетворить. Все, что мы слышали отъ горцевъ со времени его смерти, а, особенно, что мы узнали во время послѣднихъ происшествій на лезгинской линіи, доказываетъ, какимъ большимъ вліяніемъ и уваженіемъ Хаджи-Муратъ пользовался въ Дагестанѣ. Это, конечно, была главная причина ненависти, которую питалъ къ нему въ последнее время Шамиль.

Имамъ, задавшійся династическими предположеніями, зналъ, что многіе изъ самыхъ важныхъ людей покорялись лишь неохотно и съ скрытыми мыслями такимъ претензіямъ; онъ зналъ, что особенно Хаджи-Муратъ никогда не покорится подобнымъ затѣямъ и какъ только что нибудь случится съ самимъ Шамилемъ, то онъ самъ будетъ главою открытаго возстанія противъ будущей власти сына Шамиля.

Хаджи-Муратъ, дѣйствительно, былъ замѣчательный человѣкъ, смѣлости, можно сказать, безумной, незнающій страха, вмѣстѣ съ тѣмъ имѣвшій много природной хитрости, совершенное знаніе Дагестана и множество приверженцевъ между всѣми этими различными племенами. особенно въ Аваріи, гдѣ онъ давно былъ дѣйствительнымъ начальникомъ. Его ненависть къ Даніель-Беку была глубокая; онъ его, впрочемъ, презиралъ, какъ воина, и гнушался имъ, говоря что онъ плохой мусульманинъ и что онъ мюридъ только ради Шамиля и на глазахъ его. Собственныя религіозныя убѣжденія Хаджи-Мурата были искреннія и стали бы затрудненіемъ для насъ впослѣдствіи. Между тѣмъ, онъ въ тѣ 5 мѣсяцевъ, которые провелъ у насъ, увидѣлъ и вполнѣ убѣдился въ нашей вѣротерпимости и въ сравнительно высшемъ положеніи мухаммеданъ, находящихся подъ нашею властью, нежели тѣхъ, которые находятся подъ деспотизмомъ Шамиля. Во всякомъ случаѣ, Шамиль потерялъ въ немъ лучшаго воина, лучшее орудіе для всѣхъ трудныхъ и отважныхъ экспедицій, и единственнаго, пользовавшагося въ высокой степени уваженіемъ и довѣріемъ

тѣхъ силъ, которыя имамъ собираетъ волей-неволей для дѣйствій противъ насъ. Поэтому я васъ прошу, любезный князь, поднести нашему августѣйшему повелителю это маленькое описаніе, дѣйствительно интересное, какъ очеркъ жизни, полной приключеній и постоянныхъ опасностей. Я не думаю, чтобы можно было напечатать его въ такомъ видѣ, но есть части, которыми можно удовлетворить любопытству публики. Такое извлеченіе пишется теперь съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ анекдотовъ и будетъ служить продолженіемъ тому, что мы печатали недавно о Гамзадъ-Бекѣ [1]), истребителѣ семейства хановъ въ Аваріи, который былъ наслѣдникомъ Кази-Муллы, предшественникомъ Шамиля и который былъ убитъ въ главной мечети Хунзаха этимъ же самымъ Хаджи-Муратомъ—частью изъ преданности къ ханскому роду, а, можетъ быть, больше еще изъ личнаго честолюбія.

Князь М. Воронцовъ.

Примѣчаніе. Въ дополненіе къ описаннымъ въ письмахъ князя М. С. Воронцова подробностямъ смерти Хаджи-Мурата могу добавить слѣдующее: въ его бешметѣ, между подкладкой и ватой, оказалось очень ловко размѣщенныхъ 600 - 700 полуимперіаловъ. Князь Воронцовъ отпускалъ ему, кажется, по 5 полуимперіаловъ въ день и вотъ, въ четыре съ немногимъ мѣсяца, онъ скопилъ себѣ кушъ порядочный, которымъ могъ еще скорѣе умилостивить имама по возвращеніи въ горы. Деньги эти достались, бо́льшею частью, начальнику илисуйской милиціи Гаджи-Агѣ и сыну его Магметъ-хану, бывшему впослѣдствіи полковнику лейбъ-казачьяго полка, а нынѣ турецкому генералу, извѣстному подъ именемъ Магометъ паши Дагестанли, о которомъ въ газетахъ говорили, какъ о кандидатѣ на должность командира войскъ южной Болгаріи, вмѣсто пресловутаго нѣмца Штрекера-паши.

Сообщ. **А. Зиссерманъ.**

---

[1]) Брошюра генер. штаба полковника Невѣровскаго объ истребленіи аварскихъ хановъ въ 1834 году.

III.

Записка, составленная изъ разсказовъ и показаній Хаджи-Мурата, по приказанію г. главнокомандующаго (кн. М. С. Воронцова), состоящимъ при его свѣтлости по особымъ порученіямъ гвардіи ротмистромъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ (нынѣ графъ).

[1852 г.].

При Кази-Муллѣ я и Омаръ-ханъ [1]), управлявшій тогда Аваріею, были покорными Россіи. Кази-Мулла враждовалъ за то съ нами и домогался всѣми средствами привлечь Аварію на свою сторону, но, видя невозможность достигнуть этого переговорами, онъ собралъ большую партію и окружилъ Хунзахъ, (столицу Ханства). Аварцы рѣшились защищаться; Кази-Мулла отступилъ, оставивъ убитыми около 100 человѣкъ; отбитыя у него тогда значки, были отосланы нами въ Тифлисъ къ главнокомандующему Грузіи [2]). Отецъ мой убитъ былъ въ этомъ дѣлѣ. Послѣ убіенія Кази-Муллы русскими [3]), явился имамомъ Гамзатъ-Бекъ; онъ также угрожалъ Аваріи раззореніемъ и я съ Омаръ-ханомъ вынужденъ былъ поѣхать въ Тифлисъ къ барону Розену просить помощи его; но, проживъ въ Тифлисѣ десять дней и не получивъ желаемаго удовлетворенія, мы возвратились домой. Вскорѣ по прибытіи нашемъ въ Аварію, Хунзахъ былъ окруженъ Хамзатъ-Бекомъ. Не имѣя достаточныхъ силъ къ защитѣ, мы рѣшились выдать ему аманатовъ, въ числѣ коихъ находился младшій братъ Омаръ-хана (Булачь-ханъ); но при выдачѣ завязалась ссора съ непріятелями [4]); Омаръ-ханъ съ двумя своими братьями и до 20 приверженцевъ его были убиты. Гамзатъ-Бекъ занялъ послѣ того Хунзахъ и управлялъ въ продолженіи двухъ мѣсяцевъ всею Аваріею. Имѣя постоянною цѣлью удержать свободу своей родинѣ и желая свергнуть Гамзата, я, со старшимъ братомъ моимъ Османомъ, собралъ 10 человѣкъ приверженцевъ и въ мечети умертвилъ его. Братъ мой Османъ, нанесшій ударъ кинжаломъ Гамзату, былъ убитъ

---

[1]) Старшій сынъ Аварской ханши Пахубике и глава дома, знаменитѣйшаго въ горахъ Кавказа владѣтельнаго аварскаго ханскаго рода.

[2]) Барону Григ. Владим. Розену.

[3]) При взятіи Гимры въ 1832 году бар. Розеномъ.

[4]) Это не совсѣмъ такъ было. Гамзатъ-Бекъ, получивъ одного сына Ханьсына, потребовалъ другаго; мать, боясь за участь Булачь-хана, послала средняго сына, Умахана, тогда коварный Гамзатъ настоялъ на прибытіи къ нему въ лагерь и старшаго Омаръ-хана и безъ всякаго повода оба старшіе были изрублены послѣ геройской защиты, а младшій—мальчикъ 10—12 лѣтъ впослѣдствіи уже Шамилемъ убитъ въ Гоцатлѣ.

его нукерами. Родственники Гамзата укрѣпились въ ханскомъ домѣ, не желая сдаваться; но были выбиты оттуда и сброшены въ кручу.

Вслѣдъ затѣмъ Аварцы избрали меня старшимъ надъ собою и въ продолженіи долгаго времени я управлялъ всею Аваріею.

Послѣ смерти Гамзатъ-Бека, появился Шамиль съ домогательствами подчинить весь Дагестанъ своей власти. Три года отстаивалъ я отъ него Аварію; но когда власть его стала усиливаться болѣе и болѣе въ горахъ, то рѣшились мы просить къ себѣ русскихъ войскъ и хана Мехтулинскаго, Ахметъ-хана, въ правители.

По занятіи Хунзаха русскими войсками, я пользовался особеннымъ расположеніемъ генерала Клюки-фонъ-Клугенау, получалъ часто денежныя награды и было мнѣ обѣщано, что буду назначенъ русскимъ правительствомъ старшимъ надъ Аваріею. Таковое вниманіе начальства породило ненависть Ахметъ-хана ко мнѣ и съ тѣхъ поръ онъ старался всѣми средствами очернить меня. Наконецъ, въ отсутствіе генерала изъ Хунзаха, обвинилъ меня въ тайныхъ сношеніяхъ и перепискѣ съ Шамилемъ, отвелъ къ коменданту крѣпости, гдѣ я содержался въ продолженіи 9-ти дней привязаннымъ къ орудію, потомъ подъ конвоемъ солдатъ при офицерѣ отправили меня въ Темиръ-ханъ-Шуру; дорогою я бѣжалъ въ горы [1]).

Не имѣя возможности по враждѣ съ Шамилемъ идти къ нему, я скрылся въ деревнѣ Цельмесъ и хотя затѣмъ получалъ безпрестанныя приглашенія Шамиля и увѣренія, что, забывъ все прошедшее, онъ не станетъ мстить мнѣ, но я не довѣрялъ ему и остался въ Цельмесѣ. Между тѣмъ генералъ Клюки-фонъ-Клугенау, узнавъ подробно о неправильныхъ притѣсненіяхъ Ахметъ-хана, написалъ мнѣ предложеніе выдти снова къ русскимъ; письмо это я отправилъ къ Ахметъ-хану; онъ въ гнѣвѣ изорвалъ его и новыми происками успѣлъ уговорить генерала собрать отрядъ и идти на меня въ Цельмесъ. Войска, подъ начальствомъ Бакунина [2]) и Пасека, на разсвѣтѣ окружили аулъ, дѣло продолжалось до вечера; половина Цельмеса была уже въ рукахъ русскихъ; но прибывшіе на помощь, по просьбѣ нашей, Андійскія войска отъ Шамиля усилили насъ, и русскій отрядъ, преслѣдуемый нами, отступилъ, потерявъ начальника своего Бакунина. Ахметъ-

---

[1]) Интересныя подробности см. въ книгѣ: „Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ".

[2]) Пріѣзжалъ на Кавказъ состоявшій при генералъ-фельдцейхмейстерѣ артиллеріи генералъ-маіоръ Бакунинъ, хотѣлъ воспользоваться случаемъ для военныхъ отличій и погибъ, атакуя съ слабымъ батальономъ крѣпкій аулъ, защищаемый нѣсколькими стами горцевъ. А. З.

ханъ, прибывъ послѣ того въ Хунзахъ, заковалъ трехъ двоюродныхъ братьевъ моихъ и чрезъ нѣсколько дней приказалъ жителямъ убить. Узнавъ о томъ, я собралъ партію и въ продолженіи пяти дней разорилъ нѣсколько аварскихъ деревень, какъ-то: Цолоди, Енгедахъ, Местерахъ, Мохохъ, Багтлохъ, Тахита и другія. Съ этихъ поръ я подстерегалъ по всѣмъ дорогамъ Ахметъ-хана, который послѣ бѣгства моего не ѣздилъ никуда безъ сильнаго конвоя. Помянутыя причины довели меня до окончательнаго ухода отъ русскихъ и съ того времени сталъ я повиноваться Шамилю. Ахметъ-ханъ вскорѣ послѣ того умеръ, а Аварія подпала подъ власть Шамиля. Назначенный наибомъ Аваріи, я въ продолженіи двѣнадцати лѣтъ воевалъ съ русскими.

Изложу средства Шамиля и тѣ дѣла, въ которыхъ я съ своими войсками принималъ участіе противъ русскихъ.

Военныя силы Шамиля состоятъ приблизительно изъ 30-ти тыс. войска при 30 наибахъ; числительную силу войскъ каждаго наиба можно полагать до 1000 челов.; у иныхъ бываетъ менѣе, у другихъ же доходитъ до 2 т. Между наибами Шамиля въ настоящее время (1851 г.) особенно замѣчательны храбростью и вліяніемъ своимъ въ горахъ слѣдующіе: 1) Абакаръ Дебиръ Мухскій, 2) Таиръ Бекъ (Салатавскій) въ Бортунаѣ, 3) Гиха, 4) Талгикъ, 5) Гойгемиръ (чеченскіе), 6) Андійскій Лабазанъ, 7) Гумбетовскій Кади, 8) Магометъ Амиръ хиндалальскій, 9) Бѣглый Акушинецъ Абакаръ-Хаджи, 10) Али Султанъ въ Улляхъ, 11) Глухой Инко Хаджи въ Чохѣ и 12) Братъ Кибитъ Магомета Муртазали Тилитлинскій. Въ числѣ же людей сильныхъ, но не наибовъ, замѣчательны: 1) Кибитъ Магома, человѣкъ ученый и уважаемый въ народѣ; участія въ дѣлахъ съ русскими онъ теперь не принимаетъ и живетъ въ Тилитлѣ, 2), Кальвацъ-Дибиръ пользуется также большимъ вѣсомъ, живетъ въ Каратѣ и принадлежитъ къ числу сильныхъ враговъ Шамиля, 3) Асланъ-Кади въ большомъ почетѣ при Шамилѣ и за притѣсненія, оказываемыя имъ народу, навлекъ на себя, особенно въ послѣднее время, сильный ропотъ, 4) Омаръ Салтинскій, смѣненный съ наибства за пораженіе, которое нанесъ ему Агаларъ Бекъ (казикумыкскій ханъ), и 5) Бывшій наибъ Шахмандиръ Хаджи, вымѣненный изъ плѣна за князя Илью Орбеліани; послѣдніе два пользуются большимъ вѣсомъ въ народѣ, но не преданы Шамилю. Наибъ имѣетъ своихъ пяти-сотенныхъ, сотенныхъ и десятниковъ, на обязанности которыхъ лежитъ исправность оружія въ войскѣ; они же должны выводить людей на тревогу или въ набѣги. За какую либо вину, а также за неимѣніе пороха, провинившагося сажаютъ въ яму, или налагаютъ денежный штрафъ; всякій добываетъ порохъ своими средствами. По выбору народа и самаго Ша-

миля назначается къ наибу мулла, которому ввѣрена судебная часть наибства; смертная казнь предоставлена исключительно одному Шамилю; были однако случаи, что наибъ, пользуясь своимъ могуществомъ, казнилъ безъ вѣдома имама.

Доходъ Шамиля состоитъ въ 5-той части добычи и, сверхъ того, въ отдѣльныхъ подаркахъ, подносимыхъ наибами или просителями. Не знаю опредѣлительно, какъ велико богатство его; мнѣ извѣстно только, что деньги его хранятся въ двухъ аулахъ Каратѣ и Ведено; въ послѣднемъ мѣстѣ, я слышалъ, что онъ имѣетъ до 150 т. р. золотомъ и серебромъ. Оружія и драгоцѣнныхъ вещей у него въ большомъ количествѣ. Доходъ наиба состоитъ въ помощи рукъ ввѣреннаго ему края; а въ добычѣ, сверхъ общаго раздѣла поровну, первый выборъ лучшаго. Орудій у Шамиля въ разныхъ мѣстахъ до 30-ти русскаго литья; есть также много мелкихъ орудій литья своего и турецкаго; въ Куáдѣ живетъ мастеръ лезгинъ, который выливаетъ ихъ. Въ Ведено хранятся всѣ лучшія изъ нихъ, остальныя же пушки розданы по укрѣпленіямъ или даны въ распоряженіе наибовъ. Въ Цатаныхѣ въ 1843 г. взято было 30 т. снарядовъ, которые до нынѣ хранятся въ цѣлости въ Хидатли, въ нарочно высѣченной для этой цѣли скалѣ. Стрѣльба же по непріятелю производится обыкновенно снарядами, собираемыми въ дѣлахъ съ русскими. Весь порохъ выдѣлывается въ Ведено мастеромъ турецко-подданнымъ Джафаромъ. Уже болѣе 8 лѣтъ живетъ онъ въ горахъ; имъ устроены 12 машинъ, которыми выдѣлываютъ порохъ. Бѣглыхъ солдатъ, въ прислугахъ находящихся у горцевъ, очень много; не могу въ точности опредѣлить числа ихъ. Близь Ведено есть отдѣльное селеніе бѣглыхъ женатыхъ, преимущественно мастеровыхъ, на обязанности которыхъ лежитъ дѣланіе артиллерійскихъ лафетовъ и ящиковъ. По наряду они ходятъ въ походъ съ орудіями. Въ томъ же селеніи живутъ два бѣглыхъ офицера, которые обучаютъ солдатъ и смотрятъ за порядкомъ.

Въ первое время порохъ и многое изъ матеріаловъ свободно доставлялось изъ русскихъ предѣловъ; нынѣ же передача эта прекращена, кромѣ желѣза, привозимаго съ Кумыкской плоскости.

Въ 1843 году, до времени общаго возстанія Дагестана противъ русскихъ, Шамиль оказывалъ мнѣ предпочтеніе предъ прочими наибами и предоставлялъ болѣе случаевъ воевать съ русскими. Въ 1843 году, находясь вмѣстѣ съ нимъ при взятіи Унцукуля, я былъ отправленъ въ Хунзахъ; при слѣдованіи своемъ имѣлъ дѣло съ русскими въ селеніи Ободѣ, гдѣ, занявъ деревню, принудилъ русскихъ опять снова отступить въ Хунзахъ. Партія моя состояла тогда изъ 3 т. пѣшихъ и конныхъ, съ которыми я началъ раззорять близь лежащія селенія

и овладѣлъ русскою башнею, при одномъ орудіи, Ахалча; окруживъ впослѣдствіи укрѣпленіе, держалъ его въ осадѣ; но, узнавъ о взятіи горцами укрѣпленія Гергебиля и уничтоженіи гарнизона русскаго, тамъ находившагося, я оставилъ свою пѣхоту, и съ кавалеріею поспѣшилъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру. По пути слѣдованія моего, близъ Зиряновъ, встрѣтилъ отрядъ Пасека и, завязавъ съ нимъ перестрѣлку, шелъ за нимъ до самаго укрѣпленія Зиряны. Отрядъ, вступившій туда, былъ окруженъ мною; орудія, поставленныя на высотѣ, наносили большой вредъ гарнизону, который, будучи вмѣстѣ съ тѣмъ лишенъ сообщенія съ прочими укрѣпленіями, сталъ нуждаться въ провіантѣ. Шамиль въ то же время держалъ въ блокадѣ Темиръ-Ханъ-Шуру, но вскорѣ былъ оттѣсненъ русскими. Свѣжій отрядъ, пришедшій на помощь въ Зиряны, выручилъ гарнизонъ, и я съ партіей своею направился къ горамъ. На лезгинской линіи, съ партіею въ 600 человѣкъ, угналъ близъ Бежаньянъ 7000 барановъ, 100 лошадей и 300 головъ скота; при обратномъ слѣдованіи потерялъ въ числѣ убитыхъ 2-хъ сотенныхъ своихъ начальниковъ.

Въ 1845 году, въ походѣ русскихъ въ Дарго, я былъ въ дѣлѣ только 4 дня въ оказіи за сухарями, остальное же все время, по приказанію Шамиля, дѣйствовалъ въ Тилитляхъ, противъ отряда князя Аргутинскаго. При отступленіи отряда оттуда, войска мои были обмануты скрытымъ движеніемъ русскихъ, которые перешли въ наступленіе и тѣмъ обратили въ бѣгство мою партію. До 100 человѣкъ осталось убитыхъ моихъ на мѣстѣ.

Питая вражду къ дому Ахметъ-Хана Мехтулинскаго, я съ партіею въ 200 человѣкъ, въ 1846 году, ночью вошелъ въ селеніе Джунгутай и увезъ вдову его Нохъ-Бике. Въ продолженіи трехъ мѣсяцовъ жила она въ моемъ домѣ и впослѣдствіи, настояніями и ходатайствомъ зятя ея, Даніель-Бека, была выкуплена. Изъ Казанищи отбилъ я у Далгата, сына Шамхала, 600 головъ скота. Вскорѣ послѣ того угналъ подъ Темиръ-Ханъ-Шурою табунъ лошадей у Шамхальскаго родственника, увезъ сестру и прислугу ея, которая послѣ была выкуплена. Въ Дургаляхъ, въ селеніи подполковника Али-Султана, раззорилъ жителей, забралъ ихъ имущества и плѣнныхъ. Въ 1845 году, при взятіи Даніель Султаномъ Чоха, я первый принудилъ отступить Цудахарцевъ и Акушинцевъ, пришедшихъ туда на выручку. При вторженіи Шамиля съ 10 т. партіею въ Кабарду (1846 г.), я былъ съ нимъ. Въ продолженіи пребыванія его тамъ, войско терпѣло большую нужду, такъ какъ жители не хотѣли давать намъ провіанта. При обратномъ слѣдованіи, Шамиль, узнавъ, что переправа занята полковникомъ барономъ Меллеромъ-Закомельскимъ, растерялся и думалъ

уже спасаться бѣгствомъ; наконецъ, отправилъ меня впередъ съ частію войскъ, для открытія переправы; я имѣлъ дѣло съ русскими, которые отступили, остальныя же войска наши переправились безъ потери. Добычи изъ Кабарды Шамиль почти никакой не вывезъ. Въ Кутишахъ съ Шамилемъ меня не было, [1]) я стоялъ партіею въ другой деревнѣ и о бѣгствѣ его узналъ на слѣдующій день. При взятіи русскими Салты, мѣсяцъ и одинъ день находился въ самомъ аулѣ; въ то же время угналъ 70 лошадей казенныхъ. Въ с. Оглы отбилъ табунъ и на обратномъ пути взялъ въ плѣнъ Ахкендскихъ жителей; по тревогѣ русскія войска вышли мнѣ на встрѣчу изъ Ходжалъ-Маховъ и завязали дѣло, въ которомъ я потерялъ до 20 человѣкъ убитыми.

Въ 1848 году, передъ осадою русскими Гергебиля, я былъ боленъ и позже другихъ наибовъ присоединился къ сборамъ. Враги мои, пользуясь тѣмъ, успѣли очернить меня предъ Шамилемъ, увѣривъ его, что я не хочу воевать съ русскими. Досадуя на то, просилъ я отправить меня съ партіею въ сады, когда русскіе станутъ занимать ихъ; онъ согласился и я, занявъ большой оврагъ, завязалъ перестрѣлку съ пришедшими русскими войсками. Дѣло было чрезвычайно жаркое, убитыхъ своихъ 50 человѣкъ я оставилъ при отступленіи брошенными въ садахъ.

При вторженіи Шамиля въ Самурскій округъ съ партіею своею, [2]) я спустился со стороны Ахтинскихъ минеральныхъ водъ и пройдя крѣпость, дошелъ до самыхъ Мискинджей безъ боя. Между тѣмъ русская милиція подошла къ Хозрамъ, куда Шамиль направилъ меня, приказавъ завязать дѣло, что и было исполнено мною Отбивъ у милиціонеровъ много лошадей и нѣсколько плѣнныхъ, я узналъ, что князь Аргутинскій подошелъ къ Самуру; тогда я направился на встрѣчу къ идущему русскому отряду. Въ дѣлѣ подъ Мискинджами русскіе совершенно разбили насъ и когда Даніель-Бекъ съ войскомъ своимъ обратился въ бѣгство, то всѣ мы послѣдовали за нимъ. Убитыхъ на мѣстѣ осталось нашихъ очень много; не говоря о другихъ наибахъ, у Даніель-Бека взято въ плѣнъ до 150 человѣкъ.

Въ 1849 году, желая разграбить лавки, я ночью ворвался въ Темиръ-Ханъ-Шуру, но вскорѣ былъ открытъ русскими и вынужденнымъ нашелся отступить безъ добычи; кромѣ раненыхъ оставилъ въ крѣпости убитыми 12 человѣкъ изъ числа лучшихъ лю-

[1]) Осенью 184[illegible] г. Шамиль былъ тутъ разбитъ отрядомъ кн. Вас. Осипов. Бебутова, потерялъ орудіе, сѣкиру палача и нѣкоторыя вещи и проч.

[2]) Извѣстная блокада укр. Ахты въ 1848 г. А. З.

дей моей партіи. При осадѣ Чоха въ томъ же году, занималъ съ Аварцами гарнизонъ въ крѣпости.

Въ 1850 году хотѣлъ взять въ плѣнъ Хаджи-Агу Илисуйскаго, собралъ партію и направился туда, но онъ, узнавъ о прибытіи моемъ, бѣжалъ; тогда, переправясь чрезъ рѣку Игры (Алазань), я раззорилъ Барабатминскій казачій постъ и потянулся по большой дорогѣ; дойдя до селенія Джалутъ, забралъ плѣнныхъ и возвратился домой въ горы.

Въ 1851 году, на покосахъ близь Дербента, на разсвѣтѣ, отогналъ табунъ [1]), и боясь преслѣдованія, быстро направился къ Озени, куда прибылъ въ тотъ же день вечеромъ. Загородивъ себя бревнами, я расположился тамъ для ночлега, такъ какъ люди и лошади отъ усиленнаго перехода были утомлены; открытый на другой день драгунами и милиціею, я не могъ слѣдовать въ горы и вынужденъ былъ выжидать ночи. Русскіе два раза штурмовали мой завалъ, но были отбиты; на второмъ штурмѣ я былъ раненъ драгунскимъ полковникомъ Золотухинымъ шашкою въ руку, который тутъ же убитъ мною.

Начало смеркаться и пѣхота русская стала подходить къ намъ; тогда, пользуясь темнотою, я приказалъ своимъ бѣжать въ разбродъ, чтобы тѣмъ затруднить преслѣдованіе пѣхоты, и такимъ образомъ я спасся бѣгствомъ, бросивъ до 150 лошадей и много плѣнныхъ.

Съ давнихъ поръ, Шамиль, чувствуя свою старость, предпринимаетъ всѣ мѣры для предоставленія старшему сыну своему наслѣдственной власти въ горахъ. Султанъ Даніель-Бекъ, бѣглый Цудохарецъ Асланъ-Кади, сильные при Шамилѣ, желая повредить мнѣ, увѣрили имама, что для предоставленія наслѣдственной власти сыну своему ему надобно погубить меня, какъ человѣка, который самъ станетъ властвовать послѣ Шамиля; для этой цѣли они посовѣтовали ему отправить меня въ Табасарань. Шамиль согласился на ихъ предложеніе и когда приказывалъ мнѣ собрать партію, то я просилъ отъ 2-хъ до 3-хъ тысячъ войска; онъ отказалъ въ томъ и мнѣ дано было только 500 человѣкъ отборной конницы, съ которыми я выступилъ въ тотъ же вечеръ изъ Араханы и на разсвѣтѣ подошелъ къ Буйнакамъ. Взявъ изъ партіи 50 человѣкъ, я выѣхалъ въ селеніе и направился прямо къ дому Шахъ-Вали, брата Шамхала; ни онъ самъ, ни жители не хотѣли сдаваться, тогда я ввелъ въ деревню всю партію и началось дѣло. Домъ его былъ занятъ, самъ онъ убитъ съ оружіемъ въ рукахъ, жена, трое дѣтей и служители ихъ взяты въ плѣнъ. У меня убили четырехъ человѣкъ и одного наиба. Изъ Буйнакъ я проѣ-

---

[1]) Полковыхъ лошадей Самурскаго пѣх. полка.

халъ владѣніе Джамалъ Бека, который, собравъ конницу, завязалъ со мною дѣло и преслѣдовалъ до вольнаго Кайтаха. По вступленіи моемъ въ Табасарань, бо́льшая часть жителей не оказывала мнѣ сопротивленія, но нѣкоторые беки съ приверженцами своими укрѣпились въ селеніи Хачны и не хотѣли сдаваться. Чтобы вытѣснить ихъ оттуда, я пошелъ къ Хачнамъ и принудилъ ихъ бѣжать, преслѣдуя до самаго почти Дербента. На всемъ этомъ протяженіи жители снабжали провіантомъ какъ тѣхъ, которыхъ я привелъ съ собою, такъ и присоединившихся въ большомъ числѣ къ моей партіи Табасаранцевъ и Кайтахцевъ. Возвратясь изъ преслѣдованія снова въ Табасарань, я остановился въ Хачны, куда вскорѣ пришелъ съ войсками и князь Аргутинскій. Въ продолженіи трехъ дневнаго сильнаго боя [1]) я держался тамъ, но принужденъ былъ, наконецъ, оставить Хачны и скрыться въ лѣсъ, забравъ съ собою и раненыхъ своихъ, убитыхъ же до 60 человѣкъ оставилъ въ селеніи. Табасаранцы разбѣжались отъ меня, а я потянулся въ Чираху; дорогою встрѣтилъ русскій отрядъ и мнѣ предстояло пробиваться чрезъ ряды русскихъ; чтобы избѣгнуть этого, я спустился въ глубокую балку, и партія моя, проскакавъ тутъ, оставила много лошадей и отсталыхъ; во время смятенія жена Шахъ-Вали успѣла соскочить съ лошади и перебѣжать къ русскимъ. Продолжая отступать по направленію въ Цахуру, я былъ встрѣченъ Абу-Муселимомъ Рутульскимъ и преслѣдуемый имъ дошелъ до Охрека; около Чатлуха нагнали меня милиціонеры и русскія войска; но я успѣлъ захватить тутъ нѣсколько жителей и переправился въ свои предѣлы. Шамиль, разбитый, между тѣмъ, на Гамашинскихъ высотахъ генераломъ Грамотинымъ, ушелъ въ Чохъ и оставался тамъ. Онъ принялъ меня ласково и отпустилъ домой.

Пять дней спустя по пріѣздѣ моемъ, явилось ко мнѣ трое изъ мюридовъ и объявили, что Шамиль требуетъ съ меня 2,500 р., дорогую шубу и стамбульское ружье. Все просимое я отдалъ имъ, сверхъ того отправилъ 4 лошади и плѣнныхъ дѣтей Шахъ-Вали. Народъ сталъ увѣрять меня, что я напрасно отдалъ подарки, что вражда Шамиля ко мнѣ тѣмъ не прекратится и рано или поздно онъ убьетъ меня. Подозрѣнія мои усиливались съ каждымъ днемъ и я тайно сталъ принимать мѣры къ защитѣ. Наконецъ, узнавъ отъ жителей, что Шамиль съ войскомъ выступилъ противъ меня, я укрѣпился въ селеніи Батланджѣ. Въ продолженіи цѣлаго мѣсяца

---

[1]) Въ іюлѣ 1851 года. Дѣла эти подробно описаны въ помянутой книгѣ „Двадцать пять лѣтъ на Кавказѣ“. А. З.

я былъ готовъ къ защитѣ, войска же его бродили кругомъ моего селенія съ цѣлію не выпускать меня оттуда. Чтобы положить конецъ моимъ отношеніямъ съ нимъ, я напалъ съ приверженцами своими на мюридовъ Шамиля, прогналъ ихъ и отбилъ нѣсколько лошадей. Духовенство, желая прекратить ссору нашу, начало переговоры. Я требовалъ, чтобы избранный на мое мѣсто наибомъ Табасаранскій Али былъ бы немедленно смѣненъ. Требованіе мое исполнили и назначили на его мѣсто двоюроднаго моего брата. Наконецъ, Шамиль съ войсками возвратился домой. Вскорѣ послѣ ухода его явился ко мнѣ лазутчикъ отъ князя Аргутинскаго, съ порученіемъ передать, что онъ готовъ бы мнѣ подать помощь, но какъ я живу въ центрѣ Дагестана, то съ отрядомъ онъ ко мнѣ придти не можетъ, а потому предлагалъ дать дѣло Шамилю на границѣ русской; если же этого сдѣлать я не могу, то выбѣжать съ семействомъ моимъ въ русскіе предѣлы. Черезъ присланнаго ко мнѣ лазутчика я отвѣтилъ князю Аргутинскому, что не нахожу никакой возможности выбѣжать изъ Дагестана по причинѣ частаго населенія и мостовыхъ карауловъ, но что стану просить позволенія перейти съ семействомъ въ Гехи, (Чечня) откуда мнѣ возможно будетъ выбѣжать въ Чечню. Послѣ ухода лазутчика, я сталъ просить Шамиля о переходѣ, выставивъ причиною, что жена моя чеченка и теща живетъ въ Гехи. Позволенія я не получилъ и съ тѣхъ поръ сталъ изыскивать случай для тайнаго побѣга; чтобъ отвлечь всякое подозрѣніе, я отправилъ въ Гехи часть богатства моего, какъ-то: 3 т. руб., часы, кольца и проч., съ двумя моими мюридами, сказавъ имъ, что я самъ скоро туда пріѣду. Дорогою одинъ изъ посланныхъ измѣнилъ, бѣжалъ и далъ знать Шамилю о моемъ намѣреніи; мюриды, посланные въ погоню, схватили другаго моего человѣка, у котораго были мои вещи, и до-чиста обобрали у него все. Меня же приказано было стеречь по всѣмъ дорогамъ. Окруженный въ Батланджѣ, я перешелъ въ селеніе Обода, но преданные Шамилю Аварцы стали и тутъ караулить меня; жители же деревни, боясь кровопролитія, просили меня избрать себѣ другое убѣжище и тогда я перешелъ въ Цельмесъ; проживъ тамъ нѣкоторое время, узналъ, что Шамиль въ Автурѣ и дѣлаетъ сборы для совѣщанія; съ нѣсколькими своими мюридами я поѣхалъ туда. Ночью подъѣзжая къ самому почти Автуру, мнѣ сказали, чтобы я ни въ какомъ случаѣ не въѣзжалъ въ деревню, ибо Шамиль хочетъ казнить меня. Тогда я направился къ Шали, гдѣ, взявъ проводника, доѣхалъ до Чахъ-Кири (Воздвиженское). Между тѣмъ дали знать Шамилю о намѣреніи моемъ бѣжать къ русскимъ и повсюду разослана была за мною погоня; тогда я рѣшился для ночлега скрыться въ лѣсу. На

слѣдующее утро, не зная, что Шамиль послалъ за мною людей въ Гехи, я отправился туда, чтобы какимъ бы то ни было образомъ вывести изъ Цельмеза семейство мое и тогда уже выдти къ русскимъ. Въѣзжая въ Гехи, я встрѣтился съ двумя мюридами, ищущими меня. Выхвативъ ружья, мы бросились па нихъ и они въ испугѣ объявили, что цѣлая толпа мюридовъ поджидаетъ меня въ деревнѣ для поимки. Видя невозможность оставаться долѣе въ Гехи, я бѣжалъ оттуда и вышелъ на Рошнинскую поляну, гдѣ встрѣтилъ команду солдатъ при офицерѣ; солдаты, думая, что мы нападаемъ на нихъ, дали залпъ по насъ, ранили проводника моего и убили одну лошадь. Съ Рошни я направился по лѣсу, что у Чахъ-Кари. Оттуда послалъ трехъ изъ людей моихъ къ полковнику князю Воронцову (Семену Михайловичу), съ просьбою выслать для слѣдованія моего прикрытіе; князь С. М. Воронцовъ самъ выѣхалъ ко мнѣ съ войскомъ и я прибылъ въ крѣпость Воздвиженскую.

1852 г. М. Т. Лорисъ-Меликовъ.

IV.

Замѣтка изъ Записокъ М. Я. Ольшевскаго.

Хаджи-Муратъ, хунзахскій уроженецъ, младшій братъ Османа, убившаго въ 1834 году втораго имама Гамзатъ-бека изъ мести за убійство, по его приказанію, малолѣтнихъ хановъ аварскихъ,—до 1840 года былъ намъ вполнѣ преданъ и даже считался прапорщикомъ милиціи, но съ этого года онъ дѣлается нашимъ врагомъ. По неудовольствіямъ правителя Аваріи Ахметъ-Хана-Мехтулинскаго, его схватываютъ и, связаннаго подъ конвоемъ, отправляютъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру; но при переходѣ черезъ Арахтау, во время сильной мятели, онъ, во избѣжаніе позора, съ явною опасностью, бросается съ отвѣсной кручи въ пропасть, увлекши съ собою и солдата, ведшаго его связаннаго на веревкѣ. Полуживой, съ переломленной ногой, едва дотащившись до ближайшаго жилья, гдѣ, получивъ необходимую помощь, переѣзжаетъ въ Цельмезъ. Съ помощью приверженцевъ, находившихся въ этомъ аулѣ, онъ бунтуетъ не только цельмесцовъ, но и другіе ближайшіе аулы, такъ что въ началѣ 1841 года нужно было снарядить особую экспедицію, имѣвшую впрочемъ неудачный исходъ. Ободренный успѣхомъ Хаджи-Муратъ продолжаетъ возмущать аварскія селенія и принуждаетъ многія изъ нихъ отложиться. Такія смѣлыя дѣйствія обращаютъ на него вниманіе Шамиля, (бывшаго въ то время имамомъ) который, видя его способности и вліяніе на аварцевъ, назначаетъ его наибомъ Аваріи.

Хаджи-Муратъ является такимъ храбрымъ, предпріимчивымъ и рѣшительнымъ партизаномъ въ Дагестанѣ, какимъ былъ Ахверды-Магома въ Чечнѣ. Имени Хаджи-Мурата боялись и шамхальцы, и мехтулинцы, и джарцы, и кахетинцы. Въ горахъ же между лезгинами, онъ пользовался такою громкою извѣстностью, какой не достигалъ ни одинъ изъ наибовъ, и которая по временамъ даже пугала самаго Шамиля. Эти опасенія кончились тѣмъ, что Хаджи-Муратъ, поссорившись съ своимъ имамомъ, въ 1851 году перешелъ къ намъ и былъ принятъ съ почетомъ княземъ Воронцовымъ. Но, скучая ли отъ бездѣлья, по разскаянію ли, или по другимъ причинамъ, онъ рѣшился опять бѣжать въ горы; однако, не успѣлъ этого исполнить, будучи настигнутъ и убитъ возлѣ Нухи.

М. Я. Ольшевскій.

V.

Портретъ Хаджи-Мурата исполненъ съ современной ему литографіи, изданной, кажется, въ Тифлисѣ и имѣющейся въ обширномъ собраніи портретовъ П. А. Ефремова. Рисунокъ на деревѣ и гравюра исполнены для нашего изданія Г. И. Грачевымъ, молодымъ художникомъ, однимъ изъ учениковъ покойнаго Академика Л. А. Сѣрякова.

По удостовѣренію одного изъ лицъ, весьма близко знавшихъ Хаджи-Мурата, портретъ его, приложенный къ этой книгѣ «Русской Старины», отличается достаточнымъ сходствомъ.

По свидѣтельству того же лица, одного изъ доблестнѣйшихъ вождей Кавказскихъ,—Хаджи-Муратъ былъ одинъ изъ геніальнѣйшихъ, конечно въ своемъ родѣ, самородковъ. «Сказать, что это былъ храбрецъ и удалецъ изъ самыхъ храбрѣйшихъ и удалыхъ горцевъ—значитъ еще ничего не сказать для его характеристики: безстрашіе Хаджи-Мурата было поразительно даже на Кавказѣ. Но его отличіе было не въ этомъ только свойствѣ: онъ былъ вполнѣ необыкновенный вождь кавалеріи, находчивый, предусмотрительный, рѣшительный въ атакѣ, неуловимый въ отступленіи. Довольно сказать, что бывали моменты, когда этотъ витязь—держалъ какъ на сковородѣ столь умныхъ полководцевъ, какими были кн. Аргутинскій-Долгоруковъ и побѣдитель при Краонѣ кн. М. С. Воронцовъ, держалъ этихъ полководцевъ какъ на сковородѣ, т. е. во время борьбы съ нимъ заставлялъ ихъ быть на сторожѣ до чрезвычайности. И не смотря на крайнюю ихъ бдительность, Хаджи-Муратъ пролеталъ между ихъ отрядами, обходилъ засады и, похитивъ, напримѣръ, у нихъ предъ гла-

ХАДЖИ-МУРАТЪ

1851 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» ИЗД. 1881 Г.

РИСОВ. И ГРАВИР. Г. ГРАЧЕВЪ, УЧЕН. СЕРЯКОВА.

ено цензурою. С.-Петербургъ, 11 февраля 1881 г. Экспедиція заготовленія государственныхъ бум

зами ханшу изъ города, уносился, какъ вихрь, по невѣдомымъ тропамъ и адскимъ кручамъ. Словомъ сказать, перенеси этого геніальнаго дикаря всего, каковъ онъ былъ,—въ армію французовъ, либо еще лучше въ армію Мольтке, въ какую хотите европейскую армію, всюду Хаджи-Муратъ явился бы лихимъ командиромъ кавалеріи, и въ челѣ ея во всякой арміи былъ бы совершенно на мѣстѣ.

«Что касается до ухода его отъ насъ опять въ горы, то этотъ побѣгъ, кончившійся геройскою его смертью, былъ вызванъ отнюдь не какими либо колебаніями или вѣроломными замыслами противъ русскихъ, а просто страстною любовью къ своей семьѣ, къ дѣтямъ. Онъ особенно обожалъ своего старшаго сына и не могъ снести тоски по разлукѣ съ дорогими и для этого звѣря существами: съ его женою и дѣтьми. Шамиль, какъ человѣкъ чрезвычайно умный—отлично предусмотрѣлъ привязанность своего противника къ семьѣ, и вотъ когда Хаджи бѣжалъ къ намъ, не успѣвъ захватить съ собою дѣтей и жену, Шамиль немедля подобралъ ихъ къ себѣ, подъ строжайшій надзоръ и на этой уздѣ сталъ держать бѣглеца, то грозя ему, чрезъ подсылаемыхъ къ нему горцевъ, что онъ, Шамиль, выдастъ его жену за другаго, а дѣтей распродастъ въ неволю, то суля ему прощеніе и милости въ случаѣ его возврата въ горы.

«Хаджи-Муратъ не устоялъ въ борьбѣ между ненавистью къ Шамилю, которая заставила его перейти къ намъ и должна бы была удержать въ средѣ нашей, и страстью къ своимъ чадамъ,—и онъ погибъ. Кстати, необходимо замѣтить, что Шамиль, при громадномъ умѣ правителя непокорнаго Кавказа, при отличномъ знаніи всѣхъ свойствъ своихъ подданныхъ дикарей,—никогда однако не славился между ними какъ полководецъ, и дѣйствительно искуснымъ вождемъ на полѣ битвы онъ никогда не былъ; а когда пріобыкъ къ власти, обжился съ нею, то самая опасливость его потерять ее при какой либо неудачѣ въ борьбѣ, заставляла его съ годами все менѣе и менѣе бросаться въ рискованныя предпріятія. Не таковъ былъ Хаджи-Муратъ. Это былъ и воинъ, и вождь по призванію и слава его, какъ доблестнаго предводителя, быстро облетѣла Кавказъ. Происхожденіе его было отъ хановъ Аварскихъ, такъ что и по крови онъ не былъ заурядныгъ горцемъ».

15 февраля 1881 г.

Князь М. С. Воронцовъ.

Въ „Русской Старинѣ" изд. 1881 г. (февраль), въ весьма интересномъ историческомъ очеркѣ „генералъ-фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій", составленномъ генералъ-лейтенантомъ Д. И. Романовскимъ, на стр. 297 вкралась ошибка относительно времени и предмета, о которомъ идетъ рѣчь: о пропавшемъ у князя М. С. Воронцова и отысканномъ много лѣтъ спустя послѣ пропажи биноклѣ. Это былъ не бинокль, а серебрянный компасъ въ видѣ часовъ, съ вырѣзанными на немъ словами: гр. М. С. Воронцовъ, 1804 года.

Не въ экспедиціи князя Циціанова 1805 года, а въ дѣлѣ подъ Закаталами 15 января 1804 г., гдѣ убитъ былъ извѣстный беззавѣтною храбростію генералъ Гуляковъ и гдѣ въ ожесточенномъ рукопашномъ бою, атакованные въ шашки лезгинами, въ лѣсистой мѣстности, часть солдатъ Кабардинскаго полка, наша милиція и казаки, смѣшавшись съ горцами, были сброшены въ кручь; съ толпою ихъ упалъ и бывшій тогда при Гуляковѣ юный поручикъ л.-гвардіи Преображенскаго полка графъ Воронцовъ и при этомъ паденіи потерялъ бывшій при немъ компасъ.

Слишкомъ черезъ тридцать лѣтъ компасъ этотъ былъ найденъ на одномъ убитомъ лезгинѣ и присланъ былъ тогда бывшимъ начальникомъ штаба, нынѣ графомъ П. Е. Коцебу князю Михаилу Семеновичу въ Одессу, въ 1837 г., въ бытность его Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ. Съ того времени покойный князь не разставался съ этимъ компасомъ и постоянно носилъ при себѣ. Всѣ мы, бывшіе близкими къ покойному князю, помнимъ этотъ компасъ, и слышали разсказъ о странной судьбѣ онаго.

— „Суждено же было этому компасу, говаривалъ князь, опять воротиться со мною на Кавказъ черезъ 40 лѣтъ. Онъ напоминаетъ мнѣ мою молодость, Циціанова, Котляревскаго, Гулякова, которые въ походахъ часто справлялись съ моимъ компасомъ".

Къ этой поправкѣ смѣю присовокупить и болѣе серьезное замѣчаніе, а именно, что мысль, соображенія и вытекавшій изъ нихъ планъ Кавказской войны, такъ удачно и блистательно оконченной княземъ А. И. Барятинскимъ, при тѣхъ средствахъ, которыя были ему даны, были обсуждаемы, подготовляемы и внушены ему покойнымъ княземъ Воронцовымъ, которому наступившая Восточная война, его болѣзнь и отъѣздъ изъ края не дали возможности исполнить самому, и я въ 1860 г. слышалъ изъ устъ покойнаго фельдмаршала кн. А. И. Барятинскаго такой высоко характеризующій его отзывъ:

— „Мнѣ досталась жатва Воронцовскаго посѣва".

16 февраля 1881. **И. Ѳ. Золотаревъ.**

ЛАВРЕНТІЙ АВКСЕНТЬЕВИЧЪ СѢРЯКОВЪ.

† 2-го января 1881 г.

I.

На второй день текущаго (1881) года скончался на югѣ Франціи, въ Ниццѣ, отъ продолжительной болѣзни, пользующійся значительною извѣстностью, не только въ Россіи, но и въ Европѣ, нашъ даровитый граверъ на деревѣ академикъ Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ. Еще въ полной силѣ художественнаго таланта, на пятьдесятъ седьмомъ году отъ рожденія, смерть прервала дѣятельность незамѣнимаго въ своемъ родѣ художника.

Кто знакомъ съ замѣчательными трудами Л. А. Сѣрякова, и кто зналъ его какъ человѣка, хотя не лично, но изъ его собственной автобіографіи, напечатанной въ историческомъ журналѣ «Русская Старина» изд. 1875-го года, тотъ искренно пожалѣетъ о преждевременной кончинѣ этого честнаго дѣятеля, исполненнаго тѣми живыми и теплыми стремленіями, которыми бываютъ одушевлены рѣдкія, избранныя натуры. Предоставляя будущему біографу Л. А. Сѣрякова подробно изчислить заслуги его, и оцѣнить эту во всѣхъ отношеніяхъ рѣдкую личность, мы упомянемъ только о послѣднихъ трудахъ художника, за-границей, во время развивавшейся въ немъ болѣзни, сведшей его въ могилу, и о послѣднихъ дняхъ его жизни.

Въ 1876-мъ году, вскорѣ по окончаніи множества рисунковъ, виньетокъ и портретовъ, украсившихъ книгу «Очеркъ исторіи города Павловска» (изд. въ 1877 г.),—рисунковъ, изумительныхъ по тщательности исполненія и по своимъ высоко-художественнымъ достоинствамъ относительно гравернаго искусства, исполненныхъ по заказу Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича, Л. А. Сѣряковъ, по совѣту С. П. Боткина, отправился въ Ниццу, въ сентябрѣ 1876 г.,

поправлять свое здоровье, разстроенное чрезмѣрною и неутомимою дѣятельностью, истощившею его отъ природы крѣпкій организмъ. Зиму 1876—1877 года онъ провелъ въ Ниццѣ, и здоровье его стало значительно поправляться. Въ продолженіи зимы онъ очень акуратно высылалъ въ Петербургъ ежемѣсячныя работы свои, доставляемыя ему М. И. Семевскимъ для журнала «Русская Старина». Но такъ какъ гонораръ за эти работы, довольно впрочемъ значительный, по самому числу портретовъ (одна гравюра въ мѣсяцъ) не могъ вполнѣ возмѣщать необходимыя издержки на леченіе за-границей и на содержаніе семьи, то Л. А. Сѣряковъ, весною 1877 года, рѣшился переселиться въ Парижъ, гдѣ неоднократно были оцѣнены рѣдкія качества его своеобразно-изящнаго рисунка, еще во время участія его въ извѣстномъ изданіи «Magasin Pittoresque», которое онъ обогатилъ во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательными портретами, составившими его извѣстность за-границей. Работы эти, къ сожалѣнію, мало знакомы русскимъ любителямъ искусства. Въ Парижъ вызывалъ его на новую дѣятельность синдикатъ парижскихъ граверовъ, предлагая ему полное матеріальное обезпеченіе и самыя выгодныя условія. Къ несчастію, зима въ Парижѣ стоила дорого Л. А. Сѣрякову, здоровье его вновь разстроилось и онъ едва былъ въ силахъ исполнить нѣсколько портретовъ для изданія, всегда имъ высоко цѣнимаго, «Русской Старины». Въ октябрѣ 1878 года Сѣряковъ принужденъ былъ обратно вернуться въ Ниццу, гдѣ здоровье его хотя не быстро, но стало опять поправляться, такъ что онъ съ большимъ трудомъ, но былъ въ состояніи работать весь 1879-й и часть 1880-го года.

Одною изъ послѣднихъ и самыхъ замѣчательныхъ работъ его, по силѣ и мастерству выполненія, былъ портретъ Государя Императора, приложенный къ февральской книгѣ «Русской Старины» за 1880-й годъ, по случаю юбилея двадцати-пяти-лѣтняго царствованія Его Величества. Трудъ этотъ Л. А. Сѣрякова былъ послѣднею пѣснью лебедя; въ немъ, безъ сомнѣнія, отразились всѣ блестящія и рѣдкія стороны его дарованія.

Уже послѣ, съ величайшимъ трудомъ, утомленный и измученный болѣзнью, онъ награвировалъ, также для «Русской Старины», портретъ Герасима Петровича Павскаго и началъ портретъ историка С. М. Соловьева, который остался неоконченнымъ. Съ октября мѣсяца 1880 г. Сѣряковъ не выходилъ изъ комнаты, и, наконецъ, изнурительная лихорадка окончательно уложила его въ постель. Астматическіе припадки дѣлались все болѣе и болѣе невыносимы; хроническое воспаленіе легкихъ перешло въ скоротечную чахотку. Физическія отъ болѣзни и нравственныя страданія отъ заботы, въ

какомъ безпомощномъ положеніи онъ оставляетъ семью, съ каждымъ днемъ усиливались; и въ этомъ безвыходномъ положеніи ему суждено было встрѣтить новый 1881 годъ въ Ниццѣ, на другой день котораго, въ 10 часовъ вечера, его не стало.

Л. А. Сѣряковъ оставилъ послѣ себя жену и двухъ малолѣтнихъ сыновей, безъ всякихъ средствъ къ существованію, и имя честнаго и даровитаго труженика, которое займетъ себѣ достойное мѣсто среди тѣхъ отечественныхъ именъ, которыми смѣло можетъ гордиться русское современное искусство.

Будемъ надѣяться, что академическое начальство, вмѣстѣ съ Министерствомъ Императорскаго Двора, такъ какъ академикъ Сѣряковъ числился по службѣ въ Императорскомъ Эрмитажѣ, въ качествѣ гравера Его Величества, примутъ участіе въ обезпеченіи семьи художника, пользовавшагося въ Россіи весьма большою извѣстностью.

Н. И. Юрасовъ, художникъ-живописецъ.

3 января 1881 г.
Ницца.

II.

Доктора давно уже предсказывали скорый конецъ жизни Л. А. Сѣрякову. Достаточно было одного взгляда на больнаго, чтобы повѣрить предсказаніямъ врачей. Тяжкая болѣзнь измѣнила его внѣшній видъ до неузнаваемости. Мучительныя пролежни по всему тѣлу заставили докторовъ положить его на каучуковый тюфякъ, наполненный водою; но и это средство не уменьшало его страданій.

Не смотря на то, что мысль о скорой смерти, какъ у большинства чахоточныхъ, была далека отъ сознанія Лаврентія Авксентьевича, тѣмъ не менѣе онъ безъ особенныхъ колебаній склонился на убѣжденія навѣщавшаго его настоятеля русской церкви въ Ниццѣ—исполнить священный долгъ христіанина, и за три недѣли до смерти, съ чувствомъ, глубокою вѣрою и упованіемъ исповѣдался и пріобщился св. Таинъ у себя на дому.

Вслѣдъ за тѣмъ онъ началъ понемногу угасать и приближаться къ концу. Всякія посѣщенія друзей и знакомыхъ были для него уже въ тягость и онъ бо́льшую часть времени проводилъ въ молчаніи, прерываемомъ только удручающимъ сильнымъ кашлемъ, припадки коего всякій разъ особенно усиливались къ 4-мъ часамъ послѣ полудня. Наконецъ, 2 (14) января текущаго года, въ 9-мъ часу вечера,

началась предсмертная агонія, а въ началѣ 10-го часа Лаврентія Авксентьевича уже не стало. Лицо его, до того тревожное и сохранявшее почти постоянно слѣды болѣзненныхъ мукъ, въ моментъ смерти совершенно измѣнилось, сдѣлалось спокойнымъ и безропотнымъ. Печать безропотности такъ и застыла на помертвѣвшихъ чертахъ его выразительнаго лица....

На другой день, въ субботу, въ 1 ч. по полудни была первая панихида, собравшая всѣхъ тѣхъ немногихъ друзей почившаго, которыхъ онъ зналъ въ Ниццѣ; а въ 5 часовъ вечера того же дня, послѣ панихиды, происходилъ выносъ тѣла изъ квартиры покойнаго въ склепъ при православной церкви.

Погребеніе назначено было на 5 (17) января въ понедѣльникъ. Въ этотъ день, утромъ рано, тѣло было перенесено изъ склепа въ благолѣпный и изящный русскій храмъ въ Ниццѣ—и поставлено на катафалкъ, красиво окаймленный огромной гирляндою душистыхъ розъ [1]) и обставленный свѣчами въ большихъ серебрянныхъ подсвѣчникахъ. Гробъ накрыли богатымъ парчевымъ покровомъ, на коемъ прикрѣплено было пять свѣжихъ лавровыхъ вѣнковъ. Катафалкъ со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ лавровыми деревьями, такъ что самый гробъ казался утопавшимъ въ зелени. По краямъ гроба поставили два небольшихъ, покрытыхъ трауромъ столика съ красными бархатными подушками: на каждую изъ такихъ подушекъ возложено было по одному свѣжему лавровому вѣнку. Три большихъ люстры заблистали огнями и ровно въ 10 часовъ утра, при немаломъ числѣ молящихся, началась величественная литургія св. Василія Великаго (по случаю кануна Крещенія Господня). Хоръ церковныхъ пѣвчихъ, своимъ стройнымъ, осмысленнымъ и глубоко музыкальнымъ исполненіемъ религіозныхъ піэсъ, на этотъ разъ, какъ и всегда, былъ безукоризненъ. Особенно хорошо и вмѣстѣ трогательно исполнено было отпѣваніе, послѣдовавшее сряду по окончаніи литургіи. Во время отпѣванія, вслѣдъ за прочтеніемъ евангелія, сказана была надгробная рѣчь настоятелемъ церкви отцомъ С. В. Протопоповымъ, который послѣдніе два съ половиною года лично былъ знакомъ съ Л. А. Сѣряковымъ, а потому, конечно, самъ непосредственно могъ убѣдиться въ высокихъ достоинствахъ сердца почившаго художника. Помѣщаемъ здѣсь эту рѣчь, доставленную, по просьбѣ редакціи, самимъ авторомъ.

---

[1]) Гирлянда была прислана отъ В. Н. фонъ-Дервизъ.

III.

„Рабе благій и вѣрный! О малѣ былъ еси вѣренъ, надъ многими тя поставлю: вниди въ радость Господа твоего“. [Матѳ. XXV. 21].

«Русская жизнь такъ сложилась, что не представляетъ благопріятныхъ условій для развитія въ ней таланта. Скорѣе въ ней, какъ бы намѣренно, все ведетъ къ тому, чтобы погубить или, по крайней мѣрѣ, заглушить всякое свѣтлое проявленіе, всякую искру самобытности.

«Тѣмъ выше и привлекательнѣе становится русскій геній, когда онъ, обладая желѣзною силою воли и могучею энергіею, не смотря на всѣ житейскія препятствія, преодолѣваетъ ихъ, пробиваетъ себѣ дорогу и достигаетъ славы. И если эта слава не всегда велика по лаврамъ, за то всегда удивительно высока по духу. Она чужда матеріальнаго расчета, она не бьетъ на мишурный эффектъ и дешевую популярность, она находитъ отзывъ только въ сердцахъ настоящихъ цѣнителей.

«Таковъ русскій самородный геній, таково русское истинное искусство. Носители его, въ большинствѣ случаевъ, всю жизнь борятся съ нуждою, мало видятъ радостей и умираютъ въ бѣдности.

«Предъ нами, благочестивые слушатели, во гробѣ представитель самороднаго русскаго генія, талантливый художникъ-граверъ на деревѣ, первый получившій званіе академика въ области граверняго на деревѣ искуства. Безъ сомнѣнія, не намъ судить о значеніи произведеній его рѣзца: довольно знать, что Европа, въ лицѣ парижскихъ членовъ Academie des beaux arts, признала его первокласснымъ граверомъ, что̀ понудило и нашу академію художествъ принять его въ число своихъ сочленовъ. Наши интеллигентные люди вообще имѣютъ привычку пѣть только съ чужаго голоса и къ намъ, русскимъ, особенно приложимо евангельское изрѣченіе: «нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ».

«Какъ бы то ни было, но почившему Л. А. Сѣрякову только около 30-ти лѣтняго возраста удалось выказать свой талантъ. До того времени онъ прошелъ ужасную школу жизни, о которой не разъ впослѣдствіи съ содроганіемъ вспоминалъ, непритворно удивляясь неисповѣдимымъ путямъ промысла Божія. И въ самомъ дѣлѣ, было чему удивляться, если припомнить, что Л. А.—сынъ крестьянина-солдата, потомъ питомецъ баталіона военныхъ кантонистовъ и рядовой фронтовой солдатъ, затѣмъ пѣвчій, флейтистъ въ солдатскомъ хорѣ музы-

кантовъ, фельдфебель и учитель кантонистовъ, далѣе военный писарь и топографъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи—сдѣлался, въ концѣ концовъ, силою своего могучаго таланта, первоклассныхъ русскимъ художникомъ и европейскою художественною знаменитостію.

«Но прежде, чѣмъ достигнуть извѣстности, сколько нужно было ему перенести борьбы, страданій, хотя бы для того только, чтобы выйти изъ податнаго состоянія и такимъ образомъ добившись, въ званіи свободнаго художника, человѣческаго съ собою обращенія со стороны другихъ, избавиться отъ постояннаго страха тѣлеснаго наказанія и вмѣстѣ получить право свободно слѣдовать влеченію своего таланта.

«Да, жизнь такого труженика, какъ Л. А. Сѣряковъ, въ высшей степени поучительна для нашего общества. Но здѣсь не время и не мѣсто излагать его біографическія черты. Кому не пришлось лично выслушать его безхитростный разсказъ, тотъ можетъ съ пользою для себя прочесть его автобіографическія воспоминанія въ «Русской Старинѣ» за 1875-й годъ Для нашего нравственнаго назиданія важны не подробности его житейской обстановки и дѣятельности, а тотъ высокій духъ терпѣнія, соединеннаго съ незлобіемъ и удивительнаго смиренія, чѣмъ характеризуется почившій труженикъ искуства. А это чисто христіанская черта его характера,—черта, которой, къ сожалѣнію, часто намъ не достаетъ, какъ въ нашей обыденной жизни, такъ и въ подвигахъ нашего спасенія.

«Въ самомъ дѣлѣ, отчего въ нашемъ обществѣ такъ много неудачниковъ, разочарованныхъ, а потому бездѣльныхъ и безцѣльныхъ людей? Отъ того, что въ насъ мало христіанскаго терпѣнія и много излишней гордости. Неудачники обыкновенно говорятъ: «насъ среда заѣла». А развѣ среда, въ которой пришлось жить Л. А. Сѣрякову, была благопріятна? Однако эта среда не заѣла же его таланта, и въ немъ довольно было терпѣнія, устойчивости и энергіи, чтобы преодолѣть житейскія невзгоды. Часто приходится и такія рѣчи слышать среди насъ: «О, я далеко бы ушелъ, да меня не поняли, не оцѣнили, и вотъ я и бросилъ все и теперь обрѣтаюсь въ ничтожествѣ!» Но я опять скажу такому горделивцу непризнанному:» а развѣ Л. А. Сѣрякова, даже при его несомнѣнномъ талантѣ, многіе понимали и цѣнили? Сама академія, присяжная цѣнительница искуства, и та два раза отказывалась признать его въ званіи академика, и однако онъ не унывалъ, не разочаровывался, а покорялся, смирялся, продолжая работать неустанно и идти впередъ.

«Вотъ эти-то два качества Лаврентія Авксентьевича: терпѣніе и

смиреніе и создали изъ него великій характеръ, предъ которымъ невольно преклонялись всѣ знавшіе почившго. И такой характеръ не его только личный характеръ: это характеръ нашего русскаго народа, изъ среды котораго вышелъ Сѣряковъ, народа нетронутаго, неиспорченнаго чуждыми ему вѣяніями, народа, у котораго религіозное чувство не пустое слово, а сама жизнь. Я никогда не забуду то впечатлѣніе искренности, съ какою Лаврентій Авксентьевичъ—этотъ истинный сынъ своего народа,—приступая послѣдній разъ въ жизни къ св. чашѣ, сказалъ мнѣ на смертномъ одрѣ: «Я всегда любилъ и люблю моего Бога, и никто и ничто не вырветъ изъ меня этой любви!» Въ этихъ простыхъ, но вылившихся изъ глубины вѣрующаго сердца, словахъ его мнѣ слышался какъ бы голосъ всего русскаго народа, который тоже сильно и искренно любитъ своего Создателя, терпитъ и выноситъ многое въ своей злострадальной жизни, смиряется подъ крѣпкую руку Всевышняго, и хотя медленно, но твердо идетъ по пути своего нравственнаго и политическаго развитія къ цѣли своего историческаго призванія.

«Не будемъ же и мы—представители русской интеллигенціи—отрываться отъ народной почвы, отъ присущаго народу религіознаго чувства, не будемъ увлекаться всякимъ вѣтромъ ученія и всякому духу вѣрить, не испытывая, по апостолу, отъ Бога ли они (I Іоан. IV, 1). Поменьше такихъ ложныхъ увлеченій, противныхъ Евангелію и русскому природному смыслу, побольше терпѣнія, смиренія и любви, и вы увидите, братія, какъ мало по малу, уменьшится среди насъ число разочарованныхъ, неудачниковъ и непризнанныхъ. Станемъ лучше, подобно почившему нашему собрату во Христѣ, терпѣливо и смиренно стремиться къ истинѣ, добру и свѣту, да сынове свѣта будемъ (Іоан. XII, 26).

«А теперь помолимся отъ всего сердца, чтобы Господъ Богъ, простивъ рабу своему Лаврентію прегрѣшенія его вольныя и невольныя, вселилъ духъ его во странѣ праведныхъ. Крѣпко вѣруемъ, что тамъ онъ уже не встрѣтитъ своихъ прежнихъ болѣзней, печалей и воздыханій. Онъ былъ добрый и вѣрный рабъ Христовъ. Пусть же теперь внидетъ въ радость Господа своего. Аминь».

По окончаніи церковной службы и послѣдняго цѣлованія умершаго, гробъ его былъ вынесенъ изъ храма и поставленъ на печальную колесницу, сплошь убранную лавровами вѣнками. Медленно по-

везли гробъ на мѣсто послѣдняго упокоенія—русское православное кладбище, [1]) гдѣ послѣ обычной религіозной церемоніи и преданы были землѣ бренные останки одного изъ немногихъ талантливыхъ самородковъ русской земли.

Ницца.

Одинъ изъ почитателей.

---

[1]) Оно находится приблизительно въ 3-хъ верстахъ разстоянія отъ Ниццы. Должно вообще засвидѣтельствовать, что русская колонія въ Ниццѣ, какъ пишутъ намъ оттуда, воздала полную честь праху знаменитаго своего соотечественника. Такъ, между прочимъ, церковный совѣтъ православнаго храма, согласно предложенію достойнѣйшаго настоятеля этой церкви от. С. В. Протопопова, отказался отъ взиманія со вдовы покойнаго платы за могилу—400 франковъ, освѣщеніе и проч.—200 франковъ, помимо всякаго консульскаго удостовѣренія о бѣдности семейства Сѣрякова, какъ того требуетъ установленный порядокъ, (церковь въ Ниццѣ, безъ всякихъ субсидій, содержится исключительно на свои доходныя статьи). Эта дань уваженія къ почившему выражена въ спеціальномъ протоколѣ Совѣта, выписка изъ коего была послана вдовѣ Сѣрякова для свѣдѣнія. Церковному Совѣту представилось, и вполнѣ основательно, неприличнымъ допустить внесеніе въ него консуломъ свидѣтельства о бѣдности почившаго, дабы тѣмъ не приравнять великаго художника къ обыкновеннымъ русскимъ бѣднякамъ, умирающимъ иногда въ Ниццѣ, которыхъ безплатно хоронятъ по консульскому удостовѣренію; а потому, въ предупрежденіе подобнаго совпаденія, от. С. В. Протопоповъ, какъ предсѣдатель Совѣта, поспѣшилъ собрать членовъ, которые и составили вышеупомянутый протоколъ о безвозмездномъ погребеніи Сѣрякова безъ всякаго консульскаго удостовѣренія. Ред.

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

† 28-го января 1881 г.

Газеты и журналы въ концѣ января и въ началѣ февраля 1881 г. представили множество статей, выражавшихъ то чувство скорби, которое охватило всѣмъ русскимъ обществомъ при нежданной и роковой утратѣ, понесенной Россіей въ лицѣ даровитаго писателя и глубокаго мыслителя Ѳ. М. Достоевскаго. Всѣ эти статьи заключаютъ въ себѣ много драгоцѣнныхъ матеріаловъ къ характеристикѣ и личности, и литературной дѣятельности покойнаго.

Представляя въ этой же книгѣ „Русской Старины" начало „Воспоминаній о Ѳ. М. Достоевскомъ" одного изъ ближайшихъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, друзей его, мы въ настоящей же книгѣ помѣщаемъ сдѣланное нами, въ званіи гласнаго, предложеніе С.-Петербургской Думѣ по поводу вѣсти о кончинѣ талантливаго нашего писателя. Ред.

30-го января 1881 г. въ засѣданіи С.-Петербургской городской Думы, по прочтеніи журнала предъидущаго засѣданія, Городской Голова предоставилъ слово гласному М. И. Семевскому, который сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

„Гг. гласные! Кончина одного изъ даровитѣйшихъ отечественныхъ писателей, Ѳедора Михайловича Достоевскаго, отозвалась глубокою скорбью въ сердцахъ всѣхъ русскихъ людей, понимающихъ значеніе тѣхъ громадныхъ заслугъ, какія онъ оказалъ на поприщѣ русской словесности.

„Утрата, понесенная всею Россіей, должна быть особенно тяжка и близка намъ, жителямъ Петербурга.

„Здѣсь, въ Петербургѣ, Достоевскій получилъ образованіе; здѣсь, въ 1846 году, явились его первыя произведенія; здѣсь, въ теченіи многихъ лѣтъ, онъ неустанно обогащалъ отечественную словесность произведеніями, которыя составляютъ дорогой въ нее вкладъ,—произведеніями, обезсмертившими его имя.

„Высокохудожественными его сочиненіями восхищаемся мы, его современники; ихъ будутъ изучать наши дѣти, наши внуки—

словомъ, рядъ грядущихъ поколѣній, доколѣ дòроги будутъ на Руси произведенія русской мысли, русскаго слова.

„Гг. гласные! Мы живемъ въ такое время, когда въ нашемъ отечествѣ начинаютъ, наконецъ, отдавать подобающую честь талантамъ на поприщѣ отечественной словесности. Еще недавно представители Петербурга присутствовали на торжествѣ, содѣлавшемся многознаменательнымъ историческимъ событіемъ, на торжествѣ открытія памятника безсмертному поэту нашему, Александру Сергѣевичу Пушкину.

„Нынѣ идетъ въ обществѣ подписка на сооруженіе памятниковъ другимъ отечественнымъ писателямъ, занимающимъ почетное мѣсто въ исторіи отечественной словесности—я говорю о Гоголѣ и Лермонтовѣ, и, надо надѣяться, что близко время, когда мы увидимъ памятники, во славу именъ ихъ и сочиненій сооруженные.

„Выразимъ же наше соболѣзнованіе къ глубокоприскорбному событію, неожиданно поразившему всѣхъ насъ,—къ кончинѣ Ѳедора Михайловича Достоевскаго, и, въ виду его свѣжей могилы, въ виду праха замѣчательнаго таланта-труженика и глубокаго мыслителя, выразимъ наше сочувствіе и уваженіе къ памяти почившаго.

„Я предлагаю: отправить на гробъ покойнаго Ѳ. М. Достоевскаго вѣнокъ „отъ города Петербурга“ и просить г. городскаго голову, вмѣстѣ съ нѣсколькими гласными, въ качествѣ представителей петербургскаго городскаго общества, присутствовать на церемоніи погребенія Ѳедора Михайловича Достоевскаго“.

Предложеніе гласнаго М. И. Семевскаго было единогласно, безъ преній, принято С.-Петербургскою Думою.

Въ собраніи С.-Петербургской Думы 4-го февраля 1881 г. гласный В. А. Ратьковъ-Рожновъ внесъ предложеніе объ увѣковѣченіи памяти о Ѳ. М. Достоевскомъ учрежденіемъ отъ общественнаго управленія города С.-Петербурга или стипендіи въ С.-Петербургскомъ университетѣ, или начальной школы, съ присвоеніемъ какъ стипендіи, такъ и школѣ наименованія: „въ память Ѳ. М. Достоевскаго“.

Предложеніе это, поддержанное гласнымъ М. И. Семевскимъ,—было сочувственно принято С.-Петербургскою Думою, и 11-го февраля, по всестороннемъ обсужденіи, постановлено Думою: „основать въ С.-Петербургѣ городское училище имени Ѳ. М. Достоевскаго“.

ѲЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ.

(КЪ ЕГО БІОГРАФІИ).

† 28 января 1881 г.

I.

Кончина Ѳ. М. Достоевскаго вызвала явленія, какихъ не бывало до сихъ поръ въ нашемъ обществѣ. Еще при слухахъ о внезапной болѣзни его, люди совсѣмъ незнакомые съ участіемъ освѣдомлялись о его здоровьѣ, а когда сдѣлалось извѣстнымъ, что его не стало, въ скромное помѣщеніе умершаго съ утра до поздней ночи сходились толпы поклониться его праху. Тутъ были государственные сановники, литераторы, артисты, учащаяся молодежь и женщины изъ разныхъ слоевъ столичнаго общества. Вѣсть о томъ, что Государь Императоръ пожаловалъ пенсію вдовѣ и обезпечилъ воспитаніе дѣтей покойнаго вызвала общую признательность.

Мы переживали знаменательное событіе. На выносъ тѣла Достоевскаго стеклись десятки тысячъ народа: его провожали съ вѣнками представители разныхъ корпорацій, ученыхъ и учебныхъ заведеній, депутаціи отъ городскихъ обществъ обѣихъ столицъ. Еще больше выразилось сочувствіе къ покойному на другой день, при самомъ погребеніи, въ храмѣ и на могилѣ, въ Александро-Невской лаврѣ. Его хоронили не родные, не друзья—его хоронило русское общество. И всѣ эти оваціи не были придуманы какимъ-нибудь кружкомъ, а сложились подъ вліяніемъ одного общаго чувства утраты, съ одной общей мыслью почтить любимаго писателя и гражданина. Ѳ. М. Достоевскій создалъ себѣ въ нашей литературѣ исключительное, самостоятельное положеніе: онъ не стоялъ въ рядахъ какой-нибудь партіи или школы; это былъ представитель всего русскаго общества, всецѣло проникнутый его интересами, одушевленный вѣрою въ моло-

дыя русскія силы, полный сочувствія ко всему неправоуниженному и оскорбленному и никогда не терявшій надежды на будущую великую роль горячо любимаго имъ народа. Вотъ почему Достоевскій, болѣе чѣмъ кто другой изъ нашихъ талантливыхъ писателей, былъ дѣятель общественный и почему утрата его стала утратою народною и отозвалась во всей Россіи.

Полное опредѣленіе его жизни и литературной дѣятельности въ настоящее время едва-ли возможно: мы еще слишкомъ близко стоимъ у его осыпанной цвѣтами могилы. Но теперь на всѣхъ близкихъ къ покойному людяхъ лежитъ обязанность сохранить для общества свои воспоминанія, всѣ тѣ подробности, которыя впослѣдствіи могутъ служить для характеристики личности этого необыкновеннаго человѣка. Въ большинствѣ нашей публики понятія о Достоевскомъ очень поверхностны: знаютъ, что онъ воспитывался въ Инженерномъ училищѣ, недолго былъ на службѣ, выступилъ на литературное поприще романомъ «Бѣдные Люди»; по дѣлу Петрашевскаго былъ сосланъ въ Сибирь, а по возвращеніи оттуда, въ началѣ настоящаго царствованія, цѣлымъ рядомъ замѣчательныхъ сочиненій сталъ въ первомъ ряду лучшихъ современныхъ писателей.

Болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее знакомство съ покойнымъ, прерванное только годами его ссылки, даетъ мнѣ возможность сообщить о немъ нѣкоторыя подробности, нелишенныя, какъ полагаю, интереса для нашего общества и нелишнія для будущей полной біографіи его.

Познакомился я съ Ѳ. М. Достоевскимъ зимою 1848 года. Это было тяжелое время для тогдашней образованной молодежи. Съ первыхъ дней парижской февральской революціи самыя неожиданныя событія смѣнялись въ Европѣ одни другими. Небывалыя реформы Пія IX отзывались возстаніями въ Миланѣ, Венеціи, Неаполѣ; взрывъ свободныхъ идей въ Германіи вызвалъ революціи въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Казалось, готовится какое-то общее перерожденіе всего европейскаго міра. Гнилыя основы старой реакціи падали, и новая жизнь зачиналась во всей Европѣ. Но въ то же самое время въ Россіи господствовалъ тяжелый застой, наука и печать все болѣе и болѣе стѣснялись, и придавленная общественная жизнь ничѣмъ не проявляла своей дѣятельности. Изъ-за границы проникала контрабанднымъ путемъ масса либеральныхъ сочиненій, какъ ученыхъ, такъ и чисто-литературныхъ; во французскихъ и нѣмецкихъ газетахъ, не смотря на ихъ кастрированье, безпрестанно проходили возбудительныя рѣчи и статьи; а между тѣмъ у насъ, больше чѣмъ когда-нибудь, стѣсня-

лась научная и литературная дѣятельность, и цензура заразилась самой острой книгобоязнью. Понятно, какъ все это дѣйствовало раздражительно на молодыхъ людей, которые съ одной стороны изъ проникающихъ изъ-за границы книгъ знакомились не только съ либеральными идеями, но и съ самыми крайними программами соціализма, а съ другой—видѣли у насъ преслѣдованіе всякой мало-мальски свободной мысли, читали жгучія рѣчи, произносимыя во французской палатѣ, на франкфуртскомъ съѣздѣ, и въ то же время понимали, что легко можно пострадать за какое-нибудь недозволенное сочиненіе, даже за неосторожное слово. Чуть не каждая заграничная почта приносила извѣстіе о новыхъ правахъ, даруемыхъ волей или неволей народамъ, а между тѣмъ въ русскомъ обществѣ ходили только слухи о новыхъ ограниченіяхъ и стѣсненіяхъ. Кто помнитъ то время, тотъ знаетъ, какъ все это отзывалось на умахъ интеллигентной молодежи.

И вотъ въ Петербургѣ начали мало по малу образоваться небольшіе кружки близкихъ по образу мыслей молодыхъ людей, недавно покинувшихъ высшія учебныя заведенія, сначала съ единственной цѣлью сойтись въ пріятельскомъ домѣ, подѣлиться новостями и слухами, обмѣняться идеями, поговорить свободно, не опасаясь посторонняго нескромнаго уха и языка. Въ такихъ пріятельскихъ кружкахъ завязывались новыя знакомства, закрѣплялись дружескія связи. Чаще всего бывалъ я на еженедѣльныхъ вечерахъ у тогдашняго моего сослуживца по дворянскому полку, Иринарха Ивановича Введенскаго, извѣстнаго переводчика Диккенса. Обычными посѣтителями тамъ были В. В. Дерикеръ—литераторъ и впослѣдствіи докторъ-гомеопатъ, Н. Г. Чернышевскій и Г. Е. Благосвѣтловъ, тогда еще студенты, и преподаватель русской словесности въ одной изъ столичныхъ гимназій, а потомъ помощникъ инспектора классовъ въ Смольномъ монастырѣ, А. М. Печкинъ. На вечерахъ говорили большею частію о литературѣ и европейскихъ событіяхъ. Тѣже молодые люди бывали и у меня.

Однажды Печкинъ пришелъ ко мнѣ утромъ и между прочимъ спросилъ, не хочу-ли я познакомиться съ молодымъ начинающимъ поэтомъ А. Н. Плещеевымъ. Передъ тѣмъ я только-что прочелъ небольшую книжку его стихотвореній, и мнѣ понравилось въ ней съ одной стороны неподдѣльное чувство и простодушіе, а съ другой свѣжесть и юношеская пылкость мысли. Особенно обратили наше вниманіе небольшія пьесы: «Поэту» и «Впередъ». И могли-ли, по тогдашнему настроенію молодежи, не увлекать такія строфы, какъ напримѣръ:

Впередъ! безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святаго искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я.
Смѣлѣй! дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и ростетъ!

Разумѣется, я отвѣчалъ Печкину, что очень радъ познакомиться съ молодымъ поэтомъ. И мы скоро сошлись. Плещеевъ сталъ ѣздить ко мнѣ, а черезъ нѣсколько времени пригласилъ къ себѣ на пріятельскій вечеръ, говоря, что я найду у него нѣсколько хорошихъ людей, съ которыми ему хочется меня познакомить.

И дѣйствительно, я сошелся на этомъ вечерѣ съ людьми, о которыхъ память навсегда останется для меня дорогою. Въ числѣ другихъ тутъ были: Порфирій Ивановичъ Ламанскій, Сергѣй Ѳедоровичъ Дуровъ, гвардейскіе офицеры Николай Александровичъ Монбелли и Александръ Ивановичъ Пальмъ, и братья Достоевскіе, Михаилъ Михайловичъ и Ѳедоръ Михайловичъ. Вся эта молодежь была мнѣ очень симпатична. Особенно сошелся я съ Достоевскими и Монбелли. Послѣдній жилъ тогда въ Московскихъ казармахъ, и у него тоже сходился кружокъ молодыхъ людей. Тамъ я встрѣтилъ еще нѣсколько новыхъ лицъ и узналъ, что въ Петербургѣ есть болѣе обширный кружокъ М. В. Буташевича-Петрашевскаго, гдѣ на довольно многолюдныхъ сходкахъ читаются рѣчи политическаго и соціальнаго характера. Не помню, кто именно предложилъ мнѣ познакомиться съ этимъ домомъ, но я отклонилъ это, не изъ опасенія или равнодушія, а оттого, что самъ Петрашевскій, съ которымъ я не задолго передъ тѣмъ встрѣтился, показался мнѣ не очень симпатичнымъ по рѣзкой парадоксальности его взглядовъ и холодности ко всему русскому.

Иначе отнесся я къ предложенію сблизиться съ небольшимъ кружкомъ С. Ѳ. Дурова, который состоялъ, какъ узналъ я, изъ людей посѣщавшихъ Петрашевскаго, но не вполнѣ согласныхъ съ его мнѣніями. Это была кучка молодежи болѣе умѣренной. Дуровъ жилъ тогда вмѣстѣ съ Пальмомъ и Алексѣемъ Дмитріевичемъ Щелковымъ на Гороховой улицѣ, за Семеновскимъ мостомъ. Въ небольшой квартирѣ ихъ собирался уже нѣсколько времени организованный кружокъ молодыхъ военныхъ и статскихъ, и такъ какъ хозяева были люди небогатые, а между тѣмъ гости сходились каждую недѣлю и засиживались обыкновенно часовъ до трехъ ночи, то всѣми дѣлался ежемѣсячный взносъ на чай и ужинъ и на оплату взятаго на про-

кать рояля. Собирались обыкновенно по пятницамъ. Я вошелъ въ этотъ кружокъ середи зимы и посѣщалъ его регулярно до самаго прекращенія вечеровъ послѣ ареста Петрашевскаго и посѣщавшихъ его лицъ. Здѣсь, кромѣ тѣхъ, съ кѣмъ я познакомился у Плещеева и Монбелли, постоянно бывали Николай Александровичъ Спѣшневъ и Павелъ Николаевичъ Филиповъ, оба люди очень образованные и милые.

О собраніяхъ Петрашевскаго я знаю только по слухамъ. Что же касается кружка Дурова, который я посѣщалъ постоянно и считалъ какъ-бы своей дружеской семьей, то могу сказать положительно, что въ немъ не было никакихъ чисто-революціонныхъ замысловъ, и сходки эти, не имѣвшія не только писаннаго устава, но и никакой опредѣленной программы, ни въ какомъ случаѣ нельзя было назвать тайнымъ обществомъ. Въ кружкѣ получались только и передавались другъ другу недозволенныя въ тогдашнее время книги революціоннаго и соціальнаго содержанія, да разговоры бо̀льшею частію обращались на вопросы, которые не могли тогда обсуждаться открыто. Больше всего занималъ насъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, и на вечерахъ постоянно разсуждали о томъ, какими путями и когда можетъ онъ разрѣшиться. Иные высказывали мнѣніе, что въ виду реакціи, вызванной у насъ революціями въ Европѣ, правительство едва-ли приступитъ къ рѣшенію этого дѣла, и скорѣе слѣдуетъ ожидать движенія снизу, чѣмъ сверху. Другіе, напротивъ, говорили, что народъ нашъ не пойдетъ по слѣдамъ европейскихъ революціонеровъ, а не вѣруя въ новую пугачевщину, будетъ терпѣливо ждать рѣшенія своей судьбы отъ верховной власти. Въ этомъ смыслѣ съ особенной настойчивостью высказывался Ѳ. М. Достоевскій. Я помню, какъ однажды, съ обычной своей энергіей, онъ читалъ стихотвореніе Пушкина «Уединеніе». Какъ теперь слышу восторженный голосъ, какимъ онъ прочелъ заключительный куплетъ:

Увижу-ль, о друзья, народъ неугнетенный
И рабство падшее по манію царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?

Когда при этомъ кто-то выразилъ сомнѣніе въ возможности освобожденія крестьянъ легальнымъ путемъ, Ѳ. М. Достоевскій рѣзко возразилъ, что ни въ какой иной путь онъ не вѣритъ.

Другой предметъ, на который также часто обращались бесѣды въ нашемъ кружкѣ—была тогдашняя цензура. Нужно вспомнить, до какихъ крайностей доходили въ то время цензурныя стѣсненія, какіе ходили въ обществѣ разсказы по этому предмету и какъ умуд-

рялись тогда писатели провести какую-нибудь смѣлую мысль подъ вуалемъ цѣломудренной скромности, чтобы представить, въ какомъ смыслѣ высказывалась въ нашемъ кружкѣ молодежь, горячо любившая литературу. Это тѣмъ понятнѣе, что между нами были не только начинавшіе литераторы, но и такіе, которые обратили уже на себя вниманіе публики; а романъ Ѳ. М. Достоевскаго «Бѣдные Люди» обѣщалъ уже въ авторѣ крупный талантъ. Разумѣется, вопросъ объ отмѣнѣ цензуры не находилъ у насъ ни одного противника.

Толки о литературѣ происходили большею частію по поводу какихъ-нибудь замѣчательныхъ статей въ тогдашнихъ журналахъ, и особенно такихъ, которыя соотвѣтствовали направленію кружка. Но разговоръ обращался и на старыхъ писателей, при чемъ высказывались мнѣнія рѣзкія и иногда довольно одностороннія и несправедливыя. Однажды, я помню, рѣчь зашла о Державинѣ, и кто-то заявилъ, что видитъ въ немъ скорѣе напыщеннаго ритора и низкопоклоннаго панегириста, чѣмъ великаго поэта, какимъ величали его современники и школьные педанты. При этомъ Ѳ. М. Достоевскій вскочилъ, какъ ужаленный, и закричалъ:

— Какъ? да развѣ у Державина не было поэтическихъ, вдохновенныхъ порывовъ? Вотъ это развѣ не высокая поэзія?

И онъ прочелъ на память стихотвореніе «Властителямъ и Судіямъ» съ такою силою, съ такимъ восторженнымъ чувствомъ, что всѣхъ увлекъ своей декламаціей и безъ всякихъ комментарій поднялъ въ общемъ мнѣніи пѣвца Фелицы. Въ другой разъ читалъ онъ нѣсколько стихотвореній Пушкина и Виктора Гюго, сходныхъ по основной мысли или картинамъ, и при этомъ мастерски доказывалъ, насколько нашъ поэтъ выше, какъ художникъ.

Въ Дуровскомъ кружкѣ было нѣсколько жаркихъ соціалистовъ. Увлекаясь гуманными утопіями европейскихъ реформаторовъ, они видѣли въ ихъ ученіи начало новой религіи, долженствующей будто-бы пересоздать человѣчество и устроить общество на новыхъ соціальныхъ началахъ. Все, что являлось новаго по этому предмету во французской литературѣ, постоянно получалось, распространялось и обсуживалось на нашихъ сходкахъ. Толки о Нью-Ланаркѣ Роберта Оуэна и объ Икаріи Кабэ, а въ особенности о фаланстерѣ Фурье и теоріи прогрессивнаго налога Прудона занимали иногда значительную часть вечера. Всѣ мы изучали этихъ соціалистовъ, но далеко не всѣ вѣрили въ возможность практическаго осуществленія ихъ плановъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ Ѳ. М. Достоевскій. Онъ читалъ соціальныхъ писателей, но относился къ нимъ критически. Соглашаясь, что въ основѣ ихъ ученій была цѣль благородная, онъ однакожъ считалъ

ихъ только честными фантазерами. Въ особенности настаивалъ онъ на томъ, что всѣ эти теоріи для насъ не имѣютъ никакого значенія, что мы должны искать источниковъ для развитія русскаго общества не въ ученіяхъ западныхъ соціалистовъ, а въ жизни и вѣковомъ историческомъ строѣ нашего народа, гдѣ въ общинѣ, артели и круговой порукѣ давно уже существуютъ основы, болѣе прочныя и нормальныя, чѣмъ всѣ мечтанія Сенъ-Симона и его школы. Онъ говорилъ, что жизнь въ икарійской коммунѣ или фаланстерѣ представляется ему ужаснѣе и противнѣе всякой каторги. Конечно, наши упорные проповѣдники соціализма не соглашались съ нимъ.

Не меньше занимали насъ бесѣды о тогдашнихъ законодательныхъ и административныхъ новостяхъ, и понятно, что при этомъ высказывались рѣзкія сужденія, основанныя иногда на неточныхъ слухахъ или не вполнѣ достовѣрныхъ разсказахъ и анекдотахъ. И это въ то время было естественно въ молодежи, съ одной стороны возмущаемой зрѣлищемъ произвола нашей администраціи, стѣсненіемъ науки и литературы, а съ другой возбужденной грандіозными событіями, какія совершались въ Европѣ, порождая надежды на лучшую, болѣе свободную и дѣятельную жизнь. Въ этомъ отношеніи Ѳ. М. Достоевскій высказывался съ не меньшей рѣзкостью и увлеченіемъ, чѣмъ и другіе члены нашего кружка. Не могу теперь привести съ точностью его рѣчей, но помню хорошо, что онъ всегда энергически говорилъ противъ мѣропріятій, способныхъ стѣснить чѣмъ-нибудь народъ, и въ особенности возмущали его злоупотребленія, отъ которыхъ страдали низшіе классы и учащаяся молодежь. Въ сужденіяхъ его постоянно слышался авторъ «Бѣдныхъ людей», горячо сочувствующій человѣку въ самомъ приниженномъ его состояніи. Когда, по предложенію одного изъ членовъ нашего кружка, рѣшено было писать статьи обличительнаго содержанія и читать ихъ на нашихъ вечерахъ, Ѳ. М. Достоевскій одобрилъ эту мысль и обѣщалъ съ своей стороны работать, но сколько я знаю, не успѣлъ ничего приготовить въ этомъ родѣ. Къ первой же статьѣ, написанной однимъ изъ офицеровъ, гдѣ разсказывался извѣстный тогда въ городѣ анекдотъ, онъ отнесся неодобрительно и порицалъ какъ содержаніе ея, такъ и слабость литературной формы. Я, съ своей стороны, прочелъ на одномъ изъ нашихъ вечеровъ переведенную мною на церковнославянскій языкъ главу изъ «Paroles d'un croyant» Ламеннэ, и Ѳ. М. Достоевскій сказалъ мнѣ, что суровая библейская рѣчь этого сочиненія вышла въ моемъ переводѣ выразительнѣе, чѣмъ въ оригиналѣ. Конечно, онъ разумѣлъ при этомъ только самое свойство языка, но отзывъ его былъ для меня очень пріятенъ. Къ сожалѣнію, у меня

не сохранилось рукописи. Въ послѣднія недѣли существованія Дуровскаго кружка возникло предположеніе литографировать и сколько можно болѣе распространять этимъ путемъ статьи, которыя будутъ одобрены по общему соглашенію, но мысль эта не была приведена въ исполненіе, такъ-какъ вскорѣ бо̀льшая часть нашихъ друзей, именно всѣ, кто посѣщалъ вечера Петрашевскаго, были арестованы.

Незадолго передъ закрытіемъ кружка, одинъ изъ нашихъ членовъ ѣздилъ въ Москву и привезъ оттуда списокъ извѣстнаго письма Бѣлинскаго къ Гоголю, писаннаго по поводу его «Переписки съ друзьями». Ѳ. М. Достоевскій прочелъ это письмо на вечерѣ и потомъ, какъ самъ онъ говорилъ, читалъ его въ разныхъ знакомыхъ домахъ и давалъ списывать съ него копіи. Впослѣдствіи это послужило однимъ изъ главныхъ мотивовъ къ его обвиненію и ссылкѣ. Письмо это, которое въ настоящее время едва-ли увлечетъ кого-нибудь своей односторонней парадоксальностью, произвело въ то время сильное впечатлѣніе. У многихъ изъ нашихъ знакомыхъ оно обращалось въ спискахъ, вмѣстѣ съ привезенной также изъ Москвы юмористической статьею А. Герцена, въ которой остроумно и зло сравнивались обѣ наши столицы. Вѣроятно, при арестѣ петрашевцевъ не мало экземпляровъ этихъ сочиненій отобрано и передано было въ третье отдѣленіе. Нерѣдко С. Ѳ. Дуровъ читалъ свои стихотворенія, и я помню, съ какимъ удовольствіемъ слушали мы его переводъ извѣстной пьесы Барбье «Кіайя», въ которой цензура уничтожила нѣсколько стиховъ. Кромѣ бесѣдъ и чтенія, у насъ бывала по вечерамъ и музыка. Послѣдній вечеръ нашъ заключился тѣмъ, что одинъ даровитый пьянистъ Кашевскій сыгралъ на роялѣ увертюру изъ «Вильгельма Теля» Россини.

II.

Двадцать третьяго апрѣля 1849 г., возвратясь домой съ лекцій, я засталъ у себя М. М. Достоевскаго, который давно ожидалъ меня. Съ перваго взгляда я замѣтилъ, что онъ былъ очень встревоженъ.

— Что съ вами? спросилъ я.

— Да развѣ вы не знаете! сказалъ онъ.

— Что такое?

— Братъ Ѳедоръ арестованъ.

— Что вы говорите! когда?

— Нынче ночью... обыскъ былъ... его увезли...квартира опечатана...

— А другіе что?

— Петрашевскій, Спѣшневъ взяты... кто еще не знаю... меня тоже не сегодня, такъ завтра увезутъ.

— Отчего вы это думаете?

— Брата Андрея арестовали... онъ ничего не знаетъ, никогда не бывалъ съ нами.... его взяли по ошибкѣ вмѣсто меня.

Мы уговорились идти сейчасъ же разузнать, кто еще изъ нашихъ друзей арестованъ, а вечеромъ опять повидаться. Прежде всего я отправился къ квартирѣ С. Ѳ. Дурова: она была заперта, и на дверяхъ виднѣлись казенныя печати. То же самое нашелъ я у Н. А. Монбелли въ Московскихъ казармахъ и на Васильевскомъ острову у П. Н. Филипова. На вопросы мои деньщику и дворникамъ, мнѣ отвѣчали: «господъ увезли ночью». Деньщикъ Монбелли, который зналъ меня, говорилъ это со слезами на глазахъ. Вечеромъ я зашелъ къ М. М. Достоевскому, и мы обмѣнялись собранными свѣдѣніями. Онъ былъ у другихъ нашихъ общихъ знакомыхъ и узналъ, что бо̀льшая часть изъ нихъ арестованы въ прошлую ночь. По тому, что̀ мы узнали, можно было заключить, что задержаны тѣ только, кто бывалъ на сходкахъ у Петрашевскаго, а принадлежавшіе къ одному Дуровскому кружку остались пока на свободѣ. Ясно было, что объ этомъ кружкѣ еще не знали, и если Дуровъ, Пальмъ и Щелковъ арестованы, то не по поводу ихъ вечеровъ, а только по знакомству съ Петрашевскимъ. М. М. Достоевскій тоже бывалъ у него и очевидно, не взятъ былъ только потому, что вмѣсто его по ошибкѣ задержали его брата Андрея Михайловича. Такимъ образомъ и надъ нимъ повисъ Дамокловъ мечъ, и онъ цѣлыя двѣ недѣли ждалъ каждую ночь неизбѣжныхъ гостей. Все это время мы видались ежедневно и обмѣнивались новостями, хотя существеннаго ничего не могли развѣдать. Кромѣ слуховъ, которые ходили въ городѣ и представляли дѣло Петрашевскаго съ обычными въ такихъ случаяхъ прибавленіями, мы узнали только, что арестовано около тридцати человѣкъ и всѣ они сначала привезены были въ третье отдѣленіе, а оттуда препровождены въ Петропавловскую крѣпость и сидятъ въ одиночныхъ казематахъ. За кружкомъ Петрашевскаго, какъ теперь оказалось, слѣдили давно уже и на вечера къ нему введенъ былъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ одинъ молодой человѣкъ, который прикинулся сочувствующимъ идеямъ либеральной молодежи, аккуратно бывалъ на сходкахъ, самъ подстрекалъ другихъ на радикальные разговоры и потомъ записывалъ все, что говорилось на вечерахъ, и передавалъ куда слѣдуетъ. М. М. Достоевскій говорилъ мнѣ, что онъ давно казался ему подозрительнымъ. Скоро сдѣлалось извѣстно, что для изслѣдованія дѣла Петрашевскаго назначается особенная слѣдственная

коммисія, подъ предсѣдательствомъ коменданта крѣпости генерала Набокова, изъ князя Долгорукова, Л. В. Дубельта, князя П. П. Гагарина и Я. И. Ростовцева.

Прошло двѣ недѣли, и вотъ однажды рано утромъ прислали мнѣ сказать, что и М. М. Достоевскій въ прошлую ночь арестованъ. Жена и дѣти его остались безъ всякихъ средствъ, такъ какъ онъ нигдѣ не служилъ, не имѣлъ никакого состоянія и жилъ одними литературными работами для «Отечественныхъ Записокъ», гдѣ велъ ежемѣсячное «Внутреннее Обозрѣніе» и помѣщалъ небольшія повѣсти. Съ арестомъ его семейство очутилось въ крайне тяжеломъ положеніи, и только А. А. Краевскій помогъ ему пережить это несчастное время. Я не боялся особенно за М. М. Достоевскаго, зная его скромность и сдержанность; хотя онъ и бывалъ у Петрашевскаго, но не симпатизировалъ большинству его гостей и нерѣдко высказывалъ мнѣ свое несочувствіе къ тѣмъ рѣзкостямъ, которыя позволяли себѣ тамъ болѣе крайніе и неосторожные люди. Сколько я зналъ, на него не могло быть сдѣлано никакихъ серьезно опасныхъ показаній, да притомъ въ послѣднее время онъ почти совсѣмъ отсталъ отъ кружка. Поэтому я надѣялся, что арестъ его не будетъ продолжителенъ, въ чемъ и не ошибся.

Въ концѣ мая мѣсяца (1849 г.) я нанялъ небольшую лѣтнюю квартиру въ Колтовской, поблизости отъ Крестовскаго острова и взялъ погостить къ себѣ старшаго сына М. М. Достоевскаго, которому тогда было, если не ошибаюсь, лѣтъ семь. Мать навѣщала его каждую недѣлю. Однажды, кажется въ серединѣ іюля, я сидѣлъ въ нашемъ садикѣ, и вдругъ маленькій Ѳедя бѣжитъ ко мнѣ съ крикомъ: папа, папа пріѣхалъ! Въ самомъ дѣлѣ, въ это утро моего пріятеля освободили и онъ поспѣшилъ видѣть сына и повидаться со мною. Понятно, съ какой радостью обнялись мы послѣ двухмѣсячной разлуки. Вечеромъ пошли мы на острова, и онъ разсказалъ мнѣ подробности о своемъ арестѣ и содержаніи въ казематѣ, о допросахъ въ слѣдственной коммисіи и данныхъ имъ показаніяхъ. Онъ сообщилъ мнѣ и то, что́ именно изъ данныхъ ему вопросныхъ пунктовъ относилось къ Ѳедору Михайловичу. Мы заключили, что хотя онъ обвиняется только въ либеральныхъ разговорахъ, порицаніи нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ и распространеніи запрещенныхъ сочиненій и роковаго письма Бѣлинскаго, но если дѣлу захотятъ придать серьезное значеніе, что по тогдашнему времени было очень вѣроятно, то развязка можетъ быть печальная. Правда, нѣсколько человѣкъ изъ арестованныхъ въ апрѣлѣ постепенно были освобождены, зато о другихъ ходили неутѣшительные слухи. Говорили, что многимъ не миновать ссылки.

Лѣто тянулось печально. Одни изъ близкихъ моихъ знакомыхъ были въ крѣпости, другіе жили на дачахъ, кто въ Парголовѣ, кто въ Царскомъ Селѣ. Я изрѣдка видался съ И. И. Введенскимъ и каждую недѣлю съ М. М. Достоевскимъ. Въ концѣ августа переѣхалъ я опять въ городъ, и мы стали бывать другъ у друга еще чаще. Извѣстія о нашихъ друзьяхъ были очень неопредѣленныя: мы знали только, что они здоровы, но едва-ли кто-нибудь изъ нихъ выйдетъ на свободу. Слѣдственная коммисія закончила свои засѣданія, и надобно было ожидать окончательнаго рѣшенія дѣла. Но до этого было однако еще далеко. Прошла осень, потянулась зима, и только передъ святками рѣшена была участь осужденныхъ: къ крайнему удивленію и ужасу нашему всѣ приговорены были къ смертной казни разстрѣляніемъ. Но какъ извѣстно, приговоръ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ день казни на Семеновскомъ плацу, на самомъ эшафотѣ, куда введены были всѣ приговоренные, прочитали имъ новое рѣшеніе, по которому имъ дарована жизнь, съ замѣною смертной казни другими наказаніями. По этому приговору Ѳ. М. Достоевскому назначалась ссылка въ каторжныя работы на четыре года, съ зачисленіемъ его, по окончаніи этого срока, рядовымъ въ одинъ изъ сибирскихъ линейныхъ батальоновъ. Все это случилось такъ быстро и неожиданно, что ни я, ни братъ его не были на Семеновскомъ плацу и узнали о судьбѣ нашихъ друзей, когда все уже было кончено и ихъ снова перевезли въ Петропавловскую крѣпость, кромѣ М. В. Петрашевскаго, который прямо съ эшафота отправленъ былъ въ Сибирь.

Осужденныхъ отвозили изъ крѣпости въ ссылку партіями по два и по три человѣка. Если не ошибаюсь, на третій день послѣ экзекуціи на Семеновской площади М. М. Достоевскій пріѣхалъ ко мнѣ и сказалъ, что брата его отправляютъ въ тотъ же вечеръ и онъ ѣдетъ проститься съ нимъ. Мнѣ тоже хотѣлось попрощаться съ тѣмъ, кого долго, а можетъ быть и никогда не придется видѣть. Мы поѣхали въ крѣпость, прямо къ извѣстному уже намъ плацъ-маіору М—ю, черезъ котораго надѣялись получить разрѣшеніе на свиданіе. Это былъ человѣкъ въ высокой степени доброжелательный. Онъ подтвердилъ, что дѣйствительно въ этотъ вечеръ отправляютъ въ Омскъ Достоевскаго и Дурова, но видѣться съ уѣзжающими, кромѣ близкихъ родственниковъ, нельзя безъ разрѣшенія коменданта. Это сначала меня очень огорчило, но зная доброе сердце и снисходительность генерала Набокова, я рѣшился обратиться къ нему лично за позволеніемъ проститься съ друзьями. И я не ошибся въ своей

надеждѣ: комендантъ разрѣшилъ и мнѣ видѣться съ Ѳ. М. Достоевскимъ и Дуровымъ.

Насъ провели въ какую-то большую комнату, въ нижнемъ этажѣ комендантскаго дома. Давно уже былъ вечеръ, и она освѣщалась одною лампою. Мы ждали довольно долго, такъ что крѣпостные куранты раза два успѣли проиграть четверти на своихъ разнотонныхъ колокольчикахъ. Но вотъ дверь отворилась, за нею брякнули приклады ружей, и въ сопровожденіи офицера вошли Ѳ. М. Достоевскій и С. Ѳ. Дуровъ. Горячо пожали мы другъ другу руки. Не смотря на восьмимѣсячное заключеніе въ казематахъ, они почти не перемѣнились: то же серьезное спокойствіе на лицѣ одного, таже привѣтливая улыбка у другаго. Оба уже одѣты были въ дорожное арестантское платье, въ полушубкахъ и валенкахъ. Крѣпостной офицеръ скромно помѣстился на стулѣ, недалеко отъ входа, и нисколько не стѣснялъ насъ. Ѳедоръ Михайловичъ прежде всего высказалъ брату свою радость, что онъ не пострадалъ вмѣстѣ съ другими, и съ теплой заботливостью распрашивалъ его о семействѣ, о дѣтяхъ, входилъ въ самыя мелкія подробности о ихъ здоровьѣ и занятіяхъ. Во время нашего свиданія онъ обращался къ этому нѣсколько разъ. На вопросы о томъ, каково было содержаніе въ крѣпости, Достоевскій и Дуровъ съ особенной теплотою отозвались о комендантѣ, который постоянно заботился о нихъ и облегчалъ, чѣмъ только могъ, ихъ положеніе. Ни малѣйшей жалобы не высказали ни тотъ, ни другой на строгость суда или суровость приговора. Перспектива каторжной жизни не страшила ихъ, и конечно въ это время они не предчувствовали, какъ она отзовется на ихъ здоровьѣ.

Когда Ѳедоръ Михайловичъ началъ говорить съ братомъ о семейныхъ дѣлахъ, Дуровъ разсказывалъ мнѣ, какъ онъ мало-по-малу свыкся съ казематомъ, особенно съ того времени, когда имъ стали присылать книги и журналы. При этомъ онъ высказалъ свои замѣчанія о сочиненіяхъ, которыя особенно по чему-нибудь обратили его вниманіе. Еслибы кто прислушался къ нашему разговору, то подумалъ-бы, что мы видѣлись еще на дняхъ, и у моего собесѣдника нѣтъ другихъ интересовъ, кромѣ политическихъ новостей и литературы. Передавая мнѣ небольшой листокъ почтовой бумаги, онъ сказалъ: «это мои послѣдніе стихи... на дняхъ написалъ въ казематѣ... возьмите на память... можетъ, когда-нибудь напечатаете». Вотъ это прекрасное стихотвореніе:

Изъ апостола Іоанна.

Когда пустынникъ Іоаннъ,
Окрѣпнувъ сердцемъ въ жизни строгой,
Пришелъ крестить на Іорданъ
Во имя истиннаго Бога,
Народъ толпой со всѣхъ сторонъ
Бѣжалъ, ища съ Пророкомъ встрѣчи,
И былъ глубоко пораженъ
Святою жизнію Предтечи.
Онъ тяжкій поясъ надѣвалъ,
Во власяницу облекался,
Подъ изголовье камень клалъ,
Одной акридою питался...
И фарисеи, для того
Чтобъ потушить восторгъ народный,
Твердили всюду про него
Съ усмѣшкой дерзкой и холодной:
„Не вѣрьте! видано-ль во вѣкъ,
Чтобъ кто-нибудь какъ онъ постился?
Нѣтъ, это лживый человѣкъ,
Въ немъ бѣсъ лукавый поселился!“
Но вотъ Крестителю во слѣдъ
Явился къ людямъ самъ Мессія,
Обѣтованный много лѣтъ
Черезъ пророчества святыя.
Сойдя съ небесъ спасти людей,
Къ завѣтной цѣли шелъ онъ прямо,
Во лжи корилъ учителей
И выгналъ торжниковъ изъ храма.
Онъ словомъ вѣру зажигалъ
Въ сердцахъ униженныхъ и черствыхъ,
Слѣпорожденныхъ исцѣлялъ
И воскрешалъ изъ гроба мертвыхъ;
Незримыхъ язвъ духовный врачъ,
Онъ не былъ глухъ къ мольбамъ злодѣя,
Услышанъ имъ Маріи плачъ
И вопль раскаянья Закхея...
И что-жъ? На площади опять
Учители и фарисеи
Пришли израиля смущать
И зашипѣли словно змѣи:
„Бѣгите ложнаго Христа!
„Пусть онъ слова теряетъ праздно:
„Его крамольныя уста
„Полны раздора и соблазна.
„И какъ, взгляните, онъ живетъ?
„Мірскимъ весь преданный заботамъ,

„Онъ ѣстъ, онъ бражничаетъ, пьетъ
„И исцѣляетъ по субботамъ.
„Онъ кинулъ камень въ Божество,
„Законъ отвергнулъ Моисеевъ,
„И кто межъ насъ друзья его,
„Окромѣ блудницъ и злодѣевъ!“

Смотря на прощанье братьевъ Достоевскихъ, всякій замѣтилъ бы, что изъ нихъ страдаетъ болѣе тотъ, который остается на свободѣ въ Петербургѣ, а не тотъ, кому сейчасъ предстоитъ ѣхать въ Сибирь на каторгу. Въ глазахъ старшаго брата стояли слезы, губы его дрожали, а Ѳедоръ Михайловичъ былъ спокоенъ и утѣшалъ его.

— Перестань-же, братъ, говорилъ онъ: ты знаешь меня, не въ гробъ-же я уйду, не въ могилу провожаешь, и въ каторгѣ не звѣри, а люди, можетъ еще и лучше меня, можетъ достойнѣе меня.. Да мы еще увидимся, я надѣюсь на это, я даже не сомнѣваюсь, что увидимся... А вы пишите, да когда обживусь—книгъ присылайте; я напишу какихъ; вѣдь читать можно будетъ... А выйду изъ каторги—писать начну. Въ эти мѣсяцы я много пережилъ, въ себѣ-то самомъ много пережилъ, а тамъ впереди-то что увижу и переживу; будетъ о чемъ писать...

Можно было подумать, что этотъ человѣкъ смотрѣлъ на свою будущую каторгу точно на какую-нибудь поѣздку заграницу, гдѣ ему предстоитъ любоваться красотами природы и памятниками искусства и знакомиться съ новыми, привлекательными людьми, при полной свободѣ и со всѣми средствами и удобствами путешественника. Онъ какъ-будто не думалъ о томъ, что долженъ провести четыре года въ «Мертвомъ домѣ», въ цѣпяхъ, вмѣстѣ съ людьми, выброшенными изъ общества за страшныя преступленія; а можетъ-быть его именно занимала какъ бы врожденная и всегда присущая ему мысль найти въ самыхъ низко-падшихъ преступникахъ тѣ человѣческія черты, ту глубоко подъ пепломъ затаившуюся, но не погасшую искру огня Божія, которая живетъ, какъ онъ вѣрилъ, въ самомъ закоренѣломъ злодѣѣ и послѣднемъ отверженцѣ.

Болѣе получаса продолжалось наше свиданіе, но оно показалось намъ очень коротко, хотя мы много-много переговорили. Печально перезванивали колокольчики на крѣпостныхъ часахъ, когда вошелъ плацъ-маіоръ и сказалъ, что намъ время разстаться. Въ послѣдній разъ обнялись мы и пожали другъ-другу руки. Я не предчувствовалъ тогда, что съ Дуровымъ никогда уже болѣе не встрѣчусь, а Ѳ. М. Достоевскаго увижу только черезъ восемь лѣтъ. Мы поблагодарили М—я за его снисхожденіе, и онъ сказалъ намъ, что друзей нашихъ

повезутъ черезъ часъ или даже раньше. Ихъ повели черезъ дворъ съ офицеромъ и двумя конвойными солдатами. Нѣсколько времени мы помедлили въ крѣпости, потомъ вышли и остановились у тѣхъ воротъ, откуда должны были выѣхать осужденные. Ночь была не холодная и свѣтлая. На крѣпостной колокольнѣ куранты проиграли девять часовъ, когда выѣхали двое ямскихъ саней, и на каждыхъ сидѣлъ арестаитъ съ жандармомъ.

— Прощайте! крикнули мы.

— До свиданія! до свиданія! отвѣчали намъ.

III.

Теперь приведу собственный разсказъ Ѳ. М. Достоевскаго о его арестѣ. Онъ написалъ его уже по возвращеніи изъ ссылки въ альбомѣ моей дочери, въ 1860 г. Вотъ этотъ разсказъ, слово въ слово, въ томъ видѣ, какъ написанъ:

«Двадцать втораго, или лучше сказать, двадцать третьяго апрѣля (1849 года) я воротился домой часу въ четвертомъ отъ Григорьева, легъ спать и тотчасъ-же заснулъ. Не болѣе какъ черезъ часъ я, сквозь сонъ, замѣтилъ, что въ мою комнату вошли какіе-то подозрительные и необыкновенные люди. Брякнула сабля, нечаянно за что-то задѣвшая. Что за странность? Съ усиліемъ открываю глаза и слышу мягкій, симпатическій голосъ: «Вставайте!»

«Смотрю: квартальный или частный приставъ, съ красивыми бакенбардами. Но говорилъ не онъ; говорилъ господинъ, одѣтый въ голубое, съ подполковничьими эполетами.

— «Что случилось? спросилъ я, привставая съ кровати.

— «По повелѣнію...

«Смотрю: дѣйствительно «по повелѣнію». Въ дверяхъ стоялъ солдатъ, тоже голубой. У него-то и звякнула сабля...

— «Эге? да это вотъ что! подумалъ я.

— «Позвольте-же мнѣ... началъ было я.

— «Ничего, ничего! одѣвайтесь. Мы подождемъ-съ, прибавилъ подполковникъ еще болѣе симпатическимъ голосомъ.

«Пока я одѣвался, они потребовали всѣ книги и стали рыться;— немного нашли, но все перерыли. Бумаги и письма мои аккуратно связали веревочкой. Приставъ обнаружилъ при этомъ много предусмотрительности: онъ полѣзъ въ печку и пошарилъ моимъ чубукомъ въ старой золѣ. Жандармскій унтеръ-офицеръ по его приглашенію сталъ на стулъ и полѣзъ на печь, но оборвался съ карниза и громко

упалъ на стулъ, а потомъ со стуломъ на полъ. Тогда прозорливые господа убѣдились, что на печи ничего не было.

«На столѣ лежалъ пятіалтынный, старый и согнутый. Приставъ внимательно разглядывалъ его и наконецъ кивнулъ подполковнику.

— «Ужъ не фальшивый ли? спросилъ я.

— «Гм... Это однако же надо изслѣдовать... бормоталъ приставъ и кончилъ тѣмъ, что присоединилъ и его къ дѣлу.

«Мы вышли. Насъ провожала испуганная хозяйка и человѣкъ ея Иванъ, хоть и очень испуганный, но глядѣвшій съ какою то тупою торжественностью, приличною событію; впрочемъ торжественностью не праздничною. У подъѣзда стояла карета; въ карету сѣлъ солдатъ, я, приставъ и подполковникъ; мы отправились на Фонтанку, къ Цѣпному мосту у Лѣтняго сада.

«Тамъ было много ходьбы и народу. Я встрѣтилъ многихъ знакомыхъ. Всѣ были заспанные и молчаливые. Какой то господинъ, статскій, но въ большомъ чинѣ, принималъ... безпрерывно входили голубые господа съ разными жертвами.

— «Вотъ тебѣ бабушка и Юрьевъ день! сказалъ мнѣ кто-то на ухо.

«23-го апрѣля былъ дѣйствительно Юрьевъ день.

«Мы мало-по-малу окружили статскаго господина со спискомъ въ рукахъ. Въ спискѣ передъ именемъ г. Антонелли написано было карандашомъ: «агентъ по найденному дѣлу».

«Такъ это Антонелли! подумали мы.

«Насъ размѣстили по разнымъ угламъ, въ ожиданіи окончательнаго рѣшенія, куда кого дѣвать. Въ такъ называемой бѣлой залѣ насъ собралось человѣкъ семнадцать...

«Вошелъ Леонтій Васильевичъ... (Дубельтъ).

«Но здѣсь я прерываю мой разсказъ. Долго разсказывать. Но увѣряю, что Леонтій Васильевичъ былъ препріятный человѣкъ».

«Ѳ. Достоевскій. 24-го мая, 1860 г. [1])».

---

[1]) Къ этимъ строкамъ Ѳ. М. Достоевскаго, до сихъ поръ не бывшимъ въ печати, присоединяемъ отрывокъ изъ письма его, помѣщенный въ „Новомъ Времени“ 1881 г. № 1790. Письмо это хранится у вдовы Ѳ. М. Достоевскаго и писано оно Ѳедоромъ Михайловичемъ къ брату его Михаилу Михайловичу. писано на листѣ писчей бумаги 22-го декабря 1849 года, т. е. въ день объявленія приговора. Вотъ отрывокъ изъ этого письма:

„Сегодня, 22-го декабря, насъ отвезли на Семеновскій плацъ. Тамъ всѣмъ намъ прочли смертный приговоръ, дали приложиться къ кресту, переломили надъ головою шпаги и устроили намъ предсмертный туалетъ (бѣлыя рубахи). Затѣмъ трехъ поставили къ столбу для исполненія казни. Я стоялъ шестымъ, вызывали по трое, слѣдовательно я былъ во второй очереди и жить мнѣ оста-

Въ слѣдующей статьѣ я разскажу о возобновленіи моего знакомства съ Θедоромъ Михайловичемъ по возвращеніи его изъ Сибири въ Петербургъ.

А. П. Милюковъ.

Спб. 1-го февраля 1881 г.

Показаніе Θ. М. Достоевскаго въ Секретной Слѣдственной Коммиссіи, 1849 г.

[Выписка изъ доклада Коммисіи].

Отставной инженеръ-поручикъ Θедоръ Достоевскій показалъ, что онъ знакомъ съ Петрашевскимъ три года и сначала бывалъ у него рѣдко, а послѣднюю зиму сталъ ходить чаще и принималъ участіе въ разговорахъ и спорахъ; говорилъ о политикѣ, о западѣ, о литературѣ и проч. Однако онъ ни вольнодумцемъ, ни противникомъ самодержавію не былъ. Говоря о цензурѣ и ея непомѣрной строгости въ наше время, онъ только сѣтовалъ объ этомъ, ибо чувствовалъ, что произошло какое-то недоразумѣніе, изъ котораго вытекаетъ натянутый, тяжелый для литературы порядокъ вещей. На одномъ изъ этихъ вечеровъ онъ, Достоевскій, прочелъ письмо Бѣлинскаго къ Гоголю, какъ литературный памятникъ, замѣчательный для него, Достоевскаго, по короткому знакомству съ Бѣлинскимъ, вызвавшись на это самъ при свиданіи съ Петрашевскимъ у Дурова, отъ чего онъ послѣ уже не могъ отказаться; но твердо былъ увѣренъ, что это письмо, наполненное ругательствами, написанное желчью и потому отвращающее сердце, никого въ соблазнъ привести не можетъ. Впрочемъ, теперь понимаетъ, что сдѣлалъ ошибку, прочитавъ эту статью въ слухъ, чего дѣлать ему не слѣдовало [1]). Въ заключеніе Достоевскій написалъ, что «либерализмъ его состоялъ въ желаніи всего лучшаго своему отечеству, но это желаніе никогда не

валось не болѣе минуты. Я вспомнилъ тебя, братъ, всѣхъ твоихъ; въ послѣднюю минуту ты, только одинъ ты, былъ въ умѣ моемъ, я тутъ только узналъ, какъ люблю тебя, братъ мой милый! Я успѣлъ тоже обнять Плещеева, Дурова, которые были возлѣ, и проститься съ ними. Наконецъ, ударили отбой, привязанныхъ къ столбу привели назадъ и намъ прочли, что Его Императорское Величество даруетъ намъ жизнь. Затѣмъ послѣдовали настоящіе приговоры. Одинъ Пальмъ прощенъ. Его тѣмъ же чиномъ въ армію. Θ. Д.

[1]) „Содержаніе этого письма наполнено дерзкими и преступными выраженіями противъ самодержавной власти и православной церкви. Оно читано Достоевскимъ, на вечерахъ у Дурова, два раза“.

Примѣч. изъ доклада секретной коммисіи.

переходило за черту невозможнаго». Онъ всегда вѣрилъ въ правительство и самодержавіе; однако же не осмѣливается сказать, чтобы никогда не заблуждался въ своихъ желаніяхъ, которыя въ отношеніи усовершенствованія и общей пользы, быть можетъ, очень ошибочны, такъ что исполненіе ихъ послужило бы ко всеобщему вреду, а не къ пользѣ. Можетъ быть, ему случалось иногда выражать свое мнѣніе съ излишнею горячностію или даже горечью, но это было минутами. Что касается до соціальнаго направленія, то онъ никогда не былъ соціалистомъ, хотя и любилъ читать и изучать соціальные вопросы и съ большимъ любопытствомъ слѣдилъ за переворотами западными. Соціализмъ предлагаетъ тысячи мѣръ къ устройству общественному, и такъ какъ всѣ соціальныя книги написаны умно, горячо и нерѣдко съ неподдѣльною любовію къ человѣчеству, то онъ, Достоевскій читалъ ихъ съ любопытствомъ; но онъ не принадлежитъ ни къ какой соціальной системѣ, будучи увѣренъ, что примѣненіе ихъ не только въ Россіи, но даже во Франціи, поведетъ за собою неминуемую гибель».

Выписка изъ приговора надъ обвиненными по дѣлу Петрашевскаго.

22 декабря 1849 г.

«Отставнаго инженеръ-поручика Ѳедора Достоевскаго (27 лѣтъ).

«За участіе въ преступныхъ замыслахъ, распространеніе одного частнаго письма, наполненнаго дерзкими выраженіями противъ православной церкви и верховной власти, и за покушеніе къ распространенію, посредствомъ домашней литографіи, сочиненій противъ правительства —

Заключеніе ген.-аудиторіата: «Подвергнуть смертной казни разстрѣляніемъ».

Высочайшая конфирмація: «Лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ каторжную работу въ крѣпостяхъ на четыре года и потомъ опредѣлить рядовымъ».

ЛЕРМОНТОВСКІЙ МУЗЕЙ

въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ, въ С. Петербургѣ, основанъ въ 1881 г.

Произведенія даровитаго поэта, какъ это признано уже всѣми, представляютъ собою отраженіе современнаго быта, нравовъ, умственнаго и нравственнаго состоянія общества. Изученіе поэтическихъ произведеній имѣетъ конечною цѣлью знакомство съ міровоззрѣніями общества; а міровоззрѣнія эти—наука убѣждаетъ въ томъ — находятся въ неразрывной связи со всѣми, даже самыми крупными, событіями эпохи, какъ ихъ причины или слѣдствія. А потому, основательное изученіе поэтическихъ произведеній въ высшей степени важно для пониманія прошедшаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и настоящаго. Изученіе же произведеній возможно только въ связи съ обстоятельнымъ изученіемъ личности ихъ авторовъ. Вотъ почему на каждомъ членѣ общества лежитъ нравственная обязанность помогать, насколько можетъ, обществу въ дѣлѣ ознакомленія съ дѣятельностью того или другаго извѣстнаго и наиболѣе даровитаго поэта и заботиться о томъ, чтобы не пропало для потомства ничто, могущее уяснить эту дѣятельность. Тѣмъ болѣе подобная обязанность лежитъ на лицахъ и учрежденіяхъ, которыя были близки къ поэту и на которыя падаетъ часть луча его славы.

Императорскій С. Петербургскій Лицей уже подалъ примѣръ исполненія этого долга: въ немъ собрана достаточно полная «Puschkiniana», библіотека, одна изъ цѣлей которой дать возможность хорошо ознакомиться съ величайшимъ изъ русскихъ поэтовъ, питомцевъ и гордостью Лицея—А. С. Пушкинымъ.

На Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ лежитъ такая же

обязанность по отношенію къ другому, дорогому для всѣхъ русскихъ поэту, питомцу школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ—

Михаилу Юрьевичу Лермонтову.

Великое значеніе Лермонтова въ исторіи развитія русскаго общества всякому извѣстно.

Его имя ярко блещетъ въ ряду наиболѣе дорогихъ именъ отечественныхъ писателей. Современники цѣнили его наравнѣ съ Пушкинымъ, а любили даже больше, чѣмъ Пушкина, въ пору высшаго развитія его таланта. Въ самой жизни Лермонтова и его произведеніяхъ наиболѣе полно отразилась та, къ сожалѣнію, малоизслѣдованная, но весьма важная эпоха нашего развитія, послѣдствія которой сильно чувствуются и въ настоящее время.

Этого любимаго русскаго поэта, этого выразителя идеаловъ и стремленій своего общества Николаевское Кавалерійское Училище считаетъ «своимъ» и не только потому, что онъ здѣсь воспитывался, и былая школьная жизнь дала тэмы для нѣсколькихъ шуточныхъ его произведеній, но главное потому, что въ стѣнахъ этого заведенія создались первыя увидѣвшія свѣтъ и обратившія на себя вниманіе общества произведенія поэта: «Хаджи-Абрекъ» и «Демонъ».

Желаніе осязательно увѣковѣчить память о Лермонтовѣ въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ и такимъ образомъ повліять на развитіе въ юношествѣ уваженія къ выдающимся дѣятелямъ прошлаго, а также сознаніе нравственной обязанности помочь обществу полнѣе ознакомиться съ поэтической дѣятельностью Лермонтова вызвало въ начальствѣ училища мысль устроить въ училищѣ

— «Лермонтовскій Музей».

На осуществленіе этой мысли испрошено и получено уже отъ высшаго начальства надлежащее разрѣшеніе.

Въ «Лермонтовскомъ Музеѣ» желательно собрать:

I. Всѣ книги журналовъ (начиная съ «Библіотеки для чтенія» 1837 г.), въ каковомъ журналѣ появилось первое его произведеніе, альманахи и разные литературные сборники, въ которыхъ печатались произведенія поэта, а также всѣ отдѣльныя изданія его сочиненій.

II. Всѣ статьи и отдѣльныя сочиненія о личности Лермонтова, его произведеніяхъ и вообще литературной дѣятельности, а также важнѣйшія изъ тѣхъ, которыя знакомятъ съ его временемъ.

III. Всѣ многочисленные переводы произведеній Лермонтова на всѣ иностранные языки и отзывы о немъ иностранныхъ писателей.

IV. Всѣ гравюры и произведенія живописи или скульптуры, тэмы для которыхъ взяты изъ сочиненій Лермонтова, а также изображенія лицъ и мѣстъ, имѣвшихъ значеніе въ жизни поэта или играющихъ роль въ его произведеніяхъ.

V. Всѣ музыкальныя произведенія на Лермонтовскія тэмы и слова, и

VI. Рукописи Лермонтова, его портреты, вещи, ему принадлежавшія, словомъ—все, что имѣетъ отношеніе до него и его жизни.

Мысль о «Лермонтовскомъ Музеѣ» уже приводится въ исполненіе.

Начальство Николаевскаго Кавалерійскаго Училища вошло въ сношеніе со многими товарищами, родственниками и знакомыми поэта, и они обѣщали подѣлиться своими воспоминаніями о Лермонтовѣ, а также имѣющимися у нихъ предметами долженствующими занять мѣсто въ Лермонтовскомъ Музеѣ; нѣкоторые уже и исполнили свои обѣщанія. Кромѣ того, часть книгъ и значительная часть гравюръ уже пріобрѣтена училищемъ.

Тѣмъ не менѣе, только при полномъ и единодушномъ сочувствіи всего русскаго общества для котораго такъ дорога память знаменитаго нашего поэта, столь безвременно погибшаго, возможно быстрое и полное осуществленіе предположенія о созданіи «Лермонтовскаго Музея».

Въ полной увѣренности въ таковомъ сочувствіи, Николаевское Кавалерійское Училище обращается нынѣ ко всѣмъ почитателямъ памяти М. Ю. Лермонтова и его безсмертныхъ произведеній, обращается чрезъ посредство уважаемаго журнала «Русская Старина», [столь много уже представившаго на своихъ страницахъ матеріаловъ къ біографіи Лермонтова] съ настоящимъ приглашеніемъ: высылать все относящееся до «Лермонтовскаго Музея»—въ С. Петербургъ—или прямо въ «Николаевское Кавалерійское Училище», (на углу 12-й роты Измайловскаго полка и Ново-Петергофскаго проспекта), или туда-же въ Училище, чрезъ редакцію «Русской Старины», въ издателѣ-редакторѣ которой, М. И. Семевскомъ, Училище встрѣтило полнѣйшую готовность содѣйствовать дѣлу учрежденія и развитія «Лермонтовскаго Музея».

Начальникъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища А. Бильдерлингъ.

Примѣчаніе. Къ приведенному выше призыву объ учрежденіи „Лермонтовскаго Музея“—добавлять нечего. Призывъ этотъ, всеконечно, будетъ при-

нято всею грамотною Россіею съ живѣйшимъ удовольствіемъ, а многочисленные питомцы Николаевскаго Кавалерійскаго Училища, разсѣянные по всей Россіи, — разумѣется, явятся первыми вкладчиками, кореспондентами и сотрудниками учрежденія, которое, вызывая живѣйшій интересъ всѣхъ и каждаго русскаго, будетъ составлять въ настоящее и во все послѣдующее время предметъ гордости и славы училища, доколѣ оно будетъ существовать, сохраняя всегда память о томъ, что изъ подъ сѣни его вышелъ одинъ изъ величайшихъ геніевъ—поэтъ Лермонтовъ.

Кстати, о русскихъ людяхъ, получившихъ образованіе въ Николаевскомъ кавал. училищѣ. Предъ нами почтенный трудъ В. Потто: „Историческій очеркъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища—Школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ“ (Спб., изд. 1873 г , въ 8 д. VII+344+328). Изъ списковъ, къ нему приложенныхъ, оказывается, что эта Школа, а затѣмъ Училище дало образованіе въ пятьдесятъ лѣтъ (1823 1873 гг.)—2,553 лицамъ. Изъ нихъ находятся въ живыхъ и притомъ въ большинствѣ состоятъ на государственной или общественно-земской службѣ до 800 человѣкъ; между ними встрѣчаемъ имена лицъ, высоко стоящихъ на іерархической лѣстницѣ чиновъ и должностей, либо извѣстныхъ своею общественною дѣятельностью; назовемъ нѣкоторыхъ: кн. П. А. Урусовъ, В. Н. Наимовъ, Б. Г. Глинка-Мавринъ, баронъ Р. Г. Бистромъ, кн. В. А. Долгоруковъ, графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, гр. Э. Т. Барановъ, А. Е. Тимашевъ, баронъ Е. И. Майдель, П. А. Степановъ, гр. Н. Т. Барановъ, А. Г. Лопатинъ, П. А. Черевинъ, баронъ Г. Э. Рамзай, графъ Г. О. Менгденъ, кн. Н. Н. Оболенскій, А. А. Челищевъ, баронъ Н. И. Меллеръ-Закомельскій, графъ Б. А. Перовскій, И. В. Анненковъ, В. А. Вилламовъ, графъ П. В. Крейцъ, К. К. Шмитъ, В. В. Зиновьевъ, баронъ А. А. Фирксъ, баронъ А. Б. фонъ Штакельбергъ, баронъ К. К. фонъ Штакельбергъ, П. Н. Волковъ, гр. Г. Б. Крейцъ, А. Л. Потаповъ, графъ Е. Е. Сиверсъ, В. Ѳ. Раллъ, князь М. В. Шаховской-Глѣбовъ-Стрешневъ, Е. Т. Крыловъ, Н. Г. Match Козначковъ, А. Г. Лошкаревъ, А. Н. Стюрлеръ, Г. В. Мещериновъ, К. Л. Махотинъ, Н. А. Гернгроссъ, А. М. Миклашевскій, П. П. Семеновъ (вице-предсѣдатель И. Г. Общества), А. А. Эссенъ, М. П. Храповицкій, М. Б. Прутченко, С. Н. Дохтуровъ, С. И. Мальцевъ, А. А. Волковъ, баронъ А. Ф. Дризенъ, Н. В. Воейковъ, Н. А. Скалонъ, О. Е. Раухъ, В. Ѳ. Винбергъ, М. Г. Лерхъ, Н. О. фонъ Розенбахъ, Н.М. Рембелинскій, П. А. Мясоѣдовъ, кн. Н. С. Вяземскій, И. И. Ореусъ, баронъ А. Б. Вревскій, М. Д. Любавскій, А. А. Ильинъ, баронъ Е. И. Людинсгаузенъ-Вольфъ, М. И. Цейдлеръ, баронъ К. А. Штакельбергъ, И. А. Фулонъ, М. А. Ивашкинъ-Потаповъ, Я. А. Гофденинъ и многіе другіе.

Будемъ надѣяться, что какъ поименованные, такъ и всѣ вообще питомцы Николаевскаго Кавалерійскаго училища (бывшая школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ) прежде всѣхъ откликнутся на призывъ учредителей „Лермонтовскаго Музея“ и помогутъ этому дѣлу. Помощь эта можетъ выразиться, между прочимъ, въ посильныхъ, денежныхъ вкладахъ. При денежныхъ средствахъ—„Музею“ легко будетъ пріобрѣсти въ скоромъ времени многое, что̀ входитъ въ программу этого учрежденія. которому мы желаемъ всего наилучшаго и которому, съ своей стороны, готовы оказать полнѣйшее содѣйствіе. Ред.

Во Владикавказѣ образованъ комитетъ по сооруженію въ Пятигорскѣ памятника поэту М. Ю. Лермонтову, ограничивающійся пока только сборомъ пожертвованій на этотъ предметъ. Изъ вѣдомости о состояніи капитала, предназначеннаго на сооруженіе этого памятника, видно, что съ іюля 1880 года по 1-е января 1881 года капиталъ этотъ увеличился на 4,900 р. 55 к., такъ что къ 1-му января нынѣшняго года всего состоитъ 15,233 р. 38 к. Въ прошломъ полугодіи наибольшія пожертвованія поступили: отъ князя А. И. Васильчикова одинъ 5% билетъ государственнаго банка въ 1,000 р., отъ бессарабскаго губернатора 610 р. 61 коп., кіевскаго губернатора 522 р. 36 коп., якутскаго губернатора 204 р. 61 к., отъ лечившихся на кавказскихъ минеральныхъ водахъ 590 р. 45 к.; послано 28 февраля 1881 г. отъ В. Н. Поливанова 10 руб.

Собранная до сихъ поръ сумма на памятникъ отечественному поэту, конечно, невелика, но достигла такой цифры, что можно разсчитывать на осуществленіе общаго желанія въ близкомъ будущемъ.

А. В. Шакѣевъ.

1838—1839 гг.

Въ воспоминаніяхъ бывшаго студента петербургскаго университета („Рус. Стар.“ 1881 г. февраль, стр. 371) упоминается, между прочимъ, о чтеніи покойнымъ А. В. Шакѣевымъ лекцій исторіи въ университетѣ.

Изъ находящихся въ нашихъ рукахъ формулярнаго списка и служебныхъ документовъ А. В. Шакѣева видно, что съ разрѣшенія Министра Народнаго Просвѣщенія, ему, въ качествѣ временнаго преподавателя, 3-го февраля 1838 года поручено было преподаваніе всеобщей исторіи въ первыхъ трехъ курсахъ 1-го отдѣленія философскаго факультета с.-петербургскаго уни-

верситета и что онъ уволенъ отъ этой должности 22-го декабря того же года. В. В. Григорьевъ (С.-Петербур. университ., въ теченіи перваго пятидесятилѣтія его существованія, Спб. 1870 года, стр. 218) свидѣтельствуетъ, что въ 1838 г. положено было преподавать всеобщую исторію для юристовъ отдѣльно отъ филологовъ; лекціи для первыхъ предоставлено было Куторгѣ, а для преподаванія сего предмета послѣднимъ приглашенъ былъ временно ученикъ Шульгина, учительствовавшій во второй здѣшней гимназіи, А. В. Шакѣевъ. Онъ оставался при университетѣ только въ теченіи 1838—1839 учебнаго года и былъ уволенъ съ возвращеніемъ изъ за границы готовившагося тамъ по исторіи профессоранта М. И. Касторскаго.

Изъ этого видно, что А. В. Шакѣевъ не „стушевался, куда-то" изъ университета, какъ разсказывается въ воспоминаніяхъ бывшаго студента, а просто возвратился къ прежнимъ своимъ занятіямъ, прекративъ лекціи, за прибытіемъ изъ за границы предназначеннаго уже для того лица.

О. К.

Къ характеристикѣ отношеній Л. В. Дубельта къ соч. А. С. Пушкина.

1840 г.

Вскорѣ послѣ кончины А. С. Пушкина, какъ извѣстно, А. А. Краевскій основалъ въ 1839 г. журналъ „Отечественныя Записки" и сталъ въ немъ, между прочимъ, печатать вновь открытыя сочиненія нашего великаго поэта подъ рубрикою: „неизданныя сочиненія А. С. Пушкина". Всѣ эти драгоцѣнные перлы поэзіи и прозаическіе отрывки Пушкина были, конечно, приняты русскимъ обществомъ съ живѣйшимъ восторгомъ, за исключеніемъ, впрочемъ, Леонтія Васильевича Дубельта — начальника штаба корпуса жандармовъ и его шефа, графа (впослѣдствіи князя) А. Ѳ. Орлова.

Однажды А. А. Краевскій получаетъ приглашеніе явиться къ Дубельту.

— Ну, что любезнѣйшій, какъ поживаете, съ обычною фамильярностью встрѣтилъ г. Краевскаго Леонтій Васильевичъ. Чай веселы, что давненько не зову васъ къ себѣ. А? вѣдь весело, не правда ли? Ну, а теперь призвалъ васъ вотъ для чего: что это, голубчикъ, вы затѣяли, къ чему у васъ потянулся рядъ неизданныхъ сочиненій Пушкина! Къ чему, зачѣмъ, кому это нужно?

А. А. Краевскій сталъ объяснять Леонтію Васильевичу, кому и чѣмъ дороги сочиненія Пушкина. Трудъ, очевидно, былъ самый неблагодарный, да и довелось оборвать рѣчь на первыхъ-же словахъ......

— „Э, эхъ, голубчикъ, заговорилъ Леонтій Васильевичъ, ни кому то не нуженъ вашъ Пушкинъ; да вотъ и графъ Алексѣй Ѳедоровичъ недоволенъ, сердится, и приказалъ вамъ передать — что-де довольно этой дряни сочиненій-то вашего Пушкина, при жизни его напечатано, чтобы продолжать еще и по смерти его отыскивать „неизданныя" его творенія, да печатать ихъ! Не хорошо, любезнѣйшій Андрей Александровичъ, не хорошо. Повторяю, графъ Алексѣй Ѳедоровичъ очень недоволенъ!

[Записано 28 ноября 1880 г.].

ПАВЕЛЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ШКОТЪ.

1814—1880.

16 декабря 1880 года скончался вице-адмиралъ Павелъ Яковлевичъ Шкотъ. Покойный, по личнымъ достоинствамъ своимъ, по тому сочувствію, съ которымъ относился ко всякому полезному дѣлу, и той энергіи, съ которой преслѣдовалъ исполненіе разъ начатаго, выходилъ изъ уровня обыкновенно встрѣчаемыхъ нами личностей. Онъ былъ врагъ рутины, и постоянно говорилъ: „не для того же мы служимъ, чтобъ только подписывать исходящія бумаги, а обязаны приносить пользу и стараться объ улучшеніи той части, которая намъ поручена". Знатокъ морскаго дѣла, которому былъ преданъ душею, способный къ усидчивому труду и постояннымъ серьезнымъ занятіямъ, онъ въ то же время обладалъ необыкновенно веселымъ нравомъ, былъ, что называется, душею общества, и равно привѣтливое, радушное обращеніе его со всѣми невольно привлекало къ нему и заставляло любить. Подчиненные особенно цѣнили въ немъ черту, весьма рѣдко встрѣчаемую: честно относясь ко всѣмъ своимъ обязанностямъ, онъ того же требовалъ отъ другихъ, и по службѣ былъ строгъ, но внѣ ея, никогда, ни въ чемъ не давалъ чувствовать въ себѣ начальника, и это было въ немъ не жеманнымъ популярничаньемъ, какъ у многихъ, часто переходящимъ изъ одной крайности въ другую, но вполнѣ естественно вытекало изъ его понятій и прекраснаго сердца.

Павелъ Яковлевичъ Шкотъ происходилъ изъ дворянъ Костромской губерніи; воспитывался онъ въ Морскомъ Кадетскомъ Корпусѣ (нынѣ Морское училище), откуда былъ выпущенъ мичманомъ въ 1834 году. Первое судно, на которомъ служилъ онъ, былъ корабль Остроленко, строившійся тогда въ Архангельскѣ, на которомъ онъ и прибылъ въ Кронштадтъ.

Съ первыхъ же шаговъ на дѣйствительной службѣ, онъ зарекомендовалъ себя бравымъ морскимъ офицеромъ, и въ 1840 г., въ чинѣ лейтенанта, былъ назначенъ, въ числѣ пяти офицеровъ, на транспортъ Або, отправлявшійся въ кругосвѣтное плаваніе подъ командою капитана 1-го ранга Юнкера. Нужно сказать, что въ то время въ кругосвѣтное плаваніе посылалось въ пять лѣтъ только одно судно, и потому, чтобъ попасть на него въ число пяти офицеровъ, избранныхъ изъ всего флота въ „дальневояжные", какъ ихъ называли, надо было считаться въ числѣ лучшихъ офицеровъ. Въ этомъ плаваніи, продолжавшемся два съ половиною года, много было испытано, много штормовъ перенесено, много видѣно разныхъ странъ. Всего болѣе, кажется, сдѣлало впечатлѣніе на Павла Яковлевича ближайшее знакомство съ бытомъ англійскихъ матросъ и осмотръ англійскихъ казармъ и госпиталей въ Портсмутѣ, Капштатѣ, Сингапурѣ; при сравненіи ихъ съ нашей тогдашней обстановкой нижнихъ чиновъ, разница была поразительная; это произвело на Павла Яковлевича неизгладимое впечатлѣніе, и, быть можетъ, послужило первою причиною, что впослѣдствіи, онъ всегда старался обращать все свое вниманіе на улучшеніе быта матросъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ кругосвѣтнаго плаванія, П. Я. Шкотъ былъ назначенъ старшимъ офицеромъ на пароходо-фрегатъ Смѣлый, одинъ изъ самыхъ большихъ и лучшихъ того времени, на которомъ и находился въ этой

должности пять лѣтъ. Въ 1850 году, уже въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, онъ былъ назначенъ командиромъ парохода Графъ Вронченко,—первое судно, желѣзный корпусъ и машина котораго были сдѣланы въ Россіи. Послѣ того онъ два года командовалъ пароходомъ Тосна, и, наконецъ, въ 1853 г. былъ избранъ командиромъ транспорта Нѣманъ, отправлявшагося въ кругосвѣтное плаваніе. Въ тѣ времена кругосвѣтныя суда были еще очень рѣдки, и одинъ этотъ фактъ уже свидѣтельствуетъ о томъ, что Павелъ Яковлевичъ пользовался репутаціей офицера, подающаго блестящія надежды,—офицера, выходящаго изъ обыкновеннаго уровня.

Плаваніе транспорта Нѣманъ кончилось неблагополучно. Во время жестокаго шторма, въ ночь съ 22 на 23 сентября 1853 г., онъ разбился у береговъ Норвегіи, въ Скагеракѣ, на пути изъ Копенгагена въ Портсмутъ. Въ эту ночь въ Категатѣ разбилось до 22 коммерческихъ судовъ, а шедшее вмѣстѣ съ Нѣманомъ датское трехмачтовое судно въ 1200 тоннъ, разбилось на южномъ рифѣ острова Лес-э, т. е. при тѣхъ же обстоятельствахъ было снесено къ W, между тѣмъ какъ транспортъ Нѣманъ былъ снесенъ къ O— свидѣтельство непостоянства теченій въ Категатѣ. Поведеніе командира, офицеровъ и команды во время крушенія было геройское. Сохраняя все хладнокровіе мужества и полное присутствіе духа, командиръ отдавалъ надлежащія приказанія. Когда, въ началѣ 8 часа стало свѣтать и вода выступала въ жилую палубу, видя, что мѣшкать нечего и что для спасенія Нѣмана больше ничего сдѣлать нельзя, озабочиваемый уже только спасеніемъ команды, командиръ приказалъ срубить гротъ-мачту, упавшую на прилежащую скалу, черезъ которую ходилъ бурунъ. Помощію этой мачты немедленно былъ поданъ лееръ на берегъ, и по немъ переправлены сперва судовой образъ и больные, потомъ команда и офицеры, за которыми послѣднимъ оставилъ свой постъ командиръ, чрезъ нѣсколько секундъ послѣ схода котораго транспортъ погрузился въ воду, увлекая за собою гротъ-мачту. Едва успѣли схватить бывшаго на ней капитана. Матросы, увидѣвъ, что при погруженіи транспорта капитанъ находился еще на мачтѣ, бросились впередъ съ крикомъ „спасайте командира!“ Его схватили въ ту минуту, когда мачта, увлеченная погрузившимся транспортомъ, пошла ко дну. При всей трудности работъ крушенія и переправы, только одинъ матросъ получилъ легкій ушибъ въ голову. „Такому счастливому спасенію всѣхъ чиновъ транспорта“, писалъ командиръ въ своемъ донесеніи, „я обязанъ тому, что во все время гибельнаго положенія судна порядокъ и дисциплина сохранились ненарушимо. Гг. офицеры показали вполнѣ свою неустрашимость и хладнокровіе; вездѣ были первыми, и этимъ вселяли въ команду духъ, достойный русскаго воина. Всѣ приказанія мои исполнялись въ точности и безпрекословно“. Этимъ послѣднимъ заявленіемъ этотъ рѣдкій человѣкъ снималъ всякую отвѣтственность со всѣхъ другихъ и принималъ ее всецѣло на себя одного. И дѣйствительно, кромѣ него никто не былъ привлеченъ къ отвѣтственности; другіе были спрошены только какъ свидѣтели.

По собственноручной конфирмаціи Императора Николая Павловича, 10 февраля 1854 г., П. Я. Шкотъ былъ отставленъ отъ службы, съ правомъ вступить вновь въ оную первымъ офицерскимъ чиномъ. Вслѣдствіе такой конфирмаціи, онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ капитанъ-лейтенанта; но когда, въ слѣдующемъ году, началась Крымская война и знаменитая осада Севастополя, онъ снова вступилъ на службу съ чиномъ мичмана. Великій князь

генералъ-адмиралъ принялъ горячее участіе въ заслуженномъ мичманѣ, бывшемъ командирѣ кругосвѣтнаго судна, и отпустилъ его въ Севастополь съ письмомъ къ адмиралу П. С. Нахимову, который, тотчасъ же по прибытіи П. Я. Шкота, назначилъ его своимъ флагъ-офицеромъ. Съ этихъ поръ Павелъ Яковлевичъ былъ постояннымъ спутникомъ адмирала Нахимова по всѣмъ редутамъ и бастіонамъ Севастополя, и блестящая служба его не могла не обратить на себя вниманіе героя Синопа. Ходатайствуя о возвращеніи ему чина капитанъ-лейтенанта, П. С. Нахимовъ писалъ, отъ 9 марта 1855 г., барону Остенъ-Сакену:

„Состоящій при мнѣ мичманъ Шкотъ, своею полезною и неутомимою службою, всегда обращалъ особое вниманіе начальства; нынѣ, употребляемый мною для порученій, сопряженныхъ съ опасностію и требующихъ хладнокровія и опытности, онъ совершенно оправдываетъ мое довѣріе и репутацію отличнаго офицера; при исполненіи порученій, мною на него возложенныхъ, возвращаясь съ Камчатскаго люнета, 6 числа, раненъ камнемъ, и несмотря на значительность раны, остается точнымъ и дѣятельнымъ исполнителемъ моихъ приказаній.

„Такая примѣрная и достойная всякой похвалы служба этого офицера налагаетъ на меня обязанность ходатайствовать у вашего высокопревосходительства о вознагражденіи ея, а потому прилагаю формулярный списокъ и осмѣливаюсь надѣяться, что просьба моя, основанная на справедливости, заслужитъ милостиваго утвержденія“.

По этому представленію П. Я. Шкотъ былъ произведенъ въ лейтенанты.

Въ началѣ апрѣля Павелъ Яковлевичъ былъ посланъ съ открытымъ листомъ главнокомандующаго на Луганскій заводъ усилить отливку снарядовъ, въ которыхъ Севастополь крайне нуждался, и устроить правильную доставку ихъ. Это трудное порученіе было исполнено имъ блистательно, съ затратою лишь 500 р., и черезъ 13 дней послѣ того, въ Севастополь каждый день начали прибывать по 2,000 пудовъ снарядовъ. Вернувшись въ Севастополь по исполненіи этого порученія, П. Я. Шкотъ былъ контуженъ въ ногу. Объ этомъ обстоятельствѣ адмиралъ Нахимовъ писалъ слѣдующее главнокомандующему кн. Горчакову отъ 31 мая 1855 года.

„Состоящій при мнѣ 40-го флотскаго экипажа лейтенантъ Шкотъ при послѣднемъ бомбардированіи былъ контуженъ въ ногу; не смотря на то, что послѣдствія контузіи требуютъ продолжительнаго леченія въ постелѣ, онъ почти цѣлыя сутки оставался дѣятельнымъ и неутомимымъ исполнителемъ различныхъ порученій, и даже не далъ мнѣ замѣтить случившагося съ нимъ несчастія, хотя не только имѣлъ полное право, но долженъ былъ требовать удаленія въ госпиталь; такое доблестное самоотверженіе этого офицера обязываетъ меня обратить вниманіе вашего сіятельства на него и просить о награжденіи его орденомъ св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ“. Адмиралъ Нахимовъ.

Контузія эта вынудила однако Павла Яковлевича, не за долго до смерти П. С. Нахимова, отправиться въ Симферополь на излеченіе; хотя она и не повредила кости, но долго не вылечивалась, и почти годъ Павелъ Яковлевичъ ходилъ на костыляхъ.

Самымъ драгоцѣннымъ памятникомъ осады Севастополя хранилась у него копія съ письма адмирала Нахимова къ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Генералъ-Адмиралу. Вотъ оно:

„Ваше Императорское Высочество! Мичманъ Шкотъ, бывшій капитанъ-лейтенантъ, командиръ транспорта Нѣманъ, состоитъ при мнѣ. Мнѣніе о немъ Вашего Императорскаго Высочества, выраженное въ рескриптѣ, которымъ Вамъ угодно было меня удостоить, онъ оправдалъ совершенно; разнородныя исполненныя имъ порученія показали въ немъ офицера съ рѣдкими достоинствами, способнаго осуществить самыя сложныя намѣренія своего начальника.

„Подъ самымъ жестокимъ артиллерійскимъ огнемъ и вообще въ минуты рѣшительныя въ жизни человѣка, онъ удивляетъ окружающихъ своимъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ. Такія исключительныя достоинства и характеръ этого офицера заставили меня просить по начальству объ исходатайствованіи ему Всемилостивѣйшаго прощенія Государя Императора и о возвращеніи прежняго чина капитанъ-лейтенанта. Но, Высочайшимъ приказомъ, отъ 6-го числа апрѣля, онъ произведенъ въ лейтенанты. За дѣятельное участіе и самоотверженіе г. Шкота при второмъ бомбардированіи Севастополя, я вновь вошелъ съ представленіемъ о возвращеніи ему чина капитанъ-лейтенанта и старшинства со сверстниками, а также просилъ постигшее его несчастіе не считать препятствіемъ къ наградамъ. Его сіятельство главнокомандующій затрудняется безпокоить Государя Императора повтореніемъ недавней просьбы.

„Ваше Императорское Высочество! Вы знаете лучше, чѣмъ кто нибудь цѣну хорошаго капитана и, смѣю думать, вполнѣ раздѣляете мнѣніе одного знаменитаго адмирала, доносившаго своему правительству, что въ потерѣ судна легко утѣшиться, а потеря достойнаго капитана есть потеря государственная, и потому оправдаете мою настойчивость, съ которою я рѣшаюсь преслѣдовать эту мысль и осмѣливаюсь безпокоить Васъ почтительнѣйшею просьбою обратить на нее милостивое вниманіе Ваше.

„Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и искреннею преданностію имѣю честь быть Вашего Императорскаго Высочества покорнѣйшій слуга

Павелъ Нахимовъ".

Севастополь.
17-го мая 1855 года.

На подлинномъ рукою Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Генералъ-Адмирала написано:

„Государь Императоръ на сіе ходатайство адмирала Нахимова Всемилостивѣйше соизволилъ, 25 мая 1855 года".

„Константинъ".

Такимъ лестнымъ о немъ мнѣніемъ адмирала Нахимова покойный очень дорожилъ и часто говорилъ, что „чины и ордена заслужить можно, но такимъ письмомъ не всякій можетъ похвалиться".

Когда, послѣ войны, въ Севастополѣ раздавались нѣкоторыя казенныя мѣста, то мѣсто съ развалинами дома, въ которомъ жилъ адмиралъ П. С. Нахимовъ, было пожаловано Павлу Яковлевичу, совмѣстно съ двумя другими флагъ-офицерами адмирала, В. Ф. Давыдовымъ и А. Ф. Фельдгаузеномъ съ тѣмъ, чтобы въ теченіи трехъ лѣтъ возвести постройку; такъ какъ это условіе было неисполнимо для офицеровъ, находившихся по службѣ въ разныхъ концахъ Россіи, они условились продать это мѣсто, и деньги, вырученныя отъ продажи, пожертвовать на портретъ адмирала въ Морскомъ корпусѣ, что и было ими исполнено.

Послѣ войны П. Я. Шкотъ былъ назначенъ командиромъ корвета Волкъ, а затѣмъ корвета Рында, и въ 1856 году произведенъ въ капитаны 2-го ранга.

Когда, послѣ крушенія Нѣмана, Павелъ Яковлевичъ оставался почти годъ въ отставкѣ, онъ командовалъ коммерческимъ пароходомъ на Волгѣ въ обществѣ „Кавказъ и Меркурій". Въ то время пароходныя компаніи были вновѣ, и Н. А. Новосельскій старался отыскивать людей способныхъ и привлекать на службу этихъ обществъ; конечно, онъ не могъ не оцѣнить П. Я. Шкота, дѣятельность котораго въ одно лѣто командованія имъ пароходомъ на Волгѣ выдвинула его изъ числа всѣхъ. Н. А. Новосельскій уговорилъ Павла Яковлевича вступить во вновь сформированное имъ Русское Общество пароходства и торговли, гдѣ онъ одно лѣто командовалъ пароходомъ Великій Князь Константинъ, тѣмъ самымъ, который въ послѣднюю войну такъ прославился подъ командой капитанъ-лейтенанта Макарова. Затѣмъ, Павелъ Яковлевичъ былъ приглашенъ на новую дѣятельность устройства пароходства, по Дону и Азовскому морю, только что учрежденнаго Общества Волго-Донской желѣзной дороги и пароходства по Дону и Азовскому морю.

Дѣятельность его въ коммерческой службѣ отличалась практичностію и своевременностію всѣхъ принятыхъ мѣръ, почему, когда въ другихъ обществахъ и даже въ Волго-Донскомъ по постройкѣ желѣзной дорогѣ, постоянно случались неудовольствія съ рабочими, доходившія до весьма серьезныхъ размѣровъ, по пароходству не было ничего подобнаго. Устройство и управленіе его было такъ цѣлесообразно и стоило такъ недорого, что по окончаніи постройки желѣзной дороги этого Общества, Павлу Яковлевичу было поручено управленіе на мѣстѣ всѣми дѣлами Общества, какъ пароходствомъ, такъ и желѣзной дорогой.

Однако это продолжалось не долго. Онъ былъ снова призванъ на дѣйствительную службу, и уже въ чинѣ капитана 1-го ранга, назначенъ начальникомъ Аральской флотиліи. Затѣмъ, по возвращеніи своемъ оттуда, онъ назначенъ былъ командиромъ 8-го флотскаго экипажа, расположеннаго въ Петербургѣ. Въ 1870 г. Павелъ Яковлевичъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ начальникомъ штаба главнаго командира кронштадтскаго порта.

Дѣятельность его, какъ въ 8 экипажѣ, такъ и въ Кронштадтѣ, обнимающая собою вмѣстѣ болѣе шести лѣтъ, особенно отличалась постоянною заботливостію Павла Яковлевича объ улучшеніи быта нижнихъ чиновъ. Устройство паровыхъ самоваровъ со всегда готовымъ даровымъ кипяткомъ, такъ необходимымъ въ домашнемъ обиходѣ матросъ, было его изобрѣтеніемъ, и введено имъ во всѣхъ экипажахъ; не менѣе благодѣтельное устройство паровыхъ прачешень, причемъ каждая рота въ одинъ день получаетъ бѣлье свое совершенно готовымъ; паровая хлѣбопекарня, изготовляющая все количество хлѣба, всегда одинаково хорошо выпекаемаго, какъ для береговыхъ командъ, такъ равно и для находящихся въ плаваніи, вмѣсто прежнихъ сухарей, которыми они принуждены были довольствоваться,—было его дѣломъ, и приводилось въ исполненіе, при ближайшемъ его наблюденіи, средствами, изумлявшими всѣхъ своею ничтожностію. Въ казармы проведена была вода и газъ; особенное вниманіе обращено имъ было на отопленіе и вентиляцію казармъ, причемъ уничтожилась сырость, одолѣвавшая ихъ; устроены для матросъ желѣзныя кровати, тюфяки, одѣяла, простыни, чего прежде никогда не полагалось; обмундировка, пища матросъ тоже много при немъ улучшились; онъ, впервые въ Кронштадтѣ, устроилъ народныя гулянья и матросскій театръ. Много еще предположеній для улучшенія быта матросъ, частію уже разрѣшенныхъ, не успѣлъ Павелъ Яковлевичъ привести въ исполненіе. И любили же его матросы, видя такую заботливость о себѣ; они называли его „нашъ

серебрянный адмиралъ“ по цвѣту волосъ, сѣдина которыхъ отличалась необыкновенною бѣлизной; безъискуственные разсказы ихъ и слезы, при извѣстіи о его кончинѣ, свидѣтельствуютъ о ихъ привязанности: „Одной справедливой душой менѣе на свѣтѣ!“ говорили они.

Въ 1873 г. Павелъ Яковлевичъ получилъ новое назначеніе командующимъ только что сформированной Балтійской таможенной крейсерской флотиліей, съ званіемъ младшаго флагмана Балтійскаго флота; въ этомъ назначеніи онъ и оставался до конца своей жизни. Избраніе типа судовъ и самое сформированіе флотиліи было почти всецѣло дѣломъ покойнаго адмирала, и отличалось, какъ и все имъ дѣлаемое, своею цѣлесообразностію. Морскія качества всѣхъ этихъ судовъ оказались именно такими, какъ проэктировались, что̀, надо правду сказать, случается на дѣлѣ довольн› рѣдко.

Весною 1873 года, передъ казавшеюся неизбѣжною войною съ Англіей, отклоненной берлинскимъ конгрессомъ, онъ былъ назначенъ начальникомъ обороны южнаго берега Финскаго залива.

Покойный былъ членомъ Правленія Общества спасанія на водахъ, состоящаго подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Гусударыни Цесаревны, и ревностно занимался дѣлами этого благодѣтельнаго Общества, которому вполнѣ сочувствовалъ. Въ 1876 году, онъ осмотрѣлъ всѣ спасательныя станціи въ Балтійскомъ морѣ, что сопряжено было съ довольно значительными неудобствами и издержками; но предъ такими затратами, разумѣется, въ предѣлахъ средствъ своихъ, онъ никогда не останавливался, справедливо пользуясь репутаціей честнѣйшаго и безкорыстнѣйшаго человѣка.

Въ 1878 г онъ былъ избранъ почетнымъ членомъ С.-Петербургскаго яхтъклуба.

Изнуренный продолжительной болѣзнію, скончался онъ тихо, параличемъ сердца: смерть почти мгновенная; ни одна черта лица не исказилась страданіемъ, и онъ сохранилъ спокойное, ясное выраженіе лица. Достаточно было присутствовать на похоронахъ покойнаго, чтобъ видѣть въ какой степени онъ успѣлъ пріобрѣсть любовь своихъ сослуживцевъ по крейсерской флотиліи; какъ одна семья собрались всѣ служащіе въ ней здѣсь, прибыли командиры крейсеровъ изъ Нарвы, Ревеля, Виндавы и Либавы, и на рукахъ отнесли гробъ любимаго ими начальника изъ самой квартиры его въ церковь св. Спиридонія, что въ Главномъ Адмиралтействѣ, гдѣ происходило отпѣваніе.

Его Императорское Высочество Великій Князь Генералъ-Адмиралъ почтилъ память покойнаго присутствіемъ своимъ на похоронахъ, и обратясь къ вдовѣ его, изволилъ выразиться такъ:

— „Мы всѣ теряемъ въ немъ отличнаго сослуживца, прекраснаго человѣка!“

Слова эти казались выраженіемъ общей оцѣнки покойнаго. Дѣйствительно, онъ пользовался такимъ всеобщимъ уваженіемъ и любовію, которое выпадаетъ на долю немногихъ, и смерть его глубоко огорчила не только сослуживцевъ, питавшихъ къ нему глубокое уваженіе какъ къ начальнику и человѣку, но и вообще всѣхъ лицъ, которыя его знали. Почти не было ни одного адмирала или генерала морской службы, находящагося въ Петербургѣ, который бы не былъ на похоронахъ, нѣкоторые пріѣхали изъ Кронштадта; густая толпа провожала пѣшкомъ печальную колесницу до Новодѣвичьяго монастыря, гдѣ назначено было погребеніе.

Миръ праху твоему, человѣкъ добрый, отзывчивый на все хорошее и полезное; тв›я свѣтлая память останется въ сердцахъ у многихъ; кромѣ добра тебя нечѣмъ помянуть!

О ПОДПИСКѢ НА ПАМЯТНИКЪ Н. В. ГОГОЛЮ

ОТЪ ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ РОССІЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Въ дни празднованія открытія памятника Пушкину, 8-го іюня 1880 года, во второе торжественное засѣданіе Общества Любителей Россійской словесности дѣйствительнымъ членомъ Общества А. А. Потѣхинымъ было сдѣлано предложеніе отъ лица всѣхъ литераторовъ, участвовавшихъ въ торжествѣ, положить начало всенародной подпискѣ другому геніальному писателю нашему, Гоголю.

Предложеніе было принято восторженно всѣми присутствовавшими въ залѣ засѣданія, и приготовленные по общему требованію листы быстро покрылись подписями.

Тутъ же было постановлено Обществомъ ходатайствовать чрезъ г. московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова, передъ высшимъ правительствомъ, о разрѣшеніи открыть всенародную подписку на памятникъ Гоголю.

Это ходатайство было благосклонно принято Государемъ Императоромъ, и Его Величество, 6-го августа 1880 года, Всемилостивѣйше соизволилъ разрѣшить Обществу Любителей Россійской Словесности открыть повсемѣстную подписку въ Россіи на сооруженіе памятника Гоголю въ Москвѣ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Россія, соорудивъ памятникъ первому своему любимцу А. С. Пушкину, воздвигнетъ такой же и другому, столько же излюбленному ею писателю, другой ея славѣ — Н. В. Гоголю.

Пожертвованія на памятникъ принимаются въ редакціяхъ журналовъ и газетъ, въ которыхъ сдѣланы объявленія о подпискѣ, по предложенію Общества, или высылаются въ пакетахъ на имя казначея Общества Любителей Россійской Словесности, Ѳедора Богдановича Миллера (Москва, Машковъ переулокъ, собственный домъ).

сихъ поръ неизданнаго, архивнаго матеріала, то его книга составляетъ цѣнный вкладъ въ литературу исторіи Екатерининскаго царствованія и всегда займетъ мѣсто въ ряду главнѣйшихъ источниковъ для изученія войны Россіи съ Турціей 1787—1791 гг.

Въ концѣ обоихъ томовъ помѣщены приложенія, имѣющія спеціально военно-историческій интересъ.

Сочиненія Ю. Ѳ. Самарина. Т. V. Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ. Изд. Д. Самарина. М. 1880. XCII+463. Ц. 2 р. 25 к.

Эта диссертація, писанная въ 1840—43 гг. на степень магистра, но въ свое время, по цензурнымъ соображеніямъ, была допущена къ публичному защищенію въ Московск. универс. и напечатана только третья часть ея: «Стеф. Я. и Ѳ. Прокоповичъ, какъ проповѣдники». Диссертація эта, по справедливому отзыву автора предисловія, представляетъ по этому предмету первый, замѣчательно серьезный и, по своему времени, во многихъ отношеніяхъ очень смѣлый опытъ, и, не смотря на то, что послѣ этого было издано не мало изслѣдованій и статей по означенному вопросу, по широтѣ своей задачи до сихъ поръ не потеряла значенія. При тщательной спеціальной разработкѣ избраннаго вопроса, диссертація Самарина вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ цѣлое общее воззрѣніе по вопросамъ философскимъ, богословскимъ и историческимъ. Трудъ автора распадается на три части: a) Ст. Яворскій и Ѳеофанъ П—чъ какъ богословы; b) какъ сановники церкви и c) какъ проповѣдники. Касаясь ихъ богословскаго направленія, авторъ представляетъ изслѣдованіе общаго вопроса о сущности католическаго и протестантскаго ученія и отношеній ихъ къ православію, а затѣмъ весьма обстоятельно слѣдитъ за вліяніемъ католическихъ воззрѣній въ богословской системѣ С. Яворскаго и протестантскихъ—въ системѣ Ѳ. Прокоповича. Точно также во второй части авторъ предварительно разсматриваетъ вопросъ объ отношеніяхъ церкви и государства, съ религіозной, философской и исторической точки зрѣнія, въ католическомъ, протестантскомъ и православномъ мірѣ. Въ третьей части авторъ даетъ характеристику католическаго и южно-русскаго проповѣдничества и касается вообще вопроса о церковномъ краснорѣчіи. Въ обширныхъ введеніяхъ къ настоящему труду сдѣлана оцѣнка основныхъ мнѣній автора и сообщены данныя изъ его біографіи въ этотъ періодъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ какъ писатель. П. Морозова. Спб. 18:0. 402.

Не смотря на такой обстоятельный трудъ о Ѳеофанѣ Прокоповичѣ и его времени какъ сочиненіе И. А. Чистовича, этотъ предметъ оказывается еще далеко не исчерпаннымъ. Въ этомъ отношеніи остается вовсе не лишнимъ и изслѣдованіе Самарина. Новое сочиненіе по тому же вопросу есть «очеркъ изъ исторіи русской литературы въ эпоху преобразованія» и потому имѣетъ болѣе спеціальный характеръ. Оцѣнивая дѣятельность Ѳеофана какъ писателя, авторъ смотритъ на послѣдняго какъ «на одного изъ наиболѣе видныхъ дѣятелей Петровской реформы». Литературная дѣятельность Ѳеофана представляетъ яркое воплощеніе идей и стремленій передовой части русскаго общества въ эпоху преобразованія; вопросы, имъ затронутые, нерѣдко были для нашего общества вопросами первостепенной важности; вліяніе его на дальнѣйшій ходъ нашей литературы едва ли подлежитъ сомнѣнію... Нѣкогда духовенство было единственнымъ образованнымъ и учительнымъ классомъ въ Россіи... Петровская реформа подорвала его авторитетъ, внесла въ русскую жизнь новыя начала, новыя требованія; въ лицѣ Ѳ. П—ча, сознательно, по искреннему убѣжденію ставшаго на сторону реформы, духовенство, такъ сказать, отрекалось отъ самаго себя, уступаетъ свое мѣсто другимъ элементамъ... Послѣдній представитель стараго учительнаго сословія—Ѳеофанъ П—чъ, въ дѣятельности котораго преобразовательная эпоха отразилась во всей полнотѣ, былъ въ то же время и первымъ представителемъ новаго движенія — секуляризаціи русской мысли. Таковъ взглядъ автора на свой вопросъ.

В. И.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ.

Годъ двѣнадцатый. АПРѢЛЬ. **1881 годъ.**

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Манифестъ о восшествіи на престолъ Государя Императора Александра III.

II. Императоръ Александръ II. † 1-го марта 1881 г. 891

III. **Крестьянское дѣло въ царствованіе императора Александра II.** Записки сенатора Я. А. Соловьева. 1857—1858 гг. . . 721 и 903

IV. **Записки Сельскаго Священника.** Главы LXII—LXVIII . . . 757

V. **Филаретъ Гумилевскій,** архіепископъ Черниговскій. 1805—1866 г. Біографическій очеркъ. Состав. свящ. Ѳ. Хорошуновъ. . . 781

VI. **Пережитое и передуманное.** Воспоминанія А. П. Бѣляева: отъѣздъ въ Сибирь.—Пребываніе въ Читѣ и Петровскѣ.—Жизнь на поселеніи 799

VII. **Записки кн. И. С. Голицына.** Глава VII: событія 1828—1829 гг. 839

VIII. **Оренбургскіе пожары.** Очеркъ бывшаго губернскаго прокурора въ Оренбургѣ. А. Томашевскаго. 851

IX. **Иванъ Петровичъ Голевъ,** одинъ изъ защитниковъ Севастополя. † 1880 г. Біографическій очеркъ П. В. Алабина 870

X. Къ проектамъ сооруженія Храма на мѣстѣ злодѣйскаго покушенія 1-го марта 1881 г. Заявленіе И. С. Мусина-Пушкина и Ѳ. Ѳ. Львова 906

XI. **Кн. М. С. Воронцовъ и кн. А. И. Барятинскій.** Сообщ. Д. И. Романовскій. 908

XII. **Князь А. М. Горчаковъ:** двадцатипятилѣтіе его управленія министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, 15-го апрѣля 1856—1881 гг. . 912

XIII. **Библіографическій листокъ.**

ПРИЛОЖЕНІЯ: I. Портретъ императора **Александра II Николаевича** и снимокъ съ подписи въ Бозѣ почившаго Монарха. Гравировалъ въ апр. 1880 г., по фотографіи 1878 г., Академикъ-граверъ Л. А. Сѣряковъ, [второе изданіе этого портрета].—II. Указатель личныхъ именъ въ изд. «Русской Старины», въ XXX-мъ томѣ изд. 1881 г.—III. Записки **Семена Порошина,** 1764—1766 гг. [продолж.].

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА.

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, № 90—1

1881.

Калевала. Финскій народный эпосъ. Перевелъ Э. Гранстремъ. Спб. 1881. VII+242 стр. въ 8 д. л. Цѣна 2 р. сер.

Для ученаго историка и филолога, знаменитая финская эпопея — неистощимый рудникъ изслѣдованій, толкованій, поясненій и т. п. Связь миѳологіи древнихъ финновъ съ баснословными сказаніями индусовъ, египтянъ и грековъ, проявляется во многихъ эпизодахъ Калевалы, что, весьма естественно, возбуждаетъ въ читателѣ желаніе доискаться, какими путями миѳы древняго востока могли проникнуть на полярныя окраины Европы, преобразясь въ національные типы, обставленные угрюмыми, суровыми красотами сѣверной природы, болѣе ужасающей, нежели воспаляющей воображеніе. Финская космогонія, съ первыхъ-же словъ, напоминаетъ индусскую: финская Ильматаръ и Бгавани — браминтовъ, почти тождественны; Вейнемейненъ — тотъ-же Аполлонъ, и въ трогательномъ эпизодѣ его сватовства за Айно не трудно угадать преслѣдованіе Аполлономъ Дафны... Однимъ словомъ, финская эпопея, съ обстановкою каждой своей строфы археологическими поясненіями, для читателей просвѣщенныхъ и энциклопедически образованныхъ можетъ быть весьма пріятнымъ и полезнымъ чтеніемъ. Но переводчикъ нынѣ изданной «Калевалы» не задавался мыслію дать русской публикѣ переводъ ученый, комментированный; его задача болѣе скромнѣе: она заключалась лишь въ ознакомленіи русской публики съ народнымъ поэтическимъ творчествомъ древнихъ финновъ, и задачу эту г. Гранстремъ разрѣшилъ удовлетворительно. Его переводъ, написанный языкомъ нашихъ простонародныхъ сказокъ, сокращенъ, именно настолько, что можетъ быть допущенъ къ чтенію даже дѣтей старшаго возраста. Сохранивъ наивность разсказа, переводчикъ отдѣлилъ отъ него патріархальный цинизмъ, свойственный эпопеямъ всѣхъ народовъ древности. «Калевалу» не безъ удовольствія прочтутъ люди, неимѣющіе никакого понятія о финскомъ народномъ эпосѣ.

Внѣшность изданія, исполненнаго типографіей В. С. Балашева, вполнѣ изящна: гравюры, шрифтъ, виньетки и заглавныя буквы могутъ съ успѣхомъ состязаться съ произведеніями типографій заграничныхъ. Читатели, знакомые съ техникою печатнаго дѣла, съ перваго-же взгляда на это изданіе, поймутъ и по достоинству оцѣнятъ многія трудности, которыя пришлось преодолѣть издателю; такъ напримѣръ, красивыя виньетки въ началѣ каждой главы сдѣланы «наборомъ» изъ множества мелкихъ арабесокъ и штриховъ, въ родѣ мозаики; произведенія, въ своемъ родѣ образцовыя. Наконецъ и самая цѣна книги довольно умѣренна и доступна.

П. К.

Статистическое описаніе Сибирскаго казачьяго войска. Составилъ Ѳ. Усовъ. Изд. главн. управл. иррегулярн. войскъ. Спб. 1879. 284+42, съ картою. Ц. 1 р. 50 к.

Настоящій трудъ составленъ по отчетамъ войсковаго начальства и по подлиннымъ, какъ архивнымъ, такъ и текущимъ дѣламъ главнаго управленія Западной Сибири; наконецъ на основаніи данныхъ, нарочно собранныхъ на мѣстѣ и мѣстными учрежденіями, напр., о нѣкоторыхъ подробностяхъ казачьяго хозяйства. При этомъ авторъ воспользовался историческими и статистическими трудами, относящимися къ его задачѣ, далъ значительное мѣсто и историческому элементу. Описаніе обнимаетъ всѣ требуемыя рубрики статистическаго обозрѣнія; но въ историческомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія очерки колонизаціи, народонаселенія, домашняго быта и т. п. Въ концѣ приложены списки населенныхъ мѣстъ.

Черноморье. Сборникъ изслѣдованій по исторической географіи южной Россіи. Ф. Бруна. Ч. II. 1880. 409.

Намъ приходилось въ свое время сообщать о выходѣ I тома настоящаго Сборника (1879); но автору не пришлось уже выпустить въ свѣтъ самому II томъ: онъ скончался 3 іюня 1880 г., на 76 году жизни, оставаясь до конца вѣренъ [illegible] те-

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Господу Богу угодно было въ неисповѣдимыхъ путяхъ Своихъ поразить Россію роковымъ ударомъ и внезапно отозвать къ Себѣ ея благодѣтеля, Государя Императора Александра II-го. Онъ палъ отъ святотатственной руки убійцъ, неоднократно покушавшихся на его драгоцѣнную жизнь. Они посягали на сію столь драгоцѣнную жизнь, потому что въ ней видѣли оплотъ и залогъ величія Россіи и благоденствія Русскаго народа. Смиряясь предъ таинственными велѣніями Божественнаго Промысла и возносся ко Всевышнему мольбы объ упокоеніи чистой души усопшаго Родителя Нашего, Мы вступаемъ на Прародительскій Нашъ Престолъ Россійской Имперіи и нераздѣльныхъ съ нею Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.

Подъемлемъ тяжкое бремя, Богомъ на Насъ возлагаемое, съ твердымъ упованіемъ на Его Всемогущую помощь. Да благословитъ Онъ труды Наши ко благу возлюбленнаго нашего отечества и да направитъ Онъ силы Наши къ устроенію счастія всѣхъ Нашихъ вѣрноподданныхъ.

Повторяя данный Родителемъ Нашимъ священный предъ Господомъ Вседержителемъ обѣтъ посвятить по завѣту Нашихъ пред-

она не уклонится отъ призванія охранять, совмѣстно съ другими правительствами, общій миръ, основанный на уваженіи къ праву и трактатамъ.

На России лежатъ прежде всего заботы о самой себѣ; только долгъ защитить честь свою или безопасность можетъ отвлечь ее отъ внутренней работы.

Нашъ Августѣйшій Монархъ будетъ стремиться къ упроченію могущества и благоденствія Россіи, для счастія ея и безъ вреда другимъ.

Таковы начала, которыми неизмѣнно будетъ руководиться Государь Императоръ въ Своей политикѣ.

Его Величество поручаетъ вамъ довести объ этомъ до свѣдѣнія правительства, при которомъ вы аккредитованы, и прочитать настоящую депешу министру иностранныхъ дѣлъ.

Примите и проч.

Александръ.

ПРИЛОЖЕНІЕ КЪ «РУССКОЙ СТАРИНѢ» изд. 1881 г.

ВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 13 МАРТА 1881 Г. ЭКСПЕДИЦІЯ ЗАГОТОВЛЕНІЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ БУМА

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА Я. А. СОЛОВЬЕВА О КРЕСТЬЯНСКОМЪ ДѢЛѢ.

ГЛАВА ВТОРАЯ [1]).

Адресы, рескрипты и открытіе губернскихъ комитетовъ.

I.

Переговоры съ предводителями въ Москвѣ во время коронаціи.—Порученіе, данное виленскому генералъ-губернатору В. И. Назимову.—Непониманіе этого порученія.—Рескриптъ 20 ноября 1857 г. объ открытіи губернскихъ комитетовъ виленскимъ генералъ-губернаторомъ и дополнительныя къ нему отношенія.—Разсылка ихъ во всѣ губерніи: къ губернаторамъ и предводителямъ.—Петербургскій рескриптъ 5 декабря 1857 г.—Разница между дополнительными къ рескриптамъ отношеніями петербургскимъ и виленскимъ.—Реакціонное движеніе правительства.—Опубликованіе въ газетахъ первыхъ двухъ рескриптовъ и петербургскаго дополнительнаго отношенія.—Три циркуляра министра по поводу разсылки рескриптовъ по губерніямъ.

Въ первой главѣ были уже указаны тѣ первые шаги министерства внутреннихъ дѣлъ къ разрѣшенію крестьянскаго дѣла, послѣдствіемъ которыхъ была учрежденіе Секретнаго Комитета и записка 26 іюля 1857 года. Въ числѣ тѣхъ же предварительныхъ дѣйствій было предложеніе Ланскаго воспользоваться для крестьянскаго дѣла собраніемъ предводителей дворянства въ Москвѣ во время коронаціи. Мысль эта была одобрена Государемъ; Левшинъ къ этому времени отправился въ Москву. Такимъ образомъ, во время коронаціи, слѣдовательно въ августѣ 1856 года, происходили переговоры между представителями правительства и предводителями дворянства о способахъ разрѣшенія крестьянскаго вопроса. Переговоры эти съ предводителями коренныхъ русскихъ губерній не имѣли никакихъ послѣд-

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1881 г. томъ XXX (февраль), стр. 211—246.

ствій. Представители правительства не имѣли уполномочія заявить дворянству о намѣреніи правительства немедленно приступить къ освобожденію крестьянъ, а дворянство не имѣло никакого желанія торопиться этимъ дѣломъ. Но причина такого полнаго неуспѣха едва ли ни заключалась въ самомъ планѣ веденія дѣла, который усвоило себѣ министерство внутреннихъ дѣлъ. Оно было убѣждено, по его собственному отзыву, выраженному въ запискѣ 26 іюля, что крестьянское дѣло «нельзя двигать одновременно во всѣхъ концахъ Россіи. Оно прямо высказывало мысль, что «для перваго опыта.... могутъ быть взяты губерніи: Ковенская, Гродненская и Виленская». Переговоры съ предводителями дворянства сейчасъ поименованныхъ губерній были болѣе успѣшны.

Кромѣ настояній Ланскаго и Левшина, въ особенности послѣдняго, на приведеніе въ исполненіе такого плана, болѣе благопріятнымъ послѣдствіямъ переговоровъ способствовали два обстоятельства. Помѣщики западныхъ губерній крайне были недовольны инвентарями и готовы были согласиться на освобожденіе крестьянъ, но, само собою разумѣется, одно только личное (освобожденіе) безъ земли. Другое обстоятельство состояло въ томъ, что виленскій генералъ-губернаторъ Назимовъ, какъ состоявшій при Государѣ, когда Онъ былъ Наслѣдникомъ, былъ особенно ему преданъ и чуждъ исключительныхъ сословныхъ интересовъ; поэтому Назимовъ изъ всѣхъ силъ старался сдѣлать угодное Государю. Починъ этого дѣла положено было предоставить образованнымъ въ сѣверозападныхъ губерніяхъ дворянскимъ комитетамъ для разсмотрѣнія существовавшихъ тамъ инвентарныхъ правилъ. Не смотря, впрочемъ, на недовольство помѣщиковъ инвентарными правилами, Назимовъ едва успѣлъ склонить дворянъ ввѣренныхъ ему губерній на личное освобожденіе крестьянъ безъ земли, даже съ меньшимъ обезпеченіемъ крестьянъ, чѣмъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ.

Въ концѣ октября или въ началѣ ноября 1857 года Назимовъ пріѣхалъ съ этимъ отзывомъ дворянства въ Петербургъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ представленіе генералъ-губернатора въ секретный комитетъ. Комитетъ готовъ былъ на принятіе предложенія о безземельномъ освобожденіи крестьянъ, но Государь на это не согласился и требовалъ немедленнаго разрѣшенія дѣла на другихъ основаніяхъ. Основаніями этими послужили изложенныя въ запискѣ 26 іюля 1857 г. начала: усадебной осѣдлости, предоставляемой крестьянамъ въ собственность за выкупъ и предоставленія имъ другихъ угодій въ пользованіе за повинности.

«Переходное время» было также принято, но не въ число коренныхъ началъ.

Комитетъ, послѣ трехъ засѣданій, представилъ Государю къ подписанію рескриптъ на имя генералъ-губернатора и для одобренія проектъ дополнительнаго къ этому рескрипту отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ генералу Назимову.

. . . .

Рескриптъ былъ подписанъ Государемъ въ Царскомъ Селѣ 20 ноября 1857 г. Онъ былъ слѣдующаго содержанія:

„Въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской были учреждены особые комитеты изъ предводителей дворянства и другихъ помѣщиковъ, для разсмотрѣнія существующихъ тамъ инвентарныхъ правилъ".

„Нынѣ министръ внутреннихъ дѣлъ довелъ до Моего свѣдѣнія о благихъ намѣреніяхъ, изъявленныхъ комитетами, относительно помѣщичьихъ крестьянъ исчисленныхъ трехъ губерній".

„Одобряя вполнѣ намѣреніе сихъ представителей дворянства Ковенской, Виленской и Гродненской губерній, какъ соотвѣтствующее моимъ видамъ и желаніямъ, я разрѣшаю дворянскому сословію оныхъ приступить теперь же къ составленію проектовъ, на основаніи коихъ предположенія комитетовъ могутъ быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, но не иначе, какъ постепенно, дабы не нарушить существующаго нынѣ хозяйственнаго устройства помѣщичьихъ имѣній".

„Для сего повелѣваю":

„1) Открыть теперь же въ губерніяхъ Ковенской, Виленской и Гродненской по одному въ каждой пріуготовительному комитету, а потомъ для всѣхъ 3-хъ губерній вмѣстѣ одну общую коммисію въ г. Вильнѣ. 2) Каждому губернскому комитету состоять подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ слѣдующихъ членовъ: а) по одному отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранному изъ среды себя дворянами, владѣющими въ этомъ уѣздѣ населенными имѣніями, и б) двухъ опытныхъ помѣщиковъ той же губерніи, по непосредственному назначенію начальника оной, и 3) Общей коммисіи состоять изъ слѣдующихъ членовъ: а) двухъ членовъ каждаго изъ 3-хъ губернскихъ комитетовъ по ихъ выбору; б) одного опытнаго помѣщика изъ каждой губерніи по вашему назначенію; и в) одного члена отъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Предсѣдателемъ коммисіи предоставляется вамъ назначить одного изъ ея членовъ, принадлежащихъ къ мѣстному дворянству".

„Губернскіе комитеты, по открытіи ихъ, должны приступить къ составленію по каждой губерніи, въ соотвѣтственность собственному вызову представителей дворянства, подробнаго проекта объ устройствѣ и улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ оной, имѣя при этомъ въ виду слѣдующія главныя основанія":

„1) Помѣщикамъ сохранить право собственности на всю землю, но крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость, которую они, въ теченіи опредѣленнаго времени, пріобрѣтаютъ въ свою собственность посредствомъ выкупа; сверхъ того предоставляется въ пользованіе крестьянъ надлежащее, по мѣстнымъ удобствамъ, для обезпеченія ихъ быта и для выполненія ихъ

обязанностей предъ правительствомъ и помѣщикомъ, количество земли, за которое они: или платятъ оброкъ, или отбываютъ работу помѣщику".

„2. Крестьяне должны быть распредѣлены на сельскія общества; помѣщикамъ же предоставляется вотчинная полиція; и

„3. При устройствѣ будущихъ отношеній помѣщиковъ и крестьянъ, должна быть надлежащимъ образомъ обезпечена исправная уплата государственныхъ и земскихъ податей и денежныхъ сборовъ."

„Развитіе сихъ основаній и примѣненіе ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ 3-хъ означенныхъ губерній предоставляется губернскимъ комитетомъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свои соображенія, могущія служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ."

„Комитеты сіи, окончивъ свой трудъ, должны представить оный въ общую коммисію, которая, обсудивъ и разсмотрѣвъ всѣ предположенія губернскихъ комитетовъ, а также сообразивъ съ изложенными выше соображеніями, должна постановить окончательныя по сему предмету заключенія и составить проектъ общаго для всѣхъ трехъ губерній положенія съ нужными по каждой изъятіями или особыми правилами."

„Поручая вамъ главное наблюденіе и направленіе сего важнаго дѣла вообще во ввѣренныхъ вамъ Ковенской, Виленской и Гродненской губерніяхъ, я предоставляю вамъ дать, какъ губернскимъ комитетамъ сихъ 3-хъ губерній, такъ и общей коммисіи, нужныя наставленія для успѣшнаго производства и окончанія возлагаемыхъ на нихъ занятій. Начальники губерній должны содѣйствовать вамъ въ исполненіи сей обязанности. Составленный общей коммисіей проектъ вы имѣете съ своимъ мнѣніемъ препроводить къ министру внутреннихъ дѣлъ, для представленія на мое усмотрѣніе."

„Открывая такимъ образомъ дворянскому сословію Ковенской, Виленской и Гродненской губерній средства привести благія его намѣренія въ дѣйствіе на указанныхъ мною началахъ, я надѣюсь, что дворянство вполнѣ оправдаетъ довѣріе, мной оказываемое сему сословію призваніемъ его къ участію въ семъ важномъ дѣлѣ и что, при помощи Божіей и при просвѣщенномъ содѣйствіи дворянъ, дѣло сіе будетъ окончено съ надлежащимъ успѣхомъ."

„Вы и начальники ввѣренныхъ вамъ губерній обязаны строго соблюдать, чтобы крестьяне, оставаясь въ полномъ повиновеніи помѣщикамъ, не внимали никакимъ злонамѣреннымъ внушеніямъ и ложнымъ толкамъ."

Въ дополнительномъ къ этому рескрипту отношеніи къ генералъ-губернатору, министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ ему свои и «соображенія», о которыхъ упоминается въ рескриптѣ и которыя должны были «служить пособіемъ комитетамъ при ихъ занятіяхъ». Объясненія сущности и коренныхъ оснований предположеннаго преобразованія, сдѣланныя въ рескриптѣ и дополнительномъ къ нему отношеніи, нѣсколько разнятся между собою. Въ рескриптѣ было сказано, что дворянство изъявило «благія намѣренія... относительно помѣщичьихъ крестьянъ». Министръ же въ своемъ отношеніи какъ бы поясняетъ, что эти благія намѣренія состояли въ томъ, что дворянство вознамѣрилось: «въ видахъ улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, освободить ихъ отъ крѣпостной зависимости». Въ

рескриптѣ будущіе проекты положеній названы «объ устройствѣ и улучшеніи быта крестьянъ», министръ называетъ имъ «проектами положеній объ освобожденіи крѣпостнаго сословія». Въ рескриптѣ говорилось, что предположенія комитетовъ должны быть приведены въ дѣйствительное исполненіе, не иначе, какъ «постепенно»; министръ то же высказывалъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ прибавлялъ, что крестьяне сначала будутъ находиться «въ состояніи переходномъ, болѣе или менѣе крѣпки землѣ, а потомъ уже въ окончательномъ или свободномъ». Срокъ переходнаго состоянія, по объясненію министра, не долженъ былъ превышать 12-ти лѣтъ. Далѣе изъ отношенія министра можно было видѣть: а) что крестьяне «въ теченіи переходнаго времени» выкупаютъ свою усадебную осѣдлость за сумму, которая «не должна превышать цѣнности пріобрѣтенной въ собственность осѣдлости»; б) что вся остальная земля раздѣлялась «на господскую и отведенную въ пользованіе крастьянамъ; в) что крестьянская земля безусловно не могла быть присоединяема къ господскимъ полямъ»; г) что количество земли, отводимой крестьянамъ, и способъ пользованія ея общинный или подворный должны были опредѣлиться «по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ»; д) что помѣщичьимъ повинностямъ могли «подлежать только тѣ крестьяне, кои надѣлены землей»; е) что размѣръ помѣщичьихъ повинностей долженъ былъ «положительно опредѣлиться, соотвѣтственно пространству и качеству отведенной крестьянамъ земли. Потомъ министръ сообщалъ, что съ введеніемъ новаго положенія, когда оно будетъ утверждено: «а) должны быть прекращены продажа, дареніе и переселеніе крестьянъ на другія мѣста; б) также должно быть прекращено обращеніе крестьянъ въ дворовые и приняты мѣры сначала къ уменьшенію, а потомъ и уничтоженію этого класса людей; и в) во все время переходнаго состоянія помѣщикамъ предоставлялось право сдавать нерадивыхъ и порочныхъ крестьянъ, по соглашенію съ обществомъ, въ рекруты или отдавать въ распоряженіе правительства, для переселенія въ другія губерніи, но неиначе какъ съ утвержденія тѣхъ присутствій, кои будутъ по уѣздамъ образованы, на основаніи новаго положенія».

Въ заключеніи министръ писалъ генералъ-губернатору: «если комитеты по мѣстнымъ уваженіямъ признаютъ неудобнымъ принять которыя либо изъ этихъ соображеній, то я просилъ бы ваше превосходительство поручить комитетамъ, въ своихъ окончательныхъ мнѣніяхъ, объяснить подробно причины, препятствующія принятію оныхъ».

Ни рескриптъ, ни дополнительное къ нему отношеніе не подлежали опубликованію; на дополнительномъ отношеніи была даже помѣтка: «секретно». Мнѣ неизвѣстно, кому принадлежала мысль сообщить рескриптъ на имя виленскаго генералъ-губернатора и отношеніе къ нему министра во всѣ губерніи губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ для соображенія и приглашенія дворянства приступить къ этому дѣлу; но какъ бы ни было, 22 ноября 1857 г., при пріемѣ тогдашняго воронежскаго губернатора Синельникова, Государь сказалъ ему о рескриптѣ Назимову, и при этомъ прибавилъ:

— «Я рѣшился дѣло это привести къ концу и надѣюсь, что вы уговорите вашихъ дворянъ мнѣ въ этомъ помочь».

При конфиденціальныхъ циркулярахъ отъ 24 ноября означенные документы въ печатныхъ экземплярахъ были отправлены ко всѣмъ губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ, слѣдовательно они разошлось по Россіи въ числѣ около 100 экземпляровъ. Я слышалъ, что Ланской, получивъ уполномочіе отъ секретнаго комитета, распорядился такъ, что въ одну ночь были отпечатаны и его циркуляръ, и рескриптъ съ дополнительнымъ отношеніемъ, и на другой день сданы на почту. Левшинъ отказался скрѣпить этотъ циркуляръ, находя его преждевременнымъ; съ этихъ поръ онъ, вообще, перестаъ скрѣплять бумаги по крестьянскому дѣлу. Послѣ этого едва ли не одно дополнительное отношеніе къ петербургскому рескрипту было имъ еще скрѣплено; затѣмъ, по моемъ вступленіи въ Земскій отдѣлъ, всѣ бумаги скрѣплялись мной. Не одинъ, впрочемъ, Левшинъ, но тогда говорили, что князь Орловъ и другіе члены комитета находили эту мѣру преждевременной, и хотѣли было остановить разсылку ими же одобреннаго циркуляра; но уже было поздно. Дѣло было поставлено на безвозвратный путь, хотя далеко не было еще извѣстно: куда этотъ путь приведетъ.

Послѣ всего этого странно было бы считать крестьянское дѣло секретнымъ; рѣшено было напечатать виленскій рескриптъ въ газетахъ; теперь безъ справокъ не могу вспомнить, но, кажется, былъ напечатанъ одинъ рескриптъ безъ дополнительнаго къ нему министерскаго отношенія.

Среди петербургскаго дворянства возникла мысль къ опредѣленію отношеній между помѣщиками и крестьянами еще прежде, въ концѣ предъидущаго царствованія. Предводители дворянства царскосельскаго Платоновъ, ямбургскаго Фридериксъ и помѣщикъ петербургскаго уѣзда сенаторъ Безобразовъ, при участіи другихъ помѣщиковъ: сенатора Веймарна, Роткирха и другихъ составили предположе-

нія о введеніи инвентарныхъ правилъ въ Царкосельскомъ, Ямбургскомъ и Петербургскомъ уѣздахъ.

Предположенія по Ямбургскому уѣзду кромѣ Фридерикса и Веймарна, между прочимъ, были подписаны графомъ Нессельродомъ и графомъ Адлербергомъ. Всѣ эти предположенія по тремъ уѣздамъ Петербургской губерніи были отклонены тогдашнимъ министромъ внутренниxъ дѣлъ графомъ Перовскомъ.

Въ началѣ 1857 года петербургское дворянство возобновило свое ходатайство не по тремъ, а по всѣмъ уѣздамъ. Представленіе по этому ходатайству оставалось безъ всякаго движенія въ секретномъ комитетѣ; не прежде какъ по выходѣ виленскаго рескрипта было приступлено къ разсмотрѣнію предположеній петербургскаго дворянства. Предположенія эти не шли далѣе инвентарныхъ правилъ въ началѣ и безземельнаго освобожденія въ концѣ реформы; но правительство приняло въ соображеніе одно только изъявленіе ходатайства петербургскаго дворянства объ измѣненіи устройства помѣщичьихъ крестьянъ и 5 декабря 1857 г. состоялся рескриптъ на имя петербургскаго генералъ-губернатора Игнатьева (нынѣ, 1875 г., предсѣдателя комитета министровъ).

Рескриптъ этотъ буквально сходенъ съ виленскимъ въ главныхъ началахъ устройства крестьянскаго быта; все различіе заключается въ томъ, что въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, кромѣ губернскихъ комитетовъ, должна была образоваться общая для всѣхъ трехъ губерній коммисія, а здѣсь—одинъ только губернскій комитетъ. Кромѣ того, тамъ въ губернскіе комитеты каждый уѣздъ выбиралъ по одному члену, а здѣсь по два. Членовъ отъ правительства какъ въ сѣверо западныхъ, такъ и въ Петербургской губерніи полагалось по два на каждый комитетъ. Нельзя было также не замѣтить, что правительство не хотѣло оставить неудовлетворительность ходатайства петербургскаго дворянства безъ намёка на то въ самомъ рескриптѣ, въ которомъ было сказано: «Принимая съ удовольствіемъ всякое доказательство стремленія дворянства къ улучшенію положенія своихъ крестьянъ» и проч. Такимъ образомъ, начала, выраженныя въ виленскомъ рескриптѣ, остались неприкосновенными, но они и не могли быть измѣнены: во-первыхъ потому, что странно было бы колебать то, что было утверждено назадъ тому двѣ недѣли собственноручной подписью Государя; во-вторыхъ потому, что въ этомъ и не представлялось особенной надобности для защитниковъ прежнихъ порядковъ;—редакція рескрипта была такъ обща и такъ осторожна, что въ немъ даже не упоминалось ни объ уничтоженіи крѣпостной зависимости, ни объ освобожденіи крестьянъ. Въ виленскомъ рескриптѣ

было только сказано: въ началѣ—о благихъ намѣреніяхъ «представителей дворянства относительно помѣщичьихъ крестьянъ», а потомъ—о составленіи «проектовъ объ устройствѣ и улучшеніи быта крестьянъ».

Не то сдѣлалось съ дополнительнымъ министерскимъ отношеніемъ къ виленскому рескрипту. Консервативная партія нѣсколько оправилась послѣ нанесеннаго ей удара виленскимъ рескриптомъ. Она не могла остановить совершенно дальнѣйшаго движенія дѣла, по крайней мѣрѣ, немедленно послѣ перваго шага правительства къ освобожденію крестьянъ; поэтому она задалась задачей исправить тѣ какъ будто-бы противорѣчія, которыя замѣчались въ виленскомъ рескриптѣ и въ дополнительномъ къ нему отношеніи и на которыя было указано выше. Кромѣ того, въ самомъ рескриптѣ заключались какъ-бы противорѣчія и нѣкоторыя неясности. Въ немъ было сказано, что «крестьянамъ оставляется ихъ усадебная осѣдлость», и въ то же время прибавлено, что помѣщикамъ сохраняется право собственности на всю землю». Крестьянамъ по рескрипту предоставлялось пріобрѣсти усадебную осѣдлость посредствомъ выкупа «въ теченіи опредѣленнаго времени». Чѣмъ опредѣлялось это время? Былъ-ли выкупъ обязателенъ для крестьянъ? Какія были послѣдствія выкупа для личныхъ правъ крестьянъ? На всѣ эти вопросы не было отвѣтовъ въ рескриптѣ; даже не упоминалось о переходномъ состояніи крестьянъ и объ окончательномъ ихъ устройствѣ; между тѣмъ, прямо было выражено, что помѣщикамъ предоставляется вотчинная полиція: временно или на всегда—умолчено. Почти всѣ эти вопросы и неясности разрѣшались въ дополнительномъ отношеніи министра, и разрѣшались въ пользу крестьянъ. Слѣдовательно, задача состояла въ томъ, чтобы разрѣшить ихъ въ пользу помѣщиковъ. Съ формальной стороны это предоставлялось возможнымъ; дополнительное отношеніе хотя и было одобрено Государемъ, но объ этомъ не было упомянуто, напротивъ, выраженнымъ въ этомъ отношеніи «соображеніямъ» министра не придавалось обязательной силы. Комитеты обязывались только: «объяснить подробно причины, препятствующія принятію сихъ соображеній, «если причины такія окажутся».

Хотя нельзя не замѣтить, что едва-ли соотвѣтствовало достоинству правительства измѣнять то, что оно одобрило двѣ недѣли назадъ; но страсти, съ выходомъ виленскаго рескрипта, взволновались, матеріальные интересы возбудились въ высшей степени, въ свѣтскихъ гостинныхъ и дѣловыхъ кабинетахъ начались толки о раззореніи помѣщиковъ: ничего нѣтъ страннаго, что помѣщики употребляли всѣ усилія. чтобы направить дѣло въ свою пользу. Оппозиція подобнымъ рефор-

мамъ, со стороны заинтересованной стороны, была вездѣ въ бо́льшей или меньшей степени; странно было бы требовать отъ нашихъ помѣщиковъ безпрекословной покорности распоряженіямъ правительства. Но странно было то, что возстающая оппозиція находила въ секретномъ комитетѣ не отпоръ, а сочувствіе и помощь. [1])

Составленіе проектовъ петербургскаго рескрипта и дополнительнаго къ нему отношенія секретнымъ комитетомъ было возложено на Ланскаго и Муравьева. Начались совѣщанія съ петербургскими дворянами, изъ представителей которыхъ, участвующихъ въ этихъ совѣщаніяхъ, мнѣ извѣстны двое: тогдашній предводитель графъ П. И. Шуваловъ и сенаторъ А. Ѳ. Веймарнъ; послѣдній, какъ носились тогда слухи, принималъ особенно дѣятельное участіе въ совѣщаніяхъ съ Муравьевымъ. Муравьевъ былъ за исправленія дополнительнаго отношенія и соглашеніе его съ рескриптомъ. Ланской, пользовавшійся въ то время совѣтами Левшина, не устоялъ противъ напора реакціонной партіи, которая выбрала главнымъ мотивомъ для исправленія то, что петербургская губернія, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, нисколько не похожа на три губерніи виленскаго генералъ-губернаторства. Большинство членовъ сочувствовало сдѣланнымъ исправленіямъ и Секретный Комитетъ единогласно призналъ удовлетворительной представленную причину допущенныхъ измѣненій, то есть было признано, что виленскій крестьянинъ болѣе способенъ и болѣе достоинъ свободы, чѣмъ петербургскій.

Въ исправленной редакціи петербургскаго дополнительнаго отношенія не встрѣчались уже нѣкоторыя выраженія, которыя находились въ виленскомъ: такъ, напримѣръ: «желаніе дворянъ, въ видахъ улучшенія быта крестьянъ, освободить ихъ изъ крѣпостной зависимости», замѣнено «стремленіемъ дворянъ къ улучшенію и прочному устройству быта ихъ крестьянъ». Вмѣсто «проектовъ положеній объ освобожденіи крѣпостнаго сословія» поставлено: «проекты положенія для помѣщичьихъ крестьянъ». Въ виленскомъ отношеніи говорилось, что крестьяне будутъ находиться въ состояніи: сначала, переходномъ, а потомъ «окончательномъ или свободномъ», въ петербургскомъ второй періодъ названъ только «окончательнымъ,» слѣдовательно, состояніе крестьянъ могло быть и несвободнымъ и т. п.

---

[1]) Т. е. въ предсѣдательствующемъ въ комитетѣ кн. Орловѣ и въ нѣкоторыхъ членахъ, таковы: кн. П. П. Гагаринъ, кн. В. А. Долгоруковъ и М. Н. Муравьевъ.

Но кромѣ словъ, которыя въ это время сами по себѣ не могли не имѣть большаго значенія, самая сущность соображеній была иная. Въ основаніе соображеній, высказанныхъ министромъ въ виленскомъ отношеніи, было положено начало, что помѣщики безвозмездно отрекаются отъ крѣпостнаго права на людей, и что потому платежи крестьянъ, какъ въ видѣ выкупа за усадьбу, такъ и въ видѣ повинностей за отведенныя въ ихъ пользованія угодья, соразмѣряются съ дѣйствительною цѣнностію того, что имъ предоставлено. Было указано также, какъ на необходимое послѣдствіе отреченія помѣщиковъ отъ крѣпостнаго права, что, послѣ переходнаго времени, крестьяне пріобрѣтаютъ вполнѣ права свободнаго состоянія. Начало это совершенно было уничтожено составителями дополнительнаго отношенія министра къ петербургскому генералъ-губернатору. По виленскому отношенію, крестьяне пріобрѣтали «права свободнаго состоянія» по взносѣ ими «въ продолженіи переходнаго срока» выкупа за усадебную осѣдлость, «сумма коего не должна превышать цѣнности пріобрѣтаемой ими въ собственность усадебной осѣдлости»; а по петербургскому «права состоянія крестьянъ, по окончательномъ ихъ устройствѣ..... и право собственности на усадьбу пріобрѣтаются... не иначе какъ уплатой владѣльцу выкупа въ продолженіи опредѣленнаго срока». Слѣдовательно, по виленскому отношенію, взносъ выкупа по дѣйствительной цѣнности усадьбы давалъ крестьянамъ права свободнаго состоянія; по редакціи петербургскаго, крестьяне, сверхъ этого, обязывались выкупной платой для того, чтобы пріобрѣсти права состоянія, при чемъ даже не сказано свободнаго. Такъ многіе понимали такую редакцію, и это подало поводъ дворянамъ нѣсколькихъ губерній и нѣкоторымъ губернскимъ комитетамъ по устройству крестьянскаго быта домогаться особаго выкупа личной крѣпостной зависимости. Въ виленскомъ отношеніи пріобрѣтеніе правъ свободнаго состоянія и собственности на усадьбу связывалось съ срокомъ переходнаго времени, подлежащимъ точному опредѣленію; а въ петербургскомъ, хотя и говорится о переходномъ времени, но уничтожается его значеніе тѣмъ, что пріобрѣтеніе состоянія и правъ собственности на усадьбу обусловливается какимъ то другимъ «опредѣленнымъ срокомъ».

Составители петербургскаго отношенія въ правилахъ о выкупѣ усадебной осѣдлости этимъ не ограничились. Они ввели особый пунктъ, по которому „размѣръ выкупа опредѣлялся оцѣнкой не одной усадебной земли и строеній, но, сверхъ того, «промысловыхъ выгодъ и мѣстныхъ удобствъ». Въ дополнительномъ отношеніи министра

къ виленскому генералъ-губернатору было опредѣлено, что, за выдѣломъ крестьянамъ ихъ усадебныхъ мѣстъ: «вся остальная затѣмъ земля должна быть раздѣлена, по способу пользованія оной, на господскую и отведенную въ пользованіе крестьянъ». Вслѣдъ за симъ прибавлено: «земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, не можетъ быть присоединена къ господскимъ полямъ».

Въ отношеніи къ петербургскому генералъ-губернатору не находилось уже такого положительнаго раздѣленія остальной земли на господскую и крестьянскую, и, сверхъ того, допускался съ соблюденіемъ извѣстныхъ условій «обмѣнъ отведенной крестьянамъ земли или части оной, съ присоединеніемъ къ господскимъ полямъ».

По виленскому отношенію, количество земли, предоставляемой крестьянамъ, опредѣлялось «по мѣстнымъ обстоятельстамъ и обычаямъ», а по петербургскому, хотя и сохранено выраженіе «по мѣстнымъ обстоятельствамъ и обычаямъ», но прибавлено «надлежащее... количество земли», что значительно измѣняетъ смыслъ.

По виленскому отношенію, размѣръ повинностей крестьянъ опредѣлялся «соотвѣтственно пространству и качеству отведенной въ пользованіе крестьянамъ земли», по петербургскому, сверхъ того, принимались въ соображеніе также, какъ и при оцѣнкѣ усадебныхъ мѣстъ, «промысловыя выгоды и мѣстныя удобства». Пунктъ виленскаго отношенія, по которому отправленію повинностей могли «подлежать только тѣ крестьяне, кои надѣлены землей», въ петербургскомъ пропущенъ, а взамѣнъ этого петербургскому комитету вмѣнялось въ обязанность опредѣлить: «права главы семьи крестьянской, права наслѣдства, относительно усадьбъ и тягловыхъ участковъ и условій, при которыхъ допускается раздѣлъ семей.»

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія также на одно еще различіе петербургскаго отношенія отъ виленскаго, хотя различіе это и обусловливается дѣйствительнымъ несходствомъ сѣверо-западныхъ губерній съ петербургской.

Въ виленскомъ отношеніи говорилось, что порядокъ пользованія крестьянской землей устанавливается «сообразно мѣстнымъ обычаямъ», т. е. сохраняются и общинное владѣніе, гдѣ оно было, и подворное, гдѣ поля дѣлились не по душамъ или тягламъ, а на участки, отведенные каждому двору. Въ петербургскомъ отношеніи этого же не говорилось, потому что тамъ дѣйствительно общаго подворнаго дѣленія не было, хотя исключенія нельзя было отвергать; взамѣнъ этого министръ писалъ къ петербургскому генералъ-губернатору, что «земля, однажды отведенная въ пользованіе крестьянъ, должна постоянно оставаться въ распоряженіи міра», съ

прибавленіемъ правила объ обмѣнахъ, о чемъ упомянуто было выше. Слѣдовательно, отъ міра зависѣло сохранить или уничтожить подворное пользованіе, если оно было. Для петербургской губерніи это обстоятельство не имѣло большаго значенія, но важно было для нѣкоторыхъ остальныхъ губерній, комитетамъ которыхъ давалось въ руководство отношеніе министра къ петербургскому генералъ-губернатору.

Петербургскій рескриптъ и дополнительное къ нему отношеніе было напечатано въ газетахъ. Независимо отъ сего, бумаги эти, подобно виленскимъ, были препровождены къ губернаторамъ и къ губернскимъ предводителямъ дворянства. Здѣсь также замѣчается различіе, которое также объясняется возникшимъ, и начавшимъ развиваться оппозиціоннымъ движеніемъ.

Виленскіе рескриптъ и отношеніе были препровождены при одномъ циркулярѣ отъ 24-го ноября 1857 г., въ которомъ министръ писалъ губернаторомъ и предводителямъ, что бумаги сіи препровождаются «для свѣдѣнія и соображенія на случай, если бы дворянство (такой-то) губерніи изъявило подобное желаніе». Начали ходить толки, что правительство, разославъ по губерніямъ виленскій рескриптъ, какъ бы принуждаетъ дворянство къ освобожденію крестьянъ и именно на тѣхъ началахъ, на которыхъ оно признало совершить это дѣло въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, которыя такъ непохожи на великорусскія губерніи. Стали также распускать слухи, что такія распоряженія правительства послужили поводомъ «къ разнымъ неблагонамѣреннымъ толкованіямъ, разсѣваемымъ между народомъ относительно измѣненія существующаго порядка во владѣніи помѣщичьими имѣніями». Поэтому министръ, препровождая при особомъ циркулярѣ отъ 8-го декабря 1857 г. петербургскія бумаги по крестьянскому дѣлу къ губернаторамъ, писалъ къ нимъ: «что правительство не скрываетъ своихъ видовъ и даже желаетъ, что бы были извѣстны начала, которыми оно руководствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать устройству быта крестьянъ. Упомянувъ о неблагонамѣренныхъ толкованіяхъ, министръ внушалъ губернаторамъ: «вы имѣете теперь средство отражать толки, несогласные съ видами правительства и вразумлять недоумѣвающихъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ возлагается на васъ обязанность бдительно слѣдить за распространеніемъ ложныхъ извѣстій, которыя могутъ нарушить общественное спокойствіе и въ нужныхъ случаяхъ принимать самыя рѣшительныя мѣры для пресѣченія зла въ началѣ. Затѣмъ прошу васъ»,— оканчивалъ свой циркуляръ министръ,—«обратить особенное вниманіе на то, чтобъ крестьяне не выходили изъ должнаго повиновенія помѣщикамъ, а симъ послѣднимъ внушать постоянно, что отъ взаим-

наго лишь исполненія обязанностей зависитъ сохраненіе обоюдныхъ выгодъ и общаго спокойствія».

При другомъ циркулярѣ (отъ того же 8-го декабря) министръ препроводилъ петербургскій рескриптъ и отношеніе къ губернскимъ предводителямъ дворянства. Начало этого циркуляра то же самое, какъ и къ губернаторамъ. Въ срединѣ министръ поставилъ предводителей въ извѣстность, что онъ обратилъ вниманіе губернаторовъ на неблагонамѣренныя толкованія и вмѣнилъ имъ въ обязанность не допускать крестьянъ до неповиновенія помѣщикамъ, а симъ послѣднимъ внушать объ исполненіи ихъ обязанностей. Затѣмъ министръ заканчивалъ свой циркуляръ словами: «сообщая вамъ о сихъ распоряженіяхъ, я остаюсь въ полной увѣренности, что вы и съ своей стороны, въ предѣлахъ вашего вліянія, будете способствовать губернскому начальству въ предстоящихъ ему дѣйствіяхъ».

Изъ этихъ двухъ послѣднихъ циркуляровъ видно, что правительство не столько уже заботилось о привлеченіи дворянъ къ дѣлу освобожденія крестьянъ, сколько «о сохраненіи общаго спокойствія» и «о пресѣченіи зла въ началѣ»; но въ дѣйствительности все было спокойно, да и притомъ, если бы могли возникнуть какія либо опасенія-то никакъ не черезъ двѣ недѣли послѣ секретнаго сообщенія губернаторамъ и предводителямъ о сдѣланныхъ по виленскому генералъ-губернаторству распоряженіяхъ. Слѣдовательно, вся эта суматоха происходила отъ толкованій, ходившихъ по Петербургу и отъ паническаго страха, который привозили съ собой пріѣхавшіе случайно изъ губерній въ Петербургъ предводители и помѣщики, имѣвшіе связи съ петербургскимъ высшимъ обществомъ.

Не смотря на это, Секретный Комитетъ не удовольствовался двумя циркулярами, написанными имъ для министра внутреннихъ дѣлъ, а продиктовалъ ему третій конфиденціальный, на этотъ разъ въ одной редакціи губернаторамъ и губернскимъ предводителямъ дворянства. Въ этомъ циркулярѣ, отъ 10-го того же декабря, министръ писалъ: «правительству весьма полезно знать: какое впечатлѣніе произвело распоряженіе сіе» (по крестьянскому дѣлу въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ и петербургской губерніи) «въ разныхъ губерніяхъ, а потому я считаю нужнымъ просить васъ самымъ откровеннымъ образомъ сообщить мнѣ о томъ частнымъ письмомъ въ собственныя руки. Чтобы быть безпристрастнымъ зрителемъ и наблюдателемъ за ходомъ сего дѣла, вамъ не слѣдуетъ употреблять никакихъ настояній или внушеній, кромѣ тѣхъ, кои положительно вамъ мной указаны».

Циркуляры эти сдѣлали то, что дворянство приняло виленскій и петербургскій рескрипты за намѣреніе правительства произвести

опытъ освобожденія крестьянъ въ этихъ только мѣстностяхъ и что оно вовсе и не думаетъ объ одновременномъ освобожденіи крестьянъ во всѣхъ губерніяхъ. Дѣйствительно, предположенія дворянства были вѣрны относительно одной и при томъ значительной по числу лицъ части правительства; къ этой части принадлежало большинство Секретнаго Комитета, къ которому принадлежали предсѣдатель государственнаго совѣта (кн. А. Ѳ. Орловъ), шефъ-жандармовъ,—и министръ государственныхъ имуществъ, (М. Н. Муравьевъ), который взялся остановить начатое движеніе. Такому направленію дѣла всѣми силами помогалъ государственный секретарь; не противился также этому и товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ (А. И. Левшинъ), который велъ крестьянское дѣло въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и по убѣжденію котораго надлежало вводить преобразованіе въ крестьянскомъ бытѣ постепенно съ запада на востокъ.

Противъ не только остановки, но даже замедленія дѣла, былъ самъ Государь. Его Величество, кажется, одобрилъ [послѣдніе] циркуляры, какъ компромисы между нимъ и княземъ Орловымъ съ сильной его партіей, что бы хотя нѣсколько утѣшить ихъ и ослабить раздраженіе оппозиціи.

Государю сочувствовалъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ и всегда готовъ былъ помогать Ланской [1]).

Вслѣдствіе этихъ циркуляровъ, содержаніе которыхъ сейчасъ приведено, стали поступать отъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей затребованные отъ нихъ отзывы.

Первые изъ этихъ отзывовъ были первыми бумагами, которыя по моемъ поступленіи въ министерство, попали въ мои руки, а составленіе на основаніи ихъ всеподданнѣйшихъ докладовъ—первой моей работой.

Я долженъ оторваться отъ общаго хода крестьянскаго дѣла, чтобы сказать о моемъ поступленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

---

[1]) Къ двумъ членамъ Комитета, упомянутымъ Я. А. Соловьевымъ,—должно прибавить Константина Владиміровича Чевкина. Этотъ государственный мужъ съ самаго возникновенія мысли объ освобожденіи крестьянъ — явился горячимъ и исполненнымъ энергіи поборникомъ ея осуществленія безъ урѣзокъ и искаженій. Направленіе Я. И. Ростовцева въ описываемое время (1857 г.) еще не опредѣлилось, оно выяснилось нѣсколько позже, именно лѣтомъ 1858 г., когда Яковъ Ивановичъ ближе вникъ въ крестьянское дѣло и изучилъ его по цѣлой массѣ матеріаловъ. Ред.

II.

Предположеніе о Земскомъ отдѣлѣ и мое поступленіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ.—Отзывы на циркуляры министра.—Различіе этихъ отзывовъ изъ губерній западныхъ и коренныхъ русскихъ.—Причины такого различія.—Составъ и характеръ помѣстнаго дворянства въ коренныхъ русскихъ губерніяхъ.—Медленность въ представленіи адресовъ и причины этой медленности.—Оппозиціонное направленіе петербургскаго общества. — Двойственность взгляда высшихъ правительственныхъ сферъ отразилась въ губерніяхъ.—Возраженія противъ опубликованныхъ началъ.—Особенно рѣзкая оппозиція со стороны нѣкоторыхъ предводителей; мѣры министерства внутреннихъ дѣлъ.

1857—1858 гг.

Выше было уже упомянуто, что по назначеніи А. И. Левшина товарищемъ министра, Ланской предоставилъ ему веденіе крестьянскаго дѣла и онъ же завѣдывалъ существующимъ въ министерствѣ статистическимъ отдѣленіемъ. По мысли Левшина, два дѣла, порученныя ему министромъ, крестьянское и статистическое, должны были сосредоточиться въ одномъ учрежденіи «центральномъ статистическомъ комитетѣ», съ подраздѣленіемъ на два отдѣла: «земскій»— для крестьянскаго дѣла, и «статистическій» - для статистическихъ работъ. Но составитель предположенія объ учрежденіи земскаго отдѣла былъ далекъ отъ мысли о томъ развитіи крестьянскаго дѣла, какое оно получило прежде, чѣмъ проектированное учрежденіе получило утвержденіе. Земскій отдѣлъ учредился «для предварительнаго обсужденія и обработки всѣхъ дѣлъ по вопросамъ, касающимся земско-хозяйственнаго устройства въ имперіи». Земскій и статистическій отдѣлы связывались только однимъ общимъ предсѣдателемъ-товарищемъ министра. Каждый изъ отдѣловъ долженъ былъ имѣть особое коллегіальное присутствіе, особую канцелярію и для завѣдыванія всѣмъ ходомъ дѣлъ и перепиской особаго «непремѣннаго члена». Представленіе объ образованіи проектированнаго Левшинымъ учрежденія, или лучше сказать двухъ учрежденій, было сдѣлано въ государственный совѣтъ прежде, чѣмъ состоялся первый рескриптъ о губернскихъ комитетахъ; но государственный секретарь не торопился этимъ дѣломъ. Между тѣмъ Левшинъ оказался одинъ передъ дѣломъ, которое грозило развиться въ громадныхъ размѣрахъ. Онъ началъ искать человѣка на проектированное имъ мѣсто непремѣннаго члена земскаго отдѣла. По его мнѣнію, это мѣсто могъ занять только человѣкъ, который былъ бы знакомъ съ

крестьянскимъ бытомъ и вообще съ сельскохозяйственными условіями и въ то же время былъ бы помѣщикомъ. Сначала онъ обратился съ предложеніемъ этого мѣста къ Пейкеру, бывшему директору горыгорецкаго института и помѣщику, если я не ошибаюсь, петербургской губерніи; но тотъ заявилъ такія съ своей стороны условія, съ которыми никакъ нельзя было согласиться. Я ничего не зналъ ни о земскомъ отдѣлѣ, но о предложеніи, сдѣланномъ Пейкеру. Въ это время Левшинъ какъ-то встрѣтилъ на улицѣ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго (нынѣ, 1875 г., члена государственнаго совѣта, а тогда директора департамента сельскаго хозяйства) и передалъ ему свое затруднительное положеніе. Заблоцкій напомнилъ ему обо мнѣ и, по просьбѣ Левшина, сейчасъ же сообщилъ мнѣ, что Алексѣй Ираклiевичъ желаетъ со мной повидаться.

При свиданіи съ Левшинымъ я попросилъ у него три дня сроку для размышленія. Мое колебаніе объясняется тѣмъ, что я желалъ мою кадастровую кочевую жизнь промѣнять на постоянное мѣсто управляющаго самарской палатой государственныхъ имуществъ, что мнѣ было обѣщано и до Муравьева, и Муравьевымъ, по вступленіи его въ министерство. По тогдашнему моему служебному положенію, мѣсто управляющаго палатой государственныхъ имуществъ для меня было лестно; край былъ для меня извѣстенъ; съ бытомъ крестьянъ и ихъ нуждами я вполнѣ былъ знакомъ; дѣла о многочисленныхъ самарскихъ оброчныхъ крестьянъ я изучилъ во время поѣздки съ Муравьевымъ. Я надѣялся сдѣлать много полезнаго. Кромѣ того, годичное пребываніе мое передъ этимъ въ Самарѣ и поѣздка оттуда въ мое небольшое самарское родовое имѣніе возбудили во мнѣ вкоренившуюся съ дѣтства любовь къ практическимъ сельско-хозяйственнымъ занятіямъ и домовитости. Мнѣ жаль было разстаться съ моей мечтой, съ которой я уже свыкся. Петербурга, съ его чиновничьимъ міромъ и мелкими чиновническими соображеніями, я не любилъ; чиновническія отношенія меня всегда тяготили и раздражали. Въ провинціи я узналъ жизнь и людей, тамъ я былъ болѣе человѣкомъ. чѣмъ чиновникомъ, а въ Петербургѣ обратно. Вотъ что влекло меня въ Самару, но другаго рода соображенія, болѣе широкія и болѣе патріотическія, побуждали меня остаться въ Петербургѣ. Я вспомнилъ столь извѣстный мнѣ бытъ помѣщичьихъ крестьянъ, я вспомнилъ, сколько я перестрадалъ, видя ихъ страданія; мнѣ пришло на память все, что я писалъ и говорилъ по крестьянскому дѣлу; мнѣ живо представились горячія мечты объ освобожденіи крестьянъ, которыя я лелеялъ чуть ни съ дѣтства. Мнѣ показалось, что я многое могу сдѣлать для крестьянскаго дѣла; колебанія мои прекратились

и я предпочелъ жизнь трудную, безпокойную, сопряженную съ опасностями, но соединенную съ надеждою на успѣхъ важнаго дѣла,— тихому губернско-помѣщичьему пребыванію въ провинціи.

Муравьевъ былъ крайне недоволенъ моимъ переходомъ, тѣмъ болѣе, что расположеніе его ко мнѣ въ это время доходило до сильной степени. Онъ съ терпѣніемъ выслушалъ мое возраженіе на разныя его предложенія, удерживался отъ ѣдкихъ раздражительныхъ нападокъ на прежнее управленіе министерствомъ государственныхъ имуществъ; но всѣ работы его по дѣлу освобожденія крестьянъ были для меня совершенной тайной. Онъ зналъ, что я понимаю это дѣло не такъ, какъ онъ.

А. И. Левшинъ, по моей просьбѣ, предупредилъ М. Н. Муравьева о моемъ переходѣ. При первомъ моемъ докладѣ, который обыкновенно бывалъ по вечерамъ, въ срединѣ доклада, Михаилъ Николаевичъ обратился ко мнѣ: «а вы насъ оставляете.» На мой утвердительный отвѣтъ, онъ отозвался: «очень жаль, но я не удерживаю никого»! При этомъ онъ прибавилъ, разумѣется, не безъ раздраженія, не совсѣмъ удачную фразу: «впрочемъ и послѣ Петра Великаго на его мѣсто нашлись люди»! Затѣмъ нашъ разговоръ продолжался въ слѣдующей формѣ:

— Я также очень сожалѣю, что оставляю министерство, въ которомъ служу около 15 лѣтъ. Снисходительное расположеніе вашего высокопревосходительства ко мнѣ устраняло отъ меня всякую мысль искать службы въ другомъ вѣдомствѣ; предложеніе сдѣлано было безъ всякаго съ моей стороны искательства, въ лестной для меня формѣ, а, главное, для дѣла, о которомъ я столько думалъ, писалъ и говорилъ, что я не счелъ себѣ вправѣ отказаться.

— «Но это дѣло рискованное. Вы человѣкъ положительный,—какъ же вы беретесь за него; еще неизвѣстно: чѣмъ все это кончится.»

— Не я, такъ другой принялъ бы сдѣланное мнѣ теперь предложеніе; при томъ въ настоящее время, когда настала минута не говорить, а дѣйствовать, отказъ съ моей стороны былъ бы постыденъ.

Муравьеву не нравился мой переходъ; конечно, не понравились и мои отвѣты. Онъ не могъ скрыть своего неудовольствія и раздраженія противъ меня. Присутствующій при этомъ разговорѣ А. А. Зеленой (тогда товарищъ министра государственныхъ имуществъ), который вмѣстѣ со мною, по окончаніи доклада, вышелъ отъ Муравьева, выразилъ мнѣ искреннее сожалѣніе, что я оставляю ихъ.

Но когда первое раздраженіе прошло, Муравьевъ вспомнилъ, что по составленнымъ мной во время нашего путешествія предположе-

ніямъ, онъ образовалъ двѣ коммисіи, въ которыя назначилъ и меня членомъ. Онъ находилъ полезнымъ, чтобы эти коммисіи окончили свои порученія при моемъ участіи. Вслѣдствіе этого, онъ сдѣлался со мной опять очень любезенъ; предложилъ мнѣ мѣсто члена центральной коммисіи кадастра, которое могло быть соединено съ моей службой въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Испросивъ Высочайшее о томъ повелѣніе, онъ, увѣдомляя о неимѣніи препятствій къ моему переводу, сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, что я назначенъ членомъ центральной коммисіи. Ланскому это не понравилось и поставило меня на первое время въ непріятное къ нему положеніе. Онъ меня заподозрилъ въ единомысліи съ Муравьевымъ по крестьянскому дѣлу. Вслѣдствіе этого, въ первое время, онъ принималъ меня холодно и надмѣнно; доклады мои, которые сначала были въ присутствіи Левшина, онъ выслушивалъ стоя, что заставило также стоять Левшина и меня. Меня это тяготило и я при первомъ случаѣ когда онъ сѣлъ, также сѣлъ и затѣмъ этого не повторялось уже никогда. Но вскорѣ по моемъ поступленіи, Сергѣй Степановичъ самъ вызвалъ меня на объясненіе о моихъ отношеніяхъ къ Муравьеву, послѣ котораго подозрѣніе его совершенно уничтожилось, и затѣмъ довѣріе его ко мнѣ не прекращалось до выхода его изъ министерства.

Переговоры о моемъ переходѣ и формальности, съ этимъ соединенныя, совершились очень скоро, такъ что 15 декабря 1857 года я былъ уже въ отведенномъ для земскаго отдѣла помѣщеніи, хотя высочайшій приказъ о моемъ перемѣщеніи состоялся не прежде 28 декабря. Кромѣ меня не было ни одного чиновника. Самый составъ земскаго отдѣла былъ утвержденъ и обнародованъ не прежде 27 марта слѣдующаго 1858 года, такъ что утвержденіе меня въ должности непремѣннаго члена земскаго отдѣла послѣдовало только 31-го марта. Но, не дожидаясь всего этого, мы начали формировать земскій отдѣлъ, комплектуя его чиновниками съ причисленіемъ къ министерству.

Левшинъ передалъ мнѣ довольно значительную пачку полученныхъ отзывовъ губернаторовъ и предводителей на циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ съ препровожденіемъ первыхъ двухъ рескриптовъ. Первое впечатлѣніе, по прочтеніи ихъ, было самое тяжелое. Надо было употребить всю силу воли, чтобы сбросить съ себя невольное вліяніе тѣхъ страховъ и ужасовъ, которые рисовались въ воображеніи губернскихъ предводителей и даже нѣкоторыхъ губернаторовъ. Но эти тревожныя извѣстія шли изъ великорусскихъ губерній; от-

зывы изъ западныхъ губерній были совершенно противоположнаго характера. Я начну съ послѣднихъ.

Польскіе помѣщики, чрезъ своихъ предводителей дворянства, выражали полное свое сочувствіе къ предпринятому правительствомъ преобразованію. Такъ, подольскій губернскій предводитель дворянства писалъ министру: «что по принятіи важнаго сего предмета къ исполненію, дворянство подольской губерніи навѣрно выразитъ свое желаніе устроить бытъ крестьянъ, подобно желанію дворянства губерній: Ковенской, Виленской и Гродненской. Минскій предводитель увѣдомлялъ, что первое впечатлѣніе на дворянъ, бывшихъ въ Минскѣ во время полученія бумаги по устройству быта крестьянъ, выразилось «великой радостію и искреннѣйшей благодарностію» къ правительству, дозволившему дворянству приступить къ уничтоженію крѣпостнаго состоянія. Кіевскій предводитель свидѣтельствовалъ, что дворяне кіевской губерніи выразили сочувствіе правительству въ предпринимавшейся мѣрѣ, хотя и опасались недоразумѣній при установленіи новыхъ поземельныхъ отношеній. Для предупрежденія этихъ недоразумѣній виленскій предводитель высказывалъ мысль о пользѣ совершенной гласности, для чего онъ совѣтовалъ издать особыя печатныя объявленія для всенароднаго прочтенія въ церквахъ. Дворянство Динабургскаго уѣзда Витебской губерніи не ограничилось выраженіемъ одного только сочувствія къ предпринятому преобразованію, а черезъ губернатора представило постановленіе уѣзднаго дворянскаго собранія со всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ немедленно приступить къ устройству быта крестьянъ. Въ то же время получено было отношеніе отъ виленскаго генералъ-губернатора Назимова о сдѣланныхъ имъ распоряженіяхъ для открытія дворянскихъ губернскихъ комитетовъ. При чемъ В. И. Назимовъ свидѣтельствовалъ, что губернскіе предводители дворянства приняли «съ чувствомъ глубокой признательности довѣріе, оказанное Государемъ дворянскому сословію». Вслѣдъ затѣмъ Назимовъ препроводилъ къ министру внутреннихъ дѣлъ поздравительное къ генералъ-губернатору письмо съ началомъ крестьянскаго дѣла богатаго и родовитаго помѣщика ковенской губерніи князя Иринея Огинскаго.

Виленскій генералъ-губернаторъ писалъ также, что, по полученнымъ имъ свѣдѣніямъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ между крестьянами носятся слухи объ отмѣнѣ въ скоромъ времени всѣхъ работъ и платежей. Для предупрежденія вредныхъ послѣдствій такихъ слуховъ,

онъ отдалъ соотвѣтствующій приказъ городскимъ и земскимъ полиціямъ, сдѣлалъ сношеніе съ епархіальнымъ начальствомъ православнымъ и католическимъ и предложилъ уѣзднымъ предводителямъ внушить самимъ помѣщикамъ, «что отъ взаимнаго лишь исполненія обязанностей владѣльцевъ и крестьянъ зависитъ сохраненіе обоюдныхъ выгодъ».

Всѣ эти выраженія сильной радости, сочувствія и глубокой признательности къ пратольству были неискренни со стороны польскихъ помѣщиковъ западныхъ губерній. На сторонѣ помѣщиковъ этихъ губерній былъ бо̀льшій, въ сравненіи съ коренными русскими губерніями, уровень образованія вообще и въ особенности политическаго. Они сейчасъ поняли силу правительства, ставшаго во главу прегрессивнаго движенія; они сознали, что противъ такой силы возможно противопоставлять не прямое противодѣйствіе, а хитрость. Ихъ планъ, который они закрывали выраженіями сочувствія и благодарности, состоялъ въ томъ, чтобы, усыпивъ правительство, заслужить его довѣріе и вмѣстѣ съ тѣмъ захватить дѣло въ свои руки, подобно помѣщикамъ прибалтійскаго края, которые до сихъ поръ ведутъ крестьянское дѣло сами, и землевладѣльцамъ Царства Польскаго, которые вели его до 1864 года. Благопріятные и удачные примѣры были у нихъ на глазахъ; имъ были также извѣстны законы и постановленія о крестьянахъ какъ въ привислянскомъ, такъ и въ прибалтійскомъ краѣ. Весьма многіе помѣщики владѣли имѣніями и въ западныхъ губерніяхъ, и въ Царствѣ Польскомъ, а въ Ковенской губерніи не малое число было изъ остзейскихъ нѣмцевъ. Кромѣ того, польскіе помѣщики для своихъ политическихъ замысловъ искали опоры въ общественномъ мнѣніи западной Европы, поэтому они не могли ясно высказываться противъ освобожденія крестьянъ. Они волей и неволей должны были въ этомъ вопросѣ кокетничать передъ западной Европой. Такимъ образомъ, они однѣми и тѣми же дѣйствіями хотѣли достигнуть двухъ цѣлей: показать передъ Европой свои стремленія къ освобожденію крестьянъ и усыпить русское правительство.

На первый разъ они достигли своихъ цѣлей не только относительно Европы, но и русскаго правительства. Это видно изъ приведенныхъ донесеній виленскаго генералъ-губернатора. Министръ внутреннихъ дѣлъ, докладывая Государю содержаніе этихъ донесеній, (писалъ) что сдѣланныя по сѣверо-западнымъ губерніямъ распоряженія «вполнѣ обнаруживаютъ въ одно и то же время: умѣренность и благоразуміе, твердость и энергію принятыхъ мѣръ, чего именно требуетъ важность начатаго дѣла, состоящаго изъ самыхъ сложныхъ сплетеній

правъ и обязанностей двухъ сословій». Я, въ видѣ покаянія, готовъ принять починъ этихъ похвалъ на себя, потому что приведенныя строки выписаны мной изъ черноваго, писаннаго моей рукой, всеподданнѣйшаго доклада. Я принесу еще бо̀льшее покаяніе и приведу проектированной мной конецъ доклада, непринятый С. С. Ланскимъ. Я проектировалъ отъ имени министра слѣдующее заключеніе: «Беру на себя смѣлость выразить передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ сердечное удовольствіе, которое нельзя не чувствовать, видя что важное и трудное дѣло—уничтоженіе крѣпостнаго состоянія начинается при такихъ благопріятныхъ предзнаменованіяхъ». Въ мое оправданіе я могу привести два обстоятельства. Во-первыхъ, читая въ бумагахъ, получаемыхъ изъ другихъ губерній, несочувственные отзывы къ предпринятому преобразованію и выраженія многообразныхъ опасеній, трудно было удержаться отъ похвалъ за первыя успокоительныя извѣстія, даже впасть при этомъ въ нѣкотораго рода лиризмъ.

Во-вторыхъ, тогда я имѣлъ о польскомъ вопросѣ весьма неясныя и сбивчивыя понятія, какъ почти всѣ русскіе того времени.

Послѣднее польское возстаніе научило многихъ изъ насъ понимать донесенія о польскомъ сочувствіи, преданности и признательности правительству совершенно иначе, какъ мы понимали прежде. Распоряженія Назимова, которыя мы такъ хвалили, въ дѣйствительности были вызваны слухами, распускаемыми самими помѣщиками о тревожномъ настроеніи крестьянъ,—слухами, о которыхъ не упоминалось въ отзывахъ предводителей, а искусно доводилось до свѣдѣнія мѣстныхъ властей. Такимъ образомъ, высшее петербургское правительство было покойно и довольно; а высокопоставленныя мѣстныя власти предписывали городскимъ и земскимъ полиціямъ, которыя находились въ рукахъ польской шляхты, смотрѣть, чтобы крестьяне не волновались,—это значило, чтобы они безпрекословно исполняли всѣ приказанія помѣщиковъ, какъ бы приказанія эти не были стѣснительны. Подобныя распоряженія, сдѣланныя въ великорусскихъ губерніяхъ, могли не имѣть ровно никакихъ послѣдствій; не то было въ западныхъ губерніяхъ: тамъ полиція оберегала единственно только одни польскіе интересы; и въ этихъ интересахъ дѣйствовала энергично и притомъ всегда именемъ правительства, съ казаками и солдатами въ случаѣ надобности, старалась сдѣлать крестьянъ недовольными не помѣщиками, а правительствомъ. Сношенія съ духовенствомъ, о которыхъ упоминалъ генералъ-губернаторъ, обращались также единственно въ пользу помѣщиковъ; католическое духовенство

за одно съ помѣщиками считаетъ крестьянъ «быдломъ» (скотомъ) и преслѣдуетъ однѣ и тѣ же цѣли со шляхтой и въ то же время, фанатизируя народъ, пользуется громаднымъ на него вліяніемъ. Православное духовенство въ западномъ краѣ въ то время было въ совершенномъ загонѣ,—оно было «хлопской вѣры», и потому если кто нибудь изъ сельскихъ священниковъ выдумалъ бы заступиться за крестьянъ, то помѣщики сейчасъ представили бы такого священника бунтовщикомъ и правительство нисколько бы не усомнилось въ этомъ. Вотъ что̀ мы хвалили, состоя въ панурговомъ стадѣ, съ котораго шерсть стригли поляки.

Замѣчательно, что изъ лицъ, которыя высказывали особенное сочувствіе намѣреніямъ правительства относительно крестьянъ, минскій губернскій предводитель дворянства Лаппа, выражавшій «искреннюю благодарность», былъ высланъ изъ Минской губерніи за участіе въ возстаніи, а поздравлявшій Назимова съ крестьянскимъ дѣломъ князьИриней Огинскій пользовался по своимъ связямъ русскимъ правительствомъ для достиженія своихъ корыстныхъ и самовластныхъ цѣлей. Онъ соединялъ въ себѣ коварство и деспотизмъ средневѣковыхъ итальянскихъ герцоговъ; онъ былъ для своихъ крестьянъ благодѣтельнымъ деспотомъ. Князь Огинскій не разбиралъ средствъ для обогащенія себя и своихъ крестьянъ; но въ то же время требовалъ отъ нихъ безусловной покорности. Его имѣніе расположено на прусской границѣ, и потому контрабанда, въ особенности водкой и ромомъ, производившаяся въ самыхъ большихъ размѣрахъ, составляла главную причину благосостоянія его имѣнія, въ которое не было доступа ни для полицейскихъ, ни для судебныхъ властей. До обнародованія положенія, князь Огинскій представлялъ приговоръ своихъ крестьянъ, что они не желаютъ никакихъ измѣненій; а по обнародованіи,—что крестьяне желаютъ выбрать его волостнымъ старшиной. Ни то, ни другое ему не удалось. Послѣ обнародованія положенія, онъ представилъ одного изъ освобожденныхъ уже крестьянъ своего имѣнія въ рекруты закованнымъ въ кандалы. Лицамъ, которыя не соглашались, вопреки закона, исполнять его требованія, онъ мстилъ разными способами, изъ которыхъ замѣчателенъ способъ, придуманный имъ для мироваго посредника, жившаго въ его имѣніи. У посредника было выбито стекло въ квартирѣ, онъ призвалъ стекольщика, который вынулъ раму, для того чтобъ вставить стекло, и не только не вставилъ стекла, но не принесъ рамы, хотя дѣло было зимой въ сильные морозы.

Словомъ, польскіе помѣщики въ сущности оказались болѣе заклятыми и болѣе послѣдовательными врагами крестьянскаго дѣла, чѣмъ

коренные русскіе. Въ настоящее время, когда причины послѣдняго польскаго возстанія все болѣе и болѣе разъясняются, все болѣе и болѣе становится яснымъ, что одной изъ главныхъ причинъ этого возстанія было крестьянское дѣло. Связь помѣщиковъ западныхъ губерній съ русскимъ правительствомъ состояла въ крѣпостномъ правѣ; когда права этого не стало и освобожденіе произошло не такъ, какъ они желали и для своихъ личныхъ, и для политическихъ цѣлей, польскіе помѣщики примкнули къ революціи, надѣясь сохранить крестьянъ и какъ рабочую силу, и какъ орудіе революціи! Ни одинъ помѣщикъ, не смотря на крайнее проявленіе польскаго патріотизма, не сочувствовалъ обнародованному впослѣдствіи крайней радикальной партіей даровому предоставленію крестьянамъ въ собственность земельнаго ихъ надѣла.

Если отзывы изъ западныхъ губерній на первый разъ успокоивали правительство, то не таковы были свѣдѣнія, полученныя изъ коренныхъ русскихъ губерній. Полнаго безусловнаго сочувствія и желанія приступить къ освобожденію крестьянъ на указанныхъ правительствомъ основаніяхъ, не обнаружилось ни въ одной губерніи. Отвсюду поступали отзывы о затрудненіяхъ, препятствіяхъ и даже совершенной непримѣнимости опубликованныхъ началъ устройства крестьянскаго быта. Это объясняется тѣмъ положеніемъ, въ которомъ тогда находилось русское помѣстное дворянство. Дворяне великорусскихъ губерній, развившіеся на неблагодарной почвѣ крѣпостнаго права, терпѣвшіе произволъ сверху и заставлявшіе терпѣть свое собственное сомовластіе внизу, представляли темную массу, куда едва, и то въ послѣднее время, начиналъ проникать свѣтъ цивилизованной жизни. Очень часто вновь прибывавшія отдѣльныя личности, приносившія съ собой этотъ свѣтъ въ темноту провинціальной жизни, вскорѣ утрачивали его, онъ погасалъ отъ наплыва условій крѣпостнаго быта. Всѣ интеллигентныя стремленія мало-по-малу прекращались и новый человѣкъ начиналъ сначала свыкаться, а потомъ и находить удовольствіе въ пользованіи комфортомъ крѣпостнаго состоянія. Комфортъ этотъ дѣйствительно заключалъ въ себѣ обаятельную силу. Подчинившись ему, новый человѣкъ дѣлался своимъ въ той средѣ, въ которой онъ долженъ былъ жить; возставать противъ крѣпостныхъ условій и привычекъ помѣщичьей жизни значило обречь себя на безпрерывную борьбу и на множество мелочныхъ, но тѣмъ не менѣе самыхъ безпокойныхъ непріятностей. Немного было такихъ людей, которые рѣшились идти противъ общаго теченія; они, бóльшей частію, составляли

небольшіе сомкнутые кружки и жили своей собственной жизнію, чуждой интересамъ большинства. Въ помѣщичьей жизни существовали свои условныя понятія: о добродѣтели и чести, о взаимной помощи, о либерализмѣ, о свѣтскихъ приличіяхъ и т. п., все это обусловливалось крѣпостнымъ правомъ. По этимъ понятіямъ возможно было быть: крайнимъ либераломъ и дурнымъ помѣщикомъ, и обратно: хорошимъ помѣщикомъ и самымъ заклятымъ врагомъ освобожденія крестьянъ. Не считалось противорѣчіемъ: быть честнымъ человѣкомъ и въ то же время защищать дворянина, преслѣдуемаго губернской администраціей за варварское обращеніе съ крестьянами. Никого не поражали: набожность и щедрая раздача милостыни, соединенныя съ совершеннымъ равнодушіемъ къ бѣдности своихъ собственныхъ крестьянъ. Никто не находилъ страннымъ и траги-комическимъ, когда помѣщикъ, ведя нетрезвую жизнь, подвергалъ строгимъ наказаніямъ своихъ крѣпостныхъ людей, если они изрѣдка показывались ему въ нетрезвомъ видѣ, или когда деревенская барыня, не отличавшаяся чистотой своихъ нравовъ, подвергала взысканіямъ своихъ горничныхъ, если онѣ не соблюдали цѣломудрія. Въ этомъ мірѣ можно было сколько угодно либеральничать на счетъ правительства, но считалось чуть не политическимъ преступленіемъ указать на это противорѣчіе и несообразности.

Удобство безпрекословнаго повиновенія и полнаго подобострастія крѣпостныхъ увеличивалось еще тѣмъ, что уѣздная администрація и губернская и уѣздная судебная власти были въ рукахъ дворянства. Многое можно было дѣлать безнаказанно и за предѣлами крѣпостнаго права.

Ко всему этому присоединялась жизнь почти всѣхъ помѣщиковъ сверхъ, состоянія и общее безденежье, съ присоединеніемъ долговъ казенныхъ и частныхъ въ многоразличныхъ видахъ. Эти финансовыя затрудненія, если онѣ не доходили до крайности, не могли особенно тревожить при крѣпостномъ состояніи, которое доставляло возможность значительную часть потребностей удовлетворять не за деньги, а даромъ. Такимъ образомъ, уничтоженіе крѣпостнаго состоянія для многихъ, дѣйствительно, могло сопровождаться роковыми послѣдствіями. Другіе изъ боязни извѣстное, беззаботное и спокойное положеніе, перемѣнить на неизвѣстное, во всякомъ случаѣ сопряженное съ трудомъ и хлопотами,—преувеличивали страхъ за будущее. Не смотря на это, въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ кружкахъ допускались разговоры объ освобожденіи крестьянъ; слушали обыкновенно со вниманіемъ, не отрицали пользу этого преобразованія, признавали, что оно рано

или поздно должно послѣдовать, но предоставляли совершеніе этого дѣла отдаленному будущему, съ оговоркой, что до того времени необходимо устроить полицію и суды, а послѣ того расширить политическую свободу. Тутъ подразумѣвалось, что перваго правительство не въ силахъ сдѣлать, а на второе, слѣдовательно и на освобожденіе крестьянъ, не рѣшится изъ боязни революціи.

Среди этой темной массы большинства помѣстнаго дворянства, почти во всѣхъ губерніяхъ были интеллигентные, болѣе или менѣе многочисленные кружки меньшинства, бòльшею частію состоящіе изъ людей съ образованіемъ, полученнымъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Губернскіе интеллигентные кружки были противъ крѣпостнаго права, но они желали полнаго освобожденія, а потому также не одобряли началъ, опубликованныхъ правительствомъ. Отсюда вышло двойное оппозиціонное направленіе: консервативнаго большинства и либеральнаго меньшинства помѣщиковъ.

Представители большинства писали, что офиціальное извѣстіе о мѣрахъ къ уничтоженію крѣпостной зависимости въ трехъ западныхъ губерніяхъ было «новостію поразительною», что «не смотря на давно существующіе слухи, помѣщики не вѣрили или не хотѣли вѣрить, что вопросъ этотъ серьезно занимаетъ правительство и что оно рѣшится приступить къ прямому его разрѣшенію», что предводители дворянства не обнаружили «сочувствія къ намѣреніямъ правительства». Такъ писалъ изъ Калуги тогдашній губернаторъ графъ Д. И. Толстой (впослѣдствіи, въ министерство Валуева, директоръ департамента полиціи), который самъ былъ помѣщикомъ прежде и послѣ того управлявшимъ своимъ имѣніемъ въ Рязанской губерніи. Въ заключеніи графъ Толстой доносилъ объ «опасеніяхъ, которыя, искренне или нѣтъ, выражаются многими на счетъ общественнаго спокойствія. Хотя съ своей стороны губернаторъ сохранялъ убѣжденіе, что общее спокойствіе губерніи не будетъ нарушено, но «не ручался, что бы не были частные безпорядки, которые могутъ потребовать рѣшительныхъ мѣръ».

Калужскій предводитель (Щукинъ) сообщалъ, что первое впечатлѣніе на дворянъ, по полученіи извѣстій о предпринятыхъ, мѣрахъ, было неблагопріятно. Хотя всѣ мыслящіе владѣльцы понимаютъ необходимость освобожденія, но опасаются за будущее.

Нижегородскій губернскій предводитель дворянства (Котлубицкій) отозвался, что «предполагаемое нововведеніе въ великороссійскомъ краѣ произвело сильное впечатлѣніе на помѣщиковъ, потому что крестьяне, не бывъ заранѣе подготовлены къ столь рѣзкой перемѣнѣ

въ образѣ управленія ими, увлекаются безотчетной мыслію о свободѣ.... Они теперь же неохотно вѣрятъ, что собственность помѣщиковъ земля не есть ихъ собственность».

Московскій предводитель (Воейковъ) развивалъ въ своемъ отзывѣ, что 6-ти мѣсячнаго срока слишкомъ не достаточно для разрѣшенія столь важнаго вопроса и высказывалъ опасеніе дворянъ, что крестьяне не будутъ исполнять обязанностей ихъ къ помѣщикамъ.

Изъ Вологды доносилъ губернаторъ Стоинскій, что «толки о свободѣ стали распространяться между крѣпостными людьми и они стали между собою выражать надежду и радость», что одинъ мѣщанинъ разсказывалъ въ Вологдѣ, что онъ въ Петербургѣ читалъ указъ о свободѣ, и что, наконецъ, въ народѣ ходили слухи, «что губернаторъ и предводитель удерживаютъ будто бы полученный ими указъ о свободѣ». Губернскій же предводитель (Боградовъ) первый (виленскій) рескриптъ разослалъ къ уѣзднымъ предводителямъ дворянства для свѣдѣнія и соображенія, а по полученіи втораго (петербургскаго) сообщилъ министру свое мнѣніе о томъ, что крестьяне не подготовлены еще къ измѣненію настоящаго ихъ устройства, а дворяне отъ этого много потеряютъ и предсказывалъ неблагопріятный исходъ дѣла.

По отзыву Рязанскаго предводителя дворянства (Селиванова) было вообще замѣтно въ народѣ тревожное ожиданіе. «Неизвѣстно», прибавлялъ предводитель, «что насъ ожидаетъ въ будущемъ.... тѣмъ болѣе, что въ Рязанской губерніи войскъ, кромѣ двухъ батальоновъ, во всей губерніи нѣтъ. Всѣ распущенные изъ полковъ солдаты разсыпаны по деревнямъ и при первомъ случаѣ станутъ въ главѣ всякаго безпорядка [1]). На земскую полицію разсчитывать невозможно». По отзыву того же предводителя, впечатлѣніе, произведенное на помѣщиковъ распоряженіями правительства заключалось «въ страхѣ за будущее». При этомъ Рязанскій предводитель указывалъ: на неудобство безсрочнаго надѣленія крестьянъ землей, на затрудненія отъ чрезвычайнаго различія цѣнъ на землю, на многочисленность дворовыхъ людей и на участь мелкопомѣстныхъ дворянъ. По его удостовѣренію въ Рязанской губерніи около 1700 дворянскихъ семействъ, т. е. одна четвертая часть общаго числа «такихъ, которые

[1]) Этотъ отзывъ былъ помѣщенъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ. Государь Императоръ подчеркнулъ послѣднія пять словъ и противъ нихъ на полѣ написалъ: „надѣюсь, этого не будетъ“. Я. А. Соловьевъ.

съ своими крестьянами составляютъ одно семейство, ѣдятъ за однимъ столомъ и живутъ въ одной избѣ».

Воронежскій предводитель, знаменитый своей борьбой за крѣпостное право (князь Гагаринъ) увѣдомлялъ, что «между крѣпостными ходятъ слухи, что вольность уже объявлена, но что помѣщики скрываютъ указъ!» Онъ писалъ въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ: о правахъ дворянъ не только на землю, но и на крѣпостныхъ людей, онъ перечислялъ также, съ своей точки зрѣнія, всѣ затрудненія къ освобожденію крестьянъ и представилъ дѣло почти невозможнымъ къ исполненію.

Отзывъ Ярославскаго губернатора (Бутурлина) заключался въ томъ, что крестьяне хотя и были спокойны, но ожидали объявленія свободы къ новому году (1858), а помѣщики находились въ тревожномъ состояніи и выражали опасеніе за будущее. Они думали, что если освобожденіе совершится на началахъ, опубликованныхъ для трехъ западныхъ губерній, «то бóльшая часть крестьянъ оставитъ землю помѣщиковъ и удалится, а выкупъ земли усадебной доставитъ весьма незначительное вознагражденіе послѣднимъ и они неминуемо придутъ къ разворенію и бѣдности».

Екатеринославскій губернскій предводитель дворянства писалъ, что Екатеринославская губернія не имѣетъ сходства ни съ Литовскими, ни съ Остзейскими губерніями, что литовскіе дворяне, по мѣстнымъ условіямъ своего края, могли просить о скорѣйшемъ уничтоженіи крѣпостной зависимости и что, по положенію Екатеринославской губерніи, тамошніе дворяне принуждены желать медленнаго измѣненія настоящихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Костромской губернаторъ (Роменусъ), сообщая о съѣздѣ предводителей для совѣщанія объ устройствѣ быта крестьянъ, отозвался, что одни дворяне находили опубликованныя мѣры вполнѣ необходимыми, другіе рановременными. Послѣдніе отъ освобожденія крестьянъ ожидали для себя большихъ потерь, потому что бóльшая часть Костромскихъ имѣній оброчныя, съ землей низкой цѣнности.

Тамбовскій предводитель (Ліонъ), по совѣщаніи съ нѣкоторыми дворянами и уѣздными предводителями, далъ отзывъ, что первыми впечатлѣніями на дворянъ были страхъ послѣдствій, опасеніе за общественное спокойствіе, несоотвѣтственность, по мнѣнію дворянъ, съ правами помѣщичьей собственности отведенія крестьянамъ въ постоянное пользованіе части земли. По его свидѣтельству тамбовскіе дворяне думали, что открытію комитета должны предшествовать пріуготовительныя работы; они также находили, что высочайшими

рескриптами не разрѣшаются вопросы: о долгахъ въ кредитныя установленія, о черезполосности и о томъ, могутъ ли усадебныя мѣста подлежать измѣненію или должны оставаться въ прежнемъ видѣ. Предводитель писалъ также, что хотя Тамбовскіе дворяне были благодарны за оказанное дворянству довѣріе, но «считали необходимымъ воспользоваться уроками опытности».

Владимірскій губернскій предводитель дворянства (Богдановъ) сообщалъ, что «первое впечатлѣніе на большинство дворянъ не могло не быть тягостно и грустно.... Не всѣ имѣютъ достаточно твердости, чтобы не сожалѣть о важныхъ правахъ, можетъ быть и несвоевременныхъ, но составляющихъ матеріальную основу жизни сословія». Къ этому, впрочемъ, онъ прибавлялъ, что «многіе чувствуютъ и болѣе или менѣе сознаютъ необходимость перемѣнъ въ этомъ отношеніи». Владимірскій губернаторъ (Тиличеевъ) отозвался, что вѣсть о полученныхъ бумагахъ разошлась по всей губерніи,—во всѣхъ сословіяхъ. На дворянъ она подѣйствовала непріятно. Они находили, что крестьяне, сдѣлавшись собственниками усадебныхъ мѣстъ, обратятся въ самыхъ безпокойныхъ сосѣдей и что они не будутъ разбирать помѣщичьихъ земель за прежніе оброки. Но нѣкоторые дворяне вполнѣ сознаютъ наступившую необходимость реформы, которая поведетъ къ установленію опредѣленныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами.

Изъ Тульской губерніи предводитель дворянства (Арсеньевъ, котораго вскорѣ потомъ замѣнилъ Мининъ,—одинъ изъ самыхъ энергическихъ противниковъ крестьянской реформы) обратился съ вопросомъ: можно-ли допускать измѣненія въ опубликованиыхъ началахъ уничтоженія крѣпостной зависимости?

По отзыву мѣстнаго губернскаго предводителя, Харьковскіе дворяне выражали желаніе не стѣсняться, при обсужденіи вопроса о крѣпостномъ состояніи, всѣми правилами, указанными въ двухъ первыхъ рескриптахъ.

Замѣчателенъ отзывъ Орловскаго предводителя В. В. Апраксина), который отозвался, что онъ вошелъ въ сношенія съ предводителями сосѣднихъ губерній. Онъ, между прочимъ, писалъ къ намъ, что предпринятая правительствомъ мѣра возлагаетъ на губернскихъ предводителей дворянства «священную обязанность склонять всякаго дворянина къ содѣйствію видамъ правительства, если не по убѣжденію, то по чувству личнаго самохраненія».

Предводители двухъ малорусскихъ губерній представили также о затрудненіяхъ, которыя ожидаютъ помѣщиковъ,—по причинѣ общаго

неразмежеванія и дробности имѣній. Но, не смотря на это, по отзывамъ Черниговскаго и Полтавскаго предводителей, дворяне вполнѣ понимаютъ необходимость новаго устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ. При этомъ Полтавскій предводитель (князь Левъ Кочубей) прибавлялъ, что по всей вѣроятности Полтавское дворянство въ непродолжительномъ времени будетъ просить объ открытіи комитетовъ.

Для того, чтобы показать, до какой степени неясны были понятія о будущемъ ходѣ крестьянскаго дѣла, достаточно привести отзывъ тогдашняго Оренбургскаго и Самарскаго генералъ-губернатора (А. А. Катенина, вскорѣ потомъ умершаго), который полагалъ, что Оренбургская и Самарская губерніи «должны быть поставлены на ряду тѣхъ частей Россіи, въ которыхъ вопросъ объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ изъ крѣпостной зависимости долженъ рѣшиться послѣ разрѣшенія онаго въ болѣе населенныхъ и преуспѣвшихъ въ гражданскомъ развитіи мѣстахъ Россіи».

Изъ приведенныхъ отзывовъ, полученныхъ изъ коренныхъ русскихъ губерній, можно было признать отчасти благопріятными для правительства отъ предводителей дворянства двухъ малорусскихъ губерній и одной великорусской. Въ отзывахъ предводителей всѣхъ остальныхъ губерній выражалась болѣе или менѣе оппозиція видамъ правительства; донесенія губернаторовъ также свидѣтельствовали о несочувствіи дворянства предрѣшенному преобразованію. Но правительство не могло опереться и на это прогрессивное меньшинство, которое находилось въ составѣ помѣстнаго дворянства. Во всѣхъ губерніяхъ мнѣніе консервативнаго большинства заглушало отзывы людей съ либеральнымъ направленіемъ. Во всѣхъ губерніяхъ предводители дворянства были прямыми представителями большинства. Въ одной только Тверской прогрессивная партія нашла своего представителя въ лицѣ губернскаго предводителя, тогда молодаго человѣка, А. М. Унковскаго (нынѣ, 1875 г., присяжнаго повѣреннаго). Изъ этой губерніи полученъ былъ отзывъ, также несогласный съ видами правительства, но не потому, что освобожденіе крестьянъ несвоевременно и пагубно, а потому, что самыя начала, на которыхъ предполагается произвести это освобожденіе, непримѣнимы къ условіямъ русской жизни. Тверской предводитель сообщалъ министру: «хотя нельзя еще съ точностью опредѣлить впечатлѣніе, которое могутъ произвести циркуляры на всю массу дворянства, но почти можно ручаться, что помѣщики вполнѣ поймутъ необходимость упраздненія крѣпостнаго права. Между тѣмъ, не могу не упомянуть о томъ обстоя-

тельствѣ, что, при чтеніи циркуляровъ вашего высокопревосходительства и копій съ высочайшихъ рескриптовъ..., замѣчаютъ, что основанія, въ нихъ изложенныя, совершенно не примѣнимы къ быту великорусскихъ крестьянъ, незнающихъ никогда средины между крѣпостнымъ трудомъ и свободнымъ, и находятъ возможнымъ одинъ только способъ освобожденія крестьянъ, посредствомъ выкуна ихъ съ нѣкоторою частью земли».

Но это далеко не было одиночное мнѣніе нѣкоторыхъ дворянъ Тверской губерніи. Во всѣхъ концахъ Россіи между дворянами помѣщиками были люди, которые вполнѣ раздѣляли мнѣнія, выраженныя въ отзывѣ Тверскаго предводителя. Въ доказательство справедливости этого, я приведу частныя извѣстія, полученныя мной въ это время изъ двухъ другихъ губерній: Смоленской и Владимірской.

Мой Смоленскій корреспондентъ (Д. С. Протопоповъ [1]) писалъ ко мнѣ: «Первую рѣчь поведу о помѣщичьемъ дѣлѣ. Они всѣ (помѣщики) единогласно признаютъ предстоящій переходъ тяжелымъ для себя въ отношеніи къ доходамъ и соединеннымъ съ тяжкими потерями. Съ другой стороны, разумнѣйшіе находятъ, что, по рескриптамъ и программѣ, нельзя ожидать развитія крестьянской свободы. Думаютъ даже, что на первое время положеніе крестьянъ будетъ тяжелѣе настоящаго. Крестьянинъ, подъ судомъ начальника-помѣщика, будетъ подлежать, какъ и нынѣ, всей строгости; отъ владѣльца же пособій въ хлѣбѣ и скотѣ ожидать не можетъ. Положимъ, что послѣднее разовьетъ его самодѣятельность; независимость отъ помѣщиковъ и требовательность повинностей, по мнѣнію здѣшнихъ жителей, будетъ также тяжка, а можетъ быть и тяжелѣе. Нѣеловъ (Смоленскій помѣщикъ, потомъ директоръ департамента земледѣлія и сельской промышленности, а теперь, 1875 г., сенаторъ) послалъ въ «Русскій Вѣстникъ» статью о необходимости для крестьянъ поземельной собственности. Доказательства этого онъ черпаетъ изъ быта помѣщичьихъ крестьянъ».

Изъ Владимірской губерніи я имѣлъ свѣдѣнія отъ одного изъ тамошнихъ помѣщиковъ (Д. П. Гаврилова [2]) который сообщилъ мнѣ,

---

[1]) Первый мой начальникъ по службѣ и одинъ изъ самыхъ близкихъ моихъ друзей, умершій въ 1872 г. Въ то время онъ былъ управляющимъ Смоленскою палатою государственныхъ имуществъ. Я. А. Соловьевъ.

[2]) Одинъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, бывшій потомъ самымъ ревностнымъ моимъ сотрудникомъ по коммисіи о губернскихъ

что нѣсколько лицъ изъ владимірскихъ помѣщиковъ, въ томъ числѣ и онъ, согласились высказать и поддерживать на губернскомъ съѣздѣ и въ комитетѣ начала освобожденія болѣе широкія, чѣмъ тѣ, которыя обнародованы въ рескриптахъ. Начала эти главнѣйше состояли въ слѣдующемъ: совершенное съ перваго же разу уничтоженіе обязательныхъ работъ и установленіе денежнаго выкупа; надѣленіе крестьянъ въ собственность не только усадебной осѣдлостію, но и пахатной и сѣнокосной землей; наконецъ, прекращеніе всѣхъ личныхъ и полицейскихъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ.

Эта двойная помѣщичья оппозиція началамъ освобожденія крестьянъ, обнародованнымъ правительствомъ, не могла свидѣтельствовать объ особенно благопріятномъ положеніи задуманнаго Государемъ преобразованія, тѣмъ болѣе, что тогдашніе исполнители его воли не хотѣли понять, что прогрессивная оппозиція не только не была страшна, но ее легко можно было обратить на пользу самаго дѣла, что впослѣдствіи и состоялось.

Выше было упомянуто, что Ярославскій губернаторъ доносилъ объ ожиданіи крестьянами объявленія о свободѣ къ новому 1858 году. Такое же извѣстіе было получено изъ Калуги. Изъ Тамбова, Пскова, Владиміра, Симбирска, Курска и Казани были свѣдѣнія, что крестьяне надѣются на скорое освобожденіе и по этому поводу предводители выражаютъ опасеніе за сохраненіе общественнаго спокойствія.

Кромѣ этихъ офиціальныхъ свѣдѣній замѣчательно полученное С. С. Ланскимъ частное письмо отъ одного, кажется, совершенно незнакомаго ему помѣщика Новгородской губерніи, Устюжскаго уѣзда, штабсъ-капитана Ушакова, который сообщалъ о слухахъ, волновавшихъ въ то время крестьянъ. Къ этому онъ прибавлялъ, что крестьяне покойны въ ожиданіи указа о ихъ вольности, «по полученіи котораго имъ силою должно завладѣть землей помѣщиковъ». По отзыву г. Ушакова таковы были убѣжденія крестьянъ, и потому онъ предлагалъ немедленно принять мѣры какъ бы при дѣйствительномъ всеобщемъ возстаніи.

и уѣздныхъ учрежденій, а съ 1870 г. директоромъ департамента государственнаго казначейства. Преждевременная смерть постигла его въ 1874 году.

Я. А. Соловьевъ.

Вообще изъ губерній шли не одни только отзывы о тревожномъ настроеніи умовъ, но и о средствахъ къ охраненію общественнаго спокойствія. Выше было упомянуто, что Волынскій предводитель дворянства совѣтовалъ издать особыя объявленія о мѣрахъ, принятыхъ правительствомъ къ устройству быта крестьянъ, для всенароднаго свѣдѣнія и для прочтенія въ церквахъ. Ту же мысль высказывалъ Харьковскій предводитель и два губернатора: Симбирскій и Вологодскій. Причемъ послѣдній указывалъ на бывшій примѣръ, на манифестъ 12-го мая 1826 г., изданный въ опроверженіе распространившихся слуховъ о предстоявшей будто-бы вольности крестьянъ.

Всѣ эти свѣдѣнія и совѣты сообщались, частью, подъ вліяніемъ дѣйствительнаго страха, частію съ намѣреніемъ возбудить страхъ въ правительствѣ и тѣмъ остановить его въ дальнѣйшемъ развитіи мѣръ къ освобожденію крестьянъ. Справедливость требуетъ сказать, что сначала преобладалъ страхъ. Какъ сильно было настроено воображеніе помѣщиковъ къ ожидающимъ ихъ ужасамъ, можно видѣть изъ отзыва того же новгородскаго помѣщика Ушакова. Онъ писалъ къ министру: «въ настоящее время, всѣ помѣщики находятся подъ вліяніемъ страха; они страшатся не за достояніе свое, но за жизнь свою и за жизнь своихъ дѣтей».

Въ запискѣ, представленной министромъ внутреннихъ дѣлъ Государю передъ прибытіемъ депутатовъ отъ дворянскихъ комитетовъ, перваго приглашенія, въ началѣ августа 1859 года (запискѣ, которая надѣлала мнѣ такъ много враговъ и такъ много непріятностей, о чемъ я скажу въ своемъ мѣстѣ) тогдашнее настроеніе умовъ въ губерніяхъ было охарактеризовано въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Первое извѣстіе о предположенной реформѣ возбуждало въ большинствѣ помѣщиковъ безотчетный страхъ. Отъ обнародованія ея ожидали возмущеній, отъ выполненія—совершенной потери собственности. Уничтоженіе крѣпостнаго труда и недостатокъ капиталовъ, необразованность крестьянъ и недостатки мѣстной администраціи, черезполосность и продажа усадебъ, и долги кредитнымъ установленіямъ представлялись непреодолимыми затрудненіями. Считали реформу примѣнимой лишь къ однимъ западнымъ губерніямъ и невозможной въ остальныхъ полосахъ Россіи».

Но паническій страхъ крестьянскихъ возмущеній не имѣлъ никакого серіознаго основанія. Народъ спокойно, можетъ быть, съ нѣко-

торою недовѣрчивостью, узналъ о предстоящемъ освобожденіи и спокойно ожидалъ рѣшенія своей участи, разумѣется, преувеличивая болѣе или менѣе счастливыя для него послѣдствія свободы. Слѣдовательно, если можно было ожидать крестьянскихъ волненій, то тогда, когда онъ увидитъ, что надежды его не исполнились. Правительство могло оставаться спокойнымъ, потому что губернаторы въ своихъ донесеніяхъ не подтверждали основательности возбуждаемыхъ тогда опасеній. Нѣкоторые изъ нихъ только доносили о сдѣланныхъ ими наставленіяхъ полицейскимъ чиновникамъ, вмѣнивъ имъ въ обязанность усилить надзоръ за людьми неблагонамѣренными; объ обращеніи къ епархіальнымъ начальникамъ, съ просьбой о содѣйствіи къ разъясненію народу настоящихъ видовъ и намѣреній правительства. Нашлись однако два губернатора, которые подпали подъ вліяніе помѣщичьей паники. Рязанскій губернаторъ (Новосильцевъ) раздѣлялъ мнѣніе губернскаго предводителя, что настроеніе крестьянскихъ умовъ не предвѣщаетъ ничего хорошаго. Другой губернаторъ Симбирскій (Извѣковъ), изъ страха возмущеній превысилъ свою власть. Согласно ходатайству предводителей, онъ снесся съ дивизіоннымъ командиромъ квартировавшихъ въ Симбирской губерніи войскъ— о командированіи въ случаѣ надобности военныхъ командъ по требованію предводителей и исправниковъ. Это распоряженіе было отмѣнено и указаны были губернатору законы, которыми онъ долженъ былъ руководствоваться, если бы встрѣтилась надобность въ употребленіи военной силы. Не смотря на всѣ опасенія, которыя возникали въ разныхъ губерніяхъ, министерство внутреннихъ дѣлъ удерживалось отъ принятія какихъ либо мѣръ чрезвычайныхъ. Даже мысль о всенародномъ объявленіи для успокоенія крестьянъ, сообщенная одновременно изъ разныхъ губерній, не была принята. По мнѣнію министра, объявленіе это могло скорѣе не успокоить, а взволновать крестьянъ. Они могли принять это: или за обнародованіе свободы или остаться недовольны, что исполненіе ихъ надеждъ откладывается на неопредѣленное время.

Государь нетерпѣливо ожидалъ адресовъ дворянства объ открытіи комитетовъ и надѣялся, что примѣру петербургскаго дворянства послѣдуетъ московское, но проходили недѣли, а адреса изъ Москвы не было. Другія губерніи смотрѣли на Москву, а нѣкоторые губернаторы и предводители буквально слѣдовали наставленію министра въ конфиденціальномъ его письмѣ отъ 10-го декабря 1857 г., оставаясь «безпристрастными зрителями и наблюдателями», и «не употребляя никакихъ настояній или внушеній». Для всесторонняго, по

возможности, объясненія причинъ такого замедленія и для полноты картины всего оппозиціоннаго движенія, необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ: что̀ дѣлалось въ Петербургѣ въ то время, когда оттуда въ губерніи шли циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ съ препровожденіемъ первыхъ двухъ рескриптовъ, а изъ губерній получались отзывы на эти циркуляры губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства. Вслѣдъ за этими отзывами ѣхали въ Петербургъ предводители дворянства и вообще вліятельные и имѣющіе связи помѣщики; писались также изъ провинцій письма къ разнымъ государственнымъ и негосударственнымъ людямъ.

Какъ словесные отзывы, такъ и письма заключали въ себѣ рядъ горькихъ жалобъ по поводу предстоящаго преобразованія. Высшія правительственныя и придворныя сферы состояли, также какъ и теперь состоятъ, преимущественно изъ помѣщиковъ, изъ которыхъ значительное большинство не сочувствовало начатому дѣлу: или вовсе, или, по крайней мѣрѣ, освобожденію крестьянъ съ землей. Губернское оппозиціонное движеніе питало петербургское, а это послѣднее поддерживало губернскую оппозицію. Въ петербургскихъ гостиныхъ, на придворныхъ выходахъ, на разводахъ и на смотрахъ войскъ, въ стѣнахъ государственнаго совѣта, сената и въ кабинетахъ министровъ, членовъ государственнаго совѣта слышались болѣе или менѣе энергическіе протесты противъ намѣренія правительства. Въ этихъ протестахъ болѣе или менѣе прочными красками доказывалось одна и таже мысль, что освобожденіе крестьянъ преждевременно. Послѣдствіемъ преобразованія, говорили многочисленные противники задуманной реформы, будетъ то, что помѣщики останутся безъ рабочихъ рукъ, крестьяне по свойственной лѣности не будутъ работать и для себя, производительность государства уменшится, отъ этого произойдутъ: общая дороговизна, голодъ, болѣзни и всѣ народныя бѣдствія. Въ это же время явятся: неповиновеніе крестьянъ, возмущеніе сначала мѣстныя а потомъ общій бунтъ, словомъ представлялась пугачевщина, со всѣми ужасами и съ прибавленіемъ «глубоко задуманной» демократической революціи. Противъ предоставленія крестьянамъ усадебныхъ мѣстъ въ собственность, въ петербургскомъ гостиномъ въ особенности были въ ходу замѣчанія, что крестьяне живя въ однихъ селеніяхъ съ помѣщиками, при встрѣчѣ съ ними и проходя мимо ихъ домовъ не будутъ снимать шапокъ, еще болѣе говорили о томъ, что крестьяне по ихъ грубости и невѣжеству будутъ купаться въ рѣкахъ и помѣщичьихъ прудахъ передъ окнами помѣ-

щиковъ, у которыхъ могутъ быть дочери невѣсты [1]). Въ наиболѣе интимныхъ разговорахъ упрекали правительство въ нарушеніи дворянскихъ правъ и въ неблагодарности къ дворянству, которое всегда служило опорой престолу и жертвовало жизнію за царя и отечество.

Въ доказательство, что все сейчасъ мной разсказанное нисколько не преувеличено, достаточно привести отзывы статсъ-секретаря Танѣева (нѣсколько лѣтъ уже умершаго),—тогда главно-управляющаго I отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, къ предводителямъ трехъ уѣздовъ Новгородской губерніи, въ которыхъ находились его имѣнія. «Раскрывая собраніе законовъ»,—писалъ Танѣевъ къ предводителямъ,—«я вижу, что въ 1816 и 1817 годахъ, когда дарована свобода лифляндскимъ, эстляндскимъ и курляндскимъ крестьянамъ, т. е. крестьянамъ присоединеннаго къ Россіи края, всѣ права дворянства сохранены, что вся земля остается собственностію помѣщиковъ. Тѣмъ болѣе для кореннаго русскаго дворянства можно ожидать той же милости». Въ этихъ же письмахъ онъ приводитъ циркуляръ Ланскаго, при вступленіи его въ 1855 году въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ Ланской, между прочимъ, писалъ, что онъ не можетъ не гордиться тѣмъ, что съ званіемъ министра внутреннихъ дѣлъ соединена высокая обязанность быть представителемъ у престола доблестнаго россійскаго дворянства». Выписавъ все содержаніе циркуляра, Танѣевъ прибавлялъ: «столь торжественный обѣтъ даетъ право дворянству испрашивать у министра внутреннихъ дѣлъ, какъ назначеннаго Государемъ Императоромъ представителемъ дворянства, предстательства у монаршаго престола о сохраненіи одного изъ важнѣйшихъ правъ дворянства—неприкосновенности поземельной собственности». Въ заключеніи, Танѣевъ описывалъ мрачными красками послѣдствія предоставленія крестьянамъ усадебныхъ мѣстъ въ собственность: крестьяне, получивъ земли, перестанутъ работать на помѣщиковъ, сдѣлаются непріятными для нихъ сосѣдями, заведутъ непозволенную продажу вина, будутъ давать пристанище бѣглымъ» и т. д.

---

[1]) Отзывы о преждевременности освобожденія крестьянъ напоминаютъ мнѣ разсказъ С. С. Ланскаго о томъ, что его какъ-то спросило одно изъ высокопоставленныхъ лицъ, (нынѣ Членъ Государственнаго Совѣта):

„Что, Сергѣй Степановичъ, въ какомъ положеніи крестьянское дѣло"?

—„Все въ томъ же, какъ прежде, т. е. крестьянъ освободить нельзя, потому что они необразованы, а образовать ихъ нельзя, потому что они крѣпостные!"

Я. А. Соловьевъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что свѣдѣнія, получаемыя тогда III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи, были также односторонни и докладывались Государю въ томъ же смыслѣ. Шефомъ жандармовъ былъ тогда князь В. А. Долгорукой (умершій назадъ тому нѣсколько лѣтъ). Онъ былъ одинъ изъ ревностныхъ противниковъ крестьянскаго дѣла. Система застращиванія Государя, которая особенно развилась съ 1866 года, и тогда была пущена въ ходъ. Государя стращали и крестьянскими возмущеніями, и серьезной оппозиціей со стороны дворянства.

Я. А. Соловьевъ.

ЗАПИСКИ СЕЛЬСКАГО СВЯЩЕННИКА.

LXII [1]).

Насъ укоряютъ, что мы не имѣемъ должныхъ отношеній къ нашимъ приходамъ; что связь между нами и нашими приходами только оффиціальная, внѣшняя; что близкихъ, сердечныхъ, радушныхъ отношеній между нами нѣтъ; что мы стоимъ отъ нашихъ приходовъ особнякомъ, далеко; вымогая изъ нихъ средства къ своему существованію, не обращаемъ вниманія на ихъ внутреннюю, духовную жизнь; что мы не больше, какъ требоисправители, тогда какъ мы должны быть руководителями въ ихъ нравственной и религіозной жизни, должны составлять какъ бы душу, должны быть „солью земли“ своихъ приходовъ; что отъ нашей отдаленности въ приходахъ грубость, невѣжество, расколъ, пороки, неуваженіе къ религіи и къ намъ самимъ и проч.

Отдаленность нашу отъ приходовъ одни производятъ отъ неправильной постановки нашего воспитанія; другіе—отъ нашей безличности и полной зависимости отъ приходовъ; одни,—что причиною тому кастовое наше положеніе; другіе говорятъ: отъ того все это, что попы сами и тупы, и глупы, безнравственны и жадны; говорятъ, наконецъ, одни, что это отъ того, что попы горды, что

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1879 г., томъ XXIV, стр. 554—562 (три главы); т. XXV, стр. 457—492 (четыре главы); 609—636 (одна глава); томъ XXVI, стр. 433—460 (одна глава). Изд. 1880 г., томъ XXVII, стр. 39—78; 455—494 (четырнадцать главъ); томъ XXVIII, стр. 144—145 (замѣтка); стр. 261—288 (четыре главы); 449—476 (одна глава); 667—708 (восемь главъ); т. XXIX, стр. 351—378 и 683—708 (семь главъ). Изд. 1881 г., т. XXX, стр. 43—90 (шесть главъ); 329—365, февраль, (пять главъ); 527 572, мартъ, (семь главъ).

священникъ, особенно молодой, чувствуя себя стоящимъ по образованію выше массы, съ гордостью относится къ простому народу даже тогда, когда принимается учить его, и тѣмъ отдаляетъ себя отъ него.

Для сближенія духовенства съ прихожанами одни находятъ необходимымъ закрыть спеціальныя духовныя учебныя заведенія и устроить общія, всесословныя; другіе находятъ единственнымъ средствомъ вывести духовенство изъ крѣпостной зависимости отъ прихожанъ, обезпечить его матеріальный бытъ и расширить права самостоятельности; третьи находятъ радикальнымъ средствомъ порѣшить совсѣмъ съ наличнымъ духовенствомъ, избрать въ служители церкви лицъ изъ того же общества, въ которомъ онѣ служить должны,—чтобы духовенство для общества было „свое, родное",—плоть отъ плоти и кость отъ костей его; чтобы духовенство и образованіемъ возвышалось только немногимъ надъ тѣмъ обществомъ, среди котораго оно должно вращаться; что духовенство должно участвовать во всѣхъ крестьянскихъ сходахъ, во всѣхъ приходскихъ дѣлахъ. Наконецъ, говорятъ намъ: нужно имѣть болѣе смиренія, болѣе терпѣнія и любви къ пасомымъ,—поменьше чванства и побольше дѣла.

Во всемъ этомъ много горькой истины, но много и нелѣпости. Всѣ говорятъ, что отношенія наши къ приходамъ ненормальны? Это хорошо знаемъ мы и сами. Ненормальность эту производятъ отъ различныхъ причинъ и къ устраненію ея предлагаются различныя средства; но такъ какъ сужденія объ этомъ дѣлѣ происходятъ, бо̀льшею частію, отъ такихъ людей, которые и сами не знаютъ всѣхъ условій нашей жизни, то онѣ или непрактичны совсѣмъ, или односторонни. Лица, стоящія во главѣ нашего управленія, хотя и хорошо видятъ причины ненормальности отношеній, хотя хорошо знаютъ и средства къ устраненію ихъ; но однѣхъ изъ средствъ не могутъ дать намъ они сами, а другихъ не исполняемъ мы. Отъ администраціи мы нерѣдко видимъ распоряженія и совѣты самые разумные, самые практичные, самые безпристрастные; но мы привыкли смотрѣть на нихъ, какъ на предписанія казенныя, не прилагаемъ ихъ къ нашему сердцу, не примѣняемъ къ нашей жизни, стараемся исполнить одну форму, отписаться,—и остаемся тѣмъ, чѣмъ были. Что же послѣ этого дѣлать? Теплое слово,—слово братское, взятое съ жизни, могло бы,

кажется, указать намъ самыя практичныя средства и повліять на насъ болѣе всѣхъ другихъ посторонникъ указаній и совѣтовъ. Его могли бы высказать другъ другу мы, священники; но священники, кромѣ проповѣдей по заказу консисторій и благочинныхъ, не пишутъ ничего. Поэтому я, дѣлая начинъ, пролагаю путь лучшимъ силамъ. Я не навязываюсь въ наставники—на это я не имѣю ни права, ни силы слова и не хочу оскорблять чьего бы то ни было самолюбія. Я хочу передать только личное мое мнѣніе и то, какъ ведется дѣло это у меня въ приходѣ, и съ удовольствіемъ выслушалъ бы мнѣніе и совѣтъ другаго. Мѣна мыслей могла бы принести много пользы и намъ самимъ, и дѣлу нашего служенія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, показала бы людямъ, пишущимъ объ насъ, что мы не настолько безнравственны и бездѣятельны, какъ разносятъ объ насъ по свѣту.

Наша рознь съ приходами зависитъ, прежде всего, отъ нашего воспитанія. Въ духовныхъ училищахъ и семинаріяхъ стараются дать воспитаннику массу свѣдѣній, но никто и никогда не позаботился развить религіозно-нравственное чувство. Въ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ строго слѣдятъ, напримѣръ, чтобы ученики неопустительно бывали у богослуженія, и тѣ воспитанники, которые, почему либо, хоть разъ, опустятъ его, подвергаются наказанію,—бо̀льшею частію имъ убавляется баллъ по поведенію. Въ наше же время дѣло это велось да̀же такъ; небывшихъ у богослуженія инспекторъ семинаріи, іеромонахъ Тихонъ посылалъ въ столовую казеннокоштныхъ учениковъ, заставлялъ тамъ молиться и класть земные поклоны во все время обѣда или ужина. Семинарская столовая,—большая, длинная комната. Какъ только войдутъ, бывало, ученики и за ними Тихонъ, или Тиша, какъ его звали всѣ,—виновные становятся въ концѣ столовой въ ряды и начинаютъ креститься и кланяться въ землю. Во все время обѣда Тиша ходилъ вдоль столовой, а̀ виновные отвѣшивали поклоны. Часто случалось, что, въ то время, когда Тихонъ шелъ на другой конецъ столовой, оборотившись спиной къ молившимся, тѣ отдыхали и переставали кланяться. Нѣкоторые проказники наставляли ему носы, а другіе съ умиленіемъ вздыхали и чуть ни на всю столовую взывали: „Боже, милостивъ буди ми грѣшному! Прости Господи мою лѣность"! Къ этимъ Тихонъ подходилъ и, за раскаяніе, отпускалъ домой, если это былъ своекоштный, или при-

казывалъ сейчасъ же садиться и обѣдать, если это былъ казенный воспитанникъ. Но нерѣдко случалось и такъ: идетъ Тихонъ задомъ къ молившимся на другой конецъ столовой, да вдругъ, не дойдя до конца, и повернетъ назадъ. Увидитъ, что тѣ перестали кланяться, подойдетъ, схватитъ за волосы и начнетъ мотать во всѣ стороны, да такъ, что искры изъ глазъ посыпятся. Перетрепавши всѣхъ, пойдетъ опять отшагивать. Ученики давно уже отобѣдали, давно сидятъ, запрятавши и ложки по пазухамъ и куски по карманамъ, а Тихонъ ходитъ себѣ, взадъ да впередъ, да и только. Нѣкоторымъ, такимъ манеромъ, приходилось положить поклоновъ по 150—200,—до одуренія. Однажды онъ одной артели, просто, велѣлъ положить по 100 поклоновъ. Ученики перекрестятся, поклонятся и скажутъ: „разъ"! Перекрестятся, поклонятся,—„два"! Сперва молельщики вели счетъ во весь голосъ, потомъ тише—тише и перестали молиться. Тихонъ подходитъ и спрашиваетъ: „а чтожъ вы перестали молиться"?—Мы положили по 100 поклоновъ.—„Ажъ вы врете (у него особенный былъ выговоръ), начинай съ начала, я самъ буду считать".—Ваше высокопреподобіе! Помилуйте!—„Ажъ вамъ говорятъ: молись"! Отпустилъ обѣдавшихъ, и сталъ самъ считать. Училищное начальство поступало еще проще: тамъ пороли, иногда, на смерть. Въ семинаріи же, у Тихона, если ученикъ не былъ только у одного богослуженія, положимъ у обѣдни, то молился только во время обѣда, но если не былъ и у всенощной, то молился и въ ужинъ. Такому наказанію подвергались всѣ безъ различія, даже ученики богословскаго класса, люди лѣтъ 23—25, которые, мѣсяца черезъ три—четыре, или сами должны быть священниками, или ѣхать въ академію.

Такого кощунства надъ религіею и издѣванья надъ людьми нынѣ, вѣроятно, нѣтъ; но уменшеніе балловъ по поведенію, въ сущности, одно и то же. Это заставляетъ ученика бывать неопустительно при богослуженіи не изъ любви и расположенія, а изъ страха и, стало быть, исполняется одна только формальность. И такая формальность отзывается на всей послѣдующей его жизни. Истинная заслуга наставниковъ и начальниковъ нашихъ учебныхъ заведеній была бы тогда, если бы они, съ передачею юношеству знаній, употребляли всѣ свои силы укрѣпить вѣру и внѣдрить любовь къ дѣлу служенія въ тѣхъ, кого готовятъ они быть пастырями народа и развить любовь къ самому народу. Но въ

первомъ мы сомнѣваемся, а второе считаемъ даже невозможнымъ. Переспросите воспитанниковъ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ нашихъ заведеній: у многихъ ли изъ нихъ есть евангеліе, а тѣмъ болѣе библія? Прочли ли они все это, хоть разъ, не для класса, а по внутреннему расположенію? Взгляните въ книгу библіотекаря: много ли разбирается воспитанниками духовныхъ журналовъ? Мы крайне сомнѣваемся, чтобы дѣло это шло успѣшно,—какъ слѣдовало бы.

Безчеловѣчно поступая съ учениками при пріемныхъ экзаменахъ, грубо обращаясь съ ними въ теченіи всего курса, выгоняя изъ заведенія за каждую малость, за какую нибудь недостающую ¹/₈ балла и вселяя, такимъ образомъ, только ожесточеніе и страхъ,—теплоты сердечной, любви къ ближнимъ наши семинаріи въ своего воспитанника вселить и не въ состояніи. Наставникъ, не имѣющій любви и даже снисхожденія, конечно, не можетъ сдѣлать сердце его мягкимъ, сострадательнымъ, любящимъ. Словомъ: отношенія нашихъ наставниковъ къ ихъ воспитанникамъ точно такія же, какъ и во всѣхъ свѣтскихъ,—чисто формальныя, оффиціальныя. Поэтому и мы поступаемъ на должности священниковъ съ такимъ же оффиціальнымъ направленіемъ, какъ и всякій воспитанникъ свѣтскихъ заведеній на свою должность, а грубое обращеніе семинарскаго начальства добиваетъ его характеръ. Поэтому всякій ученикъ семинаріи неминуемо долженъ выдти холоднымъ эгоистомъ, ожесточеннымъ, раздраженнымъ. Я не говорю отнюдь, чтобы всѣ ученики семинаріи непремѣнно выходили такими; нѣтъ, много людей выходятъ оттуда съ прекраснымъ, добрымъ сердцемъ; но въ этомъ семинаріи неповинны, это происходитъ независимо отъ нихъ: причиною доброты и мягкости сердца воспитанниковъ—ихъ родители и остатки домашняго воспитанія.

Такимъ образомъ, чтобы измѣнить наши отношенія къ приходамъ, нужно, прежде всего, измѣнить многое въ самомъ воспитаніи готовящихся къ сану священника.

LXIII.

Матеріальныя средства къ нашему существованію—доходы отъ требоисправленій. И въ глазахъ нашего начальства, и въ глазахъ общества составилось понятіе о раздѣленіи приходовъ на „хорошіе и плохіе“ и, конечно, не въ нравственномъ ихъ отношеніи, а исключительно по ихъ доходности. Воспитаннику семинаріи, не говоря уже о пономарствѣ, тотчасъ по выходѣ его изъ семинаріи, „хорошаго“ мѣста не дается. Поэтому у него, если бы онъ и не зналъ всѣхъ нашихъ порядковъ, невольно должно составиться понятіе о приходахъ многодоходныхъ и малодоходныхъ,—какъ объ арендной, слѣдовательно, статьѣ. О нравственномъ слитіи съ приходомъ, о единеніи и т. п. тутъ не можетъ быть и помину.

Поступивши во священника, человѣкъ сразу уничтожается: у него нѣтъ ни помѣщенія, ни хлѣба, ни денегъ,—ровно ничего. Первою его заботою, неизбѣжно, должна быть забота о своемъ существованіи. При этомъ каждый знаетъ, что и впереди его ждетъ такая же нужда, какъ и теперь, что о немъ не позаботится никто во всю его жизнь и что въ старости его ожидаетъ одиночество и нищета.

Прихожане же каждаго новаго священника стараются тѣснить, чтобы сбавить платы за требоисправленія. Но одни изъ священниковъ сами начинаютъ тѣснить ихъ и вымогать непомѣрную плату, не смотря ни на бѣдность, ни на просьбы и слезы; ведутъ себя заносчиво, неприступно; другіе же, будучи не въ силахъ выбиться изъ подъ такого давленія, терпятъ страшную нужду; третьи,—спиваются. О внутренней связи съ приходомъ и здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Таковъ порядокъ есть и долженъ быть при настоящей постановкѣ дѣла: близкихъ, сердечныхъ отношеній между пастыремъ и пасомыми и быть не можетъ.

Но, однако же, нельзя сказать, чтобы не было совсѣмъ никакихъ уже средствъ къ установленію хорошихъ отношеній, хотя отчасти. Такія средства есть. Я передамъ то, какъ дѣло это ведется у меня въ приходѣ.

Лжи и мелочнаго самохвальства я себѣ не дозволяю. Это было бы и глупо, и не имѣло бы ровно никакого смыслу. Я,—сельскій священникъ, подобныхъ которому въ Россіи болѣе 20,000; само-

хвальствомъ добиваться извѣстности изъ такой массы, гдѣ тысячи лучше меня во всѣхъ отношеніяхъ, значитъ признавать самаго себя умопомѣшаннымъ; не признавая же себя таковымъ, я скажу сущую правду.

Трудно встрѣтить такихъ добрыхъ прихожанъ, которые съ такимъ почтеніемъ относились бы къ своему священнику, какъ относятся мои ко мнѣ: при встрѣчѣ съ крестьяниномъ, я, первымъ словомъ, говорю ему раза три или четыре, что бы онъ надѣлъ шапку. Иначе, говори съ нимъ сколько угодно, онъ, во все время, будетъ стоять безъ шапки. Иду я или ѣду по улицѣ и, не говоря уже о томъ, что всѣ взрослые издалека встаютъ и стоятъ безъ шапокъ,—вся мелюзга,—дѣти кричатъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: „батюшка, здравствуй!“ Иной ребенокъ, лѣтъ трехъ, не умѣетъ еще выговаривать, а, тоже, кричитъ за другими: „а! а!“ и кланяется. Лошадей своихъ я не держу,—и мнѣ все возятъ прихожане. Куплю, напримѣръ, пятериковъ пять дровъ, верстъ за 20 отъ села, пишу деревенскимъ старостамъ записки,—и на другой день подводъ 80 привезутъ мнѣ дровъ; куплю для коровъ сѣна,—привезутъ и это Вычистить пригороду, куда выпускаются коровы, вывезти со двора снѣгъ, котораго, случалось, наносило возовъ до 200, набить ледники и т. п., все это дѣлаютъ мнѣ прихожане. Въ прошломъ году я строился,—и изъ города, за 45 верстъ, мнѣ вывезли 106 брусьевъ, известь и проч.—прихожане. Иногда случалось даже такъ: у меня при домѣ есть небольшой садикъ; копаешься, иногда, тамъ, подойдетъ мужичекъ, поглядитъ на цвѣтники и говоритъ: „песочкомъ надо бы тутъ посыпать!“ — Да, говорю, надо бы, да песку-то нѣтъ.—„Да развѣ насъ у васъ мало! Скажите десятнику, онъ и нарядитъ подводы двѣ; а то я вотъ пойду и скажу старостѣ“.— И на другой день мнѣ возовъ шесть привезутъ песку. Передъ свадьбами, по крайней мѣрѣ на половину, идутъ ко мнѣ за совѣтомъ: взять ли за сына дочь у такого-то крестьянина, или отдать-ли дочь къ такому-то? Приколотитъ пьяный мужикъ свою жену,—и она идетъ ко мнѣ съ жалобой. Крайне рѣдки случаи, чтобы пьяный мужикъ прошелъ мимо моего дому,—непремѣнно постарается пробраться гдѣ нибудь по закоулкамъ, что бы я не видѣлъ его. Толпятся мужики около кабака, иду или ѣду я, издали увидятъ всѣ, — и мгновенно всѣ разбѣгутся. Слово мое въ приходѣ есть законъ. Конечно, все это зависитъ отъ доброты мо-

ихъ прихожанъ; но и я дорожу этимъ расположеніемъ: насколько только возможно, я держусь правила: не ссориться ни съ кѣмъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, тотчасъ исполнять всякое требованіе каждаго и быть, насколько есть силъ, строгимъ къ себѣ. За требы я, лично самъ, не беру ничего, все беретъ мой діаконъ. Но никогда и никого не тѣснитъ и онъ; поэтому пользуется и онъ большимъ расположеніемъ и пособіями. Другой священникъ получалъ бы, по всей вѣроятности, доходу втрое больше, чѣмъ мы; но мы не думаемъ, чтобы что нибудь теряли и мы. Своимъ трудомъ прихожане наверстываютъ намъ то, чего не додаютъ деньгами. Для крестьянина выгоднѣе съѣздить намъ за дровами, чѣмъ отдать лишній рубль за требу, а для насъ это все равно. Взятый мною рубль я отдалъ бы ему же за подводу. Значитъ, что мы въ барышахъ оба и, при этомъ, находимся въ хорошихъ отношеніяхъ.

Но это все, что дѣлается съ моей стороны, о чемъ сказалъ я, есть, какъ бы, отрицательная сторона, положительная же,— въ моихъ съ прихожанами бесѣдахъ. Лѣтомъ, по праздникамъ, у утрени въ церкви народу у насъ бываетъ довольно много. Послѣ утрени я выйду на амвонъ, просто, безъ эпитрахили, прочту и объясню евангеліе этого дня, прочту еще что нибудь, спрошу поняли ли, нѣкоторыхъ прошу и разсказать, что̀ говорилъ я. Въ хорошую же погоду выйдемъ всѣ на крыльцо церкви,—а церковь у насъ большая, крыльцо тоже высокое и большое,—сяду, около меня посядутся всѣ, обступятъ со всѣхъ сторонъ внизу,—я и читаю, и толкую съ ними часъ или полутора. Тутъ дѣло идетъ у насъ за-просто. Тутъ я выслушиваю вопросы и сужденія каждаго,—мы тутъ не стѣсняемся совсѣмъ другъ друга. Самое же главное: послѣ обѣдни я объявляю, что я пріѣду въ такую-то деревню. Управившись въ церкви со всѣми молебнами, крестинами и пр., придешь домой, напьешся чаю, закусишь, а иногда и нѣтъ,—и поѣдешь. Въ назначенномъ домѣ меня уже ждутъ человѣкъ 20. Увидятъ въ деревнѣ, что я пріѣхалъ, соберется и еще человѣкъ 50, иногда и больше,—и начнется наша бесѣда. Тутъ мы совсѣмъ уже свои люди: и я безъ рясы, и слушатели мои въ чемъ попало. Здѣсь я читаю, разсказываю, мнѣ дѣлаютъ вопросы, я дѣлаю,—и толкуемъ обо всемъ. Иногда говорятъ мнѣ: недавно пріѣзжали молокане, верстъ изъ-за 200, жили три

дня и говорили вотъ что̀; или скажутъ: раскольники были и говорили вотъ что̀. Я, конечно, объясню на толки тѣхъ и другихъ. (Въ моемъ приходѣ сектантовъ нѣтъ). Тутъ толкуемъ мы и о хозяйствѣ, и о семейныхъ дѣлахъ, — обо всемъ. Въ 1879-мъ году мнѣ передали даже такія вещи: „на прошлой недѣлѣ, говорятъ мнѣ, шли два мужичка въ Кіевъ къ св. мощамъ, чьи-то, говорятъ, дальніе; одинъ изъ нихъ отбилъ ноги и они прожили у насъ три дня. Все разспрашивали они, какъ мы живемъ, много ли у насъ земли, много ли платимъ податей; все жалѣли, что у насъ земли мало (въ д. Кувыкѣ), что казенная земля дорого арендаторами сдается, что мы бѣдны. Разговорчивые какіе! Скоро, говорили они, всю казенную землю раздадутъ по мужикамъ; что всѣмъ губернаторамъ прислана уже отъ Государя бумага, чтобы раздать всю землю, а податей брать только половину; что въ Вологодской губерніи всю землю роздали уже по крестьянамъ, а подати сбавили; что они проходили чрезъ эту губернію и сами все это видѣли. Матвѣй К. (хозяинъ дома) сказалъ имъ: „этого быть не можетъ: гдѣ же будутъ деньги брать солдатъ содержать, чиновникамъ жалованье давать? Я былъ и въ Турціи, въ Іерусалимѣ,— вездѣ подати платятъ, и солдатъ держатъ, и жалованье чиновникамъ платятъ“. Какъ они на него прикрикнутъ!“...

Рекомендую моимъ собратіямъ испытать это средство для сближенія съ прихожанами. Я нахожу это средство лучшимъ, если не единственнымъ изо всѣхъ. Не могу скрыть, что дѣло это очень, даже очень трудное; но въ собраніи, за-просто, безъ всякихъ церемоній, видѣть въ народѣ эту вѣру, эту готовность и эту жажду слушать тебя, это довѣріе,—забываешь всякій трудъ и умиляешься самъ до глубины души. Это лучшее средство и научить чему нибудь.

Однажды, я, въ годичномъ отчетѣ, довелъ до свѣдѣнія преосвященнаго о своихъ бесѣдахъ; преосвященный остался очень доволенъ ими, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ священники вели такія же бесѣды и, для контроля, излагали бы ихъ въ особыхъ тетрадкахъ, благочиннымъ же вмѣнено было въ обязанность просматривать ихъ. Дѣло приняло оффиціальный видъ. Меня за это всѣ батюшки поругали, года два нѣкоторые изъ нихъ писали поученія, но бесѣдъ вели мало. Въ объѣзды епархіи преосвященный сперва спрашивалъ у нѣкоторыхъ священниковъ тетради съ

бесѣдами, но потомъ пересталъ и онъ. Такъ дѣло это и пропало. Другаго исхода не могло и быть, потому что излагать на бумагѣ то, что̀ говоришь и ка̀къ говоришь,—нѣтъ никакой возможности. Поученія и теперь говорятъ многіе, но это не то. Моя бесѣда,—просто бесѣда домашняя. Еслибъ изложить въ точности, дословно, все, что̀ и ка̀къ говоришь тутъ, такъ это вышло бы такое произведеніе, за которое консисторія не только что не представила бы къ набедреннику, а еще взыскала бы штрафовъ пять, по крайней мѣрѣ. Тутъ я прочту и объясню что нибудь изъ евангелія, побраню мужика, зачѣмъ онъ, да еще съ сыномъ вмѣстѣ, ходитъ въ кабакъ; прочту что нибудь изъ св. исторіи, поговорю объ урожаѣ, падежѣ скота, о томъ, что нужно чаще ребятъ мыть,—мы говоримъ обо всемъ. Но это: „все", безобразное, можетъ быть, по формѣ изложенія, лучше всякаго „огненнаго" слова. Въ этомъ повѣрьте мнѣ. Я узнаю тутъ все, что дѣлается у меня въ приходѣ и, во время, могу подать посильный совѣтъ. Въ подобныхъ бесѣдахъ до фамиліарностей мы не доходимъ, но мы другъ съ другомъ, какъ бы, роднимся,—это другаго рода школа.

Кромѣ того: пока священникъ въ деревнѣ, ни одинъ крестьянинъ нейдетъ въ кабакъ, боясь, чтобъ не сказали ему и онъ не позвалъ бы къ себѣ. А перехвативши, такъ сказать, самое горячее время,—отъ обѣда до вечера, ночью мужикъ туда уже не пойдетъ. Да, эти простыя бесѣды,—великое дѣло! Но... полнѣйшая зависимость отъ приходовъ, нерѣдкіе случаи злоупотребленія непритязательностью моего діакона, плата за требоисправленія и пр. отравляютъ все дѣло, пуще всякаго яду...

Послѣ этого можно только сказать: несчастны тѣ люди, которые, даже при всемъ своемъ желаніи, не могутъ выполнить своего долга!...

LXIV.

Благочиннымъ, бо̀льшею же частію, ихъ помощникамъ, нерѣдко поручается дѣлать справки по церковнымъ документамъ, дознанія и производства слѣдствій.

Какой нибудь мѣщанинъ проситъ выдать ему метрическое свидѣтельство, для утвержденія его въ правахъ наслѣдства. Консисторія, не справляясь съ метриками, имѣющимися въ ея архивѣ, предписываетъ благочинному или его помощнику сдѣлать справку

по церковнымъ документамъ, и представить ей съ своимъ удостовѣреніемъ, что представляемая справка съ церковными документами вѣрна. Нерѣдко случается, что село, гдѣ нужно взять такую справку, находится отъ благочиннаго или его помощника верстахъ въ 70. Предписывать духовенству выслать справку къ нему благочинный не можетъ, такъ какъ онъ самъ долженъ видѣть документы, чтобы засвидѣтельствовать ея точность, онъ долженъ ѣхать туда самъ. Но такъ какъ подобныхъ дѣлъ бываетъ множество, и часто случается, что, съѣздивши въ село, дня чрезъ два-три, приходится ѣхать туда же опять, то благочинный и не торопится ѣхать. Чрезъ мѣсяцъ консисторія подтверждаетъ: „поспѣшить представленіемъ справки". Ну, думаетъ благочинный, дѣлать дѣло не такъ легко, какъ предписывать! У меня еще сѣно не убрано; оно можетъ погнить; и это будетъ стоить мнѣ больше 100 р. Жнецовъ или косцовъ артель,—я за ними глядѣть долженъ,—дожди, зимой вьюга, мятель... Ѣхать нѣтъ и возможности. Если эта справка консисторіи нужна непремѣнно, неотложно, то метрики у нея подъ руками". Чрезъ нѣкоторое время консисторія опять: представить справку съ первою отходящею почтою, въ противномъ случаѣ"... Чуть ни висѣлица! Благочинный нанимаетъ на свой счетъ лошадей до перваго села, тамъ духовенство нанимаетъ до втораго, тамъ—до мѣста, гдѣ нужно взять справку. Пріѣзжаетъ благочинный, прикажетъ сдѣлать въ три строки выписку изъ метрики, посмотритъ въ самую метрику,—и домой. Мѣстное духовенство нанимаетъ ему лошадей до ближайшаго села, тамъ до слѣдующаго, а тутъ—до мѣста жительства благочиннаго.

Такимъ образомъ то, что можно было бы сдѣлать въ консисторіи 10 минутъ, тянется цѣлые мѣсяцы, консисторіи обременяютъ перепискою и себя, обременяютъ и вводятъ въ хлопоты и расходы и благочинныхъ, и духовенство совершенно невинно, Богъ знаетъ изъ-за чьего дѣла.

Жителю С.-Петербурга трудно понять наши порядки и, вообще, горожанинъ не пойметъ ихъ. Чтобы уяснить себѣ наши порядки разъѣздовъ по дѣламъ службы, представимъ это нагляднѣе. Представимъ, что какому нибудь мирному гражданину, живущему своимъ трудомъ гдѣ нибудь около Невской Лавры и никогда не помышляющему о судопроизводствѣ, велѣно сдѣлать до-

знаніе близь института горныхъ инженеровъ. Ему приказали,—и онъ, не зная, какъ и приняться за порученное ему дѣло, бросаетъ всѣ свои домашнія занятія,—единственное средство къ его существованію,—нанимаетъ извощика и ѣдетъ до Знаменской гостинницы. Является въ гостинницу, тамъ предлагаютъ ему стаканъ чаю и легонькую закуску, но онъ, не заплативши ни за что денегъ, требуетъ, чтобъ ему наняли извощика до дома Бѣлосельской-Бѣлозерской. Здѣсь заѣзжаетъ въ чей нибудь домъ, отрываетъ хозяина или управляющаго домомъ отъ дѣла, и требуетъ, чтобъ его довезли до Казанскаго собора. (О конной желѣзной дорогѣ мы не говоримъ потому, что онѣ лежатъ не по всѣмъ улицамъ Петербурга). Здѣсь заѣзжаетъ хоть въ домъ Корпуса и требуетъ лошадь до Конногвардейской улицы. Тамъ заѣдетъ въ домъ духовенства Исакіевскаго собора и требуетъ лошадь до академіи художествъ. Отсюда требуетъ лошадь до Горнаго института. Здѣсь, сдѣлавши свое дѣло, онъ требуетъ, чтобъ хозяинъ дома довезъ его обратно до академіи художествъ, оттуда до дома Исакіевскаго духовенства, и такъ далѣе,—до своей квартиры—къ Лаврѣ. Въ то же время назначаютъ лицу вліятельному, могущему сдѣлать всякому какую нибудь гадость, произвесть слѣдствіе. Лицо это живетъ на Обуховскомъ проспектѣ, положимъ хоть въ домѣ Жукова, а слѣдствіе произвесть нужно около Семеновскихъ казармъ. Этотъ слѣдователь, какъ начальство, ѣдетъ уже не такъ: въ счетъ подчиненныхъ, своихъ сослуживцевъ, нанимаетъ карету и ѣдетъ на Лиговку въ д. Воронина. Не обращая вниманія,—днемъ ли это, ночью ли,—онъ взбудоражитъ весь домъ, потребуетъ чаю, водки, закуски, взятку и карету до дома В. А. Полетики на Литейномъ проспектѣ. Оттуда ударитъ на Самсоніевскій проспектъ въ д. Васильева; отъ него къ Тучкову мосту на Петербургскую сторону; отсюда на Каменный островъ; съ Каменнаго къ почтамту, отсюда уже къ Семеновскимъ казармамъ. Проживши на слѣдствіи дня два, онъ отправляется въ Кушелевку, тамъ—въ Лѣсной институтъ, оттуда на Черную рѣчку и т. д., и т. д. Исколесивши весь Петербургъ и обезпокоивши 40—50 домовъ, онъ возвращается домой съ набитыми животомъ и карманами. Чрезъ два-три мѣсяца, а можетъ быть и два-три дня, въ эти же дома вваливаетъ другой, подобный этому, слѣдователь, тамъ третій и—безъ конца. Что сказали бы жители Петербурга, еслибъ у нихъ были

такіе порядки? Что сказали бы они, еслибъ всѣ члены полиціи, мировые судьи, экстренные и обыкновенные судебные слѣдователи такъ безпокоили мирныхъ гражданъ столицы? Такіе порядки, прямо, невозможны, скажетъ всякій. Это были бы не порядки, а неурядица, какой не можетъ быть не только ни въ одномъ благоустроенномъ государствѣ, но даже нигдѣ, во всемъ свѣтѣ. И дѣйствительно, этого и нѣтъ нигдѣ, во всѣмъ свѣтѣ, кромѣ насъ, православнаго русскаго духовенства! Такіе порядки возможны именно только у насъ однихъ. У насъ: назначаютъ рядовому священнику произвесть слѣдствіе или сдѣлать дознаніе,—онъ, несчастный, не зная, какъ и приняться за порученное ему дѣло, бросаетъ домъ, приходъ, и хозяйство, нанимаетъ отъ себя лошадку и ѣдетъ до ближайшаго села. Тамъ напоятъ его чайкомъ и дадутъ лошаденку до слѣдующаго и т. д. Чрезъ нѣсколько дней онъ, голодный, возвращается тѣмъ же путемъ домой и, убитый нравственно, отсылаетъ консисторіи результаты своей поѣздки. Нерѣдко случается, что, за неполноту слѣдствія, получаетъ выговоръ и снова ѣдетъ для дополненія. Но если ѣдетъ великое начальство,—благочинный или, и того горше, членъ консисторіи, въ родѣ Дмитрія Акимовича К......, то тутъ уже не то: тутъ взбудоражится все,—всѣхъ поднимутъ на ноги и, день ли это, ночь ли, здоровы ли въ домѣ, больны ли — все равно, хозяинъ гостя ублажи, упой, накорми, въ карманъ ему положи, тройку лошадей дай, самаго въ экипажъ уложи и — разпрощайся. Послѣ такихъ гостей хозяева, обыкновенно, нескоро приходятъ въ нормальное состояніе. Если ѣдетъ благочинный, то онъ ѣдетъ, по крайней мѣрѣ, по прямому направленію; но если онъ въ родѣ Д. А. К......, такъ онъ и исколеситъ всю епархію, — и вездѣ нужно, даже вынуждено духовенство принять, угостить, дать и за подводу заплатить 3—4 рубля. Да, скажемъ опять: это у насъ только и возможно! Какъ это ни нелѣпо, какъ ни безсмысленно, какъ ни тяжело духовенству, какъ ни грустно все это, — но это считается у насъ порядкомъ,—что это такъ и быть должно...

Но мы, начальство, широки только между своими, духовными; крестьяне, привыкшіе, по старымъ традиціямъ, смотрѣть на чиновника, какъ на притѣснителя, безпрекословно исполняютъ его приказанія, только боясь палки; наши же требованія они исполняютъ только послѣ долгихъ и многихъ хлопотъ съ нашей сто-

роны: при нашихъ слѣдствіяхъ много приходится употреблять хлопотъ, чтобы вызвать къ себѣ мужика къ допросу.

Изъ множества такихъ дѣлъ, скажу объ одномъ. Однажды, лѣтомъ, только что пріѣхалъ я домой изъ села за 65 верстъ, куда ѣздилъ я изъ-за метрической справки, какъ получаю указъ ѣхать туда же опять, по дѣлу о пропускѣ по метрикамъ одного мужика, у котораго сынъ подлежалъ отдачѣ въ солдаты. Я нанялъ лошадей за 3 р. и поѣхалъ до ближайшаго села. Тамъ духовенство наняло лошадей до слѣдующаго, оттуда — до мѣста слѣдствія. Я нарочито пріѣхалъ въ праздникъ, чтобы застать крестьянъ дома. Священникъ уѣхалъ въ городъ, а крестьяне, хотя были и не въ полѣ, но, за то, всѣ въ кабакѣ. Несчетное число разъ посылалъ я и дьячковъ, и церковнаго сторожа и за сотскимъ, и за десятникомъ, и за старостой,—нейдетъ никто, да и только. „Намъ, говорятъ, не до поповскихъ дѣлъ, у насъ свои дѣла, поважнѣе ихнихъ“. Ночью пріѣхалъ священникъ, до свѣта еще послалъ за старостой,—и крестьяне явились всѣ, кромѣ одного, который до свѣта уѣхалъ въ поле. „Что вы, говорю, не пришли ко мнѣ вчера? Вѣдь напрасно только задержали и меня вчера, и себя теперь“. — „Да признаться, всѣ были выпивши, идти-то къ вамъ и стыдно было“. Крестьянинъ, уѣхавшій въ поле, былъ мнѣ нуженъ. Я послалъ за нимъ причетника отыскать его въ полѣ. Но крестьянинъ не хотѣлъ бросить своей работы, и явился ко мнѣ поздно уже вечеромъ. Кончивши дѣло, я ѣду обратно домой: мѣстный причтъ нанимаетъ мнѣ пару лошадей до ближайшаго села, въ этомъ нанимаютъ до слѣдующаго, тамъ—до моего дому. Такимъ образомъ моя поѣздка, изъ-за чужаго дѣла, духовенству, ни въ чемъ неповинному, стоила 14 рублей, а мнѣ 3 р. и четыре дня времени. И это случится въ теченіи года ни одинъ разъ...

Производство слѣдствій поручается, бо̀льшею частію, частнымъ священникамъ, — кому нибудь изъ ближайшихъ къ подсудимому. Но если и мы, старые благочинные, нерѣдко путаемся при слѣдствіяхъ, то рядовой священникъ, никогда и не помышлявшій о производствѣ ихъ, не знаетъ, бо̀льшею частію, какъ къ дѣлу и приступиться.

На мѣстѣ слѣдствія, прежде всего, насъ затрудняетъ квартира. Останавливаться на общей чиновничьей въѣзжей квартирѣ намъ неудобно, такъ какъ туда, во время слѣдствія, могутъ пріѣхать

гражданскіе чиновники по своимъ дѣламъ и мы стали бы мѣшать одинъ другому. Поэтому слѣдователь останавливается, обыкновенно, въ церковной сторожкѣ. Формально извѣстивши тяжущіяся стороны о своемъ пріѣздѣ, проситъ отвести ему квартиру, по обоюдному согласію сторонъ и выслать туда депутатовъ. Въ этой перепискѣ проходитъ день, а иногда и больше. При производствѣ слѣдствія случалось, и не разъ, что иной сутяга ни за что не дастъ отвѣта ранѣе трехъ сутокъ. А тамъ: то того крестьянина нѣтъ дома, то другой нейдетъ. Бьешься-бьешься, иногда, уѣдешь домой и просишь полицію и волостное нравленіе обязать подпискою нужныхъ ко спросу крестьянъ явиться къ извѣстному дню. Полиція и волостное правленіе вышлютъ подписки, пріѣзжаешь,— а крестьяне пріѣзжать, на мѣсто слѣдствія, и не думали. Побьешься дня четыре, и опять уѣдешь домой. Однажды, мнѣ привелось прожить на слѣдствіи болѣе трехъ недѣль, по самому пустому дѣлу. Долго бьется слѣдователь; тяжущіяся стороны, во все время производства слѣдствія, молчатъ; наконецъ, закончишь дѣло и предъявляешь имъ его. Тѣ, въ подпискѣ, излагаютъ все, что находятъ нужнымъ для пополненія. Бо̀льшая же часть пишетъ только, что противузаконныхъ дѣйствій, со стороны слѣдователя, ими не замѣчено. И дѣло представляется въ консисторію.

Если слѣдователь не самъ лично представляетъ свою работу въ консисторію и не переговоритъ наединѣ съ столоначальникомъ, то штрафа ему не избѣжать: или записка составлена не полно, или листы тетради не перенумерованы, или бѣлый полулистикъ угодилъ между писанными, или спрошено лицо подъ присягою, тогда какъ приводить къ присягѣ его не слѣдовало; или, на оборотъ: спрошено безъ присяги, тогда какъ слѣдовало бы спросить подъ присягою; или не спрошено лицо совсѣмъ, тогда какъ показаніе его оказывается нужнымъ и т. н. За все это слѣдователя штрафуютъ. Правда, нынѣ порядки эти измѣнились нѣсколько къ лучшему: нынѣ, по крайней мѣрѣ, укажутъ въ чемъ неполно слѣдствіе и чѣмъ дополнить его, хотя и оштрафуютъ, или сдѣлаютъ выговоръ; но прежде дѣлалось такъ: представишь слѣдственное дѣло, а тебѣ возвращаютъ его, и пишутъ: „такъ какъ слѣдствіе не полно, то консисторія приказала дополнить его нужными свѣдѣніями“. Но чѣмъ дополнить,—понять не можешь. Поѣдешь опять, сдѣлаешь спросъ одному кому нибудь,—почти,

кто попадетъ подъ руку,—отошлешь дѣло въ консисторію, пятишницу столоначальнику,—и выдетъ все и полно, и по формѣ сдѣлано. Нынѣ этого уже нѣтъ.

Въ рѣшеніи дѣлъ нельзя похвалиться особенной скоростью; но если, при обсужденіи дѣлъ и въ окружныхъ нашихъ судахъ, гдѣ судъ „скорый и милостивый“, подсудимымъ, часто, приходится сидѣть въ острогахъ, неповинно, до рѣшенія дѣла, цѣлые годы,—при новомъ, организованномъ судопроизводствѣ,—то намъ тянуть дѣла и Богъ проститъ, на насъ нельзя и взыскивать. У насъ, и дѣйствительно, дѣла рѣшаются не скоро, особенно если канцелярскіе чиновники видятъ, что около просителя можно малой толикой поживиться. Находчивость, чтобъ протянуть дѣло и вытянуть какой нибудь двугривенный, бываетъ, иногда, замѣчательная, хотя, конечно, все это крайне грустно. Однажды, прихожу я въ консисторію и, вмѣстѣ со мной, подходитъ къ столоначальнику Г. старушка, вдовая священническая жена, и проситъ его написать ей поскорѣе билетъ въ Кіевъ. „Ваше благородіе, взываетъ старушка, сдѣлайте милость! Я хожу вѣдь третью уже недѣлю“... Столоначальникъ вскочилъ, какъ съ горячей сковороды, обращается ко мнѣ и говоритъ: „послушайте, о. благочинный! Она проситъ билетъ въ Кіевъ“!.. И, при этомъ, съ жаромъ, вытянулъ руку въ сторону.—„Въ Воронежъ“!.. И протянулъ другую руку, въ другую сторону.—„Въ Москву“!.. И указалъ въ третью сторону. „Видите куда! Да и дай ей сейчасъ билетъ!.. Пошла прочь!“

— Ваше благородіе!

— Тебѣ говорятъ, что этакаго дѣла сдѣлать скоро нельзя! Россія велика.

И это говорилось такимъ тономъ и съ такими жестами, какъ будто ему приходилось ходить за ней самому по всей Россіи.

— Ваше благородіе!

— Нужно еще запросить по всѣмъ столамъ, нѣтъ ли за тобой дѣлъ!

— Какія же за мной дѣла? Пожалуй, запросите.

— Надобно запросить и градскаго благочиннаго, ты здѣсь давно шляешься; можетъ быть, что нибудь въ городѣ надѣлала, что и билета дать нельзя!

— Чтожъ, пошлите чиновника и къ благочинному, спросите и его.

Одинъ изъ писцевъ огрызнулся: собака тебѣ чиновникъ-то, будетъ бѣгать для тебя по городу!

И пошла, несчастная, въ свой уголъ.

Слѣдователь представляетъ дѣло съ своей запиской. Столоначальникъ читаетъ дѣло и записку слѣдователя и по нимъ составляетъ свою записку. Но привычка не обращать вниманія на положеніе людей много приносила горя людямъ, состоящимъ подъ судомъ. Человѣкъ, напр., лишенъ мѣста, ни онъ, ни семья его не имѣютъ куска хлѣба, угла, куда преклонить голову, — а столоначальникъ, разсматривающій дѣло, тянетъ цѣлые мѣсяцы изъ такихъ пустяковъ, которые, положительно, не имѣютъ значенія. Изъ множества извѣстныхъ мнѣ случаевъ скажу объ одномъ. Священникъ Ж. удаленъ былъ отъ мѣста. Бѣднякъ и безъ того, онъ болѣе мѣсяца ходилъ въ консисторію и умолялъ столоначальника Г. приняться за разсмотрѣніе его дѣла. Обобравши его до нитки и опивши разъ десять, Г., наконецъ, взялъ дѣло въ руки, сталъ перелистывать и видитъ, что слѣдователемъ не приложено записки, — извлеченія изъ дѣла. — „Записки нѣтъ, оборотить къ слѣдователю для составленія записки“, завопилъ столоначальникъ! На силу товарищи его, другіе столоначальники, могли уговорить его не волочить дѣла и сжалиться надъ несчастнымъ Ж., и то подъ тѣмъ условіемъ, что одинъ изъ столоначальниковъ взялся составить записку самъ,—вмѣсто слѣдователя.

Сказать къ слову: Г. за время своей долголѣтней службы такъ набилъ руку на взятки, что, однажды, не далъ спуску даже своему родному отцу.

Однажды отецъ его, дьячекъ, перемѣщался въ другой приходъ и долженъ былъ взять въ его столѣ перемѣстительный указъ. Дня четыре отецъ ходилъ въ консисторію, и сынокъ все отговаривался, что дѣла по горло, указъ писать некогда. Наконецъ, приходитъ отецъ, сынокъ всталъ и говоритъ: ты, тятинька, я вижу, хочешь выѣхать „на сухихъ!“ У меня положено три цѣлковыхъ за перемѣстительный указъ; борозды не порть и ты; а то, на тебя глядя, и другіе не станутъ давать. Ты, тятинька, не обсѣвокъ въ полѣ, три рублика выложь“!

— Ахъ ты!..

— Ты, тятинька, не ругайся, а то секретарь услышитъ, велитъ тебя вывесть, и мнѣ будетъ стыдно за тебя.

Отецъ поругалъ—поругалъ да и отдалъ три рубля, а сынокъ вынулъ изъ ящика приготовленный уже указъ.

Что Г. былъ негодяй, — это еще ничего бы, негодяевъ много вездѣ. Но странно, даже обидно, то: неужто о. о. члены консисторіи не знали, что между ихъ столоначальниками есть такіе негодяи!..

Въ прежнее время столоначальники разсматривали слѣдственныя дѣла, и они же писали и самыя рѣшенія. Членамъ консисторіи приходилось только списывать и исправлять грамматическія ошибки столоначальниковъ. А недавно умершій членъ консисторіи В. И. Жуковъ, въ началѣ своего членства, какъ только дѣло, мало-мало, серьезное, то возьметъ его на домъ и отправляется съ нимъ къ благодѣтелю своему, помѣщику-дѣльцу Протопопову; тотъ напишетъ ему мнѣніе, Жуковъ перепишетъ и несетъ въ консисторію.

Теперь дѣла измѣнились къ лучшему, нѣтъ спора, но, однако же, до сихъ поръ консисторіи рѣшаютъ всѣ дѣла, основываясь исключительно на томъ, что есть въ слѣдственномъ дѣлѣ. Они не требуютъ никакихъ личныхъ объясненій или разъясненій дѣла, не входятъ въ обстоятельный разсмотръ причинъ того или другаго поступка; предъ ними исписанная бумага, — и по ней рѣшается участь человѣка, тогда какъ полагаться исключительно на эту бумагу крайне сомнительно, потому что слѣдователь, если не имѣетъ возможности дать видъ слѣдствію совершенно по своему произволу, то всегда можетъ или сгладить, или увеличить значеніе вины подсудимаго. И на этихъ-то, не вѣрно выставленныхъ, фактахъ, основывается рѣшеніе дѣла. Скажу объ одномъ случаѣ изъ собственной практики.

Въ одной изъ деревень С. губерніи жилъ помѣщикъ, нѣкто В. Оставшись малолѣтнимъ послѣ отца, онъ лѣтъ 5—6 потолкался около гимназіи, записался въ канцелярію губернатора, получилъ чинъ,—и зажилъ на славу. Слишкомъ болѣе 12 тысячъ руб. онъ проигралъ въ карты, однажды, въ день похоронъ своей матери. Неразлучными друзьями и спутниками во всѣхъ кутежахъ и безобразіяхъ его были особенно два члена провіантской коммисіи С. и Д. Однажды компанія друзей, человѣкъ въ 15, ввалила въ театръ, въ то уже время, когда народъ выходилъ изъ него, вошла въ ряды креслъ и В. закричалъ: „тысячу рублей! Начинай съ начала“! Компанія подхватила: „мы даемъ другую тысячу,

съ начала начинай"! И, минутъ чрезъ 15, занавѣсъ поднялся. Въ срединѣ втораго или третьяго дѣйствія В. заоралъ: „довольно! Иди всѣ въ Борыкинскую гостинницу!... По тысячѣ руб. на рыло: пляши русскую, въ чемъ мать родила"! И каждое рыло получило по 1000 р.

О В. можно было бы сказать многое, но я скажу только это, чтобъ дать понятіе, что это былъ за господинъ.

Рядомъ съ В. по имѣнію жилъ нѣкто старикъ В. П. П. Это была знаменитость другаго рода. О немъ, тоже, нужно сказать слова два-три.

Въ селѣ Г. жила старушка-барыня К. Это была, какъ двѣ капли воды, Гоголевская Коробочка, но только барыня была богатая, хотя и безграмотная. Я былъ у нея въ домѣ раза три, и зналъ ее хорошо. У нея была дочка Машенька, и такая же простенькая, какъ ея мамушка, какъ она звала ее.

По какому-то случаю родственники покойнаго мужа К. стали отбивать у нея часть имѣнія,—село крестьянъ и земли около 2000 дес. Переполошилась старуха, и поскакала въ городъ С. Тамъ сказали ей, что дѣло ея пропащее, и что помочь ей можетъ развѣ одинъ только П., какъ извѣстный дѣлецъ. Она къ нему.

— Отдайте за меня Машеньку, и въ приданное село Н. Иначе отобьютъ его!

— Помилуй, отецъ родной! Ты и не изъ дворянскаго роду, и старикъ, возможно ли это! Бери денегъ, сколько хочешь, а Машеньку не отдамъ.

— Ну, какъ знаешь!

Ходакомъ съ противной стороны былъ онъ же; П. И. имѣніе отбилъ. Барыня въ отчаяніи скачетъ опять въ С. и бросается къ П.

— Бери за себя мою Машеньку, бери все, но отсуди вотчину! Пропадай все, лишь бы только не досталось имъ!

Снова П. началъ будоражить дѣло, снова началась безконечная переписка,—и судъ рѣшилъ возвратить имѣніе К. Прилетаетъ П. съ радостной вѣсточкой къ нареченной своей тещѣ: ну, говоритъ, теперь дѣло за свадьбой! Дѣло наше порѣшено, велѣно имѣніе возвратить вамъ...

— Нѣтъ, В. П., бери денегъ, сколько хочешь, а Машеньку за тебя не отдамъ!

Поспорили, покричали, и разстались.

П. поднимаетъ снова дѣло, и имѣніе отбилъ. Прилетаетъ старуха къ П.

— Что ты, извергъ, кровопійца, сдѣлалъ со мной! Опять отбилъ!

— Отбилъ. Отдай Машеньку, все твое опять будетъ.

— Ну, бери, кровопійца!

— Нѣтъ, теперь ужъ не обманешь. Давай сперва повѣнчаемся.

Побилась-побилась старуха, да и выдала свою Машеньку.

П. началъ дѣло снова, долго тянулось оно, но, наконецъ, все-таки, имѣніе отбилъ, и сдѣлался помѣщикомъ села Н. Напротивъ церкви онъ выстроилъ хорошій домъ, отдѣлалъ два запущенныхъ сада и развелъ пчелъ. Въ концѣ 1840-хъ и въ началѣ 1850-хъ годовъ въ этомъ селѣ былъ священникъ нѣкто Д., мужчина грубый до крайности. Однажды, рой барскихъ пчелъ и привѣйся на колокольню. Попъ съ лукошкомъ, баринъ съ роевней туда! Одинъ кричитъ: у меня улетѣлъ,—мой! Другой оретъ: ко мнѣ привился,—мой!—Да и сцѣпились... Оба были высокаго росту, здоровенные, но только священникъ, по лѣтамъ, годился барину во внуки. Долго ломали они ребра другъ другу; наконецъ, священникъ, какъ-то, изловчился, да и пырнулъ барина въ за-шей съ лѣстницъ,—и завладѣлъ роемъ.

Не желая простить такой обиды священнику и, вмѣстѣ, не желая компрометтировать себя изъ-за роя, П. и подговорилъ сосѣда своего В. подать на него прошеніе и требовать вывести его изъ прихода.

В. подалъ прошеніе такого рода (дословно): „священникъ Д. не своевременно креститъ, не своевременно вѣнчаетъ, не своевременно хоронитъ, не своевременно служитъ обѣдни и не своевременно исправляетъ требы. По этому покорнѣйше прошу, в. п—во, вывесть его изъ нашего прихода“. Мнѣ велѣно было произвесть слѣдствіе.

Кляузы непріятны какому бы то ни было слѣдователю, не люблю ихъ и я. Но тутъ жалуются на священника такіе люди, въ которыхъ, самихъ-то, нѣтъ ни стыда, ни чести, ни совѣсти... И я положилъ себѣ, еще заранѣе, оправдать его во чтобы-то ни стало, хотя бы даже и оказались за нимъ какіе нибудь проступки.

В. выслалъ мнѣ своего старосту депутатомъ, съ барской печатью. Но, къ счастью священника, у старосты была, въ это время, какая-то родственная свадьба; я въ первую же ночь отпустилъ его погулять, чему онъ былъ радехонекъ. Утромъ онъ пришелъ ко мнѣ въ квартиру пьяный, и весь день проспалъ. Ночью я отпустилъ его опять,—и такъ цѣлую недѣлю. Онъ отдалъ мнѣ свою печать,—и я писалъ, что зналъ и прикладывалъ ее, гдѣ нужно. Священникъ вышелъ у меня чуть ни святымъ. Правда, что за нимъ не было никакихъ важныхъ проступковъ; онъ только, вообще, грубо по временамъ обращался съ прихожанами и иногда заставлялъ по долгу ждать себя при требоисправленіяхъ.

По слѣдствію консисторія нашла священника невиннымъ и оставила на прежнемъ мѣстѣ.

Я, конечно, не единственный въ мірѣ слѣдователь, который не ставилъ каждаго слова въ строку. Множество слѣдственныхъ дѣлъ, и по болѣе важнымъ дѣламъ, которыя производятся несравненно еще болѣе пристрастно. Консисторіи же, не имѣя подъ руками ничего, кромѣ исписанной бумаги, по необходимости должны рѣшать многія дѣла несправедливо, по несправедливо произведенному слѣдствію,—это неизбѣжно. Будь гласное судопроизводство, тогда и слѣдователи были бы осторожнѣе, и дѣло выяснялось бы точнѣе, и рѣшенія были бы справедливѣе. Теперь же у насъ много значитъ и личное отношеніе судей къ подсудимымъ, и потому случается иногда: консисторія рѣшитъ дѣло такъ, а Св. Синодъ, при безпристрастномъ обсужденіи всѣхъ обстоятельствъ, перерѣшаетъ совсѣмъ иначе. Намъ, напр., извѣстенъ такой случай: одинъ священникъ повѣнчалъ солдатку вторымъ бракомъ по удостовѣренію полиціи о смерти ея перваго мужа. Послѣ оказалось, что мужъ ея живъ. Консисторія опредѣлила послать его на четыре мѣсяца въ монастырь, Св. же Синодъ опредѣлилъ сдѣлать ему за неосмотрительность замѣчаніе,—и только. Правда, что и въ граждаискомъ гласномъ судопроизводствѣ существуетъ не даромъ цѣлая лѣстница судебныхъ инстанцій, и на каждой ступени дѣла рѣшаются по своему; но думается, что, при открытомъ судопроизводствѣ менѣе бываетъ ошибокъ въ рѣшеніи, чѣмъ при закрытыхъ дверяхъ,—втихомолку. Будь закрытый судъ и самый справедливый, онъ все-таки вну-

шаетъ къ себѣ недовѣріе, даже при всемъ безпристрастіи его и всемъ желаніи судей быть справедливыми. Прежнія злоупотребленія глубоко залегли въ душу и память о нихъ изгладить не легко. А если что нибудь всплываетъ на верхъ и нынѣ изъ старой закваски, то бываетъ даже обидно предъ другими сословіями.

Въ прежнее время бывали и такіе случаи, что, при рѣшеніи дѣла, всѣ обстоятельства, служащія къ обвиненію подсудимаго, выпускались и выставлялись однѣ лишь оправдывающія его—и подсудимый выходилъ чистъ. Бывало и наоборотъ. То и другое дѣлалось смотря по особымъ обстоятельствамъ. Одинъ, напримѣръ, слѣдователь писалъ показанія отъ крестьянъ объ ихъ діаконѣ такого рода: первый крестьянинъ показываетъ: „о. діаконъ нашъ, хотя и шибко выпиваетъ, но онъ человѣкъ смирный и худаго про него я сказать не могу ничего". Другой говоритъ: „о. діаконъ нашъ, хоть иногда въ кабачкѣ и повздоритъ съ кѣмъ, пожалуй и подерется, но на нетрезвомъ человѣкѣ взыскивать нельзя. Въ службѣ же онъ хорошъ, голосистый, служитъ каждую обѣдню". Третій: „нашъ о. діаконъ предобрѣйшій человѣкъ; онъ запросто обходится съ малымъ ребенкомъ; хлѣбосолъ такой, что людей такихъ мало. На праздникъ иди къ нему всѣ. Обнимется съ нашимъ братомъ, запросто, да по улицѣ и пойдетъ закатывать пѣсни. Не отставай, говоритъ, ребята, валяй! Простой человѣкъ, что людей такихъ мало" и т. п. Консисторія въ запискѣ своей означила: „по показанію прихожанъ діаконъ N. человѣкъ смирный, про котораго ничего худаго сказать нельзя; въ службѣ хорошъ, имѣетъ хорошій голосъ, службъ церковныхъ не опускаетъ, человѣкъ предобрый, обходительный, хлѣбосолъ" и пр., словомъ: дьяконъ вышелъ, хоть въ святцы записывай—и такимъ образомъ мало того, что оставленъ на мѣстѣ безъ всякаго наказанія за безобразія, но ему данъ поводъ еще къ худшимъ безобразіямъ.

Въ одномъ селеніи ближайшей къ Саратову губерніи прихожанинъ подалъ прошеніе на священника, что тотъ взялъ съ него за свадьбу 5 р. и что онъ, священникъ, вообще тѣснитъ прихожанъ при требоисправленіяхъ. Консисторія предписала благочинному сдѣлать дознаніе. Всѣ прихожане единогласно одобрили священника и обвинили крестьянина. Консисторія потребовала запись братскихъ доходовъ и положила опредѣленіе такого рода:

„изъ представленной благочиннымъ записи братскихъ доходовъ причта села N. видно, что причтъ беретъ за всѣ обязательныя требоисправленія, какъ-то: крещеніе, бракъ и др., такъ подъ числомъ... значится: получено за свадьбу съ крестьянина NN. 3 р., за крещеніе... и пр. Но такъ какъ въ указѣ св. синода... изложено, что Государемъ Императоромъ Высочайше повелѣно воспретить брать за обязательныя требоисправленія, то консисторія приказали и его преосвященство утвердилъ: оштрафовать причтъ села N. десятью рублями подоходно, съ внушеніемъ, что причтамъ разрѣшается брать плату только за запись браковъ, крещенія и другихъ таинствъ въ метрическія книги, но не за совершеніе самыхъ таинствъ".

Намъ извѣстенъ и такой случай: при спросѣ благочиннымъ о поведеніи одного діакона, всѣ крестьяне подъ присягою показали, что діаконъ ихъ N. поведенія нехорошаго. Благочинный и пишетъ: „крестьянинъ А. показалъ, что діаконъ N. поведенія не хорошаго. Крестьянинъ Б. показалъ то же, что и А. Крестьянинъ В. показалъ то же, что и А. Крестьянинъ Г. показалъ то же, что и А. И такъ 24 человѣка. Частицу не онъ нарочито отъ слова: хорошаго отставилъ и потомъ на нее, какъ будто не нарочно, чернилами капнулъ. И вышло такимъ образомъ, что діаконъ N. поведенія хорошаго.

Будь гласное судопроизводство—такого мошенничества не было бы.

Вообще же у насъ имѣетъ большое значеніе, при рѣшеніи дѣла, то, если подсудимый лично попроситъ о своемъ дѣлѣ всѣхъ, служащихъ въ консисторіи, начиная съ писца.

LXV.

Обвиненнаго у насъ часто посылаютъ въ монастырь въ наказаніе на одинъ мѣсяцъ, на два, на полгода и безсрочно—до исправленія, если лицо это уже не разъ было судимо за нетрезвость.

Виновный посылается въ монастырь. Монастырь, по своему значенію, есть мѣсто отшельниковъ, оставившихъ міръ для спасенія души; мѣсто уединенія, гдѣ, кромѣ труда и молитвы, нѣтъ другаго дѣла. Посторонніе посѣтители могутъ приходить туда, но, также, только для тихой, уединенной молитвы и то на самое

короткое время. Монастырь—это обитель мира, тишины и невозмутимаго спокойствія. Ушедшіе туда забываютъ весь міръ и его злобу; ихъ цѣль—уединеніе и подражаніе жизни отшельниковъ первыхъ вѣковъ христіанства. Представьте же: въ обители миръ, тишина... Живутъ иноки и тихо, безмятежно молятся о мирѣ всего міра и благодарятъ Господа, что онъ взялъ ихъ отъ суеты и злобы міра и что они могутъ теперь съ чистою душою, покойнымъ сердцемъ окончить труженическую жизнь свою... Но вотъ, въ одинъ злосчастный день, являются туда два—три попа, три—четыре дьякона, пять—шесть дьячковъ, посланныхъ туда въ наказаніе за пьянство и на исправленіе въ поведеніи. Является человѣкъ десять—пятнадцать такихъ молодцовъ, которые не то, что мирную обитель, но любой кабакъ въ десять минутъ опрокинутъ вверхъ дномъ! И—тотчасъ: гамъ, крикъ, ругань, пьянство... Чрезъ 10 минутъ какихъ нибудь вы не узнаете уже этой тихой обители...

Посылка въ монастырь есть наказаніе. Она, дѣйствительно, и есть наказаніе, но только не гостямъ, а хозяевамъ его. Обитатели монастырей видѣли, знали и, можетъ быть, испытали на себѣ все, что творится дурнаго въ мірѣ,—и ушли оттуда для тихой, безмятежной жизни. Но наблюдающее за ними и охраняющее ихъ начальство и здѣсь не даетъ имъ умереть покойно. Оно посылаетъ къ нимъ и туда, куда ушли они, такихъ людей, которые способны мгновенно извратить все тихое и святое. Для людей самой строгой жизни эти непрошенные гости—тяжелое бремя. Если же монашествующіе, какъ люди, вышедшіе изъ міра, погрязшаго въ порокахъ, и сами не укрѣпились еще въ добродѣтельной жизни, то этотъ пришлый народецъ послужитъ имъ непремѣнно къ явной ихъ погибели, такъ какъ страсти, послѣ нѣкоторой сдержанности, разгораются еще сильнѣе, чѣмъ было это прежде („Русск. Стар.“, изд. 1880 г., іюль, стр. 473).

Коль скоро въ монастыри посылаются люди порочные, въ наказаніе, то монастыри дѣлаются острогами, а этимъ унижается достоинство и монастырей, и монашествующихъ.

Сельскій Священникъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ФИЛАРЕТЪ ГУМИЛЕВСКІЙ, АРХІЕПИСКОПЪ ЧЕРНИГОВСКІЙ

род. 1805 † 1866.

I.

Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій, несомнѣнно самый выдающійся ученый и литературный дѣятель 1840-хъ годовъ. Въ „Обзорѣ русской духовной литературы“ (1720—1858 г.) перечислены болѣе или менѣе извѣстные духовные писатели этого времени, но изъ нихъ ни одинъ не можетъ стать въ уровень съ Филаретомъ. Филаретъ Дроздовъ, митрополитъ московскій, Григорій, архіепископъ казанскій, Игнатій воронежскій, Иннокентій херсонскій, Іаковъ нижегородскій, архимандритъ Гавріилъ; протоіереи: Веніаминовъ (архіепископъ Камчатскій), Голубинскій, Григоровичъ, Дебольскій, Кочетовъ, Маловъ, Никольскій, Нордовъ, Павскій, Путятинъ, Скворцовъ; монахъ Іоакинѳъ Бичуринъ; академіи профессоры: Авсеневъ, Амфитеатровъ, Горскій, Делицынъ, Карповъ, Сидонскій, Шимкевичъ, Надеждинъ и свѣтскій писатель Муравьевъ,—вотъ современники Гумилевскаго, имена которыхъ довольно извѣстны въ духовной, а нѣкоторыхъ и въ свѣтской литературѣ названныхъ годовъ. Но если мы припомнимъ объемъ и характеръ ихъ дѣятельности, то увидимъ бьющее въ глаза однообразіе и малосодержательность произведеній сравнительно даровитыхъ перечисленныхъ писателей. Всѣ труды ихъ касались вопросовъ религіозно-нравственнаго и проповѣдническаго характера. Вопросы другаго рода, напримѣръ, историческіе, ка-

ноническіе, археологическіе, догматическіе и экзегетическіе, хотя и поднимались и разработывались ими, но большинство ихъ не изданы. Изъ трудовъ, появившихся въ печати, иные являлись въ ограниченномъ числѣ; но бòльшая часть дѣльныхъ и серьезныхъ трудовъ была разбросана по спеціальнымъ, бòльшею частію академическимъ, мало распространеннымъ періодическимъ изданіямъ. Многіе писатели не подписывались подъ своими трудами и оставались неизвѣстными публикѣ, другіе, строго относясь къ своимъ работамъ, или мало печатали, или же не печатали и вовсе своихъ работъ. Въ виду всего этого въ публику едва-едва проникалъ десятокъ именъ, названныхъ нами. При такихъ обстоятельствахъ появляется Филаретъ Гумилевскій и сразу затмѣваетъ всѣхъ современниковъ своею широкою и многостороннею учено-литературною дѣятельностію. На первомъ планѣ у Филарета становится исторія духовной литературы и исторія русской церкви, предметы наиболѣе интересные для общественной любознательности. Какъ историкъ, Филаретъ является даровитымъ и ученымъ. Онъ первый, можно сказать, изъ ученыхъ историковъ духовныхъ вступилъ въ довольно близкія отношенія съ свѣтскими учеными и такими же органами литературы. И его многіе труды, особенно первые, появляются въ изданіяхъ свѣтскихъ. Отсюда объясняется быстрая и широкая извѣстность Филарета Гумилевскаго. Разумѣется, о немъ шумно заговорили. „Московское общество исторіи и древностей“ избрало его въ свои члены. Журнальная критика возложила на него большія надежды. И не удивительно: историческое, осмысленное изученіе состоянія церкви и духовенства, живое отношеніе къ интересамъ жизни не давали историку русской церкви ограничиваться изученіемъ только временъ прежнихъ и онъ въ то же время является духовнымъ энциклопедистомъ. Но и въ знаніи современной жизни, нуждъ и потребностей общественныхъ, Филаретъ обнаружилъ научную серьезную подготовку. Ко всему этому присоединялись и недюжинныя личныя качества черниговскаго архіепископа. „Вся жизнь его была посвящена чтенію и труду. Обществу, публикѣ онъ отдавалъ себя только по крайней необходимости. Время между рукъ у него не уходило. Наукolюбивый духъ его не позволялъ ему ни минуты бездѣйствія. Онъ и работалъ, и отдыхалъ, и ѣлъ, и пилъ вѣчно съ книгою въ рукахъ и въ то же время дѣлалъ нужныя ему замѣтки и извлеченія.

Нужно удивляться его неутомимой дѣятельности. Онъ не ложился иначе спать, какъ при двухъ горящихъ свѣчахъ. Ночью онъ часто пробуждался, бралъ свѣчу, шелъ въ библіотеку, доставалъ книгу или рукопись и садился работать. Такихъ занятій, какъ видно, онъ не отлагалъ на утро; даже и во время сна его занимала какая либо умственная задача". (Преосвящ. Филаретъ, архіепископъ черниговскій. С. Пономарева). Неудивительна поэтому многосторонняя начитанность и обширная эрудиція покойнаго, производившія разнообразныя статьи и цѣлыя книги на свѣтъ Божій. Литературная плодовитость преосвященнаго Филарета не составляетъ его недостатка, какъ ученаго; нѣтъ: мы не можемъ указать никого изъ его современниковъ, кромѣ, разумѣется, митрополита Филарета московскаго, который могъ бы сравниться съ нимъ по глубинѣ изысканій, по умѣнью кратко, но мѣтко схватывать сущность предмета, вѣрно и точно понимать значеніе вещи. Самый языкъ его произведеній отличается силою, энергіею, жизненностію и оригинальностію. Словомъ, Филаретъ Гумилевскій личность значительная въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія и заслуживаетъ полнаго вниманія русскаго общества.

II.

Въ мірѣ Дмитрій Григорьевичъ Гумилевскій родился въ селѣ Конобѣевѣ, Шацкаго уѣзда, Тамбовской губерніи. Отецъ Димитрія былъ священникъ Григорій Гумилевскій. Время рожденія—12-го октября 1805 года. Будучи уже въ Черниговѣ, архіепископъ Филаретъ въ домашней бесѣдѣ любилъ вспоминать о своемъ родителѣ и отзывался о немъ, какъ о человѣкѣ честныхъ и твердыхъ правилъ.

Воспитаніе Дмитрій Гумилевскій началъ съ тамбовской духовной семинаріи, гдѣ онъ обучался наукамъ: словеснымъ, историческимъ, философскимъ, богословскимъ, математическимъ и языкамъ: латинскому, греческому, еврейскому и нѣмецкому. Счастливыя способности и всегда примѣрное прилежаніе позволяли ему быть постоянно въ числѣ первыхъ учениковъ. По окончаніи курса въ семинаріи первымъ ученикомъ, Гумилевскій былъ от-

правленъ для дальнѣйшаго образованія въ московскую духовную академію. По обычаю тогдашняго времени, выдающійся студентъ Гумилевскій 19-го августа 1829 года принялъ монашество и уже въ санѣ іеромонаха окончилъ академію вторымъ магистромъ VII курса. Еще во время школьнаго обученія молодой Гумилевскій полюбилъ науки историческія. На нихъ сосредоточилъ онъ свои занятія и въ академіи, и обнаружилъ въ нихъ познанія настолько серьезныя, что былъ оставленъ баккалавромъ по каѳедрѣ церковной исторіи при московской академіи. Независимо отъ мѣста, занимаемаго Гумилевскимъ въ выпускномъ академическомъ спискѣ, мы можемъ сказать, что онъ и на скамьѣ студенческой заявилъ себя какъ писатель недюжинный, въ чемъ мы имѣли случай убѣдиться изъ прочитаннаго нами семестроваго студенческаго сочиненія его, подъ заглавіемъ: „Разсужденія о знаменованіи, началѣ и происхожденіи истиннаго и законнаго мученичества и въ особенности христіанскаго" (сочиненіе студента VII курса Москов. Дух. Ак. іеродіакона Филарета). Съ 1829 по 1841 годъ включительно Филаретъ Гумилевскій проходилъ послѣдовательно должности: баккалавра, профессора, инспектора и ректора академіи. Во время ректорства архимандрита Филарета въ 1836 году въ псковской епархіи (теперь псковская и порховская) было учреждено въ г. Ригѣ новое викаріатство рижское. Вторымъ епископомъ рижскимъ и былъ рукоположенъ архимандритъ Филаретъ.

Въ 1841 году ректоръ московской духовной академіи, архимандритъ Филаретъ посланъ былъ обревизовать симбирскую духовную семинарію, откуда онъ предполагалъ заѣхать на свою родину въ село Конобѣево посѣтить свою старушку-мать. Но не судилось состояться этому родственному свиданію. Указомъ синодальнымъ Филаретъ безотлагательно вызванъ былъ изъ Симбирска въ Москву. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ, а въ декабрѣ онъ былъ уже въ Петербургѣ и 21-го числа сего мѣсяца въ Казанскомъ соборѣ его хиротонисали въ епископа рижскаго, викарія псковской епархіи и велѣли немедленно отбыть въ Ригу.

III.

Въ Ригѣ, какъ и во всемъ тамошнемъ краѣ, нѣтъ монастырей, гдѣ бы могъ жить епископъ, а въ то время не было и архіерейскаго дома. И епископу Филарету пришлось хлопотать объ устройствѣ помѣщенія. Въ короткое время ему удалось пріобрѣсть два дома: одинъ въ Ригѣ, а другой въ семи верстахъ отъ города. При послѣднемъ домѣ имъ устроенъ новый храмъ въ честь Іоанна Предтечи по вниманію къ тому, что во всей Лифляндіи, со временъ тевтонскихъ рыцарей, особенно почитается святой Предтеча.

Епископъ Филаретъ возбудилъ въ эстахъ и латышахъ сильное религіозное движеніе, чѣмъ естественно смутилъ пасторовъ. Генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ сталъ на сторону послѣднихъ и начался для епископа рядъ непріятностей, а для обращающихся въ православіе рядъ придирокъ и притѣсненій. По замѣчанію самаго Филарета, особенное расположеніе къ православію обнаруживали крестьяне-латыши и эсты, къ чему, разумѣется, помѣщики не могли относиться равнодушно. Еще Карамзинъ въ своихъ „Письмахъ русскаго путешественника“ говорилъ, что въ Лифляндіи и Эстляндіи мужикъ приноситъ господину вчетверо болѣе нашего казанскаго или симбирскаго мужика. Между тѣмъ принятіе православія освобождало крестьянина отъ обязательствъ къ своему помѣщику и тѣмъ неблагопріятно отзывалось на благосостояніи его помѣщика. Помѣщики совмѣстно съ пасторами строили козни православному духовенству и его представителю. Но происки противниковъ рижскаго епископа производили противоположное дѣйствіе. Онѣ только усиливали стремленіе протестанскаго крестьянства къ православію. Такъ, въ предѣлахъ рижскаго викаріатства въ 1844 году было уже 25 православныхъ церквей и при нихъ 20,686 душъ православныхъ. Умноживъ контингентъ вѣрующихъ, епископъ Филаретъ выхлопоталъ синодальное дозволеніе—совершать богослуженіе на латышскомъ языкѣ. „Съ новою церковію православною въ новомъ языкѣ поздравляю, писалъ митрополитъ московскій Филаретъ, въ письмѣ отъ 7-го августа 1845 года, къ Филарету рижскому. Если она имѣетъ уже болѣе ста человѣкъ, то довольно основана. Новое и небольшое стадо сильнѣе должно желать и

искать своего увеличенія, нежели большое и обезпеченное. Но надобно, чтобы священникъ былъ бдителенъ и дѣятеленъ, и пріобрѣтенное хранилъ, одушевлялъ и пользовался случаями къ распространенію паствы. Надобно ему думать, что онъ по обстоятельствамъ прихода есть и приходскій священникъ и миссіонеръ. Если правду мнѣ сказали, что нынѣшніе члены сей новой церкви имѣли прежде Гернгутерское направленіе, то они должны быть не безъ понятій и не безъ одушевленія. Посему они могутъ больше или меньше дѣйствовать и на другихъ: но тѣмъ болѣе требуютъ благоразумнаго и возбужденнаго дѣйствованія со стороны священника. Помогшій вамъ насадить, да поможетъ и напоить, и Самъ да возраститъ и оплодотворитъ".

Рижскому епископу не трудно было усмотрѣть, что московскій владыка разумѣетъ непростаго приходскаго священника новой церкви въ новомъ языкѣ, но его—новаго архіерея и къ нему адресуетъ назиданія и пожеланія, на самомъ дѣлѣ и осуществившіяся. Новая рижская церковь, со введеніемъ въ ней богослуженія на понятномъ языкѣ дѣятельнѣе утверждалась вѣрою и ежедневно увеличивалась числомъ (Дѣян. XVI, 5). Кромѣ понятности церковной службы, возрастанію церкви содѣйствовало и то, что, вмѣсто иновѣрнаго, начальникомъ прибалтійскаго края назначенъ православный русскій вельможа и вѣрующимъ даны дѣйствительныя средства узнать и выразумѣть православное исповѣданіе. Въ томъ же 1845 году синодъ велѣлъ перевесть на латышскій языкъ книгу Андр. Н. Муравьева „О различіи протестанства отъ истинъ православія", направленное противъ пасторскихъ бредней, называвшихъ и объяснявшихъ религіозное движеніе эстовъ и латышей въ Лифляндіи знаменемъ времени. Филаретъ же щедро раздавалъ отъ себя латышамъ на ихъ языкѣ книжки: православный катихизисъ, православные молитвенники и православныя литургіи. „Мнѣ представляется, писалъ рижскій епископъ къ синодальному прокурору Протасову, что надобно бы скорѣе издать книги на латышскомъ языкѣ, препровожденныя въ синодъ: ибо пасторы въ кирхахъ теперь твердятъ, что тѣ, которые оставятъ лютеранство, пойдутъ въ адъ; а другіе обѣщаютъ и грозятъ ссылкою въ Сибирь. Больно, очень больно видѣть и слушать все это". Синодъ внималъ голосу архипастыря. Такъ, епископъ Филаретъ заботился о торжественности богослуженія и особенно архіерей-

скаго, чтобы оно производило на новообращенныхъ обаяніе и синодъ распорядился, чтобы калужскій епископъ выслалъ въ Ригу хорошихъ пѣвцовъ, что̀ и было исполнено. Для обученія пѣнію и приготовленія служителей церковныхъ епископъ Филаретъ открылъ въ Ригѣ элементарное духовное училище на началахъ, соотвѣтствующихъ нуждамъ туземной церкви. Въ этихъ училищахъ, кромѣ дѣтей духовенства, обучались и дѣти православныхъ эстовъ и латышей. Училище это дополнено было (въ 1851 г. преемникомъ Филарета—Платономъ) высшими классами, соотвѣтствующими среднимъ духовнымъ учебнымъ заведеніямъ и названо рижскою духовною семинаріею.

По мѣрѣ увеличенія новой рижской церкви умножались для епископа ея труды и заботы. Потомки тевтонскихъ рыцарей и послѣдователи Лютера, боясь, чтобы весь Остзейскій край не обратился въ православіе и не сдѣлался русскимъ, употребляли всевозможныя мѣры къ затрудненію успѣховъ православія въ рижской епархіи. Особенно много непріятностей доставляли Филарету такъ называемые смѣшанные браки православныхъ съ лютеранами.

Начиная съ 1846 года епископъ Филаретъ долженъ былъ вести обширную переписку съ главнымъ управленіемъ прибалтійскаго края, по поводу смѣшанныхъ браковъ. Пасторы или вовсе отказывались дѣлать установленныя закономъ оглашенія о вступающихъ въ смѣшанный бракъ, отзываясь незнаніемъ препятствій къ законному браку по православному законодательству,—или не давали извѣщеній православному священнику объ оглашеніи лютеранскаго лица въ кирхѣ по два и по три мѣсяца,—или присылали такія извѣщенія въ постное время, когда, по правиламъ нашей церкви, браковѣнчаніе невозможно. Были и такіе, которые, получивъ отъ православнаго священника просьбы—сдѣлать оглашеніе въ кирхѣ о безпрепятственности браковѣнчанія лица лютеранскаго исповѣданія съ православнымъ, требовали къ себѣ лютеранское лицо для предъявленія дозволенія отъ мызнаго управленія на вступленіе въ бракъ,—или чтобы сдѣлать наставленіе объ обязанностяхъ брака... Наконецъ, нѣкоторые требовали къ себѣ вмѣстѣ съ лютеранскимъ лицомъ и православное и при томъ не одно, но съ отцемъ или опекуномъ. Въ видахъ прекращенія такихъ дѣйствій пасторовъ, явно и намѣренно направляемыхъ къ

отклоненію лютеранъ отъ бракосочетанія съ православными и отсюда возникающихъ раздоровъ и пререканій, епископъ Филаретъ составилъ о смѣшанныхъ бракахъ слѣдующія правила: 1) Такъ какъ бракъ лица православнаго съ неправославнымъ совершается въ православной церкви, то священникъ обязывается приступить къ совершенію такого брака, по полученіи письменнаго отъ мызнаго управленія дозволенія, пасторъ же долженъ оставаться въ покоѣ относительно послѣдняго предмета, какъ поступившаго въ кругъ вѣдѣнія православнаго священника. 2) Наставленія объ обязанностяхъ брака лицу лютеранскаго исповѣданія, брачущемуся съ православнымъ, лютеранскій пасторъ не иначе можетъ производить, какъ по совершеніи брака въ православной церкви; обратный порядокъ оскорблялъ бы господствующее вѣроисповѣданіе, тогда какъ наставленіе по совершеніи брака, не оскорбляя лютеранства, устраняетъ одну изъ причинъ къ жалобамъ крестьянъ на отклоненіе ихъ пасторами отъ вступленія въ смѣшанные браки. 3) Слушаніе наставленія въ вѣрѣ у пастора, выставляемое послѣдними предлогомъ къ настоятельному требованію къ себѣ лютеранскаго брачущагося лица, если это требованіе относится къ лицу, изъявившему желаніе принять православіе, должно быть, согласно съ Высочайшею волею, предоставлено волѣ такого лица; пастору же, на основаніи того же Высочайшаго повелѣнія, рѣшительно воспретить требованіе къ себѣ подобнаго лица и, въ случаѣ неявки, останавливать оглашеніе. Если дѣло идетъ о лицѣ неконфирмованномъ, то предоставить имъ требовать къ себѣ таковое брачущееся съ православнымъ лицо, но съ тѣмъ, чтобы пасторъ, не останавливая оглашенія, вслѣдъ за полученіемъ отъ священника требованія оглашеній, на той же недѣлѣ извѣщалъ священника о времени, къ какому онъ предполагаетъ окончить свои наставленія, не входя, впрочемъ, за предѣлы двухъ недѣль, дабы священникъ могъ благовременно объявить крестьянину о днѣ совершенія брака. 4) Если отецъ лица неправославнаго, вступающаго въ бракъ съ лицомъ православнымъ уже принялъ православіе, то какъ потому, что такой отецъ не подлежитъ вѣдѣнію пастора, такъ и потому, что согласіе его или несогласіе на бракъ сына или дочери онъ обязанъ изъявить въ православной церкви, при оглашеніи брака священникомъ, пасторъ не долженъ требовать то же лицо, для выслушанія его отзыва о

согласіи на бракъ, и отвѣтственность по этому предмету должна лежать, по закону Имперіи, на православномъ священникѣ, совершающемъ бракъ". Правда, эти правила епископа Филарета, предложенныя къ исполненію лютеранской консисторіи прибалтійскимъ генералъ-губернаторомъ (30-го ноября 1847 года), тою консисторіею отвергнуты, какъ не обязательныя для лютеранскихъ проповѣдниковъ. Въ замѣнъ ихъ новый генералъ-губернаторъ приказалъ (2-го іюня 1848 г.) лютеранской консисторіи подтвердить пасторамъ, чтобы они неуклонно исполняли свои обязанности по оглашенію и конфирмаціи брачущихся и безъ замедленія удовлетворяли всѣ законныя требованія православныхъ и не дозволяли себѣ, подъ опасностью строгой отвѣтственности, никакого противузаконнаго вмѣшательства или противодѣйствія въ брачныхъ дѣлахъ православныхъ съ лютеранами и не требовали къ себѣ ни въ какомъ случаѣ тѣхъ изъ желающихъ вступить въ бракъ, которые принадлежатъ къ православной паствѣ. О такомъ распоряженіи генералъ-губернаторъ извѣстилъ преосвященнаго Филарета.

Заботою о распространеніи и утвержденіи православія въ рижской епархіи не ограничивалась пастырская дѣятельность епископа Филарета.

Одновременно съ защитою православія отъ лютеранскихъ притѣсненій, преосвященный вступилъ въ энергичную борьбу съ расколомъ, гнѣздившемся въ Ригѣ преимущественно между богатымъ туземнымъ купечествомъ. Въ этихъ видахъ онъ рѣшился открыть въ Ригѣ ремесленное училище. По этому поводу онъ писалъ къ московскому владыкѣ слѣдующее: „Беру смѣлость просить, не благоволите ли принять отеческой заботливости о возбужденіи расположенія въ извѣстныхъ благотворительностію душахъ подать пособіе для открывающагося въ Ригѣ русскаго ремесленнаго училища для бѣдныхъ безпріютныхъ дѣтей. Съ одной стороны такихъ дѣтей здѣсь весьма много, хотя они бо̀льшею частію плоды беззаконныхъ раскольническихъ сожитій. Съ другой—нѣмцы имѣютъ у себя много училищъ, но въ нихъ не принимаютъ ни одного русскаго. Такимъ образомъ русскіе остаются безъ способовъ къ образованію, отъ чего значительною частію зависитъ и то рабство, въ которомъ нѣмцы держатъ русскихъ. Отъ того же зависитъ и сила раскола". Но митрополитъ московскій не поддержалъ просвѣщеннаго предпріятія рижскаго епископа. Въ своемъ письмѣ

(отъ 7-го августа 1845 г.) московскій владыка, упоминая о томъ самомъ лицѣ, съ которымъ епископъ Филаретъ послалъ приведенное письмо объ училищѣ, на которое не удостоилъ отвѣтомъ—изобразилъ слѣдующее: „Новаго начальника вашего края старался я познакомить съ вами, и онъ показалъ себя еще тогда предупрежденнымъ въ вашу пользу. Съ сожалѣніемъ узналъ я отъ нѣкоего вашего и потомъ моего посѣтителя (Ю. Ѳ. Самарина), что вы еще недовольно сблизились съ своею паствою. Надобно вамъ стараться о семъ. Нѣкто, бывшій въ вашемъ краѣ, сказалъ мнѣ также, что преосвященный Платонъ, въ Вильнѣ, обходительностію своею со всѣми болѣе успѣваетъ, нежели вы у себя. Конечно это успѣхъ поверхностный; но не всегда надобно пренебрегать онымъ. Служить Богу можемъ, убѣгая людей: служить управленіемъ людьми нельзя иначе, какъ общеніемъ. Только надобно, что бы оно не противорѣчило характеру служенія". Такимъ образомъ, не найдя поддержки въ Москвѣ въ борьбѣ съ расколомъ, рижскій преосвященный углубился въ свои ученые труды. Пользуясь случаемъ, мы не можемъ не замѣтить, что московскій митрополитъ въ приведенномъ письмѣ совершенно справедливо замѣчаетъ, что епископъ Филаретъ необщителенъ съ людьми. Насколько намъ извѣстно, вообще онъ чуждался общества и это составляло важную и прискорбную ошибку въ его управленіи. Какъ администраторъ, онъ съ подчиненными былъ поспѣшно рѣшительнымъ, рѣзкимъ, а нерѣдко и суровымъ. Какъ человѣкъ, преосвященный Филаретъ Гумилевскій былъ несомнѣнно добрый: суровымъ же и рѣзкимъ дѣлали его положеніе и тѣ трущобныя обстоятельства ненормальности жизни русскаго духовенства, которыя не могутъ не возмущать и не столь умнаго, какъ онъ, человѣка. Понимая это и чувствуя на себѣ самомъ плоды сказанныхъ ненормальностей, онъ и началъ еще въ Ригѣ, такъ сказать, всецѣло предаваться ученолитературнымъ занятіямъ. Но и ученые труды его не избѣгли надзора московскаго владыки. Такъ, по поводу выпуска двухъ сочиненій рижскаго епископа „О крестномъ знаменіи" и „Сличеніе лютеранства съ православіемъ" митрополитъ Филаретъ писалъ слѣдующее (отъ 7-го мая 1847 года): „Сообщенный списокъ съ письма показываетъ, какъ трудно вамъ и у васъ православію. Да дастъ вамъ Господь силу и премудрость противъ неправедныхъ усилій и ухищреній. О требуемомъ для васъ избраніи (кандида-

товъ священства) заботился, но еще успѣха нѣтъ. Вы знаете, что въ Москвѣ и около центростремительная сила болѣе, нежели центробѣжная. Знаете ли вы, что розысканіями о крестномъ знаменіи, вы сдѣлали услугу для раскольниковъ. Они говорятъ, что въ поморскихъ отвѣтахъ о двуперстномъ сложеніи было сто пять доказательствъ, а вы представили сто шестое, особенно сильное потому, что отъ епископа всероссійской церкви. Кажется, можно было не спѣшить изданіемъ безъ совѣта, или не выставлять имени. Можетъ быть, я пришлю вамъ, что̀ вамъ отвѣчаютъ православные, и что̀, можетъ быть, вскорѣ и напечатали бы, если бы не останавливались, не желая подвергнуть спору ваше имя. Желаю вамъ въ трудахъ вашихъ успѣховъ, неподлежащихъ прекословію". И письмо (отъ 14-го января 1848 года) благодарственное за „Исторію патріаршаго времени" не оставляетъ преосвященнаго Гумилевскаго безъ назиданія по поводу того же сочиненія. „Простите, писалъ митрополитъ, что я обезпокоилъ васъ замѣчаніемъ, не моимъ, а пришедшимъ ко мнѣ, относительно древностей, обращающихся въ спорѣ съ раскольниками. Но признаюсь, что и послѣ защищеній вашихъ, я остаюсь въ томъ мнѣніи, что въ предметахъ сего рода нужна особенная осторожность. Древности любятъ свидѣтельства, а не догадочныя заключенія (и въ письмѣ къ Андр. Н. Муравьеву отъ 25-го октября 1856 г. онъ же, между прочимъ, писалъ: „преосвященный харьковскій, по случаю своихъ сочиненій, вкусилъ горечь обвиненій въ невѣрности и неправославіи". Пис. М. Филар. къ Мур. Кіевъ, 1869 г., пис. 323). Вы спрашиваете, откуда армяне взяли двуперстіе?—А откуда они взяли обычай тѣло Христово, орошая изъ чаши кровію и влажное соединеніе двухъ видовъ брать и преподавать руками, такъ неудобно, неблагообразно и неблагоговѣйно? Подобныхъ вопросовъ, въ особенности объ армянахъ, много можно сдѣлать: но основательныхъ познаній изъ нихъ извлечь не можно. Съ удовольствіемъ услышалъ я объ улучшившихся отношеніяхъ вашихъ съ начальствомъ края. Но вотъ его уже и нѣтъ".

До поступленія епископа Филарета на рижскую епархію эсты и латыши лишены были всякаго значенія и находились въ полной зависимости отъ нѣмцевъ. Составляя господствующій элементъ въ краѣ, какъ по образованію, такъ и по правовому значенію нѣмцы-помѣщики и пасторы обижали „чухонцевъ". И сіи пос-

лѣдніе стали сближаться съ тамошнимъ православнымъ русскимъ населеніемъ. Знакомство это открыло имъ дорогу къ облегченію тяжелаго крѣпостнаго положенія, и они нашли въ русскихъ священникахъ сердечныхъ руководителей, совершенно непохожихъ на черствыхъ нѣмецкихъ пасторовъ. Такъ что для рижскаго преосвященнаго открылась жатва многа; но дѣлателей было мало, а еще меньше было православныхъ храмовъ—этихъ живыхъ училищъ вѣры и благочестія. Кромѣ немногихъ православныхъ храмовъ въ самой Ригѣ, существовали православныя церкви въ городахъ Верро, Якобштадѣ, Аренсбургѣ, островѣ Эзелѣ и въ Митавѣ, гдѣ съ 1839 года началъ мерцать свѣтъ православія. Заботливый и просвѣщенный архипастырь рижскій обратилъ вниманіе и на устройство церквей и умноженіе пастырей церкви. Въ его семилѣтнее служеніе рижской паствѣ и по его старанію устроены были храмы: въ Ригѣ въ 1845 году, Венденѣ (Преображенія); въ 1846 году—при рижскомъ загородномъ домѣ архіерейскомъ и въ 1848 году обновленъ рижскій храмъ. Кромѣ построенія храмовъ, онъ заботился и о пріисканіи и поставленіи къ нимъ достойныхъ кандидатовъ священства, надежныхъ сотрудниковъ себѣ въ дѣлѣ распространенія и утвержденія православія, русскихъ началъ и обычаевъ. Но и въ этомъ отношеніи онъ встрѣчалъ много затрудненій и неудачъ. Новость дѣла, бѣдность и неустройство православныхъ приходовъ, недостатокъ храмовъ, иной строй жизни, все это не благопріятствовало Филарету. Изъ Риги онъ обращался къ московскому митрополиту съ просьбою по этому предмету, но въ большинствѣ случаевъ безуспѣшно. Въ одномъ письмѣ (января 1848 года) по этому вопросу владыко московскій писалъ слѣдующее: „Пользуюсь добрымъ случаемъ, чтобы мою долгую вину молчанія, хотя немного укоротить недлиннымъ письмомъ. Прежде всего, позвольте поспорить противъ вашей мысли, что вамъ тягостно было безпокоить меня докукою о кандидатахъ священства, и будто тягостно даже для совѣсти. Для совѣсти тягостно было бы, если бы вы изъ человѣкоугодія, чтобы не безпокоить меня, не требовали отъ меня нужнаго для общественной пользы. И вы не похвалу мнѣ написали, назвавъ безпокойствомъ для меня требованіе общеполезнаго. Если я почиталъ безпокойствомъ: то просилъ бы обличить меня и возбудить къ лучшимъ расположеніямъ. Требованіе ваше предложилъ я академическому

правленію, и начиналъ безпокоиться, что не спѣшатъ, и располагаюсь обезпокоить подтвержденіемъ. Жалѣю, что не очень удобно исполнять требованія сего рода. Въ Москвѣ особенно крѣпко прирастаютъ люди къ мѣсту и неохотно позволяютъ оторвать себя". И дѣйствительно, положеніе приходскихъ священниковъ въ Рижскомъ викаріатствѣ не было привлекательнымъ въ это время. Древнеправославные причты получали содержаніе слѣдующее: священникъ 300 р., діаконъ—150, дьячокъ—70 и пономарь 60 р.; духовенству же эстолатышскому, при епископѣ Филаретѣ, по положенію 1845—1846 гг., отпускалось изъ казны: священнику 400 р. жалованья и 300 р. на разъѣзды, каждый причётникъ получалъ по 120 р. Не смотря, впрочемъ, на невыгоды матеріальныя и на трудность пріисканія священниковъ въ приходы епархіи, по настойчивости епископа Филарета, въ 1846 году правительствомъ назначено было открыть въ рижскомъ викаріатствѣ 33 прихода и тогда же утверждены планы и фасады на постройку 25 церквей съ домами для причтовъ и училищъ и на все это ассигновано 225,196 р. И не смотря на всѣ невзгоды, неудачи и препятствія, встрѣченныя и вынесенныя Филаретомъ въ рижскомъ викаріатствѣ, въ семь съ половиною лѣтъ его архіерействованія, контингентъ православныхъ въ рижской епархіи значительно разширился, такъ что къ концу 1848 года считалось 98 приходовъ, съ 44 постоянными приходами въ 138,416 душъ обоего пола.

Устроивъ, насколько то возможно было, дѣла рижской епархіи, открытіемъ новыхъ приходовъ и назначеніемъ на нихъ священниковъ, преосвященный Филаретъ снабдилъ новыхъ пастырей краткимъ, но очень полнымъ по содержанію руководствомъ для борьбы съ ожесточенными пасторами. Это руководство составлено было и разослано въ руки священниковъ въ 1847 году подъ заглавіемъ „Сличеніе лютеранства съ православіемъ". Насколько это руководство отвѣчало потребностямъ и какое оно имѣло значеніе, показываетъ свидѣтельство самихъ протестантскихъ пасторовъ. Разсказываютъ, что это сочиненіе чрезъ три дня по выходѣ его изъ подъ пера преосвященнаго, было переведено на нѣмецкій языкъ и что сами нѣмцы отдавали честь уму и законнымъ чувствамъ Филарета, выраженнымъ авторомъ, хотя въ то же время бóльшая часть ихъ и бранила преосвященнаго. Такъ совершилась пастырская дѣятельность архіепископа Филарета въ рижской

епархіи. Такъ исполнилъ онъ свою высокую миссію—присоединенія къ православію и обрусѣнія эстолатышей чрезъ православіе.

Но будемъ слѣдить далѣе за жизнію и дѣятельностію преосвященнаго Филарета.

IV.

6-го ноября 1848 года, епископъ рижскій Филаретъ Гумилевскій назначенъ былъ епископомъ харьковскимъ и ахтырскимъ, а 22-го декабря того года Харьковъ въ первый разъ привѣтствовалъ своего новаго архипастыря. Въ Харьковѣ, такъ же какъ и въ Ригѣ, онъ жилъ, трудился, терпѣлъ скорби и невзгоды, какъ замѣчаетъ одинъ воспоминатель. Устройство семинарій, перестройка архіерейскаго дома, открытіе епархіальнаго женскаго училища, постройка монастырей и церквей—вотъ внѣшніе знаки епархіальной дѣятельности преосвященнаго Филарета на харьковской каѳедрѣ.

Преосвященный Филаретъ нашелъ помѣщенія всѣхъ церковно-общественныхъ учрежденій харьковской епархіи въ неудовлетворительномъ состояніи и, какъ человѣкъ дѣла и порядка, взялся за переустройство, исправленіе и приведеніе ихъ въ порядокъ. Прежде всего обращено было его вниманіе на неудовлетворительное содержаніе и помѣщеніе учащагося духовнаго юношества. Харьковская семинарія помѣщалась въ нѣсколькихъ зданіяхъ, отчего служащіе и учащіеся испытывали важныя невыгоды и затрудненія. Правда, при Иннокентіѣ Борисовѣ новый корпусъ для семинаріи начался постройкою, но еще далеко не былъ оконченъ. Новый епископъ поторопилъ дѣло и къ пасхѣ 1849 года, семинарія перешла въ новое помѣщеніе. Давши хорошее помѣщеніе семинаріи, преосвященный обратилъ особенное вниманіе на внутреннюю жизнь этого заведенія и особенно на преподаваніе и изученіе спеціальныхъ богословскихъ предметовъ. Своими посѣщеніями уроковъ преподавательскихъ и присутствованіемъ на экзаменахъ, онъ подтянулъ дѣло обученія и вошелъ въ близкое отношеніе къ школѣ и ученикамъ ея. Особенно успѣхами послѣднихъ онъ былъ заинтересованъ. Выслушивая отвѣты учениковъ на экзаменахъ, преосвященный внимательно замѣчалъ тѣхъ изъ нихъ, кто отличался прилежаніемъ, природными способностями, основательнымъ знаніемъ изучаемаго предмета и впослѣдствіи времени

предоставлялъ имъ лучшія мѣста и не оставлялъ своею поддержкою и поощреніемъ. Съ мыслію о семинаріи тѣсно связывается воспоминаніе о добромъ дѣлѣ харьковскаго преосвященнаго, оказанномъ въ тяжкую годину крымской войны прибывшимъ въ Харьковъ для леченія воинамъ: когда не находилось пригодныхъ для помѣщенія больницы загородныхъ зданій, Филаретъ уступилъ семинарскій корпусъ подъ больницу, а для помѣщенія семинаріи нанялъ частный домъ въ городѣ. Больница помѣщалась въ зданіяхъ семинаріи до окончанія крымской войны, по окончаніи которой только больные очистили семинарію, а воспитанники ее заняли.

Еще до прибытія Филарета въ Харьковъ (въ 1843 г. 27-го сентября) полученъ былъ синодальный указъ объ устройствѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія. На содержаніе этого училища велѣно было отпускать изъ духовнаго училищнаго капитала болѣе 10-ти тысячъ. При указѣ приложенъ былъ уставъ и штатъ училища. Но, какъ увидѣлъ епископъ Филаретъ, до 1849 года собрано было на этотъ предметъ всего только 621 р. 55 коп. Такимъ образомъ честь учрежденія училища и его устройство принадлежитъ Филарету, хотя мысль о немъ подана сверху. По вопросу объ устройствѣ женскаго училища въ Харьковѣ, преосвященный обратился съ воззваніемъ къ духовенству, на которое духовенство епархіи откликнулось сочувственно, и къ концу 1852 г. поступило до 21,500 р. пожертвованій. Въ 1853 году училищный домъ былъ построенъ, а въ слѣдующемъ—отдѣланъ и 6-го іюля 1854 года училище открыто.

Особенно много вложено труда преосвященнымъ Филаретомъ на устройство, порядки и нравы монастырей харьковской епархіи. Особеннаго нашего вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаетъ переустройство женскаго Хорошевскаго Вознесенскаго монастыря. Въ этомъ монастырѣ монахини имѣли свои особенныя келіи, такъ что монастырь представлялъ родъ оригинальной колоніи въ стѣнахъ монастырскихъ. Жили монахини на собственный счетъ; занимались производствомъ фольговыхъ иконъ, шитьемъ и вышиваньемъ церковныхъ вещей и тѣмъ поддерживали свое существованіе. Очевидно, что существованіе сестеръ прочно не было обезпечено. Преосвященный Филаретъ понялъ причину бѣдности большинства монахинь Хорошевскаго монастыря и, задавшись цѣлію подчинить всѣ монастыри епархіи правиламъ общежитія, онъ рѣшился обра-

тить въ общежительный и Хорошевскій монастырь. Разумѣется, вездѣ ломка стараго-нажитого сопровождается борьбою, а въ монастырѣ, да при томъ женскомъ, можно было ожидать значительной оппозиціи. Долго безпокоили епископа разные безпорядки, протесты, ослушничество, но наконецъ въ 1857 г. построенъ общежительный корпусъ, дорога въ монастырь проложена, теплая церковь построена. Но изъ этого же монастыря произошли и непріятности для преосвященнаго Филарета, способствовавшія даже и его переводу въ Черниговъ. Объ этихъ обстоятельствахъ мы и поведемъ нашу рѣчь.

Двѣ родныя сестры, посвятившія себя Богу, пользуясь протекціей своего брата, не хотѣли подчиняться правиламъ общежитія и позволяли себѣ дѣйствія, нетерпимыя въ стѣнахъ монастыря Филаретъ велѣлъ ихъ выслать вонъ изъ монастыря и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ врага въ ихъ братѣ. Въ это время одна изъ сестеръ бѣжала изъ монастыря и вышла за мужъ за графа. Такимъ событіемъ оскорбились сестры монастыря. Графъ и графиня стали посѣщать церковь, чѣмъ чрезвычайно смущали дѣвственницъ. Наконецъ одна изъ послушницъ нанесла оскорбленіе графинѣ. За оскорбленіе чести взялся быть повѣреннымъ врагъ монастыря и преосвященнаго и въ это дѣло впуталъ и сего послѣдняго. Долго тянулось это дѣло и наконецъ кончилось тѣмъ, что игуменія монастыря удалена, а затѣмъ, въ началѣ 1858 г., послѣдовалъ вызовъ Филарета въ Петербургъ для присутствованія, и по прошествіи одного года, въ апрѣлѣ 1859 года, онъ назначенъ на новую каѳедру въ Черниговъ.

Архипастырская дѣятельность Филарета въ санѣ архіепископа черниговскаго—наиболѣе плодотворная дѣятельность. Эта дѣятельность продолжалась семь лѣтъ, и въ продолженіи этого времени онъ преслѣдовалъ двѣ главныя цѣли: религіозно-нравственное образованіе народа посредствомъ духовенства и улучшеніе быта духовенства.

Задолго еще до назначенія Филарета Гумилевскаго на черниговскую каѳедру, воспитанники черниговской семинаріи, за негодностію семинарскихъ зданій, разбрелись по квартирамъ черниговскихъ мѣщанъ, ютящихся въ пригородкѣ—Березкахъ. Отсутствіе непосредственнаго начальническаго надзора и вопіющая бѣдность семинаристовъ поразили новоприбывшаго преосвященнаго

И первымъ же дѣломъ преосвященнаго было изыскать средства къ улучшенію положенія учащагося духовнаго юношества. Исходъ былъ одинъ,—епископъ это видѣлъ,—обратиться за помощію къ духовенству. И вотъ онъ обращается, приглашаетъ отцовъ удѣлить для своихъ дѣтей часть изъ суммъ церковныхъ, а часть и изъ своихъ. Духовенство откликнулось охотно на зовъ своего архипастыря, и пожертвованія начали приходить нескудныя. Къ 1862 году образовался капиталъ въ 12,752 р., а пока шло ходатайство о разрѣшеніи начать постройку, т. е. къ 1864 г. строительная сумма возросла до 28,631 р., а къ 1 января 1866 г. до 56,447 р. На эту сумму построенъ новый каменный корпусъ, перестроены старыя зданія, и еще сбереженъ остатокъ въ 5,249 р., да матеріалу на 1,457 р.

Поправивъ плохія матеріальныя обстоятельства учащихся, преосвященный Филаретъ началъ поправлять и дѣла учащихъ. Съ этою цѣлію онъ въ 1864 году далъ наиболѣе нуждающимся наставникамъ помѣщеніе въ семинарскихъ же зданіяхъ, а въ ноябрѣ 1865 г. оказалъ пособіе и всѣмъ преподавателямъ вообще, приказавъ отпускать изъ неокладныхъ суммъ черниговской каѳедры 960 р. въ годъ, или по 80 р. на каждаго. Но этимъ пособіе неограничилось. Въ мартѣ 1866 года онъ вошелъ съ представленіемъ въ святѣйшій синодъ объ отчисленіи $4\frac{1}{2}$ процентовъ изъ церковныхъ суммъ по черниговской епархіи на улучшеніе содержанія преподавателей семинаріи и уравненіе ихъ по жалованью съ другими семинаріями. Представленіе это уважено и положеніе учащихъ улучшено. Но матеріальнымъ улучшеніемъ заботливость Филарета не ограничилась. Онъ желалъ поднять семинарію въ умственномъ отношеніи. Съ этою цѣлію онъ возбудилъ мысль (въ 1862 г.) объ устройствѣ ученической библіотеки при семинаріи, пожертвовавъ въ основаніе ея всѣ свои сочиненія. Этимъ преосвященный архипастырь положилъ начало любви къ чтенію и внѣ-школьному развитію.

Предѣлы черниговской епархіи обширны и особенно сѣверные ея уѣзды удалены отъ епархіальнаго города: стародубскій, новозыбковскій, мглинскій и суражскій. Преосвященный Филаретъ, скоро по пріѣздѣ въ Черниговъ, поправилъ и это дѣло. Въ 1861 г. на собранный капиталъ въ 4,000 р. онъ купилъ въ Стародубѣ домъ и 1-го октября того же года открылъ училище.

Но особенную услугу оказалъ преосвященный Филаретъ черниговской епархіи изысканіемъ средствъ на устройство и самымъ устройствомъ епархіальнаго женскаго училища. Въ 1865 году получено синодальное разрѣшеніе на открытіе училища и купленъ за 9,000 домъ для училища, а 30 января 1866 года уже происходило открытіе этого училища.

До 1860 года въ черниговской епархіи было всего 20 школъ для обученія дѣтей черниговскаго простонародія. Обозрѣвая епархію, преосвященный Филаретъ замѣтилъ, что деревенскіе прихожане не знаютъ молитвъ, и вотъ онъ издаетъ повелѣніе священникамъ—открывать церковно-приходскія школы и обучать дѣтей прихожанъ необходимѣйшимъ молитвамъ, чтенію церковной и гражданской печати и письму. Къ концу 1860 г. уже заведено было вновь 769 приходскихъ школъ при церквахъ, и въ нихъ учащихся мальчиковъ было 5,777, а дѣвочекъ 1,292. Въ 1861 г. число учащихся возрасло до 10,504 мальчиковъ и 1,769 дѣвочекъ; при единовѣрческихъ церквахъ школъ было 8, въ нихъ 56 мальчиковъ, 20 дѣвочекъ, да раскольничьихъ 54 мальчика и 8 дѣвочекъ. Въ сентябрѣ 1861 года, по ходатайству преосвященнаго, сдѣлано распоряженіе черниговскою палатою государственныхъ имуществъ, чтобы для помѣщенія сельскихъ школъ было отводимо по одной комнатѣ въ свободныхъ домахъ упраздненныхъ волостныхъ правленій. Къ маю 1862 г. школъ уже было 843, въ нихъ наставниковъ и наставницъ 923, учащихся мальчиковъ 15,116, дѣвочекъ 2,361. Къ ноябрю 1863 года уже въ 88-ми приходахъ шести уѣздовъ изъявлено было желаніе устроить и содержать сельскія школы. Въ 1863 году церковно-приходскихъ школъ въ епархіи числилось уже 848, въ нихъ учащихся было 15,057 мальчиковъ и 2,019 дѣвочекъ. Такъ энергично заботился о просвѣщеніи народа просвѣщеннѣйшій изъ русскихъ іерарховъ 1840-хъ годовъ Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій.

Свящ. Ѳ. Хорошуновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВОСПОМИНАНІЯ О ПЕРЕЖИТОМЪ И ПЕРЕЧУВСТВОВАННОМЪ

съ 1803 года.

Глава XI [1]).

Отъѣздъ въ Сибирь.

1-го февраля 1827 года, около 9-ти часовъ вечера, въ послѣдній разъ загремѣли мои дверные затворы и появился плацъ-адъютантъ Трусовъ, объявившій мнѣ о нашемъ отправленіи въ Сибирь. Съ чувствомъ я простился съ нимъ, выразивъ ему свою искреннюю благодарность за все доброе участіе, какое онъ во все время заключенія оказывалъ мнѣ. Надѣвъ шубу и теплыя сапоги, я послѣдовалъ за нимъ въ домъ коменданта, гдѣ уже были Нарышкинъ, А. И. Одоевскій и мой братъ. Чрезъ нѣсколько минутъ по лѣстницѣ застучала та же деревяшка, которая при началѣ заключенія произвела на насъ такое непріятное впечатлѣніе перспективой пытки и тотъ же комендантъ Сукинъ произнесъ: «я имѣю высочайшее повелѣніе, заковавъ васъ въ цѣпи, отправить по назначенію». При этомъ онъ далъ знакъ, по которому появились сторожа съ оковами; насъ посадили, заковали ноги и дали веревочку въ руки для ихъ поддерживанія. Оковы были не очень тяжелы, но оказались не совсѣмъ удобными для движенія. Съ грохотомъ мы двинулись за фельдъегеремъ, которому насъ передали. У крыльца стояло нѣсколько троекъ. Насъ посадили по одному въ каждыя сани съ жандармомъ, которыхъ было четверо, столько же сколько и насъ, и лошади тихо и таинственно тронулись. Городомъ мы проѣхали мимо дома Кочубея, великолѣпно освѣ-

---

[1]) См. „Русская Старина" изд. 1880 г., т. XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890. Изд. 1881 г., т. XXX (январь), стр. 27—42, (мартъ), стр. 487—518.

щеннаго, гдѣ стояли жандармы и пропасть каретъ [1]). Взглянувъ на этотъ балъ, одинъ изъ нашихъ спутниковъ, Одоевскій, написалъ потомъ свою думу, озаглавленную «Балъ мертвецовъ».

Когда мы подъѣхали къ заставѣ, насъ съ братомъ посадили въ однѣ сани, а Нарышкина съ Одоевскимъ въ другіе; на облучкахъ помѣстилось по одному жандарму въ нашихъ саняхъ, а другіе два помѣстились съ фельдъегеремъ. Теперь уже мы быстро помчались за санями фельдъегеря и колокольчикъ заунывно запѣлъ въ тишинѣ ночи. Звуки эти, давно знакомые намъ при самыхъ счастливыхъ и радостныхъ обстоятельствахъ жизни, теперь пробудили въ душѣ самыя тяжелыя мысли и неумолимая грусть камнемъ налегла на сердцѣ; теперь звуки эти перенесли насъ далеко подъ родной кровъ, въ среду милой семьи, гдѣ представилась мнѣ наша нѣжная чудная мать, юныя, милыя, любящія сестры, которыя можетъ быть въ эту самую минуту проливаютъ слезы о погибели нашей и вѣчной разлукѣ. Да, тяжело быть причиной несчастія и слезъ чьихъ бы то ни было, даже врага; каково же сознавать, что былъ причиной несчастія и слезъ людей самыхъ дорогихъ сердцу!

На станціяхъ мы ближе познакомились съ нашими спутниками, и съ этой поры до самой вѣчной разлуки насъ связывала съ ними самая искренняя задушевная дружба, особенно съ (кн.) Александромъ Ивановичемъ Одоевскимъ, который былъ намъ ровесникомъ по возрасту и роднымъ по нашему къ нему чувствамъ. Мы скоро увидѣли въ немъ не только поэта, но скажу смѣло — даже великаго поэта; и я убѣжденъ, что еслибъ собраны были и явлены свѣту его многія тысячи стиховъ, то литература наша, конечно, отвела бы ему мѣсто рядомъ съ Пушкинымъ, Лермонтовымъ и другими первоклассными поэтами. Онъ былъ очень разсѣянъ, безпеченъ, временемъ до неистовства веселъ, временемъ сумрачно задумчивъ, и хотя конечно онъ не могъ не сознавать своего дара, но былъ до того апатиченъ, что нужно было безпрестанно поджигать его, чтобъ заставить писать. Бóльшую часть его стиховъ мы съ братомъ и съ Петромъ Александровичемъ Мухановымъ рѣшительно можемъ отнести къ нашимъ усиліямъ и убѣжденіямъ. Первыми его слушателями, критиками и цѣнителями всегда были мы съ Мухановымъ и Ивашевымъ. Но объ немъ разскажу въ своемъ мѣстѣ.

Помню, что на дорогѣ въ Шлиссельбургъ насъ перегоняли трой-

---

[1]) Домъ Кочубея—впослѣдствіи домъ III-го отдѣленія. О балахъ въ домѣ Кочубея въ 1827 году см „Записки кн Н. С. Голицына“ въ „Рус. Старинѣ“, томъ XXX (мартъ). Ред.

ки, которыхъ, не смотря на всѣ усилія фельдъегеря, мы не могли перегнать; онъ догадывался, что это были нѣкоторыя изъ супругъ нашихъ товарищей и что̀ чрезвычайно его волновало. На станціи возлѣ нашей комнаты появился кто-то изъ нихъ и онѣ черезъ дверь, запертую конечно, могли перекинуться нѣсколькими словами съ Нарышкинымъ. Когда мы сѣли съ братомъ въ повозку, въ воротахъ подъ сводомъ къ намъ подошла поспѣшно очень молодая дама чудной красоты и, протянувъ руку, хотѣла намъ всунуть пачку ассигнацій. Мы съ братомъ, конечно, отказались, сказавъ ей, что мы деньги имѣемъ у фельдъегеря, но она настаивала на томъ, чтобъ мы взяли, но тутъ раздалось грозное слово: «пошелъ» и мы разстались, съ чувствомъ пожавъ ей руку. Это нѣжное участіе въ судьбѣ нашей, придававшее столько прелести и безъ того прелестной женщинѣ, эта торопливо протянутая рука съ деньгами до сихъ поръ такъ живо припоминаются мнѣ, какъ будто это было вчера; тогда какъ съ этого дня протекло уже 50 лѣтъ и давно уже этотъ образъ покоится въ могилѣ. На слѣдующей станціи опять въ сторонѣ обогнали насъ тройки и когда мы вышли изъ повозокъ и входили по небольшой лѣстницѣ, то примѣтили стоявшихъ крестьянокъ, но тутъ дамская обувь предала ихъ и показала намъ, что это опять были тѣ же дамы, которыя были и на прежней перемѣнѣ лошадей. Потомъ уже въ Сибири мы узнали, что одна, а именно та, которая давала намъ деньги, была жена Ивана Дмитріевича Якушкина, а другую уже не помню, кажется Наталья Дмитріевна Фонъ-Визинъ. Наталью Дмитріевну мы знали въ Сибири и потомъ видѣли въ Москвѣ, а нашу молодую благодѣтельницу не знали, такъ какъ мужъ ея желалъ, чтобъ о́на не ѣздила къ нему, а осталась въ Россіи для воспитанія сына [1]) и потому никогда не могли ей выразить нашей благодарности за ея намѣреніе помочь намъ. Такъ какъ путь нашъ совершался весьма быстро, станціи только мелькали, такъ сказать, передъ нами, то единственное впечатлѣніе, вынесенное изъ этого путешествія—это утомленіе отъ безпрерывной ѣзды, безпокойство и холодъ отъ оковъ и нѣкоторая отрада, когда черезъ двѣ ночи въ третью останавливались ночевать. Тутъ къ намъ возвращалась наша обычная веселость за чаемъ, а потомъ мы крѣпко засыпали до ранняго выѣзда. Въ Комышковѣ насъ принялъ у себя въ домѣ благороднѣйшій и добрѣйшій старичекъ почтмейстеръ. Онъ принималъ, поилъ, кормилъ и покоилъ всѣ проѣзжавшія партіи нашихъ товарищей, которые всѣ съ чувствомъ благодарили его за гостепріимство.

[1]) Евгенія Ивановича Якушкина.

Въ Тобольскъ мы пріѣхали днемъ и прямо къ полицмейстеру въ домъ. Онъ отвелъ намъ нѣсколько комнатъ, съ величайшею любезностью озаботился о нашемъ ночлегѣ, что бы намъ было покойно, и такъ насъ принялъ, что мы должны были совершенно забыть, что были въ оковахъ ссыльно-каторжные и ѣхали въ рудники. У него мы обѣдали. За столомъ было нѣсколько постороннихъ лицъ, вѣроятно полюбопытствовавшихъ насъ видѣть; разговоръ былъ весьма оживленный и интересный, хотя конечно не политическій Передъ обѣдомъ насъ возили къ губернатору Дмитрію Николаевичу Бантышъ-Каменскому, который тоже принялъ насъ очень ласково. Помнится, что во время нашего пребыванія въ Тобольскѣ оковы наши были съ насъ сняты, что бы дать отдохнуть намъ отъ долгаго пути. Тутъ мы простились съ нашими добрыми жандармами, которые вмѣсто стражей были буквально нашими усердными слугами. Не помню уже, сколько времени мы пробыли въ Тобольскѣ, но кажется болѣе двухъ дней. Затѣмъ мы отправились въ Иркутскъ съ тѣмъ же фельдъегеремъ, только вмѣсто жандармовъ были назначены линейные сибирскіе казаки. По дорогѣ отъ Тобольска до Иркутска мы останавливались въ Томскѣ, гдѣ также были приняты радушно, но уже не помню всѣхъ обстоятельствъ нашей остановки, которая была очень коротка.

Въ Красноярскѣ на станціи насъ посѣтилъ совѣтникъ правленія Коноваловъ, очень любезный и внимательный человѣкъ, который въ разговорѣ разсказалъ намъ о княгинѣ Трубецкой и ея геройской рѣшимости, бросивъ карету, скакать на перекладной Коноваловъ, кажется, первый устроилъ въ Сибири стеклянный заводъ и его посуда, стаканы, кувшины для кваса и молока, расходились по всей Сибири. Тутъ мы не успѣли даже пообѣдать, такъ торопился нашъ фельдъегерь. Когда же выѣхали изъ города, то попросили его заѣхать въ первое село, чтобы пообѣдать. Онъ согласился и мы въѣхали въ первую по дорогѣ избу; но избой я не правильно назвалъ очень хорошій домъ, гдѣ царствовала необыкновенная чистота. Полы, потолки, скамьи изъ кедроваго дерева, все это блестѣло, и на полъ уронивъ хлѣбъ, смѣло можно было его ѣсть. Въ Сибири два раза въ недѣлю все моется, скоблится, а печи бѣлятся. Хозяева, простые крестьяне-сибиряки, очень радушно насъ приняли; такія же опрятныя хозяюшки накрыли тотчасъ столъ и поставили кушанья. Каково же было наше удивленіе, когда этихъ кушаній, похлебокъ, говядины, каши, жареной дичи, пирожныхъ колечекъ съ вареньемъ оказалось до шести блюдъ; превосходный пѣнистый квасъ намъ подали въ стеклянныхъ зеленыхъ кувшинахъ завода Коновалова, а когда мы хотѣли заплатить за обѣдъ, то хозя-

инъ и хозяйка обидѣлись, сказавъ: «Что это вы господа? у насъ, слава Богу, есть чего подать». Не знаю, какъ теперь, но тогда Сибирь была житницей, въ которой, по выраженію нѣкоторыхъ крестьянъ, они по 20-ти лѣтъ не видѣли дна у своихъ сусѣковъ. Крестьяне сторожилы имѣли по 200, 300 штукъ рогатаго скота и 30-ти, по 40 и 50-ти лошадей; словомъ, довольство и необыкновенная чистота, даже въ самыхъ небольшихъ избахъ, особенно послѣ русскихъ дымныхъ и отвратительныхъ хижинъ помѣщичьихъ крестьянъ, поражала. Тутъ-то мы съ торжествомъ говорили: «вотъ что значитъ свобода!» Правда, не одна свобода, конечно, совершила это благоденствіе народа, но къ ней еще надо прибавить безграничныя пространства превосходной дѣвственной земли чистѣйшаго чернозема и безпредѣльныя пастбища. Но откуда взялась эта всеобщая, до педантства простиравшаяся, чистота и опрятность, то это поистинѣ не понятно. Край этотъ не имѣлъ никакого сообщенія съ западнымъ цивилизованнымъ міромъ. Нѣкоторые думаютъ, что это было вліяніе извѣстныхъ сибирскихъ администраторовъ, каковы были губернаторъ Трескинъ при генералъ-губернаторѣ Пестелѣ и исправникъ Лоскутовъ, но все же это ихъ вліяніе должно было ограничиваться тѣмъ округомъ, гдѣ дѣйствовало ихъ управленіе; современемъ это вліяніе все же должно было прекратиться, а здѣсь, напротивъ, эта чистота общая губерніямъ всей Сибири: Тобольской, Томской, Енисейской, Иркутской, за Байкаломъ и повсюду.

Иркутскъ не былъ для насъ такъ гостепріименъ. Тутъ насъ привезли прямо въ острогъ, гдѣ отвели, конечно, особое помѣщеніе. Мы съ удовольствіемъ узнали, что часовыми у нашихъ дверей были семеновскіе солдаты, сосланные сюда за семеновскую исторію. Какъ благородно выдержали себя эти чудные солдаты. Эти люди были здѣсь образцомъ дисциплины и безукоризненны въ поведеніи, какъ будто носили въ душѣ воспоминаніе того, что они были первымъ полкомъ въ гвардіи; и не одною только выправкою и фронтомъ, а особенно своимъ благороднымъ поведеніемъ и развитостью; конечно, они были обязаны этимъ своимъ превосходнымъ командирамъ, какъ Потемкинъ, и своимъ ротнымъ командирамъ и вообще всѣмъ офицерамъ, отличавшимся прекраснымъ воспитаніемъ и рыцарскимъ благородствомъ. Въ Иркутскѣ мы простились съ нашими казаками. До Читы за Байкаломъ, куда насъ теперь везли, уже приходилось пересаживаться изъ саней въ телѣги, такъ какъ былъ уже мартъ мѣсяцъ и снѣгъ вездѣ сошелъ. Байкалъ мы переѣхали еще по льду, на которомъ не было ни снѣжинки; снѣгъ никогда не удерживается на Байкалѣ, такъ какъ онъ замерзаетъ гладко, а не становится то-

росомъ отъ наноснаго льда. Не смотря на толщину, вода была видна на порядочную глубину. Этотъ переѣздъ дѣлается на однихъ лошадяхъ, съ небольшимъ въ два часа, такъ какъ тройки выдерживаемыхъ лошадей несутся почти все это разстояніе въ карьеръ съ небольшими роздыхами.

Мы вышли у пустыннаго, но живописнаго Посольскаго монастыря, который осмотрѣли, руководимые монахами. Въ это время въ монастырѣ было не болѣе четырехъ. Тутъ мы, напившись чаю, отправились далѣе и уже путь нашъ не представлялъ ничего замѣчательнаго.

Глава XII.

Въ Сибири: въ Читѣ и въ Петровскѣ.

Въ Читѣ мы уже нашли многихъ изъ нашихъ товарищей, пріѣхавшихъ раньше насъ. Сначала насъ ввели въ средній казематъ, гдѣ могли помѣститься только четверо. Осматривалъ наши чемоданы, грубо приказывая все вынимать и показывать, очень грубый дослужившійся изъ солдатъ офицеръ и ротный инвалидный командиръ Степановъ, говорившій съ нами языкомъ тюремщика, относясь, разумѣется, какъ къ ссыльно-каторжнымъ и говоря намъ ты. Здѣсь мы переночевали, а на другой день насъ помѣстили въ одну изъ боковыхъ, довольно большую комнату, гдѣ были сдѣланы нары для ночлега и сидѣнья. Въ углу между печью и окномъ могли помѣститься трое и эти трое были Ник. Ив. Лореръ, Нарышкинъ и Мих. Александровичъ фонъ-Визинъ. На большихъ же нарахъ вдоль стѣны помѣщались мы съ братомъ, Одоевскій, Шишковъ и еще кто не помню. (Въ углу стояла знакомая парашка).. На ночь насъ запирали. Выходить за двери могли не иначе, какъ съ конвоемъ; выходить не куда нибудь изъ тюрьмы, а въ самой тюрьмѣ. Гулять дозволялось по двору, обставленному высокимъ заостреннымъ частоколомъ. Когда наступила весна, въ это время уже пріѣхалъ Г. Лепарскій, который посѣтилъ казематъ и обошелся съ нами очень кротко, сказавъ, что онъ готовъ все сдѣлать, чтобъ облегчить нашу участь, но что въ то же время будетъ строго держаться данной ему инструкціи. Изъ нашихъ товарищей многихъ онъ зналъ во время ихъ службы. Весною онъ дозволилъ намъ заняться устройствомъ на дворѣ маленькаго сада. Мы устроили клумбы съ цвѣтами, обложенныя дерномъ. Посреди сада устроили на круглой насыпи, обшитой дерномъ, цвѣтникъ, а среди его солнечныя часы

на каменномъ столбѣ. Для утвержденія горизонтальной доски и циферблата употребляли, вмѣсто ватерпаса, длинную прежнюю одеколонную банку съ водой. Устроителемъ былъ Фаленбергъ. Эти работы мы дѣлали въ свободное отъ казенныхъ работъ время и въ праздники. Казенныя же работы производились при постройкѣ большаго каземата, гдѣ должно было помѣститься потомъ почти все общество и куда насъ къ зимѣ и перевели. Изъ прежнихъ казематовъ одинъ оставленъ былъ подъ лазаретъ, а въ другомъ, называемомъ маленькимъ, помѣщено было, для бо̀льшаго простора, человѣкъ пять товарищей. Мы копали канавы для фундамента, а какъ земля еще была мерзлая, то прорубали ледъ кирками. Но казематъ этотъ не могъ поспѣть ранѣе зимы. Лѣтомъ работали плотники, а насъ водили на конецъ этого маленькаго селенія зарывать оврагъ. Около этого оврага росло нѣсколько роскошныхъ бальзамическихъ тополей, подъ тѣнью которыхъ мы отдыхали. Тутъ обыкновенно читали, бесѣдовали, играли въ шахматы, и, возвращаясь домой къ обѣду, обыкно̀венно пѣли и по бо̀льшей части: Allons enfants de la Patrie, такъ какъ эта пѣсня дѣйствительно подходила къ намъ, разумѣется только этими начальными словами, хотя остальными вовсе не подходила уже къ мирному настроенію, какъ нашему съ братомъ, такъ и бо̀льшей части товарищей.

Многимъ изъ нашихъ товарищей, имѣвшимъ въ Россіи большое состояніе, оставшееся роднымъ, присылались всѣ журналы и газеты, какъ русскіе, такъ и иностранные. Къ чести правительства, въ этомъ оно было очень великодушно и даже англійскіе журналы, самые либеральные, намъ передавались исправно. Книгъ посылалось множество, отъ самыхъ серьезныхъ политическихъ, философическихъ до легкихъ романовъ. Тогда въ Россіи наша литература была еще очень скудна и потому всѣ книги были на французскомъ, англійскомъ, нѣмецкомъ и весьма немного на русскомъ языкахъ. Комендантъ долженъ былъ пересматривать все, что посылалось, и сначала онъ на каждой книгѣ подписывалъ: «читалъ Лепарскій,» но видя, что количество присылаемыхъ книгъ превышаетъ всякую возможность ихъ прочесть, то онъ уже сталъ выставлять: «видѣлъ Лепарскій». Эта послѣдняя подпись красуется и теперь хранится у меня на огромной въ 14-ть томовъ Всеобщей исторіи (Histoire General).

Сначала изъ нашихъ дамъ, этихъ добрыхъ нашихъ геніевъ, мы застали одну Александру Григорьевну Муравьеву. Потомъ, когда въ ново-выстроенный большой казематъ къ намъ перевели товарищей, бывшихъ въ Благодатскихъ рудникахъ, съ ними пріѣхали княгиня Трубецкая и княгиня Волконская, которыя жили съ ними въ рудникахъ. Онѣ заняли квартиры близь каземата, куда допускались

для свиданія съ мужьями и родными два раза въ недѣлю. Въ одно изъ этихъ свиданій чуть было не произошла страшная катастрофа, описанная уже у другихъ декабристовъ въ ихъ запискахъ (Басаргина).

Въ первое лѣто, однажды, мы ходили по своему двору, какъ вдругъ увидѣли подъѣхавшую карету. Нарышкинъ, гулявшій съ нами, узналъ карету своей жены, бросился къ ней, позабывъ, что передъ нимъ частоколъ, а она, когда вышла изъ кареты и увидѣла его за частоколомъ въ оковахъ, упала въ обморокъ. Тутъ началась страшная суматоха между всѣми нами,—кто бѣжалъ за водой, которую все же нельзя было подать сквозь частоколъ, ни черезъ частоколъ очень высокій; нѣкоторые же изъ товарищей догадались послать за дежурнымъ плацъ-адъютантомъ, который принесъ ключъ отъ воротъ и выпустилъ Нарышкина къ женѣ его, которую сейчасъ же увела къ себѣ Александра Григорьевна Муравьева, увидѣвшая карету и въ это время вышедшая изъ своей квартиры.

Первое время послѣ нашего пріѣзда, конечно, мы не имѣли ни провизіи, ни посуды и ничего устроеннаго для нашего содержанія. Намъ шло по 8 коп., полагавшихся по закону на сосланныхъ въ работы, и конечно мы бы должны были сидѣть на одномъ хлѣбѣ и водѣ, но въ это-то самое время мы имѣли такое содержаніе, которое можно назвать роскошнымъ. Все это присылалось отъ нашихъ дамъ. Чего не приносили намъ отъ этихъ чудныхъ добрыхъ существъ! Чего должно было имъ стоить это наше прокормленіе! Какихъ хлопотъ и заботъ требовало оно отъ нихъ лично! потому что это была дикая пустыня, а не столица, гдѣ съ деньгами можно все устроить, не безпокоя себя. И вотъ теперь только въ первый разъ мнѣ пришелъ въ голову вопросъ: какъ онѣ это дѣлали? гдѣ брали все то, что намъ присылали? откуда могли онѣ доставать такія огромныя количества провизіи, которыя нужны, чтобъ удовлетворить такую артель,—вѣдь насъ было сначала человѣкъ тридцать, а потомъ еще болѣе. Пока не устроилась артель, не былъ выбранъ хозяинъ, опредѣлены повара и чередовались дежурные по кухнѣ, пока это все устроилось, говорю, прошло много времени и во все это время эти великодушныя существа, отказывая, я думаю, себѣ во всемъ, къ чему они привыкли въ прежней жизни, не переставали кормить насъ, можно сказать, роскошно. Кто, кромѣ всемогущаго Мздовоздателя, можетъ достойно воздать вамъ, чудныя ангелоподобныя существа! Слава и краса вашего пола! Слава страны, васъ произрастившей! Слава мужей, удостоившихся такой безграничной любви и такой преданности, такихъ чудныхъ идеальныхъ женъ! Вы стали, поистинѣ, образцомъ самоотверженія, мужества, твердости при

всей юности, нѣжности и слабости вашего пола. Да будутъ незабвенны имена ваши!

За этими первыми дамами, пріѣхавшими сначала, стали появляться другія: Наталья Дмитріевна Фонъ-Визинъ, Юшневская, Янтальцева, Давыдова, баронеса Александра Ивановна Розенъ; въ это же время пріѣхала, повысочайшему соизволенію, Прасковья Ивановна Анненкова, молодая француженка, лично просившая императора дозволить ей ѣхать въ Сибирь и раздѣлить участь отца своего ребенка, а такъ какъ нельзя было ей посвятить себя любимому ею человѣку иначе, какъ ставъ его женою, то она въ самый день пріѣзда или на другой день была съ нимъ обвѣнчана. Потомъ еще пріѣхала невѣстой Ивашева, молодая 20-ти лѣтняя и прелестная собою Камилла Петровна le Dantue и на другой же день была ихъ свадьба. Эта свадьба была дѣйствительно романическою, а спасительною для него тѣмъ, что отвлекла его отъ пагубнаго предпріятія бѣжать изъ каземата рѣкою Амуромъ. Разскажу поподробнѣе этотъ эпизодъ, такъ какъ по дружбѣ съ Ивашевымъ мы были почти участниками въ этомъ его предпріятіи.

Какъ Ивашевъ, такъ и я были фантастически настроенныя головы и прозябаніе въ такой жизни, какая досталась намъ на долю, было не по насъ, къ тому же мы всегда любили сильныя ощущенія: разныя приключенія, опасности имѣли для насъ чудную прелесть. Тутъ передъ нами раскидывалась необозримая чудная, хотя и дикая, пустынная природа; новыя невѣдомыя страны, гигантская рѣка, все это намъ представлялось въ очаровательныхъ образахъ и манило съ необычайною силою. Мы, конечно, сознавали, что тутъ нужны будутъ большія физическія усилія, лишенія, но затѣмъ намъ представлялся очаровательный отдыхъ подъ кровомъ небеснаго свода, среди дружеской бесѣды, надежда, мечтанія о будущемъ и т. д. Можетъ быть мы и обольщали себя, какъ уже это было испытано мною при слѣдствіи въ казематѣ, но въ этомъ случаѣ мы чувствовали въ себѣ столько рѣшимости и мужества, что готовы были пуститься, очертя голову, въ самое отважное предпріятіе, тѣмъ легче, что тутъ мы рисковали только лично собою. Ивашевъ гдѣ-то вычиталъ и уже пріискалъ какой то корень, который, при употребленіи его въ пищу, могъ долго поддерживать наши силы. Путь нашъ мы располагали совершить все водой, сдѣлавъ себѣ плотъ, начиная съ рѣки Читы, впадающей въ Ингоду; изъ Ингоды въ Шилку, составляющую съ Аргунью истокъ Амура и наконецъ Амуромъ до Сахалина и океана.

Взглянувъ на подобное предпріятіе здраво, безъ увлеченія, оно конечно было не только гибельно, но и безразсудно; мы же думали и

такъ, и считали его возможнымъ, надѣясь на то, что никто бы не остановилъ насъ среди огромной, почти пустынной рѣки до океана, гдѣ мы могли встрѣтить американскій корабль. Всего труднѣе было добраться до нея, но тутъ мы полагались на авось. Въ это то самое время, къ счастію нашему, Ивашевъ получилъ отъ сестры своей Языковой первое письмо, въ которомъ таинственно спрашивала она его, помнитъ ли онъ такую-то молодую дѣвушку, которая когда-то нравилась ему, которой онъ даже сочинялъ стихи. Онъ отвѣчалъ, что очень помнитъ, а также и то, что она очень нравилась ему, только не понимаетъ, что значитъ этотъ вопросъ. До слѣдующаго отвѣта прошло довольно долго, но письмо это уже стало занимать его и предпріятіе наше пока отложилось. Слѣдующія письма уже разъяснили ему, что если она и теперь еще ему нравится, то онъ можетъ соединиться съ нею, такъ какъ она тайно въ глубинѣ сердца любила его и выразила полную рѣшимость выйти за него и раздѣлить съ нимъ его судьбу. Разумѣется, онъ былъ въ восторгѣ; съ дозволенія коменданта, который уже былъ извѣщенъ о разрѣшеніи Государя, сталъ устраивать дня нея небольшой, но уютный домикъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, какъ его извѣстили о ея пріѣздѣ. Она остановилась у Марьи Николаевны Волконской. Понятно, каково могло быть первое свиданіе. За тѣмъ сдѣланы всѣ распоряженія для свадьбы, которая вскорѣ и совершилась. Хотя эта романическая повѣсть и была кратко описана, но я передамъ ее какъ слышалъ отъ Ивашева. Мать ея, m-me le Dantue, была гувернанткой его сестеръ и дочь жила съ нею. Когда Ивашевъ пріѣзжалъ въ отпускъ, гдѣ постоянно была въ его семейномъ кругу и она, то конечно скоро замѣтилъ хорошенькую Камиллу Петровну; оказывалъ ей большое вниманіе, нѣсколько ухаживалъ за ней, писалъ ей стихи, вѣроятно нѣжнаго свойства; но хотя все это было какъ пріятное препровожденіе времени, однакожъ и сердце принимало тутъ участіе. Съ отъѣздомъ его въ армію все это кончилось. Но оно не кончилось для молодой дѣвушки съ нѣжнымъ сердцемъ; и съ того времени въ ней возгорѣлась истинная страстная любовь, которую она скрыла въ глубинѣ своего сердца. Когда же постигло Ивашева это несчастіе, она заболѣла нервною горячкой, и какъ мать Ивашева часто бывала у ея постели, то горячешный бредъ больной открылъ ея тайну. Тогда-то она рѣшилась дать единственному сыну своему эту чудную дѣвушку подругой его жизни и тѣмъ облегчить его заточеніе. Когда, по выздоровленіи, мать Ивашева передала ей ея чувства, выразившіяся въ бреду, она сказала ей всю правду; узнавъ и о его чувствахъ къ ней, она, на предложеніе матери, изъявила рѣшимость ѣхать къ нему, чтобъ раздѣлить съ нимъ его

участь. Ивашевъ былъ сынъ очень богатыхъ родителей и по своему положенію принадлежалъ къ высшему обществу; онъ былъ уменъ, хорошъ собой, прекрасно образованъ и къ тому еще обладалъ рѣдкимъ музыкальнымъ талантомъ. Извѣстный піанистъ Филдъ гордился имъ, какъ своимъ ученикомъ. Все это вмѣстѣ взятое, по тогдашнимъ понятіямъ свѣта, конечно ставило его много выше дочери бѣдной гувернантки.

Въ это время дамы наши уже устроились довольно хорошо, выстроили себѣ хорошенькіе дома, если далеко не подходившіе къ ихъ прежнимъ роскошнымъ жилищамъ, то все же со всѣми удобствами, какія ихъ значительныя средства могли доставить даже и въ такой пустынной странѣ. Онѣ для свиданія съ мужьями должны были приходить въ казематъ при офицерѣ, но мало по малу строгость эта стала смягчаться и хотя по ихъ просьбамъ комендантъ всегда просилъ дать ему время «поконсультоваться», какъ онъ выражался, конечно съ собою самимъ, а затѣмъ разрѣшалъ прошенія.

Такъ, подъ предлогомъ нездоровья женъ, мужей отпускали къ нимъ въ домъ, но для вида и для донесенія въ Петербургъ онъ требовалъ, чтобы обычныя свиданія были продолжаемы въ казематѣ. Это въ Читѣ.

На другой годъ мы перешли во вновь построенный большой казематъ; средній, въ который мы пріѣхали, былъ назначенъ для больныхъ, но тамъ были помѣщены и здоровые; 3-й маленькій на крутомъ возвышеніи, близь рѣки, также занятъ за неимѣніемъ мѣста. Въ нашей комнатѣ, которая называлась первымъ нумеромъ, были помѣщены у печки (бар.) Влад. Ив. Штейнгейль, чрезъ столъ отъ него были двѣ наши съ братомъ кровати, возлѣ насъ былъ морякъ кап.-лейт. Конст. Петр. Торсонъ, за нимъ, кажется, Пановъ и (кн.) Щепинъ-Ростовскій въ углу; въ противуположномъ углу Ив. Александр. Анненковъ, полковникъ Повало-Швыйковскій, далѣе полковникъ Тизенгаузенъ, за нимъ Пав. Вас. Аврамовъ, остальныхъ не помню. Другой казематъ, помню только Кюхельбекера, Бобрищева-Пушкина, Розена, Загорѣцкаго, Басаргина, Шишкова, Тестова, Бесчастнаго. Еще двѣ комнаты, противоположныя нашимъ, занимали: Муравьевы, Юшневскій, Бестужевы Николай и Михайло, Пущинъ, Свистуновъ, Одоевскій, Завалишинъ и еще кто уже не припомню. Да и въ этомъ распредѣленіи, по забывчивости, можетъ быть ошибка.

Въ это время изъ присылаемыхъ безпрестанно книгъ уже составилась значительная библіотека, на всѣхъ почти европейскихъ языкахъ. Всѣ читали и писали съ жадностью, въ праздности были не многіе.

Одежда наша понемногу изнашивалась, нужно было ее возобновить, но гдѣ взять портныхъ и сапожниковъ? И вотъ начиная съ Бобрищева-Пушкина и др., явилась артель мастеровыхъ, состоявшая изъ слѣдующихъ лицъ: закройщикъ Павелъ Сергѣевичъ Пушкинъ, потомъ братъ мой, Оболенскій, Фроловъ, Загорѣцкій, Кюхельбекеръ и еще не помню. Пушкинъ по математикѣ дошелъ до искусства кроить и работа закипѣла. Помню, что Оболенскій пожертвовалъ мнѣ свое байковое одѣяло, изъ котораго мнѣ было сшито что-то въ родѣ казакина, въ которомъ и былъ сдѣланъ мой портретъ Николаемъ Бестужевымъ, снимавшимъ со всѣхъ насъ портреты. За портными слѣдовала артель столяровъ, въ которой особенно способными оказались тотъ-же Пушкинъ, Фроловъ, Загорѣцкій и Кюхельбекеръ. Я также было присоединился къ этой артели и взялъ на себя сдѣлать большой столъ для обѣда и чая въ нашемъ номерѣ. Но увы, хотя я трудился усердно, но не имѣя никакой способности вообще ко всѣмъ ручнымъ работамъ, да кажется и не къ чему, столъ мой оказался такимъ, что для употребленія, хотя временнаго, ему понадобилось связывать ноги, а потомъ замѣнить другимъ, болѣе твердымъ. Конечно, это произведеніе моего искуства произвело взрывъ хохота, повторявшагося много дней, какъ только кто нибудь напоминалъ объ этомъ. Пушкинъ же сдѣлалъ для Елизаветы Петровны Нарышкиной большое кресло, такъ какъ она сильно страдала разными нервными болѣзнями, да и всѣ наши благодѣтельницы часто подвергались сильнымъ болѣзнямъ, конечно вслѣдствіе всего перенесеннаго ими. Тутъ-то являлись во всей силѣ слова Господа: «духъ бодръ, плоть немощна»; другая подвергшаяся также страшной нервной болѣзни была Наталья Дмитріевна фонъ-Визинъ. Болѣзни этихъ двухъ дамъ особенно выдавались по ихъ жестокости, но всѣ дамы наши были подвержены сильнымъ и частымъ болѣзнямъ, а одна изъ первыхъ, Александра Григорьевна Муравьева, тамъ и умерла. Креслу Пушкина суждено было вмѣстѣ съ Нарышкиными переѣхать на Кавказъ, а потомъ въ Россію. Когда отецъ Пушкина увидѣлъ это кресло, работы своего сына, онъ заплакалъ и просилъ его у Елиз. Петр., а такъ какъ и ей не хотѣлось разстаться съ кресломъ, то она рѣшила, что по смерти ея кресло перейдетъ къ нему, а послѣ его смерти оно останется въ ея родѣ.

Многіе наши товарищи начали изучать языки, которыхъ прежде не знали. Такъ полковникъ фонъ Бригенъ, какъ знатокъ, преподавалъ латинскій языкъ и многіе стали заниматься латынью; въ числѣ ихъ былъ и Влад. Ив. Штейнгейль, которому и тогда уже было 50 лѣтъ. Мы съ братомъ стали изучать англійскій языкъ. Я учился этому языку еще въ корпусѣ и потому мнѣ приходилось повторять

и припоминать, а братъ вовсе не зналъ его. Учителями нашими были Оболенскій, Чернышевъ и другіе, къ которымъ мы прибѣгали за совѣтами. При желаніи, при твердой волѣ, настойчивости мы скоро овладѣли книжнымъ языкомъ и грамматикой, а чтобъ еще больше укрѣпиться въ языкѣ мы съ братомъ приняли на себя переводъ исторіи паденія римской имперіи Гибона; мы раздѣлили этотъ трудъ по поламъ и каждый взялъ шесть томовъ. Переводить исторію легче всякаго другаго сочиненія; къ повѣствовательному слогу скоро привыкаешь и онъ дѣлается очень легкимъ для пониманія; въ трудныхъ же мѣстахъ мы прибѣгали къ Оболенскому или къ кому нибудь изъ знавшихъ хорошо языкъ. Хотя мы имѣли нѣкоторыя способности писать порядочнымъ слогомъ, но тоже въ тонкостяхъ русскаго языка прибѣгали къ знатокамъ языка: Одоевскому, Алекс. Крюкову, Васаргину и другимъ. Такимъ образомъ мы кончили этотъ трудъ въ годъ. У насъ было положено не вставать отъ работы до тѣхъ поръ, пока не кончимъ десять страницъ каждый. Потомъ мы перевели «Красный разбойникъ» Куппера и «Водяная колдунья» его же. Все это и до сихъ поръ въ рукописяхъ хранится у меня, потому что все это уже потомъ было переведено и издано; мы же не имѣли средствъ ни возможности для напечатанія.

Нѣкоторые изъ товарищей занимались военными науками, которыя читались Никит. Мих. Муравьевымъ. Розенъ переводилъ Часы Благоговѣнія съ нѣмецкаго. Ник. Алекс. Бестужевъ устроилъ часы своего изобрѣтенія съ горизонтальнымъ маятникомъ, тогда еще онъ кажется не являлся. Это было истинное, великое художественное произведеніе, принимая въ соображеніе то, что изобрѣтатель не имѣлъ всѣхъ нужныхъ инструментовъ. Какъ онъ устроилъ эти часы—это поистинѣ загадка. Помню, что эти часы были выставлены имъ въ полномъ ходу въ одной изъ комнатъ. Эта работа его показала, какими необыкновенными геніальными способностями обладалъ онъ. Словомъ, въ нашей тюрьмѣ всегда и всѣ были заняты чѣмъ нибудь полезнымъ, такъ что эта ссылка наша цѣлымъ обществомъ, въ средѣ котораго были образованнѣйшіе люди своего времени, при большихъ средствахъ, которыми располагали очень многіе и которыя давали возможность предаваться исключительно умственной жизни, была, такъ сказать, чудесною умственною школою какъ въ нравственномъ, умственномъ, такъ и въ религіозномъ и философическомъ отношеніяхъ. Еслибъ мнѣ теперь предложили вмѣсто этой ссылки какое нибудь блестящее въ то время положеніе, то я бы предпочелъ эту ссылку. Тогда, можетъ быть, по суетности я бы поддался искушеніямъ и избралъ другое, которое было бы для меня гибельно.

Для нашихъ работъ, по окончаніи лѣта, была построена изба, гдѣ въ большой комнатѣ стояли ручные жернова, на которыхъ положено было смолоть 20 фунтовъ на пару, но и эта работа не требовалась строго, такъ что другіе вовсе не работали, нанимая смолоть за нихъ сторожей, которые конечно были рады получать этотъ заработокъ. Мы съ братомъ, Розенъ и еще многіе другіе, по гигіеническимъ причинамъ, работали сами собственно для того, чтобъ дѣлать движеніе для подкрѣпленія здоровья. Другая комната была назначена для отдыха, гдѣ бесѣдовали, читали, играли въ шахматы, а въ другихъ группахъ происходили различныя пренія, всегда серьозныя и научныя или политическія.

Съ Читы еще устроились различные хоры какъ духовныхъ пѣснопѣній и духовныхъ предпочтительно, такъ и разныхъ романсовъ. Многіе имѣли очень хорошіе голоса, пѣвали еще прежде въ салонахъ и знали музыку. Потомъ уже были присланы и инструменты. У многихъ изъ нашихъ дамъ были въ домахъ рояли. Вадковскій Ѳед. Ѳед. былъ замѣчательный скрипачъ. Также и другіе, еще прежде занимавшіеся музыкой, получили свои инструменты, такъ что могъ составиться прекрасный квартетъ: 1-я скрипка—Вадковскій, 2-я—Николай Крюковъ, альтъ—Алекс. Петр. Юшневскій, а потомъ на віолончели—Петр. Ник. Свистуновъ. Довольно забавно было, что квартетъ долженъ былъ помѣщаться на чердакѣ средняго каземата, такъ какъ въ комнатахъ нельзя было разставить стульевъ по причинѣ наръ и тѣсноты; потомъ, когда перешли въ большой казематъ, то мѣста было довольно.

Были у насъ и гитары, и флейта, на которой игралъ Игельштромъ, а на чеканѣ—Розенъ и Фаленбергъ. Музыка вообще, особенно квартетная, гдѣ игрались піесы лучшихъ знаменитѣйшихъ композиторовъ, доставляла истинное наслажденіе и казематная наша жизнь много просвѣтлѣла. Вскорѣ разрѣшено было многимъ изъ товарищей выстроить небольшія комнаты на дворѣ большаго каземата. Такъ имѣли домики Никита Мих. Муравьевъ, Юшневскій, Вадковскій и другіе. Помню, что въ домикѣ Вадковскаго мы спѣвались къ свѣтлому воскресенью подъ руководствомъ регента нашего П. Н. Свистунова. Первая пасха по пріѣздѣ нашемъ была очень грустная. Заутреню служилъ приходскій священникъ, часовъ въ 7 вечера, въ одномъ отдѣленіи каземата, гдѣ мы сначала были помѣщены. Помню только, что тогда еще никого изъ дамъ не было и эта встрѣча свѣтлаго дня, далеко отъ милыхъ сердцу женъ и дѣтей, многихъ такъ разстроила, что они должны были удалиться, чтобъ скрыть свою слабость.

Когда мы были уже въ большомъ казематѣ, то къ намъ назначенъ былъ изъ Иркутска особенный протоіерей, который служилъ заутреню въ большой столовой залѣ, по возможности, довольно торжественно. На правомъ клиросѣ пѣли свои пѣвчіе подъ регентствомъ Свистунова и очень хорошо. Особенно хороша была музыка «Плотію уснувъ» на три голоса. Мотивъ остался тотъ же, но окончаніе было нѣсколько измѣнено. Тогда уже были наши благодѣтельныя милыя дамы, и слѣдовательно пасха прошла въ полномъ довольствѣ и очень пріятно. Въ церковь не пускали, кромѣ причастія, которое совершалось въ храмѣ только по постамъ, и тогда снимались оковы. По воскресеньямъ же у насъ устроено было религіозное чтеніе. Это маленькое религіозное общество вѣрующихъ и любящихъ Господа, собиралось въ одномъ уголку и чтеніе начиналось апостоломъ, потомъ читалось евангеліе, какая нибудь проповѣдь и кончалось главой изъ «Stunden der Andacht», т. е. «Часы Благоговѣнія» переводъ Андрея Евгеніевича Розена, который всегда читалъ ее самъ. Это маленькое общество тотчасъ было прозвано конгрегаціей. Оно состояло изъ Павла Серг. Пушкина, Мих. Мих. Нарышкина, Ник. Ал. Крюкова, Евг. Петр. Оболенскаго, Димитр. Иринарховича Завалишина, Ник. Вас. Басаргина, Одоевскаго, меня и брата, Шишкова, Мозголевскаго и другихъ, которыхъ не припомню, да кажется я и не забылъ никого. Иногда и непринадлежавшіе къ конгрегаціи заходили слушать. Эти воскресныя чтенія были весьма отрадны. Равнымъ образомъ 12-ть евангелей въ великій четвергъ тоже читалось Бобрищевымъ-Пушкинымъ.

Понятно, что въ обществѣ, состоявшемъ слишкомъ изъ ста человѣкъ, въ огромномъ большинствѣ изъ людей съ высокимъ образованіемъ, въ ходу были самыя разнообразныя, самыя занимательныя и самыя глубокомысленныя идеи. Безъ сомнѣнія, при умственныхъ столкновеніяхъ серьезныхъ людей первое мѣсто всегда почти занимали идеи религіозныя и философскія, такъ какъ тутъ много было невѣрующихъ, отвергавшихъ всякую религію; были и скромные скептики и систематически ярые матеріялисты, изучившіе этотъ предметъ по всѣмъ извѣстнымъ тогда и сильно распрбстраненнымъ уже философскимъ сочиненіямъ. Съ другой стороны стояли люди съ чистыми христіанскими убѣжденіями, также хорошо знакомые со всѣми источниками матеріялистическаго характера, обладавшіе и философскимъ знаніемъ, и знаніемъ исторіи какъ церковной, такъ и свѣтской. Конечно, начало этихъ преній имѣло поводомъ насмѣшечки надъ вѣрою, надъ соблюденіемъ праздниковъ, таинствъ, постовъ, надъ церковною обрядностью и т. д. Когда же противники, ознако-

мившись съ силами одинъ другаго, увидѣли, что не легко поколебать силу христіанскихъ доказательствъ, увидѣли, что религія Христа имѣетъ на своей сторонѣ не только исторію, но и здравую философію, то пренія оживились до того, что во всѣхъ уголкахъ нашихъ уже слышались разговоры религіозно-философическаго содержанія, какъ, пишетъ Гибонъ, было въ Константинополѣ, при появленіи Арія. Въ этой борьбѣ представители христіанства были Пав. Серг. Пушкинъ, Н. Крюковъ, Нарышкинъ, Оболенскій, Завалишинъ; много было и другихъ вѣрующихъ, но болѣе всѣхъ выдавался Пушкинъ, истинный и достойный поборникъ христіанства, какъ по своей прекрасной жизни, по силѣ своей вѣры, такъ и по силѣ своей логики. Главная борьба сосредоточивалась на происхожденіи человѣческаго слова. Матеріялисты проводили ту идею, что ското-человѣкъ, происшедшій тогда еще изъ глины, а теперь отъ обезьяны, силами матеріи, какъ и всѣ другія животныя, самъ изобрѣлъ языкъ, начавъ со звуковъ междомѣтія, составляя его изъ звуковъ односложныхъ, двухсложныхъ и т. д. Пушкинъ поддерживалъ, безъ сомнѣнія, сотвореніе человѣка непосредственно божественнымъ дѣйствіемъ, необходимымъ слѣдствіемъ чего было то, что человѣкъ получилъ даръ слова вмѣстѣ съ разумною душою въ тотъ моментъ, когда была она вдохнута въ него божественнымъ духомъ. Много доводовъ приводилось за и противъ этого сотворенія по откровенію и споры длились безконечно. При этомъ общемъ настроеніи Пушкинъ написалъ обширную статью о происхожденіи человѣческаго слова, которая была прочитана всѣми и признана всѣми, даже индиферентными, побѣдоносною, по силѣ логическихъ доводовъ и вѣрности историческихъ данныхъ. Но, конечно, она не могла еще убѣдить людей, привыкшихъ слѣдовать противуположнымъ идеямъ, и вотъ Барятинскій написалъ статью въ опроверженіе статьи Пушкина-Бобрищева на французскомъ языкѣ, вѣроятно потому, что онъ зналъ лучше французскій языкъ, нежели свой природный. Хотя и Барятинскій былъ очень умный и ученый человѣкъ, но опроверженіе его вышло слабое, что̀ подтвердили даже тѣ, которые раздѣляли его мнѣнія. Эти пренія на насъ съ братомъ, еще очень молодыхъ людей, имѣли сильное вліяніе. Вѣра наша возрасла вмѣстѣ съ разумными ея изслѣдованіями, а переводъ философической исторіи паденія римской имперіи Гибона окончательно утвердилъ насъ въ ней, не смотря на то, что Гибонъ былъ деистъ и смотрѣлъ критически на христіанскую религію. Факты, имъ излагаемые, съ добросовѣстнымъ указаніемъ источниковъ и приведеніемъ многихъ изъ нихъ въ выпискахъ, доказывали намъ неопровержимость этихъ фактовъ, потому что они свидѣтельствовались людьми въ высшей

степени чистыми и добродѣтельными, которые согласились бы скорѣе претерпѣть всевозможныя мученія, нежели осквернить уста свои ложью. Другіе же прочитавшіе Гибона и ставившіе его скептическія мнѣнія выше несомнѣнныхъ фактовъ, утвердились въ невѣріи и стали въ немъ фанатиками. Доказательствомъ этому можетъ служить то, что нѣкоторые фанатическіе противники христіанства, узнавъ, что мы опасались когда либо издать этотъ полный переводъ, не желая послужить заблужденію многихъ готовыхъ болѣе вѣрить на-слово прославленнымъ писателямъ, нежели откровенному слову и чистому разуму, рѣшились похитить у насъ этотъ переводъ, чтобы сберечь его до того времени, когда бы представилась возможность издать его. Въ этомъ намъ сознался одинъ изъ нихъ, когда онъ уже обратился къ вѣрѣ, доведенный почти до отчаянія страшными душевными страданіями и омраченіемъ. По обращеніи его, онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ какъ по вѣрѣ, такъ и добродѣтели. Это былъ Ив. Вас. Кирѣевъ, имѣвшій намѣреніе похитить переводъ Гибона съ Борисовымъ Петр. Ив. Они оба были артиллеристы и славные кроткіе люди, готовые на всякое добро, но въ Борисовѣ господствующею мыслью была та, что можно быть добродѣтельнымъ, отвергая Бога. Христіанство они считали робкою религіей, не зная, вѣроятно, и никогда не размышляя о словахъ Спасителя, что «всякій творящій грѣхъ есть рабъ грѣха и что истинная свобода есть возрожденіе человѣка въ христіанствѣ и только истинный христіанинъ истинно свободенъ, еслибъ и былъ даже въ рабствѣ наружномъ».

Кирѣевъ возвратился и умеръ въ Тулѣ христіанскою кончиною семьяниномъ, а Борисовы, оба брата, къ несчастію, сгорѣли въ Сибири на поселеніи; кажется, старшій сумасшедшій братъ зажегъ ихъ домъ.

Такъ въ трудахъ физическихъ и умственныхъ, въ пріятныхъ живыхъ бесѣдахъ, въ пѣніи, музыкѣ протекла наша затворническая жизнь. Шахматная игра также играла важную роль. Не смотря на заключеніе, эта жизнь имѣла такія сладостныя минуты, что и теперь при одномъ воспоминаніи сердце наполняется пріятными ощущеніями. Въ большомъ казематѣ тоже былъ устроенъ нами садикъ, т. е. посажены были деревья, сдѣланы дорожки, гдѣ мы прогуливались, вспоминая о минувшемъ или мечтая о будущемъ. У многихъ изъ насъ положено было непремѣнно дѣлать движеніе, т. е. ходить по нѣсколько часовъ—это для сбереженія здоровья. Всѣхъ аккуратнѣе въ этомъ былъ Евгеній Андр. Розенъ, котораго мы прозвали Кинофонъ-Кибургъ. Это былъ человѣкъ рыцарскаго характера, прямой, правдивый, всегда важный, серьозный и неуклонно точный въ испол-

ненiи всего, что у него положено было для каждаго часа. Онъ подверженъ былъ глазнымъ воспаленiямъ и въ это время начиналъ нюхать французскiй табакъ, который оттягивая отъ глазъ приливы, вскорѣ уничтожалъ болѣзнь, но далѣе онъ уже не позволялъ себѣ нюхать, считая прихотью эту привычку. По вечерамъ онъ обыкновенно игралъ на чеканѣ съ Фаленбергомъ и тоже только извѣстное время, оканчивая музыку тоже въ извѣстный часъ, положенный для этого развлеченiя. Шутники даже говорили, что у него положено было правило, какою рукою какую часть тѣла мыть въ банѣ [1]).

Къ частоколу въ разныхъ мѣстахъ виднѣлись дорожки, протоптанныя стопами нашихъ незабвенныхъ добрыхъ дамъ. Каждый день по нѣсколько разъ подходили онѣ къ скважинамъ, образуемымъ кривизнами частокола, чтобы поговорить съ мужьями, пожать имъ руки, можетъ быть погрустить вмѣстѣ, а можетъ быть и ободрить другъ друга въ перенесенiи наложеннаго тяжелаго креста. Сколько горячихъ поцѣлуевъ любви, преданности, благодарности безграничной уносили эти ручки, протянутыя сквозь частоколъ! Сколько, можетъ быть, слезъ упало изъ прекрасныхъ глазъ этихъ юныхъ страдалицъ на протоптанную тропинку. Всю прелесть, всю поэзiю этихъ посѣщенiй мы всѣ чувствовали сердцемъ; а нашъ милый поэтъ Ал. Ив. Одоевскiй воспѣлъ ихъ чудно-звучными и полными чувства стихами!

Для овощей намъ отведено было мѣсто подъ огородъ; огородникомъ былъ выбранъ П. С. Бобрищевъ-Пушкинъ.

Работали, т. е. копали, дѣлали гряды, сами ходя на работу по очереди, а нѣкоторые изъ ретивыхъ работниковъ, какъ Кюхельбекеръ и Загорѣцкiй, работали постоянно и дошли до того, что могли работать цѣлый день, наравнѣ съ нанятыми поденщиками. Конечно, для этого требовалось постепенно втянуться въ работу и прiучить свои мускулы къ труду, а потомъ это вошло въ привычку. Овощи были превосходные, такъ что нѣкоторые изъ нихъ, какъ-то: марковь, свекла, картофель и другiе доходили до огромныхъ размѣровъ.

Многiе занимались изученiемъ агрономiи по Тееру и другимъ писателямъ, а наши огородники приложили теорiю къ практикѣ.

Очень прiятны были для всѣхъ насъ лѣтомъ купанья въ р. Читѣ, для чего обыкновенно снимались кандалы. Прекрасная живописная рѣка, теплота воздуха, наслажденiе въ жару погрузиться въ про-

---

[1]) Баронъ Андрей Евгенiевичъ Розенъ родился 3-го ноября 1799 г., бодрый, энергическiй, съ свѣтлымъ умомъ и памятью онъ проводитъ время въ непрестанныхъ трудахъ, сочиняетъ, переводитъ... Ему принадлежатъ „Записки декабриста". Живетъ нынѣ на югѣ Россiи.

хладную влагу дѣлали и общее настроеніе веселымъ, и много случалось такого въ этихъ купаньяхъ, что производило общій хохотъ.

Такъ, однажды, Вл. Ив. Штейнгель просилъ Сер. Петр. Трубецкаго поучить его плавать; тотъ подложилъ подъ него руку и показывалъ какъ надо дѣйствовать руками и ногами, но въ это время какъ-то при движеніяхъ опустилъ руки, чтобы видѣть, держится ли онъ на водѣ, но Влад. Ивановичъ тотчасъ-же погрузился, хлебнулъ водицы, забарахтался, сильно испугался, и разсердился, что произвело общій смѣхъ въ тѣхъ, которые видѣли это, но конечно смѣхъ сдержанный,—не могъ же онъ думать, чтобъ такой серьезный человѣкъ, какъ Сергѣй Петровичъ, захотѣлъ подшутить надъ нимъ.

Не помню, сколько прошло лѣтъ, какъ мы носили цѣпи, но помню, что однажды приходитъ комендантъ и неожиданно объявляетъ намъ милостивое повелѣніе государя со всѣхъ насъ снять оковы. Кто повѣритъ, но скажу истину, намъ стало жаль этихъ оковъ, съ которыми мы уже свыклись въ теченіи этихъ 3-хъ, 4-хъ лѣтъ, и которыя все же были для насъ звучными свидѣтелями нашей любви къ отечеству, для блага котораго мы ложно считали дозволенными даже такія мѣры, какъ революція и кровопролитіе, но все же мы за него носили ихъ.

Не помню также хорошо, чрезъ сколько именно лѣтъ петровскій тюремный замокъ былъ готовъ и намъ объявленъ былъ походъ изъ Читы въ петровскій заводъ, гдѣ онъ былъ построенъ.

Походъ этотъ мы совершили пѣшкомъ. Насъ раздѣлили на двѣ партіи. Одну нашу первую велъ плацъ-маіоръ Лепарскій, племянникъ коменданта, а другую самъ комендантъ. При каждой партіи было до 30-ти подводъ подъ нашими пожитками, а на ночлегѣ выставлялось 10-ть войлочныхъ юртъ въ одинъ рядъ.

Противъ этого ряда поставлены были юрты для караульныхъ и начальствующихъ. Походъ этотъ былъ для насъ очень пріятнымъ развлеченіемъ неволи. Мы тутъ увидѣли снова тотъ просторъ, ту необъятную даль, уходящую за горизонтъ, ту даль, которая такъ манитъ своею таинственностью странника, особенно послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія, въ которомъ горизонтомъ былъ одинъ высокій частоколъ. Далеко простирающаяся дорога наша, исчезающая въ оврагахъ и снова выходящая на возвышеніяхъ, увлекала воображеніе въ какую-то обѣтованную землю, гдѣ какъ будто насъ ожидала тихая, спокойная жизнь среди радостей и наслажденій, отдыха въ милой и любящей семьѣ. Мы, дѣйствительно, пройдя 20 и 25-ть верстъ, отдыхали и тоже въ семьѣ, но только въ семьѣ своихъ друзей и товарищей, а не той семьи, которая оплакивала насъ уже нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ, а иные изъ нея уже почили, не увидѣвъ

своихъ дѣтей, мужей и братьевъ. Но все же очень пріятно было прійдти въ уютную юрту, разослать свои войлочныя постели, поставить самоваръ и вдоволь напившись чаю среди табачныхъ облаковъ при веселомъ говорѣ, шуткахъ и смѣхѣ, отдохнуть и потомъ, поужинавъ, заснуть крѣпчайшимъ сномъ. Въ деревняхъ и селахъ мы не останавливались и проходили мимо, въ юрты, разставленныя по близости. Выбранный нами хозяинъ, Анд. Евген. Розенъ, имѣлъ привиллегію ѣхать впередъ на подводѣ, чтобы закупить нужную провизію и потомъ изготовить ужинъ, а на дневкахъ и обѣдъ; кухня, тоже въ юртѣ, становилась позади нашихъ юртъ. При переходахъ пріятно было видѣть бѣлѣющія въ далекѣ церкви и разбросанныя около нихъ человѣческія жилища, гдѣ люди жили, трудились, горевали и радовались свободно по своему. Изъ Читы мы шли бурятскими степями; подводчики и провожатые наши тоже были буряты. Взводъ солдатъ шелъ впереди и взводъ позади партіи. При бурятахъ были ихъ зайсаны, очень щеголеватые и статные люди изъ ихъ дворянства. Буряты имѣютъ страсть къ шахматной игрѣ и на дневкахъ, около юртъ, всегда составлялись шахматныя партіи, окруженныя толпою азіатцевъ, слѣдившихъ съ величайшимъ интересомъ за игрой, нетерпѣливо высказывая играющимъ свои взгляды. Нѣкоторые изъ зайсановъ играли съ нами и играли такъ хорошо, что одинъ изъ нашихъ лучшихъ игроковъ Ник. Вас. Басаргинъ первую партію проигралъ. Нужно было видѣть общій восторгъ, когда буряты увидѣли своего побѣдителемъ. Впрочемъ, торжество ихъ продолжалось недолго. Басаргинъ, вѣроятно, первую игру игралъ небрежно, но когда увидалъ силу своего противника, то защипалъ свой усъ,—это была его привычка, и конечно сдѣлалъ ему матъ. Вообще говоря, азіятцы играли такъ, что могли играть съ хорошими игроками. Иногда случалось намъ располагаться гдѣ нибудь на берегу рѣчки подъ сѣнью осѣнявшихъ ее деревьевъ и тогда ночью, когда зажигались кругомъ костры, мы любовались фантастическимъ освѣщеніемъ листвы и проглядывавшей сквозь вѣтви рѣки, бѣлѣвшихся юртъ и темныхъ домовъ, за освѣщеннымъ оазисомъ.

Не смотря на переходъ въ 15-ть, 20-ть, а иногда и 25-ть верстъ, передъ сномъ многіе еще прохаживались взадъ и впередъ передъ юртами, другіе составляли сидящія и стоящія группы въ оживленныхъ разговорахъ, иногда прерываемыхъ смѣхомъ или какими нибудь возгласами. Это бодрствованіе ночью продолжалось, впрочемъ, на концѣ дневки, потому что выступали обыкновенно еще до солнечнаго восхода, слѣдовательно надо было запастись силами. Большая часть изъ насъ были военные и эти переходы многимъ изъ заслуженныхъ

нашихъ воиновъ напоминали ихъ боевые походы, а молодымъ—переходы и передвиженія маневровъ.

Между нами было много живописцевъ, обладавшихъ весьма серьезными дарованіями и потому походъ нашъ былъ изображенъ въ самыхъ живыхъ картинахъ, какъ въ движеніяхъ, такъ и въ стоянкѣ; хотя эти картины были въ маломъ масштабѣ; но онѣ были такъ талантливо набросаны, что всѣ лица были узнаваемы. У нѣкоторыхъ семействъ нашихъ товарищей сохранилось много этихъ видовъ, которыхъ мы собственно оставшіеся въ живыхъ до сихъ поръ не можемъ видѣть безъ особеннаго чувства. Уже болѣе полустолѣтія отдѣляетъ насъ отъ этого времени, а какъ живы въ памяти всѣ эти дорогіе образы! Все это было молодо, все весело, все полно стремленій къ высокимъ, хотя и утопическимъ идеаламъ человѣчества; его свобода, счастіе были во всѣхъ сердцахъ, за немногими можетъ быть исключеніями. Всѣ безотчетно чего-то ждали, на что-то надѣялись, тогда еще безъ малѣйшаго основанія, химерно, и однакожъ все почти теперь уже осуществилось и осуществляется тѣмъ, кто одинъ только имѣлъ право и обязанность осуществить эти мечты и кто такъ великодушно осуществилъ ихъ. Правъ былъ поэтъ, сказавъ: «не пропадетъ вашъ скорбный трудъ и душъ высокое стремленье».

Когда мы входили въ гор. Верхнеудинскъ, то множество любопытныхъ сопровождали насъ по городу, въ которомъ мы не останавливались. Когда мы подходили къ Торбогатаю, большому старообрядческому и очень богатому селенію, намъ навстрѣчу вышло пропасть народа. Здѣсь мы были расположены по квартирамъ очень большимъ и опрятнымъ. Всѣ эти старообрядческія селенія были очень богаты и имѣли большіе и хорошо устроенные дома и даже съ нѣкоторымъ крестьянскимъ комфортомъ. Между молодежью бо̀льшая часть уже оставила старовѣрческія вѣрованія, конечно, болѣе по равнодушію ко всякому вѣрованію, нежели по сознанію фальши въ ихъ отцовскихъ преданіяхъ, хотя и это они сознавали, но легко и поверхностно. Всѣ почти ку̀рили трубки, не смотря на то, что многимъ изъ нихъ доставалось отъ стариковъ. Впрочемъ, у этихъ раскольниковъ не замѣтно было того фанатизма и нетерпимости, какими отличаются закоренѣлые и невѣжественные раскольники въ Россіи. Многіе изъ людей богатыхъ выписывали и читали журналы и газеты, интересовались современностью и охотно входили въ религіозные разговоры съ многими изъ нашихъ, которые хорошо знали церковную исторію.

Торбогатайскіе старовѣры были отличные пахари. Земледѣліе было у нихъ въ самомъ цвѣтущемъ состояніи, а какъ ихъ мѣстность вообще гористая, то всѣ склоны горъ были воздѣланы съ большимъ

тщаніемъ, что насъ очень удивляло и радовало. Когда мы жили въ Петровскомъ острогѣ, то все хлѣбное продовольствіе намъ привозили изъ Торбогатая. Отсюда мы скоро уже достигли цѣли нашего путешествія.

Петровскій тюремный нашъ замокъ, какъ мы его называли, было огромное деревянное зданіе, выстроенное покоемъ, гдѣ было болѣе 60-ти номеровъ. Снаружи это сплошная стѣна, а внутри кругомъ зданія построена была свѣтлая галлерея съ большими окнами, раздѣленная на многія отдѣленія, которыя по галлереѣ отдѣлялись одно отъ другаго запертыми дверями и каждое имѣло свой выходъ на особый дворъ, обставленный частоколомъ. Мы были сильно озадачены, увидѣвъ, что комнаты наши или номера были совершенно безъ оконъ и свѣтъ проходилъ черезъ дверь, вверху которой были стекла. Но этотъ свѣтъ былъ такъ малъ, что при затворенной двери нельзя было читать. Когда наши благодѣтельныя дамы увидѣли эту постройку, онѣ пришли въ ужасъ. Такъ какъ комендантъ самъ не могъ ничего сдѣлать, то дамы наши тотчасъ же отправили въ Петербургъ письма, въ которыхъ поставили на видъ, что тюрьма эта лишитъ зрѣнія всѣхъ, имѣющихся въ ней содержаться. Такъ какъ въ кару, вѣроятно, не входило наше ослѣпленіе, то въ отвѣтъ на эти жалобы получено было разрѣшеніе сдѣлать по одному маленькому, въ одно звѣно, окну въ наружной стѣнѣ, и то пробито было сверху, такъ что смотрѣть изъ него можно было не иначе, какъ подставивъ столъ, съ полу же былъ видѣнъ клочекъ неба. Но и это было уже благодѣяніе, потому что зимой мы буквально были осуждены на тьму.

Въ нашемъ первомъ отдѣленіи 1-й номеръ былъ занятъ по росписанію Мих. Серг. Лунинымъ, 2-й былъ занятъ служителемъ и сторожемъ-солдатомъ, 3-й былъ занятъ мною и братомъ, затѣмъ 4-й — Вадковскимъ, 5-й — Сутгофомъ и Александромъ Муравьевымъ и 7-й, конечный, Ник. Мих. Муравьевымъ.

Во 2-мъ отдѣленіи помѣщались женатые; тутъ были Нарышкинъ, Трубецкой, Юшневскій, Волконскій; помню Волконскаго и Нарышкина, помню потому, что когда, по требованію коменданта, жены переходили въ казематы къ мужьямъ, то у Волконской былъ рояль, которая съ нею переносилась къ галлерею передъ номеромъ, и мы часто наслаждались пѣніемъ дуэтовъ Марьи Николаевны Волконской съ Елизаветой Петровной Нарышкиной, а иногда и скрипка Вадковскаго къ нимъ присоединялась. Кромѣ прелести двухъ пріятныхъ и музыкально-обработанныхъ голосовъ, оригинально было то, что эти звуки цивилизованнаго міра, звуки граціозной итальянской музыки раздавались въ глубинѣ каземата, почти на границахъ китайской имперіи. Тутъ черезъ дверь ве-

лись также разговоры, когда кто нибудь изъ дамъ относился къ кому нибудь изъ насъ; и тогда различныя позы вѣжливости, принимаемыя разговаривавшимъ лицемъ, насъ иногда очень смѣшили. Это я говорю о тѣхъ, которые не были коротко знакомы въ семействахъ нашихъ женатыхъ товарищей.

Это пребываніе въ казематахъ нашихъ милыхъ и чудныхъ дамъ продолжалось не долго, такъ какъ требовалось только для формы и затѣмъ снова возвращались въ свои дома, которые и здѣсь были заранѣе построены и мужья отпускались къ нимъ. Нельзя при этомъ не вспомнить добрымъ словомъ нашего добряка коменданта С. Р. Лепарскаго, который дѣлалъ все, что только не нарушало его прямыхъ обязанностей, а какъ на счетъ прямыхъ его обязанностей содержать насъ подъ карауломъ онъ могъ быть совершенно покоенъ, что никто изъ насъ уже не помышлялъ о какомъ нибудь бѣгствѣ, то онъ и давалъ волю своему доброму сердцу, облегчая нашу участь и особенно тѣхъ высокихъ существъ, которыя вчужѣ несли ту же казнь, какая постигла ихъ мужей и всѣхъ насъ.

Сверхъ тѣхъ дворовъ, которые принадлежали каждому отдѣленію, къ внѣшней сторонѣ замка или острога въ степь отведено было огромное мѣсто, тоже обставленное частоколомъ, для сада, который при мнѣ еще не былъ устроенъ, а въ мое время это мѣсто служило для прогулокъ лѣтомъ, а для зимы устроены были на высокихъ столбахъ въ 10-ть или 12-ть аршинъ горы, съ которыхъ катались на санкахъ, на лубкахъ, а другіе на конькахъ. Эти горы были устроены такъ, что одна была противъ другой, но въ нѣкоторомъ разстояніи, а между раскатами былъ устроенъ обширный катокъ для катающихся на конькахъ, который содержался въ большой исправности. Лѣтомъ съ высокихъ площадокъ этихъ горъ былъ довольно обширный видъ кругомъ на заводъ, на церковь и на ограничивавшую заводъ степную мѣстность съ пашнями и лугами. Отсюда мы могли участвовать въ богослуженіи Троицына дня, такъ какъ масса народа, не вмѣщавшаяся въ церкви, стояла вокругъ и намъ видно было когда они становились на колѣна, что указывало на послѣдовательность чтенія тѣхъ вдохновенныхъ молитвъ за все и за всѣхъ,—молитвъ, которыхъ нельзя слушать безъ слезъ умиленія и горячей любви къ Богу, всѣхъ призывающему къ своей дивной жизни чрезъ покаяніе, сокрушеніе о своихъ грѣхахъ и пріобрѣтеніе тѣхъ добродѣтелей, которыхъ требуетъ его святость.

За этимъ дворомъ возвышалась лѣсистая высота, на которой иногда видны были намъ посѣщавшіе коменданта, пріѣзжавшіе сановники.

Въ этомъ замкѣ въ серединѣ устроено было особое большое зда-

ніе для обширной кухни. Оно раздѣлялось на двѣ половины; въ одной были кухни, а въ другой большая зала для обѣда и для собраній, какъ по дѣламъ артелей, такъ и по другимъ совѣщаніямъ, касавшимся нашего хозяйственнаго и общественнаго порядка.

Въ этой залѣ происходили также публичныя чтенія изъ разныхъ отраслей знанія. Здѣсь читалъ математику по Франкеру Павелъ Сергѣевичъ Бобрищевъ-Пушкинъ, который былъ преподавателемъ еще въ муравьевскомъ училищѣ. Спиридовъ читалъ свои записки на исторію среднихъ вѣковъ, Оболенскій читалъ философію, Одоевскій курсъ, имъ составленный, русской словесности, съ самаго начала русской письменности и русскую грамматику его сочиненія. Сколько могу припомнить, Никита Михаиловичъ Муравьевъ и Рѣпинъ читали изъ военныхъ наукъ. Другіе читали свои переводы, въ томъ числѣ и мы съ братомъ, кажется, изъ краснаго морскаго разбойника; Петръ Александровичъ Мухановъ читалъ своего сочиненія повѣсть «Ходокъ по дѣламъ». Свои статьи читали и другіе, какъ-то: Басаргинъ, Николай Бестужевъ и еще не помню.

Это устроиство, такъ называемой въ шутку, академіи было самою счастливою мыслью достойно образованныхъ и серьезныхъ людей и она давала настоящую работу тѣмъ, которые принимали на себя чтеніе какого нибудь предмета. Тутъ также были прочтены нѣкоторыя пѣсни изъ поэмы «Василько» Одоевскаго и другія его стихотворенія, изъ коихъ нѣкоторыя и напечатаны.

Работы наши и здѣсь продолжались также на мельницѣ, точно въ такомъ же порядкѣ какъ и въ Читѣ, только такъ какъ насъ здѣсь было болѣе числомъ, то выходили па работу по очередно и по партіямъ, а не всѣ каждый день. Изъ всего этого видно, что заключеніе было весьма человѣколюбивое и великодушное; мы лишены были свободы; но кромѣ свободы мы не были ни въ чемъ стѣснены и имѣли все, что только образованный, развитой человѣкъ могъ желать для себя. Къ тому еще если прибавить, что въ этомъ замкѣ или острогѣ были собраны люди дѣйствительно высокой нравственности, добродѣтели и самоотверженія, и что тутъ было такъ много пищи для ума и сердца, то можно сказать, что заключеніе это было не только отрадно, но и служило истинной школой мудрости и добра. Сколько прекрасныхъ чистыхъ сердецъ билось тамъ самою нѣжною и симпатическою дружбою, сколько любви и высокихъ чувствъ хранилось въ этихъ стѣнахъ острога, — чувствъ, такъ рѣдко встрѣчающихся въ обществѣ счастливцевъ!

Немного уже насъ осталось изъ этого истиннаго братства!

Да воздастъ Господь всѣмъ отшедшимъ изъ этого міра въ своемъ дивномъ царствѣ за ихъ братскую чистую любовь!

Одно устройство артели, членами которой были всѣ, но основаніе которой составили одни люди со средствами, уже показываетъ изъ какихъ людей состояло это тюремное братство. Они столько отдавали въ пользу неимущихъ товарищей, что всѣ выѣзжавшіе на поселеніе снабжались крупными суммами изъ артели, чтобы пріѣхавши въ мѣста своего поселенія, въ мѣста самыя пустынныя и негостепріимныя, могъ имѣть каждый возможность устроить для себя покойный уголъ и кусокъ насущнаго хлѣба. Когда въ послѣдствіи всѣ мы разъѣхались и разсѣялись по разнымъ мѣстамъ Сибири, то и тогда такъ называемая «малая артель» изъ этихъ же благодѣтельныхъ людей, не переставала поддерживать бѣднѣйшихъ изъ товарищей заключенія, находившихся въ безпомощномъ состояніи и часто въ самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири.

Но вотъ наступилъ и часъ горькой, поистинѣ, разлуки.

Рожденіе великаго князя Михаила Николаевича было ознаменовано сокращеніемъ срока работъ и нашему 4-му разряду приходилось оставлять эту тюрьму, повидимому, мрачную, а на самомъ дѣлѣ не мрачную, а ярко освѣщенное вмѣстилище многаго прекраснаго, возвышеннаго и благороднаго. Тутъ мы разставались навсегда съ добрыми, преданными, истинными друзьями; тутъ мы разставались съ тѣми идеальными существами, которыя такъ много услаждали наше заключеніе и оставляли многихъ влачить еще нѣсколько лѣтъ эту жизнь заключенія.

Глава XIII.

Въ Сибири—на поселеніи.

Не помню всѣхъ подробностей нашего отправленія; но помню, что много саней было занято подъ насъ; помню также, что на первомъ ночлегѣ, когда всѣ мы улеглись по лавкамъ и по полу, насъ очень смѣшилъ Николай Ивановичъ Лореръ, приходившій въ нетерпѣніе отъ пѣнія пѣтуха, который привѣтствовалъ своихъ гостей изъ подъ печи самымъ громогласнымъ и торжественнымъ пѣніемъ. Помню также, на переѣздѣ чрезъ Байкалъ, въ одномъ мѣстѣ ледъ по нашей дорогѣ треснулъ и образовался довольно широкій каналъ. Всѣ ямщики перемѣнили свое направленіе и одни отправились на право искать, гдѣ трещина кончилась, а нашъ взялъ влѣво, но видя, что она идетъ далеко, онъ вдругъ поворотилъ назадъ

и отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе, поворотилъ и, сказавъ: «ну, теперь держитесь крѣпче», погналъ лошадей во весь духъ. Мы не успѣли еще сообразить, что онъ хочетъ дѣлать, какъ онъ уже перескочилъ со всею тройкою черезъ трещину. Это былъ истинный сальто-мортале. На берегу Байкала къ Иркутску была станція извѣстнаго тогда ямщика Анкудинова, очень богатаго человѣка. Онъ держалъ отличныхъ лошадей, которымъ давалъ овесъ безъ выгреба, поэтому лошади были сыты. Да это было и необходимо, такъ какъ обѣ станціи его были огромныя, одна черезъ Байкалъ верстъ на 50-тъ, а другая къ Иркутску въ 30-ть верстъ и еще станція по кругоморскому тракту. Онъ хвастался своими лошадьми и, дѣйствительно, было чѣмъ. Помню, что фельдъегерь, по фамиліи Подгорный, бравый молодой человѣкъ, привезшій къ намъ Ѳедора Ѳедоровича Вадковскаго и взявшій у насъ безподобнаго Александра Осип. Корниловича, погрозилъ ему по фельдъегерскому обычаю, въ случаѣ, если повезутъ его плохо; онъ запрягъ ему тройку страшныхъ звѣрей и самъ взялъ возжи, сказавъ фельдъегерю, чтобы онъ уже не говорилъ ему тише. Надо прибавить къ этому, что сибиряки-старожилы, вообще, какъ народъ свободный, богатый и независимый весьма горды и малѣйшая обида и угроза ихъ возмущаетъ. Въ наше время дорога къ Иркутску была лѣсомъ, не весьма широка и не пряма. Когда они тронулись, то лошади вдругъ подхватили и деревья только замелькали передъ глазами сѣдоковъ. Тутъ и лихой фельдъегерь струсилъ, тѣмъ болѣе, что онъ везъ Корниловича. Онъ имѣлъ обыкновеніе ѣхать стоя, опираясь на саблю, которая была страшной грозою для ямщиковъ, но тутъ онъ уже уцѣпился за сани обѣими руками и началъ кричать: «тише, тише, останови, держи», но ямщикъ отвѣчалъ: «теперь уже держись, баринъ, я и самъ ихъ не остановлю, только сидите смирно и крѣпче держитесь». Сильною и опытною рукою онъ правилъ своей тройкой, минуя деревья, выдававшіяся по дорогѣ, въ рытвинахъ всегда предупреждая ихъ и такимъ образомъ всю станцію сдѣлалъ, какъ намъ разсказывалъ самъ, въ часъ и много что въ полтора. Натрусился же и молодецъ фельдъегерь! Когда пріѣхали на станцію, ямщикъ, потирая ноздри своимъ скакунамъ, спросилъ: «Ну что, ваше благородіе, покойно вамъ было? Такъ въ другой разъ поѣдете, не грозите Анкудинову».

Берега Байкала очень высоки и лѣсисты. Когда мы любовались красотой береговъ, представляя себѣ, какъ они должны быть живописны весною, глаза наши встрѣчали на крутизнахъ дикихъ козъ, которыя съ огромной высоты безъ страха смотрѣли на насъ, не трогаясь съ мѣста. На берегу Байкала были поселены впослѣдствіи и нѣкоторые изъ нашихъ товарищей. Въ Иркутскѣ помню, что намъ

отвели очень просторную, свѣтлую и чистую квартиру. Тутъ насъ посѣтилъ ген.-губ. Лавинскій, весьма любезно разговаривалъ съ нами, но объявилъ, что по волѣ государя мы будемъ поселены по одиночкѣ; «это, впрочемъ, впослѣдствіи, сказалъ онъ, можетъ измѣниться, но теперь такъ приказано». Нашъ поэтъ Одоевскій былъ родственникомъ Лавинскому; онъ, вѣроятно, говорилъ ему о нашей взаимной дружбѣ и такъ вѣроятно заинтересовалъ его, что онъ приказалъ мнѣ написать коротенькую докладную записку, въ которой я просилъ его ходатайствовать предъ государемъ о переводѣ меня къ брату, такъ какъ я назначенъ былъ въ Илгинскій заводъ на Лену, а ему выпалъ жребій поселенія въ городъ Минусинскъ, прекрасное мѣсто на Енисеѣ. Къ намъ приходили нѣкоторыя лица или знакомые съ кѣмъ либо изъ родныхъ нашихъ товарищей, въ томъ числѣ кап.-лейт. Ник. Вукол. Головнинъ, мой товарищъ по выпуску. Онъ командовалъ Байкальской флотиліей. На другой день мы у него обѣдали и провели день очень пріятно между нѣкоторыми его подчиненными офицерами и другими гостями. Когда наступило время нашего отправленія, онъ прислалъ намъ цѣлый мѣшокъ сибирскихъ пильменей, которыхъ достало намъ съ Пушкинымъ на всю дорогу. Бобрищевъ-Пушкинъ ѣхалъ со мной до Верхо-Ленска, гдѣ былъ поселенъ; а я проѣхалъ далѣе до Илгинскаго завода. Выѣздъ нашъ былъ въ достопамятный для меня день кануна срѣтенія господня. Когда мы выѣхали изъ крѣпости, насъ провожали до заставы Головнинъ съ моимъ братомъ, гдѣ мы съ нимъ и простились. Конечно, разставаніе съ братомъ было очень грустное. Помнится, что слѣдующая за первою станціею было большое богатое село Аекъ, куда мы пріѣхали уже за полночь. Въ 4 часа ударили къ заутрени, и мы съ Пушкинымъ отправились въ церковь. Въ храмѣ, весьма богатомъ и благолѣпномъ, было пропасть народа. Служилъ священникъ, старецъ ста лѣтъ, но еще бодрый и съ глубокимъ чувствомъ произносившій всѣ служебные возгласы. Послѣ заутрени онъ подошелъ къ намъ, спросилъ насъ, откуда и куда мы ѣдемъ; узнавъ же, что мы ѣдемъ на поселеніе и нарочно остались ночевать, чтобы въ этотъ праздникъ быть у заутрени, онъ благословилъ насъ и сказалъ словами Спасителя: «Грядущаго ко мнѣ не изжену вонъ!» По возвращеніи на квартиру, мы распорядились отварить пильмени и съ большимъ аппетитомъ пообѣдали. Послѣ обѣда отправились далѣе. Такъ какъ мы съ Пушкинымъ были очень дружны и совершенно единомысленны въ вѣрѣ и въ чувствахъ, то путешествіе наше было очень пріятно.

Хотя мнѣ было очень грустно разстаться съ братомъ, съ которымъ мы были соединены нѣжнѣйшею дружбой, а теперь разстава-

лись, можетъ быть, очень надолго, если не навсегда; но полная всепреданность и покорность волѣ Божіей и полная увѣренность въ его милосердіи ко всѣмъ, призывающимъ его съ вѣрою и любовью, утѣшали меня. Къ тому же я надѣялся, что ему будетъ хорошо въ мѣстѣ его жительства, такъ какъ по слухамъ это было одно изъ лучшихъ мѣстъ въ числѣ назначенныхъ для нашего поселенія. Въ Верхо-Ленскѣ мы простились и съ Пушкинымъ, и мое одиночество внезапно охватило меня, такъ что скорбныя чувства уже были готовы овладѣть мною, но и тутъ вѣра и покорность Богу восторжествовали. Наконецъ, я доѣхалъ и до мѣста своего назначенія.

Въ Илгинскомъ заводѣ меня привезли къ управляющему заводомъ Вас. Тимоф. Павлинову. Онъ меня принялъ очень вѣжливо, приказалъ отвести мнѣ квартиру и просилъ навѣщать его. Жена его Ирина Ѳоковна была женщина чудной доброты и самаго кроткаго и тихаго характера. Сколько было въ ней любви и сожалѣнія къ несчастнымъ каторжникамъ, находившимся подъ вѣдѣніемъ ея мужа, и какъ много добра она дѣлала имъ! Отъ нея они получали рубашки, которыя сама шила и раздавала. Ни одинъ изъ нихъ не уходилъ съ ея двора, не получивъ пищи или одежды; она заботилась о больныхъ, помогала, какъ могла. За то и они всѣ очень любили и уважали ее; у нихъ былъ сынъ лѣтъ восьми и дочь Леночка лѣтъ двѣнадцати, необыкновенно милая и умная дѣвочка. Когда я сталъ съ ними заниматься преподаваніемъ французскаго языка, ариѳметики, исторіи и географіи, то ея прилежаніе и ея успѣхи изумляли меня. Она вовсе не была похожа на своихъ сверстницъ по возрасту; она такъ любила занятія и чтенія, что въ праздники, когда не было классовъ, скучала и когда я по вечерамъ приходилъ къ нимъ, то она сейчасъ садилась возлѣ меня и старалась что нибудь узнать изъ моихъ разговоровъ, задавая вопросы всегда болѣе серьезные, нежели дѣтскіе. Я къ этому ребенку привязался душой; она была для меня лучшимъ наслажденіемъ въ моемъ изгнаніи и истинною отрадою. Когда черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришло распоряженіе перевести меня изъ завода въ Балаганскую волость, на Ангарѣ, то мнѣ очень и очень грустно было разставаться съ этимъ семействомъ. Ирина Ѳоковна была отличная хозяйка; ея домъ былъ какъ полная чаша, и она снабжала меня въ изобиліи всякой провизіей и это съ самаго моего пріѣзда, почему я изъ благодарности и предложилъ имъ заниматься съ ихъ дѣтьми, отказавшись отъ платы, которую предлагали.

Илгинскій заводъ былъ расположенъ въ ущельѣ при небольшой рѣчкѣ изъ родниковъ. Это было огромное зданіе, день и ночь оглашаемое шумомъ и гамомъ. Иногда при-какой-то работѣ раздавалось

какое-то очень стройное пѣніе съ уханьемъ. Ночь онъ былъ весь освѣщенъ; паръ стоялъ надъ нимъ и искры выбрасывались изъ трубъ. Я нанялъ себѣ квартиру на одной полугорѣ, на противуположной сторонѣ ущелья, и эта мрачная, хотя величественная картина была безпрестанно передъ глазами. Рѣдкій день проходилъ, чтобъ на дворъ ко мнѣ передъ мои окна не являлись личности, возбуждавшія самыя горькія чувства. Это были несчастные оборванные, полуногіе, босые каторжники, которые проходя останавливались передъ окнами и безъ обычныхъ нищенскихъ выпрашиваній молча стояли до тѣхъ поръ, пока имъ не выдавалось что нибудь; тогда они безмолвно уходили. Это зрѣлище поражало меня въ сердце, особенно когда я увидѣлъ ихъ обнаженными въ страшный морозъ, но одинъ изъ ссыльныхъ, посѣщавшихъ меня, уже уволенный отъ работъ, объяснилъ мнѣ причины этихъ явленій. У рабочихъ была страсть къ игрѣ въ кости и тутъ они все проигрывали даже до рубашки. Посѣщавшій меня былъ урядникомъ донскаго войска; онъ былъ сосланъ за нанесеніе удара кіемъ одному офицеру, во время билліардной игры въ Новочеркаскѣ, отъ котораго тотъ умеръ. Ссора произошла въ игрѣ и хотя онъ не имѣлъ намѣренія его убить, но все же былъ осужденъ. Его знали и управляющій, и жена его за хорошаго человѣка. Онъ дѣлалъ многіе походы и разсказы его меня очень занимали.

Пріѣхавъ на населеніе, я былъ лишенъ утѣшенія посѣщать церковь, которая была въ 5-ти верстахъ отъ завода въ Знаменской слободѣ, а мнѣ не дозволялось никуда выѣзжать изъ завода. Я написалъ письмо къ графу Бенкендорфу, въ которомъ представлялъ ему свое религіозное настроеніе и просилъ о разрѣшеніи ѣздить въ Знаменскую слободу. Къ пасхѣ было получено это разрѣшеніе и мы съ управляющимъ отправились къ заутрени. Не могу описать того чувства духовнаго восторга, которое овладѣло мною при этой дивной заутрени. Уже протекло болѣе 7-ми лѣтъ, какъ я не слыхалъ въ храмѣ пѣнія «Христосъ Воскресе». И вотъ теперь, среди благоговѣйнаго собранія вѣрующихъ, я слышалъ эту дивную пѣснь, которую ангелы поютъ на небеси. Въ этотъ день и въ ночь у меня сильно болѣла голова и я почти больной поѣхалъ къ заутрени, такъ что войдя въ эту массу народа, мнѣ почти сдѣлалось дурно и я долженъ былъ выйдти изъ церкви. Но когда запѣли первый «Христосъ воскресе», то и я воскресъ съ его воскресеніемъ. Послѣ заутрени мы закусили до обѣдни въ домѣ священника, а послѣ обѣдни должны были у него же совершить разговѣнье; затѣмъ уѣхали домой. Передъ пасхой я говѣлъ и пріобщался св. тайнъ. Духовнымъ отцемъ моимъ былъ отецъ Петръ, священникъ одной церкви, къ приходу которой

заводъ былъ приписанъ. Это былъ истинный христіанинъ и истинный священникъ; онъ былъ человѣкъ пожилой, но очень живой и бодрый, еще стараго церковнаго воспитанія, то есть не былъ въ семинаріи, но былъ очень любознателенъ и развитъ. Онъ въ теченіи своей жизни собралъ очень порядочную библіотеку и очень любилъ читать; по апостольской же ревности своей и добродѣтелямъ былъ истиннымъ пастыремъ своихъ духовныхъ дѣтей. Онъ зналъ всѣхъ своихъ прихожанъ, часто посѣщалъ ихъ всѣхъ и всегда съ ласкою и назидательнымъ словомъ; а когда узнавалъ объ обращающихся на путь истины, то уже часто навѣщалъ ихъ и всегда съ евангеліемъ, которое читалъ имъ громко и затѣмъ объяснялъ, убѣждалъ и воспламенялъ въ нихъ любовь къ Господу и Искупителю. Я зналъ многихъ, которыхъ вся жизнь сдѣлалась вполнѣ христіанскою и между ними были нѣкоторые изъ поселенцевъ, такъ что общество этихъ людей, поистинѣ, напоминало первыхъ христіанъ по жизни, благочестію и ревности. Съ моимъ религіознымъ направленіемъ, какъ мнѣ пріятно было увидѣть тутъ подобіе первыхъ христіанъ съ тою же простотою сердца и чистыхъ нравовъ, съ тою же братскою любовью, съ тою же готовностью на всякое доброе дѣло и съ тѣмъ же бодрствованіемъ надъ своими внутренними движеніями; а въ этомъ только во всѣ вѣка, во всѣхъ народахъ и познаются истинные христіане, составляющіе истинную вселенскую апостольскую церковь. Одинъ изъ нихъ былъ старикъ поселенецъ и старушка его жена. По ихъ добрымъ дѣламъ и глубокому благочестію и ревности эта пара напоминала нѣсколько Прискиллу и Аккилу ап. Павла. Они были люди довольно зажиточные и никто изъ нуждавшихся не проходилъ мимо ихъ оконъ, чтобы они не помогли ему. Я у нихъ останавливался, пріѣзжая къ заутрени или послѣ пасхи ко всенощной, когда я и ночевалъ у нихъ. Единомысленные въ вѣрѣ скоро связываются узами христіанскаго братства, что̀ было и между нами. У меня было нѣсколько книгъ духовнаго содержанія, которыя я привозилъ съ собою и читалъ имъ. Тутъ былъ также одинъ казачій пятидесятникъ, въ паралель римскому сотнику; одинъ старецъ съ больными ногами, едва ходившій, но не смотря на это каждый годъ странствовавшій къ чудотворцу Иннокентію, котораго мощи почиваютъ въ монастырѣ около Иркутска. Тѣ, которые ходили съ нимъ на это богомолье, разсказывали мнѣ, что во время этого странничества онъ не только не отставалъ, а опережалъ другихъ изъ партіи. Еще одна дѣвица, отказавшаяся отъ замужества и совершенно посвятившая свою жизнь Богу и дѣламъ благочестія. При этомъ нельзя незамѣтить, какъ много значитъ такой духовный руководитель, какимъ былъ отецъ Петръ; никто изъ тѣхъ, которые посвятили себя слу-

женію Богу и благочестію не располагали, по крайней мѣрѣ въ мое время, удалиться изъ міра, а всѣ жили въ обществѣ и конечно много способствовали своимъ примѣромъ обращенію другихъ и поддержанію добрыхъ христіанскихъ нравовъ. Каждую ночь, по древнему обычаю, они зажигали свѣчи или лампады передъ образами и совершали свою полуночную молитву; утромъ же всѣ принимались за свои обычныя занятія. Очень оригинально было разсужденіе старушки, о которой я упоминалъ. По ея понятію, животное, закалываемое для пищи человѣка, этимъ самымъ удостаивается великой чести и, такъ сказать, радуется, служа для питанія человѣческаго тѣла, которое вмѣщаетъ въ себѣ безсмертную душу, созданную по образу и подобію Божію; дохлая же скотина дѣлается смрадною добычею звѣрей и собакъ. Отецъ Петръ, по окончаніи обѣдни выходя изъ церкви, всегда подавалъ милостыню нищимъ, но въ то же время всегда обращался къ нимъ съ назиданіемъ, представляя имъ страшный грѣхъ тунеядства и ложнаго нищенства, за которое постигнетъ ихъ гнѣвъ Божій, а истиннымъ нищимъ внушалъ, что принимая милостыню, они этимъ самымъ принимали на себя обязанность усердно молиться за благотворителя.

За строгость своихъ правилъ въ исполненіи его духовныхъ обязанностей о. Петръ нѣкоторыми былъ не любимъ. Такъ, однажды, во время говѣнія, въ день причастія онъ не хотѣлъ причастить св. тайнъ командовавшаго въ заводѣ гарнизонною ротою офицера, за то, что онъ пріѣхалъ уже послѣ заутрени. Когда тотъ сталъ ему возражать съ неудовольствіемъ за эту строгость, приводя какія-то причины, то онъ сказалъ: «въ такомъ случаѣ послушайте чтеніе заутрени», и приказалъ клирику тотчасъ же начать чтеніе. Словомъ, это былъ истинный и добрый пастырь своихъ овецъ и вполнѣ сознавалъ свою отвѣтственность передъ великимъ пастыреначальникомъ и Господомъ.

Когда уже разлилась Лена и всѣ рѣки, въ маѣ мѣсяцѣ, пришло повелѣніе, о которомъ я упоминалъ, перевести меня изъ завода въ Балаганскую волость на Ангарѣ. Это извѣстіе было для меня очень прискорбно, потому что мнѣ тутъ жить было очень пріятно. Искренняя пріязнь семейства Вас. Тимоф., его чудной жены, ихъ милыхъ любившихъ меня дѣтей, замѣнявшихъ мнѣ далекихъ родныхъ, чрезвычайно услаждала мою жизнь. Когда я заболѣлъ простудой, я никогда не забуду ихъ нѣжной заботливости обо мнѣ, ихъ участія и попеченія. Для служенія мнѣ дали мальчика лѣтъ двѣнадцати, котораго я училъ грамотѣ и, такъ сказать, воспитывалъ. Сначала онъ боялся спать одинъ въ ожиданіи моего возвращенія, а когда я внушилъ ему, что ему бояться не должно, такъ какъ мы всегда охраня-

ему Богомъ и его ангелъ невидимо находится съ нами, то этотъ 12-ти лѣтній мальчикъ съ такою вѣрою принялъ это внушеніе, что съ тѣхъ поръ всегда спалъ одинъ въ моей избѣ, которая была отдѣлена отъ хозяйскаго дома цѣлымъ дворомъ. Я рѣдко въ мою продолжительную жизнь встрѣчалъ дѣтей этого возраста, которые съ такою любовью учились и такъ усваивали наставленія. Я жилъ у одного раскольника, тоже отставнаго каторжника и также бывшаго донскаго казака, у котораго была жена тоже одного толка съ нимъ. Онъ былъ очень зажиточенъ, торговалъ омулями, былъ совершеннѣйшимъ типомъ нашихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ, исполняя по старинѣ всѣ обычаи старины и въ томъ числѣ непремѣнно каждую субботу ходилъ въ баню вмѣстѣ съ своею женою.

У меня было много духовныхъ книгъ, въ томъ числѣ большая библія, съ которою я не разставался и какъ онъ меня частенько навѣщалъ, то я часто съ нимъ разговаривалъ, иногда касаясь и ихъ заблужденій. Я ему разъяснилъ, что причина раскола есть невѣжество ихъ отцевъ, которые неправильно называли себя старовѣрами, ибо исправленныя церковныя и богослужебныя книги были исправлены по тѣмъ первоначальнымъ богослужебнымъ книгамъ, которыя мы получили отъ грековъ вмѣстѣ съ христіанскою вѣрою и которыя были принесены первыми проповѣдниками. Онъ помалчивалъ, иногда поддакивалъ, но не знаю, соглашался или нѣтъ. Однажды онъ, прійдя ко мнѣ, сказалъ: «вотъ я вижу, ты человѣкъ ученый, у тебя много и книгъ, скажи-ка, правда ли то, какъ насъ учили о табакѣ, что когда Господь сотворилъ міръ, то дьяволъ сказалъ ему: «вотъ, Господи, ты все сотворилъ, дай и мнѣ хоть что нибудь сдѣлать». Господь позволилъ и онъ воткнулъ въ землю палку и изъ нея выросъ табакъ». Тутъ я взялъ библію и прочелъ ему всѣ шесть дней творенія. Онъ задумался, а я сказалъ: «вотъ видишь, какъ васъ обманываютъ и конечно по внушенію того же дьявола; ну гдѣ тутъ говорится о табакѣ?» На это онъ указалъ, что гдѣ-то апостолъ говоритъ о зломъ корнѣ, это-то и есть табакъ. Я ему прочелъ то мѣсто посланія къ евреямъ, гдѣ говорится объ этомъ и старался объяснить ему, что не должно брать отдѣльно какое нибудь слово, а надо взять вмѣстѣ всѣ слова наставленія апостола, который говоритъ: «наблюдайте, чтобъ кто не отпалъ отъ благодати божьей»; вотъ о чемъ говоритъ апостолъ, что бы между вами не возникъ какой нибудь горькіе корень и тутъ же прибавляетъ, чтобъ не было у васъ какого блудника или нечестивца,—вотъ что значитъ горькій корень. Во времена апостоловъ еще не знали и не слыхали о табакѣ, то какже онъ могъ говорить о немъ? Онъ задумался, но не сказалъ ни

слова. Жена его была славная, добрая старушка, очень ласкала моего Ивана и хорошо его кормила. Она и мнѣ тоже готовила кушанье и очень вкусно, а главное опрятно. Когда я былъ боленъ, случилось, что каша у нея въ печи вышла изъ горшка и стала возлѣ; изъ этого она заключила, что я должно быть умру.

Въ заводѣ жила на квартирѣ также осужденная въ работы, но конечно никогда не работавшая полковница, (въ Сибири вообще осужденные въ работы дворяне освобождаются отъ нихъ, а только числятся), сколько помню, по фамиліи Полянская, Прасковья Андреевна. Какъ она разсказывала, то была невинною жертвой преступленія своего мужа, который былъ изобличенъ въ дѣланіи фальшивыхъ ассигнацій. Она уже очень давно была въ Сибири, жила сначала съ мужемъ, а потомъ одна и часто переводилась изъ одного мѣста въ другое. Она жила въ селеніи, расположенномъ въ два ряда по ущелью, которое было выстроено и заселено отставными каторжниками и ихъ семействами. Освобожденные до срока или по ихъ неспособности, или болѣзни, или за хорошее поведеніе они жили своими домами, занимались хлѣбопашествомъ, а нѣкоторые торговлей; у нея была очень чистенькая, свѣтленькая квартира изъ трехъ комнатъ. Она не утратила своихъ дворянскихъ привычекъ и потому вся обстановка ея квартиры была очень прилична, хотя и проста. Въ заводѣ много разныхъ мастеровыхъ и потому за деньги можно все имѣть. Дочь хозяина, котораго семья жила въ другой половинѣ, дѣвушка прислуживала ей. Она бывала также и у Ирины Ѳоковны, которая поддерживала ее и снабжала всѣмъ. Это была женщина очень умная и какъ принадлежавшая къ небѣдному классу дворянъ (у нея было 200 душъ), то и въ образованіи была представительницей дворянскихъ дамъ наиболѣе развитыхъ. Я ее часто посѣщалъ и какъ она была очень религіозна, читала много св. писанія, то ея сообщество было для меня очень пріятно, тѣмъ болѣе, что она всегда встрѣчала меня съ особеннымъ радушіемъ и любовью. Задачей своей жизни она поставила возможное обращеніе на путь истины заблудшихся сектантовъ, которыхъ тамъ было много. Между ними особеннаго вниманія заслуживалъ одинъ молоканъ-субботникъ. Это былъ фанатикъ въ полномъ значеніи слова. Онъ и сосланъ былъ за то, что растопталъ ногами образъ Богородицы. Онъ ненавидѣлъ христіанство вообще и особенно не могъ слышать преблагословеннаго имени Іисуса Христа. Когда она пробовала обратить его ко Христу, то онъ сказалъ ей: «не говорите мнѣ объ этомъ имени, я не могу слышать его, у меня вся внутренность поворачивается», такъ что въ этомъ она уже отчаялась, какъ говорила мнѣ. Онъ сталъ посѣщать также и

меня и просилъ книгъ. У меня были съ собою бесѣды митрополита Михаила. Я сказалъ ему: «если хочешь, вотъ какія у меня книги». Первый томъ съ портретомъ преосвященнаго онъ не взялъ, а взялъ другой. Когда я съ нимъ покороче познакомился, то увидѣлъ, что это былъ человѣкъ недюжинный, а весьма развитой. Онъ пропасть читалъ, зналъ даже Лока, Декарта, Бекона. Кромѣ русскаго, другихъ языковъ онъ не зналъ. Когда я выразилъ ему мое удивленіе на это, онъ сказалъ: «читалъ я все это, но это философія». Эта философія не отвлекла его отъ библіи, которую онъ толковалъ въ іудейскомъ смыслѣ. По седмицамъ Даніиловымъ онъ выводилъ заключенія къ настоящему времени. Какъ видно, онъ начитался толмудистскихъ толкованій и другихъ іудейскихъ мудрецовъ. Михаилъ у него, какъ кажется, означало воцареніе истины, и все въ этомъ родѣ. Я хотя самъ тогда не былъ очень силенъ въ писаніяхъ св. отцевъ, но все таки настолько зналъ ихъ, чтобы противопоставить ему ихъ истинное толкованіе; но тогда въ это короткое время это толкованіе было безуспѣшно. Внѣ его фанатизма, который не поддавался ни на какую уступку, это былъ человѣкъ съ прекрасными качествами. Много дѣлалъ добра нуждающимся, былъ очень кротокъ, строго нравственной жизни, такъ что я хотѣлъ было дѣйствовать на него, затронувъ струну его сердца, дѣйствовать на его добрыя и кроткія чувства. Я старался представить передъ его глазами божественный образъ Спасителя въ тѣхъ его чертахъ, гдѣ такъ ясно и такъ увлекательно выражается бездна его любви къ человѣчеству, его кротость, его благость и снисходительность къ людямъ грѣшнымъ, его готовность всегда принимать кающихся и проч. Онъ слушалъ молча; видно, что эти черты на него дѣйствовали, но потомъ вдругъ сказалъ: «ахъ, Александръ Петровичъ, вы не знаете.... но я не могу вамъ сказать всего того, что я...»; онъ махнулъ рукой, не досказавъ слова. Но я понялъ, что онъ подразумѣвалъ какое нибудь видѣніе, которое принялъ за откровеніе свыше. На это я сказалъ ему: «любезный другъ, вѣдь сатана иногда принимаетъ видъ и свѣтлаго ангела»; онъ ничего не сказалъ и ушелъ. Мнѣ душевно было жаль этого человѣка.

Можетъ быть, Господь за его добрыя дѣла и привлечетъ его къ себѣ. Еслибъ онъ встрѣтился съ человѣкомъ образованнымъ и въ то же время твердымъ и просвѣщеннымъ христіаниномъ, который бы заставилъ его полюбить себя, то думаю, можетъ быть, онъ обратился бы. Онъ имѣлъ свой домъ, табачную лавочку и снабжалъ всѣхъ нюхательнымъ табакомъ и въ томъ числѣ Палагею Андреевну.

Когда извѣстіе о моемъ отъѣздѣ распространилось между рабочими завода, то интересно привести одно психическое явленіе, ко-

торое доказываетъ, что нѣтъ человѣка, у котораго не сказывался бы тотъ внутренній голосъ, который вложилъ Творецъ въ сердце каждаго человѣка,—только человѣка изъ всѣхъ живущихъ тварей, какъ существа разумнаго. Возбудить этотъ голосъ совѣсти въ падшемъ преступникѣ—вотъ благородная задача правителей! Мнѣ предстояла дорога горами и лѣсомъ на колесахъ или плыть Леной. Дорога лѣсомъ была небезопасна, такъ какъ тамъ кочевали обыкновенно бѣглые съ завода и могли напасть и ограбить; но вотъ приходитъ ко мнѣ мой пріятель урядникъ и разсказываетъ, что вчера въ обществѣ каторжниковъ постановлено было сообщить всѣмъ и дать знать, что если я поѣду горами и кто нибудь изъ нихъ тронетъ меня, то съ нимъ расправятся своимъ собственнымъ судомъ и это за какой нибудь кусокъ холста и рубашку или какую нибудь копѣйку! И это въ средѣ отверженныхъ, глубокоразвращенныхъ людей! Если же въ сердцѣ есть благодарность, это дитя любви, то это сердце, при благомъ воздѣйствіи на него слова любви, можетъ скоро украситься многими добродѣтелями и возвратить утраченное добро. Повторяю, вотъ задача правителей!

Послѣ многихъ разсужденій рѣшено было, что мнѣ покойнѣе будетъ плыть Леной. Распростившись со своими знакомыми и съ сердечнымъ чувствомъ сожалѣнія съ милымъ семействомъ, которое было истинною отрадою въ моемъ изгнанническомъ одиночествѣ, и съ милой ученицей моей, я былъ душевно растроганъ, такъ какъ видѣлъ, что и они раздѣляли мое чувство. Ученица моя сдѣлала такіе успѣхи, что отецъ не хотѣлъ оставить неоконченнымъ начатое развитіе и хотѣлъ помѣстить ее куда нибудь въ Москвѣ, что̀ потомъ и исполнилъ, какъ писалъ мнѣ въ Минусинскъ. Мы сѣли въ тарантасъ съ Вас. Тимоф., который взялъ и сына своего проводить меня и отправить къ пристани. Тутъ уже была готова большая лодка съ гребцами и мы отплыли.

Днемъ наше плаваніе было очень пріятно.

Лѣвый берегъ Лены составляютъ высокія горы, одѣтыя лѣсомъ, чрезвычайно живописныя, такъ что я, любитель природы, съ восторгомъ любовался чудной картиной гигантской рѣки съ ея величественными, хотя и дикими берегами. Правый берегъ имѣлъ бичевникъ, и лодку нашу влекли довольно быстро двѣ лошади, которыя смѣнялись по станціямъ. Когда же наступали вечера, то необъятныя тучи комаровъ какъ пологъ закрывали лодку, такъ что не было возможности дышать. Это была истинная пытка для меня. Рабочіе всѣ были вымазаны дегтемъ, да и все это народъ былъ привычный къ этимъ неудобствамъ мѣстности, но я рѣшительно не зналъ куда дѣваться.

Мнѣ дали съ собою огромный пологъ, подъ которымъ я и скрывался ночью; отъ духоты сонъ мой былъ очень плохой. На третій день нашего плаванія мы увидѣли скачущаго по горному берегу тропинкой, на огромной высотѣ, казачьяго урядника, съ сумкой черезъ плечо, въ сопровожденіи казака и еще провожатыхъ. Мнѣ сказали, что это нарочный изъ Иркутска, такъ какъ это былъ обычный способъ отправленія правительственныхъ депешъ, а такъ какъ я ожидалъ своего перевода въ Минусинскъ къ брату, то что-то внутри меня сказало, что урядникъ везетъ высочайшее повелѣніе. Это такъ и было. Только что мы остановились обѣдать и я велѣлъ сварить себѣ уху изъ великолѣпнаго налима съ молòками и принялся обѣдать, какъ вошелъ пріѣхавшій урядникъ и передалъ провожавшему меня депешу, гдѣ повелѣвалось довезти меня до Верхоленска, а тамъ взять П. С. Бобрищева-Пушкина и ѣхать вмѣстѣ въ Иркутскъ, такъ какъ государь соизволилъ перевести меня къ брату въ Минусинскъ, а Бобрищева-Пушкина къ брату же его въ Красноярскъ.

Я былъ въ восторгѣ и изъ глубины души возблагодарилъ великодушнаго государя. Въ тѣхъ обстоятельствахъ жизни, въ какихъ мы находились, всякое добро, всякое снисхожденіе, намъ оказанное, возбуждали въ сердцѣ чувство глубокой благодарности. Оно и понятно: мы были лишены всѣхъ правъ, насъ можно было терзать, уничтожать, лишить даже того, что потребно для жизни и дыханія. И когда въ этомъ безвыходномъ положеніи вамъ оказываютъ уваженіе, вниманіе, пріязнь, стараются заставить васъ позабыть о томъ, что вы уже не въ томъ положеніи, въ какомъ были прежде, и что для всѣхъ окружающихъ васъ какъ будто этимъ несчастіемъ стали еще выше, когда, говорю, видимъ на себѣ все это, понятно, что сердце такъ умягчается, наполняется такою любовью къ людямъ, что кажется, будто оно прежде не чувствовало такъ сильно, не могло такъ любить, какъ теперь. Несчастливцу надо немного, чтобы сдѣлать его счастливымъ. Вотъ поданная рубаха обнаженному, хотя бы и игрою въ кости, но отъ этого не менѣе страдающему отъ холода; кусокъ хлѣба голодному, слово утѣшенія угнетенному скорбію,—какія благородныя чувства благодарности породили въ каторжникахъ и какъ смягчили ихъ черствыя чувства!

Узнавъ о великодушномъ разрѣшеніи государя соединить меня съ братомъ, я уже былъ счастливъ, хотя все же это была тоже ссылка, тоже положеніе внѣ закона, но я былъ веселъ, доволенъ; я былъ счастливъ въ самомъ несчастіи.

Въ Верхоленскъ мы приплыли послѣ сильной грозы и намъ разсказывали, что въ эту грозу рыбака на рѣкѣ убило молніей. При вы-

ходѣ изъ судна мнѣ показали квартиру Бобрищева-Пушкина, куда я и отправился; крѣпко мы обнялись съ нимъ и отъ сердца возблагодарили Господа. Пушкинъ своею вѣрою и истинно христіанскою жизнью вполнѣ уподоблялся первымъ христіанамъ. Онъ еще въ нашемъ заключеніи велъ жизнь по образцу первыхъ христіанъ. Такъ, онъ недѣлю работалъ (я уже упомянулъ прежде, что онъ былъ отличный закройщикъ, портной и превосходный столяръ), въ субботу же въ вечерню онъ складывалъ всѣ свои орудія, зажигалъ лампадку передъ образомъ и занимался чтеніемъ библіи и другихъ религіозныхъ книгъ, или благочестивою бесѣдою, или молитвой. Онъ, какъ между нами, былъ твердымъ и побѣдоноснымъ поборникомъ вѣры во Христа и его ревностнымъ ученикомъ, такъ онъ жилъ и здѣсь, дѣлая добро, ухаживая за больными, помогая, чѣмъ могъ, нуждающимся, бесѣдуя о царствіи божіемъ и, вѣроятно, эта жизнь его была плодотворна, потому что когда мы ѣхали улицей большаго села, то насъ постоянно останавливали выбѣгавшіе изъ домовъ жители и прощались съ нимъ горячими объятіями. Всѣ почти плакали, разставаясь съ нимъ. Образцемъ его христіанскаго смиренія служитъ слѣдующій разсказъ. Онъ не пропускалъ ни одной божественной службы, какъ прежде еще въ казематѣ привыкъ читать при служеніи, то и здѣсь онъ читалъ на крылосѣ. Такъ какъ онъ хорошо читалъ и внятно, то священникъ всегда поручалъ ему чтеніе, особенно великимъ постомъ, когда много чтенія при богослуженіи. Эта привилегія не понравилась одному дьячку, потому ли, что имъ овладѣла зависть за это предпочтеніе; было ли ему унизительно,—только онъ сталъ питать вражду противъ Пушкина и старался ему вредить какъ только могъ. Пушкинъ съ радостью бы перенесъ всѣ эти навѣты и клеветы, но его сокрушало дурное и опасное состояніе ближняго, и вотъ, вспомнивъ божеств. слова Спасителя: «добромъ побѣждайте всякое зло», онъ во время говѣнья, передъ исповѣдью, нашелъ его гдѣ-то и упалъ къ нему въ ноги, прося простить его и не питать на него злобы. Онъ вспомнилъ, что Христосъ велѣлъ оставить даръ свой предъ алтаремъ и прежде примириться съ братомъ, если онъ имѣетъ нѣчто на тебя. Врагъ его, зная, что, Бобрищевъ-Пушкинъ человѣкъ благороднаго рода, «нѣжнаго», какъ народъ выражается, воспитанія, умный, ученый кланяется ему въ ноги, былъ такъ пораженъ этимъ смиреніемъ и побѣжденъ, что съ этой минуты до самаго отъѣзда Пушкина былъ искренно ему преданъ.

Пріѣхавши вмѣстѣ съ нимъ въ Верхоленскъ, мы теперь съ нимъ ѣхали и обратно, но теперь съ чувствомъ болѣе отраднымъ. Я ѣхалъ къ брату моему и другу въ Минусинскъ, областной городъ на Ени-

сеѣ, который славился въ Сибири хорошимъ климатомъ, гдѣ даже на бахчахъ росли и дозрѣвали арбузы и дыни, хотя не крупные. Тамъ еще прежде насъ былъ поселенъ нашъ товарищъ изъ нижняго разряда Сер. Ив. Кривцовъ, въ то время уже опредѣленный на Кавказъ; Бобрищевъ-Пушкинъ ѣхалъ въ Красноярскъ, губернскій городъ, гдѣ могъ найти образованное общество, гдѣ уже былъ одинъ изъ нашихъ товарищей Семенъ Григ. Краснокутскій, бывшій оберъ-прокуроръ сената, разбитый параличемъ и невладѣвшій ногами; онъ былъ сосланъ просто на поселеніе. Правда, что радость Пушкина была отравлена; онъ просился туда, чтобы взять на свое попеченіе сумасшедшаго своего брата, лишившагося разсудка въ отдаленной ссылкѣ и переведеннаго въ Красноярскъ для пользованія, но все же онъ могъ облегчить его положеніе и могъ надѣяться привести его въ сознаніе. Теперь мы ѣхали лѣтомъ, когда природа представлялась намъ во всей своей красотѣ, съ самыми разнообразными живописными видами. По дорогѣ вездѣ виднѣлись богатыя села съ двухъ этажными домами, окна которыхъ съ занавѣсками были уставлены цвѣтами и другими растеніями. Въ такихъ селахъ пріятно было остановиться. Чистота образцовая вездѣ. Въ дверахъ, въ симетрическомъ порядкѣ, разставлены были земледѣльческія орудія, телѣги, бороны, плуги, сбруя— все это подъ тесовыми навѣсами; конюшни полныя лошадьми, превосходно содержимыми. Это довольство, лучше сказать, богатство и благоустройство поражали и восхищали насъ, и когда мы сдѣлали сравненіе съ нашими помѣщичьими селеніями, съ ихъ курными избами, бѣдностью, неопрятностью, забитымъ населеніемъ, то это сравненіе было очень грустно. Правда, что благоденствію много способствовали страшный просторъ, дѣвственная почва, огромные лѣса, безчисленные стада крупнаго и мелкаго скота, табуны лошадей, но все же свобода сибиряковъ, никогда не знавшихъ крѣпостнаго права, свободный трудъ болѣе всего способствовали ихъ процвѣтанію.

Когда я видѣлъ Наслѣдника в. к. Александра Николаевича [нынѣ, 1878 г., царствующаго Государя Императора] еще мальчикомъ, катавшимся за Нарвской заставой въ 1824-мъ году, на Камчатскихъ собакахъ, могли ли мы думать тогда, что этотъ царственный отрокъ, на нашихъ глазахъ рожденный и возраставшій, еще при нашей жизни совершитъ великое дѣло обновленія отечества, исполнитъ нашу завѣтную мечту, которую мы хотѣли осуществить революціей, мятежами и кровопролитіемъ! Могли-ли мы думать, что онъ совершитъ это возрожденіе движимый однѣми высокими побужденіями своего сердца, въ которомъ, по выраженію апостола, не тѣсно помѣщается весь его многомилліонный народъ, что онъ освободитъ не только свой русскій на-

родъ, но и всѣ иноплеменные народы, подвластные Россіи и даже тамъ уничтожить неволю, гдѣ невольничество досягало почти временъ доисторическихъ, какъ въ Бухарѣ. Какая революція могла бы совершить безъ потоковъ крови то, что совершилъ божественною благостію вознесенный и увѣнчанный царь! Не чудо ли это божественнаго всемогущества и милосердія? Въ нѣсколько дней совершить то, чего другіе или, лучше сказать, всѣ народы достигали многія столѣтія и достигали страшными потрясеніями, злодѣяніями, бѣдствіями, извращеніемъ человѣческаго разума, отрицаніемъ Бога и всего святаго! Онъ осѣнилъ себя всесильнымъ знаменіемъ креста, которымъ осѣнить себя воззвалъ и народъ свой, и Господь не постыдилъ его вѣры и его упованія! Россія возрождена, путь къ добру, правдѣ и счастію указанъ и проложенъ! О если-бы мы всѣ русскіе шли этимъ путемъ вѣры въ Господа нашего Іисуса Христа подъ водительствомъ огненнаго столпа нашей православной апостольской церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины и исполняли-бы заповѣди его, каждый на томъ мѣстѣ, гдѣ поставленъ, а не слѣдовали-бы чуждымъ намъ ученіямъ ложнаго мудрствованія и безбожія, — то какое благоденствіе водворилось бы между нами!

Пріѣхавъ въ Иркутскъ, мы пробыли тутъ нѣсколько дней; помню, что были у губернатора Цейдлера, гдѣ обѣдали вмѣстѣ съ капитаномъ Головнинымъ. Тутъ я опять встрѣтился съ моимъ товарищемъ капитаномъ Ник. Вик. Головнинымъ, начальникомъ тамошней флотиліи, который каждый день присылалъ за нами къ обѣду свой экипажъ и мы проводили у него цѣлый день. Если онъ еще живъ, то да приметъ свидѣтельство сердечной благодарности стараго товарища и однокашника. Благородный, прямодушный, честный морякъ и не могъ поступить иначе съ товарищемъ и другомъ въ несчастіи; но какъ не всѣ имѣли тогда мужество принять съ отверстыми объятіями политическаго преступника, хотя и товарища, а иногда и роднаго, страшась навлечь на себя гнѣвъ царя, передъ которымъ немногіе не трепетали, то это дѣйствіе моего товарища и друга показываетъ, какими высокими благородными качествами онъ обладалъ.

Распростившись съ добрымъ другомъ, мы отправились въ Красноярскъ и на пути остановились въ Илгинской казенной фабрикѣ у добраго друга нашего, поэта и товарища А. И. Одоевскаго. Недолго пробывъ у него, мы съ нимъ разстались и для этой жизни и навсегда, потому что болѣе уже не видались. Онъ умеръ отъ тифозной горячки на Кавказѣ, куда былъ опредѣленъ вмѣстѣ съ другими по ходатайству бывшаго тогда Наслѣдникомъ, нынѣ (1878 г.) славно-

царствующаго Государя-Освободителя. Въ Красноярскѣ мы посѣтили Сем. Григ. Краснокутскаго, у котораго съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ и пробыли весь этотъ день. Онъ поселился на квартирѣ, взявъ къ себѣ своего брата, который не былъ совершенно сумасшедшимъ, а только помѣшаннымъ, все и всѣхъ узнавалъ. Затѣмъ, простившись съ Бобрищевымъ-Пушкинымъ и Краснокутскимъ, я уже одинъ отправился въ Минусинскъ къ брату, куда и пріѣхалъ дня черезъ два или три.

А. П. Бѣляевъ.

Москва.
1878 г.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

VII [1]).

1828—1829.

Въ 1827 г., какъ извѣстно, между Россіей и Турціей была заключена въ Аккерманѣ конвенція объ исполненіи Турціей многихъ неисполненныхъ ею условій Кучукъ-Кайнарджійскаго, Ясскаго и Букарештскаго мирныхъ договоровъ съ Россіей. Но, по заключеніи Аккерманской конвенціи, султанъ Махмудъ, раздраженный истребленіемъ флота его въ морскомъ бою при Наваринѣ, 8-го октября 1827 г., явно провозглашалъ, что Аккерманскими переговорами хотѣлъ только выиграть время и собраться съ силами, но заранѣе положилъ не исполнять условій этихъ переговоровъ. Вслѣдствіе того, Россія объявила Турціи войну, и войска 2-й арміи, а за ними и другія 1-й арміи, были двинуты въ Бессарабію, къ нижнему Дунаю. Большая часть гвардіи была также назначена идти туда же весною 1828 г., и съ самаго начала его, въ ней производились дѣятельныя приготовленія къ походу. Въ этотъ походъ назначены были: 1-е и 2-е баталіоны 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, л.-г. саперный баталіонъ, гвардейскій экипажъ, вся легкая гвардейская кавалерійская дивизія, л.-г. 1-я и 2-я артиллерійскія бригады, л.-г. конной артиллеріи батарейная и легкая N⁰ 1 батареи, л.-г. конноціонерный эскадронъ и л.-г. сводный казачій полкъ, всего въ усиленномъ составѣ около 24,000 ч. Командиръ гвардейскаго корпуса, В. К. Михаилъ Павловичъ имѣлъ отправиться весною прямо въ Валахію и принять начальствованіе

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890; изд. 1881 г., т. XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ), стр. 519—526.

надъ корпусомъ войскъ, назначеннымъ для осады турецкой крѣпости Браилова. Вмѣсто него, гвардейскій корпусъ долженъ былъ походомъ вести старшій по немъ генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ. Начальникъ гвардейскаго штаба г.-а. Нейдгардтъ оставался на время въ Петербургѣ и прибылъ къ корпусу позже въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Поручивъ мнѣ, уже съ конца 1827 г., исправленіе должности начальника 2-го отдѣленія квартирмейстерской части штаба, онъ назначилъ меня, въ числѣ другихъ чиновъ этого послѣдняго, также идти въ походъ съ гвардіею, въ той же должности. Въ отсутствіи же его, должность начальника штаба исправлялъ начальникъ гвардейскихъ инженеровъ, г.-а. Сазоновъ.

Въ началѣ апрѣля гвардія начала выступать изъ Петербурга и слѣдовала 2-мя колоннами: правая (4-я гвардейская пѣхотная бригада, л.-г. саперный баталіонъ, гвардейскій экипажъ, вся легкая кавалерія, л.-г. конно-піонерный и л.-г. казачій полкъ, эскадронъ, съ ихъ пѣшею и конною артиллеріей) на Псковъ, Островъ, Полоцкъ, Старый Быховъ, Рогачевъ, Мозырь, Овручь, Житомиръ, Бердичевъ, Могилевъ на Днѣстрѣ и Леово на р. Прутѣ, къ дер. Сатуново на лѣвомъ берегу нижняго Дуная;—лѣвая же колонна (остальные 6 полковъ гвардейской пѣхоты, съ пѣшей артиллеріей)—на Порховъ, Великіе Луки, Витебскъ, Могилевъ на Днѣпрѣ, Черниговъ, Кіевъ, Тульчинъ и Кишеневъ также къ Сатунову. Штабъ ѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ изъ города въ городъ по пути лѣвой колонны.

Не буду описывать въ подробности нашего похода отъ Петербурга до Сатунова, а приведу лишь нѣкоторые чѣмъ-либо замѣчательные случаи этого 5-ти мѣсячнаго похода съ Невы на Дунай, черезъ всю Россію. Я ѣхалъ въ моей коляскѣ съ поручикомъ Траскинымъ (начальникомъ 1-го отдѣленія квартирмейстерской части гвардейскаго штаба) въ самую сильную весеннюю распутицу, по глубокой грязи, большимъ почтовымъ «Бѣлорусскимъ трактомъ». Первая остановка штаба была въ Великихъ Лукахъ, гдѣ грязь была невылазная. Пребываніе наше въ этомъ городѣ для меня было замѣчательно тѣмъ, что я получилъ тутъ приказъ о производствѣ меня, въ день Пасхи 21 апрѣля, въ чинъ подпоручика. Изъ Великихъ Лукъ мы поѣхали въ Витебскъ. Такъ какъ по тому же тракту впереди насъ ѣхали и Дибичъ, и всѣ прочіе военные чины изъ Петербурга въ главную квартиру дѣйствующей арміи, то дорога была крайне испорчена и изрыта, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. особенно подъ Порховомъ, была такая топь, что всѣ, начиная съ Дибича, сидѣли въ ней по нѣскольку часовъ, пока крестьяне ближайшихъ деревень не вытаскали тяжелыхъ экипажей изъ грязи. Почтовыя же лошади были заморенныя, потому что разгонъ

ихъ днемъ и ночью былъ непрерывный и огромный. Какъ вспомнишь такого рода тогдашнее путешествіе и посравнишь съ теперешнимъ по желѣзнымъ дорогамъ, то подлинно «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Но одолѣвъ, наконецъ, Псковскую губернію, обильную грязью, далѣе ѣхали мы уже все легче и скорѣе.

Въ Витебскѣ мы оставались недѣли двѣ, пока не пропустили всѣхъ эшелоновъ гвардіи (каждый изъ нихъ имѣлъ въ городахъ дневки). Первое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня Витебскъ, было довольно странное: русскій губернскій городъ, но съ рѣзкимъ характеромъ полу-польскимъ, полу-жидовскимъ, полу-бѣлорусскимъ. Вездѣ католическіе косціолы; на площади, противъ губернаторскаго дома, Василіянскій монастырь; большая, каменная еврейская синагога, а православныхъ церквей мало, и тѣ бѣдныя и снаружи, и внутри. На улицахъ говоръ польскій, жидовскій, бѣлорусскій съ его «цвяканьемъ и дзвяканьемъ», а русскій рѣдко, словомъ—ни дать, ни взять «Stara Polska»! Не мудрено — 34 года, съ 1796 до 1831, въ западномъ краѣ жива была польщизна. Въ Витебскѣ имѣлъ тогда пребываніе витебскій и могилевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи князь Хованскій; кто былъ губернаторомъ—не помню, но вице-губернаторомъ былъ статскій совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, которому суждено было, пройдя черезъ разныя административныя должности въ сѣверозападномъ краѣ, въ немъ же, наконецъ, въ 1863 г. быть генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, составить себѣ громкое имя и умереть графомъ. Онъ женатъ былъ на Пелагеѣ Васильевнѣ Шереметевой, молодой и очень любезной женщинѣ. «Маршаломъ», по польски, или губернскимъ предводителемъ дворянства, по русски, былъ, кажется, Карницкій, а уѣзднымъ, если не ошибаюсь, графъ Борхъ (братъ церемоніймейстера графа Борха, женатаго на графинѣ Софіи Лаваль), женатый на графинѣ Платеръ, молодой, красивой и милой дамѣ. Вотъ тогдашнія высшія власти и главы высшаго общества въ Витебскѣ, которые гостепріимно угощали насъ и гвардейскихъ офицеровъ обѣдами и вечерами съ танцами, такъ что пребываніе наше въ Витебскѣ было для насъ очень пріятно.

Изъ Витебска мы переѣхали въ Могилевъ на Днѣпрѣ уже по прекраснымъ и сухимъ, большимъ дорогамъ, усаженнымъ старыми и развѣсистыми деревьями (онѣ были устроены первымъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ, по присоединеніи Бѣлоруссіи, графомъ Чернышевымъ, который оставилъ по себѣ этимъ, между прочимъ, вѣчную память).—Могилевъ имѣлъ отчасти такой же, какъ и Витебскъ, смѣшанный русско-польскій-жидовскій-бѣлорусскій характеръ, но

сверхъ того и въ особенности—нѣмецкій и военный. Въ немъ съ 1816 г. находилась главная квартира 1-й арміи, которою, со смерти генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, начальствовалъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и князь) Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, уже древній, но еще очень бодрый, живой и веселый старый холостякъ и большой поклонникъ прекраснаго пола. Въ послѣднемъ отношеніи онъ пріобрѣлъ особенную извѣстность въ 1814 г. въ Парижѣ, въ которомъ, будучи военнымъ губернаторомъ его, былъ у ногъ всѣхъ милыхъ парижанокъ и имъ ни въ чемъ не отказывалъ. По этому случаю тогдашній французскій сочинитель французскихъ пѣсенокъ Беранже, въ одной изъ нихъ подъ заглавіемъ: «Nos amis les ennemis», посвятилъ, между прочимъ, Блюхеру и Сакену слѣдующіе стишки:

«Et ce cher, ce cher monsieur Blucher (читай Блюшеръ)!»
«Et ce bon, ce bon monsieur Sakin au coeur si tendre!»

Вотъ этотъ-то «monsieur Sakin au coeur si tendre», но храбрецъ въ бояхъ своей полувѣковой боевой службы, былъ окруженъ, въ составѣ своихъ главныхъ: штаба и квартиры, цѣлою колоніей нѣмецкихъ колонистовъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Всѣ они, съ 1816 г., пустили глубокіе корни въ Могилевѣ на Днѣпрѣ и имѣли въ немъ свои дома или, скорѣе, мызы и усадьбы, съ садами, огородами, домашнимъ скотомъ и всѣми другими хозяйственными принадлежностями. Два ближайшіе помощника Сакена составляли въ этомъ отношеніи исключеніе: то были начальникъ главнаго штаба арміи, генералъ-адъютантъ Карлъ Өедоровичъ Толь и генералъ-квартирмейстеръ, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, оба женатые, семейные и хорошіе семьяне (послѣдній былъ женатъ на красавицѣ Комбурлей, отецъ которой былъ богатый грекъ, а мать русская). Исключеніе также, не нѣмецкаго рода, а татарскаго, составлялъ начальникъ артиллеріи арміи, генералъ-отъ-артиллеріи князь Яшвиль, извѣстный и какъ давнишній, храбрый воинъ, и также, какъ Сакенъ, поклонникъ прекраснаго пола. Но затѣмъ, начиная съ дежурнаго генерала арміи, генералъ-маіора Ольдекопа, шелъ уже длинный рядъ нѣмцовъ, лишь съ малою толикой русскихъ въ промежуткахъ. О Сакенѣ и Яшвилѣ я приведу нѣсколько разсказовъ изъ числа многихъ, но прежде долженъ сказать, что нашъ штабъ, по прибытіи въ Могилевъ, представлялся in corpore, имѣя въ главѣ Нейдгардта (прибывшаго изъ Петербурга), Сакену и Толю, а офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба, сверхъ того, и Бутурлину. Сакенъ, со всѣмъ своимъ главнымъ

штабомъ и свитой, встрѣчалъ каждый вступавшій въ Могилевъ эшелонъ гвардіи, который и проходилъ мимо него церемоніяльнымъ маршемъ. Затѣмъ генералы и офицеры этого эшелона и нашего штаба были приглашаемы къ обѣденному столу у Сакена. Эти обѣды были очень оригинальны: они живо напоминали барскіе обѣды нашихъ русскихъ вельможъ «временъ Очакова и покоренія Крыма», когда столъ накрывался человѣкъ на 100 и болѣе, съ золотою и серебряною посудою и обиліемъ яствъ и питей, и когда всякій, знакомый и незнакомый, прилично одѣтый, могъ свободно входить, занимать мѣсто за столомъ, какъ бы за table d'hôte, и даже, не стѣсняясь, уносить съ собою, что ему заблагоразсудится, изъ яствъ, питей и даже серебряной посуды. Не вполнѣ такъ, но очень подобно тому было и на обѣдахъ Сакена: въ большой столовой былъ накрытъ длинный столъ, хотя и не съ золотою и серебряною посудой, но обѣдъ былъ съ обиліемъ яствъ и питей. На верхнемъ концѣ сидѣлъ Сакенъ, по правую руку его Толь, по лѣвую Яшвиль, затѣмъ Бутурлинъ, Нейдгардтъ, генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры, всѣ по чинамъ, до нижняго конца стола включительно. За этими обѣдами главными ораторами, „державшими нить разговора“ (le fil de la conversation) и привлекавшими къ себѣ и слухъ, и зрѣніе всѣхъ сотрапезниковъ, были Сакенъ и Яшвиль. И какія были рѣчи ихъ!—самаго «скоромнаго», но не «скромнаго» свойства! Ихъ всѣ слушали и слышали, въ томъ числѣ такіе люди, какъ Толь, Нейдгардтъ и Бутурлинъ, всѣ трое—серьозные, семейные, даже, можно сказать, «постные» и «скоромнымъ» рѣчамъ не сочувствовавшіе. За то между остальными было немало «скоромниковъ», сочувственно слушавшихъ недвусмысленные разсказы Сакена и Яшвиля, между прочимъ, старѣйшій изъ гвардейскихъ генераловъ, Депрерадовичъ, большой циникъ на словахъ.

О Сакенѣ и Яшвилѣ приведу только два разсказа. Однажды Бутурлинъ пригласилъ Сакена къ себѣ обѣдать и въ назначенный часъ вышелъ на встрѣчу ему, на подъѣздъ своей квартиры, къ которому Сакенъ подъѣхалъ въ каретѣ. Увидавъ Бутурлина въ мундирѣ, но разстегнутомъ на всѣ пуговицы, съ бѣлымъ подъ нимъ жилетомъ, Сакенъ, не выходя изъ кареты, сказалъ Бутурлину: «Il parait, que je suis arrivé trop tôt, vous n'avez pas encore fait votre toilette, je viendrai plus tard»—и уѣхалъ домой. А когда воротился, то былъ встрѣченъ Бутурлинымъ, уже застегнутымъ на всѣ крючки и пуговицы. Вотъ каковъ былъ Сакенъ въ отношеніи чинопочитанія!

А объ Яшвилѣ разсказывали, что онъ, во время оно, гораздо раньше, особенно не возлюблялъ бывшаго подъ его начальствомъ,

всѣмъ въ то и послѣдующее время весьма извѣстнаго оригинала, но храбрѣйшаго конно-артиллерійскаго полковника, впослѣдствіи генерала, Костенецкаго, про котораго можно было бы написать цѣлую книгу курьозныхъ анекдотовъ. Командуя конною батареей въ 1-й арміи, онъ производилъ ей преоригинальныя ученья. Рано на зарѣ, онъ приказывалъ находившемуся при немъ трубачу трубить тревогу, указывалъ, куда скакать батареѣ, а самъ, вскочивъ на коня, скакалъ туда во весь опоръ и, прискакавъ на мѣсто въ полѣ, долой съ коня—и голый катался по травѣ и росѣ! Это была его Суворовская утренняя ванна! Между тѣмъ батарея, по тревогѣ, летѣла туда же во весь опоръ, и находила уже Костенецкаго выкатавшимся на росѣ, одѣтымъ и на конѣ, и тотчасъ же начиналось ученье, все на маршъ-маршѣ и—по боевому. Вдругъ Костенецкій командуетъ: «№ такой-то раненъ!»—и этотъ № долженъ былъ слѣзть съ лошади и пѣшкомъ отойти въ сторону, а другой заступить его мѣсто. Затѣмъ опять команда: «№ такой-то убитъ!»—и убитый должен былъ упасть на землю и лежать, а другой—заступить его мѣсто, и подобно тому въ этомъ же родѣ. Оно, пожалуй, очень оригинально, но далеко не глупо или, какъ говорятъ французы, «ce n'est pas si bête!» Напротивъ, въ боевомъ смыслѣ, это очень умно. Этотъ-то оригиналъ, ненавидѣвшій и презиравшій Яшвиля, какъ человѣка и начальника (и не несправедливо), однажды выкинулъ слѣдующую шутку по его адресу. Яшвиль смотрѣлъ его батарею и послѣ смотра сѣлъ съ адъютантомъ въ коляску и поѣхалъ. Вдругъ онъ слышитъ сзади батальный огонь батареи и посылаетъ адъютанта узнать, что это значитъ? — «Съ пушечной пальбою празднуемъ избавленіе Россіи отъ татаръ!» отвѣчалъ Костенецкій. Какія были послѣдствія—не знаю.

Этотъ самый Костенецкій, уже въ чинѣ генерала, огромнаго роста, косая сажень въ плечахъ, грозный на видъ, настоящій «Orlando furioso», въ 1827 г. лѣтомъ жилъ въ Красномъ Селѣ во время лагеря и былъ, какъ всѣ въ немъ тогда говорили и потѣшались, влюбленъ въ красавицу княжну Радзивилъ, фрейлину императрицы Маріи Ѳеодоровны, вскорѣ вышедшую замужъ за князя Витгенштейна, сына фельдмаршала.

Возвращаюсь къ нашему пребыванію въ Могилевѣ. Сверхъ обѣдовъ у Сакена, мы, штабные, утро проводили въ письменныхъ служебныхъ занятіяхъ, а вечеромъ въ разныхъ общественныхъ увеселеніяхъ. Въ отношеніи къ первымъ, разскажу одинъ забавный случай. Я жилъ недалеко отъ Нейдгардта и ходилъ къ нему съ докладомъ по моей части—передвиженія и расположенія войскъ. Однажды Нейд-

гардтъ передаетъ мнѣ полученное имъ отношеніе бывшаго въ то время Кіевскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Желтухина, ветерана 1812—13—14 гг. и человѣка очень остроумнаго и остроязычнаго, въ родѣ покойнаго князя Меншикова. Въ этомъ отношеніи за N°, Желтухинъ писалъ, что «въ маршрутѣ гвардіи по Кіевской губерніи неправильно назначена дневка въ селѣ Напрасники, а какъ переходъ въ него былъ кружный, то въ избѣжаніе напраснаго перехода» и т. д. Нейдгардтъ, какъ нѣмецъ аккуратный и обидчивый, приказалъ мнѣ написать отвѣтъ Желтухину, съ употребленіемъ, въ сдачу ему, тѣхъ же выраженій напраснаго перехода къ селу Напрасники! Такимъ образомъ, одинъ бывшій начальникъ гвардейскаго штаба (Желтухинъ), а другой—тогдашняго времени (Нейдгардтъ) оба поиграли въ слова, булавкой за булавку, оффиціально за NN°!

Изъ общественныхъ же увеселеній упомяну только о пріятныхъ собраніяхъ, иногда съ танцами, у Могилевскаго губернатора д. с. с. Максимова, который, какъ равно его супруга и многія дочери и сыновья, одни взрослые, другіе малолѣтніе, были прекрасные, гостепріимные и радушные русскіе люди.

Изъ Могилева мы переѣхали въ Черниговъ, о которомъ ничего особенно замѣчательнаго сказать не могу, а изъ Чернигова въ Кіевъ, о которомъ, напротивъ, могу доложить многое. Нужно сказать, что этотъ походъ мой съ гвардіей отъ Петербурга до Дуная и Варны—«дистанція огромнаго размѣра»—былъ для меня первымъ живымъ и великолѣпнымъ урокомъ географіи Россіи и кусочка Турціи. На всемъ этомъ пути я, впервые въ жизни, видѣлъ и узналъ всѣ полосы и мѣстности Россіи отъ Невы до Дуная, весною и лѣтомъ, въ разныхъ по временамъ года видахъ и въ разныхъ городахъ и селеніяхъ, большихъ и малыхъ, съ ихъ разнообразными характеристиками. Но самое пріятное впечатлѣніе на меня произвела по истинѣ «благодатная наша Украйна», по лѣвую и правую стороны древняго Днѣпра, начиная съ въѣзда въ Черниговскую губернію до переѣзда изъ Подольской въ Бессарабію, и притомъ въ самую лучшую пору года—лѣтомъ, когда вся Украйна была «въ зелени и цвѣту»! Что за дивный край! въ немъ бы жить и умереть, и не ѣздивши въ Италію. А Кіевъ—этотъ «пращуръ городовъ русскихъ», съ его святынями, древностями, историческими воспоминаніями и чудными: мѣстоположеніемъ и окрестностями!—можно представить себѣ, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ онъ впервые на меня, въ то время пылкаго и восторженнаго юношу! Но, не желая увлечься моими воспоминаніями о Кіевѣ и очаровательномъ юго-западномъ краѣ, ограничусь лишь

разсказомъ нѣкоторыхъ, особенно замѣчательныхъ случаевъ во время пребыванія моего въ нихъ.

Въ Кіевѣ тогда еще не было моста черезъ Днѣпръ и я переѣхалъ на правый берегъ его на паромѣ, въ виду живописныхъ кіевскихъ «угорьевъ и удольевъ» и Кіевопечерской лавры. Спутникъ мой, Траскинъ, уѣхалъ въ Херсонскія военныя поселенія къ своему дядѣ, командиру поселеннаго уланскаго полка, а я остался одинъ, на квартирѣ, отведенной мнѣ близь Нейдгардта и дворцовой площади, на Старомъ Кіевѣ. Штабъ нашъ, по прибытіи, представлялся Желтухину, а потомъ мы дѣлали визиты вѣжливости: гражданскому губернатору, д. с. с. Катериничу, вице-губернатору Кочубею, женатому на княжнѣ Вяземской; маршалу или губернскому предводителю дворянства графу Тышкевичу и другимъ лицамъ Кіевскаго общества. О Желтухинѣ я уже отчасти говорилъ выше; прибавлю только, что въ 1813 году онъ командовалъ л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ, во всѣхъ сраженіяхъ отличался съ нимъ необыкновенною, но не «горячею», а «ледяною», невозмутимою храбростью и притомъ—суровою строгостью съ солдатами, даже подъ ядрами и пулями: если онъ замѣчалъ во фронтѣ «кланявшихся», имъ, то вызывалъ изъ фронта и въ 2 шомпола училъ ихъ не кланяться ни ядрамъ, ни пулямъ. Катериничъ, истый хохолъ, говорившій съ рѣзкимъ малороссійскимъ акцентомъ, былъ не послѣдней руки забавный оригиналъ, въ родѣ Костенецкаго. Необычайный говорунъ, діалоги свои съ собесѣдникомъ онъ производилъ, безпрестанно повторяя: «Да позвольте же съ начала!»—а затѣмъ: «Да не всѣмъ же вмѣстѣ говорить!», и опять сызнова, и все это съ малороссійскимъ выговоромъ и преуморительными ужимками и мимикой! А впрочемъ былъ прекрасный человѣкъ и хорошій губернаторъ. Кочубей былъ родственникомъ графа Виктора Павловича Кочубея и богатымъ помѣщикомъ Черниговской и Полтавской губерній. Онъ и жена его были люди высшаго круга и очень достойные. Графъ Тышкевичъ, красивый мущина среднихъ лѣтъ, очень милый и любезный, служилъ сначала, кажется, въ гвардіи и едва-ли не въ л.-гв. Преображенскомъ полку. По поводу его замѣчу, что родъ Тышкевичей въ сѣверозападномъ и югозападномъ краѣ до XVII вѣка былъ чисто-русскій и православный, но потомъ, подобно весьма многимъ другимъ русскимъ родамъ въ томъ же краѣ, перешелъ въ католичество, ополячился и поляки признаютъ его, совершенно неправильно, польскимъ.

Каждому вступавшему въ Кіевъ и дневавшему въ немъ эшелону гвардіи производилась со стороны городскихъ властей парадная встрѣча, въ чемъ, между прочимъ, участвовала и городская или

гражданская конная стража, въ старинной малоросійской одеждѣ свѣтлозеленаго цвѣта съ галунами, въ бараньихъ шапкахъ и съ своими значками. Этотъ сохранявшійся еще тогда остатокъ украинской старины вскорѣ потомъ былъ уничтоженъ. По вступленіи гвардіи въ Кіевъ, генералы и офицеры ея были приглашаемы на обѣды и вечера съ танцами, бо̀льшею частію въ домѣ дворянскаго собранія, и въ двѣ-три недѣли, проведенныя нами въ Кіевѣ, недостатка въ пирахъ и общественныхъ увеселеніяхъ не было. Въ свободное отъ службы время, я знакомился съ древностями и примѣчательностями Кіева, его святынями и живописнѣйшими мѣстностями, особенно на высокомъ и обрывистомъ берегу Днѣпра въ дворцовомъ саду, гдѣ на самомъ высокомъ выступѣ былъ такъ называемый треугольникъ— открытый деревянный помостъ, огражденный деревянными же перилами, въ видѣ треугольника, откуда былъ чудный видъ на все теченіе Днѣпра и на нагорный и подольный Кіевъ во всѣ стороны, и на все Заднѣпровье, низменное и ровное, на огромное разстояніе до края горизонта. Треугольникъ на этомъ мѣстѣ былъ устроенъ во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ: здѣсь она часто любовалась прекрасными видами окрестностей и пивала вечеромъ чай съ своимъ дворомъ.

Жаркая погода (это было въ іюнѣ) побудила меня съ товарищами выкупаться въ историческомъ Днѣпрѣ, причемъ я едва не утонулъ въ немъ, но Богъ спасъ меня. Не умѣя плавать, я вошелъ въ воду на мелкомъ мѣстѣ и пошелъ впередъ, но вдругъ попалъ на болѣе глубокое мѣсто и вода поднялась мнѣ по горло, а необыкновенно сильное теченіе Днѣпра стало уносить меня внизъ. По счастію, я и товарищи мои взялись за руки, повернулись къ берегу и благополучно вышли на него. Послѣ уже мы узнали, что въ Днѣпрѣ купаться неумѣющимъ плавать очень опасно, по причинѣ ямъ и сильнаго теченія, отъ котораго вода у берега довольно мутная, желтаго цвѣта (подобно тому, какъ и въ нижнемъ Дунаѣ, гдѣ я позже также искупался, но уже съ бо̀льшею осторожностью).

По прохожденіи всѣхъ эшелоновъ гвардіи черезъ Кіевъ, я отправился съ нашимъ штабомъ, на почтовыхъ лошадяхъ, по пути слѣдованія войскъ, въ мѣстечко Тульчинъ, Подольской губерніи, родовое владѣніе графовъ Потоцкихъ, гдѣ съ 1816 до 1828 г. находилась главная квартира 2-й арміи. Переѣздъ мой отъ Кіева до Тульчина, черезъ благодатный край заднѣпровской Украйны, въ великолѣпную погоду днемъ и въ чудныя украинскія ночи, былъ для меня истиннымъ наслажденіемъ! Одно только смущало меня — остатки польскаго владычества, съ его косціолами, распятіями на до-

рогахъ, польскимъ говоромъ и т. п., и съ жидовскимъ населеніемъ въ мѣстечкахъ и городахъ, среди господствующаго православнаго малороссійскаго. Въ Тульчинъ я въѣхалъ въ чудесную лунную ночь, по прекрасной аллеѣ большихъ, развѣсистыхъ деревьевъ и красѣ южнаго края—высокихъ, пирамидальныхъ тополей. Остановившись въ отведенной мнѣ квартирѣ, на главной улицѣ, въ жидовской корчмѣ, на чистой половинѣ, назначенной для проѣзжихъ жильцовъ, я на другой же день рано, въ прекрасное утро, пошелъ въ садъ па̀лаца или дворца Потоцкихъ, широко раскинувшійся кругомъ, съ великолѣпною растительностью, и содержимый въ отличномъ видѣ. Двухъ-этажный каменный палацъ, дѣйствительно походилъ на дворецъ: онъ былъ построенъ извѣстнымъ и богатымъ польскимъ магнатомъ временъ Екатерины II, генералъ-аншефомъ графомъ Феликсомъ Потоцкимъ, который на фронтонѣ дома помѣстилъ, большими волочеными буквами, польскую надпись: «Bądź zawsze mieszkaniem cnotliwych» (будь всегда жилищемъ добродѣтельныхъ), что не совсѣмъ-то оправдалось впослѣдствіи, какъ объясню ниже. Графъ Феликсъ Потоцкій былъ женатъ два раза и отъ обоихъ браковъ имѣлъ сыновей и дочерей. Во второмъ бракѣ онъ былъ женатъ на знаменитой въ то время своею необыкновенною красотою гречанкѣ, по имени Софія (я видѣлъ миніатюрный портретъ ея въ имѣніи графа Потоцкаго, названномъ, въ честь красавицы жены его, Софіувкой, (по польски Sofiówka), близь г. Умани, нынѣ дворцовое имѣніе Царицыно). По смерти Феликса Потоцкаго, Тульчинское имѣніе досталось старшему сыну его отъ перваго брака, Мечиславу, женатому на графинѣ Ко̀маръ (а Потоцкіе и Ко̀мары также были до XVII вѣка чисто-южнорусскіе роды, но потомъ окатоличились и ополячились; другіе же Потоцкіе и Ко̀мары и теперь существуютъ въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ православными). Софіувское же имѣніе досталось младшему сыну Феликса Потоцкаго, Александру, служившему сначала въ кавалергардахъ, а въ 1828—29 гг. въ одномъ изъ южно-поселенныхъ уланскихъ полковъ. Въ 1830 — 31 гг. онъ былъ вовлеченъ въ польское возстаніе и по взятіи Варшавы эмигрировалъ за границу, а Софіувское имѣніе его было конфисковано въ казну: о немъ я скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ ниже. Отъ втораго же брака Феликса Потоцкаго были у него двѣ дочери: Софія, бывшая замужемъ за генералъ-адъютантомъ Павломъ Димитріевичемъ Киселевымъ, когда онъ былъ начальникомъ главнаго штаба 2-й арміи въ м. Тульчинѣ, а другая дочь, красавица Ольга, была въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ въ

Одессѣ. Я нѣсколько расиространился здѣсь касательно фамиліи Феликса Потоцкаго потому, что въ 1828—29 гг. это былъ вопросъ совершенно современный, нынѣ же онъ отошелъ уже въ область исторіи, такъ какъ судьбы этой фамиліи и ея обширныхъ владѣній уже совершенно измѣнились.

Во время 2-хъ или 3-хъ-недѣльнаго пребыванія нашего въ Тульчинѣ, пока черезъ него не прошли всѣ эшелоны гвардіи, мы, штабные, проводили время по утрамъ въ письменныхъ служебныхъ занятіяхъ въ штабѣ, помѣщавшемся въ одномъ изъ зданій палаца Потоцкихъ, а по вечерамъ—въ своемъ товарищескомъ кружку, въ бесѣдахъ или прогулкахъ, въ саду палаца или въ живописныхъ окрестностяхъ Тульчина. Въ числѣ старшихъ адъютантовъ дежурства нашего штаба были, между прочимъ, Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ, восторженный поэтъ и стихотворецъ, и Николай Димитріевичъ Прокоповичъ-Антонскій, племянникъ извѣстнаго профессора московскаго университета, получившій въ послѣднемъ образованіе и также очень восторженный любитель русской литературы. Карлгофъ получилъ и читалъ намъ только что появившіяся въ рукописи стихотворенія А. С. Пушкина, одно—по случаю милостей, оказанныхъ ему императоромъ Николаемъ Павловичемъ (вызвавшимъ его въ 1826 г., изъ ссылки, въ Москву), а другое «Утопленникъ». Эти прекрасныя стихотворенія Карлгофъ и читалъ прекрасно. Я самъ былъ большимъ любителемъ русской литературы и это особенно сблизило меня съ Карлгофомъ и Антонскимъ, тѣмъ болѣе, что оба они были очень милые люди и хорошіе товарищи.

Изъ Тульчина мы отправились по почтовому тракту за Днѣстръ (въ Могилевѣ) и сѣверною, гористою частью Бессарабіи въ Кишиневъ. Тутъ мы нашли уже совершенно своеобразный городъ, съ смѣшаннымъ характеромъ полу-молдавскимъ, полу-греческимъ и жидовскимъ, съ узкими, немощенными, песчаными улицами, одноэтажными домами среди дворовъ и садовъ, огражденныхъ каменными или плетневыми заборами, съ малыми удобствами жизни и съ нравами и обычаями жителей, отчасти молдавскими, отчасти греческими. Пушкинъ, довольно долго проживщій въ Кишеневѣ въ началѣ 1820 годовъ, излилъ всю нелюбовь свою къ нему въ нѣсколькихъ своихъ стихотвореніяхъ и вѣрно описалъ его. Въ Кишиневѣ мы уже начали готовиться къ дальнѣйшему походу на «военномъ положеніи», добыванію верховыхъ, вьючныхъ и упряжныхъ лошадей, сбруи, вьюковъ и пр. Для закупки лошадей для нашего штаба посланъ былъ въ Херсонскія военныя поселенія командиръ гвардейской фурштатской бригады маіоръ Мокіенко (старый драбантъ изъ кавалергардскихъ вахми-

babыстровъ), который и привелъ намъ ремонтъ лошадей позже въ деревню Сатуново, на лѣвомъ берегу нижняго Дуная, гдѣ въ маѣ этого года произведена была, въ присутствіи Государя, переправа, съ боемъ, черезъ Дунай, войскъ 2-й арміи, и откуда мы съ гвардіей уже должны были, переправясь за Дунай, идти военно-походнымъ порядкомъ вдоль морскаго берега къ Варнѣ.

Изъ Кишинева до Сатунова я ѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ, въ моей коляскѣ, уже съ Траскинымъ, воротившимся изъ отпуска въ Тульчинъ. Этотъ послѣдній переѣздъ нашъ на почтовыхъ лошадяхъ мы совершили, на первомъ полпути отъ Кишинева—по средней, гористой части Бессарабіи, а на второмъ до Сатунова—по степной. Тутъ, однажды, въ степи застигла насъ, между двумя почтовыми станціями, сильнѣйшая гроза, съ молніей, громомъ и такимъ проливнымъ дождемъ, какой бываетъ только въ южныхъ, жаркихъ краяхъ. Мы были принуждены оставаться, до окончанія грозы и дождя, среди степи, повернувъ закрытую коляску тыломъ къ косому дождю, не смотря на что все-таки были порядочно вымочены. Въ другой разъ, также въ степи, днемъ, въ ясную погоду, мы увидали противъ насъ, на краю горизонта, черную тучу, шибко подвигавшуюся на встрѣчу намъ. Что же оказалось? Это была саранча, летѣвшая въ такомъ громадномъ количествѣ, что вскорѣ покрыла надъ нами все небо, совершенно заслонила солнце, такъ что сдѣлалось темно, а летѣла она такъ низко, надъ нашими головами, что мы слышали сильный шумъ ея полета. Это любопытное явленіе было для меня первымъ и единственнымъ въ моей жизни и такъ поразило меня, что я не забылъ и никогда не забуду его! Тутъ-то мнѣ вспомнилось забавное «донесеніе» Пушкина, посланнаго инспекторомъ Бессарабскихъ колоній Инзовымъ освидѣтельствовать вредъ, нанесенный саранчою полямъ. Пушкинъ написалъ на 1-й страницѣ листа бумаги: «прилетѣла», на 2-й—«сѣла», на 3-й—«все поѣла» и на 4-й—«улетѣла». И точно, такая туча саранчи, какую я видѣлъ, ничего инаго и не могла сдѣлать, какъ прилетѣть, сѣсть, все поѣсть и улетѣть дальше.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Сатуново, о пребываніи въ которомъ и о походѣ оттуда за Дунай разскажу особо.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОРЕНБУРГСКІЕ ПОЖАРЫ.

I.

Какъ очевидецъ ужаснаго пожарнаго бѣдствія, обратившаго на себя вниманіе всей Россіи, я могу сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, какъ о причинахъ, вызвавшихъ въ 1879 г. рядъ послѣдовательныхъ въ теченіи мѣсяца пожаровъ, такъ и о разныхъ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ эти происшествія, о распоряженіяхъ и дѣятельности мѣстныхъ властей и т. п. Занимая въ то время въ Оренбургѣ должность губернскаго прокурора, я соприкасался, по своей служебной дѣятельности, со всѣми лицами мѣстнаго управленія, во главѣ стоявшими, и могу повѣствовать о томъ, что̀ не вошло ни въ какіе оффиціальные рапорты и отчеты.

Начну съ того, что пожары эти вовсе не дѣло рукъ поджигателей, а единственно результатъ дѣйствія стихійныхъ силъ и неосторожнаго обращенія съ огнемъ. Черезъ мои руки проходили всѣ дознанія и слѣдствія, я не оставлялъ безъ провѣрки ни одного слуха, имѣвшаго соотношеніе съ пожарами, и положительно удостовѣряю, что четыре пожара, истребившіе бо̀льшую часть Оренбурга, произошли не отъ поджоговъ. Если и не во всѣхъ случаяхъ ясно были доказаны причины пожаровъ, то тѣмъ не менѣе, совокупность всѣхъ добытыхъ данныхъ приводила каждый разъ къ заключенію, что поджоговъ не было. Не имѣя подъ рукою подлинныхъ дѣлъ, я не могу теперь съ точностью указать и выставить всѣ тѣ данныя, которыя отвергали возможность предположенія поджоговъ, но опять повторяю съ полнымъ убѣжденіемъ и увѣренностью, что поджоговъ—не было.

Весна 1879 года началась рано, мартъ и апрѣль были жаркіе, нѣсколько недѣль не было дождя, нѣсколько недѣль дули сильные вѣтры, такіе вѣтры, о которыхъ не имѣютъ понятія люди, не жившіе на нашей Восточной степной окраинѣ, и вотъ при такихъ условіяхъ, въ эту страшную сушь, когда дерево горитъ какъ порохъ, когда вѣтеръ перебрасываетъ каждую щепку черезъ нѣсколько улицъ, 16-го апрѣля въ 10 часовъ утра, начался пожаръ съ деревяннаго домика, въ скученномъ мѣстѣ деревянныхъ построекъ, на концѣ города.

Пожарная команда пріѣхала скоро, но въ бочкахъ не оказалось воды, за которою она и отправилась къ р. Уралу; но не въ водѣ и дѣло было; дѣло въ томъ, что при степномъ буранѣ, въ нѣсколько минутъ, по направленію вѣтра загорѣлись деревянныя крыши въ разныхъ мѣстахъ; это была бѣшеная скачка огня; сосѣди близь лежащихъ къ началу пожара домовъ, напр., на Водяной улицѣ, прибѣжавшіе съ любопытствомъ смотрѣть на обычное развлеченіе въ провинціальныхъ городахъ, на пожарное зрѣлище, не могли спасти движимости въ своихъ домахъ, загоравшихся и быстро горѣвшихъ въ то время, когда они только бѣжали или шли къ началу пожара. Когда черезъ полчаса всѣмъ стало ясно, что ничто не въ состояніи остановить огня, когда увидѣли, что полоса его все расширяется болѣе и болѣе, тогда все потеряло голову; всѣ моментально и инстинктивно поняли, что невозможно предвидѣть, гдѣ кончится пожаръ; ясно было, что онъ пройдетъ всѣмъ городомъ, на разстояніи нѣсколькихъ верстъ по теченію вѣтра, но ясно было и то, что при тѣхъ круговоротахъ вѣтра, которые то и дѣло появлялись, огонь будетъ раскрывать свои объятія и боковымъ сторонамъ; при такомъ сознаніи все бросилось, кто выноситься изъ домовъ, а кто могъ и вывозиться изъ города; пожарная команда, разъединенная непроходимыми потоками огня, дѣйствовала въ разбродъ, безъ всякой системы и иногда совершенно непроизводительно, такъ какъ огонь въ нѣсколько минутъ уничтожалъ дома, которые отстаивались, разламывались и т. п. Иногда отстаивались строенія,—ошибка, повторявшаяся и при послѣдующихъ пожарахъ,—стоявшія по линіи вѣтра, оставлялись безъ вниманія боковыя части, и въ этихъ послѣднихъ, отъ небрежности, горѣли цѣлые кварталы. Такъ на другой день, когда населеніе нѣсколько пришло въ себя, всѣ съ

удивленіемъ спрашивали другъ друга, какъ могла сгорѣть нижняя часть Неплюевской улицы (дома Бѣгичева, Масленникова), какъ сгорѣли дома Кудрина и Князева.

Паника была невообразимая; точно описать то смятеніе и тотъ хаосъ, которые были въ этотъ день, невозможно; погорѣльцы, переѣзжавшіе къ своимъ знакомымъ, должны были вновь выбираться, потому что огонь дошелъ до домовъ, ихъ пріютившихъ, и такъ по нѣсколько разъ. Кто былъ безпечнѣе или кто не участвовалъ въ распоряженіяхъ по вывозу своего имущества—смотрѣлъ и только смотрѣлъ на дѣйствіе огня, какъ-то сразу убѣдясь въ его несокрушимости, и эта часть населенія нашла себѣ одно занятіе, въ разговорахъ и разсужденіяхъ о томъ: „сгоритъ ли такой домъ или нѣтъ", „направо или налѣво захватитъ огонь", и т. п. Вечеромъ 16-го апрѣля масса погорѣльцевъ, побросавъ свои пожитки, прибѣжала смотрѣть къ Троицкой церкви, какъ будетъ падать колоколъ на горѣвшей колокольнѣ. Такова сила любопытства.

Вещи, выносившіяся изъ домовъ, загорались тутъ же на улицѣ; ломовые извозчики за перевозку брали страшныя цѣны, и везли вещи не иначе, какъ получивъ впередъ деньги. Вспоминаю при этомъ характерный случай — одинъ купецъ нанимаетъ нѣсколькихъ ломовыхъ для вывоза товара изъ своей лавки въ Гостинномъ дворѣ, съ платою по 50-ти рублей каждому ломовому; сосѣдъ его по лавкѣ, послѣ безплодныхъ поисковъ, начинаетъ отбивать нанятыхъ извозчиковъ, предлагая имъ по сто рублей съ воза; извозчики колеблются и видимо прельщаются высшею цѣною; тогда первый купецъ схватываетъ ножъ, и, подбѣгая къ сосѣду, объявляетъ ему, что если онъ сейчасъ не уйдетъ и не оставитъ въ покоѣ его извозчиковъ, то онъ его на мѣстѣ заколетъ. Угроза подѣйствовала.—При изслѣдованіи причины этого грандіознаго пожара, трудно было добиться полной правды, но тѣмъ не менѣе было установлено, что загорѣлось въ томъ домикѣ, въ которомъ наканунѣ вечеромъ выкинуло изъ трубы; обитатели его занимались печеніемъ на продажу калачей, и когда 15 апрѣля загорѣлась въ трубѣ сажа, огонь былъ залитъ домашними средствами, безъ содѣйствія пожарной команды и безъ объявленія о случившемся полиціи; 16-го апрѣля, начали топить ту же печку, никакихъ поправокъ въ трубѣ или чистки ея не производилось, и очевидно было, что 16 апрѣля, повторилось то же выкидываніе

искръ изъ трубы, которое было наканунѣ. Отсюда—при тѣснотѣ построекъ, при сухости всего окружавшаго деревяннаго матеріала—и быстрое распространеніе огня.

Возвращаюсь къ памятному дню 16 апрѣля; когда въ 12 часовъ пополудни стало понятно, что пожаръ продолжится и ночью, когда бо̀льшая часть населенія бивакуировала уже на площадяхъ, располагая провести тамъ ночь, я, по обязанностямъ своимъ прокурора, счелъ необходимымъ просить администрацію, принять зависящія мѣры къ тому, чтобы къ вечеру были приняты всѣ способы огражденія имущества и спокойствія напуганныхъ и растерявшихся обывателей; особенно представлялось это необходимымъ потому, что было разбито нѣсколько кабаковъ и по городу стали попадаться то и дѣло пьяные; какъ и всегда бываетъ въ годины большихъ бѣдствій, разнузданность массы проявляется ускореннымъ ходомъ и эта распущенность пьяныхъ сорванцовъ грозила особенно тѣмъ беззащитнымъ женщинамъ, которыя должны были проводить ночь подъ открытымъ небомъ, охраняя остатки своего имущества, причемъ нѣкоторыя были разлучены съ своими мужьями и родными. Такъ, напр., судебный слѣдователь Мартыновскій, занятый сохраненіемъ дѣлъ своего участка, до слѣдующаго утра не зналъ, въ какомъ мѣстѣ находятся его жена и дѣти.

Генералъ-губернатора Н. А. Крыжановскаго въ Оренбургѣ въ то время не было, и должность его, какъ командующаго войсками, исправлялъ губернаторъ М. И. Астафьевъ; собирая свѣдѣнія, гдѣ его можно найдти, я въ первомъ часу дня узналъ, что онъ, отстаивая зданіе штаба, опалилъ себѣ глаза, и уѣхалъ домой; отправляюсь къ нему и застаю его лежащимъ на диванѣ, съ примочками на глазахъ; около него ни одного офицера, и даже ни одного полицейскаго; никакихъ свѣдѣній о ходѣ пожара не получаетъ, никакихъ распоряженій не дѣлаетъ; объяснивъ ему цѣль своего пріѣзда, я спрашиваю его, что̀ онъ намѣренъ дѣлать? „Да, вы правы, могутъ произойти серьезные безпорядки, но что же прикажете дѣлать; гдѣ кого найдти? кѣмъ распорядиться? будьте добры, устройте что нибудь сами, дѣйствуйте моимъ именемъ командующаго войсками, я все заранѣе одобряю и утверждаю".

Вижу, человѣкъ охаетъ, въ безпомощномъ состояніи, рѣшилъ не тратить больше времени на разговоры, а время было особенно дорого, такъ какъ чтобы попасть въ ту или другую часть города,

надо было дѣлать большіе объѣзды, и прямо отъ Астафьева отправился къ А. Н. Крыжановскому, командиру башкирскаго коннаго полка. По дорогѣ встрѣчаю губернскаго воинскаго начальника, генералъ-маіора П. А. Юношу; „такъ молъ и такъ; къ ночи нужны солдаты, командующій войсками этого требуетъ". „Ни одного солдата я не могу представить", отвѣчаетъ Юноша, „ихъ теперь не соберешь, всѣ они разбѣжались изъ казармъ помогать роднымъ и знакомымъ, и хотя за эту самовольную отлучку мы можемъ впослѣдствіи ихъ судить, но въ настоящую минуту, мы, военныя власти, безсильны".

Ѣду къ Крыжановскому, передаю приказаніе Астафьева, прошу солдатъ; онъ и слышать не хочетъ; говоритъ, что изъ его казармъ вывезено на 40,000 полковаго имущества, которое онъ обязанъ охранять, что всѣ башкирцы нужны ему и что поэтому онъ не можетъ исполнить ни желанія, ни требованія Астафьева. Въ концѣ концовъ смягчилъ его упорство, рисуя возможно печальныя картины предстоящей ночи, и Андрей Николаевичъ обѣщалъ вызвать къ вечеру запасный эскадронъ башкирскаго полка, стоявшій въ с. Бердахъ (5 или 6 верстъ отъ Оренбурга).

Въ 6 часовъ вечера, на дворъ городскаго полицейскаго управленія, явились башкирцы; нѣсколько солдатъ мѣстнаго батальона прислалъ Юноша; пріѣхали юнкера изъ юнкерскаго училища, и этою военною силою пришлось распорядиться въ центрѣ военнаго округа, кому же?—губернскому прокурору.

Сообщаю объ этомъ курьезномъ фактѣ, обрисовывающемъ, насколько иногда теряются люди, облеченные властью; въ городѣ, полномъ разныхъ высшихъ военныхъ чиновъ, въ центрѣ генералъ-губернаторства, полномъ административныхъ властей, пришлось распорядиться охраненіемъ общественной безопасности человѣку, къ тому вовсе не подготовленному. Черезъ своихъ судейскихъ и лично собралъ приблизительныя свѣдѣнія, гдѣ сколько расположилось народа, равномѣрно распредѣлилъ собранную военную силу, далъ ефрейторамъ и унтеръ-офицерамъ надлежащія инструкціи, разъяснилъ ихъ обязанности, совѣтовалъ какъ лучше устроить очередь дежурства, какъ устроить надзоръ, и—ночные патрули были организованы. Ночь прошла благополучно и утромъ были посланы въ Петербургъ успокоительныя телеграммы, съ стерео-

типной фразой: „надлежащія мѣры къ устройству погорѣльцевъ принимаются". Но не такъ-то легко было осуществить эти мѣры.

Къ счастью, въ лицѣ управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора А. Д. Холодковскаго, нашелся человѣкъ, который не растѣрялся, отдалъ свои силы для помощи народному дѣлу, и въ насъ, немногихъ лицахъ, сгруппировавшихся около него, и въ послѣдующіе дни, умѣлъ подогрѣвать энергію, которая неоднократно оставляла насъ. Первые дни, комитетъ народной помощи состоялъ изъ немногихъ лицъ: Н. И. Жоховскій, чиновникъ особыхъ порученій, А. Е. Ворошиловъ, управляющій казенною палатою; я и одинъ казачій полковникъ; дѣла было много; нужно было приводить въ извѣстность число погорѣльцевъ, убытки ихъ, положеніе, въ которомъ они остались послѣ пожара, устраивать пріюты въ уцѣлѣвшихъ казенныхъ зданіяхъ, а главное кормить эту тысячную массу, оставшуюся буквально безъ хлѣба; первые дни раздавали хлѣбъ, пожертвованный и присланный по желѣзной дорогѣ самарцами и бузулукцами; потомъ надо было войдти въ соглашеніе съ мѣстными хлѣбопеками; раздача производилась въ трехъ, четырехъ пунктахъ; не обходилось, конечно, безъ злоупотребленій, но нельзя было держаться какой-либо строгой системы провѣрки, иначе по недобросовѣстности немногихъ, массы оставались бы неудовлетворенными; за хлѣбомъ, говядиной и друг. припасами, приходили обыкновенно женщины; порядокъ былъ такой: опрашивалось, сколько дѣтей, и сообразно этому производилась выдача; интересно, что ни у одной не оказывалось менѣе 7 или 8 дѣтей; если бы по этимъ словеснымъ заявленіямъ составили статистическую перепись населенія, то навѣрное оказалось бы, что въ Оренбургѣ не 40,000 жителей, а 200,000 или больще.

Потомъ, когда началась раздача бѣлья, холста и другихъ вещей, тоже бывали случаи, что въ качествѣ погорѣльцевъ являлись жители сосѣднихъ селеній, являлись и горожане, не пострадавшіе отъ пожара; вещи, выдаваемыя изъ складовъ Краснаго креста, закладывались въ кабакахъ, но тѣмъ не менѣе, помощь въ такомъ видѣ, помощь огульная, помощь на совѣсть просящаго, имѣла несомнѣнное благотворное дѣйствіе, такъ какъ погорѣльцы не упали духомъ и не было унынія.

Съ деньгами были осторожнѣе; первыя недѣли выдавались са-

мыя незначительныя субсидіи, не болѣе нѣсколькихъ рублей и только потомъ, когда были составлены полные поименные списки погорѣльцевъ, началась раздача, кому лѣсомъ, кирпичемъ, кому деньгами заимообразно, а кому слѣдовало и безвозвратно.

По личному опыту долженъ сказать, что даже при наличности средствъ для помощи, дѣло помощи представляется весьма труднымъ; не разъ приходилось убѣждаться, что истинно нуждающіеся остаются въ тѣни; до нихъ, при полномъ желаніи, какъ-то не доберешься, а на аванъ-сцену выступаютъ и выхватываютъ первые куски благотворительнаго пирога люди, не много потерявшіе и не сильно нуждающіеся.

Возвращаюсь къ пожару 16-го апрѣля, чтобы сказать нѣсколько словъ о полицмейстерѣ г. Оренбурга, А. М. Кричинскомъ, о человѣкѣ, въ рукахъ котораго находилась пожарная часть и котораго многіе обвиняли въ томъ, что онъ не съумѣлъ вначалѣ остановить пожаръ. Человѣкъ онъ былъ честнѣйшій, очень не глупый, но хворый и не распорядительный; самъ бывало не разъ говоритъ, что сидитъ не на своемъ мѣстѣ; посадили, кушать надо, и сидитъ въ ожиданіи мѣста уѣзднаго воинскаго начальника.

Въ день пожара жалко было на него смотрѣть; растерялъ своихъ подчиненныхъ, свою пожарную команду, своихъ полицейскихъ; распорядиться нужно, а распорядиться не кѣмъ; положеніе то же, въ которомъ былъ и губернаторъ Астафьевъ: вспоминаю такой казусъ: ѣдемъ мы съ Кричинскимъ недалеко отъ дома мѣстнаго богача Ключарева; останавливаетъ насъ Ключаревскій прикащикъ и проситъ дать хоть одинъ насосъ; а мы только что проѣзжая съ Кричинскимъ, черезъ Караванъ-Сарайскую площадь, видѣли на ней двѣ трубы, но безъ лошадей и людей; Кричинскій разрѣшаетъ взять эти трубы, но объявляетъ прикащику, что онъ долженъ доставить ихъ своими средствами; тотъ обращается къ окружавшей толпѣ, вызываетъ охотниковъ идти за трубами, обѣщаетъ деньги; все напрасно, никто не двигается; полицмейстеръ всему этому зритель и помочь не можетъ; около—ни одного полицейскаго, пожарныхъ и помину нѣтъ; махнулъ безнадежно рукою Амуратъ Матвѣичъ, и поѣхали дальше, оставляя прикащика при одномъ разрѣшеніи взять трубы.

Виноватъ, конечно, Кричинскій былъ въ томъ, что полиція

плохо его слушалась, что всякій полицейскій чинъ дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, и дѣйствуя въ разбродъ, гораздо меньше пользы принесли и дѣла сдѣлали, чѣмъ дѣйствуя вкупѣ; но даже соединенныя пожарная и полицейская силы, по своему ограниченному составу, безъ помощи народа являлись слишкомъ ничтожною силою; а какое содѣйствіе оказывалъ народъ, это видно изъ только что приведеннаго факта объ отказѣ протащить двѣ трубы на небольшое разстояніе. Разсказываютъ, что на другой день, стоя на пепелищахъ, купцы бранили вслухъ проѣзжавшаго по улицамъ Кричинскаго, укоряя его въ бездѣйствіи; допускаю, что при раздраженіи и недовольствѣ, вызванномъ тяжестью постигшаго бѣдствія, потерпѣвшіе могли рѣшиться, не только на заочную противъ администраціи брань, но и на брань въ глаза, но во всякомъ случаѣ, недовольство противъ Кричинскаго родилось не въ день пожара; купечеству давно былъ не на руку этотъ трезвый, не принимающій приношеній полицмейстеръ, который не посѣщалъ именитыхъ купцовъ въ дни ихъ имянинъ, который не былъ, однимъ словомъ: „своимъ человѣкомъ“. Конечно, въ день пожара, слишкомъ рѣзало глазъ это безпомощное состояніе высшаго представителя полиціи, разъѣзжавшаго изъ конца въ конецъ и отдававшаго приказанія, никѣмъ не исполняемыя; но не только мое личное убѣжденіе, но и по мнѣнію многихъ, едва ли другой полицмейстеръ нашелся бы въ этотъ день общей сумятицы, безурядицы и безтолковщины.

II.

Черезъ нѣсколько дней пріѣхалъ генералъ-губернаторъ Крыжановскій; на вокзалѣ желѣзной дорогѣ, встрѣтили его власти и представители городскаго общества, съ понурыми лицами; послѣднихъ онъ сразу ободрилъ тѣмъ тономъ и съ тою манерою, которыми онъ такъ умѣло пользовался, когда хотѣлъ быть пріятнымъ; онъ сказалъ купечеству приблизительно слѣдующее: „Зачѣмъ вы такъ тужите? дѣло—поправимое; устроимъ городъ лучше, чѣмъ былъ; вѣдь это дѣло рукъ человѣческихъ; нужна только вѣра въ Бога, энергія и желаніе; правительство васъ не оставитъ; уѣзжая изъ Петербурга, я видѣлся со всѣми министрами и всѣ они обѣщали свою поддержку“.

На другой день утромъ Крыжановскій поѣхалъ осматривать пожарище и вернулся со слезами на глазахъ; тяжело было ему видѣть это опустошеніе города, въ которомъ онъ прожилъ 11 лѣтъ, и который такъ замѣтно выросъ и украсился на его глазахъ.

Говорили, что въ интимномъ кружкѣ онъ высказывалъ свое неудовольствіе противъ Астафьева, допустившаго большіе размѣры пожара, и выражалъ, что будь онъ на мѣстѣ, всего этого не случилось бы. Увы! увѣренность его оказалась ложною, и онъ самъ во время трехъ послѣдующихъ пожаровъ убѣдился, что степной вѣтеръ не знаетъ преградъ и что противъ него человѣческія усилія—ничто. Впрочемъ, долженъ сказать, что при Крыжановскомъ было больше порядка на пожарахъ, и во всякомъ случаѣ не было никакаго сравненія съ тѣмъ, что̀ происходило въ городѣ 16 апрѣля.

30 апрѣля утромъ начался пожаръ въ такъ называемомъ форштатѣ, т. е. казачьей станицѣ, неразрывно прилегающей къ городу, и отдѣленной отъ него только площадью; на несчастье, начался онъ съ краю форштата и вѣтеръ опять понесъ тысячи искръ и головней по всей слободкѣ; пожарнымъ, солдатамъ и всѣмъ вообще приходилось тяжелѣе на этомъ пожарѣ, чѣмъ на первомъ, такъ какъ въ форштатѣ много было домовъ крытыхъ соломою и эта сѣнная труха, засыпая всѣмъ глаза, при невообразимомъ жарѣ, не позволяла человѣку стоять близко отъ пожарища. Въ этотъ разъ вѣтеръ взялъ опять все, что ему причиталось, и если пожаръ прекратился, то только потому, что нечему было горѣть; потокъ огня дошелъ до того мѣста, гдѣ кончился пожаръ 16 апрѣля и гдѣ, слѣдовательно, торчали однѣ только обгорѣлыя стѣны, гдѣ были лишь насыпаны кучи золы и угля; однако нѣкоторое время угрожала сильная опасность: нѣсколько головней перелетѣло черезъ площадь и загорѣлся дровяной складъ артиллерійскаго вѣдомства, наложенный вокругъ пороховаго погреба; это извѣстіе съ быстротою молніи распространилось по городу и большинство, опасаясь взрыва, бросилось спасаться въ рощу, за р. Уралъ; вообразите, что эта была за суматоха; достовѣрно нельзя было узнать, много ли въ погребѣ пороха, и количество его, въ первыя минуты, конечно, преувеличивалось; потомъ оказалось, что въ немъ хранилось около 800 пудовъ пороха и кажется 5 милліоновъ ружейныхъ патроновъ; но, слава Богу,

погребъ уцѣлѣлъ; солдатики своими тѣлами закрыли крышу, въ то время, когда вокругъ погреба горѣли дрова, и огонь отступилъ передъ сѣрою солдатскою шинелью; этотъ подвигъ солдатиковъ, не щадившихъ своего живота, картинно описанный въ корреспонденціи Каразина, не былъ кажется оцѣненъ ни начальствомъ, ни городскимъ обществомъ, и не слышно было, чтобы они получили какую нибудь награду за свое самоотверженіе.

Въ минуты всеобщаго смятенія, раздавались, и конечно не безъосновательно, голоса лицъ, возмущавшихся небрежностью тѣхъ, которые оставляли пороховой погребъ чуть не въ центрѣ города, и мало того, дозволили вплотную окружить его дровами; разсказывали, что новый погребъ, устроенный за городомъ, давно готовъ, стоитъ уже два года, но что артиллерійское вѣдомство или интендантство не принимаетъ его отъ инженернаго вѣдомства, что заведено пререканіе, затѣяна переписка, и т. д.

Крыжановскій на этомъ пожарѣ держалъ себя безукоризненно; являлся всегда въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ и всѣмъ служилъ примѣромъ; около погреба, отъ жары, съ нимъ дѣлался нѣсколько разъ обморокъ, но онъ не уѣзжалъ, пока дѣйствительная опасность не миновала.

Причина этого пожара осталась необнаруженною, но въ то же время не было никакихъ поводовъ подозрѣвать поджогъ; послѣ пожара 16 апрѣля, форштатъ настолько населился погорѣльцами, что множество каретниковъ, дровяныхъ сараевъ и клѣтушекъ наполнилось жильцами; въ этихъ помѣщеніяхъ ставились постоянно самовары, разводился огонь; на сѣновалахъ, обратившихся въ квартиры, курили, и поэтому немудрено, что 30 апрѣля, при томъ сильномъ вѣтрѣ, который не переставалъ ни на минуту, отъ чьей либо неосторожности, въ которой виновникъ ея, конечно, не захотѣлъ сознаться, и приключился пожаръ, надѣлавшій столько бѣдъ.

Между тѣмъ какъ во время пожара, такъ и послѣ него, многіе высказывали увѣренность, что пожары—результатъ поджоговъ; посыпались разсказы о подметныхъ письмахъ, объ угрозахъ пожаромъ; какой нибудь вздорный слухъ разростался моментально въ самый наидостовѣрнѣйшій разсказъ, и общество во всѣхъ его слояхъ, какъ въ интеллигентныхъ, такъ и простыхъ, подъ вліяніемъ двухъ монстровъ-пожаровъ, распустило себя настолько, что нелѣпыя басни и росказни, со дня на день, волновали и безъ

того напуганное населеніе. На самомъ дѣлѣ, угрожающихъ подметныхъ писемъ за все время было два; въ одномъ изъ нихъ было написано: „завтра будетъ горѣть; насъ сто человѣкъ", и еще что-то въ этомъ родѣ; разслѣдованіемъ было обнаружено, что это произведеніе двухъ мальчиковъ 14 и 10 лѣтъ, изъ хорошихъ семействъ; однимъ словомъ, дѣло объ этомъ письмѣ приняло шуточный характеръ; въ другомъ дѣлалось предупрежденіе Крыжановскому, что его домъ непремѣнно сгоритъ, указывалось время начала пожара, и въ концѣ письма авторъ прибавилъ, что онъ считаетъ своею обязанностью предупредить генералъ-губернатора, изъ особеннаго къ нему расположенія. Сочинителемъ этого письма оказался отставной солдатъ-пьянчужка; письмомъ— хотѣлъ доставить себѣ развлеченіе.

Возбужденіе жителей проявлялось иногда въ опасной формѣ; такъ, напр., былъ случай, что жестоко исколотили двухъ лицъ, остановившихся для извѣстной надобности у забора; кто-то крикнулъ: „поджигатели, мажутъ заборъ", и неосторожные прохожіе предварительно были избиты, а затѣмъ силою были притащены во дворъ 2-ой полицейской части, причемъ толпа немедленно разбѣжалась, а полицейскіе, слыша еще издали крики о томъ, что поймали поджигателей, были въ полномъ недоумѣніи, что̀ дѣлать съ двумя избитыми, противъ которыхъ никто не являлся свидѣтельствовать и противъ которыхъ нельзя было формулировать никакого обвиненія. Очевидно, что пришлось ихъ немедленно отпустить, какъ только участковый товарищъ прокурора нашелъ ихъ въ арестантской.

Помню, еще былъ случай подобнаго рода; обвинили кого-то въ смазываніи забора; заведено было дѣло у судебнаго слѣдователя 2 участка, который подробнымъ слѣдствіемъ, осмотромъ, распросами и т. д., выяснилъ, что никакихъ пятенъ на заборѣ, о которыхъ нѣсколько свидѣтелей заявляло полиціи, не существуетъ и не существовало и подозрѣваемый оказался гражданиномъ самаго мирнаго свойства.

Третій пожаръ, 1 мая, былъ въ старой слободкѣ; первое время разнесся было слухъ, что поджогъ сдѣланъ владѣльцемъ дома, съ цѣлью получить страховую премію; слѣдствіе обнаружило несостоятельность этого предположенія и установило: что во дворѣ дома, съ котораго начался огонь, производились работы, что въ

сараѣ, въ которомъ отдыхали плотники, навалены были массы стружекъ и опилокъ, и что пожаръ начался въ то время, когда рабочіе находились на отдыхѣ; эти послѣдніе давали, конечно, показанія, себя оправдывающія, и пояснили, что они мирно, покойно спали и когда проснулись, то уже горѣлъ, но не сарай, въ которомъ они находились, а смежный съ сараемъ амбаръ другаго хозяина. Въ итогѣ, слѣдовало предполагать, что причина пожара—неосторожное куреніе въ сараѣ.

Въ это время возбужденія народныхъ страстей, трудно было ожидать отъ кого-либо сознанія въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ; всякій понималъ, что онъ въ силу своего сознанія, можетъ сдѣлаться жертвою народной ярости; насколько было велико опасеніе народной мести, объ этомъ можно будетъ судить при разсказѣ моемъ о четвертомъ случаѣ пожара, начавшемся въ такъ называемой Оторвановкѣ.

Былъ онъ 5 мая и грозилъ надѣлать много убытковъ, потому что огонь добрался до желѣзно-дорожныхъ дровяныхъ складовъ, рядомъ съ которыми расположены были и склады частныхъ владѣльцевъ; сгорѣло кажется дровъ на 40,000 рублей, но затѣмъ перемѣнилось направленіе вѣтра, и зданія вокзала, всѣхъ окружавшихъ его мастерскихъ и пакгаузовъ, а также остальные лѣсные матеріалы—уцѣлѣли.

Начался пожаръ при слѣдующей обстановкѣ: одинъ изъ погорѣльцевъ, столяръ, получилъ разрѣшеніе жить и работать въ нежиломъ, новомъ деревянномъ флигелѣ, но подъ условіемъ не разводить огня, такъ какъ флигель былъ безъ оконныхъ рамъ; нѣсколько дней, столяръ,—фамиліи его теперь не помню,—соблюдалъ условіе, но 5 мая не выдержалъ, да и трудно было производить столярныя работы при этомъ условіи, и заварилъ въ котелкѣ клей, въ избѣ, на полу, полномъ стружекъ; пока находился онъ въ избѣ дѣло шло благополучно, но понадобилось ему пойдти зачѣмъ-то въ погребъ; во время его отсутствія, порывъ вѣтра занесъ огонь на стружки и черезъ нѣсколько минутъ изба пылала; жандармъ, жившій по близости, прибѣжалъ къ началу пожара, видѣлъ его причину и увѣрялъ, что легко было потушить, но при первомъ крикѣ: „пожаръ“, все окружающее населеніе бросилось прочь, растерялось и подъ вліяніемъ паническаго страха, вызываемаго всѣми предшествовавшими пожарными событіями,

оказалось въ состояніи полной безпомощности, отдавая на волю и жертву огня свои убогіе достатки. Когда пріѣхала пожарная команда и прибѣжали солдаты, было уже поздно; вѣтеръ моментально сдѣлалъ свое дѣло и въ этотъ послѣдній большой оренбургскій пожаръ, какъ и въ предшествовавшіе, сразу загоралось въ нѣсколькихъ кварталахъ, въ нѣсколькихъ улицахъ. Виновникъ пожара скрылся и отысканъ былъ не скоро; сбѣжалъ же, какъ потомъ самъ объяснялъ, опасаясь народнаго самосуда.

Населеніе волновалось больше и больше, и свѣдѣнія, полученныя о пожарахъ въ Уральскѣ, вполнѣ укрѣпили въ оренбуржцахъ убѣжденія о поджогахъ; первыя административныя мѣры, какъ-то: учрежденіе сторожевыхъ пикетовъ и разобраніе нѣсколькихъ соломенныхъ крышъ, не удовлетворяли усиливавшагося раздраженія; тогда Крыжановскій издалъ приказъ, въ которомъ объявлялось, что виновные въ поджогахъ будутъ судимы военнымъ судомъ, а виновные въ неосторожномъ обращеніи съ огнемъ, помимо наказанія по приговору мироваго судьи, будутъ высылаться изъ Оренбурга; объявленіе это было напечатано и наклеено на всѣхъ перекресткахъ; кромѣ того образована была, подъ предсѣдательствомъ полковника Потто, коммиссія для изслѣдованія причинъ пожаровъ; затѣмъ въ особомъ объявленіи, владѣльцы уцѣлѣвшихъ домовъ приглашались не набавлять цѣны на квартиры; приглашены были агенты страховыхъ обществъ, и сдѣлано имъ было должное внушеніе, по поводу отказовъ отъ пріема на страхъ недвижимостей и движимостей; весь городъ былъ раздѣленъ на 11 участковъ и отвѣтственность и наблюденіе въ каждомъ возложено на штабъ-офицера.

Прежде чѣмъ сказать нѣсколько словъ по поводу этихъ мѣръ, я не могу не разсказать, между прочимъ, одного случая, характеризующаго тогдашнее настроеніе толпы.

Однажды вечеромъ, часовъ въ семь, въ засѣданіе комитета, пріѣзжаетъ за мной адъютантъ генералъ-губернатора Анисимовъ и приглашаетъ къ Крыжановскому. Дорогою, Анисимовъ объяснилъ, что къ Николаю Андреевичу въ домъ народъ привелъ двухъ поджигателей, заявляя, что въ руки полиціи, которая поджигателей выпускаетъ, ихъ отдавать не намѣренъ, и требуетъ надъ ними суда; подъѣзжаемъ къ генералъ-губернаторскому дому; около него толпа, человѣкъ въ четыреста; Крыжановскій ходитъ

по залѣ нѣсколько взволнованный, и, разсказывая въ чемъ дѣло, говоритъ, что онъ убѣдился вполнѣ, что схваченные люди не поджигатели, что народъ заблуждается, но что приведенныхъ нельзя отпустить, ради ихъ же интереса, такъ какъ они и безъ того избиты и толпа, увидя ихъ на свободѣ, можетъ накинуться на нихъ вновь; въ заключеніе онъ просилъ меня взять подозрѣваемыхъ, свидѣтелей и приступить къ производству дознанія; затѣмъ не столько для пресѣченія задержаннымъ возможности скрыться, сколько для ихъ же охраны, вытребовано было нѣсколько часовыхъ изъ ближайшей гауптвахты и Крыжановскій поручилъ Анисимову, подъ личною отвѣтственностью, доставить ихъ въ цѣлости, въ полицейское управленіе. Туда же немедленно отправился и я, а за нами вслѣдъ и вся толпа, дежурившая у генералъ-губернаторскаго крыльца. Курьезная была съ виду процессія; хорошо, во 1-хъ, было то, что на дворѣ уже стемнѣло, а во 2-хъ, идти было недалеко, иначе при большомъ стеченіи народа, это необыкновенное шествіе могло сопровождаться уличными безпорядками.

Поджигателей было двое: одинъ—солдатъ башкирскаго коннаго полка, состоящій на дѣйствительной службѣ, а другой—запасный рядовой того же полка; послѣдній былъ избитъ порядочно и эта потасовка отрезвила его, товарищъ же былъ еще выпивши; когда началось производство дознанія, то свидѣтели исчезли; остался одинъ, давшій такого рода показаніе: что обвиняемые, сидя въ питейномъ заведеніи, вели между собою разговоръ о томъ, что нужно поджигать и что они подожгутъ Чебеньки (часть города, расположенная на самомъ берегу Урала); подлинныхъ словъ свидѣтель передать не могъ, объясняя, что заключилъ о намѣреніяхъ обвиняемыхъ по общему характеру ихъ разговора. Башкирцы, по поводу вышеизложеннаго объяснили: что пили водку съ утра, пили много, сидя въ кабакѣ говорили о пожарахъ, перебирая сгорѣвшія части города, и въ видѣ предположенія, въ виду часто повторяющихся пожаровъ, высказали, что теперь очередь за Чебеньками. Кабатчикъ и его жена показали: что въ кабакѣ было много народа, кто-то указывая на пьяныхъ болтавшихъ солдатъ, закричалъ: „вотъ поджигатели“, толпа подхватила, начали ихъ бить, прибѣжалъ народъ съ улицы, а затѣмъ и поволокли ихъ къ генералъ-губернатору.

Такимъ образомъ вполнѣ выяснилось, что грозные поджигатели виновны въ одномъ—въ чрезмѣрномъ пьянствѣ; для вытрезвленія посажены они были въ арестантскую и утромъ отпущены.

Вслѣдъ за опубликованіемъ генералъ-губернаторскаго распоряженія о поджигателяхъ, возникло дѣло объ одномъ мѣщанинѣ, жившемъ въ Новой Слободкѣ и учинившемъ поджогъ посредствомъ керосина, которымъ онъ облилъ стоявшій въ комнатѣ шкафъ; пожаръ былъ скоро потушенъ и ограничился однимъ домомъ; виновникъ его оказался обыкновеннымъ пропойцею; поводъ пожара—ссора съ женою и тещею и желаніе имъ досадить, желаніе, явившееся въ состояніи опьяненія и полнѣйшее раскаяніе въ содѣянномъ, при отрезвленіи. Конечно, нельзя было такого поджигателя судить военнымъ судомъ и Крыжановскій этого не потребовалъ, а больше и не было дѣлъ о поджогахъ.

Коммисія, о которой я упомянулъ выше, родилась по слѣдующему поводу: однажды, у Крыжановскаго сидѣли Астафьевъ, Холодковскій и я; разсуждали о пожарахъ и о разныхъ противопожарныхъ мѣропріятіяхъ. Вдругъ Крыжановскій, обращаясь къ намъ, говоритъ: „знаете что, какая мнѣ мысль пришла; необходимо изслѣдовать причины пожаровъ всесторонне; собрать во едино не только факты дѣйствительные, выборкою ихъ изъ дѣлъ, но и провѣрять всѣ слухи, и такъ какъ полиція наша, по малочисленности своей, не имѣетъ въ своемъ распоряженіи средствъ, то я полагаю назначить коммисію подъ предсѣдательствомъ начальника юнкерскаго училища, Потто; его юнкера вездѣ бываютъ, все слышатъ, все знаютъ; они замѣнятъ въ данномъ случаѣ полицію; въ составъ коммисіи я думаю назначить: жандармскаго полковника Дувинга, моего чиновника особыхъ порученій Стоkаленко, одного изъ офицеровъ юнкерскаго училища, и васъ (обращаясь ко мнѣ) прошу командировать одного изъ товарищей прокурора“.

Затѣмъ было рѣшено, что дѣятельность коммисіи сведется, такъ сказать, къ негласному дознанію, и что тѣ факты, которые будутъ признаны ею правдоподобными, будутъ сообщаться въ подлежащія судебныя учрежденія. Потто было послано коротенькое предписаніе, а на словахъ были ему разъяснены: задача коммисіи, ея права и обязанности.

Не тутъ-то было; счелъ себя Потто слѣдователемъ по особо

важнымъ дѣламъ, началъ производить слѣдствіе, посылаетъ приставу записку, писанную карандашомъ, объ арестованіи одного мѣщанина, освобожденнаго только что судебнымъ слѣдователемъ, призываетъ къ допросу разныхъ лицъ, держитъ ихъ часовъ по 10-ти и т. п.

Товарищъ прокурора Старнавскій пытался умѣрить эти порывы, но напрасно. Тогда на имя Потто было послано подробное предписаніе, разъясняющее характеръ его дѣятельности; Потто сразу остылъ къ возложенному на него порученію, и коммисія, послѣ двухъ, трехъ засѣданій, прекратила свое существованіе, сама по себѣ, безъ особаго даже распоряженія генералъ-губернатора. Крыжановскій забылъ о ней, я въ концѣ мая былъ переведенъ изъ Оренбурга, вопросъ о пожарахъ и поджогахъ потерялъ свою жгучесть, общество начало интересоваться дѣятельностью комитета народной помощи и коммисія также внезапно исчезла съ лица земли, какъ внезапно и появилась.

О дѣятельности комитета народной помощи, если описывать всѣ его дѣйствія и распоряженія, если описывать все то, что происходило въ ежедневныхъ засѣданіяхъ комитета, пришлось бы писать очень много. Скажу только одно: много насъ тамъ засѣдало и собирались мы чуть не ежедневно, но не всякое засѣданіе давало какіе нибудь практическіе результаты; не то, чтобъ мы ничего не сдѣлали полезнаго,—нѣтъ; но многаго достигали послѣ продолжительныхъ и безполезныхъ разговоровъ, до многаго доходили ощупью, отъ принятой системы постоянно дѣлались отступленія, и вообще во всей нашей работѣ мало было солидности. Напр., вечеромъ въ засѣданіи, дѣлается постановленіе, чтобы погорѣльцы были размѣщены въ такихъ-то и такихъ-то зданіяхъ; участковымъ попечителямъ предоставляется право, со слѣдующаго же дня, выдавать погорѣльцамъ билеты на занятіе квартиры, и что же оказывается: погорѣльцы возвращаются, объясняя про одно зданіе, что оно не очищено, про другое, что въ немъ больше 30-ти семействъ помѣститься не могутъ (а записокъ роздано 150) и т. п.

По медицинской части, напримѣръ, комитетомъ принимались слѣдующія распоряженія; сегодня постановили, чтобы врачи, въ теченіи извѣстныхъ часовъ, объѣзжали назначенные имъ участки; на утро, врачи, исполняя комитетское опредѣленіе, катаются изъ

улицы въ улицу по пожарищу, но ни одинъ больной ихъ не останавливаетъ и по пусту въ катаніи затрачивается время; на другой день, первое опредѣленіе, въ виду непрактичности, отмѣняется и назначаются дежурства врачей по полицейскимъ частямъ, во время раздачи хлѣба; эта мѣра тоже оказывается неудобною, такъ какъ докторамъ приходится терять много времени, и наконецъ кончаютъ тѣмъ, что назначается одинъ пунктъ для пріема больныхъ, въ опрѣделенные часы, въ городовомъ полицейскомъ управленіи; населеніе между тѣмъ сбивается съ толку; сегодня ждутъ врачей на улицахъ, завтра тоже, потомъ узнаютъ о новомъ распоряженіи и, при взаимномъ стремленіи другъ къ другу, только черезъ недѣлю добиваются, гдѣ и когда можно навѣрное застать врача.

Также было и съ вещами Краснаго Креста; сегодня, завтра, выдаютъ всѣмъ безъ разбора; потомъ узнаютъ, что получающіе злоупотребляютъ, продаютъ, закладываютъ, пропиваютъ вещи; отмѣняется первое распоряженіе и объявляется, что вещи будутъ выдаваться не иначе, какъ по запискамъ участковыхъ попечителей; результатовъ отъ этой перемѣны не получалось никакихъ, потому что недобросовѣстныя просительницы получали по нѣсколько записокъ, мѣняя свои фамиліи, да и вообще участковые попечители не въ состояніи были распознать истинно нуждающихся. Затѣмъ, неожиданно отмѣняется и это распоряженіе, и члены дамскаго комитета начинаютъ раздавать погорѣльцамъ вещи на мѣстахъ ихъ жительства; а въ это время, бо̀льшая часть, не зная ничего о новомъ порядкѣ, осаждаетъ попечителей съ просьбами о разрѣшительныхъ запискахъ и напрасно выжидаетъ и выстаиваетъ у запертыхъ дверей склада.

Вышеприведенные примѣры наглядно и убѣдительно показываютъ, насколько несистематично велось дѣло народной помощи, насколько мы мало одѣлены организаторскими способностями и насколько мы слабы въ дѣлахъ, требующихъ спѣшной распорядительности.

Оканчивая на этомъ описаніе времени многопамятнаго въ исторіи города Оренбурга, я не могу не упомянуть, что долженъ былъ отказаться отъ поставленной мною задачи, разсказать всѣ тѣ факты, которыхъ я былъ очевидцемъ, такъ какъ пришлось бы

выставить на сцену слишкомъ много личностей, нынѣ еще здравствующихъ и благодушествующихъ; явились бы поправки, возраженія, не всякій захочетъ остаться въ печати такимъ, какимъ онъ выставленъ, а потому и ограничиваюсь передачею лишь въ общихъ чертахъ тѣхъ событій, которыя послужили предметомъ настоящаго очерка.

А. Т. Тимановскій

Апрѣль 1880 г.

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ ГОЛЕВЪ

1805—1880.

I.

Еще одну утрату понесла семья Севастопольцевъ, столь значительно уже порѣдѣвшая [1]).

Въ г. Самарѣ, въ 5-мъ часу утра 9 октября, скончался генералъ-маіоръ Иванъ Петровичъ Голевъ, послѣ продолжительной и тяжкой болѣзни. Его торжественно, съ подобавшими ему воинскими почестями, похоронилъ баталіонъ квартирующаго въ городѣ Гурійскаго пѣхотнаго полка, въ присутствіи собравшихся на похороны почти всѣхъ, наличныхъ въ Самарѣ, Севастопольцевъ, въ Иверскомъ дѣвичьемъ монастырѣ, и вотъ чтò я счелъ долгомъ сказать на свѣжей могилѣ моего стараго полковаго командира и друга:

«Горючія слезы неудержимо льются изъ очей тѣхъ, кому, какъ мнѣ, покойный И. П. Голевъ былъ искреннимъ и вѣрнымъ другомъ въ продолженіи долгихъ лѣтъ.

Но не однѣмъ слезамъ дружбы орошать эту свѣжую могилу. Каждый, кому дорогà слава русскаго оружія,—слава Россіи, долженъ почтить память усопшаго благодарственной слезой. Генералъ

---

[1]) Дѣйствительно: изъ замѣчательнѣйшихъ Севастопольскихъ дѣятелей,—не говоримъ о морякахъ, командовавшихъ отдѣльными частями или занимавшихъ самостоятельные, болѣе важные посты,—дѣятелей, упоминавшихся въ реляціяхъ, слѣдовательно выдававшихся своими подвигами, сколько намъ извѣстно, остаются нынѣ въ живыхъ лишь слѣд. лица: графъ Тотлебенъ, графъ Коцебу, Крыжановскій, Баумгартенъ, Козляниновъ 2, Ганъ, князь Урусовъ, Тимашевъ, Герсевановъ, Мельниковъ (извѣстный оберъ-кротъ) Циммерманъ, Тидебель, Саловъ, Красновъ, бывшіе командиры полковъ: Украинскаго — Бельгардтъ, Азовскаго — князь Святополкъ-Мірскій, Екатеринбургскаго — Веревкинъ. П. А.

Голевъ имѣетъ право на такое сочувствіе, своею кровью вписавъ въ военную исторію своего отечества нѣсколько славныхъ строкъ.

Не стану исчислять здѣсь подробностей боеваго участія генерала Голева въ нѣсколькихъ войнахъ. Скажу только, что онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ 4000 нашихъ героевъ, которые, въ ночь съ 14 на 15 сентября 1829 года, подъ начальствомъ Гейсмара, разбили и уничтожили двадцати-шести тысячный отрядъ Турокъ, подъ Бийлештами. Довольно будетъ, если я прибавлю, что въ Восточную войну 1853—56 годовъ Голевъ командовалъ Камчатскимъ егерскимъ полкомъ.

Слава, которую составилъ себѣ Камчатскій полкъ въ Севастополѣ, извѣстна не только военнымъ, но каждому, кого интересуетъ исторія Россіи.

Всѣ ли, однако, помнятъ событіе, доказавшее, что въ свое командованіе полкомъ, Голевъ успѣлъ вдохнуть въ него тотъ истинно геройскій духъ, подъ наитіемъ котораго солдаты не знаютъ невозможнаго, тотъ духъ, что приводитъ ихъ къ великимъ подвигамъ?

Извѣстно, что 27 августа 1855 года, мы имѣли единственный путь отступленія изъ Севастополя—мостъ черезъ бухту. Ключемъ этого отступленія для войскъ лѣвой половины оборонительной линіи былъ 3-й бастіонъ. Перейди этотъ бастіонъ въ руки непріятеля, и бо̀льшей части арміи севастопольскихъ защитниковъ предстояло «лечь костьми»,—такъ какъ русскія арміи не сдаются!

Великое значеніе 3-го бастіона знали союзники и потому для взятія его пошла вся армія англичанъ, пошла и.... взяла бастіонъ!.... Врагъ уже торжествовалъ неслыханную побѣду, но она была вырвана у него изъ рукъ штыками Камчатцевъ.

Роты Камчатскаго полка ударили съ фланга на англичанъ, занявшихъ уже бастіонъ, опрокинули ихъ въ ровъ и удержали бастіонъ до прибытія резервовъ. Два раза, затѣмъ, англичане возобновляли штурмъ бастіона, но, заваливъ своими трупами его ровъ, бастіона не взяли. 3-й бастіонъ остался за нами и Севастопольцы лѣвой половины оборонительной линіи были спасены,—путь отступленія имъ былъ обезпеченъ!

Подвигъ Камчатцевъ достойно оцѣнятъ историки Севастопольской обороны, но достойнѣйшую оцѣнку этотъ подвигъ нашелъ въ своемъ Верховномъ, Вѣнценосномъ Вождѣ. Государь Императоръ, на смотру II-й пѣхотной дивизіи, на Инкерманскихъ высотахъ, въ ноябрѣ 1855 года, изволилъ, передъ фронтомъ войскъ, спросить главнокомандующаго: «Отчего представляется на смотру только одинъ баталіонъ Камчатскаго полка?» Главнокомандующій доложилъ, что полкъ, за

огромною убылью офицеровъ и солдатъ въ Севастополѣ, переформированъ изъ четырехъ-баталіоннаго состава въ два баталіона [1]), изъ которыхъ одинъ находится на аванпостахъ. Тогда Государь, обращаясь къ войскамъ, изволилъ сказать громогласно:

«Одинъ баталіонъ Камчатцевъ—четырехъ стоитъ!» [2]).

Мнѣ прибавлять нечего. Россія въ каждомъ защитникѣ Севастополя справедливо видѣла героя.

Кто изъ вождей Севастопольскихъ съумѣлъ вдохнуть въ своихъ подчиненныхъ тотъ духъ, что каждаго изъ нихъ сдѣлалъ равнымъ четыремъ героямъ, тотъ спокойно можетъ сойти въ могилу—онъ честно сослужилъ свою службу Россіи и она его не забудетъ!...

Какъ на засвидѣтельствованіе дѣйствительности заслугъ генерала Голева Царю и Отечеству, мы могли бы ограничиться указаніемъ только на слѣдующій отрадный фактъ: я счелъ своимъ долгомъ довесть, 9 октября, по телеграфу, до свѣдѣнія господина военнаго министра о кончинѣ генерала Голева и 11 октября уже удостоился получить отъ его сіятельства депешу, сообщившую мнѣ, что съ Высочайшаго соизволенія, будутъ по генералѣ Голевѣ отслужены панихиды: въ Севастополѣ и въ Камчатскомъ пѣхотномъ полку; но мы, не ограничиваясь приведеніемъ этого, повторяемъ, отраднаго факта, вновь доказавшаго: какъ твердое и честное выполненіе своего долга Отечеству на службѣ Севастопольской, и послѣ двадцати-пятилѣтней отставки, вспоминается и достойно чтится Русскимъ Царемъ,—позволяемъ себѣ сдѣлать бѣглый очеркъ служебной дѣятельности покойнаго, чтобы доказать его права на уваженіе и память соотечественниковъ. Мы сочли не лишнимъ въ этомъ же очеркѣ привесть, сохранившіеся въ нашихъ Запискахъ, нѣкоторые изъ разсказовъ Голева о видѣнномъ и слышанномъ имъ въ его долголѣтней жизни.

---

[1]) Камчатскій полкъ вступилъ въ Севастополь имѣя: шт.-офицеровъ 3, оберъ-оф. 45, нижнихъ чиновъ 2983. Во время пребыванія въ Севастополѣ на укомплектованіе онаго поступило нижнихъ чиновъ 772. Слѣдовательно полкъ имѣлъ въ Севастополѣ 3755 человѣкъ. Въ Севастополѣ полкъ потерялъ: убитыми и умершими отъ ранъ: шт.-оф. 4, оберъ-оф. 23; ранеными: шт.-оф. 3, оберъ-оф. 24; контуженными: шт.-оф. 1, оберъ-оф. 8; безъ вѣсти пропавшими: об.-оф. 1; т. е. всего 64. Нижнихъ чиновъ: убитыми 488, ранеными 1943, контуженными 1052, безъ вѣсти пропавшими 32, итого 3515. Если изъ полка еще могло быть сформировано 2 баталіона, то потому что раненые и контуженные, по выздоровленіи, возвращались къ своему мѣсту.

[2]) Мои „Походныя Записки“, т. II, стр. 389. Богдановичъ. Восточная война 1853—56 годовъ, т. IV, стр. 201. П. А.

II.

И. П. Голевъ, изъ дворянъ Петербургской губерніи, родился 13-го августа 1805 года. Намъ не извѣстно, какое служебное положеніе занималъ родитель покойнаго, въ послѣдніе дни свои; но знаемъ, что онъ съ честью служилъ въ военной службѣ, что доказывается хранящимся у насъ Высочайшимъ рескриптомъ на его имя, за собственноручною подписью въ Бозѣ почившаго Императора Александра I, на пожалованную ему, 23 ноября 1807 года, золотую шпагу за Прейсишь-Эйлаусское дѣло [1]).

Иванъ Петровичъ лишился родителей въ раннемъ дѣтствѣ и былъ помѣщенъ въ императорскій военно-сиротскій домъ, (впослѣдствіи преобразованный въ Павловскій кадетскій корпусъ), откуда выпущенъ, съ чиномъ прапорщика, 8 августа 1823 года, въ Томскій егерскій (нынѣ пѣхотный) полкъ, состоявшій въ 16-й дивизіи бывшей тогда 2-й арміи, фельдмаршала Витгенштейна.

---

[1]) Вотъ этотъ замѣчательный документъ, мнѣ подаренный покойнымъ Иваномъ Петровичемъ, написанный на полулистѣ обыкновенной, полубѣлой бумаги:

Господинъ маіоръ Голевъ.

Въ вознагражденіе отличной храбрости, оказанной вами въ сраженіи противъ французскихъ войскъ 27 генваря при Прейсишь-Эйлау, гдѣ вы находились у прикрытія батареи и, отражая непріятеля, покушавшагося на оную, аттаковали его въ деревнѣ Шлодитенъ и, выгнавъ онаго, преслѣдовали, нанося ему сильное пораженіе, при чемъ оказали примѣрную неустрашимость и рвеніе къ службѣ. Жалую вамъ золотую шпагу съ надписью „за храбрость", увѣренъ будучи, что сіе послужитъ вамъ поощреніемъ къ вашему продолженію усердной службы вашей. Пребываю вамъ благосклонный Александръ.

Въ С.-Петербургѣ. 23 ноября 1807 г.

Полагаемъ умѣстнымъ сказать здѣсь: когда, уже около 9 часовъ вечера, Наполеонъ увидѣлъ необходимость прекратить Прейсишь-Эйлаусскую битву и отступить на соединеніе съ своими свѣжими войсками, внезапно, въ тылу нашего праваго фланга, раздалась канонада. Это было наступленіе Нея, который слѣдуя на помощь Наполеону, опрокинулъ всѣ наши и прусскіе, встрѣченные имъ, отряды и атаковалъ селеніе Шлодитенъ, наполненное нашими ранеными. „Бенигсенъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ отъ Кенигсберга, отрядилъ противъ Нея нѣсколько полковъ, и въ числѣ ихъ Таврическій гренадерскій и Воронежскій мушкатерскій, кои, ударивъ въ штыки, овладѣли Шлодитеномъ и заставили французовъ отступить къ Альтгофу. Это былъ послѣдній актъ пятнадцати-часоваго кровопролитнаго сраженія при Прейсишь-Эйлау". Богдановичъ. История царст. имп. Александра I и пр. Спб. 1869, т. II, стр. 219.

П. А.

Вотъ что разсказывалъ Голевъ изъ временъ служенія его во 2-й арміи. Едва, по выпускѣ изъ училища, въ 1823 году, Голевъ пріѣхалъ на службу въ полкъ, какъ сдѣлался свидѣтелемъ замѣчательнаго случая.

Назначенъ былъ смотръ подъ Тульчиномъ и въ началѣ октября 1823 года двухдневный маневръ въ присутствіи, блаженной памяти, императора Александра I. Къ смотру былъ собранъ весь 6-й корпусъ. Главнокомандующимъ былъ фельдмаршалъ Витгенштейнъ, начальникомъ штаба у него Киселевъ, (впослѣдствіи графъ и министръ государственныхъ имуществъ).

Извѣстно, что въ то время офицеры арміи Витгенштейна были проникнуты либеральнымъ духомъ. Особенно это направленіе сильнѣе другихъ сказывалось въ 16-й дивизіи, которою командовалъ Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ, молодой генералъ блистательныхъ дарованій, красавецъ собой, огромнаго роста, стройный, бѣлый, румяный, брюнетъ съ большой лысиной. Самъ Орловъ былъ человѣкъ вполнѣ свободномыслящій, а потому естественно покровительствовалъ офицерамъ того же направленія, тѣмъ болѣе, что вначалѣ всецѣло принадлежалъ къ сильно развитому тогда во 2-й арміи тайному обществу, извѣстному подъ именемъ «Союза благоденствія». Однимъ изъ бригадныхъ командировъ дивизіи Орлова былъ генералъ Болховской, еще будучи капитаномъ стоявшій въ караулѣ въ Михайловскомъ замкѣ, въ ночь кончины императора Павла! Болховской не стѣсняясь хвасталъ, что его шарфъ получилъ историческую извѣстность. Государю было издавна извѣстно направленіе Орлова, прежде пользовавшагося особеннымъ расположеніемъ государя, но впослѣдствіи лишившагося таковаго. Участіе Орлова въ тайномъ обществѣ сдѣлалось извѣстнымъ изъ бумагъ арестованнаго корпуснымъ командиромъ Сабанѣевымъ маіора В. Ѳ. Раевскаго, завѣдывавшаго Ланкастерской школой въ дивизіи Орлова.

Когда, на смотру, пошла мимо государя дивизія Орлова церемоніальнымъ маршемъ, императоръ взволновался до крайности. Волненіе это отразилось на конѣ государя: конь танцовалъ все время на мѣстѣ, подъ нетерпѣливыми движеніями государя, отъ его шпоръ и непрестаннаго дерганія мундштукомъ. Конь покрылся пѣной, стоя на мѣстѣ. Когда, отсалютовавъ, Орловъ сдѣлалъ заѣздъ и подскакалъ къ императору, то государь громко сказалъ ему: «Совѣтовалъ бы я вамъ, генералъ, больше заниматься ввѣренною вамъ дивизіею, чѣмъ дѣлами моей имперіи!» [1]).

---

[1]) Подобную этому фразу вкладываютъ въ уста покойнаго государя, будто бы отнесенную имъ къ князю Волконскому, въ другое время. (Богдановичъ.

Въ тотъ же день Орловъ и оба его бригадные командира были устранены отъ должностей, что возбудило ропотъ и неудовольствіе офицеровъ, очень любившихъ Орлова.

Кончился двухдневный маневръ 4 и 5 октября. Войска измучились до крайней степени. Солдатамъ эти двое сутокъ не варили пищи, они довольствовались хлѣбомъ, бывшимъ въ ихъ ранцахъ. Зато по окончаніи маневра, солдатамъ было приготовлено обильное угощеніе: водка, мясо, булки; для офицеровъ изготовленъ обѣдъ, каждому полку отдѣльно. Для государя, генераловъ и полковыхъ командировъ всего отряда, для свиты и приглашенныхъ лицъ былъ выстроенъ особый павильонъ, въ которомъ приготовилось роскошное пиршество. Во время царскаго обѣда пѣхота образовала огромное каре, вокругъ сказаннаго павильона, за нею поставили кавалерію и далѣе, на высотахъ, артиллерію, которой приказано открыть пальбу, когда начнутся тосты. Въ началѣ все шло очень чинно; но едва взвилась сигнальная ракета и раздался артиллерійскій залпъ, какъ произошло нѣчто поразительное. Пѣхотинцы, какъ мы выше замѣтили, проголодавшіеся въ теченіи двухъ сутокъ, выпивъ водки, по чаркѣ, по другой, на тощій желудокъ, опьянѣли и забылись до того, что когда артиллерія начала стрѣлять—тоже стали стрѣлять, безъ приказанія. Кто началъ—потомъ самое строгое слѣдствіе обнаружить не могло. Однимъ словомъ, загорѣлся адскій огонь вокругъ павильона—50,000 человѣкъ палило безъостановочно! Произошло смятеніе. Государь сейчасъ же, не кончивъ обѣда, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ въ Тульчинъ. Генералы поскакали къ своимъ частямъ, кричали, махали платками, шляпами, силясь остановить пальбу, но всѣ усилія ихъ были тщетны—пальба продолжалась. Тотчасъ начали разводить полки по мѣстамъ, но и тутъ пальба не прекращалась. Мало того, было множество публики, съѣхавшейся посмотрѣть на Государя и на блистательный смотръ, множество поляковъ, помѣщиковъ съ семействами, со всѣхъ окрестностей. Солдаты стали стрѣлять въ экипажи и лошадей публики: многія лошади понесли, другія стали биться на мѣстѣ; дамы перепугались, поднялся крикъ, шумъ; словомъ произошелъ страшный переполохъ.

Потомъ разсказывали, что эта пальба произошла отнюдь не случайно, а была устроена заговорщиками, предполагавшими воспользоваться

Ист. царс. им. Александра, т. IV, ст. 503). Но Голевъ, прочтя это указаніе, настаивалъ на вѣрности своего разсказа, подтверждая его врѣзавшимся въ его память, дерзкимъ (неудобнымъ для печати) возгласомъ, который позволяли себѣ дѣлать офицеры, когда передавался ими другъ другу изложенный разсказъ.

П. А.

зоваться ею, чтобы убить государя. Утверждали, что съ этою цѣлью были подговорены особыя лица, изъ числа разжалованныхъ, которыхъ тогда было очень много въ полкахъ и что имъ на этотъ предметъ были розданы боевые патроны.

Мы должны здѣсь замѣтить, что настоящій разсказъ о неудачномъ исходѣ военнаго празднества подъ Тульчиномъ, совершенно противорѣчитъ разсказу о томъ же событіи Н. В. Басаргина. (XIX вѣкъ. Сборникъ Бартенева. Книга I, стр. 83—84). Басаргинъ говоритъ, что пальба артиллеріи и пѣхоты производилась при тостѣ за здоровье Государя, вслѣдствіе заранѣе сдѣланнаго распоряженія, тогда какъ Голевъ увѣрялъ, что пальба пѣхотою произведена самопроизвольно и даже по злоумышленному подстрекательству. Голевъ разсказывалъ, что по этому поводу производилось строгое слѣдствіе, котораго быть не могло, еслибы пальба была слѣдствіемъ заранѣе сдѣланнаго распоряженія. Выдумать такой фактъ, какъ производство слѣдствія, Голевъ не могъ. Далѣе. Голевъ разсказывалъ, что недовольный происшедшею пальбою, государь уѣхалъ до конца обѣда, а Басаргинъ говоритъ, что государь всѣмъ праздникомъ былъ чрезвычайно доволенъ. Кому же вѣрить? Оба очевидцы событія. Нельзя ли предположить, что Басаргинъ, какъ самъ участникъ заговора, умышленно представилъ событіе не въ надлежащемъ освѣщеніи, что бы не дать повода къ предположенію о возможности участія заговорщиковъ въ произведеніи этого безпорядка, вызваннаго неудавшимся замысломъ?

Вотъ еще два разсказа Голева, относящіеся ко времени стоянки подъ Тульчиномъ:

Дивизіей командовалъ генералъ-лейтенантъ Корниловъ, (отецъ извѣстнаго севастопольскаго героя, убитаго въ первую бомбардировку). По словамъ Голева, это былъ всѣми любимый начальникъ, герой 1812 года, съ Георгіемъ на шеѣ, человѣкъ твердый, рѣшительный, смѣлый, всегда прямо и рѣзко говорившій правду сильнымъ міра сего.

Послѣ 14 декабря и открытія заговора во 2-й арміи, многихъ офицеровъ арестовывали, внезапно увозили или преслѣдовали подозрѣніями и держали подъ секретнымъ надзоромъ. Между офицерами, а въ особенности между начальствующими была паника. Въ одномъ изъ полковъ дивизіи Корнилова, а именно въ Селенгинскомъ, произошла какая-то маленькая неурядица между офицерами, которую почти каждый изъ начальниковъ того времени, подъ вліяніемъ тойже паники, непремѣнно возвелъ бы на степень исторіи—почти каждый, но не Корниловъ. Онъ окончилъ это дѣло домашнимъ образомъ, даже не доведя о немъ до свѣдѣнія начальства, какъ о случаѣ совершенно незначительномъ. Между тѣмъ, нашлись таки добрые люди,

которые передали объ этомъ дѣлѣ Витгенштейну. Вотъ какъ-то, вскорѣ послѣ этого, фельдмаршалъ за обѣдомъ у себя и спрашиваетъ Корнилова: «Что у васъ тамъ такое въ Селенгинскомъ полку было между офицерами, генералъ?»

— Ровно ничего, ваша свѣтлость. Пустяки сущіе. И говорить то объ этомъ не стоитъ, а вотъ объ этомъ такъ стоитъ поразмыслить: какъ это вашей с—и дѣлается извѣстнымъ, что за тридевять отъ васъ земель, въ какомъ нибудь Селенгинскомъ полку, какой-то вздоръ произойдетъ, а какъ около васъ самихъ всѣ покарбонарились, вы и замѣтить не изволили!

Разговоръ на этомъ и прекратился.

Второй разсказъ, уже комическаго свойства. Тучковъ (впослѣдствіи Московскій генералъ-губернаторъ), въ молодости былъ большой проказникъ и шутникъ.

Гвардія, возвращаясь изъ Турецкой кампаніи, нѣкоторое время стояла подъ Тульчиномъ. Скука въ жидовскомъ городишкѣ заставляла искать развлеченій. Тучковъ занималъ хорошенькое помѣщеніе, на лучшей улицѣ городка, вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ Жемчужниковымъ; напротивъ помѣщалась цирюльня, съ обычною вывѣскою и надписью: «здѣсь стригутъ, брѣютъ» и пр. и обозначеніемъ цѣны каждой операціи, а именно: за бритье 20 к. и т. д. Тучковъ прекрасно рисовалъ. Жемчужниковъ замѣчаетъ, что дня три сряду Тучковъ работаетъ надъ большой картиной, по бумагѣ, на картонѣ. Каково же было его удивленіе, когда взглянувъ на картину, онъ увидѣлъ изображеніе сидящаго на стулѣ человѣка, которому другой намыливаетъ лицо, внизу крупная надпись: 10 коп.! На утро эта новая вывѣска появилась надъ квартирой товарищей. Не прошло и часу, какъ какой-то прилично одѣтый шляхтичъ, проходя мимо, усмотрѣлъ, что здѣсь можно побриться вполовину дешевлѣ, чѣмъ у цирюльника vis-a-vis и вошелъ въ домъ. Его встрѣтилъ Тучковъ въ архалукѣ, съ мыльницей и кисточкой въ рукахъ.

— Можно? спрашиваетъ шляхтичъ.

— Садитесь, отвѣчаетъ Тучковъ, подвигая ему стулъ и тотчасъ взбивъ въ мыльницѣ массу мыла, долго и густо началъ мылить ему все лице, оставивъ не замазанными только глаза, лобъ и носъ,—намылилъ и говоритъ:—готово!—пожалуйте деньги...

— «Такъ брѣйте-же!..»

— Здѣсь не брѣютъ, а только мылютъ,—брѣютъ напротивъ, не угодно ли отправиться туда.

— «Помилуйте, что же это такое? Дайте хоть полотенце обтереться».

— Нѣтъ ужъ извините, у насъ полотенецъ нѣтъ,—отправляйтесь,

отправляйтесь—и не давъ шляхтичу опомниться, выпроводилъ его за дверь, всего въ мылѣ.

Въ первую царствованія императора Николая турецкую войну, Голевъ перешелъ Прутъ 26 апрѣля 1828 года и послѣ блистательнаго въ оной участія, будучи награжденъ за достопамятное ночное пораженіе Турокъ подъ Быйлештами, чиномъ поручика, и двукратно перенеся всѣ ужасы чумы, воротился съ полкомъ въ Россію только 24 октября 1832 года, т. е. пробывъ въ Турціи и въ Придунайскихъ княжествахъ 4 года и 6 мѣсяцевъ сряду. Столь продолжительное пребываніе въ названныхъ мѣстностяхъ дало возможность Голеву въ совершенствѣ изучить молдавскій языкъ, на которомъ онъ сталъ говорить какъ на русскомъ, что послужило ему въ пользу на его дальнѣйшей службѣ.

Въ этотъ періодъ времени, а именно, въ 1830 году, наши войска вторично были поражены ужаснымъ бичемъ Божіимъ—чумою. Вотъ что разсказывалъ мнѣ Голевъ о ея появленіи.

По окончаніи турецкой кампаніи, наши арміи воротились въ Россію, оставивъ въ Молдо-Валахіи, впредь до уплаты условленной по Адріанопольскому миру контрибуціи, дивизію пѣхоты, дивизію кавалеріи, съ соотвѣтствующимъ числомъ артиллеріи и казаковъ. При отбытіи нашихъ войскъ нигдѣ не было никакого признака чумы. Оставшаяся на окупацію пѣхота съ артиллеріей была размѣщена въ кр. Силистріи и на десятиверстномъ вокругъ нея пространствѣ, при чемъ селенія и деревни, лѣса и воды этого раіона были отданы въ распоряженіе окупаціонныхъ войскъ. Тѣ Турки этого раіона, у которыхъ были еще какія нибудь средства, эмигрировали, остались только совершенные бѣдняки, да болгаре не покидали своихъ жилищъ. Комендантъ крѣпости, инженерный генералъ Руппертъ, предложилъ окупаціоннымъ войскамъ на топливо, варку пищи и печеніе хлѣба получать деньгами, по утвержденнымъ цѣнамъ, принявъ на себя заботу о заготовкѣ необходимаго матеріала. Разумѣется, такое распоряженіе пришлось очень по сердцу полковымъ командирамъ, которые и поспѣшили условиться съ ротными командирами объ отпускѣ имъ нѣкоторыхъ суммъ съ тѣмъ, чтобы сами роты заготовляли себѣ топливо. Дѣло закипѣло. Пошла усиленная рубка лѣсовъ въ окрестностяхъ Силистріи; но однажды, а именно, на Николинъ день, 6 декаб. 1830, случилось, что въ одной изъ ротъ Томскаго полка, въ которомъ служилъ Голевъ, не оказалось дровъ и ротный командиръ, по случаю большаго праздника, пожалѣлъ послать солдатъ за нѣсколько верстъ въ лѣсъ, на рубку, приказавъ фельдфебелю: достать гдѣ нибудь топлива поближе. Силистрія, какъ и всѣ турецкіе города, не только

окружена мусульманскими кладбищами, но изобилуетъ ими въ самой городской чертѣ. Турки хоронятъ своихъ мертвыхъ безъ гробовъ. Они кладутъ тѣло въ неглубокую могилу и подъ покойникомъ устраиваютъ нѣчто въ родѣ односкатной крыши, причемъ доски и бревешки, служащія матеріаломъ для таковой, однимъ концемъ упираются въ дно могилы, а другимъ, часто, торчатъ надъ ея поверхностью. Съ одного изъ такихъ, ближайшихъ къ городу кладбищъ, солдаты и натаскали досокъ и бревешекъ, повыдергавъ ихъ изъ могилъ. На утро, когда всѣ въ этой ротѣ поднялись, видятъ, что люди, доставлявшіе наканунѣ дрова, не встаютъ. Сначала думали—утомились. Дали имъ выспаться, опять поглядѣли—спятъ. Чтобы такое значило? Разбудили ихъ, растолкали, видятъ—они въ какомъ то неестественномъ состояніи. Разумѣется, ихъ тотчасъ стащили въ лазаретъ. Тамъ, полковой штабъ-лекарь Томскаго полка Лукинъ, вмѣсто того, чтобы осмотрѣть этихъ людей внимательно и опредѣлить ихъ болѣзнь возможно точнѣе, отнесся къ нимъ съ полной небрежностью, признавъ ихъ пьяными и не принялъ никакихъ мѣръ къ ихъ излеченію. Къ утру всѣ эти люди умерли. Когда же ихъ раздѣли и увидѣли на ихъ тѣлѣ черныя пятна, то и это не образумило Лукина—онъ призналъ эти пятна слѣдствіемъ гастрической горячки. Черезъ день въ лазаретѣ Лукина умеръ фельдшеръ, осматривавшій умершихъ солдатъ, а затѣмъ чума вступила въ свои права и пошла косить людей! Но Лукинъ, боясь слѣдствія и тяжелыхъ для себя его результатовъ, скрывалъ отъ начальства ужасную истину, показывая, что сильное заболѣваніе и смертность происходятъ отъ обыкновенныхъ болѣзней! Однако, этотъ страшный секретъ долго удержать было невозможно: о появленіи чумы сдѣлалось извѣстнымъ начальству и тотчасъ наѣхало въ Силистрію множество слѣдователей, присланныхъ Киселевымъ, тогда предсѣдателемъ дивановъ княжествъ. Конечно, слѣдователи не могли остановить эпидеміи; она развилась тѣмъ съ бо́льшею силою и быстротою, что войска стояли очень скученно въ городѣ и крѣпости, а вывести ихъ въ лагерь было невозможно, потому что еще лежалъ снѣгъ. Наконецъ, насталъ февраль; снѣгъ стаялъ; войска поставили лагеремъ, приняли строжайшія карантинныя мѣры; затѣмъ эпидемія вскорѣ начала ослабѣвать, успѣвъ однако похитить огромное число жертвъ, какъ въ нашихъ войскахъ, такъ и изъ числа мѣстныхъ жителей.

Штабъ-лекаря Лукина, вмѣсто того, чтобы разстрѣлять за преступную небрежность, слѣдствіемъ обнаруженную и бывшую причиною гибели сто́лькихъ людей, назначили главнымъ медикомъ устроеннаго тогда чумнаго отдѣленія, причемъ онъ вынужденъ былъ провесть 3

мѣсяца удаленнымъ отъ всего міра, посреди зачумленныхъ, безвыходно въ ихъ лагерѣ. Въ эти роковые три мѣсяца, Лукинъ спился съ кругу и обратился въ какое-то подобіе дикаго звѣря. Нечего сказать: большую онъ, должно быть, принесъ пользу порученнымъ ему несчастнымъ страдальцамъ!

Вотъ еще нѣкоторые изъ разсказовъ Голева о войнѣ 1829 года.

Въ арміи были убѣждены, что баронъ Гейсмаръ, безспорно человѣкъ отважный и рѣшительный, блистательными успѣхами своими въ эту кампанію и славою, имъ пріобрѣтенною, преимущественно обязанъ состоявшему при немъ Павлу Христофоровичу Граббе (впослѣдствіи графъ, прославившійся на Кавказѣ и наказной атаманъ Донскаго войска). Самъ Гейсмаръ понималъ значеніе для него Граббе и высоко цѣнилъ его воинскія дарованія. Но Граббе былъ компрометированъ по дѣлу тайныхъ обществъ во 2-й арміи и высланъ въ полкъ подъ команду младшаго [1]). Между тѣмъ Гейсмаръ старался, при всякомъ важномъ случаѣ, обходить это распоряженіе. Такъ, дня за три до знаменитаго Бийлештскаго дѣла, Гейсмаръ въ диспозиціи своей поручилъ полковнику Граббе командованіе резервомъ, въ составъ котораго назначилъ полкъ пѣхоты, двухбаталіоннаго тогда состава, и тотъ полкъ кавалеріи, въ которомъ числился Граббе, состоявшій подъ командою полковника Кельнера. Таковымъ назначеніемъ Кельнеръ обидѣлся и рапортомъ донесъ Гейсмару, что на основаніи имѣющагося у него секретнаго предписанія начальства, основаннаго на высочайшемъ повелѣніи, онъ не можетъ допустить, чтобы полкъ, ему ввѣренный, а равно и онъ самъ, были поставлены подъ команду Граббе, которому болѣе дивизіона поручать не приказано.

Однако Гейсмаръ былъ не изъ числа тѣхъ, которые отступаются отъ своихъ рѣшеній. Не смотря на грозившую опасность немедленнаго столкновенія съ непріятелемъ въ десятеро сильнѣйшимъ, при чемъ ему надлежало дорожить каждымъ лишнимъ человѣкомъ въ своемъ отрядѣ, Гейсмаръ тотчасъ далъ предписаніе полковнику Кельнеру отправиться съ однимъ эскадрономъ ввѣреннаго ему полка, за 90 верстъ, прикрывать городъ Краіовъ. Такимъ образомъ Граббе остался командовать указанною ему частію, при чемъ имѣлъ несомнѣнное вліяніе на принятіе Гейсмаромъ того отважнаго и вмѣстѣ точно расчитаннаго рѣшенія, которое завершилось славнымъ Бийлештскимъ дѣломъ.

---

[1]) П. Х. Граббе не былъ судимъ уголовнымъ судомъ, но за смѣлые отвѣты въ комитетѣ, по высочайшему повелѣнію, содержался нѣкоторое время въ Динабургской крѣпости и потомъ отправленъ младшимъ полковникомъ въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ. П. А.

Фельдмаршалъ Дибичъ любилъ сильно выпить. Въ турецкую войну его прозвали: «Самоваръ-фельдмаршалъ», потому что у ставки его, отъ ранняго утра до поздней ночи, кипѣлъ самоваръ—Дибичъ постоянно пилъ пуншъ. Даже въ поѣздкахъ его верхомъ, на рекогносцировку, для осмотра войскъ и тому подобное, казакъ всегда возилъ за нимъ баклагу съ холоднымъ пуншемъ и стаканъ.

Венгерская война застала Голева подполковникомъ (онъ произведенъ за отличіе: въ 1837 году въ капитаны и въ 1845 году въ подполковники), и командиромъ батальона въ Томскомъ полку, съ которымъ онъ и перешелъ, 6 мая 1849 года, границу Буковины, у м. Новосилицы, въ отрядѣ генер.-лейт. Гротенгельма.

Въ началѣ кампаніи Голевъ участвовалъ во многихъ стычкахъ съ Венгерцами, изъ которыхъ болѣе замѣчательная у Иллова-Маре, 9 іюня, гдѣ онъ командовалъ среднею колонною, состоявшею изъ 3-го баталіона Томскаго полка, дивизіона Буковинскаго кордоннаго баталіона австрійскихъ войскъ и небольшой части казаковъ. Эта первая стычка наша въ Трансильваніи съ Венгерцами, кончилась бѣгствомъ непріятеля, потерявшаго 10 человѣкъ убитыми и до 20 взятыми въ плѣнъ. Вскорѣ затѣмъ Голевъ, какъ превосходно владѣвшій языками нѣмецкимъ и молдавскимъ, былъ назначенъ 7 іюля временнымъ комендантомъ значительнаго города Буковины-Черновцы, гдѣ и оставался до конца кампаніи при исполненіи этой трудной и сложной обязанности, за что, равно какъ и за мужество въ дѣлахъ съ Венгерцами, удостоился получить отъ австрійскаго императора орденъ Желѣзной короны 2-й степени. Нашимъ же правительствомъ за отличное мужество въ венгерскую войну Голевъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4 степени съ бантомъ и чиномъ полковника, со старшинствомъ съ 9 іюля, т. е. со дня оказаннаго имъ боеваго отличія въ дѣлѣ подъ Иллова-Маре.

Вскорѣ за этимъ, Голевъ, обратившій на себя вниманіе отличнымъ знаніемъ военнаго дѣла, въ мирное и военное время, былъ назначенъ, 10 января 1850 года, командиромъ Камчатскаго егерскаго полка, стяжавшаго впослѣдствіи, подъ его командой, славную извѣстность. Еще во время продолжительной лагерной стоянки подъ Луцкомъ, для приготовленій къ смотру императора Николая, Голевъ своею разумною распорядительностью, отсутствіемъ всякой суетливости, (которою въ то время отличалось у насъ большинство начальствующихъ, увлекавшихся напускнымъ рвеніемъ къ службѣ, часто, за предѣлы возможнаго, но въ сущности дѣйствовавшихъ не подъ вліяніемъ чувства долга, а изъ простаго желанія отличиться, показавъ свою часть съ казоваго конца),—точностью и опредѣлительностью своихъ при-

казаній, живѣйшею заботливостью о дѣйствительныхъ нуждахъ своихъ офицеровъ и солдатъ, — съумѣлъ пріобрѣсть общую любовь въ полку, что и было одною изъ главнѣйшихъ причинъ тѣхъ послѣдующихъ подвиговъ полка, къ которымъ всего скорѣе увлекаетъ нашего солдата примѣръ и слово начальника, имъ любимаго.

III.

Началась Восточная война. 24 іюня 1853 года Голевъ перевелъ свой полкъ черезъ р. Прутъ въ м. Скулянахъ и двинулся черезъ Бухарестъ, въ отрядѣ графа Анрепа-Эльмпта, на Дунай, гдѣ и сталъ съ полкомъ аванпостами противъ Турокъ, близь Калараша и Слободзеи. Отсюда, 26 октября, камчатскій полкъ, форсированнымъ маршемъ, пошелъ къ Ольтеницѣ, гдѣ, послѣ несчастнаго, извѣстнаго дѣла нашего 23 октября, Турки укрѣпились въ карантинѣ на лѣвомъ берегу Дуная. Отсюда Омеръ-Паша, стянувъ значительныя силы, намѣревался перейти въ наступленіе; но предпріятіе это Турки, какъ извѣстно, осуществить не рѣшились, увидѣвъ 23 октября, какъ мы деремся! Однако, не смотря на обратный переходъ Турокъ за Дунай, наши войска были усилены противъ Ольтеницы и Камчатскій полкъ стоялъ на этомъ пунктѣ вплоть до весны, содержа передовые посты по Дунаю и воздвигая рядъ полевыхъ укрѣпленій, предназначенныхъ задержать наступленіе непріятеля, въ случаѣ его рѣшенія перейти въ таковое.

Въ періодъ стоянки Камчатскаго полка въ Ольтеницѣ, къ полкамъ 11 дивизіи было прикомандировано, для участвованія въ военныхъ дѣйствіяхъ, по два офицера къ каждому, изъ гвардіи. Къ Камчатскому полку были прикомандированы лейбъ-гв. Финляндскаго полка капитанъ Ванновскій [1]), и поручикъ Борейша. Молодые люди эти нашли въ офицерахъ Камчатскаго полка какъ бы родную семью, а въ И. П. Голевѣ такого командира, разумнаго старшаго товарища и добраго друга, службы съ которымъ, особенно въ военное время, нельзя забыть. При встрѣчѣ съ нами, въ послѣднюю кампанію, въ Бухарестѣ, П. С. Ванновскій, столь блистательную себѣ составившій извѣстность въ качествѣ начальника штаба Рущукскаго отряда Государя Наслѣдника Цесаревича, самымъ искреннимъ образомъ заявлялъ намъ, когда мы стали вспоминать Голева, что если онъ познакомился съ практикой военной службы и усвоилъ себѣ многія ея тайны, изъ

---

[1]) Нынѣ извѣстный корпусный командиръ

книгъ и уставовъ непочерпаемыя, то онъ обязанъ этимъ службѣ подъ командою Голева, въ качествѣ сперва ротнаго, потомъ баталіоннаго командира и дружескому сближенію съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ. [1]) Такіе-же отзывы мы слышали отъ многихъ служившихъ подъ начальствомъ Голева. Вообще, поистинѣ можно сказать, что для своихъ подчиненныхъ Голевъ былъ лучшимъ изъ учителей.

Стоянка Камчатскаго полка на Дунаѣ, у Ольтеницы, послѣ ряда перестрѣлокъ съ турками, ознаменовалось атакой Туртукайскаго острова, при впаденіи р. Аржиса въ Дунай, 27—28-го февраля 1854, порученной Хрулеву. Начальникомъ пѣхоты нашего атакующаго отряда назначенъ былъ Голевъ, и хотя эта атака не имѣла успѣха, но Голевъ, все время дѣла, бывшаго боевымъ крещеніемъ Камчатскаго полка въ эту кампанію, находившійся подъ непрерывнымъ ружейнымъ огнемъ непріятельскимъ, показывалъ своимъ подчиненнымъ примѣръ непоколебимаго мужества. Вскорѣ затѣмъ Голевъ съ полкомъ своимъ принялъ ближайшее участіе въ осадѣ Силистріи, при чемъ успѣлъ заслужить такую лестную репутацію, что былъ назначенъ съ полкомъ штурмовать, съ фланга и тыла, одно изъ самыхъ важныхъ укрѣпленій — Арабъ-Табію. [2]) Извѣстно, что въ силу особыхъ политическихъ причинъ, штурмъ Силистріи былъ отмѣненъ, такъ сказать,

---

[1]) Полагаемъ, не будетъ нескромностью, если мы позволимъ себѣ, въ подтвержденіе своихъ словъ, привесть слѣдующую выдержку изъ письма генерала Ванновскаго къ Голеву, изъ Оргѣева, отъ 21-го января 1877:

„Какъ забыть мнѣ ваше сердечное расположеніе ко мнѣ во время состоянія моего при Камчадалахъ? какъ мнѣ забыть ту пользу, которую я извлекъ изъ постояннаго общенія съ вами и изъ вашей просвѣщенной опытности?“

[2]) Вотъ что мною тогда же, вечеромъ наканунѣ назначеннаго штурма, записано въ своемъ дневникѣ. (Поход. зап., т. I стр. 213-214). Промежуточное укрѣпленіе атакуетъ полковникъ Голевъ съ камчатскимъ полкомъ. Полк. Голевъ съ камчатцами долженъ овладѣть первою турецкою траншеею и взойдя за „песчаное“ взять арабское укрѣпленіе съ тылу.

Утромъ, чтобы ознакомиться съ мѣстностью, на которой предстояло дѣйствовать, мы пошли съ полковникомъ Голевымъ и командирами частей камчатскаго полка въ траншеи, на то мѣсто, откуда завтра должно будетъ устремиться за вѣнцомъ мученическимъ, или лавровымъ.

Полк. Голевъ, передавъ офицерамъ обязанности и выглядывая въ щель щита, задвигавшаго амбразуру, для нѣкоторой защиты отъ штуцерныхъ пуль, безпрестанно здѣсь жужжащихъ, указывалъ каждому офицеру точку, на которую онъ долженъ будетъ устремиться съ своими солдатами.

Эта практическая лекція, подъ вѣяніемъ крыла смерти, была крайне поучительна для слушателей и являла въ учителѣ глубокое знаніе военнаго дѣла, могучую твердость и холодную рѣшимость. П. А.

за нѣсколько минутъ до его начала, когда штурмовыя колонны уже лежали на тѣхъ пунктахъ, съ которыхъ должны были начать приступъ и только ждали условной сигнальной ракеты. Прикрывать совершившееся затѣмъ отступленіе нашего осаднаго корпуса изъ подъ Силистріи поручено было Голеву. Отрядъ его состоялъ изъ Камчатскаго полка, баталіоны котораго, будучи выдвинуты въ одну линію, имѣли въ интервалахъ батарею полевой артиллеріи, и изъ казаковъ. Выждавъ извѣстное время, чтобы дать главнымъ силамъ отступить за Дунай, Голевъ, по его собственному сознанію, отъ слезъ, его душившихъ, едва имѣлъ силы скомандовать баталіонамъ: «на лѣво кругомъ!» Шаговъ 200 наше прикрытіе уже отошло отъ траншей, не тревожимое непріятельскимъ огнемъ, какъ выскочилъ изъ передовыхъ укрѣпленій одинъ турецкій удалецъ, видимо слѣдившій за нашимъ движеніемъ, потомъ появился другой, третій, затѣмъ высыпали десятки, сотни турокъ и всѣ начали кричать «Алла», махать руками, стрѣлять, плясать и прыгать... Досадно было смотрѣть на этотъ дивертисементъ, завершившій тяжелое и долгое представленіе, устроенное нами подъ стѣнами Силистріи, и стоившее намъ столько напрасно пролитой крови!

По отступленіи нашемъ въ предѣлы Россіи, Камчатскій полкъ, изъ подъ Одессы, былъ привезенъ на подводахъ къ Севастополю, въ который, послѣ стоянки на Бельбекѣ, и вступилъ 8-го декабря 1854 года, начавъ свою боевую службу на лѣвой половинѣ оборонительной линіи, преимущественно на Малаховомъ курганѣ и укрѣпленіяхъ, къ нему прилегавшихъ. Вскорѣ, въ видахъ усиленія нашей оборонительной линіи, на случай штурма города и возможнаго обезпеченія его отъ гибельныхъ послѣдствій безпрестанной канонады и частыхъ бомбардировокъ, наконецъ, съ тѣмъ чтобы возможно на дольшее время продлить оборону города, рѣшено было занять курганъ, находившійся въ 250 саженяхъ впереди Малахова кургана, и сильно укрѣпить его. 26-го февраля на избранномъ пунктѣ заложенъ люнетъ тремя батальонами Якутскаго полка, а 27-го февраля, продолженіе сооруженія и удержаніе его было возложено на камчатскій полкъ, подъ командою полковника Голева. Въ ночь на 26-го февраля заложеніе камчатскаго люнета не замѣтили союзники, а потому потери на немъ не произошло; днемъ они увидѣли работы и начали обстрѣливать курганъ, когда, 27-го февраля, пришли на работу камчатцы, которые и окрестили его своею кровью—вотъ отчего люнетъ и названъ Камчатскимъ. (Ouvrage du mamelon vert—у французовъ). Одиннадцать затѣмъ дней Голевъ, со своимъ полкомъ, не сходилъ съ этого новаго, самаго передоваго нашего укрѣпленія, на которое съ

невыразимою яростію направился штуцерной и артиллерійскій огонь непріятеля, со всѣхъ тѣхъ батарей и подступовъ, откуда можно было наносить дѣйствительный вредъ защитникамъ воздвигавшагося люнета. Одиннадцать сутокъ, безсмѣнно, Голевъ съ Камчатцами находился какъ бы въ аду! Въ это время полкъ понесъ огромныя потери, но онъ не только безтрепетно и покорно выдерживалъ непріятельскій огонь, а для его ослабленія, нерѣдко, самъ переходилъ въ наступленіе. Такъ, въ ночь на 3-е марта, 1-й баталіонъ нѣсколько разъ штыками выбилъ французовъ изъ ихъ ложементовъ. Такъ, 5 марта полкъ имѣлъ съ французами боевую встрѣчу, дорого стоившую и намъ, и имъ! Такъ, въ ночь съ 10 на 11 марта предпринята была генераломъ Хрулевымъ большая вылазка съ камчатскаго люнета для уничтоженія непріятельскихъ апрошей. На этой вылазкѣ камчатскій полкъ велъ генералъ Голевъ, командуя, въ то же время, правымъ флангомъ войскъ, посланныхъ на вылазку. Опрокинувъ французовъ, не смотря на сильнѣйшій батальный огонь, которымъ они встрѣтили атакующихъ, Голевъ занялъ лѣвую часть ихъ подступовъ и атаковалъ ихъ первую паралель, причемъ 4-й батальонъ полка, направясь правѣе прочихъ своихъ батальоновъ, ворвался на англійскую батарею, перебилъ ея прислугу и опрокинулъ ея орудія. Затѣмъ Голевъ, по приказанію генерала Хрулева, началъ отводить назадъ войска своей колонны, но замѣтивъ, что непріятель переходитъ въ наступленіе, остановился и двинулся противъ него съ фронта, пославъ баталіонъ Волынскаго полка въ обходъ праваго фланга наступавшихъ французовъ, въ то время какъ на другой ихъ флангъ были направлены Хрулевымъ двѣ роты Волынскаго и двѣ роты Углицкаго полковъ. Слѣдствіемъ этого было то, что опрокинутые французы бѣжали и за ними ворвались въ первую паралель Днѣпровцы и Камчатцы, перебивъ прислугу батареи и опрокинувъ ея орудія. Правда, что на этой вылазкѣ мы понесли весьма значительную потерю, (убито и ранено 30 офицеровъ и 1360 нижнихъ чиновъ); но посредствомъ этой вылазки мы выиграли необходимое время для возстановленія и усиленія нашей оборонительной линіи, чему уже въ прежней степени не могъ мѣшать непріятель вслѣдствіе разрушенія его апрошей. [1]) Въ заключеніи своего донесенія о

[1]) По поводу этой вылазки, Голевъ, со свойственнымъ ему юморомъ, передавалъ слѣдующій случай. Начальникъ гарнизона Д. Е. Остенъ-Сакенъ, какъ извѣстно, человѣкъ весьма своеобычный, потребовалъ къ себѣ Голева, на другой день послѣ вылазки, и предложилъ ему разсказать ее въ подробности. Когда Голевъ кончилъ свой разсказъ, внимательно выслушавшій его графъ подставилъ Голеву щеку: „Поцѣлуйте меня, полковникъ!“

Предложеніе это было такъ для Голева неожиданно, что онъ, какъ самъ разсказывалъ, оторопѣлъ и чуть было не перекрестился, уже поднялъ руку, но опомнился и только приложился къ подставленной ему щекѣ. П. А.

вылазкѣ 10-го марта, генералъ Хрулевъ заявилъ, что въ этомъ дѣлѣ были его помощниками дѣятельными и полезными, истинными героями, командиры полковъ: камчатскаго—Голевъ и днѣпровскаго—Радомскій, раненый пулею въ грудь на вылетъ, отчего впослѣдствіи и умеръ.

По письменному свидѣтельству того же генерала Хрулева [1]) Голевъ своимъ мужествомъ и распорядительностью много способствовалъ достопамятному отбитію штурма 6-го іюня. Что касается до насъ, то бывши ближайшими свидѣтелями дѣятельности полковъ 11-й дивизіи въ эти достопамятные дни, мы можемъ удостовѣрить, что если штурмъ англичанъ 6-го іюня на батареи Яновскаго и Будищева не удался вовсе, то обязаны этимъ мужеству и предусмотрительности Голева.

Извѣстно, что наканунѣ штурма, съ разсвѣтомъ 5-го іюня, непрія-

---

[1]) Въ докладной запискѣ, поданной въ 1857 году, когда Голевъ былъ уже въ отставкѣ, управлявшему тогда военнымъ министерствомъ князю Васильчикову, Хрулевъ говоритъ:

„Голевъ во время минувшей кампаніи обращалъ на себя особое вниманіе не только ближайшаго, но и высшаго начальства неустрашимостью и полезною распорядительностью въ дѣлахъ на Дунаѣ, преимущественно при осадѣ кр. Силистріи, въ особенности же при защитѣ Севастополя, гдѣ онъ, командуя камчатскимъ полкомъ въ продолженіи 11 ночей, воздвигъ, какъ извѣстно, люнетъ, названный по имени полка ему ввѣреннаго, на самомъ опасномъ пунктѣ всей оборонительной линіи Севастополя, подъ смертоноснымъ, сосредоточеннымъ огнемъ непріятеля, при чемъ выбыло изъ строя болѣе половины означеннаго полка и бо́льшая часть его храбрыхъ офицеровъ.

Въ славной ночной вылазкѣ, съ 10-го на 11-го марта, отбросившей французовъ отъ камчатскаго люнета и уничтожившей ихъ апроши, генералъ Голевъ, искусно и мужественно руководя дѣйствіями пѣхоты отряда, способствовалъ блистательному исходу дѣла и вслѣдъ за симъ, будучи назначенъ начальникомъ пѣхоты 3-го отдѣленія оборонительной линіи, находился на 3-мъ бастіонѣ съ 17-го апрѣля по 6-ое августа, благоразумными и смѣлыми распоряженіями способствовалъ отбитію рѣшительной атаки англичанъ на передовыя линіи 3-го отдѣленія, 26-го мая, и славному отраженію штурма, 6 іюня, отъ самаго бастіона.

Постоянно отличная боевая служба генерала Голева, его опытность въ дѣлѣ ратномъ, его неустрашимость и распорядительность при всѣхъ встрѣчахъ ввѣренной ему части съ недругомъ, тяжкая служба его на 3-мъ бастіонѣ, ознаменованная подвигами необыкновеннаго мужества и стойкости чиновъ ему ввѣренныхъ, воодушевленныхъ его твердостію; отвага, имъ выказанная въ началѣ 5-го бомбардированія Севастополя, наконецъ головная рана и контузія, имъ понесенная на второй день оной,—всѣ эти труды и подвиги составляютъ кровью купленное право генерала Голева на вниманіе правительства. а потому онъ, Хрулевъ, какъ личный свидѣтель службы ген. Голева, проситъ князя Васильчикова ходатайствовать о пожалованіи Голеву ордена св. Георгія 3-го класса, къ которому онъ уже, однажды, за сооруженіе камчатскаго люнета, былъ представляемъ. П. А.

тель открылъ усиленное, четвертое по счету, бомбардированіе Севастополя. Голевъ сейчасъ понялъ, что эта ужасная мѣра обѣщаетъ штурмъ и немедленно приказалъ двумъ ротамъ своего полка стоять постоянно на банкетахъ вышеназванныхъ батарей. За четверть часа до штурма 6-го іюня, Голевъ, судя по извѣстіямъ о движеніи у непріятеля, угадалъ моментъ наступленія, минуты приступа и послалъ своего адъютанта, поручика Попеля, сказать людямъ, стоявшимъ на банкетахъ, чтобы были готовы сейчасъ же встрѣтить непріятеля. Предсказаніе сбылось, приступъ начался и англичане, встрѣченные убійственнымъ ружейнымъ огнемъ съ банкетовъ, вынуждены были отступить.

Всякій разъ, что я встрѣчался съ адмираломъ Панфиловымъ (нынѣ покойнымъ) на севастопольскихъ обѣдахъ, онъ спрашивалъ меня про Голева, про его здоровье и вообще про его житье-бытье и всякій разъ повторялъ мнѣ при этомъ, что онъ виноватъ передъ Голевымъ и этой вины простить себѣ не можетъ. Панфиловъ обвинялъ себя въ томъ, что не исходатайствовалъ Голеву Георгія 3-й степени.

Полагая, что Панфиловъ право Голева на полученіе этой высокой награды основываетъ на сооруженіи и одиннадцати-дневной защитѣ камчатскаго люнета, я недоумѣвалъ: почему Панфиловъ себя винитъ въ этомъ оставленіи подвига Голева безъ справедливаго вознагражденія, не бывши его начальникомъ во время этого событія, такъ какъ Панфиловъ все время командовалъ 3-мъ отдѣленіемъ оборонительной линіи, а камчатскій люнетъ принадлежалъ къ 4-му отдѣленію оборон. линіи. Наконецъ, когда въ послѣднее мое свиданіе съ Панфиловымъ, онъ повторилъ мнѣ свое сѣтованіе, я рѣшился спросить его: за что именно считаетъ онъ Голева заслужившимъ Георгія 3-й степени?

Вотъ что̀ разсказалъ мнѣ адмиралъ Панфиловъ. Во время и послѣ взятія французами Селенгинскаго и Волынскаго редутовъ и камчатскаго люнета, Голевъ командовалъ пѣхотою на 3-мъ бастіонѣ, который составлялъ часть 3-го отдѣленія оборонительной линіи, состоявшей подъ начальствомъ Панфилова. Взятіе этихъ передовыхъ севастопольскихъ укрѣпленій крайне встревожило нашихъ начальствующихъ, боявшихся успѣшности штурма въ случаѣ его направленія на другіе пункты. Панфиловъ обратился къ Хрулеву, начальнику лѣвой половины оборонительной линіи, въ составъ котораго входило и 3-е отдѣленіе Панфилова, съ вопросомъ: какія принять мѣры? Хрулевъ прямо отвѣчалъ: «обратитесь къ Голеву, онъ устроитъ это дѣло». Панфиловъ идетъ къ Голеву. Тотъ говоритъ: «единственное спасеніе — водворить строжайшій порядокъ въ войскахъ, чтобы насъ, ни въ какомъ случаѣ, не могли застать врасплохъ.»

— Но, какъ это устроить? спрашиваетъ Панфиловъ.

«Приказать, и наблюсти за исполненіемъ, чтобы назначенныя для обороны верковъ части, ни въ какомъ случаѣ и ни подъ какимъ предлогомъ не покидали своихъ постовъ, а находились бы на своихъ мѣстахъ безсмѣнно, впродолженіи двухъ сутокъ, затѣмъ были бы смѣняемы свѣжими частями, чтобы вычистить ружья и освѣжиться, но чтобы и эти смѣненныя части не удалялись отъ бастіоновъ, а находились бы по близости, составляя ближайшій резервъ его гарнизона».

— Однако, у насъ такъ перебьютъ много людей, замѣтилъ Панфиловъ.

— «Совершенно вѣрно, но что же дѣлать? Одно что нибудь: жалѣть людей или Севастополь!»

Рѣшили—жалѣть Севастополь и предложенный приказъ былъ отданъ за нѣсколько дней до штурма 6-го іюня. Результатомъ было, что когда непріятель пошелъ на штурмъ 3-го бастіона, то встрѣтилъ убійственный огонь сторожившихъ его войскъ, немедленно подкрѣпленныхъ резервами.

Вотъ за эту-то разумную мѣру и за личное наблюденіе за ея точнымъ исполненіемъ, подъ постояннымъ смертоноснымъ огнемъ непріятельскимъ,—мѣру, увѣнчавшуюся блистательнымъ успѣхомъ. Панфиловъ и считалъ Голева вполнѣ заслужившимъ орденъ св. Георгія 3-й степени.

Дальнѣйшее нахожденіе Голева на 3-мъ бастіонѣ, по словамъ той же, цитированной нами, Записки Хрулева, «сопровождалось продолженіемъ командованія пѣхотою 3-го отдѣленія, не выходя изъ огня непріятельскаго, ежечасно, ежеминутно жертвуя своею жизнью, выдержавъ первые порывы страшной артиллерійской борьбы, начавшейся 5 августа и заключившейся для Голева (6 августа) раною и контузіею въ голову, осколкомъ бомбы». Раненый Голевъ не могъ долѣе оставаться на бастіонѣ и былъ отправленъ сперва на Сѣверную, потомъ въ Аулъ-Дуванку, гдѣ и прожилъ до излеченія и послѣдовавшаго затѣмъ, 29 октября 1855 года, назначенія командиромъ 2-й бригады 10-й пѣхотной дивизіи.

Наградою заслугъ Голева въ Восточную войну были: чинъ генералъ-маіора 14 іюля 1855 года; орденъ св. Владиміра 3 ст. съ мечами, за отличіе при осадѣ Силистріи въ 1854 году; золотая сабля съ надписью: «за храбрость», 29 іюня 1855 года, за отличіе при оборонѣ Севастополя, и бриліантовая шпага съ надписью «за храбрость», за отбитіе штурма 6 іюня.

IV.

Казалось бы, И. П. Голевъ въ годы полнаго мужественнаго развитія, (Голеву, когда кончилась севастопольская война, было всего 50 лѣтъ); съ тою завидною репутаціею, какую онъ успѣлъ себѣ составить, какъ боевой офицеръ, какъ начальникъ распорядительный и твердый, какъ человѣкъ высокой честности и ума недюжиннаго; при той служебной дорогѣ, на которой онъ тогда стоялъ; при тѣхъ дружескихъ отношеніяхъ, какія у него установились со многими сильными людьми того времени,—казалось бы Голеву стоило только продолжать службу, чтобы достигнуть высшихъ ступеней служебной карьеры, въ то же время принося дѣйствительную пользу дѣлу.

Но Голевъ думалъ иначе.

Не смотря на нѣсколько сдѣланныхъ ему офиціальныхъ предложеній, безъ всякаго съ его стороны искательства, занять весьма видные посты военной администраціи, Голевъ вышелъ въ отставку, 16 декабря 1856 года, удовольствовавшись пенсіономъ въ 862 рубля въ годъ.

Главною причиною такой рѣшимости Голева была его крайняя скромность. «Видите, говаривалъ онъ, новымъ духомъ вѣетъ. Новые нужны дѣятели, свѣжія, молодыя силы. Мы уже не пригодны для предстоящей дѣятельности. Намъ переработываться поздно. Мы свою службу Отечеству отслужили, какъ умѣли. Насъ, какъ изорванныя, истрепанныя старыя знамена, надо сдавать въ арсеналъ, на храненіе!»

И вотъ Голевъ поселился въ Москвѣ, составивъ себѣ тѣсный, истинно дружескій кружокъ знакомыхъ. Въ ихъ, до послѣднихъ дней съ любовью имъ поминавшемся обществѣ, да въ обществѣ книгъ, газетъ и журналовъ, посвящая чтенію цѣлые дни, Голевъ провелъ болѣе 17 лѣтъ.

Однимъ изъ самыхъ гостепріимныхъ домовъ Москвы, открывшихъ Голеву свои двери, былъ домъ (нынѣ покойнаго) сенатора Храповицкаго. Тамъ Иванъ Петровичъ часто встрѣчался съ знаменитымъ А. П. Ермоловымъ, который звалъ Храповицкаго своимъ «старшимъ братомъ» [1]).

Ермоловъ, въ первый же день знакомства съ Голевымъ, пригласилъ его къ себѣ. Разумѣется, тотъ не замедлилъ воспользоваться при-

---

[1]) Доказательствомъ этого названія, присвоеннаго Ермоловымъ Храповицкому, хранящаяся у меня, подаренная мнѣ Голевымъ, собственноручная записка Алексѣя Петровича къ Храповицкому, писанная въ 1861 году, т. е.

глашеніемъ. Въ первый свой визитъ Ермолову, Голевъ съ большимъ вниманіемъ всматривался въ обстановку его кабинета, увѣшаннаго историческими картинами и портретами. Особенное вниманіе его остановилъ на себѣ большой портретъ Наполеона I, висѣвшій сзади кресла, обыкновенно занятаго Ермоловымъ.

— «Знаете, отчего я повѣсилъ Наполеона у себя за спиной?» спросилъ Ермоловъ.

— Нѣтъ, Ваше В—о, не могу себѣ объяснить причины.

— «Отъ того, что онъ при жизни своей привыкъ видѣть только спины наши!»

Послѣ, Голевъ довольно часто посѣщалъ Алексѣя Петровича и проводилъ цѣлые часы въ бесѣдѣ съ нимъ, въ разсказахъ о Севастополѣ, выслушивая воспоминанія знаменитаго героя о давноминувшихъ временахъ Отечественной войны и о Кавказѣ.

Изъ разсказовъ Ермолова Голеву я записалъ одинъ въ 1867 году.

Однажды, Ермоловъ приглашенъ былъ къ столу императора Александра I-го; за тѣмъ же обѣдомъ былъ и генералъ К. Государь былъ очень веселъ, шутилъ, смѣялся и, между прочимъ, спросилъ Ермолова:

— «Послушай, Алексѣй Петровичъ, признайся: какъ ты холостякомъ живя на Кавказѣ, пробавлялся на счетъ того...... понимаешь?»

— А я, государь, отвѣчалъ Ермоловъ, послѣдовалъ примѣру генерала К.: устроилъ тамъ этапы, да съ одного на другой и переѣзжаю!

Государь очень смѣялся, но чтобы понять смыслъ этой шутки, надо знать, что генералъ К. (присутствовавшій на обѣдѣ) былъ командиромъ внутренней стражи и устроилъ по Россіи этапы для пересылки арестантовъ.

По несчастію, въ періодъ московской жизни, въ тиши и спокойствіи кабинета, переходъ къ которымъ, быть можетъ, былъ слишкомъ рѣзокъ для могучаго организма Голева, привыкшаго, въ теченіи всей предыдущей жизни, къ постояннымъ трудамъ, лишеніямъ и тревогамъ боеваго и походнаго быта,—его поразилъ нервный ударъ, отъ

не задолго до кончины кавказскаго героя, но еще очень четко и твердо, хотя и по линейкамъ. Записка эта слѣдующаго содержанія: „Вчера не видѣлъ старшаго брата по собственной глупости и жалѣлъ чрезвычайно. Каюсь и впредь умничать не буду, все объясню подробно. Душевно преданный Ермоловъ“. Объясненіе повода этой записки очень простое. Ермоловъ далъ слово пріѣхать къ Храповицкому обѣдать, между тѣмъ почему-то вообразилъ, что къ нему долженъ пріѣхать въ этотъ день одинъ изъ бывшихъ тогда проѣздомъ въ Москвѣ кавказскихъ генераловъ; поджидая его, Ермоловъ и пропустилъ обѣденный часъ Храповицкаго, а между тѣмъ жданный гость не пріѣхалъ. П. А.

котораго онъ уже не могъ оправиться всю остальную жизнь, не смотря на постоянное и искусное леченіе. Разъ потрясенный организмъ ослабѣвалъ постоянно; удары повторялись; помощь науки была безсильна. Особенно Голевъ сталъ хирѣть съ 1873 года; онъ началъ дурно слышать; ему стала измѣнять память, а въ послѣдній годъ жизни ноги совершенно отказались служить ему и два мѣсяца до кончины онъ уже не покидалъ постели.

Лѣтъ за 7 до кончины, Голевъ покинулъ Москву и пріѣхалъ доживать свой вѣкъ въ Самару, въ семью стараго своего подчиненнаго и друга, на рукахъ котораго и кончилъ свою жизнь, честную, ничѣмъ не помраченную и, въ свое время, принесшую пользу Отечеству.

За нѣсколько дней до кончины, Иванъ Петровичъ, вслѣдствіе собственнаго желанія, сподобился принятія св. Тайнъ Христовыхъ.

Миръ праху твоему, одного изъ остальныхъ «той стаи славной, Севастопольскихъ орловъ!»

П. В. Алабинъ.

13 октября 1880 г.
Г. Самара.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II

† 1-го марта 1881 г.

ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ II

† 1-го марта 1881.

I.

Въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ II Николаевичъ, сынъ-первенецъ императора Николая Павловича и супруги его государыни Александры Ѳеодоровны, родился въ Москвѣ, въ среду 17 апрѣля 1818 года; объявленъ наслѣдникомъ престола 12 декабря 1825 года; цесаревичемъ—29 августа 1831; возшелъ на престолъ въ пятницу 18 февраля 1855 (празднованіе дня восшествія было въ 19 число февраля). Въ супружествѣ имѣлъ, съ 16 апрѣля 1841 года, государыню Марію Александровну, бывшую принцессу Максимиліану-Вильгельмину-Августу-Софію-Марію Гессенъ-Дармштадскую (род. 27 іюля 1824 † 22 мая 1880 года).

Вечеромъ, въ воскресенье 1 марта 1881 г., столица, обуянная ужасомъ, потрясенная событіемъ, поразившимъ всю Россію ударомъ невообразимымъ,—событіемъ, которое вѣчнымъ неизгладимымъ позоромъ запятнало отечественныя лѣтописи, прочла слѣдующія два извѣщенія:

«Сего 1 марта въ $1^3/_4$ часа дня, Государь Императоръ, возвращаясь изъ манежа Инженернаго замка, гдѣ изволилъ присутствовать при разводѣ, на набережной Екатерининскаго канала, не доѣзжая Конюшеннаго моста, опасно раненъ, съ раздробленіемъ обѣихъ ногъ ниже колѣна, посредствомъ подброшенныхъ подъ экипажъ разрывныхъ бомбъ. Одинъ изъ двухъ преступниковъ схваченъ. Состояніе Его Величества, вслѣдствіе потери крови, безнадежно».

.... «По возвращеніи въ Зимній дворецъ Его Величество сподобился пріобщиться святыхъ Тайнъ и затѣмъ въ Бозѣ почилъ».....

Адская злоба враговъ счастія, покоя и благоденствія Россіи, преслѣдовала ея Верховнаго Вождя съ 1866 года:

4 апрѣля 1866 произошло злодѣйское покушеніе Каракозова.

25 мая 1867 въ Парижѣ на жизнь Государя посягнулъ Березовскій.

2 апрѣля 1879 цареубійственное покушеніе Соловьева.

19 ноября 1879 на линіи Московско-Курской желѣзной дороги послѣдовалъ взрывъ адской машины въ подкопѣ, проведенномъ Гартманомъ.

Въ 1879-мъ же году злодѣйская попытка взорвать царскій поѣздъ на Лозово-Севастопольской желѣзной дорогѣ.

5 февраля 1880 г. взрывъ въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ исходѣ февраля 1881 года присылка взрывчатаго состава, въ видѣ пилюль, доктора Лежюжа.

Въ январѣ и февралѣ 1881 г. мина, заложенная поперегъ Малой Садовой улицы изъ лавки Кобызева.

1-го марта 1881 года, взрывъ двухъ снарядовъ, брошенныхъ двумя извергами.

Десятки дьяволовъ въ образѣ людей ополчились противъ Ангела-Хранителя Россіи; кромѣ русскихъ изверговъ, тутъ были представители всѣхъ націй, даже евреи—для полноты сходства кончины Страдальца, съ кончиною Спасителя!

Всякое горе имѣетъ, какъ и каждое чувство, свои степени; жгучее, невыносимое и безотвязное, какъ мучительный кошемаръ, оно, со временемъ, ослабѣваетъ, изглаживается изъ сердца и изъ памяти. Но мученическая кончина Александра II это тяжкое, неизгладимое оскорбленіе завѣтныхъ, священнѣйшихъ чувствъ народной любви и благодарности къ этому великодушнѣйшему изъ всѣхъ Государей Россіи минувшихъ временъ—врѣзалась въ память и въ сердца современниковъ, и не исчезнетъ въ преданіяхъ народныхъ грядущихъ вѣковъ: разсказы о ней будутъ приводить въ содроганіе нашихъ праправнуковъ... Это, поистинѣ, «вѣчная и вѣчная память».

19 февраля 1880 года исполнилось двадцатипятилѣтіе царствованія покойнаго Царя-Мученика. Привѣтствуя наступленіе этого дня, мы украсили портретомъ Императора февральскую книгу «Русской Старины» 1880 г., посвятивъ весь ея составъ обзору событій, ознаменовавшихъ это двадцатипятилѣтіе новой жизни Россіи, біографіямъ нѣкоторыхъ изъ сподвижниковъ Царя-Освободителя и его воспитателей. Но еще и до этого сборника, всецѣло посвященнаго обзору двадцатипятилѣтней самоотверженной службы Верховнаго Вождя Россіи, службы Русскому государству, славѣ и благоденствію населяющихъ ея народовъ,

—мы тщательно влагали въ историческую сокровищницу «Русской Старины» статьи и эпизодическіе разсказы объ отрочествѣ и юности покойнаго Императора, о важнѣйшихъ событіяхъ первыхъ лѣтъ его царствованія, біографіи лицъ, его прославившихъ и т. д. Для нѣкоторыхъ изъ этихъ событій еще не наступилъ срокъ давности исторической; нѣкоторые изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей едва сошли съ своего земнаго поприща; о нихъ мы сообщали, иногда, некрологи въ виду если не полныхъ, обстоятельныхъ біографій, то, по крайней мѣрѣ, хоть подбора матеріаловъ для таковыхъ, матеріаловъ для исторіи будущей. И будущій историкъ славнаго, приснопамятнаго царствованія Александра II, безъ сомнѣнія, не обойдетъ своимъ вниманіемъ, между многими другими, слѣдующихъ статей, напечатанныхъ въ издаваемой нами «Русской Старинѣ»:

1875. Томы XII и XIII. Воспоминанія перваго камеръ-пажа великой княгини (императрицы) Александры Θеодоровны.

1875. Томъ XIII. Назначеніе цесаревича атаманомъ казачьихъ войскъ въ 1827 году.—Бракосочетаніе.—Поѣздка на Донъ.

1874. Томъ XI. Военный совѣтъ 29 іюля 1855 г.

1876. Томы XV и XVII. Бой на р. Черной, 4 августа 1855.

1874. Томъ XIV. Штурмъ Малахова кургана 27 и 28 августа 1855 г.

1875. Томъ XVI. Взрывъ Павловскаго форта.—Кто послѣднимъ оставилъ Севастополь.

1870. Томъ II и 1877, томъ XIX. Штурмъ, блокада и взятіе Карса.

1877. Томъ XX и 1878, томъ XXI. Воспоминанія о Восточной войнѣ, доктора Генрици.

Кромѣ того, множество замѣтокъ, писемъ и разсказовъ, относящихся до описанія Восточной войны именно 1855—1856 гг.

1879. Томъ XXV. 1880, томы XXVII и XXIX. Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.

1878. Томъ XXII. Къ исторіи заселенія западнаго Кавказа, 1861—1863.

1880. Томъ XXVII. Предсмертная записка Якова Ивановича Ростовцева по крестьянскому дѣлу.

1874 и 1875. Томы XI, XII и XIII.—Послѣдняя польская смута

1878—1880. Томы XXIII и XXVIII. Польское возстаніе 1863—1864 гг

1880. Томъ XXVII. Двадцатипятилѣтняя годовщина восшествія на престолъ Александра II.—Подробный планъ ученія Наслѣдника Цесаревича.—Кавказъ и покореніе восточной его части.—Крестьянское дѣло.—Начало его въ 1856 году.—Непремѣнные два члена Редакціонныхъ коммиссій.—Слова Государя Императора Александра Николаевича въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта 28 ян-

варя 1861 г.: объ освобожденіи крестьянъ.—Новые суды и судебные уставы. — Ходъ распространенія политическихъ знаній въ Россіи.— Русская историческая наука.

«Крестьянское дѣло», составляющія главы изъ Записокъ сенатора, тайнаго совѣтника Я. А. Соловьева, драгоцѣннѣйшій матеріалъ для исторіи освобожденія крестьянъ, 1857—1861 гг.

Слова Государя Императора 28 января 1861 года пребудуть, изъ вѣка въ вѣкъ драгоцѣннымъ украшеніемъ отечественныхъ лѣтописей.

Изъ статей, напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» въ теченіи последняго года царствованія въ Бозѣ почившаго Императора, съ февраля 1880 по мартъ 1881, укажемъ еще на слѣдующія:

Томъ XXVII. Къ исторіи отмѣны винныхъ откуповъ въ Россіи.— Русская исторія въ двадцатипятилѣтіе 1855—1880.—Шамиль и фельдмаршалъ князь А. И. Барятинскій.

Томы XXVIII и XXIX. Переходъ черезъ Балканы въ 1877 году.— Академія Художествъ въ годы возрожденія, 1858—1864 гг.

Томъ XXX. Записка одного изъ прежнихъ губернаторовъ.—Записки сенатора Якова Александровича Соловьева.—Князь Александръ Ивановичъ Барятинскій.....

Царствованіе покойнаго Императора Александра Николаевича отнынѣ становится достояніемъ исторіи; для Царя-Освободителя, говоря словами великаго поэта: «уже потомство настаетъ». Страницы «Русской Старины» открыты всѣмъ и каждому изъ современниковъ минувшаго царствованія, для сообщенія воспоминаній, разсказовъ, документовъ и т. п. статей и матеріаловъ, относящихся до бытія Россіи въ незабвенный двадцатишестилѣтній періодъ.

Перечень некрологовъ и біографій государственныхъ и общественныхъ дѣятелей царствованія Александра II, напечатанныхъ на страницахъ «Русской Старины», составилъ бы очень длинный списокъ именъ болѣе или менѣе громкихъ. Укажемъ, при настоящемъ случаѣ, лишь на нѣкоторыя имена, связанныя съ государственною, общественною, ученою и художественною дѣятельностью Россіи въ эпоху царствованія Царя-Освободителя Александра II.

1870. о. М. Я. Морошкинъ († 15 апрѣля). 1871. П. А. Мухановъ (16 декабря). 1872. Князь П. П. Гагаринъ (21 февраля). А. Ѳ. Гильфердингъ (20 іюня). П. П. Пекарскій (12 іюля). С. Н. Палаузовъ (14 августа). М. Д. Хмыровъ (27 ноября). 1873. Князь М. А. Оболенскій (12 января). Свѣтл. князь П. П. Лопухинъ (23 февраля). Графъ Ѳ. П. Толстой (13 апрѣля). В. Г. Бенедиктовъ (14 апрѣля). Ѳ. И. Тютчевъ (15 іюля). 1874. В. И. Назимовъ (11 февраля). 1875. К. В. Чевкинъ (въ августѣ) 1876. Графъ М. А. Корфъ (2 января). П. М. Строевъ (6 января).

Ю. Ѳ. Самаринъ (19 марта). Я. А. Соловьевъ (11 декабря). 1877.. А. И. Селинъ (17 марта). О. М. Бодянскій (7 сентября). С. М. Жуковскій (23 сентября). Н. А. Некрасовъ (27 декабря). 1878. А. В. Кочубей (4 марта). 1879. Ѳ. Ѳ. Эвальдъ (3 октября). С. М. Соловьевъ (4 октября). 1881. Ѳ. М. Достоевскій (28 января) и многіе другіе.

При настоящей книгѣ «Русской Старины», — выходящей первою въ ряду книгъ этого журнала по кончинѣ Императора Александра Николаевича—мы сочли долгомъ вновь приложить Его портретъ, уже извѣстный нашимъ читателямъ, какъ приложеніе къ февральскому выпуску «Русской Старины» 1880 г.; подъ портретомъ помѣщенъ снимокъ съ подписи въ Бозѣ почившаго Императора.

Безъ сомнѣнія, читатели наши примутъ съ признательностію второе изданіе этого портрета, столь художественно выполненнаго покойнымъ, даровитѣйшимъ русскимъ граверомъ-академикомъ, Л. А. Сѣряковымъ, имѣвшимъ счастіе носить званіе гравера Его Императорскаго Величества.

Ред.

II.

Рѣчь гласнаго М. И. Семевскаго, сказанная имъ въ собраніи С.-Петербургской Городской Думы

4-го марта 1881 г.

«Предметомъ сегодняшнихъ сужденій постановлено предложеніе Городскаго Головы: ознаменовать память почившаго Монарха рядомъ дѣлъ благотворенія и сооруженіемъ на томъ мѣстѣ, гдѣ пролита кровь Государя Мученика, подобающаго памятника или часовни.

«Всею душою сочувствуя этому предложенію и полагая вполнѣ необходимымъ, дабы на мѣстѣ, гдѣ воспріялъ мученическій вѣнецъ Царь-Освободитель, какъ на мѣстѣ отнынѣ священномъ для всего русскаго народа, была бы сооружена часовня, я обращусь къ Тому, роковая утрата котораго преисполнила сердце каждаго истинно-русскаго безпредѣльнымъ горемъ.

«Послѣдній 26-тилѣтній періодъ выдвинулъ передъ всѣмъ міромъ въ опочившемъ Государѣ великую, историческую личность; личность эта будетъ все болѣе и болѣе рости, чѣмъ долѣе будетъ жить въ потомствѣ. Если мы, современники, если каждый изъ насъ, на скромномъ поприщѣ общественнаго служенія, участникъ въ Его минувшихъ заботахъ о нуждахъ народныхъ, восторгаемся величіемъ совершенныхъ имъ реформъ; если мы удивляемся какимъ разностороннимъ потребностямъ, издавна вопіявшимъ въ жизни русскаго народа, далъ удовлетвореніе Александръ II въ созданныхъ Имъ учрежденіяхъ, а къ удовлетворенію многихъ другихъ затѣмъ потребностей положилъ также починъ Своею Державною волею, то тѣмъ болѣе въ грядущемъ потомствѣ, когда настанетъ исторія всего совершеннаго почившимъ Монархомъ, будетъ воздана Ему полная дань хвалы, сдѣлана наисправедливѣйшая оцѣнка. И въ самомъ дѣлѣ, только при историческомъ изученіи минувшаго 26-тилѣтяго царствованія, при сопоставленіи его съ цѣлымъ рядомъ предыдущихъ правленій предшественниковъ Александра II, возможно будетъ опредѣлить все величіе Имъ содѣяннаго. Исторія всесторонне разсмотритъ тѣ неисчислимыя преграды, ту великую душевную борьбу, которую Державный Труженикъ долженъ былъ вынести, проводя въ жизнь русскаго народа, въ государственный организмъ Россіи новыя великія начала къ

дальнѣйшему его преуспѣянію, имѣя, въ первое время своей дѣятельности, какъ преобразователь, поддержку въ немногихъ сподвижникахъ, но опираясь на любовь и вѣру въ Него милліоновъ горячо любимаго Имъ народа.

«Позволяю себѣ напомнить только одинъ, лично мнѣ извѣстный фактъ: съ обычнымъ вниманіемъ къ изысканіямъ въ области отечественной исторіи, прочитывая посмертныя Записки сенатора Я. А. Соловьева, одного изъ бывшихъ Своихъ сподвижниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, Государь Императоръ встрѣтилъ въ нихъ слова, что де Государю слѣдовало бы прибавить, (въ разговорѣ съ гр. Киселевымъ о трудахъ Его по освобожденію крестьянъ), что «Онъ имѣетъ очень много людей, которые употребляютъ всѣ усилія, чтобы помѣшать Ему»; въ Бозѣ почившій Преобразователь противъ этихъ словъ написалъ: «правда». Это одно слово говоритъ очень много: оно воскрешаетъ въ памяти каждаго изъ насъ всѣ тѣ усилія Державнаго Освободитетеля, которыя Онъ долженъ былъ подъять для совершенія Своего безсмертнаго подвига. Мало сказать, что Александръ II разбилъ оковы крѣпостнаго ига; Онъ, разбивая эти оковы, снялъ цѣпи съ нашего земства, съ нашего общественнаго управленія городскаго, вдохнулъ въ земскія и городскія учрежденія новую жизнь, разорвалъ путы, стѣснявшія науку, почти во всѣхъ отрасляхъ ея, и далъ ей полный просторъ и ростъ въ нашемъ дорогомъ Отечествѣ. Славныя войны, которыя велъ покойный Освободитель, призывая къ новой жизни и дикихъ кочевниковъ Средней Азіи, и истомленныхъ вѣковымъ ярмомъ рабства единоплеменныхъ Славянъ, возникали изъ того же глубокаго пониманія историческихъ судебъ великаго русскаго народа.

«Обращаясь къ предложенію Городскаго Головы положить начало нынѣ же, въ дни скорби и печали, ряду благотворительныхъ учрежденій въ память Опочившаго, я нахожу, что это предложеніе должно быть единодушно нами принято. Вся Россія вѣдаетъ, какъ сердечно относился Александръ II на все доброе. Въ памяти моей неизгладимо запечатлѣлись тѣ слова, тотъ голосъ, изъ самой глубины души исходившій, съ какимъ были сказаны покойнымъ Государемъ слова, обращенныя къ горожанамъ С.-Петербурга—въ лицѣ нашего представителя Городскаго Головы, барона П. Л. Корфа, въ день торжества 19-го февраля 1880 г. Я стоялъ въ тотъ день, на выходѣ въ зимнемъ дворцѣ, подлѣ Городскаго Головы:

— «Благодарю васъ», сказалъ Государь, «за ваши чувства, за ваши добрыя дѣла».

«Въ памяти каждаго не менѣе свѣжи еще тѣ сердечныя выраженія благодарности, которыми почтилъ покойный Государь въ рескриптѣ, данномъ ровно годъ тому назадъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, всѣ городскія и общественныя учрежденія, и во главѣ ихъ С.-Петербургскую Думу, за тѣ благотворительныя дѣла и учрежденія, какими ознаменованъ былъ день 19-го февраля 1880 года.

«Но прежде чѣмъ созидать что либо новое въ ряду благотворительныхъ учрежденій, должно отдать дань чувству, которымъ отнынѣ будетъ полно сердце каждаго русскаго къ тому мѣсту, на которомъ пролита кровь Вѣнценоснаго Мученика. Мѣсто это, какъ я уже сказалъ, всеконечно пребудетъ священнымъ, къ нему будутъ стекаться на поклоненіе. Поэтому мысль о сооруженіи на этомъ мѣстѣ часовни должна быть приведена въ исполненіе. Что касается до благотворительныхъ, въ память Александра Освободителя, учрежденій, то, признавая подробную разработку оныхъ наиболѣе соотвѣтственнымъ поручить не какой либо особо избранной коммисіи, а, въ виду важности и безотложности этого дѣла,—Городской Управѣ, подъ предсѣдательствомъ Городскаго Головы барона П. Л. Корфа, и при участіи всѣхъ тѣхъ гласныхъ, которые пожелаютъ раздѣлить ея труды по сему предмету, я нахожу необходимымъ нынѣ же намѣтить двѣ, три мысли о томъ, что̀ наиболѣе приличествовало бы создать въ ряду благотворительныхъ учрежденій.

«Первое изъ нихъ, по времени основанія, должно бы было учрежденіе возможно обширнаго пріюта, подъ сѣнью котораго находили-бы себѣ убѣжище, хотя только на ночь, работники-крестьяне, во многихъ тысячахъ стекающіеся въ Петербургъ. До сихъ поръ эти рабочіе ютятся чуть ни въ берлогахъ и логовищахъ, въ смрадныхъ и сырыхъ подземельяхъ Петербурга, откуда доставляются въ больницы сотни зараженныхъ больныхъ, такъ что къ пріему ихъ городъ не успѣваетъ созидать больницъ. Не менѣе важно было бы учрежденіе пріюта для круглыхъ сиротъ бѣднѣйшаго класса населенія столицы, съ отдѣленіемъ для пріема на день дѣтей работниковъ и работницъ, не имѣющихъ кому поручить ихъ во время своихъ поденныхъ работъ. При таковомъ пріютѣ должна бы быть учреждена, въ обширныхъ размѣрахъ, больница для дѣтей бѣднѣйшихъ обывателей столицы. Конечно, всѣ намѣченныя учрежденія должны быть сооружены въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ Петербурга, на мѣстахъ, городу принадлежащихъ.

«Каждый изъ насъ понимаетъ, что если бы средства общественной кассы, которыми мы, по довѣрію нашихъ избирателей, можемъ располагать на общественныя нужды, соотвѣтствовали бы тому чувству

безпредѣльной любви, благодарности и уваженія, коими преисполнены сердца всѣхъ насъ къ Монарху, столь страдальчески отошедшему отъ насъ въ міръ вѣчный, то мы покрыли бы весь Петербургъ цѣлою сѣтью пріютовъ, школъ, больницъ, въ которыхъ нуждающееся въ нихъ населеніе столицы нашло бы себѣ мѣсто. Но и въ данномъ случаѣ, какъ ни ограниченны средства, которыми располагаетъ городское общественное управленіе, отнюдь не слѣдуетъ стѣсняться затратою наивозможно бо̀льшихъ суммъ на созданіе помянутыхъ учрежденій.

«Заключаю свое слово, прямо отъ души исходящее, слѣдующимъ обращеніемъ: оплакивая потерю, понесенную всею Россіею, смѣло могу сказать—всѣмъ человѣчествомъ, въ лицѣ Освободителя милльоновъ, вознесемъ изъ глубины сердецъ нашихъ молитву: да даруетъ Господь душевныя силы молодому Державному Вождю нашему перенести потерю, глубину и тяжесть которой, въ особенности для Него, отказывается представить себѣ самое пылкое воображеніе. Пусть молодой Государь, въ царствованіи Своемъ на многія и многія лѣта, съ полнѣйшимъ довѣріемъ къ Своему народу и къ созданнымъ Его Родителемъ учрежденіямъ, предоставляя симъ послѣднимъ возможность все шире и глубже изслѣдовать и удовлетворять народныя нужды, ведетъ Россію по пути дальнѣйшаго развитія и благоденствія».

Собраніе встрѣтило эту рѣчь съ полнымъ сочувствіемъ и послѣ поддержки изложенныхъ выше предложеній,—гласными: В. И. Лихачевымъ, Н. Н. Литвиновымъ, М. А. Ратьковымъ-Рожновымъ, А. Ѳ. Ѳоминымъ и нѣкоторыми другими, единогласно постановило: 1) немедленно войдти съ ходатайствомъ о дозволеніи на счетъ города построить на мѣстѣ убіенія Императора Александра II часовню или другое сооруженіе, какое угодно будетъ указать Его Императорскому Величеству, и 2) разработку подробностей этого сооруженія, а также сдѣланныхъ нынѣ предложеній о созданіи благотворительныхъ учрежденій въ память опочившаго Монарха, поручить городской управѣ, подъ предсѣдательствомъ городскаго головы, съ участіемъ въ трудахъ управы, по симъ предметамъ, какъ предсѣдателей всѣхъ исполнительныхъ и совѣщательныхъ коммисій, Думою учрежденныхъ, такъ и всѣхъ тѣхъ гласныхъ, которые пожелаютъ представить свои, по изъясненнымъ предметамъ, указанія и соображенія.

Два дня спустя послѣ помянутаго собранія Думы, въ новомъ и чрезвычайномъ ея засѣданіи, именно 6-го марта 1881 г., С.-Петербургскій городской голова довелъ до свѣдѣнія Думы, что онъ, Голова, еще 4-го марта сообщилъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ ходатайство с.-петербургской городской думы о дозволеніи столичному городскому обществу воздвигнуть на мѣстѣ злодѣйскаго покушенія 1-го марта часовню.

Государю Императору благоугодно было на всеподданнѣйшемъ о семъ докладѣ Министра начертать слѣдующія Всемилостивѣйшія слова:

— „Поблагодарите городское общество отъ души за ихъ доброе желаніе и мысль.

„Мнѣ кажется желательно было бы имѣть церковь на этомъ мѣстѣ, а не часовню".

Министръ Внутреннихъ дѣлъ, сообщивъ о таковой Высочайшей резолюціи с.-петербургскому городскому головѣ, для объявленія с.-петербургскому городскому обществу, и будучи увѣренъ, что городскому обществу отрадно будетъ сохранить навсегда обращенныя къ нему милостивыя слова Государя Императора, препроводилъ, при письмѣ отъ 5-го сего марта, за № 806, къ городскому головѣ подлинный всеподданнѣйшій докладъ, для храненія при дѣлахъ Думы.

Собраніе Думы восторженно, единодушно, при крикахъ ура! постановило: соорудить церковь на мѣстѣ гдѣ пролита злодѣями кровь Царя-Освободителя.

Замѣтки къ Запискамъ сенатора Соловьева.

Въ Запискахъ Я. А. Соловьева, напечатанныхъ въ февральской книгѣ «Русской Старины» (1881 г. февраль, стр, 243) приведены слова въ Бозѣ почившаго Государя, которыя свидѣтельствуютъ объ одинокомъ положеніи Его въ самомъ началѣ 1857 г., когда предпринята была Имъ одна изъ величайшихъ Его реформъ.

Необходимо однако напомнить, что слова, обращенныя въ Бозѣ почившимъ Монархомъ къ покойному графу П. Д. Киселеву,—о неимѣніи у него пособниковъ въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ,—сказаны были Государемъ именно въ самомъ началѣ, при возникновеніи крестьянскаго вопроса.

Въ учрежденномъ незадолго до того особомъ (секретномъ) комитетѣ (3 янв. 1857 г.) не составилось еще то, нынѣ историческое, меньшинство,—въ которомъ Государь вскорѣ нашелъ себѣ столь энергическихъ, горячо преданныхъ Ему и Россіи сподвижниковъ въ разрѣшеніи крестьянскаго дѣла; направленіе Я. И. Ростовцева сложилось лишь гораздо позже, а Великій князь Константинъ Николаевичъ, заслуги котораго въ столь задушевныхъ выраженіяхъ засвидѣтельствовалъ Царь-Освободитель—въ извѣстномъ рескриптѣ 19-го февраля 1861 г., [1]—назначенъ членомъ помянутаго Комитета только полгода спустя по его учрежденіи, именно лѣтомъ 1857 г.

Разговоръ Государя Александра Николаевича съ гр. Киселевымъ, повторяемъ, былъ въ самомъ почти началѣ «крестьянскаго дѣла»,—когда оно дѣйствительно вяло подвигалось въ вышеупомянутомъ «Комитетѣ». Извѣстно, что самое назначеніе В. К. Константина Николаевича членомъ этого Комитета состоялось именно въ виду того, какъ свидѣтельствуетъ сенаторъ Я. А. Соловьевъ:—что «Государь остался очень недоволенъ бездѣйствіемъ Комитета и чтобы пробудить его дѣятельность, въ началѣ августа (1857 г.)

---

[1]) Перепечатанъ въ „Русской Старинѣ", изд. 1880 года, февраль, стр. 380–331.

назначилъ членомъ онаго Великаго Князя Константина Николаевича». Великій Князь Константинъ Николаевичъ, продолжаетъ сенаторъ Соловьевъ, «съ свойственнымъ ему усердіемъ принялся за дѣло». («Русская Старина», изд. 1881 г., февраль, Записки Соловьева, стр. 241).

Противъ всѣхъ этихъ строкъ покойный Государь Императоръ сдѣлалъ Собственноручную отмѣтку: «Правда».

Съ этого же времени (августъ 1857 г.) вокругъ Великаго Князя соединились; С. С. Ланской, гр. Д. Н. Блудовъ и К. В. Чевкинъ; нѣсколько позже къ нимъ совершенно примкнулъ Я. И. Ростовцевъ; а послѣ смерти Якова Ивановича—гр. В. Н. Панинъ. Вотъ тѣ члены помянутаго Комитета по крестьянскому дѣлу, которыхъ исторія наименуетъ наиближайшими и первыми по времени (1857—1859 гг.) сподвижниками Государя въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, именно на началахъ, указанныхъ Державною волею Александра II. Достойно замѣчанія, что на первомъ въ августѣ журналѣ Комитета,—1857 г.,—Государь Собственноручно начерталъ выраженія Высочайшей признательности за «первый» трудъ Комитета, хотя Комитетъ, какъ сказано выше, существовалъ уже болѣе полгода и представилъ до того времени нѣсколько журналовъ.

— «Да поможетъ намъ Богъ,—писалъ въ помянутой резолюціи покойный Государь: вести это важное дѣло съ должною осторожностью къ желанному результату. Искренно благодарю гг. членовъ за этотъ первый ихъ трудъ и надѣюсь и впредь на ихъ помощь и дѣятельное участіе во всемъ, что касается сего жизненнаго вопроса». (18 авг. 1857 г.). См. «Записки Соловьева» въ «Рус. Стар.» 1881 г. № 2, (февраль), стр. 245.

Затѣмъ мысль о томъ, что въ вѣрномъ ему дворянствѣ Государь найдетъ себѣ усердныхъ помощниковъ для разрѣшенія крестьянскаго дѣла не оставляла Царя-Освободителя. Въ доказательство можно бы привести довольно много свидѣтельствъ изъ разныхъ офиціальныхъ данныхъ, давнымъ давно обнародованныхъ, но ограничимся нѣсколькими выдержками изъ тѣхъ-же напечатанныхъ въ «Русской Старинѣ» Записокъ сенатора Соловьева, помѣстивъ здѣсь-же отмѣтки, начертанныя противъ нихъ, на поляхъ, покойнымъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ.

Великое историческое значеніе этихъ отмѣтокъ понятно само собою.

Записки Соловьева: «Государь сказалъ Петербургской депутаціи:—я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ благо-

роднымъ сословіемъ и будетъ въ началѣ всего добраго». (Р. С. 1881 г., № 2, стр. 226). Государь противъ этихъ строкъ написалъ: «Это правда».

Соловьевъ пишетъ: «Мысль Государя, кажется, заключалась въ томъ, чтобъ милостивымъ выраженіемъ полнаго довѣрія къ дворянамъ привлечь его къ себѣ и освобожденіе крестьянъ произвести посредствомъ дворянства». («Рус. Старина», изд. 1881 г., февраль, стр. 226).

Государь послѣднія слова, напечатанныя здѣсь разрядкой, подчеркнулъ и на полѣ отмѣтилъ: «Да».

Извѣстны слова Государя, обращенныя 30 марта 1856 г. къ Московскому дворянству; онѣ приведены и сенаторомъ Соловьевымъ въ его Запискахъ, а именно: «Считаю нужнымъ объявить всѣмъ вамъ, что я не имѣю намѣренія сдѣлать это (уничтоженіе крѣпостнаго ига) сейчасъ, но, конечно, и сами вы понимаете, что существующій порядокъ владѣнія душами не можетъ оставаться неизмѣннымъ. Лучше начать уничтожать крѣпостное право сверху, нежели дождаться того времени, когда оно начнетъ само собой уничтожаться снизу». («Рус. Ст.», 1881 г., февр., стр. 228).

Строки эти Государь обвелъ чертою и отмѣтилъ противъ черты: «Правда».

Далѣе, на стр. 234-й Записокъ Соловьева (февраль, 1881 г.) Государь, прочтя слова въ изложеніи событій января 1857 г., что «крѣпостное состояніе отжило свое время, что вопросъ (объ отмѣнѣ его) занимаетъ мысли Государя, съ самаго вступленія его на престолъ»—изволилъ отмѣтить и противъ этихъ словъ: «Правда».

Государь не ошибся въ надеждѣ, что дворянство выдѣлитъ Ему изъ своихъ рядовъ помощниковъ, людей вполнѣ самоотверженныхъ и глубоко проникнутыхъ Его святою идеей объ освобожденіи крестьянъ; таковые явились изъ среды депутатовъ перваго, а затѣмъ и втораго призывовъ; они затѣмъ явились въ первыхъ, по времени и по достоинству, исполнителяхъ и проводникахъ въ народъ «Положеній 19-го февраля»,—мы говоримъ о доброй памяти мировыхъ посредникахъ перваго трехлѣтія... (1861—1864 гг.).

О томъ, какихъ поистинѣ усердныхъ и умѣлыхъ пособниковъ Государь нашелъ себѣ въ членахъ «Редакціонныхъ Коммисій» (1859—1860) (Н. А. Милютинъ, кн. В. А. Черкасскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, С. М. Жуковскій, Я. А. Соловьевъ, Галаганъ, Тарновскій и друг.) хорошо извѣстно; объ этомъ же подробно разсказалъ сенаторъ Соловьевъ въ той главѣ изъ его Записокъ, которая напечатана въ «Русской Старинѣ» прошлаго, 1880-го года, февраль, стр. 319—361. Ред.

Храмъ на мѣстѣ покушенія 1-го марта.

Прекрасная мысль о сооруженіи церкви на мѣстѣ, гдѣ пролита кровь Царя Освободителя, единогласно и восторженно принятая Думою 6-го марта 1881 г., вызвала цѣлый рядъ предположеній и проектовъ, представленныхъ С.-Петербургской Городской Управѣ. Помѣщаемъ одну изъ многихъ, поступившихъ туда по сему предмету, записокъ:

Въ засѣданіи С.-Петербургской Городской Думы, происходившемъ 6-го марта 1881 г., единогласно постановлено: соорудить церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ палъ отъ руки убійцы Державный мученикъ,—нашъ Царь-Освободитель. Нынѣ царствующій Императоръ изъявилъ свое согласіе на сооруженіе церкви.

Мы полагаемъ, что въ виду общаго горя, покрывшаго трауромъ Россію, каждый русскій имѣетъ право предлагать свои мысли и соображенія по поводу сооруженія Храма.

1) Престолъ церкви долженъ быть непремѣнно на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пролилась кровь Освободителя земли русской.

Камни мостовой, обагренные этою святою, мученическою кровью, должны быть немедленно вынуты изъ земли, бережно сохранены и при постройкѣ церкви вдѣланы въ полъ подъ самымъ престоломъ. Они послужатъ какъ бы основаніемъ престола, на которомъ будетъ совершаться безкровная жертва Тому, Кто искупилъ насъ крестною смертію.

Пройдутъ года, улягутся и умиротворятся бушующія страсти, забудется ужасъ и тоска настоящаго времени, на смѣну намъ явятся новыя поколѣнія; но память о Царѣ, освободившемъ отъ рабства милліоны, не умретъ въ памяти народной, окруженная ореоломъ славныхъ дѣлъ и вѣнцомъ мученической смерти. Его величественный, страдальческій и кроткій образъ будетъ высоко стоять въ исторіи и на поклоненіе къ мѣсту, обагренному Его кровью, будутъ стекаться толпы народныя, пока жива Россія, пока русскій человѣкъ осѣняетъ себя крестомъ, этимъ символомъ необъятной, божественной любви и страданія.

2) Такъ какъ алтарь долженъ быть на восточной сторонѣ храма, то самый храмъ построится на Екатерининскомъ каналѣ посредствомъ устроеннаго акведука; со стороны, прилегающей къ набережной, окружить его садомъ, а для объѣзда отдѣлить часть сада Михайловскаго дворца.

3) Храмъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть освященъ во имя Воскресенія Христа, своею смертію поправшаго смерть. Кончина

нашего Великаго Государя не была обыкновенною кончиною; прибавивъ къ его Царскому вѣнцу вѣнецъ мученическій, разтерзавъ наши сердца невыразимою скорбью, она между тѣмъ воскресила въ нашей памяти все сдѣланное Имъ для блага Россіи. Для того, чтобы наши потомки наглядно видѣли, что̀ сдѣлалъ Императоръ Александръ II для Россіи, на внутреннихъ стѣнахъ церкви должны быть высѣчены не только всѣ совершенныя Имъ славныя дѣянія, но и подлинныя слова Его, произнесенныя по поводу извѣстныхъ событій. Напримѣръ, при освобожденіи крестьянъ: «Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ!» При судебной реформѣ: «Отнынѣ правда и милость да царствуютъ въ судахъ» и т. д.

4) При самой церкви необходимо устроить особый примыкающій покой съ надписью надъ входною дверью: «Палъ отъ руки злодѣя 1-го марта 1881 года». Въ этомъ покоѣ должны храниться, во 1-хъ: часть камней, обагренныхъ Царскою кровью, во 2-хъ, платье, бѣлье и постель, на которой почилъ Царь, въ 3-хъ, образъ, всюду сопровождавшій Его, съ неугасаемою передъ нимъ лампадою, и въ 4-хъ, портреты покойнаго Императора, маска, снятая послѣ смерти, бюстъ Его и все, что было писано и напечатано о Его личности и дѣятельности должно быть тутъ же собрано.

И. С. Мусинъ-Пушкинъ.—Ѳедоръ Ѳед. Львовъ [1]).

10-го марта 1881 г.

---

[1]) Д. Ст. Сов. Ѳедоръ Ѳедоровичъ Львовъ, бывшій конференцъ-секретарь Импер. Академіи Художествъ, талантливый художникъ-архитекторъ.

Ред.

КН.. М. С. ВОРОНЦОВЪ И КН. А. И. БАРЯТИНСКІЙ.

ПО ПОВОДУ ЗАМѢТКИ И. Ѳ. ЗОЛОТАРЕВА.

Читая въ мартовской книгѣ «Русской Старины», изд. 1881 г., замѣтку И. Ѳ. Золотарева, озаглавленную: «Кн. М. С. Воронцовъ», не знаешь, чему больше удивляться: рѣшимости ли человѣка говорить съ увѣренностью о дѣлѣ, для составителя замѣтки очевидно непонятномъ, или той развязности, съ которою иногда позволяютъ себѣ произносить приговоры о дѣятельности людей историческихъ, не на основаніи фактовъ, а на основаніи гдѣ-то и когда-то слышанныхъ словъ и собственнаго благоусмотрѣнія.

Странность замѣтки для каждаго мыслящаго человѣка, сколько нибудь понимающаго военное дѣло, такъ очевидна, что сама по себѣ она не заслуживала бы даже опроверженія. Но, во 1-хъ, г. Золотаревъ озаглавилъ ее именемъ, котораго каждый, сколько нибудь знакомый съ Кавказомъ, не можетъ глубоко ни уважать, и во 2-хъ, въ концѣ замѣтки г. Золотаревъ, на основаніи собственныхъ словъ, будто бы имъ слышанныхъ отъ фельдмаршала князя Барятинскаго, тщится извратить весь смыслъ статьи моей о покойномъ князѣ, напечатанной въ февральской книгѣ «Русской Старины» изд. 1881 г.

Въ то же время я хорошо знаю, что по неимѣнію до сихъ поръ полной и основательной исторіи Кавказа, по малому знакомству большинства съ этимъ краемъ, ходячія мнѣнія, на основаніи будто бы авторитетныхъ словъ, и развязность въ раздачѣ историческихъ заслугъ на Кавказѣ, къ прискорбію, у насъ нерѣдки. Самое составленіе моей статьи, главнымъ образомъ, было вызвано моимъ искреннимъ желаніемъ оказать посильную услугу нашей славной Кавказской арміи и избавить ее, по возможности, отъ той малой извѣстности подвиговъ ея и ея главныхъ дѣятелей, при которой каждый пишущій можетъ говорить о нихъ по собственному благоусмотрѣнію. Съ этой именно цѣлью въ моемъ краткомъ историческомъ обзорѣ войны о главнѣйшихъ дѣятеляхъ Кавказа: князѣ Циціановѣ, генералахъ Котляревскомъ, Ермоловѣ и Вельяминовѣ и князьяхъ Воронцовѣ и Барятинскомъ были высказаны сужденія на основаніи фактовъ, а никакъ ни моихъ собственныхъ разсужденій. При этомъ,

чтобы, при всемъ моемъ нежеланіи, какъ нибудь случайно не позволить себѣ сужденій произвольныхъ, я добровольно принялъ на себя обязательство разъяснять все мною сообщаемое по мѣрѣ надобности, насколько то будетъ необходимо. При чемъ однако нахожу нужнымъ теперь оговориться, что разъясненія мои будутъ имѣть предметомъ лишь самые факты, а никакъ ни мнѣнія, высказываемыя всѣми пишущими о Кавказѣ. Это дѣло уже будущаго историка, который справедливость мнѣній того или другаго самъ разберетъ. Дѣло же современниковъ—вѣрно сообщать факты и по возможности ихъ разъяснять.

Даровитыя личности, проникнутыя желаніемъ общей пользы, а не узкими себялюбивыми расчетами, испытываютъ иногда такъ много неудачъ въ жизни, что было бы грустно думать, если бы и исторія отнеслась къ нимъ не на основаніи вѣрно разъясненныхъ фактовъ, а на основаніи лишь произвольныхъ мнѣній и сужденій пишущихъ по своему благоусмотрѣнію.

Замѣтка г. Золотарева, при всей своей краткости, распадается на двѣ части: первая касается ошибки, вкравшейся въ одномъ изъ примѣчаній къ моей статьѣ, въ которомъ сказано, что князь Воронцовъ, принимая участіе въ Кавказской войнѣ, еще въ очень молодыхъ годахъ, потерялъ бинокль, который вернулся къ нему много лѣтъ спустя. Г. Золотаревъ, служившій при князѣ Воронцовѣ еще въ Одессѣ, сообщаетъ теперь, что это былъ не бинокль, а компасъ. Сообщеніе этой подробности весьма умѣстно, и если бы г. Золотаревъ озаглавилъ свою замѣтку «компасъ, а не бинокль князя М. С. Воронцова,» то былъ бы совершенно правъ. Но г Золотаревъ къ своему замѣчанію о биноклѣ присовокупляетъ слѣдующее собственное разсужденіе:

„Къ этой поправкѣ смѣю присовокупить и болѣе серьезное замѣчаніе, а именно, что мысль, соображенія и вытекавшій изъ нихъ планъ Кавказской войны, такъ удачно и блистательно оконченной княземъ А. И. Барятинскимъ, при тѣхъ средствахъ, которыя были ему даны, были обсуждаемы, подготовляемы и внушены ему покойнымъ княземъ Воронцовымъ, которому наступившая Восточная война, его болѣзнь и отъѣздъ изъ края не дали возможности исполнить самому, и я, въ 1860 г., слышалъ изъ устъ фельдмаршала князя А. И. Барятинскаго такой высоко-характеризующій его отзывъ“:

—„Мнѣ досталась жатва Воронцовскаго посѣва“.

Что̀, гдѣ и когда слышалъ г. Золотаревъ изъ устъ фельдмаршала князя Барятинскаго—разбирать теперь, черезъ двадцать лѣтъ, довольно трудно, да и совершенно излишне, такъ какъ въ моей статьѣ не на основаніи чьихъ либо словъ, а на основаніи фактовъ, подробно разсказано какъ и когда составлялся планъ покоренія Кавказа кн. А. И.

Барятинскимъ; но что слышанному г. Золотаревъ далъ слишкомъ широкое и произвольное толкованіе—это теперь несомнѣнно. Нельзя не думать, что если бы г. Золотаревъ былъ военный человѣкъ или сколько нибудь понималъ Кавказскую войну, то подобнаго толкованія ему бы не пришло и въ голову. Дѣтей главнокомандующихъ, исполняющихъ уроки ихъ учителей, исторія еще нигдѣ не представляла. Кавказская же война, по своей трудности и своеобразности, представляла для ея руководителей такія затрудненія, съ какими успѣшно справиться удавалось весьма не многимъ. Въ моемъ очеркѣ было подробно разсказано кàкъ планъ войны, слѣдуя которому князь Барятинскій покорилъ Кавказъ, имъ самимъ составлялся постепенно и въ продолженіи многихъ лѣтъ. Въ томъ же очеркѣ было указано, что князь Барятинскій, когда онъ находился подъ начальствомъ князя Воронцова, при всемъ глубокомъ личномъ уваженіи къ князю Михаилу Семеновичу, не всегда раздѣлялъ его взгляды на Кавказскую войну, о дѣйствіяхъ же его, какъ главнокомандующаго, тогда не могло быть еще и рѣчи. Самъ князь Барятинскій въ то время говорилъ объ этомъ какъ о своей любимой мечтѣ и о дѣлѣ будущаго, и понятно, что не только совѣщаній, но и серьезныхъ разговоровъ о такомъ дѣлѣ съ княземъ Воронцовымъ имѣть не могъ.

Кромѣ того, допуская даже способность князя Барятинскаго къ самоуничиженію, чего однако въ его характерѣ отнюдь не было, своеобразное толкованіе г. Золотарева словъ покойнаго фельдмаршала было бы уничиженіемъ для князя Циціанова и генераловъ Ермолова и Вельяминова, на что князь Барятинскій уже никакъ способенъ не былъ.

Не сомнѣваюсь ни на одну минуту, что если бы былъ живъ князь М. С. Воронцовъ, то за замѣтку, написанную г. Золотаревымъ, никакъ бы его не похвалилъ. Княземъ Воронцовымъ и на Кавказѣ, и до Кавказа было оказано такъ много несомнѣнныхъ, для всѣхъ очевидныхъ, заслугъ, что его имя давно уже принадлежитъ къ нашимъ наиболѣе извѣстнымъ, свѣтлымъ и высокимъ историческимъ именамъ. Поэтому навязываніе ему еще новыхъ заслугъ, по всей справедливости принадлежащихъ другимъ, не только совершенно излишне, но и неумѣстно относительно его историческаго имени.

Къ сказанному считаю нужнымъ добавить, что съ г. Золотаревымъ я знакомъ уже болѣе 25 лѣтъ, когда-то участвовалъ вмѣстѣ съ нимъ въ составленіи кавказскихъ вечеровъ и имѣлъ много случаевъ говорить о Кавказѣ, князѣ Воронцовѣ и князѣ Барятинскомъ, но за все это время ни о приводимыхъ имъ теперь словахъ князя Александра Ивановича, ни о широкомъ толкованіи, которое онъ теперь имъ придаетъ, никогда и ничего отъ него не слышалъ. Даже послѣ появленія моей

статьи въ «Русской Старинѣ», когда г. Золотаревъ сообщилъ мнѣ свое замѣчаніе о неточности относительно бинокля, онъ не счелъ нужнымъ ни слова упомянуть ни о слышанномъ, будто бы, имъ отъ князя Барятинскаго, ни, что еще страннѣе, о своихъ широкихъ по этому предмету выводахъ.

Очень можетъ быть, что послѣ личныхъ объясненій г. Золотаревъ отъ своихъ выводовъ или совершенно бы воздержался, или значительно ихъ сократилъ. Но теперь дѣло уже сдѣлано—мнѣніе г. Золотарева высказано печатно, а потому и мое на это возраженіе я обязанъ высказать также печатно.

Д. И. Романовскій.

12 марта 1881 года.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЯ ЧИСЛА.

Въ VII томѣ „Русской Старины“ изд. 1873 г. стр. 270 помѣщена была моя замѣтка: интересныя числа изъ жизни Императоровъ Петра I-го и Николая I-го, теперь еще сообщу здѣсь странное сочетаніе чиселъ, относящееся къ почившему въ Бозѣ Царю-Мученику Александру Николаевичу. Въ жизни Его фигурировали двѣ цифры 1 и 8, которыя въ годѣ рожденія и годѣ кончины повторились два раза. Если цифры, составляющія эти годы, поставить вертикально и сложить, то въ суммѣ получится 36—возрастъ, въ которомъ Онъ вступилъ на престолъ, далѣе, если къ этому числу приложить время царствованія Его (26 л.) и число мѣсяца кончины (1) то въ суммѣ выйдетъ число прожитыхъ Имъ лѣтъ:

1
8 } годъ рожденія
1
8

1
8 } годъ кончины
8
1

36 годъ вступленія на престолъ.
26 время царствованія.
1 марта день кончины.

63.

Раф. Ситовскій.

1856—1881.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КАНЦЛЕРЪ, СВѢТЛѢЙШІЙ КНЯЗЬ Александръ Михайловичъ Горчаковъ.

XXV.

15-го апрѣля 1881 года исполнится XXV лѣтъ съ того дня, когда въ челѣ министерства иностранныхъ дѣлъ поставленъ кн. А. М. Горчаковъ, государственный мужъ, которому высокій жребій предоставилъ быть ближайшимъ совѣтникомъ и сотрудникомъ въ трудахъ въ Бозѣ почившаго Монарха неизмѣнно, въ теченіе всего періода царствованія Государя-Освободителя, по всѣмъ внѣшнимъ дѣламъ нашего Отечества.

Питомецъ того-же Лицея, изъ котораго вышелъ безсмертный Пушкинъ, другъ и товарищъ великаго поэта—князь Александръ Михайловичъ съ молодыхъ лѣтъ посвятилъ себя служенію Россіи на дипломатическомъ поприщѣ.

На высокій постъ Министра Иностранныхъ Дѣлъ кн. А. М. Горчаковъ призванъ въ годину тягчайшаго испытанія, какое когда либо ниспосылало Провидѣніе Россіи; мы говоримъ объ эпохѣ Парижскаго мира 1856 года, завершившимъ Севастопольскій разгромъ и о всѣхъ его послѣдствіяхъ, состоявшихъ, между прочимъ въ томъ, что наше Отечество на долго отказалось отъ первенствующаго положенія въ Европейской семьѣ; но уйдя въ себя оно, обновленное рядомъ великихъ преобразованій Александра II, воспрянуло съ новыми силами къ вящей славѣ ея народовъ.

Ко дню XXV-ти лѣтняго юбилея кн. А. М. Горчакова изданъ будетъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ обзоръ государственной дѣятельности кн. А. М. Горчакова. Изъ этого, полнаго интереса историческаго памятника, русское общество будетъ имѣть случай напомнить себѣ—давно всѣмъ извѣстное,—а именно, что имя кн. А. М. Горчакова весьма тѣсно соединено съ длиннымъ рядомъ славнѣйшихъ дѣяній минувшаго царствованія—собственно въ области международныхъ отношеній Россіи.

Ко всѣмъ достоинствамъ нравственной личности князя А. М. Горчакова, издавна стяжавшихъ ему всеобщее уваженіе, должно замѣтить, что этотъ государственный дѣятель всегда былъ особенно дорогъ для русской печати: князь Александръ Михайловичъ всегда стоялъ на сторонѣ гласности и свѣта, а многіе-ли у насъ изъ сановниковъ заявили себя подвижниками свѣта и гласности? Будемъ же надѣяться, что скромный праздникъ 15 апрѣля 1881 г. вызоветъ привѣтъ и сочувствіе отечественной печати и представителей русскаго общества.

Ред.

КЪ ИСТОРІИ ПОЛЬСКАГО ВОПРОСА

1863.

Въ послѣднее время въ отечественной печати вновь возгорѣлась весьма оживленная полемика о польскомъ вопросѣ и объ отношеніяхъ къ нему русскаго общества. Въ виду этого вполнѣ своевременно обратиться къ документу, отнынѣ вполнѣ историческому, въ которомъ весьма опредѣленно выражены тѣ убѣжденія, какими руководился въ Бозѣ почившій Императоръ Александръ Николаевичъ—предпринимая реформы въ Царствѣ Польскомъ, столь насильственно прерванныя мятежемъ. Документъ этотъ,—своевременно напечатанный въ офиціальномъ органѣ «Сѣверная Почта» (1863 г. № 236),—есть Высочайшій рескриптъ, данный на имя Намѣстника въ Царствѣ Е. И. В. Великаго Князя Константина Николаевича. Интересъ содержанія рескрипта значительно возростаетъ при слѣдующемъ объясненіи, которое мы слышали отъ покойнаго Николая Алексѣевича Милютина, въ нѣкоторыхъ трудахъ котораго, вмѣстѣ съ покойнымъ же А. Θ. Гильфердингомъ, принимали непосредственное участіе въ 1865 и 1866 годахъ.

Помянутый рескриптъ данъ въ октябрѣ 1863 г., въ бытность Императора въ Ливадіи; первая редакція его была изложена, по волѣ Государя, гр. А., но при просмотрѣ представленнаго къ подписи рескрипта Государь совершенно его измѣнилъ, оставя лишь вступительныя строки. Всѣ же существенныя строки рескрипта Государь изложилъ собственноручно.

Отсюда понятенъ особенный интересъ, какой имѣетъ помянутый документъ въ особенности теперь, когда вновь возникаетъ, по крайней мѣрѣ въ печати, польскій вопросъ.

Ред.

«Ваше Императорское Высочество! Призвавъ Ваше Императорское Высочество, въ прошедшемъ году, къ управленію Царствомъ Польскимъ въ качествѣ Моего Намѣстника, Я желалъ выразить Мою твердую волю дать постепенное развитіе новымъ учрежденіямъ, Мною Царству дарованнымъ.—Самое назначеніе любезнаго Мнѣ брата было ручательствомъ Моего искренняго желанія слѣдовать путемъ умиротворенія къ возстановленію нарушеннаго порядка въ Польшѣ и водворенію въ ней прочнаго управленія на основаніяхъ, согласныхъ съ нуждами и пользою края.—Вполнѣ постигнувъ Мои благосклонныя къ народу польскому намѣренія, душевно имъ сочувствуя и воодушевленные высокою мыслію примиренія, Ваше Императорское Высочество съ достойнымъ самоотверженіемъ пожертвовали всѣмъ положеніемъ Вашимъ въ имперіи, чтобы на новомъ поприщѣ, неограниченнымъ Моимъ довѣріемъ Вамъ указанномъ, усугубить Ваше рвеніе на пользу службы и отечества.—Я имѣлъ право ожидать отъ подданныхъ Моихъ Царства Польскаго, что какъ намѣренія Мои, такъ и готовность Ваша къ приведенію въ исполненіе Моихъ предначертаній будутъ постигнуты,— что минутно увлеченные насиліемъ противъ правительства, они поймутъ значеніе прибытія Вашего въ царство, и видя въ немъ залогъ попеченій Моихъ о благѣ Польши и доказательство Моего расположенія простить заблужденіе, они возвратятся на путь долга и къ чувствамъ преданности своему Монарху.

Къ крайнему Моему прискорбію, надежды Мои не осуществились.

Встрѣченные на первомъ шагу вѣроломствомъ и покушеніемъ на драгоцѣнную для Меня жизнь Вашу, Ваше Императорское Высочество кровію запечатлѣли преданность ко Мнѣ и Россіи.—Не взирая на всѣ усилія Ваши, учрежденія, дарованныя Мною Царству польскому, доселѣ не дѣйствуютъ согласно ихъ значенію, встрѣчая постоянныя препятствія не въ доброй волѣ и стараніяхъ правительства, а въ самой странѣ, находящейся подъ гнетомъ крамолы и пагубнымъ вліяніемъ иноземныхъ возмутителей. Съ прибытіемъ Вашимъ въ Польшу должна была, внушеніемъ необходимаго уваженія и довѣрія къ закону, ознаменоваться новая эпоха для ея внутренняго развитія и благоденствія. — Неусыпно и не щадя своего здоровья,

Ваше Императорское Высочество твердою волею старались осуществить Мои благія для Царства польскаго намѣренія.—Согламая постоянно Ваши дѣйствія съ цѣлію Вашего назначенія, имѣя постоянно въ виду пользу службы Россіи и ввѣреннаго управленію Вашему края, пренебрегая ежеминутною личною опасностію, Вы не поколебались въ неусыпныхъ усиліяхъ Вашихъ и тогда, когда открытый мятежъ противупоставилъ величайшія затрудненія правильному дѣйствію закона.—Но продолжающееся возмущеніе, тайные преступные замыслы и возрастающая со всѣхъ сторонъ измѣна, убѣдили Ваше Императорское Высочество въ несоотвѣтственности съ нынѣшнимъ состояніемъ края той мысли благосклоннаго и кроткаго умиротворенія, побудившей Меня возложить на Васъ исполненіе щедрыхъ льготъ, Мною Царству польскому дарованныхъ.

Народъ польскій не хотѣлъ понять и оцѣнить мысль назначенія Вашего Императорскаго Высочества Моимъ Намѣстникомъ и вѣроломнымъ возстаніемъ и преступными заговорами оказался недостойнымъ даннаго ему, въ лицѣ любезнаго Мнѣ брата, залога благосклонныхъ намѣреній Моихъ.

Сознавая справедливость Вашего воззрѣнія на невозможность, при настоящихъ обстоятельствахъ, слѣдовать для усмиренія края тѣмъ путемъ, который вызвалъ въ прошедшемъ году назначеніе Ваше, Я соизволяю на испрашиваемое Вами увольненіе отъ обязанностей Намѣстника Моего и главнокомандующаго войсками въ Царствѣ польскомъ.

Когда же, съ помощіею Божіею, возстаніе въ Польшѣ будетъ подавлено, когда, внявъ наконецъ гласу закона и долга, подданные Мои въ Царствѣ отвергнутъ насиліе отъявленныхъ поборниковъ измѣны и обратятся къ Моему милосердію, когда водворенный порядокъ дозволитъ приступить вновь къ начатому Вами дѣлу, когда обстоятельства дозволятъ введеніе тѣхъ учрежденій, которыя Мною были дарованы царству и приведеніе въ дѣйствіе коихъ есть одно изъ Моихъ живѣйшихъ и искреннѣйшихъ желаній,—тогда я буду надѣяться, что Вамъ снова можно будетъ принять участіе въ исполненіи Моихъ предначертаній и посвятить Себя на пользу службѣ съ тою же ревностію и самоотверженіемъ, коихъ постоянныя и несомнѣнныя доказа-

тельства столь же отрадны были Моему сердцу, сколь неограниченны Мои къ Вамъ довѣріе и братскія дружба и любовь.

Молю Бога, дабы испрашиваемый Вами отдыхъ, необходимый Вашему Императорскому Высочеству послѣ постоянныхъ и тяжкихъ трудовъ, понесенныхъ Вами среди величайшихъ затрудненій и испытаній, глубоко поражавшихъ Ваше сердце, столь горячо любящее дорогое отечество, сколь возможно скоро возстановилъ Ваши силы.

Да поможетъ намъ Богъ! Въ Его безпредѣльное милосердіе уповаю твердо и непоколебимо.

На подлинномъ Собственною Его Императовскаго Величества рукою написано:

«Искренно Васъ любящій и благодарный братъ»

«АЛЕКСАНДРЪ».

Ливадія, 31-го (19-го) октября 1863 года.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ

въ XXX томѣ

„РУССКОЙ СТАРИНЫ“

1881 г.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Абакумовъ, сенат., ген.-интендантъ арміи, 1829 г., 110.

Аврамовъ, Пав. Васил., полковн., декаб., † 1838 г., 513, 516, 517, 809.

Авсеневъ, проф. духовн. акад., 781.

Агринскій, священн., 528.

Адлербергъ, гр., Владим. Өедор., ген.-адъют., ми-ръ двора и удѣл., 233, 391, 432—435, 503, 727.

Айвазовскій, Ив. Конст., художн.-маринистъ, р. 1807 г., 461.

Алабинъ, П. В. Сообщ. Біографическій очеркъ «Иванъ Петров. Голевъ, 1805—1880», 869—890.

Александра Өеодоровна, имп-ца, р. 1798 † 1860 г., 30—39, 107—116, 121, 386, 524, 613, 895.

Александровскій, священ., 1879 г., 567.

Александровъ, офиц. кирасирс. полка, 1825 г., 209.

Александръ I, импер., р. 1777 † 1825 г. Рескриптъ маіору Голеву, 1807 г., 872; всеподд. письмо гр. М. М. Сперанскаго изъ Перми, 9 іюля 1814 г., 447—448; упом: 1—18, 27, 35, 97, 187, 188, 222,—224, 263, 264, 314, 464, 465, 488, 490, 492, 512, 873—875, 889.

Александръ II, Императоръ, р. 1818 † 1 марта 1881 г. Рескриптъ виленскому ген.-губернатору Назимову, 20 ноября 1857 г., 723—724; рескриптъ е. в. Вел. Кн. Константину Николаевичу, 19 окт. 1863 г., 914—916; Собственноручныя отмѣтки, сдѣланныя въ «Запискахъ сенатора Я. А. Соловьева, о крестьянскомъ дѣлѣ», 904—905; Событіе 1-го марта 1881 г. 893—897. Упом. 131, 201, 211—245, 251—254, 265—269, 300—317, 438, 439, 489, 621, 625, 664, 682—691, 718—754, 765, 779, 836—838, 870, 871, 898—902, 906, 907, 911—913.

Александръ III, Императ., р. 1845 г., манифестъ 1 марта 1881 г. Слова, выраженныя имъ при докладѣ ми-ра внутреннихъ дѣлъ, 4 мар. 1881 г., 902; упом: 251, 881, 899, 901.

Алимпіевъ, А. П., преподават. словесности, 875.

Али-паша, египетскій вице-кор., 383.

Амвросій, еписк. хвалынскій, 87.

Амфитеатровъ, Я. К., баккалавръ кіевс. духовн. акад., 1831 г., 781.

Андреевскій, докторъ, 1852 г., 665.

Андреевъ, Алексѣй Семенов., восп—къ Учил. Правовѣд., 1839 г., 416, 417.

Анкудиновъ, сиб. ямщикъ, 1833 г., 824.

Анисимовъ, адъют. оренб. ген.-губерн., 1879 г., 863, 864.

Анненкова, Праск. Ив., жена дек., 807.

Анненковъ, Ив. Алексд., поруч. кавалергард. пол., декабристъ, 807, 809.

Анненковъ, И. В., бывш. восп—къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.

Анненковъ, ссылка на его изд. сочиненій А. С. Пушкина, 458, 459.

Антонелли, агентъ полиціи, 1849 г., 706.
Апраксинъ, В. В., орловс. предвод. дворянс., 1857 г., 748.
Апраксинъ, гр. Влдм. Ст., полковн. лб. гв. конн. полка, фл.-адъют., 1825 г., 208, 209.
Апраксинъ, гр., Степ. Өедор., полковн., фл.-адъют., 1825 г., 205, 206.
Аракчеевъ, гр. Алексѣй Андр., р. 1769 † 1834 г., 187, 488.
Арбузовъ, ген.-адъют., 1826 г., 34, 35.
Арбузовъ, Антонъ Петр., лейт., декабр., † 1866 г., 207, 491—494, 509—511.
Аргутинскій-Долгорукій, кн., начальн. Нухинскаго участка на Кавказѣ, 1851 г. 296, 655—678.
Арнольди, генер., 1829 г., 116.
Арсеньевъ, почетный опекунъ московс. Воспитат. Дома, 46.
Арсеньевъ, тульс. предводит. дворянс., 1857 г., 748.
Архангельскій, Г. Н., инспект. сарат. семинаріи, 1837 г., 334.
Архангельскій, Максимъ, священникъ, 347—349.
Астафьевъ, М. И., оренбург. губернат. и командующій войсками, 1879 г., 854—859, 865.
Ахматовъ, А. П. об.-прок., 1863 г., 320.
Ахметъ-ханъ, правит. Аваріи, 1846 г., 669—672, 677.

Байковъ, дежурн. генер., 1829 г., 103.
Баклановъ, Яковъ Петр., ген.-лейт., 304.
Бакунинъ, Мих. Алсд., поруч., 1825 г., впослѣд. адъют. вел. кн. Михаила Павловича, убитъ на Кавказѣ, 208—210, 669.
Балашевъ, ген.-адъют., ген.-губернат. рязанс., 1826, 187, 190.
Балкъ-Полевъ, Софія Петр., въ замуж. кнг. Голицына, 39.
Бамбергъ, генер., 1864 г., 199.
Бантышъ-Каменскій, Дмт. Никл., тобольск. губернат., 1827 г., 802.
Барановъ, гр., Н. Т., бывш. восп-къ Николаевск. кавалер. учил., 712.
Барановъ, С. М., восп-къ учил. Правовѣд., 1838 г., 584.
Барклай-де-Толли, кн., Мих. Богданов., ген. фельдм., р. 1761 † 1818 г., 842.
Барсовъ, Никл. Ив., проф. Сообщ. „Проэктъ устава общ. учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія Белл и Ланкастера“, 181—183.
Бартоломей, полковн., 1853 г., 285.
Баршевъ, проф. спб, унив., 1837 г., 372.
Барятинскій, кн., Алсд. Ив., ротмс. лб. гв. гусарс. пол., декабр., † 1844 г., 814.
Барятинскій, кн. Алексд. Ив., намѣст. Кавказс., впослѣд. ген-фельдмарш., р. 1815 † 1879 г. Историческій очеркъ его служебной дѣятельности, 247—318, упом: 368, 444, 663, 680, 895, 896, 908—911.
Барятинскій, кн., Влдм. Ив., 1847 г., 269.
Барятинскій, кн., Ив. Ив., тн. сов., † 1825 г., 262—266.
Басаргинъ, Никл. Вас., поруч. лб. гв. егерс. пол., декабр. † 1861 г., 806—822, 875.
Баумгартенъ, А. К., ген.-адъют., предсѣдат. Общ. Краснаго Креста, 1870 г., 633—634, 869.
Бахметевъ, офиц., 1825 г., 450.
Бахъ, бар., студ. унив., 1837 г., 372.
Бащуцкій, Александръ Пав., офиц. измайловс. полка, адъютан. гр. Милорадовича, 1825 г., † 1876 г., 25, 205—210, 429, 449—452, 521.
Бащуцкій, Пав., ген.-адъют., спб. комендантъ, 1825 г., 497.
Бебутовъ, кн. Вас. Осип., ген. отъ инф. и чл. госуд. сов., † 1858 г., 298, 673.
Безобразовъ, помѣщ. спб. уѣзда, 1854, г., 726.
Беккеръ, докт.-хирургъ, 1854 г., 613.
Бельгардтъ, команд. украинс. полка, 869.
Бенедиктовъ, Влдм. Григ., р. 1807 † 1873 г., 896.
Бенкендорфъ, гр., Алсд. Христоф., ген. адъют., шефъ жандарм., р. 1783 † 1844 г. 15—17, 208, 467, 509, 510, 511, 524, 525, 578, 827.
Бенкендорфъ, восп-къ учил. Правовѣд., 1837 г., 578, 579.
Берарь, преподават. и воспитатель въ учил. Правовѣд., 1840 г., 404, 408.
Бергъ, Никл. Вас. Сообщ. замѣтку въ отвѣтъ на возраженія къ его Запискамъ, 195—203; ссылка на его замѣтку

о кн. М. Д. Горчаковѣ, 455, 456; упом. 204.
Бергъ, гр. Өед. Өед., генер. 1829 г., впослѣд. ген.-фельдм., намѣстн. Царства Польс., р. 1794 † 1874 г., 110.
Бернардъ, Августъ (Auguste Bernard), франц. художн., чл. Общ—ва свиней, 1824 г., 185, 186.
Бертенсонъ, І. В., докт. медицины. Статья его: «Николай Ивановичъ Пироговъ и его профессорская, ученая и общественная дѣятельность, 1831—1881 гг., 603—647; упом: 648.
Бестужевъ, Алексд. Александр. (Марлинскій) штб. кап. лб. гв. драгунс. полка, декабр., писат. † 1837 г., 410, 499.
Бестужевъ, Мих. Алексдр., штб.-капит. лб. гв. московск. пол., декабр., 497, 504, 809.
Бестужевъ, Никл. Александр., капит.-лейт. 8-го флотс. экип., декаб., † 1855 г., 1, 3, 9, 495—499, 809—811, 822.
Бестъ, франц. худ.-грав., 1858 г., 434—437.
Бесчастный, Влдм. Алсдр., прапорщ., декабр., † 1859 г., 809.
Бибиковъ, Дмт. Гавр., ген.-адъют., ми-ръ внутр. дѣлъ, 225.
Бильдерлингъ, А., начальн. Николаевс. кавалер. учил., 711.
Бистромъ, бар., Р. Г., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. училищ., 712.
Благосвѣтловъ, Г. Е., студ., 1848 г., 693.
Блудовъ, гр., А., студ. спб, универс., 1836 г., 368.
Блудовъ, гр., В., студ. спб. универс. 1836 г., 368.
Блудовъ, гр., Днит. Никл., дс. ст. сов., чл. госуд. сов. и предсѣдат. деп—та законовъ, 1839 г., р. 1785 † 1864 г., 215—246, 453.
Бобрищевъ-Пушкинъ, Пав. Серг., поруч. генеральн. штаба, декабр., † 1865 г., 513, 809—838.
Богдановичъ, Модестъ Ив., воен. писатель. Сообщ. историч. замѣтку «Меллеръ-Закомельскіе», 445—446; упом: 872.
Богдановъ, С. Н., владимірс. предводит. дворянс., 1856 г., 229, 748.
Богословскій, Мих. Измайлов., законоучит. въ Учил. Правовѣд., 1839 г., 412—414, 601.
Бограновъ, вологдс. губерн. предводит. дворянс., 1857 г., 746.
Богуславскій, полковн., 1864 г., 200.
Бодиско, Борисъ Андр., лейт. гвард. экип., 1824 г., декабр., 1, 17, 496.
Бодиско, Мих. Андр., мичманъ гвард. экипажа, декабр., † 1856 г., 498—504.
Бодянскій, Осипъ Максимов., р. 1808 † 1877 г., 897.
Болховской, генер., 1823 г., 873.
Борейша, поруч. лб. гв. финлянд. полка, 1858 г., 881.
Борисовъ, Алсдр. Ив., отставн. поруч. артил., декаб. † 1854 г., 815.
Борисовъ, Петръ Ив., подпоруч., декабр. † 1854 г., 815.
Борисовъ, Петръ Өедор., гравера, уч—къ грав.-акад. Л. А. Сѣрякова, 440.
Борхъ, гр., церемоніймейст., 841.
Борхъ, гр., витебс. уѣзд. предвод. дворян., 1828 г., 841.
Борхъ, гр—ня. Софія, рожд. гр—ня Лаваль, 841.
Борхъ, гр—ня, рожд. гр—ня Платеръ, 841.
Боткинъ, Сергѣй Петр., нынѣ лейб-мед., 616, 681.
Браунъ, Н. А., граверъ, 440.
фонъ-Бригенъ, Алсд. Өедор., отставн. полкв., декабр., † 1859 г., 810.
Брокъ, П. Ө., ми—ръ. финанс., 1858 г., 232.
Бруни, Ө. А., проф. Акад. Худож., 1852 г., 431, 432.
Брюммеръ, капитан. генер. штаба., 1827 г., 525.
Булгаринъ, Өаддей Венедиктов., писат. р. 1789 † 1859 г., 415, 428, 461.
Буташевичъ-Петрашевскій, см. Петрашевскій.
Бутковъ, Влдм. Петр., госуд. секрет. 1856 г., 233—236.
Бутурлинъ, Дм. Петр., ген.-маіоръ, ген.-квартирмейстеръ, 1828 г., 116, 842, 843.
Бутурлинъ, ярославс. губернат., 1857 г., 747, 751.
Бучкіевъ, капит., 1852 г., 663.
Бѣлинскій, Виссаріонъ Григор., писат., р. 1810 † 1848 г., 410, 698, 700, 707.

Бѣлосельская, кнг., рожд. Бенкендорфъ, 461.

Бѣляева, Шарлота Андр., рожд. Вереніусъ, 20, 21.

Бѣляевъ, Алсд. Петр., р. 1803 г. Сообщ. свои «Воспоминанія о пережитомъ и перечувствованномъ съ 1803 года. Гл. VIII–XIII, 1–26, 487–518, 799–838; замѣтка къ замѣткѣ бар. А. Е. Розена, 454–455; упом.: 340, 452–453.

Бѣляевъ, Петр. Петр., мичманъ гвардейс. экип., декабр. † 1865 г., 14–24, 493–517, 799–838.

Бѣлингъ, учит. пѣнія въ Учил. Правовѣд., 1838 г., 584.

Вадковскій, Ѳед. Ѳед., прапорщ., декабр., † 1844 г., 517, 812, 820, 824.

Валуевъ, П. А., мн-ръ внутр. дѣлъ, 745.

Ванновскій, П., С. капит. лб.-гв. финлянд. пол., 1853 г., нынѣ корпусн. команд., 881, 882.

Васильевъ, Серапіонъ Петр., исравникъ, 561–564.

Васильчиковъ, кн., управл. военн. министерствомъ, 1857 г., 885.

Васильчиковъ, кн., А. И. Сообщ. «Отвѣтъ псковского помѣщ. на записку псковс. губернатора», 162–172; замѣтка къ возраженіямъ Запис. Н. В. Берга, 204; упом. 131, 208, 368, 712.

Васильчиковъ, кн., Илларіонъ Васильев., ген.-адъют., предсѣдат. Государс. Сов., р. 1776 † 1847 г., 91–104, 215–218.

Вахтинъ, ген.-маіоръ, нач. штаба 6-пѣх. корп., 1829 г., 113, 122, 129.

Введенскій, Иринархъ Ив., проф., † 1856 г., 693, 701.

Веберъ, преподават. англ. яз. въ Учил. Правовѣд., 1837 г., 398.

Веймарнъ, попечит. медико-хирургич. акад., 1845 г., 608.

Веймарнъ, А. Ѳ., сенаторъ, 1854 г. 726–729.

Веймарнъ, Ив. Ѳедор., поруч. гвард. генер. штаба, 1826 г., 30.

Велепольскій, маркизъ, гр. Гонзаго-Мышковскій, нач. гражд. управл. въ Варшавѣ, 1861 г., р. 1803 † 1877 г., 203.

Веліо, бар., полковн. лб.-гв. конн. полка, 1825 г., 206, 209.

Вельпо, парижскій хирургъ, 1837 г., 606.

Вельяминовъ, Алексѣй Александров., ген.-лейт., начальн. Кавказс. обл., 1835 г., † 1838 г., 265, 295, 296, 908, 910.

Веніаминовъ, арх. Камчатскій и алеутскій въ 1841 г., впослѣд. митрополитъ московскій (Иннокентій) съ 1868 г., р. 1797 † 1878 г., 781.

Веревкинъ, команд. Екатеринбургск. полка, 869.

Вилламовъ, В. А., бывш. всп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.

Вильгельмъ V, кор. прусс., императ. Германс., 252.

Винбергъ, В. Ѳ., бывш. всп-къ Никол. кавалер. учил., 712.

Витгенштейнъ, гр., Петръ Христофор., ген.-фельдмарш., р. 1768 † 1843 г., 91–108, 872, 873, 876.

Витгенштейнъ, кнг., рожд. княж. Радзивилъ, 844.

де-Виттъ, гр. генер., 1829 г., 104, 110, 112.

Вишневскій, лейт. гвардейс. экип., декабр., † 1856 г., 495.

Владиміръ Александровичъ, Вел. Кн., р. 1847 г., 439.

Воейковъ, московс. предводит. дворянс., 1856 г., 228, 746.

Воейковъ, Н. В., бывш. всп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.

Войновъ, генер., 1825 г., 498.

Волковъ, А. А., бывш. всп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.

Волковъ, П. Н., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.

Волконская, кнг., Марія Никол., жена декабр., 805, 808.

Волконскій, кн., Петръ Мих., мн-ръ дв. и фельд., р. 1776 † 1853 г., 189, 873.

Волконскій, кн., Серг. Григор., ген.-маіоръ, декабр., † 1865 г., 820.

Воробьева, Елена Яковл., въ замуж. Сосницкая, арт-ка, † 1855 г., 175.

Вороновъ, А. С., 377.

Воропановъ, ген.-адъют., 1826 г., 34, 35.
Воронцовъ, кн., Мих. Семенов., генер.-адъют., впослѣд. намѣстн. Кавказс., р. 1781 † 1856 г., 107—118, 222, 224, 252, 267—298, 392, 609, 656—680, 908—910.
Воронцовъ, кн., Семенъ Мих., фл.-адъют., полковн., 1851 г., нынѣ ген.-адъют., 656, 660, 677.
Ворошиловъ, А. Е., управл. оренб. казенн. палатою, 1879 г., 856.
Врангель, бар., инспект. Училищ. Правовѣд., 1840 г., 404, 405.
Врангель, бар., А. Е., генер.-адъют., 1859 г., 316, 317.
Вревскій, бар., А. Б., бывш. восп—къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Всеволожскій, 1827 г., 520.
Вяземская, княж., въ замуж. кнг. Кочубей, 846.
Вяземскій, кн., Н. С., бывш. восп—къ Николаевс. Кавалер. Учил., 712.
Вяземскій, кн., Петръ Андр., писат., р. 1792 † 1878 г., 25, 459.
Вяткинъ, капит., 1825 г., 209.

Габбе, генер., 1829 г., 123.
Габлицъ, Карлъ Ив., сенат., 599, 600.
Гаврилова, Анна Александр., въ замуж. Сѣрякова, † 1873 г., 438.
Гавриловъ, Д. П., помѣщ. владим. губ., впослѣд. директ. деп—та государствен. казначейс., † 1874 г., 750, 751.
Гавріилъ, архимандритъ, 781.
Гагаринъ, кн. П. П., чл. гос. сов., 1858 г. † 1872 г., 233, 236, 241, 245, 700, 729, 896.
Гагаринъ, кн., вице-президентъ акад. худож., 1859—1864 г., 436, 437.
Гагаринъ, кн., воронежс. губернс. предводит. дворянс., 1857 г., 747.
Гакстгаузенъ, бар., 1856 г., 227.
Галаховъ, поруч., 1825 г., впослѣдствіи спб. об.-полицмейст., 209.
Гальдбергъ, скульпторъ, 596.
Галяминъ, полковн., 1825 г., 192, 193.
Гамалей, капит. 1-го ранга, 1828 г., 385.
Гамзатъ-Бекъ, 1832 г., 667—669.
Гандебловъ, офиц. измайловскаго полка, 1825 г., 516.
Ганъ, 1855 г., 869.
Гастферъ, поруч., 1825 г., 192, 193.
Ге, художн., проф. акад., 461.
Гейденъ, гр., адмир., 1829 г., 126.
Гейсмаръ, бар., генер., 1829 г., 106, 109, 870, 879.
Гензельтъ, арт.-піанистъ, 1838 г., 580, 584, 591.
Георгіевскій, проф., 1836 г., 419.
Герготъ, хирургъ, 1870 г., 636.
Германъ, фл.-адъют., 1824 г., 15.
Гернгроссъ, Н. А., бывш. восп—къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Герсевановъ, 1855 г., 869.
Геруа, полковн., фл.-адъют., 1826 г., 28, 41, 120, 124.
Герценъ, Алсд. Ив., 1848 г., 698.
Гильфердингъ, Алсд. Ѳед., р. 1831 † 1872 г., 896, 913.
Гиртль, проф.-хирургъ, 1846 г., 608.
Гладкая, Ѳеодосія Андр., рожд. Мазурова, † 1866 г., 381—392.
Гладкій, Вас. Осипов., отставн. подполковн. Сообщ. разсказъ: «Осипъ Михайлов. Гладкій, бывш. кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи», 381—392.
Гладкій, Максимъ Михайлов., 381—389.
Гладкій, Осипъ Михайловичъ, генер.-маіоръ, бывш. кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи, р. 1789 † 1866 г., 381—392.
Глинка-Мавринъ, Б. Г., восп—къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Глинка, Мих. Ив., композит., р. 1804 † 1857 г. Первоначальный планъ оперы «Жизнь за Царя», 1835 г., 173—180; упом. 396, 460, 521, 522.
Глинка, Ѳед. Никол., писат., 183.
Глѣбовъ, Мих. Николаев., декабристъ, † 1851 г., 499.
Гоголь, Никол. Васил., писат., р. 1809 † 1852 г., 410—419, 459, 596, 690, 698, 707,
Големъ, Ив. Петров., командиръ камчатск. егерс. полка 1853—1856 г., впослѣд. ген.-маіоръ, р. 1805 † 1880 г. Біографическій о немъ очеркъ, 869—890.
Големъ, П., маіоръ, 1807 г., 872.
Голенищева-Кутузова, Елизав. Мих., въ замуж. гр—ня Тизенгаузенъ, 465.

Голенищевъ-Кутузовъ, Илларіонъ Матвѣев., генер.-поруч. и сенат., 463.
Голенищевъ-Кутузовъ, Пав. Вас., ген.-адъют., спб. военн. ген.-губерн., 1827 г., р. 1772 † 1843 г., 521.
Голенищевъ - Кутузовъ - Смоленскій, кн. Мих. Илларіонов., фельдмаршалъ, р. 1745 † 1813 г., 463.
Голицына, кнг., Софія Петров., рожд. **Валмъ-Полевъ**, 1826 г., 39.
Голицынъ, кн., А., студ. спб. универс., 1836 г., 368.
Голицынъ, кн., Алсд. Никл., об.-прокур. синода, мн—ръ народн. просвѣщенія, р. 1773 † 1844 г., 187—190, 215, 503.
Голицынъ, кн., Алекс. Серг., 1827 г., 520.
Голицынъ, кн., Андрей Мих., полковн., фл.-адъют., об.-квартирмст., 1826 г., 28, 32, 39.
Голицынъ, кн., Б., студ. спб. универ., 1836 г., 368.
Голицынъ, кн., Вас. Петров., адъют. 1827 г., 521.
Голицынъ, кн., Дмт. Влдм., московс. воен. ген.-губернат., 1826 г., 29.
Голицынъ, кн., Мих. Мих., полковн., 1826 г., 28, 32, 34, 41, 42.
Голицынъ, кн., Никл. Серг. Сообщ. свои «Записки 1825—1855 г.» Гл. IV—VII, 27—42; 519—526, 839—850; замѣтки: къ его «Запискамъ», 192—194; къ статьѣ Палицына, 194—195; ссылка на его «Зап.» 205—210; 800.
Голицынъ, кн., Серг. Григор., поруч., 1827 г., 520, 521.
Головинъ, генер.-адъют., нач. отряда, 1829 г., 123.
Головнинъ, Алсдр. Вас., ст.-секрет., мн—ръ народн. просв., 1861—1866 г., 320—321, 331, 624, 630—633.
Головнинъ, Никол. Вуколов., капит.-лейт., 1833 г., 825, 837.
Голубинскій, протоіерей, 781.
Гольстувенъ, докторъ, 1825 г., 25.
Гольштейнъ-Векскій, принцъ, ревельскій губернат., 1765 г., 463.
Горбуновъ, Ив. Ѳедор., артистъ и разскащикъ. Сообщ. «Челобитная XVII стол.» (шутка-поддѣлка) 204.
Горденинъ, Я. А., бывш. восп—къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Горизонтовъ, Василій Ив., священ., 61.
Горскій, офиц., 1825 г., 499.
Горскій, проф. духовн., акад., 781.
Горчаковъ, кн., Алексд. Мих., государс. канцл., р. 1799 г. 912.
Горчаковъ, кн., Мих. Дмитр., главнокоманд. крымс. арміей, 1855 г., впослѣд. намѣстн. Царства Польскаго, 1861 г., р. 1792 † 1861 г., 195—204, 455—456, 717, 718.
Граббе, Пав. Христофор., 1829 г., впосл. наказн. атаманъ войс. донс., 879.
Грамотинъ, генер., 1851 г., 675.
Граціанскій, П. И., протоіерей, 468, 484.
Грачевъ, Георгій Ив., грав., уч—къ акад. Л. А. Сѣрякова, грав. портреты: Никл. Иванов. **Пирогова**, 467, и **Хаджи-Мурата**, 679; упом. 440, 678.
Грейгъ, Алексѣй Самуилов., адмир. черноморс. флота, 1829 г., 127.
Гречъ, Никл., Ив., писат., р. 1787 † 1867 г., 183, 415.
Грибоѣдовъ, Алсд. Серг., ст. сов., полномоч. мн—ръ при персидс. дворѣ, писат., р. 1795 † 1829 г., 127.
Григорій, архіеписк. казанс., 781.
Григоровичъ, Вас. Ив., конференцъ-секрет. акад. худож., 1826 г., 183, 430.
Григоровичъ, протоіерей, 781.
Григорьевъ, Вас. Вас., профес. спб. универс., 705, 714.
Гротенгельмъ, ген.-лейт., начальн. отряда, 1849 г., 880.
Груберъ, Венцеславъ Леопольдовичъ, прозект. медико-хирургич. акад., 1846 г., нынѣ проф. и акад., р. 1814 г., 608.
Грузинскій, худ.-баталистъ, 430.
Гуліановъ, извѣстный ученый, 1836 г., 266.
Гуляковъ, генер., † 1804 г., 680.
Гумилевскій, Григорій, священ., 783.
Гурдонъ, гр., брестскій военн.-губернат., 1824 г., 3—7.
Гуссейнъ-Паша, турец. военачальникъ, 1829 г., 129.
Гюбшъ, 1829 г., 126.

Давыдова, жена декабр., 807.
Давыдовъ, Васил. Львов., отст. полковн., декабр., † 1855 г., 807.
Давыдовъ, В: Ф., офицеръ - морякъ, 1855 г., 718.
Даніель-бекъ, 1846 г., 664, 666, 672—674.
Дантесъ-Гекеренъ, Георгъ-Карлъ, поруч. Кавалергардс. полка, 1837 г., 461.
ле-Дантю, (le-Dantue) Камилла Петров., въ замуж. **Ивашева**, 807, 808.
Дашковъ, гр., товар. мн-ра юстиціи, 1826 г., 215, 233.
Дебольскій, протоіерей, 781.
Девонширъ, лордъ, великобританс. чрезв. посолъ при рус. дворѣ, 1826 г., 31, 37, 38.
Дейеръ, мичманъ, 1824 г., 18.
Деларю, Мих. Данилов., инспект. Ришельевс. лицея, 1837 г., 191.
Деларю, Ѳ. М., ссылка на сообщ. имъ стихотвор., 191.
Делицынъ, проф., 781.
Деллингсгаузенъ, ген.-маіоръ, 1828 г., 94.
Денисовъ, Адріанъ Карпов., ген.-маіоръ, донс. войсков. атаманъ, 1812 г., 465.
Депрерадовичъ, ген.-адъют., 1828 г., 840, 843.
фонъ-Дервизъ, В. Н., 1881 г., 684.
Державинъ, Гавр. Романов., писат., мн-ръ юстиціи, р. 1743 † 1816 г., 222—224, 410, 464, 696.
Дериверъ, В. В., писат., 1848 г., впос., докт.-гомеопатъ, 693.
Дибичъ-Забалканскій, графъ Ив. Ив., фельдмарш., р. 1785 † 1831 г., 20, 42, 91—130, 199, 215, 840, 880.
Дивовъ, мичманъ гвардейс. экипажа, декабр., † 1839 г., 493—515.
Дистервегъ, извѣстный педагогъ, 378.
Долгорукая, княж., Вар. Вас., 1825 г., 24.
Долгорукая, княг., Варвара Серг., рожд. княж. Гагарина, 1826 г., 504, 515, 516.
Долгорукая, княг., Ек. Ѳедор., 1825 г., 24.
Долгорукая, княж. Марія Васил., въ замуж. **Нарышкина**, 24.
Долгорукій-Крымскій, кн., Вас. Мих., ген.-анш., р. 1722 † 1782 г., 463.
Долгоруковъ, кн., Вас. Анд., ген.-адъют., воен. мн-ръ, впослѣдс. шефъ жандарм., 1858—1863 г., 233, 241, 307, 431, 665—667, 700, 729, 756.
Долгоруковъ, кн., Вас. Васил., шталмейстеръ, 1813 г., 24.
Долгоруковъ, кн., Владим. Андреев., ген. отъ кавал., московс. ген.-губернат., съ 1865 г., 24, 712.
Долгоруковъ, кн, Петръ, ссылка на составл. имъ: «Россійская родословная книга», 445.
Долгоруковъ, кн., С., студ. спб. универ. 1836 г., 368.
Донауровъ, И. М., бывш. восп-къ царскосельс. лицейс. пансіона, 520.
Дондуковъ-Корсаковъ, кн., попечит. спб. универс., 1836 г., 369—371.
Достоевскій, Андрей Мих., 1849 г., 699.
Достоевскій, Мих. Мих., 1848 года, 694—707.
Достоевскій, Ѳед. Мих., писат., † 27 янв. 1881 г. Воспоминанія о немъ А. П. Милюкова, 691—707; замѣтка къ его біографіи, 689—690, упом. 708, 897.
Дохтуровъ, полковн., 1826 г., 29.
Дохтуровъ, С. И., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Дризенъ, бар., А. Ф., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Дроздовъ, Аѳанасій, епис. винницкій, рект. спб. духовн. акад., 1842 г., 82, 83, 90, 552, 564.
Дроздовъ, А. И., священ., 52.
Друцкой-Соколинскій, кн., Мих. Вас., дс. ст. сов., смоленс. губернс. предвод. двор., впослѣд. губернат., 215, 219, 220.
Дубельтъ, Леонтій Васил., нач. штаба корп. жандармовъ, 191, 700, 706, 714.
Дувингъ, жандарм. полковн. въ Оренбургѣ, 1879 г., 865.
Дуровъ, Сергѣй Ѳедор., 1848 г., 694—707.
Дюгамелъ, штб.-капит., 1825 г., 192, 193
Дюри, полковн. фран. службы, 1824 г., 5, 6

Евдокимовъ, Никл. Ив., ген.-лейт., впосл. графъ, нач. лѣв. крыла Кавказс. линіи, 1856 г., 300—317.
Екатерина II, имп-ца, р. 1729†1796 г. Грамота данная бар. И. Меллеру-Зако-

мельскому, 1789 г., 445; упом. 463—465, 599, 847, 848, 908, 910.
Елена Павловна, вел. кнг., (принцесса Виртембергская), р. 1806 † 1873 г., 613, 630, 641.
Елисавета Алексѣевна, имп-да, р. 1779 † 1826 г., 495, 512.
Ермоловъ, Алексѣй Петр., ген.-лейт., р. 1777 † 1861 г., 187—190, 195, 252, 283, 293—297, 888, 889.
Есиповъ, полковн., 1826 г., 37.
Ефремовъ, Петръ Алсд., ссылка на его собраніе картинъ, 442, 678, упом. 461.

Жебелева, Олимпіада Григ., піанис., 586.
Желтухинъ, ген.-лейт., Кіевс. воен. губернат., 1828 г., 107, 109, 116, 119, 845, 846.
Жемчужниковъ, штб.-капит., 1826 г., 28—30, 41, 524, 876.
Жомини, генер., 1829 г., 91.
Жофрей (Jaufrey) писат., чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 186.
Жоховскій, Н. И., чиновн. особ. поруч. оренб. ген.-губернат., 1879 г., 856.
Жуковскій, Вас. Андр., писат., р. 1788 † 1852 г., 173, 459.
Жуковскій, Степ. Мих., ст.-секрет., р. 1818 † 1877 г., 897, 905.
Жуковъ, В. И., чл. консисторіи, 774.
Жюсти, (Justi) аббатъ, чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 186.

Заблоцкій-Десятовскій, Андрей Парѳенов., директ. деп-та сельс. хозяйст., 1858 г., впосл. чл. госуд. сов., ст.-секрет., 736.
Заболоцкій, дежурн. генер., 1861 г., 202, 203.
Завадовскій, генер., 1851 г., 660.
Завалишинъ, Днит. Иринархов., лейт., 1825 г., декабр., 491—493, 509—511, 809, 813, 814.
Загорѣцкій, Никл. Алсд., поруч. генеральн. штаба, декабр., 809, 810, 816.
Заикинъ, подпоруч. генер. штаба, декабр., † 1833 г., 506.
Закревскій, гр., Арс. Андр., ген.-адъют., моск. ген.-губернат., 141, 187, 188, 228.
Замятнинъ, восп-къ учил. правовѣдѣнія, 1836 г., впослѣд. рязанс. губерн. 409.
Зарянко, художн.-портретистъ, 601, 602.
Зассъ, офиц.-піонеръ, 1825 г., 208.
Зассъ, генер., 1829 г., 124, 304.
Затлеръ, г-жа, Александра. Сообщ. замѣтку къ замѣткамъ Н. В. Берга, «Ген. Затлеръ и кн. М. Д. Горчаковъ», 455—456.
Затлеръ, Ѳед. Карлов., ген.-провіантмейст. Крымс. арміи, 1854—1855 г., 195, 455—456.
Захаржевскій, полковн., 1825 г., 209.
Зволинскій, поруч., 1829 г., 110.
Зеленой, А. А., товарищъ мн-ра государс. имущ., 1858 г., 737.
Зиновьевъ, В. В., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Зиссерманъ, А. Сообщ. Очеркъ: «**Хаджи-Муратъ**, письмо о немъ кн. М. С. Воронцова и разсказы Кавказцевъ, 1851—1852 гг., 655—677.
Золотаревъ, Н. Ѳ. Сообщ. замѣтку къ статьѣ Д. И. Романовскаго: «ген.-фельд. кн. А. И. **Барятинскій**», 680, ссылка на его замѣтку, 908—911.
Золотухинъ, полковн. драгунс. полка, † 1851 г., 674.
Зубова, рожд. Эйлеръ, 39.
Зубчаниновъ, А. И., граверъ, 1869 г., 440

Ибрагимъ-паша, турец. главноком., 383.
Ивановскій, проф. спб. унив., 1837 г., 372.
Ивановъ, Илья Ив., коммисаріатс. чиновн., декабр., † 1848 г., 513.
Ивановъ, С. И., художн.-скульп., 438, 439.
Ивановъ, смоленс. губернс. предвод. дворянс., 1856 г., впослѣд. помощн. попечит. московс. округа, 1875 г., 227.
Ивашева, Камилла Петр., рожд. ле-Дантю, жена декабр., 807, 808.
Ивашевъ, Васил. Петр., ротмист. кавалер. пол., декабр., † 1840 г., 800, 807—811.
Ивашкинъ-Потаповъ, М. А., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Ивеличъ, гр., адъют. гр. Дибича, 1829 г., 110, 123.

Игельстромъ, декабр., 812.
Игнатій, архіеп. воронежс., 781.
Игнатьевъ, Пав. Николаев., ген.-адъют., спб. ген.-губернат., 1857 г., † 1879 г., 727, 731, 732.
Игнатьевъ, капит. преображенс. полка, фл.-адъют., 1825 г., 500.
Извѣковъ, симбирс. губернт., 1859 г., 753.
Иконниковъ, Влад. Степ., проф. Кіевс. унив. Сообщ. Библіографическій листокъ: отзывы о новыхъ книгахъ (на обертќѣ книгъ I—IV) упом. 222.
Ильинъ, А. А., бывш. вос-къ Николаев. Кавалер. учил., 712.
Илья, лбъ-кучеръ имп. Александра I, 264.
Индреніусъ, бар., Б. Э., ген., бывш. нач. штаба на Кавказѣ, 306, 307.
Инзовъ, инспект. Бесараб. Колоній, 850.
Иннокентій, (Борисовъ) архіеп. херсонс. и таврич., р. 1800 † 1857 г., 781, 791, 794.
Иноземцевъ, докторъ, 605.
Исаковъ, Я. А., книгопрод., 458—461.
Искрицкій, подпоруч., 1826 г., 30, 193, 194.
Исленьевъ 2-й, ген.-адъют., батал. начальн., 1826 г., 28.
Исѣевъ, П. Ѳ., нынѣ конференцъ-секрет. Акад. Худож., 439.
Ишимова, Александра Осиповна, писательница, 457.

Іаковъ, архіеп. нижегородс., 781.
Іоакинфъ (Бичуринъ), монахъ, 781.
Іоанникій, еписк. воронежс., нынѣ экзархъ Грузіи, 570.
Іоаннъ, еписк. смоленс., 90.
Іовъ, іеромонахъ, законоучит. морск. корпуса, 1815 г., 507.
Іорданъ, Ѳед. Ив., проф. грав. на мѣди, нынѣ рект. Акад. Худож., 439.

Кавелинъ, К. Д., проф. спб. университ., 227, 236.
Каде, докт.-хирургъ, 1854 г., 613.
Кази-Мулла, 1832 г., 667, 668.
Кайдановъ, И. К., проф., 419.
Калмыковъ, проф. спб. унив., 1837 г., 372.
Каменскій, графъ, 1826 г., 41.
Каменскій, скульпторъ, 430.
Канкринъ, гр., Егоръ Франц., ген.-адъют., мн-ръ финанс., 1825 г., † 1845 г., 91.
Карамзинъ, Андрей Никл., бывш. студ. Дерптс. унив., 1837 г., впосл. полковн., † 1854 г., 369.
Карамзинъ, Никл. Мих., исторіографъ, р. 1766 † 1826 г., 222—224, 410.
Каргановъ, полковн., начальн. Нухинс. уѣз. на Кавказѣ, 1852 г., 663, 664.
Карель, учит. музыки въ Учил. Правовѣд., 1837 г., 579—587, 595.
Карлгофъ, Вильгельмъ Ив., адъют. штаба арміи, 1828 г., 849.
Карлъ, принцъ прусс., 1826 г., 34.
Карницкій, витебс. губерн. предвод. дворянс., 1828 г., 841.
Карповъ, проф., 781.
Карцевъ, А. П., ген.-маіоръ, 307.
Касторскій, М. И., проф. спб. унив., 1837—1840 г., 372, 714.
Катенинъ, А. А., оренбургс. и самарс. ген.-губернат., 1857 г., 749.
Катериничъ, дс. ст. сов., Кіевс. гражд. губернат., 1828 г., 846.
Каулингъ, маіоръ пут. сообщ., 1824 г. 2.
Каульбарсъ, бар., штб.-ротмс. лб. гв. конн. полка, 1825 г., нынѣ г.-лейт., 206, 208, 210.
Каховскій, Петръ Андр., отставн. гвардіи поруч., декабр., 450, 451, 496—498, 507, 508.
Качаловъ, капит. 1-го ранга, 1825 г., 496.
Кашевскій, піанистъ, 1849 г., 698.
Кельнеръ, полковн., 1829 г., 879.
Кирѣевъ, Ив. Вас., прап., дек., 815.
Киселева, гр-ня, Софія Феликсовна, рожд. гр-ня Потоцкая, 848.
Киселевъ, гр., Пав. Дмт., ген.-адъют. мн-ръ госуд. имущ., р. 1788 † 1872 г., 93, 103, 107, 108, 121, 123, 187, 189, 215—243, 337, 444, 848, 873, 878, 903.
Китаевъ, капит. 1 ранга, 1824 г., 12.
Киттеръ, проф. хирургъ, 612.
Клебекъ, бар., восп-къ Учил. Правовѣд., 1837 г., 578, 579.
Клейнмихель, гр., Петръ Андр., ген.-адъют., главноуправл. пут. сообщ., 112, 426, 606.

Клодтъ, бар., Конст. Карл., проф. гравир., 1847 г., 429, 430.
Клодтъ, бар., М. Конст., художн. пейзажистъ, 1852 г., 430.
Клодтъ, бар., М. П., художн.-жанристъ, 430.
Клюки-фонъ-Клугенау, бар., Францъ Карлов., ген.-лейт., р. 1791†1851 г., 669.
Кнехтъ, арт.-віолончелистъ, 1838 г., 580.
Ковалевскій, Е. И., мн-ръ народн. просвѣщ., 1861 г., 618, 621, 632.
Кожевниковъ, поруч., 1826 г., 30, 40—42.
Козинъ, Никл. Глѣбов., кап.-лейт., коман. фрегата «Проворный», 1824 г., 1—12.
Козловскій, генер., 1845 г., 269, 660.
Козляниновъ 2-й, 1855 г., 869.
Кознаковъ, Н. Г., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Козоревъ, подполковн., 1829 г., 118.
Коношнинъ, полковн., фл.-адъют., 1826 г., 28, 41, 42.
Комаровскій, гр., ген.-адъют., 1825 г., 209.
Комаръ, гр-ня, въ замуж. гр-ня Потоцкая, 848.
Комбурлей, въ замуж. **Бутурлина**, 842.
Комиссаровъ-Костромскій, Осипъ Иванов., Почетный гражданинъ гор., С.-Петербурга, 654.
Коноваловъ, совѣтн. Красноярс. правленія, 1827 г., 802.
Коновницынъ, гр., Петръ Петр., подпоруч. гвардейс. генеральн. штаба, декабр., † 1834 г., 193, 194, 495.
Константинъ Николаевичъ, Вел. Кн., р. 1827 г., 212, 233—246, 439, 617, 681, 717, 720, 734, 903, 904, 913—916.
Константинъ Павловичъ, вел. кн. цесар., р. 1779 † 1831 г., 6, 21, 35, 92, 121, 207, 208, 215, 449, 492—498, 501, 509, 524.
Корниловичъ, Алексд. Осипов., штб.-капит. гвардейс. генер. штаба, декабр., † 1835 г., 193, 194, 499, 824.
Корниловъ, ген.-лейт., 1823 г., 875.
Коробьина, г-жа, 1826 г., 38.
Корфъ, бар. Модестъ Андр., впослѣд. гр., чл. государ. сов., р. 1800 † 1876 г., 233, 236, 447, 896.
Корфъ, бар. Н. И., директ. департ. военн. поселеній, 1846 г., 428.
Корфъ, бар. Павл. Леопольд., нынѣ спб. Городс. Голова, 654, 689, 690, 899, 900.
Костенецкій, полковн., 1828 г., впосл. генер., 844, 846.
Костливцевъ, Серг. Алексдр., бывш. управл. Пермс. палатою государс. имущ. и вятс. вице-губернат., нынѣ тн. сов., 444.
Костомаровъ, Никл. Ив., дс. ст. сов., проф и историкъ, статья его: «Украинофильство», 319—332.
Котлубицкій, нижегородс. губернс. предвод. дворянс., 1857 г., 746.
Котляревскій, генер., 292, 680, 908.
Коцебу, гр., Пав. Евстафьев., началь. главн. штаба на Кавказѣ, 1851 г., 198—204, 680, 869.
Кочетова, ученица грав.-акад. Л. А. Сѣрякова, 1865 г., 438.
Кочетовъ, Іоакимъ Семенов., протоіерей, проф. спб. духовн. акад., докторъ богословія, чл. акад. наукъ, р. 1790 г., 781.
Кочубей, кнг., рожд. кнж. Вяземск., 846.
Кочубей, гр., Викт. Павл., предсѣд. Госуд. Сов., 1827 г., р. 1768 † 1834 г., 91, 104, 215, 519—522, 846.
Кочубей, гр., Кіевс. вице-губернат., 1828 г., 846.
Кочубей, кн., Левъ, полтавс. предводит. дворянс., 1857 г., 749.
Кочубей, кн., С., студ. спб. универс., 1836 г., 368.
Кошелевъ, 1826 г., 236.
Кравченко, унт.-офиц., 1837 г., 399.
Краевскій, Андр. Алсдр., редакторъ, 700, 714.
Кранихфельдъ, проф., 1837 г., 372.
Красновъ, 1855 г., 869.
Краснокутскій, Семенъ Григор., дс. ст. сов., об. прокур. Сената, декабр., † 1841 г., 836, 838.
Красовскій, Аѳанасій Ив., генер.-лейт., 1828 г., † 1843 г., 107—114, 124, 125, 129, 196—200, 455.
Крегеръ, Карлъ, грав., уч-къ акад. Л. А. Сѣрякова, † 1872 г., 440.
Крейцъ, гр., П. В., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.

Крейцъ, гр., Г. К., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Кривцовъ, Серг. Ив., подпоруч. лб. гв. конн. артил., декабр., † 1864 г., 836.
Кричинскій, Амуратъ Матвѣев., оренбургс. полицмейст., 1879 г., 857, 858.
Кроунъ, адмир., 1825 г., 18—26, 515.
Крыжановскій, Андрей Никл., команд. башкирс. конн. полка, 1879 г., 855.
Крыжановскій, Никл. Андреев., оренбургс. ген.-губ., 1879 г., 854—866, 869.
Крыловъ, А., издат. журнала «Иллюстраціи», 1847 г., 429.
Крыловъ, Дмт. Акимов., 769.
Крыловъ, Е. Т., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Крыловъ, Ив. Андр., баснописецъ, р. 1768 † 1844 г., 191, 200.
Крюковъ, капит., 1825 г., 198.
Крюковъ, Никл. Алсдр., поруч. генер. штаба, декабр., † 1859 г., 811—814.
Кряжевъ, содержат. частнаго пансіона въ Москвѣ, 1825 г., 603.
Кубло, уч. грав. ак. Л. А. Сѣрякова, 440.
Кузьминъ, Ив. Кузьмичъ, капит., экономъ Учил. Правовѣд., 1837 г., 403.
Кукевичъ, ст. сов., 444.
Кукольникъ, Несторъ Васил., драматич. писат., 1835 г., 173, 427—429.
Кумани, контръ-адмир., 1829 г., 106—119, 123.
ле-Купе, команд. франц. эскадры, 1824 г., 1.
Курикъ, ген., 1829 г., 110.
Кусовъ, Никл. Ив., купецъ, 1818 г., 183.
Куторга, М. С., проф. спб. унив., 1837 г., 370, 371, 377, 714.
Кухаренко, полковн. черноморскаго войска, 392.
Кюхельбекеръ 1-й, Вильгельмъ Карлов., колл. асс., бывш. восп-къ царскосельс. лицея, писат., декабр., р. 1797†1846 г., 498—501, 809, 810, 816.
Кюхельбекеръ 2-й, Мих. Карлов., лейтен. гвардейс. экипажа, декабр. † 1859 г., 207, 498, 809, 810, 816.

Лабазинъ, арт.-скрипачъ, 1836 г., 585.
Лаваль, гр-ня Софія, въ замуж. гр-ня Борхъ, 841.
Лаверецкій, скульпторъ, 430.
Лавинскій, Алсд. Степ., иркутс. ген.-губернат., 1833 г., 825.
Лазаревъ, Мих. Петр., адмир., р. 1788 † 1851 г., 491.
Ламанскій, Порфирій Ив., 1848 г., 694.
Лангенбекъ, проф.-хирургъ, 1870 г., 636, 643.
Ланжеронъ, гр., главн. начальн. войскъ въ Дунайс. Княжест., 1828 г., 97, 107—109.
Ланской, Серг. Степ., мн-ръ внутр. дѣлъ 1855—1862 гг., р. 1787 † 1862 г., 225—246, 721—755.
Лаппа, подпоруч. лб.-гв. измайловс. полка, декабр., † 1856 г., 517.
Лаппа, минс. губернс. предвод. дворянс., 1857 г., 742.
Лебедевъ, Н. А. Сообщ. поправку къ очерку: «Графъ П. Д. Киселевъ», 444.
Лебренъ (Lebrun) преподават., чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 186.
Левашевъ, гр., Вас. Вас., ген.-адъют., † 1848 г., 216, 503.
Левицкій, Д., 438.
Левшинъ, Алексѣй Ираклiев., чл. госуд. сов., товар. мн-ра внутр. дѣлъ, 1856 г., 214, 228—242, 465, 721—738.
Лелуаръ, франц. худ.-граверъ, 1833 г., 434.
Лемерсье, хромолитографъ въ Парижѣ, 436.
Лепарскій, Осипъ Адамов., ген.-лейт., плацъ-маiоръ, † 1876 г., 817.
Лепарскій, Степ. Романов., ген.-маiоръ, комендантъ Нерчинс. рудник., съ 1826—1837 г., р. 1754†1837 г., 804—808.
Лермонтовъ, Мих. Никл., лейт., 1824 г., 1.
Лермонтовъ, Мих. Юрьев., писат., р. 1814 † 1841 г., 410, 421, 690, 709—713, 800.
Лерхъ, М. Г., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Ле-Форъ, докт. парижс. медицинс. акад., 1881 г. Ссылка на его книгу: «La médecine militaire et la loi sur l'administration de l'armée», 629.
Лехнеръ, генер., 1829 г., 107, 112, 118.
Ливенъ, капит., 1825 г., 497.
Лихаревъ, Влдм. Никл., подпоруч. генеральн. штаба, декабр., † 1840 г., 513.

Лихтенштейнъ, студ. спб. унив., 1832 г., 372.
Ліонъ, тамбовс. предводит. дворянс., 1857 г., 747, 748.
Лобановъ, кн., Алексѣй, 1829 г., 111.
Ловичъ, кнг., Жанета Антоновна (Іоанна Грудзинская) супруга цесарев. Константина Павловича, р. 1795 † 1881 г., 494.
Лонгиновы, студенты спб. универс., 1836 г., 368.
Лопатинъ, А. Г., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Лопухинъ, кн., Пав. Петр., ген.-лейт., р. 1788 † 1873 г., 896.
Лореръ, Никл. Ив., маіоръ, декабр., 804, 823.
Лорисъ-Меликовъ, гр., Михаилъ Таріеловичъ, ротмистръ, 1851 г., нынѣ ген.-адъют., мн-ръ внутр. дѣлъ, 303, 560, 657—677, 712, 902.
Лосвутовъ, исправникъ, 803.
Лошкаревъ, А. Г., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Лужинъ, поруч. лб.-гв. Коннаго полка, 1825 г., 206.
Лукинъ, штабъ-лекарь, 1830 г., 878, 879.
Лунинъ, Мих. Серг., подполкв. лб.-гв. гродчен. гусар. пол., декабр., † 1845 г., 820.
Львовъ, Ѳед. Ѳед. Сообщ. проектъ сооруженія храма, на мѣстѣ гдѣ палъ отъ руки убійцы Императоръ Александръ Николаевичъ, 1-го марта 1881 г., 906—907.
Лѣсной, офиц.-карабинеръ, 1825 г., 209.
Любавскій, М. Д., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Людингсгаузенъ-Вольфъ, бар., Е. И., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Людовикъ XVIII, кор. франц., 1824 г., † 1825 г., 3, 7, 23.
Людовикъ-Филиппъ, кор. француз., 38.

Маевскій, генер., 1829 г., 110, 465.
Мазгани, Пав. Дмитр., подпоруч. пензенс. пѣх. полка, декабр., † 1843 г., 513.
Мазурова, Ѳеодосія Андреевна, въ замуж. Гладкая, 1813 г., † 1866 г., 381—392.
Май, Ив. Баптистъ (Jean-Baptiste May) чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 185, 186.
Майдель, бар., Егоръ Иванов., нынѣ ген.-адъют., комендантъ Петропавловс. крѣпости, † 1881 г., 444, 712.
Майковъ, Аполлонъ Николаев., писатель, р. 1821 г., 431.
Макавѣевъ, помѣщ. Костромс. губерніи, 1824 г., 424.
Макарій, нынѣ митропол. московс., 340.
Макаровъ, капит.-лейт., 1878 г., 719.
Максимовъ, дс. ст. сов., могилевс. губернат., 1828 г., 845.
Маловъ, протоіерей, 781.
Мальцевъ, С. И., бывш. восп-къ Николаевск. Кавалер. учил., 712.
Марія Александровна, имп-ца, (Максимиліана - Вильгельмина - Августа - Софія-Марія, принцесса Дармштадтская) р. 1824 † 1880 г., 241, 635, 893.
Марія Николаевна, вел. кнг., въ супруж. герцогиня Лейхтенбергская, р. 1819 † 1876 г., 432.
Марія Ѳеодоровна, имп-ца (Доротея-София-Августа-Луиза, принцесса Виртембергская) р. 1759 † 1828 г., 29—39, 210, 465, 844.
Марія Ѳеодоровна, Государыня имп-ца (Марія-Софія-Фредерика-Дагмара, принц. Датская) р. 1847 г., 720.
Мармонтъ, франц. марш., герц. Рагузскій, 1826 г., 31, 37, 38.
Марсилль, докт., чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 186.
Мартосъ, П. И. Сообщ. въ 1875 г. замѣтку: «Ѳ. В. Чижовъ», 191.
Мартыновскій, оренбургс. судебн. слѣдоват., 1879 г., 854.
Мартыновъ, ген.-адъют., начальн. баталіона, 1826 г., 28, 34, 35.
Масловъ, Н. П., 87.
Массенбахъ, бар-са, статсъ-дама королевы Виртембергс. Вел. Кнг. Ольги Николаевны, 1880 г. Письмо къ Н. И. Пирогову, 31-го окт. 1880 г., 648.
Матэ, Вас. Васил., грав., уч-къ грав. акад. Л. А. Сѣрякова, 440—442.
Матусевичъ, 1829 г., 126.

Матюшинъ, Ив. Ив., грав., уч-къ грав. акад. Л. А. Сѣрякова, 440.
Махмудъ II, турец. султанъ, 1828 г., 92, 382, 839.
Махотинъ, К. Л., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Мейендорфъ, бар-са, рожд. бар-са д'Огеръ, 39.
Меликовъ, кн., ген.-маіоръ, 1859 г., 317.
Меллеръ-Закомельскій, Ив. Ив., впосл. баронъ, ген.-анш., 1788 г., 445.
Меллеръ-Закомельскій, бар., Н. И., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Меллеръ-Закомельскій, бар., 1846 г., 672.
Мельгуновъ, штб.-капит., 1824 г., 20.
Мельгуновъ, ген.-интендантъ, 1829 г., 103.
Мельниковъ, 1855 г., 869.
Мельниковъ, П. И., авт. книги: «Въ лѣсахъ и на горахъ», ссылка на его книгу, 326.
Менгденъ, гр., Г. О., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Менеласъ, поруч., 1824 г., 2.
Меншиковъ, кн., Алексд. Серг., адмир., р. 1787 † 1869 г., 93, 127, 215—217, 224, 845.
Меттернихъ, кн., герцогъ Партелли, австр. госуд. канцл., р. 1773 † 1859 г., 92, 488.
Мещериновъ, Г. В., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Миклашевскій, А. М., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Миллеръ, лейт., 1824 г., 1, 496, 500.
Милорадовичъ, гр., Мих. Андр., спб. военн. губернат., † 1825 г., 183—186, 205, 206, 449—452, 494, 497, 507, 508, 521.
Милюковъ, А. П. Сообщ. свои воспоминанія о Ѳед. Мих. Достоевскомъ, 691—707.
Милютина, Марія Агѣевна, ссылка на ея «Записки», 232.
Милютинъ, гр., Дмт. Алексѣев., проф. воен. акад., впосл. воен. мн-ръ, 278, 307—312, 871.
Милютинъ, Никл. Алексѣев., чл. госуд. сов., р. 1818 † 1872 г., 232, 905, 913.
Мингети, капит. франц. служ., 1824 г., 5.
Мининъ, тульс. предводит. дворянс., 1858 г., 748.
Михаилъ Николаевичъ, Вел. Кн., р. 1832 г., 255, 823.
Михаилъ Павловичъ, вел. кн., р. 1798 † 1849 г., 23, 28, 35, 494—506, 522, 839.
Михальцева, уч-ца грав. акад. Л. А. Сѣрякова, 1865 г., 438.
Мозголевскій, подп., декабр. † 1856 г., 813.
Мозерби, преподават. англ. яз. въ учил. Правовѣд., 1837 г., 398.
Мойеръ, Ив. Филиппов., проф. хирургъ, 1825 г., рект. дерптс. универс., 605.
Мокіенко, маіоръ, 1828 г., 849.
Монбелли, Никл. Алсдр., гвард. офиц., 1848 г., 694, 695, 699.
Мордвиновъ, гр., Никл. Семенов., адмир., морс. мн-ръ, р. 1753 † 1845 г., 187, 188, 222, 223, 495.
Моровъ, кошевой атаманъ, 388.
Мортье, франц. марш., послан. при рус. дворѣ, 38.
Муравьева, Александра Григор., жена декабр., 805, 806, 810.
Муравьева, гр-ня, Пелагея Вас., рожд. Шереметева, 841.
Муравьевъ, Алсд. Никол., полковн. генер. штаба, декабр., † 1863 г., 809, 820.
Муравьевъ, гр. А. Н., нижегород. губернат., 1856 г., 232.
Муравьевъ, Андрей Никол., дс. ст. сов., камергеръ, р. 1805 † 1874 г., ссылка на его книгу: «О различіи протестанства отъ истинъ православія», упом. 781.
Муравьевъ, гр., Мих. Никл., мн-ръ госуд. имущ., виленс. ген.-губернат., р. 1796 † 1866 г., 73, 74, 226—245, 729—738, 841.
Муравьевъ, Никита Мих., корнетъ Кавалергард. пол., декабр., † 1854 г., 809, 812, 820, 822.
Муравьевъ, Никл. Никл., ген.-маіоръ, основ. уч. колонновожатыхъ † 1840 г., 193.
Муравьевъ, Никл. Никл., ген.-адъют., главнокоманд. на Кавказѣ съ 1855—1856 г., 299—302.
Мусинъ-Пушкинъ, лейт. гвард. экипажа, декабр., † 1856 г., 1, 500.
Мусинъ-Пушкинъ, И. С. Сообщ.

проэктъ сооруженія храма, на мѣстѣ гдѣ палъ отъ руки убійцы Императоръ Александръ Николаевичъ, 1-го марта 1881 г., 906, 907.
Мухановъ, Пав. Алсд., чл. госуд. сов., † 1871 г., 896.
Мухановъ, Петръ Алсд., штб.-кап. лб.-гв. измайл. пол., декабр., † 1854 г., 800, 822.
Мухинъ, Е. О., врачъ, проф. московс. унив., 1828 г., 603.
Мясоѣдовъ, П. А., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.

Набоковъ, ген., коменд. Петропавловс. крѣпости, 1849 г., 700—702.
Надеждинъ, Никл. Ив., проф., 781.
Назимовъ, Влдм. Ив., ген.-адъют., виленс. ген.-губернат., 1857 г., р. 1802 † 1874 г., 246, 722—731, 739—741, 896.
Назимовъ, В. Н., бывш. восп-къ Николаевс. кавал. учил., 712.
Наполеонъ I, импер. француз., 4—7, 38, 291, 872, 889.
Наполеонъ III, импер. франц., 1857 г., 240.
Нарышкина, Елисав. Петр., жена декабр., 806, 810, 820.
Нарышкина, Зинаида, въ перв. замуж. кн. Юсупова, во втор. гр-ня Шево-де-Серенъ, 39.
Нарышкинъ, А. К., 24.
Нарышкинъ, Левъ Алсдр., ген.-маіоръ, 848, 849.
Нарышкинъ, Мих. Мих., полковн., декабр., † 1863 г., 513, 799—820.
Нахимовъ, П. Ст., адм., † 1855 г., 195, 717.
Невѣровскій, полковн. генеральн. штаба, ссылка на его брошюру, объ истребленіи аварскихъ хановъ въ 1834 г., 667.
Нейдгардтъ, ген.-адъют., начальникъ штаба гвард. корп., 1826 г., 28, 523—526, 840—846.
Нейманъ, штб.-капит., 1845 г., 268.
Некрасовъ, Никл. Алексв., писат., † 1877 г., 897.
Нессельроде, гр., Карлъ Васил., канцл., р. 1780 † 1862 г., 727.
Нестеровъ, Петръ Петр., ген.-лейт., нач. лѣваго фланга Кавказской линіи, † 1851 г., 279.
Николаи, бар., нач. Кумыкской плоскости на Кавказѣ, 1856 г., 300.
Николай I, императ., р. 1796 † 1855 г., Рескриптъ гр. Витгенштейну, 1828 г., 95—96; переписка съ гр. Дибичемъ-Забалканскимъ, 1829 г., 105—130; рапортъ ген.-инф. маркиза Паулуччи, 1830 г., 448—449. Упом.: 14, 27—40, 91—104, 191, 196, 206—210, 215—233, 265, 268, 277, 278, 295, 300, 384—392, 428—432, 451, 490—506, 519—523, 536, 578, 595—601, 648, 660—667, 716, 799, 807, 808, 817, 825, 834, 850, 877, 880, 885, 911.
Никольскій, протоіерей, 781.
Никольскій, В. В. Примѣчанія и предисловіе къ первонач. тексту оперы М. И. Глинки «Жизнь за Царя», 173—180.
Новиковъ, Михаилъ, 1818 г., 183.
Новосельскій, Н. А., 719.
Новосильцевъ, рязанс. губер., 1859 г., 753.
Нордовъ, протоіерей., 781.
Норовъ, Абрамъ Серг., мн-ръ народн. просвѣщ., писат., 1856 г., 617, 618, 623.
Нѣеловъ, смоленск. помѣщ., 1857 г., впосл. сенат., 1875 г., 750.

Оберъ-Миллеръ, докт. хир. 1854 г., 613.
Оболенскій, кн., Дмт. Алексндр., восп-къ учил. Правовѣд., 1837 г., впосл. чл. Госуд. Сов., 581.
Оболенскій, кн. Евгеній Петр., старшій адъют. гвард. пѣх., декабр., † 1865 г., 499, 810—814, 822.
Оболенскій, кн., Н. Н., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Обручевъ, дежурн. генер. арміи гр. Дибича, 1829 г., 107, 110, 129.
д'Очеръ, баронесса, въ замуж. бар-са Мейендорфъ, 1826 г., 39.
д'Отеръ, бар., въ зам. Сенявина, 1826 г., 39.
Огинскій, кн.,Ириней, помѣщ. ковенс. губернія, 1857 г., 739, 742.
Оголинъ, Алек., в-къ учил. прав., 582.
Огюстъ, балетмейс., 1827 г., 520, 522, 574.
Одоевскій, кн., Алсд. Ив., корнетъ лб. гв. конн. полка, поэтъ, декабр., † 1839 г., 498—501, 513, 799—838.
Одоевскій, кн., Влдм., Ѳедор., сенат., писат., † 1875 г., 427.

Олимпіевъ, преподават. русс. яз. въ учил. правовѣд., 1839 г., 419, 420.
Ольферьевъ, ген.-маіоръ, 1827 г., 523.
Ольга Николаевна, вел. княж., въ супруж. королева Виртембергская, р. 1822 г., 648.
Ольдекопъ, ген.-маіоръ, 1828 г., 842.
Ольденбургскій принцъ, Петръ Георгіевичъ, р. 1812 г., 393, 422, 577, 583—589, 601, 602.
Ольшевскій, Мелетій Яковл., ген.-лейт. Сообщ. замѣтку о Хаджи-Муратѣ, 677—678; ссылка на его «Записки», 254, 281, 282, 301, 305.
Омеръ-паша, турец. главноком., 1855 г., 286, 299, 881.
Омеръ-ханъ, правитель Аваріи, 668.
Опекушинъ, художн., 457.
Опочининъ, Ѳед. Конст., ссылка на доставлен. имъ портр. кн. Мих. Илл. Голенищева-Кутузова, 465.
Орбеліани, кн., Григорій Дмт., ген.-лейт. 1851 г., нынѣ ген.-адъют., чл. госуд. сов., 303, 663.
Орбеліани, кн. Илья Дмтр., 670.
Ореусъ, Ив. Ив., ген.-маіоръ. Сообщ. «Доносъ въ 1826 г., на графа Н. С. Мордвинова, А. А. Закревскаго, П. Д. Киселева, кн. А. Н. Голицына, Балашева и А. П. Ермолова», 187—190; упом. 712.
Орлова-Чесменская, гр-ня, Анна Алексѣевна, р. 1785 † 1848 г., 37, 39.
Орловъ, кн., Алексѣй Ѳедор., ген.-адъютантъ, † 1861 г., 28, 205, 206, 216—246, 450, 714, 726, 729, 734.
Орловъ, Герасимъ Алсдр. Сообщ. изъ бумагъ дѣда его, протоіерея Герасима Петров. Павскаго, перев. съ еврейскаго, Книга «Пѣснь Пѣсней», 467—486.
Орловъ, Мих. Ѳед., ген., 1823 г., 873, 874.
Осиповъ, Архипъ, рядовой, † 1840 г., геройскій подвигъ взрыва Михайловскаго укрѣпленія на Кавказѣ, 22 мар. 1840 г., 297.
Оскаръ I, наслѣдн. принцъ шведс., впослѣд. король, 525.
Остенъ-Сакенъ, гр., Дмитр. Ерофѣев., начальн. Севастопольс. гарниз., 1854 г., † 3 марта 1881 г., 717, 869, 884.
Остенъ-Сакенъ, кн., Фабіанъ Вильгельмов., фельдмарш., 1828 г., р. 1751. † 1837 г. 97, 842—844.

Павелъ I, импер., р. 1754 † 1801 г., 210, 464, 465, 873.
Павлинова, Ирина Ѳоковна, 1833 г., 826—833.
Павлиновъ, Васил. Тимоф., управл. Илгинскимъ завод. въ Сибири, 1833 г., 826—829, 833.
Павлищева, Ольга Серг., рожд. Пушкина, 461.
Павловскій, 1824 г., 185, 186.
Павскій, Герасимъ Петров., протоіер., законоучит. Вел. Кн. Наслѣдника-Цесаревича Александра Николаевича и вел. княж. Ольги Николаевны и Александры Николаевны въ 1826—1835 г., р. 1787 † 1863 г. Перев. съ еврейскаго: Книга «Пѣснь пѣсней», 467—486; упом. 682, 781.
Паленъ, гр., см. **фонъ-деръ-Паленъ**.
Палицынъ, С. Сообщ. замѣтку къ «Запис. кн. Н. С. Голицына», 192—194, упом. 195.
Пальмъ, Алсд. Ив., 1848 г., 694, 699, 707.
Пановъ, Никл. Алексѣев., поруч. лб.-гв. гренадерс. полка, декабр., † 1850 г., 207, 497, 809.
Панинъ, гр., Викт. Никит., мн-ръ юстиціи, 1839 г., 216.
Панфиловъ, адмиралъ, 1855 г., 886, 887.
Париво, Анна Мих., воспитательница дѣтей кн. В. В. Долгорукаго, 1825 г., 24, 513.
Паризо, инжен. офиц., 1826 г., 513.
Парротъ, акад., 604.
Паскевичъ, кн. Варшавскій, Ив. Ѳед., фельдмарш., † 1856 г., 92, 126, 127, 196—203, 296, 455.
Пассекъ, Діомидъ Васил., ген.—маіоръ, р. 1807 † 1845 г., 669, 672.
Паулуччи, маркизъ, ген.-лейт., рижс. воен. ген.-губернат., 1830 г., 448.
Пашертъ, (Pachert) рус. консулъ, 1824 г., 185.
Пейкеръ, бывш. директ. горы-горецкаго института, 736.
Пеликанъ, В. В., директ. военно-медицинс. департ.,

Перовскій, гр., Б. А., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Перовскій, гр., Левъ Алексѣев., мн-ръ внутр. дѣлъ, 1848 г., 218, 727.
Пестель, Ив. Бор., ген.-губ. Сибири, 803.
Пестель, Пав. Ив., полковн., декабр., † 1826 г., 506—509.
Петрашевскій, М. В., 1848., 692—708.
Петровъ, Осипъ Аѳанас., оперный арт., † 1877 г., 174, 176.
Петровъ, П. Н., ссылка на: «Сборн. матеріяловъ для Исторіи С.П.Б.-Акад. худож.», 429.
Петръ I, императ., р. 1672 † 1725 г., 249, 259—262, 293, 911.
Петръ, о. Протоіерей спб. Казанс. собора, 1826 г., 516.
Печкинъ, А. М., преподават. русс. словесности, 1848 г., впосл. помощн. инспект. Смольнаго монастыря, 693, 694.
Пироговъ, Ив... Казначей москов. военнпровіантс. департ., 1810 г., 603.
Пироговъ, Никл. Ив., профес. медикохирургической акад., р. 1810 г. Его професорская, ученая и общественная дѣятельность, 1831—1881 г., 603—647; упом. 377, 665.
Плантэнъ, (Plantain) докт., чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 186.
Платеръ, графиня, въ замуж. графиня **Борхъ**, 841.
Платоновъ, предвод. дворянс. царскосельс. уѣз., 1854 г., 726.
Платонъ, еписк. виленс., 791.
Платонъ, епископъ рижскій, 1851 г., 787.
Плещеевъ, А. Н., писат., 1848 г., 693—695, 707.
Повало-Швыйковскій, Ив. Семенов., полковн., декабр., † 1845 г., 809.
Погребовъ, Никл. Ив., бывшій спб. Городс. Голова, 653, 654.
Подгорный, фельдъегерь, 1833 г., 824.
Подушкинъ, плацъ-маіоръ Петропавловс. крѣп., 1825 г., 502—506, 516.
Позенъ, полтавс. помѣщ., 1857 г., 235.
Поливановъ, В. Н., 713.
Полѣшко, ген.-лейт., 1834 г., 425.
Полянская, Прасковья Андр., полков-ца, 1833 г., 831, 832.
Попель, поруч., 1855 г., 886.
Попова, ученица грав. Л. А., Сѣрякова, 1865 г., 438.
Поповицкій, А. И., издат. «церковнообществ. Вѣстника», 344.
Поповъ, А. Н., ссылка на монографію «Отечествен. война 1812 г.,» 465.
Поповъ, полковн. генеральн. штаба, 1845 г., 427.
Порошинъ, проф., 1837 г., 372.
Потаповъ, А. А., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Потемкинъ, Яковъ Алексѣев., ген.-адъют., р. 1781 † 1831 г., 107.
Потемкинъ, команд. семеновс. полка, 803.
Потемкинъ, восп-къ Учил. Правовѣд., 1837 г., 574.
Потоцкая, гр-ня, рожд. гр-ня Комаръ, 848.
Потоцкая, гр-ня, Ольга Феликсовна, въ замуж. **Нарышкина**, 848.
Потоцкая, гр-ня Софія Феликсовна, въ замуж. гр-ня **Киселева**, 848.
Потоцкій, гр., Александръ Феликсов., 848.
Потоцкій, гр., Мечиславъ Феликсов., 848.
Потоцкій, гр., Феликсъ Францов., ген.-аншефъ, † 1805 г., 847—849.
Потто, полковн., начальн. оренбургс. юнкерскаго учил., 1879 г., 863, 865, 866.
Потто, В., ссылка на сочин: «Историческій очеркъ Николаевскаго Кавалерійскаго Училища», 712.
Поццо-ди-Борго, русс. послан. при франц. дворѣ, 1828 г., 93.
Пошманъ, Семенъ Антонов., ген., директ. Училища Правовѣдѣнія, 1836—1842 г., 393—412, 577—591.
Предтеченскій, о. Михаилъ, протоіер. церкви Вознесенія въ СПБ. Слово, сказанное имъ при совершеніи панихиды о покойномъ граверѣ акад. Л. А. Сѣряковѣ, 7 янв. 1881 г., 442—443.
Прейсъ, П., бывш. студ. Дерптс. универс., 1837 г., 372.
Прейсъ, П. И. извѣстный славянистъ, 372.
Пржевальскій, Никл. Мих.—знаменитый путешественникъ по центральной Азіи съ 187.—1880 г. Поднесеніе ему спб. Городс. Думою званія «Почетнаго Гражданина гор. С.-Петерб.», 651—654.

Прижанъ, лоцманъ франц. эскадры, 1824 г., 2.
Прокоповичъ-Антонскій, проф. моск. унив., 849.
Прокоповичъ-Антонскій, Никл. Дмтр., адъют. штаба арміи, 1828 г., 849.
Протасовъ, гр., Никл. Алсд., об.-прокуроръ синода, 786.
Протопоповъ, Д. С., управл. смоленс. палат. госуд. имущ., 1857 г., † 1872 г., 750.
Протопоповъ, С. В., настоятель русс. церкви въ Ниццѣ. Надгробное слово его при погребеніи акад.-грав. Л. А. Сѣрякова, 5 янв. 1881 г., 685—687; упом. 684, 688.
Прутченко, М. Б., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Пусловскій, маршалъ, 1813 г., 465.
Путятинъ, протоіерей, 781.
Пушкинъ, Алсд. Серг., поэтъ, пис., р. 1798 † 1837 г., 410—444, 456—462, 488, 690, 695, 696, 709, 710, 714, 800, 849, 850, 912.
Пушкинъ, Васил. Львов., 461.
Пушкинъ, Левъ Сергѣев., 461.
Пущинъ, Ив. Ив., колл. асс., декабр., † 1859 г., 499, 809.
Пущинъ, Мих. Ив., капит., декабр., † 1869 г. 25.

Радецкій, ген.-адъют., начальн. отряда русс. арміи, 1877 г., 654.
Радзивилъ, княж., фрейлина им-цы Маріи Θеодоровны, 1827 г., въ замуж. кнг. **Витгенштейнъ**, 39, 844.
Радзивилъ, кнг., Софія Алексдр., рожд. княж. Урусова, 39.
Радомскій, полковн., † 1854 г., 885.
Раевскій, В. Θ., ген.-маіоръ, 873.
Раллъ, В. Θ., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Рамзай, бар., Г. Э., бывш. восп-къ Николаев. кавалер. учил., 712.
Ратьковъ-Рожновъ, В. А., гласный Спб. Думы, 690.
Раухъ, О. Е., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Реадъ, генер., 1855 г., 196.
Ремболинскій, Н. М., бывш. восп-къ Николаевс. кавалер. учил., 712.
Репнинъ, кн. малоросс. ген.-губернат., 1828 г., 390.
Ржевскій, Григ. Павл., камергеръ, 1826 г., 41.
Рибопьеръ, гр., И., студ. спб. универс., 1836 г., 368.
Ридигеръ, генер., 1829 г., 103.
Ровинскій, Дмт. Алсдр., сенат., 433, 581.
фонъ-Розенбахъ, Н. О., бывш., вос-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Розенъ, бар-са Александра Ив., жена декабр., 807.
Розенъ, бар. Андрей Евгеніев., р. 1799 г., бывш. декабр.; замѣтка его къ «Запискамъ А. П. Бѣляева», 452—454, упом. 809—818.
Розенъ, бар., Григор. Владим., главнокоманд. Грузіи, 1832 г., 296, 425, 668.
Розенъ, бар., либретистъ М. И. Глинки, 1835 г., 173, 175.
Романовскій, Д. И. ген.-лейт. Составилъ и сообщ. Историческій очеркъ: Генералъ-фельдмаршалъ кн. Александръ Ивановичъ Барятинскій и Кавказская война, 1815—1879 гг. Гл. I—VII, 247—318; замѣтки къ его статьѣ, 644, 680, возраженіе по поводу замѣтки И. Θ. Золотарева, 908—911.
Роменусъ, костром. губерн., 1857 г., 747.
Россетти, въ зам. **Смирнова**, 1826 г., 39.
Россини, композит., 41.
Ростовцевъ, Яковъ Ив., впослѣд. графъ, нач. штаба воен. учебн. зав., р. 1803 † 1860 г., 229—241, 495, 700, 734, 895, 903.
Роткирхъ, 1854 г., 726.
Ростопчинъ, гр., Θед. Вас., моск. главнокоманд., 1812 г., р. 1765 † 1826 г., 222—224, 465.
Ростэнъ, (Rostaine), гувернеръ и препод., чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 185, 189.
Ротъ, генералъ, команд. 6-го корп. русс. арміи, 1829 г., 97, 106—125.
Рудзевичъ, генер., команд. 3-го корп. русс. арміи, † 1828 г., 107, 108, 385.
Румянцевъ-Задунайскій, гр., Петръ Алсд., фельдмарш., р. 1725 † 1796 г., 463.
Румянцевъ, гр., Сергѣй Петр., 223.
Руппертъ, ген., комендантъ крѣп. Силистріи, 1830 г., 118, 877.

Рылѣевъ, Кондратій Өедор., декабр., поэтъ-писатель, р. 1795 † 13-го іюля 1826 г., 488, 496, 499, 508, 509.
Рѣпинъ, Никл. Петр., штб. капит. лб.-гв. финл. пол., декабр., † 1832 г, 822.

Сабанѣевъ, корпусн. команд., 873.
Саблуковъ, ротмистръ, 1801 г., 205, 210.
Сазоновъ, ген.-адъют., 1828 г., 840.
Сакенъ, гр., см. **Остенъ Сакенъ.**
Саловъ, 1855 г., 869.
Самаринъ, Юрій Өедор., чл. самарс. комит. по крест. дѣл., 1859 г., † 1876 г. 131—161, 227, 236, 790, 897, 905.
Свистуновъ, Петръ Никл., корнетъ кавалергард. пол., декабр., 809, 812, 813.
Свободскій, ген.-маіоръ, 1829 г., 123.
Свѣчинъ, капит. воен. топограф., 1825 г., 502, 504.
Святополкъ-Мірскій, кн., команд. Азов. полка, 869.
Селивановъ, рязанс. предводит. дворянс. 1857 г., 746, 747, 753.
Семевскій, Мих. Ив., гласный спб. город. Думы, редакт. журн. «Русс. Старина». Письмо къ нему «Сельскаго Священ. отъ 5 фев. 1881 г., 572, упом. 439—442, 651—654, 682, 689, 710, 898—901.
Семеновъ, арт.-скрипачъ, 1836 г., 585.
Семеновъ, П. П., предсѣдат. Императ. Географич. Общ-ва, 651—653, 712.
Сенковскій, Осипъ Ив. (Брамбеусъ) проф. спб. унив., писатель, † 1858 г., 415.
Сенявина, рожд. бар-са д'Огеръ, 39.
Серафимъ, спб. митропол., 1825 г., 207, 208, 498.
Серебрениковъ, Алесд. Ив., 1855 года, 197, 198.
Сетенъ, бельгійскій хирургъ, 609, 612.
Сиверсъ, гр., Е. Е., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Сидонскій, Өед. Өед., протоіерей, преподават. философіи въ спб. универс. 781.
Сидоровъ, спб. мѣщанинъ, чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 186.
Синельниковъ, воронежс. губернаторъ, 1857 г., 726.
Ситовскій, Рафаилъ. Сообщ. «Знаменательныя цифры», 911.
Скалонъ, Н. А., бывш. восп-къ Николаев. Кавалер. учил., 712.
Скворцовъ, протоіерей, 781.
Скобелевъ, Ив. Никит., ген., 1829 г., 124.
Скобельцина, г-жа, 1824 г., 185.
Слѣпцовъ, генер., 304.
Смирнова, рожд. Россетти, 39.
Смѣльскій, протоіерей, 1879 г., 568.
Собко, Никл. Петр. Состав. біографич. очеркъ: «Жизнь и произведенія гравера Л. А. Сѣрякова, 1824—1881 г., 423—442.
Соколовъ, проф., 438.
Соколовъ, Мих. Александр., протоіер., чл. сов. саратовс. женск. епарх. учил., 1879 г., 567, 568.
Солнцевъ, Өед. Григ., проф. худож., 437.
Соловьевъ, Серг. Мих., акад. проф., историкъ, р. 1820 † 1879 г., 682, 897.
Соловьевъ, Яковъ Александр., тн. сов., сенат., непремѣн. чл. Редакц. коммис., † 1876 г. Записки его о крестьянскомъ дѣлѣ 1856—1859 года, 211—246, 372, 721—756, 896, 897.
Соловьевъ, Ө., студ. спб. ун., 1837 г., 372.
Сперанскій, гр., Мих. Мих., чл. госуд. сов., р. 1772 † 1839 г., 215, 216, 243, 447, 448, 495.
Спиридовъ, Ив. Матв., маіоръ, декабр. † 1854 г., 822.
Спѣшневъ, Ник. Алсдр., 1848 г., 695, 699.
Старнавскій, товар. оренбургс. прокурора, 1879 г., 866.
Стасовъ, Владм. Вас. Сообщ. изъ своихъ «Воспоминаній», очеркъ: «Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ», 393—422, 573—602; упом. 441.
Степановъ, ротм. инвалидн. команд., 1827 г., 804.
Степановъ, П. А., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Стефани, уч-ца грав. Л. А. Сѣрякова, 1865 г., 438.
Стоинскій, волог. губ., 1857 г., 746, 753.
Стокаленко, чиновн. особ. поруч. при оренбургс. ген.-губернат., 1879 г., 865.
Строгановъ, гр., А. Д., 1839 г., 216.
Строгановъ, гр., Серг. Григор., бывш. попеч. моск. учебн. окр., 1837 г., 437, 605.
Стрѣкаловъ, ген.-адъют., 1825 г., 505.

Студитскій, учитель, 427.
Стюрлеръ, полковникъ † 1825 г., 497, 507, 508.
Стюрлеръ, А. Н., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Суворинъ, А. С. издат. газеты «Новое Время», 440.
Суворовъ-Рымникскій, кн. Италійскій, Александръ Аркадіев., ген.-адъют. Сообщ. Разсказъ изъ его воспоминаній «лб.-гвардіи конный полкъ 14 декаб. 1825 г.,» 205—210; письмо его къ редак. «Рус. Стар.», 365—366; уп. 449—452, 572.
Суворовъ-Рымникскій, кн., Алсд. Васил., генералиссимусъ, р. 1728 † 1800 г., 463, 464.
Сукинъ, генер., комендантъ Петропавлов. крѣп., 1825 г., 502, 503, 515, 517, 799.
Сумароковъ, генер., 1829 г., 115.
Супрунъ, кирасиръ, 1825 г., 209.
Суттофъ, Алексд. Никол., поруч. лб. гв. гренадерс. полка, декабр., 207, 497, 820.
Сухаревъ, А. А., полковой адъют. лб. гв. конн. полка, 1825 г., 206.
Сухозанетъ, ген.-адъют., 1826 г., 28, 498.
Сухомлинъ, Ив. Ив., помѣщ. полтавс. губ., 1828 г., 390.
Сухтеленъ, гр., г.-адъют., 1828 г., 40, 112.
Сѣрова, Софія Никл., 1836 г., 585, 599.
Сѣровъ, Алсд. Никл., восп-къ Учил. Правов., 1837 г., вноcл. композит., р. 1820 † 1871 г., 580, 585, 586.
Сѣровъ, Никл. Ив., 585, 591, 598.
Сѣрякова, Любовь Александр., рожд. Тицъ, 439.
Сѣряковъ, Лаврентій Авксент., акад. граверъ на деревѣ, р. 1824 † 2 янв. 1881 г. Жизнь и произведенія его, 423—443, 681—688; гравиров. имъ портр. кн. Мих. Илл. Голенищева-Кутузова, 211 и импер. Александра II, 721, упом. 466, 678, 897.

Талгикъ, наибъ, начальн. чеченцевъ, 1852 г., 281.
Танайсовъ, восп-къ духовн. семинаріи, 552.
Танѣевъ, Алсд. Серг., статсъ-секрет., 1839 г., 216, 755.
Тарасовъ, Дмт. Клементьев., почетный лейбъ-хирургъ, 1854 г., р. 1792 г., 613.
Тархановъ, кн., подполковн., начал. Шушинскаго уѣзда на Кавказѣ, 1851 г., 650, 661, 665.
Татищевъ, гр. Никл. Алексѣев., воен. мн—ръ, 1825 г., 503.
Терезія, принцесса Ольденбургская, супруга принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, р. 1815 † 1871 г., 393.
Тестовъ, декабр., 809.
Тидебель, 1855 г., 869.
Тизенгаузенъ, Вас. Карлов., полковн., декабр., † 1858 г., 809.
Тизенгаузенъ, гр-ня, Елизав. Мих., рожд. Голенищева-Кутузова, 1813 г., 465.
Тиличевъ, владимірс. губерн., 1857 г., 748.
Тимановскій, А., оренбург. губернскій прокуроръ. Сообщ. очеркъ: «Оренбургскіе пожары», 1879 г.,» 851—868.
Тимашевъ, А. Е., нач. штаба шефа жандарм., 1856 г., впослѣд. мн-ръ внутр. дѣлъ, 1875 г., 233, 712, 869.
Тимоѳей, іеромонахъ, началн. типографіи Кіево-печерс. лавры, 1860 г., 436.
Тихонъ, іеромонахъ, инспект. духовн. семин., 759, 760.
Тицъ, Любовь Александ., въ замуж. Сѣрякова, 439.
Товбичъ, Василій Осипов., исправникъ 1828 г., 390.
Толбинъ, 1858 г., 432.
Толстой, гр., Дмит. Алсд. мн-ръ народн. просвѣщ., 1866 г., 631—633.
Толстой, гр., Д. И., Калужс. губернат., 1857 г., 745.
Толстой, гр., Петръ Алексд. ген.-инж., 1826 г., 28, 112, 119, 215.
Толстой, гр., Ѳед. Петр., тн. сов., вице-презид. акад. худож., худож.-медальеръ, р. 1783 † 1873 г., 183.
Толь, бар., Карлъ Ѳедор., ген.-адъют., начальн. штаба арміи, 1829 г., р. 1777 † 1842 г., 91—121, 842, 843.
Толь, гр. К., студ. спб. университета, 1836 г., 368.
Торсонъ, Конст. Петр., капит.-лейт., декабр., † 1851 г.. 809.

Тотлебенъ, гр., Эдуардъ Ив., генералъ-адъют., 869.
Траскинъ, подпоруч., 1826 г., 30, 34, 41, 42, 840, 846, 850.
Трегубовъ, адъют., 1828 г., 106.
Трескинъ, сибирс. губернат., 803.
Троицкій, Иванъ, свящ., 347—349.
Трубецкая, кнг., жена декабр., 802, 805.
Трубецкой, кн., Серг. Петр., полковн. лб. гв. преображен. полка., декабр. † 1860 г., 498, 500, 817 820.
Трусовъ, Ф. И., плацъ-адъют. Петропав. крѣп., 1825 г., 506, 511—515, 799.
Тургеневъ, Алексд. Ив., писат., 222, 224.
Тургеневъ, Никл. Ив., писат., декабр., 222, 224, 453.
Турчаниновъ, священ., 1837 г., 585.
Тучковъ, 1823 г., впосл. московс. ген.-губернат., 876, 877.
Тучковъ, Сергѣй, ген., Измаиловскій градонач., 1828 г., 383.
Тучковъ, Пав. Алексѣев., штб.-кап., 1826 г., 30, 216.
Тышкевичъ, гр., Кіевс. губернс. предвод. дворянс., 1828 г., 846.

Уваровъ, гр. Серг. Семенов., мн-ръ народн. просвѣщ., 461, 607.
Угричъ-Требинская, Анна Максимовна, 1828 г., 390, 391.
Уестъ, герцогъ, начальн. Ордена Іоаннитовъ, 1870 г., 635.
Унковскій, А. М., тверс. губернс. предводит. дворянс., 1857 г., впослѣд. присяж. повѣр., 1875 г., 749, 750.
Урусова, княж., Софія Алексдр., въ замуж. кнг. Радзивилъ, 1826 г., 39.
Урусовъ, кн., адъют., 1829 г., 106.
Урусовъ, кн., 1855 г., 369.
Урусовъ, кн., А. А., восп-къ Николаев. Кавалер. учил., 712.
Устряловъ, Никл. Герасимов., проф. спб. унив., 1837 г., историкъ, † 1870 г., 371.
Уткинъ, Никл. Ив., профес.-граверъ, 1853 г., 431.
Ушаковъ, штб. капит., помѣщ. новгород. губ., 1857 г., 751, 752.

Фадѣевъ, генер., 1859 г., 216.
Фаленбергъ, Петръ Иван., подполк. генеральн. штаба, декабр., 513, 805, 812, 816.
Фельдгаузенъ, А. Ф., офиц.-морякъ, 1855 г., 718.
фонъ-Фелькерзамъ, дс. ст. сов., лифл. гражд. губернат., 1830 г., 448.
Филаретъ, (Гумилевскій) въ мірѣ Дмитрій Григор., еписк. рижскій съ 1841—1858 г., впослѣд. архіеписк. черниговс., р. 1805 † 1866. Біографическій о немъ очеркъ, 781—798.
Филаретъ, (Дроздовъ), митроп. московс. и коломенскій съ 1826—1867 г., р. 1782 † 1867 г., 70, 341, 781—793.
Филиповъ, Пав. Никол., 1848 г., 695, 699.
Филипповъ, Н. П., инспект. студентовъ спб. унив., 1837 г., 375, 376.
Фирксъ, бар., А. А., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Фоксъ, посланникъ Американской республики, 18 г., 653, 654.
Фокъ, Петръ, 1818 г., 183.
Фонъ-Визинъ, Мих. Алексд., отставн. ген.-маіоръ, декабр., † 1854 г., 513, 463, 804.
Фонъ-Визинъ, Наталья Дмитр., жена декабр., 801, 807, 810.
Фонъ-деръ-Паленъ, гр., команд. 2-ю корп. русс. арміи, 1828 г., впослѣд. рижс. воен. генер.-губернат., 1830 г., 103, 107, 108, 448, 785.
Фонтонъ, 1829 г., 111.
Францъ I, импер. австрійс., 465.
Фрейтагъ, генер., 1847 г., 276, 297.
Фридерихсъ, предвод. дворянс. ямбургс. уѣз., 1854 г., 726, 727.
Фридериксъ, офиц. московскаго полка, 1825 г., 508.
Фроловъ, Алексѣй Филиппов., поруч. декабр., 810.
Фроловъ, И. С., восп-къ царскосельс. Лицея, 1825 г., впослѣд. ген.-ад., сенат. † 1879 г., 192, 194, 525.
Фулонъ, И. А., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.

Хаджи-Ага, начальн. Илисуйскаго владѣнія, 1852 г., 664, 674.
Хаджи-Муратъ, наибъ Аварскій, сподвижникъ Шамиля, † 1852 г., 655—679.
Хватовъ, офиц. кирасирскаго полка, 1825 г., 209.
Хилковъ, кн., ген.-лейт., 1826 г., 28, 29, 33.
Хлѣбниковъ, докт.-хирургъ, 1854 г., 613.
Хованскій, кн., ген.-инф., витебс. и могилевс. ген.-губернат., 1828 г., 841.
Ховенъ, полковн., адъют. генер. Витгенштейна, 1829 г., 111.
Холодковскій, А. Д., управл. канцел. оренбургс. ген.-губернат., 1879 г., 856, 865.
Хорошуновъ, Ѳ., священ. Статья его: «Филаретъ Гумилевскій, архіепископъ черниговскій», 1805—1866, 785—798.
Храповицкій, ген., 1829 г., 107, 888.
Храповицкій, М. П., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Хрулевъ, Степ. Алсдр., ген.-лейт., 1855 г., 203, 882—887.
Хрущевъ, корнетъ лб. гв. коннаго полка, 1825 г., нынѣ шталмейст., 210.
Хрущовъ, камергеръ, 1826 г., 37.
Хрущовъ, Д. П. бывш. товар. мн-ра госуд. имущ., 234, 236, 240, 244.

Цани, (Zani) музыкантъ секрет. чл. Общ-ва свиней, 1824 г., 186.
Цвѣтковъ, Н. А., благочинный, 538.
Цебриковъ, Никол. Романов., поруч. лб. гв. финляндс. полка, декабр., † 1866 г., 502, 504.
Цейдлеръ, иркутс. губернат., 837.
Цейдлеръ, М. И., бывш. воспитанникъ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Церебровскій, о. Михаилъ, священ., 536.
Циммерманъ, 1855, г. 869.
Цицiановъ, кн., Пав. Дмит., Кавказ. главнокоманд., † 1806 г. 223, 252, 292, 297, 303, 680, 908, 910.
Цыпровскій, благочинный, 538, 539.

Чаплыгинъ, восп-къ Учил. Правовѣд., 1836 г., 590, 591, 600.
Чатамъ, лордъ, военн, губернат. гибралтарскій, 1824 г., 9, 10.
Чевкинъ, Конст. Влдм., ген.-адъют., р. 1803 † 1875 г., 30, 34, 41, 229, 232, 241—246, 734, 896.
Челищевъ, А. А., бывш. воспитанникъ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Черевинъ, П. А., бывш. воспитанникъ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Черкасовъ, бар., Алексѣй Ив., лейт., декабр., † 1855 г., 1.
Чернецкій, полковн., 1861 г., 199.
Чернышевскій, Никл. Григор., студ. спб. универс., 1848 г., 693.
Чернышевъ, кн., Алсд. Ив., ген.-адъют. военн. мн-ръ, р. 1786 † 1852 г., 104, 115, 120—127, 267, 428—432, 449, 503—511, 520, 658—665.
Чернышевъ, гр., Зах. Григор., ген.-фельдмарш., бѣлорусс. ген-губернат., р. 1722 † 1784 г., 841.
Чернышевъ, гр., Захаръ Григор., ротмс. Кавалергард. пол., декабр., † 1862 г., 811.
Чижовъ, Ѳед. Васил., проф., 191.
Чичеринъ, Петръ Александр., ген.-адъют. 1826 г., 28, 524.

Шакѣевъ, А. В., проф. спб. универс., 1837 г., 370, 371, 713.
Шамиль, имамъ Чечни и Дагестана, † 1871 г., 251—317, 655—679, 896.
Шаховской-Глѣбовъ-Стрешневъ, кн., М. В., бывш. восп-къ Николаевскаго Кавалер. учил., 712.
Шелихова, Марья Ѳедор., оперн. арт., 1836 г., 174, 176.
Шемаевъ, Вас. Антонов., оперн. арт. † 1852 г., 174, 177.
Шереметева, Пелагея Васил., въ замуж. гр-ня **Муравьева**, 841.
Шереметевъ, полковн., 1825 г., 500.
Шереметевъ, гр., мн-ръ госуд. имущ., 226, 242.
Шестакова, Людмила Ив., рожд. Глинка. Сообщ. Первоначальный планъ оперы

М. И. Глинки «Жизнь за Царя», 1835 г., 173—180.
Шильдеръ, Карлъ Андр., генер.-адъют. р. 1785 † 1854 г., 129.
Шильдеръ, Никл. Карл., генер.-маіоръ. Статья его: «Война Россіи съ Турціей въ 1829 г.», 91—104; сообщ. письмо М. М. Сперанскаго къ имп. Александру Павловичу 9-го іюля 1814 г. изъ Перми, 447—448; рапортъ ген.-инф. маркиза Паулуччи имп. Николаю I, 1830 г., 448—449. Біографич. замѣтка: «Мих. Илл. Голенищевъ-Кутузовъ», 463—464.
Шимкевичъ, проф., 781.
Шимкова, М. А., нач-ца саратовс. женскаго епархіальн. учил., 1879 г., 567, 568.
Шипшинъ, офицеръ морскаго полка, 1825 г., 508.
Шиповъ, генер., 1825 г., 495.
Шишковъ, Алексд. Семен., адмиралъ, мн—ръ народн. просвѣщ., писатель, р. 1763 † 1841 г., 222—224.
Шишковъ, Ив. Өедор., прапорщ., декабр., † 1837 г., 513, 804, 809, 813.
Шишковы—братья, студенты спб. унив., 1837 г., 372.
Шкотъ, Пав. Яковл., вице-адмиралъ, р. 1814 † 16 декб. 1880 г. Некрологъ его, 715—720.
Шлегель, старш. докт. при главной квартирѣ, 1829 г., 130.
Шмитъ, К. К., бывш. восп-къ Николаев. Кавалер. учил., 712.
Шнейеръ, лейт., 1824 г., 1.
фонъ-Штакельбергъ, бар., А. К., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Штакельбергъ, бар., К. А., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
фонъ-Штакельбергъ, бар., К. К., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Штейнгель, бар., Влдм. Ив., отставн. подполк., декабр., †1862 г., 809, 810, 817.
Штекгардтъ, проф., 1838 г., 581.
Шубертъ, Карлъ, арт.-віолончелистъ, 1838 г., 580.
Шуваловъ, гр., студ. спб. универс., 1836 г., 368.
Шуваловъ, гр., П. И., спб. предводит. дворянс., 1857 г., 729.
Шульгинъ, И. В., проф. спб. универс., 1837 г., 370, 371.
Щелковъ, Алексѣй Дм., 1848 г., 694, 699.
Щепинъ-Ростовскій, кн., Дмит. Александр., штаб.-капит. лб.-гв. московс. полка, декабр., † 1859 г., 497, 508, 809.
Щербатовъ, кн., А., студ. спб. универс. 1836 г., 368.
Щукинъ, калужск. предвод. дворянс., 1857 г., 745.
Эйлеръ, въ замуж. **Зубова**, 1826 г., 39.
Эссенъ, А. А., бывш. восп-къ Николаевс. Кавалер. учил., 712.
Юнкеръ, капит. 1-го ранга, 1840 г., 715.
Юноша, Петръ Алексѣев., ген.-маіоръ, оренбургс. губерн. воинс. начальн., 1879 г., 855.
Юрасовъ, Н. И., художн.-живописецъ. Сообщ. «Послѣдніе годы жизни акад.-гравера Л. А. Сѣрякова», 681—683.
Юсупова, кнг. Зинаида, рожд. **Нарышкина**, во втор. замуж. гр-ня **Шово-де-Сферъ**, 39.
Юсуповъ, кн., Никл. Бор., 1826 г., 37—39.
Юшневская, жена декабр., 807.
Юшневскій, Алексѣй Петров., декабр. † 1844 г., 807, 809, 812, 820.
Языковъ, Д. Сообщ. Замѣтку: «М. Д. Деларю», 191.
Языковъ, Н. М., бывш. студ. дерптс. унив., 1837 г., писат., 369.
Яковлевъ, помощн. стат.-секрет., 1840 г., 403, 404.
Якубовичъ, Алексд. Ив., капит., декабр., † 1845 г., 496, 498, 500, 507, 517.
Якушкинъ, Евгеній Ив., 801.
Якушкинъ, Ив. Дитр., капит. лб-гв. семен. полка, декабр., † 1857 г., 801.
Яненко, Я. Я., граверъ, 440.
Янтальцева, жена декабр., 807.
Янтальцевъ, Андрей Васил., подполков., декабр., † 1845 г., 807.
Яшвиль, кн., ген. отъ артил., 1820 г., 842—844.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ изд. 1881 года.

ТОМЪ ТРИДЦАТЫЙ.

ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ, МАРТЪ, АПРѢЛЬ.

Записки и Воспоминанія.

стр.

I. Воспоминанія Александра Петровича **Бѣляева**: пережитое и перечувствованное съ 1803 года. Главы VIII—XIII, 1827—1832 гг. . . 1—26, 487—518 и 799—838

1) Замѣтка къ „Запискамъ А. П. Бѣляева“. Сообщ. бар. А. Е. Розенъ . . . . 452—454

2) Замѣтка къ „Замѣткѣ бар. А. Е. Розена“. Сообщ. А. П. Бѣляевъ . . . . 454—455

II. Записки князя Николая Сергѣевича **Голицына**, 1825—1855 гг. Гл. IV—VII: Походъ части гвардіи въ Москву на коронацію императора Николая Павловича.—Коронація и празднества 1826 г.—Лагерная жизнь въ Красномъ Селѣ 1827 г.—Приготовленія къ войнѣ съ Турціею и отправка арміи въ походъ 1828—1829 гг. 27—42, 519—526, 839—850

1) Замѣтка къ „Запискамъ кн. Н. С. Голицына“. Сообщ. С. Палицынъ. 192—194

2) Замѣтка къ „Замѣткѣ“ С. Палицына. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ . . . . 194—195

3) Лейбъ-гвардіи Конный полкъ 14-го декабря 1825 г. Разсказъ къ „Зап. кн. Н. С. Голицына“. Сообщ. кн. А. А. Суворовъ-Рымникскій. . . . . 205—210

4 Замѣтка: 14-го декабря 1825 г. Сообщ. кн. Н. С. Голицынъ 449—452

стр.

III. Училище Правовѣдѣнія сорокъ лѣтъ тому назадъ. Воспоминанія В. В. Стасова . . . . 393—422, 573—602

IV. Записки сенатора **Я. А. Соловьева** о крестьянскомъ дѣлѣ: Главы I—II. Время до открытія губернскихъ комитетовъ.—Комитеты 1826 и 1839 гг.—Взглядъ Императора Александра Николаевича на крестьянское дѣло.—Выраженіе Его воли объ уничтоженіи крѣпостнаго состоянія.—Рѣчь Государя къ дворянамъ въ Москвѣ 30-го марта 1856 г.—Назначеніе членомъ комитета Вел. Кн. Константина Николаевича.—Переговоры съ предводителями въ Москвѣ во время коронаціи.—Рескриптъ 20-го ноября 1857 г. объ открытіи губернскихъ комитетовъ виленскимъ генер.-губернаторомъ. Адресы, рескрипты, губ. комитеты. . 211—246, 721—756

V. Записки **сельскаго священника**. Гл. XLIV — LXV. 43—90, 333—365, 527—572, 757—780

1) Письмо кн. Италійскаго гр. А. Суворова Рымникскаго, къ Редактору „Русской Старины" отъ 6-го янв. 1881 г. . . . 365—366

2) Письмо Сельскаго Священника къ редактору „Русской Старины" отъ 5-го февраля 1881 г. . . . . стр. 572

Изслѣдованія и историко-біографическіе очерки.

I. Война Россіи съ Турціей въ 1829 г. Статья Н. К. Шильдера . . . . 91—104

II. Осипъ Ивановичъ **Гладкій**, кошевой атаманъ Запорожской Сѣчи 1789—1866 гг. Біографическій очеркъ. Сообщ. отставной полковникъ Вас. Осипов. Гладкій. 381—392

III. Филаретъ **Гумилевскій**, архіепископъ Черниговскій, р. 1805 † 1866 г. Гл. I—IV. Историко-біографическій очеркъ. Сообщ. свящ. Ѳ. Хорошуновъ . . . 781—798

IV. Генералъ-фельдмаршалъ кн. Александръ Ивановичъ **Барятинскій** и Кавказская война, 1815—1879 г. Составилъ генеральнаго штаба, генер.-лейт. Д. И. Романовскій. . . . . 247—318

стр.

1) Замѣтка къ статьѣ: „А. И. Барятинскій и Кавказская война". 444
2) Замѣтка къ статьѣ „Ген.-фельдмаршалъ кн. А. И. Барятинскій". Сообщ. И. Ѳ. Золотаревъ 680
3) Кн. М. С. Воронцовъ и кн. А. И. Барятинскій, по поводу замѣтки И. Ѳ. Золотарева. Сообщ. Д. И. Романовскій . . 908

V. Иванъ Петровичъ **Голевъ**, 1805—1880 г. Біографическій очеркъ. Сообщ. П. В. Алабьинъ. . . 869—890

VI. Николай Ивановичъ **Пироговъ**, 1831—1881 г. Его профессорская, ученая и общественная дѣятельность. Составилъ I. В. Бертенсонъ . . . . . . 603—647

1) Письмо баронессы Массенбахъ, статсъ-дамы Королевы Виртембергской, Вел. Княгини Ольги Николаевны, Никл. Ив. Пирогову, 31-го октября 1881 г. 648
2) Перечень трудовъ Н. И. Пирогова въ области медицины. 649—650

VII. Николай Михайловичъ **Пржевальскій**. Предложеніе Гласнаго М. И. Семевскаго о поднесеніи Н. М. Пржевальскому званія почетнаго гражданина г. С.-Петербурга, сдѣланное въ засѣданіи С.-Петерб. городской думы 14-го янв. 1881 г. . . . . 651—654

VIII. Украинофильство. Статья профессора Н. И. Костомарова. . . . . 319—322

IX. Императоръ Александръ II Николаевичъ. 891

X. Собственноручныя замѣтки Императора Александра Николаевича, сдѣланныя имъ на Запискахъ сенатора Я. А. Соловьева о крестьянской реформѣ и высочайшій рескриптъ 19-го октября 1863 г. Великому Князю Константину Николаевичу . . . . 903 и 913

XI. Рѣчь Гласнаго С.-Петербургской городской думы, М. И. Семевскаго, сказанная имъ въ собраніи городской думы, 4-го марта 1881 г. 898

XII. Проэктъ сооруженія церкви на мѣстѣ, гдѣ пролита кровь Царя-Освободителя. Сообщили И. С. Мусинъ-Пушкинъ и Ѳед. Ѳед. Львовъ 906

XIII. Свѣтлѣйшій князь Александръ Михайловичъ **Горчаковъ**. Двадцатипятилѣтнее его управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Напоминаніе о днѣ его юбилея 18-го апрѣля 1881 г. 912

Переписка, разсказы, очерки, замѣтки.

Царствованіе Екатерины II.

стр.

I. Михаилъ Илларіоновичъ Голенищевъ-Кутузовъ, 1745—1813 г. Замѣтка къ его портрету, гравированному акад. Л. А. Сѣряковымъ. Сообщ. Н. К. Шильдеръ . . 463—464

Царствованіе Александра I.

I. Письмо М. М. Сперанскаго къ императору Александру Павловичу 9-го іюля 1814 г. изъ Перми. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. . . . . 447—448

II. Проектъ устава общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія Беля и Ланкастера 1818 г. Сообщ. профессоръ Н. И. Барсовъ . . . . 181—183

III. Общество свиней и изгнаніе его членовъ за-границу въ 1824 г. Сообщ. И. И. Ореусъ . . . . 183—186

Царствованіе Николая I.

I. Доносъ въ 1826 году на графа Н. С. Мордвинова, А. А. Закревскаго, П. Д. Киселева, кн. А. Н. Голицына, Балашева и А. П. Ермолова. Сооб. И. И. Ореусъ . . 187—190

II. Императоръ Николай Павловичъ и графъ Дибичъ-Забалканскій. Переписка во время Русско-Турецкой войны, 1829 г. . . . . 105—130

III. Рапортъ ген.-отъ-инфант. маркиза Паулуччи императору Николаю Павловичу, 1830 г. Сообщ. Н. К. Шильдеръ. 448—449

IV. Студенческія корпораціи въ Петербургскомъ Университетѣ въ 1830—1840 гг. Изъ воспоминаній бывшаго студента. 367—380

V. Хаджи-Муратъ, сподвижникъ Шамиля:
1. Письма о немъ М. С. Воронцова и разсказъ гр. М. Т. Лорисъ-Меликова, 1851—1852 и 1881 гг. 655—679
2. Замѣтка изъ «Записокъ» М. Я. Ольшевскаго. 677—678

VI. Князь Михаилъ Дмитріевичъ Горчаковъ:
1. Замѣтка Н. В. Берга, въ отвѣтъ на возраженія на статью его . . . . 195—203
2. Замѣтка на возраженіе Н. В. Берга. Сообщ. кн. А. И. Васильчиковъ 204
3. Замѣтка: Генералъ Затлеръ и кн. М. Д. Горчаковъ. Сообщ. Александра Затлеръ. . . . . 455—456

Царствованіе Александра II.

стр.
I. Записка Б. П. Обухова, Псковскаго губернатора, 1867 г. 131—161
II. Примѣчанія Ю. Ѳ. Самарина къ запискѣ одного изъ прежнихъ губернаторовъ 1867 г. . . . . 131—161
III. Отвѣтъ Псковскаго помѣщика на записку Псковскаго губернатора 1868 г. Сообщ. кн. А. И. Васильчиковъ. 162—172
IV. Оренбургскіе пожары 1879 года. Очеркъ. Сообщ. А. Тимановскій . . . . 851—868
V. Павелъ Яковлевичъ Шкотъ, вице-адмиралъ. † 16 декабря 1880 г. Некрологъ . . . . 715—720
VI. Знаменательныя числа. Сообщ. Р. Ситовскій . . 911

Царствованіе Александра III.

I. Манифестъ и указъ 1-го марта 1881 г. I
II. Циркулярная депеша статсъ-секретаря Гирса, 4-го марта 1881 г. III

Исторія русской литературы.

I. Герасимъ Петровичъ Павскій:
1. Пѣснь пѣсней или превосходная пѣснь. Переводъ съ еврейскаго. Сообщ. Г. А. Орловъ . . . . . . 467—486
II. Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ:
1. Пушкинская выставка въ С.-Петербургѣ, 1880 г. 456—462
2. Къ характеристикѣ отношеній Л. В. Дубельта къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, 1840 г. Сообщ. А. А. Краевскій. 714
III. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ:
1. Лермонтовскій Музей въ Николаевскомъ Кавалерійскомъ училищѣ въ С.-Петербургѣ, основанный въ 1881 г. 709—714
IV. Михаилъ Дмитріевичъ Деларю:
1. Замѣтка къ его стихотворенію «Красавицѣ». Сообщ. Д. Языковъ 191
V. Ѳедоръ Васильевичъ Чижовъ:
1. Замѣтка къ исторіи славянофиловъ 1852—1853 г. Сообщ. въ 1875 г. П. И. Мартосъ 191
VI. Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій, † 28 янв. 1881 г.
1. Воспоминанія о немъ А. П. Милюкова . . . 691—708
2. Выраженіе сочувствія къ его памяти С.-Петербургской Городской Думы . . . . 681—682

Исторія музыки и художествъ.

стр.

I. Михаилъ Ивановичъ Глинка:
1. Первоначальный планъ оперы «Жизни за Царя» 1835 г. Сообщ. Л. И. Шестакова, рожд. Глинка, съ предисловіемъ и примѣчаніями къ «Жизни за Царя». Сообщ. В. В. Никольскій . . . . 173—180

II. Лаврентій Авксентьевичъ Сѣряковъ, граверъ на деревѣ, академикъ, р. 1824 † 2 янв. 1881 г.
1. Жизнь и произведенія его. Очеркъ. Составилъ и сообщ. Н. П. Собко . . . . 423—443
2. Послѣдніе годы его жизни. Сообщ. Н. И. Юрасовъ. 683—685
3. Погребеніе Сѣрякова и надгробное слово от. С. В. Протопопова. Сообщ. Л. А. . . . . 685—690

Иванъ Өодоровичъ Горбуновъ:
1. Шутка-поддѣлка: Челобитная XVII столѣтія. . . . 204

Портреты.

I. Представители державной власти въ Россіи, 1682—1880 гг. Рисунокъ составилъ проф. А. Шарлемань, рисовалъ К. О. Брожъ, гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. заглавную віаьетку).

II. Портретъ императора Павла Петровича, геліографическій снимокъ съ гравюры Клаубера 1797 г. Снимокъ исполненъ г. Скамони въ Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.
(См. стр. 100).

III. Портретъ Императора Александра Николаевича. Гравировалъ въ январѣ 1880 г. по фотографіи 1878 г. Академикъ Л. А. Сѣряковъ. [второе изданіе этого портрета] и снимокъ съ подписи покойнаго Императора.
(См. стр. 721 и 897).

IV. Портретъ Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова, 1774 г. Рисовалъ на деревѣ К. О. Брожъ. Гравировалъ Академикъ Л. А. Сѣряковъ.
(См. стр. 211).

V. Портретъ Хаджи-Мурата, 1852 г. Рисовалъ съ литографіи и гравировалъ художникъ Г. И. Грачевъ, ученикъ Акад. Л. А. Сѣрякова.
(См. стр. 678).

VI. Портретъ Николая Ивановича Пирогова. Рисовалъ съ фотографіи и гравировалъ на деревѣ художн. Г. И. Грачевъ, ученикъ Акад. Л. А. Сѣрякова.
(См. стр. 467).

I. Записки воспитателя великаго князя Павла Петровича Семена Андреевича Порошина, 1764—1766 гг. (См. въ приложеніи къ книгамъ I—IV, стр. 1—148).

I. Поправки и опечатки . . . . 444 и VIII
II. Указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся въ XXX томѣ „Русской Старины" изд. 1881 года . стр. I—XLIV
III. Систематическое оглавленіе XXX-го тома „Русской Старины" изд. 1880 года . . . . I—VIII

Библіографическій листокъ русско-историческихъ книгъ.

1. Дозорныя и переписныя книги древняго города Ростова. Изданіе А. А. Титова, съ предисл., планомъ древняго Ростова и двумя снимками съ рукоп. XVII в. М. 1880. 67 стр. (На оберткѣ 1-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
2. Значеніе крестьянъ въ русскомъ обществѣ во времена Русской Правды и разнообразныя названія, подъ которыми встрѣчаются крестьяне въ XII, XIII, XIV и XV стол. Историко-критическій очеркъ И. Кальнева, препод. одесс. 2-й гимназіи. Одесса. 1879. 33 стр. (Тамъ-же).
3. Исторія Серпухова въ связи съ Серпуховскимъ княжествомъ и вообще съ отечественною исторіею. Сочин. П. Симсона. XII+346 стр., съ 2 план., 4 фотолитогр. и приложеніями. М. 1880. (Тамъ-же).
4. Опытъ древней исторіи города Опочки. Изданіе Н. И. Кукольника, Псковъ, 1879. 148 стр. (Тамъ-же).
5. Историко-статистическое описаніе города Осташкова. Тверь. 1880. 151+IX, съ план. 1766 и 1872 гг. Авторъ его В. Покровскій. (На оберткѣ 2-й кн. «Русской Старины» 1881 г.).
6. Renseignements sur les archives de Russie. Edition de la commission d'impression des Lettres patentes et Traités, attachée aux Archives

principales de Moscou du Ministère des Affaires Etrangères. M. 1880. (На обертке 2-й книги «Русской Старины»).

7. Вторая турецкая война въ царств. Екатерины II, 1787—1791 г. Спб. 1880. Состав. генер. штаба полк. А. Н. Петровъ. Т. I. 1787—1789 г. Т. II. 1789—1791. 251+50; 237+48, съ картою. (На обертке 3-й кн. «Русской Старины». 1881).
8. Сочиненія Ю. Ө. Самарина. Т. V. Стефанъ Яворскій и Өеофанъ Прокоповичъ. Изд. Д. Самарина. М. 1880. XCII+463. (Тамъ-же).
9. Өеофанъ Прокоповичъ какъ писатель. П. Морозовъ. Спб. 1880. 402. (Тамъ-же).
10. Калевала. Финскій народный эпосъ. Перевелъ Э. Гранстремъ. Спб. 1881. Спб. VII+242 стр. въ 8 д. л. Ц. 2 р. (На обертке 4-й книги «Русской Старины» 1881 г.).
11. Статистическое описаніе Сибирскаго казачьяго войска. Составилъ Ө. Усовъ. Изд. главн, управл. иррегулярн. войскъ. Спб. 1879. 284—42, съ картою. Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ-же).
12. Ежегодникъ Владимірскаго губерн. статистич. комитета. Т. III. Владиміръ. 1880. 376 (столбцевъ). Ц. 1 р. 50 к. (Тамъ-же).
13. Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. II. 1880. 557 стр. Съ 2 портретами (граф. Нат. Дем. Разумовской,—иначе казачка Разумиха, и гр. А. К. Разумовскаго, быв. мин. нар. просв.) (Тамъ-же).

Всѣ замѣтки въ библ. листкѣ, кромѣ 10, сообщ. Профес. В. С. Иконниковъ.

Опечатки въ XXX-мъ томѣ «Русской Старины».

					Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Январь	Стр.	17	18-я строка	снизу	аро ходъ	пароходъ
Февраль	»	337	10-я »	сверху	тревать	требовать
»	»	399	15-я »	снизу	солтата	солдата
»	»	431	1-я »	»	г. Сиряковымъ	г. Сѣряковымъ
»	»	437	слѣдующ. страница		538	438
»	»	447	7-я строка	сверху	труды	труда
»	»	452	16-я »	»	3825 года	1825 года
»	»	460	17-я »	»	Картинъ тѣтъ	Картинъ нѣтъ
Мартъ	»	586	слѣдующ. страница		687	587
»	»	595	3-я »	сверху	мызыкальными	музыкальными
Апрѣль	»	736	7-я »	сверху	по о предложеніи	ни о предложеніи
»	»	758	17-я »	»	кростьянскихъ	крестьянскихъ

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

„НАРОДНОЙ ШКОЛЫ."

Всѣ экземпляры нашего журнала за прошлый (1880) годъ разошлись по подпискѣ, о чемъ и было заявлено нами на оберткѣ первой книжки «Народной Школы» за этотъ годъ. Въ настоящее время, въ распоряженіи редакціи находятся еще, въ небольшомъ количествѣ, полные экземпляры «*Народной Школы*» за 1878 и 1879 гг., въ которыхъ были напечатаны нижеслѣдующія статьи: *А. И. Анастасіева*: 1) О возвышеніи педагогическаго уровня народныхъ учителей; 2) Воскресная школа при Порѣцкой учительской семинаріи *В. И. Ассонова*: 1) Учительскія семинаріи и народныя школы въ Финляндіи въ 1875—76 учебномъ году; 2) Вопросъ о народномъ образованіи на финляндскомъ сеймѣ 1877—78 г. *Л. П. Весина*: Къ вопросу о преподаваніи географіи въ народной школѣ. *В. И. Водовозова*: Патріархъ Никонъ и Крижаничъ. *В. С. Гербача*: критическіе разборы 9-ти книгъ по первоначальному обученію. *Я. Г. Гуревича:* критическая статья о книгѣ г. Петрушевскаго: «Разсказы про Петра Великаго». *Н. Домоховскаго*: Инородческія школы въ Россіи. *К. Ельницкаго*: Организація обученія въ школѣ съ однимъ учителемъ при ученикахъ различной подготовки. *Н. Н. Запольскаго:* 1) Къ вопросу объ обязательности первоначальнаго обученія. Сводъ мнѣній народныхъ учителей (двѣ статьи); 2) Иностранная хроника по народному образованію (въ Пруссіи и Саксоніи), двѣ статьи; 3) Образецъ протокола при ревизіи народныхъ училищъ; 4) О преподаваніи Закона Божія. *Н. Згурскаго:* Уроки естествовѣдѣнія, три статьи (съ чертежами). *И. П. Золотницкаго*: Объ улучшеніи архитектуры школьныхъ зданій. *В. И. Зимницкаго*: Условія и пріемы объяснительнаго чтенія (рядъ статей). *В. Э. Иверсена*: 1) О преподаваніи естественныхъ наукъ въ народной школѣ (три статьи); 2) Письма къ народнымъ учителямъ о вредныхъ насѣкомыхъ (три письма). *П. Ѳ. Каптерева*: 1) Методъ и его примѣненіе; 2) Спенсеръ, какъ педагогъ, и его русскіе критики (4 статьи). *Е. П. Карновича*: Повѣствованія изъ русской исторіи: 1) великая княгиня Ольга; 2) русскія лѣтописи; 3) извѣстія русскихъ лѣтописей о чрезвычайныхъ явленіяхъ природы; 4) печенѣги, торки, половцы, берендеи и черные клобуки; 5) войны русскихъ съ меченосцами; 6) хожденіе въ орду русскихъ князей; 7) псковское княжество; 8) великіе и удѣльные князья. *Барона Н. А. Корфа:* 1) Значеніе народной школы и педагогическихъ знаній для общества; 2) Парижская всемірная выставка (4 ст.) *А. А. Кочетова*: 1) Начальныя народныя училища Московскаго уѣзда; 2) Дѣятельность Маріупольскаго земства по народному образованію. *Всев. И Миропольскаго*: Историческій очеркъ народнаго просвѣщенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки (7 ст.). *Я. Т. Михайловскаго*: Очеркъ современнаго состоянія заграничной народной школы (двѣ статьи). *Н. Н. Островской*: Должно ли существовать наглядное обученіе, какъ отдѣльный предметъ? *Б. А. Павловича*: О подвижныхъ школахъ Швеціи и Норвегіи. *Е. Рейнбота*: О томъ, какъ человѣкъ выдѣлываетъ бумажную пряжу изъ хлопчатника и какъ червячокъ-шелкопрядъ самъ приготовляетъ шелковую пряжу. *И. С. Ремезова*: А. В. Ступинъ и его школа живописи.

А. Самуся: Помощь при начальномъ обученіи ариѳметикѣ (двѣ статьи съ чертежами). *Д. Д. Семенова*: Основы педагогическаго образованія народныхъ учителей въ Кубанской учительской семинаріи. *О. К. Семеновой*: Первый шагъ дитяти въ школѣ. *Ав. Ѳ. Соколова*: 1) О сліяніи звуковъ въ обученіи грамотѣ; 2) Отчего много времени тратится на прохожденіе букваря? *Д. И. Тихомирова*: 1) Отношеніе грамматики къ правописанію въ элементарномъ обученіи; 2) Экзамены на льготу при отбываніи воинской повинности. *В. И. Фармаковскаго*: 1) Учитель—сельскій писарь; 2) Наканунѣ реформы (изъ жизни нашей народной школы) *И. О. Фесенко*: 1) Вліяніе антипедагогической школьной обстановки на здоровье дѣтей; 2) Германскія ремесленныя школы (рядъ статей); 3) критическая статья о книгѣ г. Евстаѳіева: «Начальныя основанія педагогики, методики и дидактики». *И. И. Шалфѣева*: Первое пятилѣтіе Курской земской учительской школы, и проч. Кромѣ того, въ каждой книжкѣ «*Народной Школы*» помѣщалась «Педагогическая хроника» (А. П. Пятковскаго), въ которой подробно разсматривались всѣ важнѣйшіе вопросы, возникавшіе у насъ, за это время, въ сферѣ народнаго образованія, какъ напримѣръ: о дѣятельности разныхъ земскихъ собраній и городскихъ думъ на пользу начальной школы; объ обязательности обученія; объ улучшеніи матеріальнаго и нравственнаго положенія народнаго учителя; о подвижныхъ школахъ и пр. Въ отдѣлѣ «Политическихъ Извѣстій» разсказана была, въ связныхъ, послѣдовательныхъ очеркахъ, вся исторія русско-турецкой войны отъ паденія Плевны до занятія Санъ-Стефано. Въ отдѣлѣ „Разныхъ Извѣстій" сообщались свѣдѣнія, любопытныя для народнаго учителя, по части народнаго образованія, сельскаго хозяйства, общественной гигіены, а также крупные факты изъ нашей внутренней политической жизни.

Имѣя возможность сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ 1878—79 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ нынѣ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 9 руб. за оба года, *по 6 руб. съ пересылкою*. При подпискѣ же на текущій годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 10 руб. Лицамъ, приславшимъ уже деньги на журналъ 1880 г., за неимѣніемъ въ главной конторѣ экземпляровъ этого года, предлагается: дослать еще *полтора рубля* и получить, взамѣнъ требуемаго одного года, „Народную Школу" за 1878—70 гг. или засчитать высланную ими сумму на текущій годъ.

№№ 1, 2, 3 и 4 «Народной Школы» за 1881-й годъ вышли своевременно (1 янв., 1 февр., 1 марта и 1 апрѣля) со статьями: гг. *Виренiуса*, *Каптерева*, *Карновича*, *бар. Корфа*, *Михайловскаго*, *Вс. Миропольскаго*, *Пятковскаго*, *Ревенера*, *Фесенко*, *Шалфеева* и мн. др.

МОЖНО ПОЛУЧИТЬ ВЪ КОНТОРАХЪ РЕДАКЦІИ:

12 книгъ „РУССКОЙ СТАРИНЫ" изд. 1878 г.

съ приложеніемъ гравированныхъ **портретовъ: Александръ I; пасторъ Зейдеръ;** казненные въ 1739 г. князья **Долгорукіе—Василій Лукичъ и Иванъ Алексѣевичъ;** Г. В. **Новицкій.** Хромолитографированный (отпечатанный красками) портретъ **Н. В. Гоголя** (съ подлиннаго живописнаго портрета, писаннаго въ Римѣ А. А. Ивановымъ). Снимокъ съ автографа И. А. **Крылова.**

Въ 12-ти книгахъ «Русской Старины» за 1878-й годъ, девятый годъ изданія, между многими другими статьями напечатаны: Журналъ **В. Н. Зиновьева.**—Записки акад. **Тьебо.**—Записки пастора **Зейдера:** его страданія, казнь и ссылка въ 1800 г.—Послѣдніе дни жизни Александра I-го и императрицы Маріи Ѳеодоровны—Записки **кн. З. А. Волконской и Н. Чернышевой.—Кн. Ксаверій Друцкой-Любецкій**—очеркъ его государственной дѣятельности.—Записки артистки **Л. П. Никулиной-Косицкой.** — Записки доктора **Генрици:** война 1853—1855 гг. — Записки **А. Е. Попова**—начальника Севастопольскаго гарнизона съ 1-го октября по 1-е декабря 1854 г.—Воспоминанія **Т. П. Пассекъ. — Шамиль въ Калугѣ.**—Записки пристава.—Жизнь и сорока-двухъ-лѣтняя художественная дѣятельность **И. К. Айвазовскаго** (автобіографія).—Записки солдата-монаха **Назарова,** 1792—1839 гг.—Записки протоіерея **І. Виноградова,** 1800—1836 гг.—Дневникъ **пастора Губера:** холера въ 1830 г.—Воспоминанія ксендза прелата **Буткевича:** возстаніе въ Польшѣ въ 1830—1831 гг.—Записки **Н. С. Жиркевича:** въ Петербургѣ и Симбирскѣ 1834—1835 гг.—Очерки и разсказы **Э. И. Стогова:** ссыльно-каторжные въ восточной Сибири.—Сперанскій и Трескинъ въ Иркутскѣ.—На посту жандармскаго штабъ-офицера въ Симбирскѣ: бунты крестьянъ,—борьба дворянства съ губернаторами,—провинціальные романы,—пріѣздъ императора Николая и проч. — Изъ дневника **Варнгагена фонъ-Энзе,** 1845—1849 гг. — **Иннокентій,** архіепископъ Херсонскій и Таврическій.—**К. В. Чевкинъ** и управленіе имъ путями сообщеній. — Братья **Грузиновы:** военно-судное дѣло въ Черкасскѣ въ 1800 г.—**Венеціановъ**—первый бытовой живописецъ.—Его біографія.—Разсказы лейбъ-казака **И. И. Шамшева.**—«Вѣчный Жидъ»—поэма въ стихахъ **В. К. Кюхельбекера** (декабриста).—Родословная царствующаго дома **Романовыхъ.**—Баязедское славное сидѣнье съ 5-го по 28-е іюня 1877 г.—разсказъ вѣстника, посланнаго отъ осажденныхъ къ генералу Тергукасову за помощью.—Царь-горохъ—шутка-сатира.—«Митюха Валдайскій», зрѣлище въ трехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ.—Тропарь на день Преображенія Господня, соч. **Филарета,** митрополита московскаго, и проч. и проч.

Цѣна «Русской Старины» 1878 г.—12 книгъ съ портретами—8 рублей съ пересылкою и 11 руб. въ хорошемъ переплетѣ.

стой науки. Симпатичныя черты этого характера памятны всѣмъ, кто имѣлъ только съ нимъ какое либо соприкосновеніе. Некрологъ покойнаго напечатанъ недавно въ Журналѣ М—ства Нар. Просв.

Одиннадцать статей, помѣщенныхъ въ послѣднемъ томѣ, относятся къ Геродотовой Скиѳіи, въ древней и средневѣковой географіи Чернаго и Каспійскаго морей, къ исторіи Золотой Орды и Кіева, къ участію русскихъ въ дѣлахъ Болгаріи въ XIII и XIV стол. Въ концѣ этого труда приложены: карта Геродотовой Скиѳіи, факсимиле карты Чернаго м. П. Весконте, 1318 г. и топографич. таблица восточнаго берега Чернаго моря.

Ежегодникъ Владимірскаго губерн. статистич. комитета. Т. III. Владиміръ, 1880. 376 (столбцевъ). Ц. 1 р. 50 к.

Содержаніе настоящаго тома, по прежнему, разбито на нѣсколько рубрикъ. Въ матеріалахъ для статистики помѣщено нѣсколько очерковъ: 1) топографическо-статистическое описаніе Муромскаго уѣзда, Н. Г. Добрынкина; 2) заводы и фабрики въ г. Шуѣ и его уѣздѣ въ началѣ XIX ст. И. М. Лядова; 3) село Борисоглѣбское, Н. С. Стромилова; 4) о началѣ и возрожденіи промышленности бывшаго села Иванова въ XVI—XVIII стол. Г. Я. Гарелина; 5) топогр. описаніе Володимірской, Суздальской, Переславской-Залѣсской и Юрьевской польской провинціи городовъ въ 1760 г. И. М. Лядова; 6) губ. городъ Владиміръ въ 1877 г. А. П. Субботина. Въ матеріалахъ для этнографіи находятся статьи: проводы офеней въ дорогу и разговоръ ихъ на своемъ искусственномъ языкѣ, И. А. Голышова; старинныя преданія старожиловъ о прежнемъ с. Ивановѣ, Г. Гарелина. Въ матеріалахъ для исторіи и археологіи находятся статьи: 1) Памятники зодчества древней Суздальской области, Н. А. Артлебека; 2) Битва при р. Колочѣ въ 1177 г. К. Н. Тихонравова; 3) Деревян. церковь XVII в. Н. А. Артлебека; 4) Синодикъužsужд. Спасо-Евфиміева монастыря Изъ матер. К. Н. Тихонравова. Въ отдѣлѣ старинныхъ актовъ помѣщено 10 актовъ XVI—XVIII стол., а въ приложеніяхъ некрологъ К. Н. Тихонравова, указатель Владим. губ. вѣд. за 1878—79 гг. и протоколы статистическаго комитета.

Семейство Разумовскихъ. А. А. Васильчикова. Т. II. 1880. 557 стр. Съ 2 портретами (граф. Нат. Дем. Разумовской,—иначе казачка Разумиха, и гр. А. К. Разумовскаго, быв. мин. нар. просв.).

Второй томъ названнаго труда занятъ біографіями сыновей гр. Кирилла Разумовскаго: Алексѣя Кирилловича (23—114), Петра, Льва, Григорія и Ивана Кирилловичей. Въ началѣ предпосланъ очеркъ ихъ воспитанія, и вообще во всей книгѣ весьма много бытовыхъ данныхъ. Помимо того, въ приложеніяхъ авторомъ помѣщено множество матеріаловъ, изъ которыхъ особенный историческій интересъ имѣютъ: 1) бумаги, относящіяся до времени попечительства москов. учебн. округомъ гр. А. К. Разумовскаго; 2) пять писемъ гр. де-Местра къ гр. А. К. Р—му о народномъ образованіи (въ переводѣ); 3) письма попеч. моск. округа П. И. Голенищева-Кутузова къ гр. А. К. Разумовскому; 4) письма О. А. Поздѣева къ гр. А. К. Разумовскому; 5) рядная запись гр. Варвары Петр. Разумовской, рожд. гр. Шереметевой. Исключая послѣдней, имѣющей также бытовое значеніе, всѣ остальные матеріалы важны для исторіи просвѣщенія въ первой четверти XIX стол. и Московскаго университета въ частности. Изъ донесеній попечителя моск. округа министру народнаго просвѣщенія видно, какимъ тяжкимъ нареканіямъ подвергались лучшіе представители науки и литературы (Буле, Каразинъ и др.) со стороны отсталаго масона и только покровительство нѣкоторымъ изъ нихъ вел. кн. Екатерины Павловны заставляло, да и то впрочемъ не надолго, сдерживаться этого, черезчуръ навязчиваго въ своихъ требованіяхъ, менторa.

В. И.

„РУССКАЯ СТАРИНА"
1881 г.

ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, три большие тома и особый томъ приложенія, съ гравированными портретами русскихъ достопамятныхъ дѣятелей,

ВОСЕМЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается для **городскихъ** подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ главной конторѣ „Русской Старины", на Невскомъ проспектѣ, противъ Гостинаго двора, при книжномъ магазинѣ **Николая Ив. Мамонтова, д. № 46**. Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ главной конторы при книжныхъ магазинахъ: **И. Г. Соловьева**, на Страстномъ бульварѣ, д. Алексѣева, и **Ник. Ив. Мамонтова**, на Кузнецкомъ мосту, домъ Фирсанова.

☛ Гг. **Иногородные** обращаются исключительно: въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала **„Русская Старина"**, на Большую Подъяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „Русской Старинѣ" помѣщаются:

I. Записки (мемуары) и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія (монографіи), обзоры, очерки и разсказы объ отдѣльныхъ эпохахъ и событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вѣковъ.—III. Жизнеописанія и новые матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, духовныхъ и свѣтскихъ писателей, артистовъ и пр.—IV. Очерки и монографіи изъ исторіи русской литературы и искусствъ и матеріалы къ нимъ; неизданныя произведенія извѣстныхъ отечественныхъ писателей и артистовъ, ихъ переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники.—V. Библіографическія замѣтки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы, преданія и замѣтки.—Характерныя челобитныя, домашніе дневники, переписка, замѣтки и документы, рисующіе нравы русскаго общества прошлаго времени. VII. Народная русская словесность: историческія, бытовыя и сатирическія пѣсни.—Стихи и пѣсни духовные и сектантскіе.—Народ. повѣрья. VIII. Родословія русскихъ достопамятныхъ людей.

Можно получить въ конторахъ редакціи слѣдующія изданія журнала:

„Русская Старина" 1870 г., третье изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1876 г., второе изд., 12 кн., съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1877 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1878 г., двѣнадцать книгъ, съ портретами, 8 руб.
„Русская Старина" 1879 г., двѣнадцать книгъ, съ 12 портрет., 8 руб.
„Русская Старина" 1880 г., второе изд., 12 книгъ, съ 17 портрет., 8 руб.

Издатель-редакторъ **М. И. Семевскій.**